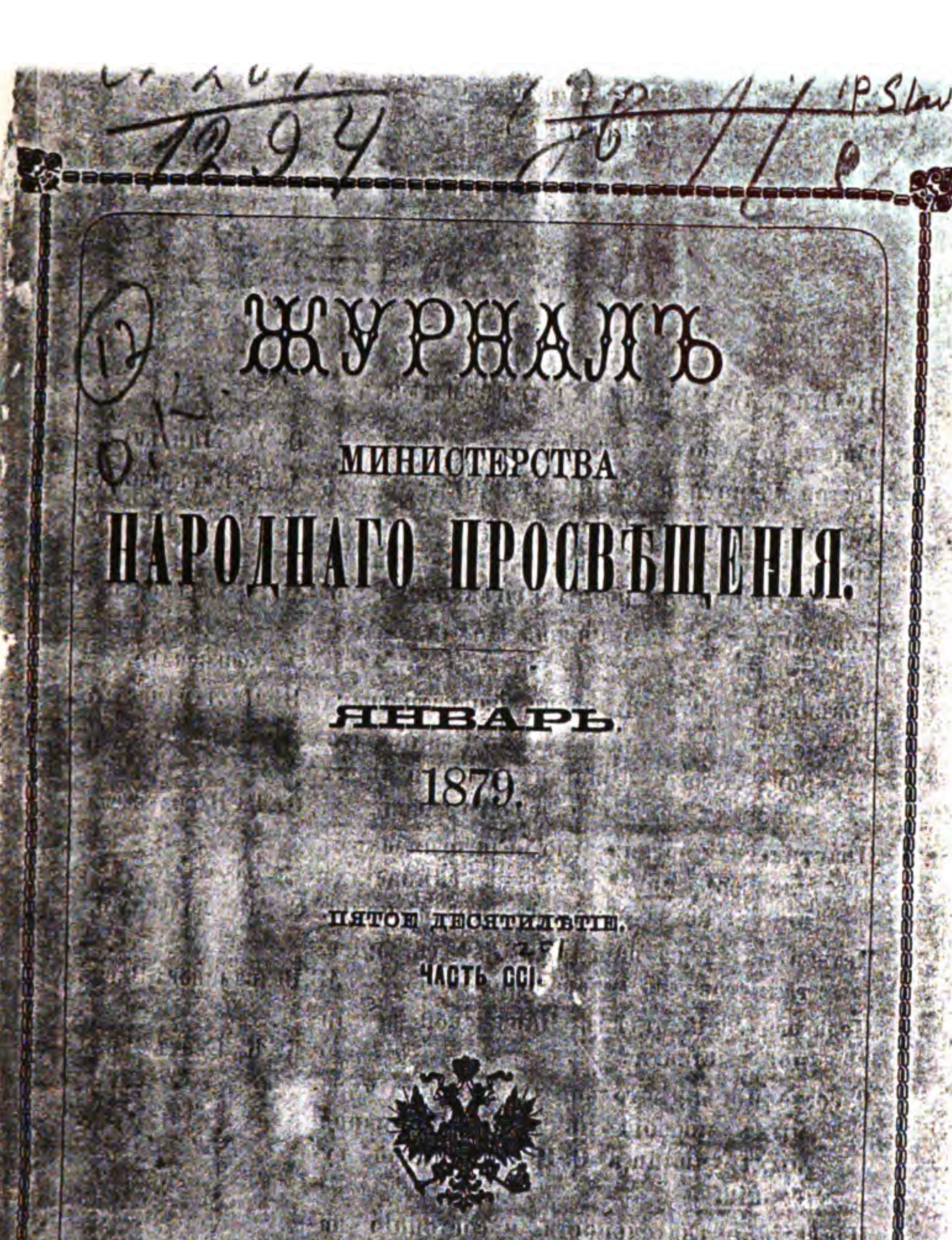

VE
RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 80—1.

1879.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. 28-го октября 1878 года.—**Объ учрежденіи стипендіи при Тульской гимназіи.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго директору Тульской гимназіи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Торопчаниновымъ капитала въ 500 р., наличными день гами и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при названной гимназіи, съ наименованіемъ оной „стипендія графа Дмитрія Андреевича Толстаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

2. (23-го октября 1878 года). — **Объ отпускѣ изъ казны пособія на содержаніе Сарапульскаго реальнаго училища.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ отпускѣ изъ казны пособія на содержаніе Сарапульскаго реальнаго училища Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ на-

роднаго просвѣщенія объ отпускѣ изъ казны пособія на содержаніе Сарапульскаго реальнаго училища согласно съ настоящимъ представленіемъ, мнѣніемъ положилъ: предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) принять въ полномъ составѣ учрежденное Сарапульскимъ уѣзднымъ земствомъ, въ гор. Сарапулѣ, на собственныя средства, 6-ти классное реальное училище въ завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія, со всѣмъ принадлежащимъ означенному училищу имуществомъ и съ занимаемымъ имъ зданіемъ: 2) вносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, начиная съ 1-го января 1879 г., на содержаніе упомянутаго училища по двадцати пяти тысячъ пятисотъ сорока пяти руб. въ годъ, и 3) жертвуемыя Сарапульскимъ уѣзднымъ земствомъ на содержаніе того же училища десять тысячъ рублей въ годъ заносить въ подлежащія подраздѣленія доходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, пособіемъ казнѣ изъ постороннихъ источниковъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ председателемъ и членами.

3. (28-го октября 1878 года).—О присвоеніи одноклассному начальному народному училищу въ селѣ Омофоровѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, наименованія „училища Махры".

На счетъ процентовъ съ капитала въ 27,000 руб., пожертвованнаго С.-Петербургскимъ 2-й гильдіи купцомъ Махрою, открыто въ сел. Омофоровѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, мѣстѣ родины его, одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, съ интернатомъ при немъ для 10-ти учащихся бѣдныхъ сиротъ; причемъ купецъ Махра уступилъ для названнаго училища съ интернатомъ двухъ-этажный каменный домъ со службами стоимостью до 10,000 руб. и обязался доставить мебель и прочія принадлежности для первоначальнаго обзаведенія училища и интерната. Посему попечитель Московскаго учебнаго округа обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о присвоеніи названному училищу наименованія по фамиліи жертвователя „училищемъ Махры" и о постановкѣ въ немъ портрета жертвователя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу Высочайше соизволилъ, какъ на при-

своеніе одноклассному начальному народному училищу министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Омофоровѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, наименованія по фамиліи жертвователя „училищемъ Махры“, такъ и на постановку въ немъ портрета учредителя, С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Махры. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть „благодарить“ жертвователя.

4. (4-го ноября 1878 года). **Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ реальномъ училищѣ.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго Казанскимъ биржевымъ комитетомъ капитала въ 1,500 руб., заключающагося въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, для учрежденія на проценты съ этого капитала, при Казанскомъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи коммерціи совѣтника, Казанскаго 1-й гильдіи купца Ивана Николаевича Соболева“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ означенный биржевой комитетъ.

5. (4-го ноября 1878 года). **Объ учрежденіи стипендіи при Вятской гимназіи.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе врачемъ при Вятской гимназіи, статскимъ совѣтникомъ Іоною Ивановичемъ Михайловымъ, капитала въ 1,000 руб., 5% облигаціями восточнаго займа, для учрежденія на проценты съ этого капитала при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендіи статскаго совѣтника Іоны Ивановича Михайлова“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ жертвователя.

6. (29-го ноября 1878 г.). **Объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ десяти единовременныхъ пособій студентамъ.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ триста пятьдесятъ рублей, отказаннаго по духовному завѣщанію генералъ-маіоромъ Митрино, десяти единовременныхъ еже-

годныхъ пособій, студентамъ означеннаго университета, съ наименованіемъ ихъ „пособіями генералъ-маіора Михаила Аѳанасьевича Митрино.

7. (29-го ноября 1878 г.). Объ учрежденіи стипендіи на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи двѣсти рублей, пожертвованнаго вдовою Московскаго купца Александрою Хориной одной стипендіи на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, съ наименованіемъ оной „стипендіею вдовы московскаго купца Александры Евдокимовны Хориной", при этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить жертвовательницу".

8. (11-го ноября 1878 г.). О присвоеніи пожертвованному г. Юрьевымъ на содержаніе кабинета учебныхъ пособій для учителей народныхъ училищъ капиталу наименованія: „капиталъ Юрьева".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на присвоеніе капиталу, въ двѣ тысячи шестьсотъ пятьдесятъ рублей, пожертвованному почетнымъ смотрителемъ С.-Петербургскаго Владимірскаго городскаго училища губернскимъ секретаремъ А. И. Юрьевымъ, съ цѣлью обращенія процентовъ съ этого капитала, составляющаго неприкосновенный фондъ, на пополненіе и поддержаніе кабинета учебныхъ пособій для учителей народныхъ училищъ, съ педагогическою при немъ библіотекою, открытою при С.-Петербургской дирекціи народныхъ училищъ, — наименованія по фамиліи жертвователя „Капиталъ Юрьева". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть „благодарить" жертвователя.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (2-го декабря 1878 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ генералъ-маіора Митрино при Императорскомъ московскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ триста пятьдесятъ рублей, отказаннаго по духовному завѣщанію генералъ-

маіора Митрино, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждаются при Московскомъ университетѣ единовременныя ежегодныя пособія для студентовъ сего университета, которыя на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1878 г. именуются „пособіями генералъ-маіора Михаила Аѳанасьевича Митрино".

2. Пособія назначаются въ размѣрѣ годовой платы за слушаніе профессорскихъ лекцій.

3. Пособіями этими могутъ пользоваться ежегодно десять студентовъ недостаточнаго состоянія, происходящіе изъ потомственныхъ дворянъ и отличающіеся примѣрнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ научному образованію. Если же размѣръ процентовъ, со временемъ увеличится чрезъ присоединеніе къ капиталу свободныхъ остатковъ, то пособіемъ могутъ пользоваться и болѣе 10-ти студентовъ.

4. Назначеніемъ единовременныхъ пособій исключительно для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій, завѣдуетъ, согласно волѣ завѣщателя, московскій губернскій предводитель дворянства, или вообще лицо занимающее сію должность, который и разсматриваетъ документы соискателей пособія, относительно ихъ правъ, по отношенію къ ихъ недостаточности. Что же касается успѣховъ и благонадежнаго поведенія, то по сему предмету распорядитель назначеніемъ пособій сносится съ ректоромъ университета, для полученія отъ него надлежащихъ свѣдѣній.

5. Назначенное пособіе не выдается на руки студента, а вносится въ кассу суммы сбора за слушаніе профессорскихъ лекцій.

6. Если плата за слушаніе профессорскихъ лекцій въ университетѣ будетъ отмѣнена, то изъ процентовъ съ завѣщаннаго г. Митрино капитала должны будутъ образоваться двѣ стипендіи его имени для студентовъ изъ потомственныхъ дворянъ.

2. (2-го декабря 1878 г.). Правила о стипендіи, вдовы московскаго купца Александры Евдокимовны Хориной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи двѣсти рублей, пожертвованнаго вдовою московскаго купца Хориной, учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1878 года именуется

„стипендіею вдовы Московскаго купца Александры Евдокимовны Хориной".

2. Размѣръ стипендіи сто девять руб. въ годъ.

3. Стипендія назначается одному изъ недостаточныхъ и отличныхъ студентовъ юридическаго факультета.

4. Назначеніе стипендіи принадлежитъ факультету съ утвержденія совѣта университета.

5. Стипендіатъ лишается стипендіи, если не перейдетъ на слѣдующій курсъ, а также и въ томъ случаѣ, если будетъ вести себя предосудительно.

3. (9-го декабря 1878 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о наблюденіи за неимѣніемъ учащимися доступа къ оружію.**

Директоръ Елатомской прогимназіи, основываясь на обстоятельствахъ, выясненныхъ судебнымъ дознаніемъ, донесъ попечителю Харьковскаго учебнаго округа; что 16 октября сего года, въ промежутокъ времени отъ 3 до 5 часовъ по полудни, ученикъ 1 класса названной прогимназіи Кондранинъ 11 лѣтъ, проживающій въ домѣ родственницы своей мѣщанки Семизоровой, отправился на прогулку за городъ съ учениками: уѣзднаго училища Дмитріемъ Коржевинымъ, 12 лѣтъ, и приходскаго училища Александромъ Шереметевымъ 10 лѣтъ; при чемъ Шереметевъ взялъ съ собою пистолетъ. Прошедши нѣкоторое разстояніе до такъ называемыхъ Дунаевскихъ хуторовъ, Коржевинъ взялъ пистолетъ у Шереметева и сдѣлалъ выстрѣлъ по птицамъ и по неопытности далъ промахъ; тогда Кондранинъ предложилъ Шереметеву стрѣлять ему въ глазъ. Шереметевъ, не задумываясь, приставилъ дуло пистолета къ лѣвому глазу Кондранина и сдѣлалъ выстрѣлъ, раздробившій лѣвую глазную кость, черепъ и верхнюю челюсть. При этомъ директоръ прогимназіи объяснилъ, что смерть Кондранина не можетъ быть поставлена въ вину учебному заведенію, такъ какъ предусмотрѣть и предотвратить несчастіе прогимназія не была въ силахъ. Предупредить это грустное происшествіе могъ только надлежащій надзоръ со стороны Семизоровой, которой порученъ былъ родителями ученикъ Кондранинъ, а также строгое наблюденіе родителей Шереметева, имѣющихъ цѣлую коллекцію огнестрѣльнаго оружія, и по своей неосторожности дозволявшихъ десятилѣтнему сыну имѣть возможность играть имъ.

Приведенный случай неосторожнаго обращенія съ оружіемъ мало-

лѣтнихъ не есть единственный, а одинъ изъ цѣлаго ряда грустныхъ происшествій, которыя могли бы быть предупреждены, еслибы родители и опекуны имѣли бдительный надзоръ, чтобы находящіяся на ихъ попеченіи дѣти не имѣли доступа къ огнестрѣльному оружію. Такъ 2 февраля 1876 г. застрѣлился ученикъ VIII класса Вологодской гимназіи Василій Филаретовъ. По объясненію директора гимназіи, основанному на дознаніи, причиною этого событія была единственно случайность, неумѣнье Филаретова обращаться съ револьверомъ, при недостаткѣ осторожности. 18 октября 1877 г. ученикъ VI класса Саратовской гимназіи Иванъ Жуковъ, по неосторожности, ранилъ себя въ руку, изъ револьвера 27 ноября 1877 г. ученикъ VII класса 1 С.-Петербургской гимназіи Михаилъ Манассеинъ ранилъ себя выстрѣломъ, разряжая револьверъ. 27 апрѣля 1878 года ученикъ V класса Бѣлостокскаго реальнаго училища Гофманъ, по неосторожности ранилъ себя въ ногу, и т. д.

Кромѣ этихъ несчастныхъ случаевъ, зависящихъ исключительно отъ неосторожнаго обращенія съ оружіемъ, могли бы быть предупреждены внимательнымъ надзоромъ со стороны родителей и опекуновъ надъ находящимися подъ ихъ попеченіемъ лицами и такіе случаи, когда самоубійство совершается подъ вліяніемъ случайнаго возбужденія или меланхоліи и легкости доступа къ оружію.

Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что не смотря на самый тщательный надзоръ со стороны начальства учебныхъ заведеній за неимѣніемъ ввѣренными имъ учениками огнестрѣльнаго оружія, этотъ надзоръ не можетъ достигнуть цѣли безъ содѣйствія лицъ, въ средѣ которыхъ воспитанники проводятъ время по окончаніи своихъ занятій въ заведеніи, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа вмѣстѣ съ принятіемъ мѣръ къ строгому и бдительному надзору за учениками ввѣренныхъ имъ заведеній обращать особенное вниманіе родителей и опекуновъ на необходимость раздѣлять заботы учебнаго начальства по наблюденію за неимѣніемъ учащимися доступа къ оружію.

4. (12-го декабря 1878 г.) **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о своевременности представленій о производствѣ строительныхъ работъ въ учебныхъ заведеніяхъ.**

Начальства нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ входятъ съ представленіями въ министерство народнаго просвѣщенія о производствѣ строи-

тельныхъ работъ по вѣреннымъ имъ учебнымъ заведеніямъ настолько поздно, что, даже по полученіи немедленнаго разрѣшенія министерства, часто оказывается невозможнымъ работы эти оканчивать къ концу вакаціоннаго времени, вслѣдствіе чего откладывается начало учебнаго курса на болѣе или менѣе продолжительное время.

Озабочиваясь устраненіемъ подобныхъ случаевъ поздняго открытія классовъ, могущихъ дурно повліять на ходъ учебнаго дѣла, я, по порученію г. министра, покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять къ непремѣнному руководству, чтобы представленія о строительныхъ работахъ по учебнымъ заведеніямъ поступали въ министерство настолько благовременно, чтобы разрѣшенія министерства могли быть получаемы на мѣстахъ построекъ до начала лѣтняго вакаціоннаго времени.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14-го октября 1878 года. (№ 16). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Шереметевскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ физіологіи, съ 23-го сентября 1878 года.

Директоръ Кронштадтскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Коленко—директоромъ Новгородской гимназіи, съ 19-го сентября 1878 года.

Инспекторъ Кіевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Пясецкій—директоромъ сей гимназіи, съ 7-го Октября 1878 года.

Заслуженный преподаватель Кронштадтскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Фридрихсбергъ—директоромъ сего училища, съ 19-го сентября 1878 года.

Надворный совѣтникъ Бѣлорусовъ и коллежскій ассесоръ Ковалевскій — членами попечительства Екатеринбургскаго реальнаго училища, на три года.

Елабужскіе первой гильдіи купцы: Дмитрій Стахѣевъ, Иванъ Стахѣевъ, Василій Стахѣевъ, Ѳедоръ Гирбасовъ, Степанъ Емельяновъ, Евстафій Емельяновъ и Александръ Антроповъ и 2-й гильдіи купеческій сынъ Ѳедоръ Стахѣевъ—членами попечительства Елабужскаго реальнаго училища, на три года.

Кандидатъ правъ Пазухинъ—почетнымъ попечителемъ Алатырской прогимназіи, на три года.

Назначаются: канцелярскій чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Акентьевъ—помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 20-го сентября 1878 года.

Оставляются на службѣ: заслуженные ординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительные статскіе совѣтники: Березинъ и Васильевъ: первый — по 7-е января 1880 года, а второй—по 16-е іюня 1882 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю С.-Петербургской третьей прогимназіи Биберу—на два мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: директоръ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Олиферъ—въ С.-Петербургъ, на двѣнадцать дней.

За границу: на четырнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Лучкевичъ.

На пятнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Вислоцкій.

На зимнее вакаціонное время 1878 года: учитель Варшавской VI мужской гимназіи Громека и учитель одноклассного Лѣсневицкаго гминнаго начальнаго общаго училища, Холмскаго уѣзда, Панасъ.

На два мѣсяца: почетные попечители: Одесской третьей гимназіи, Степанъ Ралли и Николаевскаго реальнаго училища, Павелъ Ралли.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителямъ училищъ: Николозадубровскаго, генералъ-маіору Зарину, Шишкинскаго, помѣщику Опочинину и Флоровскаго, купцу Никитину—за усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образоварія.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: надворный совѣтникъ Викторъ Соколовъ—со дня опредѣленія помощникомъ классныхъ наставниковъ въ С.-Петербургскую Ларинскую гимназію, съ 16-го сентября 1878 года, и титулярный совѣтникъ Васильевъ — со времени опредѣленія младшимъ ревизоромъ временной ревизіонной коммисіи государственнаго контроля, съ 18-го іюля 1878 года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго

округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Константиновичъ, съ 23-го сентября 1878 года.

Исключаются изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Варвинскій и ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коссовичъ.

28-го октября 1878 года. (№ 17). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ — проректоромъ сего университета, на три года, съ 22-го сентября 1878 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Срезневскій—вновь деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 9-го сентября 1878 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Васильевъ—деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, на три года, со 2-го октября 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Мѣржинскій—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 4-го октября 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Кашница—вновь деканомъ юридическаго факультета сего университета на три года, съ 4-го октября 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій—вновь деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 4-го октября 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерингъ — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 1-го сентября 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ русской словесности, коллежскій ассесоръ Колосовъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, съ 4-го октября 1878 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ греческой словесности, протоіерей Дьячанъ—экстраординарнымъ профес-

соромъ сего университета по каѳедрѣ греческаго языка и словесности съ 4-го октября 1878 года.

Инспекторъ Рязанской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Кульчицкій—директоромъ сей гимназіи.

Исправляющій должность директора Шуйской прогимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ—въ настоящей должности.

Инженеръ-технологъ Ганъ—вновь почетнымъ попечителемъ Нарвской прогимназіи, на три года.

Бѣльскій 2-й гильдіи купецъ Рѣзниковъ — почетнымъ попечителемъ Бѣльской прогимназіи, на три года.

Директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, коллежскій совѣтникъ Ларіоновъ — директоромъ Бѣлгородскаго учительскаго института.

Назначается: управляющій Новгородскою желѣзною дорогою. отставной инженеръ капитанъ Кобылянскій—членомъ попечительства Новгородскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляется: капитанъ Таушевъ—почетнымъ попечителемъ Порѣцкой учительской семинаріи: Алатырскаго уѣзда, съ 17-го октября 1878 года.

Переводится на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія: канцелярскій служитель комитета Императорской Академіи наукъ Тропинъ—исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя сего департамента, съ 12-го октября 1878 года.

Оставляются на службѣ: до 15-го сентября 1880 года: директоръ народныхъ училищъ области Войска Донскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Робушъ.

На пять лѣтъ: директоръ училищъ Томской губерніи, статскій совѣтникъ Смирновъ—съ 19-го августа 1878 года.

Директоръ Таганрогской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, съ 25-го августа 1878 года.

Продолжается срокъ командировки съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета Цагарелли—по 1-е января 1879 года, въ Мингрелію.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: директоръ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ Новицкій— на двадцать одинъ день, въ Московскую губернію и С.-Петербургъ.

За границу: архитекторъ Одесскаго учебнаго округа Мазировъ—на двадцать девять дней.

Увольняются, согласно прошеніямъ: проректоръ Император-

скаго университета св. Владиміра, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Митюковъ—отъ должности проректора этого университета, съ 22-го сентября 1878 года.

Директоръ Бѣлгородскаго учительскаго института, коллежскій совѣтникъ Рощинъ—отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному смотрителю Кологривскаго уѣзднаго училища Панову—за усердіе его въ пользу означеннаго училища и Костромской гимназіи.

Почетному гражданину Пѣтухову — за пожертвованія его въ пользу церкви министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ книгу: „Manuel orthographo-orthologique de langue française par A. S. Flint (quatre cours en deux livraisons) St. Pétersbourg 1878“ и „Dictées du Manuel orthographo-orthologique par A. S. Flint. S.-Pétersbourg 1877“—опредѣленіемъ своимъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, призналъ, что она можетъ быть съ большимъ успѣхомъ употребляема въ качествѣ руководства для среднихъ классовъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ имѣется въ виду главнымъ образомъ разговорный французскій языкъ, а также въ частныхъ пансіонахъ и при домашнемъ обученіи, кромѣ того, можетъ быть одобрена въ качествѣ пособія для женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу для чтенія и разказа. „Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Курсъ I. Сост. П. Басистовымъ. Изд. 14-е. Москва. 1879. г. Ц. 75 коп. — одобрить къ употребленію въ видѣ учебнаго пособія въ двухъ низшихъ классахъ гимназій, уѣздныхъ училищахъ, женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

— „Книжку для чтенія въ начальныхъ народныхъ школахъ (съ обозначеніемъ удареній косыми буквами). Составлена А. П. Сердобольскимъ. Казань. 1878 г. Ц. безъ пересылки 25 коп.“—одобрить для употребленія въ начальныхъ сельскихъ училищахъ.

— Книгу: „Stufengang für das schriftliche Rechnen in Cl. VII, VI, V, IV mittlerer Lehranstalten von H. Wöhler, Lehrer an den Schulen bei der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli Kirche. Moscau. 1878“—рекомендовать основнымъ библіотекамъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ физической географіи. Профессора А. Гейки. Съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. С.-Петербургъ. 1878 г.“ — допустить въ видѣ учебнаго пособія. Ц. 1 руб. 70 коп. для воспитанниковъ и учебныхъ заведеній, если они будутъ обращаться съ требованіями въ магазинъ „Новаго Времени“.

— Книгу: „Cours élementaire methodique et pratique de langue française par E. Varon. Seconde partie. Seconde edition revue et corrigée St. Pétersbourg. 1878. Ц. 90 коп. съ отдѣльною брошюрою: „Phraséologie destinée à faciliter la traduction des exercices russes de la 2-e partie du cours élementaire methodique et pratique de langue française. par E. Varon. St. Pétersbourg. 1878 г. Ц. 20 коп.“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ: древне-славянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. Сост. Ф. В. Ржига. С.-Пб. 1878 г. Ц. 2 руб 25 коп.“—допустить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки гимназій.

— Учебникъ: „Учебная книга географіи. Сост. К. Смирновъ. Изданіе 19-е значительно исправленное и дополненное. Въ трехъ книжкахъ: I. Общія свѣдѣнія. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. Съ 14 рисунками въ текстѣ и картою плоскошарій. С.-Пб. 1878 г. Ц. 40 коп., II. Азія, Африка, Америка и Австралія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій С.-Пб. 1879 г. Ц. 60 коп. III. Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. С.-Пб. 1879 г. Ц. 60 коп.“ — одобрить, въ видѣ руководства, для гимназій и другихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Изданіе: „Полный англо-русскій словарь, составленный А. Алек-

сандровымъ. Въ 5-ти выпускахъ. С.-Петербургъ. 1877—1878 г." одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи англійскаго языка въ реальныхъ училищахъ, а также для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

— Книгу: „Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою. Сост. Н. Фену. Часть 1. Лексикологія. Изд. 4-е, С.-Петербургъ 1878 г.— одобрить въ качествѣ руководства для учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Военное министерство сообщило министерству народнаго просвѣщенія, что 28 октября 1878 г. Высочайше разрѣшено: зачесть студентамъ университетовъ и медико-хирургической академіи, командированныхъ въ 1876 и 1877 годахъ отъ Общества Краснаго Креста, а равно отъ правительственныхъ и частныхъ учрежденій, на оба театра военныхъ дѣйствій и содѣйствовавшимъ тамъ уходу за больными и ранеными воинами, проведенное ими въ командировкѣ время въ дѣйствительную военно-медицинскую службу.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, согласно представленію г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа и на основаніи Высочайше утвержденнаго 25 октября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, предложеніемъ отъ 9 сего декабря за № 12926 разрѣшилъ учредить при кабинетѣ общей патологіи Харьковскаго университета должность сверхштатнаго ассистента, съ производствомъ лицу, которое будетъ занимать означенную должность, содержанія въ размѣрѣ пятисотъ руб. въ годъ, изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава Харьковскаго университета.

Открытіе училищъ.

30-го минувшаго октября Орѣховское уѣздное училище преобразовано въ трехклассное городское; при чемъ въ I-е отдѣленіе II класса поступило 35 учениковъ.

— 4-го минувшаго ноября Алешковское уѣздное училище преобразовано въ четырехклассное городское; при чемъ въ I-й классъ и въ I-е отдѣленіе II-го класса поступило 80 учениковъ.

— 1-го минувшаго октября открыто двухклассное училище мини-

стерства народнаго просвѣщенія въ сел. Бековѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. При открытіи училища поступило учащихся въ І-й классъ 77.

— Открыты слѣдующія училища министерства народнаго просвѣщенія:

22-го минувшаго октября двухклассное училище въ сел. Околинахъ, Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 85 учащихся и

— 8-го минувшаго октября одноклассное училище въ сел. Вишенькахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

— 23-го минувшаго октября начальное училище въ селѣ Преображенскомъ, Духовщинскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Въ день открытія училища принято въ оное 6 учениковъ.

— 1-го минувшаго октября въ сел. Варзіачанахъ, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи, инородческое училище. При открытіи училища поступило 26 учениковъ и

29-го минувшаго октября начальное училище въ с. Черняховскѣ, Полтавской губерніи и уѣзда.

1-го минувшаго сентября одноклассное училище въ сл. Ферапонтовской, Кириловскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Въ училище сіе поступило 36 мальчиковъ.

— 24-го минувшаго сентября одноклассное училище въ с. Омофоровѣ, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Въ день открытія сего училища принято въ оное 18 учениковъ.

— 7-го минувшаго октября одноклассное училище въ сел. Семеновкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи при 39 учащихся.

— 15-го минувшаго октября двухклассное училище въ дер. Кубанкѣ, Одесскаго уѣзда, Херсонской губерніи при 26-ти учащихся.

— 24-го минувшаго октября открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Великихъ-Прицкахъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

— 1-го минувшаго сентября послѣдовало открытіе одноклассного народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Казаякліи, Вендерскаго уѣзда, Бессарабской губерніи при 45 учащихся.

25-го минувшаго октября послѣдовало открытіе одноклассного начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Степанцахъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

— 19-го минувшаго октября открытъ русскій классъ въ дер. Ася-

новой, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи. При открытіи сего класса въ оный поступило 13 человѣкъ башкирскихъ мальчиковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ честь объявить, что, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, на соисканіе премій Императора Петра Великаго (большой въ 2,000 р., малой въ 500 р.) продолженъ срокъ по 1-е ноября будущаго 1879 года для представленія слѣдующихъ сочиненій:

1. Русско-латинскій словарь, приспособленный къ курсу латинскаго языка въ гимназіяхъ.

2. Руководство по химической технологіи, для реальныхъ училищъ.

3. Руководство по механикѣ и составленію исполнительныхъ чертежей, для реальныхъ же училищъ.

Руководство къ естествовѣдѣнію, для гимназій (только на большую премію).

ОБЩИНА БУДДІЙСКИХЪ МОНАХОВЪ.

Ни одна изъ индійскихъ сектъ не распространялась такъ быстро и не захватывала такого громаднаго пространства, какъ буддизмъ. Черезъ два столѣтія послѣ проповѣди отшельника изъ рода Сакьевъ буддизмъ уже господствовалъ въ центрѣ Индіи, по ея восточнымъ берегамъ, на Цейлонѣ и въ странахъ пограничныхъ съ нынѣшнимъ Авганистаномъ. Около начала нашей эры буддійскія ступы стали воздвигаться въ цвѣтущихъ долинахъ Авганистана; имъ поклонялись и тамъ, и въ странахъ по обѣимъ берегамъ Окса. Отсюда же, а также съ Цейлона, изъ южной Индіи, ученіе вѣщаго вмѣстѣ съ индійскою культурой распространилось и далѣе; оно проникло въ глубь Азіи, въ загангскую Индію, на островъ Яву и т. д.

Всюду, куда буддизмъ проникалъ, онъ вмѣстѣ съ своими отвлеченными теоріями и правилами практической морали приносилъ и свои монашескія учрежденія; только благодаря имъ онъ могъ такъ успѣшно распространяться. Но въ этой системѣ буддійскихъ учрежденій, вѣками выработывавшейся и односторонне развитой, то-есть, предназначенной исключительно для однихъ отшельниковъ, нельзя не видѣть важнѣйшей причины, почему буддизмъ также точно быстро исчезъ послѣ перваго столкновенія своего съ противными ему ученіями, которыя, борясь съ монахами и поражая ихъ, не находили большаго отпора себѣ въ обществѣ мірянъ.

Для изученія буддійскихъ монашескихъ учрежденій имѣется очень значительное количество источниковъ, частію на языкѣ пали, частію въ китайскихъ и тибетскихъ переводахъ. Къ сожалѣнію, оригиналы этихъ переводовъ, за немногими и неважными исключеніями, до сихъ поръ не отысканы, а переводы весьма недостаточно изучены и мало

доступны. При такомъ состояніи научной разработки буддійскихъ источниковъ, совершенно понятно, что всякое описаніе буддійской монашествующей общины должно страдать неполнотой и односторожностью.

I.

Вступленіе въ общину.

1. Виная есть тотъ отдѣлъ буддійскаго канона, въ которомъ собраны узаконенія относительно монашеской жизни, законы, дѣйствующіе или дѣйствовавшіе въ сангхѣ, то-есть, буддійской монашествующей общинѣ. Отдѣлъ этотъ въ пâлійской редакціи состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) парâжикâ, 2) пâчитти, 3) махâвагга. 4) чулавагга, 5) пâривâра.

Эти пять частей составляютъ виная-питаку. По ученію буддистовъ всѣ пять частей винаи суть слово самого Буддхы; всѣ узаконенія, собранныя въ пяти книгахъ, были имъ предписаны.

Узаконенія первыхъ двухъ книгъ, безъ легенды, съ выпущеніемъ мотивовъ и причинъ узаконенія, собраны въ отдѣльную книгу, носящую названіе пâтимоккха; эта послѣдняя книга считается также словомъ Буддхы. Древнѣйшій, дошедшій до насъ комментарій на всѣ пять книгъ приписывается Буддхагхосѣ и носитъ названіе саманта-пâсадика; въ этомъ объемистомъ сочиненіи встрѣчаются часто цитаты изъ предшествующихъ комментаріевъ, нынѣ утраченныхъ на островѣ Цейлонѣ [1]). Комментарій на пâтимоккху называется канкхâвитаранû и приписывается также Буддхагхосѣ. Эти сочиненія должны считаться древнѣйшими образцами пâлійской канонической литературы.

Наиболѣе извѣстныя сочиненія однороднаго содержанія, но болѣе поздняго происхожденія суть слѣдующія:

Общіе комментаріи на Виная-питаку, напримѣръ:

1) Глоссы, сочиненныя стхавирою Важирабуддхи. (Сочиненіе называется Важирабуддхитûкâ). 2) Глоссы стхавиры Сâрипутты на нѣкоторые отдѣлы первой книги (Пâрâжикатûкâ, Терасатûкâ). 3) Его же сочиненіе подъ заглавіемъ: Винаjасâраттхасандûпанû [2]). 4) Вима-

---

[1]) О составѣ этого комментарія см. *L. Comrilla Vijasinha*, On the origin of the Buddhist Arthakathâs, въ J. *of R. As. Soc*, May 1871, а также предисловіе къ Прâтимокшасутрѣ, изд. автора.

[2]) Можетъ быть, № 2 есть не болѣе, какъ часть сочиненія № 3; сочиненіе № 2 извѣстно мнѣ только изъ каталога монастыря Парамананда около Галле, на Цейлонѣ.

тивинодані, сочиненіе стхавиры Кассапы. 5) На это сочиненіе были сочинены глоссы (tîkâ) по однимъ извѣстіямъ [1]) стхавирою Дхаммапâла, по другимъ [2]) стхавирою Вâчиссара. 6) Винаjакхандхаканиддесатіка, сочиненіе Вâчиссары [3]). 7) Винаjасангаха, сочиненіе стхавиры Сâрипутты. 8) Винаjаманжуса [4]). 9) Винаjавиматиччхедани [5]). 10) Винаjâланкâратîкâ, сочиненіе стхавиры Типитакâланкара, родомъ изъ Бирмы. 11) Винаjавиниччхаjаттхакатхâтîкâ, сочиненіе стхавиры Реваты съ остр. Цейлона [6]). 12) Винаjагантхипада, сочиненіе Жотипâлы и Важирабуддхи [7]). 13) и 14) Древнѣйшія и новѣйшія глоссы на коментаріи Пâтимоккхи, сочиненіе стхавиры Буддханâги (канкхâвитаранî-пурâнатîка,-абхинаватîкâ). 15) Комментаріи пâтимоккхи пâтимоккхагантхи [8]).

Кромѣ этихъ комментаріевъ глоссъ, въ палійской литературѣ есть еще нѣсколько краткихъ компендіумовъ: 1) Каммавâкjаjа о посвященіи [9]). 2) Сîмâвичâрана. 3) Сîмâланкâра. 4) Калjâнипакарана [10]). 5) Муласиккхâ, сочиненіе Вималасâры родомъ съ Цейлона. 6) и 7) Старыя и новыя глоссы на это сочиненіе; старыя глоссы (пурâнатîкâ) сочинены самимъ авторомъ, а новыя (абхинаватîкâ) — стхавирой Вâчиссарой, родомъ изъ Бирмы. 8) Кхуддасиккхâ, сочиненіе Дхаммасира съ острова Цейлона. 9) и 10) Старѣйшія глоссы (пурâнатîкâ) на это сочиненіе написалъ Махâjаса изъ Цейлона, новыя (абхинаватîкâ) Сангхаракхита. 11) Кхудда сиккхâjожанâ [11]).

Сейчасъ перечисленныя сочиненія принадлежатъ тремъ различнымъ періодамъ: пять частей виная-питаки относятся къ древнѣйшему. По ученію буддистовъ онѣ содержатъ въ себѣ слово Будды, редактированное послѣдовательно на трехъ соборахъ. О дѣятельности этихъ соборовъ дошли до насъ лишь очень позднія извѣстія; о первыхъ двухъ соборахъ

---

[1]) Въ сâсанавамсѣ.

[2]) Въ сейчасъ упомянутомъ каталогѣ.

[3]) Приводится въ томъ же каталогѣ.

[4]) Приводится въ каталогѣ монастыря Дадалла, близъ Галле.

[5]) Приводится тамъ же.

[6]) Оба сочиненія извѣстны по каталогамъ.

[7]) Можетъ быть, то же, что № 1. Это сочиненіе извѣстно изъ каталоговъ.

[8]) Извѣстенъ изъ каталога монастыря Дадалла.

[9]) Сочиненіе, изд. *Шпигелемъ* и *Диксономъ*.

[10]) № 2, 3, 4. Всѣ три сочиненіе трактуютъ о *границѣ*. Объ этомъ словѣ будетъ говорено ниже.

[11]) Упоминается въ каталогѣ монастыря Дадалла. Кхуддасиккхâ и Муласиккхâ были изданы въ Бирмѣ.

повѣствуется въ послѣдней главѣ четвертой книги виная-питаки. О нихъ же, а также о третьемъ соборѣ, разказывается въ древнѣйшей цейлонской хроникѣ Дûпавансѣ и въ вышеупомянутомъ комментаріи Буддхагхоси; отчетъ о дѣятельности соборовъ мы имѣемъ въ сочиненіяхъ, появившихся спустя не одно столѣтіе послѣ самаго событія, ибо даже послѣднія главы въ чулаваггѣ по всѣмъ признакамъ присоединены къ этой книгѣ впослѣдствіи; отъ смерти же Будды до появленія двухъ другихъ сказанныхъ источниковъ прошло около тысячи лѣтъ. Весьма вѣроятно, что составителямъ этихъ позднѣйшихъ извѣстій предлежали болѣе древнія описанія первыхъ судебъ буддизма; но передавая намъ старинныя повѣсти, авторы, быть можетъ и не умышленно, исказили ихъ, относя въ силу общепринятаго догмата къ глубокой древности сочиненія, появившіяся гораздо позднѣе и такимъ образомъ сложился разказъ о томъ, что уже на первомъ соборѣ существовалъ буддійскій канонъ въ томъ самомъ объемѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ намъ теперь. Благочестивые повѣствователи забыли при этомъ разъяснить одно сомнѣніе: въ первомъ столѣтіи по смерти Будды мы имѣемъ громадную литературу, затѣмъ на протяженіи болѣе 2000 лѣтъ буддизмъ произвелъ сравнительно весьма мало, нѣсколько комментаріевъ, глоссъ и незначительныхъ компендіевъ. Такой застой въ умственной дѣятельности ученія, бывшаго когда-то распространеннымъ въ большей части Азіи, конечно, долженъ казаться очень страннымъ. Можно было бъ устранить это сомнѣніе предположеніемъ, что позднѣйшія сочиненія погибли; но въ отвѣтъ на послѣднее предположеніе, часто высказываемое вѣрующими буддистами, возникаетъ новое недоумѣніе: какимъ образомъ сохранилась вполнѣ неизмѣнною та часть литературы, которая въ продолженіе болѣе пяти-сотъ лѣтъ была не записана? Эта часть литературы, по ученію буддистовъ, дошла до насъ въ томъ же видѣ, въ какомъ проповѣдывалъ великій учитель по городамъ и весямъ Индіи; ничего не измѣнивъ въ ней, устно проредактировали ее на первыхъ соборахъ его непосредственные и посредственные ученики, и затѣмъ въ продолженіе пятисотъ лѣтъ она хранилась въ памяти многихъ десятковъ поколѣній. Эта часть литературы не погибла и даже не измѣнилась, а изчезла та, что явилась позднѣе и была, по всей вѣроятности, тотчасъ же записана? Но для не буддиста, и хотя бы даже не вполнѣ знакомаго съ содержаніемъ виная-питаки, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что правила, содержащіяся въ пяти книгахъ винаи, явились не вдругъ и исходили не отъ

одного лица, и что вся совокупность каноническихъ узаконеній о буддійской общинѣ развивалась въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, можетъ быть — вплоть до того времени, когда составъ питаки былъ окончательно скрѣпленъ записаніемъ ея въ книги. Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, на сколько послѣ того измѣнялось ея содержаніе, и были ли прибавлены въ ея составъ новыя правила въ промежутокъ времени между записаніемъ винаи въ книги и появленіемъ комментарія Буддхагхоси. Комментарій Буддхагхоси, какъ уже было выше указано, есть сводъ предшествующихъ работъ. Многочисленныя цитаты, встрѣчающіяся въ этомъ объемистомъ твореніи, свидѣтельствуютъ о томъ, что комментаріи существовали до него, а отдѣльныя глоссы попадаются даже въ первыхъ двухъ книгахъ винаи, какъ часть канона.

Всѣ другія сочиненія по винаѣ появились позднѣе Буддхагхоси. Образцы этой позднѣйшей литературы очень рѣдки въ европейскихъ библіотекахъ. Нѣкоторыми трактатами небольшаго объема и полемическаго содержанія авторъ настоящей статьи пользовался. О нихъ будетъ сказано ниже.

Такимъ образомъ, всѣ произведенія по винаѣ на языкѣ пâли могутъ быть распредѣлены на слѣдующіе три отдѣла: 1) сочиненія каноническія или пять книгъ виная-питаки; 2) комментарій Буддхагхоси; 3) сочиненія позднѣйшія.

2. Сангха или община буддійскихъ монаховъ самими вѣрующими понимается, или вопервыхъ, какъ сангха чтимая, то-есть, идеальная, или вовторыхъ, какъ сангха фактическая. Первая община есть собраніе восьми святыхъ мужей; вторая есть всякое собраніе монаховъ. Вторая община свершаетъ обряды; для свершенія всякаго обряда потребно опредѣленное число монаховъ. Община, состоящая менѣе нежели изъ четырехъ монаховъ, не можетъ свершать обрядовъ; четыре монаха могутъ свершать всѣ обряды за исключеніемъ трехъ: 1) посвященія, 2) паварâна и 3) аббхâна [1]). Пять монаховъ могутъ свершать всѣ обряды, но не посвященія и не аббхâна; въ средней Индіи однакоже пять монаховъ имѣютъ право посвящать [2]). Десять монаховъ могутъ свершить всѣ обряды, но не аббхâна. Двадцать и болѣе монаховъ свершаютъ всѣ обряды безъ исключенія [3]).

[1]) Значеніе двухъ послѣднихъ обрядовъ будетъ объяснено ниже.

[2]) Объ этомъ ниже.

[3]) Изъ комм. Буддхагхоси. Текстъ приведенъ въ Пратимокшасутрѣ, на стр. XL.

Сангха, по опредѣленію одного позднѣйшаго буддійскаго автора [1]), обладаетъ такими добродѣтелями, о развитіи которыхъ должны стараться и бодхисатва, то-есть, существо, имѣющее сдѣлаться Буддхой и всѣ люди. Такія представленія о сангхѣ, конечно, развивались мало по малу, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, но очень древнее существованіе буддійской общины засвидѣтельствовано самыми первыми индійскими надписями. Уже въ третьемъ столѣтіи по смерти Буддхы Асокою учреждены были Дхамма-махаматта. Въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ [2]) онъ прямо говоритъ, что эти сановники, долженствовавшіе вѣдать дѣлами различныхъ сектъ, учреждены также для „сангхи"; ихъ заботамъ подлежали „выступившіе на путь" (паббажита), то-есть, покинувшіе міръ и міряне, всѣ секты, брахманы, âживаки (то-есть, нагіе нищіе), и ниргрантхы. Въ другомъ указѣ [3]) сказано, что эти Дхаммамахâматта учреждены были даже въ странахъ Іона, то-есть, въ греческой странѣ, въ Камбожѣ, въ Гандхарѣ и т. д. для утвержденія закона, для пріумноженія его, и на благо добродѣтельныхъ. Во второй байратской надписи [4]) царь, привѣтствуя магадскую сангху, заявляетъ: „Вы знаете, возлюбленные, каково мое почтеніе и благорасположеніе къ Буддхѣ, закону и сангхѣ". Указывая своему народу, какъ одну изъ добродѣтелей, почтеніе къ родителямъ, царь рядомъ съ этимъ нравственнымъ правиломъ предписываетъ почтеніе къ брахманамъ, срамáнамъ, къ „покинувшимъ міръ", къ „thaira" (то же, что thera, sthavira, старецъ и затѣмъ престарѣлый монахъ) [5]). Въ двухъ этихъ словахъ „pavajita" и „thaira" обрисовываются два крайніе конца древней буддійской іерархіи: подъ первымъ словомъ слѣдуетъ разумѣть лице, покинувшее міръ, но не пріявшее еще посвященія, словомъ же „thaira" (thera, sthavira) обозначался монахъ по истеченіи многихъ лѣтъ со дня посвященія. Существованіе бхикшу и бхикшуни въ то время подтверждается выше приведенною байратскою надписью. Въ другихъ надписяхъ царь называетъ себя „упасака", то-есть, вѣрующимъ мірянином [6]), а упасикâ, мірянки, упоминаются во второй байратской надписи. И такимъ образомъ уже въ то отдаленное время существовали четыре главные отдѣла буддійскаго общества: монахъ, монахиня,

---

[1]) Сâнтидева, Сикшâсамуччаја, л. 188.

[2]) Corpus inscriptionum indicarum, vol. I, стр. 115, Delhi, around the Pillar.

[3]) ibd., стр. 72.

[4]) Ibd., стр. 97. Second Bairât rock.

[5]) См. ibd., ed. V, VIII, XI, XII и много другихъ мѣстъ.

[6]) Надписи въ Sahasaram, Rupnath, Bairat.

мірянинъ, міряика, взаимно объединенные милостью, добрымъ словомъ, добрымъ поведеніемъ и общимъ имуществомъ [1]). О милости, доброй рѣчи и добромъ поведеніи много говоритъ самъ царь въ своихъ эдиктахъ; на существованіе общаго имущества у сангхи указываютъ другія древнія надписи. На Цейлонѣ разсѣяно множество надписей надъ пещерами, и въ большинствѣ ихъ милостынедатель предназначаетъ свой даръ сангхѣ четырехъ странъ свѣта, сангхѣ настоящаго и будущаго [2]).

Въ болѣе позднихъ надписяхъ, хотя еще начертанныхъ тою же архаическою азбукою, мы находимъ еще и другіе чины буддійской монашеской общины: upadiya (наставникъ), acariya (учитель), atevasi (ученикъ), samanera (послушникъ) [3]).

Приведенными фактами неоспоримо доказывается существованіе общины буддійскихъ монаховъ въ концѣ III в. до Р. X. Община эта называлась тѣмъ же именемъ „сангха", коимъ она именуется также въ канонѣ. Она состояла изъ покинувшихъ міръ, изъ монаховъ и старцевъ. Въ ней были наставники, учителя, послушники; внѣ общины, но связанные съ нею общею вѣрою, были вѣрующіе міряне и мірянки. Для того, чтобы вѣра въ общинѣ не ослабѣвала, законъ укрѣплялся и добродѣтель возрастала, свѣтская власть назначала отъ себя для наблюденія за дѣлами общины Дхамма-махâматта. Къ сожалѣнію, изъ надписей не вполнѣ явствуетъ, въ чемъ именно состояла обязанность индійскихъ сановниковъ по дѣламъ религіи. Общій характеръ ихъ должности напоминаетъ нѣкоторыя индійскія учрежденія, о которыхъ сохранились извѣстія въ очень позднихъ источникахъ [4]).

---

[1]) Срв. Lotus de la bonne loi, стр. 405, гдѣ не вѣрно толкуется *санграхавасту*. Санграхавасту, скрѣпляющее буддійское общество, по толкованію Ясомитры, не есть предметъ для накопленія, а предметъ *объединяющій*, *скрѣпляющій* четыре отдѣла буддійскаго общества. Толкованіе это находится въ Абхидхармакосавјâкхјѣ.

[2]) Нѣкоторыя изъ этихъ надписей приведены въ The Indian Antiquary, vol. VII, стр. 319.

[3]) *Al. Cunningham*, The Bhilsa Topes etc, стр. 238, 286, и мн. др. мѣста.

[4]) Yajnavalkya, II, 192. Срв. Баснаяканилама на Цейлонѣ. См. также *Calcutta Review*, 1851, vol. XV, стр. XXV. Hereditary Bramin officers called *Dharmadhikari* are still to be found throughout the Deccan, in Kandesh, and even in some parts of the Concan;..... their jurisdiction merely comprises breaches of rules of caste, for which they levy fines, or ordain penance, and even proceed to excommunication.

3. Буддійскія легенды начинаютъ исторію своихъ учрежденій съ болѣе отдаленной эпохи, отъ временъ своего великаго учителя, и представляютъ намъ свою „общину" въ зародышѣ, стоящею внѣ вѣдѣнія свѣтской власти; онѣ разказываютъ, что Магадскій царь Бимбисара, ихъ высокій покровитель въ древности, издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось: „Тѣ, которые приняли посвященіе у самановъ сакійскихъ сыновъ, тѣ ничему (то-есть, никакому наказанію) да не подвергаются. Благъ возвѣщенный законъ. Да живутъ они цѣломудренно для положенія предѣла высшей скорби" [1]).

Разсматривая учрежденія монашеской общины, убѣждаешься, что вмѣстѣ съ тѣмъ какъ она разросталась и становилась значительнѣе по своему географическому распространенію и общественному положенію, сангха необходимо должна была поступаться своею самостоятельностью, уступать часть своихъ вольностей гражданской власти въ замѣнъ другихъ выгодъ, ради собственной пользы вступать въ сдѣлки съ свѣтскимъ обществомъ. Таковъ общій основной характеръ историческаго развитія въ буддійскихъ монашескихъ учрежденій; особенно рельефно этотъ характеръ выступаетъ въ ходѣ развитія обряда „посвященія".

Въ преданіяхъ о древнѣйшей эпохѣ, о временахъ ближайшихъ къ первому началу буддизма, принятіе въ буддійскую общину свершалось очень просто и не было обставлено никакими трудностями; буддистомъ или буддійскимъ монахомъ могъ дѣлаться всякій. Для этого требовалось выполненіе одного условія: новопосвящаемый долженъ былъ уповать въ Будду и въ его законъ какъ въ свои двѣ защиты. Затѣмъ къ этимъ двумъ защитамъ прибавилась третья—сангха. Само собою разумѣется, что сангха какъ защита могла явиться только тогда, когда число послѣдователей Будды достигло нѣкоторой значительности, и когда ихъ община стала пользоваться нѣкоторымъ вліяніемъ и дѣйствительно могла защищать своихъ членовъ.

Въ древнѣйшихъ разказахъ обрядъ посвященія или принятія въ буддійскую общину представляется такимъ образомъ:

Въ винаѣ сохранилась легенда о двухъ первыхъ поклонникахъ Будды. Они стали упâсаками, то-есть, мірянами-буддистами, заявивъ великому учителю: „Сіи мы, возлюбленный, идемъ подъ защиту Господа, идемъ подъ защиту закона. Считай насъ упâсаками отъ нынѣ до конца жизни пришедшими подъ защиту". О томъ, свободные ли

[1]) Mahâvagga, въ отдѣлѣ посвященія.

они люди, сколько имъ лѣтъ, и т. д., обо всемъ этомъ новопосвящаемымъ не предлагалось вопросовъ. Также точно первые ученики, увѣровавъ въ Буддху и его законъ и заявивъ о своемъ желаніи покинуть міръ, становились монахами. Ничего инаго отъ нихъ и не требовалось [1]).

Первые ученики сказали Буддхѣ: „О возлюбленный, вблизи Господа да покинемъ міръ, вблизи Господа да пріимемъ посвященіи". А Буддха имъ въ отвѣтъ на это говорилъ: „Грядите, нищіе; законъ добро возвѣщенъ. Будьте цѣломудренны для положенія предѣла скорби! [2])"

Затѣмъ, какъ уже выше было указано, къ двумъ защитамъ—Буддхѣ и закону, прибавилась еще третья—сангха или общество духовныхъ.

По преданію, первоначально „оставленіе міра" или pabbajjâ свершалось такимъ образомъ: покидающему міръ обривали волосы на головѣ лицѣ и облекали его въ желтыя одѣянія. Обнаживъ одно плечо, онъ, по приказанію, кланялся въ ноги монахамъ; затѣмъ, сѣвъ на корточки и сложивъ почтительно руки, онъ говорилъ трижды: „Иду подъ защиту Буддхы, иду подъ защиту закона, иду подъ защиту сангхи" [3]).

Эта простѣйшая форма вступленія въ буддійскую общину позднѣе замѣнена была болѣе сложнымъ обрядомъ. Явилось „посвященіе" (то-есть, upasampadâ) четверократнымъ возглашеніемъ. Стали различать „покинувшаго міръ" и „посвященнаго". Для того и другаго существовали различные обѣты, и какъ того, такъ и другаго, сангха могла принимать въ извѣстномъ численномъ составѣ и при соблюденіи извѣстныхъ условій.

Человѣку, не имѣющему полныхъ двадцати лѣтъ, нельзя было даровать „посвященія"; но „оставить міръ" (то-есть, получить pabbajjâ) могъ юноша пятнадцати лѣтъ и даже ребенокъ, то-есть, такой, который былъ въ силахъ прогнать воронъ, слетавшихъ клевать его пищу. Для того, чтобъ „оставить міръ", необходимо было имѣть разрѣшеніе родителей. Сангха, признавая безусловно необходимымъ согласіе обоихъ родителей для „оставленія міра", цѣлымъ рядомъ позд-

---

[1]) См. Mahâvagga, разказъ о купцахъ Tapassu и Bhalluka. Они называются міря̀нами «двусловесными» dvevâcikâ, ибо приняли двѣ защиты.

[2]) См. тамъ же о посвященіи первыхъ учениковъ panca bhaddavaggiyâ. въ главѣ bhaddavaggiyasahâyakânam vatthu.

[3]) Тамъ же въ главѣ: tihi saranagamanehi upasampadâkathâ. Срв. также upajjhâyavattabhânavaram, гдѣ излагается посвященіе четверократнымъ возглашеніемъ.

нѣйшихъ узаконеній, помѣщенныхъ уже не въ самомъ канонѣ, а въ комментаріи, нашла возможнымъ въ иныхъ случаяхъ уклоняться отъ этого строгаго правила [1]). Такъ отецъ безъ согласія матери могъ сдѣлать изъ сына саманера, а мать безъ согласія отца отдать дочь въ послушницы, и даже сына отдать монахамъ.

Если отецъ съ матерью отдадутъ младенца монахамъ для pabbajjâ, а когда тотъ выростетъ, то станутъ запрещать ему оставленіе міра, надъ такимъ можно свершить обрядъ pabbajjâ и безъ разрѣшенія родителей. Безъ согласія родителей можно было обойдтись еще и въ слѣдующемъ случаѣ: если сынъ, поссорившись съ отцомъ и матерью, прійдетъ въ монастырь и скажетъ: „Хочу оставить міръ, даруйте мнѣ pabbajjâ". На это заявленіе монахи должны ему сказать: „Ступай домой и спроси разрѣшенія родителей и затѣмъ возвращайся сюда". Если же пришедшій скажетъ: „Не пойду, и коль вы мнѣ не даруете pabbajjâ, то я сожгу вашъ монастырь, оружіемъ убью васъ, надѣлаю зла вашимъ роднымъ и благодѣтелямъ, разорю ихъ сады и пр.; брошусь съ дерева и убьюсь, уйду къ ворамъ, уйду въ чужую страну". Такому, для того, чтобъ охранить его, слѣдуетъ даровать pabbajjâ. Если затѣмъ прійдутъ его родители и скажутъ: „Зачѣмъ вы позволили нашему сыну оставить міръ?" монахи должны отвѣчать на этотъ вопросъ: „Дабы охранить вашего сына, мы даровали ему pabbajjâ". Если кто-либо, уйдя на чужую сторону, обратится къ монахамъ съ просьбой о pabbajjâ, онъ могъ быть принятъ монахами и безъ разрѣшенія родителей въ томъ случаѣ, когда родители его живутъ очень далеко. Но по оставленіи имъ міра, его слѣдовало послать къ родителямъ вмѣстѣ съ монахами.

Саманеровъ сангхѣ дарують не только отдѣльныя семьи, но и цѣлыя деревни. Цѣлая деревня можетъ обратиться къ сангхѣ съ предложеніемъ: „Выберите кого хотите и даруйте ему pabbajjâ".

Рабъ не могъ быть посвященъ [2]). Комментарій знаетъ четыре рода рабовъ: 1) рожденные въ домѣ, 2) купленные, 3) военноплѣнные, 4) добровольные рабы. Первые два вида рабовъ не могутъ быть посвящены. Военноплѣнный не можетъ быть посвященъ до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ у своего хозяина или находится въ заключеніи; но бѣглаго военноплѣннаго можно было посвящать, а также военно-

---

[1]) Комм. въ главѣ râhulavatthu kathâ.

[2]) Такъ въ текстѣ. Комм. въ главѣ dasavatthukathâ приводитъ исключенія, о чемъ ниже.

плѣннаго, отпущеннаго царемъ. Рабы добровольные, то-есть, лица, вступившія въ рабство добровольно, ради пропитанія, не могли быть посвящаемы. Не могли быть посвящаемы царскіе рабы, то-есть, пастухи слоновъ, коней, коровъ, буйволовъ и прочаго скота. Сыновья царей отъ рабынь не могутъ быть посвящаемы. Но дѣти рабынь-отпущенницъ могутъ быть посвящаемы. Рабы, дарованные царями монастырямъ въ садовники, не могутъ быть посвящаемы; отпустивъ ихъ на волю, затѣмъ можно посвящать.

По словамъ двухъ комментаріевъ: Mahâpaccarî и Kurundi [1]), рабы первыхъ двухъ видовъ, то-есть, рожденные въ домѣ или купленные, подаренные монастырю въ садовники могутъ быть посвящаемы. Бѣдняки, живущіе на счетъ сангхи, могутъ быть посвящаемы. Рожденный отъ отца нераба, но матери рабыни не можетъ быть посвящаемъ. Но на оборотъ можно было посвящать того, чей отецъ рабъ, а мать не рабыня. Если монаху его родственники или же благорасположенные къ нему люди подарятъ раба, съ тѣмъ, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ него прислужника, предварительно посвятивъ его. Отпустивъ такого раба на волю, можно было его посвятить.

Въ комментаріи разказывается случай съ рабомъ, характеризующій отношеніе буддійской сангхи къ рабству: „Одна рабыня бѣжала изъ Анурадхапура, и живя въ Роханѣ, родила сына. Онъ оставилъ міръ и былъ посвященъ. Сталъ послѣ того монахъ стыдиться и скорбѣть и разъ спросилъ мать: „О мірянка, есть ли у тебя братъ или сестра? Не вижу я родственниковъ!"

„Возлюбленный", отвѣчала мать,—„я была рабынею въ Анурадхапурѣ; бѣжавъ оттуда съ твоимъ отцемъ, стала жить здѣсь!"

Смутился монахъ и подумалъ: „Грѣшно мое оставленіе міра!" Выспросивъ у матери ея имя и фамилію той анурадхапурской семьи, къ которой она принадлежала, онъ затѣмъ самъ отправился въ Анурадхапуръ. Прійдя туда, онъ остановился у вратъ дома той семьи.

„Чтò тебѣ, возлюбленный?" спрашивали его, а онъ не уходилъ.

„Чтò тебѣ, возлюбленный?" говорили ему.

„Была ли у васъ бѣжавшая рабыня такая-то по имени?"

„Была, возлюбленный!"

„Я ея сынъ; если вы позволите, я оставлю міръ. Вы мои владѣтели". Обрадовались тѣ и говорятъ: „Свято твое, возлюбленный,

[1]) См. тамъ же.

оставленіе міра!" Отпустили его на волю и поселили въ монастырь Махâвихâра.

4. Въ началѣ, набирая своихъ членовъ, сангха едва ли могла быть очень разборчива и взыскательна какъ къ прошедшему новыхъ адептовъ, а также къ ихъ старымъ убѣжденіямъ; всякій новый вѣрующій былъ желаннымъ приращеніемъ; община усиливаясь численно, черезъ это самое и нравственно становилась мощнѣе. Но затѣмъ практика указала на необходимость, для огражденія цѣлости общины, для поддержанія внѣшняго декорума, относится внимательнѣе къ прошлому новыхъ членовъ. Такъ, бывали случаи, что являлся въ среду буддистовъ сектантъ, который, научившись ихъ правиламъ и принявъ ученіе своего наставника, возвращался въ свою старую секту. Такой отступникъ, проживші́й нѣкоторое время въ буддійской средѣ, и быть можетъ, повывѣдавшій слабыя стороны какъ ученія, такъ и учрежденія буддійской общины, естественно могъ весьма легко нанести ей какой-либо вредъ въ обществѣ, и сангха, предусматривая таковое зло, положила: если таковой отступникъ вновь обратится къ сангхѣ и станетъ просить посвященія, сангха имѣла въ такомъ случаѣ право не давать ему посвященія. И вообще позднѣе принятіе сектантовъ въ буддійскую общину сопровождалось извѣстнаго рода испытаніями. Сектантъ, появившій въ средѣ буддистовъ и пожелавшій „оставленія міра" (то-есть, pabbajjâ), по буддійскому закону подвергался временному отлученію (parivâso) на четыре мѣсяца. Ему обривали волосы и бороду, одѣвали въ желтую ризу. Приподая на одно колѣно и поклоняясь въ ноги сангхѣ, онъ со сложенными руками троекратно возвѣщалъ, что идетъ подъ защиту Буддхы, закона и сангхи. Затѣмъ онъ говорилъ: „Я (имя рекъ), возлюбленные, прежде бывшій сектантъ, вождѣлѣю „посвященіе" по этому закону, и сей я, возлюбленные, прошу у сангхи временнаго отлученія на четыре мѣсяца". Эти слова онъ долженъ повторить трижды. Затѣмъ одинъ изъ монаховъ, мудрый и свѣдующій, возглашалъ трижды сангхѣ: „Внемлите мнѣ, возлюбленные, о сангха! Сей (имя рекъ) прежде бывшій сектантъ вождѣлѣетъ „посвященія" по этому закону и проситъ у сангхи временнаго отлученія на четыре мѣсяца. Если для сангхи настало время, да даруетъ сангха сему (имя рекъ) временное отлученіе на четыре мѣсяца! Сіе возглашеніе. Внемлите мнѣ, возблюленные, о, сангха! Сей (имя рекъ), прежде бывшій сектантъ вождѣляетъ „посвященія" по этому закону и проситъ у сангхи временнаго отлученія на четыре мѣсяца.

Сангха даруетъ сему (имя рекъ) временное отлученіе на четыре мѣсяца. Тотъ досточтимый, кто согласенъ даровать сему (имя рекъ), бывшему сектанту временное отлученіе на четыре мѣсяца, тотъ да молчитъ; кто же не согласенъ, тотъ да говоритъ! Даровала сангха сему (имя рекъ), бывшему сектанту временное отлученіе на четыре мѣсяца. Сангха согласна, а потому и молчитъ. Такъ я принимаю сіе!"

Во время этого временнаго отлученія бывшій сектантъ долженъ исполнять извѣстные предписанія:

1) Во время вступать въ деревню, для собиранія милостыни и во время возвращаться.

2) Онъ долженъ избѣгать общества женщинъ: публичныхъ, вдовъ, дѣвушекъ, монахинь и общества евнуховъ.

3) Всѣ предписанія цѣломудренной жизни обязательны для него, и онъ долженъ соблюдать ихъ тщательно и неукоснительно.

4) Онъ долженъ прилежать къ наставленіямъ, къ высшей нравственности, высшему мышленію и разуму.

5) Онъ не долженъ радоваться и быть доволенъ, если при немъ хвалятъ его бывшую секту и при этомъ поносятъ буддійское ученіе. При невыполненіи этихъ пяти условій бывшій сектантъ и можетъ получить „посвященіе". Онъ считается „не ублаготворившимъ" (anârâdhako) [1].

Были, впрочемъ, сектанты, которые получали посвященіе безъ предварительнаго испытанія или временнаго отлученія: 1) тѣ, которые были сакійскаго рода; Сакійцы не подвергались предварительному испытанію, ибо предполагалось, что они не станутъ поносить свое родовое ученіе, ученіе мудреца изъ роду Сакьевъ; 2) сектанты aggikâ и jatilakâ, ибо эти секты не отрицали дѣлъ съ послѣдствіями [2].

Люди, зараженные извѣстными болѣзнями, напримѣръ, проказою, нарывами, сыпью, чахоткою, падучею, не могли быть посвящаемы [3].

Воинъ, царскій слуга не могъ самовольно принимать посвященія. Сангха не имѣла права посвящать царскаго министра, совѣтника и простаго слугу, всякаго получающаго отъ царя жалованье. Но родственники царскаго слуги: сыны, внуки, братья, не получающіе отъ

---

[1]) См. Mahâvagga, añña titthiya pubbakathâ.

[2]) См. тамъ же, а также комментарій, глава aññatitthiyapubbakathâ.

[3]) См. тамъ же. Описаніе болѣзней см. въ комм., въ главѣ pancâbâdhavathukathâ.

царя жалованье могутъ самовольно принимать посвященіе. Можно было даровать посвященіе таковому царскому слугѣ, который возвратилъ царю свое жалованье, поставилъ на свое мѣсто сына или брата и такимъ образомъ перестал быть царскимъ слугой, или же закончилъ то дѣло, за которое получилъ жалованье [1]).

Сангха не должна была посвящать разбойника, пользующагося извѣстностью, то-есть, разбойника, именуемаго въ канонѣ: dhaja baddho или поднявшаго знамя и извѣстнаго на подобіе какого-либо царя; иными словами—нельзя было посвящать человѣка, завѣдомо грабившаго, убившаго и производившаго взломы по деревнямъ, дорогамъ и городамъ.

Если таковыя дѣла свершалъ какой-нибудь царевичъ, добивавшійся царства, ему можно было даровать посвященіе, но только въ томъ случаѣ, когда этимъ останутся довольны другіе цари; если же посвященіе царевича не понравится другимъ царямъ, не слѣдуетъ его посвящать. Если разбойникъ, пользующійся извѣстностью, оставить свое ремесло и станетъ исполнять пять заповѣдей, и людямъ сіе сдѣлается извѣстнымъ, таковому разбойнику можно даровать посвященіи. Тайкомъ ворующихъ и притомъ неизвѣстныхъ людямъ посвящать можно было.

Разбойникъ, бѣжавшій изъ тюрьмы не могъ быть посвящаемъ [2]).

Разбойникъ оповѣщенный (likhitakaro) не могъ быть посвящаемъ въ монахи. Если кто-либо, свершивъ какое-либо преступленіе, бѣжитъ, а царь въ это время прикажетъ написать на листѣ или въ книгѣ и объявить: „такого-то гдѣ бы онъ не показался схватить и убить, или же отрубить ему руки и ноги, или же наказать его такимъ-то образомъ",—таковой бѣглецъ носилъ названіе „оповѣщеннаго" и не могъ быть посвящаемъ.

Высѣченнаго кнутомъ нельзя было посвящать, впрочемъ до тѣхъ поръ, пока на немъ оставались знаки. Нельзя было посвящать того, у кого были знаки отъ разженнаго желѣза на челѣ или на груди, то-есть, раба. Нельзя было посвящать должника, хотя бы долгъ былъ сдѣланъ и не имъ, а отцемъ или дѣдомъ. Если родные должника или даже кто-либо посторонній принималъ на себя его долгъ, въ такомъ случаѣ онъ могъ быть посвященъ. Если по невѣдѣнію монахи

---

[1]) Подробности взяты изъ комм., въ главѣ râjabhatavatthu.

[2]) Въ комментаріи приводится нѣсколько случаевъ, когда и таковаго можно было посвящать.

посвятили должника, и затѣмъ открывался его заимодавецъ, посвятившій должника долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ заимодавцемъ и выплатить ему весь долгъ посвященнаго или же часть по соглашенію. Онъ можетъ также просить заимодавца о прощеніи долга [1]).

Нельзя посвящать евнуха. Евнухъ посвященный отлучается. Не слѣдуетъ посвящать „воровскаго сожителя", theyyasamvâsako. Онъ долженъ быть отлученъ, если таковой характеръ его узнанъ.

Комментарій подробно толкуетъ, какихъ лицъ слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „воровскихъ сожителей". Нѣкто можетъ самъ покинуть міръ и подъ такимъ видомъ явится къ монахамъ, въ монастырь. Здѣсь онъ не почитаетъ монаховъ по старшинству, не уступаетъ имъ сѣдалища, не участвуетъ въ упошатхѣ, паваранѣ и прочихъ церемоніяхъ. Таковой „воровской сожитель" оставилъ міръ ради внѣшняго признака.

Если саманеръ или сâмâнъ, посвященный монахами, отправившись на чужую сторону, ложно объявитъ число лѣтъ со времени своего посвященія, и хотя бы онъ исполнялъ всѣ предписанія, таковой почитается „воровскимъ сожителемъ" ради сожительства.

Можетъ быть еще третій видъ „воровскаго сожителя", такое лицо, которое само, безъ посредства монаховъ, покинуло міръ, и хотя бы оно исполняло предписанія канона, оно все-таки считается „воровскимъ сожителемъ".

Если кто-либо, устрашась гнѣва царскаго, пріиметъ внѣшній видъ монаха и затѣмъ искренно объявится монахомъ и станетъ просить „оставленіе міра", такому, по снятіи съ него облаченія, можно даровать „оставленіе міра"; но если онъ утаитъ отъ монаховъ свой истинный характеръ, его слѣдовало отвергнуть. Такъ точно слѣдовало поступать съ тѣмъ, кто, не имѣя возможности существовать во время голода, самъ безъ посредства монаховъ покинетъ міръ, станетъ принимать участіе въ трапезахъ сектантовъ, а по окончаніи голода пріиметъ видъ мірянина; таковому не слѣдовало даровать „оставленіе міра". Также точно слѣдовало поступать съ человѣкомъ, пріявшимъ „оставленіе міра" безъ посредства монаховъ съ цѣлью благополучно миновать какой-либо опасный путь. Въ коммен-

[1]) Всѣ эти подробности въ комментаріи, въ главѣ: iṇâyikavatthukathâ.

таріи приводятся, кромѣ того, еще нѣсколько другихъ менѣе важныхъ случаевъ „воровскаго сожительства“ [1]).

Не слѣдуетъ посвящать ушедшаго къ еретикамъ [2]); его же слѣдуетъ отлучать, если онъ уже пріялъ посвященіе.

Не слѣдуетъ посвящать звѣрей, то-есть, змѣй, могущихъ принимать человѣческій образъ.

Убійца матери не можетъ быть посвященъ: таковой долженъ быть отлученъ, если онъ и уже пріялъ посвященіе. То же правило должно соблюдаться относительно отцеубійцы, убійцы архата, причинившаго какой-либо вредъ монахинямъ, поссорившаго сангху, пролившаго кровь хотя бы и немного, но съ злымъ умысломъ, гермафродита.

Нельзя посвящать не имѣющаго наставника, чаши, чивары или имѣющаго чашу и чивару, занятыя на время церемоніи посвященія. Канонъ [3]) называетъ цѣлый рядъ физическихъ уродовъ, для которыхъ „оставленіе міра“ было невозможно: „1) безрукій и безногій, 2) безухій, 3) безносый, 4) безпалый, 5) безъ мизинца, 6) съ перерѣзанными жилами, 7) съ пальцами, связанными перепонкой, 8) горбатый, 9) карликъ, 10) съ зобомъ, 11) съ елефантіазисомъ, 12) неисцѣлимо больной, 13) страшно безобразный, 14) кривой, 15) кривоногій или криворукій, 16) разбитый параличемъ, 17) горбатый, 18) отъ старости дряхлый, 19) слѣпой, 20) нѣмой, 21) глухой, 22) слѣпо-глухой, 23) слѣпо-нѣмой, 24) глухо-нѣмой, 25) слѣпо-глухонѣмой; всѣ эти уроды не могли „оставлять міръ“.

5. Выше былъ изложенъ церемоніалъ „оставленія міра“. Оставившій міръ есть членъ сангхи, но не есть еще „посвященный“; какъ обязанности, такъ и права ихъ, не одинаковы.

Оставившій міръ принимаетъ три защиты, долженъ неукоснительно исполнять десять заповѣдей. Онъ облаченъ въ монашескую одежду и обритъ. Первоначально, судя по древнѣйшимъ легендамъ, для „оставленія міра“ не требовалось [4]) какого-либо участія сангхи. Человѣкъ могъ обязываться исполнять пять первыхъ заповѣдей и становился буддистомъ-міряниномъ (упâсака), или же онъ принималъ десять [5]),

---

[1]) См. главу theyyasamvâsakathâ.

[2]) Titthiyapakkantako.

[3]) Mahâvagga, въ концѣ dâyajjabhânavara.

[4]) Легенда о Рахулѣ и его наббажжâ въ Махâвасту.

[5]) Упâсака или міряninъ долженъ воздерживаться отъ: 1) убійства всего живаго; 2) воровства) 3) разврата; 4) лжи; 5) пьянства. См. Пратимокшасутра, стр. 35.

заповѣдей передъ лицемъ какого-либо бхикшу, который обривалъ ему волосы и облекалъ въ монашеское одѣяніе. Позднѣе, соизволеніе на послѣдній актъ, то-есть, бритье новаго члена, должно было испрашивать у сангхи.

Сангха, живущая въ одной границѣ [1]), въ такомъ случаѣ собирается въ одно мѣсто, и туда же приводится пожелавшій „оставить міръ". Приведшій его туда монахъ, и въ то же время, принявшій на себя руководить новымъ членомъ, обращается къ общинѣ монаховъ со словами: „Возлюбленные, испрашиваю у сангхи соизволеніе обрить этого юношу!" Эти слова онъ повторяетъ три, два или же только одинъ разъ. Онъ можетъ выразить свою просьбу и иначе, сказать, напримѣръ: „Испрашиваю позволеніе обрить этого юношу", или же: „испрашиваю позволеніе сдѣлать его саманомъ" (то-есть, подвижникомъ); „испрашиваю позволеніе такому-то оставить міръ"; „такой-то желаетъ сдѣлаться саманомъ"; „такой-то желаетъ оставить міръ".

Можно, впрочемъ, испрашивать разрѣшеніе сангхи и не собирая всѣхъ монаховъ въ одно мѣсто; достаточно послать къ каждому изъ нихъ какого-либо молодаго монаха или саманера съ словеснымъ порученіемъ испросить разрѣшеніе на бритье.

Церемонія эта, само собою разумѣется, не имѣетъ мѣста когда въ буддійскую общину вступаетъ уже обритый, напримѣръ, нирграптха, или волосы котораго очень коротки въ два пальца и менѣе, то-есть, когда обривать нечего. Но у кого волосы длиннѣе двухъ пальцевъ, и хотя бы была одна прядь, для того свершеніе вышесказанной церемоніи необходимо.

Къ „не посвященнымъ", но покинувшимъ міръ, причисляются послушники или саманеры. Саманеровъ, то-есть, послушниковъ или учениковъ, каждый монахъ можетъ имѣть столько, сколько онъ въ силахъ научить и наставить. Саманерамъ должно было преподавать десять заповѣдей:

1) воздержаніе убивать все живое; 2) воздержаніе брать недарованное; 3) воздержаніе отъ нецѣломудрія; 4) воздержаніе отъ лжи; 5) воздержаніе отъ опьяненія виномъ, спиртными напитками, какъ причины охлажденія къ вѣрѣ; 6) воздержаніе отъ ѣды не во время; 7) воздержаніе отъ пляски, пѣнія, музыки и зрѣлищъ; 8) воздержаніе отъ гирляндъ, благоуханія и умащеній, отъ всего украшающаго

---

[1]) О значеніи этого слова см. ниже. Всѣ подробности этой церемоніи взяты изъ комментарія.

и наряжающаго; 9) воздержаніе отъ высокихъ и большихъ ложъ; 10) воздержаніе принимать золото и серебро;

Пять преступленій саманеровъ влекутъ за собою временныя наказанія:

1) если они станутъ стараться о томъ, чтобы монахи не получали милостыню; 2) или о причиненіи имъ зла; 3) или о томъ, чтобы монахи остались безъ жилища; 4) за брань и порицанія монаховъ; 5) за поселеніи раздора между монахами.

Наказанія саманерамъ состоятъ въ „запрещеніяхъ" ходить кудалибо, ѣсть что-либо и т. д.[1]). Запрещеніе накладывается непремѣнно съ вѣдома учителя. Считается проступкомъ переманивать отъ учителя его послушниковъ.

За десять грѣховъ послушникъ (саманеръ) подвергается полному отлученію:

1) за убіеніе живаго, 2) взятіе не даннаго, 3) нецѣломудріе, 4) ложь, 5) пьянство, 6) хуленіе Будды, 7) закона, 8) сангхи, 9) ложныя воззрѣнія, 10) оскверненіе монахинь.

6. Обрядъ посвященія на Цейлонѣ сохранился въ наиболѣе первичной формѣ. Обрядъ непремѣнно свершается въ сангхѣ.

Посвящающій членъ сангхи долженъ предложить новопосвящаемому тринадцать вопросовъ: 1) Нѣтъ ли у тебя такихъ болѣзней: проказы, нарывовъ, сыпи, чахотки, падучей? 2) Человѣкъ ли ты? 3) Мужчина ли ты? 4) Отпущенникъ ли ты? 5) Должникъ ли ты? 6) Не царскій ли ты слуга? 7 и 8) Получилъ ли ты разрѣшеніе отъ отца съ матерью? 9) Исполнилось ли тебѣ двадцать лѣтъ? 10 и 11) Есть ли у тебя чаша и чивара? 12) Какъ твое имя? 13) Какъ зовутъ твоего учителя?

Посвященъ, конечно, можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ не ложный отрицательный отвѣтъ на первый вопросъ, и утвердительный на второй и третій, кто не рабъ, не имѣетъ за собою долговъ, не царскій слуга; кому родители разрѣшили посвятиться въ монахи, и кто имѣетъ свыше двадцати лѣтъ. Передъ посвященіемъ онъ долженъ имѣть чашу, монашеское облаченіе и наставника. Вопросы эти предлагаются въ сангхѣ, и передъ тѣмъ новопосвященный научается отвѣтамъ. Обязанность научить новопосвящаемаго лежитъ на монахѣ, избранномъ сангхою. Научающій разумный монахъ можетъ или самъ себѣ предложить сангхѣ для отправленія этихъ обязанностей, или же

[1]) Mahâvagga, глава dandakammavatthu.

другой его предлагаетъ сангхѣ. Въ первомъ случаѣ сангха оглашается такимъ образомъ: „Внемлите мнѣ, возлюбленные, о сангха! Такой-то (имя рекъ) отъ такого-то почтеннаго (имя рекъ) ожидаетъ посвященія. Если для сангхи время настало я такого-то (имя рекъ) научу!“ Во второмъ случаѣ конецъ оглашенія измѣняется такимъ образомъ: „Такой-то (имя рекъ) да научитъ такого-то (имя рекъ)!“ Избранный монахъ начинаетъ свои наставленія такимъ образомъ: „Внемли, такой-то (имя рекъ)! Се время говорить тебѣ правду и истину. О сущемъ, когда сангха будетъ вопрошать, ты долженъ говорить: есть! о не сущемъ: нѣсть! Не дрожи, не робей!“ Затѣмъ научающій предлагаетъ вышеприведенные тринадцать вопросовъ.

Научивъ отвѣтамъ новопосвящаемаго, научающій монахъ ведетъ его къ сангху, которой возвѣщаетъ: „Внемлите мнѣ, возлюбленные, о сангха! Такой-то (имя рекъ), ожидающій посвященія отъ почтеннаго такого-то (имя рекъ), наученъ мною. Если для сангхи время удобно, такой-то (имя рекъ) да пріидетъ!“ Затѣмъ, по полученіи согласія сангхи, онъ говоритъ новопосвящаемому: „приходи!“ и заставляетъ его, обнаживъ одно плечо, поклониться въ ноги монахамъ. Послѣ того новопосвящаемый, сѣвъ на корточки и сложивъ почтительно руки, обращается къ сангхѣ: „У сангхи, возлюбленные, испрашиваю посвященія; сострадая ко мнѣ, возлюбленные, о сангха, вознесите меня!“ Эти слова онъ повторяетъ трижды. Тогда сильный и разумный монахъ возвѣщаетъ сангхѣ: „Внемлите мнѣ, возлюбленные, о сангха! Сей такой-то (имя рекъ) ожидаетъ посвященія отъ почтеннаго такого-то (имя рекъ). Если для сангхи время удобно, я такого-то (имя рекъ) вопрошу о препятствующихъ (посвященію) явленіяхъ. Внемли, такой-то (имя рекъ)! Се время говорить тебѣ истину и сущую правду. О томъ, что̀ есть, стану вопрошать. О сущемъ ты долженъ говорить „есть“, о не сущемъ: „нѣсть“. Затѣмъ новопосвящаемому предлагаются тринадцать вопросовъ.

По окончаніи допроса сильный и разумный монахъ возвѣщаетъ сангхѣ: „Внемлите мнѣ, возлюбленные, о сангха! Сей такой-то (имя рекъ) ожидаетъ посвященія отъ почтеннаго такого-то (имя рекъ). Онъ чистъ отъ препятствующихъ посвященію явленій. У него есть и чаша, и чивара. Таковой-то испрашиваетъ у сангхи посвященія вмѣстѣ съ таковымъ-то (имя рекъ) учителемъ. Если для сангхи время удобно, то да посвятитъ сангха такого-то (имя рекъ) вмѣстѣ съ таковымъ-то (имя рекъ) учителемъ!“ Оглашеніе производится трижды, и молчаніе сангхи принимается за знакъ согласія.

На Цейлонѣ есть обычай посвящать въ день полнолунія мѣсяца Вансакха (май—іюнь), то-есть, въ годовщину нирваны Будды, и въ слѣдующіе три дня [1]. Для этой церемоніи собираются не менѣе десяти посвященныхъ монаховъ въ зданіе молитвы или поя-ге. Предсѣдательствуетъ въ этомъ собраніи махâнâјака, то-есть, такой монахъ, со времени посвященія котораго истекло не менѣе десяти лѣтъ.

Передъ каждымъ посвященіемъ повторяется вновь вышеизложенный обрядъ „оставленія міра", хотя бы онъ и былъ уже свершенъ надъ новопосвящаемымъ.

Посвященіе на Цейлонѣ такимъ образомъ состоитъ въ испытаніи кандидата, въ представленіи его „общинѣ" и въ дарованіи согласія сангхою на его поступленіе въ число полноправныхъ монаховъ, собственно составляющихъ сангху дѣйствующую или свершающую обряды. Таковой обрядъ посвященія сохранился въ буддійскихъ странахъ на югѣ, на Цейлонѣ, въ Бирмѣ и въ Сіамѣ.

Посвященнаго по свершеніи обряда научаютъ: 1) измѣрять тѣнь (для опредѣленія часа ѣды), 2) опредѣлять время года: сезонъ дождей, зиму, лѣто, 3) опредѣлять время дня, 4) sangîti, то-есть, распѣву, или отвѣчать на распѣвъ на вопросы: какая у тебя тѣнь, какое теперь время года, какое время дня? 5) Ему передаютъ четыре подпоры (nissaya): a) до конца жизни онъ долженъ питаться крошками милостыни, b) облекаться въ ветошь пыльную, c) жить подъ деревомъ, d) лѣчиться изверженіями [2].

Новопосвященному дарується спутникъ, и ему преподается о четырехъ главныхъ запретныхъ дѣлахъ (akaraniyâni): a) нецѣломудріи, b) воровствѣ, c) убійствѣ, d) хвастовствѣ сверхъестественными способностями [3].

7. Въ другихъ буддійскихъ странахъ обрядъ посвященія гораздо сложнѣе. Въ Непалѣ [4] вступленіе въ буддійское общество начинается принятіемъ трехъ защитъ и десяти заповѣдей:

„Вѣрующій или вѣрующая въ благополучный день, свершивъ омовенія и облекшись въ чистыя одѣянія, на открытомъ мѣстѣ почитаютъ изображенія Будды пятью приношеніями. Передъ этимъ изображеніемъ онъ или она чертятъ мандалака [5]) въ честь трехъ

---

[1]) *J. F. Dickson*, The Upasompadá Kammavácá, стр. 1.

[2]) Въ Mahâvagga, въ главѣ cattâro nissayâ.

[3]) Тамъ же, въ главѣ cattâri akaranîyâni.

[4]) âdikarmapradîpa (рукопись Лондонскаго азіатскаго общества), л. 2.

[5]) Разнообразные круги, имѣющіе мистическое значеніе.

драгоцѣнностей (въ честь Буддхы, закона и сангхи) и учителя; затѣмъ вѣрующій или вѣрующая благоговѣйно припадаетъ къ стопамъ учителя вмѣстѣ съ приношеніями послѣднему. Сѣвъ на корточки или припавъ на одно колѣно, онъ или она трижды молятъ: „Даруй мнѣ, о другъ добродѣтели, три защиты и воздержанія по десяти мірскимъ заповѣдямъ".

Видя ученика, исполненнаго твердаго намѣренія, учитель долженъ сказать: „Дарую тебѣ сіе какъ могу. Говори, почтенный! Пріемли меня, о наставникъ! Я (имя рекъ), начиная отъ нынѣшняго мгновенія до тѣхъ поръ, пока не возсяду на сѣдалищѣ подъ древомъ Бодхи (ficus religiosa) [1]), иду подъ защиту Буддхы, господа всевѣдящаго и всевидящаго, не устрашимаго никакимъ страхомъ вражды, великаго существа съ тѣломъ неуязвимымъ, съ тѣломъ высочайшимъ, превысочайшаго между людьми. Иду подъ защиту закона лучшаго изъ безстрастій. Иду подъ защиту сангхи, лучшей изъ общинъ".

Эти слова вѣрующій или вѣрующая должны повторять трижды. Затѣмъ учитель научаетъ своего ученика десяти заповѣдямъ: 1) воздержанія отъ убійства; 2) отъ воровства; 3) отъ заблужденія въ страстяхъ; 4) отъ лжи; 5) клеветы; 6) брани; 7) болтовни; 8) зависти; 9) ненависть; 10) лжеученія. Затѣмъ, по принятіи десяти заповѣдей, слѣдуетъ возглашеніе мірскаго воздержанія: „Пріемли меня, о учитель! Какъ тѣ чтимые, святые до конца жизни, оставивъ убійство, воздерживались отъ убійства, такъ и *я*, начиная отъ настоящаго мгновенія до конца жизни, оставивъ убійство, воздержусь отъ убіенія" и т. д. Говоря тѣ же слова, міряянинъ отрекается отъ 2) воровства, 3) заблужденія въ страстяхъ, 4) лжи, 5) пьянства и мѣстъ пьянства.

Эти „обѣты мірянъ" (упâсакаврата) пріемлются на седьмомъ году отъ зачатія и до двѣнадцаго года. Обѣты обязательны для брахмановъ, кшатріевъ, вайсјавъ и судръ, принадлежащихъ къ буддійскому ученію [2]). При этомъ волосы не обриваются. За принятіемъ „обѣтовъ мірскихъ" слѣдуетъ монашеское посвященіе. Непальское сочиненіе, на которое была сдѣлана сейчасъ ссылка, знаетъ три вида монаховъ: бхикшу, саманера и челака.

Принимающему монашескіе обѣты 1) обриваютъ волосы и оставляютъ на головѣ одну прядь (сикхâ), 2) даруютъ желтокрасныя одѣ-

---

[1]) Иными словами, пока не стану Буддхою.

[2]) О вратопанаjанам см. Пâпапаримочана (рукопись), л. 3, пр.

янія и десять заповѣдей, 3) измѣняютъ его мірское имя, 4) онъ долженъ отказаться отъ: а) пляски, пѣнья, музыки, б) гирляндъ, благоуханій, умощеній и нарядовъ, в) отъ великихъ и высокихъ ложъ, г) отъ ѣды не во время, д) отъ принятія золота и серебра [1]).

Въ другомъ непальскомъ сочиненіи [2]) сохранилась выдержка изъ винаи (на санскритскомъ языкѣ) объ обрядѣ „оставленія міра“:

„Въ винаѣ сказано: при учителѣ и при наставникѣ слѣдуетъ оставлять міръ и принимать посвященіе. Бхикшу не знали, какъ слѣдуетъ оставлять міръ, и какъ слѣдуетъ посвящать. Господь сказалъ, если кто прійдетъ къ кому-либо для оставленія міра, вопросивъ того о препятствующихъ явленіяхъ, слѣдуетъ даровать тому три защиты и пять заповѣдей мірскаго воздержанія“.

Формула троекратнаго принятія трехъ защитъ была приведена выше. Оставляющему вмѣнялось въ обязанность передъ тѣмъ почтить чайтья, начертить мандала передъ учителемъ, и затѣмъ, сидя на корточкахъ передъ учителемъ, со сложенными руками дать обѣщаніе исполнять пять заповѣдей: воздержаться отъ убійства, воровства, разврата, лжи, пьянства. Затѣмъ оставляющій міръ испрашиваетъ себѣ учителя (âчâрjа) и наставника (упâдхjâjа). Ему обриваютъ волосы и оставляютъ одну прядь (чудâ или синхâ); затѣмъ его спрашиваютъ, имѣетъ ли онъ твердое намѣреніе „оставить міръ“. Если на такой вопросъ будетъ данъ утвердительный отвѣтъ, учитель, обривъ „оставляющаго міръ“, омываетъ его водою четырехъ морей и облекаетъ въ желтыя одѣянія. Оставляющій міръ долженъ при этомъ трижды сказать: „Я (имя рекъ) до конца жизни оставляю мірской признакъ, и пріемлю признакъ оставившаго міръ“. Ему мѣняютъ его мірское имя на новое монашеское, сообразно съ обычаями секты; заставляютъ трижды повторить принятіе трехъ защитъ и десять заповѣдей, которыя были выше приведены. Затѣмъ новопосвящаемый долженъ испросить себѣ чашу (патра), чивâру, то-есть, монашеское облаченіе, учителя и наставника. Все послѣднее свершается въ собранной сангхѣ. Сущность формулъ при этомъ осталась та же, что и въ пâлійскихъ, хотя выраженія, слова не одинаковы и видимо позднѣйшаго происхожденія [3]).

---

[1]) Тамъ же; далѣе описываются необходимыя вещественныя принадлежности всякаго бхикшу. Бхикшу исполняетъ наибольшее число заповѣдей; саманера въ половину меньше его; челака еще меньше на половину.

[2]) Крijâсанграха, съ Куладатты, упракарана.

[3]) О томъ же обрядѣ *B. H. Hodgson*, Essays, I, 139 и сл. О значеніи тутъ описаннаго обряда будетъ говорено ниже.

8. Въ Китаѣ буддійское общество также дѣлится на мірянъ и на монашествующихъ [1]). Послѣднихъ, то-есть, ведущихъ жизнь безбрачную. пять классовъ: 1) шами—мальчики [2]); 2) шамини — дѣвицы, съ малолѣтства (съ 7 лѣтъ) приготовляемыя къ безбрачной жизни, живущіе въ кумирнѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ кого-нибудь изъ братства; 3) шича моно — вдовы или дѣвицы, по обстоятельствамъ не вышедшія за мужъ, и въ предположеніи вступить въ буддійское женское общество на дому изучающія смыслъ обѣтовъ; 4) бхикшу — возрастные мужчины и наконецъ, 5) бхикшуни — возрастныя женщины, посвятившія себя безбрачію, безмолвію и дѣятельному изученію буддизма и принявшія между прочимъ обѣтъ жить подаяніемъ.

Бхикшу и бхикшуни носятъ одно общее названіе сэнъ (то-есть, сангха) или общины по преимуществу, потому что у буддійскаго братства всё—и одежда, и пища, и жилище, и слова, и мысли, и занятія должны быть общи, одинаковы.

Китайскіе міряне-буддисты принимаютъ обѣты воздержанія не только на всю жизнь, что̀, какъ мы видѣли, обязательно по канону палійскому и по непальскимъ предписаніямъ, но могутъ также исполнять эти обѣты въ извѣстные дни и извѣстный ограниченный періодъ времени.

Предметы воздержанія тѣ же, что̀ выше были указаны. Обѣты мірянъ раздѣляются на главные, къ которымъ отнесены четыре заповѣди: 1) не лишать жизни тварей, 2) не красть, 3) не лгать, 4) не нарушать правилъ цѣломудрія,—и на обѣты второстепенной важности, куда отнесены остальныя заповѣди: 5) не пить вина, 6) не садиться на покойный стулъ (диванъ), 7) не убирать волосъ цвѣтами (не носить цвѣточныхъ вѣнковъ) и не натираться благовоніями, 8) не пѣть пѣ-

---

[1]) О. *Гурія*, Обѣты буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ (у Китайцевъ) см. *Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ*, т. II, стр. 197 и слѣд. Обрядникъ, на который ссылается авторъ, составилъ «нѣкто по имени *Цзэсянъ* подъ руководствомъ знаменитаго Хэшана *Ду-ти*..... въ 17-мъ году правленія *Шуньчжи* (онъ) напечаталъ его въ *Цзинь-линѣ* (близь Нанкина) и передалъ его, какъ руководство, во всеобщее употребленіе». Объ этомъ сочиненіи авторъ далѣе говоритъ: «По духу своему онъ принадлежитъ къ высшему ихъ ученію (Ци-синь), и потому-то, можетъ быть, распространенъ болѣе у такъ называемыхъ созерцателей (Цзунъ-ся). Онъ носитъ названіе: Сань-тань-чуань-цзѣ-чженъ-фань, то-есть, правильная форма возложеніе трехъ обѣтовъ.

[2]) То же, что̀ саманера! См. тамъ же, стр. 202.

сенъ, не плясать и не посѣщать народныхъ зрѣлищъ, и наконецъ, 9) не принимать пищи послѣ полудня. Нынѣ въ Китаѣ, по словамъ о. Гурія [1]), обыкновенно избираютъ пять первыхъ правилъ, но исполненіе ихъ обѣщаютъ только въ извѣстные дни, такъ что дурное дѣло, сдѣланное въ 9-е число мѣсяца, совершенно не будетъ грѣхомъ противъ обѣта; преступить же обѣтъ въ 8-е, 14-е, 15-е и прочія числа мѣсяца значитъ—согрѣшить тяжко.

Самое возложеніе этихъ обѣтовъ совершается и великолѣпно, и просто, смотря по богатству и важности лица, принимающаго обѣты. Впрочемъ, все великолѣпіе ограничивается количествомъ благовонныхъ свѣчъ, сжигаемыхъ по этому случаю, и числомъ братства, приглашаемаго къ обряду и потомъ къ угощенію [2]). Самый обрядъ сходенъ съ тѣми формами обряда „оставленія міра", о которыхъ было говорено выше. Послѣ словеснаго, келейнаго наставленія одинъ хэшанъ и два приставника идутъ въ храмъ (дэнь); тамъ просящій обѣтовъ прежде всего по руководству приставниковъ разставляетъ зажженныя благовонныя свѣчи и дѣлаетъ по три поклоненія передъ каждымъ истуканомъ Будды и бодхисатвъ. Потомъ передъ главнымъ истуканомъ Будды становится на колѣна и по требованію хэшана произноситъ обѣтъ: въ „такіе-то" дни исполнять „такія-то" правила. Заключаетъ это новыми тремя поклоненіями, прося Будду услышать его обѣтъ [3]). По возложеніи обѣтовъ, ни возложившій, ни принявшій обѣты, кромѣ обыкновенныхъ, полезныхъ разговоровъ о проповѣди Будды въ аду и у драконовъ, не имѣютъ никакихъ духовныхъ отношеній. Принявшій обѣты самъ, какъ знаетъ, исполняетъ ихъ, и въ случаѣ преступленія, самъ себя и исправляетъ, если сочтетъ это нужнымъ. Возлагавшій на него обѣты, или кто другой изъ братства, не обязанъ и не можетъ напоминать ему его обѣта. Передъ возложеніемъ обѣта ему однажды навсегда скажутъ, чего должно надѣяться отъ исполненія обѣта точнаго, и что̀ будетъ, если преступитъ ихъ. Тѣмъ и оканчиваютъ наставническія отношенія. Еслибы принявшій обѣты вздумалъ жениться, то женится на комъ и сколько разъ ему угодно; ни братству, ни возлагателю обѣтовъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Родятся у него дѣти, умираютъ, женитъ онъ ихъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 205.
[2]) Тамъ же, стр. 206.
[3]) Тамъ же, стр. 206.

учитъ чему и какъ, самъ онъ умираетъ—братство въ подобныя дѣла не вступается [1]).

Обѣты монаховъ гораздо многочисленнѣе. Къ вступленію въ званіе отшельника, говоритъ о. Гурій [2]),—со стороны гражданской нѣтъ никакого препятствія. Съ согласія родителей всякій можетъ идти въ отшельники, не сказавъ мѣстному начальству о своемъ намѣреніи. Но братство принимаетъ къ себѣ съ разборомъ и довольно тонкимъ. Желающій поступить въ сословіе отшельниковъ долженъ быть здоровъ, со способностями, безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ, добропорядочной жизни, и принять обѣды.

Въ Китаѣ три рода посвященія: 1) шами, 2) бикшу и 3) бодхисатвы. Въ прежнее время между каждымъ изъ этихъ посвященій проходилъ извѣстный значительный промежутокъ времени. Нынѣ это дѣлается иначе; за одинъ разъ совершаютъ всѣ три рода посвященія [3]).

Возложеніе обѣтовъ продолжается четыре мѣсяца (съ 4-й луны 15-го числа по 15-е 8-й луны). Число просителей рѣдко бываетъ меньше 100 человѣкъ, и всѣ они до окончанія дѣла содержатся на счетъ кумирни. Кромѣ расходовъ на пищу, приготовленіе мѣста, прислугу и пр., бываетъ нужно приглашать братства изъ другихъ общежительствъ. Кумирня, предпринимающая дѣло возложенія обѣтовъ, готовится къ нему долго, иногда до десяти лѣтъ, и во всякомъ случаѣ не обходится безъ помощи другихъ кумиренъ. Запасшись достаточными средствами, кумирня обнародуетъ и совершаетъ возложеніе обѣтовъ — этотъ пиръ во славу ученія (фа-янь): такъ выражаются буддисты [4]).

Принятіе обѣтовъ отшельническихъ, то-есть, обѣтовъ шами, бхикшу и бодхисатвы обставлены большею торжественностью.

Шами есть то же, что саманера (срманера). Они съ малолѣтства живутъ въ кумирнѣ и подъ руководствомъ какого-нибудь опытнаго старца упражняются въ какихъ-нибудь уставахъ (то-есть, напримѣръ, въ пяти заповѣдяхъ, обязательныхъ для мірянъ). Въ кумирнѣ же ихъ учатъ грамотѣ, читать и пѣть буддійскія книги и другимъ разнымъ необходимымъ для буддійскаго отшельника упражненіямъ. Они съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 208.
[2]) Тамъ же, стр. 219.
[3]) Тамъ же, стр. 220.
[4]) Тамъ же, стр. 222.

малолѣтства брѣютъ голову, носятъ буддійское платье и составляютъ прислугу пожилыхъ отшельниковъ. На правахъ шами или сраманера могутъ поступать въ кумирню и взрослые. Поступленіе въ послушники свершается въ полномъ собраніи всѣхъ монаховъ кумирни подъ предсѣдательствомъ начальствующаго.

Обрядъ поступленія значительно разнится отъ вышеописаннаго цейлонскаго. Когда начальствующій въ кумирнѣ возсядетъ на свое кресло, то все собраніе покланяется ему [1]). Затѣмъ просители становятся на колѣна, и передній за всѣхъ предлагаетъ начальствующему свою покорнѣйшую просьбу—принять ихъ подъ свое руководство, освободить ихъ отъ узъ страстей, разсѣять мракъ ихъ души, научить истинному подвижничеству. Въ отвѣтъ на эту просьбу, начальствующій произноситъ рѣчь [2]). Рѣчь эта заканчивается словами: „Обѣщаетесь ли вы по всемъ дѣйствовать по духу ученія?" (обѣщаемъ)! Если вы обѣщаете, то я пошлю нѣсколькихъ приставниковъ пригласить наставника (Цзяо-шоу): онъ осмотритъ вашу одежду и чашку; потомъ дѣлопроизводителя: онъ изслѣдуетъ вашу прежнюю жизнь. Если окажется, что одежда и чашка устроены сообразно правиламъ, что вы невиновны въ какихъ-либо тяжкихъ преступленіяхъ, и притомъ не имѣете никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, то приступимъ и къ возложенію на васъ 10 обѣтовъ шами, чтобы такимъ образомъ приготовить васъ къ принятію обѣтовъ бхикшу" [3]).

По окончаніи этой рѣчи начальствующій встаетъ, и сопровождаемый просителями, уходитъ въ свои покои. Все собраніе расходится. Потомъ, не больше какъ черезъ полчаса, бываетъ звонъ къ новому собранію въ той же залѣ. Между тѣмъ начальствующій уже распорядился, чтобъ осмотрѣть у просителей одежду и чашку.

Всѣ просители—каждый со своею одеждой и чашкой—идутъ въ залу; тамъ, на приготовленныхъ длинныхъ столахъ, кладутъ одежду и чашку и становятся каждый противъ своей собственности. Наставникъ приходитъ послѣ всѣхъ и открываетъ собраніе рѣчью [4]). Сказавъ свою рѣчь, онъ встаетъ и говоритъ: „Теперь я у каждаго изъ васъ осмотрю одежду и чашку". Потомъ подходитъ къ каждому поочередно, беретъ и разсматриваетъ вещи [5]). Кончивъ осмотръ, на-

[1]) Тамъ же, стр. 224.

[2]) Тамъ же, стр. 225.

[3]) Тамъ же, стр. 229.

[4]) Тамъ же, стр. 229 и слѣд.

[5]) Тамъ, стр. 231.

ставникъ возвращается къ своему креслу, садится и говоритъ: „Я осмотрѣлъ у васъ одежду и чашку. Радуюсь, что эти вещи нашелъ у васъ въ совершенной исправности. Съ моей стороны обѣщаю вамъ милость хэшана и надежду на курсъ обѣтовъ. Не знаю только, что найдетъ въ васъ дѣлопроизводитель. Приготовьтесь; нынѣшнюю ночь онъ намѣренъ разузнать прежнюю вашу жизнь“. Этою рѣчью оканчивается и собраніе. Проводивъ наставника въ его покои, всѣ расходятся по кельямъ въ ожиданіи заката солнечнаго [1]).

Едва стемнѣетъ, снова бываетъ сборъ въ той же залѣ. Впрочемъ зала хотя и та же, но видъ ея совершенно измѣнился. Столы исчезли; кресло отодвинуто въ глубину залы, позади креселъ виднѣется столикъ со стуломъ, сотни свѣчъ разливаютъ яркій, ослѣпляющій свѣтъ, и облака дыма, отъ курящихся предъ истуканомъ Будды разныхъ благовоній, волнами носятся въ пространствѣ. Буддисты говорятъ, что величіе залы имѣетъ большое вліяніе на откровенность кающихся [2]). Это средство впрочемъ, по ихъ же собственному сознанію, не всегда дѣйствительно, и дѣло никогда почти не обходится безъ пособія вразумляющаго жезла или палки, длиной аршина въ полтора. Палка эта дѣлается изъ крѣпкаго дерева, плоская; на ней написаны двѣ буквы: цинъ, гуй, то-есть, вразумленіе, возвращеніе къ законному порядку [3]).

Дѣлопроизводитель, по обычаю, приходитъ послѣ всѣхъ, покланяется Буддѣ, занимаетъ свое кресло и просителей приготовляетъ къ сознанію рѣчью [4]). Исповѣдуютъ просителей въ слѣдующемъ: I) въ семи преступленіяхъ, къ которымъ относятся: 1) оскорбленія достоинства Будды, 2) убійство отца, 3) убійство матери, 4) убійство хэшана [5]), 5) убійство руководителя, 6) нанесеніе вреда состоянію братства, 7) убійство архата; II) въ десяти видахъ порока; подъ этимъ словомъ понимается: 1) убійство, 2) воровство, 3) угожденіе плоти, 4) ложь, 5) двоязычіе, 6) сквернословіе, 7) сплетеніе софизмовъ, 8) любостяженіе, 9) злоба, 10) ересь; III) въ четырехъ главныхъ грѣхахъ, то-есть, въ 1) убійствѣ, 2) кражѣ, 3) нарушеніи цѣломудрія

---

[1]) Тамъ же, стр. 232.

[2]) Тамъ же, стр. 232.

[3]) Тамъ же, стр. 233.

[4]) Рѣчь приводится тамъ же, стр. 233—247.

[5]) Тамъ же, стр. 239. Хэшанъ есть такое лицо, что понять смыслъ трехъ главныхъ состояній совершенства (архата, бодхисатвы и Будды) и постепенно усвоить ихъ можно только при содѣйствіи его.

и 4) лжи. Грѣхи эти называются главными, потому что стоятъ во главѣ всѣхъ правилъ устава и для ю-по-сэ (то-есть, мірянъ) и для шами, и для бхикшу, и для бодхисатвъ [1]). Рѣчь свою дѣлопроизводитель заканчиваетъ словами: „Соберитесь съ мыслями, припомните всю вашу жизнь, и если отыщите въ себѣ какой-либо грѣхъ, то откройте его мнѣ безъ всякой утайки. Если вы затаите въ себѣ хотя малѣйшія, по видимому, ничтожныя слабости, то повѣрьте, напрасно будетъ возложеніе обѣтовъ" [2]).

Послѣ этой рѣчи просители выходятъ изъ залы, а приставники, построивъ ихъ въ ряды, снова вводятъ въ залу по два или по три ряда, не больше. Тогда дѣлопроизводитель спрашиваетъ ихъ о содѣянномъ и къ вопросамъ прилагаетъ разныя поясненія; вывѣдываетъ не только грѣхъ, но и побужденія къ нему, ибо, узнавъ въ подробности содѣянное, можно правильнѣе взвѣсить тяжесть грѣха, и слѣдовательно, точнѣе опредѣлить за него наказаніе. По окончаніи вопросовъ къ первой партіи, дѣлопроизводитель, смотря по количеству и качеству открытыхъ грѣховъ, назначаетъ наказаніе (кому поклоны, кому чтеніе краткихъ воззваній и т. п.), затѣмъ вся партія отправляется въ храмъ выполнять наложенное наказаніе. Вслѣдъ за первою партіей является къ суду вторая, за второю третья, и такъ далѣе до послѣдней.

По окончаніи суда надъ послѣднею партіей, просители всѣ опять приходятъ въ залу. Здѣсь дѣлопроизводитель говоритъ рѣчь, и между прочимъ, обращается съ слѣдующими словами къ новопринимаемымъ членамъ: „Для очищенія отъ нихъ (то-есть, отъ грѣховъ) совѣтую вамъ теперь съ душой алчущею и жаждущею, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, собрать свои мысли, сосредоточить ихъ въ трехъ драгоцѣнностяхъ (Буддхѣ, ученіи и братствѣ), и держась моего голоса, пропѣть слѣдующіе очистительные стихи" [3]). Послѣ этого дѣлопроизводитель встаетъ и запѣваетъ; между тѣмъ всѣ пристаютъ къ его голосу, поютъ и на каждый стихъ кладутъ по поклону [4]). Распѣваемые стихи суть слѣдующіе:

а) Во всѣхъ злодѣяніяхъ—дѣломъ, словомъ, мыслію —

---

[1]) Тамъ же, стр. 247.
[2]) Тамъ же, стр. 247.
[3]) Тамъ же, стр. 249.
[4]) Тамъ же, стр. 249.

б) Нѣкогда, еще до настоящаго перерожденія, учиненныхъ по чувству корыстолюбія, злобы, омраченія,

в) Во всякомъ тяжкомъ грѣхѣ, могущемъ попрепятствовать усвоенію обѣтовъ,

г) Теперь предъ лицомъ Буддхы приношу раскаяніе.

Затѣмъ дѣлопроизводитель распускаетъ собраніе и въ заключеніе рекомендуетъ просителямъ изученіе молитвъ и сокращенія правилъ для шами [1]). День возложенія обѣтовъ отсрочивается не дальше мѣсяца. Если за шами откроется какой либо грѣхъ, то прежде допущенія къ принятію обѣтовъ, онъ подвергается обряду очищенія [2]).

Обѣты шами суть тѣ же десять заповѣдей, которыя были приведены выше какъ обязательные для цейлонскихъ саманеровъ, съ незначительными измѣненіями. Такъ, обѣты шами излагаются не въ томъ же порядкѣ, какъ заповѣди; въ самой редакціи есть различія, напримѣръ: вмѣсто 9) воздержанія отъ высокихъ и большихъ ложъ, для китайскаго шами обязательно 8) не садиться на спокойномъ стулѣ [3]).

Возложеніе обѣтовъ происходитъ среди торжественнаго собранія. Здѣсь, послѣ разныхъ обрядовъ и воззваній, просители приносятъ клятву душой и тѣломъ принадлежать Буддхѣ, его ученію и братству [4]). По принесеніи клятвы хэшанъ трижды перечисляетъ десять обѣтовъ; затѣмъ, при чтеніи священныхъ стиховъ начинается облаченіе шами, сперва въ пятилоскутовую, потомъ въ семилоскутовую одежду. Собраніе заключается рѣчью хэшана и общимъ пѣніемъ. Послѣ пѣнія все собраніе кланяется хэшану, провожаетъ его до комнатъ и потомъ расходится [5]).

Новый шами, по принятіи вышеописанныхъ обѣтовъ, начинаетъ подготовляться къ обѣтамъ бхикшу; то, что онъ училъ до принятія первыхъ обѣтовъ, въ большемъ развитіи изучается имъ и теперь. Ему

---

[1]) Тамъ же, стр. 250, въ прим., та самая книга, которую г. Нейманъ издалъ подъ страннымъ заглавіемъ *шаманскаго* катихизиса... къ этой книгѣ нынѣ придаются еще три другія—въ этомъ же родѣ: а) *Сы-фынь-цзэ-бэнь* — правила для бхикшу; б) *Бини-жи-сунъ* — молитвословъ и в) *Фанъ-ванъ-цзинъ* — правила для бодисатвъ.

[2]) Объ этомъ будетъ говорено ниже. См. тамъ же, стр. 250—256.

[3]) Тамъ же, стр. 258.

[4]) Тамъ же, стр. 256.

[5]) Тамъ же, стр. 259.

объясняютъ не только то, какъ что̀ сдѣлать, но и самыя цѣли, смыслъ всего этого [1]).

Шами распредѣляютъ по отрядамъ, иначе—по знаменамъ, и поручаютъ вѣденію отдѣльныхъ приставниковъ. Приставникъ повторяетъ съ порученными ему шами уроки внѣшняго поведенія или умѣнія держать себя согласно съ буддійскими предписаніями. Уроки эти продолжаются никакъ не меньше трехъ дней, но иногда, смотря по способностямъ учениковъ, гораздо дольше.

По наученіи шами внѣшнимъ буддійскимъ пріемамъ, объ этомъ докладываютъ хэшану и просятъ у него наставленія въ обѣтахъ бхикшу [2]). При возложеніи послѣднихъ обѣтовъ необходимо должно быть полное число возлагателей, то-есть, десять человѣкъ, хэшанъ, два его помощника и семь почётныхъ свидѣтелей. При крайности могутъ быть и четыре, но уже не меньше [3]).

Послѣ того какъ хэшанъ изъявилъ свое согласіе на просьбу шами, приставники въ сопровожденіи нѣсколькихъ шами идутъ къ помощникамъ—сначала къ дѣлопроизводителю, потомъ къ наставнику, объявляютъ имъ волю хэшана и просятъ одного на выслушаніе сознанія, а другаго на экзаменъ того, сколько они успѣли въ изученіи пріемовъ внѣшняго поведенія [4]). Вслѣдъ за приглашеніемъ наставникъ отправляется въ залу дѣйствій и находитъ тамъ всѣхъ шами, готовыхъ къ отчету и выслушанію замѣчаній. Въ залѣ наставникъ занимаетъ свое кресло и начинаетъ толковать покрой, названіе и значеніе одеждъ, форму, вмѣстимость и устройство чашки, начало и правильное этихъ вещей употребленіе [5]).

Въ тотъ же день по закатѣ солнца происходитъ исповѣдь въ грѣхахъ въ той же залѣ, гдѣ происходило возложеніе обѣтовъ шами. Дѣлопроизводитель предлагаетъ вопросы только о правилахъ устава шами, взвѣшиваетъ нарушеніе ихъ и опредѣляетъ наказанія по обряду, какъ средство очищающее. Если объявятся грѣхи важные, то докладываютъ хэшану [6]). Возложеніе обѣтовъ бхикшу должно совершиться на мѣстѣ, для того именно устроенномъ и опредѣленномъ. Это мѣсто есть возвышеніе или эстрада (тань), каменная или деревян-

---

[1]) Тамъ же, стр. 260.

[2]) Тамъ же, стр. 262.

[3]) Тамъ же, стр. 265.

[4]) Тамъ же, стр. 267.

[5]) Тамъ же, стр. 268—272.

[6]) Тамъ же, стр. 275.

ная. Эстрада помѣщается въ особенномъ обширномъ зданіи на юго-западъ отъ кумирии. Въ зданіи одна только зала, и въ залѣ, кромѣ эстрады (тань), не должно быть ничего. Эта зала должна быть постоянно заперта и открываема только во время возложенія обѣтовъ. Въ этой залѣ, въ день, назначенный для возложенія обѣтовъ, шами, по руководству приставниковъ, просятъ хэшана, его помощниковъ и прочихъ семь особъ взойдти на эстраду и возложить на нихъ обѣты бхикшу. Къ каждому лицу просьба предлагается по три раза и сопровождается поклонами, даже слезами. По окончаніи этой церемоніи хэшанъ, а за нимъ и все собраніе, встаетъ и запѣваетъ: „Поклоняюсь Сâкjамуни-Буддхѣ!" При этомъ въ храмѣ начинаютъ бить въ буддійскій барабанъ, звонить въ колокола, и все собраніе, съ пѣніемъ: „Поклоняюсь Сâкjамуни-буддхѣ", отправляется торжественнымъ шествіемъ къ эстрадѣ. Какъ скоро прійдутъ въ залу, то звонъ и общее пѣніе умолкаютъ, и нѣсколько приставниковъ поютъ хвалебную пѣснь въ честь богдохана, покровителя буддизма.

По окончаніи пѣсни хэшанъ, двое его помощниковъ, семь почетныхъ свидѣтелей и приставникъ (вэй-но) начинаютъ троекратное обхожденіе по теченію солнца (съ востока на западъ) эстрады. Затѣмъ хэшанъ обращается съ рѣчью къ собранію [1]); рѣчь эта заканчивается словами: „По порядку дѣлъ прежде всего слѣдуетъ обратиться съ мольбою къ тремъ драгоцѣнностямъ и безчисленному сонму духовъ. Произнесите каждый свое имя, пойте за мною!" Между тѣмъ какъ произносятся имена, хэшанъ встаетъ съ кресла, беретъ искусственные цвѣты, и по знаку приставника, поетъ четыре стиха. Эти четыре стиха суть то воззваніе къ четыремъ совершеннымъ, которое надобно проговорить буквально точно. Оно же поется и предъ возложеніемъ обѣтовъ шами.

Каждый изъ этихъ стиховъ поютъ по три раза и за каждымъ разомъ поклоняются. „Вообразите себѣ", говоритъ о. Гурій [2]),—„полусвѣтъ огромной залы, умиленіе окружающихъ эстраду, тихое и плавное пѣніе сотни голосовъ, сопровождаемое знаменательными жестами хэшана, и вы легко поймете, какъ должна быть поразительна для принимаемыхъ въ бхикшу и вообще для присутствующихъ эта торжественная церемонія!"

Затѣмъ всѣ тѣ, кто не на возвышеніи, то-есть, братство, пристав-

---

[1]) Тамъ же, стр. 278.

[2]) Тамъ же, стр. 279.

ники, шами, по приказанію хэшана, удаляются изъ залы. Между оставшимися на эстрадѣ начинается совѣщаніе и выборъ наставниковъ. Наставникъ выбирается съ согласія семи почетныхъ свидѣтелей, представителей братства.

Наставникъ, избранный братствомъ, удаляется въ боковую—секретную комнату залы. Сюда приставники вводятъ по три человѣка шами и сами удаляются. Испытанія и объясненія наставника въ общихъ чертáхъ сходны съ тѣми вопросами, которые приводятся пáлійскимъ канономъ [1]).

По окончаніи испытанія наставникъ идетъ къ эстрадѣ, чтобы доложить о результатѣ своихъ изслѣдованій. Шами слѣдуютъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, но въ самую залу, гдѣ находится эстрада, они не входятъ. Наставникъ по окончаніи своего доклада подаетъ условный знакъ. Шами входятъ въ залу; наставникъ ведетъ ихъ на верхъ эстрады. Тамъ они становятся на колѣна и униженнѣйше просятъ изъ милости, состраданія возложить на нихъ обѣты бхикшу. Просьба повторяется троекратно.

Здѣсь въ залѣ, въ присутствіи сидящихъ на эстрадѣ представителей братства, дѣлопроизводитель подвергаетъ шами новому допросу о томъ же и также, какъ и наставникъ, въ секретной комнатѣ. По окончаніи распросовъ хэшанъ обращается съ своимъ словомъ къ шами желая приготовить ихъ къ прививкѣ обѣтовъ [2]). Вслѣдъ за этою рѣчью дѣлопроизводитель начинаетъ свое обращеніе къ представителямъ братства. Онъ спрашиваетъ ихъ: „Согласны ли вы на то, чтобъ они „такіе-то“ усвоили обѣты отъ такого то хэшана?“ Обращеніе это повторяется трижды. Послѣ третьяго раза, когда братство отвѣтитъ: „Состоялось!“ дѣлопроизводитель прибавляетъ: „Итакъ, братство согласно! Возложеніе обѣтовъ совершилось! „Такой-то“ хэшаномъ“. Во время этихъ словъ приставникъ устремляетъ все свое вниманіе на часы и замѣчаетъ, въ какую именно минуту, даже секунду, замретъ звукъ послѣдняго слова дѣлопроизводителя [3]). Въ эту важную минуту буддисты обязаны каждогодно подносить свѣчу своему хэшану и клапяться его помощникамъ; съ этой точки времени они считаютъ годы своей жизни, или лучше сказать, отшельничества [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 281—285.
[2]) Тамъ же, стр. 286.
[3]) Тамъ же, стр. 288.
[4]) Тамъ же, стр. 288.

Вслѣдъ за посвященіемъ хэшанъ обращается къ новопосвященнымъ бхикшу съ рѣчью, въ которой рекомендуетъ имъ не укоснительное выполненіе четырехъ заповѣдей: „1) Рѣшительно не нарушай цѣломудрія. 2) Рѣшительно не воруй, хотя бы листочикъ травки. 3) Съ намѣреніемъ не убивай никакого животнаго, хотя бы это былъ кузнечикъ. 4) Не хвастай собою, хотя и съ добрыми цѣлями, но на авось“. Свое слово онъ заключаетъ такъ: „Займитесь же отнынѣ средствами избавленія отъ земныхъ заботъ, увѣщевайте и другихъ, совѣтуйте украшать священныя башни, чтить приношеніями и поклоненіями Будду, его ученіе и братство. Все, согласное съ ученіемъ, что скажетъ вамъ хэшанъ и прочія девять особъ, исполняйте безпрекословно. Учитесь пѣнію, чтенію книгъ, постарайтесь достигнуть совершенствъ архата: отреченіемъ отъ міра вы къ этому сдѣлали очень важный шагъ. Чего не поймете сами, спрашивайте у старшихъ себя. Совершите поклоненіе и сходите съ ступеней!“ Новопосвященные бхикшу отправляются затѣмъ въ кумирню, тамъ поклоняются Буддѣ и повторяютъ передъ нимъ свои клятвы и обѣты до тѣхъ поръ, пока снова не позовутъ ихъ въ залу, гдѣ эстрада.

По приходѣ въ залу и взойдя на эстраду, всѣ новопосвященные общимъ хоромъ поютъ хвалебную пѣснь Буддѣ [1]). Принявшіе обѣты становятся полноправными членами сангхи: они вступаютъ во всѣ права буддійскихъ подвижниковъ; могутъ жить и въ общежительныхъ убѣжищахъ и гдѣ кому разсудится [2]). Обѣты эти суть вѣрная стезя за черту перерожденія. Точнымъ выполненіемъ ихъ достигаютъ степеней архата, или иначе—почти что до Нирваны; Нирваны въ собственномъ смыслѣ достигаютъ только будды и бодхисатвы [3]).

Обѣты бодхисатвы не имѣютъ своею цѣлью вступленія въ сангху; отъ сейчасъ описанныхъ обрядовъ они отличаются какъ по своей цѣли, такъ и по значенію, а потому ихъ изложеніе и не вошло въ настоящую статью [4]).

9. Буддійская община въ Монголіи посвящаетъ только въ низшіе чины своей іерархіи [5]). Производство же въ дальнѣйшіе чины—Ширета, Хамбо и другіе ограничивается какъ въ Россіи, такъ и въ

---

1) Тамъ же, стр. 291.

2) Тамъ же, стр. 292.

3) Тамъ же, стр. 294.

4) См. тамъ же, стр. 294 и слѣд.

5) Буддизмъ въ Сибири, сочиненіе *Нила*, архіепископа Ярославскаго, стр. 70 и слѣд.

Китаѣ, пожалованіемъ отъ правительства [1]). Поставленіе на низшія степени совершается не въ капищѣ, а въ юртѣ [2]). И обыкновенно **убаши** и **убасанца** ставятся однимъ гелуномъ при участи бакша [3]); даваемые ими обѣты, ограничиваясь условіями времени, могутъ быть по произволу возобновляемы, съ повтореніемъ самаго обряда.

Но посвященіе въ баньди [4]), или въ ховараки и въ шимнанцы можетъ совершать только ширетъ, то-есть, гелунъ, управляющій капищемъ [5]) съ однимъ или двумя гелунами.

Ширетъ, перекинувъ черезъ плечо **оркимджи**, садится и вслухъ прочитываетъ родъ символа вѣры — **номунъ тулкигуръ**. По окончаніи чтенія посвящаемый, бывъ руководимъ бакшею, подноситъ ширету умилостивительную жертву — **гоюлтейн-мандалъ**, отъ которой жрецъ беретъ нѣсколько зеренъ, и въ знакъ приношенія ихъ богамъ, бросаетъ на воздухъ. Затѣмъ ставленникъ, сдѣлавъ по три земные поклона кумирамъ, номамъ (закону) и самому ширету, становится на колѣни. Въ это время подаютъ ему деревянную чашку, четки и поясъ, обычныя принадлежности убашинскаго и ховаракскаго чина. И едва коснется онъ ихъ, какъ совершитель обряда, краемъ своего **оркимджи** [6]), прикрываетъ руку, простертую для принятія, и выслушиваетъ обѣты, которые принимаетъ на себя поставляемый. Тутъ возлагается на него священный поясъ, и если это ховаракъ, то остригаются послѣдніе волосы, нарочно оставляемые для этого дѣйствія на макушкѣ головы, при сплошномъ обритіи ея въ часы приготовленія къ принятію новаго званія. Напротивъ, у

---

[1]) Тамъ же, стр. 89.

[2]) Тамъ же, стр. 86. См. тамъ же, стр. 70. Въ составъ ламской іерархіи входятъ: 1) убаши, 2) ховаракъ, 3) гецулъ, 4) гелунъ, 5) ширегету, 6) бандида-хамбо, 7) шаваранъ, 8) хубилганъ, 9) хутукту, 10) далай-лама, 11) баньчень-богдо.

[3]) Убаши есть испорченное санскр. слово *упісака*; въ Монголіи, по словамъ преосвященнаго Нила, стр. 70, *убаши* — лицо срединное между клиромъ и міряпами. Принимая посвященіе и новое имя, убаши не обязуются ни къ какому служенію въ капищѣ. Давая восемь благочестивыхъ обѣтовъ, онъ не отторгается отъ узъ семейныхъ и отъ попеченій житейскихъ; тамъ же, стр. 71. Изъ предосторожности приставляется къ нему почти неотлучный наставникъ — *бакши*, изъ пожилыхъ и набожныхъ ламъ. *Бакши* есть испорченное скр. *бхикшу*. О *гелунѣ*, что тоже значитъ въ переводѣ бхикшу, см. тамъ же, стр. 72 и слѣд.

[4]) Отъ скр. вандја—чтимый; оттуда же непальская *банра*.

[5]) См. тамъ же, стр. 77.

[6]) Оркимджи — желтый или красный поясъ, трижды охватывающій.

убаши только укорачивается, но не совсѣмъ обрѣзывается коса. Весь же обрядъ посвященія оканчиваютъ приношеніемъ благодарной жертвы—ачи мандалъ.

Подобнымъ же образомъ совершается поставленіе и въ гецулы [1]). Но дѣйствіе происходитъ уже въ капищѣ, при участіи по крайней мѣрѣ пяти гелуновъ и ширета. Обѣты гецула восходятъ до 60-ти.

Наконецъ, удостоиваемые гелунскаго сана обязаны предъ посвященіемъ исповѣдывать грѣхи свои духовному отцу — нигуцеинбакши. А совершителемъ обряда надъ ними бываетъ самъ бандида съ сонмомъ ламъ. Жрецы въ полныхъ облаченіяхъ усаживаются на своихъ мѣстахъ. Затѣмъ, предъ первенствующимъ изъ нихъ кладутъ съ одной стороны колокольчикъ, чашу, жезлъ, бубенчикъ и пр., съ другой—священныя одежды для готовящихся къ принятію гелунства. Посвящаемые разомъ выводятся на капищную арену, хотя бы ихъ было нѣсколько десятковъ. Тамъ, сдѣлавъ обычныя поклоненія и выслушавъ ученіе вѣры, приносятъ они умилостивительную жертву, а потомъ снимаютъ съ себя одежду до nec plus ultra. Въ этомъ видѣ, предводимые бакшами, они дѣлаютъ по три поклона предъ бурханами, номами и первенствующимъ жрецомъ. Потомъ, принявъ первую облачительную принадлежность, опять начинаютъ кланяться. И это повторяется столько разъ, сколько дается имъ вещей. Столько же разъ выслушиваются и наставленія, сообразныя съ таинственнымъ значеніемъ каждой вещи. Въ заключеніе же всего посвящаемые даютъ 253 обѣта [2]) и приносятъ благодарную жертву. По выходѣ изъ капища, ставъ рядомъ съ книгами въ рукахъ, они благословляютъ каждаго подходящаго къ нимъ [3]).

---

[1]) Гецулъ или увзитъ по служебному значенію равняется съ діакономъ; см. тамъ же, стр. 72, 325.

[2]) О нихъ см. тамъ же, стр. 325.

[3]) Ср. также *P. S. Pallas*, Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, II, стр. 127.

И. Миnаевъ.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ И ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ [1].

II.

Попытка объяснить основу легенды.

а) Историческая теорія.

Кромѣ Георгія, трудно указать другаго святаго, основа житія котораго вызвала бы столько самыхъ разнообразныхъ теорій. Католическіе и протестантскіе богословы и новѣйшіе ученые съ одинаковымъ рвеніемъ, но конечно, съ различными цѣлями пытались разсѣять мракъ, окружающій начало пресловутой легенды, отвергнутой соборнымъ постановленіемъ, но принятой съ легкими измѣненіями какъ Восточною, такъ и Западною церковью. Католики стремились розыскать Георгія между мучениками, о которыхъ упоминаютъ достовѣрные источники, и черезъ то доказать, что даже не внушающія, по видимому, довѣрія легенды имѣютъ историческую основу; протестанты или отвергали самое его существованіе, или, отожествивъ Георгія съ александрійскимъ еретикомъ, погибшимъ во время народнаго возстанія, на этомъ примѣрѣ — ab uno disce omnes — стремились показать, какъ неразборчива была католическая церковь, канонизировавшая отъявленнаго еретика и обратившая въ злокозненнаго мага одного изъ лучшихъ своихъ представителей (Аѳанасія) [2]. Новѣйшіе оріенталисты обратили свое вниманіе

---

[1]) *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1878 годъ.

[2]) Такъ было въ большинствѣ случаевъ; конечно, нѣтъ недостатка и въ исключеніяхъ: были и протестанты, защищавшіе «beatum», даже «sanctum Georgium». См. *Conradus Daniel Frick* Ulmensis: de St. Georgio equite ac martyre. Lipsiae 1693. Брошюра Фрика стоила автору немного труда, такъ какъ онъ ограничился пересказомъ фактовъ, уже изложенныхъ Панеброхомъ. Несравненно важнѣе для исторіи вопроса книга Англичанина Гейлина, предшествовавшая из-

на сверхъестественный элементъ легенды и на культъ; отсутствіе историческихъ свидѣтельствъ о популярномъ святомъ прямо наводило ихъ на мысль, что за нимъ скрывается какое-то языческое божество. Какое именно? Митра, говорятъ одни; Тамузъ Сирійскій, рѣшаютъ другіе; Горъ Египетскій, утверждаютъ третьи. Борьба съ змѣемъ за дѣвицу, пріуроченная къ малоазійскому прибрежью, естественно наводитъ на мысль о возрожденіи въ Георгіи миѳа Персея. Натурмиѳологи, ограничивающіе кругъ своихъ изслѣдованій племенами Арійскими, обратили вниманіе исключительно на культъ и на борьбу съ змѣемъ, полагая, что народу нѣтъ дѣла до церковной легенды; одни пріурочиваютъ Георгія къ разряду солнечныхъ арійскихъ божествъ; другіе видятъ здѣсь отраженіе культа Индры; но Индры Славяне не знали; какое спеціально славянское божество замѣнилъ Георгій? На этотъ вопросъ отвѣты крайне разнообразны: Святовита, говоритъ Гауптъ; Ярилу, говоритъ г. Ефименко; Перуна, намекаетъ г. Варсовъ; Хорса, намекаетъ г. Калинскій и т. д.

Такимъ образомъ, изслѣдователь не въ правѣ жаловаться на недостатокъ предшественниковъ; напротивъ, скорѣе можетъ затруднить его изобиліе разнообразныхъ и непримиримыхъ теорій; такое embarras de richesses тѣмъ неудобнѣе, что ни одна изъ теорій, за исключеніемъ развѣ исторической, не можетъ считаться сданною въ архивъ.

Но и историческую теорію нельзя оставить безъ вниманія, какъ потому, что отрицательное рѣшеніе вопроса, ей поставленнаго, расчищаетъ мѣсто для теорій новѣйшихъ, такъ и потому, что факты, служащіе ея исходнымъ пунктомъ, имѣли вліяніе на легенду, а черезъ нее и на культъ позднѣйшаго Георгія.

Для всѣхъ теорій одинаково важно знать, когда и откуда распространился культъ Георгія; для теоріи исторической во всѣхъ ея разновидностяхъ важно не только общее рѣшеніе вопроса, но и точнѣйшія указанія на года и мѣстности. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши въ этомъ дѣлѣ и не полны, и сбивчивы.

слѣдованію Панеброха. Не ознакомившись съ нею, я, подобно Царнке, Гутшмиду и др., приписывалъ болландистамъ честь перваго подбора фактовъ для научнаго изслѣдованія легенды; но найдя ее въ Британскомъ музеѣ, я пришелъ къ заключенію, что Панеброхъ воспользовался чужими трудами, приложивъ впрочемъ къ нимъ болѣе строгій методъ. Вотъ полное заглавіе книги во 2-мъ изданіи: The historie of that most famous saint and souldier of Christ Jesus st. George of Cappadocia asserted from the fictions of the Middle ages of the Church and opposition of the present. Lond. 1633.

Болландисты указываютъ на свидѣтельство Кодина о храмѣ, будто бы посвященномъ имени Георгія Константиномъ Великимъ. Очевидно, они имѣютъ въ виду слѣдующее мѣсто (Codini de Aedificiis ex recogn. Imm. Bekkeri, 1843, стр. 119). „Объ эріяхъ разказываютъ, что прежде построенія храма св. Луки тамъ погребались умершіе граждане, великій же Константинъ построилъ тамъ храмъ св. Григорія" [1]); въ латинскомъ же переводѣ, которымъ, очевидно, пользовались и они, и Бандурій, и который, не знаю почему, не сдѣлавъ примѣчанія, удержалъ Беккеръ, мѣсто это переводится такъ: ibidem Constantinus Magnus templum St. Georgii condidit.

Мы еще не разъ на страницахъ этого изслѣдованія встрѣтимся съ подобнымъ же явленіемъ: св. Григорій и св. Георгій смѣшиваются въ рукописяхъ и въ переводахъ византійскихъ писателей, что основывается на созвучіи и на сокращеніи обоихъ именъ [2]); но во всякомъ случаѣ на данномъ мѣстѣ Кодина обосновать выводъ о культѣ Георгія въ Константинополѣ при Константинѣ Великомъ я не рѣшаюсь. Иное дѣло въ VI, VII вв. и позднѣе: Ассеманъ (Calendaria ecclesiae universae, T. VI, 281) насчитываетъ въ честь Георгія пять большихъ храмовъ [3]). Современникъ Юстиніана Прокопій говоритъ о храмѣ Георгію, построенномъ этимъ императоромъ въ Арменіи (ed. Dindorfii, II, 254). Наконецъ толчокъ, который именно въ VI—VII вв. получаетъ культъ Георгія на Западѣ, очевидно, исходитъ изъ того же Константинополя [4]). Что культъ Георгію въ Византіи распростра-

---

[1]) Περὶ δὲ τῶν 'Ηρίων λέγεται, ὅτι οἱ ἀποθνήσκοντες τῶν πολιτῶν πρὸ τοῦ κτισθῆναι τὸν ἅγιον Λουκᾶν ἐκεῖσε ἐθάπτοντο. ἔκτισε δὲ ἐκεῖσε ναὸν τοῦ ἁγίου Γρηγορίου (очевидно, въ такомъ случаѣ, Григорія Чудотворца, Неокесарійскаго) ὁ μέγας Κωνσταντῖνος.

[2]) См. еп. *Саввы*: Палеографич. снимки и пр. Москва, 1863 г. 9-ю таблицу сокращеній.

[3]) Съ храмомъ подъ № 2: a Mauricio imperatore (конца VI и нач. VII в.) exstruta у Кодина (de Aed. c. 42) опять та же исторія: въ греческомъ текстѣ стоитъ Γρηγορίου. Можетъ быть, подъ вліяніемъ разроставшагося культа Побѣдоносца не только въ рукописяхъ, но и на дѣлѣ храмы, построенные первоначально въ честь Григорія, переименовывались сперва въ простомъ народѣ, а потомъ и въ офиціальныхъ сферахъ.

[4]) Обѣдня Григорія Великаго (см. у болл., l. c.) можетъ быть и позднѣйшею вставкой; но его письмо къ аббату Мариніану (см. *Migne*, т. 77, Lib. XI, ep. 73) о необходимости возобновить храмъ Георгію доказываетъ, что въ 601 г. культъ его уже былъ распространенъ въ Италіи; вышеприведенное свидѣтельство Венанція Фортуната и слова Григорія Турскаго (по изд. *Migne*, стр. 792): «multa de Georgio martyre miracula gesta cognovimus» столь же несомнѣнныя данныя.

нился не сразу и не рано, а именно послѣ Юстиніана, доказывается еще тѣмъ, что въ древнѣйшемъ календарѣ Бухеріанскомъ (146) его памяти мы не находимъ (арх. Сергій Агіолог. I, 35); нѣтъ ея и въ Кареагенскомъ календарѣ [1]). Напрасно искалъ я указанія на древніе гимны ему [2]) или на его имя въ древнихъ похвалахъ мучениковъ.

Можно ли на основаніи этихъ фактовъ сказать, что вообще культъ Георгія (а можетъ быть, и его легенда) не имѣетъ ничего общаго съ раннимъ до-Константиновскимъ періодомъ христіанства? Никоимъ образомъ; но очевидно, что довольно долго культъ его былъ мѣстный малоазійскій. Несомнительными доказательствами ранняго культа св. Георгія въ Азіи мы обязаны новѣйшимъ путешественникамъ. Грагамъ [3]) нашелъ въ Эдрѣ (Edhrâ, Ezra, бывшая Zorava, въ южной Сиріи) развалины церкви, посвященной Георгію. Изъ сохранившейся тамъ надписи оказывается, что эта церковь сперва служила языческимъ храмомъ; какой-то начальный человѣкъ (πρωτεύων) Іоаннъ, сынъ Діомеда, передѣлалъ этотъ храмъ на свой счетъ и положилъ тамъ останки побѣдоносцаго мученика „въ годъ 9-й и 410-й". Что значатъ эти двѣ цифры? Издатель надписи разсуждаетъ такимъ образомъ: счетъ христіанскій, какъ извѣстно, вошелъ въ употребленіе много позднѣе; въ этой мѣстности употреблялась или Помпеева эра (64 г. до Р. Х.), или Бострейянская (104 по Р.Х.). По первой—это 346 годъ по Р. Х. и 9-й годъ послѣ того, какъ три сына Константина начали царствовать совмѣстно (337 г.); по второй—это 514 годъ, но тогда цыфра 9 не имѣетъ смысла, такъ какъ это былъ 23-й годъ царствованія Анастасія I. Въ 20-ти миляхъ на востокъ отъ Эдры, близъ города Шака найдены развалины другой древней церкви, также съ надписью, изъ которой видно, что алтарь и пристройка построены заботами какихъ-то Георгія и Сергія въ 263 году. Хоггъ считаетъ въ этомъ случаѣ

---

[1]) Въ Calendarium Rubastinum (см. Kalendaria vetera и пр. *Giovene* Nap. 1828) Георгій не упоминается. Въ мартирологіи, приписываемомъ св. Іерониму, который составленъ будто бы «paulo post obitum ipsius Hieronimi» (см. Specilegium sive collectio etc. D. *Lucae d'Archery*. Parisiis, 1723), но конечно, интерполированъ впослѣдствіи, подъ 23-мъ апрѣля *послѣ всѣхъ* указывается *et* commemoratio Georgii martyris.

[2]) Епископа Филарета: Пѣснопѣвцы и пр., 244. Канонъ ему, сочиненный первоначально въ видѣ стихиря, приписывается патріарху Герману, затѣмъ ему писалъ канонъ Іоаннъ Дамаскинъ. Онъ напечатанъ у Maji Spec. Romanum IX, 729.

[3]) См. *Transactions of the Royal society of literature of the United Kingdom*, II ser., Vol. VI, 1859, и Vol. VII, 1863 г., статьи *Хогга*.

Помпееву эру невозможною и по Бостреянской относить пристройку къ 367 году послѣ Р. Х.

Такимъ образомъ монументальныя свидѣтельства доказываютъ, что едва спустя полстолѣтія послѣ предполагаемаго года мученія и смерти, культъ Георгія былъ уже распространенъ въ Сиріи. Ясно, что Георгій не былъ одинъ изъ толпы, а выдавался или высокимъ общественнымъ положеніемъ, или исключительными обстоятельствами мученичества; а между тѣмъ Евсевій молчитъ о немъ. Болландисты чувствуютъ настоятельную потребность найдти у него Георгія и прибѣгаютъ къ такой хитрости.

Въ 5-й главѣ VIII книги Евсевій разказываетъ, что когда въ Никомидіи былъ выставленъ эдиктъ, начинавшій десятое гоненіе, одинъ знатный (οὐκ ἄσημων τις) христіанинъ сорвалъ его и за то былъ замученъ. Этотъ-то знатный и былъ Георгій, говорятъ болландисты [1]). Почему же Евсевій не знаетъ его имени? Потому что въ Никомидіи Георгій былъ никому неизвѣстнымъ пришельцемъ; тѣло же его скрывали отъ язычниковъ сперва въ Никомидіи, а потомъ въ Лиддѣ до 324 года, и акты его, составленные позднѣе на основаніи преданій Лиддцевъ, которые познакомились съ исторіей мученія Георгія изъ письменнаго разказа его раба, не могли быть извѣстны Евсевію, окончившему свою исторію въ 325 году. Почему же въ эти акты не попало извѣстіе о главномъ моментѣ исторіи Георгія? Болландисты представляютъ два основанія, оба одинаково невѣроятныя: рабы, сопровождавшіе Георгія, могли не знать этого факта, такъ какъ Георгій срывалъ эдиктъ одинъ, а рабы, услышавъ объ арестѣ ихъ господина, спѣшили скрыться, не разыскивая tragediae totius originem, или зная этотъ фактъ, умышленно скрывали его, чтобы Георгія не сочли за обыкновеннаго преступника, казненнаго за оскорбленіе величества [2]).

Хоггъ (l. c., VI) отыскиваетъ Георгія у Евсевія другимъ путемъ: въ слѣдующей главѣ (VIII, 6) Евсевій говоритъ о пострадавшихъ въ этомъ гоненіи ближнихъ къ императору людяхъ Дорофеѣ и Горгоніи (Γοργόνιος); имя послѣдняго, говоритъ онъ,—писалось (гдѣ?) Gargios

[1]) Впрочемъ, честь перваго указанія на историческаго, къ сожалѣнію, безъименнаго Георгія принадлежитъ не Панеброху, а Англичанину Гейлину, см. о. с., стр. 149 и слѣд.). Панеброхъ только прибавилъ новыя доказательства. Преданіе старыхъ мартирологовъ даетъ этому неизвѣстному имя Іоанна.

[2]) Панеброхъ какъ бы не замѣчаетъ, что даже у Евсевія сорвавшій эдиктъ оказывается ζήλῳ τῷ κατὰ θεὸν ὑποκινηθείς.

и Gorgios; послѣдняя форма легко могла произойдти изъ Georgios; тутъ же говоритъ Евсевій и о пострадавшемъ Аноимѣ, а это обстоятельство, по мнѣнію Хогга, и доказываетъ, что эта глава Евсевія послужила источникомъ для Кедрина, который упоминаетъ Аноима Никомидійца, Прокопія и Георгія, знаменитыхъ мучениковъ.

Литературная связь Кедрина и Евсевія въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ сомнительна: допустимъ, какъ это ни странно, что у Евсевія, l. c., слѣдуетъ вмѣсто Γοργόνιος читать Γεώργιος: какимъ образомъ Дороѳей Евсевія превратился въ Прокопія у Кедрина? А безъ авторитета Кедрина замѣнять Горгонія Георгіемъ было бы не допускаемымъ исторической критикой произволомъ [1]). Впрочемъ и самъ Хоггъ не особенно стоитъ за Горгонія и во второй статьѣ называетъ свое предположеніе сомнительнымъ.

Имѣетъ ли историческую вѣроятность мнѣніе Гиббона и др., что культъ Георгія Великомученика обязанъ своимъ происхожденіемъ аріанамъ, прославившимъ своего убитаго язычниками епископа Георгія?

Послѣ того, какъ найденъ храмъ, посвященный Георгію еще при сыновьяхъ Константина, разумѣется, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Возможность существованія въ половинѣ IV столѣтія храма Георгію подтверждаетъ свидѣтельство Пасхальной хроники о томъ, что Георгій былъ замученъ при императорѣ Каринѣ въ 284 г. [2]).

Къ сожалѣнію, мы изъ этого свидѣтельства ничего добыть не можемъ, кромѣ имени; это обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбно, что по изслѣдованію Диндорфа (см. ibid., стр. 16) оказывается, что авторъ этой части хроники—современникъ Константина Великаго: онъ умеръ при Констанціи, сынѣ его. Весьма возможно, что онъ и самъ объ этомъ мѣстномъ святомъ ничего не зналъ, кромѣ имени.

Затруднительнѣе вопросъ о томъ, имѣли или нѣтъ аріане вліяніе не на культъ, а на пралегенду о Георгіи?

Съ перваго же взгляду поражаетъ масса общихъ чертъ у леген-

---

[1]) Кромѣ того краткое сказаніе о мученикахъ Дороѳеѣ и Горгоніи, всегда парныхъ, проходитъ черезъ длинный рядъ мартирологовъ и сборниковъ житій до самаго Якова de Voragine.

[2]) Chronicon Paschale ed. *Dindorfius*, стр. 510: Ἔτους 255 τῆς εἰς οὐρανοὺς ἀναλήψεως τοῦ Κυρίου ἐγένετο διωγμὸς χριστιανῶν καὶ πολλοὶ ἐμαρτύρησαν ἐν οἷς ἐμαρτύρησεν ὁ ἅγιος Γεώργιος καὶ ὁ ἅγιος Βαβυλᾶς. Далѣе упоминается о походѣ Карина и Кара на Персовъ и о смерти послѣдняго отъ молніи, спавшей съ неба. Не имѣло ли *между прочимъ* темное воспоминаніе объ этой гибели одного изъ мучителей вліянія на образованіе сходнаго эпизода въ пралегендѣ о Георгіи?

дарнаго и Александрійскаго Георгіевъ: Георгій, аріанскій епископъ единогласно называется Каппадокійскимъ [1]); прежде чѣмъ сдѣлаться епископомъ, онъ былъ воиномъ и довольно важнымъ должностнымъ лицемъ, а именно квесторомъ [2]); онъ возбудилъ ненависть язычниковъ „eorum sacra ludibrio christianorum exponendo"; при Константинѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; всю жизнь онъ боролся съ Аѳанасіемъ, котораго его противники обвиняли въ волшебствѣ [3]).

Съ другой стороны, сколько я ни старался съ помощію спеціалистовъ розыскать какіе-нибудь параллельные факты или получить какія нибудь свѣдѣнія объ спеціально-аріанскихъ легендахъ, я не могъ найдти ровно никакихъ указаній: объ аріанскихъ легендахъ, говорятъ они, —мы ничего не знаемъ; и въ высшей степени сомнительно, чтобы ближайшіе потомки всѣмъ извѣстнаго Аѳанасія не замѣтили мошеннической продѣлки еретиковъ.

На нашъ взглядъ, число данныхъ pro перевѣшиваетъ, и argumentum a non dicendo не особенно важенъ, тѣмъ болѣе, что признаніе этого вліянія объясняетъ въ пралегендѣ нѣкоторыя весьма интересныя черты. Выше мы видѣли, что въ апокрифѣ важную роль играютъ деньги, розданныя Георгіемъ бѣднымъ, деньги, первоначально предназначавшіяся не для той цѣли. Не есть ли это отраженіе какой-то грязной (по словамъ противниковъ) исторіи, случившейся съ Георгіемъ въ его бытность квесторомъ? Самая царица Александра не есть ли царственный городъ Александрія, обращенный къ истинѣ христіанскаго ученія рѣчами и страданіями Георгія?

На почвѣ византійско-римской борьба съ аріанствомъ была сильна и тягостна, но непродолжительна, и въ концѣ V в. Геласій или другой составитель осуждающаго легенду декрета могъ совсѣмъ забыть объ аріанскомъ Георгіи, и эпитетъ „еретическій" (въ смыслѣ—на-

---

[1]) Гейлинъ впрочемъ доказываетъ, что онъ родился въ Киликіи, а только пришелъ въ Александрію изъ Каппадокіи. Амміанъ Марцеллинъ (ed. *Eyssenhardt*: Berolini, 1871, XXII, 11, 3) дѣйствительно говоритъ, что онъ былъ in fullonio natus ut ferebatur, apud Epiphaniam, Ciliciae oppidum.

[2]) См. *Frick*: De S.-to Georgio equite ac martyre Lips. 1693.

[3]) Послѣднему обстоятельству впрочемъ нельзя придавать большаго значенія: это стереотипная брань, имѣвшая свое основаніе въ духѣ времени. Въ эѳіопской же легендѣ, какъ мы видѣли, врагъ Георгія—врачъ. Къ вышеупомянутымъ давно извѣстнымъ пунктамъ сходства могу присоединить еще одно не лишенное интереса указаніе. Въ одномъ изъ старыхъ мартирологіевъ (Martyrologium Gellonense IX в. см. у *Lucae d'Archery*, l. c.) подъ 24-мъ апрѣля указывается память *александрійскаго* мученика Георгія.

родный, фантастическій), такъ сказать, помимо его сознанія совпалъ съ истиной.

Считаю не лишнимъ указать еще одну любопытную попытку историческаго объясненія житія Георгія и даже его чуда о змѣѣ, тѣмъ болѣе любопытную для насъ, что Георгій оказывается если не Славяниномъ, то по крайней мѣрѣ жителемъ нынѣ Славянской земли—Далмаціи.

Попытка эта принадлежитъ ученому іезуиту XVIII в. Фарлати [1]). Фарлати находитъ въ римскомъ каталогѣ въ концѣ III в. въ Салонѣ епископа Георгія и въ IX в. констатируетъ распространеніе культа Георгія въ Далмаціи. Эти два факта наводятъ его на мысль, что Георгій—святой далматинскій. Разница же, которую онъ усматриваетъ въ днѣ празднованія (то 23-го, то 24-го апрѣля) [2]) и между двумя изводами житій заставляетъ его предположить, что, кромѣ Георгія, епископа Салонскаго, былъ еще Георгій, воинъ и мученикъ Палестинскій. Смѣшеніе культовъ произошло послѣ 640 г., когда Салона была разрушена варварами; тогда житіе епископа Георгія попало на востокъ и слилось тамъ съ краткими извѣстіями о мученіи Георгія Палестинскаго. Разграничивъ двѣ семьи житій, Фарлати относитъ латинскія житія къ епископу Георгію, а греческія — къ Георгію воину; между этими семьями онъ находитъ слѣдующія отличія: по греческимъ житіямъ мѣсто рожденія Георгія—Каппадокія, по латинскимъ [3])—Melitina, Melitona или Mellena; такого города нѣтъ въ Каппадокіи [4]); а близъ Далмаціи есть два острова, къ которымъ можетъ относиться это названіе: вопервыхъ, Корцира Melaena (μελαῖνα), вовторыхъ, островъ Melita, иногда называемый Melitena; къ этому же мѣсту нѣкоторые латинскіе акты относятъ и самое мученіе. Далѣе Фарлати усматриваетъ разницу во времени: латинскіе акты относятъ мученіе Георгія къ 290 г., и это недалеко отъ истины, такъ какъ Діоклетіанъ былъ въ Далмаціи въ 296 г. и могъ тамъ замучить Салонскаго епископа; греческіе акты относятъ къ

---

[1]) См. его Illiricum Sacrum, 1750—1775, v. I, 647 и слѣд.

[2]) 24-го апрѣля вмѣсто 23-го, кажется, принадлежитъ исключительно западу и объясняется другимъ святымъ того же имени, однимъ изъ воиновъ ѳиванскаго легіона, погибшимъ въ Пьемонтѣ. О немъ см. Acta SS., l. c., стр. 266.

[3]) Мы видѣли, что Милитина и Каппадокія встрѣчаются во многихъ текстахъ совмѣстно.

[4]) Melitene, соврем. Malatiah, именно находится въ Каппадокіи близъ Арменіи см. атласъ *Роде* (*Rhode*), 6-ое изд., стр. 13.

303 г. [1]); тогда императрицы Александры уже не было въ живыхъ: она была казнена вмѣстѣ съ епископомъ Георгіемъ въ 296 г., и какъ достовѣрно извѣстно, Діоклетіанъ былъ женатъ на Прискѣ [2]). Разница есть и въ возрастѣ Георгія: въ спискахъ греческихъ Георгій—молодой человѣкъ; въ латинскихъ онъ—человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, какъ это видно изъ его обращенія съ царицей Александрой, которую онъ называетъ: дочь моя [3]).

Затѣмъ Фарлати желаетъ усмотрѣть различіе и въ самыхъ моментахъ мученія, но здѣсь факты рѣшительно отказываются служить ему; спеціальныя черты латинскаго житія или житія епископа Георгія ему приходится ограничить почти исключительно Персидскимъ царемъ Даціаномъ, но Даціана онъ долженъ, для соглашенія съ исторіей, замѣнить Діоклетіаномъ, а титулъ Персидскаго царя долженъ объяснить какъ „презрительное и насмѣшливое прозвище за персидскій образъ жизни". Къ епископу Георгію относитъ Фарлати и чудо о зміи, для котораго онъ указываетъ слѣдующее историческое основаніе: въ то время какъ Діоклетіанъ воевалъ въ Египтѣ и Персіи, въ Салонѣ произошло большое возмущеніе: нѣкто Демосѳенъ объявилъ себя императоромъ. Посланныя противъ мятежниковъ римскія войска были удачно отражены Салонцами, при чемъ ими могъ руководить ихъ епископъ Георгій; побѣдители овладѣли римскимъ флотомъ и произвели удачный набѣгъ на Италію. Не извѣстно, какая судьба постигла впослѣдствіи Демосѳена и бунтовщиковъ, но уже черезъ четыре года Діоклетіанъ спокойно живетъ въ Салонѣ.

---

[1]) 303 г. результатъ ученаго изслѣдованія; ни одно подлинное житіе не знаетъ этого года.

[2]) Принявъ за фактъ существованіе императрицы Александры, Фарлати ввелъ въ ошибку Катталинича (Storia della Dalmazia, Zara. 1835, II, 15),-который увѣряетъ, что въ годъ избранія цезарей Діоклетіанъ «ripudio Serena, sposando Alessandra nata da stirpe reale persiana» Гунцикеръ (*Otto Hunziker*: zur Regierung und Christenverfolgung des Kaisers Diocletian см. *Max Büdinger*: Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte. 2 Bd. Leipz. 1868, стр. 177 и слѣд.) называетъ Серену, поминаемую только въ актахъ Марцелла (Болл. 16-го января, т. II, стр. 7) лицемъ легендарнымъ (характеръ актовъ—вполнѣ легендарный). Другіе историки Діоклетіана знаютъ только Приску. Замѣчаніе Катталинича подъ 295 г., что Діоклетіанъ казнилъ въ Салонѣ христіанъ и свою супругу Александру, не оставляетъ сомнѣнія на счетъ его источника.

[3]) Верхъ умышленной наивности: такое обращеніе, встрѣчающееся въ Legenda Aurea, достаточно объясняется тѣмъ, что Георгій — крестный отецъ Александры. Но и помимо этого въ массѣ легендъ можно указать подобныя же обращенія исповѣдника къ переходящимъ въ христіанство язычникамъ.

Салона въ легендѣ обратилась въ Силену [1]); Демосѳенъ есть тотъ Sevius, дочь котораго освобождаетъ Георгій [2]); римское войско есть драконъ, побѣда надъ которымъ всецѣло приписана святому епископу.

Читатели видятъ, что этотъ рядъ тонкихъ и крайне натянутыхъ догадокъ рвется при первомъ къ нему прикосновеніи. Кромѣ того, мученіе христіанскаго епископа за вѣру противорѣчитъ общеизвѣстному факту: до 298 г. при Діоклетіанѣ никакихъ гоненій на христіанъ не было; напротивъ того, императоръ и его чиновники относились къ христіанству въ высшей степени терпимо и мягко. Было бы чрезвычайно странно, еслибы такіе крупные факты, какъ мученіе епископа со множествомъ народа и казнь императрицы за вѣру, не обратили на себя вниманія близкихъ по времени историковъ церкви.

Если безполезно искать Георгія въ исторіи Діоклетіанова гоненія, то не безполезно заглянуть въ нее, чтобы, съ одной стороны, объяснить себѣ, что̀ заставило пріурочить легенду именно къ этому гоненію, а съ другой—указать въ позднѣйшихъ редакціяхъ легенды (преимущественно въ А) подробности, заимствованныя составителями изъ исторіи. Къ фактамъ перваго рода принадлежитъ прежде всего имя Діоклетіана, напоминающее Дадіана. Обращеніе въ христіанство близкихъ къ царю людей и жены его тоже соотвѣтствуетъ историческому факту: Діоклетіанъ до 298 г. былъ окруженъ христіанами; его жена Приска, впослѣдствіи погибшая насильственною смертію, и его дочь Валерія были христіанки [3]). Гоненіе было отчасти вызвано непо-

---

[1]) Такъ, какъ мы видѣли выше, читается имя города въ латинской легендѣ, также читается оно и въ славянской легендѣ, на которую много разъ ссылается Фарлати. По его словамъ, это—очень древняя легенда: tam antiqua fortasse est, quam ipsemet linguae Slavonicae usus in Dalmatiam inde usque a saeculo fere septimo receptus (682). Эта легенда, судя по выпискамъ Фарлати, ничѣмъ существенно не отличается отъ пересказа Leg. Aur.; однако самая ея древность дѣлала бы ее для насъ драгоцѣнною, еслибы можно было вѣрить Фарлати. Но онъ по славянски не знаетъ (излагая мѣстное преданіе о битвѣ Георгія съ змѣемъ, онъ говоритъ, что оно пріурочено къ одной пещерѣ, которую жители slavonico idiomate *Gezerum* i. e. *abyssum* appellant) и не сообщаетъ никакихъ подробностей о внѣшнемъ видѣ рукописи.

[2]) Дочь, по словамъ Фарлати, легенда называетъ *Kranissam* (?!). Еслибы Фарлати понялъ смыслъ слова, онъ могъ бы изъ него извлечь подтвержденіе для своего толкованія.

[3]) См. *Th. Preuss*: Kaiser Diocletianus. Leipz. 1869; *Zeller:* Les empereurs romains; *Burckhardt* и др.; *Hunziker* (l. c., стр. 177) сомнѣвается въ этомъ, но безъ достаточнаго основанія.

виновеніемъ солдатъ и сопровождалось военными восстаніями [1]). Оракулъ Аполлона о „справедливыхъ“, мѣшающихъ ему предсказывать будущее, не вполнѣ выдумка: языческіе жрецы не разъ объявляли, что открытое исполненіе христіанскихъ обрядовъ неугодно богамъ [2]). Казнь мучителя есть, разумѣется, необходимое условіе законченнаго сказанія, но сродные по существу историческіе факты:— пожаръ дворца въ Никомидіи, происшедшій, по словамъ Константина, отъ небеснаго огня [3]), и позднѣйшія бѣдствія Діоклетіана — лишній поводъ, чтобъ отнести дѣйствіе легенды къ этому гоненію.

b) Святой Георгій и Митра.

Въ 1861 г. извѣстный оріенталистъ Гутшмидъ напечаталъ статью, самое заглавіе которой: „Die Sage von heiligen Georg, als Beitrag zur iranischen Mythengeschichte“ [4]) показываетъ, въ какомъ смыслѣ разрѣшаетъ она вопросъ о происхожденіи любопытной легенды [5]). Вотъ его главнѣйшія основанія.

Чудесныя подробности древнѣйшей легенды, раннее и сильное распространеніе культа, почтеніе, съ которымъ относятся къ Георгію мусульмане, все это доказываетъ, по мнѣнію Гутшмида, что въ основѣ легенды лежитъ чуждый христіанству миѳъ. Какой именно? Всѣ редакціи легенды согласно указываютъ на каппадокійское происхожденіе Георгія; въ Каппадокіи же мы должны искать и того бога, котораго замѣнилъ онъ. Каппадокія—первоначально семитическая земля, за 900 лѣтъ до побѣды христіанства была иранизирована, и слѣдовательно, ея вѣрованія раздѣляли судьбу иранскихъ. Извѣстно, что Зороастръ изъ старыхъ иранскихъ боговъ природы оставилъ немногое; важнѣйшимъ изъ этого немногаго были Анагита и Митра; культъ послѣдняго отъ времени не только не сла-

---

[1]) Городъ Мелитине, какъ родина Георгія, по видимому, не случайная вставка: именно тамъ было возстаніе, подробности котораго, впрочемъ, намъ неизвѣстны, см. *Mason*: The persecution of Diokletian. Cambrige, 1876, стр. 126.

[2]) *Preuss*: l. c., 144.

[3]) ibid., 150.

[4]) См. *Berichte über die Verhandlungen der königl. Sachsischen Gesellsch. der Wissenschaft. zu Leipzig*, XIII т., Phil. Hist. Cl.

[5]) Гутшмидъ, впрочемъ, не первый отожествилъ Георгія съ Митрой; см. статью *Іосифа Гаммера*: Ueber den heiligen Georg u. dessen Verwandschaft mit Chisr, Kedar, Elias und Mithras. Theologische Studien u. Kritiken, 1831, II, 829 и слѣд.

бѣлъ, но быстро усиливался, особенно въ Малой Азіи, гдѣ онъ воспринялъ въ себя черты семитическихъ солярныхъ божествъ, напримѣръ, Сандана киликійскаго. Со времени войны Помпея съ морскими разбойниками этотъ культъ распространился въ предѣлахъ Римской имперіи. Митра есть всеоживляющій свѣтъ, впослѣдствіи солнце. На римскихъ памятникахъ онъ, какъ и Георгій, изображается всегда юношей, съ мечомъ въ рукѣ, иногда съ нимбомъ вокругъ головы; часто изображается въ колесницѣ, запряженной четырьмя большими конями, иногда верхомъ. Георгій, по Рейнботу, убиваетъ и льва, и медвѣдя, и дракона; Митра, какъ богъ свѣта и правды, есть per eminentiam истребитель демоновъ. Врагъ Георгія—Даціанъ, Дакіанъ; врагъ Митры Aji Dahâka, сокр. Dehâk, змѣй, созданный Ариманомъ на погибель міру, діаволъ. Въ житіи Георгія видную роль играетъ царица Александра („отклоняющая мужей"); ей соотвѣтствуетъ часто соединяемое съ Митрой дѣвственное божество Анагита, изображавшаяся въ королевскомъ одѣяніи; по Рейнботу Александрѣ вырѣзываютъ груди; груди Анагиты играютъ важную роль; по Рейнботу, Александра—Француженка; Анагита по мѣсту почитанія Γαλατία. Вдовѣ, принявшей къ себѣ Георгія, можно найдти параллель въ Селенѣ или замѣнившей ее впослѣдствіи Изидѣ, которыхъ въ Римѣ присоединяли къ Митрѣ, какъ къ богу солнца; Изида тоже вдова Озириса; ея сынъ Гарпократъ, по миѳу слабый въ ногахъ, превратился въ болѣзненнаго сына вдовы. Георгій—славный воинъ и трибунъ военный; Митра—могучій воинъ и герой, первая высшая степень въ его римскихъ мистеріяхъ miles; Митра защищаетъ своихъ поклонниковъ въ битвѣ, а враговъ ихъ дѣлаетъ безсильными; ихъ оружіе относитъ вѣтеръ. Въ то же время Митра даетъ миръ, низводитъ на вѣрныхъ благословеніе судьбы, даетъ богатства, спеціально даетъ стада; онъ выводитъ на дорогу заблудившихся быковъ; эта черта отразилась въ легендѣ о Георгіи оживленіемъ вола Гликерія. Имена обращенныхъ Георгіемъ Анатолія и Промолеона напоминаютъ двѣ степени мистерій Митры. Въ этихъ же мистеріяхъ мы находимъ черты, параллельныя мукамъ и смертямъ Георгія; посвящаемые должны были подвергаться многимъ испытаніямъ, которыя изображаются на барельефахъ; сожженіе Георгія есть проба огнемъ, бросаніе въ колодезь—испытаніе водою. Троекратная смерть Георгія напоминаетъ троичнаго Митру маговъ, а окончательная смерть Георгія соотвѣтствуетъ притворному убійству мистерій. Митрѣ посвящено число 7; Георгія мучатъ семь лѣтъ. Главное празднество въ честь Митры отправлялось въ апрѣлѣ, а Криптіи именно праздновались 24-го

апрѣля. Самое имя Γεώργιος—Mann der Landbauern, есть ничто иное какъ эпитетъ Митры, который въ Mihir Yasht называется „располагающій нивами, не оскорбляющій крестьянина, и господинъ деревни".

Въ этомъ длинномъ рядѣ доводовъ есть и весьма солидные, и крайне легкомысленные; къ числу послѣднихъ принадлежатъ всѣ цитаты изъ Рейнбота, претензія котораго на сообщеніе начальныхъ чертъ сказанія не имѣетъ никакого основанія; другіе доводы поражаютъ своею странностью; таково, напримѣръ, сличеніе мукъ самого христіанизованнаго бога (если Георгій дѣйствительно христіанизованный Митра) съ испытаніями, которымъ подвергались посвящаемые въ таинства. Иные доводы распадаются прахомъ при большемъ знакомствѣ съ исторіей легенды; такъ, напримѣръ, совпаденіе имени Даціана съ змѣемъ Дахака теряетъ значительную часть доказательной силы, когда извѣстно, что начальная форма имени Дадіанъ или Дедіанъ [1]. За то другіе доводы, какъ-то близкая связь Георгія съ быкомъ (проявляющаяся не столько въ житіи, сколько въ чудесахъ, какъ будетъ указано ниже), весенній праздникъ, совпадающій день въ день съ однимъ изъ праздниковъ Митры, особенно въ виду быстраго распространенія культа святаго, о которомъ молчатъ современники, заставляютъ отнестись къ теоріи Гутшмида съ полнымъ вниманіемъ.

Митрѣ и его культу посвящено не мало изслѣдованій. Но Зеэль [2], Лажаръ [3], Крейцеръ и др. принуждены были ограничивать свой кругозоръ главнымъ образомъ позднѣйшими мистеріями Митры, римскимъ Митрой, такъ какъ Митра Зендавесты былъ имъ извѣстенъ только по неточному переводу Анкетиля. Поворотнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи исторіи бога служитъ монографія Виндишмана (1857 г.) [4], на которую главнымъ образомъ опирается Гутшмидъ. Альфредъ Мори считаетъ эту монографію на столько капитальною, что въ своей статьѣ о Митрѣ [5] ограничивается пересказомъ доводовъ и выводовъ Виндиш-

---

[1] Къ тому же Гутшмидъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ натяжкѣ. Въ гимнѣ (см. *Виндишмана*, 26, 87) Митра называется Schaedelschläger der Daêva, Znsammenbrenner der Pairika's; передъ нимъ дрожитъ Anro Mainyus и др. но Дахака въ гимнѣ не упоминается.

[2] *Seel*, Mithrageheimnissen. Aarau, 1822.

[3] *Mémoires de l'Academie des Inscriptions*, XV, 2, 259 и др.

[4] *Abhandlungen für d. Kunde des Morgenlands*, I Bd: Mithra. Ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients. Ср. его же *Abh. d. kön. bayr. Ak.* I cl. VIII, 1856 г.

[5] Croyances et légendes de l'antiquité, 2-de éd., стр. 159 и слѣд.

мана. Въ 1874 г. Вс. Θ. Миллеръ въ небольшой статьѣ прекрасно сгруппировалъ и освятилъ все, что̀ намъ извѣстно относительно Митры арійскаго [1]).

Митра Вѣдъ, являющійся вмѣстѣ съ Варуной, есть божество прежде всего свѣтовое, не лишенное однако и нравственнаго характера [2]); можетъ быть, послѣднее обстоятельство и было причиною того, что религіозная революція Ирана не уничтожила его, а оставила на своемъ Олимпѣ олицетвореній. Тамъ Митра играетъ довольно странную роль: онъ—существо сотворенное, онъ не принадлежитъ даже къ группѣ семи высшихъ божествъ (Амешаспентовъ); но въ представленіи народа и въ старыхъ формулахъ онъ, по своему значенію, непосредственно слѣдуетъ за Агурамаздой, составляетъ съ нимъ священную пару, какъ прежде съ Варуной [3]), что̀ видно не только изъ надписей ахеменидскихъ, но и изъ гимна, по которому онъ, сотворенный, равносиленъ творцу [4]).

Изъ массы его эпитетовъ (по Mihir Jasht), изъ множества его обязанностей и моленій, къ нему обращенныхъ, видно, что и иранскій Митра — богъ свѣта и стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ къ солнцу; но онъ не солнце, а, по словамъ Вс. Θ. Миллера, „всеобщее отраженіе всемірнаго свѣта, озареннаго солнечными лучами“ (стр. 11). Однако, главное его значеніе—нравственное: онъ богъ побѣдоносной правды, защитникъ нравственнаго закона, всевѣдущій, вездѣсущій, защитникъ добрыхъ, каратель злыхъ; оттого онъ воинъ и истребитель демоновъ. Въ качествѣ бога правды онъ не можетъ быть „посредникомъ“ (Плутарховъ μεσίτης) между Ормуздомъ и Ариманомъ: такая его функція могла развиться только впослѣдствіи при полной метаморфозѣ его личности и культа; но ему вполнѣ прилично быть посредникомъ между Ормуздомъ и людьми [5]).

---

[1]) *Časopis Musea Českeho*, 1874. 23.

[2]) Въ концѣ вѣдійскаго періода—богъ солнца и дня. См. Ormazd et Ahriman, leurs origines et leur histoire par *James Darmesteter* (Paris 1877. Bibl. de l'école des hautes études, 29-me fascicule, стр. 65 и 73). По связи свѣта и правды въ позднѣйшихъ текстахъ онъ «господинъ правды»—*satyânâm adhipatis*; ibid., 76.

[3]) *Darmesteter*, l. c., 65.

[4]) Ср. *Journal des Savants* Avril 1878, статья *Barthélemy St. Hilaire*: Il serait difficile d'indiquer même approximativement la date précise où cette superstition surgit et tend à remplacer le culte des toutes les autres divinités y compris celui d'Ahoura-Mazda.

[5]) *Darmesteter*, o. c., 112—114, старается объяснить μεσίτην Плутарха изъ

Для объясненія Митры-Георгія Митра Зендавесты можетъ дать факты только условной цѣнности; отъ Мигиръ Яшта до IV вѣка, даже до начала нашей эры, иранскіе боги пережили очень многое, особенно тѣ изъ нихъ, поклоненіе которымъ перешло въ другія земли, и старанія Виндишмана доказать, что Митра мистерій есть тотъ же Митра гимна, что въ гимнѣ намѣчено все то, что̀ подробно развивается въ мистеріяхъ, полны натяжекъ (стр. 72). Но все же между Митрой гимна и Митрой мистерій нельзя отвергать генетической связи, и если одна и та же черта встрѣчается и въ гимнѣ, и въ римскомъ Митрѣ, тѣмъ больше основаній искать ее въ Митрѣ-Георгіи. Кромѣ воинственности и покровительства стадамъ, Гутшмидъ еслибы зналъ апокрифъ, могъ бы указать на его особенную заботу о плодоносныхъ деревьяхъ (der die Bäume wachsen lässt) и засѣянныхъ поляхъ; отраженіе этого онъ могъ бы указать въ эпизодѣ о чудесномъ прозябаніи сѣдалищъ и еще удобнѣе въ культѣ Георгія.

Покровительство плодородію есть одна изъ немногихъ чертъ, соединяющихъ Митру съ Анаитисъ [1]). Произвести изъ Анаитисъ царицу Александру болѣе, чѣмъ смѣло. Что̀ между ними общаго? Сличеніе многогрудой богини съ обычнымъ для женщинъ мученіемъ отрѣзыванья грудей—такой же ненаучный пріемъ, какъ сличеніе Француженки Рейнбота съ Γαλατία. Также странно основываться на имени Александры и сличать ее съ Анаитисъ, дѣвственность которой вовсе не есть рѣзко выдающаяся черта: Греки называютъ ее не только Артемидой, но и Афродитой, и въ Арменіи, судя по Страбону, ея культъ носилъ исключительно астартическій характеръ.

Что касается до греко-римскаго Митры и до его мистерій, запутанность и трудность вопроса внушаютъ основательный страхъ Буркхардту (Die Zeit Constantin's des Grossen. Leipz. 1868, стр. 229): „Die ganze Mithrasforschung, говоритъ онъ, ist an neugierigen Hy-

---

роли Митры какъ судьи мертвыхъ и изъ позднѣйшаго воззрѣнія, по которому солнце было посредникомъ и судьею между двумя принципами.

[1]) Вс. Θ. Миллеръ совершенно справедливо полагаетъ (стр. 10), что §§ 54 и 74, гдѣ Митра жалуется Агурамаздѣ на малое почтеніе со стороны людей, надо понимать не буквально: этому противорѣчатъ факты. Можетъ быть, это общее мѣсто — жалоба на предпочтеніе, которое люди оказываютъ кривдѣ передъ правдою.

[1]) Ardviçûra Anahita, богиня небеснаго источника, изъ котораго происходятъ земныя воды. Геродотъ называетъ ее Mithra, вѣроятно, принявъ эпитетъ за имя.

potheseen überreich, und wir müssen uns hüten diesen Vorrath ohne Noth zu vermehren" [1]). Дѣйствительно, трудно представить себѣ, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгали, чтобъ объяснить удовлетворительно боковыя изображенія митрей и загадочныя извѣстія современниковъ о странныхъ и неудобоисполнимыхъ испытаніяхъ посвящающихся (въ родѣ двухъ-дневнаго бичеванія, 50-ти-дневнаго совершеннаго поста [2]), 20-ти-дневнаго лежанія въ снѣгу, многодневнаго плаванія и пр.), о плохо разобранныхъ степеняхъ посвященныхъ (Helios Bromios или Heliodromos? Nyphus или Gryphius?), и все напрасно: боковыя изображенія не могутъ быть объяснены удовлетворительно ни какъ знаки зодіака, ни какъ изображенія испытаній. Очевидно, для удовлетворительнаго объясненія дѣла надо ждать открытія новыхъ митрей или новыхъ свидѣтельствъ; теперь же приходится ограничиваться немногими и на половину отрицательными выводами. Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ самомъ Иранѣ въ послѣднее время Митра получилъ значеніе солнца, и въ качествѣ послѣдняго слился въ Малой Азіи съ мѣстными солярными божествами, между прочимъ съ фригійскимъ Собазіемъ, мистеріи котораго праздновались въ Греціи, по видимому, еще во время ея свободы, съ Геліосомъ, а при дальнѣйшемъ объединеніи религій даже съ Беломъ и египетскими солнечными божествами [3]). Мистеріи и самоистязанія, разумѣется, явленія позднѣйшія, воззрѣнія не иранскія, даже вполнѣ противныя духу Зороастровой религіи, а митреи связаны съ ними; слѣдовательно, совершенно напрасны всѣ старанія изслѣдователей толковать эти митреи изъ ре-

---

[1]) Буркхардъ однакоже измѣняетъ себѣ и спрашиваетъ: Воинственный характеръ греко-римскаго Митры не объяснить ли тѣмъ, что Митра перешелъ на западъ черезъ посредство морскихъ разбойниковъ? Вовсе нѣтъ въ этомъ нужды: воинственность есть одна изъ наиболѣе выдающихся чертъ Митры Зендавесты. Давно бы пора отнести къ числу историческихъ миѳовъ (одного сорта съ греческимъ философомъ Владиміра святаго) то, что культъ Митры перешелъ въ Европу именно въ 68 г. Какъ можно опредѣлять съ такою точностью время и суживать источники широко распространеннаго культа?

[2]) Наиболѣе удовлетворительныя объясненія см. у *Дарместетера*, o. c., 238 и слѣд.

[3]) См. *Nork*, Etymologisch-symbolisch-mythische Realwörterbuch. s. v. Указанія, собранныя Норкомъ, можно распространить еще далѣе: Митра попадаетъ къ Талмудъ и Кабалу подъ именемъ Metatron'а, царя ангеловъ (халд. Matteralh). Этотъ ангелъ есть царь надъ царями, «охранитель всего міра, дающій всѣмъ пропитаніе, но въ то же время ангелъ смерти» (см. *Seel*, l. c., стр. 53).

лигіи Зороастра; слѣдовательно, нечего затрудняться противорѣчіемъ между Митрою-быкоубійцею митрей, и Митрою—естественнымъ защитникомъ почтеннѣйшаго звѣря Агурамазды, и не зачѣмъ прибѣгать къ натяжкамъ, объясняя юношу, убійцу быка Ариманомъ [1]). Мало того: не смотря на колосья, выходящія изъ хвоста быка, кажется, неудобно видѣть въ немъ воспоминаніе о первобытномъ быкѣ, произведшемъ 55 родовъ хлѣба и 12 сортовъ полезныхъ животныхъ (Spiegel Eran. Alterthumsk, 1871, I, 510). Митрея въ главныхъ чертахъ — астрономо-метеорологическая карта; основная мысль ея: солнце, вступающее въ созвѣздіе тельца [2]), поражая лучами землю [3]), вызываетъ ея плодородіе; 12 боковыхъ изображеній, не согласныхъ ни по числу, ни по сюжету съ испытаніями [4]), должны изображать мѣсяцы, что̀ впрочемъ не исключаетъ возможности другаго, болѣе отвлеченнаго значенія въ родѣ мытарствъ человѣческой души: извѣстна тенденція всѣхъ тайноученій совмѣщать нѣсколько смысловъ въ одномъ художественномъ выраженіи. Каково именно отношеніе этихъ изображеній къ мѣсяцамъ, намъ кажется, при настоящихъ средствахъ опредѣлить съ точностію не возможно; и удивляться не чему: мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло не съ яснымъ, здоровымъ народнымъ представленіемъ, а съ изысканнымъ выраженіемъ позднѣйшаго, старческаго культа. Ключи въ рукахъ Митры на Вьенискомъ барельефѣ (Lajard въ Mémoires de l'Ac. des Inscriptions, XV, 2, стр. 254) также могутъ имѣть двойное значеніе: метеорологическое, какъ ключи, отпирающіе землю весной, и спиритуальное, какъ ключи, отпирающіе небо для восходящей души. Изображеніе этого барельефа и нѣкоторыхъ другихъ важно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь Митра изображается съ львиной головой, представленіе не зороаст-

---

[1]) *Хрисанеъ*, Религія Востока, I, 614. Хороша митрея, гдѣ на главномъ планѣ злое божество! Болѣе остроумно Дарместетеръ объединяетъ въ данномъ случаѣ Митру съ Шаошіантомъ, l. c.

[2]) См. *Lajard* въ *Memoires de l'Acad. des Inscript.* XIV, 54.

[3]) Быкъ или корова—постоянный и въ извѣстномъ поясѣ всеобщій символъ силы земли; быкъ Митры съ колосьями совмѣщаетъ въ себѣ одномъ оба сна Фараона. Кромѣ того, быкъ можетъ имѣть и другое столь же общее значеніе: Cornua vero bovis imago sunt radiorum solis; quare et Mythrae et Ἡλίῳ boves sacri erant (*Baudissin*: Jahve et Moloch. Lips. 1874. 46).

[4]) Свидѣтельство Ильи Критскаго о «duodecim cruciatus», расходящееся съ другими,—одно изъ позднѣйшихъ и не показываетъ большаго знакомства въ дѣломъ.

ровское, но интересное для насъ по многимъ свидѣтельствамъ объ апрѣльскомъ праздникѣ Митры Leontica. На времени его празднованія видно, на сколько Митра греко-римскій удалился отъ Митры иранскаго: Mihrahan послѣдняго приходится осенью, тогда какъ у Римлянъ праздники падали главнымъ образомъ на мартъ и апрѣль. (Creuzer, Deutsche Schriften, II, 2, 313). По надписямъ извѣстно, что въ 358 г. по Р. X. Heliaca праздновались 16-го апрѣля, а 11-го марта и 24-го апрѣля Leontica (Freret: Observations sur les fêtes religieuses de l'année persane. Mémoires de l'Ac. des Inscr. A. S. 16, стр. 285) [1]).

Греко-римскій Митра возбуждалъ насмѣшки христіанъ тѣмъ, что какой-то намъ неизвѣстный миѳъ представлялъ его похитителемъ быковъ (Windischmann, 64); это также сравнительно новая черта, не только незнакомая Мигиръ-Яшту, но и противорѣчащая ему: богъ правды не могъ быть воромъ. Для натур-миѳолога разница небольшая, воруетъ ли богъ солнца и свѣта дождевосныхъ коровъ или отбиваетъ ихъ у вора; но на моральномъ Олимпѣ Зороастра воръ не мыслимъ; только на семитической почвѣ могла произойдти такая метаморфоза съ Митрой.

Эта черта греко-римскаго Митры оказывается чрезвычайно важною для опредѣленія его отношеній къ Георгію. Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда, именно воровство быковъ оказывается одной изъ болѣе прочныхъ нитей, соединяющихъ языческаго бога и христіанскаго святаго. Еслибы Гутшмидъ зналъ нижеприводимый фактъ, онъ могъ бы опереться на него съ бо̀льшимъ основаніемъ, нежели на подозрительныя самоистязанія и на вдову, заимствованную изъ Библіи.

Извѣстный путешественникъ Шарденъ, проѣзжая по Кавказу, заинтересовался религіозными обрядами и вѣрованіями Мингрельцевъ, но такъ какъ онъ, по незнанію языка страны, не могъ собрать объ этомъ свѣдѣній непосредственно, то и рѣшилъ внести въ свою книгу переводъ изслѣдованія объ этомъ предметѣ, составленнаго начальникомъ монаховъ-театиновъ Іосифомъ Маньецамни, который жилъ въ странѣ уже 23 года [2]). Въ этомъ изслѣдованіи почтенный миссі-

[1]) Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ этихъ праздниковъ слились съ старыми римскими: VII kal. мая Римляне справляли *Robigalia*, земледѣльческій праздникъ (*Graevii* Thesaurus, VIII, стр. 68 и 91).

[2]) Въ Амстердамскомъ изданіи путешествія 1711 г., стр. 152—248, т. I.

онеръ нѣсколько разъ упоминаетъ о томъ высокомъ и исключительномъ почтеніи, которымъ пользуется у Мингрельцевъ Георгій, и въ главѣ о праздникахъ сообщаетъ слѣдующее (стр. 241): „21-го октября Мингрельцы празднуютъ чудо св. Георгія, совершенное въ ихъ странѣ въ знакъ милости къ одному язычнику-чужестранцу, который пришелъ болѣе, чѣмъ за 100 миль. Вотъ его исторія: въ то время, какъ церковь греческая была въ единеніи съ латинскою, и этотъ славный мученикъ творилъ много чудесъ, одинъ язычникъ не хотѣлъ вѣрить когда ему объ этомъ разказывали. На увѣщанія христіанъ не быть столь упорнымъ, онъ отвѣчалъ: „Я повѣрю вашимъ разказамъ о чудесахъ святаго, если онъ раньше завтрашняго дня перенесетъ ко мнѣ такого-то изъ моихъ быковъ", и онъ обозначилъ его примѣты. Въ слѣдующую ночь этотъ быкъ оказался принесеннымъ болѣе чѣмъ изъ-за 100 миль на мѣсто, а мѣсто это—то же самое, гдѣ находится церковь, посвященная Георгію въ деревнѣ Иссоріевъ (des Issoriens) [1]). Такъ этотъ язычникъ и принялъ крещеніе къ великому утѣшенію христіанъ. Быка убили и раздѣлили между народомъ, который сбѣжался толпою, чтобы видѣть чудо. Желая сохранить воспоминаніе объ этомъ происшествіи, Мингрельцы каждый годъ, не задолго до праздника, заставляютъ одного изъ аспирантовъ на священство красть, во имя и для св. Георгія, быка, лучшаго, какого только можно найдти. Это самъ Георгій, думаютъ они, уноситъ ежегодно въ извѣстный день быка и помѣщаетъ его въ то же мѣсто, въ воспоминаніе древняго чуда. Вслѣдствіе этого за 15 дней каждый начинаетъ тщательно охранять своихъ быковъ, такъ какъ всякій, подъ именемъ св. Георгія, воруетъ ихъ, гдѣ можетъ и притомъ всегда самыхъ лучшихъ, говоря: „Если св. Георгій воруетъ быковъ, то и намъ можно". Такимъ образомъ и оправдываютъ они воровство. Многіе Греки и нѣкоторые изъ нашихъ отцевъ рѣшились изслѣдовать, какъ происходитъ это ложечудо съ быкомъ, точнѣе сказать, это мошенничество. Они бодрствовали цѣлую ночь и сторожили около церкви; такимъ образомъ они узнали, что при наступленіи ночи быка втягиваютъ въ церковь веревками. Епископы по большей части знаютъ, что это такъ называемое ежегодное чудо есть чистый обманъ и мошенничество, но допускаютъ его, чтобы поддержать благочестіе въ народѣ, который—обстоятельство не маловажное—въ продолженіе

[1]) Ниже объяснено, что она лежитъ близъ Чернаго моря въ епископствѣ «Bediel».

этой ночи не смѣетъ подходить къ церкви: его увѣрили, что святой убиваетъ всякаго, кто въ эту ночь приближается къ его храму. Тайну знаютъ только укравшій быка и помогающіе втащить его". Нѣсколько ниже авторъ разказываетъ, какъ въ день праздника князь снимаетъ свою печать съ церкви [1]), какъ убиваютъ быка, ѣдятъ его и гадаютъ по немъ.

Чудо это происходитъ и до нашихъ дней, пріуроченное къ той-же церкви св. Георгія Илорскаго (Илори въ Абхазіи на берегу Чернаго моря), но праздникъ почему-то перенесенъ на 10-е ноября [2]).

Повѣствователи чудесъ обыкновенно объясняютъ обрядъ изъ чуда; но извѣстно, что какъ въ числѣ миѳовъ языческихъ было не малое число такихъ, которые были обязаны своимъ происхожденіемъ мѣстности, собственному имени или другому факту, такъ и въ исторіи христіанской легенды нерѣдки случаи, гдѣ преданіе о чудѣ возникло изъ обряда. Такъ надо полагать, было и здѣсь. Украденный богомъ быкъ чудесно являлся въ его храмѣ (который изображалъ antrum миѳа) [3]); бога замѣнилъ христіанскій святой, а обрядъ остался тотъ же, не смотря на свою оскорбительную для христіанъ нелѣпость. Впослѣдствіи понадобилось найдти оправданіе грубому обряду, и явилось сказаніе о чудѣ. Что первичность на сторонѣ обряда, доказывается легко-замѣтнымъ противорѣчіемъ между обрядомъ, гдѣ Георгій прямо воруетъ чужаго быка, и сказаніемъ, гдѣ Георгій только переноситъ чужаго быка по волѣ хозяина; очевидно, сказаніе стремилось облагородить дѣло, и какъ позднее, можетъ быть, явилось подражаніемъ извѣстному чуду Георгія о перенесеніи плѣнника въ домъ родительскій.

Митра въ качествѣ похитителя быковъ былъ извѣстенъ, по видимому, не въ одномъ мѣстѣ, а повсюду, гдѣ пользовался почетомъ. Почему же одинъ уголокъ Кавказа сохранилъ слѣдъ миѳа? Не найдется ли въ греческомъ литературномъ преданіи о Георгіи какое-либо хотя косвенное его отраженіе?

Въ приложеніи къ Acta SS. (Apr. III, XXXIX и слѣд.) изложено чудо Георгія, не встрѣчавшееся мнѣ въ русскихъ прологахъ и сборникахъ: Въ Каппадокіи во времена императора Ѳеодосія живетъ без-

---

[1]) Онъ не объясняетъ, какимъ образомъ воръ и его помощники протаскиваютъ быка, не повредивъ печати.

[2]) *Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ.*, VI, 167: Сванетія *Баркадзе*. Нѣтъ ли ошибки въ числѣ?

[3]) Ср. *Hartung*: Die Religion u. Mythologie der Griechen, Leipz. 1873, 144 и слѣдд.

дѣтный крестьянинъ Теопистъ съ женой Евсевіей [1]). 20-го мая Теопистъ пахалъ съ своимъ работникомъ въ полѣ; поработавъ, они легли спать, а воловъ пустили пастись; когда они проснулись, волы исчезли. После долгихъ и напрасныхъ поисковъ одинъ юноша совѣтуетъ Теописту помолиться св. Георгію. Теопистъ хоть и не вѣритъ въ дѣйствительность этого средства, однако исполняетъ совѣтъ и обѣщаетъ святому въ случаѣ находки убить одного вола и на пиръ позвать его, св. Георгія. Святой является ему во снѣ, велитъ идти въ путь за волами и намѣревается прійдти на обѣщанный ему пиръ. Теопистъ, дѣйствительно, находитъ быковъ, и еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде напрасно искалъ много разъ [2]). Крестьянину жалко вола, и онъ думаетъ удовольствовать святаго принесеніемъ въ жертву козы. Тогда Георгій является ему во снѣ и требуетъ уже двухъ паръ воловъ. Теопистъ опять идетъ на сдѣлку: колетъ овцу и ягненка. Георгій недоволенъ и этимъ: „Напрасно ты думаешь удовольствовать меня барашкомъ! Развѣ ты не знаешь, что я графъ". И теперь святой требуетъ, чтобы Теопистъ перекололъ всѣхъ своихъ быковъ и барановъ. Боясь обѣднѣть и не довѣряя видѣнію, Теопистъ не исполняетъ повелѣннаго. Тогда святой является ему на бѣломъ конѣ, съ крестомъ въ рукахъ, повторяетъ свое требованіе, а въ случаѣ неисполненія грозитъ взять у Бога огонь и сжечь самого Теописта и все его имѣніе [3]). Потомъ еще разъ является святой и жестоко бранитъ Теописта за недовѣріе. Наконецъ крестьянинъ послушался: велитъ перебить весь свой скотъ и приглашаетъ на пиръ множество гостей; приготовили хлѣба и вина, а священники пропѣли святому канонъ. „Тогда сдѣлался большой шумъ, и явилось 30 всадниковъ, которые сказали: вотъ идетъ нашъ графъ" [4]). За ними является другая толпа, которая велитъ Теописту и его гостямъ выходить на встрѣчу. Наконецъ пріѣзжаетъ самъ Георгій въ сопровожденіи двухъ свѣтлыхъ юношей, и начинается пиръ. Георгій велитъ тщательно собирать всѣ остающіяся кости и складывать ихъ въ одно мѣсто. По окончаніи пира онъ велитъ пропѣть канонъ и самъ творитъ молитву надъ костями; тогда послѣднія одѣваются плотію, и весь скотъ, по-

---

[1]) Симметричныя имена, очевидно приставленныя позднѣе.

[2]) Πολλάκις ἔνθεν καὶ ἔνθεν ἐκεῖ ὥδευσα, ἀλλ᾽ οὐδὲν εὗρον μή γαρ μῆκός, ἐστιν говоритъ онъ женѣ.

[3]) ἀλλ᾽ αἰτοῦμαι πῦρ παρὰ Κυρίον καὶ σε καὶ τὸν οἰκόν σου πυρίκαυστον ποιήσω.

[4]) Καὶ αυτῇ τῇ ὥρᾳ κρότος ἐγένετο μέγας καὶ εὐθέως ἔφθασαν τριάκοντα καβαλάριοι καὶ λέγουσιν ὁ Κόμης ἥμων ἔρχεται.

жертвованный такимъ образомъ Теопистомъ, возвращается ему. Тогда Георгій удалился со всею своею свитой. Послѣ этого Теопистъ сильно разбогатѣлъ, прижилъ отъ Евсевіи семь сыновей и трехъ дочерей и построилъ храмъ во имя св. Георгія, гдѣ и былъ погребенъ.

Не одна сомнительная связь сюжета сближаетъ мингрельское апокрифическое чудо съ греческимъ, но и прямое фактическое указаніе на память о греческомъ чудѣ, сохранившуюся именно на Кавказѣ. „Въ селеніи Халде", говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Сванетіи [1]),—„есть церковь, гдѣ грузинская надпись гласитъ, что здѣсь св. Георгій посѣтилъ Теопаста". Издатель поставилъ при имени Теопаста вопросительный знакъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Теопастъ есть испорченный Теопистъ греческаго чуда. Отчего это чудо, забытое и на востокѣ, и на западѣ, помнится только на Кавказѣ? Не оттого ли, что нашло себѣ здѣсь корень въ преданіи народномъ?

Греческая редакція чуда относится сравнительно къ очень поздней эпохѣ: на это указываютъ и параллельныя имена (Боговѣрный и Благочестіе), и два спутника Георгія — отраженіе иконописныхъ Димитрія и Өеодора, и на сколько я могу судить, даже самый языкъ; на этомъ долгомъ пути могло видоизмѣниться и самое зерно сказанія.

Въ исторіи Теописта зерно составляетъ извѣстное топическое чудо— оживленіе животнаго, убитаго въ пользу святаго. Нѣмецкіе миөологи видятъ въ этомъ перенесеніе миөа Тора, который, какъ извѣстно, оживляетъ подобнымъ же образомъ козла. Вольфъ [2]) прямо объявляетъ, что миөъ этотъ въ Золотой легендѣ перенесенъ на св. Германа [3]); не задумываясь, онъ сближаетъ съ тѣмъ же Торомъ и Вильгельма Валлерскаго, оживляющаго быка, убитаго въ угоду беременной женщинѣ и происшествіе на Феррарскомъ собраніи вѣдьмъ (гдѣ Herodias congeri jubet ossa omnia mortui bovis super corium ejus extensum ipsumque per 4 partes super ossa revolvens virgaque percutiens vivum bovem reddit, ut prius), и даже попа Амиса. Въ такомъ случаѣ на счетъ Тора слѣдовало бы отнести и саксонскую сказку [4]), гдѣ Христосъ и апостолъ Петръ заходятъ къ бѣдняку, который уби-

---

[1]) Сванетія въ археологическомъ отношеніи. *Вѣстн. Общ. Древне-русск. Иск.* 1876, стр. 87.

[2]) Beiträge, 88 и сл.

[3]) S. Germanus omnia ossa *vituli* super pellem vituli componifecit et ad ejus orationem vitulus sine mora surrexit.

[4]) *Haltrich*, Deutsche Volksmärchen, aus d. Sachsenlande, 1856, стр. 67—70.

ваетъ для нихъ единственную овцу; изъ собранныхъ на шкурѣ костей послѣдней Христосъ потомъ дѣлаетъ цѣлое стадо. Пока мы на нѣмецкой или вообще западно-европейской почвѣ, миѳъ Тора имѣетъ за собою нѣкоторую долю вѣроятности (хотя и здѣсь Вольфу приходится прибѣгать къ натяжкамъ: онъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ вездѣ быка или теленка вмѣсто козла и дѣлаетъ остроумное предположеніе: vermied man die Böcke als heidnische Erinnerung? Далѣе: ни въ одномъ изъ приведенныхъ пересказовъ нѣтъ сломанной кости; отчего это? Этой подробности не было въ нѣмецкомъ миѳѣ, а только въ скандинавскомъ, рѣшаетъ Вольфъ). Но съ этимъ „миѳомъ" не трудно перебраться и на иную почву. Къ саксонской сказкѣ очень близка русская легенда (Аѳанасьевъ, Легенды, XXIII и слѣд.), въ которой бѣднякъ рѣжетъ для трехъ гостей единственную телушку, и изъ раскиданныхъ ея костей появляется цѣлое стадо черкасскихъ быковъ. Не предположить ли заимствованіе? Но заимствованія безъ посредства литературнаго источника мало достовѣрны, а литературный источникъ въ этомъ случаѣ скорѣе апокрифъ, нежели миѳъ. А что́ дѣлать съ Георгіемъ и Теопистомъ? Не попытаться ли и его отнести къ Тору, принявъ за посредствующія звенья тѣхъ Норманновъ-Варяговъ, которые служили Византійскому императору? Не произвести ли Торовъ миѳъ въ миѳъ арійскій, и не поискать ли намека на подобное происшествіе въ Вѣдахъ? Можно навѣрно сказать, что при усердіи искомое найдется; не станетъ дѣло и за натурмиѳологическимъ объясненіемъ посредствомъ убитой лѣтнимъ солнцемъ и возрожденной весеннимъ природы? Но нужно ли прибѣгать къ такимъ крайностямъ?

Въ основѣ Торова миѳа и всѣхъ сказаній о чудесно оживленныхъ послѣ употребленія въ пищу животныхъ лежитъ одинъ и тотъ же эпическій мотивъ, который можетъ явиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ съ различными осложненіями безъ всякой литературной или праарійской связи. Въ миѳѣ онъ пріуроченъ къ объясненію хромоты Торова козла; въ русской легендѣ, въ саксонской сказкѣ и въ чудѣ св. Германа, который также награждаетъ принявшаго его бѣдняка и наказываетъ отвергшаго его богача, мотивъ получаетъ религіозно-нравственную окраску и легко можетъ быть подведенъ къ единому литературному источнику. Но разбирать морфологію этого мотива здѣсь не мѣсто. Для насъ важно только то, что въ греческомъ чудѣ онъ осложнилъ чудо Георгія.

Сквозь благочестивый тонъ греческаго повѣствованія объ этомъ чудѣ можно провидѣть старинный миѳъ. Теопистъ искалъ много разъ

въ этомъ мѣстѣ пропавшихъ быковъ; гдѣ они были? Никто не могъ понять. Ихъ похитилъ Георгій-Митра. Весь ходъ дѣла представляется намъ въ такомъ видѣ: сказаніе о Митрѣ-похитителѣ быковъ перешло на Георгія, но какъ чудо, противорѣчащее самымъ основнымъ понятіямъ христіанской морали, оно долго не получало никакой литературной обработки. Въ этомъ чистомъ сравнительно видѣ оно попало и въ Мингрелію, сперва въ видѣ обряда, потомъ въ видѣ вызваннаго имъ, неумѣло составленнаго чуда. Въ то же время на почвѣ сильнѣе христіанизированной то же преданіе, поддерживаемое житіемъ Георгія, гдѣ повѣствуется объ оживленіи быка, слилось съ общимъ мѣстомъ о чудѣ надъ убитымъ въ пользу святаго животнымъ.

И такъ къ чему же привелъ насъ Гутшмидъ со своею смѣлою догадкою?

Нѣтъ возможности не признать связи Георгія съ греко-римскимъ Митрою, хотя эта связь существуетъ далеко не въ такой сильной степени, какъ предполагаетъ Гутшмидъ. Совпаденіе цифра въ цифру одного изъ важнѣйшихъ праздниковъ Митры съ памятью Георгія, дикій обрядъ, удержавшійся именно въ той странѣ, которая сохранила остатки самой глубокой старины, черезъ-чуръ прозрачное имя Георгія и невозможность найдти историческую основу [1]), все это приводитъ насъ къ заключенію, что христіанство (какъ извѣстно, сильно эксцерпировавшее культъ мистерій позднѣйшаго Митры; см. Nork, l. c., sub. voce), постаралось примирить Львиный праздникъ съ праздникомъ христіанскому святому, на котораго народъ естественно перенесъ нѣкоторыя характерныя черты бога. Но житіе Георгія вышло не отсюда: уже и a priori кажется страннымъ, чтобъ эпическое сказаніе родилось изъ культа бога такой эпохи, когда миѳологическій эпосъ былъ замѣненъ теософіей; да и неподкупленный разумъ рѣшительно не найдетъ въ житіи ни одной черты, которая несомнѣнно объяснялась бы извѣстіями древнихъ о Митрѣ.

c) Георгій-Таммузъ.

Лѣтъ пять спустя послѣ Гутшмида за изслѣдованіе источниковъ легенды и культа Георгія взялся англійскій ученый богословъ Бэрингъ-Гудъ (Baring-Gould) во второмъ томѣ своихъ Средневѣковыхъ миѳовъ [2]). Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ проявилась печальная

---

[1]) Сюда же можно присоединить еще связь Митры и Георгія съ мусульманскимъ Хыдромъ, о которомъ будетъ говорено ниже.

[2]) Curious myths of the Middle Ages. Second series Rivingstons. 2-d edition. 1868.

черта англійской науки—презрительное невѣжество по отношенію къ наукѣ континентальной, и Бэринъ-Гудъ, не оставившій безъ вниманія потерявшія всякое значеніе полемическія книжки XVII и XVIII вв., игнорируетъ изслѣдованіе Гутшмида. Бэринъ-Гудъ безусловно отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые отожествляли Георгія великомученика съ Георгіемъ аріанскимъ, и по видимому, основу житія Георгія считаетъ исторической; недостаточность фактовъ этой основы дала возможность пріурочить къ уважаемому мученику старые миѳы. Какіе именно? Исходнымъ пунктомъ для англійскаго изслѣдователя служитъ знаменитое „Набатейское земледѣліе". Кутами, говоря о смерти Ямбушада, приводитъ сказаніе о томъ, что Ямбушада оплакивали всѣ изображенія, какъ когда-то Таммуза; при этомъ случаѣ онъ вспоминаетъ подробности этого всеобщаго плача объ Таммузѣ и говоритъ, что въ праздникъ Таммуза онъ самъ бывалъ въ храмѣ, слушалъ его исторію и плакалъ вмѣстѣ съ другими, хотя мало вѣрилъ ей. Исторіи Ямбушада (чтеніе которой также сопровождается плачемъ слушателей) онъ вѣритъ болѣе, по ея сравнительной новости.

Передавая этотъ отрывокъ, арабскій переводчикъ прибавляетъ любопытныя свѣдѣнія изъ другихъ набатейскихъ книгъ: Таммузъ, по этимъ свѣдѣніямъ, былъ человѣкъ, проповѣдывавшій царю истинную вѣру (поклоненіе семи планетамъ и двѣнадцати знакамъ), нѣсколько разъ подвергавшійся смерти и нѣсколько разъ воскресавшій. То же самое, говоритъ Ибнъ Вашія, разказываютъ христіане про св. Георгія, которому празднуютъ въ мѣсяцѣ низамѣ (апрѣлѣ).

Такимъ образомъ потомокъ Халдеевъ разрѣшаетъ наше недоумѣніе на счетъ происхожденія Георгія, и Бэринъ-Гуду остается только подкрѣпить его фактами и объяснить Таммуза. Магометъ Эль-Недимъ въ примѣчаніи къ мѣсяцу Таммузу (іюлю) говоритъ, что праздникъ „плачущихъ женъ" празднуется въ серединѣ этого мѣсяца въ воспоминаніе бога Тâуза, котораго жестоко замучилъ его господинъ, смололъ его кости и пустилъ ихъ по вѣтру [1]).

Таммуза съ Адонисомъ отожествлялъ еще св. Іеронимъ, какъ въ своемъ комментаріи на Іезекіиля (VIII, 14), такъ и въ письмѣ ad Paulin. (LVIII, ed. Vallars. I, 321), гдѣ онъ жалуется на распространеніе этого культа по мѣстамъ, освященнымъ воспоминаніями о земной жизни Спасителя [2]); новыя изслѣдованія еще болѣе закрѣпляютъ

---

[1]) Die Ssabier, *Хвольсона*, II, 27.

[2]) *Chwolson*, Ueber Tammus und die Menschenverehrung. Petersb., 1860.

фактъ этого тожества. Съ этимъ соглашается и Бэринъ-Гудъ, отвергающій мнѣніе г. Хвольсона о томъ, что Таммузъ былъ только проповѣдникомъ, апостоломъ новаго ученія, а не богомъ. Греческій миѳъ и культъ Адониса авторъ склоненъ объяснить заимствованіемъ миѳа финикійскаго, сходство же миѳа Адониса съ Озирисовымъ — единымъ древне-семитическимъ миѳомъ. У Арабовъ-язычниковъ долженъ былъ существовать подобный же миѳъ о солярномъ героѣ, и принявъ исламъ, они перенесли его на Эль-Кудира, а Эль-Кудира отожествили съ св. Георгіемъ, мученикомъ Никомидійскимъ, на котораго еще раньше тотъ же миѳъ перенесли малоазійскіе христіане.

Между семитическимъ миѳомъ и христіанско-мусульманскою легендою сходство не ограничивается общею схемой смерти и воскресенія; Беринъ-Гудъ остроумно изыскиваетъ совпаденіе въ болѣе спеціальныхъ чертахъ: двѣ женщины, участвующія въ легендѣ, вдова и царица, суть двѣ богини, являющіяся въ миѳѣ; вдова есть Астарта, Афродита или Изида; съ нею сходится богъ въ своей земной жизни; царица Александра, жена враждебнаго свѣтлому началу мучителя, есть Персфона Грековъ, Нефтисъ Египтянъ; съ нею вмѣстѣ мученикъ совершаетъ свое загробное путешествіе. Легендарное перенесеніе тѣла Георгія изъ мѣста мученія на мѣсто родины есть отзвукъ странствованій и приключеній трупа Озирисова.

Для другихъ эпизодовъ легенды авторъ указываетъ чрезвычайно разнообразные источники и тѣмъ доказываетъ свое близкое знакомство съ религіозными сказаніями Арійскихъ народовъ и... слабость своего метода.

Эль-Недимъ говоритъ, что Таммузъ смолотъ на мельницѣ; источникъ этого авторъ видитъ въ извѣстномъ сказаніи о Гомѣ (Сомѣ). Георгій христіанской легенды оживляетъ быка: авторъ сближаетъ его на этомъ основаніи не только съ св. Германомъ, Торомъ и пр., но и по гимну Ригъ-Вѣды съ воскрешающими корову Ribhus'ами. Многообразныя смерти и муки Георгія объясняются тѣмъ, что на его прототипъ семитическаго бога солнца перенесены разнообразные роды смертей, которыя въ греческой миѳологіи приписываются различнымъ солярнымъ божествамъ [1]). Георгія жгутъ ог-

---

[1]) Стр. 29: In greek mythology the solar gods are many, and the stories of their deaths are distributed so as to provide each with his exit from the world; but in Semitic mythology it is not so: the sun-God is one (?), aud all kinds of deaths are attributed to him alone.

немъ, какъ Геркулеса и Мемнона, пронзаютъ, какъ Ахиллеса, Аякса, Зигфрида и Вальдура; его варятъ на огнѣ въ мѣдномъ котлѣ, который изображаетъ въ данномъ случаѣ дождевую тучу, находящуюся надъ свѣтомъ, сіяющимъ съ запада, погружаютъ въ кипящій металлъ, изображающій пары, поднимающіеся съ запада, сбрасываютъ съ холма, какъ Фаэтона.

Пресловутое „Набатейское Земледѣліе", какъ извѣстно, оказалось пуфомъ, довольно неловкою поддѣлкой X вѣка. Еще въ 1860 г. въ Zeitschr. d. Morgenländisch. Gesellsch. это блистательно доказалъ тотъ же Гутшмидъ. Въ 1875 г. Нёльдеке (Nöldeke) [1]) снова рѣшился пересмотрѣть этотъ вопросъ, добылъ себѣ рукопись и внимательно обслѣдовалъ ее. Результатомъ этого было его удивленіе: какимъ образомъ подлинность „Набатейскагого Земледѣлія" могла найдти защитниковъ? Какъ могъ обмануть ея авторъ спеціалистовъ? Весь характеръ книги, ходъ мыслей, изложеніе, показываютъ Араба, познакомившагося съ греческою литературой. Предполагаемый Кутâми пишетъ совершенно также, какъ и Ибнъ-Вашія [2]). Интереснымъ въ этой книгѣ Нёльдеке находитъ только одно — искусно скрытую ненависть къ исламу [3]), хотя и это, по его словамъ, явленіе въ то время не единичное. Цитируемое Бэринъ-Гудомъ мѣсто обслѣдовалъ Гутшмидъ (l. c., 52) и пришелъ къ такому заключенію: „Обращеніе Таммуза въ человѣка есть обычный пріемъ обманщика Вашіи: онъ очеловѣчиваетъ такимъ же образомъ массу греческихъ божествъ". Мученіе Таммуза, естественно, вымучено (herausgeklügelt) изъ насильственной смерти Адониса, причиненной ему ревнивымъ Аресомъ, а подробности этого мученія—плагіатъ изъ христіанской легенды о Георгіи (ibid., стр. 65).

Такимъ образомъ исходный пунктъ Бэрина-Гуда теряетъ почти всякое значеніе. О вавилонскомъ Таммузѣ мы ничего, кромѣ имени [4]),

---

[1]) *Zeitsch d. d. m. G.*, т. 29, стр. 441: Noch Einiges ueber die nabataeische Landwirthschaft.

[2]) Нёльдеке впрочемъ полагаетъ, что и Вашія не былъ авторомъ книги: на него сложилъ свою вину его ученикъ и предполагаемый переписчикъ книги Abû Talib Azzaijât.

[3]) Эта ненависть проявляется между прочимъ въ томъ, что авторъ и мѣсяцы считаетъ не по магометанскому, а сироюліанскому календарю.

[4]) По аккадійск. Duûzi; см. *Zeitsch. d. d. morgenländ.* G, т. 27, 424 и ср. т. 26, 794.

не знаемъ, а сирофиникійскій миѳъ о Таммузѣ-Адонисѣ съ легендой о св. Георгіи общаго имѣетъ очень мало [1]).

Но Гутшмидъ, рѣзко отрицая тожество Таммуза и Георгія, оставляетъ безъ всякаго объясненія приведенное у г. Хвольсона [2]) извѣстіе Эль-Недима; а между тѣмъ нельзя отрицать сходства того, что̀ здѣсь говорится о Таммузѣ, съ мусульманскою легендой о Георгіи (у Массуди), гдѣ Георгій также обращенъ въ прахъ, прахъ этотъ брошенъ въ рѣку; нельзя, съ другой стороны, отрицать сходства этого извѣстія и съ извѣстіемъ „Набатейскаго Земледѣлія". Пользовались ли Вашія и Эль-Недимъ однимъ источникомъ, или Эль-Недимъ, жившій во второй половинѣ X вѣка, воспользовался уже самимъ „Набатейскимъ Земледѣліемъ" и такимъ образомъ примкнулъ къ полку легковѣрныхъ, обманутыхъ Вашіей? Со взглядомъ Гутшмида, согласнѣе второе предположеніе, но первое согласнѣе съ истиной: Эль-Недимъ ничего не говоритъ о многихъ смертяхъ Таммуза, но приводитъ подробность мученія, которой не сообщаетъ и Вашія. Къ тому же изъ замѣтки Либрехта [3]) оказывается, что это сказаніе у Сабіевъ существуетъ и до сихъ поръ.

Но слѣдуетъ ли непремѣнно изъ этого, что Вашія приводитъ древнее сказаніе о Таммузѣ, впослѣдствіи пріуроченное къ Георгію? Нѣтъ; дѣло это можно объяснить и инымъ путемъ: не Вашія, а кто-нибудь до него могъ пріурочить сказаніе о Джерджисѣ къ Таммузу-Адонису, отъ котораго къ этому времени ничего, кромѣ имени, темнаго воспоминанія о преждевременной смерти и печальнаго празднества не осталось. Во всякомъ случаѣ вопросъ о Таммузѣ ждетъ еще новаго пересмотра отъ оріенталистовъ.

Есть еще любопытное обстоятельство въ докладѣ Вашіи: почему онъ, мусульманинъ, ссылается именно на христіанскую легенду о Георгіи, когда мусульмане знали о немъ не менѣе христіанъ? По видимому, это слѣдуетъ объяснить уже подмѣченнымъ спеціалистами скрытымъ отвращеніемъ Вашіи къ мусульманству и его близкимъ знакомствомъ съ литературой греческою.

И такъ, до сихъ поръ миѳъ о Таммузѣ намъ не извѣстенъ и не можетъ объяснить явленія легенды о Георгіи. Время празднованія

[1]) Ср. *Jules Soury*, Études historiques sur les religions, les arts, la civilisation de l'Asie anterieure et de la Grèce. Paris, 1877, стр. 60 и слѣд.

[2]) Die Ssabier, II, 29.

[3]) *Zeitscrh. d. d. M.* G., XVIII, 397 и слѣд.

Таммузу и праздникъ Георгія не совпадаютъ. О Кедерѣ, равно какъ и объ отношеніи Георгія къ Озирису, мнѣ придется говорить ниже; теперь же только вскользь замѣчу, что желая отыскать больше сходныхъ пунктовъ и плохо зная легенду, Берингъ-Гудъ дозволилъ себѣ прибѣгнуть къ очевидной натяжкѣ. Перенесеніе тѣла Георгія не есть черта основнаго сказанія, даже не есть эпизодъ изъ житія Георгія, а обычная позднѣйшая прибавка. Сходство нашей легенды съ сказаніемъ о Сомѣ, о Ribhus'.хъ нѣтъ нужды опровергать, такъ какъ трудно и понять, что этимъ хотѣлъ сказать авторъ. Если онъ только подбиралъ матеріалъ посредствомъ пресловутаго „сличи", отчего онъ остановился на такомъ незначительномъ количествѣ сличеній? Объясненіе мукъ Георгія посредствомъ разныхъ картинъ заката солнца есть проявленіе такого furoris mythologici, что и спорить противъ этого было бы странно.

А. Кирпичниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЛАССИФИКАЦІЯ ВЫВОДОВЪ.

Сужденій, которыя не нуждаются ни въ какомъ доказательствѣ, или такъ называемыхъ аксіомъ, очень не много. Сужденій, которыя служатъ простымъ, точнымъ выраженіемъ наблюдаемыхъ фактовъ, правда, безчисленное множество, но они рѣдко входятъ непосредственно въ системы наукъ въ качествѣ научныхъ положеній; по большей части они служатъ только посылками для вывода научныхъ истинъ. Почти все содержаніе знанія составляютъ сужденія выводныя, такъ что выводъ по всей справедливости можно назвать той формой нашего убѣжденія въ истинѣ, которая всего чаще примѣняется въ наукѣ. Постоянно также пользуемся мы имъ и въ жизни. Отсюда понятно, почему логика съ самаго начала своего существованія всегда ставила своею существенною задачею обозрѣть разнообразныя формы выводовъ, которыми пользуется человѣкъ въ наукѣ и въ жизни. Успѣла-ли она разрѣшить эту задачу? Даетъ-ли она полную и правильную классификацію выводовъ?

Выводы, обыкновенно перечисляемые въ системахъ логики, суть слѣдующіе: извѣстныя четыре фигуры категорическаго силлогизма, силлогизмы условные, силлогизмы раздѣлительные, разнообразныя сложныя построенія изъ силлогизмовъ, такъ называемая полная индукція, индукція неполная (per enumerationem simplicem, ubi non reperitur instantia contradictoria), четыре извѣстныя сложныя формулы индуктивнаго доказательства причинной связи между явленіями и выводы по аналогіи. Въ этихъ формахъ вывода состоитъ весь тотъ матеріалъ, приведеніе котораго въ систему беретъ на себя логика.

Мы ставимъ два вопроса. Обнимаются ли, вопервыхъ, перечисленными формами выводовъ всѣ заключенія, употребляющіяся въ наукѣ и жизни? Справилась ли логика, вовторыхъ, съ группировкой тѣхъ формъ вывода, которыя подвергла она своему анализу? Обратимся сначала къ разрѣшенію этого послѣдняго вопроса.

Группировка выводовъ въ различныхъ системахъ логики не одинакова. Но для насъ важны не разности во взглядахъ, а мнѣнія, наиболѣе укоренившіяся въ общемъ сознаніи, и взгляды наиболѣе устойчивые.

Очень часто можно встрѣтить мысль о противоположности силлогистическихъ построеній съ формами всѣхъ такъ называемыхъ индуктивныхъ выводовъ. Первыя характеризуются какъ выводы отъ общаго къ частному, послѣднія—отъ частнаго къ общему. Если этотъ взглядъ признать вѣрнымъ и провести его послѣдовательно, онъ долженъ, очевидно, вести къ раздѣленію всѣхъ выводовъ на двѣ большія группы и слѣдовательно сдѣлаться основаніемъ общей ихъ классификаціи. Опору для себя онъ находитъ въ сравненіи первой фигуры категорическаго силлогизма съ индукціями полной и не полной. Выводы по первой фигурѣ категорическаго силлогизма представляютъ заключенія отъ цѣлаго опредѣленнаго класса предметовъ къ одному изъ видовъ или особей, принадлежащихъ къ этому классу и въ этомъ смыслѣ справедливо могутъ назваться заключеніями отъ общаго къ частному. Индукціи полная и неполная (чрезъ простое перечисленіе) заключаютъ, наоборотъ, отъ видовъ или особей, принадлежащихъ къ извѣстному классу, къ цѣлому классу и въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо могутъ назваться выводами отъ частнаго къ общему. Въ этихъ границахъ взглядъ, разсматриваемый нами, безспорно вѣренъ. Но признать всѣ процессы, носящіе названіе силлогистическихъ выводами отъ общаго къ частному и на этомъ основаніи доказывать ихъ противоположность процессамъ, носящимъ названіе индуктивныхъ, было бы ошибкой.

Формула третьей фигуры категорическаго силлогизма слѣдующая: А есть В, А есть также С, слѣдовательно нѣкоторыя В (или по крайней мѣрѣ одно В) суть С. Субъектъ выводнаго сужденія „нѣкоторыя В“ ни въ какомъ случаѣ не относится къ субъекту посылокъ „А“ какъ частное къ общему, какъ особь къ классу. Значитъ, о заключеніи отъ общаго къ частному по этой фигурѣ не можетъ быть и рѣчи. Чтобы обойдти это затрудненіе, нѣкоторые прибѣгаютъ къ такому средству. Въ силлогистическихъ выводахъ, говорятъ они,

мы заключаемъ отъ понятія, котораго объемъ, правда, не всегда болѣе объема субъекта выводнаго сужденія, но за то никогда и не менѣе его. Подъ нѣкоторыми B въ приведенномъ примѣрѣ мы, правда, разумѣемъ не меньшее число особей или видовъ, чѣмъ сколько разумѣется ихъ подъ A, но во всякомъ случаѣ подъ первыми мы не имѣемъ никакого права разумѣть большее число видовъ или особей, чѣмъ подъ послѣднимъ. Измѣна общему принципу здѣсь очевидна: назвать всѣ силлогистическіе выводы заключеніями отъ общаго къ частному, принимая высказанное ограниченіе, уже нельзя. Впрочемъ важнѣйшее затрудненіе оказывается не въ этомъ. Оно состоитъ въ томъ, что и при полной индукціи мы заключаемъ къ тому же самому числу особей, которое имѣютъ въ виду посылки. A, B, C, D, E, F, говоримъ мы, составляютъ единственно существующіе или единственно возможные виды класса G, но и A и B и C и D и E и F суть M, слѣдовательно всѣ G суть M. Субъектъ заключенія въ этомъ выводѣ по своему объему, очевидно, будетъ совершенно равенъ субъекту посылокъ и различіе между полной индукціей и третьей фигурой категорическаго силлогизма вовсе исчезнетъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что совершенно тщетны были бы всѣ усилія установить противоположность между третьей фигурой силлогизма и индукціями полной и неполной. Нѣтъ выводовъ по самому существу своему болѣе близкихъ другъ къ другу, чѣмъ эти выводы. Въ обѣихъ индукціяхъ и этой фигурѣ силлогизма процессъ мысли одинаково отъ особей или видовъ, принадлежащихъ къ опредѣленному классу, направляется къ самому классу. Въ послѣдней, какъ и въ первыхъ, выводъ одинаково состоитъ въ перенесеніи предиката, принадлежащаго видамъ или особямъ, на классъ, къ которому они относятся. Третья фигура силлогизма, равно какъ полная и не полная индукціи даже въ томъ видѣ, какъ разъясняются онѣ обыкновенно, очевидно представляютъ лишь частные случаи подобнаго перенесенія предиката; онѣ опредѣляютъ, когда оно можетъ состояться вовсе безъ всякаго ограниченія и когда оно можетъ быть сдѣлано лишь съ ограниченіемъ и съ какимъ именно. Въ полной индукціи берется случай перенесенія предиката съ видовъ или особей на классъ безъ всякаго ограниченія; неполная указываетъ на случай, гдѣ выводъ возможенъ, но ограниченъ со стороны своей достовѣрности; третья фигура категорическаго силлогизма, наконецъ, представляетъ случай, гдѣ выводъ ограниченъ со стороны объема своего примѣненія. Можно ли найдти выводы болѣе сродные

другъ другу, имѣющіе болѣе права назваться простыми модификаціями одного и того же мыслительнаго процесса?

Съ другой стороны противополагать извѣстныя четыре сложныя формулы такъ называемаго индуктивнаго доказательства причинной связи явленій силлогистическимъ выводамъ, также мы не имѣемъ никакого основанія. Каждое изъ этихъ доказательствъ, очевидно, сложно: оно содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ выводовъ. По этому противополагать его силлогистическимъ выводамъ значитъ противополагать силлогизму или конечный, основной выводъ, или нѣкоторыя изъ заключеній предварительныхъ, подготовляющихъ посылки для вывода конечнаго. Но то и другое было бы одинаково несправедливо.

Возьмемъ для примѣра формулу, по которой мы заключаемъ къ причинной связи между явленіями на основаніи одновременности измѣненій, въ нихъ происходящихъ. Милль въ своей логикѣ доказываетъ, что для достиженія точнаго заключенія по этой формулѣ недостаточно наблюдать одновременное измѣненіе въ двухъ явленіяхъ; для этого, кромѣ того требуется знать, что другіе, современные этимъ явленіямъ, факты остаются неизмѣнными за то время, когда два изучаемыя явленія испытываютъ рядъ параллельныхъ измѣненій. Это значитъ, что доказательство по этой формулѣ для того, чтобы быть точнымъ, должно основываться на исключеніи изъ извѣстной группы фактовъ такихъ обстоятельствъ, которыя не объясняютъ причинной зависимости изучаемаго явленія. Если принять во вниманіе это соображеніе, то нашъ конечный выводъ по этой формулѣ долженъ быть слѣдующій. Изъ событій BCD, предшествующихъ событію A, причина послѣдняго или сполна заключается въ остающихся неизмѣнными, при измѣненіи A, событіяхъ CD, или хотя частію лежитъ и въ B, испытывающемъ измѣненія параллельно съ A; но въ CD сполна она заключаться не можетъ, а поэтому она хоть частію должна заключаться въ B. Здѣсь мы имѣемъ силлогизмъ раздѣлительный, совершенно ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ подобныхъ силлогизмовъ. Одинъ только пунктъ представляется въ этомъ случаѣ недостаточно яснымъ на первый взглядъ. Въ выводномъ сужденіи мы назвали B причиной A; это сужденіе есть сужденіе общее: въ немъ подъ B мы разумѣемъ не какой-нибудь отдѣльный случай, а цѣлый рядъ сходныхъ случаевъ, тогда какъ въ посылкахъ, опираясь на факты, мы могли, повидимому, имѣть дѣло лишь съ единичнымъ случаемъ B, равно какъ и съ единичнымъ случаемъ A, чего въ обыкновенномъ раздѣлительномъ силлогизмѣ, конечно, быть не можетъ. Чтобы

испытать, существуетъ ли дѣйствительно различіе со стороны объема между А и В посылокъ съ одной стороны и А и В выводнаго сужденія съ другой, отвлечемъ отъ вывода его реальное содержаніе, оставимъ въ немъ исключительно формальную связь представленій и будемъ точно отличать А и В посылокъ отъ А и В выводнаго сужденія какъ частные случаи отъ общихъ понятій. Нашъ выводъ явится тогда въ слѣдующемъ видѣ. Или единичные случаи CD стоятъ въ извѣстномъ какомъ бы то ни было отношеніи къ единичному случаю А, или единичный случай В по крайней мѣрѣ участвуетъ въ томъ же отношеніи къ единичному случаю А; но единичные случаи CD не могутъ одни стоять въ разсматриваемомъ отношеніи къ единичному случаю А, слѣдовательно всѣ случаи В непремѣнно участвуютъ въ этомъ отношеніи ко всѣмъ случаямъ А. Выводъ въ такомъ видѣ, конечно, никто не согласится признать законнымъ. Отсюда слѣдовало бы, повидимому, заключить что нашъ первый раздѣлительный силлогизмъ не допускаетъ въ себѣ различія между А и В посылокъ и А и В выводнаго сужденія. Однако возможность сомнѣнія еще не исчерпана. Нашъ второй выводъ отличается отъ перваго не прибавкою только въ соотвѣтствущихъ мѣстахъ выраженій „единичные случаи“ и „всѣ случаи“. Вмѣсто понятія о причинной связи въ немъ стоитъ понятіе какого бы то ни было отношенія. Если мы отъ частнаго случая какого нибудь произвольно взятаго отношенія и не можемъ на основаніи подобнаго вывода заключать ко всѣмъ сходнымъ случаямъ, не можемъ ли мы это сдѣлать, по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ объ отношеніи причинности? Когда мы изъ группы единичныхъ событій BCD, въ которыхъ должна заключаться причина также единичнаго факта А, выдѣляемъ событія CD, какъ не заключающія въ себѣ этой причины, по крайней мѣрѣ сполна, не получаемъ ли мы право утверждать, что не только это частное В служитъ причиной этого частнаго А, но и всѣ случаи совершенно подобные В окажутся причинами случаевъ совершенно подобныхъ А? Вѣдь въ посылкѣ скажутъ намъ, на основаніи наблюденія, мы можемъ ставить въ качествѣ членовъ дилеммы только частные случаи CD и В и въ нихъ видѣть возможныя причины частнаго случая А, а въ выводномъ сужденіи мы должны получить не только то, что частное В есть причина частнаго А, но и общее положеніе, что всѣ В суть причины А. Безспорно, отвѣтимъ мы, получаются оба эти положенія, но единственно потому, что они служатъ только различными выраженіями одной и той же мысли, ни на одну іоту не

различаются по своему смыслу; а равно также и посылки, будучи, повидимому, частными сужденіями, на самомъ дѣлѣ представляютъ только словесное видоизмѣненіе общихъ положеній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попытаемся точнѣе разъяснить, какой въ дѣйствительности придаемъ мы смыслъ посылкамъ и заключенію въ нашемъ силлогизмѣ.

Чѣмъ бы ни была причина въ отношеніи къ дѣйствію для метафизики, она всегда будетъ для индуктивныхъ выводовъ, по совершенно вѣрному взгляду Милля, только неизмѣннымъ и безусловнымъ предшествующимъ дѣйствія. Еслибы имѣли мы въ воспріятіи самую производящую явленіе силу, намъ не было бы никакой нужды при помощи методовъ исключенія доискиваться причинной связи между явленіями, мы могли бы тогда разгадывать эту связь прямымъ путемъ изъ анализа самыхъ явленій, производящихъ одно другое. Но какъ скоро подъ причиной явленія мы разумѣемъ въ индуктивномъ доказательствѣ неизмѣнное и безусловное предшествующее, ни одно сужденіе о причинной связи двухъ единичныхъ фактовъ не можетъ уже ограничиться этими двумя единичными фактами, а необходимо должно содержать въ себѣ указаніе на всѣ, совершенно сходные съ ними случаи, такъ какъ къ единичному явленію, взятому совершенно отдѣльно отъ подобныхъ ему, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть приложенъ предикатъ неизмѣннаго и безусловнаго предшествующаго въ отношеніи къ другому явленію. Произошло, напримѣръ, единичное явленіе В, за нимъ послѣдовало также единичное явленіе А; мы справедливо первое можемъ назвать предшествующимъ, второе послѣдующимъ. Но ни это явленіе А, ни это явленіе В, разъ окончивъ свое существованіе, никогда не повторятся и не могутъ повториться въ будущемъ въ качествѣ именно этихъ частныхъ явленій. Будущія явленія по качествамъ могутъ быть совершенно не отличимы отъ исчезнувшихъ, но все же они будутъ уже другія явленія, а не эти, будутъ качественно совершенно сходны съ ними, но нумерически отдѣльны отъ нихъ. Поэтому утверждая, что единичное явленіе В есть причина, то-есть, неизмѣнное и безусловное предшествующее частнаго явленія А, мы можемъ соединить съ этимъ положеніемъ одинъ только смыслъ, именно: единичное явленіе В таково, что всѣ совершенно сходныя съ нимъ явленія будутъ неизмѣнно сопровождаться явленіями, совершенно сходными съ А, то-есть, подъ формой сужденія объ единичномъ В выскажемъ на самомъ дѣлѣ общее сужденіе о всѣхъ В въ отношеніи къ явленіямъ однороднымъ съ А. Если же о другихъ В, кромѣ даннаго въ наблюденіи, мы не хотимъ вовсе произносить сужденія, то

намъ остается говорить объ этомъ B просто какъ о предшествующемъ единичному A. Такимъ образомъ относительно того раздѣлительнаго силлогизма, который представляетъ конечный выводъ разсматриваемаго нами индуктивнаго доказательства, мы должны предположить одно изъ двухъ: или въ его посылкахъ дѣло идетъ о B не какъ о возможной причинѣ A, а только какъ о фактѣ, предшествующемъ послѣднему факту, или эти посылки, будучи, повидимому, частными сужденіями, на самомъ дѣлѣ представляютъ общія положенія. Но первое, очевидно, не возможно. Сужденіе, что изъ предшествующихъ факту A фактовъ BCD или предшествующими служатъ только CD или вмѣстѣ и B, не имѣло бы никакого смысла и вывести изъ него общее сужденіе о всѣхъ фактахъ B, конечно, невозможно. Такимъ образомъ силлогизмъ можетъ имѣть только одинъ смыслъ и именно слѣдующій: изъ частныхъ фактовъ BCD, предшествующихъ частному факту A или частные факты CD таковы, что всѣ подобные имъ будутъ сопровождаться случаями, подобными A, или частный фактъ B таковъ, что всѣ подобные ему должны быть признаны условіями случаевъ, подобныхъ факту A; но первое невозможно; значитъ, частный фактъ B дѣйствительно таковъ, что всѣ подобные ему должны быть признаны условіями случаевъ, подобныхъ факту A. Субъектъ выводнаго положенія здѣсь, очевидно, никакъ не общѣе тѣхъ представленій, о которыхъ трактуютъ посылки. И первый и послѣднія можно одинаково назвать, если угодно, единичными случаями, но случаями, съ которыми не въ выводномъ только сужденіи, но и въ посылкахъ одинаково соединяется общее сужденіе о всѣхъ фактахъ, сходныхъ съ ними. Сказать иначе, эти частные случаи во всемъ выводѣ опредѣляются такъ, что согласиться на это опредѣленіе значитъ согласиться на общее сужденіе, простирающееся на всѣ сходные съ ними случаи. Выводное сужденіе, какъ мы видѣли, выражаетъ собственно ту мысль, что частное B таково, что всѣ сходные съ нимъ случаи служатъ однимъ изъ условій случаевъ сходныхъ съ A. Но такъ какъ для науки важенъ не единичный фактъ B, а все, что подходитъ подъ понятіе о B какъ общее понятіе, то она замѣняетъ это положеніе совершенно тожественнымъ съ нимъ по смыслу положеніемъ: B есть причина A.

Мы разсмотрѣли конечный выводъ одного изъ индуктивныхъ доказательствъ причинной связи между явленіями. Но каждая изъ посылокъ этого вывода предполагаетъ особое доказательство, а слѣдовательно и особые выводы. Нельзя ли по крайней мѣрѣ эти послѣдніе назвать заключеніями отъ частнаго къ общему? Одна посылка гово-

рить, что изъ единичныхъ событій BCD, предшествующихъ событію A, причина послѣдняго (то-есть частное событіе, подобныя которому будутъ сопровождаться случаями подобными A) должна или заключаться сполна въ частныхъ случаяхъ CD или хоть частію также и въ случаѣ B. Это сужденіе по своему смыслу совершенно тожественно съ другимъ сужденіемъ, именно, что причина факта A вообще должна заключаться въ предшествующихъ этому единичному факту, единичныхъ фактахъ BCD. A это послѣднее положеніе выводится съ одной стороны изъ положенія, что единичный фактъ A долженъ имѣть свою причину въ числѣ своихъ предшествующихъ, съ другой изъ того факта, что единичному факту A предшествуютъ только факты BCD. Этотъ выводъ, по принятой теоріи категорическаго силлогизма, легко можетъ быть превращенъ въ силлогизмъ первой фигуры. Его большую посылку можно при помощи подобнаго же силлогизма вывести изъ аксіомы, по которой каждое дѣйствіе должно имѣть въ числѣ своихъ предшествующихъ свою причину. Подобнымъ же образомъ можетъ быть анализировано и убѣжденіе наше во второй посылкѣ конечнаго вывода того индуктивнаго доказательства, о которомъ идетъ рѣчь. Что причина факта A не можетъ сполна заключаться въ событіяхъ CD, это легко вывести изъ общаго положенія, что причина измѣняющагося событія не можетъ сполна заключаться въ событіяхъ, остающихся неизмѣнными, при чемъ въ качествѣ меньшей посылки явится ссылка на измѣненіе въ A и неизмѣнность событій CD. A общее положеніе о невозможности признать неизмѣнное причиной измѣняющагося можетъ быть разсматриваемо какъ видоизмѣненіе опять той же аксіомы, по которой всякое дѣйствіе должно имѣть причину, такъ какъ всякое измѣненіе въ явленіи будетъ новымъ состояніемъ, которое должно требовать для своего объясненія соотвѣтствующей причины. Такимъ образомъ не въ конечномъ только выводѣ но и въ цѣломъ рядѣ выводовъ, его обусловливающихъ, мы имѣемъ обыкновенный рядъ силлогизмовъ и не имѣемъ ни одного вывода, который мы могли бы назвать заключеніемъ отъ частнаго къ общему. Правда, самую послѣднюю и въ то же время самую общую посылку, къ которой все здѣсь сводится, аксіому причинности многіе считаютъ истиной, доказываемой индуктивнымъ путемъ. Но то же можно сказать и объ огромномъ числѣ выводовъ, которые безспорно считаются выводами объ общаго къ частному и въ этомъ смыслѣ противополагаются индуктивнымъ выводамъ. У насъ теперь вопросъ не объ основаніяхъ нашего убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія, а о раз-

личіи въ характерѣ процессовъ вывода, опирающихся на эти посылки.

Причину, которая побуждаетъ смотрѣть на сложныя формулы индуктивныхъ доказательствъ причинной связи между явленіями, какъ на формулы заключеній отъ частнаго къ общему, открыть не трудно. Конечно тотъ, кто въ подтвержденіе подобной мысли сослался бы на частные опыты и наблюденія, необходимо входящіе въ составъ каждаго индуктивнаго доказательства, оказался бы очень не искуснымъ защитникомъ своего мнѣнія. Ему можно бы было напомнить, что самый совершенный типъ заключенія отъ общаго къ частному, первая силлогистическая фигура въ своей меньшей посылкѣ никакъ не исключаетъ ссылки на частное наблюденіе или на частный опытъ. Я могу наблюденіемъ дознать, что тотъ треугольникъ, который вижу, есть треугольникъ прямоугольный и это мнѣ нисколько не мѣшаетъ признать заключеніемъ отъ общаго къ частному слѣдующій выводъ: въ прямоугольныхъ треугольникахъ квадратъ гипотенузы равняется квадратамъ катетовъ, вмѣстѣ взятымъ; этотъ треугольникъ прямоуголенъ, слѣдовательно и пр. Но въ индуктивныхъ доказательствахъ причинной связи можно указать на особое обстоятельство, которое, повидимому, благопріятствуетъ отнесенію ихъ къ выводамъ отъ частнаго къ общему. При заключеніяхъ отъ частнаго къ общему мы предикатъ видовъ или особей переносимъ на родъ. Нѣчто подобное происходитъ, повидимому, и здѣсь. Въ непосредственномъ наблюденіи мы имѣемъ единичный фактъ В, который оказывается предшествующимъ другаго, также единичнаго факта А. По окончаніи же всего процесса доказательства мы получаемъ положеніе о цѣломъ классѣ фактовъ В и называемъ ихъ фактами предшествующимъ фактамъ, подобнымъ случаю А. Выходитъ такимъ образомъ, какъ будто бы совершилось перенесеніе предиката съ частнаго факта на цѣлый классъ, подобно тому, какъ это происходитъ въ индукціяхъ полной и неполной, только при условіяхъ нѣсколько отличныхъ. Однако здѣсь есть существенная разница. Основанное на непосредственномъ наблюденіи положеніе, что факту А предшествуетъ фактъ В (точнѣе факты BCD), правда, встрѣчается въ доказательствѣ, разсматриваемомъ въ цѣломъ его видѣ, но оно составляетъ посылку вовсе не въ томъ конечномъ выводѣ, въ которомъ получается общее положеніе о причинной связи между А и В, а въ одномъ изъ выводовъ предварительныхъ, при помощи которыхъ мы устанавливаемъ посылки для вывода конечнаго, какъ это ясно изъ сдѣланнаго нами анализа одного изъ

подобныхъ доказательствъ. Для признанія состоятельности какого нибудь вывода доказательство посылокъ, конечно, необходимо, если онѣ не—истины очевидныя. Но для характеристики процесса вывода совершенно безразлично, какія мысли приводятся въ подтвержденіе посылокъ. Процессъ вывода характеризуется отношеніемъ посылокъ къ выводному положенію, а не отношеніемъ къ послѣднему какой нибудь истины, необходимой для убѣжденія въ посылкахъ. Въ противномъ случаѣ о многихъ выводахъ мы не могли бы вовсе сказать, къ какому роду они относятся, такъ какъ посылки очень часто могутъ быть доказываемы не одинаково. Сужденіе „всѣ люди смертны", служащее посылкой въ извѣстномъ классическомъ примѣрѣ категорическаго силлогизма, можетъ быть разсматриваемо и какъ результатъ не полной индукціи и какъ выводъ изъ болѣе общихъ положеній о человѣческой организаціи; однако силлогизмъ, въ которомъ оно встрѣчается, не перестаетъ всѣми одинаково считаться примѣромъ первой фигуры категорическаго силлогизма, и никто не будетъ опредѣлять характеръ этого вывода изъ отношенія, въ какомъ выводное сужденіе „Кай смертенъ" стоитъ въ какой нибудь истинѣ, приводимой въ подтвержденіе одной изъ посылокъ этого силлогизма. Рядъ выводовъ отъ общаго къ частному не сдѣлается рядомъ выводовъ отъ частнаго къ общему только потому, что одна изъ посылокъ одного изъ этихъ выводовъ окажется частнымъ положеніемъ сравнительно съ заключеніемъ другаго. Пригодныя для индуктивныхъ доказательствъ частныя сужденія требуютъ такихъ наблюденій или опытовъ, которые по условіямъ нашего знанія часто достигаются нами только съ большимъ трудомъ и требуютъ значительной сообразительности. Общія сужденія, то-есть, аксіома причинности и разнообразныя примѣненія ея къ особенностямъ вывода, наоборотъ составляютъ давно готовое достояніе человѣческаго знанія и повторяются въ томъ же видѣ въ безчисленныхъ случаяхъ вывода, принадлежащихъ къ одной и той же формулѣ индуктивнаго доказательства. Это обстоятельство естественно побуждаетъ человѣка придавать особую важность частнымъ положеніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно невольно заставляетъ его переоцѣнивать ихъ логическое значеніе. Еслибы общія истины въ индуктивныхъ доказательствахъ были разнообразнѣе, еслибы онѣ не представляли простаго примѣненія одной и той же сроднившейся съ нашимъ знаніемъ аксіомы, едвали бы намъ показалось такъ естественнымъ, какъ кажется теперь, причислять эти доказательства къ пріемамъ мысли, которые характеризуются вообще

движеніемъ отъ частнаго къ общему. Во избѣжаніе недоразумѣній здѣсь слѣдуетъ прибавить, что мы никакъ не утверждаемъ того, чтобы всѣ выводы во всѣхъ индуктивныхъ доказательствахъ можно было подвести подъ извѣстныя силлогистическія формулы; но выводовъ отъ частнаго къ общему мы навѣрное среди нихъ не найдемъ ни одного.

Всего ранѣе установилось и наиболѣе стройности имѣетъ, повидимому, та часть общей классификаціи выводовъ, которая обнимаетъ заключенія силлогистическія.

Если исключить разнообразныя усложненія силлогистическихъ выводовъ, которыя, конечно, не могутъ представлять оригинальныхъ типовъ вывода, то, всѣ простые силлогизмы, по принятому взгляду нанихъ, распадутся на три главные вида: силлогизмы категорическіе, условные и раздѣлительные. На чемъ же основывается такое дѣленіе! Въ оправданіе его можно единственно сослаться на соотвѣтствующее раздѣленіе сужденій. Но вопросъ идетъ о раздѣленіи силлогизмовъ а не сужденій. Раздѣленіе сужденій могло бы послужить основаніемъ для раздѣленія силлогизмовъ лишь въ томъ случаѣ, когда употребленіе въ силлогизмѣ тѣхъ или другихъ сужденій сопровождалось бы существеннымъ видоизмѣненіемъ въ процессѣ вывода, Но если мы сличимъ силлогизмы условные съ силлогизмами категорическими, то никакого подобнаго видоизмѣненія не найдемъ. А есть В, В есть С, слѣдовательно А есть С, заключаемъ по первой фигурѣ категорическаго силлогизма По положительной формѣ силлогизма условнаго заключаемъ такъ: если есть фактъ (или отношеніе) А, то есть фактъ (или отношеніе) В, а если есть фактъ (или отношеніе) В то-есть фактъ или отношеніе С, слѣдовательно если есть фактъ (или отношеніе) А, то есть фактъ (или отношеніе) С. Или по другому способу. Теперь или постоянно (то-есть въ условіяхъ, характеризуемыхъ какими-либо фактами, или иначе: въ существующемъ порядкѣ вещей) есть фактъ В, а когда есть фактъ В, есть и фактъ С, слѣдовательно теперь или постоянно (то-есть при А) есть фактъ С. [1]). Содержаніе этихъ силлогизмовъ различно: первый имѣетъ въ виду связь между предметомъ и его свойствами или опредѣленіями: два послѣдніе—связь между фактами или отношеніями. Но если, игнорируя содержаніе выводовъ, остановить вниманіе исключительно на ихъ формѣ, очевидно, получимъ одну и туже схему для всѣхъ трехъ примѣровъ: одинаковое расположеніе въ нихъ основ-

[1]) Эти выраженія не совсѣмъ точны; употребляемъ ихъ примѣнительно къ принятымъ взглядамъ.

ныхъ тереминовъ достаточно доказываетъ это: А соединяется съ В, В съ С, отсюда А съ С. По второй фигурѣ категорическаго силлогизма заключаемъ: А не есть В, С есть В, слѣдовательно А не есть С. По отрицательной формѣ силлогизма условнаго заключаемъ: если есть фактъ А, то нѣтъ факта В, а если есть фактъ С, то есть и фактъ В, слѣдовательно, если есть фактъ А, то нѣтъ факта С. Теперь или постоянно (то-есть, при А, при опредѣленномъ порядкѣ вещей) нѣтъ В, а когда есть С, то В есть, слѣдовательно теперь или постоянно (при А) нѣтъ С. Очевидно и при этихъ выводахъ общая схема таже, различается же лишь содержаніе выводовъ. Условные силлогизмы такимъ образомъ представляютъ не особый характерный типъ силлогистическаго заключенія, а лишь параллельныя формы выводовъ одного и того же типа съ силлогизмами категорическими. Но если въ дѣленіи силлогизмовъ на категорическіе, условные и раздѣлительные видѣть простое перечисленіе параллельныхъ формъ одного и того же типа выводовъ, появится затрудненіе другаго рода. Силлогизмъ раздѣлительный, какъ онъ обыкновенно разъясняется въ системахъ логики, не уложится въ формы категорическаго силлогизма. Выводъ: А есть или В или С или D, но оно (А) ни есть ни С ни D, слѣдовательно оно есть В.—этотъ выводъ не найдетъ себѣ параллельнаго вывода среди фигуръ категорическаго силлогизма. Кромѣ того въ силлогизмѣ категорическомъ мы имѣемъ четыре самостоятельныя фигуры, тогда какъ положительная и отрицательная формы силлогизмовъ условнаго отвѣчаютъ только двумъ изъ нихъ. Если силлогизмы условные представляютъ только формы параллельныя формамъ силлогизма категорическаго,, то является совершенно законный вопросъ: почему же имѣютъ они только двѣ формы а не четыре? Выхода изъ этихъ затрудненій не видно.

Если обратимся въ частности къ ученію о категорическомъ силлогизмѣ, то встрѣтимся съ раздѣленіемъ его на четыре извѣстныя фигуры. Основаніе этого раздѣленія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что такъ называемый средній терминъ можетъ занимать различныя мѣста въ посылкахъ. Поставляя его то на мѣсто подлежащаго въ обѣихъ посылкахъ, то на мѣсто сказуемаго также въ обѣихъ, то въ большей на мѣсто подлежащаго, а въ меньшей на мѣсто сказуемаго то наконецъ наоборотъ, въ меньшей на мѣсто подлежащаго а въ большей на мѣсто сказуемаго, мы получаемъ четыре фигуры. Есть одна вѣрная мысль, которая, по видимому, оправдываетъ подобныя перестановки средняго термина съ цѣлію открыть виды

силлогизма. Языкъ безспорно служитъ орудіемъ мысли; въ нѣкоторомъ смыслѣ можно совершенно вѣрно сказать, что онъ создается мыслію и поэтому его формы должны носить на себѣ отпечатокъ формъ мысли. На этомъ основаніи совершенно справедливо будетъ предполагать, что различныя отношенія, въ которыя мы можемъ поставить два представленія, образуя изъ нихъ сужденіе, необходимо должны будутъ отразиться на постановкѣ терминовъ въ предложеніи, выражающемъ наше сужденіе. Не трудно отсюда вывести и то, что различное отношеніе между представленіями въ различныхъ выводахъ естественно будетъ выражаться въ неодинаковомъ размѣщеніи терминовъ въ предложеніяхъ, въ которыхъ высказывается выводъ. Такимъ образомъ нельзя оспаривать права предполагать тожество мыслительнаго процесса въ тѣхъ выводахъ, въ которыхъ основные термины занимаютъ одни и тѣже мѣста, и наоборотъ различіе его—въ тѣхъ выводахъ, гдѣ основные термины различаются по своему мѣсту въ предложеніяхъ. Но если неодинаковое размѣщеніе главныхъ терминовъ въ двухъ заключеніяхъ дѣйствительно указываетъ на различіе въ нихъ мыслительнаго процесса, то отсюда все же еще никакъ не слѣдуетъ, что для правильной классификаціи силлогизмовъ достаточно перечислить всѣ возможные способы размѣщенія терминовъ. Два вывода могутъ относиться къ двумъ совершенно отличнымъ другъ отъ друга типамъ мыслительныхъ процессовъ; другіе два могутъ принадлежать къ одному типу, но при этомъ все таки могутъ отличаться другъ отъ друга какъ два особые, не сходные одинъ съ другимъ вида того же типа. Размѣщеніе терминовъ при словесномъ выраженіи послѣднихъ двухъ выводовъ можетъ также оказаться не одинаковымъ какъ при словесномъ выраженіи первыхъ. Если мы теперь въ основаніи классификаціи выводовъ положимъ различіе въ размѣщеніи терминовъ, не подвергаемся ли мы опасности перемѣшать разнохарактерные типы выводовъ съ простыми болѣе или менѣе значительными модификаціями этихъ типовъ? Намъ предстоитъ сверхъ того и другая опасность. При классификаціи силлогизмовъ не только предполагаютъ, что всякое нормальное видоизмѣненіе выводнаго процесса какъ результатъ особаго сопоставленія понятій выразится въ особой группировкѣ терминовъ, но и дѣлаютъ отсюда слишкомъ поспѣшный обратный выводъ; думаютъ именно, что всякая возможная группировка терминовъ, какъ бы произвольна она ни была, представитъ собою нормальное видовзмѣненіе мыслительнаго процесса. Логика грѣ-

шитъ въ этомъ случаѣ противъ своего же собственнаго правила, по которому нельзя изъ общеутвердительнаго сужденія путемъ превращенія его получить сужденіе также общеутвердительное. Задавшись цѣлію перебрать всѣ возможныя группировки терминовъ и по нимъ опредѣлить возможные виды выводовъ, не подвергаемся ли мы риску самыя противоестественныя сочетанія представленій поставить въ рядъ съ законными и нормальными процессами умозаключающей мысли? Отъ общихъ соображеній перейдемъ къ фактамъ.

Всякій, знакомый съ дѣломъ, хорошо знаетъ, что невозможно для четвертой фигуры категорическаго силлогизма подыскать примѣръ особенно съ утвердительнымъ выводнымъ сужденіемъ, который не поражалъ-бы своею неестественностію. Если спросить теперь, чѣмъ оправдывается существованіе подобной фигуры въ логикѣ, наукѣ о познаніи а не о насильственныхъ комбинаціяхъ представленій, то можетъ получиться одинъ только отвѣтъ: эта фигура составляетъ естественный и даже необходимый членъ классификаціи силлогистическихъ выводовъ, основанной на опредѣленномъ принципѣ. Отвѣтъ этотъ будетъ, конечно, совершенно вѣренъ. Если въ самомъ дѣлѣ признать перемѣщеніе терминовъ за принципъ классификаціи силлогизмовъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что для признанія вывода законнымъ достаточно только показать, что термины могутъ быть размѣщены извѣстнымъ образомъ въ посылкахъ и что это размѣщеніе даетъ право на извѣстное соединеніе двухъ изъ нихъ въ выводномъ сужденіи, то въ законности четвертой фигуры сомнѣваться нельзя и остается спорить только о томъ, считать ли ее за совершенно самостоятельную фигуру или соединить съ первой въ одну фигуру. Но не было ли бы справедливѣе усомниться въ пригодности принятаго для классификаціи принципа, какъ скоро онъ ведетъ къ неизбѣжному признанію выводовъ съ такой неестественной комбинаціей понятій, что для нея нельзя подыскать примѣра среди нормальныхъ операцій мысли?

Выше мы имѣли случай показать, что первая и третья фигуры категорическаго силлогизма противоположны одна другой въ томъ отношеніи, что одна заключаетъ отъ общаго къ частному, отъ класса къ видамъ или особямъ, другая отъ частнаго къ общему, отъ особей къ классу. Онѣ составляютъ такимъ образомъ два особые вида выводовъ. Но при этомъ различіи не имѣютъ ли онѣ и нѣкотораго сходства? Сходство есть и очень важное. Обѣ онѣ представляютъ два различные вида одного и того же процесса перенесенія предиката или

опредѣленія съ предмета одного сужденія на предметъ другаго. Утверждая положеніе, что всѣ люди смертны, мы прилагаемъ опредѣленіе „смертность“ къ цѣлому классу; выводя отсюда положеніе, что Кай смертенъ, мы переносимъ это опредѣленіе на особь на томъ основаніи, что другая посылка причисляетъ эту особь къ классу, о которомъ составлено у насъ сужденіе. То же перенесеніе предиката съ субъектовъ однихъ сужденій на субъекты другихъ мы замѣчаемъ прежде всего въ полной индукціи, — выводѣ существенно тожественномъ съ выводомъ по третьей фигурѣ. Утверждая, что ни кругъ, ни эллипсисъ, ни парабола, ни гипербола не могутъ пересѣкаться прямой линіей болѣе чѣмъ въ двухъ точкахъ, мы прилагаемъ это свойство перечисленнымъ видамъ коническихъ сѣченій въ качествѣ предиката или опредѣленія; выводя затѣмъ отсюда положеніе, что коническія сѣченія не могутъ быть пересѣкаемы прямой линіей болѣе чѣмъ въ двухъ точкахъ, мы переносимъ этотъ предикатъ на классъ на томъ основаніи, что другая посылка полагаетъ перечисленные виды какъ составляющіе этотъ классъ. Въ третьей фигурѣ происходитъ тотъ же процессъ перенесенія предиката на классъ, но уже не съ видовъ, сполна перечисленныхъ, а только съ нѣкоторыхъ изъ нихъ или даже съ одного только, а поэтому предикатъ и ставится какъ не полное, недостаточное опредѣленіе класса, т. е., ограничивается объемъ примѣненія его внутри класса. Во всѣхъ этихъ выводахъ въ основаніи выводнаго процесса лежитъ, очевидно, признаніе—выражаясь примѣнительно къ установившимся въ логикѣ терминамъ — полнаго или не полнаго тожества по объему двухъ понятій (класса и видовъ), признаніе, которое ведетъ къ утвержденію тожества ихъ опредѣленій или предикатовъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ въ заключеніяхъ по второй фигурѣ силлогизма. Здѣсь наоборотъ сравненіе идетъ между опредѣленіями или предикатами понятій, и признаніе несогласимости другъ съ другомъ этихъ опредѣленій заставляетъ отдѣлить другъ отъ друга и ихъ субъекты или — по принятой терминологіи — понятія, которымъ прилагаются эти опредѣленія. Мы говоримъ, что нравственные люди своимъ друзьямъ не измѣняютъ и взятокъ не берутъ, а Бэконъ дѣлалъ и то и другое, значитъ нравственнымъ человѣкомъ онъ не былъ. Два несогласимыя другъ съ другомъ опредѣленія, т. е., измѣну друзьямъ и взяточничество съ одной стороны и отсутствіе подобныхъ дѣйствій съ другой мы относимъ — одно къ Бэкону, другое къ классу людей нравственныхъ и на этомъ основаніи выдѣляемъ Бэкона изъ этого класса. Ни о какомъ перенесеніи предиката съ

субъекта одного сужденія на субъектъ другаго въ выводахъ по этой фигурѣ не можетъ быть и рѣчи уже потому, что предикатъ выводнаго сужденія нигдѣ во всемъ силлогизмѣ кромѣ этого сужденія не оказывается предикатомъ. И въ выводномъ сужденіи онъ не прилагается субъекту въ качествѣ отрицательнаго опредѣленія или отрицательнаго признака, а именно является какъ отдѣленіе отъ субъекта нѣкотораго положительнаго понятія. Конечно, если сужденіе „Бэконъ не былъ нравственнымъ человѣкомъ" отдѣлить отъ вывода, то ничто не препятствуетъ разсматривать въ немъ предикатъ просто въ качествѣ отрицательнаго признака, прилагаемаго субъекту. Но если взять это сужденіе въ связи съ посылками какъ послѣднее звено вывода, то этого мы сдѣлать не можемъ. Въ посылкѣ дѣло идетъ не о безнравственномъ человѣкѣ, а о нравственныхъ людяхъ и значитъ, безнравственности какъ цѣльнаго отрицательнаго понятія, которое могло-бы быть прямо приписано субъекту въ качествѣ отрицательнаго признака, получиться было не откуда. Поэтому сужденіе „Бэконъ не былъ человѣкомъ нравственнымъ" могло явиться только какъ раздѣленіе двухъ понятій, отдѣленіе одного изъ нихъ отъ другаго. Логика усердно слѣдитъ за частичкою „не" въ посылкахъ и выводныхъ сужденіяхъ различныхъ фигуръ силлогизма и тѣмъ не менѣе она просмотрѣла дѣйствительное значеніе отрицанія въ разъясняемыхъ ею видахъ силлогизмовъ; она просмотрѣла, что ея первая и третья фигуры всегда утвердительны по процессу вывода, все равно будетъ-ли выводное сужденіе утвердительнымъ или отрицательнымъ, такъ какъ процессъ вывода всегда останется положительнымъ перенесеніемъ предиката; наоборотъ, процессъ вывода въ ея второй фигурѣ всегда отрицателенъ, такъ какъ состоитъ въ отдѣленіи понятій, и отрицательныя выводныя сужденія составляютъ здѣсь результатъ отрицательнаго характера самаго мыслительнаго процесса. Ясно, что различая виды силлогизмовъ по мѣсту, занимаемому среднимъ терминомъ въ посылкахъ, логика съ роковою необходимостію должна перемѣшивать основные типы выводовъ съ простыми модификаціями этихъ типовъ. Она идетъ по этому пути еще далѣе. Всѣ виды силлогизмовъ старается свести она къ одной первой фигурѣ. Эта операція въ существѣ дѣла равняется признанію, что никакой существенной разницы въ самомъ процессѣ вывода между ними нѣтъ. Но какое же тогда значеніе будетъ имѣть раздѣленіе категорическаго силлогизма на фигуры? Не признается ли этимъ открыто, что разнообразіе фигуръ представляетъ только простую игру терминовъ, съ которой

не должна бы была имѣть никакого дѣла наука о познаніи? Тамъ, гдѣ весь вопросъ сводится къ простой перестановкѣ терминовъ, гдѣ совершенно равнодушны къ тому, даетъ ли та или другая перестановка ихъ естественную или насильственную комбинацію представленій, — тамъ, конечно, совершенно законны попытки свести одно размѣщеніе терминовъ на другое. Но можно ли надѣяться такимъ путемъ уяснить своеобразные, характерно отличные другъ отъ друга типы выводовъ, которыми пользуется мысль при своихъ нормальныхъ отправленіяхъ.

Мы отнюдь не забываемъ, что обыкновенная классификація категорическихъ силлогизмовъ имѣетъ нѣкоторыя очень важныя преимущества. Ея хотя и ошибочное основаніе тѣмъ не менѣе отличается необыкновенною простотою и ясностію. Она даетъ возможность исчерпать всѣ виды силлогизма, какіе только можно вообразить себѣ, стоя на этой точкѣ зрѣнія. Она почти не оставляетъ мѣста спорамъ въ перечисленіи этихъ видовъ, ихъ опредѣленіи и разъясненіяхъ, или, сказать точнѣе, разногласіе въ такомъ случаѣ можетъ касаться только пунктовъ второстепенной важности. Однимъ словомъ, какъ скоро согласились съ принятымъ основаніемъ классификаціи, развитіе ея можетъ достигнуть математической строгости и точности. Эти достоинства обыкновенной теоріи силлогизма и были, конечно, важнѣйшею причиною, почему такъ устойчиво держалась она въ наукѣ; но эта устойчивость дорого стоила логикѣ. Теорія категорическихъ силлогизмовъ дѣлала тщетными всѣ усилія найдти удовлетворительную общую классификацію выводовъ. Она представляла съ внѣшней стороны стройную вполнѣ замкнутую систему, въ которую не было возможности ввести другіе выводы, не разрушая логической стройности цѣлаго; но въ то же время частныя фигуры, перечисляемыя въ ней, имѣли очевидную аналогію съ другими выводами. Поэтому ни ввести въ нее послѣдніе, ни противопоставить ихъ ей нельзя было, не впадая въ очевидныя противорѣчія и несообразности, на которыя указали мы выше. Если въ исторіи логики встрѣчались попытки отказать вообще силлогистическимъ выводамъ во всякомъ значеніи, то это прежде всего благодаря тому обстоятельству, что эти выводы въ научномъ сознаніи неразрывно сливались съ принятой теоріей силлогизма, которая низпускала ихъ до искусственныхъ произвольныхъ комбинацій терминовъ и насильственно противопоставляла всѣмъ сроднымъ съ ними мыслительнымъ процессамъ.

Перейдемъ теперь къ разрѣшенію другаго вопроса. Обнимаются

ли въ системахъ логики всѣ формы выводовъ, какими можетъ пользоваться человѣкъ въ наукѣ и жизни?

Требовать въ настоящее время отъ логики, чтобы она разсмотрѣла всѣ возможныя формы вывода, было бы, можетъ быть, едва ли справедливо. Не съ совершенно яснымъ пониманіемъ только задачъ, но и съ совершенно отчетливымъ сознаніемъ средствъ для ихъ рѣшенія аргументируютъ доселѣ лишь науки естественныя и математическія. Что касается психологіи а равно и наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ человѣческое общество и различныя явленія соціальной жизни, то о нихъ если и можно сказать то же, то не иначе какъ ограничивъ свое сужденіе лишь нѣкоторыми частными ихъ отдѣлами или частными сторонами изслѣдованія; впрочемъ и въ послѣднихъ аргументація не часто достигаетъ той характерной опредѣленности и отчетливости, какими не рѣдко отличаются выводы естественныхъ наукъ и всегда выводы наукъ математическихъ. А въ философіи изслѣдованіе и доселѣ не вышло, по видимому, изъ того младенческаго состоянія, когда взгляды болѣе трезвые скорѣе можно отличить отъ самыхъ парадоксальныхъ непосредственнымъ инстинктомъ, чѣмъ на основаніи аргументаціи. Такимъ образомъ логика справедливо можетъ указать на то, что она лишена возможности наблюдать за видоизмѣненіями умозаключающей дѣятельности во многихъ отдѣлахъ знанія. Правда, типы выводовъ, которые будутъ примѣняться въ будущемъ въ наукахъ, теперь еще недостаточно обработанныхъ, по всей вѣроятности встрѣчаются уже и теперь въ отдѣлахъ знанія, достигшихъ большей зрѣлости. Но нельзя отрицать и того, что одни типы выводовъ въ одн нихъ наукахъ встрѣчаются чаще, выступаютъ рельефнѣе чѣмъ въ другихъ. А чѣмъ рѣже встрѣчается опредѣленный типъ вывода, тѣмъ легче смѣшать его съ другими, перекроить по ихъ образцу. Аристотеля, напримѣръ, нельзя винить въ томъ, что онъ не развилъ теоріи индуктивныхъ доказательствъ причинной связи между явленіями. И нельзя быть заранѣе увѣреннымъ даже въ томъ, что какая нибудь наука, рѣзко отличная отъ другихъ по своему предмету, не представитъ нѣкоторыхъ особыхъ модификацій умозаключающей дѣятельности. Поэтому отъ логики мы можемъ требовать только того, чтобы она обнимала въ себѣ всѣ извѣстныя, уже примѣнявшіяся въ наукѣ или жизни формы выводовъ. Однако сомнительно, чтобы ею во всей строгости было выполнено даже и это требованіе.

Гераклитъ Ефесскій, — такъ можетъ заключать историкъ, — былъ современникомъ Гермодора, Гермодоръ былъ современникомъ децем-

вировъ, слѣдовательно Гераклитъ жилъ около времени децемвировъ. Или другой примѣръ. Г. N слышалъ отъ своего знакомаго, что въ его домѣ помѣщается контора такого-то страховаго общества; справляясь за тѣмъ у кого нибудь, гдѣ живетъ извѣстный докторъ, г. N узнаетъ, что онъ живетъ въ домѣ, гдѣ помѣщается эта именно контора; изъ этихъ посылокъ г. N справедливо заключаетъ, что нужный ему докторъ живетъ въ домѣ его знакомаго. Эти выводы найдутъ въ логикѣ лишь одну близко подходящую къ нимъ формулу — первой силлогической фигуры, къ которой поэтому ихъ и остается подвести тому, кто не признаетъ нужды въ другихъ формулахъ. Но чтобы они точно подходили подъ первую фигуру силлогизма, нужно прибавить къ нимъ въ качествѣ большей посылки нѣкоторое общее положеніе, именно: два предмета, современные или совмѣстные съ однимъ и тѣмъ-же третьимъ, современны или совмѣстны и другъ съ другомъ. На первый взглядъ подобная прибавка можетъ показаться совершенно естественною. Однако поостерегемся произносить рѣшительное сужденіе, не вникнувъ предварительно въ подробности дѣла.

Схема высказанныхъ заключеній, если не прибавлять къ нимъ общаго положенія, такова: A современно или совмѣстно съ B, B современно или совмѣстно съ C; слѣдовательно A современно или совмѣстно съ C. Въ этой схемѣ число сужденій, порядокъ ихъ послѣдовательности, общій характеръ связи между ними, очевидно, сильно напоминаютъ первую фигуру силлогизма. Полученный выводъ и безъ прибавленія аксіомы о современности или совмѣстности двухъ предметовъ столь же кажется полнымъ и убѣдительнымъ, какъ и выводъ по первой фигурѣ категорическаго силлогизма. Почему же мы должны безъ аксіомы счесть его незаконченнымъ, когда совершенно удовлетворяемся выводомъ по первой фигурѣ? Конечно, если спросить историка, почему онъ увѣренъ, что признанная имъ современность двухъ лицъ съ извѣстнымъ третьимъ лицомъ достаточно гарантируетъ его выводное положеніе, то онъ, по всей вѣроятности, сошлется на аксіому и скажетъ, что два предмета, современные одному и тому же третьему, не могутъ не быть современны одинъ съ другимъ. Но развѣ силлогизмъ не предполагаетъ подобной же ссылки также на нѣкоторую аксіому, которую мы тѣмъ не менѣе отдѣляемъ отъ посылокъ и не прибавляемъ къ самому выводу? Возьмемъ силлогизмъ: всѣ люди смертны, Кай человѣкъ, слѣдовательно Кай смертенъ. И здѣсь можно спросить: почему такой выводъ слѣдуетъ признать безспорно вѣрнымъ, почему на него можно положиться? Потому, отвѣтитъ логика,

что иначе пришлось бы отрицать аксіому, по которой признакъ признака необходимо долженъ быть и признакомъ предмета, къ которому относится послѣдній признакъ. По нашему мнѣнію эта аксіома не совсѣмъ удачно выражаетъ то, что хочетъ выразить. Но теперь дѣло не въ этомъ. Насъ занимаетъ здѣсь другой вопросъ. Почему же эта аксіома не упоминается въ числѣ посылокъ каждаго силлогизма первой фигуры? Почему выводъ не принимаетъ, напримѣръ, такой формы: признакъ признака есть признакъ предмета, владѣющаго послѣднимъ признакомъ, а смертность есть признакъ понятія о человѣкѣ, служащаго въ свою очередь признакомъ Кая, слѣдовательно къ Каю должно быть отнесено понятіе смертности въ качествѣ признака? На этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, большинство логиковъ отвѣтило бы такъ: эта аксіома вовсе не посылка, не сужденіе, содержащее особую, новую мысль необходимую для вывода, а простая формула вывода: она представляетъ въ отвлеченной формѣ ту связь понятій, которая необходима для состоятельности вывода и которая конкретно дана уже для каждаго опредѣленнаго силлогизма въ самыхъ его посылкахъ. Но не ту же ли самую роль играютъ аксіомы современности и совмѣстности въ выводахъ, приведенныхъ нами выше? Когда напримѣръ, историкъ прибавитъ къ своему выводу аксіому о современности двухъ предметовъ, современныхъ одному и тому же третьему, что̀ новаго, не содержащагося въ выводѣ, взятомъ въ его цѣлости, прибавитъ онъ къ своему заключенію? Въ формулѣ о признакѣ признака мы утверждаемъ, что одно понятіе въ посылкахъ должно полагаться въ качествѣ признака другаго, а это другое въ качествѣ признака третьяго для того, чтобы заключеніе о принадлежности перваго послѣднему было безспорно. Въ аксіомахъ относительно современности и совмѣстности предметовъ мы также утверждаемъ только, что въ посылкахъ мы должны поставить одинъ предметъ современнымъ или совмѣстнымъ съ другимъ, а этотъ другой съ третьимъ, чтобы заключеніе о современности или совмѣстности перваго съ послѣднимъ было безспорно. Можно ли требовать болѣе ясной и полной аналогіи для убѣжденія въ томъ, что послѣднія аксіомы играютъ ту же роль, какъ и первыя? Прекрасно, конечно, стремиться къ тому, чтобы логическіе процессы свести къ возможно меньшему числу формулъ. Но для этого нужно отыскать такія формулы, которыя обнимали бы разнообразные процессы вывода, не внося въ нихъ совершенно излишнихъ для существа дѣла дополненій. Въ противномъ случаѣ мы никакъ не уяснили бы своей формулой общаго пріе-

ма мысли, лежащаго у нихъ въ основаніи, а перекроили бы только одни модификаціи этого пріема по другимъ.

Случаи выводовъ, на которые мы указываемъ, вовсе не такъ рѣдки, чтобы логика сочла себя въ правѣ на этомъ основаніи игнорировать ихъ специфическія черты. Выводами на основаніи совмѣстности двухъ предметовъ съ однимъ и тѣмъ же третьимъ, правда, едва ли наука можетъ пользоваться часто, хотя въ жизни къ нимъ нерѣдко приходится прибѣгать. Но безъ выводовъ къ одновременности лицъ и событій на основаніи одновременности ихъ съ другими лицами и событіями исторія не можетъ сдѣлать ни одного шагу въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, подумаемъ только о томъ, что такихъ историческихъ памятниковъ нѣтъ, которые прямо и непосредственно свидѣтельствовали бы объ одновременности какого-либо лица или событія со всѣми тѣми безчисленными лицами и событіями, съ которыми можетъ сопоставить и дѣйствительно сопоставляетъ ихъ исторія въ качествѣ одновременныхъ. Относя къ одному и тому же времени цѣлыя массы лицъ и событій, историкъ повторяетъ неисчислимое количество разъ выводъ отъ одновременности однихъ лицъ къ одновременности другихъ, и только слишкомъ частое повтореніе вывода и его очевидность пріучаютъ его смотрѣть на сужденія, пріобрѣтенныя выводомъ, какъ на сужденія, выражающія истины, данныя непосредственно. Впрочемъ предшествующія замѣчанія приложимы и не къ выводамъ только этого рода. Безчисленное число разъ приходится математику повторить выводъ въ родѣ слѣдующаго: А равно В, В равно С, слѣдовательно А равно С. Но для того, чтобы подвести этотъ выводъ подъ формулу первой фигуры категорическаго силлогизма, необходимо признать два сужденія „А равно В“ и „В равно С“, явно соотвѣтствующія двумъ посылкамъ этого силлогизма и совершенно достаточныя для доказательства равенства А съ С, за одну только посылку; въ такомъ случаѣ аксіома: двѣ величины, равныя одной и той же третьей, равны между собою, должна будетъ превратиться, очевидно, въ особую бо́льшую посылку. Однако послѣ разъясненій, которыя сдѣлали мы относительно аксіомъ совмѣстности и современности, едва ли нужно представлять особое доказательство того, что и эта аксіома вовсе не содержитъ особой мысли, и нисколько не восполняетъ мнимую недостаточность сужденій $А=В$ и $В=С$ для убѣжденія въ выводномъ положеніи; она указываетъ опять только въ болѣе отвлеченной формѣ на данную уже въ нихъ связь между представленіями.

Впрочемъ, мысль о формальномъ значеніи аксіомъ одновременности и равенства вовсе не чужда логикѣ; только выражалась она здѣсь нѣсколько своеобразно. Вмѣсто того, чтобъ приводить къ убѣжденію, что формулы силлогизма не обнимаютъ многихъ выводовъ, она вела къ попыткамъ замѣнить формулы силлогизма этими аксіомами или прямо отожествить первыя съ послѣдними. Такъ общими принципами силлогизмовъ Милль признаетъ два положенія: вещи, сосуществующія съ одною и тою же вещью, сосуществуютъ одна съ другой, и, вещь, сосуществующая съ другою вещью, съ которою третья вещь не сосуществуетъ, не сосуществуетъ съ этою третьею вещью. Это, очевидно, аксіомы одновременности. Другіе разсматривали каждое сужденіе, входящее въ силлогизмъ, какъ установленіе равенства между опредѣленнымъ числомъ предметовъ, характеризуемыхъ въ подлежащемъ, и одною частію предметовъ, характеризуемыхъ въ сказуемомъ. Законы силлогистическихъ выводовъ тогда легко свести къ законамъ равенства. Системы логики очень часто для нагляднаго разъясненія отношенія основныхъ понятій въ силлогизмѣ прибѣгаютъ къ начертанію напримѣръ круговъ, совпадающихъ вполнѣ или частію, или вовсе не совпадающихъ другъ съ другомъ. Различныя отношенія равенства въ этомъ случаѣ, очевидно, получаютъ прямую аналогію съ подчиненіемъ понятій, которое выражается въ аксіомѣ относительно признаковъ признака. Не трудно догадаться, къ чему должно бы было вести послѣдовательное развитіе этой аналогіи.

Сопоставляя приведенныя нами аксіомы современности, совмѣстности и равенства съ обычно принимаемой формулой категорическаго силлогизма, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что первыя служатъ совершенно точнымъ и пригоднымъ для цѣлей логики выраженіемъ той связи понятій, которая лежитъ въ основаніи опредѣленныхъ процессовъ вывода. Эти сужденія явились въ наукѣ вовсе не для этой цѣли, а поэтому мы не вправѣ ожидать, чтобы они оказались совершенно отвѣчающими ей. Можно заранѣе предвидѣть, что дѣйствительныя формулы выводовъ будутъ имѣть болѣе общій, болѣе отвлеченный логическій характеръ, то-есть будутъ отвлечены отъ тѣхъ конкретныхъ элементовъ, которые въ этихъ аксіомахъ неизбѣжны, такъ какъ онѣ имѣютъ въ виду опредѣленный кругъ предметовъ или опредѣленныя стороны въ предметахъ. Не удивительно, затѣмъ, что въ дѣйствительныхъ формулахъ вывода процессъ заключенія будетъ очерчиваться въ иной формѣ, чѣмъ дѣлается это въ приведенныхъ аксіомахъ; аксіомы представляютъ связь понятій въ формѣ наиболѣе

наглядной, наиболѣе приспособленной къ практическому примѣненію; логическія же формулы должны наоборотъ сколько возможно рельефнѣе выставить основаніе, которое съ логической стороны оправдываетъ процессъ вывода. Но все это, конечно, нисколько не препятствуетъ видѣть въ аксіомахъ указаніе на связь понятій, обусловливающую выводъ; то-есть, указаніе прямо на то, что̀ ставится задачей логической формулы.

Чтобы доказать неполноту перечня выводовъ, который встрѣчаемъ въ системахъ логики, возьмемъ примѣръ еще другаго рода. Между сложными формулами индуктивныхъ доказательствъ причинной связи между явленіями мы находимъ также слѣдующую: если изъ группы извѣстныхъ, данныхъ въ наблюденіи, дѣйствій причины нѣкоторыхъ извѣстны, то исключивши эти причины изъ общей совокупности явленій, предшествующихъ всей группѣ, въ остаткѣ получимъ причину остальныхъ дѣйствій, къ ней относящихся. Мы убѣдились, напримѣръ, что въ опредѣленномъ случаѣ единственно событія ABCD предшествуютъ событіямъ EFGH. На основаніи закона причинности мы заключаемъ отсюда, что когда бы ни были даны событія, совершенно подобныя фактамъ ABCD, за ними всегда послѣдуютъ событія, подобныя фактамъ EFGH, сказать иначе, ABCD заключаютъ въ себѣ причину EFGH. Если теперь, кромѣ этого положенія, мы знаемъ также, что AB есть причина EF, то изъ этихъ двухъ положеній заключаемъ, что CD должно заключать въ себѣ причину GH. Въ логикѣ этотъ случай разсматривается какъ особый случай доказательства, примѣнимый единственно къ разсмотрѣнію причинной связи между явленіями. Но совершенно аналогическій случай доказательства мы встрѣчаемъ постоянно въ математикѣ; это тотъ выводъ, который основанъ на аксіомѣ: если отъ равныхъ величинъ отнять равныя, остатки получатся также равные. Физикъ заключаетъ: ABCD есть причина EFGH, но AB есть причина EF, слѣдовательно CD есть причина GH. Свершенно сходно съ этимъ заключаетъ математикъ: $A+B+C+D$ равны $E+F+G+H$, но $A+B$ равны $E+F$, слѣдовательно $C+D$ равны $G+H$. Само собою понятно, что ни эту математическую формулу нельзя безъ натяжекъ прямо и непосредственно подвести подъ вышеприведенную формулу индуктивнаго доказательства причинной связи явленій, ни послѣднюю подъ первую; каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду свой особый классъ отношеній: одна—количественныя отношенія между явленіями, другая — ихъ причинную связь. Но тѣмъ не менѣе, простое сопоставленіе ихъ ясно доказы-

ваетъ родство между мыслительными процессами, которые въ нихъ выражаются и слѣдовательно должно вести къ предположенію общаго имъ обѣимъ логическаго основанія. Почему же логика относитъ къ своимъ задачамъ разъясненіе формулы индуктивнаго доказательства и не относитъ къ нимъ разсмотрѣніе совершенно аналогической формулы доказательства равенства величинъ? Смотрѣть ли на первую формулу, какъ на совершенно оригинальный типъ вывода или просто видѣть въ ней выраженіе методическаго движенія мысли въ опредѣленной области изслѣдованія, во всякомъ случаѣ то же самое значеніе придется придать и математической аксіомѣ, очевидно, вполнѣ ей соотвѣтствующей. Даже самая формула индуктивнаго доказательства должна много терять отъ того, что вовсе игнорируется соотвѣтствующій ей математическій пріемъ. Выходитъ, какъ будто она исключительно зависитъ отъ особаго вида реальныхъ отношеній, именно отъ отношенія причинности, а поэтому она теряетъ общій логическій характеръ. Безъ сличенія формулы съ формулами, сходными съ ней, почти невозможно отдѣлить въ ней общій логическій элементъ отъ той особой окраски, которую получаетъ она, указывая на опредѣленный, ограниченный кругъ реальныхъ отношеній.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться, что существующія классификаціи выводовъ, разсматриваемыя не со стороны только ихъ систематичности, но и со стороны полноты обозрѣваемаго въ нихъ матеріала, не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Значитъ, вопросъ о классификаціи выводовъ остается открытымъ и попытка найдти для нея новое основаніе достаточно оправдывается положеніемъ дѣла.

М. Каринскій.

ХОРВАТСКІЯ ПѢСНИ О РАДОСЛАВѢ ПАВЛОВИЧѢ И ИТАЛІАНСКІЯ ПОЭМЫ О ГНѢВНОМЪ РАДО.

Нѣсколько историко-литературныхъ гипотезъ.

Предлагаемая замѣтка, основанная на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ и короткихъ анализахъ каталоговъ, не можетъ имѣть притязанія на полноту. Ея цѣль — обратить вниманіе изслѣдователей на два италіанскіе памятника, не лишенные, быть можетъ, интереса по отношенію къ древне-славянской народной поэзіи.

О древнихъ сербскихъ героическихъ пѣсняхъ упоминается въ описаніи путешествія императорскаго посольства изъ Вѣны въ Константинополь въ 1531 году. При этомъ посольствѣ находится нѣкто Курипешичъ, родомъ Словинецъ, который и описалъ это путешествіе по нѣмецки (Wegraiss K. K. Majestät Botschaft nach Konstantinopel). Здѣсь въ трехъ мѣстахъ упоминается о пѣсняхъ: „Въ Хорватіи и Боснѣ много поется пѣсенъ о Малкошичѣ;—Босняки и Хорваты поютъ еще много пѣсенъ о рыцарскихъ подвигахъ вѣрнаго слуги князя Радослава Павловича („von den ritterlichen thaten des treuen dieners des herzogs Pavlovitz von Radasel genannt singen die Bossner und Crabaten noch viel lieder); — у Хорватовъ и доселѣ поется много пѣсенъ о Кобиловичѣ“ [1]),

[1]) *Пыпинъ*, Первые слухи о сербской народной поэзіи (*Вѣстникъ Европы* 1876 г., декабрь, стр. 705), — по *Яiцчу*: Свједочанства из прошлости о српским народним пјесмама, въ журналѣ *Отаџбина* 1875, № 12, стр. 574 — 589. Слич. *Jagić*, Gradja za historiju slovinske narodne poezije, prvi dio (*Rad*, t. XXXVII), стр. 82.

I.

Какія это пѣсни о Радославѣ Павловичѣ? [1]). Павловичи были извѣстнымъ босанскимъ родомъ [2]). Радославъ Павловичъ, младшій братъ Петра и Павла, былъ сыномъ Павла Радиновича, изъ боярскаго рода Яблановичей. Въ 1419 году Петръ Павловичъ уступилъ Дубровнику свою половину Конавльской жупы и лежавшаго въ ней города Сокола; когда въ 1420 г. онъ былъ убитъ пашей Исакомъ, половина Сокола и Конавля съ Ободомъ и Цавтатомъ и все, чѣмъ владѣли Павелъ и Петръ Павловичи въ Дольной Горѣ и Виталинѣ, перешло, по волѣ султана Магомеда, въ руки Сандала и уступлено было Дубровнику. Радославъ Павловичъ отнялъ родовую собственность у Сандала, что̀, вѣроятно, не обошлось безъ распри съ Дубровничанами, которые въ 1421 г., 18-го февраля, поспѣшили заключить съ нимъ дружественный договоръ; черезъ три мѣсяца Радославъ Павловичъ упочилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы, подаренную общинѣ Сандаломъ, что̀ и подтвердилъ грамотой 7-го апрѣля 1423 г. Въ 1427 г., 31-го декабря, Радославъ писался уже великимъ воеводою Босны и давалъ вмѣстѣ съ сыномъ Иванишемъ грамоту, которою окончательно уступилъ Дубровнику всю свою часть Конавля съ Ободомъ, Цавтатомъ, Дольной Горой и Виталиною, за что̀ получилъ отъ Дубровника ежегодно 600 перперовъ и богатый дворецъ въ городѣ; кромѣ того, онъ выговорилъ себѣ $^{3}/_{5}$ земли въ Конавлѣ и право положить въ Дубровникъ 10000 червонцевъ по 5% [3]). Около 1432 года у Радослава была война съ Дубровникомъ,

---

[1]) Слѣдующія свѣдѣнія о Павловичахъ заимствованы (кромѣ помѣченныхъ особо) изъ книги *А. Майкова*: Исторія сербскаго языка, стр. 183—184 и 187—189.

[2]) Пѣсенъ о Радославѣ Павловичѣ и о Малкошичѣ не сохранили, говоритъ Ягичъ, l. c., p. 144; *Ljubić*, Prilog Jagićevoj razpravi «o gradji za slovinsku narodnu poeziju» (*Rad*, XL, стр. 130—146) замѣчаетъ по этому поводу (стр. 140): Hektorovića druga narodna pjesma počima (str. 19):

> Kada mi se Radosave vojevoda oddiljaše
> od svojega grada divnoga Siverina,
> Često mi se Rodosav na Siverin obziraše it. d.

Ovdje se pjeva o Radosavo vojevud idobro poznatomu junaku, te se pripominje i njegov suparnik i junak: «na to se je spravio Vladko Udinski vojevoda» Nibi li mogla ova pjesma pris ojati Radosavu Pavloviću?

[3]) По Cerva, у *Макушева*: Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 4; Дубровничане купили у Радослава западное Конавле въ 1429 году.

въ которой успѣхъ былъ, вѣроятно, на сторонѣ послѣдняго, какъ заставляютъ подозрѣвать условія мирнаго договора 25-го октября 1432 г. Сынъ Радослава, Иванишъ, не могъ тогда присягать по своему малолѣтству, и потому Радославъ далъ въ 1433 г., 25-го марта, запись въ томъ, что сынъ его, пришедши въ совершеннолѣтіе, подтвердитъ клятвенно всѣ условія договора. Къ тому же 1433 году относится обвиненіе Радослава, вмѣстѣ съ другими знатными босанскими боярами, въ ереси патаровъ, къ которой перешелъ позднѣе и его сынъ Иванишъ. Около 1439 г. въ войнѣ Дубровничанъ съ Стефаномъ Косачемъ, Радославъ стоялъ на сторонѣ Дубровничанъ, купцамъ которыхъ подтвердилъ 1441 г., 10-го апрѣля, право свободной и безопасной торговли въ своихъ владѣніяхъ. Въ 1442 г., 29-го сентября, онъ уже былъ въ числѣ умершихъ, какъ извѣщалъ его сынъ Иванишъ. Поэтому несправедливо пишетъ Юкичъ, что будто бы Магомедъ II, завоевавъ Босну (1463 г.), погубилъ Радослава Павловича, владѣвшаго Требиньемъ, Поповымъ и смежными съ Дубровникомъ землями, такъ какъ Радослава давно уже не было въ живыхъ. Въ грамотахъ 1442, 1443 и 1444 гг. являются сыновья Радослава: Иванишъ, Петръ, Николай. Въ 1444 году „il Magnifico Giovanni figliuolo del Magnifico Vojvoda Radislavo Paulovich" былъ приписанъ къ именитымъ венеціанскимъ родамъ [1]). Въ царствованіе Ѳомы Кристича родъ Яблановичей является еще разъ въ 1454 г. съ грамотою Петра и Николая Радославичей, которые подтверждаютъ Дубровнику всѣ прежнія записи дѣда, отца и брата и повторяютъ торговыя права, какими пользовались изстари дубровницкіе купцы. Николай Павловичъ погибъ въ 1463 году; его дома и владѣнія въ Рагузѣ „furono concedute ad affitto a Michael di volzo, per depositare il danaro alla camera della repubblica [2]).

Тѣсная связь Павловичей съ Дубровникомъ достаточно объясняетъ, почему они приняты были въ число его согражданъ. Luccari [3]), перечисляя вымершіе княжескіе роды, получившіе право гражданства въ Дубровникѣ, упоминаетъ Христичей или Павловичей и Яблановичей съ помѣткой: furono rè di Bosna. Не причислялъ ли себя къ роду Павловичей и Juanni Paulavich, авторъ двухъ рыцарскихъ

[1]) *J. Kukuljević-Sakcinski*, Jlirske porodice u Mletačkom Plemstvu, въ *Arkiv za povêstnicu jugoslavensku*, kn. I, стр. 54.

[2]) *Rački*, Odnošaji Dubrovnika k Bosni i Turskoj въ *Starine*, VI, стр. 13.

[3]) Copioso Ristretto de gli annali di Rausa etc. In Venetia, 1605, p. 175.

поэмъ, о которыхъ далѣе будетъ рѣчь? Правда, онъ называетъ себя сыномъ Дубровницкаго дожа, то-есть, ректора, Zuani Jdrovich(?) [1]; но подозрѣніе вызываетъ фамилія Павловича и тема, избранная имъ для своихъ поэмъ: его герой—гнѣвный Радо, можетъ быть, какой-нибудь легендарный Радославъ Павловичъ?

Объ Іованѣ Павловичѣ мы почти ничего не знаемъ. О себѣ онъ говоритъ только, что до 34 лѣтъ жилъ въ Дубровникѣ, учился въ Падуѣ, былъ въ Парижѣ, и что его поэмы переведены съ французскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что написаны онѣ подъ впечатлѣніемъ французскихъ рыцарскихъ романовъ, что авторъ пользовался ихъ данными, ихъ героями. Еслибъ онъ и не былъ въ Парижѣ, то сосѣдняя Тревизская марка, гдѣ французскій эпосъ былъ издавно акклиматизированъ, могла развить въ немъ тѣ же литературные вкусы. Его указаніе на „переводъ" слѣдуетъ, по моему мнѣнію, понимать въ предѣлахъ подражанія, заимствованія той или другой подробности, сходства стиля. Очевидно, ни одна французская поэма не избрала бы своимъ героемъ славянскаго Радо. Въ этомъ смыслѣ знакомство съ поэмами Павловича могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ на поэтическія народныя преданія далматинскаго побережья. Къ сожалѣнію, двѣ поэмы Павловича стали теперь болѣе, чѣмъ библіографическою рѣдкостью. Извѣстно, что обѣ онѣ находились въ Bibliotheca Heberiana, переплетенныя въ одинъ томъ, и оттуда перешли въ собственность г. De Mombret, въ Парижѣ. Затѣмъ извѣстны еще два экземпляра второй поэмы: одинъ—въ библіотекѣ маркиза Trivulzio въ Миланѣ, другой—въ королевской библіотекѣ въ Пармѣ.

Вотъ что сообщаютъ о нихъ извѣстные мнѣ каталоги:

1. Juan Paulavich, Libero de Rado Stizuxo. Stampato in Venetia per Maistro Bernardino di Vitali Venetian. 1533 in 4° fig. in legno:

Libero del Rado Stizuxo.

и слѣдующая привилегія:

Con gratia e priuilegio che niuno
non possano stampar per anni dexe

[1]) Въ Bibliotheca Heberiana: doge of Ragusi.—Не имѣя передъ собою поэмъ Павловича, я принужденъ ограничиться свѣдѣніями, сообщенными о нихъ каталогами: Bibliotheca Heberiana, VII, 4774; *Melzi—Tosi*, Bibliografia dei romanzi e poemi cavallereschi italiani, 2-а ед. (1838) p. 295—297; id., Bibliografia dei Romanzi di cavallèria in versi e in prosa italiani, 3-e ed. 1865, p. 222—223.

e si sara trovato qualche uno
prosomtuoxo, de ducati tri diexe
condannato sara ciaschaduno
che accusara subito in quel mexe
havera la soa parte como el scritto
e questo xe vero per dio beneditto
si che mi ve lho ditto signuri chiari
si ve lo trovo
perdere roba e pagare dinari.

Подъ этимъ извѣщеніемъ помѣщено изображеніе человѣка, въ лавровомъ вѣнкѣ, играющаго на скрыпкѣ: это и теперь еще излюбленный инструментъ италіанскаго народнаго пѣвца. На оборотной сторонѣ перваго листа помѣщено шесть октавъ, подъ заглавіемъ: Prologo a chi le dedicato.

Со втораго листа recto начинается поэма, напечатанная курсивомъ въ два столбца. Помѣтки на листахъ буквами отъ A до L, черезъ каждые четыре листа. Въ началѣ втораго листа recto, помѣченнаго Aij, находится гравюра, изображающая одно изъ приключеній Радо, разказанное далѣе въ поэмѣ (Sign. F. II retro). Содержаніе ея такъ передается каталогомъ Гебера: Радо готовится убить волка, пойманнаго имъ въ тенета; волкъ возговорилъ человѣческимъ голосомъ и проситъ пощадить его: онъ — дядя Радо, Michio Tragurin (Михаилъ изъ Traguri=Trau, Трогиръ въ округѣ Сплѣта), бывшій когда-то содержателемъ гостинницы въ Модрузѣ и обращенный въ толка за то, что слишкомъ усердно подмѣшивалъ вино водою.

Мы имѣемъ дѣло съ подробностью юмористическо-сказочнаго, мѣстнаго характера, внесенною Павловичемъ въ разказъ о похожденіяхъ своего героя. Но можетъ быть также, что авторъ только пересказывалъ цѣликомъ какое-нибудь народное преданіе о Радо? Все это остается вопросомъ, пока счастливый случай не познакомитъ насъ ближе съ содержаніемъ памятника. Что Радо погибаетъ, это мы могли бы заключить изъ заглавія второй поэмы Павловича, говорящей о мести его сыновей, и изъ плача вдовы его Маргариты (Lamento della Margarita Vedova del Rado), стихотворенія въ семистопныхъ стихахъ, помѣщеннаго за послѣднею VIII-ю пѣснью разбираемой поэмы. Отвѣчаетъ ли lamento типу народнаго плача или заплачки, или это одна изъ амплификацій романическаго стиля—сказать невозможно. Прекрасный хорватскій плачъ матери Маргариты, сѣтующей по сынѣ и братѣ,

изъ которыхъ одинъ увлеченъ — Гречанкой, а другой — жительницею приморья, сохранился въ стихотвореніяхъ Бараковича и изданъ былъ недавно Кукульевичемъ и Миклошичемъ [1]). Я указываю на эту параллель въ предположеніи, пока не доказанномъ, что въ поэмахъ Павловича найдутся дѣйствительные отголоски народныхъ славянскихъ пѣсенъ и преданій.

За Lamento della Margherita слѣдуетъ помѣтка: Stampata in Venetia per Maistro Bernardino de Vitali Venetian. MDXXXIII. Послѣдній листъ занятъ латинскими и италіанскими стихотвореніями въ похвалу автора.

Образцики языка, которымъ писаны поэмы Павловича, указываютъ на венеціанскій діалектъ; Мельци опредѣляетъ ближе: далмато-венеціанскій. Иначе, и едва ли справедливо, говоритъ каталогъ Гебера. Языкъ этой поэмы, сказано тамъ,—въ своемъ родѣ единственный: онъ не тосканскій, хотя авторъ заявляетъ, что писалъ по флорентійски; онъ также не падуанскій, а смѣсь того и другаго діалекта съ объиталіаненнымъ славянскимъ и французскимъ (!), не правильная, не знающая ни граматической конструкціи, ни какихъ-либо другихъ законовъ, такъ что ее не понять, а приходится угадывать. Предполагаемая примѣсь французскаго объясняется, по мнѣнію составителя каталога, пребываніемъ автора въ Парижѣ и его заявленіемъ, что его поэмы—переведены съ французскаго. Не лишнею является замѣтка, что его языкъ не вездѣ одинаковъ: такъ V-я пѣснь писана діалектомъ, напоминающимъ діалектъ горныхъ областей Брешіи и Бергамо и совершенно отличнымъ отъ языка других частей поэмы.

2. Libero de le vendette che fese i fioli de Rado Stizoxo. Безъ обозначенія мѣста печатанія, имени типографа и года. In 4° fig. in legno; подъ титуломъ:

Libero de le vendette che fese i fioli de Rado Stizoxo con gratia et privilegio, помѣщены изображенія двухъ воиновъ въ военныхъ далматинскихъ одеждахъ того времени; на оборотной сторонѣ 1-го листа четыре октавы вмѣсто введенія. Поэма начинается на recto 2-го листа, помѣченнаго Aij и украшеннаго вверху гравюрой на деревѣ.

---

[1]) *G. Baraković*, Vila Slovinska. Venetia 1682 p. 144—148; *Miklosich*, Beiträge Zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie, I. Die Volksepik der Kroaten, въ *Denkschr. d. Kais. Akad: d. Wissensch.* Ph. Hist. Cl. XIX B. (1870) p. 65—69; *J. Kukuljevic*, Pjesnici hrvatski XV Vjeka, Razdjel prvi, Svezak II, U Zagrebu, 1858, p. VII—VIII.

Questo libreto che xe tanto belo
Juan Paulavichio la chavado
de testa fora e del so cervelo
daspo chel mi son sta adoturado.

Текстъ напечатанъ курсивомъ, въ два столбца, по 4 октавы въ каждомъ. Листы помѣчены не цифрами, а буквами отъ A до M; первая сигнатура распространяется на шесть листовъ, изъ слѣдующихъ каждая на четыре. Всѣхъ пѣсенъ XII, октавами; первыя шесть украшены каждая гравюрой на деревѣ, въ послѣднихъ этого нѣтъ. Двѣнадцатая пѣснь начинается Жалобой Лики (El lamento de Licha) семистопными и пятистопными ямбами (settenarii e quinarii), переходящими въ октавы и подъ конецъ уступающими мѣсто терцинамъ. Поэма кончается на verso послѣдняго листа съ вторымъ столбцомъ:

Ni ancho mai ga dulero la testa
perche a sto modo a dito san trifun
quanto in zupun gaiera senza vesta
e chel magniava carne del castrun.
Finis.

Сюжетъ послѣдней поэмы изслѣдователи отказываются опредѣлить: онъ состоитъ въ безсвязно разказанныхъ похожденіяхъ Радо Stizzoso (погибшаго и оплаканнаго вдовой Маргаритой въ концѣ первой поэмы?), который представляется въ родствѣ съ Орландомъ, однимъ изъ Паладиновъ Карла Великаго, принимающихъ участіе въ поэмѣ.

Это смѣшеніе съ Карловингскимъ цикломъ дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что Радо поэмъ Павловича и Радословъ Павловичъ, историческій дѣятель XV вѣка, — одно и то же лицо. Память о послѣднемъ была слишкомъ свѣжа, и потому допустить подобнаго рода романическое перенесеніе въ даль представляется невозможнымъ. Пѣсни, слышанныя Курипешичемъ, могли относиться къ босанскому Родославу Павловичу; источники преданій о Радо-Родославѣ поэмъ должны относиться къ болѣе древнему времени. Не найдемъ ли мы ихъ въ полубаснословныхъ разказахъ о древнихъ властителяхъ далматинскаго побережья?

II.

Я разумѣю разказы Діоклейскаго пресвитера [1]) о короляхъ Радославѣ, Чаславѣ и Павлимирѣ. Радославъ—сынъ Свѣтозара—„patris

[1]) Латинскій текстъ дуклянской лѣтописи см. у *Lučića*: De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex, Amselodami, 1666 (тотъ же текстъ у *Crnčića*, Popa Duklja-

sui vestigia secutus, omni bonitate fuit ornatus; praeterea genuit filium, quem Ciaslavum vocavit, qui juvenis effectus, coepit esse inobediens patri suo. Eo tempore Banus Croatiae Albae cum suis omnibus rebellaverunt Regi. Tunc Rex Cadaslavus congregans exercitum, partem execitus dedit filio suo Ciaslavo, partemque secum tulit. Post haec abeuntes circumdederunt rebelles hinc inde, et comprehenderunt illos ac depraedaverunt; sed quotquot Rex comprehendit, liberos abire permisit; quos vero filius Ciaslavus comprehendit, militibus in servitutem tradidit. Quam ob causam indignati sunt milites, qui cum Rege erant, et relicto eo abierunt post Ciaslavum filium ejus. Tunc Ciaslavus, elevatus in superbiam, expulit patrem suum de Regno, et consilio militum coepit persequi eum; Rex denique fugiens, venit in locum, qui dicitur Lasta. Cernens itaque non posse evadere manus filii sui, cum aliquantis, qui eum diligebant, venit ad littus maris; post haec, quia Ciaslavus cum suis jam prope erat, tempore [1]) percussi cum equitibus, ut stabant natantes, pervenerunt, et ascenderunt quandam petram, quae non multum longe erat a terra; et sic evasit Rex. Non multo post, voluntate Dei, transibat navis, quae de Apulia erat; tunc Rex et quicum eo erant, coeperunt clamare et vocare nautas, et nautae navigantes [2]) venerunt, ut viderent, quidnam esset. Ut autem cognoverunt causam, cum honore susceperunt Regem et omnes ejus, et duxerunt ad civitatem Sypontinam; inde perrexit Romam, ad limina Apostolorum Petri et Pauli. Ab illa autem die petra illa vocata est Radaslavi Camich seu Radaslavi petra. Ciaslavus praeterea, maledictus a patre, coepit regnare (Schwandtner, cap. XVII, Crnč., c. XXII).

Когда Чаславъ погибъ въ борьбѣ съ Венграми, страна, оставшись безъ правителя, подпала подъ власть однихъ бановъ. Услышавъ о томъ, родственники и дружина (milites) Радослава, пошедшая вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ, упросили его поять себѣ жену, и онъ взялъ за себя знатную Римлянку, отъ которой имѣлъ сына Петрислава. Радославъ умеръ въ преклонной старости и торжественно похороненъ въ церкви св. Іоанна Латеранскаго. У Петрислава, также женившагося на родовитой Римлянкѣ, былъ сынъ Павломіръ, Павлиміръ или

---

nina lètopis po latinsku i toga nekoliko i još nešto po hrvatsku, po prepisu popa Jerolima Kaletića. U Kraljevici 1874 p. 1—59); въ *Schwandtner*, Scriptores rerum Hungaricarum etc., t. III, стр. 476 sqq. гл. XVII—XXI.

[1]) *Crnčić*, l. c., 27, 2): Ako ne: timore.

[2]) У *Schwandtner*, remigantes.

Беллиміръ. По смерти Петрислава „parentes ejus coeperunt habere inimicitias cum caeteris Romanis, et coeperunt dura bella facere in civitate, sicuti saepe solent facere. Paulimirus jam juvenis effectus, coepit esse valde robustus et fortis bellator, ita ut in civitate Romana nullus ei esset similis, unde parentes ejus, nec non alii Romani, coeperunt illum valde diligere immutaveruntque nomen ejus, et imposuerunt ei nomen Bello, eo quod bellum facere valde delectabatur (Schw. c. XIX;=Črnč. XXVI).

Въ то время Сарацины опустошали далматинское побережье, разрушая города. „Latini autem fugientes, montana petebant, quo [1]) Sclavi habitabant, revertentes in suas civitates; sed Sclavi comprehendentes illos, pro servis tenuerunt. Post haec plurimi Latinos dimiserunt tali pacto, ut omni tempore tributa eis redderent et servitia exercerent, sicque coeperunt reaedificare civitates maritimas, a Saracenis destructas. Per idem tempus Romani parentes Belli, qui et Bellimirus, quod non possent sustinere Magnatum Romanorum insidias atque inimicitias... exeuntes omnes de civitate una cum Bello, (Schwandtner: uxoribus) et filiis ac filiabûs milites numero quingenti, acceptis parvulis et mulieribus, venerunt Apuliam; inde intrantes naves, transfretaverunt in partes Dalmatiae, venerunt ad portum, qui Gravosa dicitur et Umbla: miserunt enim Sclavi Bello, qui et Paulimirus, nuntios, ut veniret accipere regnum patrum suorum, et hac de causa secuti sunt illum parentes ejus. Igitur descendentes de navibus construxerunt castellum, et habitaverunt ibi. Audientes homines Epidauriae civitatis, qui per silvas et montana manebant, quod Bellus cum Romanis venisset et castellum fecisset [2]), congregantes se, venerunt, et una cum ipsis aedificaverunt civitatem supra mare in ripis marinis, quas Epidaurii, (Schw. in) lingua sua Laus dicunt; unde ea civitas Lausium vocata est, quae postea (R. pro) [3]) L. posito Ragusium appelata est. Sclavi vero Dubrovnich appellaverunt, id est Sylvester sive Sylvestris, quoniam, quando eam aedificaverunt, de sylva venerunt. Schw. c. XX=Črnč. c. XXVI.

Ваны, жупаны, „et maxime populus terrae Sclavorum“, принимаютъ радостно Павлиміра, который въ день Вознесенія вѣнчается на цар-

[1]) *Schwandtner*: quae.

[2]) *Schwandtner*: venissent, fecissent.

[3]) Въ итальянскомъ переводѣ *Maвра Orbino* (Pesaro, 1601): ma poi mutata la L in R fu detto Rausa.

ство въ Требинѣ. Только Любоміръ, жупанъ Расы, думаетъ ему противиться, но разбитъ. „Igitur, causa victoriae, Romani, qui cum Rege erant, aedificaverunt ecclesiam in Rassia ad honorem B. Petri Apostoli in loco propinquo Caldanae, et non multum longe ab eadem ecclesia in uno monticulo construxit rex castellum, vocavitque illud suo nomine Bello [1]); ecclesiam autem supradictam statuit episcopatum fieri, ordinavitque ibi episcopum et episcopatum, usque in praesentem diem; post haec coepit rex perambulare per terram, et per regnum suum (Schw. гл. XXI=Črnč. c. XXVII). О смерти его говорится позднѣе: quadem autem die dum intraret in unum oppidum Tribuniae subitanea morte defunctus est (Schw. XXII=Črn. c. XXVII).

Не смотря на различныя попытки упрочить за Дуклянскою хроникой (нап. въ 1143 — 1153 г.) [2]), хотя бы отчасти, значеніе историческаго памятника, въ ней такъ мало исторической правды, такое обиліе анахронизмовъ и путаница именъ, что она навсегда останется для насъ отголоскомъ, не столько достовѣрныхъ реальныхъ отношеній, сколько эпическихъ народныхъ преданій [3]). Самъ Дуклянскій пресвитеръ указываетъ, что его источникъ былъ устный, традиціонный, разказы стариковъ: nullus legentium credat, alia me scripsisse, praeterea, quae a Patribus nostris et antiquis senioribus, veridica narratione referre audivi [4]). Въ то время, замѣчаетъ Кукулевичъ [5]), — все писалось такъ, какъ сказывали или пѣли старики, и исторія творилась, какъ и теперь еще нашъ народъ творитъ свои юнацкія пѣсни. Рачкій (l. c., стр. 215 слѣд.) даетъ приведенному тотчасъ показанію пресвитера о традиціонномъ источникѣ его разказа болѣе широкое толкованіе, предполагающее и устныя преданія, и письменныя памяти [6]). Тѣ и другія легли въ основаніе второй части

[1]) См. гл. XXII: Павлиміръ побѣдилъ Сремлянъ и Венгровъ: ab illo ergo die dicta est planities illa, in qua factum proelium, Bellina, nomine Regis ob victoriam, quam habuit ibi rex, usque hodie.

[2]) См. статью *Рачкаго* въ *Книжевникѣ*, I, p. 204.

[3]) См. предисловіе *Кукулевича* къ хорватской хроникѣ XII в., въ *Arkiv za povêstnicu jugoslavensku*, кн. I (1851 г.): Kronika hrvatska iz XII vêka p. 2—3.—*Rački*, въ *Književnik* I, 222; *Дриновъ*, Южные Славяне и Византія въ Х-мъ вѣкѣ (1876), стр. 141 и далѣе.

[4]) *Schwandtner*, l. c., стр. 476: Ingressus Auctoris; Črnč. p. 1.

[5]) l. c. стр. 3.

[6]) Въ италіанскомъ переводѣ Дуклянской хроники, сдѣланномъ Мавро Ор-

Дуклянской лѣтописи, начиная съ ея 20-й главы; что касается первой части, то ея источникомъ былъ, по мнѣнію Рачкаго (ib. 215), упоминаемый пресвитеромъ (см. предисловіе къ Дуклянской хроникѣ: Ingressus auctoris) libellus Gothorum, который онъ перевелъ съ славянскаго языка на латинскій. Но этотъ libellus Gothorum полонъ баснословныхъ подробностей, дѣлающихъ первую часть Дуклянской лѣтописи совершенно непригодною для изученія хорватско-сербской исторіи (Рачкій, l. c., 217). Образцомъ можетъ служить разказъ о Радославѣ.

Это не помѣшало позднѣйшимъ историкамъ отнестись къ такому матеріалу, какъ вполнѣ достовѣрному и историческому. Они могли находить его и въ Дуклянской хроникѣ, и въ другихъ лѣтописяхъ того же характера, воспроизводившихъ другіе варіанты тѣхъ же сказаній. Мы увидимъ далѣе признаки такихъ варіантовъ въ легендѣ о Радославѣ; пока замѣтимъ, что и разказъ Евсевія Кабоги[1]) о Павлимірѣ представляетъ отличія отъ дуклянскаго текста, хотя, быть можетъ, ихъ слѣдуетъ объяснить не существованіемъ особой редакціи сказанія, а компендіозностью изложенія. У Кабоги Чаславъ patruelis Павлиміра; ни отецъ, ни дѣдъ Павлиміра (avita sceptra) не названы, и неясно, кому именно вмѣняется parricidii scelus. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы имѣемъ дѣло лишь съ отрывкомъ изъ хроники Кабоги. Вотъ самый разказъ: Qui (то есть Павлиміръ) regium stemma, quo ortus erat, non magis bellica virtute, quam et Belli cognomen indiderat, quam pietate exornavit. Studio enim Optimatum Regni sui ad avita sceptra capessenda evocatus, affinitate, quam parricidii scelus infecerat, jam merito exstincta, postquam Scislavi patruelis impietas aliquandiu exulare fecisset, ex sanctitatis asylo Romae religione satis imbutus, pietati apprime studens, Roma sacra martyrum pignora, ad Regni sui auspicia felicius capessenda permissu Romani Pontificis asportat, nobilissimo frequentique illo suo comitatu egressus, et ubi primum navibus Dalmatiam appulit, clarissimi facinoris aliquod emolumentum dare studens, ibi Ragusae urbis, quam Epidauritani dirutae Patriae loco quamvis perexiguis initiis excitare moliti fuerant, saracenicaque vis progressum inhibuerat, felici omine instaurare aggressus est.—Слѣдуетъ

бино, словамъ латинскаго текста: referre audivi отвѣчаютъ слѣдующія: (eccetto quello che.) *lessi e intesi*... raccontare. Было ли такъ и въ подлинникѣ Орбино?

[1]) *Макушевъ*, l. c., стр. 2—3, прим. 2-е.

разказъ объ устроеніи города и въ немъ епископства" motu apostolicae sedis".

Андрей Качичъ [1]) слѣдуетъ, съ небольшими отмѣнами, изложенію Дуклянской хроники о короляхъ Радославѣ, Чаславѣ и Павлимірѣ. Разрывъ Часлава съ отцемъ, отъ котораго отложились Лика и Кербава, воспроизведенъ въ существенно тѣхъ же чертахъ. Павлиміръ названъ Bello не за свою воинственность, какъ у Дуклянцà и Кабоги, а за красоту; bello по славянски значитъ: лѣпый; толкованіе, принадлежащее, быть можетъ, самому Качичу. Наконецъ, названіе Дубровника ведется не отъ того, что его соорудили жители дубравы, а отъ дубравы тамъ росшей.

Повѣсть о Павлимірѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими легендарными отрывками далматинскихъ лѣтописей (напримѣръ, легендой о св. Иларіонѣ) дала сюжетъ одной драмѣ Пальмотича, съ содержаніемъ которой познакомила меня „Исторія дубровницкой драмы" Павича [2]). Король Павлиміръ плыветъ изъ Рима въ Словинскіе края, гдѣ когда-то царилъ его дѣдъ. Глава вилъ и виленицъ, Strmogor, чуя бѣду, посылаетъ къ Студеницѣ, что̀ держитъ вѣтры, Тмора и Снѣжницу, чтобы возбудить бурю и взволновать море на гибель Павлиміру. Но святыня, при немъ находившаяся, спасаетъ одну его ладью, которая пристаетъ къ берегу.

Тморъ и Снѣжница доносятъ Strmogor'у о своей неудачѣ; еще болѣе печалитъ ихъ то, что они видѣли народъ, шедшій въ церковь памятовать побѣду св. Иларіона надъ дракономъ Воасомъ, такъ названнымъ потому, что онъ поѣдалъ цѣлыхъ воловъ. Strmogor продолжаетъ бодриться, понуждая своихъ приспѣшниковъ къ новымъ подвигамъ. Тморъ хочетъ преобразиться въ пастуха и возмутить народъ, говоря имъ, что Павлиміръ идетъ съ цѣлью подчинить ихъ себѣ. Съ тою же цѣлью Снѣжница спѣшитъ въ Требинье.

Слѣдующія сцены выводятъ передъ нами Павлиміра и пастуховъ, направляющихся въ церковь славить память св. Иларіона.

По этому поводу разказывается о томъ, какъ святой изгналъ и сжегъ змѣя, палившаго страну вокругъ Эпидавра. Теперь его наслѣдникъ — пустынникъ Сергій, живущій въ пещерѣ, откуда ему вѣдомо

---

[1]) *Andrie Cačića*, Razgovor ugodni Naroda Slavinskoga etc. izdao *V. J. Dunder* kn. perva. U Beču. 1836, p. 32—59.

[2]) Historija Dubrovačke drame napisao Prof. *Armin Pavič*. U Zagrebu, 1871, отр. 146—154.

все, что дѣлается на свѣтѣ: св. Иларіонъ написалъ тамъ по порядку, что въ будущемъ приключится мѣсту, гдѣ нынѣ живутъ разсѣянные Эпидавряне. Все это Сергій растолкуетъ сегодня же народу.

У него племянница Маргарита, дочь его сестры, потомокъ того бана, что разбилъ Остроготовъ. Она выходитъ на сцену, ведя съ собою дѣвушекъ въ церковь. Павлиміръ влюбляется въ нее; онъ колеблется между мыслью о бракѣ и своимъ царскимъ призваніемъ. Дружина поддерживаетъ его въ первомъ намѣреніи. Появленіе Сергія; Павлиміръ разказываетъ ему о своей судьбѣ, дѣдѣ Радославѣ, дядѣ Чаславѣ и т. п., какъ словенскіе баны позвали его на престолъ, но его суда, за исключеніемъ одного, погибли въ морѣ. Пустынникъ радуется его пришествію, которое будетъ счастливо для страны, и выразивъ надежду, что суда еще найдутся, ведетъ его въ свою пещеру, гдѣ Павлиміръ, распросивъ Сергія о его родѣ, проситъ руки его племянницы. Призываютъ Маргариту, которая сама влюбилась въ Павлиміра.

Между тѣмъ Тиоръ и Снѣжница дѣлаютъ всѣ усилія, чтобъ повредить Павлиміру; первый является къ нему въ образѣ Krstimir'а, будто бы спасшагося отъ гибели въ морѣ, Снѣжница — въ образѣ Маргариты; но всѣхъ ихъ козни провидитъ Сергій, или онѣ оказываются ничтожными передъ силой Сергія. Сергій открываетъ ихъ народу и затѣмъ пророчитъ будущность Дубровника: въ дубравѣ Павлиміръ соорудитъ городъ, который будетъ славенъ надо всѣми:

Hodi kralju izabrani,
Hod uzroče naše sreće
nam s nebesa obećani
grad zidati počni veće;
nikni liepi Dubrovniče,
nikni, nikni slavni grade,
odkli zarko sunce ističe
dokli u more opet pade.
Prave vječna gdje sloboda
ima držat svoe pristolje
svietla utjecat gdje gospoda
u te se će sred nevolje.

Является вѣстникъ и говоритъ, что Krstimir съ остальною дружиной Павлиміра, которую считали погибшею въ морѣ, пристали къ берегу. Павлиміръ, обращаясь къ нимъ, говоритъ, что по рѣшенію небесъ онъ поставитъ здѣсь городъ, женится, и пусть каждый поступитъ также. Дѣвушки рады выйдти за Латинянъ; онѣ сами латинскаго

рода. Драма кончается вѣнчаніемъ Павлиміра и Маргариты на царство Славянъ и Восняковъ; дружинѣ своей король предоставилъ созданный имъ городъ Дубровникъ.

Разказы о Павлимірѣ не на столько удалили меня отъ моего сюжета, какъ то можетъ показаться. Возвращаюсь къ герою поэмъ Павловича, Радо, въ которомъ я подозрѣваю какого-нибудь легендарнаго Радослава. Его жена названа Маргаритой; тожество этого имени съ именемъ жены Павлиміра у Пальмотича случайно остановило меня. Я спросилъ себя: не произошла ли здѣсь замѣна одного имени другимъ—Радослава Павлиміромъ, или на оборотъ?

Хорватская хроника, изданная Кукулевичемъ [1]), пользовалась для первой своей части тѣмъ же libellus Gothorum, который переведенъ былъ и Дуклянскимъ пресвитеромъ [2]), но въ иной редакціи, въ которой Радославъ игралъ роль Павлиміра. Вотъ содержаніе соотвѣтствующаго эпизода: У Радослава, сына Свѣтозара (ркп. Svetožak), сынъ Seislav (Ciaslaus дуклянца), ki se prozvà odmetnik (apostata у Марулича). Когда онъ восталъ на отца съ цѣлью отнять у него власть, Радославъ выступилъ противъ отметниковъ и поразилъ ихъ: иныхъ отпустилъ на свободу, другихъ отдалъ въ рабство своимъ витязямъ. За это разгнѣвался на него Сейславъ, и переманивъ на свою сторону многихъ князей и сотниковъ и витязей короля, прогналъ своего отца. Бѣгство Радослава передъ сыномъ (Radosalj kami; путь въ Апулію и въ Римъ), княженіе и смерть Сейслава разказаны съ тѣми же подробностями, и лишь съ незначительными отличіями, какъ и въ лѣтописи Дуклянца. Когда Сейслава, изувѣченнаго, бросили въ Саву, гдѣ онъ и погибаетъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „i tako stvoreno bi i izpunjeno na glavi njegovi proklectvo na njem učinjeno od dobroga kralja, otca njegova, zač on, i vas dom njegov zlom smrtju poginuše, i za[l] konac učiniše. I tako pojde po zlu Seislav, on i duša njegova. Po tom učinjenju slišavše dobri kralj i dostojni Radoslav smrt i gore dostojnu sina svoga Seislava i naslidnikov njegovih, zahvali Bogu, koji pravedno sudi. I vrati se kralj k mistu svomu z blagoslovem svetoga otca pape. I prišadči meu nedostojne Hrvate dobra gospodina,

---

[1]) *Arkiv*, l. c.; Кукулевичъ относитъ ее къ XII в., Рачкій, l. c., стр. 225 склоненъ отнести ее къ XIII и даже къ началу XIV столѣтія. Также *Црнчичъ* l. c., p. XI—XIII; *Ягичъ*—къ XV в. Слѣдующія извлеченія изъ хроники сдѣланы по изданію *Црнчича*, l. c., 1—37.

[2]) *Rački*, l. c., 224.

i zabivše sve njih učinjenje, koje suprotiva njemu bihu učinili, gospodova sve s pravdom, kako da bi ništar nigdar učinjeno bilo". По его смерти, царствуетъ сынъ его Коломанъ (Otn., сс. XXIII—XXIV).

Мы имѣемъ дѣло съ особою редакціей сказанія, извѣстною и по переводу Марулича [1]): о вторичномъ бракѣ Радослава, о его сынѣ Петриславѣ и внукѣ Павлимірѣ нѣтъ и рѣчи: самъ Радославъ возвращается на царство.

Третью, какъ бы посредствующую редакцію, представляютъ разказы, выводящіе на сцену двухъ Радославовъ. „Всѣ лѣтописи", говоритъ г. Макушевъ [2]),—„единогласно относятъ первыя поселенія Славянъ между эпидавро-салонитанскими выходцами ко временамъ Радослава Белла, но не согласны относительно вѣка, когда онъ жилъ (VI—VII вв.). Нѣкоторыя изъ лѣтописей различаютъ двухъ Радославовъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ началѣ VI, а другой—во второй половинѣ VII вѣка; отъ деспотизма этого послѣдняго много Босняковъ бѣжало въ Дубровникъ". Италіанская лѣтопись Дубровника, напечатанная г. Макушевымъ въ приложеніи къ своему труду [3]) и относимая къ XIV вѣку, говоритъ о трехъ Радославахъ, изъ которыхъ первый отвѣчаетъ Радославу Дуклянской хроники, второй—ея Павлиміру, а третій, не идущій къ сравненію, и есть тотъ, деспотизмъ котораго вызвалъ выселеніе Восняковъ.

Вотъ отрывки самой хроники:

Incomenza la edificazion de la terra di Raguxa edificato per Rè Radoslavo Bello fiol del Rè Stefano (?)... [4]) nato in Roma de stirpe Bosnese per paterna linea, e per linea femenina de Romani, qual fò de stirpe regal de Rè Radoslavo, chazato per suo fiol Besislavo (?), come intenderete in prozesi de baso, et questo fò da poi nascimento de Jesu Christo nostro Signor. 526.

Fo edificato una torre sopra le ripe del mare per Rè Radoslavo Bello; a la tore e vel chastelo pose nome Chastel Lave, significa dito Romano: fortezza; in la qual tore a posto 50 fioli de li Baroni Bosnesi per stagio de la sicurtà de la sua persona et soi Baroni venuti con Rè Radoslavo de Roma, et a posto tutto suo avere, reliquie sancte, le qual a portato con secho de Roma (слѣдуетъ ихъ перечисленіе).

---

[1]) *Marci Maruli* Regum Dalmatiae et Croatiae gesta, cap. X—XI (*Schwandtner*, l. c., t. III, pp. 519—522). Сл. *Arkiv*, l. c., p. 2.

[2]) L. c., стр. 3, прим. 1.

[3]) L. c., стр. 305—315.

[4]) Пропускъ въ самомъ текстѣ хроники.

527 Fó sotomeso tuto regname in uno ano pazificànte lo Rè Radoslavo de Bosna perchè lo regname ad esso sucjedeva et altro non era ezeto lui; et per tal cagione tutti l'azetavan per suo signor pazifico.

Смерть короля Радослава (Павлиміра) разказана подъ 528 г. иначе, чѣмъ въ извѣстныхъ намъ редакціяхъ: Fo venuto Radoslavo Rè a la fiumara de Unaa per pasar per andar a la marina a lo Chastel de Lave per pigljar tuto suo haver et sue reliquie, et volendo pasar sopra li zerepi, volse la sua desventura, li zerepi si reversarono; et se anegono tuti con Rè Radoslavo. Такъ какъ у него не было наслѣдника, то въ странѣ явилась усобица: tutto paese remase in se diviso, et parjechi Romani remasero in Bosna Signori, et ogidì si trova de la linea Romana in dicto paese de Bosna de queli, li quali sono sxa (?) venute con Rè Radoslavo de Roma. Внутренніе раздоры, помѣченные подъ 528 и 529 годами и продолжавшіеся 24 года (слѣдующая затѣмъ хронологическая помѣтка относится къ 553 году) привели въ Chastel de Lave и Рагузу много бѣглецовъ, Босняковъ и Римлянъ: etiam molti Romani, queli che son posti in governo di Casteli, tere, vile: conti, Naredbenizi, et questo per esser chazati de Bosna de li signori più potenti. Дубровникъ разростается пришельцами и богатѣетъ среди то враждебныхъ, то мирныхъ отношеній къ Босанскому королю Степану и Радославу [1]), королю Хорватовъ, завладѣвшему и Боснюю по смерти Степана (687 г.), не оставившаго наслѣдника. Тираннія Радослава привела къ новому выселенію, которое обратилось въ Дубровникъ (743 г.) и вызвало здѣсь внутреннюю борьбу и вопросы самоустроенія (744 г.). Въ 754 году впервые помѣчено извѣстіе о нападеніяхъ корсаровъ, Сарацинъ и Мавровъ; городъ начинаетъ укрѣпляться (771, 781 гг.).

782. A Raguxi prima Galea e due fuste, e duo arsenali sono fati per reduto dela Galea, e che due fuste per Corsari Sarageni, perchè venivano (na)scosamente, et fazeano grande dano per tutto Colfo.

783. Furono fatte due statue a Raguxa per un segnor Francese Rolando, qual fo victorioso qui appresso Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia over (ov'era?) preso uno Corsaro deli Saragini per nome Saragino Spuzentè. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le sue statue feze far dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa, perchè li feze a quel loco, perchè in colfo non si poteva abitar per càxon sua,

---

[1]) Radosav, въ хроникѣ Дубровника; по списку Стуллича, l. c., стр. 316: Radoslavo.

e lui si fece al ponte perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de Swardo—duxzi (puzzolente) Saragiu fo fata ale porte de nostro Arsenal per caxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la Galia, e con duo fuste. Qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando. Da quel dì poche volte sono stati Saragini in Colfo perchè la sua po.....

На этомъ, къ сожалѣнію, обрывается интересный для насъ отрывокъ хроники. Далѣе разказывается подъ 789 годомъ о появленіи страшнаго дракона, и подъ 802—подробно о томъ, какъ св. Иларіонъ, прибывшій изъ Аравіи, избавилъ жителей отъ чудовища, которому поклонялись еще древніе Эпидавряне: преданіе, извѣстное уже блаженному Іерониму (Hieron. in Hilar. vita). Дубровничане крестятся: до тѣхъ поръ они „chredevano a li indivini, a le incantatrize, a li insonii, a le posloxche (.....) davano fede ale cjavonize (fatuchjare)". Иларіонъ ходитъ по Боснѣ, Vlachia, e revoltava de fede Grechexca in la fede Christiana. Позднѣе подъ 813 и 815 гг. поминается его спутникъ священникъ Сергій [1]), пустынникъ Сергій Пальмотича, котораго онъ сдѣлалъ современникомъ Павлиміра, и того и другаго пріурочилъ позднѣе св. Иларіона.

III.

Приведенные отрывки изъ Дубровницкой хроники приводятъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, или лучше сказать, предположеніямъ. Павлиміръ Дуклянца, Качича и Пальмотича тожественъ съ Радославомъ хорватской хроники и со вторымъ Радославомъ Bello италіанской лѣтописи; какъ Павлиміръ-Радославъ женится на Маргаритѣ (Пальмотичъ), такъ и Радо-Радославъ въ поэмѣ Павловича. Послѣдній называетъ своего героя: Stizuxo, то-есть, Stizzoso, гнѣвнымъ; названіе Радослава: Bello, которое Качичъ объясняетъ его красотой, понималось и въ иномъ значеніи; вспомнимъ, что по Дуклянской лѣтописи Радославъ преимущественно bellator, и что названіе Bello дано ему потому quod bellum facere valde delectabatur. То же объясненіе мы встрѣтили у Кабоги. Bello, стало быть:—воинственный, храбрый, неистовый (гнѣвный).

Отношеніе Радо къ героямъ Карловингскаго цикла въ поэмахъ Павловича можетъ быть постановлено въ параллель къ отрывку Кар-

---

[1]) Plevan Dum Sarg; въ хроникѣ Стуллича, l. c., стр. 317: D. Sergio.

ловингской саги, такъ неожиданно помѣстившемуся въ италіанской Дубровницкой хроники подъ 783 годомъ. Я разумѣю разказъ о Роландѣ и Сарацинѣ и ихъ статуяхъ. Столбы статуи Роланда разсѣяны по большей части Европы; мнѣніе, еще недавно поддержанное Hugo Meyer'омъ, о ихъ религіозно-мифическомъ значеніи едва ли не грѣшитъ крайностью. На ту или другую статую, изображавшую неизвѣстнаго богатыря, великана, могли одинаково переносить имя Роланда. Для того, чтобы такое перенесеніе стало возможнымъ, необходимо допустить въ данной мѣстности, среди грамотнаго люда, извѣстное знакомство съ образами и отношеніями Карловингской саги. Выше было указано на популярность послѣдней въ сѣверныхъ областяхъ Италіи уже въ XIII вѣкѣ; отсюда она легко могла переселиться къ италіанскому населенію далматинскаго побережья. Я особенно имѣю въ виду ту спеціально италіанскую форму саги, какую она получила въ такъ называемыхъ Reali di Francia. Ихъ особенность состоитъ въ пріуроченіи карловингскихъ сказаній и эпическихъ дѣятелей къ преданію римской государственной и династической цѣльности, въ которой Италіанецъ видѣлъ идеальное продолженіе своей прошлой народной жизни. Пипинъ, Карлъ, Роландъ пристраивались къ династіи Константина Великаго, къ его имени привязывалось для Италіанца своеобразное развитіе французскаго эпоса. Та же римская, или ближе, римско-католическая идея слышна и у Дуклянца, и въ хорватской и италіанской хроникахъ, и у Пальмотича, и въ своеобразномъ смѣшеніи славянскихъ героевъ съ королевичами Франціи (изъ константиновскаго рода?) въ поэмахъ Павловича. Въ драмѣ „Павлиміръ" дубровницкія дѣвушки радуются, что выйдутъ за Латинянъ: онѣ сами Латинянки. Италіанская хроника особенно налегаетъ на то, что Радославъ Bello по матери Римлянинъ; отъ дружины, сопровождавшей его изъ Рима, пошли въ Босніи тѣ римскіе роды, которые были правительствующими; изъ Рима, убѣжища святости, гдѣ онъ самъ просвѣтился, Павлиміръ вывозитъ св. мощи; учреждаетъ для Дубровника, по внушенію папской куріи, особое епископство (Кабога); разбивъ Лютоміра, ставитъ церковь во имя апостола Петра (Дуклянская хроника). Всюду замѣтно стремленіе привязать первоначальную эпическую лѣтопись Дубровника къ римскимъ началамъ, какъ Reali di Francia также поступаютъ съ французскимъ повѣствовательнымъ матеріаломъ. Это сопоставленіе можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на смѣшеніе сюжетовъ въ поэмахъ Павловича, о которыхъ я надѣюсь сообщить со временемъ болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія. Пока

укажу на интересное наслоеніе преданія—процессъ далеко не рѣдкій въ народномъ эпосѣ: какъ борьба св. Иларіона съ дракономъ могла смѣниться въ повѣріи преданіемъ о битвѣ Роланда съ Сарациномъ, такъ гротъ св. Цесаріи въ Апуліи, на япигійскомъ мысу, былъ въ древнее время сценой борьбы Иракла съ гигантами, а въ средніе вѣка пріютилъ у себя преданіе о войнахъ Карла Великаго съ Маврами.

IV.

Предложенныя замѣтки [1]) имѣютъ, по отношенію къ поэмамъ Павловича, лишь гадательное значеніе. Знакомство съ содержаніемъ поэмъ можетъ значительно измѣнить наши домеки объ ихъ сюжетѣ, либо и вовсе устранить ихъ. Не трудно замѣтить, что легенда о Радославѣ-Павлимірѣ не отвѣчаетъ нѣкоторымъ подробностямъ, извѣстнымъ намъ о сюжетѣ поэмъ; такъ напримѣръ, она ничего не знаетъ о сыновьяхъ Радо и ихъ мести, и на оборотъ, Дуклянская лѣтопись знаетъ еще двухъ другихъ Радославовъ, изъ которыхъ одинъ, «juvenis potens et strenuus armis», является въ прекрасномъ эпическомъ разказѣ о борьбѣ съ Греками, наслѣдуетъ на царствѣ брату своему Михаилу, но принужденъ уступить, вмѣстѣ съ своими восемью сыновьями передъ племянникомъ Бодиномъ. „Rex autem, qui mansuetus erat et pacificus, noluit bellum cum eo committere, sed secessit humiliter cum filiis suis in Tribuniam regionem. Ita senex et plenus dierum dormivit cum patribus suis (см. изд. Črnčića, ср. XXXVII — XLI). Могутъ, наконецъ, представиться и другія отождествленія съ матеріаломъ, далекимъ отъ хроники и помѣченныхъ въ ней именъ и разказовъ, но вѣроятнѣе всего—славянскимъ. Вотъ эта-то сторона дѣла и заставила насъ обратить вниманіе на поэму, герой которой носитъ славянское имя, а авторъ былъ Дубровчанинъ. Изученіе италіанско-славянскихъ литературныхъ отношеній еще можетъ повести къ любопытнымъ откровеніямъ. Легко предположить a priori, что народные пѣвцы были издавна носителями обоюдныхъ пѣсенныхъ вліяній на томъ и другомъ берегу Адріатики. Славянскіе музыканты (сл. σχλάβους τὰ ὄργανα φυσ-

---

[1]) Онѣ составлены были, въ главныхъ чертахъ, два года тому назадъ, но я не рѣшался печатать ихъ, не попытавшись сначала познакомиться съ самыми поэмами Павловича. Только безуспѣшность этихъ попытокъ побудила меня напечатать эти строки, какъ побужденіе и указаніе для болѣе удачливаго изслѣдователя.

ὄντας, Constant. Porphirog. De Caerim. aulae, lib. I, cap. 72, у Iagić'a Gradja, стр. 56) и скоморохи (см. Sclavus saltans у Ermenricus Augiensis IX в., Pertz, Script. II, 101, у Iagić, l. c.) могли проникать въ Италію, гдѣ tomi schiavoneschi засвидѣтельствованы для XIV и XV вѣка. Съ другой стороны жонглеры (giullari) XIII и XIV вѣка, толпившіеся при дворахъ сѣверно-италіанскихъ властителей, Эццелиновъ и Скалигеровъ, могли заходить на рубежи италіанско-славянскаго міра и заносить туды разказы о Карловингахъ и рыцаряхъ Круглаго стола, издавна популярные въ Италіи. Въ средѣ тѣхъ же жонглеровъ, но уже спустившихся на площадь и къ народной толпѣ, раздавались пѣсни о Buovo d'Antona и объ Аттилѣ, извѣстныя и въ старорусскихъ пересказахъ. Какъ эти пѣсни пріурочиваются, по своему происхожденію, къ Венеціанской области, такъ и ихъ пѣвцы. Послѣдніе до сихъ поръ доживаютъ свою долгую историческую жизнь въ округахъ Падуи и Венеціи, но уже совсѣмъ снизошли до низменной роли потѣшниковъ и до публики, посѣщающей кафе. Вооруженные какимъ-то однострунымъ инструментомъ, съ дощечкой для доброхотныхъ даяній, укрѣпленной къ рукояткѣ, они ограничиваютъ свою поэтическую дѣятельность произнесеніемъ на распѣвъ двустишій сатирическаго, привѣтственнаго, гадательнаго содержанія, которыя перемежаютъ припѣвомъ — ритурнелемъ, откуда заимствовано, вѣроятно, и ихъ названіе въ народѣ: torototela — torotota [1]). Подробное описаніе этого однострунаго инструмента было бы желательно: оно болѣе походитъ на сербскія гусле [2]), чѣмъ на скрипку, которой обыкновенно вооружены народные пѣвцы средней Италіи [3]). Что до torototela-torotota, то они напоминаютъ мнѣ южно-славянскихъ тамбурашей. Вотъ что говоритъ о нихъ Cuhač. Tanburaši pjevaju ponajviše domoljubne pjesme, ali su skloni i humoru; šaljive dapače pjesme, njeguju osobitom liubavlju. Tekati ovih pjesama spjevaju obično sami tanburaši, radi čega im je oblik vrlo slab, ale je u njih krasnih dosjetaka i raznich političkich i inich zabadanja. Često ti je zbilja za čudo, koli dobro znadu tanburaši javne naše odnešaje, i koli ih satirski rešetaju. Ovakovih je pjesama vrlo težko od njih dobiti, jer im je načelo, da se pjevana rieč može pred poličijom zanijaketi, ali pisana ili od njih dikto-

---

1) *Rajna*, I Reali di Francia, стр. 127, примѣч.

2) См. *Cuhač*, Prilog za povjest glasbe južnoslavjenske, *Rad* jugoslavensike Akad. knjiga XXXIX стр. 2 — 62.

3) Смотри выше гравюру пѣвца въ первой поэмѣ Павловича.

vana da joj može biti dovoljnim dokazom proti njim.... Tanburaši djeluju na narod ne malo; tako prevratnih godina 1848—1849 mnogo pripomogoše, da Slavonci uzplamte za bana Jelačića, a narodni naši politici znadoše dobro što čine, pozivajući djake, činovnike i druge obrazovane ljude, neka ustrojavaju tanburaška družtva. Onih kobnih godina bješe mnogo ovakovih narodnih glasbenika, a mnogi od najodličnijih domoljuba slavonskih bijahu u ovih družtvih izvršujući članovi [1]). — Тамбураши обыкновенно соединяются въ общества изъ трехъ, пяти, или десяти человѣкъ, которые носятъ особыя имена: первый зовется primaš; названія другихъ: čanguraš (kontraš), bugarijaš, berdetaš, šarač, biserničar [2]); они заходятъ иногда во Францію, Бельгію и Германію [3]) — какъ въ старину обходили германско-романскій міръ бродячіе шпильманы, ваганты и голіарды. Названіе primas напоминаетъ мнѣ одно изъ типическихъ именъ голіардовъ, популярное въ средѣ этихъ международныхъ поэтовъ, разрывавшихъ географическую замкнутость средневѣковой Европы, пѣвшихъ про реальную любовь и животное веселье въ разрѣзъ съ рыцарскою лирикой, не щадившихъ своею сатирой ни церковные порядки, ни самый Римъ. Primas vagus, Primas vilissimus, Primas presbyter, archiprimas vagorum scolarium, или просто primas— вѣроятно, не опредѣленная личность, а особый типъ ваганта — шутника, импровизатора, не гоняющагося за правильнымъ стихомъ, балагура и эпикурейца низкаго разбора. Зальцбургскаго архіепископа онъ забавляетъ такими метрическими выходками:

Mittitur in disco mihi piscis ab archiepisco—
Po; non inclino, quia missio fit sine vino;

или:

Inter convivas est ablatum mihi vi vas (то-есть, vini vas).

Его встрѣчаютъ во Франціи, на Рейнѣ, въ Штиріи, Баваріи, Мо-

[1]) *Cuhač*, l. c. стр. 78, 81. См. также стр. 76 о распространеніи Танбуры (итал. colascione, colachon): najviše tanbura ima u južnich Slovjena, najpače po Sriemu, Bačkoj, Banatu, Slavoniji, Bugarskoj, Srbiji i u napuljskih Slovjena; pomanje ih ima po Hrvatskoj, Medjumurju, Dalmaciji, Bosnoj, Crnoj Gori, Ugarskoj, i u Slovjena dolnje Austrije, a još manje po Štajerskoj, Koruškoj, Kranjskoj, i Istri.

[2]) См. l. c., 81—2; объясненіе этихъ названій въ перечнѣ на стр. 99—103.

[3]) L. c., стр. 76—7.

равіи [1]): онъ поетъ и забавляетъ, прожигая жизнь; когда онъ состарѣется, онъ затянетъ грустную пѣснь про свое нищее житье-бытье:

Paupertatis fero pondus;
Meus ager, meus fundus,
Domus mea — totus mundus
Quem pererro vagabundus,
Olim foelix et faecundus,
Et facetus et facundus,
Movens jocus et jocundus;
Quondam primus, nunc secundus,
Victum quaero verecundus [2]).

Названіе primas, какъ кличка ваганта, едва ли слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Гизебрехтомъ, связывать съ іерархическимъ значеніемъ этого титула, хотя клерикально-школьная подкладка вагантства и особое развитіе среди нихъ церковной сатиры и не противорѣчитъ такому сближенію Естественнѣе понимать съ Бюдингеромъ, что primas—былъ просто вожакъ бродячихъ пѣвцовъ—въ этомъ смыслѣ я и допустилъ сближеніе съ южно-славянскимъ примашемъ [3]).

---

[1]) *Hubatsch*, Die lateinischen Vagantem des Mittelalters, p. 92—3; Büdinger Ueber einige Reste der Vagantenpoesie in Oesterreich, въ *Sitzungsber. d. kais. Akad. d. Wiss. in Wien*, Philos. hist. Cl. XIII B., 1854, p. 321 seqq.

[2]) *Wright*, The latin poems commonly attributed to Walter Mapes, p. 66.

[3]) Одно изъ стихотвореній, приписанныхъ Primas'у (In cratere meo Thetis es conjuncta Lico), встрѣтилось мнѣ, лѣтъ десять тому назадъ, въ одной рукописи XV вѣка (Riccard. № 688) вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими пьесами того же содержанія. Къ сожалѣнію, мои выписки оказались отрывочными; сообщаю ихъ въ виду интереса, снова возбужденнаго къ памятникамъ средневѣковой латинской поэзіи.

Est mihi cor vanum binum dum bibo fianum,
Dum vernaccinum, bix possum ferre latinum,
Sed dum bibo grecum, nulla est discretio mecum.

—

Plenus habet venter in pectore gaudia semper,
Si vacuus fuerit gaudia nulla gerit,
Cum bene sum potus, in versibus affluo totus,
Cum sum jejunus sum de peioribus unus.

—

Quicunque vult esse frater, bibat semel, bibat ter et quater,
Item semel et secundo, donec nichil sit in fundo.

(*Wattenbach*, Die Anfänge lateinischer profaner Rhythmen im Mittelalter, въ *Zeitschr f. deutsches Alterthum* XV p. 497.)

Dum capio bina mihi confero commoda trina:
Efficior letus, bene dormio, sumque facetus.

—

Dulcis ave medo, michi te do, nam tibi me do.
Respondit medo: Te lodo, si tibi me do.

—

Est iste florinus, qui floribus undique floret,
Floridus hic liber vernat spirantibus auris.

—

Ad potum primum lavo de gutture limum
Gaudia sunt nobis solempnia quum bibo bis,
Non prosunt vina, nisi sit potatio trina,
Quando quater poto, succedunt gaudia voto,
Ad potum quintum mens vadit in laborintum,
Sextus dat potus, ut nullus sit mihi notus,
Cuncta moleudina macinant in septima vina,
Ottavum vinum me cogit ire supinum.
Concludo breviter, cum vinum bibo frequenter
Tunc vado leviter et consulo plus sapienter.

—

In cratere meo Thethys est conjuncta Lyeo,
Est dea juncta deo, sed ea maior eo,
Non valet hic vel ea, nisi sint ambo pharysea,
Amodo propterea sit deus absque dea

(Сл. у *Wattenbach*, стр. 486.)

—

Quondam fuit sanctum festus
Et vocatum ad commestus и т. д.

(*Wattenbach*, l. c., p. 498: Quondam fuit factus festus).

—

Ave color vini clari
Ave sapor sine pari и т. д. (Wattenbach l. c. 476).

—

Pili quot in mulo, tot huic in cultu monilia, quibus membra propria redimit, que me magis perimit. Coma sibi fulva, magna quoque bultus formositas, oculorum claritas. Ideo letor, cum hanc video.

Александръ Веселовскій.

НЕИЗДАННЫЯ РѢЧИ И ПИСЬМА МИХАИЛА АКОМИНАТА.

Между византинистами прошедшаго и нынѣшняго столѣтія одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ по справедливости принадлежитъ профессору Тафелю. Въ исторіи науки съ этимъ именемъ соединяется счастливый поворотъ во взглядѣ на византійскія занятія, расширеніе научнаго кругозора и правильный методъ изслѣдованія въ примѣненіи къ изданію и критической оцѣнкѣ памятниковъ. Собственные труды Тафеля, рѣдкимъ сочетаніемъ упорнаго труда и громадной эрудиціи со скромностью преслѣдуемыхъ задачъ, представляютъ безпримѣрное явленіе въ обработкѣ византійской исторіи. Тафель издалъ весьма много новыхъ источниковъ и на многіе матеріалы обратилъ вниманіе другихъ: въ этомъ главнѣйшая заслуга его по отношенію къ византійскимъ занятіямъ. Его образцовое изслѣдованіе „О Ѳессалоникѣ и ея округѣ“ есть единственный, можно сказать, трудъ, въ которомъ громадныя знанія и эрудиція нашли себѣ приложеніе въ исторической монографіи; большинство же другихъ трудовъ можетъ быть разсматриваемо какъ рядъ историческихъ, географическихъ и археологическихъ экскурсовъ по поводу одного или нѣсколькихъ памятниковъ византійской литературы. Для занимающагося Византіей въ высшей степени необходимо знакомство съ высказанными Тафелемъ мнѣніями о томъ, какимъ путемъ и къ какой цѣли должны направляться византійскія занятія. Можно сказать, что труды византинистовъ новѣйшаго времени въ Германіи, Франціи, Россіи и Греціи главнѣйше направляются изъ програмы, указанной Тафелемъ. Въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка Тафель былъ почти одинокимъ въ области строго

научнаго изученія Византіи. Имѣя за собою пятидесятилѣтній періодъ дѣятельности на излюбленномъ поприщѣ и почти изнемогая предъ громадностью начатыхъ и не доконченныхъ трудовъ, Тафель въ одномъ изъ засѣданій Вѣнской академіи наукъ, въ весьма живой и прочувствованной рѣчи, изложилъ свой взглядъ на важность, методъ и цѣль византійскихъ занятій, взглядъ, развитый потомъ въ предисловіи къ напечатанной имъ въ 1852 книгѣ: „Комнины и Норманны" [1]. Читатель не посѣтуетъ на насъ за нѣсколько длинныя выписки изъ Тафеля, авторитета первостепенной важности въ византійскихъ занятіяхъ:

„Къ спеціальному изученію загадочной Византіи привелъ меня стародорическій поэтъ Пиндаръ, въ теченіе многихъ лѣтъ удерживавшій на себѣ мою полную литературную любовь. Такъ нашелъ я, какъ извѣстно, въ одной Базельской рукописи давно отыскиваемое введеніе ученаго коментатора Гомера, Евстаѳія Солунскаго. Но въ той же самой рукописи находится такая масса другихъ поучительныхъ трактатовъ и извѣстій о состояніи Греческой церкви и многихъ монастырей ея, также о концѣ эпохи Комниновъ и о послѣднемъ походѣ Сицилійскихъ Норманновъ на Константинополь въ 1185 г., что я нашелъ себя вынужденнымъ все это издать въ 1832 г. съ приложеніемъ не напечатанныхъ трапезунтскихъ государственныхъ памятниковъ.

Съ этихъ поръ въ общихъ чертахъ вопросъ о занятіяхъ византійскою исторіей, какъ бы ни вести ихъ—въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, въ томъ или иномъ направленіи—былъ для меня рѣшенъ. Съ изученіемъ среднегреческаго богословія, въ особенности по отношенію къ монастырской жизни, я предпринялъ обработку статистики и географіи громадной имперіи, или лучше сказать, закладку перваго фундамента къ ней. Мнѣ казалось именно, что мы еще должны ожидать не просто истинно научной географіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, но также подобной работы о Византійскомъ государствѣ. Такъ я предпринялъ различныя монографіи (болѣе крупный трудъ начинать еще слишкомъ рано), изъ которыхъ, какъ на пробныя, можно указать пока на „De Thessalonica ejusque agro", „Via Romanorum militaris Egnatia", „Собраніе малыхъ византійскихъ географовъ" и другія въ томъ же родѣ. Эти и другіе сродственные труды для меня самого, по крайней мѣрѣ, не пропали даромъ. Я почувствовалъ необходимость искать

---

[1]) *Tafel*, Komnenen und Normannen. Ulm, 1852.

дальнѣйшей поддержки въ латинскомъ западѣ среднихъ вѣковъ, и пользуясь совѣтомъ и помощью друга, я нашелъ возможнымъ засвѣтить нѣкоторыя части венеціанской исторіи для проясненія все еще довольно спутанной византійской исторіи и географіи. Я желалъ дать о томъ свидѣтельство напечатанными въ 1849 г. въ Запискахъ Мюнхенской академіи наукъ моими „Symbolae criticae, geographiam Byzantinam spectantes",—двумя трактатами, освѣщенными главнѣйше изъ венеціанскихъ источниковъ: первый есть торговый договоръ Венеціи съ Греческимъ императоромъ отъ 1199 года, второй—завоеваніе Константинополя Латинянами въ 1204 г. и раздѣлъ имперіи между побѣдителями. Съ того времени созрѣла у меня давнишняя мысль сдѣлать по вѣнскимъ и другимъ рукописямъ сборникъ источниковъ исторіи Византіи, въ томъ предположеніи, что высокая императорская академія наукъ благоволитъ всѣми мѣрами дѣятельно поддержать это предпріятіе, и что (работа будетъ тяжелая и обширная) найдется молодой другъ мнѣ и этимъ занятіямъ, который вмѣстѣ со мною возьметъ на плечи это бремя и рѣшится дать мнѣ слово, когда я здѣсь не буду больше работать (я родился въ 1787 г.) довести честно мною начатое предпріятіе до такого конца, какого имѣетъ право ожидать академія наукъ. Изъ этихъ двухъ предположеній второе съ помощію Божіею уже осуществилось, такъ какъ мой давнишній и испытанный другъ, присутствующій здѣсь мюнхенскій академикъ Томасъ, согласился быть моимъ сотрудникомъ, если исполнится второе предположеніе о поддержкѣ предпріятія высокою академіей наукъ. Объ этой-то помощи мы оба имѣемъ честь покорнѣйше просить" [1]).

Въ той же самой рѣчи и съ большею еще силой въ послѣдующихъ произведеніяхъ Тафель раскрывалъ недостатки Боннскаго изданія Византійцевъ: благородная рѣшимость, равносильная героизму въ устахъ того, кто „съ живѣйшимъ участіемъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ слѣдилъ за развитіемъ этого предпріятія". Благодушно оправдывая весьма существенныя опущенія въ этомъ изданіи тѣмъ, что оно, относительно средствъ, осталось частнымъ предпріятіемъ, Тафель ставитъ затѣмъ свои desiderata, которымъ удовлетворить могутъ лишь правительственныя учрежденія и коллективныя силы ученыхъ обществъ: „Я причисляю сюда въ особенности богатое собраніе писемъ и другихъ сочиненій высокопоставленныхъ мужей времени

---

[1]) *Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, Phil.-histor. Cl., October, SS. 167—209, Wien 1850.

Комниновъ, которыя находятся въ Эскуріалѣ, и мелкія сочиненія брата Никиты, Аѳинскаго митрополита Михаила, изъ времени династіи Ангеловъ и Никейскихъ императоровъ (во Флоренціи)" [1]).

Въ виду болѣе цѣнныхъ, доступныхъ Тафелю, историческихъ матеріаловъ, византійскіе историки собственно не имѣли въ его глазахъ такого важнаго значенія, чтобъ изъ нихъ можно было созидать зданіе научной исторіи:

„Новая исторіографія Византіи, тысячелѣтней имперіи огромнаго протяженія и разнообразныхъ особенностей, строилась доселѣ только на незначительномъ числѣ собственныхъ историковъ, изъ которыхъ весьма немногіе, какъ извѣстно, позволяютъ намъ проникнуть во внутреннюю жизнь того періода. Почему же не восполняется опущенное тамъ изъ другихъ готовыхъ источниковъ? Добрая доля моихъ, именно сюда относящихся занятій, частью дѣйствительно основывается, частью поддерживается чаяніемъ такихъ литературныхъ сокровищъ, которыхъ полное открытіе, превышая силы одного человѣка, съ довѣріемъ ожидаетъ просвѣщеннаго содѣйствія одной изъ старыхъ или новыхъ ученыхъ корпорацій Европы, которыя не чужды такимъ занятіямъ [2]).

„Противъ бѣдности византійскихъ историковъ въ значительной мѣрѣ можетъ служить богатый запасъ другихъ современныхъ произведеній, изъ которыхъ доселѣ опубликованы весьма немногія. Таковы почти безчисленныя рѣчи на разные случаи, письма и записки, которыми муза византійской исторіи разрѣшилась, такъ сказать, на службѣ риторики. Большая часть этихъ сочиненій имѣетъ офиціальный характеръ: сюда мы причисляемъ торжественныя слова къ императорамъ, рѣчи на память умершихъ императоровъ и патріарховъ, административныя записки многихъ высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ можно извлекать богатыя детали именъ и вещей для біографіи, хронологіи, географіи и топографіи, финансоваго хозяйства, церковной статистики и аграрныхъ отношеній. Ибо нельзя думать, что подъ деспотическимъ образомъ правленія Византійскихъ императоровъ погибла вся древняя общественная жизнь. Лучшее качество Еллиновъ—краснорѣчіе—не погасло и у ихъ дорійско-македонскихъ колонистовъ на Босфорѣ... Честь и слава сословію высшаго духовенства, въ которомъ еще съ большимъ правомъ, чѣмъ въ духовенствѣ романскаго

[1]) Ibid., S. 175.

[2]) *Tafel*, Komnenen und Normannen, S. XII.

и германскаго запада, должно признать спасителя и носителя высшаго образованія въ языкѣ и литературѣ [1])!"

Указавъ на важнѣйшіе сборники произведеній византійской письменности, которые въ настоящее время частію уже изданы, частію же стали болѣе извѣстны по описаніямъ [2]) и по указаніямъ на ихъ содержаніе, Тафель переходитъ къ сочиненіямъ того писателя, имя котораго поставлено въ заголовкѣ нашей статьи, при чемъ онъ предоставляетъ слово Адольфу Еллиссену, написавшему въ 1846 г. монографію объ Михаилѣ Акоминатѣ [3]). Мы повторимъ здѣсь ихъ слова, хотя дѣйствительныя литературныя достоинства нашего писателя и представляемый его произведеніями историческій матеріалъ несравненно цѣннѣе и плодотворнѣе для будущей обработки византійской исторіи, чѣмъ это предполагали Тафель и Еллиссенъ по немногимъ извѣстнымъ имъ произведеніямъ М. Акомината [4]):

„Изъ немногихъ, изданныхъ Тафелемъ, прозаическихъ сочиненій Михаила доносится до насъ въ греческихъ звукахъ лишь начало его безнадежныхъ жалобъ на глубокій упадокъ Аѳинъ. И какъ заслуживали бы и другія произведенія, въ которыхъ онъ засвидѣтельствовалъ, быть можетъ, рѣшительнѣе, чѣмъ въ напечатанныхъ доселѣ, что въ его время еще не угасла послѣдняя искра старо-аттическаго генія, увидѣть свѣтъ въ эту эпоху, когда столь горячо любимый и столь горько оплакиваемый имъ городъ снова, какъ въ дни Пиндара, начинаетъ становиться фундаментомъ Эллады. Безъ основанія воображаютъ, что бесѣдами Михаила и другими произведеніями богословскаго содержанія безъ особенной пользы увеличится и безъ того уже едва осиливаемый балластъ греческихъ отцовъ церкви. Для исторіи и характеристики такого народа, какъ средневѣковые Греки, у котораго именно церковь и догма были главными элементами политической и духовной жизни, относящіяся сюда произведенія передовыхъ

---

[1]) Ibid., S. VII—VIII.

[2]) Codex Masarineus Національной библіотеки въ Парижѣ, описанный въ Catalogus Biblioth. Regiae, II, p. 237—240; cod. Baroccianus № 131 въ Оксфордѣ; cod. Scorialensis въ Эскуріалѣ въ *Mader*, De Bibliothecis atque archiuis, ed. II, Helmst. 1702, также *Miller*, Manuscrits de l' Escurial, Paris 1849, p. 200—218.

[3]) *Ellissen*, Michael Akominatos von Chonä, Erzbischof von Athen. Göttingen, 1846.

[4]) *Tafel*, Komnenen und Normannen, S. XI: Im Uebrigen unterschreiben wir gerne, was Herr Ellissen in seiner Vorrede über das Wünschenswerthe einer vollständigen Herausgabe dieser nicht im mindesten voluminösen Schriften äussert.

умовъ ихъ имѣютъ громадную важность, и cum grano salis предпринятое извлеченіе изъ волюминозныхъ трудовъ Евсевія, Василія, Григорія Назіанзина и др. было бы въ этомъ отношеніи не менѣе желательно, какъ полное изданіе немногихъ богословскихъ произведеній такого героическаго борца за вѣру, какимъ былъ архіепископъ Михаилъ" [1]).

Въ смыслѣ оцѣнки произведеній Михаила Акомината приведенное мѣсто весьма слабо. Справедливѣе будетъ отнести къ нимъ то, что Тафель говоритъ вообще о произведеніяхъ византійской письменности, восполняющихъ бѣдность собственно историковъ: изъ произведеній М. Акомината, между которыми собственно богословскихъ незначительное меньшинство, можно извлекать богатыя детали именъ и вещей для біографіи, географіи, финансоваго хозяйства, администраціи и аграрныхъ отношеній Византіи. Мы желали бы указать на тѣ факты произведеній М. Акомината, которые, въ соединеніи съ другими источниками, по видимому, не оставляютъ болѣе мѣста выраженію: „загадочная Византія".

Михаилъ Акоминатъ, родной братъ историка Никиты Акомината, относится къ числу немногихъ писателей и важныхъ общественныхъ дѣятелей Византіи конца XII и начала XIII вв. Среди извѣстныхъ именъ—Евстаѳія Солунскаго, Михаила Пселла, Ѳ. Продрома, Никиты Акомината, патріарховъ Ѳеодосія и М. Авторіана и епископа Новыхъ Патръ Евѳимія, М. Акоминатъ долженъ занимать ближайшее за Евстаѳіемъ мѣсто. Плеяда названныхъ именъ въ большей или меньшей мѣрѣ зависитъ отъ литературной школы Евстаѳія, въ которой М. Акоминату принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. Ближайшія задачи историческаго и литературнаго изученія Византіи XII вѣка безспорно опредѣляются сочиненіями и дѣятельностію названныхъ лицъ. О М. Акоминатѣ указанная монографія Еллиссена появилась еще въ 1846 г. въ Геттингенѣ; на русскомъ языкѣ біографическія свѣдѣнія можно находить въ сочиненіи: „Византійскій писатель Н. Акоминатъ изъ Хонъ", написанномъ авторомъ этой статьи.

До сихъ поръ извѣстны два рукописные сборника сочиненій М. Акомината: Codex Baroccianus, въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Бодлея, и Codex Laurentianus во Флоренціи, въ библіотекѣ Лаврентія Медичи. Часть сочиненій М. Акомината была ужь издана и оказала вліяніе на обработку византійской исторіи соотвѣтствующаго періода, другая

---

[1]) *Ellissen*, VII—VIII; Tafel, XI—XII.

же, несравненно большая часть, остается въ рукописяхъ. Во время занятій за границей я имѣлъ случай познакомиться съ молодымъ ученымъ Грекомъ г. Ламиросомъ, который приготовляетъ къ изданію не изданныя еще рѣчи и письма М. Акомината, имѣющія дѣйствительно первостепенную важность для исторіи Аѳинъ [1]). Ближайшее ознакомленіе съ кодексами привело меня къ убѣжденію, что они неточно соотвѣтствуютъ одинъ другому: въ одномъ кодексѣ есть статьи, не оказывающіяся въ другомъ. Далѣе, не безъ основанія можно полагать, что въ Эскуріалѣ существуетъ если не полный кодексъ М. Акомината, то нѣкоторыя, и можетъ быть, не существующія въ другихъ сборникахъ его сочиненія. Во всякомъ случаѣ, нельзя ожидать, чтобы г. Ламиросъ скоро опубликовалъ сдѣланныя имъ копіи. Между тѣмъ не изданныя сочиненія М. Акомината по меньшей мѣрѣ могутъ вызвать рядъ новыхъ изысканій въ области византійской исторіи, преимущественно же по вопросамъ администраціи и внутренняго устройства имперіи. Говоримъ: по меньшей мѣрѣ, желая указать на свойство этого новаго источника: въ письмахъ и рѣчахъ, конечно, не рѣшаются факты, а только дѣлаются указанія на нихъ. За то здѣсь указываются реальные факты, имѣющіе значеніе въ современной жизни; пользуясь таковыми, изслѣдователь получаетъ возможность извлекать лучшее содержаніе изъ другихъ источниковъ. Мелкихъ сочиненій М. Акомината — писемъ, рѣчей, похвальныхъ словъ — всего насчитывается больше 200. Мы выдѣляемъ изъ нихъ, вопервыхъ — всѣ тѣ, которыя хоть разъ были напечатаны, вовторыхъ — тѣ, которыя имѣютъ очень тѣсный интересъ, личный или семейный. О первыхъ совсѣмъ не будемъ говорить, о вторыхъ сдѣлаемъ нѣсколько общихъ заключеній въ концѣ. Ограничиваясь только тѣми статьями, которыя отличаются историческимъ характеромъ, мы все же будемъ имѣть дѣло съ весьма разнообразнымъ и многосодер-

[1]) Г. Ламиросъ изъявлялъ желаніе предложить свои копіи Императорской Академіи наукъ для напечатанія ихъ въ С.-Петербургѣ и обращался съ письмомъ объ этомъ къ одному изъ нашихъ академиковъ, котораго ученые труды въ области древнерусской и византійской исторіи свидѣтельствуютъ о высокой важности, придаваемой имъ византійскимъ занятіямъ. Прежде чѣмъ приступить къ изданію, г. Ламиросъ нуждался еще въ денежныхъ средствахъ для путешествія въ Мадридъ и Вѣну, гдѣ предполагалъ предпринять еще поиски и сдѣлать нѣкоторыя провѣрки. Весьма можетъ быть, что это послѣднее обстоятельство было причиною того, что его предложеніе не было, на сколько мнѣ извѣстно, принято Академіей Наукъ.

жательнымъ матеріаломъ, который, для удобства, изложимъ въ отдѣльныхъ главахъ.

I. Сочиненія, имѣющія офиціальный характеръ: слова и рѣчи.

Первое мѣсто должно дать здѣсь привѣтственному слову М. Акомината къ аѳинской паствѣ: Εἰσβατήριον ὅτε πρώτως ταῖς 'Αθήναις ἐπέβη. Cod. Barocc. Fol. 136, cod. Laurent. Fol. 24. Начало: Τὸν μὲν δὴ προσήκοντα τῷ θεῷ χαριστήριον.

„Мы не перестанемъ благодарить Бога нынѣ и всегда за то, что Онъ позволилъ мнѣ и вамъ увидѣть другъ друга скорѣе, чѣмъ мы надѣялись и молились, и радостно насладиться взаимною любовію. Ваши веселыя лица, торжественная встрѣча и энтузіазмъ убѣдили меня, что моя любовь къ паствѣ уступаетъ въ превосходствѣ вашей любви къ своему пастырю. Итакъ, жребій мой возлюбленный, прекрасное наслѣдіе мое, я хочу привѣтствовать вступительною рѣчью Аѳинянъ, происшедшихъ отъ тѣхъ настоящихъ (туземныхъ) Аѳинянъ, которые ничему не отдаются такъ охотно, какъ новымъ рѣчамъ и слухамъ [1]). Правда, всесокрушающее время пресѣкло въ этомъ городѣ благородную и мудрую аттическую рѣчь, какъ тотъ безстыдный Ѳракіецъ, отрѣзавшій языкъ у Пандіоновой дочери, или заложившій уши Кипселиду хроническою глухотой, такъ что я могъ бы казаться новымъ вводителемъ письменъ не изъ Финикіи, конечно, но изъ другой страны [2]). Прежде, чѣмъ явиться въ Аѳины, я изучилъ мудрость свѣт-

---

[1]) προσδιαλέξομαι ὑμῖν τὰ εἰσιτήρια εἴτ' οὖν ἐμβατήρια, 'Αθηναίοις οὖσιν καὶ ἐξ 'Αθηνάιων αὐθιγενῶν, τῶν εἰς οὐδὲν ἕτερον εὐκαιρούντων ἢ λέγειν τε καὶ ἀκούειν καινότερον.

[2]) Εἴπερ μὴ ὁ πάντα καινοτομῶν καὶ ὑποφθείρων χρόνος τῆς πόλεως τὴν ἀττικὴν φωνὴν, τὴν εὐγενῆ, τὴν σοφὴν, ὡς ὁ Θρᾷξ ἐκεῖνος ὁ ἀσελγὴς τῆς Πανδιονίδος κόρης τὴν γλῶτταν ἀπέτεμεν, ἢ τὰ ὦτα Κυψελίδι χρονίας ἀμουσίας ἀπέβυσεν, κἀντεῦθεν εἰ καὶ μὴ ἐκ Φοινίκης ἀλλ' ἑτέρωθεν γοῦν δόξω κομίζειν τὰ γράμματα. Легендарная исторія Грецін даетъ богатый матеріалъ образовъ и сравненій нашему писателю. Всякій разъ, говоря о паденіи въ Аѳинахъ аттическаго языка, онъ вспоминаетъ сказаніе о дочери Пандіона. У этого царя было двѣ дочери, Прокна и Филомила. Въ благодарность за помощь, полученную отъ ѳракійскаго царя Тирея, Пандіонъ отдалъ за него дочь свою Прокну. Прекрасная Филомила, посѣтившая свою сестру, внушила непреодолимую страсть варвару—Ѳракійцу, который изнасиловалъ ее и отправилъ въ отдаленную пастушескую хижину, отрѣзавъ ей языкъ, дабы пресѣчь возможность раскрытія истины.... см. *Grote*, History of Greece, New-York, 1865, I, p. 196 — 197. Сказанія о Кипселидахъ, ibid., III p. 40—43, о Кадмѣ I, p. 257 и слѣд.

скую и духовную, но не назвалъ бы себя счастливымъ на этомъ священномъ тронѣ, какъ борца, прежде, чѣмъ онъ одержитъ верхъ въ состязаніи и получитъ вѣнокъ, хотя нѣкоторые и привѣтствовали меня съ каѳедрой знаменитыхъ и золотыхъ Аѳинъ. Я не молодъ и не юнѣйшій изъ всѣхъ братьевъ моихъ. Отъ юношескаго возраста я былъ горячій любитель мудрости, ради которой оставилъ отечество, и подобно блаженному Іакову, много потрудился на чужбинѣ [1]). Когда, оставивъ книги, я привязался къ величайшему архипастырю, какъ Климентъ къ Петру или Тимоѳей къ Павлу, что и говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ подвергался онъ ради церкви, избранный на сіе Богомъ, какъ борецъ за истину и союзникъ правды [2]). Онъ былъ какъ скала несокрушимая, которую обуревали сильные вѣтры, и которой грозили бурныя волны. Въ это время и я не могъ укрыться отъ бѣдствій непогоды; шумящія волны доставали меня и на верху той скалы. Онъ, какъ добрый пастырь, неусыпно держалъ ночную стражу, полагая душу свою за стадо, я же бодрствовалъ вмѣстѣ съ нимъ на стражѣ, какъ благородный щенокъ, котораго пастухъ въ опасности поощряетъ звуками рожка [3]). Вслѣдствіе того мое положеніе при константинопольской каѳедрѣ было почетное, и не потаю истины, мои обстоятельства были выше моей скромной доли [4]). Цареградъ обладаетъ однимъ удивительнымъ и прекраснымъ качествомъ: онъ пи-

---

[1]) ὡς οὔτε τηλύγετος ἐγὼ καὶ ὑστερότοκος πάντων τῶν ἀδελφῶν μου.... Σοφίας γὰρ ἦν ἐραστὴς ἐκ μειρακίου θερμὸς, καὶ διὰ ταύτην λειπόπατρις, καὶ κατὰ τὸν μακάριον Ἰακὼβ πολλὰ πεπονηκὼς ἐπ' ἀλλοδαπῆς, καὶ πλείστους πόνους ἕδνα καταβαλλόμενος, ὡς μὴ τῶν παιδικῶν ἀτυχήσω ἀλλὰ τὸ ποθούμενον κάλλος ἁρμόσομαι.

[2]) Ἐπεὶ δ' ἐκ τῶν βιβλίων ἀποσπὰσθεὶς προσελήφθην τῷ μεγίστῳ ποιμενάρχῃ ὡς Πέτρῳ Κλήμεντης καὶ Παύλῳ Τιμοθέος, τί χρῆ καὶ λέγειν καὶ τοὺς ἐνταῦθᾶ κινδύνους, οὓς ἐκεῖνος μὲν κατὰ πᾶσαν ἀνάγκην ὑπὲρ τῆς ἐκκλησίας ὑφίστατο, εἰς τοῦτο παρὰ θεοῦ κατὰ καιρὸν ἐκλεγεὶς καὶ ταχθεὶς πρόμαχος ἀληθείας καὶ τοῦ δικαίου σύμμαχος· παραπήλαιον δὲ ὅμως καὶ αὐτοῦ τοῦ προσπίπτοντος κλυδῶνος, ὅσα καὶ μεγάλης ναυαγούσης ὁλκάδος μικρὸν ἐφόλκιον

[3]) Ἐκεῖνος ἦν ὡς προβλὴς ὁ ἀτίνακτος, ᾧ οὔποτε παντοῖοι ἐπέλιπον ἄνεμοι, κῦμα δὲ ἄλλῳ ἐπ' ἄλλῳ προσήρρασσε. Πλὴν ἀλλ' οὐδ' αὐτὸς ἐφυλαττόμην ἐπίπαν ἀχείμαστος· ἀλλὰ παρὰ τῷ προβλῆτι ἑστῶτα εἰσὶ ἃ κἀμὲ προσέκλυσαν ῥόθιαι. Ἐκεῖνος ἦν ὁ ποιμὴν ὁ καλὸς νυκτὸς φυλάσσων φυλακὰς ἄγρυπνος, καὶ τὴν ψυχὴν ὑπὲρ τῆς ποίμνης τιθέμενος· ἐγὼ δὲ, ἀλλ' οὐδ' αὐτὸς ἠπλωμενος ἐκτάδην ἔρεγχον, ἀλλ' ἐπηγρύπνουν (ἐπηγρύπνως) προσπολεμῶν, ὡς εἴ τις εὐγενὴς σκύλαξ τοῦ ποιμένος κατὰ τῶν ἐπιβούλων ἐπιθωύξοντος.

[4]) Ὅθεν οὐδ' ἀτιμοτέρας τύχης ὑπῆρχον παρὰ τῇ Κωνσταντίνου, οὐδ' ἄλλως ἔγκαιρος αἴσῃ ταττόμενος, ἀλλ' εἰρήσεται γὰρ ἀνεπιφθόνως τ' ἀληθὲς κρεῖττον ἢ κατὰ τύχην ἰδιωτικὴν ἐθαυμάζετο τὰ ἡμέτερα.

таетъ горячую любовь къ просвѣщенію и добродѣтели; и я не могъ остаться заброшеннымъ и не замѣченнымъ, прекрасная молва питала доброе обо мнѣ мнѣніе [1]). И нѣтъ причины удивляться, какъ нѣкоторой неожиданной странности, что меня избрали на эту высокую каѳедру. Но я самъ ни тогда не считалъ себя осчастливленнымъ этимъ назначеніемъ, ни теперь. И не потому, чтобъ я не цѣнилъ высоко благодать и представительство въ такомъ городѣ, или считалъ незначительнымъ сей учительскій и священный тронъ, или забывая свои слабости, преступно увлекался излишнимъ любочестіемъ. Не думайте такъ обо мнѣ. Я не такъ неопытенъ, чтобы не сознавать мои и общечеловѣческія слабости, и не такъ равнодушенъ къ вопросамъ истины, чтобы не разсудить и не понять, что̀ есть іерархія и какъ высоко ея достоинство... Да не возмутитъ кого мое слово. Я не знаю еще хорошо, истинныхъ ли, благородныхъ Аѳинянъ представителемъ я избранъ? Я еще не знаю, въ чистой ли вѣрѣ спасаются чистыя Аѳины? Тѣ же ли это древнія Аѳины, или только имя пресловутое? Правда, есть рѣшительные признаки: вотъ аллея (портикъ), стоя, вотъ акрополь, пирей; этотъ Димосѳеновъ фонарь убѣждалъ бы меня, что я вижу старыхъ Аѳинянъ, и вы, по видимому, еще носите запахъ его рабочей лампы [2]). Но не по этимъ качествамъ знамениты Аѳины и граждане Аѳинскіе, но по доблести и всякой мудрости, по тѣмъ качествамъ, въ которыхъ Аѳиняне отличались столько же отъ всѣхъ Еллиновъ, сколько Еллины отъ всѣхъ варваровъ. Я еще не узналъ, остаются ли въ Аѳинянахъ эти отеческія доблести; притомъ же издавна привыкъ думать, что не по внѣшнимъ качествамъ узнается блаженство человѣка, но по внутренней доблести и прекраснымъ дѣламъ".

Оставляя пока въ сторонѣ весьма любопытный вопросъ о состояніи Аѳинъ, который частію служитъ содержаніемъ приведенной нами рѣчи Михаила Акомината, попытаемся опредѣлить время, когда могла

---

[1]) Θαυμαστὴ γὰρ οὖσα καὶ φιλόκαλος ἡ τῶν πόλεων βασιλίς, δι' ὃν τρέφει θερμὸν ἔρωτα τοῦ τε λόγου καὶ τῆτ ἀρετῆς, οὐδὲ τοὺς καθ' ἡμᾶς ἔξω λόγου βάλλει καὶ θαύματος.... οὕτω γοῦν εὖ εἰδότες τὰ κατ' ἐμὲ ὅπως φήμῃ μὲν ἐπιαίνοντο καλλίστῃ ἀγαθῆς δ' ἐλπίδος ἐτρέφοντο πνεύμασι.

[2]) Ὅτι μηδὲ τὰς Ἀθήνας ἔτι μεμάθηκα καθαρὰς καθαρῶς σώζεσθαι. Εἶναί τε αὐτὰς τὰς ποτὲ καὶ μὴ ὄνομα μόνον ἄλλως θρυλλούμενον. Κἂν περιάγων τις δείκνυσιν ἐναργῆ γνωρίσματα· οὑτοσί μὲν ὁ περίπατος, αὕτη δὲ ἡ Στοὰ, ἡ δ' Ἀκρόπολις ἥδε, ὁ Πειραιεύς ἐστι αὖ 'ἐκεῖνος, ὃ δ' ὁ Δημοσθένους λύχνος πείθοι ἂν μὲ τοὺς πάλαί ποτε προφορᾶν Ἀθηναίους, οὐδ' ἂν τῶν ἐλλυχνίων αὐτοῦ πάντες ἀπόζοντες φαίνεσθε. Подобное же мѣсто встрѣтится ниже, гдѣ предлагается къ нему нѣсколько замѣчаній (Рѣчь къ претору Д. Дрими).

быть она сказана, и когда, слѣдовательно, нашъ писатель получилъ Аѳинскую каѳедру. Доселѣ принимаемый 1175 г. [1]), само собою разумѣется, не имѣетъ болѣе значенія, и то мѣсто рѣчи Михаила на смерть брата, которое, по видимому, оправдывало указаніе на этотъ годъ, въ сущности оказывается просто ораторскою фигурой [2]). Михаилъ Акоминатъ жилъ въ Константинополѣ до смерти царя Мануила (24-го сентября 1180 г.), былъ очевидцемъ и непосредственнымъ дѣятелемъ въ событіяхъ, послѣдовавшихъ въ столицѣ Византійской имперіи за смертью этого императора, и посвященъ въ епископы патріархомъ Ѳеодосіемъ при императорѣ Алексѣѣ II. Онъ прибылъ въ Аѳины еще ранѣе того времени, когда Андроникъ Комнинъ, въ октябрѣ 1183 года захватилъ императорскую власть. Посвященіе Михаила и прибытіе его въ Аѳины, по всей вѣроятности, нужно относить къ предшествующему 1182 г. Для насъ весьма важно установить эти даты, ибо свидѣтельство М. Акомината о событіяхъ ближайшихъ ко времени царя Мануила, получаетъ чрезъ то высшую передъ другими свидѣтельствами (Евстаѳія, Н. Акомината) авторитетность. Тотъ величайшій архипастырь, къ которому привязался Михаилъ, былъ несомнѣнно патріархъ Ѳеодосій I (1178—1183 гг.), честно исполнявшій долгъ пастыря церкви въ смутную эпоху борьбы партій и благородно защищавшій права наслѣдника престола противъ домогательствъ Андроника. Привлекательный характеръ этого патріарха обрисованъ въ письмахъ М. Акомината, которыя позволятъ намъ также въ свое время опредѣлить и почтенную его дѣятельность. Сосланный Андроникомъ на островъ Теревинѳъ, Ѳеодосій нисколько не утратилъ уваженія своихъ друзей, которые теплымъ участіемъ облегчали его заточеніе [3]). Недавними открытіями, сдѣланными въ Аѳинахъ, приготовлено было частію разрѣшеніе хронологической проблемы вступленія М. Акомината на Аѳинскую каѳедру именно въ желаемомъ нами смыслѣ. Г. Питтака напечаталъ въ Археологической Эфимеридѣ [4]) надпи-

[1]) *Ellissen*, Michael Akominatos, S. 12.

[2]) *Migne*, Patrologiae Cursus Completus, 140, p. 1254: ἐμὲ δὲ τὸν ἐκεῖσε πεφυτευμένον τὰ πρῶτα δεκάδων ἐτῶν τριῶν καὶ ὑπερέκεινα.

[3]) Вотъ одно мѣсто изъ письма М. Акомината къ патріарху Ѳеодосію, бывшему уже въ ссылкѣ, которое ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній вопросъ объ отношеніяхъ между ними: παρηγοροίης δὲ καὶ γράφειν τὸν σὸν Τιμόθεον, αἱ σαὶ γὰρ χεῖρες ἐποίησάν με καὶ ἔπλασάν με, εἰ καὶ τῆς τοιαύτης πλάσεως καὶ εὐλογίας ἀναστρεφόμεθα.

[4]) Αρχαιολογικη Εφημερις, φυλ. 43, αριθμ. 2914 — 2993; ср. *Revue archéol.*, Juillet 1877, p. 55: σφραγὶς Ἀθηνῶν ποίμενος Γεωργίου.

си, изъ которыхъ видно, что въ 1182 г. умеръ въ Аѳинахъ митрополитъ Георгій Ксиръ, а въ 1190 г.—митрополитъ Георгій Бурза. Первая дата, такимъ образомъ, опредѣляетъ смерть предшественника М. Акомината на Аѳинской каѳедрѣ. Сопоставивъ же ее съ прямыми указаніями нашего писателя, что онъ находился еще въ Константинополѣ въ 1182 году, при торжественномъ вступленіи въ городъ Андроника, въ качествѣ защитника интересовъ малолѣтняго императора Алексѣя II (въ послѣдующихъ рѣчахъ найдемъ рѣшительныя на то доказательства), мы получимъ тотъ же годъ, какъ безспорную дату, для привѣтственной рѣчи М. Акомината къ аѳинской паствѣ [1]). Вторая надпись, упоминающая о смерти Георгія Бурзы въ 1190 г., не должна смущать насъ въ виду того обстоятельства, что Лекьенъ [2]) подъ 1156 г. называетъ Аѳинскаго митрополита того же имени. Весьма можетъ быть, что Г. Бурза, отставленный отъ должности, жилъ въ Аѳинахъ до 1190 года частнымъ человѣкомъ.

„Отъ юношескаго возраста я былъ горячій любитель мудрости, ради которой оставилъ отечество и много потрудился на чужбинѣ". Это мѣсто должно быть поставлено въ связь съ тѣмъ, что̀ говоритъ нашъ писатель о своихъ юношескихъ годахъ въ рѣчи на смерть брата Никиты. Такъ какъ названная рѣчь издана въ Патрологіи Миня чрезвычайно небрежно, то не будетъ излишне привести занимающее насъ мѣсто въ правильномъ чтеніи: Cod. Laurent. Fol. 117=Migne, 140, p. 1248... ἀδελφοῦ φιλτάτου καὶ φιλαδελφοτάτου, ἤδη δὲ καὶ διὰ λόγον τεχνωθέντος μοι καὶ ἀνακρασθέντος μοι σχέσει ἑτέρᾳ πολλαπλασίονι... πρεσβύτερος μὲν ἐγὼ. ὁ'δὲ μεθ' ἑτέρους ὁμογνίους καὶ πολλοστός. Κ'αμὲ μέν ὁ φιλόστοργος καί φιλολὸγος πάτὴρ ἐξ 'Ασίας εἰς Βυζάντιον κατ' ἔρωτα παιδεύσεως ἀπαγαγὼν ἤδη τῇ τῶν ἐφήβων ἡλικίᾳ προβαίνοντα, διατριβαῖς διδασκόντων τήν τε γραμματικὴν προπαίδειαν καὶ τὴν τοῦ ἐπικοῦ κύκλου χρηστομάθειαν παραδύδωσι. Μετά δὲ συχνὸν χρόνον κἀκεῖνον ἐννεατῆ που ἡλικίας ἄγοντα χρόνον, χερσὶ ταῖς ἐμαῖς φέρων παρέθετο... καί δεδάσκαλος [3]). Во-

---

[1]) Что Г. Ксиръ былъ предшественникомъ Михаила на аѳинской каѳедрѣ, объ этомъ находимъ свидѣтельство въ письмѣ послѣдняго къ сакелларію аѳинскому Фоке (cod. Laur. Fol. 36), который просилъ себѣ высшей должности у новоприбывшаго архіепископа: οὐ κατὰ λόγον τὸν εἰκότα δοκοῦσί σοι γενέσθαι τῶν ὀφφικίων αἱ σφραγῖδες ὡς εἴρηκας· παρεώραται γὰρ ὡς ὠήθης καὶ λόγος καὶ γῆρας καὶ βαθμὸς οἷς πᾶσιν αὐτὸς ἐγκαλλωπίζεσθαι μεγαλαυχεῖς, ὡς ἐκ τοῦ μακαρίτου Ξηροῦ μέχρι καὶ ἐ δεῦρο τὰς τῶν διακονιῶν ἐκμετρήσας ἁπάσας κλίμακας...

[2]) *Le Quien*, Oriens Christianus, II, 173.

[3]) Еще нѣкоторыя поправки къ той же рѣчи: *Migne*, p. 1249 A. 'Ηνίκα

обще текстъ Миноділ напечатанъ такъ дурно, что трудно пользоваться этимъ превосходнымъ произведеніемъ М. Акомината.

Мы сказали выше, что привѣтственная рѣчь къ аѳинской паствѣ относится къ 1182 г. Весьма небольшой періодъ времени отдѣляетъ ее отъ рѣчи, которая слѣдуетъ ниже.

2. Рѣчь къ претору Никифору Просуху, Προσφώνημα εἰς τὸν πράιτορα κῦρ Νικήφορον τὸν Προσούχ (ταῖς Ἀθήναις ἐπισταλέντα — cod. Laur."). [1]). Велики были наши грѣхи, тяжки и страданія. Господь попустилъ на насъ и другія казни и наслалъ на землю страшные зубы звѣрей, которые ненасытно пожирали цѣлые города, стирая съ моря и земли людей и всякія достоянія. Чего не замышлялъ противъ нихъ тотъ божественный и блаженнѣйшій императоръ, наслѣдовавшій недавно небесное царство, покинувъ сіе подземное: разумѣю отца нашего боговѣнчаннаго императора. Чего не предпринималъ онъ благороднаго и по истинѣ царскаго, какія посылалъ грамоты, какими угрозами и какими казнями не вооружался онъ [2])? Но ему не привелось одному на-чисто отсѣчь вновь нароставшія ужасныя головы. Нужно было явиться Іолаю [3]), естественному преемнику его царства: разумѣю того преемника, который прилагаетъ къ ранамъ шипящее желѣзо. По физическимъ свойствамъ онъ представляетъ отпечатокъ отеческихъ и истинно царскихъ прелестей и показываетъ въ себѣ, какъ въ прекрасномъ и прозрачномъ зеркалѣ, цѣлаго шелковичнаго червя (коконъ) въ не смѣняющееся царство. Глядя на него, можно

μέντοι... τὰ βασίλεια (вмѣсто напечатаннаго βασιλικά), διημειψάμεθα вмѣсто δ.. ψάμεθα, ἡμῶν вмѣсто ἡμ....; ibid B παρὰ διδασκάλων πρός вмѣсто περὶ διδασκάλων καὶ πρὸς, καὶ καθόσον τὸ τῆς ἡλικίας вмѣсто καθόσον ....κίας; ibid. C Ἀλλ' ἐπείπερ ἐν τῷ τῆς вмѣсто Ἀλλ' ἐπείπερ τῷδε τῆς, ἥντινα οὖν τὴν βαδιστέαν αὐτῷ вмѣсто ἦν.... αὐτῷ; ibid. Д Ἡ δὲ τύχη ἐπεφύη τῷ νεοθαλεῖ τῆς βασιλείας βλαστῷ вмѣсто ...νεοθαλῷ τὰς βασιλείας..., ὑπογραμματεῦσι вмѣсто ὑπογραμματοῦσι. p. 1250 A μισοπόνηρος ὑμόσε μὲν χωρεῖν вмѣсто μισοπόνηρος ὁ...., ἐνόμιζεν вм. ὁμίζεν, τοῖς γε εὐσεβεῖν вм. τοῖς γε ...σεβεῖν; ib. B αὐτομολεῖ вм. αὐτομολ..., μισεῖ ἀνόμων вм. μουσεῖα νόμων, φιλοπόνου ἀναλεγόμενος, ταῖς вм. φιλοπόνως ἀναλεγόμενος... αἷς, ἄλλην ἀρχὴν κοσμεῖν вм. ἄλλην ἀρχὴν κόσμου, и проч.

[1]) Начало: Τίς λαλήσει τὰς δυναστείας τοῦ κυρίου, ἀκουστὰς ποιήσει πάσας τὰς αἰνέσεις αὐτοῦ; Cod. Barocc. Fol. 150, Laurent. 30.

[2]) Καθ' ὧν τί μεν οὐκ ἀντεμηχανήσατο ὁ θειότατος ἐκεῖνος καὶ μακαριστότατος βασιλεύς, ὁ τὴν οὐρανίαν ἄρτι βασιλείαν κληρονομῶν μετὰ τὴν τῆς ὑπογείου ἀπόθεσιν, ὁ πατὴρ φημὶ τοῦ θεοστεφοῦς ἡμῶν αὐτοκράτορος; τί δ' οὐκ ἔδρασε γενναῖον καὶ τῷ ὄντι βασιλικόν; ποίοις οὐκ ἀπετύγισε γράμμασι, ποίαις ἀπειλαῖς ποίαις τιμωρίαις οὐκ ἐπεξῆλθεν ἀποτομώτερον.

[3]) Іолай старый товарищъ и племянникъ Иракла, см. *Grote*, I, p. 94.

воображать того небеснаго мужа и не сокрушаться совершеннымъ лишеніемъ таковаго царя; онъ устрояетъ руки на бой и персты свои на войну. Въ немъ развиваются истинныя царственныя качества подъ надзоромъ могущественнаго и величайшаго Комнина, втораго отца его и спасителя, и опекуна и стража. Тотъ оставилъ царство въ наслѣдіе своему сыну, этотъ сберегъ унаслѣдованное имъ царство: знакъ одинаковой заботливости и любви—завѣщать благо и завѣщанное соблюсти и сохранить [1]). Тотъ вслѣдствіе естественной смерти перенесъ императорскую власть на своего сына, этотъ подвергается безчисленнымъ смертямъ, держа власть и отстраняя всѣ тревоги, подобно матери, которая прогоняетъ мухъ отъ милаго сына, когда онъ предается сладкому сну. Такъ-то царелюбивъ и преданъ Ромеямъ золотой локонъ Комниновъ, великій Андроникъ [2]). Посему Богъ, проведши его чрезъ огонь и воду несказанныхъ испытаній, сохранилъ въ немъ нашъ и царевъ покой. Онъ не далъ еще сна глазамъ своимъ и дреманія вѣкамъ, то ратуя за обуреваемое царство, то озабочиваясь участью римскихъ городовъ.

Вся имперія наслаждается величайшими общественными благами, пользуемся и мы отмѣннымъ и особеннымъ счастіемъ, то-есть, выборомъ и назначеніемъ сюда во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго мужа. Ибо эта мысль не иному кому принадлежитъ, какъ общему ходатаю и заступнику, дальновидному Комнину, гуманное же и высокое осуществленіе ея есть дѣло божественнаго нашего императора: тому и другому мы обязаны благодарностью и благожеланіями. Они возвратили прежній блескъ преторской власти, издавна искаженной нерадѣніемъ тѣхъ, которые неправильно ею пользовались, и поручили ее лучшему изъ людей, вѣрному Богу и царю. Ты посланъ сюда отъ Бога и императора, благодѣтель бѣдныхъ, пресѣкатель неправды, устроитель справедливости, носитель праваго суда, мститель обиды. Таковымъ спасителемъ желали тебя найдти, блистательнѣйшій и справедливѣйшій изъ людей, страждующіе города Эллады и Пелопонниса.

[1]) ... παρὰ τοῦ μεγαλουργοῦ καὶ μεγίστου τῷ ὄντι Κομνηνοῦ, τοῦ δευτέρου πατρὸς τούτου καὶ σωτῆρος καὶ κηδεμόνος καὶ φύλακος. Ἐκεῖνος τῷ βασιλεῖ καὶ παιδὶ τὴν βασιλείαν ἐκληροδότησεν, οὗτο αὐτῷ κληροδοτηθεῖσαν ταύτην περιεσώσατο· ἴσης δὲ προμηθείας καὶ φιλοστοργίας δοῦναί τε τὸ ἀγαθὸν καὶ δοθὲν φυλάξαι καὶ περισώσασθαι. Κἀκεῖνος μὲν ἅπαξ τῷ χρεὼν λειτουργήσας τὴν αὐτοκρατορίαν εἰς τὸν υἱὸν διεβίβασεν....

[2]) Οὕτω φιλοβασιλεὺς καὶ φιλορρώμαιός ἐστιν ὁ τῶν Κομνηνῶν χρυσοῦς βόστρυχος ὁ μέγας Ἀνδρόνικος.

Не столько спокойная гавань пріятна для мореплавателей, не столько отрадна для утомленнаго путешественника тѣнь дерева и ручей воды, сколько вождельнно и спасительно городамъ твое здѣсь присутствіе. Ибо издавна убѣдились, что ты кротокъ съ бѣдными, страшенъ же любостяжателямъ, что ты помощникъ угнетенныхъ и врагъ насильниковъ, милостивъ съ добрыми и неумолимъ со злодѣями, не склоняешь ни направо, ни влѣво вѣсы Θемиды, носишь чистыя и неоскверненныя взятками руки. Мы знаемъ, какъ любишь ты домы Божіи, какъ почитаешь священныхъ служителей, ибо ты не поревновалъ тѣмъ, которые устами чтутъ Бога, сердцемъ же отстоятъ далеко. Таковымъ зная тебя, мы взираемъ на твое пришествіе, какъ на второе явленіе на землю Бога. Идите же всѣ города, составимъ общій хоръ и воздадимъ благодареніе Богу, явившему на насъ чудеса свои. Примѣненіе пророчества Іезекіиля, Даніила (о костяхъ) [1]). Тѣ страшныя бѣдствія, въ которыя впала Еллада, и отъ которыхъ она чуть не умерла, исчезнутъ при содѣйствіи такого врача: ибо хорошо наточенъ мечъ воздаянія этого мужа. Онъ не пощадитъ зараженные члены больнаго, чтобы не распространилась гангрена и не поразила все тѣло городовъ. Онъ ослабитъ вымогательства сборщиковъ податей и не доведетъ города до конечнаго раззоренія. Такъ онъ возстановитъ ихъ еще въ лучшемъ видѣ, чѣмъ Амфіонъ [2]). Я увѣренъ, что такимъ благомъ насладится вся Эллада и средній Аргосъ, въ особенности же моя Аттика и золотой нѣкогда городъ Аѳины, который принимаетъ тебя, какъ даръ Божій и совершенный. Ибо знаетъ, что и море укротишь, и спасешь отъ опасности, и усмиришь пламя огня. Этотъ городъ, нѣкогда превосходившій всѣ другіе и блиставшій, какъ луна среди окружающихъ ее звѣздъ, нынѣ же померкшій, одѣтый въ печальное платье и лишенный золотыхъ волосъ, поручилъ мнѣ передать тебѣ слѣдующее: „Какъ благовременно ты пришелъ ко мнѣ, мой освободитель и разрѣшитель моихъ несчастій! Взгляни

---

[1]) καὶ λέοντες τὰς μύλας συνθλῶνται, ἵνα μηκέτι δύναιντο ἁρπάζειν πτωχὸν ἐν τῷ ἑλκύειν αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ εἴ τις μυρμηκολέων παρὰ τὸ μὴ ἔχειν βορὰν ὤλετο.

[2]) Ἔτι γέ μην ὡς μουσικὸς σοφὸς τὴν παρὰ τῶν πρακτόρων γενομένην ἐπίτασιν ὑποχαλάσει μὴ καὶ ῥῆξιν τῶν πόλεων ἐργάσηται παντελῆ· οὕτω τε ταύτας ἀνοικομήσει πολλῷ τοῦ Ἀμφίονος ἄμεινον. Сага повѣствуетъ объ Амфіонѣ, что, наученный Меркуріемъ игрѣ на лирѣ, онъ воспользовался своимъ искусствомъ для укрѣпленія города Θивъ: подъ звуки его пѣсень поднимались сами собою камни и образовали стѣну. *Grote*, I, p. 264; ср. *Pauly*, Real-Encyclopädie. Stuttgardt 1864, I, s. 910.

на пресловутый городъ, какъ время сокрушило его, на покинутое же временемъ налегли разнообразныя бѣдствія, и осталось мѣстечко, почти необитаемое, которое узнають лишь по имени и священнымъ останкамъ [1]). И вотъ я жалкая, нѣкогда разсадникъ всякой мудрости и вождь добродѣтели, въ пѣшихъ и морскихъ бояхъ часто одерживавшая блистательныя побѣды, нынѣ удручена набѣгами пиратовъ на небольшихъ судахъ и грабежами въ приморскихъ селеніяхъ, и пью чашу отъ руки Господней и борюсь съ голодомъ, и жаждой и бѣдностью, такъ я несчастна у себя и жалка извнѣ. Извнѣ мечъ пирата угрожаетъ сдѣлать меня бездѣтной, внутри же объемлетъ меня ужасъ, какъ ту мать, у которой въ какой мѣрѣ умираютъ дѣти, въ той же слабѣютъ остальныя и развращаются, и портятся, какъ желѣзо отъ ржавчины [2]). Дай же руку падшей, помоги бѣдствующей, оживотвори умирающую". И я, жалкій пастырь, съ плачемъ Іереміи повергаю передъ тобою тѣ же самыя просьбы. Нечего увеличивать мольбу, не буду ссылаться на священные предметы и на достоинство сана. Излишне взывать о свѣтѣ къ солнцу и о теплѣ къ огню, какъ къ твоему великодушію о благотворительности".

Посольство претора Н. Просуха въ Аѳины падаетъ на кратковременный періодъ царствованія Алексѣя II. Есть возможность пріидти и къ точнѣйшимъ вычисленіямъ. Отъ сентября 1180 по май 1182 г. во главѣ думы бояръ, управлявшихъ имперіей за малолѣтствомъ царя Алексѣя, стоялъ вельможа — Алексѣй протосевастъ. Онъ возбудилъ противъ себя сильное недовольство въ высшихъ слояхъ византійскаго дворянства, которое, едва ли справедливо впрочемъ, приписывало ему замыселъ лишить власти и жизни царя Алексѣя. Агенты Андроника Комнина, слѣдившаго за расположеніемъ умовъ въ столицѣ изъ полученнаго имъ еще при Мануилѣ удѣла въ Пафлагоніи, волновали торговый и рабочій классъ Константинополя. Весной 1182 г. Андроникъ, съ небольшимъ отрядомъ Пафлагонцевъ, прибылъ въ Халкидонъ, на малоазійскомъ берегу Босфора и вступилъ въ переговоры съ недовольными правительствомъ дворянами, равно какъ завязалъ сношенія съ народною партіей, требовавшею политическихъ и эконо-

[1]) Ὁρᾷς μὲ τὴν θρυλλουμένην τῶν πόλεων, ὅπως ὁ μὲν χρόνος ἀνάλωσε, τοῖς δὲ λειψάνοις τοῦ χρόνου συνέπεθο κακία πολύτροπος, καὶ κατέλιπε χωρίον μικροῦ καὶ ἀοίκητον, ὀνόματι μόνῳ καὶ σεμνοῖς ἐρειπίοις γνωριζόμενον.

[2]) ...ἣν ἔξωθεν μὲν ἀτεκνοῖ πειρατικὴ μάχαιρα, ἐκ δὲ τῶν ταμιείων μου φόβος ἧς ὅσῳ τὰ τέκνα ὀλιγοῦται, τοσούτῳ κακύνονται παρ' ἑαυτῶν ὅσα καὶ σίδηρος ὑπὸ ἰοῦ δαπανᾶται καὶ ὑποφθείρεται.

мическихъ реформъ. Въ угоду первымъ онъ лишилъ власти Алексѣя протосеваста, ставъ самъ во главѣ регентства; въ удовлетвореніе народной партіи—согласился на разореніе всего Латинскаго квартала въ Константинополѣ, въ которомъ въ довольствѣ и роскоши проживало до 60.000 иностранныхъ купцовъ. Отъ мая 1182 до сентября 1183 г. Андроникъ былъ регентомъ государства; къ этому времени относится назначеніе преторомъ въ Елладу Н. Просуха. И рѣчь М. Акомината, въ которой Андроникъ называется „вторымъ отцомъ, спасителемъ, опекуномъ и стражемъ" царя Алексѣя, съ бо̀льшимъ основаніемъ можетъ быть помѣчена первымъ, чѣмъ вторымъ годомъ.

Ораторская муза оказываетъ, дѣйствительно, величайшую услугу исторіи. Произведенія, съ которыми мы имѣемъ здѣсь дѣло, отличаются весьма цѣннымъ для насъ качествомъ — современностью. Если жалобы на вымогательство со стороны сборщиковъ податей, на лихоимство судей и на конечное раззореніе являются какъ бы общимъ мѣстомъ и неизмѣннымъ мотивомъ почти всѣхъ произведеній М. Акомината, имѣющихъ хотя въ малой степени офиціальное значеніе, то при достаточномъ вниманіи нельзя не различать въ нихъ намековъ и указаній на такіе факты, которые обязаны своимъ происхожденіемъ особеннымъ причинамъ, имѣющимъ свое мѣсто и свое время. Зубы звѣрей, ненасытно пожирающихъ цѣлые города, стирающихъ съ земли и моря людей и цѣлыя достоянія, противъ которыхъ, хотя безуспѣшно, вооружался уже императоръ Мануилъ, и отъ которыхъ врачуетъ шипящимъ желѣзомъ Алексѣй II, служатъ, по нашему мнѣнію, указаніемъ на одинъ изъ такихъ особенныхъ фактовъ. Едва ли идетъ здѣсь рѣчь объ обычныхъ набѣгахъ на береговыя селенія морскихъ разбойниковъ — бѣдствіе, которое губило страну съ такимъ же постоянствомъ, какъ дурная система управленія и взиманія податей, и на которое встрѣчаются указанія въ напечатанныхъ источникахъ. Морскіе разбойники пріобрѣтали иногда такую силу, что византійское правительство не стѣснялось вступать съ ними въ сдѣлку, выговаривая отъ нихъ или часть въ добычѣ, или обѣщаніе защищать отъ другихъ пиратовъ имперскія торговыя суда и береговыя селенія. Такъ, извѣстны милитскіе корсары, содержавшіе цѣлый крейсерскій флотъ на Средиземномъ морѣ [1]).

---

[1]) Имѣемъ въ виду одинъ любопытный документъ, который приведемъ ниже: Trinchera, Syllabus graecarum membranarum, Neapoli, 1865; p. 219; также Ὑπομνηστικὸν εἰς τὸν βασιλέα κῦρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν—произведеніе М. Акомината,

М. Акоминатъ въ началѣ и въ концѣ рѣчи разумѣетъ незадолго передъ тѣмъ случившееся изгнаніе изъ столицы иностранцевъ и истребленіе всего латинскаго квартала. Значеніе этого роковаго для имперіи событія весьма мало выяснено историкомъ Никитой, который не остановился и на ближайшихъ его послѣдствіяхъ [1]). Здѣсь умѣстно повторить то, что̀ говоритъ объ изгнаніи латинянъ Евстаѳій Солунскій: „Тамъ посѣяны сѣмена, съ которыхъ мы и многіе другіе вмѣстѣ съ нами пожали на полѣ Персефоны полновѣсные колосья, ибо отсюда происходятъ наши настоящія бѣдствія" [2]). Не только съ этихъ поръ начинаютъ подготовляться Латиняне къ соединенному походу на Византію, не только отсюда нужно вести исторію норманскаго нашествія 1185 г. и латинскаго завоеванія Константинополя 1204 г.; но въ томъ же 1182 г. имперскія прибрежныя области съ разныхъ сторонъ стали опустошать то сами Латиняне, то подсылаемые ими крейсеры. Комментаріемъ къ разбираемой нами рѣчи лучше всего можетъ служить Вильгельмъ Тирскій [3]). Сказавъ о томъ, какъ Венеціянцы и другіе Латиняне отомстили Грекамъ, еще не выходя изъ Мраморнаго моря, онъ сообщаетъ слѣдующее о предпріятіяхъ на Средиземномъ морѣ: „Опустошая берега Ѳессаліи и дѣлая набѣги на города и мѣстечки приморскихъ провинцій, все предавая пожару и грабежу, они нанесли безчисленныя бѣдствія. Говорятъ, что около Хризополя, города македонскаго, они нашли ещё десять кораблей, и еще очень много въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ составился огромный флотъ, весьма страшный для Грековъ, назначенный на погибель имъ".

Назначеніе преторовъ въ провинціи съ обширными полномочіями военной и гражданской власти, какъ первый актъ административной дѣятельности Андроника, не могло не поселить добрыхъ надеждъ въ истинныхъ патріотахъ. Въ чемъ состояла реформа, произведенная въ этомъ отношеніи Андроникомъ, теперь еще трудно сказать. Но, имѣя

изданное *Тафелемъ*, De Thessalonica p. 462 и *Еллиссеномъ*, Michael Akominatos, s. 116.

[1]) Nicetas Acominatus, ed. Bonn. 326, 17.

[2]) De Thessalonica a Latinis capta, c. 28. Въ первый разъ издано *Тафелемъ*, Eustathii Opuscula въ 1832 г., перепечатано ap. *Migne*, Patrologia vol. 136. Приведенное мѣсто читается: Καὶ σπέρματα ἐκεῖνα προκαταβάλλονται, ἀφ' ὧν ἡμεῖς καὶ πολλοὶ ἕτεροι σὺν ἡμῖν τεθερίκαμεν λειμῶνος Περσεφόνης, οὕτω φάναι, δράγματα. Ἐκεῖθεν γὰρ ἡμῖν καθήκει τὰ παρόντα κακά.

[3]) *Migne*, Patrologiae Cursus completus, vol. 201, книга XXII, гл. 13 (p. 861).

въ виду съ одной стороны тѣ данныя, которыя недавно сообщены въ Revue archéologique [1]), а съ другой—совершенно новый матеріалъ, даваемый рѣчами М. Акомината, можно надѣяться прійдти къ довольно прочнымъ выводамъ, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и вообще въ пониманіи административной системы Византіи занимающаго насъ періода. Намъ желалось бы однако познакомить сначала съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который можно заимствовать у нашего писателя. Имя Просуха встрѣчается въ исторіи подъ 1144 и 1147 годами [2]). Въ письмахъ М. Акомината о Просухѣ упоминается два раза, именно въ письмахъ къ Д. Торнику [3]).

---

[1]) *Revue archéologique* 1877. Отмѣтимъ Sceaux ci Bulles des Comnènes (Février), въ особенности же Plombs Byzantins de la Grèce et du Péloponnèse (Mai и Juillet).

[2]) Nicetas, p. 71, 81; Cinnamus, p. 33, 71.

[3]) Cod. Laur., Fol. 49, 52. οὐ μεγάλά τινα καὶ ἐπιζήμια τῷ δημοσίῳ αἰτούμεθα, ἀλλὰ πρῶτον μὲν μὴ στέλλεσθαι εἰς 'Αθήνας ἀντιπραίτορα, ἀυτὸν δὲ τὸν πραίτορα κατὰ περιόδους ἐπιδημεῖν καὶ ὁσάκις δεήσειε, καθῶς ὁ θαυμάσιος Δριμὺς καὶ ὁ πρὸ αὐτοῦ Προσούχ.

Ѳ. Успенскій.

НОВѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА.

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ по исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО.)

I.

Имя г. Патеры, или какъ у насъ чаще выговариваютъ, Патéры давно уже пользуется въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ русскаго общества рѣдкою извѣстностью и популярностью. Едва ли еще кто другой между австрійскими Славянами имѣетъ такой обширный кругъ знакомства изъ Русскихъ. Кто изъ Русскихъ, бывавшихъ въ послѣдніе 15 лѣтъ въ Прагѣ, не знакомъ съ добрѣйшимъ, обязательнѣйшимъ Патерою? Кому изъ нашихъ туристовъ не давалъ онъ разныхъ полезныхъ указаній и совѣтовъ? Кому онъ не бывалъ полезенъ и часто незамѣнимъ, какъ добрый другъ и руководитель?

Быть можетъ, немногимъ русскимъ путешественникамъ, отлично узнавшимъ г. Патеру, какъ друга Русскихъ, также хорошо извѣстно, какъ извѣстно давно всѣмъ нашимъ и прочимъ славистамъ, что г. Патера обладаетъ разнообразными и глубокими свѣдѣніями въ славистикѣ, что онъ отличный библіографъ, самъ имѣетъ прекрасную библіотеку и усердно занятъ учеными изысканіями, особенно по древне-чешской словесности. Славистамъ давно уже было извѣстно о нѣкоторыхъ приготовляемыхъ имъ работахъ. Но годы проходили, и г. Патера ничего не печаталъ. Его славянскіе друзья внѣ Чехіи готовы уже иногда были согласиться съ отзывами нѣкоторыхъ изъ его бла-

гопріятелей, что онъ никогда ничего въ свѣтъ не издастъ и ничего не подаритъ ученому міру. Но опасеніямъ однихъ и предвѣщаніямъ другихъ, по счастью, не пришлось оправдаться. Онѣ были блистательно опровергнуты въ 1877—1878 годахъ, когда г. Патера послѣ долгаго молчанія явился въ ученый міръ съ тремя замѣчательными изслѣдованіями, которыя сразу завоевываютъ ему очень почтенное и видное мѣсто въ наукѣ славянской.

Das Buch der Prager Malerzeche (Kniha bratrstva malířského v Praze) 1348 — 1527. Vollständiger Text nebst einem kritischen Commentar zu der von Prof. Pangerl (u. Prof. Woltmann) veranstalteten Ausgabe dieses Buches im 13 Theile v. Eitelberger's „Sammlung von Quellenschriften f. Kunstgeschichte etc." Herausgegeben von Ad. Patera und Ferd. Tadra. Prag. 1878. 97 стр. въ 8-ку.

Изъ подробнаго заглавія этой книжки можно видѣть, что это изслѣдованіе критико-полемическое и вмѣстѣ съ тѣмъ палеографическое. Въ первой части (стр. 1—52) представленъ обстоятельный, мастерской и остроумный разборъ изданія профессора Пангерля, съ подробнымъ указаніемъ и разъясненіемъ всѣхъ надѣланныхъ издателемъ ошибокъ, а во второй части (стр. 55—97) напечатаны сначала описаніе рукописи (стр. 55—60), а затѣмъ латинскій, нѣмецкій и чешскій тексты весьма любопытнаго и важнаго памятника стариннаго чешскаго языка, городскаго быта и вообще чешской образованности XIV, XV и отчасти XVI вѣковъ. Какъ разборъ изданія Пангерля, такъ и это новое изданіе, одинаково свидѣтельствуетъ о строго-критическомъ направленіи и отличныхъ палеографическихъ знаніяхъ г. Патеры.

Въ Музейникѣ 1878 г. (svazek druhy) напечатана небольшая статья г. Патеры: „Píseň staročeská ze XIII století: Slovo do světa stvořené" (стр. 289—294). При малочисленности древнихъ чешскихъ памятниковъ, эта духовная пѣснь въ девять строкъ, XIII в., имѣетъ важное значеніе. Она важна еще, какъ третья духовная пѣснь на чешскомъ языкѣ. Первыя двѣ, давно уже извѣстныя, то-есть: „Hospodine pomiluj ny", и „Svatý Václave, vévodo české země", хотя, безъ сомнѣнія, гораздо древнѣе третьей, нынѣ найденной г. Патерою, за то дошли до насъ въ рукописяхъ XIV в. И эта маленькая статья г. Патеры составляетъ замѣчательный вкладъ въ науку. Какъ описаніе пергаменнаго сборника Капитульной библіотеки въ Прагѣ, такъ и изданіе найденной въ немъ упомянутой пѣсни, сдѣланы г. Патерою прекрасно. Фотографическій снимокъ этой пѣсни, какъ мы слышали, долженъ скоро выйдти въ свѣтъ.

Наконецъ, въ Музейникѣ 1877 г. явилось замѣчательное критико-палеографическое изслѣдованіе и новое изданіе чешскихъ глоссъ Mater Verborum. Тутъ г. Патера выступаетъ въ сотрудничествѣ съ г. Баумомъ, архитекторомъ и отличнымъ знатокомъ древне-чешскаго искусства. Средневѣковой латинскій словарь, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ, съ объясненіемъ словъ латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ, обыкновенно извѣстный подъ названіемъ Mater Verborum и Glossae Salomonis, представляетъ собою почтенное явленіе ранней средневѣковой учености. Составленный въ исходѣ IX в. монахами С.-Галленскаго монастыря, подъ покровительствомъ Констанцскаго епископа Саломона († 920 г.), словарь этотъ, характера энциклопедическаго, былъ очень уважаемъ въ средніе вѣка. Онъ извѣстенъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ, хотя и неодинаково полныхъ. Во многихъ изъ нихъ встрѣчаются уже значительныя добавки, например, нѣмецкія глоссы.

Въ Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ находится одинъ изъ этихъ списковъ. Превосходная рукопись XIII в. въ листъ, всего 242 лл., писанная въ три столбца, по 51 строкѣ, поступила въ музей при самомъ его образованіи изъ Брезницкой библіотеки графа Коловрата. Этотъ Пражскій списокъ между прочимъ замѣчателенъ своими миніатюрами и чешскими глоссами. Первое извѣстіе о нихъ было сообщено Ганкою и Палацкимъ въ Музейникѣ 1827 г., а затѣмъ онѣ были изданы Ганкою въ 1833 г. (Zbjrka nejdávnějších slovníků latinsko-českých). Вторично онѣ были изданы Шафарикомъ и Палацкимъ въ книгѣ, долгое время считавшейся классическою и имѣвшей, какъ увидимъ, весьма дурное вліяніе на развитіе науки (Die ältesten Denkmähler d. böhm. Sprache). О чешскихъ миніатюрахъ Mater Verborum писали: Воцель (Grundzüge d. böhm. Alterthumskunde 1845, Archeol. Blätter 1848, — Časop. Mus. 1852, Památky archeol. 1854, — Mittheil. d. K. K. Centralcommission zur Erforsch. u. Erhalt. d. Baudenkm. 1860) и Ваагенъ (Deutsch. Kunstblatt, 1850). Чешскій ученый Ганушъ писалъ о чешскихъ глоссахъ Mater Verborum, сравнилъ Пражскій списокъ съ старопечатнымъ экземпляромъ, указалъ первый на подскобленныя мѣста въ рукописи, но объяснилъ ихъ неправильно (Sitzungsber. d. k. böhm. Ges. 1865; Krok 1867). Въ 1877 году г. Баумъ представилъ новое археологическое описаніе миніатюръ Mater Verborum, а г. Патера — критико-палеографическое описаніе рукописи и изданіе чешскихъ глоссъ.

Эти мастерскія изслѣдованія гг. Баума и Патеры заслуживаютъ

большой извѣстности и благодарности всего ученаго міра. Безъ преувеличенія можно сказать, давно въ славистикѣ не появлялось труда съ такимъ громаднымъ значеніемъ. Искреннее и правдивое отношеніе къ нему и къ вытекающимъ изъ него заключеніямъ, вѣрная оцѣнка его научнаго значенія должны повлечь за собою коренное измѣненіе многихъ давно утвердившихся и сильно распространенныхъ воззрѣній на разныя стороны и явленія древне-славянской жизни, имѣютъ озарить новымъ правдивымъ свѣтомъ зарожденіе и развитіе новой славянской образованности въ Чехіи, съ ея сильными и слабыми сторонами, и раскроютъ и обличатъ существенные недостатки разныхъ научныхъ пріемовъ, почти исключительно господствовавшихъ и понынѣ далеко не вытѣсненныхъ изъ науки славянской и системы ея преподаванія.

Соединенный трудъ гг. Баума и Патеры есть по истинѣ явленіе капитальное, и какъ говорятъ Нѣмцы, составляетъ эпоху въ наукѣ. Чѣмъ болѣе такія явленія разъясняются критикою, тѣмъ лучше для науки. Въ виду этого кажется естественнымъ, извинительнымъ и мое скромное желаніе посильно раскрыть внутренній смыслъ такого важнаго труда и попытаться воспользоваться его новыми неожиданными и поучительными указаніями. Не надѣясь на однѣ мои собственныя силы, я воспользуюсь въ исполненіи моей задачи статьями двухъ извѣстныхъ славистовъ, профессоровъ И. И. Срезневскаго и И. С. Ягича, недавно высказавшихъ свои мнѣнія и замѣчанія о трудѣ г. Патеры. Приводя себѣ въ подтвержденіе то или другое ихъ замѣчаніе, я не считаю себѣ въ правѣ умолчать о ихъ мнѣніяхъ, съ моими несогласныхъ. Но выставляя это несогласіе, я признаю себя обязаннымъ, изъ уваженія къ достойнымъ ученымъ, не скрывать доводовъ и основаній, заставляющихъ меня отвергать или отстранять то или другое ихъ мнѣніе. Такимъ образомъ характеръ предстоящихъ замѣтокъ по преимуществу критическій и полемическій. Этотъ характеръ обозначится еще рѣзче, когда отъ чешскихъ глоссъ Mater Verborum я перейду къ другимъ чешскимъ памятникамъ, служившимъ уже не разъ предметомъ горячей полемики. Новый ихъ пересмотръ является рѣшительно обязательнымъ въ интерессахъ чистаго знанія. Онъ вызываетъ въ свою очередь много критическихъ и полемическихъ замѣчаній на мнѣнія и доводы разныхъ ученыхъ и писателей, какъ уже почившихъ, такъ и нынѣ благополучно подвизающихся. Не безъ сожалѣнія сознаю, что мои замѣтки могутъ на меня навлечь не мало гнѣва и неудовольствія. Мнѣ противно желаніе сердить ближняго и задѣвать

его самолюбіе изъ простаго злорадства, но гдѣ для уясненія дѣла и вопросовъ научныхъ потребуются замѣчанія, быть можетъ, не совсѣмъ пріятныя для чьего-либо самолюбія, я не затруднюсь ихъ высказать прямо и ясно. Извѣстная рѣзкость при этомъ неизбѣжна, такъ какъ иначе невозможна ясность и краткость, и понадобились бы различные подходы, полунамеки или многословныя описанія. Но первые претятъ чувству, а послѣднія путаютъ дѣло и вредятъ ясности изложенія.

II.

Миніатюры и чешскія глоссы Mater Verborum въ русской ученой литературѣ служили не разъ предметомъ особыхъ замѣчаній и частныхъ изслѣдованій. Первое краткое о нихъ извѣстіе сообщилъ въ 1840 г. проф. Прейсъ по поводу вышедшаго тогда въ свѣтъ труда Палацкаго и Шафарика: „Die ältesten Denkmähler der böhmischen Sprache". Прейсъ остановился при этомъ на филологической сторонѣ этого памятника. На его археологическое значеніе, со стороны миніатюръ, первый у насъ обратилъ вниманіе А. Н. Поповъ въ статьѣ „О древне-чешской живописи". Гораздо позже описывалъ ихъ и проф. Ѳ. И. Буслаевъ въ своей статьѣ: „Замѣтки изъ исторіи чешской живописи". И въ филологическомъ, и въ археологическомъ отношеніи особенное вниманіе посвятилъ этому памятнику проф. И. И. Срезневскій. По его внушенію и подъ его руководствомъ студентъ прежняго Педагогическаго института К. Скворцовъ составилъ весьма старательный и отчетливый трудъ, который и былъ напечатанъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Глоссы Mater Verborum", памятникъ чешской литературы XIII столѣтія, съ объясненіями и примѣчаніями Константина Скворцова (С.-Пб. 1853, стр. 153, въ 8-ку).

Самъ же И. И. Срезневскій напечаталъ въ I т. Извѣстій Имп. Арх. Общества (1857 г.) статью подъ заглавіемъ: „Mater Verborum Чешскаго музея" и при семъ приложилъ снимокъ съ перваго листа этой рукописи, полученный имъ отъ Ганки и изданный въ I т. чешскаго археологическаго изданія: „Památky". Эта статья посвящена собственно археологическому описанію приложеннаго снимка и филолого-миѳологическому объясненію находящейся на миніатюрѣ надписи Estas. Siva. Съ содержаніемъ этой статьи мы ознакомимся послѣ. Замѣтимъ только, что г. Патера говоритъ о ней: „Статья обнаруживаетъ великое знаніе дѣла; одно только жаль, что такъ коротка".

Въ статьѣ своей (1857 г.) И. И. Срезневскій далъ слѣдующій

отзывъ о трехъ прежнихъ изданіяхъ чешскихъ глоссъ Mater Verborum. Онѣ, говоритъ онъ,—„дали Пражскому списку С. Галленскаго словаря высокую цѣнность памятника письменности чешской, въ своемъ родѣ древнѣйшаго и во всякомъ случаѣ очень важнаго. Вотъ почему не разъ уже, то подъ именемъ Mater Verborum, то подъ именемъ глоссъ Вацерада, былъ онъ разсматриваемъ славянскими учеными, преимущественно въ филологическомъ отношенія, и не разъ уже былъ употребляемъ въ дѣло, какъ источникъ при археологическихъ изслѣдованіяхъ..... Обозначимъ здѣсь главныя описанія этого памятника, соединенныя съ выписками.

„— В. В. Ганки. Zbjrka neydawn. slown. Кромѣ библіографическаго описанія (стр. V — IX), тутъ помѣщено довольно обширное извлеченіе чешскихъ глоссъ въ порядкѣ подлинника (3—24).

„— П. Шафарика и Ф. Палацкаго Die ält. Denkm. Къ критическому описанію рукописи (стр. 205, 231—233) присоединено тутъ полное извлеченіе чешскихъ глоссъ въ словарномъ порядкѣ чешскомъ, что отчасти мѣшаетъ правильному разумѣнію значенія чешскихъ глоссъ и можетъ наводить, какъ и было, на неправильныя соображенія.

„— К. Скворцова. Критическій разборъ рукописи соединенъ съ обозрѣніемъ языка чешскихъ глоссъ; самыя глоссы разсмотрѣны по одиночкѣ въ порядкѣ азбуки церковно-славянской по древнему правописанію. Кое-какія неровности и ошибки молодаго автора не мѣшаютъ пользоваться этимъ изданіемъ и считать его лучшимъ изъ доселѣ бывшихъ — не по исполненію, а по мысли".

На одинъ изъ главныхъ недостатковъ труда г. Скворцова указалъ г. Патера. Г. Скворцовъ не только внесъ въ свое изданіе 13 нѣмецкихъ словъ, неправильно помѣщенныхъ у Шафарика между чешскими глоссами, но и отнесъ къ чешскимъ еще новыхъ 9 словъ, изъ коихъ 5 нѣмецкихъ и 1 еврейское, другое—греческое, третье—латинское слово, четвертое—глосса неясная, но во всякомъ случаѣ не славянская.

Другой недостатокъ изданія г. Скворцова заключается, по моему, въ церковно-славянскомъ облаченіи чешскихъ словъ. Не говорю противъ употребленія славянской азбуки и нашего, а не латинскаго азбучнаго порядка; но отрицаю пользу отчисленія чешскихъ словъ въ языкъ церковно-славянскій, — отчего не въ русскій, новый или древній, сербскій, польскій и т. д.? Отъ такого перечисленія церковно-славянскій словарь ни мало не обогащается, и непонятыя г. Скворцовымъ чешскія слова нисколько не уяснились. Что пользы въ томъ, что hrez

стоитъ подъ грѧзь, huba подъ гѫба, hudba подъ гѫдьба, dci подъ дъщи, meze подъ междѫ. Невѣрно же прочтенныя, совсѣмъ не понятыя или дурно истолкованныя слова dasne gingive, блана, сѫть, мосаждьнѣи, наваждѭчь, небождеждь, новица, ожденьци, оіепку, подъраждецъ, рысть risk и пр.) только напрасно плодятъ ошибки. Не только не отвергаю пользы, но признаю необходимымъ въ практическихъ упражненіяхъ съ слушателями предлагать имъ обращеніе словъ и формъ одного славянскаго нарѣчія въ соотвѣтственныя формы церковно-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій. Такія упражненія полезны для утвержденія въ памяти звуковыхъ и грамматическихъ особенностей разныхъ нарѣчій и для развитія въ юношахъ филологическаго чутья. Но изданіе древне-чешскихъ, древне-польскихъ текстовъ въ церковно-славянскомъ облаченіи (не въ одной транскрипціи, а напримѣръ, въ родѣ meze и междѫ, blazu—блажѫ и пр.) нельзя не считать дѣломъ совершенно напраснымъ и безполезнымъ. Въ этомъ отношеніи мысль и попытка г. Скворцова съ древне-чешскими глоссами Mater Verborum ничѣмъ не лучше и не раціональнѣе несчастной мысли Бѣлевскаго, издавшаго въ своемъ важномъ сборникѣ (Monumenta) Latopis Nestora съ юсами и пр. Бѣдный Бѣлевскій рѣшительно не подозрѣвалъ всей нелѣпости такого, напримѣръ, чтенія: „посълашѧ Вьсеволожѧѭ кънѧгинѭ и митрополита Николѫ къ Володимероу, глаголѭще“... На такомъ языкѣ не только во времена такъ-называемаго Нестора, но по всей вѣроятности, и никогда прежде не говорила ни одна славянская душа. Подобныя изданія нельзя не считать положительною фальшью, ученымъ противною, учащимся вредною. Въ этомъ отношеніи нельзя не считать правильнымъ изданіе чешскихъ глоссъ Шафарика „въ словарномъ порядкѣ чешскомъ“. Не понятно, почему этотъ порядокъ „отчасти мѣшаетъ правильному разумѣнію значенія чешскихъ глоссъ и можетъ наводить, какъ и было, на неправильныя соображенія“. При изданіи чешскихъ глоссъ этотъ порядокъ самый раціональный, и г. Патера въ своемъ прекрасномъ изданіи совершенно разумно принялъ тотъ же словарный порядокъ чешскій. Вовсе не этотъ порядокъ, а нѣчто совсѣмъ другое въ изданіи Шафарика можетъ наводить и наводило на неправильныя соображенія. Не одно изданіе чешскихъ глоссъ Mater Verborum, а все это, такъ долго считавшееся въ нашей наукѣ классическимъ, изданіе Палацкаго и Шафарика: Die ältesten Denkmähler der böhm. Sprache породило и развело множество самыхъ неправильныхъ соображеній, самыхъ печальныхъ ошибокъ и заблужденій. Пора же ска-

зать правду—трудно найдти, да и не найдется въ нашей наукѣ другаго изслѣдованія, второй книги, которая имѣла бы такое же вредное и дурное вліяніе. Но объ этомъ послѣ! Теперь же замѣчу, что юную работу г. Скворцова все же нельзя было и до труда г. Патеры ставить выше изданія Шафарика, такъ какъ трудъ Шафарика есть все же изданіе, хотя, какъ оказывается, и очень дурное, но все же изданіе палеографическое, непосредственно приготовленное съ рукописи, между тѣмъ какъ г. Скворцовъ только перепечаталъ изданіе Шафарика. Правда, погрѣшности Шафарика и г. Скворцова были неодинаковы: г. Скворцовъ не имѣлъ возможности видѣть рукопись, а потому естественно не могъ и замѣтить обличенныхъ г. Патерою поддѣлокъ, между тѣмъ какъ Шафарикъ и Палацкій видѣли и разсматривали рукопись, и не только въ ней ничего не хотѣли или не съумѣли замѣтить, но и съ раздраженіемъ напали на Копитара за „страсть подозрѣвать подлогъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ чешской литературы, открытыхъ въ новѣйшее время... Для насъ", говорили они,—„никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено, какъ могло произойдти то, чтобы какой-либо знатокъ въ рукописяхъ, человѣкъ въ полномъ умѣ и безпристрастный, видѣвшій и читавшій эту безцѣнную рукопись и глоссы, могъ вообразить себѣ, будто все это смастерилъ самъ Ганка и теперь смѣется себѣ исподтишка". Г. Скворцовъ привелъ эти возраженія Шафарика, и что̀ на нашъ взглядъ очень важно и что̀ приноситъ молодому автору большую честь, не совсѣмъ-то убѣдился ими. „Любопытно было бы также", говоритъ онъ,—„сравнить во всѣхъ отношеніяхъ глоссы строчныя съ междустрочными и сдѣлать хоть легкій очеркъ нравственной физіономіи Вацерада и его помощника, на основаніи выбора ими латинскихъ словъ для глоссированія. (Между прочимъ, напримѣръ, можно было бы остановиться на глоссѣ nemec barbarus tardus, obtusus, imperitus, stolidus etc. etc. Что̀ она значитъ?). Эти и другіе подобные имъ вопросы, которыхъ постоянно возникаетъ тѣмъ большее количество, чѣмъ болѣе всматриваешься въ памятникъ, и которыхъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе родилось бы при личномъ знакомствѣ съ нимъ, — всѣ они мною опущены и ждутъ себѣ отвѣта отъ ученыхъ".

Какъ выше на ошибкахъ труда г. Скворцова, такъ теперь на этомъ послѣднемъ его замѣчаніи, я остановлюсь не ради самаго труда, утратившаго теперь значеніе, а ради той общей мысли, которую замѣчаніе возбуждаетъ. Въ этомъ замѣчаніи юнаго ученаго робко слышится сомнѣніе и требованіе критическое совершенно иного свойства, чѣмъ

исходившее отъ дѣйствительныхъ и заслуженныхъ ученыхъ старшаго поколѣнія. На этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ остановиться. Оно объясняется такими соображеніями, которыя еще не разъ намъ пригодятся при разсмотрѣніи разныхъ памятниковъ древне-чешскаго языка. Г. Скворцовъ внимательно работаетъ надъ чешскими глоссами, знакомится съ подозрѣніями Копитара и возраженіями Шафарика. Но послѣднія видимо не совсѣмъ его трогаютъ и побѣждаютъ; несмѣло и обинякамн онъ все же роняетъ слова, выдающія его недовольство принятыми у ученыхъ и переданными ему съ каѳедры взглядами. Ему кажется не все тутъ ладнымъ, словно ему сдается, не стоитъ ли и взаправду иной разъ за Вацерадомъ заподозрѣнный Копитаромъ Ганка. Прейсъ, И. И. Срезневскій требуютъ осмотрительности въ пользованіи чешскими глоссами, но ихъ подозрительность, какъ и Шафарика, которому они тутъ слѣдуютъ, не простиралась далѣе вопроса, все ли это слова народныя, или же тутъ многія реченія просто дѣланныя, переведенныя съ латинскаго, составленныя самимъ средневѣковымъ глоссаторомъ. Но о сочиненіяхъ Ганки ни у Прейса, ни конечно, у Бодянскаго и Григоровича, ни у Срезневскаго, никогда не было и рѣчи. И. И. Срезневскому и теперь, послѣ изслѣдованій гг. Патеры и Баума, какъ увидимъ послѣ, просто не хочется это подумать.

Чѣмъ же объясняется некритическое довѣріе настоящихъ ученыхъ и людей безспорно даровитыхъ, и критическій скептицизмъ совсѣмъ молодаго человѣка, чуть не студента? Всѣ эти ученые своими глазами видѣли рукопись, г. Скворцовъ ее не видалъ. И не искусившійся въ ученыхъ работахъ юноша подошелъ ближе къ дѣлу, и не въ силу какой-нибудь феноменальной проницательности, а благодаря двумъ обстоятельствамъ, по видимому, для дѣла постороннимъ, но между тѣмъ въ высшей степени важнымъ и въ этомъ отношеніи почти все рѣшающимъ. Въ критикѣ первое мѣсто занимаетъ свобода отношеній субъекта къ объекту и извѣстная разница въ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ, которыми руководится судящій критикъ, и въ которыхъ создался судимый объектъ. Г. Скворцовъ подошелъ ближе къ истинѣ благодаря совершенному незнакомству съ живыми отношеніями у Славянъ Австрійскихъ и также благодаря принадлежности своей къ иному поколѣнію, съ другими идеалами и стремленіями. Для него Копитаръ, Палацкій, Шафарикъ, Ганка были, можно сказать, величины отвлеченныя. Для нашихъ же знаменитыхъ славистовъ все это были живые, болѣе или менѣе знакомые и близкіе люди, при именахъ коихъ имъ тотчасъ живо вспоминалась вся окружающая ихъ среда,

цѣлый міръ разнообразныхъ отношеній. При этихъ именахъ у каждаго изъ первыхъ русскихъ славистовъ подымались въ душѣ тысячи представленій и образовъ, дорогихъ воспоминаній лучшихъ годовъ молодости, проведенныхъ за границею, въ средѣ самой сочувственной и дружественной для Русскаго, въ самой для него близкой послѣ его родины. У тогдашнихъ Чеховъ, въ 30-хъ, 40-хъ годахъ, въ кругу ученыхъ и писателей-властенцевъ господствовало убѣжденіе, что Копитаръ, ихъ политическій непріятель, не разъ указывалъ Вѣнскому правительству на неблагонамѣренность національно-литературнаго и ученаго движенія въ Чехіи, на тайныя въ ней интриги Россіи и тайныя сношенія чешскихъ ученыхъ съ Русскимъ правительствомъ. Особенно были нелюбимы Копитаромъ Палацкій, Шафарикъ, Ганка. И они въ свою очередь сильно недолюбливали его.

Во время путешествія нашихъ первыхъ славистовъ по землямъ Славянскимъ Шафарикъ и Палацкій, родившіеся первый въ 1795, второй въ 1797 г., были уже знаменитые и заслуженные ученые, передъ которыми наши будущіе профессора, все еще люди молодые, согласно должны были признавать свою неопытность. Палацкій уже провелъ тогда много лѣтъ въ собираніи матеріаловъ для своей „Чешской исторіи", близко ознакомился со множествомъ архивовъ и библіотекъ въ Австріи и Германіи, уже воротился изъ своего ученаго путешествія по Италіи и собралъ огромный матеріалъ для „Чешскаго дипломатарія". Въ исходѣ 30-хъ годовъ онъ былъ, конечно, первымъ, и можно смѣло сказать, единственнымъ знатокомъ латинской и чешской палеографіи не только въ Чехіи, но и въ цѣломъ славянствѣ. Палацкій уже тогда напечаталъ цѣлый рядъ прекрасныхъ изслѣдованій въ выходившемъ подъ его редакціей цѣлые десять лѣтъ Музейникѣ (1827—1837 гг.), свой критическій трудъ о чешскихъ лѣтописяхъ и бытописателяхъ, приготовилъ къ изданію первый томъ „Чешскаго Архива".

Шафарикъ ужь издалъ тогда три капитальные труда, составившіе ему европейскую славу — Geschichte d. slawischen Sprache und Literatur, Serbische Lesekörner и Slovanské starožitnosti (1837). Сверхъ того, имъ было напечатано нѣсколько меньшихъ трудовъ и отдѣльныхъ статей.

Въ 1840 году Прейсъ, Бодянскій, Срезневскій, еще позже Григоровичъ, можно сказать, только начинали свою ученую дѣятельность, какъ слависты. По тогдашнему состоянію науки и по ученымъ средствамъ, коими они располагали у себя дома, наши первые слависты,

заваленные работою по своимъ первымъ курсамъ и по отдѣлкѣ собранныхъ въ путешествіи матеріаловъ, рѣшительно были не въ состояніи вполнѣ свободно, самостоятельно и критически отнестись къ сборнику Палацкаго и Шафарика вообще и къ изданію чешскихъ глоссъ Mater Verborum въ частности.

Да и что̀ значило заподозрить подлинность нѣкоторыхъ изъ этихъ глоссъ? Это значило не болѣе, не менѣе, какъ воротиться послѣ Шафарика и Палацкаго къ предположеніямъ Добровскаго и Копитара, изъ коихъ первый обвинялъ Ганку (съ другими) въ поддѣлкѣ пѣсни о Вышеградѣ, пѣсни о королѣ Вячеславѣ, пѣсни о Судѣ Любуши и отрывковъ Евангелія отъ Іоанна, а другой—въ поддѣлкѣ разныхъ чешскихъ глоссъ Mater Verborum и самой такъ-называемой Краледворской рукописи? Требовалось заподозрить въ подлогахъ Ганку и подлинность—какъ говорилось тогда, говорится и теперь у Чеховъ—драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ чешскаго народнаго генія—Суда Любуши и Краледворской рукописи.

Кто же былъ Ганка для нашихъ первыхъ славистовъ и ихъ учениковъ — гг. Лавровскаго, Гильфердинга, Пыпина, ихъ товарищей, позже выступившихъ?

Статьи о немъ, написанныя тотчасъ послѣ его смерти И. И. Срезневскимъ и П. А. Лавровскимъ, отлично знакомятъ насъ съ господствовавшими у нашихъ славистовъ воззрѣніями на Ганку, его дѣятельность и значеніе. Мнѣнія о немъ Бодянскаго и Григоровича, кажется, не бывшихъ съ нимъ въ столь близкихъ отношеніяхъ, по всей вѣроятности, отличались отъ мнѣній гг. Срезневскаго и Лавровскаго не въ сущности, а лишь въ частностяхъ. Быть можетъ, они немного ниже цѣнили его ученыя заслуги, его знанія и не такъ высоко его ставили и въ нравственномъ отношеніи.

Позволяемъ себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ статьи И. И. Срезневскаго о Ганкѣ, тѣмъ болѣе, что въ замѣткахъ нашихъ намъ придется не разъ говорить о Ганкѣ, какъ человѣкѣ и писателѣ [1]):

[1]) И. И. Срезневскій слѣдовалъ общепринятому мнѣнію біографовъ Ганки, будто онъ дѣтство провелъ въ деревнѣ и поздно поступилъ въ гимназію, а въ университетъ Пражскій уже 23-хъ лѣтъ. Теперь достовѣрно извѣстно, что Ганка поступилъ въ городскую гимназію 13 лѣтъ (1804 г.), а вышелъ изъ нея въ концѣ школьнаго 1809 г. Осенью этого же года онъ поступилъ въ университетъ Пражскій на философію, а осенью 1813 г. пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ слушалъ второй годъ курсъ юридическихъ наукъ и былъ постояннымъ сотрудникомъ журнала *Listy Gromadki*. Въ началѣ 1815 г., если еще не въ 1814 г., Ганка былъ

„Медленно шло умственное развитіе Ганки въ юности; но онъ пришелъ въ Прагу уже съ зачатками того направленія, которое осталось за нимъ на всю жизнь и дало ему высокое значеніе народнаго дѣятеля. Любить все чешское и все доброе научила его съ младенчества мать: не напрасно вспоминалъ онъ о ней и въ старости съ тѣмъ же чувствомъ, которое дышетъ въ его юношеской пѣснѣ, сдѣлавшейся теперь народною. За неимѣніемъ книгъ, пришлось Ганкѣ учиться читать и писать по старой рукописи, не XVII, такъ XVI вѣка, развивать и свой умъ для наступавшаго XIX вѣка: къ счастію, эта рукопись не могла научить ничему отсталому, потому что въ ней записаны были чешскія народныя пѣсни. Эта старая рукопись, передавъ ему тотъ странный почеркъ руки, по которому его узнавали почти всѣ и всюду, внушила ему уваженіе и любовь къ народности и къ родной старинѣ. Знакомство съ русскими и сербскими солдатами, проведшими нѣсколько времени на его родинѣ, и съ промышленниками, заходившими на его родину изъ другихъ Славянскихъ краевъ, пробудило въ немъ сознаніе народности и вмѣстѣ сочувствіе ко всему славянскому, какъ къ кровному родному. Разказывая мнѣ когда-то о томъ, какое впечатлѣніе произвело на него это знакомство съ нѣсколькими Русскими и первое ознакомленіе съ русскимъ языкомъ, Ганка замѣтилъ съ оживленіемъ: „Я полюбилъ Русскихъ и за ихъ доброту, и за то, что легко могъ понимать ихъ — не такъ, какъ солдатъ нѣмецкихъ". Въ Прагѣ, продолжаетъ И. И. Срезневскій,—Ганка „сблизился съ аббатомъ Добровскимъ, однимъ изъ представителей филолого-археологической учености своего времени, основателемъ общеславянской филологіи какъ науки, и сколько съ своей стороны старался быть ему полезнымъ, работая для него по его назначенію, столько же и пользовался имъ, его ученостью, его умѣньемъ работать, его библіотекой, его рукописями. Мало было ему нужды до того, что Добровскій любилъ науку отвлеченно, науку самое по себѣ, а не какъ народную силу, и потому писалъ по латыни и по нѣмецки, рѣдко и говорилъ по чешски, о возможности литературы чешской не хотѣлъ и думать, какъ о мечтѣ несбыточной: это не мѣшало Ганкѣ быть послушнымъ и почтительнымъ къ Добровскому и остаться при своихъ понятіяхъ. Умѣлъ онъ, разумѣется, пользоваться, чѣмъ стоило,

---

въ Прагѣ и къ началу 1815 г. уже преподавалъ чешскій языкъ въ университетѣ и имѣлъ 20 слушателей (философовъ) (см. *Zeleny*, *V.* Ziovt Jos. Jungmana. Praha. 1874, II, 179 и слѣд.).

и у профессоровъ университета; слушая впрочемъ курсы юридическіе, долженъ былъ учиться болѣе тому, что̀ оказалось ему послѣ ненужнымъ, да и вообще могъ слышать съ иныхъ каѳедръ не то, что̀ хотѣлось бы ему слышать, не доказательства его убѣжденій, а мысли противоположныя, не тѣ, которыя оживляли Пухмаера, братьевъ Неѣдлыхъ, братьевъ Юнгмановъ, Свободу, Пуркиню и др. Частью подъ вліяніемъ другихъ, частью собственными своими силами, и сначала, вѣроятно, какъ до мечты, а не какъ до вывода сознательнаго размышленія, дошелъ Ганка до мысли о томъ, какъ жизненно важны памятники прошедшей жизни народа, какъ необходимо привлекать къ нимъ народное вниманіе и уваженіе, чтобы возбуждать въ народѣ силы къ новой жизни". Другою особенностью Ганки И. И. Срезневскій считаетъ раннее въ немъ развитіе славянскаго самосознанія: „Изучать отечественныя древности всякаго рода, отыскивать ихъ, внушать всякому чувство уваженія къ нимъ и обязанность ихъ сбереженія, описывать ихъ и издавать такъ, чтобъ они становились все болѣе извѣстными и понятными по значенію, привлекать и приготовлять къ этой работѣ силы молодыхъ людей: вотъ что̀ задалъ себѣ Ганка на жизненную работу, задалъ еще прежде, чѣмъ окончилъ университетскій курсъ, и при этомъ рѣшеніи остался навсегда. Не пересчитывая здѣсь всѣхъ его открытій и всѣхъ его изданій памятниковъ, скажу только, что отъ его зоркаго взгляда не могло ничто укрыться ни у скупателя старыхъ вещей, ни въ сору стараго хлама, ни въ переплетѣ старой книги, и что большая часть памятниковъ древней чешской литературы въ первый разъ изданы имъ или при его содѣйствіи".

Говоря о трудахъ Ганки какъ библіотекаря, И. И. Срезневскій замѣчаетъ: „Для Ганки музей былъ святыней... Онъ сдѣлалъ его святыней для всѣхъ Чеховъ. И стоило поглядѣть на Ганку, какъ онъ показывалъ его своимъ соотчичамъ, какъ указывалъ на все, что̀ могло питать въ Чехѣ любовь къ родной землѣ, уваженіе и сочувствіе къ своей народности и къ предмету; онъ не приходилъ въ восторгъ, не поражалъ ни наборомъ красныхъ словъ ни вольнодумными выходками, оставался тихъ и скроменъ, какъ будто удовлетворяя любопытству, уже возбужденному, а не вызывая его, и между тѣмъ умѣлъ въ душѣ вызывать чувства такъ, что ни одинъ Чехъ не выходилъ изъ музея не оживленный новымъ запасомъ нравственныхъ силъ".

И. И. Срезневскій помянулъ о подозрѣніяхъ въ подлогахъ руко-

писей: „Онъ испыталъ и горе, превратившееся въ болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ. Что всѣ его поступки были чисты, нравственны, въ этомъ, конечно, не усумнится никто изъ людей, его знавшихъ, а знали его очень многіе; но не такъ глядѣли на него тѣ, которые считали себя въ правѣ видѣть въ любви Чеховъ къ своему родному и Славянъ къ другимъ Славянамъ что-то недоброе. Ганка, зная и свою чистоту мысли, и чистоту мысли своихъ сподвижниковъ—Юнгмана, Палацкаго, Шафарика, Колара, Штура и другихъ обвиняемыхъ, простодушно улыбался, глядя на поднявшуюся тревогу взаимнаго пуганья, и оставался чѣмъ былъ [1]). Взаимное пуганье себя славянствомъ въ кругахъ людей, не любившихъ Славянъ, наконецъ наскучило (Когда же это и что̀ это за пуганье? Какъ будто дѣло совсѣмъ недавнее и совсѣмъ произвольное? Не съ того, съ сего явилось, такъ и прошло? Останавливаюсь, ибо тутъ цѣлое воззрѣніе, хотя, быть можетъ, и не строго сознаваемое), наскучило... но не всѣмъ. Оставшіеся въ перепугѣ искали средствъ обвинять главныхъ защитниковъ славянской мысли по одиночкѣ лично. На долю Ганки выпали обвиненія въ литературныхъ подлогахъ. „Большая часть древнихъ памятниковъ чешской литературы, (которыхъ открытіе и обнародованіе, конечно, содѣйствовало народному оживленію Чеховъ), изобрѣтены Ганкой": на эту тему стали кричать все сильнѣе и въ повременникахъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, доказывая справедливость своихъ догадокъ бранями и такими доводами, которые хотя и были лишены всякаго ученаго достоинства, но на людей неученыхъ и довѣрчивыхъ могли производить впечатлѣніе. Ганкъ терпѣлъ долго, и наконецъ, въ позапрошломъ году началъ процессъ съ однимъ изъ обвинителей, которые тѣмъ дерзче въ обвиненіи, чѣмъ болѣе увѣрены, что найдутъ себѣ стѣну, за которою могутъ укрыться. Процессъ прошелъ три инстанціи, во всѣхъ трехъ выигранъ, и все-таки ни ложный обвинитель не обвиненъ, ни Ганка не оправданъ открыто; а обвиненія между тѣмъ вмѣстѣ съ бранями сыпались, и сыплются".

П. А. Лавровскій въ своей статьѣ о Ганкѣ говоритъ: „Жизнь этого

---

[1]) Тутъ собственно идетъ рѣчь объ Австрійскомъ правительствѣ, и при этомъ выраженіе «чистота мысли» едва ли умѣстно. Самымъ чистымъ характеромъ изъ числа упомянутыхъ лицъ былъ безспорно Штуръ, но онъ былъ до мозга костей убѣжденъ, что вслѣдъ за Турціей распадется и Австрія, что для блага Славянъ она должна быть разрушена. Объ этомъ громко заявлялъ Штуръ въ 1848 г. За австрійскій духъ сильно нападалъ Штуръ на Палацкаго, Ригра и другихъ Чеховъ, но выдѣлялъ Ганку, Юнгмана.

ученаго славяниста и разумнаго патріота славянскаго слишкомъ тѣсно и разносторонно была связана со всѣмъ русскимъ"; приводитъ разные примѣры и доказательства любви Ганка къ Русскимъ, къ Россіи и русскому языку, упоминаетъ также и о процессѣ: „Съ одной стороны, любовь его къ Русскимъ, съ другой — вниманіе къ нему Русскихъ, не обходились ему дешево. Не только Австрійское правительство, но и всѣ приверженные къ послѣднему Нѣмцы смотрѣли на В. В. подозрительно, считая его нерѣдко русскимъ агентомъ и постоянно сторонникомъ ненавидимой Австріей Россіи. Очень часто В. В. съ грустію передавалъ мнѣ, во время обычныхъ нашихъ прогулокъ, что какъ ни отрадно ему имѣть знаки русскаго вниманія и расположенія, онъ не можетъ не сознаться, что они надѣлали ему много хлопотъ. „Жаль только", прибавлялъ онъ неизмѣнно,—„что въ Россіи все еще думаютъ многіе, будто у насъ, въ Вѣнѣ, смотрятъ на подобное вниманіе разумно и хладнокровно". Читатели русскихъ журналовъ могли уже убѣдиться, по крайней мѣрѣ узнать, что Австрійское правительство и не простило Ганкѣ его отношеній къ славянству, и особенно къ Россіи, хотя эти отношенія основывались едва ли не исключительно на личной привязанности и едва ли не имѣли лишь нравственно-литературное значеніе. Процессъ, начатый съ Кугомъ о подлогѣ Краледворской рукописи и Суда Любушина, въ которомъ такъ нагло обвинялся Вячеславъ Вячеславичъ, былъ дѣломъ чисто правительственнымъ, и продажный Кугъ явился только орудіемъ нѣмецко-австрійской централизаціи. Правда, процессъ этотъ кончился не только положительнымъ оправданіемъ Ганки, но и блистательнымъ доказательствомъ дѣйствительности памятниковъ; тѣмъ не менѣе сомнѣваться невозможно, что въ немъ заключалась и первая причина разстройства крѣпкаго здоровья покойнаго, обѣщавшаго ему, быть можетъ, не одинъ еще десятокъ лѣтъ жизни".

Вслѣдъ за статьями гг. Срезневскаго и Лавровскаго было помѣщено въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ и „Извѣстіе о погребеніи Ганки". Похороны его происходили съ необычайнымъ торжествомъ: „Впереди шли факельщики реальныхъ школъ и гимназій и множество пѣвчихъ. Затѣмъ духовенство, а прежде всего монахи орденовъ капуцинскаго и францисканскаго, воспитанники духовныхъ училищъ, всѣ пасторы Праги, и за ними епископъ". Затѣмъ слѣдовала печальная колесница: „Кисти покрова несли: народный исторіографъ д-ръ Палацкій, д-ръ правъ Ригеръ, профессоръ Томекъ, князь д-ръ Рудольфъ Турнъ-Таксисъ, д-ръ правъ Фричъ и членъ учи-

лищнаго совѣта Венцигъ. По обѣимъ сторонамъ колесницы шли шестеро молодыхъ Поляковъ и шестеро Южныхъ Славянъ, въ національныхъ костюмахъ, въ конфедераткахъ и фескахъ; за ними — юнѣйшіе писатели и граждане Праги съ зажженными факелами и восковыми свѣчами. Сряду за колесницею, молодой графъ Кауницъ, попеременно съ докторомъ Горачекомъ, сыномъ умершаго патріота, несли на бархатной подушкѣ экземпляръ „Краледворской рукописи“, увѣнчанный лаврами. Представители академическаго общества, въ которомъ покойный былъ почетнымъ членомъ, несли его орденъ на черной подушкѣ. За ними слѣдовалъ деканъ философскаго факультета; затѣмъ намѣстникъ королевства Богемскаго, графъ Форгачь, со многими членами высшей знати, въ томъ числѣ князь Адольфъ Шварценбергъ, младшій князь Сальмъ, графъ Кламъ-Мартиницъ, графъ Генрихъ Хотекъ и графъ Рудольфъ Хотекъ, баронъ Гильдебрандъ и другіе; за ними мѣстный прелатъ д-ръ Цейдлеръ, Страговскій настоятель и гросмейстеръ орденъ св. креста д-ръ Беръ. Во главѣ профессоровъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній шелъ заслуженный ректоръ университета д-ръ Туна; за нимъ многія духовныя особы, члены всѣхъ ученыхъ обществъ, также какъ и Пражскаго театра, императорскіе чиновники, ученые, граждане, студенты и безчисленное множество народа. 400 зажженныхъ факеловъ и 200 восковыхъ свѣчъ были несены по обѣимъ сторонамъ печальнаго шествія писателями, художниками, учеными и гражданами“. Процессію сопровождало болѣе 30 тысячъ народа. Въ кладбищенской церкви гробъ былъ поставленъ на высокій катафалкъ со всѣми сопровождавшими его орденами, лавровымъ вѣнкомъ и Краледворскою рукописью. Каноникъ Штульцъ сказалъ „трогательную рѣчь“. „Лавровый вѣнокъ и экземпляръ Краледворской рукописи положены вмѣстѣ съ усопшимъ въ могилу... Во время шествія звонили во всѣ колокола пражскихъ церквей... Въ процессіи принимали участіе не только Пражскіе граждане, но и многочисленные обыватели изъ окрестностей. Городъ Кенигингофъ (Краледворъ), въ которомъ отыскана покойнымъ Ганкою знаменитая рукопись, прислалъ отъ себя четырехъ представителей для присутствованія при погребеніи“.

Всѣ подробности этого народнаго проявленія сочувствія и уваженія къ памяти Ганки указывали на его популярность и его заслуги въ Чехіи и только подтверждали для посторонних справедливость отзывовъ о немъ двухъ нашихъ славистовъ старшаго и младшаго поколѣнія. Относительно подозрѣнія въ подлинности нѣкоторыхъ открытыхъ или из-

данныхъ Ганкою памятниковъ замѣчанія И. И. Срезневскаго и П. А. Лавровскаго содержали въ себѣ кое-что сходное и разногласное. Оба одинаково забыли, что первыя подозрѣнія пошли не отъ австрійскихъ полицейскихъ агентовъ, съ наукою не имѣющихъ ничего общаго, и не отъ враговъ славянства, а отъ Добровскаго и Копитара, про доводы коихъ трудно было сказать, чтобъ они „были лишены всякаго ученаго достоинства и могли производить впечатлѣніе на однихъ лишь людей неученыхъ и довѣрчивыхъ". Г. Срезневскій полагалъ, что обвинители „тѣмъ дерзче въ обвиненіи, чѣмъ болѣе увѣрены, что найдутъ себѣ стѣну, за которой могутъ укрыться". Г. Лавровскій былъ увѣренъ, что все это обвиненіе было „дѣломъ чисто правительственнымъ", и что обвинители были „только орудіемъ нѣмецко-австрійскаго централизма". Разница же показаній гг. Срезневскаго и Лавровскаго заключалась въ томъ, что по словамъ перваго, терпѣвшій долго Ганка началъ процессъ, который былъ выигранъ во всѣхъ трехъ инстанціяхъ, а по словамъ втораго, „процессъ, начатый съ Кугомъ, въ которомъ такъ нагло обвинялся В. В., былъ дѣломъ чисто правительственнымъ". Далѣе г. Срезневскій выражалъ сожалѣніе, что, не смотря на то, что Ганка свой процессъ выигралъ въ трехъ инстанціяхъ, обвинитель однако не былъ обвиненъ, а Ганка оправданъ, и прибавлялъ съ горечью, что и послѣ процесса обвиненія вмѣстѣ съ бранями сыпались и сыплются. Г. же Лавровскій съ радостью и видимымъ торжествомъ заявлялъ, что процессъ „кончился не только положительнымъ оправданіемъ Ганки, но и блистательнымъ доказательствомъ дѣйствительности памятниковъ" (вѣроятно, ихъ подлинности, ибо въ дѣйсвтительности ихъ никто не сомнѣвался).

Если г. Лавровскій составилъ мнѣніе объ этомъ предметѣ на основаніи устныхъ заявленій, слышанныхъ имъ отъ Ганки въ Прагѣ, а г. Срезневскій—на основаніи письменныхъ заявленій, полученныхъ имъ отъ Ганки изъ Праги въ Петербургъ, то надо признать, что Ганка все это дѣло иначе освѣщалъ въ Прагѣ и иначе въ Петербургѣ. Въ противномъ случаѣ надо признать значительную долю субъективности въ приведенныхъ показаніяхъ обоихъ нашихъ ученыхъ. Во всякомъ случаѣ указанное сходство ихъ мнѣній есть драгоцѣнное свидѣтельство какъ для исторіи славистики вообще, и въ Россіи въ особенности, такъ и для исторіи вліянія западно-славянскихъ національныхъ идей и направленій на русскую литературу и образованность.

Для исторіи науки важно, что два ея крупные дѣятеля — учитель и ученикъ—совершенно предали забвенію строгія научныя суж-

денія не только Копитара, но и Добровскаго, и новое возбужденіе вопроса о подлинности памятниковъ ими заподозрѣнныхъ или прямо отвергнутыхъ, какъ подложныхъ, одинаково представлялось нашимъ ученымъ поступкомъ нравственно предосудительнымъ и объяснялось въ ихъ глазахъ лишь подкупомъ и интригою со стороны Австрійскаго правительства. И это въ началѣ 1861 г., по выходѣ въ свѣтъ статей Хаупта, Фейфалика о такъ-называемой пѣсни короля Вячеслава, статьи Бюдингера и особенно блистательной книжки Фейфалика о Краледворской рукописи, наконецъ десять лѣтъ спустя послѣ открытія и изданія Ганкою (1849 г.) знаменитыхъ чешскихъ пророчествъ Любуши. Съ старикомъ Добровскимъ уже слишкомъ, кажется, гордо стали потомъ обходиться и чешскіе, и русскіе слависты: еще въ 1849 г. находили удобнымъ пользоваться какъ источникомъ для разныхъ миѳологическихъ припоминаній и домысловъ глупѣйшею поддѣлкою стольника Діаментовскаго—лѣтописью Прокоша яко бы X вѣка [1]). Отворачивались отъ умнаго и тонкаго знатока дѣла Добровскаго и хватались за высоковаслуженнаго и прекраснѣйшаго, правда, германиста-филолога Я. Гримма, но въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ мало разумѣвшаго, весьма некритическаго, не знавшаго никакого удержу и таявшаго чуть не передъ всякимъ хламомъ, только бы въ немъ нашлось что-нибудь миѳологическое: Прокошъ былъ всѣмъ нуженъ для несчастной богини Живы.

Эти западно-славянскія увлеченія и вліянія имѣютъ въ нашей литературѣ и образованности свою исторію и не должны быть пренебрегаемы. Имъ поддавалось не одно у насъ поколѣніе—и учителя, и ученики. Говорю это по личному опыту. Это вліяніе имѣло свои слабыя стороны, но имѣло и хорошія, и несчастіемъ его считать нельзя. Оно было законно и необходимо. Оно стоитъ въ связи съ вліяніемъ украинскимъ или малорусскимъ и польскимъ и составляетъ ихъ естественное дополненіе и дальнѣйшее развитіе. Оно служитъ предверіемъ и пріуготовленіемъ къ всеславянскому значенію русской литературы. Это подчиненіе прежнихъ поколѣній западнославянскимъ вліяніямъ, вѣяніямъ и увлеченіямъ даетъ право и силу будущимъ на-

---

[1]) Онъ поддѣлалъ всего кажется до десяти хроникъ; см. *Zeissberg*, Die polnische Geschichtschreibung des Mittalalters. Leipzig. 1873, S. 8. Хроника Прокоша была издана Ковнацкимъ въ Варшавѣ въ 1825 г. Вишневскій (Hist. lit. polsk., Krakow. 1840) вторично послѣ Добровскаго ясно обличилъ всю грубость этой поддѣлки (II, 174 и слѣд).

шимъ поколѣніямъ имѣть всестороннее и глубокое вліяніе на просвѣщеніе Славянъ Западныхъ.

За исключеніемъ Прейса, первые наши слависты были Украинцы, Южно-Руссы. И тутъ едва ли была одна случайность, какъ уже вѣрно замѣтилъ Гильфердингъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Украйнѣ общество и интеллигенція находились въ большемъ общеніи и въ меньшемъ разрывѣ съ народомъ, чѣмъ въ Великороссіи. Живое знаніе двухъ русскихъ нарѣчій, а часто и польскаго, легко привлекало каждаго образованнаго Украинца къ ознакомленію съ прочими славянскими народностями, о которыхъ въ первой четверти столѣтія стали все больше говорить и писать. Обстоятельства рожденія и первоначальнаго воспитанія, впечатлѣнія дѣтства и юности, окружающая въ то время среда имѣютъ всегда самое рѣшительное вліяніе на характеръ и направленіе дѣятельности нашей. Религіозныя особенности первоначальнаго воспитанія Григоровича—онъ былъ изъ уніатовъ и воспитывался въ базиліанскомъ монастырѣ,—происхожденіе Бодянскаго изъ духовнаго сословія и богословское образованіе, полученное имъ до поступленія въ Московскій университетъ, сильно сказались въ позднѣйшей ихъ ученой дѣятельности, какъ славистовъ. Вопросы по исторіи церкви у Западныхъ Славянъ всегда обращали на себя сильное вниманіе Григоровича и Бодянскаго. Всѣ почти историко-литературные и чисто историческіе и археологическіе труды Григоровича освѣщаютъ темныя стороны или подымаютъ новые вопросы исторіи первоначальнаго христіанства у Славянъ, Болгарской и Сербской церкви, духовнаго движенія у Чеховъ. Сверхъ многолѣтнихъ занятій жизнью и трудами славянскихъ апостоловъ, это направленіе Бодянскаго особенно выразилось въ томъ особенномъ вниманіи, которое онъ обращалъ въ своихъ курсахъ и въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ на исторію западно-русской уніи и чешскаго гуситства. Пора же сказать откровенно: значительная доля чести и заслугъ труда г. Новикова „Гусъ и Лютеръ“ принадлежитъ Бодянскому. Основная мысль, главные поднятые въ ней вопросы, самое сопоставленіе Гуса и Лютера, указаніе источниковъ и способъ ихъ разработки были поданы, сообщены и объяснены г. Новикову Бодянскимъ. Неплодовитый литературно, дурной писатель, Бодянскій былъ не только замѣчательнаго, своеобразнаго характера, но и оригинальнаго ума человѣкъ. Онъ мало къ себѣ привлекалъ слушателей и не имѣлъ много учениковъ, но привлекши

въ себѣ ученика, имѣлъ уже на него и его труды самое глубокое и неотразимое вліяніе. Такъ случилось и съ г. Новиковымъ. Вліяніе Бодянскаго благотворно отразилось на лучшемъ памятникѣ его дѣятельности, то-есть, на сочиненіи „Гусъ и Лютеръ".

Первоначальныя занятія статистикой и политическою экономіей, раннее записываніе еще дома народныхъ пѣсень изъ устъ народа (Запорожская Старина, Словацкія пѣсни и проч.). устремили вниманіе И. И. Срезневскаго, какъ слависта, на изученіе у Западныхъ Славянъ современнаго народнаго быта, языка и нарѣчій, живой старины и преданій. Въ этомъ отношеніи никто изъ нашихъ славистовъ прежнихъ и позднѣйшихъ не сдѣлалъ столько, сколько г. Срезневскій: Григоровичъ—только относительно Болгаръ, Гильфердингъ—относительно Герцеговины, Босніи, отчасти Македоніи и Кашсбовъ, г. Бодуэнъ де-Куртене и даровитый, къ сожалѣнію, рано погибшій Фортунатовъ — у Словинцевъ. Діалектологія, народная поэзія, славянская миѳологія и словарь были долго центральными задачами г. Срезневскаго, какъ слависта. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, его ученое вниманіе отъ памятниковъ народной словесности переходитъ къ отдѣльнымъ памятникамъ русской письменности (договоры съ Греками, Русскія лѣтописи, Повѣсть о Цареградѣ, Хожденіе Аѳанасія Никитина, Задонщина), а отъ словаря живаго языка къ словарю языка древняго и отъ разбора памятниковъ изданныхъ къ описанію малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятниковъ, и слѣдовательно, къ изысканіямъ и трудамъ палеографическимъ и археологическимъ.

Южно-русское происхожденіе, воспитаніе, юношескіе литературные опыты на малороссійскомъ нарѣчіи и раннія занятія народною словесностью чрезвычайно облегчили О. М. Бодянскому и И. И. Срезневскому внутреннее пониманіе западно-славянскихъ чаяній и движеній. Русская и особенно украинская интеллигенція 30-хъ годовъ и позже была не чужда той смѣси идей XVIII в. (o religion naturelle, homme naturel), сентиментализма и романтизма, которая проникала современную польскую, чешскую, хорватскую и прочія словесности. Волновавшіе ихъ вопросы о правописаніи, объ діалектическомъ разнообразіи языка, объ участіи мѣстныхъ нарѣчій въ литературномъ языкѣ, собираніе народныхъ пѣсень и подражаніе имъ въ литературѣ занимали Украинцевъ, писавшихъ по малороссійски, независимо и единовременно съ Западными Славянами. Увлеченіе нашихъ первыхъ славистовъ западно-

славянскимъ движеніемъ и его вѣяніями были естественны и неизбѣжны. Прейсъ, какъ урожденный Нѣмецъ, хотя и обрусѣвшій, всего менѣе, по видимому, могъ поддаться этому вліянію. Но человѣкъ скромный, добросовѣстный, строго къ себѣ требовательный, онъ могъ опасаться, что, какъ Нѣмецъ, онъ пожалуй недостаточно сочувствуетъ Славянамъ и недовольно къ нимъ справедливъ, слѣдовательно, могъ намѣренно, изъ деликатности сдерживать въ себѣ критическое отношеніе къ разнымъ явленіямъ западно-славянской образованности. Но за то Прейсъ, какъ все же Нѣмецъ, хотя и обрусѣлый, могъ самъ отдаваться западно-славянскимъ увлеченіямъ, потому что въ нихъ самихъ было много придуманнаго и дѣланнаго, сантиментальнаго и нѣмецкаго, навѣяннаго германскимъ романтизмомъ. Впрочемъ Прейсъ рано умеръ — къ несчастію для науки. Григоровичъ менѣе другихъ нашихъ славистовъ прожилъ въ Австріи, и благодаря своему ученому путешествію по Европейской Турціи (составляющему эпоху въ нашей наукѣ), раньше всѣхъ выступилъ на совершенно самостоятельную дорогу. Бодянскій, много прохворавшій въ свое путешествіе, мало подвижный и общительный по характеру, не особенно близко сходился съ Славянами, тѣсно сблизился и уже навсегда едва ли не съ однимъ Шафарикомъ, просиживалъ по большей части цѣлые дни дома или въ библіотекахъ надъ книгами и рукописями. Жизнь Бодянскаго въ Москвѣ, въ иной умственной средѣ, и среди древнихъ рукописныхъ сокровищъ позволила ему выработать и принять болѣе широкія и безпристрастныя историческія воззрѣнія на Славянство и на начало народности, чѣмъ были у насъ на Украинѣ (и позже, напримѣръ, гг. Костомаровъ, Кулишъ и пр.), или въ западныхъ земляхъ славянскихъ, и вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію приступить къ ученымъ работамъ вполнѣ самостоятельнымъ. Природная живость и общительность, подвижная энергія и впечатлительность И. И. Срезневскаго, вмѣстѣ съ его прежнимъ умственнымъ направленіемъ, доставили ему множество знакомыхъ, пріятелей и друзей (Мацѣевскаго, Кольберга, Ганку, Шемберу, В. Караджича, Ст. Враза) у Славянъ Западныхъ. И. И. Срезневскій воротился въ Харьковъ въ ту же украинскую среду. Его литературныя симпатіи и антипатіи, какъ напримѣръ, непризнаваніе геніальности и великаго значенія Гоголя и Лермонтова въ русской жизни и литературѣ, особенное расположеніе и уваженіе къ Сенковскому, совершенно независимое и стороннее отношеніе къ Бѣлинскому, Отечественнымъ Запискамъ, Современнику и начальному Русскому Вѣстнику, съ

одной стороны, и къ Хомякову, Москвитянину (Кирѣевскаго), Московскимъ Сборникамъ и Русской Бесѣдѣ—съ другой, дали И. И. Срезневскому особое мѣсто въ нашей литературѣ и позволили ему, особенно благодаря его литературной плодовитости и дарованіямъ, быть самымъ виднымъ и энергическимъ проводникомъ западно-славянскихъ идей и направленія въ русской литературѣ и образованности. Только уже черезъ нѣсколько лѣтъ по пріѣздѣ въ Петербургъ И. И. Срезневскій переходитъ постепенно къ спеціальному изученію древне-русской и церковно-славянской письменности и палеографія: въ Харьковѣ такія занятія были и невозможны. Въ своей любопытной статьѣ „Взглядъ на современное состояніе литературы у Западныхъ Славянъ" (Моск. Сб. 1847 г.) И. И. Срезневскій вполнѣ выразилъ свое основное направленіе и свои воззрѣнія на начало народности, столь же отличныя отъ позднѣйшихъ воззрѣній Русской Бесѣды, какъ и Русскаго Вѣстника. Отъ нѣкоторыхъ положеній и мнѣній, можетъ быть, онъ и откажется теперь. Разумѣется, теперь уже нѣтъ мѣста для прежнихъ русскихъ увлеченій западно-славянскимъ господствующимъ направленіемъ. Это время уже нами пережито, и теперь мы относимся къ нему критически и свободно. Характерно въ историческомъ отношеніи,—ибо рисуетъ наши западно-славянскія увлеченія, даровитѣйшимъ проводникомъ коихъ былъ у насъ И. И. Срезневскій,—слѣдующее мѣсто изъ его упомянутой статьи: „Не смотря однако на всѣ свои недостатки, литература Западныхъ Славянъ представляетъ и такія достоинства, которыя могутъ быть не признаваемы только людьми пристрастными или людьми, судящими по наслышкѣ. Сравнивая ее съ литературою русскою, въ ней, разумѣется, не безъ исключеній, найдемъ примѣтно болѣе знанія образцовыхъ произведеній литературъ иностранныхъ, а также и болѣе общей образованности, и если позволите сказать, учености: писатель, каждый для своего круга, лучше приготовленъ, болѣе надѣется на знанія своихъ читателей, на ихъ разнообразіе, и отъ этого вольнѣе въ образахъ, въ припоминаніяхъ и вообще въ изложеніи понятій. Въ ней болѣе мысли, болѣе достоинства, болѣе характера, болѣе сочувствія къ вопросамъ современнымъ, болѣе самобытности въ ихъ изложеніи; конечно, что не всюду въ одной степени, но всюду на столько, что и простодушное, и равнодушное, и задорное невѣжество обозначается ярче, не сливаясь въ одно цѣлое съ кругомъ просвѣщеннымъ. Въ ней гораздо болѣе народности: для изученія земли и народа, народнаго языка въ его мѣстномъ и историческомъ развитіи, памятниковъ ли-

тературы письменной, памятниковъ словесности. Преданія, памятники науки, искусства, промышленности, гражданственности—вообще для изученія исторіи народа въ ней сдѣлано болѣе, нежели у насъ, даже исключая тѣ труды, которые хотя принадлежатъ писателямъ славянскимъ, но по языку не относятся къ литературѣ славянской" (стр. 632—633).

Считаю лишнимъ останавливаться на доказательствахъ односторонности и значительной невѣрности такого сужденія о русской литературѣ сравнительно съ западно-славянскими, всѣми вмѣстѣ взятыми, особенно если эту параллель продлить еще лѣтъ на десять и даже менѣе. У насъ лѣтъ двадцать передъ тѣмъ умерли Грибоѣдовъ и Карамзинъ, лѣтъ десять Пушкинъ, величайшій и нынѣ поэтъ славянскій; онъ также выше, разнообразнѣе и цѣльнѣе Мицкевича, этого величайшаго поэта у Западныхъ Славянъ, какъ Глинка выше Шопена, геніальнѣйшаго художника западно-славянскаго. Въ то время у насъ только что умеръ Лермонтовъ, а Гоголь выпустилъ Мертвыя души, дѣйствовали, кончали или хоть начинали дѣйствовать Крыловъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Баратынскій, Языковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, Тютчевъ, Аксаковъ, отецъ и два сына, Самаринъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Полонскій, Некрасовъ, Островскій, Писемскій, Достоевскій и пр. Какъ бѣдна, ограниченна, мелка, малосочна вся эта западно-славянская литература при всѣхъ ея достоинствахъ сравнительно съ русскою 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, при всѣхъ ея недостаткахъ, теперь это мы хорошо понимаемъ, даже мы, слависты, и начинаютъ, кажется, догадываться сами даже Западные Славяне, знакомые съ русскимъ языкомъ и слѣдящіе за нашею литературою. Но наше общество и литература 40-хъ и 50-хъ годовъ, да и позже, страдали важнымъ недостаткомъ. Общество ничего почти не знало и мало знать хотѣло о западномъ славянскомъ мірѣ. И такія искреннія увлеченія его идеями и движеніемъ, такія преувеличенныя о немъ сужденія, какъ вышеприведенное мнѣніе г. Срезневскаго, при всей ихъ односторонности, были въ высшей степени важны и полезны для своего времени. Онѣ разбивали равнодушіе, будили интересъ и привлекали въ тогдашней и послѣдующей молодежи вниманіе къ западному славянству. Въ этомъ отношеніи западно-славянскія увлеченія нашихъ первыхъ славистовъ, ученыхъ и любителей—Погодина, Чижова, Ковалевскаго, Попова, Ригельмана, Елагина, Панова, имѣли великое значеніе въ нашей и вообще славянской жизни и образованности. Начало всякаго живаго сближенія обществъ и народовъ, какъ и начало изученія новыхъ

предметовъ знанія, всегда сопровождается чувствами радости, восторга и восхищенія, разными увлеченіями, преувеличеніями, дающими мало мѣста критикѣ и анализу.

Только по прошествіи цѣлыхъ десятилѣтій намъ стало возможно спокойно и критически отнестись къ вопросамъ о подлинности всѣхъ заподозрѣнныхъ или отвергнутыхъ Добровскимъ и Копитаромъ памятниковъ древне-чешской письменности. Препятствовали тому не недостатокъ знанія, ибо въ 50-хъ, 60-хъ гг. наши ученые слависты знали больше Добровскаго и Копитара, а рѣшительная для нихъ нравственная невозможность заподозрить Ганку въ подлогахъ, другихъ чешскихъ ученыхъ— въ извѣстной ему поблажкѣ и благочестивомъ покрывательствѣ, и неприготовленность мысли подняться на извѣстную высоту, съ которой можно бы цѣльно обнять и безпристрастно оцѣнить западно-славянское движеніе первой четверти нашего столѣтія со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами. Только теперь, строго говоря, можетъ и должна начаться эта спокойная, критическая работа. Періодъ смѣшенія политики съ археологіей, грамматики съ поэзіей, подметныхъ прокламацій съ палеографіей, періодъ сердечныхъ восторговъ и слезъ умиленія не ученыхъ только, коихъ однихъ все это и касается, а всѣхъ милославовъ и властимиловъ по поводу открытія славянскихъ рунъ, новыхъ извѣстій о Сварогѣ, Хорсѣ, Родѣ, Рожаницахъ, новыхъ домысловъ о городищахъ и Реймскомъ Евангеліи,—этотъ періодъ уже миновалъ. Пусть еще разные старо-Чехи, слѣпые и глухіе къ тому, что̀ вокругъ нихъ произошло хотя бы въ послѣднія двадцать лѣтъ, не понимаютъ и не могутъ понять, что ихъ Любуша и Радованъ отъ Каменна Моста, ихъ Забой съ Люмиромъ, Збигонь, Бенешъ Германовъ и Ярославъ, дорогіе для нихъ, какъ Марсельеза для первыхъ французскихъ республиканцевъ и какъ сонеты Коларовой Славы Дцера для нихъ же самихъ, уже отжили свое время, и не только для всѣхъ другихъ Славянъ, но и для самихъ Чеховъ имѣютъ значеніе только историческое (что̀ уповаемъ доказать съ помощью разныхъ старыхъ и новыхъ доводовъ), именно—какъ предметы вѣры и обожанія нѣсколькихъ поколѣній, какъ памятники ученой довѣрчивости и слабости критики, законныхъ впрочемъ и неизбѣжныхъ въ жизни каждой науки, въ первомъ періодѣ ея развитія. Не понимаютъ этого и никогда не поймутъ развѣ нѣкоторые старо-Чехи. Они пережили себя и начинаютъ не понимать ничего живаго даже у себя дома. Но для насъ Русскихъ и для всѣхъ Славянъ, не исключая и Чеховъ, уже наступило время строгаго суда надъ кни-

гою Шафарика и Палацкаго: „Die ältesten Denkmäler d. böhm Sprache“ и возвращенія къ здравымъ критическимъ понятіямъ Добровскаго и Копитара.

III.

Обращаемся къ вышеупомянутой статьѣ И. И. Срезневскаго о Mater Verborum, писанной семнадцать лѣтъ спустя послѣ изданія Шафарика и за двадцать лѣтъ до изслѣдованія и изданія Патеры и до описанія Баума. Открывая собою Извѣстія Археологическаго Общества 1857 г., она была написана послѣ статей Воцеля (Časop. 1852, II, стр. 24; Památky arch. 1854, стр. 186—188) и посвящена собственно археологическому объясненію начальной миніатюры, снимокъ съ которой, изданный въ Прагѣ, приложенъ тутъ же. Позволяю себѣ привести все это объясненіе: оно знакомитъ насъ съ любопытною страницею въ исторіи славистики...

„На (этомъ рисункѣ) въ довольно красивой рамкѣ нарисованъ узоръ вязи прутьевъ кое-гдѣ съ листками, который общимъ внѣшнимъ обводомъ похожъ на форму чаши, покрытой крышкою. Онъ состоитъ изъ буквъ M и V, что́ значитъ Mater Verborum [1]). Промежду прутьевъ нарисованы разныя животныя и человѣческія физіономіи. Такъ, въ верхней части узора есть изображеніе филина въ коронѣ и двухъ голыхъ людей или лѣшихъ (не обезьянъ ли?), изъ которыхъ одинъ правою рукой поддерживаетъ корону на головѣ филина, въ лѣвой же рукѣ держитъ цвѣтокъ; а другой, правою рукою лаская филина, протягиваетъ лѣвую къ человѣку съ бородой, поднимающемуся по прутьямъ и держащему лѣвою же рукою за волосы другаго человѣка безбородаго. Въ самомъ низу рисунка, въ особенномъ кружкѣ, нарисована женщина въ голубомъ плащѣ, покрывающемъ только часть ея плеча и станъ, съ цвѣтками въ обѣихъ рукахъ; думаютъ, что одинъ изъ цвѣтковъ есть verbascum, а другой ranunculus acris. На верхней части зеленой рамки этого кружка написано: Estas. Siva. По обѣимъ сторонамъ вязи помѣщены римско-католическія изображенія св. Григорія и св. Іоанна, какъ можно догадываться по уцѣлѣвшимъ остаткамъ надписей. Еще замѣтимъ не замѣченныя буквы B. L. A., нарисованныя на нижней части рамы, которою обведенъ весь рисунокъ. Эти буквы, можетъ быть, означаютъ Beatus qui legit et Audit. (Апок. I, 3).

[1]) Другіе читаютъ буквы abbas.

„Занимательно изображеніе филина, что по чешски výr, въ коронѣ. Если оно попалось не случайно, не какъ простое украшеніе, то можетъ быть, относится и къ обожанію филина Чехами-язычниками, о чемъ есть замѣтка въ хроникѣ Далимила (гл. 23) [1]).

„Самая занимательная часть всего этого рисунка есть изображеніе женщины (собственно юноши, принятаго новѣйшимъ фальзификаторомъ за женщину и выдавшимъ его за богиню Живу) съ надписью Estas. Siva. Слово Siva могло быть написано, кажется, только Славяниномъ. Оно встрѣчается и между чешскими глоссами въ самомъ словарѣ".

Слово Siva могло быть написано новѣйшимъ чешскимъ патріотомъ, какъ доказали гг. Баумъ и Патера, именно, какъ можно съ увѣренностью полагать, самимъ Вячеславомъ Вячеславичемъ Ганкою. Да и всѣ эти три глоссы признаны Патерою поддѣльными. Въ одной изъ нихъ сказано: Dea frumenti Ceres, sed hoc pagani siua. Въ старопечатномъ экземплярѣ (XV в.) Mater Verborum безъ чешскихъ глоссъ стоитъ вмѣсто этого: ...sed hoc pagani aiunt. Поддѣльная глосса сдѣлана изъ aiunt: *a* частью выскоблено и изъ него сдѣлано *s*, знакъ сокращенія *n* выскоблено, изъ *t* сдѣлано *a*—(siua). Во второй глоссѣ Diua: dea. siua. imperatrix. Въ печатномъ экземплярѣ: Diua. dea siue imperatrix. Изъ siue сдѣлано siua. — Siua ceres въ третьей глоссѣ, равно какъ и въ надписи A на первомъ листѣ: Estas. Siva, безъ сомнѣнія, замѣчаетъ Патера вслѣдъ за Баумомъ,—новѣйшаго написанія.

„Судя по этимъ глоссамъ", продолжаетъ И. И. Срезневскій,—„можно догадываться, что въ подлинникѣ, съ котораго срисовалъ Мирославъ (это имя миніатюриста тоже написано, какъ доказываетъ г. Баумъ, — тѣмъ же фальсификаторомъ), который могъ также уравнивать въ своихъ понятіяхъ dea frumenti Ceres и Сива, какъ уравнивалъ Вацерадъ (это имя тоже сочинено и написано тѣмъ же фальсификаторомъ).

---

[1]) На это уже указывалъ Ганка въ предисловіи къ своему изданію (Zhjrka). Но не странно ли предполагать въ христіанскомъ художникѣ XIII в., вѣрнѣе всего монахѣ, намѣреніе изобразить филина, какъ предметъ обожанія язычниковъ-Чеховъ, еще въ коронѣ, да и рядомъ почти со святыми и съ предполагаемыми буквами предполагаемаго текста изъ Апокалипсиса. Да и сомнительно, чтобъ изъ приписываемыхъ словъ Святополка язычнику Боривою: «že netbaš na tvorcě svého, jmaje za bóh výra usatého» можно было съ вѣроятностью заключать о поклоненіи Чеховъ язычниковъ филину. Нѣсколько выше авторъ Далимиловой хроники (XX) говоритъ: Pro svè dobré činy Styr byl mil Čechóm jak Taterǒm výr. Ганкѣ это было нужно для оправданія сдѣланной имъ надписи Estas Siva. Объ этомъ еще рѣчь впереди.

Предполагаемъ, что Вацерадъ вписывалъ глоссы чешскія въ Mater Verborum самъ отъ себя, то-есть, что не было въ рукописи, съ которой онъ переписывалъ".

„Къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи данныхъ, о Сивѣ славянской трудно сказать что-нибудь опредѣленное. О Сивѣ знаемъ еще изъ сказаній Гельмольда, но только то, что Siva была dea Polaborum (I, 52), то-есть, почти что ничего. Описанія идола Сивы, помѣщенныя въ хроникѣ Марескалка Турскаго (Westphalen, Monum. inedita, I, 561) и въ живописной хроникѣ Ботона (Leibnitz, Scr. rer Brunsv., III, 339) слишкомъ поздни и очень подозрительны. Не объясняетъ дѣла указаніе на знаменитую богиню Скандинавовъ Sif, предложенное Финомъ Магнусеномъ и Я. Гриммомъ; о ней извѣстно вѣрно только то, что ее считали женою Тора. Есть, пожалуй, еще указанія польскія о божествѣ Żywie (Длугошь, Deus vitae,—здѣсь уже Прокошь не упомянутъ), заставившія всѣхъ новыхъ изслѣдователей читать и вмѣсто Siva—Żywa, Жива [1]). Но Siva и Żywie могли быть почитаемы и какъ разныя божества, тѣмъ болѣе, что Żywie, по Длугошу, не богиня, а богъ, а имена ихъ могли различно выговариваться... Такимъ образомъ ничѣмъ положительнымъ нельзя подтвердить, что идеи о лѣтѣ (aestas) и Сивѣ могли въ умѣ Чеха какъ-нибудь уравниваться—у Чеха-христіанина конца XII в. въ томъ родѣ, какъ у всѣхъ прочихъ христіанъ Европы идея весны уравнена съ идеей о богѣ Марсѣ. Могутъ быть въ помощь употреблены только соображенія филологическія, но и тутъ не такъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, созвучія немного помогаютъ. Приведемъ и это немногое. Въ одной изъ глоссъ Пражскаго списка Mater Verborum май названъ siban. Хотя это слово и напоми-

[1]) «Это позволилъ себѣ и я въ своемъ «Опытѣ о языч. богослуж. древн. Славянъ» говоритъ г. Срезневскій. Дѣйствительно, тамъ авторъ замѣчаетъ: «До насъ дошло нѣсколько названій богинь славянскихъ. Гельмольдъ, *Вацерадъ* и *Прокошъ говорятъ о богинѣ Живѣ*, *Вацераду еще были извѣстны*: *Дѣвана*, *Лѣтница*, *Лада*, *Лютица*, *Морана*, *Хлипа:* Длугошу—Дѣдилія, Дѣвана, Маряна и пр.» Относительно хроники Прокоша—г. Срезневскій сослался на Я. Гримма (D. Myth.) Далѣе онъ вспоминаетъ тутъ же *отдѣльные миѳы* о родствѣ боговъ: «Къ сожалѣнію отъ *современниковъ* (?) осталось ихъ намъ очень немного... У Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страчца—сыномъ Сытиврата; въ Сл. о П. Иг. представляется Стрибогъ—дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владиміра; въ Ипатьевской Лѣтописи тотъ же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога». Если все это миѳы о родствѣ боговъ, то богами были, значитъ, и вѣтры, и пѣвецъ Боянъ, и князь Владиміръ, подобно Страчьцу, Дѣванѣ и пр.

наетъ еврейское названіе того же мѣсяца (сиванъ, Варух. I, 8); но и при сходствѣ со словомъ еврейскимъ можетъ заставить догадываться, что написано опиской. Если же возможно читать его съ *v*—sivan вм. siban, то также возможно считать его и равнозначительнымъ съ сѣвьнь (отъ сѣянь, посѣвъ). Не некстати вспомнится тогда финское названіе мая touko-kuu, то-есть, мѣсяцъ посѣва (отъ touko—весенній посѣвъ). Литовцы называютъ сѣвьнемъ (sėjinis) іюнь. У Малоруссовъ западныхъ сѣвнемъ называется, какъ и у Нѣмцевъ (Sēamonat), другой конецъ лѣта—сентябрь, а у Силезскихъ Поляковъ даже октябрь. Съ этимъ двоякимъ смысломъ сѣвня сходенъ двоякій смыслъ мая: что имя мая нѣкоторыми изъ Славянъ (Русскими, Словаками, Чехами, Лужичанами—мея, Хорутанами—majnik) называется даже съ осмысленіемъ мѣсяцъ перволѣтній, это всѣмъ извѣстно; не совсѣмъ безъ смысла тѣмъ же именемъ мая—маикъ—западные Малоруссы называютъ и сентябрь, точно также какъ Нѣмцы kleiner Mai [1]).

„Можно ли изъ этихъ припоминаній извлечь что-нибудь для опредѣленія значенія Сивы, какъ богини лѣта? Отвѣтъ на этотъ вопросъ предоставляю другимъ. Остроуміе можетъ воспользоваться и сравненіемъ Сивы съ финскимъ названіемъ лѣта suur, тепла suoja (эст. soe вод. soja) и т. п."

Что заставило достоуважаемаго автора отказаться отъ прежняго чтенія Siva—жива, богиня жизни (Язнч. богослуж. древн. Слав.) и принять новое чтеніе Siva—Сива, богиня лѣта, то-есть, Сѣва? Такимъ образомъ уже въ 1857 г. на Олимпъ славянскій прибыла новая богиня, которую отдѣляли отъ польскаго божества Żywie Длугоша (и особой богини Живы Прокоша). Впрочемъ для насъ, да и для дѣла, это безразлично. Послѣ изслѣдованій Баума и Патеры, безъ всякаго ущерба для истины Siva Вацерада можетъ смѣло ставиться рядомъ съ Живою Прокоша, пожалуй даже и съ Żywie deus vitae Длугоша, тѣмъ болѣе, что онъ самъ любилъ прилыгать о древности во вкусѣ Гайка и сочинителя Siva Вацерада.

Что касается до сопоставленія Siva Вацерада съ еврейскимъ словомъ siban, то это уже сдѣлалъ Коларъ, кажется, первый, а потомъ и Ганушъ. Они также желали въ siban видѣть sivan, но западные слависты читали живан, а не сиван. Стоило только справиться въ од-

---

[1]) «Подробности о названіяхъ мѣсяцевъ см. *J. Grimm.*, Gesch. d. d. Spr. I. 71, 113; *Головацкаго*, Подивчасу у Русиновъ (Вѣнокъ, II), *Эрбена* (*Čas.* XXIII, II), остальное взято изъ словарей».

номъ изъ списковъ Mater Verborum, безъ чешскихъ глоссъ, есть ли тамъ sibau, или нѣтъ. Тогда узнали бы, что это слово никакъ не славянское, а еврейское. Но объ этой несправкѣ можно жалѣть не больше и не меньше, чѣмъ о признаваніи юноши за женщину и поддѣльныхъ глоссъ за настоящія. Какъ не существовало въ славянскомъ языкѣ слова sibau, такъ не бывала и Siva, будь-то Сива, или Жива или Дзѣва, какъ впослѣдствіи предполагалъ Ганушъ (1863 г.). Вращаясь въ области вымысла, эти догадки недоступны критикѣ.

Но разъ признавъ чешскимъ, а не сербскимъ, слово sivar, сиван, нельзя уже было отожествлять его съ русскимъ или древне-славянскимъ, ибо ц.-сл. и русск. суффиксъ ьнъ отвѣчаетъ чешск. en, а чешское же sivan (отъ основы сива) съ суфф. нъ или нь было бы и въ русск., и въ ц.-слав. и проч. сиванъ (какъ Душанъ).

Въ 1863 г. въ статьѣ своей „Замѣтки изъ исторіи чешской живописи" проф. Ѳ. И. Буслаевъ также сообщилъ результаты своихъ собственныхъ наблюденій надъ миніатюрами Пражскаго списка Mater Verborum и нѣкоторыхъ другихъ иллюстрированныхъ средневѣковыхъ чешскихъ рукописей, осмотрѣнныхъ имъ въ бытность его въ Прагѣ въ томъ же году. Какъ г. Каткову, автору замѣчательнаго и таланливаго разсужденія объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка, такъ г. Буслаеву, какъ автору чрезвычайно почтеннаго труда „О преподаваніи отечественнаго языка" принадлежитъ первымъ, вмѣстѣ съ Павскимъ и послѣ Востокова, честь и заслуга введенія историко-сравнительнаго метода въ русскую филологію, еще въ началѣ 40-хъ годовъ, до выступленія нашихъ первыхъ славистовъ съ трудами по славяно-русской филологіи. Гораздо послѣ г. Буслаевъ сталъ съ особенною любовью заниматься археологіей и средневѣковою живописью русскою и западною. Отличный знатокъ средневѣковыхъ миніатюръ на западѣ, тщательно знакомый съ литературой изучаемаго предмета, Ѳ. И. Буслаевъ былъ передъ Баумомъ послѣднимъ спеціалистомъ, писавшимъ и о миніатюрахъ Мирослава: послѣдняя о нихъ статья Воцеля явилась въ 1860 г. Слѣдовательно, статья г. Буслаева была, такъ сказать, послѣднимъ словомъ науки объ этихъ миніатюрахъ до 1877 г., когда вышло замѣчательное изслѣдованіе Баума.

„Знаменитая латинская энциклопедія", говоритъ г. Буслаевъ, — „извѣстная въ литературѣ подъ именемъ Mater Verborum съ чешскими глоссами или подстрочнымъ чешскимъ переводомъ нѣкоторыхъ латинскихъ словъ, въ листъ, находится въ Чешскомъ музеѣ. Писалъ эту

рукопись въ 1202 г. Вацерадъ, а миніатюры дѣлалъ иллюминаторъ Мирославъ, оба—Чехи. По обычаю времени (?) они подписали свои имена такъ: въ буквѣ Р, въ кружкѣ ея, изображена Богородица, какъ наше Знаменье, а подъ нею двѣ молящіяся фигуры въ монашескихъ рясахъ: одна на колѣняхъ, другая стоитъ, и у каждаго по свитку, у первой фигуры въ свиткѣ писано: моли за писца Вацерада (ora p. scre Vacerado), а у второй: моли за иллюминатора Мирослава (ora p. illre Mirozlao). При послѣднемъ означенъ и сказанный годъ" (тоже выдумка фальсификатора) (Русск. Вѣстникъ 1863 г., т. 49, стр. 658).

„Какъ нѣмецкіе мастера романской эпохи вносили въ свои неуклюжія, но полныя мыслей произведенія свою нѣмецкую миѳологію, такъ и Мирославъ въ самомъ началѣ рукописи, на цѣломъ листѣ, помѣстилъ миніатюру изъ фантастическихъ сплетеній, внизу оканчивающуюся изображеніемъ лѣта въ видѣ женщины. Надъ нею латинская подпись: estas, и чешская—siva, то-есть, Жива, богиня, подательница жизни. Надъ нею помѣщена довольно натурально писанная фигура, играющая на скрипкѣ. Въ ней много движенія и уже нѣкоторой граціи, сколько она могла быть доступна строгому стилю этого мастера. Выше, изъ безчисленныхъ извитій, выступаютъ то обезьяны, коронующія сову (это изъ славянской миѳологіи см. Vyr—филинъ), то человѣческая фигура, которую діаволъ тянетъ за волосы" (ib., стр. 559).

Мы ознакомились съ нѣкоторыми результатами наблюденій и изысканій двухъ отличныхъ русскихъ ученыхъ объ археологической, а частью и филологической сторонѣ Mater Verborum въ Прагѣ. Ганушъ хотя самъ замѣтилъ въ немъ разныя подчистки, однако приписывалъ ихъ еще среднему вѣку и въ 1868 г. торжественно и увѣренно заявлялъ: „Правда, Копитаръ именно привлекъ къ подозрѣнію и древнее Евангеліе Іоанна (забылъ о Добровскомъ) и глоссы Mater Verborum, но мы только боимся оскорбить лингвистику въ ея современномъ состояніи, если станемъ сражаться съ доказательствами [1]) ихъ неподлинности, ибо ихъ подлинность несомнѣнна".

---

[1]) *Hanuš*, I. Die gefälschten böhm. Gedichte aus d. Jarh. 1816—1849. Prag. 1868. S. 51.

В. Ламанскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

О СИНОДАЛЬНОМЪ СПИСКѢ ЭКЛОГИ ИМПЕРАТОРОВЪ ЛЬВА И КОНСТАНТИНА И О ДВУХЪ СПИСКАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ЗАКОНА.

I.

Въ статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ [1]) намъ приходилось упоминать о различныхъ изводахъ и спискахъ Эклоги императоровъ Льва и Константина. Теперь мы имѣемъ возможность, которой лишены были прежде, сообщить болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія объ одномъ изъ этихъ списковъ, наименѣе извѣстномъ ученому міру, но для насъ наиболѣе дорогомъ и любопытномъ. Мы разумѣемъ списокъ Московской синодальной библіотеки, о которомъ краткое извѣстіе было дано въ каталогѣ Маттеи, и о которомъ упомянулъ Цахаріэ (въ предисловіи къ изданію Эклоги), какъ о недоступномъ для его обозрѣнія или изученія. Цахаріэ не считалъ даже возможнымъ рѣшить, содержитъ ли Московскій кодексъ Эклогу въ первоначальномъ видѣ, или же въ измѣненномъ или дополненномъ (Ecloga privata и Ecloga privata aucta). Маттеи могъ замѣтить только то, что Эклога синодальнаго (прежде типографскаго) сборника, имъ описаннаго, заключала въ себѣ 18 главъ и отличалась большею краткостію отъ той редакціи, какая была въ его время извѣстна по изданію Леунклавія. Но теперь мы знаемъ, что изданіе Леунклавія представляло не подлинную Эклогу въ томъ или другомъ изводѣ, а соединеніе Эклоги съ совершенно другимъ законодательнымъ памятникомъ. Леун-

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* за октябрь и ноябрь 1878 года.

клавій внесъ въ свою Эклогу цѣлыхъ десять титуловъ изъ рукописи, содержавшей въ себѣ Эпанагогу Василія Македонянина. Такимъ образомъ отличіе синодальнаго списка отъ редакціи Леунклавія, и то, что онъ имѣетъ 18-ть главъ вмѣсто 28-ми Леунклавіева изданія, уже могло говорить въ пользу большей подлинности и бо́льшаго достоинства синодальнаго текста. Послѣ сличенія нашего списка съ новымъ изданіемъ подлинной иконоборческой Эклоги (Collectio librorum Iuris Graeco-romani ineditorum Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852) сейчасъ же обнаруживается, что сборникъ Московской синодальной библіотеки, описанный у Маттеи въ числѣ типографскихъ подъ № LVI (Accurata codicum graecorum mss. bibliothec. Synodi notitia, pag. 331—332) и отнесенный имъ по почерку къ XV или XVI столѣтію, заключаетъ въ себѣ подлинную иконоборческую Эклогу Льва и Константина безъ тѣхъ существенныхъ измѣненій, которыя характеризуютъ „умноженную Эклогу", и даже безъ совокупности тѣхъ признаковъ, какіе составляютъ отличіе „частной Эклоги" (Ecloga privata) [1]).

Предлагаемъ болѣе подробное разсмотрѣніе состава и текста синодальной Эклоги.

Впереди находится оглавленіе статей, котораго нѣтъ, какъ въ другихъ спискахъ Эклоги, такъ и въ печатномъ ея изданіи: „Оглавленіе новаго законодательства благочестивыхъ царей нашихъ Льва и Константина". Πίναξ τῆς νεαρᾶς νομοθεσίας τῶν φιλευσεβῶν ἡμῶν βασιλέων Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου. Въ этомъ оглавленіи содержаніе титуловъ обозначается тѣми же выраженіями, какія стоятъ въ текстѣ предъ каждымъ отдѣльнымъ титуломъ; но все-таки есть разногласіе между оглавленіемъ и отдѣльными заглавіями въ срединѣ текста, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе простаго недосмотра. Послѣ двѣнадцатаго титула „объ эмфитевсисахъ" (περὶ ἐμφυτεύσεων διηνεχῶν καὶ ἐμπεριγράφων) въ оглавленіи слѣдуетъ отдѣлъ „о свидѣтеляхъ" въ видѣ тринадцатаго титула, тогда какъ внутри текста титулъ о свидѣтеляхъ занимаетъ только четырнадцатое мѣсто, а на тринадцатомъ стоитъ титулъ „о наймахъ письменныхъ и неписьменныхъ" (περὶ μισθώσεων ἐγγράφων καὶ ἀγράφων). Вслѣдствіе такого пропуска въ

[1]) Частная Эклога отличается отъ Эклоги императоровъ Льва и Константина тѣмъ, что 1) она раздѣляетъ второй титулъ императорской иконоборческой Эклоги на два, и 2) помѣщаетъ шестнадцатый титулъ между шестымъ и седьмымъ: первый изъ этихъ признаковъ находится, пожалуй, и въ синодальномъ спискѣ, но втораго признака въ ней совсѣмъ нѣтъ.

оглавленіи разногласіе между нимъ и обозначеніемъ титуловъ въ текстѣ идетъ далѣе; титулъ о наказаніяхъ (ποινάλιος τῶν ἐγκληματικῶν κεφαλαίων) въ оглавленіи стоитъ подъ цифрою ιϛ̄ (16), тогда какъ въ текстѣ подъ цифрою ιζ̄ (17). Однако, не смотря на пропускъ одного титула, оглавленіе (πίναξ) насчитываетъ тѣ же 18 титуловъ, сколько ихъ находится и въ печатномъ изданіи, гдѣ нѣтъ вышеозначеннаго пропуска. За то оно (то-есть, оглавленіе) указываетъ на 18-мъ мѣстѣ существованіе такого титула, какого не находится въ печатномъ изданіи Цахаріэ, именно: „о военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ домы и вносящихъ свое жалованье“. Περὶ γαμβρῶν στρατιωτῶν εἰσερχομένων εἰς οἴκους καὶ εἰσφερόντων ῥόγας αὐτῶν. Еслибъ этотъ титулъ находился и въ самомъ текстѣ синодальной Эклоги, то она должна была бы состоять уже не изъ 18-ти титуловъ, а изъ 19-ти. Но находился ли дѣйствительно въ концѣ синодальной Эклоги титулъ „о военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ домы“,—этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ непосредственнымъ изученіемъ нашей рукописи, потому что въ сборникѣ Синодальной библіотеки, гдѣ Эклога стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, недостаетъ въ концѣ нѣсколькихъ листовъ, то-есть, вмѣстѣ съ тѣмъ недостаетъ конца Эклоги. По причинамъ, которыя ясны будутъ ниже, слѣдуетъ предполагать, что означенный девятнадцатый титулъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть читаемъ на одномъ изъ потерянныхъ листовъ.

Текстъ Эклоги, какъ извѣстно, начинается надписаніемъ или заглавіемъ, имѣющимъ весьма важное значеніе по своимъ хронологическимъ и вообще историческимъ указаніямъ. Въ синодальномъ спискѣ это надписаніе читается такъ:

> Ἐκλογὴ τῶν νόμων ἐν συντόμῳ γενομένη
> παρὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν
> φιλευσεβῶν βασιλέων ἀπό τε τῶν ἰουστίτων
> (чит.: ἰνστιτούτων),
> τῶν διγέστων, τοῦ κώδικος, τῶν νεαρῶν
> τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ, καὶ
> ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον
> ἐκτεθεῖσα ἐν μηνὶ Μαρτίῳ ἰνδ. θ'
> ἔτους ϛσμζ (6247).

О томъ, какъ нужно понимать 6247 годъ, не совпадающій съ девятымъ индиктомъ, мы уже разсуждали въ своей статьѣ о законодательствѣ иконоборцевъ.

Предисловіе Эклоги въ синодальномъ спискѣ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того текста, который былъ принятъ Цахаріэ за болѣе древній и подлинный. При указаніи на лица, на которыхъ возложено было составленіе Эклоги, обозначены только ихъ чины и званія, но не приведены имена, какъ они приведены въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ греческихъ манускриптахъ и въ славянскихъ кормчихъ. Синодальный списокъ гласитъ въ этомъ интересномъ мѣстѣ такъ: μεταχαλεσάμενοι τούς τε ἐυδοξοτάτους ἡμῶν πατριχίους τόν τε εὐδοξότατον χοιαίστωρα καὶ τοὺς εὐδοξοτάτους ὑπάτους καὶ ἀντιγραφεῖς καὶ λοιποὺς τὸν τοῦ Θεοῦ φόβον ἔχοντας.

Относительно текста самаго закона мы можемъ сдѣлать слѣдующія указанія, представляющіяся намъ наиболѣе важными:

Титулъ первый, озаглавленный περὶ συστάσεως μνηστείας καὶ λύσεως αὐτῆς, въ синодальномъ спискѣ имѣетъ три отмѣченныя статьи вмѣсто четырехъ статей печатнаго изданія; но это произошло отъ того, что первая статья страннымъ образомъ скомкана вмѣстѣ со второю въ одну; случилось же это такимъ образомъ, что переписчикъ пропустилъ цѣлую тираду, находящуюся посрединѣ между двумя тожественными словами, то-есть, перескочилъ чрезъ нѣсколько строкъ отъ одного слова къ другому такому же:

Εἰ δὲ μέρος τῆς χόρης θελήσει διαστρέψαι

[παρεχέτω διπλοῦν и т. д.: конецъ первый статьи и начало второй опущены до новой фразы, начинающейся словомъ: διαστρέψαι]

τὸ αὐτὸ μέτρον, ὅπερ ἐχεῖνος—ἀπαλασσέτω.

Что особенно любопытно, такъ это то, что совершенно такой же пропускъ находится въ другомъ, и притомъ весьма важномъ и хорошо извѣстномъ спискѣ Эклоги, именно въ томъ самомъ Бодлеевомъ кодексѣ, который послужилъ Цахаріэ главнымъ основаніемъ для установленія текста иконоборческой Эклоги. Изъ отмѣчаемыхъ у Цахаріэ разночтеній внизу текста всякій интересующійся дѣломъ легко уяснитъ себѣ качество промаха, допущеннаго обоими переписчиками. Одинаковость ошибки, по существу своему совершенно случайной, представляетъ первое важное указаніе на родство синодальнаго списка съ Бодлеевымъ въ Оксфордѣ; такихъ признаковъ мы встрѣтимъ далѣе немалое число. Сходство между обоими списками такъ велико, что либо синодальный текстъ Эклоги есть списокъ съ Бодлеева, либо оба списка представляютъ копію одного и того же болѣе древняго экземпляра. Такъ какъ Бодлеевъ списокъ старше годами синодальнаго, то

третье предположеніе—о происхожденіи его отъ синодальнаго — совершенно не возможно. Цахаріэ въ описаніи рукописей юридическаго содержанія, приложенномъ къ изданному имъ Πρόχειρος νόμος, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Бодлеевомъ кодексѣ, въ которомъ онъ нашелъ лучшій текстъ Эклоги: „Codex Bodlejanus 264. Roe 18. Est bombycinus in fol. in duo volum. divisus. Ad historiam faciunt haec notae in ipso obviae: a) ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς τοῦ Κωνσταντίνου τοῦ σοφοῦ κατὰ μῆνα Σεπτέμβριον τῆς β' ἰνδ. τοῦ 'ϛωνζ ἔτους Recentior manus addidit: ἔτει ἐνσάρκου οἰκονομίας, ατμθ' (1349) b)". Изъ приводимыхъ далѣе стиховъ видно, что кодексъ, переписанный Константиномъ Мудрымъ въ 1349 году, принадлежалъ библіотекѣ монастыря 'Εσόπτρου на островѣ Халки. Московскій же кодексъ относится по почерку къ XV столѣтію и прибылъ къ намъ, по всей вѣроятности, съ Аѳона. Здѣсь же мы можемъ замѣтить, что Халкинскій = Бодлеевъ списокъ Эклоги имѣетъ 19 титуловъ, и послѣдній титулъ есть тотъ самый титулъ „О военныхъ людяхъ, вступающихъ зятьями въ чужой домъ", который мы видѣли въ оглавленіи (πίναξ) синодальнаго списка Эклоги. — Продолжаемъ далѣе его обозрѣніе.

Заглавіе втораго титула совершенно такое же, какъ и въ печатномъ изданіи Цахаріэ. Статей въ немъ означено численными буквами на поляхъ 12. 1) Συνίσταται γάμος, 2) κεκώλυνται δὲ, 3) ἔγγραφος γάμος, 4) εἰ δὲ καὶ δεήσει, 5) εἰ δὲ παίδων ὑπόντων, ὁ ἀνήρ. 6) εἰ δὲ παίδων ὑπόντων, ἡ γυνή. 7) εἰ δὲ θελήσει ἐκ τοῦ ἀνδρογύνου. 8) εἰ δὲ τῶν ἐντελῶν χρόνων εἰσὶ τὰ τέκνα. (Итакъ, здѣсь изъ одной седьмой статьи, какъ у Цахаріэ, сдѣлано двѣ). 9) εἰ δὲ κατὰ στένωσιν (= восьмой печатной), 10) εἰ δὲ καὶ ἀπόρῳ γυναικὶ (= девятой печатной) 11) δευτερογαμία συνίσταται (= десятой печатной), 12) ἡ δευτερογαμοῦσα γυνὴ ἔχουσα (= одиннадцатой).

Затѣмъ снова повторяется оглавленіе: τίτλος β' περὶ λύσεως γάμου (титулъ второй, о расторженіи брака), и слѣдуютъ двѣ статьи съ новою нумераціей, составляющія повторенный второй титулъ: 1) τῆς ἀδιαλύτου (= двѣнадцатой статьѣ втораго титула въ печатномъ), 2) λύεται ὁ ἀνήρ. Таковое же точно явленіе представляютъ, по указанію Цахаріэ, списки двухъ аѳонскихъ монастырей: Ватопедскій и Лаврскій. Сверхъ того, въ синодальномъ спискѣ прибавлена статья о троеженцахъ: περὶ τριγαμούντων ἐκ τοῦ ἁγίου Βασιλείου. То же самое прибавленіе находится и въ Бодлеевомъ спискѣ.

Титулъ третій по надписанію и по числу статей не отличается отъ печатнаго изданія.

Надписаніе или заглавіе четвертаго титула опять совершенно одинаково въ синодальномъ и Бодлеевомъ спискахъ, отличаясь отъ другихъ нѣкоторыми разночтеніями: περὶ δωρεῶν ἁπλῶν ἤγουν ἀπεντεῦθεν ἤδη χρήσεως καὶ δεσποτείας χρημάτων [ἢ δεσποτείας αὐτῶν μόνον], ἢ καὶ μετὰ θάνατόν τισι καταλιμπανομένων καὶ περὶ ἀνατροπῆς τῶν τοιούτων δωρεῶν, καὶ περὶ αἰτιῶν и т. д. Слова, заключенныя въ квадратныхъ скобкахъ, отсутствуютъ въ синодальномъ и Бодлеевомъ спискахъ, хотя они нужны, и находятся въ другихъ спискахъ. Наоборотъ, слова, напечатанныя разрядкою, не встрѣчаются въ другихъ спискахъ, составляя общую принадлежность Бодлеева и синодальнаго. Статьи четвертаго титула не обозначены численными буквами, а только красною буквою въ началѣ; ихъ столько же, сколько и въ печатномъ, то-есть, шесть.

Титулъ пятый имѣетъ заглавіе или надписаніе точно такое же, какъ и въ печатномъ; число статей, на этотъ разъ опять означаемыхъ числами, семь вмѣсто печатныхъ восьми. Статьи 3-я и 4-я печатнаго изданія соединены въ одну. Въ § 5-мъ (= печатному шестому) нѣтъ никакихъ особыхъ отличій для восполненія пропуска, предполагаемаго Цахаріэ (стр. 25, примѣч. 46).

Титулъ шестой имѣетъ заглавіе какъ въ печатномъ, за исключеніемъ слова κληρονομίας вмѣсто κληρονόμων. Отмѣчено восемь статей численными буквами; въ печатномъ же считается 13 статей. Первая статья синодальнаго списка = 1-й и 2-й печатнаго изданія; 2-я = 3-й, 3-я = 4-й, 5-й и 6-й, 4-я = 7-й, 5-я = 8-й, 6-я = 9-й; затѣмъ снова 6-я статья, которая уже будетъ соотвѣтствовать печатной 10-й, 7-я (εἰ κληρόνομος οἰοσδήποτε) = 11-й, и 8-я (εἰ δέ τις τελευτῶν) = 12-й и 13-й вмѣстѣ.

Титулъ седьмой не представляетъ никакихъ особенностей вышеозначеннаго рода. Титулъ восьмой, имѣя надписаніе обычное, заключаетъ пять статей, отмѣченныхъ числовыми знаками, и одну, не отмѣченную ими, а только начинающуюся съ красной буквы. Опять меньшее число статей въ синодальномъ спискѣ образовалось вслѣдствіе соединенія двухъ и трехъ въ одну: 1-я = 1-й и 2-й печ., 2-я = 3-й, 4-й и 5-й, 3-я = 6-й, 4-я = 7-я, 5-я = 8-й. Затѣмъ красною буквою: ὁ αὐτοπροαιρέτως, то-есть, 9-я печатная статья.

Титулъ девятый съ тѣмъ же надписаніемъ и тѣми же двумя статьями, какъ и въ печатномъ.

Титулъ десятый: надписаніе, какъ въ печатномъ; статей пять, изъ коихъ послѣдняя не имѣетъ противъ себя на полѣ числа, а только

отличена красною буквою. Въ пятой статьѣ послѣ слова μόχθους стоитъ союзъ καὶ и затѣмъ оставленъ пробѣлъ (пустое мѣсто) для одного слова, котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ, нѣтъ и въ Бодлеевомъ, но которое находится въ Парижскихъ списки частной Эклоги и измѣненной Эклоги именно для слова ὀπέρας.

Титулы одиннадцатый и двѣнадцатый не вызываютъ никакихъ замѣчаній.

Титулъ тринадцатый въ синодальномъ спискѣ носитъ заглавіе отличное отъ печатнаго, но вполнѣ сходное съ надписаніемъ Бодлеева списка: περὶ μισθώσεων ἐγγράφων καὶ αγράφων. Въ самомъ текстѣ единственной статьи, составляющей этотъ титулъ, сходство такъ велико, что и синодальный, и Бодлеевъ списки имѣютъ одно и то же неправильное чтеніе ἐκκληπτορικόν (Bod.), ἐκληπτορικὸν (Synod.) вмѣсто ἐκληπτορικῶς. Но другой ошибки Бодлеева списка ἐκτός вмѣсто ἐντός синодальный текстъ не повторилъ.

Четырнадцатый титулъ, съ обычнымъ надписаніемъ, имѣетъ одиннадцать отмѣченныхъ статей. Статьи вторая и третья печатнаго изданія составляютъ здѣсь одну. Восьмая статья (=девятой печатной) не имѣетъ тѣхъ дополненій, какія приведены въ разночтеніяхъ у Цахаріэ изъ другихъ списковъ, помимо Бодлеева.

Титулъ пятнадцатый представляетъ только то отличіе, что первая статья синодальнаго соединяетъ первую и вторую печатныя.

Титулъ шестнадцатый имѣетъ совершенно тѣ же особенности въ надписаніи или оглавленіи (собственно въ концѣ его), какъ и Бодлеевъ списокъ: περὶ στρατιωτικῶν — — — — — — — καὶ παγανικῶν πεκουλίων τῶν ὑπεξουσίων παίδων. Въ четвертой статьѣ нѣтъ того добавленія, какое приведено въ примѣчаніяхъ Цахаріэ изъ Парижской рукописи.

Титулъ семнадцатый въ синодальномъ спискѣ представляетъ весьма важную особенность отъ большей части другихъ списковъ, особенность, впрочемъ принадлежащую также и Бодлееву кодексу. Именно ποινάλιος (уложеніе о наказаніяхъ) имѣетъ въ редакціи, представляемой синодальнымъ и Бодлеевымъ списками, только девять статей вмѣсто 52-хъ обычныхъ. Статьи эти однѣ и тѣ же въ обоихъ спискахъ и соотвѣтствуютъ слѣдующимъ печатнымъ: 1-й—7-й, 16-й, 23-й (см. примѣч. Цахаріэ на стр. 44).

Восемнадцатаго титула, состоящаго изъ одной статьи, а также того титула, который въ Бодлеевомъ спискѣ считается девятнадцатымъ, но не напечатанъ въ печатномъ изданіи, не находится въ си-

нодальной Эклогѣ вслѣдствіе утраты послѣднихъ листовъ или даже послѣдняго листа.

Такимъ образомъ синодальный списокъ Эклоги во всемъ существенномъ сходится съ Бодлеевымъ спискомъ. Но не лишено значенія то обстоятельство, что въ тѣхъ случаяхъ, когда различія Бодлеева списка отъ другихъ состоятъ изъ простыхъ грамматическихъ и вообще мелкихъ ошибокъ писца, тамъ Московскій списокъ оказывается самостоятельнымъ и болѣе правильнымъ. Кромѣ одного приведеннаго выше примѣра, можно указать на первую статью пятаго титула, гдѣ Бодлеевъ списокъ имѣетъ γεννητοῖς вмѣсто надлежащаго γεννητῆς: въ синодальномъ спискѣ находится то начертаніе слова, которое требуется смысломъ. Такія явленія подтверждаютъ то предположеніе, которое уже было нами высказано, и которое само по себѣ наиболѣе естественно; именно, что оба списка, синодальный и Бодлеевъ, принадлежатъ къ одной и той же фамиліи, оба предполагаютъ одинъ и тотъ же прототипъ, или лучше сказать, одинъ и тотъ же экземпляръ, послужившій подлинникомъ для обоихъ.

II.

Тотъ же самый сборникъ Синодальной библіотеки, въ которомъ находится, на ряду со многими другими каноническими статьями, иконоборческая Эклога Льва и Константина, далъ намъ возможность ближе познакомиться съ не изданнымъ изводомъ византійскихъ „крестьянскихъ законовъ“ (νομοι γεωργικοί), превратившихся у насъ въ „Уставъ о земскихъ дѣлахъ“ Ярослава Мудраго. Сверхъ того, въ нашихъ рукахъ находился пергаментный кодексъ второй половины XI вѣка изъ той же самой Синодальной библіотеки, означенный у Маттеи въ числѣ типографскихъ подъ № XXXVIII (38), и содержащій въ себѣ текстъ Закона, очевидно, наиболѣе древній изъ всѣхъ пяти его списковъ, насчитываемыхъ въ Синодальной библіотекѣ. Уже по этимъ двумъ спискамъ XI и XV вѣка возможно было издать „Крестьянскіе законы“ въ такомъ видѣ, который несравненно болѣе приближался бы къ первоначальному ихъ составу, и гораздо лучше, чѣмъ позднѣйшая Арменопуловская редакція, служилъ бы къ объясненію происхожденія и состава русскаго „Устава о земскихъ дѣлахъ“. Въ ожиданіи, когда намъ представится возможность такого изданія, ы считаемъ пока нелишнимъ, на основаніи изученія двухъ рукопи-

сей, сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ своей статьѣ, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1878 годъ.

Въ Синодальномъ спискѣ XI вѣка Крестьянскій законъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: Νόμος γεωργικός-Ἰουστινιανοῦ.; и затѣмъ на полѣ повторено то же самое съ прибавленіемъ слова βασιλέως. Раздѣленія на титулы здѣсь нѣтъ, какъ вообще во всѣхъ древнихъ редакціяхъ, по свидѣтельству Цахаріэ. Статьи отдѣляются одна отъ другой красными (киноварными) начальными буквами и обозначаются на полѣ буквенными числами. Послѣдняя, выставленная на полѣ цифра есть πε (85); но за нею помѣщена еще одна статья не занумерованная. Предъ 21-ю статьею хотя и не сдѣлано численнаго обозначенія на полѣ пергамена, однако статья сосчитана за особую, ибо далѣе слѣдуетъ 22-й нумеръ. Статья, слѣдующая за 78-ю, тоже не отмѣченная цифрою, равнымъ образомъ должна быть считаема за самостоятельную, такъ какъ она обозначена красною буквой. Послѣ этой 79-й статьи прямо слѣдуетъ статья, обозначенная числомъ 81 (οα̃); но послѣ счетъ все-таки уравнивается, такъ какъ ниже цифра 82 поставлена предъ двумя статьями подъ рядъ. И такъ, занумерованныхъ статей все-таки 85, а съ добавочною не занумерованною 86 (есть и другіе списки съ такимъ количествомъ статей въ европейскихъ библіотекахъ).

Списокъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ внутреннихъ отличается дурнымъ правописаніемъ и постояннымъ смѣшеніемъ η съ ει въ окончаніи глаголовъ, да и въ другихъ случаяхъ. Что же касается системы и порядка расположенія статей, то въ этомъ отношеніи древнѣйшій синодальный списокъ совершенно отличенъ отъ Арменопуловской редакціи. Не входя въ подробности, мы можемъ сказать, что порядокъ этотъ почти тотъ же, въ какомъ расположены статьи въ русскомъ старинномъ переводѣ „Земледѣльныхъ законовъ" у Башилова и Максимовича. Наше предположеніе, что русскій „Уставъ о земскихъ дѣлахъ", Земледѣльные законы — тожь, есть простой переводъ древней греческой не изданной редакціи „Νόμοι γεωργικοί" совершенно подтверждается обоими синодальными списками, и особенно спискомъ XV вѣка, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Нѣкоторыя отличія въ порядкѣ расположенія статей между греческимъ спискомъ XI вѣка и русскимъ (Башиловскимъ) переводомъ, или его греческимъ первообразомъ, происходятъ, между прочимъ, отъ такой причины, существованіе которой представляетъ и само по себѣ болѣе положительный и рѣзкій признакъ отличія. Въ греческомъ древнемъ

подлинникѣ есть такія статьи, какихъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ; и наоборотъ въ русскомъ переводномъ текстѣ есть такія статьи, какихъ нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ XI столѣтія. Что для насъ особенно важно и любопытно, — въ синодальномъ спискѣ XI вѣка не встрѣчается тѣхъ четырехъ статей, которыя мы прежде отмѣтили, какъ заимствованныя въ русскій текстъ изъ Эклоги. 81-я статья русской редакціи также не находитъ себѣ объясненія въ древнѣйшемъ греческомъ спискѣ. Но за то текстъ отдѣльныхъ статей греческаго подлинника удовлетворительнымъ образомъ объясняетъ отличія русскаго переводнаго текста отъ печатной Арменопуловской редакціи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи еще важнѣе позднѣйшій греческій списокъ XV столѣтія, такъ что прежде чѣмъ приводить примѣры, мы должны сдѣлать предварительныя замѣчанія объ этомъ послѣднемъ. А здѣсь мы остановимся только на самой послѣдней (не занумерованной) статьѣ наиболѣе древняго списка, такъ какъ она не встрѣчается въ нашей второй редакціи, да и вообще, кажется, не попадалась на глаза ученымъ, изучавшимъ разные списки Эклоги. Эта статья, отличающаяся отъ другихъ неразборчивостію письма и особенностію грамматическаго построенія, говоритъ о заимообразныхъ ссудахъ, даваемыхъ крестьянину: Μηδένα τὸν δανείζοντα γεωργὸν κρατεῖν τὴν αὐτοῦ γῆν, λαμβάνειν τ' (δὲ?) ἐξ αὐτοῦ ἐφ' ἑκάστῳ ἔτει ὑπὲρ λόγου τόκου τῷ νομίσματι κεράτιον ἕν. Εἰ δὲ καὶ σῖτος ἐστὶν τὸ δάνειον, τὸ ιβ. ἀπαιτήτω τὸν χρεωστὴν ὑπὲρ τοῦ τοιούτου τόκου. „Никто дающій въ долгъ крестьянину не можетъ взять его себѣ землю, но получаетъ съ него въ видѣ роста (процентовъ) каждый годъ на золотую монету одинъ кератій ($^1/_{12}$ номизмы). Если же заемъ былъ сдѣланъ хлѣбомъ, то можно требовать съ должника въ видѣ процентовъ двѣнадцатую часть ссуды".

Итакъ, статья эта напоминаетъ тридцать-вторую новеллу Юстиніана, съ тѣмъ только отличіемъ, что новелла, запрещая заимодавцамъ брать за хлѣбный долгъ земли крестьянъ, позволяетъ спрашивать въ видѣ роста одну восьмую часть хлѣбной мѣры, а не $^1/_{12}$-ю. Можно думать, что статья Земледѣльнаго закона, по крайней мѣрѣ въ первой своей части, все-таки редактирована при помощи самой Юстиніановой новеллы, или еще точнѣе, ея заглавія, которое читается такъ: „περὶ τοῦ, μηδένα δανείζοντα γεωργῷ, κρατεῖν τὴν ἐκείνου γῆν, καὶ πόσον ὀφείλουσι λαμβάνειν τόκον ἀπὸ τῶν γεωργῶν.. Впрочемъ, постановленіе Юстиніана перешло также въ Василики, XXIII, 3, 76 (Heimbach, II, 732) и Эпанагогу умноженную, XXII, 13. Кому принадлежало смяг-

ченіе римскаго долговаго права въ пользу крестьянъ и другіе подобные вопросы не должны быть здѣсь обсуждаемы.

Редакція земледѣльныхъ законовъ, находящаяся въ синодальномъ сборникѣ XV столѣтія, представляетъ большое сходство съ предыдущею. Точно также нѣтъ раздѣленія на титулы; порядокъ статей почти тотъ же; отступленія происходятъ отъ вставки нѣсколькихъ статей во второй половинѣ законовъ, отъ прибавленія въ концѣ другихъ статей въ замѣну сейчасъ приведенной о крестьянскихъ хлѣбныхъ долгахъ. Вслѣдствіе этихъ вставокъ и добавленій Νόμος γεωργικός въ этой редакціи достигаетъ до 90-й или 91-й статьи... Численными знаками обозначены только первыя десять статей; и затѣмъ начало каждой новой статьи отмѣчается только красною буквою. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже въ числѣ первыхъ десяти отличенныхъ цифрами статей, подъ цифрою η̄ (то-есть, 8) стоятъ собственно двѣ статьи: восьмая и девятая по списку XI вѣка. Та статья, которой слѣдовало бы называться девятою, не отличена даже красною буквою, хотя переписчикъ и намѣревался это сдѣлать послѣ, такъ какъ онъ оставилъ пустымъ то мѣсто, гдѣ должна была стоять подлежащая раскраскѣ буква. Подобное же обстоятельство замѣчается и въ одномъ изъ послѣднихъ параграфовъ, гдѣ отъ члена οἱ на лицо находится только вторая буква, а первая пропущена въ предположеніи, что она должна быть красною. Восьмая, или по настоящему, девятая статья не одинаково читается въ обоихъ синодальныхъ спискахъ. Текстъ древнѣйшаго списка тожественъ съ Арменопуловскимъ; а текстъ рукописи XV вѣка ближе къ приведенному нами (ноябрьская книжка Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 120, примѣч. 2) чтеніе Эклоги, измѣненной по Прохирону, именно представляется въ слѣдующемъ видѣ: [Ἐ]ὰν γεωργὸς μορὴν μετρήσας ἄνευ γνώμης τοῦ χωροδότου, ἐπισυνάξῃ τὰ πράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπικαρπίας αὐτοῦ. Такимъ образомъ греческій подлинникъ, соотвѣтствующій слово въ слово восьмой статьѣ русскихъ Земледѣльныхъ законовъ, теперь найденъ. Слова, которыми начинается русская статья: „аще земледѣлецъ десятину отмѣритъ", буквально передаютъ три первыя слова греческаго текста. Это далеко не единственный случай, въ которомъ наша вторая греческая редакція служитъ къ ближайшему объясненію русскаго памятника и къ устраненію недоумѣній, которыя у насъ оставались послѣ сличенія Башиловскаго текста Земскаго устава (Земледѣльныхъ законовъ) съ греческимъ печатнымъ текстомъ. Такъ въ спискѣ XV вѣка въ концѣ мы находимъ

греческій текстъ той статьи, о которой прежде должны были сказать, что въ русскомъ памятникѣ она заимствована неизвѣстно откуда. 81-я статья у Башилова гласитъ: „иже отъ древа падаяй плодъ на землю моея долі. побравъ не повиненъ есть (чит. есмь). А 88-я статья Синодальнаго списка читается: „τὸν ἐκ δένδρων καρπὸν πεσόντα εἰς τὴν ἐμὴν γῆν καταβοσκήσας, οὐκ ἐνάγομαι". Сходство почти буквальное. Наконецъ, въ этомъ греческомъ спискѣ мы находимъ и всѣ тѣ четыре статьи, которыя мы отмѣтили, какъ принадлежащія Эклогѣ. На томъ основаніи, что двѣ изъ этихъ статей не совсѣмъ даже подходили къ содержанію Крестьянскаго устава, мы склонны были думать, что заимствованія изъ Эклоги сдѣланы были только авторами русскаго или славянскаго перевода. Оказывается, что нѣтъ, что уже въ греческихъ редакціяхъ, хотя и не во всѣхъ, помѣщались статьи о скотоложствѣ и мужеложствѣ и двѣ другія, взятыя изъ 17-го титула Эклоги [1]). Нужно сверхъ того прибавить, что по крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ статей хотя и взяты несомнѣнно изъ Эклоги, все-таки представляютъ нѣкоторыя измѣненія въ редакціи. Русскій текстъ, какъ и слѣдовало ожидать, ближе къ тексту греческаго Земледѣльческаго закона, чѣмъ къ тексту Эклоги: приводить въ доказательство того самый подлинникъ греческихъ статей закона мы не считаемъ пока необходимымъ. Наконецъ, что касается 17-й и 18-й статей русскихъ Земледѣльныхъ законовъ, объясненіе которыхъ представлялось намъ затруднительнымъ, то мы не можемъ сказать, чтобы дѣло подвинулось впередъ. Греческій текстъ, который мы теперь имѣемъ для этихъ статей, отчасти сходенъ съ варіантами Цахаріэ, на основаніи которыхъ мы уже и прежде строили свои толкованія особенностей русской, несомнѣнно переводной, редакціи.

Обѣ рукописныя редакціи греческаго Земледѣльческаго закона, нами описанныя, все-таки не могутъ быть считаемы непосредственнымъ оригиналомъ русскаго Устава о земскихъ дѣлахъ. Даже редакція, находящаяся въ сборникѣ XV вѣка, имѣетъ нѣкоторыя отличія отъ русской—и въ числѣ статей, и въ ихъ изложеніи... Но что въ

[1]) Нужно прибавить, что одна изъ этихъ статей, именно та, которая угрожаетъ наказаніемъ уморившему чужаго пса или вепря (52-я статья въ Башиловскомъ текстѣ), находится и въ синодальномъ спискѣ XI вѣка, гдѣ стоитъ на 54-мъ мѣстѣ. Трехъ другихъ эклогныхъ статей этотъ списокъ не имѣетъ.

русскомъ памятникѣ нѣтъ ни одной статьи, которая не была бы взята изъ греческаго подлинника, то-есть, изъ Νόμος γεωργικός, не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію.

В. Васильевскій.

ПОПРАВКИ.

На стр. 90-й II-го отдѣла настоящей книжки, *въ примѣчаніяхъ*, вкралось нѣсколько недосмотровъ, которые должны быть исправлены, а именно: примѣчаніе *первое* должно быть считаемо *вторымъ*, а примѣчаніе *второе—первымъ*. Затѣмъ въ примѣчаніяхъ же, въ строкѣ 10-й сверху, вмѣсто напечатаннаго:

o Radosavo vojevud idobro

слѣдуетъ читать:

o Radosavu vojevodi dobro;

въ строкѣ 12-й сверху вмѣсто: «pris ojati» должно быть: pristojati.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ПРИ ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Наши женскія гимназіи—учрежденія сравнительно новыя, но отличающіяся замѣчательно быстрымъ ростомъ. Въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ онѣ и по числу, и по качеству достигли такого развитія, которое невольно обращаетъ на себя вниманіе. Сочувствіе къ этимъ учрежденіямъ со стороны общества весьма осязательно выражается въ значительныхъ пожертвованіяхъ, которыя назначаются на женскія гимназіи со стороны городскихъ управленій и земства. Сочувствіе это вполнѣ понятно и естественно,—ему главнымъ образомъ женскія гимназіи и обязаны своимъ развитіемъ. Дѣло въ томъ, что до учрежденія женскихъ гимназій единственными источниками образованія для дѣвочекъ служили частные пансіоны и институты, доступные меньшинству лицъ, вполнѣ обезпеченныхъ, при чемъ заведенія эти были закрытыми. Съ учрежденіемъ же женскихъ гимназій не только привиллегированныя сословія и люди богатые, но и бѣднѣйшіе классы общества получили возможность доставлять дѣвочкамъ общее образованіе. А такъ какъ эпоха реформъ и современныя условія жизни съ особенною силою вызвали во всѣхъ сферахъ общества потребность образованія, то понятно, что женскія гимназіи быстро наполнились желающими учиться и въ настоящее время учрежденія эти почти всюду положительно переполнены массою учащихся. Сознаніе необходимости общаго образованія для женщины проникло даже въ такіе темные слои нашего общества, гдѣ прежде съ недовѣріемъ и съ усмѣшкой

смотрѣли на простую грамотность, считая ее для дѣвочки не только ненужной, но даже опасной и вредной. Теперь въ женскихъ гимназіяхъ очень часто можно встрѣтить дѣтей солдатъ, мастеровыхъ, ремесленниковъ, мѣщанъ и крестьянъ, — о высшихъ сословіяхъ нечего и говорить. Такимъ образомъ, удовлетворяя насущной потребности общаго образованія массъ, женскія гимназіи естественно привлекли къ себѣ сочувствіе всѣхъ слоевъ общества, тѣмъ болѣе, что добрые плоды гимназическаго образованія вполнѣ оправдывали это сочувствіе и дѣлали матеріальныя затраты на гимназіи производительными. Какъ извѣстно, женскія наши гимназіи принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ, изъ коихъ только одно министерство народнаго просвѣщенія сообщаетъ статистическія свѣдѣнія. По всеподданнѣйшему отчету г. министра за 1876 г, въ вѣдѣніи его состояло 68 женскихъ гимназій и 152 прогимназіи, а число учащихся въ нихъ простиралось до 34,878 чел., при чемъ почти 3 тысячи болѣе противъ предыдущаго года. На эти учебныя заведенія расходовалось болѣе 1.740,000 рублей, главный источникъ которыхъ—пожертвованія обществъ.

Столь широкое и быстрое развитіе женскихъ гимназій само собою вызывало потребность въ преподавателяхъ. А такъ какъ въ послѣднихъ чувствуется повсюду замѣтный недостатокъ, то женскія гимназіи, въ большинствѣ случаевъ, не имѣя возможности имѣть преподавателей своихъ, обращались къ учительскому персоналу мужскихъ гимназій, семинарій и реальныхъ училищъ.

Въ то же время ученицы гимназій, получая солидное общее образованіе и оканчивая гимназическій курсъ съ успѣхомъ, естественно искали себѣ поприща, гдѣ бы онѣ могли примѣнить пріобрѣтенныя познанія съ пользою и для себя, и для общества. Учительскія занятія въ этомъ отношеніи являлись для образованныхъ женщинъ болѣе соотвѣтственными, чѣмъ другія профессіи. И такъ, съ одной стороны возникалъ спросъ на учителей, съ другой являлось предложеніе.

Отсюда сама собою возникала потребность въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ окончившія курсъ гимназистки могли бы пріобрѣтать спеціальную подготовку къ учительскому труду, на первый разъ хоть бы для низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій.

Министерство народнаго просвѣщенія сочувственно отозвалось на эту потребность, а общество, съ своей стороны, дало матеріальныя средства. Такъ возникли при женскихъ гимназіяхъ „дополнительные педагогическіе классы для приготовленія домашнихъ настав-

ницъ и учительницъ" изъ лицъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ. Министерство, по его собственному заявленію, возлагаетъ большія надежды на это учрежденіе и въ отчетѣ своемъ выражаетъ надежду со временемъ „образовать мало по малу контингентъ преподавательницъ для женскихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе отъ учительскаго персонала мужскихъ училищъ [1]). Такимъ образомъ значеніе этихъ „дополнительныхъ классовъ" весьма серьезно и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны просвѣщеннаго общества. По отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 годъ такихъ классовъ при женскихъ гимназіхъ состояло до 35. Въ виду практической важности этихъ классовъ министерство обращало весьма серьезное вниманіе на нихъ съ первыхъ же поръ ихъ возникновенія. Сначала они руководились правилами мѣстными, а затѣмъ въ 1874 году былъ составленъ [2]) и утвержденъ г. министромъ „учебный планъ" для этихъ классовъ, гдѣ учебная ихъ часть получила правильную организацію. Между тѣмъ доселѣ общество почти не имѣетъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ заключается организація этихъ классовъ, какова въ нихъ постановка предметовъ, въ какихъ формахъ идетъ самое дѣло подготовки кандидатокъ и какіе получаются результаты отъ учрежденія этихъ классовъ? Мы, покрайней мѣрѣ, не можемъ указать въ нашей педагогической журналистикѣ ни одной статьи, посвященной этому предмету, не смотря на его очевидную важность и живой интересъ.

Вотъ почему, получивъ возможность на дѣлѣ познакомиться съ организаціей и ходомъ теоретическихъ работъ и практическихъ занятій въ VIII-мъ педагогическомъ классѣ при Воронежской Маріинской женской гимназіи, считаемъ обязанностію подѣлиться съ читающею публикой своими наблюденіями, познакомить ее съ чрезвычайно интереснымъ, живымъ и симпатичнымъ явленіемъ въ педагогической жизни нашихъ женскихъ гимназій.

При этомъ не могу не выразить чувства искренней признательности г. директору Воронежской гимназіи А. М. Бѣлозорову и почтенной начальницѣ Воронежской женской гимназіи В. Ф. Денисовой за то довѣріе, которымъ они почтили меня, съ чрезвычайнымъ радушіемъ открывъ мнѣ возможность не только присутствовать на практиче-

---

[1]) *Ж. М. Нар. Пр.* 1878 г. Отчетъ г. Мин. Нар. Пр. за 1876 г.

[2]) На основаніи 4 и 27 ст. Высочайше утвержденнаго 27 мая 1870 г. положенія о женскихъ гимназіяхъ.

скихъ занятіяхъ дѣвицъ, участвовать въ обсужденіи даваемыхъ ими уроковъ, но и познакомиться съ ихъ теоретическими работами по педагогикѣ и по избраннымъ каждою изъ кандидатокъ спеціальнымъ предметамъ, а также съ дневниками ихъ по учебно-воспитательному руководству довѣренныхъ имъ младшихъ ученицъ, съ протоколами педагогическихъ засѣданій, съ конспектами уроковъ, съ программами,—словомъ, со всѣмъ матеріаломъ, служащимъ выраженіемъ внутренней жизни этого учрежденія. Имѣя подъ руками такимъ образомъ обильныя данныя для изученія наблюдаемаго явленія, мы попытаемся представить возможно полное и живое его изображеніе.

Быть можетъ, подобный трудъ окажется не безполезнымъ и для другихъ женскихъ гимназій, при которыхъ существуютъ педагогическіе классы. Говорятъ, что „опытъ—лучшій учитель". Конечно, при этомъ имѣется въ виду прежде всего личный опытъ; но не менѣе поучительно изучать и опыты другихъ какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ отношеніяхъ.

Предлагаемый читателямъ очеркъ представляетъ дѣйствительность, живое явленіе. А живые образцы несравненно сильнѣе и поучительнѣе всякихъ общихъ соображеній и формулъ. Притомъ же описываемый фактъ такого рода, что онъ даетъ матеріалъ и основанія для вывода общихъ началъ, которыя вслѣдствіе этого являются не сухими, отвлеченными положеніями теоріи, но живыми результатами практики. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою одинъ изъ фактовъ, гдѣ теорія и практика сходятся въ полномъ единствѣ и взаимодѣйствіи: теорія осмысляетъ жизненный фактъ, а фактъ провѣряетъ и утверждаетъ достовѣрность теоріи.

VIII-й педагогическій классъ при Воронежско-Маріинской женской гимназіи открытъ былъ еще въ 1871 г., до составленія „плана" сихъ классовъ. Первоначальное устройство его, какъ видно изъ „положенія" о немъ, утвержденнаго попечителемъ Харьковскаго округа, близко было и къ его послѣдующей организаціи. Именно, цѣль VIII-го класса опредѣлялась задачами педагогической подготовки молодыхъ учительницъ, изучившихъ полный курсъ женскихъ гимназій. Согласно этой цѣли, въ VIII-мъ классѣ было положено преподавать: законъ Божій, русскій языкъ и литературу, исторію, географію, математику, естественную исторію, педагогику и нѣмецкій языкъ (§ 6 полож.). При этомъ законъ Божій, родной языкъ и педагогика были предметами общеобязательными, а остальные предметы дѣлились на 4 группы спеціальностей (отдѣленіе словесное, историческое, математическое и

естественно-историческое). Отъ спеціалистокъ въ языкѣ требовалось основательное его усвоеніе грамматическое, знакомство съ литературой, свободное умѣнье владѣть языкомъ (§ 9—10).

Занятія ученицъ дѣлились на теоретическія и практическія; кромѣ испытаній, ученицы предъ выпускомъ обязывались прочесть, по крайней мѣрѣ, двѣ пробныя лекціи, одну по назначенію совѣта (§ 14); причемъ придавалось особенное значеніе сочиненіямъ ученицъ (§ 15).

Мы нарочно остановились на характеристикѣ общихъ основаній для учебныхъ занятій VIII-го класса Воронежской женской гимназіи въ первоначальномъ ихъ видѣ, такъ какъ разумная постановка этого дѣла съ первыхъ же поръ дала гимназіи возможность вполнѣ цѣлесообразно осуществить и послѣдующій учебный планъ сихъ классовъ, изданный министерствомъ народнаго просвѣщенія, ибо и почва для него была готова и положены были основанія, вполнѣ соотвѣтствующія полному плану этого класса. Въ практическомъ отношеніи чрезвычайно важно, чтобы всякій законъ, всякая новая мѣра, имѣла почву дѣйствительности, была принята свободно, естественно и сочувственно. Этимъ именно условіемъ мы отчасти объясняемъ тотъ успѣхъ, съ какимъ „учебный планъ" VIII-го класса нынѣ осуществляется въ Воронежской Маріинской женской гимназіи. Новый планъ только развилъ и узаконилъ то, что̀ раньше было сознано самою корпораціей гимназіи и особенно ея руководителями. Такъ какъ этотъ планъ общедоступенъ для желающихъ съ нимъ познакомиться, то мы не будемъ останавливаться на изложеніи его основаній и требованій; но прямо перейдемъ къ изложенію организаціи описываемаго явленія; это тѣмъ болѣе удобно, что занятія VIII-го класса Воронежской женской гимназіи строго согласованы съ требованіями нормальнаго плана, такъ что читатели изъ описанія теоретическихъ и практическихъ занятій ученицъ этого класса могутъ видѣть и самый планъ, его цѣлесообразность и, по живымъ результатамъ, могутъ судить о степени его соотвѣтствія цѣли педагогическихъ классовъ,—разумѣется, при опытномъ и вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу руководителей класса, какое мы нашли въ Воронежской женской гимназіи.

Въ составъ учебнаго курса VIII-го класса входятъ слѣдующіе предметы: педагогика и дидактика; русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность; языки французскій и нѣмецкій; математика, исторія и географія. Кромѣ того, такъ какъ въ Воронежской женской гимназіи преподается латинскій языкъ, то онъ включенъ и въ

курсъ VIII-го класса [1]). Русскій языкъ, ариѳметика, педагогика и дидактика — обязательны для всѣхъ ученицъ, остальные предметы составляютъ спеціальности, выборъ ихъ предоставляется кандидаткамъ.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что къ слушанію педагогическаго курса допускаются лишь воспитанницы, окончившія съ полнымъ успѣхомъ гимназическій курсъ, слѣдовательно, получившія достаточную общеобразовательную подготовку, такъ что въ педагогическомъ классѣ открывается возможность вести преподаваніе исключительно въ цѣляхъ спеціально-педагогическихъ. Къ числу благопріятныхъ въ этомъ отношеніи условій слѣдуетъ отнести небольшой составъ VIII-го класса въ Воронежской женской гимназіи: при мнѣ въ немъ находилось всего 92 ученицы, въ томъ числѣ готовились спеціально по русскому языку 2, по исторіи и географіи 3, по математикѣ 5, по новымъ языкамъ 2. Понятно, что при этомъ преподавателямъ легко было слѣдить за занятіями каждой ученицы, руководить и направлять ихъ дѣятельность, постоянно провѣрять ихъ опыты и т. д.

Соотвѣтственно общему плану педагогическихъ классовъ, занятія дѣвицъ раздѣлялись на теоретическія и практическія. Къ первымъ принадлежало слушаніе лекцій по общеобязательнымъ и спеціальнымъ предметамъ, а также самостоятельные опыты въ передачѣ, разработкѣ и рѣшеніи разнообразныхъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ, при чемъ сочиненіямъ кандидатокъ придавалось весьма важное значеніе.

Практическія занятія были очень разнообразны. Сюда принадлежало: а) посѣщеніе уроковъ гимназическихъ преподавателей и составленіе конспектовъ по этимъ урокамъ, съ оцѣнкою ихъ и подробнымъ анализомъ; б) практическое руководство ученицъ низшихъ классовъ и воспитательный за ними надзоръ, по порученію гимназическаго начальства, при чемъ требовалось составленіе обстоятельныхъ дневниковъ съ изложеніемъ занятій съ ученицами, пріемовъ обученія и проч.; в) наконецъ, собственные опыты кандидатокъ въ преподаваніи, при чемъ сначала требовалось составленіе програмны пробнаго урока, самый урокъ выслушивался въ полномъ собраніи педагогической коммисіи и подвергался всестороннему обсужденію. Такимъ образомъ дѣвицы, основательно усвоивая теоретически избранный тою или другою изъ нихъ спеціальный предметъ и методику его преподаванія, въ то же время практически учились его преподавать и пріобрѣ-

---

[1]) Уч. планъ VII кл. § 5 и примѣч.

тали въ этомъ отношеніи навыкъ подъ руководствомъ опытныхъ руководителей. Постановка дѣла совершенно цѣлесообразная и, можно сказать, обезпечивающая успѣхъ дѣла заранѣе, при дѣльномъ выполненіи данной програмы.

Теперь намъ слѣдуетъ перейдти къ практическому выполненію въ общихъ чертахъ предложеннаго учебнаго плана педагогическаго класса въ Воронежской женской гимназіи.

I.

Теоретическія занятія по педагогикѣ и дидактикѣ состояли въ изученіи принятыхъ учебниковъ (Диттеса, Рощина) и руководствъ, а за тѣмъ въ письменной обработкѣ темъ по теоріи воспитанія и обученія [1]).

Преподаваніе педагогики — дѣло и легкое, и трудное, смотря по тому, какъ относится преподаватель къ своему дѣлу. Легко заставить учениць выучить извѣстный учебникъ и въ свое время сдать по немъ испытаніе. Но совсѣмъ другое дѣло, если преподаватель имѣетъ въ виду изученіе не учебника, но самаго предмета. Не говоря уже о томъ, что наши учебники и руководства по педагогикѣ крайне неудовлетворительны, самая наука о воспитаніи является далеко отъ желаемаго совершенства, неустановившеюся вполнѣ и оставляющею желать очень многаго.

Здѣсь учителю приходится быть вполнѣ творцомъ своего дѣла. Ограничиться какимъ-нибудь учебникомъ нечего и думать. Надо создавать и свой методъ преподаванія, и свое руководство; дополнять существующее и обезпечить слушателямъ пріобрѣтеніе достаточнаго запаса свѣдѣній, прочно усвоенныхъ и практически пригодныхъ къ дѣлу. Трудности подобной задачи сами собою очевидны и требуютъ отъ преподавателя много знаній, опытности и практическаго такта.

Познакомившись съ педагогическою подготовкою Воронежскихъ кандидатокъ, я долженъ сказать, что преподаватель педагогики съумѣлъ достигнуть цѣли и побѣдить отмѣченныя трудности. Въ своихъ сужденіяхъ, въ своихъ письменныхъ работахъ и практическихъ опытахъ дѣвицы обнаруживали такія солидныя свѣдѣнія въ теоріи и исторіи воспитанія, такое пониманіе педагогическаго дѣла, какое не часто приходится встрѣчать. Педагогику преподавалъ директоръ гимназіи г. Бѣлозоровъ.

[1]) Уч. планъ, § 8, п. а).

Не ограничиваясь учебниками, онъ систематически знакомилъ своихъ ученицъ съ теоріей и исторіей науки, при чемъ давалъ широкій просторъ ихъ самодѣятельности, предлагая имъ для изученія избранныя мѣста изъ педагогическихъ писателей, монографіи, трактаты по частнымъ вопросамъ педагогики и назначая для письменныхъ работъ такія темы, которыя вполнѣ соотвѣтствуя цѣли курса, въ то же время вводили ученицъ въ существо и основаніе науки. Практическая пригодность такого способа изученія педагогики всего лучше выразилась въ результатахъ, какіе были достигнуты педагогистками по этому предмету.

Познакомившись съ работами воспитанницъ, я былъ удивленъ и количествомъ и качествомъ ихъ. Объемъ этихъ работъ свидѣтельствовалъ объ усердіи, трудѣ, усидчивости ихъ авторовъ; а достоинства выполненія говорятъ объ умственной зрѣлости, и прекрасной подготовкѣ. Въ виду несомнѣнно важнаго значенія этихъ работъ, мы позволимъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателей.

Письменныя работы воспитанницъ были весьма разнообразны; онѣ касались теоріи воспитанія и обученія, исторіи педагогики, преимущественно въ лицѣ ея выдающихся представителей, практическихъ вопросовъ училищевѣдѣнія, общественнаго и домашняго воспитанія.

Вотъ краткій перечень темъ, на которыя кандидатки писали свои сочиненія по педагогикѣ: а) по теоріи воспитанія: „О развитіи религіознаго чувства въ дѣтяхъ". — Изложеніе и разборъ статей подъ заглавіемъ: „Превратныя направленія въ воспитаніи". — „Какъ слѣдуетъ понимать слова Фребеля"? — „Игра есть зеркало дѣтской жизни". — „Тѣсная связь между тѣломъ и духомъ". — Объясненіе словъ Дистервега: „Трудъ есть лучшее средство для достиженія цѣли существованія". — „Каждый человѣкъ есть прежде всего самъ виновникъ того, какіе результаты дала его жизнь". — Объяснить слова Фребеля: „Природа была моею воспитательницей, а деревья и цвѣты моими учителями" (о вліяніи природы на человѣка). — „Вліяніе семейной обстановки на характеръ и послѣдующую дѣятельность извѣстныхъ педагоговъ (Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, Фребеля, Гербарта". — Значеніе материнскаго вліянія въ воспитаніи". — б) По дидактикѣ: „О различныхъ формахъ и способахъ преподаванія". — „О качествахъ преподавателя". — „Правила обученія". — „Школьные законы". — „О наглядныхъ или предметныхъ урокахъ" — „О книгѣ для чтенія въ народной школѣ". — „О звуковомъ методѣ", — „О букварной системѣ обученія XVII в." — „Объ организаціи письменныхъ

упражненій въ женскихъ гимназіяхъ". — „Необходимость для учителя наблюдать надъ своею дѣятельностію и какими средствами можетъ совершаться это самонаблюденіе". — в) По училищевѣдѣнію: „Какія условія, по мнѣнію Корера, необходимы для того, чтобы школа пользовалась довѣріемъ крестьянскаго общества?" — „Объ обязательномъ обученіи въ Россіи".—„О различныхъ видахъ отношенія правительствъ къ дѣлу народнаго образованія". — „Значеніе педагогическихъ выставокъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія". г) По исторіи педагогики: „Коменскій и значеніе его педагогическихъ трудовъ". — „Сравненіе идей Коменскаго о воспитаніи съ идеями Руссо и Песталоцци". — „Изложеніе избранныхъ главъ „Великой Дидактики" Коменскаго".—„Фридрихъ Фребель и его методъ воспитанія".—„Адольфъ Дистервегъ". — І. Фр. Гербартъ и его педагогическая система". — „Очеркъ жизни и дѣятельности Песталоцци".—„Воспитаніе въ Спартѣ, Аѳинахъ и въ древнемъ Римѣ". — „Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ".

Изъ приведеннаго перечня темъ, далеко неполнаго, можно уже видѣть, какъ обильны и разнообразны были работы воспитанницъ. Ближайшее знакомство съ сочиненіями ихъ еще болѣе располагаетъ наблюдателя въ ихъ пользу. Нахожу не излишнимъ представить здѣсь хотя краткую характеристику нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Изъ трудовъ по теоріи воспитанія мы отмѣтимъ сочиненіе „О развитіи религіознаго чувства въ дѣтствѣ" (г-жи В — вой). Оно представляетъ выдающійся по своимъ достоинствамъ трудъ, показывающій не только основательное знаніе предмета, но и вѣрное пониманіе дѣтской природы, вмѣстѣ съ способностью дѣлать обобщенія.

Авторъ раскрываетъ идею религіознаго чувства, ея значеніе въ жизни и воспитаніи, какъ живой силы нравственнаго совершенствованія человѣка; далѣе обозначаетъ постепенное развитіе этого элемента у дитяти, сравниваетъ и оцѣниваетъ разнообразныя формы его проявленій въ семейной, школьной и общественной жизни и даетъ оцѣнку разнообразныхъ средствъ для развитія религіозности дѣтяти. Всѣ замѣчанія и мнѣнія автора дышатъ неподдѣльнымъ убѣжденіемъ и носятъ живой практическій характеръ, что̀ имѣетъ особенную цѣнность въ произведеніяхъ подобнаго рода. Авторъ пишетъ такъ тепло, сердечно, убѣдительно, что чтеніе его труда производитъ на читателя самое выгодное впечатлѣніе.

Въ частности авторъ сосредоточивается на раскрытіи значенія въ воспитаніи вѣры, упованія и любви къ ближнему, при чемъ говоритъ

о невѣріи и суевѣріи. Въ раскрытіи предмета авторъ является не только педагогомъ-моралистомъ, но и тонкимъ психологомъ.

Изъ трудовъ по общей дидактикѣ выдается своими достоинствами сочиненіе (г-жи Ж—ой) „О различныхъ формахъ и способахъ преподаванія", по Брауну. Авторъ не ограничивается теоретическимъ раскрытіемъ предмета, но даетъ и весьма дѣльные практическіе совѣты относительно примѣненія различныхъ способовъ и формъ обученія на дѣлѣ. Нѣсколько извлеченій изъ этого труда всего лучше обнаружатъ его достоинство, а равно могутъ служить и для характеристики тѣхъ задачъ, какія достигаются письменными работами воспитанницъ въ отношеніи ихъ подготовки къ практической дѣятельности учительницъ.

Авторъ вполнѣ справедливо различаетъ методъ отъ пріемовъ преподаванія, такъ часто смѣшиваемыхъ, и устанавливаетъ опредѣленіе и задачи тѣхъ и другихъ. Переходя затѣмъ къ очерку формъ преподаванія, авторъ различаетъ въ нихъ двѣ категоріи или группы: первую представляетъ преподаваніе безпрерывное (изложеніе), при чемъ учащіеся находятся въ состояніи пассивнаго воспріятія; вторую — преподаваніе прерывающееся, причемъ учащіеся находятся въ активномъ состояніи, принимаютъ самостоятельное участіе въ работѣ.

Затѣмъ въ сочиненіи подробно излагаются формы обученія: а) первой группы: формы — катехитическая, сократическая, евристическая, репетиторная, экзаменаціонная, діалогическая, при чёмъ для каждой формы даются практическіе совѣты относительно ихъ примѣненія, выясняется ихъ существо, цѣли, достоинства и недостатки. Вотъ, напр., сужденіе автора о сократической формѣ обученія. „Когда Сократъ разговаривалъ съ своими учениками, людьми болѣе или менѣе развитыми, обладавшими извѣстными знаніями, онъ различными вопросами направлялъ ихъ мысль такъ, что они сами доходили до открытія истины и ея практическаго примѣненія. Хотя при первомъ взглядѣ, сократическая форма очень походитъ на катехитическую, но она существенно разнится отъ послѣдней въ практическомъ примѣненіи. Сократъ разговаривалъ съ людьми умными, владѣющими извѣстными познаніями, житейскою опытностью, но полными предразсудковъ, предубѣжденій, ложныхъ мнѣній; съ другой стороны, собесѣдники его владѣли тонко развитымъ разсудкомъ. Элементарный учитель обучаетъ дѣтей, маленькія существа, умственная сфера которыхъ очень ограниченна, которыя съ трудомъ передаютъ нѣкоторые простые разказы, дѣлаютъ нѣкоторые выводы, и которыя еще не

способны самостоятельно обдумывать предметы и судить". Другое различіе авторъ находитъ въ значеніи самаго матеріала бесѣдъ Сократа и собесѣдованій съ дѣтьми, затѣмъ указываетъ два вида сократической формы ученія: „Одинъ состоитъ въ показаніи истины, отвлеченно, или конкретно, въ разказѣ и въ разложеніи на существенныя ея части; другой — въ показаніи простаго, ближайшаго, извѣстнаго и въ постепенномъ затѣмъ переходѣ къ тѣмъ понятіямъ, которыя учитель желаетъ выяснить и раскрыть ученикамъ". Далѣе слѣдуютъ правила примѣненія этихъ формъ. Относительно эвристической формы авторъ замѣчаетъ, что примѣненіе ея предполагаетъ а) необходимыя умственныя способности и извѣстную степень развитія въ ученикахъ; б) нѣкоторый навыкъ въ употребленіи разсудка и в) достаточный запасъ свѣдѣній для отысканія новыхъ истинъ. Способъ этотъ наиболѣе пригоденъ при обученіи рисованію, письму, счисленію, орфографіи, а также морали. Форма эта ставитъ ученика въ несомнѣнную необходимость работать самому, своимъ умомъ доходить до искомаго, при чемъ все пріобрѣтенное дѣлается вполнѣ собственностью ума ищущаго. „Строчка, прочитанная самимъ ребенкомъ, вычисленіе, результатъ котораго онъ находитъ самъ, ошибка, открытая при его собственномъ вниманіи, все это подвигаетъ ученика гораздо болѣе, чѣмъ 20 такихъ же опытовъ, въ которыхъ помогалъ бы ему учитель". Пробуждающееся сознаніе своей силы рождаетъ увѣренность въ успѣхѣ и благотворно вліяетъ на занятія учащихся.

Однако авторъ предупреждаетъ противъ частаго употребленія этой формы. Въ классѣ, благодаря ей, работать будутъ не всѣ, а лучшіе, талантливые ученики; равенства въ находчивости невозможно ожидать и успѣхи класса будутъ неравномѣрны. Далѣе сообщаются правила разумнаго пользованія этой формой. Съ подобною же обстоятельностію излагаются и другія формы преподаванія.

Переходя затѣмъ къ исторіи педагогики, я долженъ отмѣтить, что великій славянскій педагогъ Коменскій, основатель современной педагогики, служилъ предметомъ особеннаго вниманія воспитанницъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе трудовъ Коменскаго благотворно вліяло на педагогическое ихъ развитіе. Коменскій въ педагогіи—то же, что Евклидъ въ математикѣ, Аристотель и Кантъ въ философіи, Ньютонъ и Лапласъ въ астрономіи, Линней въ ботаникѣ и т. д. Хотя нѣчто въ трудахъ этихъ великихъ представителей науки и устарѣло, отжило свой вѣкъ, но основы, методъ и духъ ихъ остаются живыми и для нашего времени; изученіе произведеній этихъ

корифеевъ науки обязательно для каждаго, кто желаетъ спеціально посвятить себя извѣстной отрасли знанія. Притомъ же у Коменскаго изучающіе педагогію найдутъ не только общія начала науки о воспитаніи, но и множество чрезвычайно мѣткихъ практическихъ указаній въ этой области. Изъ прочитанныхъ мною сочиненій воспитанницъ я могъ убѣдиться, что онѣ относились къ великому педагогу и его идеямъ съ живымъ сочувствіемъ.

Сочиненіе г-жи Д—ой на тему „Іоаннъ Фр. Гербартъ" представляетъ изложеніе жизни Гербарта и раскрытіе главныхъ положеній его педагогической системы. Конечно, полное изложеніе системы воспитанія, безъ обращенія вниманія на философскія воззрѣнія Гербарта, невозможно; но здѣсь имѣлась въ виду ближайшая цѣль—ознакомленіе ученицъ съ этимъ педагогомъ по статьямъ о немъ, помѣщеннымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1876 г. сентябрь и октябрь) и въ другихъ педагогическихъ журналахъ.

Г-жа В—ва составила прекрасный „Очеркъ жизни и дѣятельности І. Г. Песталоцци (1746—1827)". Сочиненіе это весьма обширно, написано просто, тепло, задушевно, съ видимымъ сочувствіемъ къ предмету. На эту тему писали впрочемъ многія воспитанницы. Повидимому, ихъ особенно интересовала личность этого педагога, идеямъ и трудамъ котораго германская школа обязана своимъ возрожденіемъ.

На тему: „Фридрихъ Фребель и его методъ воспитанія" я читалъ очень дѣльный трудъ г-жи А—ой. Изложеніе системы Фребеля сдѣлано весьма обстоятельно и ясно, замѣчанія на систему разумны. Тема: „Адольфъ Дистервегъ" (1790—1866) была отчетливо обработана г-жею В—вой. Изложивъ жизнь Дистервега, она сжато передаетъ основные его взгляды на воспитаніе, обученіе, на народную школу и отношеніе къ ней церкви, общества и государства. Сочиненіе написано живо, проникнуто неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ великому труженику народнаго образованія въ Германіи.

Къ педагогическимъ же сочиненіямъ можно отнести и слѣдующія: а) „Воспитаніе въ Спартѣ, Аѳинахъ и въ древнемъ Римѣ". (Соч. г-жи Т—шорнъ). Авторъ вводитъ читателя въ міръ классической древности, раскрываетъ характеръ, формы, условія, цѣли и средства воспитанія, воспитательный идеалъ древне-классическаго міра, а сравнивая выраженіе его въ Спартѣ, Аѳинахъ и Римѣ, дѣлаетъ заключеніе о превосходствѣ воспитанія Аѳинскаго. Помимо фактической полноты изложенія, авторъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ здра-

вый взглядъ на воспитаніе, критическій тактъ и умѣнье разумно относиться къ историческимъ фактамъ. Это впрочемъ естественно для г-жи Т., которая избрала своею спеціальностью исторію. б) „Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ"—дѣльное сочиненіе г-жи С—ой.

По частной дидактикѣ обращаетъ на себя вниманіе тема: „О наглядныхъ или предметныхъ урокахъ". Сочиненіе на эту тему (г-жи Ск.) заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ предмета, общія основанія содержанія и формъ нагляднаго обученія, степень его пригодности для русской школы. Другой авторъ сочиненія на ту же тему (г-жа В.) останавливается преимущественно на воззрѣніяхъ и трудахъ по наглядному обученію русскихъ педагоговъ. Авторъ разсматриваетъ различныя системы нагляднаго обученія и даетъ образцовые уроки. Вообще сочиненіе носитъ чисто-практическій характеръ. Г-жа П—ва разработывала тотъ же предметъ, взявъ тему: „Исторія развитія нагляднаго обученія и необходимость наглядности въ начальномъ преподаваніи". Какъ всѣ сочиненія г-жи П—вой, и это отличается значительнымъ объемомъ, полнотою изложенія и вѣрнымъ взглядомъ на дѣло.

Чрезвычайно важный вопросъ о книгѣ для чтенія въ народной школѣ также служилъ предметомъ тщательнаго изученія кандидатокъ, поводомъ къ чему служила тема о содержаніи, формѣ, характерѣ изложенія и задачахъ книги для чтенія, при чемъ имѣлась въ виду статья „Къ вопросу о книгѣ для чтенія" помѣщенная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1870 г. іюль).

На эту тему писали многія воспитанницы. Кромѣ того, былъ представленъ разборъ книги барона Корфа „Нашъ другъ", частію на основаніи той же статьи, частію на основаніи самостоятельнаго анализа книги, при чемъ не было выражено сочувствія крайнему утилитаризму, которымъ проникнута эта книга.

Вообще сочиненія по педагогикѣ оставляютъ въ читателѣ весьма выгодное впечатлѣніе.

Съ своей стороны, сочиненіямъ по педагогикѣ мы придаемъ особенное значеніе. Здѣсь, намъ кажется, не столько важно пріобрѣтеніе извѣстныхъ свѣдѣній (хотя и эта цѣль достигается), сколько пріобрѣтеніе навыка къ серьезному изслѣдованію и обсужденію теоретическихъ вопросовъ воспитанія и обученія, умѣнье осмысливать частные факты педагогической дѣятельности общими принципами науки о воспитаніи. При этомъ, работая надъ сочиненіемъ, воспи-

танницы обязаны перечитать и усвоить указанныя имъ пособія и источники по данному вопросу; сочиненія ихъ служатъ наилучшею провѣркой, въ какой степени онѣ овладѣли даннымъ матеріаломъ. Нечего и говорить, что при этомъ само собою пріобрѣтается умѣнье (весьма важное) разумно читать научныя педагогическія сочиненія и навыкъ въ письменномъ изложеніи вопросовъ общаго, психологическаго и философскаго характера. Прочитавъ не мало сочиненій Воронежскихъ кандидатокъ, я долженъ сказать, что написаны онѣ языкомъ живымъ, правильнымъ, изложены ясно, отчетливо, и вообще изъ знакомства съ этими работами я вынесъ убѣжденіе, что воспитанницы трудились не ради формы и по обязанности, но вполнѣ добросовѣстно относясь къ дѣлу, съ расположеніемъ къ нему и даже съ любовью. Замѣчу при этомъ, что всѣ сочиненія подвергались строгой и обстоятельной критикѣ со стороны руководителя.

По родному языку, согласно учебному плану, учитель подробно знакомилъ воспитанницъ съ раціональными способами обученія чтенію и письму, при чемъ разсматривались извѣстнѣйшіе изъ употребительныхъ руководствъ; далѣе знакомилъ учащихся съ пріемами объяснительнаго чтенія, при чемъ указывалъ и на тѣ устныя и письменныя упражненія, для коихъ могутъ служить матеріаломъ статьи книги для чтенія; затѣмъ сообщались способы практической передачи, при чтеніи, правилъ орѳографіи. Рядомъ съ этими чисто-практическими задачами шло спеціальное изученіе грамматики роднаго языка, филологическихъ его основъ, а также и методики его преподаванія въ элементарномъ гимназическомъ курсѣ. Слышанные мною опыты преподаванія по этому предмету (о чемъ рѣчь будетъ дальше) показывали въ спеціалисткахъ весьма солидныя свѣдѣнія, которыя весьма рекомендуютъ курсъ. Особенно обращалось вниманіе при изученіи грамматическихъ формъ русскаго языка на сравненіе съ формами древне-славянскаго. Въ послѣднемъ воспитанницы обнаружили не только обильный запасъ свѣдѣній, но умѣнье пользоваться ими при преподаваніи. Сообразно съ цѣлями преподаванія, темы для сочиненій по русскому языку избирались такія, которыя вводили ихъ въ существо дѣла, въ основы языка и вмѣстѣ знакомили ихъ съ литературой предмета. Такова, напримѣръ, тема: „Взглядъ Ломоносова на склоненія именъ существительныхъ и сравненіе этого взгляда съ мнѣніями о томъ же другихъ филологовъ". Авторъ этого сочиненія (г-жа П—ва) съ полною обстоятельностію излагаетъ свой предметъ, при чемъ дѣлаетъ сравненіе взглядовъ Ломоносова на склоненія со

взглядами Востокова, Павскаго, Буслаева, Греча, Добровскаго, и др. „Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, заключаетъ авторъ, представилъ хотя и не вполнѣ точныя и опредѣленныя правила для изученія языка, но взглядъ его на склоненія является болѣе правильнымъ, чѣмъ мнѣнія многихъ изъ послѣдующихъ филологовъ. Взглядъ на склоненія Ломоносова, въ соединеніи съ матеріаломъ, который представляетъ его грамматика для изученія русскаго языка, доказываетъ, какъ полезны и важны были для русской науки филологическіе труды Ломоносова".

„О залогахъ глагола, по взглядамъ Ломоносова, Востокова, Греча и Павскаго"—очень разумное сочиненіе г-жи А—вой? Составительница его добросовѣстно отнеслась къ предмету, основательно изучила и усвоила указанные ей источники. Она заключаетъ свой трудъ такимъ соображеніемъ: „Изъ разбора приведенныхъ выше системъ залоговъ въ русскомъ языкѣ легко было убѣдиться въ томъ, что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ вполнѣ потребностямъ живой русской рѣчи; да и самое несогласіе этихъ системъ указываетъ на то, что прочной теоріи, основанной на непреложныхъ законахъ языка, у насъ пока еще не можетъ существовать, потому что русскій языкъ еще далеко не установился въ своихъ формахъ".

По ариѳметикѣ кандидатки систематически изучали различные способы преподаванія, особенно въ предѣлахъ начальнаго курса, при чемъ сравнивались достоинства и недостатки способовъ Грубе, Генчеля и др. Въ то же время онѣ проходили систематически курсъ общей математики. Нельзя не отмѣтить тотъ выдающійся фактъ, что значительное большинство ихъ избрали спеціальнымъ предметомъ математику. Вмѣстѣ съ языками, этотъ предметъ является наиболѣе интереснымъ и привлекательнымъ для учащихся. Фактъ отрадный, особенно въ виду недавней неуспѣшности въ этихъ именно предметахъ нашей учащейся молодежи. При письменныхъ занятіяхъ по этому предмету обращалось особенное вниманіе на изученіе и оцѣнку различныхъ методовъ элементарнаго преподаванія ариѳметики и на разсмотрѣніе существующихъ по этому предмету учебниковъ и руководствъ.

Что касается новыхъ языковъ, то изученіе ихъ также было теоретическимъ и практическимъ. По этому предмету особенными достоинствами выдавались труды г-жи П—ской (французскій языкъ). Я читалъ очень дѣльный ея трудъ на тему „О преподаваніи иностранныхъ языковъ", гдѣ весьма обстоятельно разработана методика этого

предмета. При этомъ не лишнее замѣтить, что нѣкоторыя изъ кандидатокъ, посвятившихъ себя филологіи, изучали латинскій языкъ, знаніе котораго, конечно, не мало содѣйствовало основательности усвоенія языковъ новыхъ.

Такъ какъ многія изъ воспитанницъ свободно владѣютъ новыми языками, то преподаватель предлагалъ имъ избранныя сочиненія иностранныхъ педагоговъ и отдѣльныя статьи изъ нихъ для переводовъ, преимущественно по дидактикѣ. Подобныя работы были вдвойнѣ полезны для кандидатокъ. Побуждая ихъ совершенствоваться въ переводахъ съ новыхъ языковъ, онѣ въ то же время давали обильный матеріалъ для изученія самой науки о воспитаніи, при чемъ, дѣлая переводъ, воспитанницы по необходимости тщательнѣе вникали въ смыслъ текста и основательнѣе усвоивали его содержаніе. Изъ подобныхъ работъ я познакомился съ трудомъ г-жи Д—вой, представившей содержаніе IV-й гл. педагогики Брауна: „О качествахъ преподавателя и правилахъ обученія". Изъ качествъ преподавателя здѣсь разсматриваются: а) религіозность, б) степенность, в) терпѣливость, г) благоразуміе, д) преданность своему дѣлу, е) безпристрастіе, ж) кротость, з) бдительность, і) любовь къ дѣтямъ, к) разумность, л) образованность, м) заботливость, н) краснорѣчіе, о) сдержанность, п) крѣпость силъ физическихъ. Изъ Брауна же я читалъ прекрасное извлеченіе г-жи: Т. „Правила обученія" и „Школьные законы". Здѣсь дается рядъ практическихъ правилъ, примѣненіе которыхъ можетъ обезпечивать успѣхи преподаванія.

Въ историческихъ темахъ, сколько можно судить по сочиненіямъ воспитанницъ, имѣлось въ виду главнымъ образомъ остановить вниманіе ихъ на разъясненіи основныхъ условій исторической жизни, на выясненіи хода и связи событій, при чемъ постоянно имѣлся въ виду сравнительный методъ изложенія.

Изъ историческихъ сочиненій мною были прочитаны слѣдующія:

„Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію русскаго народа" (г-жъ Ис. и Тав.). Весьма основательные труды, которые дали возможность авторамъ ихъ обнаружить солидный запасъ историческихъ свѣдѣній, многостороннее и тщательное изученіе предмета, способность къ обобщеніямъ и выводамъ, умѣнье находить живую, естественную связь въ историческихъ явленіяхъ, вообще разумный и осмысленный взглядъ на историческую жизнь русскаго народа. Конечно, авторы имѣли уже богатый и обработанный матеріалъ для этой темы; но было бы странно и требовать какихъ-либо новыхъ

изысканій отъ кандидатокъ; вопросъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ работахъ, именно въ томъ и состоялъ, чтобы дать побужденіе кандидаткамъ всесторонне, основательно и разумно усвоить прежде всего то, что уже общепризнано и составляетъ основу историческаго знанія. И судя по работамъ кандидатокъ, цѣль эта достигалась вполнѣ успѣшно.

Тема „О преподаваніи исторіи" (при чемъ имѣлась въ виду статья по этому предмету К. М., помѣщенная въ Педагогическомъ Сборникѣ 1876 г. кн. IV) имѣетъ предметомъ рѣшеніе главнѣйше двухъ вопросовъ—что̀ и какъ должно быть проходимо изъ исторіи въ курсѣ общеобразовательной народной школы. Въ сочиненіи на эту тему (г-жи Тав.) предметъ изложенъ весьма обстоятельно и практически. Обработка подобной темы, конечно, всего ближе соотвѣтствуетъ цѣли педагогическаго курса. Въ сочиненіи на тему „О значеніи и цѣляхъ элементарнаго курса исторіи (г-жи Ис.), авторъ считаетъ развитіе чувства „гуманнаго патріотизма основною цѣлью изученія исторіи въ формальномъ отношеніи".

Тема „О русскихъ лѣтописяхъ" (соч. г-жи Ис.) обнимала собою происхожденіе нашихъ лѣтописей, мнѣнія о ихъ авторахъ, научно-историческое значеніе лѣтописей, ихъ языкъ, содержаніе, при чемъ имѣлись въ виду труды Костомарова, Сухомлинова и др. историковъ.

Въ сочиненіи (г-жи Ис.) на тему „Вліяніе христіанства на жизнь русскаго народа". обозначается это вліяніе на всѣ стороны древне-русской жизни, — на бытъ семейный, общественный, государственный, на нравственность и религію народа, на его міровоззрѣніе, нравы и обычаи.

Трудъ (г-жи Тав.) на тему „Эпоха возрожденія и ея главные дѣятели" представляетъ обширное и талантливое сочиненіе, которое свидѣтельствуетъ какъ о прекрасной подготовкѣ кандидатки въ отношеніи обилія свѣдѣній, такъ и о способности разумно относиться къ историческимъ явленіямъ. Тема эта, богатая содержаніемъ и чрезвычайно интересная въ историческомъ отношеніи, обработана была авторомъ, видимо, съ любовію и со вниманіемъ. Послѣ общей характеристики данной эпохи, авторъ останавливается на Петраркѣ, Маккіавели и др. дѣятеляхъ Италіи, затѣмъ переходя собственно къ реформаціи въ Германіи, останавливается на личностяхъ Эразма, Рейхлина и другихъ гуманистовъ; далѣе онъ характеризуетъ дѣятелей реформаціи во Франціи, Англіи и Италіи. Изложеніе живое, правильное и изящное.

Сочиненіе на тему „Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ" (г-жи Ис.) излагаетъ жизнь и педагогическіе взгляды воспитателя Александра (по ст. Журн. Мин. Нар. Пр.), причемъ дается прекрасная характеристика того педагогическаго, гуманнаго вліянія, какое Лагарпъ имѣлъ на своего вѣнценоснаго питомца. Сочиненіе: „Карлъ Великій какъ законодатель и покровитель наукъ и искусствъ" того же автора, представляетъ обстоятельное изложеніе трудовъ великаго монарха въ указанныхъ сферахъ. Здѣсь я долженъ сказать, что почти всѣ сочиненія кандидатокъ довольно обширны, такъ что перечитать ихъ представляло не малый трудъ; но я остановился на нихъ потому, что въ этихъ трудахъ всего болѣе выражалась умственная зрѣлость воспитанницъ и степень ихъ подготовки къ спеціальному труду учительства.

II.

Занятія по воспитательной практикѣ кандидатокъ, согласно нормальному плану VIII класса состояли въ исполненіи обязанностей помощницъ воспитательницъ въ трехъ низшихъ классахъ женской гимназіи, при чемъ сначала каждой кандидаткѣ поручались 3—4 ученицы, преимущественно изъ малоуспѣвающихъ, а затѣмъ поручалась и часть цѣлаго класса, дѣвочекъ 18—20, съ обязанностію вести подробный дневникъ своихъ занятій. При этомъ кандидатки имѣли право присутствовать въ классахъ порученныхъ имъ ученицъ, съ обязанностью наблюдать за ихъ занятіями, а во внѣклассное время заниматься съ дѣвочками, облегчая имъ толковое, разумное усвоеніе уроковъ, при чемъ онѣ сами пользовались совѣтами классныхъ дамъ и особенно начальницы гимназіи, которая вообще въ занятіяхъ педагогическаго класса принимала живѣйшее, практическое участіе. Посѣщеніе кандидатками уроковъ имѣло еще и то значеніе, что такимъ образомъ устанавливалось единство метода, занятій и требованій отъ ученицъ. Слѣдя за классныхъ преподаваніемъ, кандидатки въ домашнихъ занятіяхъ съ ученицами старались согласоваться съ тѣмъ, что и какъ работали ученицы подъ руководствомъ учителей. Безъ такого соглашенія могло бы случиться, что одна рука строила бы, другая разрушала. Въ то же время кандидатки, конечно, не мало пользы выносили изъ непосредственнаго, нагляднаго изученія практики преподаванія при посѣщеніи уроковъ.

Усердіе и чрезвычайная добросовѣстность въ отношеніи ввѣренныхъ имъ ученицъ весьма наглядно сказываются въ дневникахъ.

Изъ дневниковъ можно видѣть съ какою заботливостью кандидатки старались опредѣлить причины неуспѣшности ввѣренныхъ имъ ученицъ, выяснить, что̀ ихъ затрудняетъ, разнообразными пріемами и средствами пробудить въ нихъ интересъ къ ученію. Каждый урокъ, всякая работа, данная ученицѣ руководительницей, носятъ характеръ обдуманности и цѣлесообразности. Присутствуя вмѣстѣ съ ученицами на урокахъ, кандидатки внимательно слѣдятъ за своими ученицами и тщательно ими руководятъ. Внѣ классовъ занятія ихъ посвящены подготовкѣ уроковъ ученицами. Для правилъ грамматики онѣ пріискиваютъ удобные примѣры и побуждаютъ ученицъ выводить изъ нихъ правила, а затѣмъ на правила приводить свои новые примѣры. Всѣми средствами стараются кандидатки пробудить въ ученицахъ любознательность, умственную живость, энергію, интересъ къ труду и воспріимчивость. Но при этомъ въ отношеніи выполненія работъ всегда требовалась самостоятельность, такъ что желаніе облегчить путь къ успѣху въ ученіи никогда не переходило въ антипедагогическую помощь ученицамъ, которая совершенно освобождала бы ихъ отъ труда, — напротивъ, онѣ наиболѣе побуждались къ труду, но къ труду разумному, осмысленному, чего не всѣ могли бы достигнуть, бывъ предоставлены собственнымъ силамъ.

Вообще педагогическимъ дневникамъ кандидатокъ слѣдуетъ придавать (и придавалось) самое серьезное значеніе. Не говоря о цѣляхъ чисто практическихъ, — провѣрки дѣятельности кандидатокъ, — на дневники слѣдуетъ смотрѣть, какъ на вполнѣ самостоятельныя педагогическія работы, основанныя при томъ не на книжномъ изученіи предмета, но на личномъ опытѣ, наблюденіи, на живомъ анализѣ дѣтской личности, на вникаціи въ разнообразныя условія успѣшности обученія и воспитанія. Это чрезвычайно важные опыты воспитанницъ въ практической психологіи. И слѣдуетъ отдать справедливость Воронежскимъ кандидаткамъ: онѣ отнеслись къ своей задачѣ чрезвычайно добросовѣстно. Я не говорю уже о внѣшнемъ выполненіи этихъ работъ; дневники, не смотря на то, что писались подъ первымъ впечатлѣніемъ минуты, такъ-сказать, между дѣломъ, написаны правильно грамматически и стилистически, языкомъ живымъ, а порою изящнымъ; но въ изложеніи наблюденій и занятій съ ученицами столько сердечной теплоты, преданности дѣлу, сквозитъ такая вѣра въ свой трудъ, въ свое призваніе, что чтеніе дневниковъ производитъ самое доброе впечатлѣніе. Мы сожалѣемъ, что размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ сдѣлать въ желаемомъ объемѣ выписокъ изъ этихъ

дневниковъ; приводимыя ниже извлеченія, уже по самой отрывочности ихъ, не могутъ служить для полной характеристики этихъ работъ; но мы должны подчиниться необходимости.

Въ одномъ изъ дневниковъ (г-жи В—ой) я встрѣтилъ замѣтку, которая указываетъ на нѣкоторое неудобство въ назначеніи для практики кандидатокъ однѣхъ плохихъ ученицъ. Именно учительница замѣтила, что дѣвочка Л. всегда съ неохотой оставалась на пятые часы въ гимназіи для занятій съ кандидаткой. Недовольство это она объясняла тѣмъ, между прочимъ, что самолюбіе Л. было задѣто, когда ее назначили заниматься съ кандидаткой, такъ какъ Л. убѣждена, что для занятій съ спеціалистками назначаются только самыя плохія ученицы. „Я нѣсколько разъ, пишетъ кандидатка, пыталась доказывать Л. неосновательность ея мнѣнія, но она стояла на своемъ и значитъ я, какъ спеціалистка, назначенная заниматься съ нею, вѣроятно, должна была казаться ей личностью болѣе или менѣе непріятною".

При чтеніи дневниковъ, очень ярко выдается желаніе кандидатокъ отнестись къ дѣлу съ возможною серьезностію и вниманіемъ.

Вотъ, напримѣръ, первое знакомство кандидатки Кул. съ ея ученицами, по дневнику.

«Сегодня мнѣ поручили 3-хъ ученицъ IV-го класса гимназіи и я отправилась для знакомства съ ними въ IV-й классъ.

Какъ во время класса, такъ и послѣ него я не замѣтила въ нихъ ничего выдающагося: ихъ внѣшній видъ и поведеніе были вполнѣ безукоризненны. По окончаніи урока, я пересмотрѣла ихъ учебныя пособія и нашла все въ должномъ порядкѣ.

Тутъ-же я хотѣла заняться съ ними диктантомъ, но, къ несчастію, не успѣла,—такъ какъ пересмотръ книгъ и тетрадей занялъ довольно много времени, чѣмъ и ограничились мои наблюденія въ первый день моего знакомства съ ученицами; я постараюсь теперь передать тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на меня каждая изъ моихъ воспитанницъ въ отдѣльности. Начинаю съ Гр.: она, не смотря на короткое время, успѣла уже расположить меня въ свою пользу какъ своею безукоризненною опрятностью въ одеждѣ и содержаніи учебныхъ книгъ, такъ и своею скромностью, внимательностью и добротою по отношенію къ подругамъ. Напримѣръ, во время большой перемѣны, она хотя была занята показываніемъ мнѣ своихъ тетрадей, но тутъ же находила время удовлетворять просьбамъ подругъ, безъ всякаго раздраженія; если же просьбы ихъ не были удобоисполнимы въ данное время, то она вѣжливо просила ихъ подождать, пока она кончитъ свое дѣло. То же, что сказано о Гр., можно, кажется, приложить и къ Ш., которая, должно быть, очень прилежна, такъ какъ по окончаніи 5-го урока, она подошла ко мнѣ спро-

сить, нужно-ли ей завтра приходить къ 8-и часамъ для занятій, или еще раньше; ей очень хочется поскорѣе приняться за дѣло. Не знаю, что сказать о N.; быть можетъ я жестоко ошибаюсь, но она кажется мнѣ очень вялой, неподвижной и, можетъ быть, даже лѣнивой дѣвочкой. Хотя она сидѣла въ классѣ очень тихо, но, повидимому, едва-ли внимательно слѣдила за объясненіемъ учителя: ея неподвижное положеніе и опущенные внизъ глаза придавали ей если не видъ бездушной статуи, то по крайней мѣрѣ видъ спящей. Второй день. Хотя я пришла сегодня и раньше 8-и часовъ, но моя III. была уже въ гимназіи и, на вопросъ мой, что болѣе всего затрудняетъ ее, отвѣтила—повтореніе изъ Закона Божіяго, такъ какъ у нея не было все время книги и ей пришлось къ сегодняшнему дню учить не только заданный урокъ, но и всѣ предыдущіе. Я сейчасъ же принялась за объясненіе непонятныхъ ей мѣстъ изъ заданнаго урока, спросила какъ повтореніе, такъ и новый урокъ сначала по вопросамъ, а потомъ, когда онъ былъ вполнѣ усвоенъ, я заставила ее повторить въ связномъ разсказѣ, что она исполнила вполнѣ удовлетворительно. Больше ничего я не успѣла сдѣлать, звонокъ возвѣстилъ намъ, что пора идти на молитву. На 2-мъ урокѣ въ IV-мъ классѣ былъ французскій языкъ а такъ какъ Гр. ему не учится, то я и взяла ее заниматься. Узнавъ, что ей труднѣе всего дается русскій языкъ, я употребила весь слѣдующій урокъ на занятіе имъ. Сначала я заставила ее прочесть заданныя главы изъ славянскаго учебника, а потомъ продиктовала ей статью для письма. Для диктанта я выбрала «Смерть Олега», изъ Карамзина, такъ какъ въ нее входятъ различнаго рода предложенія придаточныя, вводныя, вносныя и безличныя, много опредѣленій, дополненій—словомъ, она представляла обширное поле какъ для грамматическаго, такъ и для синтаксическаго разбора, которымъ я собственно и думала заняться по окончаніи диктанта. Впрочемъ я прежде поправила ея ошибки, заключавшіяся большею частію въ знакахъ препинанія, изъ грубыхъ-же грамматическихъ была только одна, сдѣланная, вѣроятно, по разсѣянности, такъ какъ она сама ее поправила и объяснила, почему должно писать такъ, а не иначе».

Во многихъ отношеніяхъ дневники могутъ оказывать пользу для правильной постановки преподаванія, такъ какъ изъ дневниковъ можно видѣть недосмотры въ преподаваніи, а равно и причины неуспѣшности тѣхъ или другихъ ученицъ. Напримѣръ, въ дневникѣ г-жи Л. я встрѣтилъ такую замѣтку:

19 сентября. «По моему желанію, ученица Б. сегодня очень рано явилась въ гимназію для занятій. Такъ какъ на первыхъ часахъ у нея былъ французскій языкъ, то мы имъ и занялись. Я хотѣла узнать, выучила ли Б. заданные ей стихи. Она сказала ихъ довольно плохо, но видно было, что она старалась ихъ выучить и если ей это не удалось, то, вѣроятно, была тому своя причина. Я догадывалась, въ чемъ она заключалась, и чтобъ убѣдиться въ моемъ предположеніи, попросила ее перевести прочитанные стихи. Предположеніе мое оправдалось: она почти ни слова не понимала изъ того, что заучивала, не мудрено, что она никакъ при этомъ не могла хорошо усвоить сти-

хи. Я помогла ей перевести ихъ, затѣмъ заставила снова прочесть ихъ наизусть и вышло несравненно лучше».

Но кандидатки не ограничиваютъ свои занятія съ ученицами исключительно учебными занятіями.

Забота о нравственномъ воспитаніи ученицъ, объ исправленіи дурныхъ навыковъ и наклонностей составляла одну изъ главнѣйшихъ задачъ кандидатокъ по отношенію къ ввѣреннымъ имъ ученицамъ. Изъ дневниковъ видно, что кандидатки-руководительницы вполнѣ понимали старую истину что qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit quam proficit, — даже болѣе, самый успѣхъ въ занятіяхъ, по ихъ взгляду, обусловливался прежде всего доброю нравственностью ученицъ. Конечно, рѣчь идетъ не о какихъ-нибудь выдающихся нравственныхъ недостаткахъ, но о недостаткѣ усердія, иногда проявлявшейся лѣни, упрямства, недружелюбія и тому под. дѣтскихъ погрѣшностей, обусловливающихся чаще всего семейнымъ бытомъ, экономическимъ положеніемъ, общественными отношеніями той среды, гдѣ живутъ воспитанницы.

Въ дневникѣ г-жи В—ой я нашелъ, напримѣръ, такое мѣсто:

15 сентября. «Такъ какъ наканунѣ былъ праздникъ, то я сочла полезнымъ узнать отъ ученицы своей, знаетъ ли она, какое событіе соединяется съ прошлымъ праздникомъ. Поэтому я спросила ее: «какой вчера былъ праздникъ»? — Ученица отвѣтила, что 14-го сенября былъ праздникъ Воздвиженья Животворящаго Креста. Я спросила, что значитъ слово воздвиженье (воздвигать)? Ученица не могла ничего отвѣтить, а только задумалась. Тогда я сказала, что воздвигать—значитъ поднимать, воздвиженье—поднятіе. Воздвиженье креста—значитъ, что крестъ поднимали, чтобы его всѣ видѣли. Послѣднею чертою я намекала на событіе праздника, желая, чтобъ ученица разсказала мнѣ эту исторію; но она не знала ее. Мнѣ пришлось самой разсказать ей это событіе. Потомъ я спросила—была ли ученица въ церкви? Она отвѣчала, что была. За это я похвалила ее и сказала, чтобъ она какъ можно чаще посѣщала богослуженіе, разумѣется, въ свободное отъ ученья время».

Заканчивая дневникъ, учительница пишетъ о своей ученицѣ, что она „во всѣхъ отношеніяхъ перемѣнилась къ лучшему, стала учиться усерднѣе и вести себя гораздо лучше; по нѣкоторымъ предметамъ у нея есть даже четверки и пятерки вмѣсто прежнихъ троекъ и двоекъ".

Но всего болѣе выражается чисто-нравственное отношеніе кандидатокъ къ ученицамъ въ тѣхъ характеристикахъ, какія представляются о каждой ученицѣ въ „дневникахъ", при концѣ занятій съ ними. Характеристики эти интересны и въ томъ отношеніи, что въ нихъ выражается наблюдательность кандидатокъ, стремленіе

опредѣлить психологически личность ученицы и этимъ путемъ выяснить причины успѣховъ или неуспѣшности въ занятіяхъ ученицъ.

Подобное отношеніе къ дѣлу составляетъ основу индивидуализаціи въ обученіи, то-есть, примѣненіе разнообразныхъ мѣръ воспитанія и обученія къ степени развитія, силѣ способностей и вообще къ личнымъ особенностямъ учащихся. Приведемъ для примѣра нѣсколько характеристикъ ученицъ изъ дневниковъ.

Вотъ напр., заключеніе дневника г-жи К.

«Въ заключеніе моего дневника остается только сказать нѣсколько словъ о характерѣ ввѣренныхъ мнѣ ученицъ. Положимъ, что полтора мѣсяца слишкомъ мало для того, чтобы вполнѣ изучить человѣка, но все таки этого времени достаточно для того, чтобы составить о немъ болѣе или менѣе вѣрное понятіе. Поэтому на мою характеристику не должно смотрѣть какъ на плодъ систематическаго изученія характера ученицъ, хотя я впрочемъ и старалась, на сколько возможно, правильно отразить въ ней замѣченныя мною черты ихъ характера, но какъ на результатъ небольшаго ряда наблюденій при моихъ занятіяхъ съ ученицами. Начинаю съ Гр.—Уже въ началѣ дневника, въ моемъ первомъ впечатлѣніи, я высказала о ней лестное мнѣніе и очень рада, что не ошиблась. Дѣйствительно, Гр. вполнѣ заслуживаетъ похвалы!—За все время занятія она была безукоризненна какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Всегда опрятная, причесанная, заботливо относящаяся къ содержанію учебныхъ пособій, она уже этою стороною производитъ пріятное впечатлѣніе. Кромѣ того она ласкова, добра и откровенна, иногда даже съ примѣсью наивности; всегда готова она услужить всѣмъ, сдѣлать что либо пріятное, полезное; если-же она не въ состояніи исполнить какую либо просьбу подруги, помочь ей въ чемъ нибудь, объяснить что либо, то это гораздо болѣе огорчитъ ее, чѣмъ ту, которая просила. «Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ я этого не знаю? Хорошо, если кто нибудь объяснитъ ей урокъ, а то, что она будетъ дѣлать въ классѣ, не зная его»! «А вы-то какъ же»? спросишь ее. «Да мнѣ вы, надѣюсь, объясните, а если нѣтъ, то я въ классѣ послушаю». Она очень прилежна и, не смотря на свою болѣзненность и случающіеся пропуски уроковъ, никогда не является въ классъ, не выучивъ заданнаго; если же что нибудь затрудняетъ ее, она всегда проситъ уяснить ей не думая о томъ, что, можетъ быть, изъ за этого ей придется просидѣть лишній часъ въ гимназіи.—«Мнѣ хочется учиться, хочется знать», вотъ слова, которыми она любитъ сопровождать свои занятія! Надѣюсь, что съ такими качествами и съ возрастающимъ прилежаніемъ изъ нея можетъ выдти въ будущемъ хорошая развитая дѣвушка, заботящаяся о пользѣ другихъ столько же, сколько и своей собственной! — Что сказать мнѣ о N? Странная какая-то она! Обыкновенно живая, веселая—она то поражаетъ прилежаніемъ, то ужасаетъ лѣнью, апатіей ко всему и къ ученію въ особенности!—«Чтò мнѣ учиться, говоритъ она въ такія минуты,—и тогда сквозь наружный смѣхъ въ глазахъ ея виднѣются слезы,—все равно до конца не доучишься. Книги дороги, средствъ къ жизни становится съ каждымъ днемъ все меньше и меньше! Лучше дурно учиться, чтобы потомъ и бросить было не жаль»!—Начнешь ее угова-

ривать, утѣшать надеждой, что обстоятельства могутъ измѣниться, средства прибавиться, и ей не зачѣмъ будетъ бросать ученье, придется не мало пожалѣть о даромъ потраченномъ времени въ низшихъ классахъ! «Нѣтъ, нѣтъ! перебьетъ обыкновенно Ш:, вы меня, пожалуйста, не слушайте, это я такъ, я буду учиться«! И она внимательно начинаетъ слушать мои объясненія, на другой день является, зная уроки.—Она, какъ кажется, большая эгоистка: все хочетъ хорошаго для себя одной. Такъ, напримѣръ. если приходится заниматься съ остальными ученицами, когда у нея нѣтъ свободнаго времени, то она вѣчно будетъ просить не заниматься съ ними, а отпустить ихъ домой. «Мнѣ будетъ очень непріятно и тяжело, говоритъ она, что онѣ хорошо будутъ знать урокъ, а я нѣтъ, имъ объясните вы все, а мнѣ ничего. Если я чего не знаю, пусть и изъ нихъ никто этого не узнаетъ». Не смотря на этотъ недостатокъ, она все же добрая, услужливая и очень вѣжливая дѣвочка; къ тому же она обладаетъ счастливыми способностями и можетъ, если захочетъ, учиться хорошо.

Ученица Х., вопреки моему первоначальному о ней мнѣнію, оказалась очень прилежною и исполнительною дѣвочкой; въ ней я не замѣтила перемѣнъ. Вѣчно сидитъ она надъ уроками, вѣчно учитъ ихъ, но знаетъ только то, что можно вызубрить. Способности ея чрезвычайно плохи, развитія тоже мало. Это какая то робкая, запуганная и недовѣрчивая дѣвочка; она отъ всего сторонится, всего боится, даже собственный ея голосъ, кажется, пугаетъ ее. На всѣ вопросы отвѣчаетъ она лаконически и какъ бы спѣшитъ поскорѣе остаться одной. Сколько разъ пробовала я разговориться съ ней, все напрасно; ее не втянешь въ разговоръ! Она коротко отвѣтитъ на все спрошенное и больше не ждите ничего! Вообще же Х. добрая, услужливая дѣвочка, она всегда готова помочь своимъ подругамъ, но только, по возможности, молча».

Вотъ характеристики ученицъ изъ дневника г-жи Д.

«Р. дѣвочка необыкновенна живаго и веселаго характера. Но эта веселость и живость не служатъ ей во вредъ. Учится она довольно хорошо, хотя, можетъ быть, безъ вліянія на нее домашней окружающей ее среды, она часто лѣнилась бы, но, какъ она сама разказываетъ, ее заставляютъ до тѣхъ поръ заниматься, пока она не выучитъ всѣхъ уроковъ. Она обладаетъ большою сообразительностью, только одно меня удивляетъ, что не смотря на сообразительность, она часто не можетъ рѣшить не хитрой задачи. Но мнѣ кажется, что это происходитъ отъ того, что она просто не хочетъ приняться за дѣло. Это заключеніе я вывела изъ того, что всѣ классныя письменныя работы ея сдѣланы вѣрно, ибо она знаетъ, что за неправильно сдѣланную задачу получитъ дурной баллъ. Какъ и всѣ дѣвочки въ ея возрастѣ, она слишкомъ много вниманія обращаетъ на баллы. Менѣе 3 у ней до сихъ поръ еще не было. Занимаясь со мной, она стала лучше учиться, чѣмъ въ началѣ года; такъ изъ русскаго языка у ней явилось полное 5, изъ остальныхъ же предметовъ по 4. Я замѣтила въ ней одинъ только недостатокъ,—это временную застѣнчивость. Иногда я обращаюсь къ ней съ вопросомъ и вижу, что глаза ея устремлены въ одно мѣсто, а физіогномія выражаетъ полнѣйшее безучастіе къ дѣлу. Понятно, что въ подобныя минуты она не могла отвѣчать на мои вопросы и я волей неволей должна была дѣлать ей замѣчаніе; но впрочемъ, это случается съ ней очень рѣдко; въ продолженіе всего времени моихъ съ нею занятій мнѣ пришлось замѣтить ей два или три раза. Кромѣ этого недостатка, я не замѣтила

въ ней ничего дурнаго. Мнѣ нравится въ ней одна черта—хорошее обращеніе съ подругами. Присутствуя нерѣдко въ ихъ классѣ, я никогда не замѣчала, чтобы она грубо отвѣтила или отказала обращавшейся къ ней подругѣ; если же ей было некогда, то она вѣжливо просила подождать. Вообще—это дѣвочка ласковая, услужливая, веселая, вѣжливая. Относительно костюма и поведенія я не могла сдѣлать ей ни одного замѣчанія и была ею чрезвычайно довольна во все время моихъ занятій.

Другая моя ученица N. совершенно противоположна Р. Это скромная, тихая дѣвочка, чрезвычайно застѣнчивая. Если ей предложить самый обыкновенный вопросъ, то она непремѣнно сконфузится, покраснѣетъ и ни за что не отвѣтитъ сразу. Всѣ движенія ея необыкновенно медленны, она кажется до того запугана, что боится сказать слово. Эта запуганность отражается на ея успѣхахъ. Иногда она знаетъ урокъ довольно хорошо, но боится отвѣтить не такъ, какъ слѣдуетъ, и стоитъ молча до тѣхъ поръ, пока ей не велятъ садиться; ея молчаніе, конечно, объясняется незнаніемъ, а не застѣнчивостью. Когда я спрашивала ее иногда, отчего она не отвѣчала урокъ въ классѣ, тогда какъ мнѣ отвѣтила безъ одной ошибки, она отвѣчала, что сконфузилась и потому не могла отвѣчать. Понятно, что это мѣшаетъ ей учиться хорошо, но все-же, начавъ заниматься со мной, она значительно подвинулась впередъ. Прошлый годъ она получала двойки очень часто, нынѣшній же годъ у ней нѣтъ еще ни одной двойки, большая же часть балловъ--4. Меня радуетъ, что хотя мои труды и не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но все же я принесла ей хоть маленькую пользу. Съ подругами N. вѣжлива, обходительна, но подруги-то, кажется, ее не очень любятъ и часто отказываютъ ея просьбамъ. Она не обладаетъ такою сообразительностью, какъ Р., но за то старанія учиться у ней гораздо болѣе. Дома ее не принуждаютъ учиться, но она сама сознаетъ пользу ученія и всегда очень добросовѣстно учитъ всѣ уроки».

Характеристика X. изъ дневника г-жи Л.

«Не обладая ни блестящими умственными способностями, ни обширною памятью, дѣвочка эта владѣетъ за то здравымъ смысломъ, прилежаніемъ, привычкою точно исполнять свои обязанности (что очень важно не только въ школьныхъ занятіяхъ, но и въ жизни), и наконецъ, желаніемъ учиться—если не изъ любви къ наукѣ, что встрѣчается между дѣтьми довольно рѣдко, то просто изъ желанія приложить со временемъ свои знанія къ дѣлу и быть въ состояніи честнымъ трудомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба. Этотъ взглядъ ея на ученье я узнала изъ бесѣдъ съ X.

Она не владѣетъ краснорѣчіемъ, но зная всегда свои уроки, всегда можетъ отвѣтить достаточно связно, чтобы быть понятою, и это все, что требуется (?). Она никогда не будетъ первою въ классѣ, но не будетъ и послѣднею. Къ первому ей заграждаетъ путь недостатокъ природныхъ дарованій, отъ послѣдняго ее охраняетъ здравый смыслъ и сознаніе необходимости образованія для жизни.

«N., владѣя гораздо бо̀льшими способностями и памятью, чѣмъ X., далеко уступаетъ этой послѣдней въ прилежаніи. Можно сказать даже, что она лѣнива. По способностямъ своимъ она могла бы быть одною изъ первыхъ въ

классѣ; но это едва ли случится, потому что она не захочетъ побольше потрудиться для этой цѣли. Она очень не любитъ трудиться. Ей болѣе тѣмъ кому-либо нужна посторонняя помощь, чтобы, облегчая ей трудъ, дѣлать его менѣе тяжелымъ и тѣмъ заставить ее учиться лучше. Нужно постоянно смотрѣть за нею я не давать ей лѣниться. Но кромѣ лѣни, которую въ ней довольно легко побѣдить, я не замѣтила въ ней другихъ выдающихся недостатковъ. Она очень правдива, откровенна и обладаетъ чрезвычайно мягкимъ характеромъ, что я считаю большимъ достоинствомъ въ дѣвочкѣ. При занятіяхъ со мною она всегда была очень внимательна и быстро схватывала и усвоивала объясненія. Вообще съ нею необходимо заниматься и заниматься много, чтобы постоянно возбуждая ея дѣятельность, не давать ей лѣниться; заниматься же съ нею не скучно и не трудно».

Характеристики изъ дневника г-жи Ис.

«N. сначала представилась мнѣ въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ, и хотя мнѣ не удалось вполнѣ исправить дурныя стороны ея характера, но все же я оставляю ее на пути исправленія, на которомъ она сдѣлала уже нѣсколько важныхъ шаговъ. Многаго отъ нея впрочемъ и требовать нельзя, такъ какъ при слабости и болѣзненности организма, она чрезвычайно раздражительна, что отражается и на ея занятіяхъ. Но, какъ всегда бываетъ, рядомъ съ дурными чертами, въ характерѣ N. есть и добрыя стороны, кладущія отпечатокъ на ея отношенія къ соученицамъ. Она чрезвычайно дружелюбно относится къ всѣмъ своимъ подругамъ; чувства зависти и вражды ей совершенно чужды, она всегда радуется за успѣхи подругъ. Она совсѣмъ не честолюбива и не ищетъ отличія въ классѣ, ея скромость доходитъ до излишества и даже дѣлаетъ незамѣченными ея заслуги въ глазахъ другихъ. Однако совершенное отсутствіе всякаго самолюбія имѣетъ и неблагопріятныя слѣдствія. N. совершенно равнодушно относится къ занятіямъ, апатія проглядываетъ у ней во всемъ, что отражается и на успѣхахъ ея по классу. Порою проглядываетъ въ ней упрямство, но обнаруженіе его такъ случайно, что нельзя счесть его за черту характера.

Въ своихъ отношеніяхъ къ подругамъ она поступаетъ совершенно согласно съ слабостью своего характера, подчиняясь, по большей части, дѣвицамъ съ болѣе сильнымъ характеромъ.

Однакоже она мало сходится съ подругами, а болѣе дружна съ ученицами IV класса; послѣднее, впрочемъ, говоритъ въ пользу ея постоянства, такъ какъ она прежде шла съ этимъ классомъ. Но вся ея мягкость и уступчивость мнѣ очень нравятся. Она довольно воздержна и въ отношеніи ко мнѣ не позволяетъ ни одного дерзкаго, несдержаннаго слова. Ея просьбы всегда такъ убѣдительны и основательны, что нѣтъ возможности имъ отказать. Въ ней нѣтъ ничего поддѣльнаго, напускнаго; съ перваго же раза она вамъ покажется такою, какова на самомъ дѣлѣ. Въ ней нѣтъ хитрости и лести; она прямо высказываетъ то, что чувствуетъ».

Ограничиваясь въ характеристикѣ дневниковъ приведенными изъ нихъ извлеченіями, переходимъ къ обсужденію этихъ дневниковъ, послѣ подачи ихъ кандидатками въ педагогическую коммиссію.

Разсмотрѣніе дневниковъ велось вполнѣ серьезно, обстоятельно. Предварительно дневникъ прочитывался директоромъ, начальницей гимназіи, или кѣмъ-либо изъ руководителей VII класса, затѣмъ составлялась педагогическая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ директора, въ присутствіи начальницы гимназіи, всѣхъ преподавателей педагогическаго класса, классныхъ дамъ первыхъ четырехъ классовъ и всѣхъ воспитанницъ VIII класса; въ коммиссіи дневникъ прочитывался и обсуждался совокупно всѣми ея участниками; веденіе протокола возлагалось на одну изъ кандидатокъ, по очереди.

При обсужденіи дневника высказывались какъ недостатки, такъ и положительныя его стороны, при чемъ составительницѣ предоставлялось право представлять свои объясненія по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ, выраженій и мыслей. Нельзя не признать весьма практичнымъ обязательное веденіе протоколовъ по обсужденіи дневниковъ самими кандидатками. Это своего рода педагогическія сочиненія, гдѣ составительница обязана уловить главную нить возраженій, усвоить весь ходъ обсужденія даннаго матеріала и изложить его правильно, въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ какъ протоколъ прочитывается въ коммиссіи и подписывается всѣми ея членами, кромѣ того просматривается предварительно директоромъ или начальницей гимназіи, то манкировать этимъ дѣломъ или относиться къ нему безъ должнаго вниманія положительно нельзя. Прочитанные мною протоколы вообще составлены очень дѣльно, толково и правильно. Считаю не лишнимъ привести изъ нихъ нѣкоторыя извлеченія. Вотъ, напримѣръ, протоколъ по обсужденію дневника г-жи В. 12-го ноября 1877 г.

«Г-жа начальница гимназіи, прочитавъ предварительно дневникъ г-жи В., высказала о немъ слѣдующее мнѣніе: 1) дневникъ отличается основательностію объясненій, 2) подробнымъ изложеніемъ ежедневныхъ занятій, 3) содержитъ въ себѣ хорошіе, вполнѣ обстоятельные образцы уроковъ, 4) отличается разнообразіемъ занятій, причемъ не упущены изъ виду даже необязательные предметы, каковы напримѣръ, объясненія сравнительной степени по французскому языку, 5) изъ дневника видно старательное приготовленіе къ предстоявшимъ занятіямъ съ ученицами и 6) стараніе улучшить способъ ихъ выраженія, для чего происходили особые уроки объяснительнаго чтенія, пересказа прочитаннаго и вообще разумное, практическое руководство ученицами.

Далѣе указаны недостатки дневника г-жи В., къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести:

1) Опущеніе изъ виду въ нѣкоторыхъ случаяхъ нравственной стороны ученицъ. Такъ объясняя событіе праздника 14-го сентября, кандидатка ограничилась чисто внѣшней стороной: объяснила когда и почему установленъ былъ праздникъ, но не разказала, какъ нужно проводить его.

— Г-жа В. заявила съ своей стороны по этому поводу, что объясненіе это дано было предъ концемъ урока и ей едва достало времени убѣдиться, на сколько дѣти усвоили объясненное.

2) Составительница дневника откровенно высказываетъ свою радость, что звонокъ избавляетъ ее отъ лѣнивой дѣвочки... Жаль, что наставница не придумала ничего, что помогло бы ей съ довольнымъ чувствомъ разстаться съ дѣвочкой, а между тѣмъ изъ другихъ мѣстъ дневника видно, что доставлявшія такъ много хлопотъ кандидаткѣ ученицы могутъ и удовлетворять требованіямъ ея. Почему бы ей здѣсь не остановиться, не побесѣдовать, не затронуть сердце ребенка?—Случай былъ хорошій!

3) Изъ дневника не видно, чтобы В. принимала мѣры противъ капризовъ и упрямства своихъ ученицъ, хотя и говорится о какихъ-то убѣжденіяхъ и выговорахъ.

4) Точно также не видно, чтобы она дѣлала внушеніе ученицамъ, пропускавшимъ уроки.

Г-жа В. объявила, что она имѣла по этому поводу продолжительныя съ ними бесѣды, но не занесла ихъ въ дневникъ.

5) Не указана цѣль нѣкоторыхъ занятій и степень ихъ неуспѣшности. При диктантѣ, напримѣръ, не указана цѣль его, ни сдѣланныя ученицами ошибки; при занятіяхъ географіей не указано, какъ были усвоены дѣтьми объясненія кандидатки.

6) Неточность и неправильность нѣкоторыхъ выраженій, а равно употребленіе тривіальныхъ словъ, какова чушь, битыя и пр.

Г. директоръ по этому поводу особенно рекомендовалъ избѣгать подобныхъ выраженій, такъ какъ а) тривіальность выраженій показываетъ тривіальность мыслей и б) подобныя слова, обращенныя къ дѣтямъ, не способны расположить ихъ къ труду, а напротивъ, пугаютъ ихъ и заставляютъ недовѣрчиво относиться къ себѣ.

7) Г-жа В. заявила, что она не допускала при занятіяхъ съ дѣтьми подобныхъ выраженій, а только помѣстила ихъ въ дневникѣ, по недосмотру.

8) При занятіи съ ученицами приготовленіемъ трудной для нихъ нагорной проповѣди, кандидатка напрасно не примѣнила пріемовъ объяснительнаго чтенія, что по мнѣнію законоучителя, могло бы помочь усвоенію урока.

9) Г-жа В. отчего-то думаетъ, что приготовленіе урока въ системѣ не облегчаетъ усвоенія его, а употребляется только потому, что такъ принято. Одна изъ кандидатокъ по этому поводу развила ту мысль, что подобное изложеніе урока много помогаетъ усвоенію его.

10) Въ характеристикѣ ученицъ, сдѣланной вообще довольно вѣрно, не сказано, на сколько внимательно дѣти относились къ своимъ учебнымъ обязанностямъ и лишь вскользь упоминается объ учебныхъ принадлежностяхъ дѣтей?

III.

Согласно нормальному плану VIII-го класса, кандидатки въ первое полугодіе всѣ посѣщали уроки чтенія, письма, роднаго языка

и счисленія обязательно; затѣмъ каждая изъ нихъ, по распоряженію педагогической коммисіи, посѣщала уроки въ трехъ низшихъ классахъ по предмету своей спеціальности. Въ томъ и другомъ случаѣ, не ограничиваясь однимъ присутствіемъ на урокахъ, кандидатки, внимательно слѣдили за преподаваніемъ учителей и составляли конспекты слышанныхъ уроковъ. Конспекты эти разсматривались педагогами - руководителями и затѣмъ заслушивались въ педагогической коммисіи и обсуждались.

Выше мы уже имѣли случай сказать о благотворномъ значеніи посѣщенія кандидатками уроковъ для руководства ввѣренныхъ имъ учениць; но тамъ онѣ предоставлялись собственному усмотрѣнію; въ данномъ же случаѣ обращаетъ на себя вниманіе требованіе составлять конспекты тѣхъ уроковъ, какіе онѣ посѣщали. Здѣсь слушательница по необходимости обязана слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ не только за главнымъ предметомъ урока, но и за подробностями его развитія, за разнообразными пріемами его передачи, повторенія преподаннаго, выясненія непонятнаго и т. д., слѣдить и за тѣмъ, какъ дѣти поняли и усвоили урокъ. Подобная работа сама по себѣ чрезвычайно интересна и поучительна, но легкою ее назвать нельзя. Перечитавъ массу конспектовъ, я нашелъ ихъ очень удовлетворительными и вполнѣ достигающими цѣли. Въ каждомъ конспектѣ сперва почти стенографически излагается весь ходъ урока, какъ его велъ учитель; затѣмъ кандидатка присоединяетъ собственныя соображенія и замѣчанія относительно слышаннаго урока.

Конечно, передавать здѣсь въ цѣломъ видѣ образцы подобныхъ работъ невозможно уже вслѣдствіе ихъ объема; мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ отрывкахъ.

Вотъ, напримѣръ, заключеніе конспекта урока по ариѳметикѣ во второмъ классѣ г-жи Д—вой:

«1) Прежде чѣмъ приступить къ объясненію новаго, преподавательница конспективно спросила то, что необходимо было знать при сложеніи составныхъ именованныхъ чиселъ, что вполнѣ согласуется съ правиломъ Дистервега: «иди впередъ съ твоими учениками тогда, когда пройденное прежде усвоено ими твердо».

2) Учительница употребляла при объясненіяхъ катехитическую методу преподаванія, вѣроятно, на томъ основаніи, что классъ, въ которомъ она вела свои объясненія, находится въ томъ возрастѣ, который требуетъ постоянной поддержки вниманія со стороны преподавательницы и этимъ пріемомъ она дѣйствительно достигала указанной цѣли.

3) Для той же цѣли, то-есть чтобъ ученицы были внимательны, учитель-

ница обращалась съ вопросами сначала къ цѣлому классу, а потомъ уже называла по имени ученицу, отъ которой желала получить отвѣтъ.

4) Отвѣты отъ ученицъ требовались полные, выраженные правильнымъ языкомъ, въ виду правила, что каждый урокъ есть въ то же время урокъ роднаго языка.

5) Учительница выводила правила изъ примѣровъ, ибо всегда то лучше усвоивается въ нашей памяти, что мы видѣли сами, а не услышали отъ другихъ. Вообще всякое правило, выводимое изъ примѣра, не бываетъ такимъ сухимъ и отвлеченнымъ, какимъ оно казалось бы ученицамъ безъ примѣра.

6) Такъ какъ все новое, при сравненіи съ прежде усвоеннымъ, запоминается несравненно легче, то учительница постоянно сравнивала сложеніе многозначныхъ чиселъ съ сложеніемъ составныхъ именованныхъ чиселъ.

7) Учительница искусно выбирала разнообразные примѣры на сложеніе, съ цѣлію узнать пробѣлы ученицъ въ знаніи ими различныхъ мѣръ.

8) Объясненія учительницы велись языкомъ вполнѣ понятнымъ и доступнымъ для ученицъ, которыя основательно усвоивали объясняемое, о чемъ ясно свидѣтельствовали ихъ отвѣты.

Во время рѣшеній задачи встрѣчались устныя вычисленія сложеній и вычитаній, что, какъ извѣстно, затрудняетъ дѣтей. Учительница облегчала трудность тѣмъ, что разлагала числа на составныя части, если это возможно было, разлагала на десятки, и такимъ образомъ достигала двухъ существенныхъ выгодъ: вопервыхъ, давала возможность безъ затрудненія устно рѣшать дѣйствія, а вовторыхъ, повторяла пройденное».

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ конспекта по русской грамматикѣ на тему: ознакомленіе ученицъ съ залогами русскихъ глаголовъ", въ 1-мъ классѣ Николаевской женской прогимназіи.

Изложивъ почти стенографическое описаніе всего хода урока, авторъ, (г-жа Т—на) дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

«Въ прослушанномъ мною урокѣ, который веденъ былъ катехитически, правила выводились изъ примѣровъ и примѣры подтверждали правила. Урокъ начатъ былъ тѣмъ, что на доскѣ продиктованы были примѣры, которые заключали ту грамматическую форму, съ которою преподавательница желала познакомить учаницъ, съ залогами глаголовъ, которые она называла не залогами, а только различными «видами» глаголовъ, потому что съ грамматическими терминами залога дѣти знакомятся только въ слѣдующемъ классѣ. Приводимые примѣры были просты и совершенно понятны, что важно въ томъ отношеніи, что они не отнимали времени для ихъ объясненія. Лучшее средство узнать отчетливо предметъ, особенно для дѣтей, это сравненіе; поэтому преподавательница и прибѣгла къ этому способу. Всѣ продиктованные примѣры были разобраны синтаксически и сравнены, то-есть, ученицы говорили, что въ нѣкоторыхъ примѣрахъ есть объяснительныя слова, а въ другихъ же нѣтъ, въ нѣкоторыхъ примѣрахъ дѣйствуетъ само подлежащее и дѣйствіе его переходитъ или не переходитъ на объяснительное слово; въ другихъ дѣйствуетъ объяснительное слово и дѣйствіе его переходитъ на подлежащее и т. д. Когда, наконецъ, вниманіе ученицъ было обращено на то, что сказуемое во всѣхъ

примѣрахъ выражено было глаголомъ, онѣ пришли къ заключенію, что глаголы выражаютъ разныя дѣйствія. Когда выведены были глаголы дѣйствительные и средніе, ученицы собственными примѣрами закрѣпляли въ памяти своей объясненныя правила. Преподавательница не довольствовалась тѣмъ, что ученицы приводили только примѣры, онѣ могли сдѣлать это на удачу, не понявъ сущности объясненнаго правила, а подобравъ примѣры подходящіе къ написаннымъ на доскѣ: она заставляла разобрать приведенный примѣръ и доказать, почему онъ пригоденъ къ данному случаю. Если ученица приводила невѣрный примѣръ, то преподавательница не ограничивалась лишь указаніемъ на неправильность его; она заставляла ученицу разобрать примѣръ и примѣнить его къ объясненному правилу. Такимъ образомъ, ученицы сами доходили до сознанія неправильности приведеннаго ими примѣра. Когда правило было выведено, ученицы сами его формулировали; это нисколько не затрудняло ихъ,—доказательство, что онѣ ясно поняли объясненное.

Всѣ конспекты подвергались всестороннему обсужденію въ засѣданіяхъ коммисіи, причемъ каждый конспектъ предварительно прочитывался наставникомъ-руководителемъ.

IV.

Собственно практическіе опыты въ преподаваніи кандидатки начинаютъ во второе полугодіе, при чемъ онѣ практикуются въ элементарномъ курсѣ первыхъ трехъ классовъ гимназіи. Предварительно кандидатки обязаны представить конспектъ урока, который разсматривается наставникомъ-руководителемъ; руководясь его замѣчаніями, кандидатка заранѣе дѣлаетъ исправленія въ урокѣ и затѣмъ преподаетъ его, въ присутствіи педагогической коммисіи и другихъ кандидатокъ, которыя участвуютъ затѣмъ и въ обсужденіи уроковъ. Требованія отъ пробныхъ уроковъ весьма серьезны. Кандидатка должна вполнѣ основательно усвоить матеріалъ, связь его съ предыдущимъ и послѣдующимъ, педагогически разработать въ частностяхъ и передать урокъ ясно, отчетливо, доведя ученицъ до полнаго усвоенія преподаннаго.

Пробные уроки составляютъ провѣрку теоретической и практической подготовки кандидатокъ къ учительству, а потому урокамъ этимъ придается серьезное значеніе; на нихъ присутствуютъ — директоръ гимназіи, начальница, наставники-руководители и кандидатки, по группамъ ихъ спеціальностей, если урокъ идетъ по спеціальности, и всѣ, если урокъ дается по общеобязательному предмету (къ таковымъ относятся начальное обученіе чтенію и письму, родной языкъ и счисленіе). Число пробныхъ уроковъ заранѣе не предрѣшается нормальнымъ планомъ, но коммиссія наблюдаетъ,

чтобы число это было достаточно для опредѣленія степени педагогической способности обучать, какъ предметамъ общеобязательнымъ, такъ и особенно предмету своей спеціальности.

Такъ какъ пробные уроки даются при окончаніи кандитками курса, то понятно, что въ этихъ урокахъ дѣйствительно выражаются результаты ихъ занятій и мѣра преподавательской ихъ подготовки.

Я присутствовалъ на пробныхъ урокахъ по исторіи, географіи русскому языку, ариѳметикѣ, присутствовалъ при обсужденіи ихъ и даже принималъ въ послѣднемъ участіе и вынесъ самое отрадное впечатлѣніе. Кандидатки ясно, отчетливо ставятъ тему, разбиваютъ затѣмъ предметъ на отдѣльныя части, которыя и излагаютъ одна за другою. Преподаваніе постоянно привлекаетъ весь классъ къ дѣлу; вопросы, обращаемые къ ученицамъ, провѣряютъ ихъ вниманіе и ихъ пониманіе; каждый отдѣлъ повторяется, въ концѣ урока все преподанное сводится къ единству, при участіи ученицъ, и въ видѣ сжатаго конспекта записывается на доскѣ. Такимъ образомъ ученицы выходятъ изъ класса, дѣйствительно усвоивъ урокъ. При этомъ, передавая новое, кандидатка постоянно имѣетъ въ виду извѣстное уже ученицамъ, соединяетъ предыдущее съ послѣдующимъ, гдѣ нужно, прибѣгаетъ къ сравненіямъ, вызывая самостоятельное сужденіе ученицъ и соревнованіе между ними въ рѣшеніи даннаго вопроса. Не только на урокахъ ариѳметики, но и другихъ предметовъ классная доска служила для наглядности и какъ мнемоническое пособіе. По исторіи и географіи на доскѣ дѣлаются чертежи мѣстностей, записываются новыя трудныя имена, статистическія и хронологическія данныя; по русскому языку при мнѣ кандидатка очень искусно графически выясняла значеніе залоговъ; по всѣмъ урокамъ, какъ уже замѣчено, излагался на доскѣ планъ урока въ главныхъ вопросахъ. Въ отвѣтахъ ученицъ требовалась разсудительность, съ указаніемъ основаній; ошибки, допущенные кѣмъ либо въ отвѣтѣ, исправлялись при участіи всего класса, который впрочемъ уже раньше пріученъ былъ слѣдить со вниманіемъ за классною работой. Особенно удачно шли уроки въ III классѣ, уровень котораго, судя по отвѣтамъ, былъ высокъ и равномѣренъ. Общее вниманіе, осмысленность отвѣтовъ ученицъ были таковы, что невольно вызывали одобреніе со стороны посѣтителя.

Обсужденіе пробныхъ уроковъ происходило подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи, при участіи начальницы, преподавателей и кандидатокъ, при чемъ сперва дается голосъ ученицамъ, затѣмъ—

преподавателямъ; директоръ же руководилъ обсужденіемъ и формулировалъ заключительное мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ урока. Мнѣ пришлось присутствовать при обсужденіи слышанныхъ мною пробныхъ уроковъ и даже отчасти принимать въ этомъ участіе. Обсужденіе дѣлается сейчасъ же послѣ урока, по выходѣ дѣтей изъ класса.

Кандидатки не щадятъ другъ друга при указаніи и разборѣ недостатковъ своихъ уроковъ: но онѣ проникнуты такою любовью къ своему дѣлу и такъ объективны въ своихъ замѣчаніяхъ, что невольно проникаешься къ нимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Такое настроеніе ихъ занятій, по моему убѣжденію, дѣлаетъ величайшую честь руководителямъ курса.

Для меня обсужденіе пробныхъ уроковъ представляло живой интересъ. Я здѣсь могъ непосредственно, въ непринужденной бесѣдѣ, познакомиться съ запасомъ свѣдѣній кандидатокъ, со степенью ихъ развитія, съ ихъ взглядами на разнообразные педагогическіе вопросы, съ ихъ пониманіемъ учительской практики и даже съ ихъ взаимными отношеніями. Вынесенныя мною отсюда впечатлѣнія были отрадны; я чувствовалъ себя своимъ среди дружной педагогической семьи, въ основѣ отношеній которой лежали взаимное довѣріе и уваженіе, искренняя преданность своему дѣлу и общая нравственная солидарность.

С. Миропольскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ОРІЕНТАЛИСТОВЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Весьма обычнымъ явленіемъ послѣдняго времени сдѣлались съѣзды ученыхъ. Во всѣхъ образованныхъ государствахъ Европы съѣзды эти стали повторяться, можно сказать, почти безпрерывно. Бываютъ они то международные, на которые съѣзжаются ученые различныхъ націй, то частные, въ которыхъ принимаютъ участіе только лица той страны, гдѣ назначено собраніе. Нѣкоторые изъ съѣздовъ происходятъ періодически и имѣютъ вслѣдствіе того свои постоянные комитеты и разъ навсегда учрежденныя правила, нѣчто въ родѣ уставовъ; другіе созываются временно, преимущественно по взаимному соглашенію частныхъ лицъ. Первый примѣръ правильнаго учрежденія международныхъ ученыхъ съѣздовъ данъ былъ, если не ошибаюсь, не болѣе лѣтъ двѣнадцати тому назадъ. Мысль о немъ пришла археологамъ, которые подъ особымъ покровительствомъ Бельгійскаго правительства собрались въ 1866 году на международный конгрессъ въ Антверпенѣ. Я имѣлъ честь участвовать на этомъ съѣздѣ въ качествѣ русскаго делегата и помню, съ какимъ особеннымъ вниманіемъ и торжествомъ встрѣчались пріѣзжіе гости не только представителями мѣстной администраціи и ученыхъ обществъ, но даже самими жителями Антверпена. Первый международный съѣздъ, какъ нѣчто новое, возбуждалъ

всеобщее сочувствіе; ему придавали особое значеніе, отъ него ждали чего-то необыкновеннаго.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что слишкомъ частое повтореніе съѣздовъ всякаго рода вредитъ преслѣдуемой ими цѣли. Оно даетъ сильное оружіе въ руки ихъ противникамъ. Указывая преимущественно на собранія по такимъ отраслямъ знанія, которыя представляютъ мало общаго интереса или легко переходятъ въ область политики и религіи, враги эти говорятъ не только о безполезности съѣздовъ, но даже о могущемъ произойдти отъ нихъ вредѣ. Въ послѣднемъ обвиненіи, конечно, есть нѣкоторая доля правды; но какъ мнѣ кажется, доля эта весьма ничтожна и можетъ быть легко устранена бдительнымъ вниманіемъ тѣхъ правительствъ, гдѣ происходятъ собранія. Въ сущности же съѣзды остаются учрежденіемъ весьма полезнымъ. Даже частое повтореніе ихъ есть, само по себѣ, явленіе весьма утѣшительное. Оно обязательно доказываетъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ наука, и который съ каждымъ годомъ проявляется все сильнѣе. Засѣданія съѣздовъ бываютъ почти всегда полны. Публика, слушая чтенія и сообщенія членовъ спеціалистовъ, выноситъ множество полезныхъ свѣдѣній по такимъ предметамъ, съ которыми она до тѣхъ поръ, быть можетъ, была незнакома; мало того—она узнаетъ послѣднія открытія и усовершенствованія въ наукѣ. Такимъ образомъ съѣзды служатъ проводниками знанія, превосходными посредниками между публикой и учеными. Въ этомъ отношеніи они пополняютъ значительный пробѣлъ—то, чего въ настоящее время не могутъ или не желаютъ дать ученыя учрежденія, общества и академіи. Сама публика это чувствуетъ, интересуется съѣздами болѣе чѣмъ другими собраніями ученыхъ и требуетъ ихъ повторенія. Вотъ настоящая причина, почему съѣзды происходятъ такъ часто. Съ другой стороны, и сами ученые, главные дѣятели съѣздовъ, при теперешнемъ быстромъ развитіи науки считаютъ необходимымъ видѣться чаще, чтобы ближе знакомиться другъ съ другомъ, входить въ общеніе и дѣлиться результатами предпринятыхъ ими трудовъ.

Изложенная мною точка зрѣнія на съѣзды должна, кажется, служить единственною вѣрною опорою для оцѣнки ихъ пользы и своевременности въ настоящую эпоху. Ожидать отъ конгрессовъ, международныхъ или частныхъ, чего-то особеннаго, необыкновеннаго, какъ, быть можетъ, думали первые ихъ учредители, было бы слишкомъ рискованно. Первый пылъ восторженныхъ поклонниковъ, понятный лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда учрежденіе это было только въ заро-

дышѣ, прошелъ. Практика и опытъ взяли свое. Мы видѣли на дѣлѣ множество съѣздовъ и знаемъ, что ни одинъ не выработалъ и не могъ выработать ничего такого, что̀ сразу двинуло бы науку впередъ. Существенныя открытія творятся только въ тиши кабинетовъ, послѣ продолжительныхъ и настойчивыхъ трудовъ, а не въ толпѣ среди шумныхъ собраній, продолжающихся нѣсколько дней. Еще труднѣе предположить, какъ, быть можетъ, надѣялись нѣкоторые, чтобы съѣзды могли установить какую-либо общую програму дѣйствія ученыхъ или издать правила, обязательныя для всѣхъ занимающихся тѣмъ или другимъ предметомъ. Наука, какъ извѣстно, менѣе всего подчиняется подобнаго рода законоположеніямъ, и одно слово, сказанное даровитымъ ученымъ, можетъ иногда разрушить сразу рѣшенія всѣхъ конгрессовъ.

Изъ числа съѣздовъ особенно видное мѣсто заняли съ 1870-хъ годовъ международные съѣзды оріенталистовъ. Частные съѣзды бывали и прежде. Такимъ образомъ члены Германскаго общества оріенталистовъ собирались уже раньше 1870-хъ годовъ и до сихъ поръ собираются въ различныхъ городахъ Германіи. Равнымъ образомъ и во Франціи происходили и происходятъ почти ежегодно мѣстные конгрессы лицъ, занимающихся изученіемъ Востока. Но общаго начала, связующаго между собою оріенталистовъ всѣхъ націй, не было въ этихъ собраніяхъ никакого. Первый опытъ международнаго съѣзда сдѣланъ былъ въ Парижѣ въ 1873 году. Попыткой этою ученый міръ обязанъ частной предпріимчивости нѣсколькихъ французскихъ спеціалистовъ. Обширность круга знаній, входящихъ въ составъ предметовъ, понимаемыхъ подъ общимъ названіемъ оріентализма, важность означенныхъ знаній и интересъ, возбуждаемый въ публикѣ Востокомъ, все въ глазахъ первыхъ устроителей предвѣщало международнымъ съѣздамъ оріенталистовъ блестящій успѣхъ въ будущемъ. Надежды эти оправдались очень скоро. Уже въ Парижѣ на конгрессѣ 1876 г. были выработаны правила, на основаніи которыхъ международные конгрессы оріенталистовъ должны были, изъ учрежденія временнаго, обратиться въ періодическія собранія, повторяемыя въ различныхъ городахъ Европы. Въ слѣдующемъ же 1874 г. собрался второй конгрессъ въ Лондонѣ, и наконецъ, черезъ два года, именно въ 1876 г. въ сентябрѣ, третій въ С.-Петербургѣ. Собственно говоря С.-Петербургскій конгрессъ положилъ твердую опору международнымъ съѣздамъ оріенталистовъ. Онъ первый выработалъ въ средѣ своей истинный научный взглядъ на дѣло и указалъ настоящій путь, которому дол-

жны слѣдовать будущія собранія. Успѣхомъ своимъ С.-Петербургскій съѣздъ былъ обязанъ преимущественно щедрой поддержкѣ, оказанной ему нашимъ правительствомъ, а равно неусыпнымъ трудамъ главнѣйшихъ участниковъ своего учредительнаго комитета.

Флорентійскій международный съѣздъ оріенталистовъ, на который я удостоился чести быть командированнымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, былъ счетомъ четвертый. Еще въ С.-Петербургѣ Флоренція была избрана мѣстомъ для будущаго четвертаго съѣзда. Прекрасный климатъ Италіи, изобиліе въ ней памятниковъ всякаго рода, какъ научныхъ, такъ и художественныхъ, близкія отношенія, въ которыхъ она состояла нѣкогда съ отдаленными краями Востока, и важность открытій, произведенныхъ ею въ былую эпоху, все склоняло членовъ С.-Петербургскаго съѣзда остановить свой выборъ на Италіи и изъ числа городовъ ея избрать Флоренцію, какъ пунктъ, который издавна считался центромъ умственной дѣятельности ея жителей. Къ этимъ побудительнымъ причинамъ присоединилось приглашеніе, переданное съѣзду отъ имени Италіанскаго правительства делегатомъ его профессоромъ де-Губернатисомъ, который заявилъ, что ему поручено высказать членамъ съѣзда полную готовность Италіанскаго правительства принять подъ свое особое покровительство будущій четвертый международный конгрессъ оріенталистовъ и дозволить устроить его во Флоренціи. Заявленіе это рѣшило дѣло, и городъ Флоренція былъ избранъ единогласно. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ и предсѣдатель будущаго съѣзда въ лицѣ извѣстнаго оріенталиста, достойнаго представителя науки въ Италіи, сенатора Михаила Амари.

Флорентійскій съѣздъ собрался осенью нынѣшняго 1878 года. Учредительный комитетъ съѣзда при благосклонномъ содѣйствіи правительства и при пособіи, оказанномъ управленіемъ города Флоренціи, устроилъ все для пріема пріѣзжихъ гостей. Великолѣпныя залы знаменитаго историческаго дворца Риккарди, бывшаго нѣкогда, въ блестящія времена Флорентійской республики, мѣстомъ жительства первыхъ членовъ дома Медичи, и гдѣ нынѣ помѣщается префектура, были предоставлены провинціей съѣзду на все время, пока онъ долженъ былъ длиться.

Первое торжественное засѣданіе открытія конгресса состоялось 31-го августа (12-го сентября) при стеченіи многочисленной публики, въ извѣстномъ зданіи Uffici, въ роскошной залѣ, гдѣ собирался сенатъ въ ту еще недавнюю эпоху, когда Флоренція была столицей

Италіи. Открытіе происходило въ присутствіи его королевскаго высочества принца Амедея Аостскаго, бывшаго короля Испанскаго, брата его величества короля Гумберта. Его величество король, который еще до вступленія на престолъ, бывъ наслѣднымъ принцемъ, удостоилъ съѣздъ высокой чести принять на себя званіе его покровителя, осчастливилъ собраніе телеграммою, въ которой, изъявляя чувства особаго благоволенія къ съѣзду, сообщалъ, что онъ желалъ бы самъ присутствовать при открытіи его, но будучи не въ состояніи исполнить это вслѣдствіе важныхъ государственныхъ заботъ, поручилъ замѣстить себя брату своему его высочеству принцу Амедею. Съѣздъ объявлялъ открытымъ министръ народнаго просвѣщенія де-Санктисъ. Въ тотъ же день вечеромъ данъ былъ его королевскимъ высочествомъ принцемъ Амедеемъ роскошный обѣдъ въ блестящихъ залахъ королевскаго дворца Питти. Приглашенными имѣли честь быть оффиціальные делегаты различныхъ правительствъ и главнѣйшіе представители науки изъ числа лицъ, участвовавшихъ на съѣздѣ.

Всѣхъ членовъ-оріенталистовъ, съѣхавшихся во Флоренцію ко времени конгресса, насчитывалось, судя по оффиціальному, опубликованному списку, 125 человѣкъ. Большинство составляли, какъ бываетъ всегда при подобныхъ случаяхъ, мѣстные жители, то-есть, Италіанцы Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣдніе годы, въ особенности со времени объединенія Италіи, вкусъ къ занятіямъ по части изслѣдованія Востока сталъ быстро распространяться въ странѣ. Римъ, гдѣ постоянно среди духовенства занимались изученіемъ языковъ восточныхъ, и то преимущественно со стороны практической, для миссіонерскихъ цѣлей, пересталъ быть почти исключительнымъ центромъ оріентализма въ Италіи. Новыя каѳедры языковъ восточныхъ и сравнительнаго языкознанія начали открываться въ различныхъ пунктахъ государства. Нынѣ занятію языкомъ санскритскимъ и отдаленною Индіей предаются въ особенности во Флоренціи, благодаря поддержкѣ, оказываемой городомъ институту высшихъ знаній, гдѣ учреждена особая каѳедра санскритскаго языка. Такимъ образомъ поддерживается путь, проложенный знаменитымъ аббатомъ Горрезіо (Gorresio). Примѣръ Амари, съ своей стороны, отозвался благотворно на дѣятельности ученыхъ по части изученія мусульманскихъ языковъ. Италія теперь ужь имѣетъ многихъ достойныхъ оріенталистовъ, на которыхъ она можетъ указать съ честію.

Всѣхъ пріѣзжихъ иностранныхъ членовъ было счетомъ 56. По національностямъ цифра эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Нѣмцевъ было 15; въ главѣ ихъ стояли: знаменитый Бенфей (Benfey) изъ Геттингена, извѣстные индіанисты Ротъ (Roth) изъ Тюбингена и Веберъ (Weber) изъ Берлина, достойные изслѣдователи мусульманскаго Востока Вейль (Weil) и Мерксъ (Merx) изъ Гейдельберга, Крель (Krehl) изъ Лейпцига; Дитрици (Dietrici) изъ Берлина и Юсти (Justi) изъ Марбурга. Англичанъ было 12, и между ними Ростъ (Rost) и Ченери (Chenery) изъ Лондона и извѣстный синологъ Леджъ (Legge) изъ Оксфорда. Французовъ было 10; главнѣйшими представителями французской учености были: Ренанъ (Renan), Оппертъ (Oppert), Шеферъ (Shefer), де Рони (de Rosny), Ленорманъ (Lenormant) и Масперо (Maspero). Швеція и Норвегія имѣли двухъ только членовъ на съѣздѣ: Либлейна (Lieblein), профессора въ Христіаніи, и Пиля (Piehl); Данія одного—извѣстнаго копенгагенскаго профессора и арабиста Мерена (Mehren). Представителемъ Венгріи служилъ пользующійся общею извѣстностью какъ за границею, такъ и у насъ въ Россіи, прославившійся путешествіями по Средней Азіи и нынѣ профессоръ въ Пештѣ Вамбери (Vambery). Изъ Швейцаріи былъ одинъ только молодой ученый Навиль (Naville) изъ Женевы. Изъ дальнихъ странъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Британской Индіи пріѣзжихъ было всего четверо, по два изъ каждой страны. Наконецъ юная Румынія выслала изъ среды своихъ ученыхъ двухъ профессоровъ: Константинеску (Constantinescu) и Хаждеу (Hasdeu). Что касается пріѣзжихъ изъ Россіи, то ихъ было всего 8 человѣкъ, именно—академикъ А. А. Шифнеръ, профессора Лагусъ и Доннеръ изъ Гельсингфорса, профессоръ Фолькъ изъ Дерпта, профессоръ И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ изъ Казани, г. Грубе изъ Петербурга, профессоръ С.-Петербургскаго университета И. Н. Березинъ и я.

Общихъ собраній конгресса было весьма мало. Научныхъ вопросовъ общихъ, которые подлежали бы сужденію всѣхъ членовъ, въ противность утвердившемуся обыкновенію не было возбуждаемо во Флоренціи вовсе. Всѣ работы происходили по отдѣленіямъ, которыя собирались по разнымъ заламъ и засѣдали совершенно самостоятельно одно отъ другаго. Отдѣленій было семь, именно слѣдующія: Отдѣленіе первое: Сѣверная Африка (египтологія). Отдѣленіе второе: древне-семитическое, еврейское и ассиріологія. Отдѣленіе третье: арабское. Отдѣленіе четвертое: индо-европейское и иранское. Отдѣленіе пятое: индѣйское. Отдѣленіе шестое: алтайское, и Отдѣленіе седьмое: китайское, индо-китайское и тибетское; къ нему же причислялась и яматологія. О научномъ зна-

ченіи означеннаго дѣленія я говорить не буду, такъ какъ дѣленія всѣхъ съѣздовъ вообще бываютъ по преимуществу случайныя, основанныя чаще всего на количествѣ матеріаловъ, подготовленныхъ къ съѣзду или имѣющихся въ виду по той или другой отрасли изслѣдованій.

Каждое отдѣленіе имѣло своихъ особыхъ президентовъ, вице-президентовъ и секретарей, избранныхъ по большинству голосовъ членами, приписавшимися къ тому или другому отдѣленію, и обязанныхъ наблюдать какъ за правильнымъ ходомъ преній, такъ и за составленіемъ протоколовъ, которые писались ежедневно. Считаю не лишнимъ привести здѣсь подробный списокъ президентовъ, вице-президентовъ и секретарей. Отдѣленіе I: президентъ — Масперо, вице-президенты—Сапето (Sapeto), профессоръ изъ Генуи, и Либлейнъ, секретарь—Навиль. Отдѣленіе II-е: президентъ—Ренанъ, вице-президенты—Оппертъ и Мерксъ, секретари—аббатъ Перро (Perreau), библіотекарь въ Пармѣ, и Социнъ (Socin), профессоръ изъ Тюбингена. Отдѣленіе III: президентъ — Шеферъ, вице-президенты — Куза (Cusa), профессоръ изъ Палермо, и Меренъ, секретари—Социнъ и Нахміасъ (Nahmias), молодой ученый изъ Флоренціи. Отдѣленіе IV-е: президентъ — Бенфей, вице-президентъ — Асколи (Ascoli), профессоръ изъ Милана, секретари—Кербакеръ (Kerbaker), профессоръ изъ Неаполя, и Пуллé, профессоръ изъ Пармы. Отдѣленіе V-е: президентъ—Ротъ, вице-президенты—Веберъ и Флекіа (Flechia), профессоръ изъ Турина, секретари — Да-Кунья (Da-Cunha) и Пуллé. Отдѣленіемъ VI-мъ имѣлъ честь предсѣдательствовать я, вице-президентами были: Вамбери и Теза (Teza), профессоръ изъ Пизы, секретаремъ — Доннеръ. Отдѣлеленіе VII-е: президентъ Леджъ, вице-президенты—фонъ-деръ-Габеленъ (von der Gabelentz) изъ Лейпцига, и Андреоцци (Andreozzi), адвокатъ изъ Флоренціи, секретарь—Кордье (Cordier) изъ Парижа.

Пренія во время засѣданій происходили безразлично на языкахъ латинскомъ, италіанскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ. протоколы же и вся оффиціальная переписка велись исключительно по италіански.

Сказать въ настоящую минуту что-либо положительное о результатахъ, добытыхъ Флорентійскимъ конгрессомъ, довольно трудно. Засѣданія отдѣленій, дѣйствовавшихъ, какъ я замѣтилъ выше, совершенно самостоятельно одно отъ другаго, происходили почти всегда одновременно. Такимъ образомъ, при всемъ усердномъ посѣщеніи залъ съѣзда, не было никакой возможности слѣдить за ходомъ пре-

ній во всѣхъ отдѣленіяхъ. Приходилось или слушать чтенія урывками, или посвящать свое время какому-либо одному отдѣлу занятій. Поэтому, чтобы произнести окончательный приговоръ, основанный на точныхъ данныхъ, необходимо дождаться отпечатанія если не полныхъ трудовъ съѣзда, то по крайней мѣрѣ, протоколовъ засѣданій. Впрочемъ, судя по общему впечатлѣнію, которое можно было вынести, слѣдуетъ по всей справедливости замѣтить, что конгрессъ Флорентійскій былъ однимъ изъ удачнѣйшихъ съѣздовъ и по богатству и разнообразію матеріаловъ и чтеній не уступалъ С.-Петербургскому. Успѣшному ходу занятій способствовали во многомъ предупредительная заботливость президента Амари и неустанная дѣятельность бывшаго генеральнаго секретаря съѣзда, профессора де-Губернатиса.

Постараюсь, на сколько я могъ собрать данныхъ при краткости имѣвшагося у меня времени и невозможности слѣдить за преніями во всѣхъ отдѣленіяхъ, представить въ немногихъ словахъ поверхностный очеркъ трудовъ съѣзда. При этомъ заранѣе предупреждаю, что мною перечислено далеко не все, что заслуживало бы, быть можетъ, особаго упоминовенія и прошу извиненія на тотъ случай, если я по нечаянности или недосмотру впалъ въ какую-либо невольную съ моей стороны ошибку. Въ изложеніи своемъ буду слѣдовать порядку отдѣленій, принятому самимъ съѣздомъ.

Отдѣленіе I-е: **Сѣверная Африка (египтологія).** Общее вниманіе обратило на себя сообщеніе каноника Фабіани (Fabiani di Propaganda fide) о предметахъ въ египетскомъ стилѣ, найденныхъ въ Сардиніи, Римѣ, Сорренто и другихъ мѣстахъ Италіи. Важныя дополненія и поясненія по сему предмету представилъ съ своей стороны французскій ученый Ленорманъ, который, пользуясь научными данными, добытыми въ послѣднее время, старался доказать, что предметы эти распространились по всему прибрежью Средиземнаго моря около VII вѣка до Р. Х., то-есть, въ ту эпоху, когда египетская культура была на высшей степени своего развитія, и самъ Египетъ открытъ былъ для иноземной торговли. Швейцарскій молодой ученый Навиль прочелъ о ходѣ предпринятаго имъ, по порученію второго Лондонскаго международнаго конгресса оріенталистовъ, критическаго изданія такъ-называемой Книги мертвыхъ (Todtenbuch — Libro de Morti). Италіанскій ученый Скіапарелли (Schiaparelli Ernesto) сообщилъ весьма любопытное изслѣдованіе о неизданномъ текстѣ, поясняющемъ похоронные обычаи древнихъ Египтянъ; текстъ этотъ списанъ г. Скіапарелли съ одного саркофага, имѣющагося въ Ту-

ринскомъ музеѣ, и сличенъ имъ съ двумя другими текстами, однимъ найденнымъ въ Парижѣ, въ Луврѣ, и другимъ, хранящимся въ бумагахъ Розеллини; изданіе труда г. Скіапарелли, въ коемъ будетъ помѣщенъ какъ самый текстъ, такъ и переводъ его, должно послѣдовать въ скоромъ времени. Президентъ отдѣленія г. Масперо говорилъ объ одномъ неизданномъ памятникѣ, объясняющемъ важные вопросы, касающіеся древне-египетской религіи. Г. Тортоли (Tortoli) изъ Флоренціи сообщилъ о начатомъ имъ изданіи Коптскаго текста книги Іова. Г. Либлейнъ представилъ свои изслѣдованія о городѣ Тиросѣ и имени Іеговы.

Отдѣленіе II-е: древне-семитическое, еврейское и ассиріологія. Извѣстный италіанскій ученый Асколи (Ascoli), профессоръ въ Миланѣ, указалъ на важное значеніе еврейскихъ надписей, открытыхъ въ Неаполитанской провинціи. Надписи эти принадлежатъ къ періоду времени отъ VI до XI столѣтія и служатъ важнымъ подспорьемъ какъ для исторіи языка и граматическихъ его особенностей, такъ и для палеографіи еврейской. Г. министръ народнаго просвѣщенія, присутствовавшій при означенномъ чтеніи, обѣщалъ сдѣлать надлежащія распоряженія не только о томъ, чтобы надписи эти были сохранены, но даже, чтобы предприняты были мѣры для отысканія новыхъ подобныхъ же надписей. Не менѣе любопытно было сообщеніе извѣстнаго французскаго ученаго Опперта; онъ представилъ результатъ своихъ изслѣдованій объ ассирійскихъ памятникахъ, касающихся сотворенія міра и первыхъ временъ человѣчества, и доказалъ нагляднымъ образомъ ошибочность мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя въ ассирійскихъ легендахъ хотѣли найдти первообразъ еврейскихъ преданій о сотвореніи міра и грѣхопаденіи перваго человѣка. Президентъ отдѣленія Ренанъ говорилъ о храмѣ Абидосскомъ въ Египтѣ. Отдѣленіе сверхъ того выслушало съ особымъ интересомъ чтенія: г. Меркса — о переводахъ армянскомъ и сирійскомъ исторіи Евсевія; секретаря своего—аббата Перро о трудахъ и жизни славнаго медика Р. Натана бенъ Іоелъ Палквера (R. Nathan ben Joel Palquera); аббата Тарантини (Tatrantini), изъ Бриндизи, — объ открытыхъ имъ въ провинціи Бриндизи обиталищахъ монаховъ-отшельниковъ X в.; г. де Бенедетти (de Benedetti), изъ Пизы, — о Талмудѣ; г. Салтини (Saltini) — о Библіи (Biblia poliglotta), изданной извѣстнымъ оріенталистомъ XVI вѣка Раймонди (Giovambattista Raimondi), бывшимъ директоромъ знаменитой восточной типографіи (Stamperia Orientale Medicea), основанной въ Римѣ въ 1584 г. кардиналомъ Фердинандомъ

Медичи, г. Фолька, — о новомъ изданіи еврейскаго лексикона Гезеніуса.

Отдѣленіе III-е: арабское. Г. Вейль возбудилъ вопросъ о томъ, умѣлъ ли пророкъ Мухаммедъ читать и писать; послѣ преній довольно продолжительныхъ какъ за такъ и противъ означеннаго положенія, вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался не разрѣшеннымъ. Г. Лагусъ на превосходномъ латинскомъ языкѣ изложилъ соображенія свои объ источникахъ арабскаго географа Едриси касательно странъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю. Г. Дитерици представилъ очеркъ положенія философіи у Арабовъ въ X вѣкѣ. Г. Меренъ говорилъ о перепискѣ арабскаго философа Ибнъ-Сабина съ императоромъ Фридрихомъ II. Г. Крель представилъ новыя соображенія свои о завоеваніи Египта Арабами. Г. Меуччи сообщилъ составленное имъ описаніе арабскаго небеснаго глобуса XI вѣка, хранящагося въ кабинетѣ старинныхъ инструментовъ астрономическихъ, физическихъ и математическихъ при институтѣ высшихъ знаній во Флоренціи (Il globo celeste arabico del secolo XI esistente nel Gabinetto degli strumenti antichi di astronomia, di fisica e di matematica del' R. Istituto di studi superiori, illustrato da F. Meucci. Firenze, 1878). Изъ другихъ чтеній, бывшихъ въ отдѣленіи, укажемъ между прочимъ, на чтеніе г. Гвиди (Guidi), профессора изъ Рима, о грамматическомъ сочиненіи Китаб-ал-афаль Ибнъ ель Кутійи и на чтеніе г. Кузы о Римѣ по рукописному сочиненію Абу-Хамида, арабскаго писателя XII вѣка, находящемуся въ королевской библіотекѣ въ Палермо. Наконецъ, аббатъ Валерга представилъ съѣзду изданный имъ переводъ стихотвореній арабскаго поэта Омара-бенъ-Аль-фареда, умершаго въ Каирѣ въ 1234 г. (Il Divano di Omar-ben-al Fared, tradotto e paragonato col Canzoniere del Petrarca per Pietro Valerga. In Firenze, 1874) и проч.

Отдѣленіе IV-е: индо-европейское и иранское. А. Асколи далъ поясненіе сассанидскихъ монетъ, хранящихся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Г. Константинеску изложилъ по нѣмецки содержаніе труда своего, касающагося языка Цыганъ въ Румыніи. Весьма любопытное сообщеніе представилъ г. Бертолотти о восточныхъ книгопечатняхъ и оріенталистахъ въ Римѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; печатные экземпляры означеннаго сообщенія, появившагося въ журналѣ Rivista Europea, розданы были членамъ съѣзда. Въ этомъ же отдѣленіи г. Шифнеръ говорилъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ языковъ кавказскихъ, а г. Леланъ (Leland), изъ Лондона — о языкѣ Цыганъ въ

Англіи. Президентъ отдѣленія г. Бенфей въ прочувствованной рѣчи напомнилъ о заслугахъ знаменитаго датскаго ученаго Вестергаарда, извѣстіе о кончинѣ котораго получено было во время съѣзда.

Отдѣленіе V-е: индѣйское. Г. Да-Кунья, пріѣхавшій изъ Индіи и самъ происхожденія индѣйскаго, но христіанинъ и португальскій подданный, сообщилъ между прочимъ любопытный очеркъ исторіи изученія санскритскаго языка въ Португаліи. Президентъ отдѣленія г. Ротъ изложилъ новыя и интересныя данныя объ Атарваведѣ. Г. де-Губернатисъ представилъ изготовленное имъ къ съѣзду и изданное на счетъ министерства народнаго просвѣщенія критическое обозрѣніе трудовъ италіанскаго миссіонера въ Индіи, жившаго въ прошломъ столѣтіи О. Марка делла Томбы (Gli scritti del Padre Marco della Tomba, Missionario nelle Indie Orientali, raccolti, ordinati ed illustrati sopra gli autografi del Museo Borgiano da Angelo de Gubernatis. Offerti da S. E. il Ministro della Pubblica Istruzione ai Mambri del 4⁰ Congresso degli Orientalisti. Firenze, 1878) и проч.

Отдѣленіе VI-е: алтайское. Г. Вамбери говорилъ о приготовленномъ имъ къ печати сравнительномъ словарѣ алтайскихъ нарѣчій. Г. Куза сообщилъ выдержки, относящіяся до народовъ, обитавшихъ по Волгѣ, изъ рукописнаго сочиненія Абду-Хамида. Г. Доннеръ читалъ соображенія свои о языкѣ Самоѣдовъ.

Отдѣленіе VII-е: китайское, индо-китайское и тибетское. Президентъ отдѣленія г. Лэджъ представилъ краткій очеркъ того положенія, въ которомъ находятся нынѣ знанія относительно Китая. Г. фонъ-деръ Габеленцъ указалъ на признаки сродства, существующіе между языками такъ-называемыми индо-китайскими. Г. Кордье сообщилъ весьма обстоятельный отчетъ о трудахъ королевскаго Азіятскаго общества въ Шанхаѣ. Г. Ночентини (Nocentini) изъ Флоренціи, говорилъ объ извѣстномъ италіанскомъ синологѣ Риччи (Ricci Matteo) и проч.

Флорентійскій конгрессъ, согласно правиламъ, существующимъ для международныхъ съѣздовъ оріенталистовъ, продолжался недѣлю. Закрытіе его послѣдовало $^{18}/_{6}$-го сентября. Въ послѣднемъ засѣданіи постановлено было будущій пятый конгресъ созвать черезъ три года въ Германіи. Выборъ самаго города, въ которомъ будетъ происходить съѣздъ, назначеніе предсѣдателя и вообще все устройство пятаго съѣзда предоставлены усмотрѣнію совѣта Германскаго общества оріенталистовъ. При закрытіи же конгресса объявленъ былъ результатъ конкурса на международную премію въ 5,000 франковъ, учрежденную

италіанскимъ правительствомъ по случаю съѣзда за лучшее сочиненіе по части индо-иранской. Срокъ конкурса истекъ 31-го декабря 1877 г. Девять сочиненій поступили на соисканіе преміи, и изъ нихъ только шесть приняты были на конкурсъ. Международная комиссія, которой поручено было обсудить достоинство предоставленныхъ трудовъ, не признала возможнымъ выдать большую премію, въ 5,000 фр. Присуждены были только четыре малыя преміи. Между лицами, увѣнчанными наградою, находился между прочимъ одинъ изъ ученыхъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, именно г. Да-Кунья.

При Флорентійскомъ конгрессѣ, по примѣру С.-Петербургскаго, была учреждена выставка. Выставка эта помѣщалась въ залахъ того же самаго дворца Риккарди, гдѣ происходили собранія. Выставка была богата преимущественно вещами индѣйскими. Особенное вниманіе обращали на себя предметы, добытые г. Лейтнеромъ при раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ сѣверо-западной части Индіи. Равнымъ образомъ любопытно было собраніе рукописей еврейскихъ и арабскихъ, присланныхъ изъ различныхъ книгохранилищъ и музеевъ италіанскихъ. Желая съ своей стороны, по мѣрѣ возможности, принять участіе въ учрежденіи выставки, я привозилъ съ собою изъ Россіи часть принадлежащей мнѣ коллекціи восточнаго оружія; выставленныя мною вооруженія были всѣ происхожденія персидскаго и принадлежали эпохѣ династіи Сефидовъ. Поясненія мои по сему предмету я имѣлъ честь представить въ одномъ изъ засѣданій V-го отдѣленія,—индо-европейскаго и иранскаго. Сверхъ того, членамъ съѣзда былъ открытъ свободный доступъ во всѣ музеи и ученыя учрежденія, находящіяся во Флоренціи. Главное королевское управленіе Тосканскихъ архивовъ (R. soprintendenza degli Archivi Toscani) издало даже по случаю съѣзда, для облегченія обзора, хранящихся въ нихъ восточныхъ документовъ весьма интересный каталогъ (Elenco dei documenti Orientali e delle carte nautiche e geografiche, che si conservano negli Archivi di Stato di Firenze e di Pisa. Pubblicato in occasione del quarto Congresso degli Orientalisti tenuto in Firenze nel Settembre del MDCCCLXXVIII. Firenze, 1878).

Въ заключеніе краткой статьи моей о Флорентійскомъ конгрессѣ считаю нелишнимъ для полноты дѣла упомянуть и о тѣхъ поѣздкахъ, которыя члены съѣзда совершили сообща для осмотра нѣкоторыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Флоренціи. Всюду они встрѣчали самый радушный пріемъ. Такимъ образомъ посѣтили они великолѣпную виллу въ восточномъ вкусѣ въ Санъ-Меццано (San

Mezzano), построенную владѣльцемъ богатой коллекціи восточнаго оружія маркизомъ Панчіати (Panciati). Его королевское высочество принцъ Амедей удостоилъ членовъ съѣзда высокой чести сопутствовать имъ въ этой поѣздкѣ. Затѣмъ они осмотрѣли виллу Кареджи (Careggi), нынѣ принадлежащую гр. Бутурлинымъ. Вилла эта была нѣкогда собственностью Медичисовъ и однимъ изъ любимыхъ лѣтнихъ мѣстопребываній Лаврентія Великолѣпнаго. Тамъ собиралъ онъ около себя ученыхъ, тамъ же и скончался. Но болѣе всего поразило всѣхъ великолѣпіе виллы Сенъ-Донато и богатство заключающихся въ ней предметовъ роскоши и искусства. Самъ владѣлецъ П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато вмѣстѣ съ своею супругой принимали гостей и въ далекой Италіи напомнили о близкомъ для нашего сердца родномъ русскомъ гостепріимствѣ.

В. Вельяминовъ-Зерновъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ПАРИЖСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ [1].

Занятія мои во время четырехмѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ съ 1-го апрѣля по 1-е августа 1878 года новаго стиля имѣли двоякую цѣль: устройство специальной выставки министерства народнаго просвѣщенія, которая должна была дать иностранцамъ по возможности точное понятіе о современномъ состояніи учебнаго дѣла въ Россіи, и знакомство съ французскими учебными заведеніями и учрежденіями, а также съ педагогическими отдѣлами другихъ странъ. Слѣдуетъ замѣтить, что хлопоты по внѣшнему устройству выставки, всякаго рода занятія и наблюденіе за рабочими, изданіе и корректура каталога, а впослѣдствіи участіе въ международномъ жюри заняли у меня очень много времени; потому я не успѣлъ познакомиться съ французскими школами настолько, насколько предполагалъ.

Выставка нашего министерства народнаго просвѣщенія не была очень обширна, такъ какъ въ составъ ея вошло только то, что согласовалось съ общею цѣлью: познакомить посѣтителей съ состояніемъ учебнаго дѣла въ Россіи. Различныя частныя пособія, карты, глобусы, естественноисторическія коллекціи, не входили въ составъ выставки, потому что отдѣльныя коллекціи никакъ не могутъ характеризовать общаго состоянія учебнаго дѣла. За то на выставкѣ нашей было собрано все, что могло ознакомить иностранцевъ съ

[1]) Отчетъ г. Сентъ-Илера, командированнаго на выставку министерствомъ народнаго просвѣщенія.

различнаго рода учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и съ успѣхами по народному образованію, достигнутыми въ послѣднее время. Для этой цѣли прежде всего служила карта Россіи съ обозначеніемъ всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, изданная въ 1876 году въ приложеніи къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія. Карта эта была мной дополнена всѣми вновь учрежденными учебными заведеніями до 1878 года и привлекала вниманіе всѣхъ иностранцевъ, такъ какъ огромное количество красныхъ знаковъ [1]) указывало на большія усилія, которыя были сдѣланы съ 1866 года для просвѣщенія Россіи. Таблицы, составленныя кн. Кантакузеномъ и мною и показывающія графически быстрое увеличеніе числа среднеучебныхъ заведеній, числа учениковъ въ нихъ и возрастаніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія съ 1856 года, занимали также видное мѣсто на нашей выставкѣ и были замѣчены всѣми серьезными посѣтителями. Кромѣ того были заказаны въ Парижѣ графическія таблицы, изображающія наглядно программы всѣхъ среднеучебныхъ и низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а именно: гимназій, реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій, городскихъ училищъ, двухклассныхъ сельскихъ школъ, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, еврейскихъ учительскихъ институтовъ и татарскихъ учительскихъ школъ. На этихъ таблицахъ число уроковъ въ каждомъ классѣ было изображено въ видѣ клѣтокъ, раскрашенныхъ различными красками по учебнымъ предметамъ, такъ что можно было сразу видѣть число уроковъ въ каждомъ классѣ и все распредѣленіе учебнаго времени въ заведеніи. Таблицы эти нравились иностранцамъ, потому что по нимъ очень легко было составить себѣ понятіе о программахъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, что особенно и интересовало посѣтителей, изъ которыхъ многіе просили позволенія скопировать эти таблицы. Въ высшей степени интересныя графическія таблицы, служащія приложеніемъ къ отчету г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа за 1876 годъ, по малому размѣру своему не могли быть вывѣшены на стѣну, а лежали въ особомъ портфелѣ; но люди компетентные ихъ разсматривали съ большимъ вниманіемъ и жюри 7-го класса (среднее образованіе) о нихъ отозвалось съ большою похвалой. Всѣ уставы, программы, инструкціи и т. д., изданные министерствомъ на-

[1]) Красными знаками на этой картѣ обозначены учебныя заведенія, открытыя или совершенно преобразованныя съ 1866 года.

роднаго просвѣщенія и отчасти переведенные на французскій и нѣмецкій языки, были раздѣлены на нѣсколько группъ, каждая въ отдѣльномъ переплетѣ, и выложены на столъ, гдѣ всякій могъ ихъ разсматривать. Уставы и програмы учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были доставлены на выставку въ большомъ числѣ экземпляровъ. Брошюры эти были раздаваемы всѣмъ тѣмъ посѣтителямъ, которые внимательно изучали нашъ отдѣлъ. Полныя коллекціи этихъ уставовъ были посланы министру, г. Барду, директору департамента народнаго просвѣщенія барону Ватевилю, секретарю г. министра, и многимъ другимъ лицамъ изъ учебнаго сословія.

Для знакомства съ низшими учебными заведеніями на выставкѣ имѣлась довольно полная коллекція наиболѣе употребительныхъ учебниковъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства для начальныхъ училищъ, таблицы для нагляднаго обученія изданія Глазунова (четыре времени года), естественноисторическія стѣнныя таблицы Вольноэкономическаго общества и планы школьныхъ зданій въ разныхъ частяхъ нашего отечества. Картины для нагляднаго обученія Вольноэкономическаго общества не могли соперничать съ иностранными таблицами по исполненію, но онѣ были признаны очень удобными по выбору матеріала и по дешевизнѣ, а четыре времени года (изданіе Глазунова) привлекали вниманіе многихъ посѣтителей, потому что давали понятіе о русской жизни и природѣ. Планами нашихъ народныхъ школъ интересовались многіе; два итальянскихъ архитектора ихъ разсматривали особенно внимательно. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ плановъ были сняты копіи для помѣщенія въ отчетахъ о выставкѣ.

Изъ среднеучебныхъ заведеній были выставлены тетради по латинскому и греческому языкамъ, выбранныя ученымъ комитетомъ, очень полная коллекція ученическихъ работъ на экзаменахъ зрѣлости изъ разныхъ учебныхъ округовъ и работы по рисованію и черченію учениковъ реальныхъ училищъ. Планы зданій для мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеній занимали много мѣста на стѣнахъ, причемъ очень многіе не могли тамъ помѣститься и оставались въ портфеляхъ. Слѣдуетъ признать, что въ большинствѣ западныхъ государствъ школьныя зданія гораздо обширнѣе и роскошнѣе устроены, чѣмъ у насъ въ Россіи, такъ что училищными постройками мы похвастаться не можемъ. Только немногія изъ послѣднихъ построекъ, спеціально назначенныхъ для училищъ, могли сравниться по своему

устройству съ заграничными училищными зданіями. Иностранцы, по преимуществу Англичане, очень интересовались нашими учебными заведеніями для инородцевъ и потому коллекція фотографій различныхъ учениковъ-инородцевъ была всегда предметомъ большаго вниманія публики. Фотографіи эти были раздѣлены на двѣ группы: наиболѣе характерныя и интересныя были выставлены въ рамкахъ на фасадѣ нашей выставки, а прочія были вложены въ два альбома, которые безпрестанно были разсматриваемы посѣтителями. Само собою разумѣется, что около каждой фотографіи были надписи на французскомъ языкѣ, обозначающія національность ученика и учебное заведеніе, въ которомъ онъ учился. Особенно интересными казались Англичанамъ наши татарскія учительскія школы, гдѣ даже допущенъ магометанскій законъ Божій. Нѣкоторые посѣтители изъ Англичанъ очень удивлялись тому, что Россія, враждебно относящаяся къ магометанскому преобладанію на Балканскомъ полуостровѣ, допускаетъ у себя магометанскія учебныя заведенія. Я долженъ былъ объяснять имъ, что мусульмане многихъ частей Россіи уже издавна пользуются свободой вѣроисповѣданія и всѣми правами гражданства, получаютъ чины и ордена и могутъ считаться такими же вѣрноподданными Государя Императора, какъ и лица другихъ вѣроисповѣданій. Для доказательства вполнѣ хорошихъ отношеній, которыя существуютъ между мусульманами и русскими властями, я указывалъ на цѣлый рядъ фотографій мусульманскихъ дѣвочекъ изъ Ташкентской женской гимназіи. Такъ какъ край этотъ очень недавно сдѣлался русскимъ и учебныя заведенія въ немъ основаны только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то поступленіе въ гимназію этихъ Сартянокъ и Татарокъ лучше всего доказываетъ полное довѣріе тамошнихъ мусульманъ къ нашей учебной администраціи и силу цивилизующаго вліянія Россіи въ средней Азіи. Очень полное собраніе изданій братства св. Гурія въ Казани и Св. Синода на разныхъ инородческихъ языкахъ потверждало еще иностранцамъ заботы Россіи о просвѣщеніи инородцевъ, обитающихъ въ ея предѣлахъ. Иностранцы обращали особое вниманіе на наши заведенія для инородцевъ потому, что въ другихъ странахъ нѣтъ подобныхъ заведеній и Россія въ этомъ отношеніи можетъ безъ всякой излишней скромности служить образцомъ для многихъ государствъ. Сами Англичане мнѣ говорили, что для начальнаго образованія Индусовъ и мусульманъ въ Индіи правительство не дѣлаетъ почти ничего. Въ Алжирѣ школы для Арабовъ совсѣмъ плохи и имѣютъ цѣлью лишь обучить Арабовъ фран-

цузской грамотѣ. Объ учительскихъ семинаріяхъ для мусульманъ во Франціи никто и не думаетъ.

Очень важнымъ пособіемъ для разъясненія учебнаго дѣла въ Россіи служилъ каталогъ нашей выставки съ подробнымъ предисловіемъ, составленнымъ кн. Кантакузеномъ. Когда каталогъ этотъ былъ напечатанъ, то экземпляры его лежали всегда на столѣ въ значительномъ количествѣ и ихъ бралъ, кто хотѣлъ. Кромѣ того, извѣстное количество брошюръ было разослано во всѣ иностранныя отдѣленія выставки и въ французское министерство народнаго просвѣщенія для разсылки по школьнымъ библіотекамъ. Я счелъ полезнымъ послать эти брошюры въ редакціи всѣхъ серьезныхъ французскихъ журналовъ и газетъ и всѣмъ членамъ жюри, которые имѣли отношеніе къ учебному дѣлу. Изъ разговоровъ съ нѣсколькими литераторами и учеными я убѣдился въ томъ, что брошюры эти были прочитаны многими и произвели очень хорошее впечатлѣніе, такъ какъ въ нихъ иностранцы нашли свѣдѣнія о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, о курсѣ нашихъ школъ и статистическія данныя о числѣ учебныхъ заведеній и учениковъ. Состояніе учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ очень мало извѣстно на Западѣ и многіе посѣтители удивляли меня наивностью вопросовъ о русскихъ школахъ.

Выставку нашу дополняли изданія Императорской Публичной библіотеки и изданія Общества древней письменности. Книги эти привлекали конечно вниманіе лишь спеціалистовъ, но очень многіе Французы разсматривали изданія эти и особенно интересовались facsimile нашихъ рукописей съ рисунками и особенно изданною обществомъ древней письменности азбукою временъ Петра Великаго съ исправленіями, сдѣланными собственною рукой Великаго Преобразователя Россіи. Работы учениковъ Варшавской школы глухонѣмыхъ и слѣпыхъ занимали цѣлую витрину и часть стѣны. Тутъ же были выставлены книги для слѣпыхъ изъ этой школы и отчетъ на французскомъ языкѣ объ этомъ учебномъ заведеніи, составленный г. директоромъ Паплонскимъ. Письменныя работы на экзаменахъ зрѣлости были разложены въ особыхъ папкахъ, каждая гимназія отдѣльно, съ французскими надписями. Работы эти разсматривались ежедневно различными посѣтителями и многіе изъ нихъ дѣлали замѣчанія относительно нашихъ письменныхъ работъ по древнимъ языкамъ и математикѣ. Члены жюри 7-го класса (по среднеучебнымъ заведеніямъ) директоръ школы С-тъ Барбъ Дюбіефъ, директоръ школы Монжъ—Годаръ и окружной инспекторъ Кетъ подробнѣе всего осматривали эти ра-

боты и выразили въ общей сложности, что считаютъ ихъ вполнѣ удовлетворительными и доказывающими серьезную подготовку нашихъ гимназистовъ къ университетскому курсу. По ихъ мнѣнію математическія задачи не ниже тѣхъ, которыя требуются при экзаменѣ на baccalaureat во Франціи. Работы по древнимъ языкамъ имъ казались легче тѣхъ, которыя требуются при означенномъ экзаменѣ, но всѣ были согласны въ томъ, что заданные переводы были очень хорошо выбраны и главнымъ образомъ отлично исправлены. Это замѣчаніе объ отличномъ способѣ производства экзаменовъ и тщательномъ исправленіи работъ было сдѣлано кромѣ того нѣсколькими профессорами лицеевъ, которые разсматривали наши тетради. Лучше другихъ оказались, по отзывамъ нѣкоторыхъ спеціалистовъ, работы С.-Петербургскаго округа. Работы по древнимъ языкамъ и по математикѣ изъ женской гимназіи г. Фишеръ въ Москвѣ возбуждали большое удивленіе посѣтителей: многіе ихъ разсматривали со вниманіемъ и мнѣ приходилось очень часто отвѣчать на разные вопросы относительно этого учебнаго заведенія и вообще женскаго образованія въ Россіи.

Что касается рисунковъ учениковъ нашихъ реальныхъ училищъ, то къ сожалѣнію только небольшая часть ихъ могла быть вывѣшена на стѣнахъ; но чтобы дать понятіе о методѣ преподаванія рисованія въ нашихъ училищахъ, я вывѣсилъ довольно полную коллекцію рисунковъ всѣхъ классовъ 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища и довольно большую коллекцію Одесскаго реальнаго училища и счелъ полезнымъ напечатать программы по рисованію этихъ двухъ училищъ въ нашемъ каталогѣ. Методъ преподаванія С.-Петербургскаго училища былъ вполнѣ одобренъ спеціалистами и многіе преподаватели рисованія потомъ приходили знакомиться съ полнымъ курсомъ по ученическимъ тетрадямъ, такъ какъ находили въ этомъ методѣ нѣкоторыя особенности, имъ мало извѣстныя. О рисункахъ низшихъ классовъ Одесскаго реальнаго училища и нѣкоторыхъ другихъ училищъ были тоже одобрительные отзывы. Изъ другихъ реальныхъ училищъ были выставлены только отдѣльные рисунки, такъ что трудно было составить себѣ точное понятіе о послѣдовательности метода преподаванія по рисованію этихъ учебныхъ заведеній по присланнымъ на выставку рисункамъ. Вообще говоря, сравнивая наши работы по рисованію изъ реальныхъ училищъ съ подобными же работами въ другихъ странахъ, можно сдѣлать общее заключеніе, что рисованіе въ реальныхъ училищахъ стоитъ на хорошей дорогѣ къ успѣху, и что

можно надѣяться на вполнѣ удовлетворительные результаты, если во всѣхъ училищахъ будутъ учить рисовать по извѣстной, одобренной министерствомъ программѣ, не дозволяя училищамъ, если можно такъ выразиться, слишкомъ фантазировать на счетъ метода преподаванія. Столъ для рисованія 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища былъ тоже одобренъ спеціалистами, но найденъ нѣсколько дорогимъ для учебныхъ заведеній.

Если обратиться къ сравненію нашего отдѣла на выставкѣ съ другими учебными отдѣлами, то можно по совѣсти сказать, что выставка министерства народнаго просвѣщенія хотя и не была обширна, но могла считаться одною изъ лучшихъ. Нѣкоторыя учебныя выставки были гораздо обширнѣе русской и богаче предметами; но школьные предметы въ нѣкоторыхъ изъ этихъ выставокъ были расположены въ безпорядкѣ и по случайному выбору, что очень портило общее впечатлѣніе.

Въ русскомъ же отдѣлѣ были еще три учебныхъ выставки: военнаго министерства, Финляндская и группа техническихъ учебныхъ заведеній въ машинномъ отдѣлѣ: Императорское техническое училище въ Москвѣ, Ремесленное училище Цесаревича Николая, Технологическій институтъ и т. д. Финляндская учебная выставка была очень полна и хорошо устроена; въ ней преобладали работы учениковъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій и въ этомъ отношеніи она была богаче нашей; но изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній было мало работъ и свѣдѣній, такъ что о финляндскихъ гимназіяхъ трудно было составить себѣ понятіе. Программъ преподаванія и графическихъ таблицъ съ статистическими данными въ финляндскомъ отдѣлѣ не было. Впрочемъ въ срединѣ лѣта была напечатана статистика Финляндіи Игнаціуса на французскомъ языкѣ, заключающая въ себѣ много свѣдѣній о школахъ. Выставка педагогическаго отдѣла военнаго министерства имѣла совсѣмъ особый характеръ, такъ что эту выставку трудно сравнить съ нашей. Она состояла изъ нѣкоторыхъ коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ Педагогическаго музея Солянаго городка, но занимала пространство вдвое больше, чѣмъ выставка министерства народнаго просвѣщенія. Тамъ можно было видѣть гигіеническій кабинетъ, небольшую коллекцію физическихъ инструментовъ, коллекціи пособій по естественной исторіи, географіи и математикѣ и нѣсколько школьныхъ скамеекъ. Многія изъ этихъ пособій были очень хороши, напримѣръ: стѣнной ботаническій атласъ Животовскаго, одобренный ученымъ ко-

митетомъ для реальныхъ училищъ, анатомическія модели Стрембицкаго и Симашко, карты Ильина, модели Гейзера и т. д., но всѣ эти предметы справедливѣе было бы выставить отъ частныхъ экспонентовъ, а не отъ Педагогическаго музея, который въ этомъ случаѣ былъ лишь покупщикомъ этихъ пособій. Свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ, которыми очень интересовались иностранцы, вовсе не было. Жаль, что не дана была возможность познакомиться съ программой военныхъ гимназій и прогимназій, которыя представляютъ особый и очень интересный типъ школъ съ общеобразовательнымъ реальнымъ курсомъ. Наши техническія училища своими коллекціями по обученію ремесламъ обратили общее вниманіе педагоговъ всѣхъ странъ. Московское техническое училище имѣло уже большой успѣхъ на Филадельфійской выставкѣ: въ Бостонѣ была даже учреждена техническая школа, въ которой примѣненъ методъ преподаванія ремесламъ, выработанный въ Московскомъ техническомъ училищѣ, нынѣшнимъ директоромъ ея г. Делла-Воссомъ. По выставленнымъ образцамъ и коллекціямъ видно, что въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи воспитанники обязаны продѣлать извѣстное количество работъ по токарному, столярному, слесарному и кузнечному ремесламъ, и что всѣ эти работы распредѣлены и подобраны такъ, что они составляютъ систематическій и методическій курсъ ремеслъ; „ремесленную гамму", какъ выражается г. Делла-Во́ссъ, проработка которой знакомитъ воспитанника со всѣми сноровками и трудностями ремесла. По окончаніи этого подготовительнаго курса воспитанники могутъ уже переходить къ построенію моделей сложныхъ частей машинъ и наконецъ къ постройкѣ самыхъ машинъ, которыхъ было очень много изъ мастерскихъ училища. Для полнаго уразумѣнія теоріи и практики ремесла очень способствуютъ богатыя коллекціи моделей инструментовъ всѣхъ вышеназванныхъ ремеслъ, изъ которыхъ многія сдѣланы въ увеличенномъ масштабѣ, чтобы можно было видѣть подробности. Подобныя же коллекціи, примѣненныя къ работѣ дѣтей младшаго возраста, были выставлены ремесленнымъ училищемъ Цесаревича Николая въ С.-Петербургѣ. Особенностью этихъ коллекцій по обученію ремесламъ были еще болѣе строгая систематичность и постепенность въ образцахъ обязательныхъ для всѣхъ воспитанниковъ работъ, и практическое примѣненіе этихъ работъ къ выдѣлкѣ мебели, для чего введенъ особый курсъ рѣзьбы изъ дерева, котораго нѣтъ въ Московскомъ Техническомъ училищѣ, направляющемъ своихъ воспитанниковъ болѣе къ механическимъ работамъ.

Къ группѣ техническихъ школъ слѣдуетъ отнести и Строгоновское училище рисованія въ Москвѣ, выставка котораго занимала довольно большое пространство противъ выставки министерства народнаго просвѣщенія. Училище это успѣло пріобрѣсти уже большую извѣстность очень хорошими результатами своего курса: почти всѣ рисовальщики большихъ русскихъ фабрикъ и заводовъ кончили курсъ въ Строгоновскомъ училищѣ, и почти во всѣхъ нашихъ производствахъ уже примѣняются рисунки древне-русскаго стиля, разработкою котораго по преимуществу занимается вышеозначенная школа. Строгоновское училище выставило полную коллекцію рисунковъ учениковъ, начиная отъ элементарнаго, такъ сказать, приготовительнаго курса, и кончая очень хорошими акварелями (видъ Москвы) и весьма красивыми композиціями учениковъ для тканей и обоевъ. Кромѣ того были выставлены: 1) коллекціи альбомовъ и рисунковъ, изданныхъ самимъ училищемъ или преподавателями его и служащихъ образцами для ученическихъ работъ; 2) нѣсколько снимковъ съ древнихъ иконъ; 3) образцы гончарныхъ издѣлій, изготовленныхъ по рисункамъ учениковъ, также въ древне-русскомъ стилѣ. Жюри очень высоко оцѣнило выставку этого училища и одинъ изъ членовъ его, Ліонскій шелковый фабрикантъ, заявилъ, что даже въ Ліонѣ имъ приходится иногда заказывать рисунки для матерій ученикамъ Строгоновскаго училища.

Изъ другихъ странъ значительные педагогическіе отдѣлы представляли: Франція, Швейцарія, Бельгія и Австрія; эти отдѣлы были богаче нашего. Венгрія, Италія, Японія, Канада и Сѣверо-американскіе штаты имѣли учебные отдѣлы по объему сходные съ русскимъ, а прочія страны выставили мало педагогическихъ предметовъ или вовсе ничего не представили интереснаго въ педагогическомъ отношеніи. Французскій отдѣлъ былъ конечно самый обширный, но содержалъ рядомъ съ очень хорошими вещами много пустяковъ, не стоющихъ вниманія.

Французское министерство народнаго просвѣщенія выставило по высшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ полную коллекцію отчетовъ, уставовъ, регламентовъ, словомъ всѣ оффиціальныя изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно издало къ выставкѣ подробный каталогъ своего отдѣла и большой томъ статистическихъ свѣдѣній о среднеучебныхъ заведеніяхъ. Подобные же томы должны были явиться и по высшимъ и низшимъ школамъ, но эти послѣднія работы къ выставкѣ не поспѣли. Кромѣ того французское министерство выставило довольно богатую коллекцію учебныхъ пособій и ученическихъ работъ изъ учи-

тельскихъ семинарій и народныхъ школъ. Для того, чтобы дать понятіе о научной, литературной и педагогической дѣятельности французскихъ преподавателей, была выставлена цѣлая библіотека сочиненій преподавателей различныхъ французскихъ учебныхъ заведеній за послѣдніе десять лѣтъ. Такихъ сочиненій набралось до 10000 томовъ и это была лишь треть полной коллекціи. Особая зала была посвящена такъ называемымъ Missions scientifiques, то-есть, научнымъ путешествіямъ, предпринятымъ по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія. Частныхъ экспонентовъ во французскомъ отдѣлѣ было очень много и нѣкоторыя пособія и книги заслуживали полнаго вниманія какъ по исполненію, такъ и по мысли, но были также предметы, которыхъ не слѣдовало допускать на выставку, такъ какъ они ничего серьезнаго не представляли. Слѣдуетъ еще упомянуть о выставкахъ французскихъ ученыхъ, педагогическихъ и другихъ обществъ, которыхъ тамъ очень много, и съ дѣятельностью которыхъ можно было хорошо познакомиться по выставленнымъ трудамъ и статистическимъ даннымъ. Большое пространство французскаго учебнаго отдѣла было занято работами техническихъ училищъ и школъ рисованія какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ и эти работы доказывали, что учебныя заведенія съ техническимъ курсомъ стоятъ во Франціи очень высоко. Частныя учебныя заведенія, напримѣръ, école S-te Barbe, école Monge, écoles professionelles de filles и т. д. имѣли также свои выставки, на которыхъ можно было ознакомиться какъ съ курсомъ этихъ школъ, такъ и съ внѣшней ихъ обстановкой. На противоположномъ концѣ Марсова поля былъ выстроенъ желѣзно-кирпичный школьный домъ, соединенный съ волостнымъ правленіемъ (mairie) архитектора Феррана и въ немъ были также выставлены нѣкоторыя учебныя пособія и происходило ежедневно въ іюлѣ мѣсяцѣ обученіе глухонѣмыхъ по особой методѣ. Кромѣ того въ этомъ зданіи и около него были выставлены школьная мебель и гимнастическіе аппараты доктора Guimart, которые заслуживаютъ по своей цѣлесообразности и дешевизнѣ вниманія спеціалистовъ. Недостатокъ французскаго отдѣла состоялъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что было мало наглядныхъ статистическихъ таблицъ, которыя давали бы возможность публикѣ составить себѣ понятіе о французскихъ школахъ. Подобныя наглядныя таблицы были впрочемъ выставлены въ особомъ павильонѣ города Парижа и касались элементарныхъ Парижскихъ школъ, которыя находятся почти вовсе не въ зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія и управляются особымъ лицомъ,

г. Греаромъ, подвѣдомственнымъ префекту департамента Сены. Статистика школъ города Парижа была составлена очень тщательно и подробно; кромѣ таблицъ еще былъ изданъ большой томъ отчета г. Греара о состояніи народнаго образованія въ Парижѣ за послѣдніе годы. По этому отчету видно, что городъ дѣлаетъ большія усилія для созданія полной системы элементарнаго образованія въ столицѣ Франціи.

Бельгійскій учебный отдѣлъ занималъ особое строеніе внѣ главнаго зданія, по своей обширности былъ вторымъ послѣ французскаго и очень хорошо устроенъ. Въ немъ можно было найдти всѣ свѣдѣнья о бельгійскихъ школахъ, начиная отъ университетовъ и кончая начальными школами. Особеннаго вниманія заслуживали: богатая коллекція рисунковъ разныхъ школъ техническаго рисованія, полное собраніе ученическихъ работъ изъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній и классная комната съ полнымъ устройствомъ изъ извѣстной Ecole modèle въ Брюсселѣ. Школа эта учреждена однимъ изъ самыхъ большихъ и полезныхъ обществъ во Франціи и Бельгіи, именно Ligue de l'enseignement, которое имѣетъ свои отдѣленія (cercles) почти во всѣхъ большихъ городахъ вышеназванныхъ государствъ. Бельгійское правительство съ своей стороны выставило всѣ документы, касающіеся учебнаго дѣла, много работъ изъ разныхъ правительственныхъ школъ и прекрасныя наглядныя стѣнныя статистическія таблицы о состояніи всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Коллекція классныхъ столовъ и вообще классной мебели, находившаяся въ Бельгійскомъ отдѣлѣ, была богаче отдѣльными экземплярами, чѣмъ подобныя же коллекціи въ другихъ отдѣлахъ выставки. Однако какихъ либо совершенно новыхъ типовъ классныхъ столовъ тутъ не было. Между правительственными бельгійскими изданіями слѣдуетъ особенно упомянуть о прекрасномъ альбомѣ подъ названіемъ: Instructions concernant la construction et l'ameublement des maisons d'école. Альбомъ этотъ изданъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (въ Бельгіи министерство народнаго просвѣщенія учреждено лишь въ 1878 году) и заключаетъ въ себѣ богатую коллекцію плановъ школьныхъ зданій со всѣми подробностями и рисунки отличныхъ образцовъ школьной мебели. Время изданія этого сочиненія относится впрочемъ къ 1875 году.

Швейцарскій педагогическій отдѣлъ былъ также довольно великъ и заключалъ въ себѣ много интереснаго, но способъ разстановки предметовъ былъ довольно неудобенъ; именно выставка была распо-

ложена по кантонамъ, что очень затрудняло изученіе ея и служило поводомъ ко многимъ повтореніямъ. Цюрихскій, Бернскій, Женевскій и Ваадскій кантоны имѣли довольно полныя выставки съ коллекціями работъ учениковъ, образцовыми физическими кабинетами, обязательными для всѣхъ народныхъ школъ нѣкоторыхъ кантоновъ, естественно-историческими коллекціями и прекрасными картами. Почти каждый кантонъ издалъ свою брошюру о состояніи учебнаго дѣла, а общая статистика швейцарскихъ школъ была представлена въ прекрасномъ сочиненіи Кинкелина: Die Statistik des Unterrichtswesens in der Schweiz, которое можно считать образцомъ школьной статистики.

Въ Австрійскомъ учебномъ отдѣлѣ прежде всего бросались въ глаза великолѣпныя работы мужскихъ и женскихъ техническихъ школъ: мебель, рисунки и прекрасныя коллекціи Вѣнскаго художественнаго музея, который устроенъ на подобіе Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ и точно такъ же какъ и Кенсигтонскій музей распространяетъ копіи различныхъ предметовъ искусства въ провинціяхъ. Кромѣ того тамъ можно было видѣть хорошія карты съ обозначеніемъ отношенія числа учениковъ къ числу жителей, взятыя изъ сочиненія Шиммера: Statistik der öffentlichen und privat-Volksschulen in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern, Wien 1876, ученическія работы по рисованію и черченію изъ реальныхъ училищъ, коллекціи плановъ школьныхъ зданій изъ нѣкоторыхъ провинцій и т. под. Сельскохозяйственныя учебныя заведенія Австріи прислали также нѣсколько замѣчательныхъ коллекцій, напримѣръ, коллекціи по винодѣлію, шелководству и лѣсоводству, которыя въ научномъ и въ практическомъ отношеніи заслуживаютъ очень большаго вниманія. Изъ частныхъ экспонентовъ въ Австрійскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе, вопервыхъ, превосходныя хромолитографированныя картины по географіи и технологіи изданія Fosteru Lenoir; эти картины безъ сомнѣнія лучшія изъ всѣхъ изданныхъ въ этомъ родѣ картинъ по названной спеціальности, но стоютъ довольно дорого: 10 и 12 фр. картина. Вовторыхъ, коллекція картинъ древнихъ памятниковъ и историческихъ мѣстностей Langl'a, первые выпуски которой уже были изданы въ 1873 году, но которая теперь пополнена новыми, очень изящными картинками. Въ третьихъ, замѣчательныя естественно-историческія коллекціи Фрича изъ Праги. Австрійское министерство народнаго просвѣщенія послало на выставку делегата, учителя Вѣнскаго реальнаго училища г. Зантага, который знакомилъ посѣтителей съ устройствомъ австрійскихъ учебныхъ

заведеній и далъ намъ очень много брошюръ и книгъ, относящихся до его отдѣла.

Изъ менѣе обширныхъ выставокъ самая интересная была безъ сомнѣнія Японская, такъ какъ въ этой странѣ замѣчается необыкновенно быстрое возростаніе числа школъ и числа учащихся. На Японской выставкѣ можно было видѣть полную школьную статистику этой страны, поражающую своими цифрами, собранія ученическихъ работъ изъ мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинарій, очень много дешевыхъ пособій для дѣтскихъ садовъ и элементарныхъ школъ, географическія карты и глобусы, изданные въ Японіи, и много другихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о большихъ усиліяхъ Японцевъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Почти всѣ оффиціальныя изданія Японскаго министерства народнаго просвѣщенія переведены на французскій или англійскій языки, такъ что каждый могъ ознакомиться съ состояніемъ учебнаго дѣла въ Японіи.

Въ Англійскомъ отдѣлѣ выставки обращала на себя вниманіе прекрасная коллекція Кенсингтонскаго музея, при которомъ находится школа рисованія. Въ высшей степени интересна дѣятельность этого музея для распространенія въ провинціяхъ, посредствомъ слѣпковъ и гальванопластическихъ копій, самыхъ извѣстныхъ предметовъ искусства, чтобы ремесленники вездѣ имѣли возможность видѣть хорошія модели для своихъ произведеній. Кромѣ того тамъ было нѣсколько школьныхъ столовъ, учебниковъ и отличные физическіе инструменты, напримѣръ: микроскопы и волшебные фонари. Одна изъ Англійскихъ колоній, Канада, имѣла педагогическую выставку довольно полную и очень интересную. Кромѣ разныхъ учебныхъ пособій по естественной исторіи, географіи и рисованію, можно было видѣть тутъ много моделей школьныхъ зданій и школьной мебели, работы учениковъ элементарныхъ школъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ, который до сихъ поръ еще сохранился въ Канадѣ, собраніе программъ и уставовъ различныхъ учебныхъ заведеній и т. д.

Педагогическій отдѣлъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ былъ устроенъ довольно поздно и помѣщенъ очень тѣсно. Онъ заключалъ въ себѣ по преимуществу книги и работы учениковъ. Библіотека этого отдѣла состояла изъ полной коллекціи всѣхъ уставовъ, программъ и плановъ самыхъ разнообразныхъ американскихъ школъ, начиная отъ университетовъ и кончая народными школами. Работы учениковъ были по преимуществу изъ народныхъ школъ, но многія изъ нихъ были очевидно приготовлены для выставки.

Въ Итальянскомъ педагогическомъ отдѣлѣ можно было найдти очень хорошія и полныя коллекціи рисунковъ учениковъ различныхъ техническихъ школъ, примѣненныхъ къ извѣстнымъ фабричнымъ производствамъ, напримѣръ, къ стеклянному производству, мозаикѣ, ткацкому дѣлу и т. д. Была, кромѣ того, коллекція школьныхъ уставовъ, статистическія работы, относящіяся до введенія обязательнаго обученія въ странѣ, хорошее собраніе физическихъ инструментовъ, женскія рукодѣлья ученицъ и работы изъ дѣтскихъ садовъ. Изящество и вкусъ, которыми такъ гордятся Италіанцы, видны дѣйствительно во всѣхъ школьныхъ работахъ, даже въ работахъ изъ дѣтскихъ садовъ.

Венгрія выставила небольшое число школьныхъ предметовъ, но выборъ ихъ былъ очень хорошъ. Министерство народнаго просвѣщенія этой страны дѣятельно занимается распространеніемъ хорошихъ пособій по учебнымъ заведеніямъ; оно само издало очень изящную коллекцію картинъ по наглядному обученію, картины для сельско-хозяйственныхъ школъ, и даже велѣло изготовить физическіе приборы для среднеучебныхъ заведеній подъ руководствомъ спеціалистовъ. Слѣдуетъ упомянуть также о Буда-Пештской семинаріи для приготовленія учителей рисованія: это одно изъ первыхъ учрежденій подобнаго рода и по выставленнымъ работамъ должно заключить объ успѣхѣ этого художественно-учебнаго заведенія.

Португалія имѣла педагогическій отдѣлъ не богатый пособіями, но въ которомъ можно было найдти всѣ данныя для оцѣнки состоянія учебнаго дѣла въ этой небольшой, но дѣятельной и просвѣщенной странѣ. Ея высшія учебныя заведенія стоятъ на ряду съ лучшими европейскими школами, и среднее и народное образованіе поставлены вполнѣ удовлетворительно. Модель школьнаго дома, и коллекція учебниковъ указывали наглядно, что португальскія народныя школы даже лучше французскихъ, а отчеты убѣждаютъ въ томъ, что правительство дѣлаетъ большія усилія для улучшенія школьнаго дѣла.

Швеція, Данія и Норвегія, къ сожалѣнію, почти ничего не представили по части школьнаго обученія, хотя по напечатаннымъ отчетамъ и по прежнимъ выставкамъ видно, что скандинавскія страны не только не отстали отъ другихъ образованныхъ народовъ, но по народному образованію достигли результатовъ лучшихъ, чѣмъ большинство другихъ народовъ. Педагоги Швеціи и Даніи были въ числѣ самыхъ внимательныхъ посѣтителей выставки и вездѣ оты-

скивали то, что по ихъ мнѣнію могло улучшить состояніе школъ на ихъ родинѣ. Описывать педагогическіе отдѣлы другихъ странъ, было бы излишне въ краткомъ обзорѣ выставки, такъ какъ во всѣхъ этихъ отдѣлахъ можно было встрѣтить тѣ же предметы какъ и въ вышеописанныхъ: въ одной странѣ коллекцій учебныхъ пособій было меньше, въ другихъ было больше ученическихъ работъ и статистическихъ свѣдѣній и въ каждой странѣ можно было найдти что-либо особенно интересное для педагога. Особенность Парижской выставки 1878 года относительно учебнаго дѣла заключалась въ томъ, что были изданы очень подробные отчеты о состояніи этого дѣла въ различныхъ странахъ и многіе изъ нихъ были составлены очень хорошо, напримѣръ, о школахъ Канады, Португаліи, Швейцаріи, Голландіи, Италіи, Японіи, Австріи, Швеціи, Норвегіи; даже о такихъ малозначительныхъ странахъ какъ Гватемала, Аргентинская республика, можно было составить себѣ полное понятіе по спеціально изданнымъ къ выставкѣ сочиненіямъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличались большою подробностью изложенія и богатствомъ сообщаемыхъ фактовъ. Списокъ книгъ, помѣщенный въ концѣ моего отчета, заключаетъ въ себѣ заглавія наиболѣе важныхъ сочиненій, изданныхъ по поводу Парижской выставки.

Считаю долгомъ дать отчетъ по своей дѣятельности, какъ члена международнаго жюри, присуждавшаго награды экспонентамъ. Учебный отдѣлъ выставки состоялъ изъ трехъ классовъ—6-го начальное образованіе (éducation de l'enfant, enseignement primaire, enseignement des adultes), 7-го класса—среднее образованіе (organisation et matériel de l'enseignement secondaire) и 8-го—высшее образованіе. (organisation, methodes et matériel de l'enseignement supérieur).

Такое раздѣленіе классовъ было не совсѣмъ удачно, потому что въ разныхъ странахъ различно смотрятъ на раздѣленіе школъ, на низшія, среднія и высшія, такъ, что при работахъ жюри безпрестанно приходилось пересылать экспонента изъ одного класса въ другой. Комиссары иностранныхъ государствъ, мало знакомые съ школьнымъ дѣломъ, этой классификаціи не понимали и предоставляли самимъ экспонентамъ опредѣлять, къ какому классу ихъ слѣдуетъ причислить. Отъ этого происходили иногда очень странныя ошибки, напримѣръ, педагогическій музей нашего военнаго министерства былъ причисленъ къ высшему образованію, въ Даніи отнесли къ высшему же образованію памятныя книжки для записыванія количества молока у коровъ, и т. под. Кромѣ того членамъ жюри одного класса при-

ходилось поневолѣ судить о школахъ, относящихся до другаго класса, напримѣръ, жюри 8-го класса, занимаясь изученіемъ высшихъ учебныхъ заведеній, знакомилось вмѣстѣ съ тѣмъ и съ подготовительными для нихъ училищами, то-есть, гимназіями и реальными училищами, а такъ какъ состояніе этихъ заведеній имѣетъ близкое отношеніе къ народному образованію, то приходилось изучать и систему начальныхъ школъ. Такимъ образомъ 8-й классъ судилъ объ общемъ состояніи народнаго образованія въ странѣ. Я былъ назначенъ русскою коммиссіею въ члены жюри по 8-му классу, хотя очень желалъ бы поступить въ 7-й или 6-й классъ; впрочемъ впослѣдствіи оказалось, что отъ этого назначенія я только выигралъ, потому что работы 8-го класса имѣли вполнѣ серьезный характеръ и принесли мнѣ много пользы. Составъ членовъ жюри былъ очень хорошъ. Французы постарались назначить въ члены жюри людей вполнѣ компетентныхъ; многіе изъ иностранцевъ, участвовавшихъ въ жюри, пользовались также почетною репутаціею въ своей странѣ. Напримѣръ жюри 8-го класса было составлено изъ слѣдующихъ лицъ: Милнъ Едвардсъ— предсѣдатель, извѣстный натуралистъ и деканъ факультета естественныхъ наукъ, Лордъ Рей, вице-пресѣдатель, очень образованный Англичанинъ, Бутми, директоръ Парижской école libre des sciences politiques, Маскаръ, профессоръ физики въ Collége de France, Бреаль, членъ Академіи наукъ, Лабуле, сенаторъ и академикъ, Лаказъ, депутатъ, Беданъ, профессоръ Парижскаго юридическаго факультета, Фурнье, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ географическаго общества и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, Рамберъ, профессоръ Цюрихскаго университета, д' Агіаръ, вице-президентъ Лисабонской, Академіи наукъ, Торель, извѣстный шведскій геологъ, Фанъ-деръ Брокъ, ученый Голландецъ. Членами жюри 7-го класса были назначены: Алвинъ, директоръ Брюссельской публичной библіотеки, президентъ, Дюбіефъ, директоръ école S-te Barbe, вице-президентъ, Годаръ, директоръ école Monge, Шаль, окружной инспекторъ по новымъ языкамъ, Кетъ, окружной инспекторъ по математикѣ, Карно, профессоръ горной школы, Салванди, депутатъ, Джонъ Филорикъ, бывшій начальникъ всѣхъ школъ города Бостона, Бауеръ, профессоръ Вѣнской политехнической школы, Луцати, италіанскій депутатъ. Жюри 6-го класса состояло изъ слѣдующихъ членовъ: Чарлсъ Ридъ, директоръ Лондонскаго School Boardn, резидентъ, Дюбайль, директоръ профессіональной женской школы въ Парижѣ, вице-президентъ, Бюиссонъ, инспекторъ народ-

наго образованія и извѣстный писатель по педагогикѣ. Бруаръ и Берже, инспекторы начальныхъ школъ, Куньи, инспекторъ рисовальныхъ школъ, Швебле, директоръ коммерческой школы, Браунъ, инспекторъ учительскихъ семинарій въ Бельгіи, Векей, членъ городскаго совѣта въ Буда-Пештѣ, Мартини, италіанскій депутатъ, Куки, чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія въ Японіи. Работы жюри начались около 15-го іюня и были окончены около 1-го августа новаго стиля. Въ продолженіе этихъ шести недѣль работы жюри шли безостановочно, начинались часто въ 8 часовъ утра и съ нѣкоторымъ промежуткомъ для завтрака продолжались до 5-ти или 6-ти часовъ вечера. Случалось, что вечеромъ были еще особыя засѣданія. Главныя мои занятія сосредоточивались въ жюри 8-го класса, но я по возможности участвовалъ въ работахъ другихъ двухъ классовъ и подробно объяснялъ всѣмъ тремъ классамъ не только выставку министерства народнаго просвѣщенія, но и весь русскій педагогическій отдѣлъ, такъ какъ я былъ единственнымъ представителемъ Россіи по учебному дѣлу. Жюри всѣхъ трехъ классовъ отнеслись къ нашему отдѣлу очень внимательно, обстоятельно изучили всю нашу училищную систему, пересмотрѣли работы учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, и какъ сказано уже выше, остались очень довольны. Въ VIII классѣ былъ предложенъ намъ grand prix самимъ предсѣдателемъ жюри, Милнъ Едвардсомъ, и принятъ единогласно, безъ всякихъ возраженій. Мотивированъ былъ этотъ grand prix **большими успѣхами въ дѣлѣ образованія, достигнутыми въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ**. Золотую медаль въ VII классѣ министерство получило за хорошую выставку гимназій и реальныхъ училищъ и за обстоятельные отчеты и графическія таблицы о ихъ состояніи. Серебряная медаль въ VI классѣ была выдана за пособія для начальныхъ школъ, выставленныя въ нашемъ отдѣлѣ (Глазуновскія таблицы, таблицы Вольноэкономическаго общества, планы, учебники и т. д.). Кромѣ того золотая медаль была присуждена г. министру народнаго просвѣщенія за личное его участіе въ преобразованіи учебныхъ заведеній и въ увеличеніи ихъ числа въ Россіи съ 1868 по 1878 годъ (médaille de collaborateur). Императорская публичная библіотека получила также золотую медаль, братство св. Гурія и Общество древней письменности — серебряныя. Было предположено выдать еще серебряную медаль г. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа за отчетъ за 1876 годъ, такую же медаль Вольноэкономическому обществу за естественно-историческія таблицы и обзоръ народно-учебной литературы, бронзовыя медали

Глазунову за таблицы для нагляднаго обученія и г-мъ Эвальду и Шеміоту за рисовальный столъ: однако при пересмотрѣ списковъ, вслѣдствіе огромнаго числа испрашиваемыхъ медалей произошло соединеніе нѣсколькихъ наградъ въ одну и потому вышеупомянутыя медали выданы не были. Къ сожалѣнію, во время этого пересмотра меня уже въ Парижѣ не было, и я не могъ протестовать противъ такого соединенія многихъ наградъ въ одну.

Вторая цѣль моей командировки въ Парижъ, то-есть, знакомство съ французскими учебными заведеніями была достигнута, какъ я уже сказалъ выше, не вполнѣ; вопервыхъ, потому что занятія по выставкѣ отнимали много времени, а вовторыхъ, потому что для посѣщенія казенныхъ учебныхъ заведеній во Франціи необходимо особое дозволеніе министра, а оно было мнѣ дано почти черезъ два мѣсяца послѣ моего пріѣзда, не смотря на частыя напоминанія. Интересуясь преимущественно начальными школами и заведеніями для приготовленія учителей, я подробно познакомился съ двумя французскими учительскими семинаріями,—съ одною въ Douai, такъ какъ она была мнѣ спеціально рекомендована министерствомъ, какъ образцовая, и съ другою въ Auteuil, около Парижа. Я посѣтилъ и нѣкоторыя народныя школы, расположенныя около этихъ учительскихъ семинарій, чтобы видѣть преподаваніе бывшихъ семинаристовъ. Что касается внѣшняго порядка этихъ учебныхъ заведеній, устройства зданій и школьныхъ принадлежностей, экономической стороны интернатовъ, соединенныхъ съ семинаріями и тому подобное, я нашелъ въ нихъ много интереснаго; но учебная часть французскихъ заведеній для приготовленія начальныхъ учителей еще не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительною. Даже подробной программы для семинарскаго курса не существуетъ. По моему мнѣнію, распредѣленіе учебнаго курса и способъ педагогической подготовки семинаристовъ къ дѣлу преподаванія въ русскихъ учительскихъ семинаріяхъ и учительскихъ институтахъ поставлены правильнѣе, и намъ въ этомъ отношеніи не приходится учиться у Французовъ. Посѣщенныя мною французскія народныя школы по курсу и программѣ преподаванія походятъ на наши городскія училища, но методы преподаванія въ нихъ еще содержатъ много рутиннаго и потому онѣ слабѣе нѣмецкихъ и швейцарскихъ народныхъ школъ. Имѣя намѣреніе написать болѣе подробную статью о французскихъ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ, я здѣсь не буду о нихъ распространяться и скажу только, что очень старательно собиралъ данныя для полнаго знакомства съ дѣломъ на-

роднаго образованія во Франціи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что французское правительство и общество всѣми силами стараются распространить и улучшить народное образованіе. Законъ объ обязательномъ обученіи, о которомъ толковали во Франціи во время министерства Жюля Симона, теперь опять на очереди и разработывается въ коммиссіи палаты депутатовъ. Число народныхъ школъ и учительскихъ семинарій возросло значительно послѣ войны съ Германіей, и министерство серьезно озабочено о томъ, чтобы улучшить методы преподаванія въ школахъ. Если подобное направленіе продолжится, то слѣдуетъ полагать, что французская народная школа выработается, и сдѣлается вполнѣ удовлетворительною. Такъ какъ духовенство, главнымъ образомъ братство христіанскихъ школъ, (Fréres des écoles chrétiennes) обучаетъ большое число дѣтей въ своихъ собственныхъ школахъ, я счелъ долгомъ познакомиться и съ ними, обративъ преимущественно вниманіе на тѣ учебные предметы, которые хорошо преподаются въ этихъ школахъ. Мнѣ уже изъ прежнихъ выставокъ была извѣстна метода элементарнаго рисованія frère Victoris и пособія по географіи frère Alexis Marie. Въ эту поѣздку я познакомился еще подробнѣе съ ходомъ преподаванія рисованія, черченія и географіи въ школахъ братства, посѣтилъ нѣсколько школъ и центральную учительскую семинарію братства въ rue Oudinot. По смерти Victoris'а наблюденіе за преподаваніемъ рисованія и черченія перешло къ его сотруднику frère Bernard Loceis, который съ большою любезностью не только объяснилъ мнѣ весь ходъ преподаванія этихъ учебныхъ предметовъ, но и снабдилъ меня полною коллекціею тетрадей и стѣнныхъ рисунковъ, изданныхъ братствомъ для училищъ и для учителей. Эта метода рисованія и черченія можетъ имѣть большое значеніе для нашихъ учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, потому что въ ней всѣ пріемы такъ подробно объяснены, что даже учитель не-спеціалистъ можетъ преподавать элементарный курсъ рисованія и черченія съ успѣхомъ. Кромѣ того курсъ черченія и рисованія, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ техническій характеръ, что очень полезно для начальныхъ училищъ. Другіе курсы рисованія и черченія, изданные въ послѣднее время во Франціи, имѣютъ подобный же характеръ и потому начальнымъ учителямъ очень легко преподавать эти учебные предметы при хорошихъ пособіяхъ и подробныхъ методическихъ указаніяхъ. Въ этомъ отношеніи русскіе учителя начальныхъ и городскихъ училищъ находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, такъ какъ хорошо выработаннаго методическаго курса рисованія для русскихъ

народныхъ школъ не существуетъ. Изъ средне-учебныхъ заведеній я спеціально занялся двумя, такъ называемыми, écoles libres, то-есть частными школами, приготовляющими къ окончательному экзамену на степень bachelier, соотвѣтствующему нашему экзамену на аттестатъ зрѣлости, именно école S-te Barbe и école Monge. Обѣ эти школы тѣмъ сходны между собою, что онѣ составляютъ собственность двухъ компаній на акціяхъ. Акціонерами школы S-te Barbe могутъ быть только такъ называемые барбисты, то-есть бывшіе ученики самой школы, одной изъ самыхъ древнихъ въ Парижѣ, а école Monge основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшими учениками извѣстной Политехнической школы. Ecole S-te Barbe въ учебномъ отношеніи мало отличается отъ казенныхъ лицеевъ, имѣетъ очень большой интернатъ и помѣщена въ обширномъ, но не очень удобномъ домѣ недалеко отъ Пантеона. Особенность этой школы состоитъ въ томъ, что низшіе классы интерната для дѣтей отъ 8 до 13-ти лѣтъ помѣщены на прекрасной дачѣ, расположенной среди садовъ Fontenay aux roses, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа. Помѣщеніе это для дѣтей дѣйствительно образцовое и навѣрное въ значительной степени сохраняетъ здоровье мальчиковъ, которые въ Парижѣ не могли бы найдти такихъ хорошихъ гигіеническихъ условій, даже у своихъ родителей. Ecole Monge, заведеніе еще молодое, но въ высшей степени интересное. Во-первыхъ, домъ училища на boulevard Malesherbes составляетъ отличный типъ школьнаго дома. Зданіе это не совсѣмъ закончено, но будетъ стоить около $1^1/_2$ милліоновъ франковъ и въ немъ помѣстятся до 300 пансіонеровъ и 600 приходящихъ. Всѣ подробности постройки: расположеніе и меблировка классныхъ комнатъ, устройство спаленъ, умывальниковъ, ватерклозетовъ и т. д. не представляетъ ничего желать лучшаго, а учебная часть имѣетъ нѣкоторыя очень интересныя особенности. Цѣль школы состоитъ въ томъ, чтобы дать ученикамъ среднее классическое образованіе и подготовить ихъ къ экзаменамъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія. Сообразно этой цѣли, école Monge раздѣляется на три отдѣленія: 1-е (отъ 8 до 13 лѣтъ), элементарное, состоитъ изъ пяти классовъ, гдѣ учебные предметы проходятся методически, сообразно степени развитія дѣтей. Древнихъ языковъ въ этомъ отдѣленіи нѣтъ; въ немъ преподаются нѣмецкій и англійскій языки, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика и родной языкъ по особо составленнымъ учебникамъ. Въ самыхъ младшихъ классахъ къ преподаванію допущены и учительницы. Второе отдѣленіе (13—18 лѣтъ) заключаетъ въ себѣ также пять классовъ, въ ко-

торыхъ преподаются древніе языки, математика и всѣ предметы, необходимые для экзамена на bachelier. Наконецъ третье отдѣленіе, подготовительное, имѣетъ цѣлью подготовить учениковъ, желающихъ держать экзаменъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, къ этимъ экзаменамъ. Въ этомъ отдѣленіи ученики остаются одинъ, два или три года, смотря по трудности экзамена, къ которому они готовятся. Въ Парижѣ существуетъ еще школа съ подобнымъ курсомъ, это École alsacienne, но въ ней мнѣ не удалось побывать.

Такъ какъ окончательнымъ результатомъ своей командировки на Парижскую выставку я долженъ считать различныя указанія относительно улучшенія учебнаго дѣла въ Россіи, то въ концѣ своего отчета я позволю себѣ высказать нѣсколько сравнительныхъ выводовъ о состояніи учебныхъ заведеній у насъ и за границею; выводы эти ясно сдѣланы отчасти по замѣчаніямъ педагоговъ другихъ странъ, отчасти по собственнымъ наблюденіямъ.

1) Количество народныхъ школъ и число грамотныхъ у насъ, какъ это впрочемъ уже давно извѣстно, сравнительно съ другими образованными странами, очень не велико и нужны энергическія усилія для того, чтобы увеличить число школъ и обезпечить ихъ хорошими учителями. Всѣ иностранцы очень оцѣнили заботы нашего министерства о быстромъ увеличеніи числа учительскихъ семинарій въ Россіи за послѣднія десять лѣтъ, но высказали, что конечнымъ результатомъ усилій русскаго правительства для распространенія народнаго образованія должно быть введеніе обязательнаго обученія по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Для регулированія отношеній министерства народнаго просвѣщенія къ земствамъ, волостямъ и частнымъ лицамъ необходимъ общій школьный законъ, часть котораго должно составлять узаконеніе объ обязательномъ обученіи. Всѣ педагоги съ большимъ интересомъ прочли въ предисловіи къ нашему каталогу предположеніе о выработкѣ у насъ закона объ обязательномъ обученіи и бывшій министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный писатель по учебнымъ вопросамъ Jules Simon, имѣлъ со мною продолжительный разговоръ объ этомъ предметѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ совѣтовалъ не поддаваться доводамъ противъ обязательнаго обученія, а вводить его постепенно, по мѣрѣ открытія школъ. Такъ какъ дѣло объ обязательномъ обученіи поручено мнѣ лично, и мною уже разсмотрѣно много документовъ, доставленныхъ по этому вопросу директорами училищъ, то полагаю необходимымъ сдѣлать отдѣльный докладъ о способѣ разработки этого закона, который, по моему мнѣ-

нію, никакъ не можетъ быть выработанъ однимъ лицомъ, даже въ видѣ проекта. Но пока еще законъ этотъ не составленъ и не изданъ, въ высшей степени было бы желательно, чтобы директоры и инспекторы народныхъ училищъ какъ можно болѣе поощряли земство, волости и т. д. къ открытію школъ.

2) Отсутствіе у насъ въ Россіи хорошей школьной статистики, особенно по начальнымъ училищамъ, было очень ощутительно въ сравненіи съ статистикой другихъ образованныхъ странъ.

3) Уже на Вѣнской выставкѣ 1873 года было очевидно, что во всѣхъ образованныхъ странахъ обученіе рисованію въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. На Парижской выставкѣ этотъ выводъ подтверждался еще болѣе и масса ученическихъ работъ, учебниковъ, стѣнныхъ таблицъ и моделей указывала ясно во всѣхъ отдѣлахъ, что этотъ учебный предметъ считается важною составною частью общеобразовательнаго курса. Французское министерство народнаго просвѣщенія въ іюнѣ 1878 года сочло нужнымъ издать законъ объ обязательности рисованія во всѣхъ ему подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Методы преподаванія этого учебнаго предмета еще довольно разнообразны, но всѣ новѣйшіе курсы рисованія очевидно направлены не къ копированію оригиналовъ и моделей, а къ возбужденію въ ученикахъ самодѣятельности въ видѣ композицій рисунковъ различнаго вида. Такъ какъ для учениковъ невозможна самостоятельная работа въ смыслѣ рисованія картинъ, портретовъ и пейзажей, то главное значеніе при этомъ пріобрѣтаютъ композиціи орнаментовъ и рисунковъ, имѣющихъ техническій характеръ. Такое направленіе обученія рисованію особенно приспособлено для учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ и наши русскія реальныя училища, особенно Петербургскія, по своему методу преподаванія рисованія стоятъ на уровнѣ съ лучшими заграничными школами, но и для нихъ необходима подробная инструкція распредѣленія курса, такъ какъ во многихъ провинціальныхъ реальныхъ училищахъ видно большое разнообразіе въ методахъ преподаванія. По большому числу уроковъ рисованія реальныя училища все-таки находятся въ хорошихъ условіяхъ для выработки правильнаго курса, чего къ сожалѣнію нельзя сказать о городскихъ училищахъ, учительскихъ институтахъ, учительскихъ семинаріяхъ, мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ учебныхъ заведеній введено нѣсколько уроковъ рисованія, въ другихъ рисованіе соединено съ черченіемъ и геометріей и т. п., но въ общей сложности по этому учеб-

ному предмету дѣлается очень мало. Опытъ другихъ образованныхъ народовъ указываетъ на необходимость ввести серьезный курсъ рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, изъ которыхъ ученики и ученицы переходятъ къ практической дѣятельности и ремесламъ, такъ какъ нѣтъ другаго учебнаго предмета, который бы такъ скоро давалъ возможность практически воспользоваться имъ въ жизни. Составленіе рисунковъ и нѣкоторая сноровка къ орнаментаціи нужна теперь во всѣхъ ремеслахъ и промыслахъ; за каждый рисунокъ, составленный съ нѣкоторымъ вкусомъ, платятъ дорого, и ремесленникъ, не умѣющій вовсе рисовать, никогда не можетъ выбиться изъ колеи самой обыкновенной посредственности. Поэтому увеличеніе числа уроковъ по рисованію во всѣхъ вышеназванныхъ учебныхъ заведеніяхъ и подробныя указанія на способъ преподаванія этого предмета составляютъ насущную потребность и требуютъ возможно скораго исполненія. Преподаватели нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ могутъ оказать большую услугу, взявъ на себя трудъ составить курсы рисованія для разныхъ учебныхъ заведеній и выработать программу этого курса.

4) Недостаточное число всякаго рода техническихъ школъ въ Россіи сравнительно съ большимъ количествомъ подобныхъ учебныхъ заведеній въ другихъ странахъ очень ощутительно. Существующія у насъ техническія училища, какъ сказано уже выше, очень хороши, но ихъ слишкомъ мало сравнительно съ огромною потребностію въ этого рода учрежденіяхъ. Хотя устройство техническихъ училищъ и не относится къ прямымъ обязанностямъ министерства народнаго просвѣщенія, но я считаю долгомъ объ этомъ упомянуть потому, что въ нашемъ вѣдомствѣ была сдѣлана попытка помочь недостатку техническихъ учебныхъ заведеній, именно учрежденіемъ реальныхъ училищъ. Быстрое увеличеніе числа этихъ училищъ доказываетъ ихъ необходимость и иностранцы очень сочувственно отнеслись къ мысли объ устройствѣ реальныхъ школъ во всей имперіи, но устройство и программа преподаванія дополнительныхъ классовъ требуетъ пересмотра и измѣненія съ цѣлью сдѣлать эти классы болѣе производительными для учащихся въ нихъ молодыхъ людей.

Во всѣхъ образованныхъ странахъ выработались два типа техническихъ учебныхъ заведеній, которыя можно назвать низшими и высшими. Низшія техническія училища довольствуются тамъ общеобразовательнымъ курсомъ не выше курса нашихъ городскихъ училищъ и уже лѣтъ съ 12—14 спеціализируютъ занятія, вводя теоретиче-

скія свѣдѣнія по разнымъ предметамъ и практическія занятія по техническому рисованію и по мастерству. Подобный практическій курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 2 года, а въ хорошихъ школахъ 4 и 5 лѣтъ. Высшія техническія училища требуютъ значительнаго общеобразовательнаго курса и потому начинаютъ свои спеціальныя занятія позже, но за то доводятъ своихъ слушателей до полнаго знакомства съ теоріей извѣстной спеціальности, дополняя эту теорію и практическими занятіями, на что требуется, по крайней мѣрѣ, 3 или 4 года.

Поэтому желательно бы было у насъ въ Россіи устройство слѣдующаго рода техническихъ школъ: вопервыхъ, низшихъ техническихъ училищъ для учениковъ, окончившихъ курсъ въ городскихъ училищахъ и двуклассныхъ сельскихъ (куда можно принимать, конечно, неуспѣшныхъ учениковъ реальныхъ училищъ и гимназій); вовторыхъ, высшихъ техническихъ школъ съ курсомъ, продолжающимся по крайней мѣрѣ 4 года. Очевидно, что такія высшія и даже низшія техническія школы не могутъ быть учреждены во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ есть реальныя училища, но слѣдуетъ избрать нѣсколько центральныхъ пунктовъ и устроить эти заведенія съ мастерскими, полными коллекціями и всѣми необходимыми пособіями. Потребность въ техническихъ заведеніяхъ у насъ въ Россіи такъ велика, что мы увѣрены въ полномъ содѣйствіи земствъ и городовъ, если министерство народнаго просвѣщенія заявитъ желаніе устроить полныя техническія училища въ нѣкоторыхъ городахъ. Для удешевленія этихъ заведеній можно было бы воспользоваться опытомъ Бельгіи, страны, какъ извѣстно, по преимуществу промышленной, которая однако сочла возможнымъ устроить при своихъ университетахъ техническіе факультеты, которые готовятъ инженеровъ по всѣмъ спеціальностямъ и достигаютъ очень удовлетворительныхъ результатовъ. Такой инженерный факультетъ все-таки стоитъ дешевле отдѣльнаго института, такъ какъ отчасти пользуется учебными силами университета, его коллекціями, лабораторіями, библіотекой. Безъ всякаго сомнѣнія есть и нѣкоторыя неудобства при этомъ соединеніи теоретическихъ факультетовъ университета съ практическою школою, но въ виду большой бѣдности техническихъ училищъ въ Россіи не слѣдуетъ пренебрегать и этимъ средствомъ, тѣмъ болѣе, что при увеличеніи денежныхъ средствъ всегда легко со временемъ отдѣлить техническій факультетъ въ видѣ особаго учрежденія.

б) Иностранцы очень интересовались нашими женскими учебными

заведеніями: о нихъ писали даже во французскихъ журналахъ, Французы открыто признавались, что въ этомъ отношеніи Россія опередила многія другія европейскія страны. Во Франціи, напримѣръ, нѣтъ вовсе правительственныхъ или городскихъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ съ опредѣленнымъ и серьезнымъ курсомъ, сходнымъ съ курсомъ нашихъ женскихъ гимназій. Дѣвицы получаютъ тамъ образованіе или только въ элементарныхъ школахъ, или въ монастыряхъ и частныхъ пансіонахъ. Поэтому очень многіе педагоги и литераторы разспрашивали меня о программѣ нашихъ женскихъ гимназій.

Г-жа Жюль Симонъ даже просила снять копію съ таблицы распредѣленія уроковъ въ женскихъ гимназіяхъ, которая у насъ была вывѣшена на стѣнѣ; точно также ей доставлена была программа распредѣленія занятій въ женскихъ гимназіяхъ IV Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Не смотря на очевидный успѣхъ дѣла женскаго образованія въ Россіи, мнѣ пришлось выслушать отъ нѣкоторыхъ внимательныхъ посѣтителей выставки два замѣчанія относительно нашихъ женскихъ школъ. Вопервыхъ, они указывали на почти полное отсутствіе въ Россіи женскихъ техническихъ училищъ и курсовъ, въ которыхъ дѣвушки могли бы научиться полезному и доступному имъ ремеслу или художественному занятію. Во Франціи, Германіи и другихъ странахъ существуетъ уже много такъ называемыхъ écoles professionelles и Fortbildungsschulen, гдѣ дѣвицы, кончившія свое общее образованіе, обучаются техническому рисованію и черченію, рукодѣльямъ, гравированію на деревѣ и металлѣ, составленію узоровъ и рисунковъ для разныхъ производствъ, и бухгалтеріи. Всѣ эти предметы, конечно, рѣдко соединены въ одной школѣ, но въ каждомъ значительномъ городѣ существуетъ учебное заведеніе, гдѣ бѣдная дѣвушка, не имѣющая возможности посвятить себя научнымъ занятіямъ, можетъ выучиться какому либо практическому занятію, дающему ей возможность заработывать хлѣбъ. Опытъ показалъ, что дѣвицы могутъ съ успѣхомъ заниматься вышеупомянутыми, если можно такъ выразиться, низшими художественными работами. Составленіе рисунковъ для матерій, обоевъ и разныхъ женскихъ рукодѣлій, рисованіе и гравированіе виньетокъ для книгъ, нотъ, узоровъ и картинокъ для модныхъ журналовъ, уже занимаетъ очень много особъ женскаго пола въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. Работы эти тѣмъ особенно хороши, что онѣ не отрываютъ женщину отъ семьи и возможны для замужнихъ женщинъ, которыя, не покидая

дома, могутъ заниматься рисованіемъ, гравированіемъ или черченіемъ во всякое свободное время, оставшееся отъ хозяйственныхъ хлопотъ и наблюденія за дѣтьми. Кромѣ того подобныя женскія техническія школы отвлекутъ многихъ дѣвушекъ отъ непосильныхъ для нихъ занятій на высшихъ педагогическихъ и медицинскихъ курсахъ. Мой собственный опытъ, какъ бывшаго преподавателя женскихъ педагогическихъ курсовъ и инспектора женской гимназіи, доказалъ, что въ высшія учебныя заведенія поступаютъ много дѣвицъ, которыя для слушанія серьезнаго курса недостаточно подготовлены. Не сознавая недостаточности своей подготовки, онѣ или хватаютъ только верхушки знанія и занимаются не серьезно, или напрягаютъ всѣ силы для занятій и,замѣчая неуспѣхъ, невольно развиваютъ въ себѣ недовольство, желчность, которыя ихъ приводятъ къ разнымъ эксцентричностямъ. По моему мнѣнію слѣдуетъ непремѣнно открыть женщинамъ возможность заниматься полезными ремеслами и мы увѣрены, что въ Россіи женскій трудъ будетъ вознагражденъ еще лучше, чѣмъ за границей, гдѣ существуетъ очень большая конкурренція. Второе замѣчаніе иностранцевъ касалось отсутствія у насъ въ Россіи женскихъ школъ, по курсу схожихъ съ городскими училищами, програма которыхъ была всѣми признана очень хорошею. Женскія прогимназіи не могутъ замѣнить подобныхъ школъ, потому что онѣ не имѣютъ законченнаго курса и въ программѣ ихъ допускаются занятія по новымъ и даже древнимъ языкамъ, что для многихъ дѣвушекъ, которыя не оканчиваютъ полнаго гимназическаго курса, совершенно излишне. Устройство женскихъ школъ съ шестилѣтнимъ курсомъ и съ раздѣленіемъ на три класса, какъ городскія училища, было бы вовсе не трудно и потребовало бы менѣе издержекъ, чѣмъ устройство прогимназій. Подготовка учительницъ къ классному преподаванію въ этихъ школахъ обошлась бы дешевле, чѣмъ приготовленіе учителей, такъ какъ, при порядочномъ жалованьи, въ учительницы городскихъ училищъ поступали бы охотно кончившія курсъ въ женскихъ гимназіяхъ и ихъ было бы возможно подготовить къ дѣятельности учительницъ въ одинъ или много въ два года. Высочайше утвержденное положеніе о городскихъ училищахъ допускаетъ возможность устройства женскихъ училищъ, такъ какъ въ 1 § сказано, что „городскія училища имѣютъ цѣлью доставленіе дѣтямъ всѣхъ сословій начальнаго, умственнаго и религіозно-нравственнаго образованія“. Изъ словъ „дѣтямъ“ видно, что училища

устраиваются не для однихъ мальчиковъ и потому открытіе женскихъ городскихъ школъ не противорѣчило бы, кажется, положенію.

6) Считаю долгомъ сообщить еще о нововведеніи, которое теперь распространено почти во всѣхъ французскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Именно, кромѣ гимнастики въ нихъ введено почти вездѣ фронтовое ученіе съ ружьями и даже обученіе стрѣльбѣ въ цѣль. Во всѣхъ французскихъ лицеяхъ обучаютъ фронту очень серьезно; лѣтомъ ученики Орлеанскаго лицея даже участвовали въ парадѣ вмѣстѣ съ войсками. Обученіе фронту обязательно и въ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ я нашелъ въ особомъ помѣщеніи цѣлый арсеналъ ружей Шаспо. Стрѣльба въ цѣль теперь также распространена между молодыми людьми во Франціи и есть особое общество, которое поощряетъ это занятіе, устраиваетъ стрѣльбища, стрѣлковые праздники и раздаетъ призы. При введеніи всеобщей воинской повинности, мысль объ обученіи молодежи военному дѣлу является сама собою. Швейцарцы, которые уже давно ввели у себя систему народной милиціи, раньше другихъ устроили военныя упражненія для учениковъ школъ. Такъ называемые кадетскіе отряды въ Швейцаріи имѣютъ совершенно военное устройство: при нихъ состоитъ даже артиллерія; роль офицеровъ исполняютъ старшіе ученики и отряды эти производятъ очень серьезныя ученія и даже маневры. Для молодежи эти занятія имѣютъ важное значеніе, такъ какъ значительно облегчаютъ молодому человѣку рекрутскую службу. Въ Швейцаріи мальчикъ, прошедшій такъ называемую кадетскую службу, освобождается отъ обязательнаго двухмѣсячнаго рекрутскаго обученія. Возбуждая въ значительной степени патріотическое чувство, фронтовое ученіе нравственно вліяетъ на молодыхъ людей, пріучая ихъ подчиняться во время этихъ занятій строгой и безусловной дисциплинѣ и кромѣ того служитъ полезной гимнастикой. Знакомство съ болѣе употребительными ружейными пріемами, сигналами и изученіе принятаго въ войскахъ ружья составляетъ необходимое дополненіе къ фронтовому ученію. Слѣдуетъ еще замѣтить, что эти военныя упражненія внесутъ нѣкоторое разнообразіе въ занятія нашей молодежи и по всей вѣроятности будутъ ей нравиться. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія уже введено фронтовое ученіе, но желательно бы было, чтобы эти занятія распространились и получили большее развитіе. Намъ кажется, что для успѣха этого дѣла необходима нѣкоторая парадность и гласность. Общіе смотры, барабанный бой, знамена, нѣкоторое подобіе маневровъ и т. под.

имѣютъ большое значеніе и пріучаютъ молодежь къ мысли о службѣ въ ополченіи или въ постоянныхъ войскахъ. По нашему мнѣнію вопросъ о введеніи правильныхъ фронтовыхъ занятій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ заслуживаетъ вниманія и подробной разработки.

7) Наконецъ позволяю себѣ обратить вниманіе на необходимость изданія особаго офиціальнаго журнала для начальныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Почти во всѣхъ западныхъ государствахъ подобные журналы существуютъ и они дѣйствительно отвѣчаютъ насущной потребности народныхъ училищъ. Народные учителя требуютъ извѣстнаго руководства и направленія еще гораздо болѣе преподавателей среднеучебныхъ заведеній. Учитель начальнаго училища одинокъ и сравнительно мало образованъ; критически относиться къ разнымъ методамъ преподаванія, къ различнымъ учебникамъ и литературнымъ явленіямъ онъ не можетъ: инспекторъ и директоръ бываютъ у него рѣдко и постояннаго вліянія на него оказывать не могутъ, и потому направленіе его мыслей предоставлено не всегда полезному вліянію окружающей среды или случайно полученныхъ книгъ или журналовъ. Если подобныя явленія замѣчаются въ западныхъ странахъ, то у насъ они еще гораздо болѣе замѣтны, потому что разстояніе между школами огромное, полученіе книгъ и журналовъ часто невозможно и всякія сообщенія съ образованнымъ міромъ для народнаго учителя затруднительны. Очевидно, что Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, исполняющій свое назначеніе для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, не удовлетворяетъ вышеприведенной потребности: въ начальныя училища онъ рѣдко проникаетъ и не заключаетъ въ себѣ многихъ свѣдѣній, необходимыхъ для народныхъ учителей. Между тѣмъ эти послѣдніе должны непремѣнно знать различныя офиціальныя извѣстія, касающіяся начальныхъ училищъ, и ознакомиться хоть съ самыми важными явленіями въ литературѣ, относящейся до ихъ спеціальности. Изданіе ежемѣсячнаго листка, въ которомъ бы помѣщались правительственныя и министерскія распоряженія, указаніе и краткій разборъ одобренныхъ особымъ отдѣломъ ученаго комитета книгъ, и небольшія статьи по методикѣ элементарнаго обученія, не могло бы стоить дорого, если только назначить хоть небольшую плату за этотъ журналъ, но сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ начальныхъ училищъ, подвѣдомственныхъ министерству. Можно, конечно, для этой цѣли избрать одинъ изъ издающихся уже у насъ журналовъ, но въ такомъ случаѣ необходимо войдти съ редакціей въ особое соглашеніе на счетъ

содержанія журнала и его цѣны, которая должна быть уменьшена, если журналъ будетъ имѣть официальный характеръ.

Въ концѣ своего отчета считаю долгомъ помѣстить списокъ наиболѣе важныхъ книгъ и брошюръ, полученныхъ мною въ качествѣ делегата министерства народнаго просвѣщенія и члена жюри. Я съ полною готовностію предоставляю пользоваться этими книгами всѣмъ лицамъ, которымъ онѣ могли бы понадобиться для специальныхъ занятій.

Франція.

1) Annuaire de l'instruction publique, 1878.

2) Nouveau code de l'instruction primaire, par Pichard.

3) Statistiqne de l'enseignement secondaire en 1876.

4) Rapport sur l'instruction primaire à l'exposition de Vienne 1873 par Buisson.

5) Rapport sur l'instruction primaire à l'exposition de Philadelphie 1876 par Buisson.

6) Rapport au ministre sur la collection des documents inedits de l'histoire de France etc.

7) Rapport au ministre sur la mission des Chotts. Etudes relatives au projet de mer interieure en Afrique, par le capitaine Roudaire.

8) Conférences pedagogiques faites aux instituteurs primaires. Paris, 1878.

9) Observatoire météorologique du Pic du Midi de Bigarre. Travaux. 1873—1878.

10) Rapport au ministre sur le service des missions et voyages scientifiques.

11) Ecole libre des sciences politiques. Programme des cours.

12) Statuts de la societé pour l'etude des questions d'enseignement superieur.

13) Cours élementaire de dessin à l'usage des écoles primaires, de l'institut des frères des ècoles chretiennes.

14) Ecoles modeles et mairie—système de Stanislas Ferrand.

15) Ecole centrale des arts et manufactures. Programme des cours.

16) Ecole nationale des ponts et chaussées. Programme des cours.

17) Atlas graphique et statistique du commerce de la France avec les pays étrangers 1859—1875.

18) Notices sur les modèles, cartes et dessins, réunis par les soins du Ministère des travaux publics.

19) Reglements, programmes d'etudes, plań des constructions, et manuels de l'ecole Monge.

20) Statuts de la société anonyme de l'ecole Monge.

21) Reglements et programme de S-te Barbe.

22) Полная коллекція программъ экзаменовъ для поступленія въ различныя правительственныя учрежденія.

Австрія.

1) Die Verwaltung der Oesterreichischen Hochschulen. Von 1866—1877, von D-r Lemayer.

2) Oesterreichisches Volk-und Mittelschulwesen in der Periode von 1866—1877, von Egger—Möllwald.

3) Die Kunstbewegung in Oesterreich seit 1867.

4) Exposé sur le developpement et sur l'état actuel de l'instruction publique en Hongrie.

Бельгія.

1) Loi organique sur l'instruction primaire.

2) Programme des cours des athenées royaux. 1878—1879.

3) Loi organique de l'enseignement superieure.

4) Construction et ameublement de batiments d'écoles.

5) Dispositions concernant les écoles préparatoires et speciales du genie civil et des arts et manufactures, annexés à la faculté des sciences à Gand.

6) Université de Gand. Programme des cours.

7) Rapport sur l'organisation et la marche de l'institut de commerce d'Anvers.

8) Notice sur les travaux de la ligne de l'enseignement et sur l'ecole modèle fondée par cette association.

Швейцарія.

1) Statistik des Unterrichtsweseus in der Schweiz von D-r Kinkelin.

2) Renseignement sur les divers établissements d'instruction publique du canton de Génève.

3) Rapport sur i'organisation et la marche de l'école polytechnique de Zurich.

4) Organisation de l'instruction publique dans le canton de Vaud.

5) Die Schulbankfrage in Zurich, von. A. Koller и много другихъ брошюръ.

Италія.

1) Catálogue du Ministère de l'instruction publique.

2) Sull' obligo dell' istruzione élementare. Progetto di leggeal allegato.

3) Relazione statistica sulla istruzione pubblica e privata in Italia.

4) Annuario statistico italiano. 1878.

5) La scuola di diseqno per gli artieri di Murano.

6) Il museo di Murano.

Португалія.

1) Mémoire sur l'instruction primaire en Portugal.

2) Memoire sur l'insruction secondaire.

3) Memoire sur le cours superieur de lettres á Lisbonne.

4) Memoire sur l'ecole medico-chirurgicale de Lisbonne.

5) Notice historique de l'université de Coimbra.

6) Memoire sur l'ecole navale.

7) Memoire sur le conservatoire royale de Lisbonne.

8) Memoire sur l'institut industriel de Lisbonne.

9) Notice sur la ferme-ecole régionale de Lintra.

10) Notice abregée sur l'institut général d'agriculture de Lisboune.

11) Memoire sur l'ecole medicochirurgicale de Porto и нѣсколько элементарныхъ учебниковъ.

Англія и ея колоніи.

1) Коллекція уставовъ и отчетовъ Кенсингтонскаго музея.

2) The Canada educational Directory. Iear book fur 1876.

3) L'instruction publique au Canada, par Chauveau.

4) Special repport on the Ontario educational exhibit—1876.

5) School architecture. Toronte Canada.

6) An essay on New South Wales.

Разныя страны.

1) Royaume de Suède. Exposé statistique, par le D-r Sidenbladt.

2) Le royaume de Norvege et le peuple Norvegien, par le D-r Broch.

3) Organisation de l'instruction dans le royaume des Pays-bas pur D. Stein Parvé.

4) Rapport of the Commissioner of Education, Washington. 1875 и много программъ американскихъ школъ.

5) Catalogue des objets exposés pur le Ministare du Japon.

6) The calendar of the Tokio Kaisel-Gakko (университетъ).

7) Japanese Education.

8) Chine. Catalogue special.

9) Republique du Salvador, Notice historique et statistique.

10) Republique Argentine. Catalogue avec notice.

11) Le grand duché de Finlande, par Ignatius.

Кромѣ того, всѣ офиціальные каталоги отдѣловъ и много отдѣльныхъ каталоговъ отъ разныхъ торговыхъ фирмъ.

К. Сентъ-Илеръ.

О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КАБИНЕТА УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ ПРИ ДИРЕКЦІИ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Кабинетъ учебныхъ пособій съ педагогическою библіотекою при дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи открытъ былъ 30-го октября 1877 года, вслѣдствіе разрѣшенія, послѣдовавшаго въ концѣ 1876 г. Онъ состоитъ подъ личнымъ наблюденіемъ директора народныхъ училищъ. Первая и главная цѣль учрежденія кабинета заключается въ томъ, чтобы доставить всѣмъ учащимъ въ народныхъ школахъ Петербургской губерніи возможность безплатно пользоваться книгами и журналами педагогическаго содержанія, а также учебными пособіями, какъ въ самомъ помѣщеніи кабинета, такъ и у себя на дому, и такимъ образомъ слѣдить за всѣмъ, что̀ выходитъ новаго по этой части, расширять свои познанія и совершенствоваться въ дѣлѣ преподаванія. Поэтому еще ранѣе открытія кабинета, когда онъ только что формировался, многіе изъ народныхъ учителей, прослышавъ о томъ, стали посѣщать его и брать книги. Съ открытіемъ же кабинета началось правильное и постоянное пользованіе имъ, для чего выработаны были правила, утвержденныя г. попечителемъ учебнаго округа. Кромѣ того, для завѣдыванія кабинетомъ назначенъ былъ библіотекарь, который ежедневно бываетъ въ немъ отъ 5 до 7 часовъ пополудни, а въ праздники отъ 12 до 2 часовъ. Въ настоящее время уже болѣе 100 учащихъ берутъ книги на домъ и пользуются учебными пособіями въ самомъ помѣщеніи кабинета. Число же лицъ, посѣтившихъ кабинетъ съ цѣлію осмотра его и ознакомленія съ учеб-

ными пособіями, восходитъ до 500. Для дальнѣйшаго и болѣе успѣшнаго развитія дѣла при кабинетѣ подъ руководствомъ директора образовалась коммиссія изъ инспекторовъ и нѣсколькихъ учителей городскихъ и начальныхъ училищъ. Каждый членъ коммиссіи взялъ на себя завѣдываніе однимъ какимъ-либо предметомъ и заботится о пополненіи этого отдѣла, слѣдитъ за вновь выходящими книгами и учебными пособіями по своей части, рекомендуетъ ихъ вниманію учителей и т. п. Чтобъ еще болѣе утилизировать кабинетъ коммиссія вскорѣ послѣ открытія его пришла къ мысли объ устройствѣ съѣздовъ учителей для ознакомленія ихъ съ учебными пособіями. Такимъ образомъ въ 1878 году съ разрѣшенія начальства уже три раза учащіе собирались съ этою цѣлію: на Рождествѣ, во время Пасхи и въ августѣ. Не смотря на то, что они ни откуда пока не получали никакихъ пособій на этотъ предметъ, число ихъ каждый разъ простиралось до ста, а иногда доходило и до 130. Съ каждымъ разомъ объясненія эти принимали также все болѣе и болѣе серьезный характеръ и возбуждали болѣе живой интересъ. Такъ, въ первый разъ онѣ дѣлаемы были только членами коммиссіи въ видѣ лекцій, во второй же разъ по окончаніи объясненій дѣлаемы были возраженія со стороны слушателей и происходили общія пренія, а въ третье собраніе, въ августѣ, какъ въ объясненіяхъ, такъ и въ преніяхъ, принимали дѣятельное участіе уже не одни члены коммиссіи, но и учителя и учительницы сельскихъ школъ. Чтобы объясненія эти имѣли еще болѣе серьезный характеръ и приносили большую пользу, коммисія выработала рядъ вопросовъ по школьному дѣлу и разослала по народнымъ учителямъ съ просьбою принять участіе въ разработкѣ этихъ вопросовъ во время объясненій. Результатомъ этого было то, что они представили до 10 болѣе или менѣе подробныхъ и обстоятельныхъ рефератовъ, изъ которыхъ большая часть по разсмотрѣніи въ комиссіи были допущены къ чтенію. Къ будущимъ же съѣздамъ учителей положено разсылать по училищамъ намѣченные вопросы, съ указаніемъ пособій для разработки ихъ. Наконецъ, чтобы придать болѣе практическое направленіе объясненіямъ, нѣкоторыя изъ нихъ рѣшено сопровождать пробными уроками. Такимъ образомъ кабинетъ уже въ настоящее время до нѣкоторой степени служитъ образовательнымъ центромъ для народныхъ учителей Петербургской губерніи. Отсюда они могутъ получать всѣ почти книги педагогическаго содержанія, а также и педагогическіе журналы. Здѣсь они могутъ пользоваться если не всѣми еще, то большею частію учебныхъ пособій,

изданныхъ для училищъ. Во время съѣздовъ учащіе также знакомятся и сближаются другъ съ другомъ, обмѣниваются знаніями и опытами, при чемъ, конечно, дается толчекъ ихъ умственному движенію или по крайней мѣрѣ стремленію къ дальнѣйшему самоусовершенствованію и самообразованію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Нельзя также не обратить вниманія на то, что съѣзды при кабинетѣ даютъ возможность и учебной администраціи лучше знакомиться съ учителями, и слѣдовательно, вѣрнѣе направлять ихъ дѣятельность. Но имѣется въ виду еще и другая полезная сторона учрежденія кабинета. Кромѣ книгъ и учебныхъ пособій, въ немъ ужь и теперь есть образцы и модели классной мебели, образцы классныхъ принадлежностей, планы сельскихъ школъ и т. п. Теперь этому положено только начало. Съ развитіемъ дѣла, разумѣется, и эта часть кабинета будетъ пополняться. Цѣль этого заключается въ томъ, чтобы сдѣлать кабинетъ, такъ сказать, справочнымъ мѣстомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени проводникомъ въ общество правильныхъ понятій и воззрѣній на всю обстановку народной школы. Захочетъ ли кто построить домъ для сельской школы и не въ состояніи будетъ, напримѣръ, самъ рѣшить, какой величины устроить классную комнату, какіе сдѣлать классные столы и т. п., все это ему здѣсь объяснятъ и покажутъ; если, напримѣръ, сочувствуя народному образованію, пожелаетъ кто-нибудь пожертвовать въ школу учебныя пособія—ему скажутъ здѣсь—какія изъ нихъ болѣе подходящи, гдѣ и за какую цѣну можно пріобрѣсть ихъ и т. д. Вотъ почему въ кабинетѣ ужь и теперь есть учебныя пособія, напримѣръ, глобусы, карты и атласы, различнаго достоинства и разныхъ цѣнъ, начиная съ самыхъ низшихъ. Такъ глобусы начиная съ 50 к., карты и атласы начиная съ 10 и 20 коп. Такимъ образомъ въ кабинетѣ можно будетъ получать всевозможныя свѣдѣнія по части народнаго образованія.

Необходимо упомянуть также, что при кабинетѣ уже положено начало отдѣлу дѣтскихъ книгъ съ подраздѣленіемъ ихъ на возрасты. Надо сознаться, что это дѣло весьма трудное. Существующіе каталоги дѣтскихъ книгъ, отзывы и рецензіи о нихъ періодической печати не составляютъ надежнаго руководства въ этомъ дѣлѣ. Членамъ коммиссіи приходится большую часть дѣтскихъ книгъ перечитывать, давать о нихъ отзывы въ коммиссіи, и только тогда уже нѣкоторыя изъ нихъ вносятся въ списокъ. Такихъ книгъ въ настоящее время разсмотрѣно до 100. Когда ихъ наберется больше, то будетъ отпечатанъ каталогъ. Здѣсь кстати прибавить, что теперь приго-

товляется къ печати систематическій каталогъ всѣмъ книгамъ и учебнымъ пособіямъ кабинета и библіотеки.

Наконецъ, есть мысль основать при педагогической библіотекѣ кабинета отдѣлъ, если можно такъ выразиться, простонародной литературы, то-есть, собрать книжки, картинки, рисунки, которыя распространяются въ простомъ народѣ. Трудно себѣ представить — какая страшная эксплуатація совершается въ этой области. Само собою разумѣется, чтобы начать дѣйствовать противъ этого зла, нужно прежде хорошенько изучить его, ознакомиться съ нимъ во всей, такъ сказать, наготѣ его. Тогда, можетъ быть, окажется возможность внести нѣкоторый свѣтъ и въ этотъ темный уголъ нашего народнаго образованія.

И такъ, вотъ тѣ главныя цѣли и задачи кабинета, которыя онъ частію уже выполняетъ, а частію долженъ выполнить. Съ развитіемъ же дѣла для него можетъ быть явятся и новыя задачи...

Для достиженія главной цѣли, то-есть, снабженія учителей книгами и ознакомленія ихъ съ учебными пособіями, кабинетъ въ настоящее время имѣетъ первыхъ, то-есть, книгъ 1038 названій въ 1520 томахъ, и учебныхъ пособій, то-есть, картинъ, атласовъ, картъ, моделей, коллекцій и т. п. 219 названій. Сверхъ того, положено начало пособіямъ и коллекціямъ, изготовленнымъ самими учителями; таковы коллекція минераловъ, составленная г. Вересовымъ, модель изъ папки для объясненія движеній мускуловъ, чучелы птицъ и др., приготовленныя имъ же. Обращаясь за тѣмъ къ средствамъ кабинета, нужно сказать, что онъ устроенъ и содержится почти исключительно на пожертвованія гг. почетныхъ смотрителей и блюстителей училищъ С.-Петербургской губерніи. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, когда уже извѣстно было, что кабинетъ будетъ разрѣшенъ къ открытію, почетный смотритель Сампсоньевскаго городскаго училища Василій Егоровичъ Петровъ, первый положилъ начало пожертвованіямъ на этотъ предметъ, внесши 300 рублей. Въ настоящемъ году онъ внесъ еще 300 рублей. Съ легкой руки его и другіе почетные смотрители и блюстители начали жертвовать кто 100 р., кто 50, 20, 10 руб. Наиболѣе крупныя пожертвованія до сего времени сдѣланы были слѣдующими лицами: почетнымъ смотрителемъ Царскосельскаго уѣзднаго училища г. Каблуковымъ 553 р. 60 к., почетнымъ смотрителемъ Рождественскаго городскаго училища Михаиломъ Степановичемъ Воронинымъ 300 р.; почетнымъ смотрителемъ Гатчинскаго уѣзднаго училища Смоленскимъ 200 р. Самыя же большія пожертвованія сдѣланы

въ послѣднее время двумя почетными смотрителями Новоладожскаго городскаго училища Алексѣемъ Николаевичемъ Юрьевымъ 2,650 р. и Нарвскаго городскаго училища г. Сванкинымъ 1,000 рублей. Но кромѣ денежныхъ, были и другаго рода пожертвованія. Такъ почетный смотритель Табенцкій пожертвовалъ для кабинета портретъ Государя Императора и книгъ приблизительно рублей на 500; почетный блюститель И. М. Максимовъ и подрядчикъ Павелъ Михайловъ произвели работъ по приспособленію помѣщенія къ кабинету на 1.500; почетный смотритель Шлиссельбургскаго городскаго училища Мартыновъ пожертвовалъ типы племенъ, модели животныхъ, чучела птицъ и разныхъ другихъ предметовъ рублей на 350; упомянутый уже почетный смотритель Каблуковъ — книгъ и изданій рублей на 200. Такимъ образомъ пожертвовано деньгами 5,833 руб. 60 коп.; разными предметами и работами на 2,550 рублей; всего на сумму 8,383 р. 60 к. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило употребить на кабинетъ по 500 р. изъ остатковъ въ 1877 и 1878 годахъ. До сихъ поръ земства и городскія общества Петербургской губерніи не принимали еще никакого участія въ содержаніи и дѣятельности кабинета; но въ послѣднюю сессію Петергофское земство постановило оказывать денежную помощь тѣмъ учителямъ и учительницамъ, которые будутъ пріѣзжать въ Петербургъ на объясненія учебныхъ пособій. Есть надежда, что и другія земства и городскія общества, увидя полезные плоды, не откажутъ также въ своемъ содѣйствіи къ развитію этого еще юнаго учрежденія.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ 1877 ГОДУ.

а) Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ теченіе 1877 года состояло преподавателями: директоръ института, читавшій земледѣльческую химію и завѣдывавшій земледѣльческою лабораторіей; профессоровъ — 3, читавшіе: а) геодезію, практическую и земледѣльческую механику и преподававшій черченіе и рисованіе: б) зоологію, физіологію животныхъ, лѣсную энтомологію, пчеловодство, шелководство и рыбоводство, и в) общую и аналитическую химію; доцентовъ — 10, которые читали: 1) минералогію и геологію, 2) анатомію животныхъ, экстерьеръ, ковку и болѣзни животныхъ, 3) строительное искусство, 4) политическую экономію, законовѣдѣніе и статистику, 5) общее и частное растеньеводство, технологію сельско-хозяйственную и лѣсную, 7) общую и лѣсную ботанику и физіологію растеній, 8) лѣсную таксацію, 9) общее и частное скотоводство и сельско-хозяйственную экономію, 10) общее лѣсоводство, лѣсную статистику и лѣсное счетоводство; учителей—2, преподававшихъ: одинъ — русскій языкъ и словесность, другой — нѣмецкій языкъ. Сверхъ того при институтѣ состояли: а) управляющій гимназіями института, онъ же преподаватель нѣмецкаго языка, б) ученый садовникъ, завѣдывающій садовыми учрежденіями, в) помощникъ уче-

наго садовника, г) штатный лаборантъ химической лабораторіи, онъ же наблюдатель метеорологической станціи института, д) два сверхштатные лаборанта: одинъ — земледѣльческой, другой — химической лабораторіи.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1877 году 46 засѣданій, изъ коихъ 12 были употреблены на производство испытаній окончательныхъ въ 3-мъ курсѣ и на званіе лѣсничаго, остальныя же 34 засѣданія назначены были для обсужденія какъ текущихъ вопросовъ, такъ и новыхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе преимущественно учебной дѣятельности института. Совѣтомъ разсмотрѣны и рѣшены слѣдующіе вопросы: 1) относительно пріемовъ и веденія практическихъ занятій по спеціальнымъ предметамъ — совѣтъ постановилъ: опредѣленіе формы и продолжительности времени для практическихъ занятій учащихся, въ особенности занятій самостоятельнаго характера, предоставить преподавателямъ сельскаго хозяйства и просить ихъ представить свои соображенія по этому вопросу, а для пополненія практическихъ свѣдѣній студентовъ 3-го курса назначить для послѣднихъ время послѣ окончательныхъ испытаній, въ которые должны быть ими представлены письменные отчеты, согласно предложенію директора; 2) касательно объема преподаванія и печатанія программъ — совѣтъ, по поводу предложенія директора института и по выслушаніи отдѣльныхъ мнѣній, нашелъ полезнымъ напечатать въ Запискахъ института программы преподаванія, причемъ предоставилъ усмотрѣнію преподавателей время опубликованія этихъ программъ; 3) относительно пособій за сочиненія и задаванія темъ, совѣтъ, въ виду прямой и очевидной пользы сочиненій, одобрилъ назначеніе темъ и на слѣдующее полугодіе, при чемъ счелъ нужнымъ, по предложенію директора института, измѣнить на будущее время условія выдачи пособій въ томъ, что переводы съ иностранныхъ языковъ замѣняются компиляціями по иностраннымъ сочиненіямъ, такъ какъ при такой замѣнѣ можетъ достигаться какъ лучшее знакомство студентовъ съ иностранными языками, такъ и пріученіе ихъ къ болѣе или менѣе самостоятельному труду; 4) по вопросу о контролѣ надъ посѣщеніями лекцій студентами, совѣтъ рѣшилъ предоставить ближайшій контроль начальству института и въ то же время просить гг. преподавателей принять участіе въ контролѣ въ формѣ репетицій или повторительныхъ бесѣдъ, каковую форму совѣтъ считалъ единственно возможною для участія преподавателей въ разрѣшеніи вопроса, который, по мнѣнію директора, можно назвать самымъ сложнымъ въ организаціи учеб-

наго дѣла въ институтѣ; 5) совѣтъ, принимая во вниманіе заявленные директоромъ института доводы и указанные имъ факты, постановилъ назначить съ 1877—1878 учебнаго года для студентовъ всѣхъ курсовъ ежемѣсячныя повторительныя бесѣды: по предметамъ, на чтеніе которыхъ назначено два часа въ недѣлю — одну въ мѣсяцъ, по тѣмъ же предметамъ, число лекцій по которымъ болѣе двухъ часовъ въ недѣлю—по двѣ бесѣды въ мѣсяцъ, вообще такъ, чтобы на восемь лекцій одна была бы назначена для повторительной бесѣды. Кромѣ того, въ видѣ переходной мѣры; совѣтъ постановилъ произвесть полугодичные репетиціи для студентовъ 1-го и 2-го курсовъ (на будущее же время только для 1-го курса) по каждому предмету въ присутствіи ассистента; на репетиціяхъ всѣ студенты за отвѣты получаютъ отмѣтки, которыя будутъ имѣть вліяніе на отмѣтки годичныхъ испытаній. Студенты, не явившіеся на репетиціи, подвергаются взысканіямъ и теряютъ право на полученіе льготъ со стороны института, какъ-то пособій, освобожденія отъ платы за ученіе и проч. Во второй половинѣ 1877 года, передъ наступленіемъ назначеннаго для полугодичныхъ репетицій срока (въ концѣ полугодія), совѣтъ, въ особыхъ засѣданіяхъ, обсуждалъ вопросъ о формѣ и срокахъ производства оныхъ, причемъ постановилъ произвесть съ 22-го ноября по 5-е декабря для студентовъ 1-го и 2-го курса полугодичныя репетиціи, съ цѣлью побудить учащихся къ равномѣрности занятій въ году и указать имъ на возможные пробѣлы въ усвоенныхъ ими въ первомъ полугодіи 1877—1878 учебнаго года познаніяхъ,—на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ полугодичныхъ репетиціяхъ обязаны участвовать всѣ студенты 1-го и 2-го курсовъ. Неявка на репетицію хотя бы по одному предмету а) влечетъ за собою лишеніе права на какія бы то ни было льготы и поощренія отъ института, какъ-то освобожденіе отъ платы, отсрочку для взноса оной, денежныя пособія, полученіе казенныхъ квартиръ и проч.; б) обязываетъ появившагося при переводныхъ испытаніяхъ отвѣчать на два билета, хотя бы первый отвѣтъ и былъ вполнѣ удовлетворителенъ. 2) Репетиціи въ 1876 году будутъ произведены по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ нѣмецкаго языка, рисованія и черченія. 3) Отвѣты студентовъ на вопросы, предлагаемые по данной предварительно программѣ и по усмотрѣнію преподавателей (не по билетамъ), будутъ словесные, за исключеніемъ русскаго языка и политической экономіи, по которымъ отвѣты должны быть написаны въ аудиторіи, на заданныя темы изъ пройденнаго курса. 4) Неудовлетворительные баллы, полученные на репетиціяхъ,

не имѣя вліянія на отмѣтки при предстоящихъ въ концѣ учебнаго года переводныхъ испытаніяхъ, будутъ однакожь приняты во вниманіе совѣтомъ при назначеніи въ первомъ полугодіи 1878 года денежныхъ пособій, стипендій и другихъ поощреній для болѣе прилежныхъ и успѣвающихъ студентовъ. 5) Хорошіе отвѣты на репетиціяхъ будутъ приниматься во вниманіе при годичныхъ испытаніяхъ. На вышеизложенныхъ основаніяхъ и производились въ 1877 году повторительныя бесѣды и полугодичныя репетиціи, основнымъ мотивомъ которыхъ совѣтъ принялъ достиженіе равномѣрности не только занятій, но и успѣховъ всѣхъ, а не только болѣе способныхъ студентовъ. Ближайшія послѣдствія обѣихъ мѣръ, при ихъ правильномъ и настойчивомъ проведеніи, будутъ: а) правильное соотношеніе между числомъ поступающихъ и оканчивающихъ институтъ, то-есть, приближеніе къ равенству обоихъ чиселъ, что должно составлять и цѣль всякаго учебнаго заведенія, въ особенности же высшаго и спеціальнаго, и б) дѣйствительное усвоеніе студентами сообщаемыхъ имъ научныхъ и практическихъ познаній, а вмѣстѣ и лучшаго подготовленія къ ожидающей ихъ по выходѣ изъ института практической дѣятельности. При обсужденіи предшествовавшихъ вопросовъ о контролѣ надъ занятіями учащихся совѣтъ согласился съ мнѣніемъ директора института о пользѣ и необходимости повѣрочныхъ испытаній для поступающихъ въ институтъ, какъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 21 апрѣля 1875 года, то-есть, невыдержавшихъ испытанія зрѣлости, но допущенныхъ къ этому и получившихъ свидѣтельства, такъ и (что нашелъ возможнымъ совѣтъ при обсужденіи свѣдѣній для желающихъ поступить въ институтъ) изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кромѣ упомянутыхъ въ уставѣ гимназій и реальныхъ училищъ, напримѣръ, духовныхъ семинарій, военныхъ гимназій, раввинскихъ и земледѣльческихъ училищъ.

Въ 1877 году преподаватели и другіе служащіе въ институтѣ издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института Добровольскій—издалъ подъ своей редакціей переводъ сочиненія Кноппа „Оцѣнка пахатной земли"; профессоръ Карпинскій—напечаталъ въ изданіи Encyklopedia Rolnicza статью „Owady szkodliwe w gospodarstzvie wiejskiem, lesnem i domovem" (насѣкомыя вредныя въ сельскомъ, лѣсномъ и домашнемъ хозяйствѣ), съ четырьмя таблицами рисунковъ; доценты: Малевскій—напечаталъ: въ Трудахъ V-го съѣзда естествоиспытателей въ Варшавѣ—„Микроскопическое и химическое изслѣдованіе холмскаго мѣла",

въ 1-мъ томѣ Записокъ института—„О свойствахъ и составѣ мути р. Вислы", „Анализы почвъ опытнаго поля, опытной фермы и имѣній Новоалександровскаго института" и „Отчетъ о геологическихъ экскурсіяхъ", и въ изданіи Encyklopedia Rolnicza—двѣ статьи: „Кремнеземъ и песокъ" (krzemianca i piasek); Антоновичъ—напечаталъ: отдѣльной книгой „Теорія цѣнности, критико-экономическое изслѣдованіе", въ Трудахъ Вольноэкономическаго общества—„Лѣсоводство въ Привислянскомъ краѣ", въ 1-мъ томѣ Записокъ института — „Адамъ Смитъ о сельскомъ хозяйствѣ" и издалъ литографированный курсъ политической экономіи; Рудинскій—напечаталъ въ журналѣ Русское Сельское Хозяйство статьи: „Чистый доходъ отъ сельскохозяйственнаго производства при различномъ устройствѣ хозяйства", „Матеріалы къ изученію отношенія твердыхъ составныхъ частей почвы въ водѣ и „Историческую записку объ организаціи хозяйства Казанской учебной фермы"; Хмодзинскій — помѣстилъ: въ Земледѣльческой Газетѣ — „Къ вопросу о сѣмянахъ и о кормовой кукурузѣ", „Къ вопросу о болѣзни картофеля", „Бойни и убойный вѣсъ въ Парижѣ", „Puccinia graminis и ржавчиный вопросъ въ Царствѣ Польскомъ", „О кулэндскомъ скотѣ" и „О выращиваніи молочнаго скота", въ Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи— „Могаръ и Сераделла" и напечаталъ отдѣльно — „Молочная корова и молочные продукты" и „Изслѣдованіе свойствъ тутоваго шелкопряда"; Красусскій—напечаталъ: въ Лѣсномъ Журналѣ—„О лѣсахъ Царства Польскаго" и „Путевыя замѣтки о лѣсахъ Радомской губерніи", въ журналѣ Przegląd leśniczy — „Lasy rządowe u Królestwie Polskiem" (Казенные лѣса въ Царствѣ Польскомъ), „O obszerności lasów w Cesarstwie Rossyjskiem i ich ochronie" (О пространствѣ лѣсовъ въ Россійской имперіи и ихъ охраненіи), въ Gazeta Rolnicza— „O służebnościach gruntowych w Królestwie Polskiem" (О поземельныхъ сервитутахъ въ Царствѣ Польскомъ) и „Kongres leśny Warczawski 1878" (Лѣсной съѣздъ въ Варшавѣ 1878 года), и въ 1-мъ томѣ Записокъ института—„Отчетъ о 3-мъ съѣздѣ лѣсохозяевъ въ Ригѣ"; Краузе—напечаталъ: вмѣстѣ съ доцентомъ Красусскимъ— рядъ статей о лѣсномъ хозяйствѣ Царства Польскаго, въ Лѣсномъ Журналѣ, и отдѣльно напечаталъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; Цихоцкій—напечаталъ въ 1-мъ томѣ Записокъ Института—„Отчетъ о технологическихъ экскурсіяхъ въ 1876 году" и въ изданіи Encyklopedia Rolnicza — двѣ статьи: „Oleje" (Масла) и „Popioly" (Золы); лаборанты: Орловскій—помѣ-

стилъ: въ 1-мъ томѣ Записокъ Института—„Отчетъ о командировкѣ на съѣздъ естествоиспытателей въ Варшавѣ" и „Метеорологическія наблюденія на станціи института 1872—1876", въ Журналѣ Русскаго Химическаго Общества—„Полученіе этенилъ-трикарболовой кислоты" и въ изданіи Wiadomości farmaceutyczne - статью „Изслѣдованіе синтетическаго способа полученія трикарболовой кислоты и происходящихъ при этомъ продуктовъ"; Павловскій—напечаталъ въ изданіи Wiadomości farmaceusyczne статью „О дѣйствіи хлора на валералъ и строеніи моно-хлоръ-валерала". Изъ служащихъ въ институтѣ командированы были за границу съ ученою цѣлью: доцентъ Краузе— съ цѣлью изученія лѣснаго опытнаго дѣла и ознакомленія съ высшими лѣсными учебными заведеніями, и лаборантъ Москалевскій — для осмотра земледѣльческихъ лабораторій и опытныхъ станцій Германіи и Австріи и ознакомленія съ ихъ устройствомъ и практическими занятіями на оныхъ.

Денежныя средства института находились въ 1877 году въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныхъ, изъ государственнаго казначейства, суммъ состояло: остатковъ отъ 1875 и 1876 годовъ—3,657 руб. 49 коп., въ 1877 году поступило — 47,145 руб., израсходовано — 50,313 руб. 5 коп., затѣмъ къ 1878 году оставалось—489 руб. 44 к.; б) сбора за ученіе къ 1-му января 1877 года имѣлось въ остаткѣ— 4,875 руб. 93 коп., въ 1877 году поступило — 6,274 руб. 57 коп., въ теченіе года израсходовано — 8,432 руб. 67 коп., къ 1878 году состояло на лицо — 2,717 руб. 83 коп.; в) общихъ спеціальныхъ средствъ оставалось къ январю 1877 года — 2,247 руб. 20 коп., въ теченіе года поступило — 18,001 руб. 53 коп., израсходовано — 16,238 руб. 1 коп., къ 1-му января 1878 года имѣлось въ остаткѣ— 4,010 руб. 99 коп. Изъ штатныхъ суммъ произведены были слѣдующіе расходы: на жалованье для личнаго состава—33,215 руб. 78 к., на хозяйственные и канцелярскіе расходы — 7,686 руб. 51 коп., на библіотеку, лабораторію и кабинеты—2,759 руб. 18 коп., на учебные расходы — 1,900 руб. 54 коп., на опытную ферму съ опытнымъ полемъ—1,500 руб., на садовыя учрежденія—1,000 руб., на вознагражденіе за сверхъ обязательныя занятія—593 руб. 39 коп., на пополненіе учебныхъ пособій—500 руб., на занятія по пчеловодству, шелководству и рыбоводству—450 руб., на ремонтъ зданій—449 руб. 60 коп., на ветеринарную клинику — 258 руб. 5 коп. Изъ сбора за ученіе произведены расходы: на жалованье и плату служащимъ—1,320 руб., на учебно-вспомогательныя учрежденія—6,268 руб. 95 коп., на коман-

дировки, печатаніе и другіе учебные расходы—843 руб. 72 коп. Расходы изъ общихъ спеціальныхъ средствъ: жалованье и плата служащимъ—2,756 руб. 77 коп., учебно-вспомогательныя учрежденія (вмѣстѣ съ фермою и имѣніемъ) — 3,865 руб. 23 коп., содержаніе и ремонтъ помѣщеній — 3,380 руб. 26½ коп., подати и налоги по имѣніямъ и фермѣ—1,723 руб. 17 коп., прочія потребности—4,512 руб. 57½ коп.

Студентовъ въ началѣ 1876—1877 учебнаго года состояло—139; изъ нихъ выбыло въ теченіе года — 56, въ томъ числѣ: по прошеніямъ, для поступленія въ другія учебныя заведенія—6, по невзносу платы, неявкѣ, болѣзни и другимъ обстоятельствамъ — 34, за окончаніемъ курса —16; къ началу 1877—1878 учебнаго года состояло—83; въ началѣ этого года подали прошенія о пріемѣ — 159, изъ коихъ принято — 75; бывшихъ студентовъ института — 3, студентовъ и воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній — 3, получившихъ аттестатъ зрѣлости — 3, не выдержавшихъ испытанія зрѣлости — 18, окончившихъ съ аттестатами курсъ реальныхъ училищъ — 42, окончившихъ съ аттестатами курсъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній: Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища — 2, Горыгорецкаго земледѣльческаго училища — 1, Уманскаго училища земледѣлія и садоводства—1, Одесскаго коммерческаго училища—1, школы межевыхъ топографовъ въ Москвѣ — 1); выбыло въ теченіе перваго полугодія — 14, изъ нихъ: за неявкою въ институтъ — 4, за невзносомъ платы — 8, вслѣдствіе перехода въ другое высшее учебное заведеніе — 1, и по болѣзни — 1; затѣмъ къ 1-му января 1878 года состояло на лицо — 144 студента, которые распредѣлялись: а) по курсамъ: въ 1-мъ курсѣ — 83 (общаго отдѣленія), во 2-мъ — 38 (отдѣленія сельскаго хозяйства — 28, отдѣленія лѣсоводства — 10); въ 3-мъ — 23 (отдѣленія сельскаго хозяйства—12, отдѣленія лѣсоводства — 11); б) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ—96, личныхъ дворянъ—32, духовнаго званія—1, мѣщанъ—9, купцовъ — 1, крестьянъ — 4, иностранцевъ — 1; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго исповѣданія — 25, римско-католическаго — 115, лютеранскаго — 3, еврейскаго — 1; г) по предварительному образованію: изъ университетовъ — 4, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній—5, изъ гимназій—60, изъ реальныхъ училищъ — 62, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній — 13; д) по мѣсту рожденія: изъ губерній Царства Польскаго—54, изъ западнаго края—45, изъ другихъ губерній Имперіи — 44, изъ-за границы — 1. Общее число сту-

дентовъ хотя и увеличилось въ 1877 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ (съ 127 на 144, то-есть на 14%), но это увеличеніе весьма незначительно въ сравненіи съ другими высшими учебными заведеніями, напримѣръ Петровской академіи въ Москвѣ, гдѣ число студентовъ увеличилось на 50% (съ 200 на 300), и вообще съ приливомъ большаго числа учащихся въ различныя учебныя заведенія въ 1877 году. Явленіе это, неблагопріятное для института во многихъ отношеніяхъ, объясняется отсутствіемъ въ институтѣ воспитанниковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, дающихъ доступъ въ другія высшія заведенія (духовныхъ семинарій, военныхъ гимназій и проч.), а главнымъ образомъ неимѣніемъ никакихъ правъ для оканчивающихъ курсъ института и трудностію положенія недостаточныхъ студентовъ въ Новой Александріи. Необходимость пріобрѣтать какъ права государственной службы и возможность пріобрѣтать мѣста въ Имперіи, а также возможность пріобрѣтать ученыя степени вызвали такой ненормальный фактъ въ 1877 году, какъ поступленіе окончившихъ курсъ института въ другія высшія учебныя заведенія Имперіи (въ С.-Петербургскій лѣсной институтъ поступило на 4-й курсъ четверо окончившихъ курсъ Ново-Александрійскаго института, въ Московскую Петровскую академію поступилъ одинъ студентъ, гдѣ онъ принятъ въ первый (!) курсъ.

Результаты переводныхъ и окончательныхъ испытаній студентовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ началу 1876—1877 учебнаго года состояло студентовъ—70, именно: въ 1-мъ курсѣ—19, во 2-мъ—35 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія—22, отдѣленія лѣсоводства—13), въ 3-мъ—16 (отдѣленія сельско-хозяйственнаго — 10, отдѣленія лѣсоводства — 6); въ теченіе 1876 — 1877 года принято—69 (въ 1-й курсъ—68, въ сельско-хозяйственное отдѣленіе 3-го курса—1); уволено за невзносъ платы, по прошеніямъ и другимъ причинамъ—31; осталось къ началу испытаній—108, не явились къ испытаніямъ—23, приступили къ испытаніямъ — 85, именно: въ 1-мъ курсѣ — 39, во 2-мъ—30 (сельско-хозяйственнаг отдѣленіе—18, отдѣленія лѣсоводства — 12); не выдержали испытаній—21, въ томъ числѣ: 1-го курса—12, 2-го курса—9 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія—6, отдѣленія лѣсоводства — 3); выдержали и удостоились перевода — 48: 1-го курса — 27, 2-го курса — 21 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія — 12, отдѣленія лѣсоводства — 9); удостоено аттестатовъ — 16 студентовъ 3-го курса, изъ нихъ: сельско-хозяйственнаго отдѣленія — 11, отдѣленія лѣсоводства — 5; оставлено на другой годъ въ томъ же

курсѣ — 37, именно: 1-го курса — 26, 2-го — 11 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія—8, отдѣленія лѣсоводства—3); уволено послѣ испытаній — 9: 1-го курса — 7, сельско-хозяйственнаго отдѣленія 2-го курса—2; затѣмъ остались къ началу 1877—1878 учебнаго года—83, которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ курсѣ—24, во 2-мъ—38 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія—25, отдѣленія лѣсоводства — 13), въ 3-мъ — 21 (сельско-хозяйственнаго отдѣленія—12, отдѣленія лѣсоводства — 9). Изъ окончившихъ курсъ института одинъ, Антонъ Козловскій, подвергался испытанію на званіе лѣсничаго и выдержалъ его удовлетворительно. Изъ воспитанниковъ бывшаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маримонтѣ подвергался испытанію на должность подлѣсничаго Иванъ Ворунскій, которое окончилъ также удовлетворительно. Изъ удостоенныхъ аттестатовъ по отдѣленію сельскаго хозяйства въ 1876—1877 учебномъ году трое вновь приняты въ институтъ, согласно ихъ просьбамъ, въ 3-й курсъ на одинъ годъ въ отдѣленіе лѣсоводства; изъ нихъ одинъ состоялъ уже прежде стипендіатомъ-практикантомъ при институтскихъ имѣніяхъ въ теченіе года съ 19-го октября 1876 года. Результаты полугодичныхъ репетицій, произведенныхъ студентамъ 1-го и 2-го курса представляются въ слѣдующемъ видѣ: изъ общаго числа 83 студентовъ 1-го курса участвовало въ репетиціяхъ — 52, на 2-мъ курсѣ изъ 28-ми студентовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія явилось — 7, а изъ 10-ти студентовъ лѣснаго отдѣленія — 8, всего изъ 121 студента въ обоихъ курсахъ подвергалось репетиціямъ—67; вовсе не участвовали въ репетиціяхъ — 54 студента, изъ нихъ 16—по нахожденію въ отпуску, и 38—по недостаточной подготовкѣ или же по неизвѣстнымъ причинамъ; изъ освобожденныхъ отъ платы за ученіе не явились два студента, изъ коихъ одинъ по уважительной причинѣ; въ ряду удовлетворительныхъ отчетовъ наиболѣе выдающимися заявили себя шесть студентовъ—трое на 1-мъ курсѣ, и столько же—на 2-мъ.

Мѣрами для пособія недостаточнымъ студентамъ служили: а) доставленіе даровыхъ и возможно-дешевыхъ квартиръ, облегченіе взноса платы за слушаніе лекцій, освобожденіе отъ оной и денежныя пособія изъ существующей при институтѣ кассы для недостаточныхъ студентовъ; б) выдача пособій за сочиненія и плата за занятія въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. 1) Въ зданіи Маринковскаго дворца и въ другомъ зданіи, принадлежащемъ институту, предоставлено было, для помѣщенія недостаточныхъ студентовъ, 11 комнатъ,

въ которыхъ пользовались квартирой разновременно, въ теченіе года, 24 студента, въ томъ числѣ 8 освобождены были отъ всякой платы, съ остальныхъ взыскивалась небольшая плата, по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, на покрытіе части издержекъ по содержанію этихъ квартиръ. Кромѣ того, двое студентовъ получали безплатную квартиру въ институтскомъ зданіи за занятія по студентской библіотекѣ. Сверхъ того житель Новой-Александріи Вернеръ предложилъ въ распоряженіе института даровое помѣщеніе съ отопленіемъ для несостоятельныхъ студентовъ, по усмотрѣнію институтскаго начальства, каковымъ пользуются два студента. 2) Освобождено было отъ платы за ученіе, на основаніи устава института, 13 человѣкъ въ первомъ полугодіи, и столько же во второмъ. Для облегченія недостаточнымъ студентамъ этого взноса, приняты были со стороны института слѣдующія мѣры: а) по примѣру 1876 года, исходатайствовано у попечителя округа пособіе изъ суммъ округа въ количествѣ 250 руб., которые были распредѣлены поровну между десятью студентами; б) испрошено разрѣшеніе попечителя округа: изъ дохода, выручаемаго отъ суммы, пожертвованной въ 1862 году графомъ Станиславомъ Потоцкимъ въ пользу студентовъ бывшаго политехническаго и земледѣльческаго института въ Новой-Александріи, отпускать ежегодно стипендіальное пособіе въ 50 руб. несостоятельному, примѣрному по поведенію и прилежанію студенту; в) профессорскими стипендіями, по 7 руб. 50 к. ежемѣсячно, пользовались четыре студента. Сверхъ того, учитель института Татаровъ, въ память открытія въ 1877 году при институтской церкви Новоалександрійскаго прихода, предложилъ временное стипендіальное пособіе по 60 руб. въ годъ для одного изъ несостоятельныхъ студентовъ, по выбору совѣта; г) совѣтомъ выдано было денежное пособіе изъ спеціальныхъ средствъ института восьми наиболѣе нуждающимся студентамъ, по 25 руб. каждому, въ вознагражденіе за принятый ими на себя трудъ по приведенію въ порядокъ инвентарнаго имущества кабинетовъ и основной библіотеки, въ помощь завѣдывающимъ этими учебно-вспомогательными учрежденіями. 3) Изъ 300 руб., назначенныхъ совѣтомъ института, во второмъ полугодіи 1877 года, изъ суммы сбора за ученіе, на вознагражденіе студентовъ за сочиненія, написанныя ими на предложенныя темы, удостоились пособій слѣдующіе труды: „Анатомическое строеніе сосальщиковъ и исторія ихъ развитія“, студента Залевскаго — въ 25 руб., „Описаніе клѣточки въ различные періоды ея развитія“, студ. Робкевича—въ 15 руб., „Значеніе почекъ лѣсныхъ породъ“,

студ. Леженскаго и Обуховскаго—въ 25 руб. и 15 руб., „Дыханіе растеній“, студ. Новинскаго—въ 25 руб., „Ростъ камней“, переводъ статьи Миллера, студ. Лойко—въ 25 руб., „Питаніе растеній“ (по Шумахеру), студ. Венедицкаго—въ 15 руб., „Новый способъ приготовленія пива“ (по статьямъ Пастяра), студ. Гуршьева—въ 15 руб., „Изложеніе и критическій разборъ ученія Милля о законѣ возростенія продукта отъ земли“, студ. Саковича—въ 25 руб. Изъ студентовъ, получившихъ означенное вознагражденіе, всѣ, за исключеніемъ одного, были выдающіеся по своей несостоятельности. Двумъ студентамъ, получившимъ за сочиненія по 15-ти руб., недостающую до 25-ти руб. сумму для взноса платы за ученіе, совѣтъ рѣшилъ, изъ уваженія къ ихъ несостоятельности и прилежанію, выдать изъ студентской кассы въ видѣ безвозвратнаго пособія. Сюда же можно отнести и тѣ безвозвратныя пособія, преимущественно для взноса платы за слушаніе лекцій, которыя выданы по рѣшенію совѣта института изъ суммы, вырученной отъ состоявшагося въ г. Люблинѣ любительскаго концерта въ пользу недостаточныхъ студентовъ института. Таковымъ пособіемъ воспользовались 15 недостаточныхъ студентовъ, изъ нихъ шесть—по 25-ти руб., одинъ—20 руб., пять—по 15-ти руб., и три—по 10-ти руб., всего на 275 руб. 4) Изъ существующей при институтѣ, съ 1870 года, особой кассы для выдачи пособій несостоятельнымъ студентамъ произведены слѣдующіе расходы: выдано: а) ежемѣсячныхъ стипендій: тремъ студентамъ по 7 р. 50 к. въ теченіе года — 270 руб., одному въ томъ же размѣрѣ за полгода—45 руб., одному въ томъ же размѣрѣ за три мѣсяца—22 р. 50 к., одному изъ суммы, пожертвованный г. Татаровымъ — 25 руб., всего ежемѣсячныхъ пособій—362 руб. 50 коп.: б) безвозвратныхъ пособій, шести студентамъ по 25-ти руб. для взноса платы за ученіе—150 р., двумъ студентамъ по 20-ти руб. — 40 руб., семи студентамъ по 15 руб.—105 руб., семи студентамъ по 10-ти руб. — 70 руб., тремъ студентамъ по 5-ти руб.—15 руб., всего безвозвратныхъ пособій — 380 руб., в) заимообразныхъ пособій: двѣнадцати студентамъ по 25-ти руб., пяти — по 15-ти руб., восемнадцати — по 10-ти рублей, одному—6 руб. 50 коп., двѣнадцати—по 5-ти руб.. всего заимообразныхъ пособій—на 621 руб. 50 коп.

На предложенныя на 1877 годъ темы для соисканія наградъ медалями представлены были два сочиненія: по скотоводству — „Живой и убойный вѣсъ домашнихъ животныхъ“ и по лѣсоводству — „Методъ лѣсоустройства, принятый въ казенныхъ лѣсахъ Царства

Польскаго". Совѣтъ института, на основаніи отзывовъ разсматривавшихъ эти сочиненія преподавателей, присудилъ автору перваго изъ нихъ, студенту 3-го курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія Николаю Вышеславцеву—серебряную медаль, автору же втораго, студенту 3-го курса лѣснаго отдѣленія Сигизмунду Лежепскому—почетный отзывъ. На 1879 и 1880 годы предложены слѣдующія темы для соисканія наградъ медалями: на 1879 годъ: по скотоводству—„Изслѣдованіе руна", по сельско-хозяйственной экономіи и таксаціи имѣній—„Описаніе произвольнаго имѣнія А", по земледѣльческой химіи—„фосфорные туки и ихъ значеніе для культурныхъ растеній"; на 1880 годъ: по лѣсоводству—„О естественномъ возобновленіи высокоствольныхъ лѣсовъ", по лѣсной таксаціи — „Произвести примѣрное устройство Русской казенной лѣсной дачи", по лѣсной энтомологіи—„Описать виды лиственныхъ осъ (Tenthredinidae), водящіеся въ здѣшнемъ краѣ на лѣсныхъ деревьяхъ и кустарникахъ, и опредѣлить ихъ отношеніе къ лѣсамъ". Отвѣты на эти темы должны быть представлены къ 1-му мая каждаго года, причемъ присовокуплено, что кромѣ медалей, которыхъ въ каждомъ году можетъ быть выдано три (одна золотая и двѣ серебряныхъ), могутъ присуждаться и почетные отзывы.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились къ 1878 году въ слѣдующемъ положеніи: Основная библіотека заключала въ себѣ 7,589 названій въ 11,730 томахъ на сумму 27,136 руб. Въ 1877 году поступило для этой библіотеки: покупкой—289 названій 334 тома на сумму 1,260 руб. 50 коп., пожертвованіемъ—73 названія 110 томовъ на 128 руб. 70 коп. Кромѣ преподавателей, пользовались библіотекою и студенты, впрочемъ въ меньшей степени, чѣмъ въ 1876 году, такъ какъ упрочилось существованіе отдѣльной студентской библіотеки, въ которую изъ библіотеки основной были переданы имѣвшіеся въ оной дублеты. На основаніи библіотечныхъ правилъ 1876 года, нѣкоторымъ другимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ были переданы, по выбору преподавателей и утвержденіямъ совѣта, для постояннаго пользованія, спеціальныя періодическія изданія и сочиненія, могущія служить для справокъ при работахъ. Приведеніе библіотеки въ порядокъ производилось и въ 1877 году: особенной коммиссіей, при помощи 7-ми студентовъ, было провѣрено болѣе 3,000 томовъ и изготовлены для нихъ библіографическія карточки, книги внесены въ систематическіе каталоги, и можно надѣяться, въ ближайшемъ будущемъ наличное состояніе библіотечнаго имущества будетъ

вполнѣ извѣстно. Въ профессорской читальнѣ, составляющей отдѣленіе основной библіотеки, получалось въ 1877 году 64 періодическія изданія, въ томъ числѣ 15—общаго и 49 спеціальнаго содержанія; изъ нихъ на русскомъ языкѣ—30, на польскомъ—6, на нѣмецкомъ—18, на французскомъ—9 и на англійскомъ — 1; въ этомъ числѣ высылалось безплатно 14 изданій 14-ю редакціями.—Въ студентской библіотекѣ съ читальней находилось 353 названія въ 739 томахъ на сумму 1,627 руб. 30 коп. Безплатно или по уменьшенной цѣнѣ высылались для этой библіотеки — 21 изданіе, выписано на счетъ института 12 изданій на сумму 113 руб. 11 коп. Получавшіяся 32 періодическихъ изданія и существующіе уже болѣе 550 томовъ книгъ дали бо̀льшую возможность удовлетворить любознательности учащейся молодежи и помочь ей въ научной работѣ по усвоенію лекцій и самостоятельнымъ занятіямъ, нежели въ 1876 году. Это подтверждается и тѣмъ, что изъ студентской библіотеки было взято студентами 1,135 томовъ въ теченіе года, то-есть болѣе чѣмъ вдвое сравнительно съ 1876 годомъ, газетами же студенты пользовались въ особые, послѣобѣденные, часы въ самой читальнѣ, а еженедѣльныя изданія, до 3,000 нумеровъ, выдавались на домъ. — Въ химической лабораторіи находилось имущество на сумму 5,655 руб. 17 коп. Въ лабораторіи въ 1877 году практически занимались 60 студентовъ 1-го курса; причемъ они упражнялись въ частныхъ реакціяхъ на металлы; 27 студентовъ 2-го курса производили систематическій ходъ анализа и вѣсовыя и титрирныя опредѣленія; 11 человѣкъ 3-го курса, въ теченіе 1-го полугодія, практически занимались въ количественномъ отдѣленіи. Всѣхъ практикантовъ въ теченіе 1877 года было—98. Лаборантъ Павловскій занимался изслѣдованіями относительно выдѣленія угольнаго ангидрида изъ углесолей при дѣйствіи соляной, азотной и уксусной кислотъ. Въ земледѣльческой лабораторіи находились имущества: а) по долговременному инвентарю—258 названій 1,118 предметовъ, на 5,367 руб. и по кратковременному инвентарю или матеріальной книгѣ—671 названіе 2,835 штукъ на 1,406 руб. Практическія занятія учащихся происходили подъ наблюденіемъ завѣдывающаго лабораторіей, директора института и непосредственнымъ руководствомъ лаборанта Москалевскаго по земледѣльческой химіи, кромѣ того, по почвовѣдѣнію (изученіе физическихъ свойствъ почвы) — подъ руководствомъ доцента Рудинскаго, по скотоводству — доцента Хлюдзинскаго и технологіи (изслѣдованіе водъ) — доцента Цихотскаго. По земледѣльческой химіи занятія студентовъ состояли въ анализѣ почвъ механическомъ и химическомъ.

Химическій анализъ производился по Кноппу, причемъ каждый изъ студентовъ опредѣлилъ количество химической и гигроскопической воды въ данной почвѣ, содержаніе въ ней перегноя, сѣрно-и углесолей, мелкой почвы, кремневой глины, кремневаго ангидрида, полуторныхъ и простыхъ окисловъ, фосфорной кислоты и растворимыхъ основаній, а также поглотительную способность. Въ лабораторіи занимались: въ 1-й половинѣ 1877 года — 11 студентовъ 3-го курса и одинъ — 2-го, во 2-й половинѣ — 13 студентовъ 3-го курса. Кромѣ того въ лабораторіи работали: доцентъ Рудинскій—продолжалъ свои изслѣдованія надъ отношеніемъ воды къ твердымъ составнымъ частямъ почвы, доцентъ Малевскій—занимался микроскопическимъ и химическимъ изслѣдованіемъ чернозема, доцентъ Цихотскій — производилъ анализы институтскихъ водъ, преподаватель Добровольскій—производилъ изслѣдованіе надъ измѣненіемъ химическаго состава почвъ подъ вліяніемъ воды и механической обработки, и лаборантъ Москалевскій—занимался анализами искусственныхъ туковъ.—Дѣятельность метеорологической обсерваторіи состояла въ ежедневныхъ наблюденіяхъ, которыя производились завѣдывающимъ наблюдателемъ, и въ отсылкѣ найденныхъ чиселъ въ главную физическую обсерваторію, въ лѣтописяхъ которой и печатаются метеорологическія данныя институтской станціи. Наблюденія производились по инструкціи г. Вильда, а именно: отличались температура, влажность и давленіе воздуха, показанія термометра maxima и minima, направленіе и сила вѣтра, облачность и движеніе облаковъ, количество выпавшей воды, а также и другія воздушныя явленія, напримѣръ дождь, снѣгъ, градъ, грозы и проч. Въ 1877 году къ этимъ наблюденіямъ присоединились еще наблюденія надъ количествомъ испаренія воды помощью присланнаго изъ главной физической обсерваторіи эвапарометра. Стоимость точныхъ приборовъ и снарядовъ, находившихся въ 1877 году въ метеорологической обсерваторіи, вмѣстѣ съ зданіемъ (всего 20 предметовъ) достигла 604 руб. 13 коп. Физическій кабинетъ заключалъ въ себѣ 402 предмета на сумму 7,810 руб. 22 коп. Приборы и инструменты сего кабинета служили пособіемъ для демонстрацій и опытовъ при преподаваніи физики и кромѣ того для практическихъ занятій студентовъ 1-го курса, которыя производились подъ руководствомъ преподавателя и при помощи одного изъ студентовъ. Эти практическія занятія состояли въ упражненіяхъ въ точныхъ измѣрительныхъ работахъ, преимущественно взвѣшиваніи, опредѣленіи удѣльнаго вѣса тѣлъ, теплоемкости и прочихъ тепловыхъ свойствъ, а также въ детальномъ

ознакомленіи съ устройствомъ различныхъ физическихъ приборовъ.— Зоологическій кабинетъ заключалъ въ себѣ 978 названій 1,342 предмета, на 2,360 руб. 34 коп. Коллекціи этого кабинета служили также и для практическихъ занятій, въ особенности по лѣсной энтомологіи.— Въ ботаническомъ кабинетѣ находилось 4,141 предметъ, стоимостью въ 1,220 руб. 96 $^1/_2$ коп. Болѣе важныя пріобрѣтенія—выписанная коллекція микроскопическихъ препаратовъ, составленная самимъ завѣдывающимъ кабинетомъ, доцентомъ Бердау, коллекція сѣмянъ и плодовъ лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ и коллекція разрѣзовъ лѣсныхъ деревьевъ по различнымъ направленіямъ.—Въ минералогическомъ кабинетѣ состояло приборовъ и образцевъ 11,458 штукъ на сумму 2,781 руб. 26 $^1/_2$ коп. Имѣющіеся въ кабинетѣ приборы, модели кристалловъ и образцы служили пособіями, какъ при чтеніи лекцій, такъ и при занятіяхъ студентовъ. — Въ механическомъ и геодезическомъ кабинетахъ находилось: въ первомъ — 264 предмета на сумму 8,828 руб. 89 коп., во второмъ—229 предметовъ на 2,502 руб. 47 коп. Оба кабинета, въ особенности геодезическій, служили пособіемъ при лекціяхъ и занятіяхъ студентовъ. — Въ технологическихъ коллекціяхъ имѣлось 512 предметовъ на сумму 5,343 руб. 80 коп. Нѣкоторые приборы и снаряды употреблялись на практическихъ занятіяхъ студентовъ по технологіи, а имѣющіеся образцы демонстрировались на лекціяхъ. — Въ земледѣльческомъ кабинетѣ состояло 894 названія на 2,272 руб. 63 коп. Въ немъ преобладаютъ модели земледѣльческихъ орудій и машинъ, другія же коллекціи, напримѣръ сѣмянъ, начали устроивать лишь въ 1877 году. Существующія въ этомъ же кабинетѣ орудія и машины въ натуральную величину предполагается отдѣлить въ особенное собраніе и дать имъ отдѣльное помѣщеніе. Въ настоящемъ видѣ земледѣльческій кабинетъ могъ служить только пособіемъ, и то въ ограниченной степени и при преподаваніи сельско-хозяйственной механики. Устройство коллекцій почвъ и удобреній взяла на себя земледѣльческая лабораторія института; въ 1877 году эти коллекціи могли уже съ пользою употребляться при преподаваніи.—Въ зоотехническомъ кабинетѣ находилось 99 предметовъ на 1,690 руб. Важнѣйшими пріобрѣтеніями были экстерьфометръ и кфаліометръ, изобрѣтенные завѣдывающимъ кабинетомъ, доцентомъ Хлюдзинскимъ, витрины, аппараты для анализа шерсти и проч. Пособія кабинета служили для демонстрацій и практическихъ работъ учащихся по шерстовѣдѣнію, молочному хозяйству и при изученіи ими различныхъ породъ домашнихъ животныхъ. — Въ коллекціяхъ по строительному искусству

имѣлось 93 предмета на сумму 3,468 р. 37 к. Коллекціи эти, не имѣя никакого значенія для цѣлей института, такъ какъ въ нихъ собраны модели преимущественно путей сообщенія, остаются только тяжелымъ бременемъ для института и не могутъ имѣть въ немъ производительнаго употребленія. Въ лѣсномъ кабинетѣ числилось 773 опредѣленія на 964 руб. 50 коп. Въ числѣ этихъ предметовъ болѣе важныя пріобрѣтенія 1877 года — геодезическіе инструменты, коллекціи моделей инструментовъ для обдѣлки дерева, стекла системы Титце; многія интересныя для лѣснаго дѣла орудія изготовлены на мѣстѣ по указаніямъ завѣдывавшаго кабинетомъ, доцента Красусскаго. Кабинетъ обогатился также благодаря пожертвованіямъ нѣкоторыхъ другихъ преподавателей института, а также заводчиковъ, фабрикантовъ и лѣсничихъ. Коллекціи лѣснаго кабинета съ пользою для дѣла употреблялись какъ для демонстрацій на лекціяхъ, такъ и при практическихъ занятіяхъ студентовъ по лѣсоразведенію, лѣсной таксаціи и проч. Въ рисовальномъ кабинетѣ числилось 125 предметовъ стоимостью въ 202 руб. Въ 1877 году пожертвованы весьма поучительные образцы топографическаго раскрашиванія и черченія отъ бывшаго учителя Зелинскаго. Въ ветеринарной клиникѣ съ кабинетомъ моделей, препаратовъ и приборовъ по ветеринаріи находилось: въ клиникѣ — 285 предметовъ стоимостью въ 468 руб., въ кабинетѣ — 510 предметовъ на сумму 2,762 руб. Дѣятельность ветеринарной клиники по прежнему оставалась амбулаторной: больныя животныя имѣній и фермы института, за отсутствіемъ постоянной клиники, лечились на мѣстѣ; нужныя лекарства заготовлялись въ аптекѣ самимъ преподавателемъ. Въ теченіе 1877 года подвергалось леченію 179 штукъ, принадлежащихъ институту, изъ нихъ околѣло — 56 штукъ; посторонними лицами было представлено для осмотра и совѣта въ амбулаторной клиникѣ — 79 штукъ; всего въ теченіе года пользовано и осмотрѣно — 264 штуки, именно 92 лошади, 58 штукъ рогатаго скота, 106 овецъ и 8 собакъ. Операцій на животныхъ произведено — 16, секцій сдѣлано — 12, бо̀льшая половина которыхъ произведена въ видѣ практическихъ занятій для студентовъ. Студенты института, кромѣ присутствія на лекціяхъ, принимали еще, при всякомъ удобномъ случаѣ, участіе въ осмотрѣ больныхъ животныхъ на фермѣ, или представляемыхъ въ амбулаторную клинику. При этомъ они ознакомлялись съ различными пріемами и способами изслѣдованія больныхъ животныхъ, назначеніемъ врачебныхъ средствъ и способами задаванія оныхъ, съ экстерьеромъ животныхъ, преимущественно лошадей, то-есть, съ оцѣнкою хорошаго и по-

рочнаго устройства отдѣльныхъ частей тѣла лошади, и наконецъ съ производствомъ нѣкоторыхъ простыхъ хирургическихъ операцій вообще, въ особенности же съ подаваніемъ помощи при родахъ, къ чему представился случай на опытной фермѣ. Отдѣльныя болѣзни, замѣченныя между животными, подвергавшимися осмотру и леченію, а равно и число заболѣвавшихъ животныхъ, группируются слѣдующимъ образомъ: болѣзни головнаго и спиннаго мозга—14 штукъ, болѣзни дыхательныхъ органовъ—58, болѣзни пищеварительныхъ органовъ—72, болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ—24, наружныя болѣзни—95, инфекціонныя болѣзни—1. Въ учрежденіяхъ для пчеловодства и шелководства состояло 145 предметовъ на сумму 338 руб. Пчельникъ института явился важнымъ пособіемъ при преподаваніи пчеловодства, введеннаго въ учебный планъ, и студенты могли на самомъ пчельникѣ видѣть и, при помощи объясненій преподавателя, усвоить всѣ операціи по пчеловодству, а равно ознакомиться съ устройствомъ ульевъ различной системы. Разведеніе шелковичныхъ червей происходило въ институтской оранжереѣ послѣ выноса изъ оной растеній на открытый воздухъ. Были разводимы только два вида шелкопряда—тутовый и айлантовый. Шелководня, кромѣ демонстраціи преподаванія, служила для опытовъ надъ измѣненіемъ вѣса шелковичныхъ червей въ различные періоды развитія. Въ садовыхъ учрежденіяхъ состояло растеній: въ теплицахъ—1,083, въ оранжереѣ—1,423, въ садахъ, питомникахъ и ботаническомъ саду—11,679, всего съ другими предметами—14,118 штукъ на 2,404 руб. Садовыя теплицы, послѣ передѣлки ихъ въ 1877 году, состоятъ изъ трехъ отдѣленій: одного—для размноженія тепличныхъ и оранжерейныхъ растеній, втораго—такъ-называемаго тепидарія, и третьяго—для размноженія ананасовъ. Въ оранжереѣ находится довольно значительное количество миртовыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, болѣе рѣдкихъ хвойныхъ, хорошіе экземпляры акацій, оливковыхъ деревьевъ и проч. Содержаніе теплицъ и оранжерей обошлось въ 228 руб.; дохода отъ продажи растеній получено только 34 руб. 25 коп., вслѣдствіе пріостановки размноженія растеній лѣтомъ во время ремонта. Лѣтомъ и осенью производились опыты надъ гебридаціей растеній, и удалось получить новый габридъ Begonia albo coccinca peltata. Ботаническій садъ заключаетъ въ себѣ латинскія гряды съ различными растеніями, расположенными по системѣ Ганштейна, измѣненной Саксомъ. Въ числѣ этихъ растеній, преимущественно сельско-хозяйственныхъ, лекарственныхъ и ядовитыхъ, разводилось 96 разновидностей

хлѣбныхъ злаковъ и важнѣйшіе виды кормовыхъ, масличныхъ, красильныхъ и прочихъ растеній, имѣющихъ интересъ для сельскаго хозяина. Огороды и фруктовый садъ дали въ 1877 года бо́льшій доходъ (568 руб. 55 коп.), чѣмъ въ предъидущемъ, благодаря главнымъ образомъ благопріятнымъ условіямъ погоды. Изъ питомника перенесено въ сады 200 штукъ сливъ и яблонь для прививки на мѣстѣ, въ огородѣ же сдѣланъ новый перевалъ на 414 квадратныхъ сажень для разведенія малины. На огороды и сады израсходовано было 256 руб. 73 коп. Питомники расширились какъ увеличеніемъ новыхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, такъ и устройствомъ новаго отдѣленія для декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Расходовъ по питомнику было 157 руб. 35 коп., выручено же отъ продажи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ—100 руб. 30 коп.

б) Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ.

Къ 1-му января 1878 года въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ состояло преподавателей: профессоровъ богословія, ординарныхъ профессоровъ—3, исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора—2, исправляющихъ должность доцента—3, всего—9 преподавателей. Изъ положенныхъ по уставу каѳедръ оставались незамѣщенными: политической экономіи, гражданскаго судопроизводства и государственнаго права, освободившіяся съ 1877 года.

Совѣтъ лицея въ теченіе 1877 года имѣлъ по разнымъ случаямъ 28 засѣданій; постановленія совѣта печатались въ издаваемомъ лицеемъ Временникѣ. Благодаря укрѣпленію чувства долга и чести между студентами, доброму вліянію на нихъ профессоровъ, совѣтамъ и руководству въ занятіяхъ наукою и участію въ ихъ положеніи, принятіе какихъ-либо мѣръ надзора за нравственностію студентовъ оказалось излишнимъ. Въ теченіе года не было ни одного случая, который, при самомъ серьезномъ взглядѣ на него, могъ вызвать болѣе строгую мѣру, чѣмъ напоминаніе студенту. Посѣщеніе лекцій студентами было правильнѣе, чѣмъ прежде; обязательныя для всѣхъ сочиненія пріучали ихъ знакомиться съ источниками. Сверхъ того, студенты занимались переводами, и одинъ изъ такихъ переводовъ, сдѣланный подъ редакціею профессора Азаревича, напечатанъ во Временникѣ лицея. Въ 1877 году введены въ руководство утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія 1) правила: а) о пріемѣ въ студенты, б) о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій,

в) объ испытаніяхъ студентовъ и о повѣрочныхъ испытаніяхъ для лицъ, желающихъ поступить изъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, г) объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на степень кандидата, д) о порядкѣ взиманія, распредѣленія и употребленія суммы, собираемой за слушаніе лекцій, е) объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ положенія на нихъ десциплинарныхъ взысканій за нарушеніе сихъ обязанностей, и 2) инструкціи преподавателямъ и помощникамъ директора по надзору за студентами.

Для соисканія наградъ медалями на 1877 — 1878 академическій годъ назначены были слѣдующія темы: по международному праву — „Объ испытаніи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ судамъ въ Россіи“, и по римскому праву—„Юридическія лица“.

Преподаватели лицея напечатали во Временникѣ лицея за 1877 и 1878 годъ слѣдующіе учено-литературные труды: Азаревичъ — „Византійское право“, ч. 2-я, „По поводу отзыва г. Е. Муромцева о сочиненіи „Патриціи и плебеи“ и переводъ соч. Нассе „О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи“, Суворовъ—„Вступительная лекція по церковному праву“ и „Отвѣтъ на рецензію профессора Таганцева на сочиненіе „О церковныхъ наказаніяхъ“; Дитятинъ — „Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 года“; Барченко—„Искъ о возвращеніи свыше стоимости уплаченнаго“ и „Проектъ устава о несостоятельности“. Сверхъ того Сокольскій напечаталъ вторымъ изданіемъ составленное имъ пособіе къ изученію исторіи римскаго права. Профессоръ Дитятинъ прочелъ публично въ Ярославлѣ три лекціи объ историческомъ прошломъ русской женщины.

Денежныя средства Демидовскаго юридическаго лицея находились въ 1877 году въ слѣдующемъ положеніи: 1) штатныхъ суммъ: отъ 1876 года оставалось 2.870 руб. 13 коп., ассигновано было на 1877 годъ—44.174 руб. 66 коп., въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава—36.589 руб. 66 коп., на содержаніе воспитанниковъ и стипендіатовъ—4.000 руб., на учебныя пособія и разные расходы—7.285 руб., состоящему при лицеѣ обществу для оказанія пособій недостаточнымъ студентамъ — 300; въ теченіе 1877 года израсходовано — 45.785 руб. 30 коп., затѣмъ къ 1-му января 1878 года въ остаткѣ было—5.239 руб. 49 коп.; б) пожертвованныхъ: остатка отъ 1876 г.— 91.963 руб. 34 коп., въ 1877 году поступило — 6.778 руб. 76 коп., израсходовано—3.822 руб. 12 коп., къ 1878 году оставалось—94.919 руб. 98 коп.; в) сбора за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1877 г. было—1.064 руб. 43 коп., въ теченіе года поступило—1.041 руб. 38

коп., израсходовано—1.018 руб. 83 коп., оставалось къ 1878 году—1.088 руб. 98 коп.; г) экономическихъ суммъ: остатка отъ 1876 г.—8.931 руб. 13 коп., поступило въ 1877 году—481 руб. 38 коп., израсходовано — 460 руб. 60 коп., затѣмъ къ 1878 году оставалось—8.951 руб. 91 коп.

Въ 1877 году поступило въ число студентовъ лицея: по аттестатамъ зрѣлости и по повѣрочнымъ испытаніямъ — 25, изъ университетовъ — 3. На основаніи испытаній удостоены перевода: изъ 1-го курса во 2-й—46, изъ 2-го курса въ 3-й—44, изъ 3-го въ 4-й—37. Окончило курсъ — 40, изъ нихъ кандидатами — 13, дѣйствительными студентами — 27. Къ 1-му января 1878 года студентовъ состояло — 175, которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: на 1-мъ курсѣ — 34, на 2-мъ — 48, на 3-мъ — 52, на 4-мъ—41. По происхожденію: потомственныхъ дворянъ—14, оберъ-офицерскихъ дѣтей—16, духовнаго званія—142, купецъ—1, крестьянъ—2; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—171, римско-католическаго—2, лютеранскаго и армяно-григоріанскаго—по одному. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались—29, на сумму 5.214 руб. 12 коп. въ томъ числѣ 20—изъ суммъ государственнаго казначейства, а остальные—изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. Размѣръ стипендій—отъ 63 р. 70 коп. до 250 руб. включительно. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи: изъ общаго числа 223 студентовъ—118, во второмъ полугодіи—изъ 179 145. Половинную плату вносили: въ первомъ полугодіи — 5, во второмъ—4 студента. Въ числѣ освобожденныхъ отъ платы значатся и 20 Демидовскихъ стипендіатовъ. Пособій выдано въ 1877 году: въ первой половинѣ—14-ти студентамъ въ количествѣ 245 руб., во второй половинѣ—74 въ количествѣ 275 руб. Сверхъ этихъ пособій, на сумму, поступившую въ состоящее при лицеѣ попечительство о недостаточныхъ студентахъ, всего 2.830 р., содержалась квартира для студентовъ, на которой, при готовомъ содержаніи, жило не менѣе 26-ти студентовъ и, сверхъ того, до 27 студентовъ пользовались на той же квартирѣ обѣдами. Независимо отъ этого, правленіе попечительства выдавало и денежныя пособія, которыя, въ размѣрѣ отъ 5 до 8 руб., назначались студентамъ, не имѣющимъ никакихъ средствъ, въ случаѣ невозможности помѣстить ихъ на содержимую попечительствомъ квартиру.

Въ библіотекѣ Демидовскаго юридическаго лицея къ 1-му января 1877 года состояло 8.960 названій въ 17.494 томахъ и 1.690 бро-

шюръ, на сумму 41.824 руб.; въ теченіе 1877 года поступило вновь въ библіотеку періодическихъ изданій—15 названій въ 243 томахъ, и различныхъ сочиненій—965 названій въ 1.643 томахъ; затѣмъ къ 1-му января 1878 года находилось—9.940 названій въ 19.380 томахъ и 1.889 брошюръ. На расходы по библіотекѣ, именно на переплетъ и на пересылку и доставку книгъ употреблено въ 1877 году—7.402 руб. 29 коп., а съ открытія лицея, на пріобрѣтеніе и переплетъ книгъ израсходовано—49.227 руб. 22 коп.

в) Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

Лазаревскій институтъ состоитъ изъ трехъ спеціальныхъ классовъ, изъ 8-ми гимназическихъ и приготовительнаго классовъ и пансіона при гимназіи. Въ 1877 году состояло преподавателей: а) въ спеціальныхъ классахъ: ординарныхъ профессоровъ—2, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—1, преподавателей практическихъ занятій — 3; сверхъ того состояли преподаватели исторіи востока, французскаго языка и практическихъ занятій по арабскому языку; б) въ гимназическихъ классахъ: законоучителей — 3, учителей наукъ и языковъ — 17, учитель чистописанія и рисованія — 1. Въ гимназическихъ классахъ было 9 классныхъ наставниковъ, въ томъ числѣ директоръ, инспекторъ и семь преподавателей; воспитателей было—2, помощниковъ воспитателей — 9. Въ гимназическихъ классахъ вакантными были слѣдующія преподавательскія должности: по русскому языку—въ теченіе цѣлаго года, по древнимъ языкамъ—съ 1-го января по 1-е августа, по исторіи и географіи — съ 4-го по 16-е апрѣля; эти должности были замѣщены приглашаемыми по найму лицами.

Совѣтъ спеціальныхъ классовъ имѣлъ въ 1877 году 11 засѣданій, предметомъ коихъ были между прочимъ: назначеніе особаго наблюдателя за студентами и сторонними слушателями, обсужденіе вопроса о сокращеніи программы арабскаго языка, распредѣленіе дней экзаменовъ и назначеніе ассистентовъ, избраніе преподавателей на оставленіе на службѣ, разсмотрѣніе списковъ, экзаменныхъ отмѣтокъ полученныхъ студентами и сторонними слушателями, составленіе росписанія предметовъ, разсмотрѣніе правилъ о пріемѣ въ студенты и сторонніе слушатели, разсмотрѣніе прошеній объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, назначеніе стипендій студентамъ. Относительно гимназическихъ классовъ приняты были слѣдующія мѣры: а) такъ какъ эти классы существуютъ исключительно на свои собствен-

ныя средства, то не всѣ мѣры, рекомендованныя уставомъ гимназій 1871 года и сопряженныя съ новыми издержками, могли быть введены разомъ; съ исключительнымъ же открытіемъ и правильною организаціею VIII класса, отдѣленнаго отъ VII класса по всѣмъ предметамъ, въ августѣ мѣсяцѣ увеличены оклады двумъ старшимъ по времени службы преподавателямъ въ размѣрѣ 1.250 руб. за 12 уроковъ; б) въ виду особеннаго многолюдства институтскаго пансіона и разнообразія происхожденія пансіонеровъ, начальство института, озабочиваясь, чтобы остающіеся въ заведеніи на лѣтнія вакаціи пансіонеры проводили время не безъ пользы, ввело правильныя занятія воспитанниковъ гимнастикою и сдѣлало опытъ обученія желающихъ изъ нихъ переплетному мастерству подъ наблюденіемъ основательно знающаго это дѣло старшаго воспитанника, для чего пріобрѣтенъ былъ переплетный станокъ со всѣми принадлежностями. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: большинство воспитанниковъ въ свободное отъ учебныхъ часовъ время занималось переплетнымъ дѣломъ и пріобрѣло въ немъ такой навыкъ, что могло переплетать многія книги ученической библіотеки; в) въ видахъ улучшенія многихъ сторонъ пансіонской жизни и для ближайшаго наблюденія за ежедневнымъ образомъ жизни воспитанниковъ организованы еженедѣльныя совѣщанія воспитатетелей и ихъ помощниковъ подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ инспектора института. На этихъ совѣщаніяхъ вырабатываются и приводятся разнообразныя мѣры, клонящіяся къ водворенію всесторонняго порядка внутри пансіона: усиленъ надзоръ за столомъ, за гардеробомъ, за чистотою и опрятностію воспитанниковъ, регулированы въ видахъ гигіеническихъ ежедневныя прогулки воспитанниковъ, установлено особое наблюденіе, чтобы воспитанники не уклонялись отъ танцевъ, гимнастики и отъ другихъ необязательныхъ занятій; обращено было вниманіе, чтобы занятіе переплетнымъ дѣломъ происходило правильно, только въ тѣ дни, когда нѣтъ учебныхъ занятій; опредѣлены, кромѣ того, многія подробныя правила для поддержанія полнаго благоустройства въ пансіонѣ.

Число учащихся въ институтѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ спеціальныхъ классахъ: къ 1-му января 1877 года находилось 5 студентовъ, въ 1877 году поступило — 5 (изъ гимназическихъ классовъ института — 1, изъ духовныхъ семинарій — 3, изъ университета — 1), выбыло по окончаніи курса — 3, затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось — 7, изъ нихъ въ I и II классахъ — по одному, въ III — 5; старшихъ слушателей: къ 1-му января 1877

года оставалось — 37, въ теченіе года поступило — 26 (изъ гимназическихъ классовъ института—6, изъ гимназій—7, изъ духовныхъ семинарій — 4, изъ университетовъ — 2, изъ техническаго училища — 4, изъ реальныхъ училищъ — 3; выбыло—13, всѣ до окончанія курса; затѣмъ къ 1-му января 1878 года находилось — 50, которые распредѣлены были по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ классѣ — 23, во 2-мъ—25, въ 3-мъ—2. Освобождено было отъ взноса платы за ученіе: изъ 7-ми студентовъ—3, то-есть, 42%, изъ 50 старшихъ слушателей — 7, то-есть, 14% общаго числа; б) въ гимназическихъ классахъ: къ 1-му января 1877 года состояло — 66, въ 1877 году поступило—44, въ томъ числѣ: пансіонеровъ—27, приходящихъ—17; выбыло: по окончаніи курса—2, до окончанія курса — 14; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо—67, которые распредѣлялись по классамъ: въ приготовительномъ классѣ—6, въ 1-мъ—12, во 2-мъ—8, въ 3-мъ—12, въ 4-мъ—10, въ 5-мъ—3, въ 6-мъ—5, въ 7-мъ — 4, въ 8-мъ — 7; по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 48, армяно-григоріанскаго—13, римско-католическаго—1, евангелическо-лютеранскаго—4, еврейскаго—1; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—35, духовнаго званія—4, городскихъ сословій—22, сельскаго сословія—5, иностранцевъ — 1. Обучавшихся необязательнымъ предметамъ было: рисованію и черченію—70, одному французскому языку—93, одному нѣмецкому—78, обоимъ иностраннымъ языкамъ вмѣстѣ—10. Число учениковъ подвергавшихся экзамену, перешедшихъ въ слѣдующіе классы, окончившихъ курсъ и оставшихся въ томъ же классѣ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: подвергавшихся экзамену: въ приготовительномъ классѣ — 25 (пансіонеровъ — 21, приходящихъ—4) въ 1-мъ классѣ—35 (пансіонеровъ—27, приходящихъ—8), во 2-мъ — 31 (пансіонеровъ — 24, приходящихъ — 7), въ 3-мъ — 30 (пансіонеровъ—25, приходящихъ—5), въ 4-мъ—21 (пансіонеровъ 18, приходящивъ—3). въ 5-мъ —12 (пансіонеровъ—10; приходящихъ—2), въ 6-мъ—10 (пансіонеровъ—7, приходящихъ – 3), въ 7-мъ—11 (пансіонеровъ—5, приходящихъ—6), въ 8-мъ—8 (пансіонеровъ—6, приходящихъ 2); б) перешедшихъ въ слѣдующіе классы и окончившихъ курсъ; въ приготовительномъ классѣ—29 (пансіонеровъ—25, приходящихъ 8), въ 1-мъ—32 (пансіонеровъ—27, приходящихъ—5), во 2-мъ—26 (пансіонеровъ—22, приходящихъ — 4), въ 3-мъ—30 (пансіонеровъ—25, приходящихъ — 5), въ 4-мъ — 17 (пансіонеровъ — 14, приходящихъ 3), въ 5-мъ—12 (пансіонеровъ 10, приходящихъ 2), въ 6-мъ — 10 (пансіонеровъ 7, приходящихъ 3), въ 7-мъ—11 (пан-

сіонеровъ—5, приходящихъ—6), въ 8-мъ—8 (пансіонеровъ—6, приходящихъ—2); в) осталось въ этихъ же классахъ: въ приготовительномъ—8, въ 1-мъ—11, во 2-мъ—15, въ 3-мъ—10, въ 4-мъ—11, въ 5-мъ—6, въ 6-мъ—1, въ 7-мъ—1. Процентное отношеніе оставшихся къ общему числу учениковъ въ классахъ: въ приготовительномъ — пансіонеровъ 28,57, приходящихъ 50,00, въ 1-мъ — пансіонеровъ 29,62, приходящихъ 37,5, во 2-мъ пансіонеровъ 25,6, приходящихъ 0,3, въ 3-мъ — пансіонеровъ 14,28, приходящихъ 54,55, въ 4-мъ — пансіонеровъ 0,2, приходящихъ 0,9, въ 5-мъ—пансіонеровъ 17, приходящихъ 66, въ 6-мъ—пансіонеровъ 0,9, приходящихъ 9, въ 7-мъ—пансіонеровъ 0,20. Въ пансіонѣ гимназическихъ классовъ института къ 1-му января 1878 года состояло воспитанниковъ — 181, которые распредѣлялись: а) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—36, армяно-григоріанскаго—131, римско-католическаго и евангелическо-лютеранскаго — по два; б) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ — 59, духовнаго званія—17, городскаго сословія—95, сельскаго сословія—10; в) по классамъ: въ приготовительномъ классѣ—16, въ I—33, во II—43, въ III — 24, въ IV — 28, въ V — 15, въ VI — 10, въ VII—7, въ VIII — 5.

Учебно-воспитательныя учрежденія института къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ спеціальныхъ классовъ состояло: книгъ—659 названій 1.575 томовъ на сумму 7.927 руб. 32 коп., рукописей — 52 нумера; въ библіотекахъ гимназическихъ классовъ: фундаментальной: книгъ — 5.425 руб. 8.230 названій, рукописей — 568 нумеровъ; ученической книгъ — 330 названій 596 томовъ. Въ кабинетахъ: физическомъ — 177 нумеровъ инструментовъ; естественныхъ наукъ: по минералогіи — 888 нумеровъ 4.008 экземпляровъ, по ботаникѣ — гербарій, состоящій изъ 60-ти таблицъ, прочихъ пособій—48 нумеровъ 1.511 экземпляровъ. Сверхъ того находилось: лексиконовъ—57, атласовъ, глобусовъ, географическихъ и историческихъ картъ — 60, моделей и другихъ предметовъ для рисованія и черченія—45, прописей—50, другихъ учебныхъ пособій—36.

Средства содержанія института состояли изъ слѣдующихъ суммъ: спеціальныхъ классовъ: изъ государственнаго казначейства — 19.321 руб., изъ сбора за ученіе—1.905 руб., всего—21.226 руб.; б) гимназическихъ классовъ: изъ сбора за содержаніе воспитанниковъ—59.589 руб. 84 коп., изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ — 35.383 руб., 33 коп., всего — 94.973 руб. 17 коп. Израсходовано въ 1877

году: а) по гимназическимъ классамъ: на содержаніе личнаго учебно-воспитательнаго состава — 30.861 руб. 89 коп., на содержаніе церквей — 123 руб. 5 коп., на учебныя пособія — 1.480 руб. 67 коп., на наемъ и ремонтъ дома и содержаніе его въ чистотѣ—16.818 руб. 67 коп., на жалованье нижнимъ служителямъ — 4.028 руб. 66 коп., на жалованье письмоводителю, писцамъ и канцелярскія потребности—2.196 руб. 38 коп., на жалованье врачу и другіе расходы по санитарной части—948 руб. 74 коп., на содержаніе пансіонеровъ—26.045 руб. 49 коп., на выдачу наградъ и пособій служащимъ — 300 руб., на выдачу пособій и стипендій учащимся—882 руб. 76 коп., и того—82.986 руб. 31 коп., въ томъ числѣ особо на содержаніе пансіона—44.033 руб. 72 коп. по спеціальнымъ классамъ: на содержаніе личнаго состава служащихъ—18.472 руб. 6 коп., на учебныя пособія—349 руб. 30 коп., на жалованье письмоводителю, писцамъ и канцелярскія потребности—34 руб. 80 коп., на награды и пособія служащимъ—200 руб., на стипендіи и пособія учащимся—1.200 руб., и того—20.256 руб. 10 коп.

По удостовѣренію институтскаго начальства, общій уровень учебно-воспитательнаго дѣла въ институтѣ возвышается съ каждымъ годомъ. Совокупность мѣръ, принятыхъ для усиленія надзора за воспитанниками пансіона, въ связи съ дружнымъ содѣйствіемъ воспитателей и классныхъ наставниковъ приводитъ къ тому, что между воспитанниками, преимущественно старшаго возраста, пробуждается все болѣе и болѣе серьезное и добросовѣстное отношеніе къ занятіямъ и исполненію своихъ обязанностей. При всей внимательности къ поведенію воспитанниковъ и при всей строгости требованій, случаи дисциплинарныхъ взысканій становятся все рѣже. Хотя одинъ изъ старшихъ воспитанниковъ, ученикъ VII класса, опредѣленіемъ педагогическаго совѣта подвергся увольненію изъ заведенія за неприличныя выходки противъ воспитателя, но это былъ случай единичный и исключительный, объясняемый особенно строптивымъ характеромъ уволеннаго ученика. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ мѣры взысканія, принимаемыя начальствомъ и педагогическимъ совѣтомъ или классными наставниками, приводили къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ: двое изъ воспитанниковъ, навлекшихъ на себя замѣчаніе педагогическаго совѣта, не только исправились, но по успѣхамъ и поведенію вступили въ число лучшихъ учениковъ заведенія. Польза пансіонскаго надзора особенно проявляется при сравненіи успѣховъ и поведенія воспитанниковъ живущихъ въ пансіонѣ съ учениками при-

ходящими: не смотря на относительную малочисленность послѣднихъ, они въ большинствѣ случаевъ уступаютъ своими успѣхами пансіонерамъ. Такое постепенное и замѣтное улучшеніе учебно-воспитательнаго дѣла объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что многіе изъ классныхъ наставниковъ, воспитателей и преподавателей относятся къ дѣлу съ примѣрною добросовѣстностію и усердіемъ, и охотно принимаютъ на себя особые труды, независимо отъ лежащихъ на нихъ обязанностей.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Одноклассныя и двухклассныя сельскія народныя училища Сквирскаго, Каневскаго, Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ въ періодъ времени съ 26-го марта по 30-е мая 1878 года.

Училища Сквирскаго уѣзда.

Борщаговское двухклассное училище, открытое въ мартѣ 1878 года, содержится на счетъ крестьянскаго общества съ пособіемъ отъ казны въ количествѣ 220 руб. Жителей въ м. Борщаговкѣ мужскаго пола—1,817, женскаго—1,837, всего—3654. Учащихся поступило въ 1-й классъ—25 мальчиковъ, дѣтей мѣстныхъ жителей, вѣроисповѣданія православнаго и крестьянскасо сословія. Законъ Божій преподаетъ мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; прочіе предметы—окончившій курсъ учительской семинаріи юго-западнаго края и пріобрѣвшій званіе учителя городскаго приходскаго учителя. Законоучитель получаетъ отъ казны—50 руб. и отъ общества—100 руб., учитель—отъ казны 85 руб. и отъ общества—245 руб. Общество жертвуетъ по 250 руб. въ годъ, именно: на жалованье законоучителю и учителямъ—590 руб., на обученіе ремесламъ—160 руб., на уроки пѣнія—30 руб., на учебныя пособія и награды ученикамъ—60 руб., на отопленіе, освѣщеніе и на содержаніе прислуги—110 руб., сверхъ того, общество приняло на себя платежъ преміи за застрахованіе отъ огня училищнаго дома. Учащіеся достаточно снабжены книгами и учебными пособіями, пріобрѣтенными на счетъ 200 руб., назначенныхъ отъ казны на первоначальное обзаведеніе. Библіотека училища содержитъ въ себѣ книгъ: названій 36, экземпляровъ—219, другихъ учебныхъ пособій—112; какъ ново-открытая, библіотека нуждается въ пріобрѣтеніи для народнаго чте-

нія книгъ религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія. Домъ училища соотвѣтствуетъ своему назначенію: онъ устроенъ изъ матеріала хорошаго качества, оштукатуренъ снаружи и внутри, имѣетъ желѣзную крышу, окрашенную масляною краскою; въ немъ есть необходимая мебель, классная и для квартиры учителя. Комната для 1-го класса имѣетъ въ объемѣ 3,123 кубич. футовъ, комната для 2-го класса—3,095, учительская (она же и для библіотеки)—1,578, мастерская—863, первая комната для квартиры учителя—1,432, вторая комната—1,643, кухня—1,647 кубич. фут.

Рогознянское одноклассное училище открыто въ январѣ 1875 года, и содержится всецѣло на средства общества села Рогозны. Жителей въ селѣ: мужскаго пола—804, женскаго—811, итого 1,615. Учащихся считалось по журналу—40 мальчиковъ, именно: въ старшей группѣ—9, въ средней—14, въ младшей—17: на лицо же ихъ было 36, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ 9, въ средней—12. въ младшей 15. Учащіеся, всѣ православнаго исповѣданія; по сословіямъ родителей: духовнаго — 1, крестьянскаго — 39. Законъ Божій преподаетъ въ училищѣ, со дня открытія онаго, мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла относящійся къ исполненію своихъ обязанностей, — для другихъ предметовъ состоитъ учитель, имѣющій званіе учителя городскаго приходскаго училища, который по своимъ нравственнымъ качествамъ, способностямъ и трудолюбію снискалъ уваженіе всего населенія с. Рогозны. Законоучитель получаетъ жалованья — 100, учитель — 300 р. Общество жертвуетъ на жалованье преподавателямъ — 400 руб., на служителя—23 руб., а также на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ дома. Учащіеся достаточно снабжены необходимыми книгами и учебными пособіями. Библіотека училища содержитъ въ себѣ книгъ и учебниковъ — 116 названій, 518 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій — 104, и имѣетъ всѣ необходимыя пособія какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, но нуждается въ книгахъ для народнаго чтенія. Классная комната имѣетъ 6,732 куб. фут., первая комната квартиры учителя—1,215 куб. фут., вторая — 1,759 куб. фут., кухня—1,782 куб. фут., передняя—1,173 куб. фут. Ученики старшей группы знали главныя молитвы, Символъ вѣры и десять заповѣдей Божіихъ съ объясненіемъ, а также главныя событія по священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; могли читать книги на славянскомъ языкѣ и книгу для чтенія на русскомъ языкѣ удовлетворительно; писали

четко и довольно красиво, также рѣшали немногосложныя задачи, относящіяся къ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ чиселъ встрѣчающіяся въ общежитіи. Ученики средней группы знали главныя молитвы, Символъ вѣры и десять заповѣдей, но безъ объясненія; разказывали главнѣйшія событія по ветхозавѣтной исторіи; читали книгу Успенскаго „Родное Слово" (2-й годъ) удовлетворительно, и разказывали читанное, объясняя каждое, встрѣчающееся при чтеніи, новое выраженіе; писали съ прописей крупнымъ почеркомъ довольно правильно; могли рѣшать небольшія задачи, относящіяся къ сложенію, вычитанію и приложенію простыхъ чиселъ въ предѣлахъ 100. Ученики низшей группы отвѣчали молитвы: Господню, Св. Духу и Пресвятой Богородицѣ, не коверкая содержанія этихъ молитвъ мѣстными выраженіями; разбирали слова и даже читали по книгѣ для чтенія, Ушинскаго „Родное Слово" (годъ 1-й), были въ состояніи записать слова, читанныя въ книгѣ. Сверхъ того, учащіеся пѣли хоромъ молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. Гимнастикѣ и ремесламъ въ этомъ училищѣ не обучаютъ.

Михайловско-Березнянское одноклассное училище. Это училище открыто 5-го августа 1873 года, и содержится на счетъ крестьянскихъ обществъ селъ Березны и Михайловки, съ пособіемъ отъ казны, въ количествѣ 206 руб. Жителей въ названныхъ селахъ: въ Березнѣ—2,800, въ томъ числѣ мужскаго пола—1,200 и женскаго—1,600, въ Михайловкѣ—550, именно мужскаго пола—250 и женскаго—300. Учащихся считалось по журналу—45, въ томъ числѣ въ старшей группѣ—18, въ средней—18, въ младшей—9. При осмотрѣ оказалось на лицо—37: въ старшей группѣ—7, въ средней—15, въ младшей—15. Учащіеся всѣ православнаго исповѣданія, крестьянскаго сословія. Законъ Божій преподаетъ, съ 1-го декабря 1873 года, священникъ села Логвинова, окончившій курсъ духовной семинаріи, весьма усердный къ службѣ и опытный преподаватель; прочіе предметы преподаетъ, съ августа 1873 года, учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи,—весьма способный и хорошо знающій свое дѣло. Первый изъ нихъ получаетъ жалованья — 100 руб., въ томъ числѣ 50 руб. отъ сельскихъ обществъ и столько же отъ казны, второй получаетъ—300 руб., по 150 руб. отъ казны и отъ обществъ. Общество жертвуетъ ежегодно: на жалованье преподавателямъ—200 руб., на наемъ служителя — 25 руб., на отопленіе, освѣщеніе и на страхованіе дома училищъ—55 руб. 50 коп.; ремонтируется домъ на счетъ общества. Учащіеся достаточно снабжены необходимыми кни-

гами и учебными пособіями. Въ библіотекѣ училища значилось книгъ и учебниковъ — 145 названій, 478 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—96. Помѣщеніе училища вообще удовлетворяетъ потребностямъ его. Классная комната заключаетъ въ себѣ 6,480 куб. фут., библіотека—1,182, обѣ комнаты квартиры учителя—на 1,696, кухня—1,417, кладовая—792, коридоръ—1,188, малые сѣни—495 куб. фут.; сверхъ того при училищѣ имѣются сарай, погребъ и десятина усадебной земли. Въ гигіеническомъ отношеніи домъ Михайловско-Березинскаго училища пользуется самою счастливою обстановкою, такъ какъ расположенъ на покатой возвышенности, спускающейся къ рѣкѣ, и вдали отъ другихъ построекъ. Учащіеся всѣхъ группъ обнаружили по всѣмъ предметамъ, преимущественно по закону Божію, успѣхи удовлетворительные. Церковное пѣніе преподается по нотамъ, и учащіеся поютъ въ церкви при богослуженіи вмѣстѣ съ учителемъ. Сверхъ того учащіеся старшей группы занимались, подъ руководствомъ учителя, столярнымъ мастерствомъ, въ послѣобѣденное время. Гимнастикою дѣти занимались только комнатною, по неимѣнію другихъ, необходимыхъ для того, снарядовъ. Учащіеся этого училища исправнѣе другихъ посѣщаютъ уроки, побуждаемые къ сему самими родителями, сознающими пользу образованія.

Антоновское одноклассное училище, открытое въ ноябрѣ 1872 года, содержится всецѣло на счетъ общества села Антонова, въ которомъ жителей—2.277, въ томъ числѣ мужскаго пола—1.127, женскаго—1.150. Учащихся въ Антоновскомъ училищѣ по журналу считалось — 48, именно: въ старшей группѣ — 7, въ средней — 10, въ младшей — 29; при осмотрѣ же оказалось — 32, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ — 5, въ средней—7, въ младшей — 20. Учащіеся по вѣроисповѣданію—всѣ православные, по происхожденію: 1—сынъ чиновника, остальные — изъ крестьянъ. Законъ Божій преподаетъ, съ марта 1878 года, мѣстный священникъ, окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи,—преподаватель, весьма серьезно относящійся къ исполненію своихъ обязанностей, прекрасно знающій свой предметъ и владѣющій даромъ слова,—прочіе предметы преподаетъ, съ октября 1872 года, учительница, пріобрѣвшая званіе учительницы народнаго училища, — усердная и трудолюбивая преподавательница. Общество жертвуетъ ежегодно 292 руб. 86 коп. изъ нихъ въ жалованье законоучителю — 56 руб. 25 коп., учительницѣ — 168 руб. 75 коп., на наемъ служителя 30 руб., на освѣщеніе, на страхованіе дома и на учебные пособія—37 руб. 86 коп. Общество приняло на свои сред-

ства также отопленіе училищнаго дома и ремонтъ его. Библіотека училища содержитъ книгъ и учебниковъ—62 названія 296 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—135. Помѣщеніе училища состоитъ изъ четырехъ комнатъ: классной, имѣющей 4.250 кубич. фут., квартиры учительницы — 1.125 куб. фут., кухни — 1.125 и библіотеки— 588 куб. фут. Въ помѣщеніи этомъ найдены, при осмотрѣ онаго, нѣкоторые недостатки, объ устраненіи коихъ сдѣлано сношеніе съ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ. Учащіеся старшей группы по закону Божію удовлетворительно разказывали о важнѣйшихъ событіяхъ, упоминаемыхъ въ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, объясняли главныя молитвы, Символъ Вѣры и десять заповѣдей, читали порядочно отрывки изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ, но быстрѣе и сознательнѣе умѣли читать по русски книгу Водовозова, по диктовкѣ писали довольно-правильнымъ почеркомъ, не дѣлая грубыхъ ошибокъ; рѣшали немногосложныя задачи, относящіяся къ первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, устно и письменно. Большая часть учениковъ средней группы знали безъ объясненія главнѣйшія молитвы и вычисляли главнѣйшіе праздники въ году, безъ особаго объясненія; по священной исторіи отвѣчали о временахъ патріарховъ; читали порядочно по книгѣ Ушинскаго „Родное Слово" (2-й годъ); умѣли писать крупными буквами съ данныхъ прописей; рѣшали умственно и письменно небольшія задачи на сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ. Успѣхи учениковъ младшей группы оказались довольно-удовлетворительными. Церковное пѣніе, гимнастика и ремесло не преподаются.

Таборовское одноклассное училище, находящееся въ деревнѣ Таборовѣ, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Жителей въ деревнѣ—1.850, именно: 900 мужскаго и 950—женскаго пола. Учащихся считалось по журналу—25, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ — 4, въ средней — 8, въ младшей—13; при осмотрѣ же инспекторомъ на лицо находилось—17, изъ нихъ въ старшей группѣ—3, въ средней—6, въ младшей—8; всѣ они православнаго исповѣданія, по сословіямъ: одинъ духовнаго званія, остальные—крестьянскаго. Законъ Божій преподаетъ священникъ села Чубинецъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, прочіе предметы: — учитель, окончившій курсъ учительской семинаріи. На содержаніе училища отпускается изъ казны: на жалованье законоучителю — 50 руб., учителю—150 руб., на учебныя пособія—6 руб., отъ общества: на наемъ служителя — 30 руб., на освѣщеніе — 14 руб.; ремонтъ училищнаго

дома производится на счетъ общественныхъ средствъ. Учащіеся снабжены всѣми необходимыми книгами и учебными пособіями. Въ библіотекѣ училища имѣется: книгъ и учебниковъ—67 названій 175 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій — 75; тѣмъ не менѣе она нуждается во многихъ книгахъ для преподавателей и преимущественно въ книгахъ для народнаго чтенія. Помѣщеніе училища, по малому числу учащихся, удовлетворяетъ потребностямъ его: классная комната имѣетъ 3.250 куб. фут., библіотека—845, сѣни—столько же, двѣ комнаты квартиры учителей—по 1.250 куб. фут. каждая, кухня—1.400 куб. фут. Сверхъ того, при домѣ есть сарай, погребъ и около десятины усадебной земли. Успѣхи учащихся всѣхъ группъ найдены въ довольно-удовлетворительномъ состояніи по всѣмъ предметамъ, преимущественно по русскому языку и письму, что свидѣтельствуетъ объ усердіи и умѣньи учителя вести дѣло первоначальнаго обученія. Кромѣ предметовъ, положенныхъ по программѣ, учитель обучаетъ учениковъ церковному пѣнію по голосу, и они по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходятъ, вмѣстѣ съ учителемъ, въ церковь ближайшаго селенія пѣть обѣдню. Ремесламъ и гимнастикѣ дѣти не обучаются, по неимѣнію потребныхъ на то средствъ. Вообще Таборовское училище хотя и находится въ довольно-удовлетворительномъ состояніи, но оно могло бы принести болѣе существенную пользу, еслибы находилось въ селеніи болѣе многолюдномъ, а не въ заброшенной деревнѣ.

Пархомовское двухклассное училище. Училище это открыто въ августѣ 1872 года и содержится на счетъ общества с. Пархомовки и жителей ближайшихъ деревень Тадѣевки и Таргана, въ коихъ имѣется жителей: въ первомъ—1,220, въ томъ числѣ мужскаго пола—600, женскаго—620; во второй—347, въ послѣдней—274 обоего пола. Учащихся считалось по журналу: въ 1-мъ классѣ—50, въ томъ числѣ въ высшей группѣ—11, въ средней—16, въ низшей—23; во 2-мъ—11: въ высшей группѣ—7, въ низшей—4; на лицо же при осмотрѣ оказалось: въ 1-мъ классѣ—39: въ высшей группѣ—8, въ средней—12, въ низшей—19, во 2-мъ классѣ—8: въ высшей группѣ—6, въ низшей—2; всѣ учащіеся—православнаго исповѣданія, по сословіямъ: 1—духовнаго, а остальные—крестьянскаго. Преподавателями состоятъ: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи со степенью кандидата,—хорошо знающій свой предметъ и пріобрѣвшій навыкъ ясно передавать его своимъ слушателямъ; прочихъ предметовъ: въ первомъ классѣ—пріобрѣвшій, по окончаніи уѣзд-

наго училища, званіе городскаго приходскаго учителя, во 2-мъ—пріобрѣвшій, по окончаніи уѣзднаго училища, званіе учителя народнаго училища,—оба замѣчательны усердіемъ къ службѣ, трудолюбіемъ и особенно преданностію интересамъ училища. Содержанія преподаватели получаютъ: законоучитель—150 руб., учители—по 300 руб. каждый въ годъ. На содержаніе училища отпускается—1,157 руб. 50 коп., въ томъ числѣ: отъ казны—540 руб. и изъ средствъ общества—617 руб. 50 коп. Въ библіотекѣ училища имѣется книгъ и учебниковъ—155 названій 716 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—171, что вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ училища. Помѣщеніе училища также вполнѣ удовлетворительно: комната 1-го класса имѣетъ 7,400 куб. фут., 2-го класса—3,276, сборная учительская—1,458, первая комната въ квартирѣ учителя 2-го класса—1,872, вторая комната въ той же квартирѣ—2,295, кухня при этой квартирѣ—2,898 куб. фут., квартира учителя 1-го класса состоитъ изъ отдѣльнаго дома съ тремя комнатами: первая—въ 1,680, вторая—въ 490 и кухня—въ 168 куб. фут. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшей группы 1-го класса знали главныя молитвы, Символъ вѣры и десять заповѣдей Божіихъ и объяснили въ нихъ каждое слово; знали также и важнѣйшія событія, упоминаемыя въ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, читали на славянскомъ языкѣ: „Чтеніе изъ четырехъ евангелистахъ“ и Псалтирь довольно порядочно; по русскому языку въ надиктованномъ отрывкѣ дѣлали ошибки, но не грубыя, не искажавшія словъ; читали книгу Водовозова довольно бѣгло и толково; читанныя статьи разказывали своими словами и рѣшали устныя и письменныя задачи на всѣ четыре дѣйствія простыхъ чиселъ. Учащіеся средней группы 1-го класса также знали главныя молитвы, но не могли объяснить въ нихъ, какъ слѣдуетъ, встрѣчающихся словъ; по священной исторіи разказывали о событіяхъ, совершившихся во времена св. патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова и послѣдующихъ за ними, читали по Родному Слову (годъ 2-й) довольно правильно и толково, писали крупными буквами четко и довольно красиво, рѣшали не слишкомъ сложныя устныя и письменныя задачи на сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ, почерпнутыя изъ обыденной жизни, безъ особенныхъ затрудненій, въ предѣлахъ 100. Ученики младшей группы объясняли изображеніе на себѣ крестнаго знаменія и сложенія пальцевъ и знали важнѣйшія молитвы; читали Родное Слово (годъ 1-й) медленно, но правильно; писали на аспидныхъ доскахъ съ книги цѣлыя предложенія, умѣли считать до 50, и всѣ числа, заключающіяся

между 1 и 50, изображали цифрами на аспидныхъ доскахъ. Ученики старшей группы 2-го класса удовлетворительно отвѣчали изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, православнаго катихизиса и объясненіе суточнаго богослуженія; событія священно-историческія, разказывали своими словами довольно связно и послѣдовательно; тексты Св. Писанія, приводимые въ катихизисѣ, знали основательно и переводили ихъ на русскій языкъ; по русскому языку въ надиктованномъ отрывкѣ встрѣчались ошибки преимущественно по знакамъ препинанія и по употребленію буквы *и* вмѣсто *ы*, также буквы *ѣ* вмѣсто *е* и на оборотъ; читали книги на славянскомъ и русскомъ языкахъ удовлетворительно, передавая сущность читаннаго своими словами, въ написанномъ и исправленномъ отрывкѣ показывали предложенія и приводили причины постановки извѣстныхъ знаковъ препинанія; дѣлали анализы синтаксическій, этимологическій и орѳографическій довольно правильно; произносили выученныя стихотворенія не совсѣмъ выразительно и мало точно; рѣшали задачи, относящіяся ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ и десятичныхъ дробей и на тройныя правила, простое и сложное; по геометріи имѣли понятіе о линіяхъ, углахъ, треугольникѣ и другихъ прямолинейныхъ фигурахъ, рѣшали немногосложныя задачи, относящіяся ко всѣмъ этимъ фигурамъ; по всеобщей географіи знали части свѣта, описывали границы каждой, моря внѣшнія и внутреннія, главнѣйшія озера, рѣки, проливы и заливы, горы и вулканы; по русской географіи перечисляли судоходныя рѣки и водяныя сообщенія; по русской исторіи прошли до Екатерины II, хотя познанія учащихся оказались въ этомъ предметѣ не столь удовлетворительными, какъ по другимъ предметамъ, на что̀ обращено вниманіе преподавателя. Успѣхи учениковъ низшей группы 2-го класса оказались гораздо ниже успѣховъ учащихся старшей группы, за исключеніемъ закона Божія, по которому дѣти обѣихъ группъ отвѣчали почти одинаково. Церковному пѣнію по нотамъ и гимнастикѣ въ училищѣ не обучаютъ, но дѣти читаютъ въ церкви Часословъ, Псалтирь и поютъ по голосу вмѣстѣ съ причетниками.

Ружинское двухклассное училище. Училище это, открытое въ октябрѣ 1873 г., содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Мѣстечко Ружина имѣетъ жителей—2,828: мужскаго пола—1,409, женскаго—1,419; въ ближайшей деревнѣ Пустохѣ, населеніе которой также принимаетъ участіе въ семъ училищѣ, жителей—383. Учащихся считалось: по журналу въ 1-мъ классѣ—42, изъ коихъ въ высшей группѣ—8, въ средней—12, въ низшей—22; во 2-мъ—11: въ

высшей группѣ—5, въ низшей—6; оказалось же на лицо: въ 1-мъ классѣ—34, изъ нихъ въ высшей группѣ—7, въ средней—10, въ низшей—17; во 2-мъ—11: въ высшей группѣ—5, въ низшей—6. По вѣроисповѣданіямъ учащіеся: православнаго—38, римско-католическаго—14, протестантскаго—1; по сословіямъ; дворянъ—4, духовнаго званія—1, мѣщанъ—12, крестьянъ—35, иностранецъ—1. Преподавателемъ состоятъ: по закону Божію—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи съ степенью студента, обладающій начитанностью, способный преподаватель, преданный интересамъ училища; по прочимъ предметамъ: въ 1-мъ классѣ — обучавшійся въ коммерческомъ отдѣленіи Бѣлоцерковскаго реальнаго училища и пріобрѣвшій званія учителя городскаго приходскаго училища; во 2-мъ — имѣющій званіе учителя математики въ уѣздныхъ училищахъ; оба преподавателя добросовѣстно относятся къ своимъ обязанностямъ и потому въ дѣлѣ преподаванія достигаютъ въ большей или меньшей степени удовлетворительныхъ результатовъ. На содержаніе училища отпускается: изъ казны—915, изъ средствъ общества—243 руб., всего—1,158 руб. Жалованье учителямъ изъ этихъ источниковъ производится: законоучителю—150 руб., учителямъ—по 300 руб. каждому. Библіотека заключаетъ въ себѣ: книгъ и учебниковъ—133 названія 499 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—119, что вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ училища. Помѣщеніе училища также соотвѣтствуетъ требованіямъ; оно состоитъ изъ девяти комнатъ слѣдующаго пространства: комната 1-го класса—5,472 куб. фут., 2-го класса—5,208, сборная учительская (она же и библіотека)—1,296, первая комната въ квартирѣ учителя 1-го класса—1,844, вторая—1,200, кухня—1,300, первая комната квартиры учителя 2-го класса—2,600, вторая—2,576, кухня при этой квартирѣ—1,340 куб. фут. Успѣхи учащихся въ учебныхъ предметахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: ученики старшей группы 1-го класса по закону Божію отвѣчали весьма удовлетворительно, по чтенію славянскому и русскому, по письму подъ диктовку и по ариѳметикѣ—удовлетворительно. Ученики средней группы того же класса по всѣмъ предметамъ отвѣчали удовлетворительно. Учащіеся низшей группы знали одни—главнѣйшія молитвы, другіе, кромѣ молитвъ—Символъ вѣры и десять заповѣдей; читали книгу Ушинскаго „Родное Слово" (годъ 1-й) медленно, не понимая значенія тѣхъ словъ, которыя они произносили; писали читанныя слова некрасиво, но усвоивъ главное отличіе одной буквы отъ другой; считали до 40 безпрепятственно и писали всѣ числа, заклю-

чающіяся между 1 и 40. Ученики старшей группы 2-го класса отвѣчали по закону Божію весьма удовлетворительно, преимущественно по православному катихизису; по русскому языку читали статьи изъ Чтеній изъ четырехъ евангелистовъ на славянскомъ языкѣ и переводили ихъ на русскій, выражая сущность читаннаго своими словами и объясняя значеніе нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣчавшихся при чтеніи; читали русскую рукопись крупнаго и мелкаго почерка довольно связно: въ продиктованномъ ученикамъ отрывкѣ попадались ошибки, но не грубыя, большею частію въ разстановкѣ знаковъ препинанія; синтаксическій и этимологическій разборъ отрывка дѣти дѣлали безошибочно. По остальнымъ предметамъ: ариѳметикѣ, геометріи, русской исторіи, географіи, естествознанію и чистописанію успѣхи учащихся — удовлетворительны. При рѣшеніи вопросовъ изъ геометріи, учащіеся чертили фигуры отъ руки довольно правильно, также по географіи могли рисовать на доскѣ, хотя не совсѣмъ вѣрно, части свѣта и преимущественно Европейскую Россію. Познанія учащихся низшей группы 2-го класса по всѣмъ предметамъ оказались ниже познаній учениковъ старшей группы, преимущественно въ письмѣ подъ диктовку, гдѣ встрѣчались и довольно выдающіяся ошибки, какъ напримѣръ, употребленіе строчныхъ буквъ въ собственныхъ именахъ, поставленіе предлоговъ вмѣстѣ съ существительными, отдѣленіе ихъ въ глаголахъ и т. п.; при рѣшеніи задачъ замѣтна была какая-то медленность. Такъ какъ учащіеся этой группы должны еще пробыть въ училищѣ по крайней мѣрѣ годъ до окончанія курса, то учителю предложено обратить особенное вниманіе на практическія занятія по русскому языку (письмо, разказъ читанныхъ статей, доступныхъ дѣтскому пониманію, и устныя бесѣды съ ними объ окружающихъ предметахъ), чѣмъ преимущественно усвоится знаніе русскаго языка людьми, говорящими большею частію дома, въ семьѣ по малороссійски съ примѣсью многихъ словъ польскихъ и другихъ. Сверхъ изученія наукъ, положенныхъ для двухклассныхъ сельскихъ училищъ, учащіеся обучались церковному пѣнію, подъ руководствомъ учителей обоихъ классовъ. Гимнастикой учащіеся не занимаются, по неимѣнію для того необходимыхъ снарядовъ; равнымъ образомъ не обучались они и кузнечному мастерству по неимѣнію свободнаго, прилегающаго къ училищной усадьбѣ, мѣста на которомъ можно было бъ устроить кузницу, хотя волостной старшина и изъявилъ готовность построить оную. Домъ, занимаемый училищемъ, требуетъ значительныхъ исправленій, о производствѣ коихъ сдѣлано сношеніе съ мѣстнымъ мировымъ по-

средникомъ, который отозвался, что къ необходимымъ роботамъ уже приступлено.

Училища Каневскаго уѣзда.

Пустовойтовское одноклассное училище. Училище это, открытое въ январѣ 1876 года, въ селеніи Пустовойтахъ, имѣющемъ 2,170 жителей (мужскаго пола—1,080 и женскаго—1,090), содержится на на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—54, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—20 мальчиковъ, въ средней—16 мальчиковъ и 1 дѣвочка, въ младшей — 17 мальчиковъ; при осмотрѣ же оказалось на лицо — 29, именно: въ старшей группѣ—17, въ средней—8, въ младшей—4 [1]). Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго, по сословіямъ принадлежатъ: къ духовному—1, мѣщанскому—2, крестьянскому 49, въ томъ числѣ одна дѣвочка, не помнящая родства. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, преподаетъ свой предметъ съ полнымъ усердіемъ и любовію, уроки его отличаются простотой и ясностію изложенія; прочихъ предметовъ—обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя народнаго училища, весьма серьозно относящійся къ своимъ обязанностямъ и знаніемъ дѣла и трудолюбіемъ достигаетъ хорошихъ результатовъ. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—156 руб., изъ средствъ общества—160 руб. Изъ сихъ денегъ производится жалованье: законоучителю—60 руб., учителю—250 руб. Отопленіе, освѣщеніе, прислуга, ремонтъ и страхованіе дома общество приняло на себя. Въ училищной библіотекѣ состояло: книгъ и учебниковъ—81 названіе 267 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—53. Такое положеніе библіотеки, въ виду недавняго открытія училища, должно быть признано удовлетворительнымъ. Учащіеся снабжены достаточно книгами и учебными пособіями. Помѣщеніе училища вообще соотвѣтствуетъ потребностямъ: классная комната имѣетъ 6,940 куб.ф., библітека—1,015, двѣ комнаты квартиры учителя—по 1,701, кухня—1,280 кубич. фут. При домѣ имѣется болѣе десятины усадебной

---

[1]) Ученики средней и низшей группъ одноклассныхъ народныхъ училищъ съ 1-го мая уже прекращаютъ ученіе, но желающимъ не возбраняется посѣщать училище, гдѣ наставники продолжаютъ заниматься съ учениками старшей группы, до окончанія ими экзаменовъ на полученіе свидѣтельствъ съ правомъ на льготы 4-го разряда по отбыванію воинской повинности.

земли, а на училищномъ дворѣ обществомъ построены сарай, амбаръ, погребъ и другія хозяйственныя службы. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: на происходившемъ 5-го мая во временной испытательной коммиссіи испытаніи оканчивавшимъ курсъ училища на право льготы 4-го разряда по отбыванію воинской повинности четыре ученика старшей группы выполнили письменныя работы удовлетворительно, почему и были допущены къ устному испытанію, на которомъ по закону Божію отвѣчали весьма удовлетворительно, по русскому языку, по чтенію славянскому, съ переводомъ словъ непонятныхъ на русскій языкъ, по чтеніи русскому, печатной книги и рукописи, по передачѣ прочитаннаго своими словами—обнаружили познанія удовлетворительныя, почему и удостоены коммиссіей выдачи свидѣтельствъ на означенную льготу. Прочіе учащіеся старшей группы не могли быть допущены къ окончательному испытанію по не вполнѣ удовлетворительной подготовкѣ, такъ какъ, поступивъ въ училище безъ всякихъ знаній, они не успѣли въ теченіе двухъ лѣтъ достаточно усвоить то, что̀ требуется программой отъ оканчивающихъ курсъ и желающихъ воспользоваться правомъ на льготу по отбываніи воинской повинности. Ученики средней и низшей группъ усвоили удовлетворительно все опредѣленное программами. Гимнастикѣ и ремесламъ въ Пустовойтовскомъ училищѣ не обучаютъ. Училище это пользуется большимъ сочувствіемъ мѣстнаго населенія, которое безпрекословно удовлетворяетъ всѣ нужды училища, по заявленіи о томъ учителя.

Коропышское одноклассное училище, открытое въ октябрѣ 1876 года, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Жителей въ селѣ Коропышахъ: мужскаго пола — 2,340, женскаго—2,329, всего—4,669. Учащихся считалось при осмотрѣ по журналу—76, изъ нихъ въ старшей группѣ—12, въ средней—24, въ младшей—24, въ томъ числѣ одна дѣвочка; на лицо же находилось—66: въ старшей группѣ—12, въ средней—20, въ младшей—34, въ томъ числѣ одна дѣвочка. Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ же: мѣщанъ—3, крестьянъ — 73. Преподавателями были: закона Божія—мѣстный священникъ и благочинный, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель усердный, способный и преданный интересамъ училища; прочихъ предметовъ—окончившій курсъ наукъ учительской семинаріи, пользующійся уваженіемъ всего населенія с. Коропышей за свои нравственныя и педагогическія качества. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—226 руб. и отъ общества—160 руб., всего—386 руб.; изъ этой суммы

расходуется: на жалованье законоучителю — 86 и учителю 300 руб.; прочіе издержки по содержанію училища производятся изъ средствъ общества; учащіеся снабжены всѣми необходимыми книгами и учебными пособіями: бѣдные — отъ казны, достаточные — на собственныя средства. Въ библіотекѣ училища находилось: книгъ — 57 названій 267 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій — 78; такое положеніе библіотеки, судя по недавнему открытію училища, признается довольно удовлетворительнымъ. Помѣщеніе училища слѣдующее: классная комната имѣетъ—11,073 кубич. фут., библіотека—1,659, одна комната квартиры учителя — 2,100, другая — 1,650, третья — 1,570 и четвертая — 2,280, передняя между библіотекой и квартирою учителя — 1,530, кухня—2,175, первая кладовая—1,020, вторая кладовая—510, передняя возлѣ кухни—1,080 куб. фут.; при домѣ имѣется усадебной земли болѣе двухъ десятинъ. Вообще, мѣстное общество весьма сочувственно относится къ училищу и старается объ улучшеніи матеріальной стороны его всѣми зависящими отъ него средствами. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: десять окончившихъ курсъ учениковъ, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, мѣстныхъ властей и родителей учащихся, подвергались испытанію для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ восемь выдержали экзаменъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительно и потому удостоены полученія искомаго свидѣтельства. Находившіеся на лицо ученики средней и младшей группъ отвѣчали, въ предѣлахъ програмы по закону Божію и русскому языку—вполнѣ удовлетворительно, по ариѳметикѣ и письму—удовлетворительно. По окончаніи экзамена учащіеся, подъ руководствомъ учителя дѣлали ловко и правильно различныя тѣлодвиженія, указываемыя комнатною гимнастикою. Засѣданіе испытательной коммисіи закончено было духовною пѣснью, выполненною всѣми учащимися, подъ руководствомъ учителя, стройно и пріятно. Учитель этотъ, самъ любя до страсти церковное пѣніе, не только привлекъ къ себѣ учащихся съ хорошими голосами и составилъ изъ нихъ порядочный хоръ, поющій постоянно то въ одной, то въ другой церкви села Коропышей, но заохотилъ даже принимать участіе въ этомъ хорѣ и не учащихся молодыхъ людей изъ мѣстныхъ жителей, которые научились уже, отъ сближенія съ учащимися, читать и разбирать ноты. Бывшіе на экзаменѣ мѣстные волостной старшина и староста, а также многіе родители учащихся, остались вполнѣ довольны успѣхами дѣтей, обучающихся въ училищѣ, и выразили свою благодар-

ность какъ инспектору народныхъ училищъ, такъ и преподавателямъ училища.

Богуславское одноклассное училище. Училище это находится въ мѣстечкѣ Богуславѣ и содержится на счетъ мѣстнаго общества съ пособіемъ отъ казны. Жителей въ Богуславѣ: мужскаго пола—4,140, женскаго—4,800. Учащихся во время осмотра числилось по журналу—45, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—10 мальчиковъ, въ средней—18 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ, въ низшей — 10 мальчиковъ и 1 дѣвочка; въ дѣйствительности же оказалось на лицо — 39: въ старшей группѣ—8, въ средней—18 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ, въ низшей — 6 мальчиковъ и 1 дѣвочка. Учащіеся раздѣлялись по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 28 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, римско-католическаго—3 мальчика, іудейскаго 7 мальчиковъ; по сословіямъ: потомственныхъ дворянъ—3, личныхъ дворянъ—3, крестьянъ: мальчиковъ—14, дѣвочекъ—5; крестьянъ: мальчиковъ—18, дѣвочекъ—2. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный протоіерей, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель способный и опытный: прочихъ предметовъ — окончившій курсъ въ учительской семинаріи, пользующійся общимъ уваженіемъ жителей всѣхъ сословій м. Богуслава за свои педагогическія и нравственныя качества. Училище получаетъ на свое содержаніе средства изъ слѣдующихъ источниковъ: отъ казны — 181 руб., отъ общества — 150, сверхъ того, послѣднее оплачиваетъ расходы по отопленію, освѣщенію; прислугу, по ремонту и страхованію дома. Изъ получаемыхъ суммъ употребляются на жалованье: законоучителю—75, учителю—250 руб. Библіотека, имѣя всѣ необходимыя книги и пособія, какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, заключаетъ въ себѣ: книгъ — 164 названія 726 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—252. Учащіеся снабжены всѣми необходимыми учебными пособіями и книгами. Помѣщеніе училища состоитъ изъ трехъ комнатъ и кухни. Классная комната имѣетъ 4,004 куб., фут. двѣ комнаты для квартиры учителя—по 1,300 каждая, относящаяся къ этой квартирѣ кухня — 988 куб. фут. Познанія учащихся выяснились на бывшемъ въ училищѣ испытаніи оканчивавшимъ курсъ для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. Подвергались испытанію 8 учениковъ старшей группы, въ томъ числѣ два Еврея. Письменныя работы по русскому языку и ариѳметикѣ признаны удовлетворительными только семи учениковъ, въ томъ числѣ одного Еврея; посему и допущены были 6 учениковъ изъ христіанъ къ уст-

нымъ отвѣтамъ по закону Божію, русскому языку и рѣшенію несложныхъ ариѳметическихъ задачъ, и 7-й, Еврей — по двумъ послѣднимъ предметамъ; а такъ-какъ устные отвѣты всѣхъ экзаменовавшихся оказались удовлетворительными, то коммисія удостоила этихъ 7 учениковъ полученія имъ свидѣтельства. Успѣхи наличныхъ учащихся средней и низшей группъ по всѣмъ предметамъ оказались удовлетворительными, преимущественно же по закону Божію. Учащіеся обучаются церковному пѣнію подъ руководствомъ псаломщика ближайшей къ училищу церкви и въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ пропѣли три духовныя пѣсни. Гимнастикѣ и ремесламъ въ училищѣ не обучаютъ.

Н. В. ХАНЫКОВЪ.

(некрологъ).

Скончавшійся ³/₁₅-го ноября 1878 года въ Рамбулье, близъ Парижа, на 60-мъ году жизни, Николай Владиміровичъ Ханыковъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Спеціальностью его было изученіе Востока, и заслуги его на этомъ поприщѣ такъ важны, что имя его пользуется громкою извѣстностью сред-русскихъ образованныхъ людей, и можетъ быть, еще большею — въ западной Европѣ: Лондонское, Парижское, Берлинское, Италіанское и Венгерское географическія общества считали его въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, достаточно матеріаловъ, чтобы сообщить обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о покойномъ, и не беремся оцѣнивать его ученую дѣятельность, предоставляя это знатокамъ оріентализма; ограничиваемся только напоминаніемъ о главныхъ ученыхъ трудахъ, имъ исполненныхъ.

Николай Владиміровичъ принадлежалъ къ той группѣ просвѣщенныхъ русскихъ людей, среди которой, лѣтъ сорокъ тому назадъ, проявилось усиленное уваженіе къ изученію Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ Востока въ географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и экономическомъ отношеніяхъ: изъ этого движенія возникло половинѣ 40-хъ годовъ, между прочимъ, Русское Географическое Общество, до сихъ поръ одно изъ наиболѣе дѣятельныхъ нашихъ ученыхъ учрежденій, оказавшее огромныя услуги науки землевѣдѣнія и народовѣдѣнія. Значительная часть ученыхъ работъ по-

койнаго Ханыкова была исполнена въ связи съ ходомъ дѣятельности Географическаго Общества.

Николай Владиміровичъ сталъ оріенталистомъ именно по призванію. По окончаніи курса ученія въ Царскосельскомъ лицеѣ въ 1836 г., онъ поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ 1839 году откомандированъ былъ въ распоряженіе Оренбургскаго генералъ-губернатора. Переѣздъ на эту тогдашнюю восточную окраину Россіи впервые познакомилъ его наглядно съ Востокомъ, тогда какъ до тѣхъ поръ онъ только подготовлялся къ этому знакомству путемъ книжныхъ занятій. Въ 1840 г. Николай Владиміровичъ принялъ участіе въ извѣстной Хивинской экспедиціи В. А. Перовскаго, затѣмъ въ 1841 и 1842 гг. совершилъ путешествіе въ Бухару и послѣ того возвратился въ Петербургъ, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ обработкѣ собранныхъ имъ матеріаловъ для ученыхъ трудовъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ онъ уже служилъ на Кавказѣ, затѣмъ около трехъ лѣтъ состоялъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ въ Персіи и въ 1858—1859 годахъ совершилъ ученое путешествіе по юго-восточной Персіи и Хорассану. Съ 1864 г. Ханыковъ поселился для ученыхъ работъ за границей, состоя въ то же время (по 1872 г.) агентомъ министерства народнаго просвѣщенія во Франціи.

Хорассанская экспедиція Ханыкова составляетъ, такъ-сказать, кульминаціонный пунктъ его ученой дѣятельности: прежнія его работы и путешествія служили только какъ бы подготовленіемъ къ ней, а послѣдніе двадцать лѣтъ его жизни были посвящены большею частью ученой разработкѣ матеріаловъ, собранныхъ во время этой экспедиціи. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ войдти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ замѣчательнѣйшемъ изъ ученыхъ предпріятій Ханыкова, доставившемъ ему европейскую извѣстность; но предварительно упомянемъ о тѣхъ ученыхъ работахъ, которыя были совершены имъ ранѣе того.

Въ 1843 году Николай Владиміровичъ напечаталъ первое свое ученое сочиненіе—весьма замѣчательное „Описаніе Бухарскаго ханства", впослѣдствіи переведенное на англійскій языкъ; въ 1845 г. онъ составилъ карту Киргизскихъ степей, а въ 1850 выпустилъ въ свѣтъ „Списокъ пунктовъ въ сѣверо-западной части средней Азіи, опредѣленныхъ астрономически". Трудъ этотъ былъ изданъ Географическимъ Обществомъ. Во время службы въ Закавказскомъ краѣ и пребыванія въ Персіи въ качествѣ консула онъ открылъ и объяснилъ нѣсколько лапидарныхъ и рукописныхъ памятниковъ (между

прочимъ—не изданную часть историческаго сочиненія Рашидъ-Эддина) и о своихъ находкахъ напечаталъ рядъ статей въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ I-му и III-му отдѣленіямъ, въ Bulletin той же Академіи и въ Запискахъ Имп. Р. Археологическаго Общества [1]). Въ 1855 г. Географическое общество вновь издало его „Списокъ астрономическихъ пунктовъ“ съ значительными исправленіями и дополненіями составителя, а въ 1857 году онъ подалъ въ томъ же обществѣ мысль о снаряженіи ученой экспедиціи въ южную Персію и Хорассанъ. Приводимъ въ подлинникѣ существенную часть составленной Ханыковымъ по этому поводу записки, заключающую въ себѣ блестящій очеркъ тѣхъ разнообразныхъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно было — по его мнѣнію — составить цѣль экспедиціи и пролить свѣтъ на древнѣйшія судьбы Иранскаго племени и на характеръ страны, имъ обитаемой.

„Ученое изслѣдованіе азіатскаго материка, со времени паденія Багдадскаго халифата, было тѣсно связано съ развитіемъ европейскаго вліянія на разныя части Азіи; отъ этого мы видимъ, что оно, при содѣйствіи Русскаго и Англійскаго правительствъ, шло отъ оконечностей къ центру этого материка. Сибирь и Индія были первыми поприщами ученыхъ изысканій въ Азіи, изысканій болѣе или менѣе послѣдовательныхъ, достигаемыхъ совокупными усиліями ученыхъ, а не тѣхъ бѣглыхъ обзоровъ странъ и не тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя доступны одинокому путнику, долженствующему въ короткое время собрать какъ можно болѣе данныхъ о не извѣданномъ пространствѣ, куда онъ проникаетъ. Предѣлы этихъ изслѣдованныхъ частей азіатскаго материка болѣе и болѣе сближались, и когда учеными усиліями Англичанъ сѣверная граница ихъ огромныхъ завоеваній въ Индіи покрылась треугольниками, незыблемо обозначившими мѣсто ихъ на поверхности земли, когда пространства, замыкаемыя боками этихъ треугольниковъ, подверглись подробному осмотру естествоиспытателей, археологовъ и лингвистовъ, подобнаго же рода работы, предпринимаемы были нашимъ правительствомъ въ Сибири, въ Оренбургскомъ краѣ, въ Киргизскихъ степяхъ и на Кавказскомъ перешейкѣ.

---

[1]) Собраніе арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей, составленное Ханыковымъ во время пребыванія на Востокѣ, пріобрѣтено было Императорскою Публичною Библіотекой въ 1864 г.; въ этомъ собраніи есть нѣсколько памятниковъ, не существующихъ въ другихъ европейскихъ библіотекахъ, и вообще оно содержитъ всѣ произведенія почти по всѣмъ отраслямъ знанія, которыя разработывались мусульманами. Всѣхъ рукописей въ этой коллекціи 161.

„Западная часть Персіи, сѣверная окраина Хорассана, нѣкоторыя области средней Азіи и Афганистанъ хотя и не были еще поприщемъ дѣйствія полныхъ ученыхъ экспедицій, но будучи часто посѣщаемы образованными путешественниками, отчасти даже спеціалистами, и бывши неоднократно театромъ военныхъ столкновеній съ европейскими державами, вышли изъ круга странъ вовсе неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе обогатили науку новыми и поучительными данными, такъ что въ настоящую минуту на азіатскомъ материкѣ только Китай, Японія, часть Средней Азіи, граничащая съ Китаемъ, и юго-восточная часть Персіи могутъ быть признаны за страны, о которыхъ всякій, безъ стыда въ невѣжествѣ, можетъ признаться, что онъ мало или даже вовсе ничего не знаетъ. Относительно Китая и Японіи неутомимыя изслѣдованія миссіонеровъ, труды русскихъ ученыхъ и самое богатство китайской литературы нѣсколько пополняютъ пробѣлы нашихъ познаній этой обширной и въ высшей степени любопытной части азіатскаго материка; относительно же юго-восточной части Персіи ни персидская литература, ни изслѣдованія иностранцевъ не представляютъ намъ ничего удовлетворительнаго. Свѣдѣнія, сохранившіяся объ этихъ странахъ въ персидской и арабской литературахъ, способны только подстрекнуть любознательность, нисколько не удовлетворяя ея; усилія же иноземныхъ изслѣдователей, къ сожалѣнію, ограничиваются только трудами Трюльера и Кристи, перерѣзавшихъ эту область по діагонали отъ Мешхеда къ Іезду, такъ что все, что мы знаемъ объ этомъ южномъ скатѣ западной вѣтви Индѣйскаго Кавказа, ограничивается тѣмъ, что онъ представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ сѣвернымъ скатомъ того же хребта, но съ тѣмъ значительнымъ различіемъ, что онъ по срединѣ перерѣзанъ линіей растительности пальмъ, служащею такою рѣзкою границею тропическихъ климатовъ отъ болѣе умѣренныхъ климатовъ сѣвернаго и южнаго полушарія; о быстротѣ же паденія этого свѣса до наименьшей точки его возвышенія надъ моремъ, о величинѣ этого наименьшаго возвышенія, о породахъ, направленіи и свойствѣ горъ, прорѣзывающихъ это пространство, объ орошеніи его водой, о свойствахъ и видахъ растеній, покрывающихъ его обширныя солонцы, о температурѣ и сухости воздуха различныхъ точекъ его поверхности, о направленіи тамъ вѣтровъ, о силѣ, съ которою тамъ проявляются внутреннія силы земнаго шара: мгновенными потрясеніями, термическими источниками и т. д., мы рѣшительно ничего не знаемъ, и незнаніе это отзывается весьма

невыгодно на общихъ выводахъ нашихъ, служащихъ основою физики земли. Столько же мало знаемъ мы—въ какой степени естественныя богатства его могутъ служить подмогой европейской промышленности, въ какой степени его хлопчатая бумага, шелкъ и аптекарскіе товары могутъ быть доступны выгодной обработкѣ или продажѣ въ Европѣ- въ какомъ размѣрѣ край этотъ способенъ потреблять европейскія обработанныя произведенія, словомъ сказать, какое мѣсто ему можно дать въ промышленной жизни человѣчества. Для этнографіи и филологіи край этотъ представляетъ истинный и непочатый кладъ. Участіе Иранскаго племени въ судьбахъ человѣчества начинаетъ сильно и весьма справедливо занимать пытливую любознательность европейскихъ ученыхъ, и потому изучить эту народность въ самомъ источникѣ ея, тамъ, гдѣ первобытная форма, въ которой она образовалась, всего менѣе могла быть измѣнена внѣшними вліяніями, есть предметъ немаловажный; къ тому же, со времени Зороастра всѣ важныя проявленія жизни Иранскаго племени зарождались здѣсь: около Балха нужно искать корня огнепоклонничества; около Герата оно долѣе всего сохранилось; по всей вѣроятности, здѣсь началось патріо, тическое движеніе въ пользу Сассанидовъ, низвергшее преданныхъ греческимъ идеямъ Арзакидовъ; здѣсь привились всего сильнѣе идеи шіитства, отрѣзывающія доселѣ еще Персію отъ всего остальнаго мусульманскаго міра; около Мерва Абу-Муслимъ поднялъ знамя бунта, возведшаго Аббасидовъ на халифатство; отсюда же наносимы были сильнѣйшіе удары власти халифовъ, такъ какъ отсюда двинулся знаменитый Сельджукидъ Тугрулъ, и введя въ Багдадъ свои буйныя полчища, доказалъ первый удивленнымъ мусульманамъ, что святость намѣстниковъ пророка не дѣлаетъ ихъ всемогущими. Здѣсь въ Балхѣ, въ Мервѣ, въ Гератѣ, въ Тусѣ, въ Нишапурѣ и такъ далѣе, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ династій, покровительствовавшихъ наукамъ и искусствамъ, образовались ученые и поэты, прославившіе Персію на Востокѣ, труды которыхъ далеко не извѣстны намъ во всемъ ихъ объемѣ, такъ какъ монгольскій наплывъ, разсѣкшій халифатъ надвое, лишилъ ихъ возможности проникнуть въ западную часть халифата, то-есть, въ первый источникъ, откуда европейскіе ученые черпали свѣдѣнія о восточной литературѣ, и такъ какъ даже потомъ ни одинъ спеціальный оріенталистъ не посѣщалъ этихъ странъ.

„Этого бѣглаго очерка того, чего можетъ ожидать наука отъ ближайшаго ознакомленія съ юго-восточнымъ Хорассаномъ, мнѣ кажется

достаточно, чтобъ оправдать смѣлость, принимаемую мною, для обращенія на него вниманія Императорскаго Географическаго Общества; но при этомъ я считаю долгомъ выразить свое убѣжденіе, что не всѣ части пространства, очерченнаго мною какъ terra incognita, въ равной степени могутъ интересовать Общество, такъ какъ, покровительствуя изслѣдованію странъ, составляющихъ естественное продолженіе нашего обширнаго отечества, Географическое Общество даетъ, такъ сказать, болѣе силы тому, что уже завоевано для науки въ самыхъ предѣлахъ Россіи,—и что въ этомъ смыслѣ сѣверо-восточный уголъ этого пространства, съ его окрестностями, для насъ гораздо болѣе любопытенъ, чѣмъ юго-западный, такъ какъ первый, по характеру своихъ естественныхъ произведеній, по своимъ климатическимъ вліяніямъ, по участію въ судьбахъ странъ, подчиненныхъ Россіи, и по близости къ главнымъ сообщеніямъ, ведущимъ въ Россію, составляетъ первыя звенья связи, которая должна соединить сдѣланное для землевѣдѣнія Азіи у насъ съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи другими".

Эти соображенія Ханыкова были встрѣчены въ Географическомъ Обществѣ съ большимъ сочувствіемъ, и въ 1858 году проектированная экспедиція состоялась при содѣйствіи правительства и Каспійскаго торговаго товарищества. Естественнымъ главой и руководителемъ экспедиціи явился, конечно, самъ Николай Владиміровичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принявшій на себя изслѣдованія по части этнографіи и древностей обозрѣваемой страны; какъ сотрудники, къ нему присоединились профессоръ Бунге — въ качествѣ врача и для ботаническихъ изслѣдованій, Р. Э. Ленцъ—для изслѣдованій по математической и физической географіи, г. Гёбель—для работъ геологическихъ, и г. Бинертъ—для занятій энтомологіей; сверхъ того, къ экспедиціи примкнулъ на свой счетъ графъ Кейзерлингъ, принявшій на себя изслѣдованія зоологическія; военное вѣдомство командировало въ составъ экспедиціи двухъ съемщиковъ—гг. Жаринова и Петрова, за работами которыхъ долженъ былъ наблюдать самъ начальникъ экспедиціи, а отъ морскаго вѣдомства командированъ былъ капитанъ-лейтенантъ Ристори, завѣдывавшій всею матеріальною частью экспедиціи.

Къ 15-му марта 1858 года всѣ члены экспедиціи собрались въ г. Баку, откуда совершили переѣздъ чрезъ Каспійское море, и 23-го числа бросили якорь на Ашурадинскомъ рейдѣ. Въ ожиданіи извѣщенія отъ Персидскаго правительства о распоряженіяхъ по пріему экспедиціи въ Астрабадской и Мазандеранской провинціяхъ, члены

экспедиціи посѣтили Ашрефъ, великолѣпный садъ, разведенный шахомъ Аббасомъ Великимъ въ началѣ XVII вѣка, но теперь сильно запущенный. 11-го апрѣля экспедиція двинулась въ Астрабадъ, куда и прибыла на другой день. Уже во время этого переѣзда представилась возможность начать научныя наблюденія. Такъ, Ханыкову удалось тутъ, между прочимъ, узнать посредствомъ разказовъ, что равнины, примыкающія къ подножію Мазандеранскихъ горъ и покрытыя лѣсомъ, должно считать центромъ населенія, говорящаго татскимъ нарѣчіемъ персидскаго языка, самые сѣверные представители котораго встрѣчаются въ русскихъ владѣніяхъ — въ южной части Кубинскаго уѣзда и во всемъ Бакинскомъ, куда Таты были переселяемы, по всей вѣроятности, Сассанидами. Пока члены экспедиціи дѣлали поѣздки по Астрабадской провинціи съ цѣлью ученаго осмотра значительной части этого интереснаго берега Каспійскаго моря, Ханыковъ отправился по желанію шаха въ Тегеранъ, и принятый имъ весьма милостиво, получилъ отъ персидскихъ министровъ самыя горячія рекомендаціи къ хорассанскимъ властямъ.

Соединившись со спутниками своими въ Шахрудѣ въ послѣднихъ числахъ мая, Ханыковъ 6-го іюня выступилъ въ дальнѣйшій путь. Экспедиція отправилась подъ прикрытіемъ пушки и 150 человѣкъ конницы, съ огромнымъ караваномъ молельщиковъ, состоявшимъ изъ 2,000 человѣкъ. 24-го числа того же мѣсяца она благополучно прибыла въ Мешхедъ, священный городъ Персіанъ, и расположилась здѣсь на семь недѣль, во время которыхъ путешественники снова дѣлали разъѣзды по прилежащей мѣстности. Съ своей стороны, Ханыковъ осмотрѣлъ до 29-ти памятниковъ, болѣе или менѣе невѣрно описанныхъ прежними путешественниками, собралъ свѣдѣнія о діалектахъ персидскаго языка и объ особенностяхъ племенъ, обитающихъ въ этой сѣверной части Хорассана. Наконецъ, 15-го августа экспедиція выступила изъ Мешхеда и 23-го прибыла въ Турбети-Шейхи-Джамъ, гдѣ ей пришлось дожидаться высланнаго ей на встрѣчу авганскаго конвоя. По прибытіи послѣдняго путешественники отправились далѣе и 3-го сентября были уже въ Хератѣ. На этомъ пути Ханыковъ обратилъ особенное вниманіе на изученіе племени Хезарэ, составляющаго преобладающее населеніе отъ Мешхеда до Херата и далѣе до Кабула. „Монгольскій типъ ихъ лица и чисто персидскій языкъ, которымъ они говорятъ, ставили меня“, замѣчаетъ Ханыковъ,—„въ большое затрудненіе пріурочить ихъ къ какому-либо извѣстному племени; но изъ разговоровъ съ ихъ старѣйшинами оказалось, что они ничто

иное, какъ отдѣленіе Узбековъ, Берласъ, кочевавшее во время Тимура близъ Кама или Шехри-Сябза... Только малочисленностью ихъ среди сильныхъ племенъ, говорящихъ по персидски, можно объяснить странный для Турецкаго племени этнографическій фактъ—совершенную утрату ими своего роднаго языка и замѣну его персидскимъ. Вообще здѣсь, у подошвы Хинду-Куша и на границѣ первой встрѣчи Иранскихъ племенъ съ Индійскими и Турецкими, надо быть чрезвычайно осторожнымъ для опредѣленія отдѣльныхъ племенъ или отдѣльныхъ народностей"...

Въ Хератѣ экспедиція сдѣлала снова продолжительный привалъ, и члены ея снова разсыпались по окрестной области, при чемъ самъ Ханыковъ осмотрѣлъ восточную часть Хератскаго владѣнія, по коей пролегаетъ прямая горная дорога въ Кабулъ, описанная султаномъ Баберомъ, посѣтилъ деревню Роузебагъ, въ которой покоятся остатки двухъ владѣтелей Херата—Шахъ-Махмуда и его сына Шахъ-Камрана, копи бѣлаго мрамора, доставившія матеріалъ для возведенія многочисленныхъ памятниковъ Гезеръ-гаха, городъ Обе съ его горячими источниками, и городъ Керрухъ, средоточіе кочеваго персидскаго племени Джемшиди, до тѣхъ поръ посѣщенный только Англичаниномъ Стоддартомъ въ 1839 году. По возвращеніи въ Хератъ Ханыковъ имѣлъ случай собрать значительное количество авганскихъ и персидскихъ манускриптовъ, списалъ всѣ интересныя въ историческомъ отношеніи надписи въ окрестностяхъ Херата, особенно замѣчательныя по богатству хронологическихъ фактовъ, позволяющихъ во многомъ исправить довольно сбивчивую хронологію династіи Тимуридовъ, и добылъ копіи съ юридическихъ актовъ, способныхъ разъяснить особенности монгольской администраціи. Въ Хератѣ застала путешественниковъ зима, и только 30-го января 1859 года могли они двинуться въ обратный путь. Имъ предстояло три дороги для возврата: либо обыкновенная караванная дорога на Мешхедъ, либо таковая же чрезъ Тебесъ, либо чрезъ сѣверный Сеистанъ, южный Хорассанъ и Карманъ. Избрана была послѣдняя, до тѣхъ поръ не пройденная ни однимъ Европейцемъ. Экспедиція прошла чрезъ Себзаръ, Лашъ и Нихъ. Приготовленія для перехода чрезъ безводную пустыню Лютъ нѣсколько задержали экспедицію въ Нихѣ и затѣмъ въ Серичахѣ. Впрочемъ, переходъ этотъ совершился благополучно въ три дня, и затѣмъ экспедиція прибыла 26-го марта въ селеніе Хабисъ, гдѣ ея маршрутъ совпалъ съ маршрутомъ бывшаго въ этихъ мѣстахъ англійскаго путешественника Аббота. Затѣмъ 2-го апрѣля экспе-

диція прибыла въ Кирманъ, и здѣсь члены ея раздѣлились: одни поспѣшили въ Россію, а другіе, и въ томъ числѣ Ханыковъ, чрезъ Іездъ и Испагань направились въ Тегеранъ, гдѣ, собственно говоря, и окончились занятія экспедиціи. Изъ Тегерана Ханыковъ прибылъ въ русскіе предѣлы чрезъ Нахичевань.

Общіе результаты, достигнутые экспедиціей, были не маловажны: изслѣдованія ея обняли значительную часть азіатскаго материка въ 10 градусовъ по меридіану и въ 13 градусовъ по паралели и пріобрѣли для географіи вѣрное очертаніе какъ на сѣти астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, такъ и на непрерывной сѣти треугольниковъ, начавшейся у Астрабада и доведенной до нашей границы съ Персіей на Араксѣ; собрано было большое количество тригонометрическихъ и барометрическихъ измѣреній, съ точностью опредѣляющихъ профиль сказаннаго пространства; болѣе, чѣмъ въ 30 пунктахъ опредѣлены были на немъ магнитныя координаты и напряженіе силы земнаго магнетизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ, произведены точныя наблюденія, позволяющія довольно вѣрно характеризовать климатъ этой части Азіи; собрано было до 2000 видовъ растеній, богатыя коллекціи животныхъ и 43 ящика образцовъ водъ, солей и горныхъ породъ пройденныхъ мѣстностей; наконецъ, весь край подвергся подробному археологическому обзору и собраны были значительныя свѣдѣнія о племенномъ составѣ его населенія.

Къ сожалѣнію, труды отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ составъ экспедиціи, не были въ свое время собраны въ одномъ изданіи, и нѣкоторые изъ нихъ весьма долго не появлялись въ печати. Что касается самого Ханыкова, то имъ самимъ собранныя свѣдѣнія и наблюденія обработаны главнымъ образомъ въ двухъ сочиненіяхъ: 1) Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale (P. 1862), и 2) Mémoire sur l'ethnographie de la Perse (P. 1866). Кромѣ того, появилось нѣсколько болѣе мелкихъ сообщеній его по тѣмъ же матеріаламъ; изъ нихъ упомянемъ въ особенности статью: „Méched, la ville sainte et son territoire", помѣщенную въ журналѣ Le Tour du Monde 1861 года, и брошюру: „Lettre à M. Reinaud sur un plan archéologique de Hérat". Въ первомъ изъ двухъ названныхъ выше большихъ сочиненій изложены собственно географическіе результаты экспедиціи. Для точнѣйшаго обозначенія того, что ею добыто для науки, Ханыковъ подробно разобралъ въ своемъ мемуарѣ тѣ произведенія географической литературы о Хорассанѣ, западномъ Авганистанѣ и южной Персіи, которыя содержали въ себѣ что-либо преимущественно спо-

собствовавшее къ уясненію нашихъ понятій объ этой части азіатскаго материка. Такимъ образомъ обзоръ этотъ хотя и не содержитъ въ себѣ полнаго перечня всего, чтò писано о Хорассанѣ и западномъ Авганистанѣ, но представляетъ подробную картину постепеннаго развитія точныхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ. Изъ розысканій Ханыкова оказалось, что, вопервыхъ, французскіе изслѣдователи сообщили первыя точныя свѣдѣнія о западной части вышеозначеннаго пространства азіатскаго материка; что, вовторыхъ, англійскіе путешественники ранѣе другихъ дали нѣсколько точное понятіе о восточной части этого пространства, и что наконецъ, втретьихъ русскому путешественнику 1839 г. Лемму безспорно принадлежитъ честь укрѣпленія всѣхъ этихъ данныхъ на прочныхъ основахъ — многочисленныхъ и хорошо опредѣленныхъ астрономическихъ пунктахъ. Послѣ этого предварительнаго обзора Ханыковъ переходитъ къ описанію южной части Средней Азіи на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій. Обозначивъ въ короткихъ словахъ особенности сѣверной границы этого пространства, то-есть, южнаго побережья Каспійскаго моря, онъ описываетъ движеніе экспедиціи къ Херату и собственную свою поѣздку въ верхнюю, до того времени не изслѣдованную долину Херируди и притомъ сообщаетъ много подробностей о физическихъ свойствахъ ея сѣверо-восточной окраины. Упомянувъ о путешествіи профессора Бунге, съ большею частью членовъ экспедиціи, для изслѣдованія внутренней части Хорассана, Ханыковъ излагаетъ по собственнымъ наблюденіямъ топографію и главныя особенности физическаго характера южной и юго-западной окраинъ изслѣдованной имъ мѣстности. Тутъ сдѣлано болѣе точное географическое разграниченіе разныхъ мѣстностей, прежде весьма мало извѣстныхъ, разъясненъ истинный характеръ песчаной пустыни этой части Азіи, одной изъ самыхъ безплодныхъ поверхностей нашей планеты, указанъ горный кряжъ, прорѣзывающій всю Персію отъ береговъ Персидскаго залива до огромныхъ хребтовъ Адербейджана, и изображено наконецъ, вліяніе этого хребта на особенности странъ, лежащихъ къ западу и востоку отъ него, и вліяніе внутренней пустыни Хорассана на климатъ окрестныхъ областей.

Мемуаръ объ этнографіи Персіи представилъ для автора болѣе трудностей. Приступивъ къ разработкѣ собраннаго матеріала, Ханыковъ вскорѣ убѣдился въ невозможности ограничиться однимъ Хорассаномъ для яснаго изложенія свойствъ и особенностей населенія этой области, и въ необходимости изученія этнографическихъ вопросовъ Персіи на всемъ пространствѣ, занятомъ Иранскимъ племенемъ. Въ

окончательномъ своемъ видѣ это изслѣдованіе Ханыкова должно было заключать въ себѣ слѣдующія части: Глава I: Отличительные признаки Иранской расы — физическіе, нравственные и филологическіе. Глава II: Физическій очеркъ страны, занятой Иранскимъ племенемъ. Глава III: Списокъ племенъ, населяющихъ Персію и этнографическая характеристика населеній, окружающихъ Иранское племя (національности переходныя). Глава IV: Сравненіе сохранившихся изъ древности списковъ племенъ, населявшихъ Персію и доказательства въ пользу мнѣнія о неизмѣнностимѣстъ обитанія, этихъ племенъ со времени первыхъ историческихъ свѣдѣній о нихъ.

Къ сожалѣнію, Ханыкову не удалось обработать свою задачу во всемъ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ она была имъ предположена и очерчена выше съ его собственныхъ словъ (см. Записки Имп. Р. Геогр. Общества 1873 г., кн. III, отд. I, стр. 42 и слѣд.). Его мемуаръ заключаетъ въ себѣ обзоръ только физическихъ особенностей Иранскаго племени въ связи съ опредѣленіемъ мѣстности его древнѣйшаго пребыванія. Мы однако не будемъ входить въ подробное изложеніе выводовъ, представленныхъ имъ въ этомъ сочиненіи и затѣмъ изустно изложенныхъ, какъ въ Парижскомъ географическомъ обществѣ, такъ и въ общемъ собраніи Русскаго Географическаго Общества (5-го февраля 1863 года); но вмѣсто того, приведемъ собственныя слова Ханыкова изъ одной составленной имъ записки, поданной въ 1863 году въ министерство народнаго просвѣщенія, въ которой онъ, излагая ходъ своихъ занятій, представляетъ свой взглядъ на задачи этнографической науки въ примѣненіи къ Иранскому племени:

„Было время, и даже не очень отдаленное, когда этнографія, едва отдѣлившаяся отъ прочихъ вспомогательныхъ наукъ, считала своимъ достояніемъ всякій фактъ внѣшней и внутренней жизни народа и безъ особаго разбора лѣпила изъ нихъ свои мозаическія описанія разныхъ отдѣловъ человѣчества. Всѣ случайно собранныя замѣтки о строеніи тѣла, цвѣтѣ кожи, глазъ и волосъ, объ одеждѣ, привычкахъ и умственной дѣятельности разныхъ племенъ считались равно примѣнимыми къ дѣлу, а оттого и путешественники не знали—на что имъ обращать вниманіе, и этнографическіе факты росли безпорядочно и медленно. Большое сочиненіе Притчарда есть самый полный образчикъ этнографіи въ этомъ видѣ. Но серьезное и строго послѣдовательное направленіе новой науки вскорѣ обнаружило всю безполезность подобнаго рода описаній. Этнографы поняли, что, напримѣръ,

форма носа большинства представителей какого-нибудь племени и форма употребляемой имъ зубочистки не одинаково важны для научныхъ выводовъ, и стали искать тѣхъ именно признаковъ, на которыхъ можно было бы незыблемо и безошибочно основать классификацію различныхъ отраслей обширнаго человѣческаго рода или царства, какъ его называлъ покойный Жоффруа. Методъ, исключительно принятый въ зоологіи при описаніи отдѣльныхъ родовъ и видовъ царства животнаго, къ которому естественно прежде всего прибѣгли, оказался недостаточнымъ. Человѣкъ—одинъ въ цѣломъ твореніи — одаренъ органическимъ словомъ, помощью коего онъ не только вѣрно и ясно передаетъ свои впечатлѣнія, но и сообщается съ отдаленнымъ потомствомъ—либо помощью изустныхъ преданій, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, либо, закрѣпляя, такъ сказать, звуки письменами и оставляя, такимъ образомъ, неопровержимое свидѣтельство своего мимоходнаго существованія на землѣ. Эта особенность человѣческой природы сдѣлала невозможнымъ для этнографа не присоединить къ методу зоологическому методъ филологическій и оставить безъ вниманія такое важное пособіе для правильнаго раздѣленія племенъ человѣческихъ. Открытіе сокровищъ санскритскаго языка, разъясненіе сродства его почти со всѣми языками Европы, сличеніе грамматическихъ формъ этихъ языковъ съ языками семитическими и туранскими указали, что филологія представляетъ такое могущественное орудіе для этнографическихъ изысканій, что собственно для классификаціи отдѣльныхъ племенъ рода человѣческаго языкознаніе опередило заслуги морфологіи и біологіи. Наконецъ, и исторія заявила свои права на участіе въ этнографической классификаціи. Ренанъ, въ „Исторіи семитическихъ языковъ", первый, сколько мнѣ кажется, обратилъ вниманіе на то, что въ извѣстныхъ племенахъ, достигшихъ нѣкотораго развитія, чисто духовная, а равно и политическая жизнь, представляютъ постоянно повторяющіяся явленія, свойственныя только этимъ племенамъ и совершенно не зависящія отъ внѣшнихъ причинъ, и что такимъ образомъ эти явленія столько же способны служить признакомъ отличія одного племени отъ другаго, какъ и внѣшнія, и внутреннія особенности ихъ тѣла. Это ясное сознаніе тройственности пути, ведущаго къ одной и той же цѣли, къ удобному и строгому разграниченію различныхъ отраслей человѣчества, значительно подвинуло науку впередъ. Естествоиспытатели стали доискиваться—почему физическіе признаки даютъ гораздо менѣе этнографическихъ отдѣловъ, чѣмъ число таковыхъ, получаемое путемъ филологическимъ,

и нашли, что причина этому заключается въ слишкомъ большой общности принятыхъ ими признаковъ. Морфологическое изученіе различныхъ частей тѣла человѣческаго въ отдѣльныхъ племенахъ получило большее развитіе, въ особенности же изслѣдованія череповъ привели къ заключенію, что своеобразныя очертанія этого высшаго и послѣдняго позвонка нашего скелета даютъ возможность примѣнить его, преимущественно предъ всѣми другими частями костяной основы человѣка, къ классификаціи различныхъ отдѣловъ царства человѣческаго, даже съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ думалъ это основатель краніологическаго метода, знаменитый Блуменбахъ, и первые его послѣдователи. Такимъ образомъ въ настоящее время всякое этнографическое изслѣдованіе какого-нибудь племени должно быть непремѣнно основано: на точномъ изученіи внѣшняго строенія представителей этого племени, въ особенности—на изученіи ихъ череповъ, на изслѣдованіи его языка и нарѣчій онаго, и на внимательномъ обсужденіи его прошедшаго съ цѣлью составленія нравственнаго облика племени.

„Примѣняя все это къ этнографической монографіи Иранскаго племени, мнѣ необходимо было: 1) снова внимательно прочесть все, что̀ было писано о Персіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ отъ Геродота до нашего времени, чтобы выбрать изъ этихъ книгъ все относящееся до физическаго характера Иранской расы; 2) посѣтить главнѣйшія краніологическія собранія Европы, для измѣренія череповъ народовъ, соплеменныхъ Иранцамъ; 3) разъяснить новыми изслѣдованіями исторія персидскаго языка сбивчивость понятій, установленныхъ доселѣ въ наукѣ относительно языковъ зендскаго, языка ахеменидскихъ надписей, пехлевійскаго, хузвaремскаго, языка Парсовъ, татскаго, и наконецъ, привести въ извѣстность всѣ нынѣ сохранившіяся нарѣчія персидскаго языка и опредѣлить границы ихъ топографическаго распространенія для составленія карты ихъ распредѣленія; 4) снова прослѣдить исторію Иранскаго племени и главныхъ сосѣднихъ съ нимъ племенъ Семитическаго и Туранскаго, чтобы посредствомъ сходства и отличія ихъ прошедшаго опредѣлить основныя черты нравственнаго облика Иранца.

„Мнѣ не нужно будетъ настаивать на научной важности этихъ изслѣдованій. Она очевидна сама собою. Иранское племя есть одно изъ древнѣйшихъ, сохранившихъ вблизи Европы свою самобытность. Оно пережило Ассиріянъ, Египтянъ и Финикійцевъ, и пережило ихъ, не мѣняя своего мѣста пребыванія и оставаясь подъ тѣми же кли-

матическими условіями. Сверхъ того, оно съ глубокой древности завѣщало намъ вѣрныя свидѣтельства о своемъ положеніи физическомъ и нравственномъ, и слѣдовательно, если вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ жизнь народа содѣйствуетъ измѣненію его, имѣетъ какую-нибудь важность, то нигдѣ нѣтъ болѣе удобства разъяснить его, какъ въ монографіи Иранскаго племени, такъ какъ въ ней мы можемъ обойтись безъ разбора сложнаго и почти не разрѣшимаго еще въ настоящее время вопроса о вліяніи, на измѣненіе племени, измѣнившихся дѣйствій климата и вообще всего, что̀ въ этнографіи называютъ средою (milieu). Кромѣ того, изъ всѣхъ Арійскихъ племенъ племя Иранское осталось одно въ странѣ, гдѣ — по всему вѣроятію — произошло первое разложеніе Арійцевъ на многочисленныя отрасли, заселившія Индію и Европу,—такъ что въ Иранцахъ мы можемъ надѣяться найдти первообразъ многихъ, если не всѣхъ арійскихъ народовъ, и чрезъ сличеніе ихъ отличій ближе ознакомиться съ послѣдствіями измѣненія дѣйствія среды и вліянія народныхъ помѣсей.

„Къ сожалѣнію, изъ всего этого обширнаго плана я имѣлъ возможность выполнить только первую часть. Физическое изслѣдованіе Иранскаго племени болѣе или менѣе совершенно окончено мною и представлено Парижскому географическому обществу передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа. Сообщеніе мое было принято обществомъ съ большою благосклонностью, и я тѣмъ болѣе цѣню это вниманіе, что предсѣдателемъ комитета на этотъ разъ былъ г. Катрфажъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ученыхъ этнографовъ Европы. Въ краткихъ словахъ результаты, достигнутые мною въ этомъ изслѣдованіи, слѣдующіе: 1) Колыбель Иранскаго племени надобно искать въ восточной части нынѣшней Персіи. 2) Древнѣйшій типъ этого племени всего лучше сохранился между Гебрами и Таджиками. 3) Измѣненіе этого типа пропорціонально силѣ и продолжительности иноплеменныхъ вліяній. 4) Разность формы череповъ Иранскаго, Семитическаго и Туранскаго племенъ установлена на значительномъ числѣ измѣреній“.

Блистательная разработка результатовъ Хорассанской экспедиціи хотя и не была доведена Ханыковымъ до полнаго окончанія, доставила ему обширную европейскую извѣстность и рядъ почетныхъ наградъ отъ иностранныхъ ученыхъ обществъ: въ засѣданіи 23-го марта 1861 г. (по новому стилю) Парижское географическое общество, по докладу извѣстнаго Вивіенъ-де-Сенъ-Мартена, присудило Николаю Владиміровичу, за его мемуаръ о южной части Средней Азіи, тогда

еще не изданный, большую золотую медаль — награду, которая со времени учрежденія своего въ 1837 году была выдана всего шесть разъ. По тому же поводу Ханыковъ былъ избранъ почетнымъ членомъ географическихъ обществъ Лондонскаго и Берлинскаго, и сверхъ того, послѣднее напечатало составленную имъ карту Азербейджана, а Парижское—оба его мемуара, относящіеся до Хорассана.

Русское Географическое Общество всего менѣе принимало участія въ обнародованіи результатовъ Хорассанской экспедиціи, и въ изданіяхъ его найдутся лишь краткія извѣстія о вызванныхъ ею трудахъ ея бывшаго начальника. Но за то Русское Географическое Общество вызвало Ханыкова на другой трудъ, который совершенно правильно можетъ быть поставленъ въ связь съ путешествіемъ его въ Хорассанъ: мы разумѣемъ переводъ на русскій языкъ той части Риттерова „Землевѣдѣнія Азіи", которая посвящена описанію Ирана. Вопросъ объ этой работѣ возбужденъ былъ въ 1865 г., а такъ какъ соотвѣтствующая часть Риттерова сочиненія вышла въ свѣтъ въ подлинникѣ еще въ 1838 г., то передача ея на русскомъ языкѣ, болѣе чѣмъ двадцать-пять лѣтъ спустя, потребовала значительныхъ дополненій къ подлиннику на основаніи новѣйшихъ географическихъ изслѣдованій. Такъ и рѣшился поступить Ханыковъ, предположивъ притомъ внести въ число этихъ дополненій нѣкоторыя еще не изданныя части своихъ хорассанскихъ работъ (какъ напримѣръ, мемуаръ о всѣхъ спискахъ областей и народовъ Ирана), и сверхъ того, пригласивъ къ участію въ изготовленіи дополнительныхъ статей извѣстнаго германскаго оріенталиста Шпигеля. Въ 1874 г. издана была первая часть русскаго перевода Риттерова „Ирана", и въ числѣ дополненій къ ней, кромѣ трехъ статей Шпигеля, мы находимъ нѣсколько статей самого Ханыкова, между которыми самыя значительныя —обширный этюдъ о Парапомизѣ (100 стр.) и очеркъ Персіи въ началѣ XV в. по описанію Клавихо (60 стр.). Кромѣ того, переводу предпослано Ханыковымъ большое и превосходное введеніе, въ которомъ онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить значеніе Риттера въ наукѣ землевѣдѣнія, и еще нѣсколько страницъ предисловія, гдѣ переводчикъ между прочимъ указываетъ на то значеніе, какое его трудъ можетъ имѣть для русскихъ востоковѣдовъ. Здѣсь Ханыковъ говоритъ: „Утвердившись, въ началѣ этого столѣтія, на Кавказскомъ перешейкѣ, Россія впервые прочнымъ образомъ коснулась почвы древняго Ирана, и долго мы только тамъ обладали мѣстами, интересовавшими человѣчество съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Перенесеніе границъ имперіи въ глубь Средней Азіи вдругъ по-

ставило насъ въ ближайшее сосѣдство съ землями, которыя я по крайней мѣрѣ считаю колыбелью Иранскаго племени. Эти два обстоятельства дѣлаютъ для насъ въ настоящее время вопросы, касающіеся иранскаго давно-прошедшаго, вопросами почти національными, и если мои и Шпигелевы примѣчанія и дополненія къ Риттеру сколько-нибудь заинтересуютъ нашихъ молодыхъ ученыхъ и направятъ проницательную пытливость ихъ къ археологіи, этнографіи и разслѣдованію персидскихъ нарѣчій береговъ Аму, Хорассана, южнаго поморья Каспія и Закавказья, цѣль моя будетъ достигнута, и я буду имѣть успокоительное убѣжденіе, что хотя нѣсколько оправдалъ лестное для меня рѣшеніе Русскаго Географическаго Общества поручить мнѣ печатаемый нынѣ переводъ".

Преждевременная кончина прервала трудъ Ханыкова надъ „Ираномъ", и приведенныя выше слова его являются какъ бы завѣтомъ, который онъ оставилъ молодому поколѣнію русскихъ оріенталистовъ.

Мы уже сказали выше, что съ начала 60-хъ годовъ Ханыковъ жилъ большею частью за границею, пріѣзжая въ Россію лишь изрѣдка и на короткіе сроки. По своему званію ученаго агента министерства народнаго просвѣщенія онъ сообщилъ послѣднему различныя свѣдѣнія о состояніи просвѣщенія и ученыхъ учрежденій въ западной Европѣ, и нѣкоторыя изъ этихъ его сообщеній были напечатаны на страницахъ нашего журнала; таковы именно — записка о дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія во Франціи въ 1862 году, замѣтки о библіотекахъ Британскаго музея, Геттингенской, Боннской и Брюссельской (Журн. Мин. Народн. Просв. 1863 и 1864 гг.) и свѣдѣнія объ арабо-французскихъ школахъ въ Алжирѣ (Журн. Мин. Народн. Просв. 1869 г.). Въ то же время, какъ оріенталистъ, пользовавшійся большою извѣстностью между европейскими учеными, онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ среди парижскихъ и лондонскихъ ученыхъ обществъ и различныхъ научныхъ съѣздовъ. Содержаніе обоихъ мемуаровъ его по поводу Хорассанской экспедиціи было прежде всего предметомъ его сообщеній въ Парижскомъ географическомъ обществѣ; въ тамошнемъ обществѣ Азіатскомъ онъ сообщалъ о мусульманскихъ надписяхъ на Кавказѣ; въ Лондонскомъ географическомъ обществѣ онъ дѣлалъ заявленія и затѣмъ въ его Proceedings полемизировалъ съ Роулинсономъ о сохранившейся въ архивѣ русскаго генеральнаго штаба рукописи неизвѣстнаго путешественника по Средней Азіи Лудвига фонъ....., отрывки изъ которой были напечатаны г. Венюковымъ. Въ 1864 г. онъ

принималъ участіе въ совѣщаніяхъ British Association въ Батѣ, а въ 1871 г. былъ представителемъ Русскаго Географическаго Общества на первомъ географическомъ конгрессѣ — въ Антверпенѣ; свѣдѣнія объ обоихъ этихъ съѣздахъ были напечатаны имъ въ изданіяхъ Географическаго Общества (см. Записки 1864 г. и Извѣстія 1871 г.). Кромѣ того, когда въ 1875 году въ Парижѣ устроивалась географическая выставка, Ханыковъ, по приглашенію Русскаго Географическаго Общества, принялъ на себя обязанности главнаго коммиссара со стороны Россіи и былъ главнымъ организаторомъ русскаго отдѣла выставки.

Такимъ образомъ, Ханыковъ, и оставаясь внѣ Россіи, дѣятельно служилъ потребностямъ ея образованія, какъ и общимъ интересамъ науки. Но за нимъ была и еще одна несомнѣнная заслуга: являясь въ разныхъ европейскихъ ученыхъ собраніяхъ и предпріятіяхъ, устраиваемыхъ съ научною цѣлью, достойнымъ представителемъ Россіи, онъ внушалъ къ себѣ общее уваженіе, какъ своими обширными и основательными познаніями, такъ и богатствомъ своего общаго образованія. Если научная важность спеціальныхъ трудовъ его по оріентализму можетъ быть вѣрно опредѣлена только знатоками дѣла, то это представительство русской образованности предъ западнымъ просвѣщеніемъ, представительство, поддержанное съ такимъ достоинствомъ и самостоятельностью, должно быть всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ оцѣнено по справедливости и навѣки ему памятно; а чтобы закрѣпить эту память, было бы желательно видѣть въ печати не только ученые труды Ханыкова, въ особенности тѣ, которые до сихъ поръ не были изданы на русскомъ языкѣ, но и собраніе его писемъ, въ которыхъ онъ судя по образцамъ, уже обнародованнымъ въ изданіяхъ Географическаго Общества и въ Вѣстникѣ Европы (1878 г., № 12), умѣлъ такъ живо и занимательно изображать умственное движеніе западной Европы и такъ мѣтко и глубокомысленно судить о разныхъ явленіяхъ современной общественной и политической жизни.

АНДРОМАХА, ТРАГЕДІЯ ЭВРИПИДА.

423 г. до Р. Х.

Эврипидъ (род. въ 480, ум. въ 409 г. до Р. Х.) — одинъ изъ трехъ славнѣйшихъ драматурговъ древней Греціи. Эсхилъ, исполненный религіознаго чувства, создавшій мистерію-трилогію, выводилъ на сцену боговъ и героевъ; Софоклъ изображаетъ людей, какими они должны быть; Эврипидъ же, какими они суть на самомъ дѣлѣ. Дѣйствующія лица трагедій Эврипида—это его современники, названные, только на основаніи преданія, именами, взятыми изъ миѳическаго времени. У Эврипида всегда одна цѣль—изобразить живыхъ людей съ ихъ страстями; а проявленіе этихъ страстей и образуетъ патетическія мѣста драмы. У него болѣе драматическаго движенія, чѣмъ у его предшественниковъ; потому Аристотель и называлъ его самымъ трагическимъ изъ поэтовъ—τραγικώτατον τῶν ποητῶν. Кромѣ того онъ болѣе своихъ предшественниковъ умѣетъ поддерживать ходъ фабулы, но только до извѣстнаго момента, гдѣ онъ до такой степени запутываетъ узелъ задуманной имъ интриги, что, пожалуй, напоминаетъ Гораціевскаго автора, который можетъ попасть

in arctum,
unde pedem proferre pudor vetet, aut operis lex.

(Hor. de arte poëtica v. 134 sq.). И вотъ тогда ему необходимъ бываетъ такъ называемый θεὸς ἀπὸ μηχανῆς (deus ex machina), разсѣкающій гордіевъ узелъ фабулы. Но и это неожиданное явленіе божества, эту неожиданную развязку, Эврипидъ умѣетъ оправдать тою мыслью,

что проявленіе воли судьбы—неожиданно (сравн. послѣдніе хоры въ „Андромахѣ", „Медеѣ", „Алцестѣ", „Вакханкахъ", „Еленѣ"). Эврипидъ—дитя своего времени: стремленія и цѣли его времени—вмѣстѣ и его стремленія и цѣли. Такъ какъ при немъ Аѳиняне любили блиставшее ложнымъ блескомъ софизмовъ и игры словъ судебное краснорѣчіе и скептицизмъ въ отношеніи древней народной религіи, уже начинавшій проявляться въ высшихъ интеллигентныхъ сферахъ тогдашняго Аѳинскаго общества, къ которому принадлежали всѣ замѣчательнѣйшіе люди того времени: то и Эврипидъ нѣсколько и софистъ (сравн. диспутъ Пелея и Менелая въ „Андромахѣ", или Менелая и Агамемнона въ „Ифигеніи въ Авлидѣ"), и скептикъ (сравн. выходки противъ Феба въ „Андромахѣ"), но не потому, чтобы онъ льстилъ толпѣ, [1]) какъ думаютъ нѣкоторые, но потому, что онъ представитель идей своего времени. Этимъ же можно объяснить часто встрѣчающіяся у него философскія сентенціи, навѣянныя ученіемъ Анаксагора и Сократа.

Эврипидъ написалъ до 100 трагедій; но до насъ дошли только 18, изъ которыхъ „Андромаха", данная на Аѳинскомъ театрѣ въ 423 г. до Р. Х. (олимп. 89, 2.), представляетъ собою весьма замѣчательное литературное произведеніе, особенно по намекамъ на тогдашнія враждебныя отношенія Аѳинянъ къ Спартанцамъ: трагедія представлена была въ самый разгаръ Пелопонезской войны, когда Клеонъ вмѣстѣ съ Никіемъ управлялъ Аѳинскою республикой (сравн. 3-й хоръ въ „Андромахѣ"), и вскорѣ послѣ того, какъ Спартанскій царь Вразидъ нарушилъ перемиріе, заключенное между воюющими сторонами, вторгнувшись во Ѳракійскій Херсонесъ и завладѣвъ городами, дружественными съ Аѳинянами (423 г. до Р. Х.; сравн. Thucid. IV. 122 и 123). Вотъ почему Андромаха у Эврипида, слѣдуя общему голосу тогдашнихъ Аѳинянъ, порицаетъ спартанскую правду, обращаясь къ спартанскому царю Менелаю. Всякое замѣчательное произведеніе литературы должно быть отголоскомъ эпохи, къ которой оно относится. И Андромаху Эврипида должно отнести къ этому роду литературныхъ произведеній, отмѣченныхъ печатью современнаго народнаго движенія,—къ разряду піесъ съ политическимъ оттѣнкомъ.

Но обратимся къ самой трагедіи. Она называется по имени главной героини, Андромахи, симпатичный первообразъ которой изображенъ Гомеромъ въ Иліадѣ. Она нѣжно любитъ своего супруга Гек-

[1]) Сравн. прим. къ «Андромахѣ» 112.

тора; она—нѣжная мать—полный женственности обликъ Гомеровской Андромахи. Такъ, когда Гекторъ, отправляясь въ бой, встрѣчаетъ супругу съ сыномъ Астіанаксомъ у Скейской богини, и приласкавъ сына, прощается съ нею,

Пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая [1])

или когда Гекторъ былъ уже убитъ Ахилломъ:

Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся и челнокъ изъ руки на помостъ уронила;
Встала, изъ терема бросилась, будто Менада,
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы слѣдомъ;
Быстро на башню взошла, и сквозь сонмъ пролетѣвши народный,
Стала, со стѣнъ оглянулась кругомъ, и его увидала
Тѣло, влачимое въ прахѣ: безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ.
Темная ночь Андромахины ясныя очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, духъ испустила.
Спала съ нея и далеко разсыпались пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть, и прекрасно плетеныя тесмы;
Спали и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты...
Вкругъ Андромахи невѣстки ея и золовки толпятся.
Бѣдную долго держали, казалось, убитую скорбью
Въ чувство пришедши она, и дыханіе въ персяхъ собравши,
Горько навзрыдъ зарыдала [2])

или, когда привозятъ тѣло Гектора

Первая плачъ подняла Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубійцы руками главу обнимая:
«Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! Рано вдовою
«Въ домѣ меня покидаешь! А сынъ безсловесный младенецъ,
«Сынъ, которому жизнь, злополучные, мы даровали!
«Онъ не достигнетъ юности! Прежде во прахъ съ основаній
«Троя разсыплется: палъ ты хранитель ея неусыпный,
«Ты боронитель и града, защитникъ женъ и младенцевъ!
«Скоро въ неволю они на судахъ повлекутся глубокихъ;
«Съ ними и я неизбѣжно; и ты, мое бѣдное чадо,
«Вмѣстѣ со мною; и тамъ, изнуряясь въ работахъ позорныхъ,
«Будешь служить властелину суровому; или Данаецъ
«За руку схватитъ тебя, и съ башни ударитъ о землю,
«Мстящій за трату плачевную брата, отца, или сына,
«Гекторомъ въ битвахъ сраженнаго: много могучихъ Данаевъ,
«Много подъ Гектора дланью глодало кровавую землю...

---

[1]) Иліада, пѣснь VI, 495—496, пер. Гнѣдича.
[2]) Иліада, пѣснь XXII. 447—476.

«Плачъ, несказанную горесть нанесъ ты родителямъ бѣднымъ,
«Гекторъ! Но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби!
«Съ смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезной;
«Слова не молвилъ завѣтнаго, слова, которое бъ вѣчно
«Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами».
Такъ говорила рыдая, и съ нею стонали Троянки.
Пѣснь XXIV. 723—746.

Изъ этихъ отрывковъ видно, что Гомеровская Андромаха—и нѣжная супруга, и нѣжная мать, но болѣе нѣжная супруга. У Эврипида въ двухъ его трагедіяхъ („Троянки“ и „Андромаха“) главнѣйшая черта характера Андромахи—материнская нѣжность.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ греческія дружины, предводимыя Атридами и сыномъ Ахилла Неоптолемомъ разрушили Иліонъ; уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ греческіе вожди дѣлили между собою троянскую добычу и плѣнницъ, между которыми были также женщины изъ царской семьи Пріама, и Гекуба и Андромаха; уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Андромаха досталась по жребію на долю Неоптолему, сдѣлалась рабою иноземнаго властелина, отецъ котораго, Ахиллъ, убилъ ея супруга, нѣжно любимаго ею Гектора. И вотъ она раба, она, бывшая невѣстка царя Пріама! Мало того, она принуждена была Неоптолемомъ сдѣлаться его наложницею. У нея есть сынъ отъ него—Молоссъ. На этомъ-то сынѣ и сосредоточивается ея материнская нѣжность, неразлучная съ натурой этой женщины: сынъ—единственное ея утѣшенье... Неоптолемъ женится на гордой Спартанской царевнѣ, дочери Менелая, Герміонѣ, и участь Андромахи дѣлается еще невыносимѣе. Гертіона, узнавъ о связи, существовавшей между ея супругомъ и троянскою плѣнницею, задумала умертвить ее и ея сына. Когда Неоптолемъ уѣхалъ изъ Фтіи въ Дельфы, Герміона, пользуясь его отсутствіемъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Менелаемъ, рѣшила осуществить свое преступное намѣреніе. Но Андромаху, вѣроятно, предупредили, и она скрываетъ сына, а сама спѣшитъ въ сосѣдній съ дворцемъ храмъ морской богини Тетиды: тамъ она только можетъ быть безопасна, тамъ, уважая святость храма, не могутъ умертвить ее. И вотъ она начинаетъ говорить, открывая своимъ прологомъ трагедію.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Пелей, царь Фтіотиды, въ Өессаліи, отецъ Ахилла и дѣдъ Неоптолема.
Менелай, царь Спарты.
Гермiона, дочь Менелая, супруга Неоптолема.
Орестъ, сынъ Агамемнона.
Андромаха, Троянская плѣнница, вдова Гектора.
Молоссъ, сынъ ея отъ Неоптолема.
Вѣстникъ.
Хоръ Фтіянокъ.
Служанка, Троянская плѣнница.
Кормилица Герміоны.
Тетида, одна изъ Нереидъ, морская богиня.

Дѣйствіе происходитъ въ Өессалійскомъ городѣ Фтіи, предъ входомъ во храмъ Тетиды и предъ дворцомъ Неоптолема.

АНДРОМАХА.

Краса всей Азіи, о ты, Өиванскій городъ [1]),
Откуда нѣкогда я къ царскому пришла
Пріама [2]) очагу съ приданымъ многозлатнымъ,
Невѣста Гектора, мать будущихъ дѣтей
Его, счастливая въ то время Андромаха.
А нынѣ кто изъ женъ несчастнѣе меня?
Или была когда? Я зрѣла предъ собою
Супруга Гектора, убитаго рукою
Ахилла [3]); видѣла, какъ сына моего,
Астіанакса [4]), что имѣла отъ супруга,
Низвергли Эллины съ высокихъ Трои стѣнъ,
Когда Троянскою землею завладѣли [5]).
Сама же я рабой,—хотя произошла
Отъ знатной я семьи,—рабою стала я;
Островитянину [6]) я отдана была
Неоптолему въ даръ, Троянской часть добычи.
Теперь же на землѣ во Фтіи съ Фарсаломъ [7])
Сосѣдней я живу, гдѣ нѣкогда морская

Врозь отъ людей жила, общенья избѣгая,
Тетида [8]), съ ней Пелей; въ воспоминанье ихъ
Союза брачнаго, богиню почитая,
Живущій здѣсь, въ Ѳессаліи, народъ
Сію страну Тетидиной зоветъ.
Дворцемъ же симъ Ахилловъ сынъ владѣетъ,
А между тѣмъ надъ Фарсальской страной
Пелею царствовать еще онъ позволяетъ;
У старика отнять онъ скиптра не желаетъ,
Покуда живъ старикъ. И въ этомъ же дворцѣ
Я родила Неоптолему сына [9]),
Раба его, покорная ему.
На первыхъ же порахъ, хотя я и страдала,
Надежда все-таки меня не покидала,
Что помощь я найду, пока живъ будетъ сынъ,
Защиту для себя; когда жь мой властелинъ
Женился на Лаконкѣ Герміонѣ [10])
И пренебрегъ своей рабыни ложемъ,
Жена его такъ зло преслѣдуетъ меня!
И говоритъ она, какимъ-то тайнымъ зельемъ
Я дѣлаю безплодною ее,
Я дѣлаю ее супругу ненавистной,
Вмѣсто нея хочу я домомъ управлять,
Заставить силою ее покинуть ложе,
То самое, что я невольно приняла,
Которое покинула я нынѣ.
Пусть вѣдаетъ о томъ великій Зевсъ:
Невольно я взошла на это ложе!
Но не могу ее я въ этомъ убѣдить;
Она меня желаетъ умертвить;
И Менелай отецъ содѣйствуетъ ей въ этомъ.
Теперь онъ во дворцѣ; изъ Спарты прибылъ онъ,
Чтобы сгубить меня. Смущенная отъ страха,
Въ сосѣдній со дворцемъ пришла я этотъ храмъ,
И здѣсь укрылась я; и, можемъ быть, Тетидой,
Морской богинею, хранима буду я;
Чтитъ этотъ храмъ Пелей и вся его семья,
Какъ памятникъ его союза съ Нереидой.
А сына моего въ другой я скрыла домъ,

Боясь за него, чтобы не умертвили:
Отца его здѣсь нѣтъ—не защититъ меня,
Ни сына своего; отправился онъ въ Дельфы,
Чтобъ замолить свой грѣхъ предъ Локоіемъ за то,
Что разъ, въ безуміи своемъ, за убіенье
Отца потребовалъ у Аполлона мщенья [11])
Убійцѣ. Еслибы грѣхи онъ замолилъ,
Всѣ прежніе грѣхи, и бога преклонилъ,
Да будетъ богъ къ нему хоть послѣ благосклоннымъ!

СЛУЖАНКА.

О госпожа моя! О, нѣтъ, не опасаюсь
Звать этимъ именемъ тебя, когда звала
Я такъ тебя еще и на землѣ Троянской.
Желала я добра тебѣ и твоему
Супругу Гектору, тогда еще живому.
Теперь же прихожу съ вѣстями я къ тебѣ,
Жалѣючи тебя, конечно, опасаясь,
Чтобъ не узналъ о томъ кто-либо изъ господъ —
Узнай же, госпожа: ужасное придумалъ
Царь Менелай и дочь—остерегайся ихъ.

АНДРОМАХА.

О милая раба, мнѣ равная ты нынѣ—
Царицѣ нѣкогда. О, какъ несчастна я!
Что дѣлаютъ они? Какіе снова строютъ
Мнѣ ковы? Умертвить они хотятъ меня,
Меня несчастную?

СЛУЖАНКА.

Малютку, что ты скрыла
Внѣ дома, умертвить, о бѣдная, хотятъ.

АНДРОМАХА.

О горе мнѣ! Мой сынъ! Ужель она узнала,
Гдѣ скрытъ малютка мой? Откуда жь наконецъ?
О я несчастная! Погибла я!

СЛУЖАНКА.

Не знаю.
Но знаю только, что ищетъ Менелай
Малютку твоего.

АНДРОМАХА.

О горе мнѣ! Я гибну!
О сынъ, мой сынъ, тебя поймаютъ, умертвятъ
Два коршуна. А кто отцемъ твоимъ зовется,
Еще все въ Дельфахъ онъ, далеко отъ тебя.

СЛУЖАНКА.

Я думаю, что столь несчастной не была бы,
Когда бъ онъ былъ съ тобой, теперь же лишена
Ты помощи друзей.

АНДРОМАХА.

Но нѣтъ ли о Пелеѣ
Извѣстій, что придетъ сюда?

СЛУЖАНКА.

Онъ слишкомъ старъ,
Чтобы помочь тебѣ.

АНДРОМАХА.

Къ нему я посылала,
Не разъ уже его на помощь я звала.

СЛУЖАНКА.

Ужели думаешь, что есть кому забота,
Забота объ тебѣ, изъ вѣстниковъ твоихъ?

АНДРОМАХА.

Откуда это ты?.. Не хочешь ли моею
Быть вѣстницей сама?

СЛУЖАНКА.

Какой отвѣтъ найду,
Когда я изъ дому надолго пропаду?

АНДРОМАХА.

Ты—женщина: найдешь уловокъ много [12]).

СЛУЖАНКА.

Опасно мнѣ: царица [13])—зоркій стражъ.

АНДРОМАХА.

Вотъ видишь ли? Друзей покинуть хочешь
Въ несчастьи!

СЛУЖАНКА.

Нѣтъ! Не порицай меня!
Иду я: не красна, вѣдь, жизнь рабыни;
Такъ все равно попасться мнѣ въ бѣду.

АНДРОМАХА.

И такъ иди!

(Служанка уходитъ)

А наши вопли, стоны,
Какъ и всегда, и слезы пусть теперь
Развѣемъ же по воздуху. Усладу
Мы, женщины, въ своемъ находимъ горѣ;
Намъ чувство то, конечно, врождено;
Уста, языкъ всегда его являютъ.
Притомъ меня далеко не одно,
Но многія несчастья заставляютъ
Стонать.—Гдѣ ты отечество мое?
Гдѣ ты, супругъ, давно умершій Гекторъ?
Суровая, жестокая судьба,
Сковавшая меня, и недостойно
Въ жизнь рабскую повергшая меня!
Нѣтъ, никогда и никого изъ смертныхъ
Не должно звать счастливымъ, прежде чѣмъ
Не будешь зрѣть ты день его послѣдній,
Когда сойдетъ въ обитель онъ тѣней [14]).

—

Въ Иліонъ превысокій [15]) Парисъ
Не невѣсту на брачное ложе,
Но на гибель себѣ и своимъ
Привезъ издалёка Елену.
За нее-то, о Троя, тебя
И мечемъ и огнемъ сокрушая,
Тысячекорабельный Арей [16])
Изъ Эллады прибывъ, разоряя,
Разъяренный супруга сгубилъ,
Того Гектора, что управляя
Конями, вкругъ стѣнъ волочилъ
Сынъ Тетиды морской и Пелея [17]).
Запылалъ Иліонъ... Не жалѣя,
Устремившись на берегъ морской,
И меня повлекли за собой,
Съ облеченною въ рабство главою.
Много слезъ покатилось съ лица
У меня, когда я покидала

И нашъ городъ, и ложе мое,
И Гектора, въ прахѣ супруга.
О, зачѣмъ бы мнѣ на̀ свѣтъ смотрѣть,
Мнѣ несчастной, рабѣ Герміоны,
Отъ которой обиды терпѣть
Мнѣ не разъ приходилось? Теперь же
Обнимая богиню съ мольбой,
Изливаюсь предъ нею слезами,
Будто струйки ручья, что ліютъ
Изъ скалы, пробиваясь обильно.

Хоръ Фтіянокъ.

Женщина, долго скрываешься ты во храмѣ Тетиды,
И не оставляешь его;
Фтіянки мы, но однако пришли къ тебѣ, Азіаткѣ.
О если-бъ могли мы тебѣ
Помочь въ злополучной судьбѣ,
Той судьбѣ, что тебя съ Герміоной свела въ ненавистную распрю
О несчастная! общее ложе у васъ
Съ Герміоной у сына Ахилла!

—

Участь познай ты свою, Иліонка; подумай, какая
Бѣда тебѣ можетъ грозить.
Борешься ты съ госпожею, рожденною въ Лакедемонѣ!
И какая же польза тебѣ
Изможенной пасть въ этой борьбѣ?
Образумятъ тебя властелины насильемъ.
Къ чему жь навлекаешь
Ту бѣду на себя? Избѣжать той бѣды
Ты никакъ въ состояньи не будешь.

—

Но оставь же блестящій ты храмъ
Нереиды, богини. Иди же,
И знай, что живешь на чужой сторонѣ,
Что живешь ты, рабыня, въ чужомъ городу,
Гдѣ не видишь ты никого изъ друзей.
О бѣдная, всѣхъ ты несчастнѣй!

—

Иліонка, явилась ты къ намъ достойнѣе всѣхъ сожалѣнья.
Хоть страшимся своихъ властелиновъ,

Но твоей мы судьбѣ сострадаемъ.
О, пусть внука Зевеса [18]) не знаетъ,
Что тебѣ мы желаемъ добра!

Гврміона

(выходя изъ дворца, останавливается и продолжаетъ говорить, обращаясь къ своимъ домашнимъ. На ней царскія, вышитыя золотомъ одежды; на головѣ золотой уборъ).

Блестящій мой уборъ,—утѣху золотую,—
Что обвился вкругъ головы моей,
И разноцвѣтную одежду дорогую
Мнѣ подарилъ, конечно, не Пелей
И не Ахиллъ, но изъ земли Лаконской
Даритъ мнѣ ихъ отецъ мой Менелай
Съ большимъ приданымъ вмѣстѣ: такъ мнѣ можно
Свободно говорить: таковъ вамъ мой отвѣтъ.

(Приближается къ храму Нереиды. Андромахѣ)

Ты жь плѣнница, раба, воображаешь
Изгнавши насъ, здѣсь домомъ управлять!
Отъ зелья твоего я стала ненавистна
Супругу моему, безплодна! Какъ хитеръ
У Азіатокъ умъ въ такихъ дѣлахъ [19]), я знаю:
Но ты узнай, что въ томъ тебѣ я помѣшаю.
И ни алтарь, ни храмъ не защитятъ тебя,
Не защититъ тебя домъ этотъ Нереиды.
Умрешь.—И если кто изъ смертныхъ, иль боговъ,
Изъ состраданія, спасти тебя захочетъ,
То должно все-таки униженной тебѣ—
Вмѣсто того, что ты въ былое время
Съ надменностью себя, счастливая, вела—
Умѣрить свой полетъ, припасть къ моимъ колѣнамъ,
Мести мой царскій домъ, изъ золотыхъ его
Сосудовъ орошать водою Ахелойской.
Въ какой землѣ живешь, вѣдь, ты должна же знать.
Здѣсь нѣтъ ни Гектора, а также и Пріама,
Здѣсь нѣтъ грудъ золота [20]): здѣсь Эллины живутъ.
О, до какой дошла ты степени безумья:
Ты ложе раздѣлять осмѣлилась того,
Котораго отецъ супруга твоего

Убійцей былъ! Дѣтей рождаешь отъ него!
Все племя варваровъ, какъ видно, таково!
Супругомъ дочери у нихъ отецъ бываетъ,
Сынъ матери, а братъ сестры. Не запрещаетъ
Имъ этого законъ. Друзьямъ пощады нѣтъ [21]).
Но не вводи жь у насъ такихъ порядковъ; дурно,
Когда бразды двухъ женъ въ рукахъ у одного;
Но если кто-нибудь желаетъ жить не дурно,
Одной Кипридою любуясь счастливъ онъ.

Хоръ.

Завистливъ женскій полъ и вѣчно непріязненъ
Къ соперницамъ своимъ.

Андромаха.

Ужасная судьба!
По наглости дурной у смертныхъ юный возрастъ;
Не можетъ въ юности никто правдивымъ быть.
Но я боюсь, чтобъ мнѣ не помѣшало мнѣнье
Что я раба теперь, открыто говорить,
Хотя на сторонѣ моей есть много правды.
Но если надъ тобой побѣду одержу,
Боюсь опять—самой себѣ я поврежу:
Гордящимся собой бываютъ непріятны
Правдивыя слова отъ низшихъ, чѣмъ они.
Предавъ себя на судъ, осуждена не буду.
Скажи мнѣ, юная, чего достигну я,
Разстроивъ брачный твой союзъ съ твоимъ супругомъ?
Скажи мнѣ, юная, какое бы къ тому,
Теперь я твердое имѣла бъ основанье?
Иль потому, что твой родной Лакедемонъ
Ничтожнѣе, чѣмъ нашъ погибшій Иліонъ?
Иль участь жалкая меня столь возвышаетъ?
Иль видишь ты меня свободною? Или
Я,—также, какъ и ты, гордяся юнымъ тѣломъ,
Въ разцвѣтѣ юныхъ лѣтъ, громадностью богатствъ,
Друзьями наконецъ,—изгнавъ тебя, желаю
Здѣсь домомъ управлять, рождать дѣтей рабовъ?
Ужель моихъ дѣтей допустятъ быть царями
Надъ Фтіею, когда-бъ безплодной ты была?
Но любятъ Эллины меня,—въ томъ нѣтъ сомнѣнья,—

За то, что я въ тѣни скрывалась, не была
Царицей Фригіи.
О, вовсе не отъ зелья
Противна стала ты супругу своему,
Но потому, что ты нисколько не способна
Съ привѣтомъ на устахъ въ согласіи съ нимъ жить.
Приманка же любви вѣдь въ этомъ можетъ быть.
Повѣрь, не красота супруговъ привлекаетъ,
Но добродѣтели. А ты—несносна ты!
Не разъ мы слышали: „великъ Лаконскій городъ".
Скиросъ [22]) же за ничто считаешь ты всегда.
Межь небогатыми богатствами кичишься.
Не выше для тебя Ахиллъ, чѣмъ Менелай!
Поэтому супругъ тебя и ненавидитъ.
Но женщинѣ, хотя бы даже и за злымъ
Въ супружествѣ была, такъ и тогда ей должно
Уступчивой всегда, но не надменной быть.
Когда-бъ во Θракіи, заваленной снѣгами,
Твоимъ супругомъ былъ правитель,—гдѣ одинъ
Имѣетъ много женъ,—ужели умертвила-бъ
Ты прочихъ женъ его? Поймаютъ, уличатъ
Заранѣе тебя въ ненасытимой страсти.
Конечно, гнусно то. Но если страсть сильнѣй
У насъ, чѣмъ у мужей, ее умѣрить должно.
О милый Гекторъ мой, съ тобою вмѣстѣ я
Любила женщинъ тѣхъ, когда угодно было
Кипридѣ [23]) обольщать твой умъ; не разъ тогда
Кормила грудью я рожденныхъ незаконно
Твоихъ дѣтей, чтобъ мнѣ не причинить тебѣ,
О милый Гекторъ мой, ни тѣни недовольства.
И поступая такъ, своею добротой
Къ себѣ я моего супруга привязала.
Но ты не то, что я. Какъ будто бы страшась,
Росинкѣ даже ты воздушной не позволишь
Супруга своего коснуться. Не стремись
Родившую тебя [24]) въ любви къ мужскому полу
Опередить. И знай, что должно избѣгать
Тѣмъ, у кого еще смыслъ здравый сохранился,
Дурныхъ, безнравственныхъ примѣровъ матерей.

ХОРЪ.

О госпожа моя, о, если то возможно,
Склонись на мой совѣтъ, и примирися съ ней.

ГЕРМІОНА.

Ты говоришь со мной надменно? споришь?
Какъ будто бы и вправду ты скромна,
Я-жъ не скромна!

АНДРОМАХА.

Конечно нѣтъ. Замѣтно
По словамъ твоимъ.

ГЕРМІОНА.

Пусть не живетъ во мнѣ
Твой умъ [25]), о женщина!

АНДРОМАХА.

Недавно родилась ты,
А то, что говоришь, заставитъ всѣхъ краснѣть.

ГЕРМІОНА.

Хоть ты не говоришь, однако ты вредишь.

АНДРОМАХА.

А ты? Неужель ты не будешь ревновать?

ГЕРМІОНА.

Что развѣ не вездѣ то первое у женщинъ?

АНДРОМАХА.

Да, первое, когда мы вправѣ ревновать;
Но еслижъ нѣтъ, нечестной будетъ ревность.

ГЕРМІОНА.

Но не по варварскимъ законамъ мы живемъ.

АНДРОМАХА.

Но то, что гнусно тамъ, и здѣсь, конечно, гнусно.

ГЕРМІОНА.

Хитра! Ахъ! какъ хитра! Но умереть должна.

АНДРОМАХА.

Скажи мнѣ, видишь ли ты статую Тетиды,
Что смотритъ на тебя?

ГЕРМІОНА.

Да, ненавистно ей
Отечество твое, сгубившее Ахилла.

АНДРОМАХА.

Не я, но мать твоя Елена погубила
Его.

ГЕРМІОНА.

Ужель еще ты будешь оскорблять?

АНДРОМАХА.

Теперь молчу.

ГЕРМІОНА.

Скажи, зачѣмъ пришла я къ храму?

АНДРОМАХА.

Скажу, что у тебя на столько нѣтъ ума,
На сколько слѣдуетъ.

ГЕРМІОНА

Оставишь храмъ богини?

АНДРОМАХА.

Когда бы знала я, что мнѣ не умереть;
Но если нѣтъ—его я не покину.

ГЕРМІОНА.

Умрешь! То рѣшено. И я не буду ждать,
Пока супругъ воротится.

АНДРОМАХА.

Не прежде
Отдамся я тебѣ.

ГЕРМІОНА.

Я подожгу тебя [26]).
Удобно будетъ ли, нисколько не забочусь.

АНДРОМАХА.

Ну, подожги; съ тобой разсудятъ боги насъ.

ГЕРМІОНА.

Удары тяжкіе бичей тебя заставятъ
Стонать отъ боли.

АНДРОМАХА.

Бей! и кровью обагряй —
Моею кровью — ты алтарь морской богини,
Которая тебя накажетъ, —это знай.

ГЕРМІОНА.

Отродье варваровъ, дерзка невыносимо!
Смерть не страшна тебѣ? Не долго уже ждать:
Заставлю я тебя покинуть добровольно

Убѣжище твое. Я изловлю тебя,
Но какъ, я не скажу; на дѣлѣ ты узнаешь.
Сиди же крѣпко здѣсь: но даже еслибы
Со всѣхъ сторонъ тебя, какъ статую какую,
Расплавленный свинецъ [27]), застывшій, облекалъ,
То и тогда тебя я выгоню оттуда,
Но прежде чѣмъ сюда прійдетъ Неоптолемъ,
Тотъ, на кого свои надежды возлагаешь.

(Уходитъ).

Андромаха.

Надѣюсь твердо я. Но странно жь наконецъ,
Что даже противъ змѣй свирѣпыхъ, ядовитыхъ,
Какой-то изъ боговъ намъ смертнымъ указалъ
Противуядье; но противъ того, что злѣе
Эхидны и огня, противу злой жены
Никто не изобрѣлъ еще противуядья:
Мужамъ на горе мы, на зло сотворены! [28]).

Хоръ.

Онъ — великихъ бѣдъ виновникъ,
Онъ, Зевеса, Магеи сынъ [29],
Онъ, Идейскія долины [30])
И нагорные лѣса
Посѣтившій, управляя
Колесницей трехъ богинь [31]),
Что, заспоривъ межь собою,
Кто прекраснѣй всѣхъ изъ нихъ,
Направлялися къ жилищу
Молодаго пастуха [32]).

—

Въ лѣсу, гдѣ онѣ появились,
Гдѣ жилъ тотъ пастухъ молодой,
Сошли съ колесницы, потомъ устремились
Къ источникамъ горнымъ; тамъ влагой омылись,
Блистая своей красотой.

—

Пришли къ Пріамиду [33]). И въ льстивыхъ рѣчахъ,
Въ искусныхъ, пріятныхъ для слуха,
Состязались онѣ передъ нимъ.

На бѣду же Фригійцамъ и Троѣ,
Предпочелъ онъ Киприду другимъ.

—

Лучше-бъ взоры отвратила
Его мать [34]) и не щадила
Приносящаго бѣду,
Прежде чѣмъ его послала
На вершину Иды жить.
Въ немъ Касандра [35]),
Ставъ у лавра [36])
Вредъ великій предрекала
Иліону, повторяла,
И просила,
И молила
Роковаго умертвить.

—

Но когда-бъ его мать погубила,
И тѣмъ злую бѣду отвратила,
Иліонкамъ бы рабства не знать,
И ты бы [37]) владѣла Пріама дворцами;
Эллады сыны, десять лѣтъ подъ стѣнами
Иліона бы вамъ не стоять;
Не покинуты бъ были супруги; и вамъ
Не лишиться-бъ дѣтей, старикамъ.

—

Менелай
(входитъ съ Молоссомъ).

Я сына твоего, котораго ты скрыла
Отъ дочери моей успѣлъ ужъ захватить.
Ждала ты, что спасетъ тебя изображенье
Богини, а его спасетъ, кто скрылъ его.
Сознайся, что впросакъ попала: оказалось,
Что меньше смыслишь ты, чѣмъ Менелай, жена!
И если этотъ храмъ оставить не рѣшишься,
То будетъ умерщвленъ твой сынъ вмѣсто тебя.
И такъ, подумай же, чего бъ ты пожелала:
Самой ли умереть, иль сыну твоему
Погибнуть за твою вину, что ты свершила
Передо мной самимъ и дочерью моей.

Андромаха.

О слава, слава! ты и миріады смертныхъ
Считала за ничто, ты истребила жизнь
Великую. Лишь тѣхъ я мудрыми считаю,
Кто имя славное по правдѣ пріобрѣлъ;
Но тѣхъ я мудрыми, конечно, не признаю,
Кто имя славное неправдою добылъ.
И, кажется, они случайно здравомыслятъ.
Не ты ли во главѣ отборнѣйшихъ дружинъ
Разрушилъ Иліонъ, не ты ли, малодушный?
Теперь же дочери послушавшись своей,
Недавно вышедшей изъ дѣтства, столь свирѣпо
Со мною, женщиной, несчастною рабой,
Ты борешься! Не ты, какъ я уже рѣшаю,
Не ты достоинъ былъ разрушить Иліонъ!
Блестящи, но извнѣ, на видъ хоть здравомыслятъ,
Но, въ сущности, на чернь похожи таковы,
Какъ ты, но развѣ что богаты, что, пожалуй,
Значенье важное имѣютъ... Менелай,
Положимъ, наша рѣчь окончена; убита
Твоей я дочерью, погибла отъ нея,
Не избѣжитъ она въ убійствѣ обвиненья;
Ты самъ въ глазахъ толпы, виновный вмѣстѣ съ ней,
Ты будешь осужденъ за это преступленье.
А если смерти мнѣ удастся избѣжать,
Ужели моего малютку умертвите?
Ужель его отецъ легко перенесетъ
Смерть сына своего? А трусомъ не считали
Его Троянцы, нѣтъ — не знаетъ онъ преградъ;
Достоинъ по дѣламъ Ахилла и Пелея:
Изгонитъ изъ дому онъ дочь твою: и ты,
Какъ будешь выдавать ее ты за другаго,
Что будешь говорить? Иль то, что у нея
Дурной былъ прежній мужъ, и потому рѣшилась
Бѣжать прочь отъ него, по скромности своей?
Но это будетъ ложь! Кто-жь женится на ней?
Иль дома у себя вдовою незамужней
До самой старости удержишь ты ее?
О жалкій человѣкъ! Ужели не предвидишь

Наплыва столькихъ бѣдъ? Желалъ бы, можетъ быть,
Чтобъ лучше дочь твоя терпѣла оскорбленья
Соперницъ множества, чѣмъ выслушать меня?
Изъ пустяковъ бѣдамъ не стоитъ подвергаться;
Не кстати вамъ, мужамъ, природою равняться
Намъ, женщинамъ, когда мы — злѣйшее изъ золъ [28]).
А если дочери твоей какимъ-то зельемъ
Врежу, и дѣлаю безплодною ее,
Какъ говоритъ она, то волей, не неволей,
Не думая искать защиты для себя
У алтарей боговъ, но смѣло я предстану
На судъ передъ царемъ [29]), и онъ разсудитъ насъ.
И если правда — то, не менѣе виновна
Я также и предъ нимъ, лишивъ его дѣтей.
Такъ знай, что думаю: но одного боюсь я,
Чтобъ ты за дочь свою меня не умертвилъ:
Несчастный Иліонъ ты за жену сгубилъ.

Хоръ.

Чрезмѣрна рѣчь твоя для женщины предъ мужемъ;
Границы скромности своей ты перешла.

Менелай.

Ты говоришь, моей то недостойно власти
И недостойно то Эллады. Но узнай,
Кто въ чемъ полезное находитъ, то, конечно,
Вѣдь это самое важнѣе для него,
Чѣмъ Трою взять. И я всего важнѣй считаю
Супруга сохранить для дочери моей;
Поэтому-то ей я помощь предлагаю.
Не столько важно то, что вытерпитъ жена —
Но мужа потерявъ, она теряетъ въ жизни.
Ему повелѣвать моимъ рабамъ, а намъ
Повелѣвать его рабамъ прилично: ибо
Имѣнье частное у истинныхъ друзей
Не мыслимо: у нихъ имѣнье нераздѣльно.
Но если буду ждать его, и не свершу
Задуманнаго мной, то трусомъ неразумнымъ
Я покажусь. Но встань — оставь богини храмъ.
И если ты умрешь, избавится отъ смерти

Вотъ этотъ мальчикъ; но когда услышу я
Отказъ твой умереть, то онъ тогда погибнетъ.
Его я умерщвлю: изъ двухъ васъ одному
Покинуть должно жизнь, тебѣ или ему.

Андромаха.

Ужасное ты мнѣ на выборъ предлагаешь!
Но выслушай меня: зачѣмъ ты замышляешь
Убить меня? Зачѣмъ? Какой же городъ я
Измѣной предала? Ужели умертвила
Кого я изъ дѣтей твоихъ? Иль истребила
Пожаромъ чье-нибудь жилище? Нѣтъ! о, нѣтъ!
Принуждена была насильемъ съ властелиномъ
Я вмѣстѣ жить. Но все-таки меня,
А не его ты умертвить желаешь,
Виновника всему! О главномъ забываешь —
Стремишься ты къ тому, чтобъ погубить меня.
О горе мнѣ отъ бѣдъ! О бѣдная отчизна!
Сколь недостойное терплю я! Ахъ, зачѣмъ
Мнѣ было суждено,—и безъ того несчастной, —
Мнѣ было суждено быть матерью опять,
Испытывать теперь двойное бремя бѣдствій?
О, нынѣ ль сѣтовать? Я видѣла его
Окровавленный трупъ, влекомый колесницей; [40])
Я видѣла сожженный Иліонъ
Безжалостно, когда меня, рабыню,
Влекли за волоса на Эллинскій корабль:
И только вышла я на этотъ Фтійскій берегъ,
Убійцамъ Гектора [41]) супругой стала я.
Что жь въ жизни сладкаго? Куда мнѣ обратиться?
На настоящее, иль прошлое мое?
Одно дитя осталось въ утѣшенье,—
Глазъ жизни [42]), но его убить они хотятъ.
О, нѣтъ—чтобъ для моей погибъ онъ жалкой жизни!..
О, въ томъ надежда вся, чтобы его спасти:
Безчестно будетъ мнѣ не умереть за сына!
Оставленъ мной алтарь: вамъ въ руки предаюсь.
Душите же меня! О бейте же! Въ оковы
Меня закуйте вы! Ведите же на казнь!
Дитя, я, мать твоя, въ Аидъ стремлюсь желаньемъ,

Да не погибнешь ты. И если избѣжишь
Ты смерти, вспомни же о матери, малютка,
О томъ, что вынесла передъ кончиной я;
Отцу же твоему, ласкаясь, изливаясь
Слезами, ты скажи, на что рѣшилась я.
Да, дѣти милы намъ: души въ нихъ мы не чаемъ;
Кто упрекнетъ меня, тотъ не имѣлъ дѣтей:
Хоть менѣе заботъ, но въ счастьи онъ несчастливъ.

Хоръ.

Мнѣ стало жаль тебя; несчастія людей,
Хоть будь чужіе намъ, достойны состраданья.
Но, Менелай, ты долженъ довести
До примиренья ихъ, и дочь твою и эту,
Чтобъ положить конецъ несчастіямъ ея.

Менелай
(стражѣ).

Берите же ее, вяжите крѣпко руки!
А это потому, что отъ меня теперь
Ей непріятное услышать должно будетъ,
Да, чтобъ покинула ты этотъ храмъ святой,
Придумалъ угрожать тебѣ я смертью сына,
Чѣмъ обольстилъ тебя отдаться въ руки мнѣ,
Чтобъ погубить. Такъ знай: рѣшенье неизмѣнно.
А что касается до сына твоего,
О томъ разсудитъ дочь. Да, отъ нея зависитъ,
Убить его, иль нѣтъ. Иди же въ этотъ домъ,
И научись, раба, не оскорблять словами
Людей свободныхъ.

Андромаха.

О, ты обманулъ меня!

Менелай.

Кричи объ этомъ всѣмъ; неправды не сказалъ я.

Андромаха.

Ужель у васъ, живущихъ у Еврота [42]),
Вся правда въ томъ?

Менелай.

И у Троянцевъ также
Обычай есть отмщать за оскорбленья.

АНДРОМАХА.

Ты думаешь, что боги перестали
Богами быть, карать за преступленья?

МЕНЕЛАЙ.

Перенесемъ когда случится то;
Тебя жь казню.

АНДРОМАХА.

Ужели ты рѣшишься
И этого малютку умертвить,
Изъ подъ крыла у матери похитивъ?

МЕНЕЛАЙ.

Конечно, нѣтъ; но все таки отдамъ
Его я дочери, и пусть, когда желаетъ,
То умертвитъ.

АНДРОМАХА.

О горе мнѣ! дитя
Какъ мнѣ не плакать по тебѣ?

МЕНЕЛАЙ.

Конечно.
Но вѣрная надежда ждетъ его.

АНДРОМАХА.

Всѣмъ ненавистное изъ смертныхъ поколѣнье,
Вы, Спарты жители, источникъ преступленья,
Коварная толпа, цари обмана, лжи,
Строители злодѣйствъ на гибель всей земли!
Нечистыхъ помысловъ, двусмысленныхъ, преступныхъ
Исполненъ разумъ вашъ; несправедливо вы
Въ Элладѣ счастливы [44]). Но что же между вами?
Гдѣ болѣе убійствъ [45])? На грустную корысть
Не падки ль вы? [46]) И развѣ васъ не ловятъ
На томъ, что завсегда на языкѣ одно,
А на умѣ у васъ совсѣмъ другое? [47]) Сгиньте!
А смерть мнѣ не страшна: вѣдь, я мертвецъ уже
Съ тѣхъ поръ, какъ истребленъ несчастный градъ Фригіянъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ умерщвленъ славнѣйшій мой супругъ,
Котораго копье столь часто принуждало
Тебя, покинувъ бой, бѣжать на корабли.
Теперь же предо мной, предъ женщиной, явился

Свирѣпѣйшимъ бойцемъ — грозишь ты смертью мнѣ.
Что жь, умертви меня за то, что не унижусь
До лести предъ тобой и дочерью твоей.
О, если ты великъ теперь въ Лакедемонѣ,
Могучими и мы считались въ Иліонѣ!
А если нынѣ я терплю отъ злой судьбы,
Не торжествуй: и ты подвергнуться ей можешь.

(Вмѣстѣ съ сыномъ идетъ во дворецъ; за ней Менелай и стража).

Хоръ.

Никогда я не одобрю
Многоженца, ни дѣтей,
Что онъ прижилъ, что родились
Отъ различныхъ матерей:
Вотъ источникъ всѣхъ раздоровъ,
Тяжкихъ бѣдствій для семей.
Пусть супругъ другой не знаетъ,
Пусть не дѣлитъ ложа съ ней! [48])
Два властителя не въ силахъ
Государства поддержать [49]):
Это — грузъ, двойное бремя,
Чтобъ согражданъ возмущать.
Также если два поэта
Объ одномъ и томъ-же пишутъ,
Между ними несогласье
Музы любятъ возжигать.

—

А когда порывы бури
Угрожаютъ морякамъ,
Кто бы могъ сопротивляться
Страшнымъ, бѣшенымъ волнамъ?
О, не двое-ль кормчихъ разомъ?
Не толпа ли мудрецовъ?
Нѣтъ — одинъ могучій разумъ,
Хоть не столь искусный умъ.
Власть его необходима
Въ государствѣ и въ семьѣ,

И тогда, когда желаютъ
Пользы только лишь себѣ.

—

Не такой ли умъ являетъ
Менелая дочь, царя?
Вражьей завистью горя,
Страшной яростью пылаетъ
На соперницу; желаетъ
Умертвить ее она.
Но безбожна, беззаконна
Будетъ казнь ея! Умретъ —
Но однако, Герміона,
День раскаянья придетъ.

—

Но я вижу приближенье
Дружной пары. Нѣтъ сомнѣнья:
То — они, то — мать и сынъ.
Имъ назначена сейчасъ же
Казнь. О бѣдная! Ужасно!
Бѣдный мальчикъ, ты умрешь;
Преступленія не зная
За собою, безупречный!
Ты за мать на смерть идешь.

Андромаха съ Молоссомъ, Менелай и стража.

Андромаха.

Вотъ и я. Руки связаны,
Крѣпко спутаны, окровавлены:
Въ міръ подземный меня посылаютъ.

Молоссъ.

О матерь моя,
Подъ твоимъ крыломъ я,
Я пойду туда вмѣстѣ съ тобою.

Андромаха.

Населенцы земли [50]),
Посмотрите же вы,
Вотъ несчастная жертва предъ вами.

Молоссъ.

О отецъ, поспѣши,
Приходи же скорѣй,
Приходи къ намъ на помощь обоимъ.

Андромаха.

О мой милый сынокъ,
Успокою тебя
На груди у себя.
Мертвой буду лежать
Я въ могилѣ съ тобой.

Молоссъ.

Что же будетъ со мной
И съ тобой, моя мать?

Менелай.

Явились вы сюда изъ вашихъ вражьихъ башенъ:
Теперь сойдите же въ обитель вы тѣней.
Умрете вы по двумъ различнымъ приговорамъ;
Я объ тебѣ рѣшилъ, о сынѣ дочь моя
Рѣшитъ. Воистину, великое безумье
Щадить враговъ, когда ихъ можно умертвить,
И тѣмъ избавить домъ отъ страха совершенно.

Андромаха.

О супругъ мой, супругъ!
О, зачѣмъ у меня
Ни твоей нѣтъ руки,
Ни копья твоего,
Для защиты моей,
О супругъ мой, супругъ, сынъ Пріама? [14])

Молоссъ.

Что же мнѣ говорить?
Чѣмъ мнѣ смерть отвратить?

Андромаха.

На колѣна предъ нимъ,
Властелиномъ твоимъ!
О дитя, обнимай
Ты колѣна его,
Умоляй же его!

Молоссъ
(припадая къ колѣнамъ Менелая).

Другъ, о другъ, не предай
Лютой смерти меня!

Андромаха.

Влажны очи мои;
Слезы льются ключемъ,
Что въ тѣни, не согрѣтъ
Теплымъ солнца лучемъ.
О несчастная я!

Молоссъ.

О, погубятъ меня!
Какъ избавлюсь отъ бѣдъ?

Менелай.

Ты лучше обратись къ морскимъ скаламъ и волнамъ,
Меня жь не умоляй. Своимъ опора я.
Тебя я не терплю тѣмъ болѣе, что Троей
Съ трудомъ я овладѣлъ и матерью твоей.
А такъ какъ ты ея причастенъ преступленью,
Такъ знай, что вмѣстѣ съ ней въ Аидъ и ты сойдешь.
(дѣлаетъ знакъ вести на казнь Андромаху и ея сына)

Хоръ.

Но что же вижу я? Пелея приближенье...
Хоть онъ и слишкомъ старъ, поспѣшно онъ идетъ.

Пелей.

Отвѣтьте мнѣ и вы, и ты, распорядитель
Убійства! Что у васъ? Случилось что въ дому?
Безъ разбирательства готовите здѣсь казни!
Но стой же, не спѣши убійствомъ, Менелай!
(слугѣ)
Веди жь меня скорѣй; на мѣстѣ быть намъ должно.
Желалъ бы я теперь возврата юныхъ силъ,
Теперь, иль никогда. И какъ попутный вѣтеръ
Надувши паруса, вселяетъ бодрый духъ
Въ пловцевъ... Вотъ такъ и мы. Сначала мы ободримъ
Несчастную.
(показывается; его ведетъ слуга)
Скажи, что дѣлаютъ съ тобой?
Скажи ты мнѣ, зачѣмъ и по какому праву,

Скрутивъ веревками, ведутъ они тебя
И сына твоего? Какъ будто бы овечка,
Что кормитъ своего ягненка, гибнешь ты,
Когда нѣтъ ни меня съ тобой, ни сына [52]),
Когда нѣтъ твоего съ тобою властелина.

АНДРОМАХА.

О старецъ, видишь ты, на смерть меня ведутъ
И сына моего. Къ тебѣ я посылала,
Тебя уже не разъ къ себѣ я призывала.
Конечно, знаешь ты, — ты слышалъ, можетъ быть, —
Что съ дочерью его у насъ вражда, что гибну
Я отъ нея. Теперь они меня ведутъ,
Обманомъ оторвавъ отъ алтаря богини,
Которую ты чтишь; они меня влекутъ
Неправедно, не ждутъ возврата властелина;
Узнавъ, гдѣ скрылась я, гдѣ я укрыла сына,
Невиннаго ни въ чемъ, желаютъ умертвить
Его вмѣстѣ со мной, несчастною. Молить
Должна тебя, къ твоимъ колѣнамъ припадая.
Увы! себя никакъ съ тобою не равняя,
Не смѣю я просить, касаяся твоей
Милѣйшей бороды [53]). Богами заклинаю,
Спаси меня; спаси! Иначе мы умремъ,
И наша смерть тогда для васъ позоромъ будетъ.

ПЕЛЕЙ
(стражѣ)

Веревки прочь! Повелѣваю вамъ
Освободить ей руки, или бойтесь
Вы гнѣва моего.

МЕНЕЛАЙ.

Я жь запрещаю вамъ!
Не меньше я тебя! А на нее имѣю
Я больше правъ.

ПЕЛЕЙ.

Молчи? Или затѣмъ
Прибылъ сюда чтобъ нашимъ домомъ править?
Иль властвовать надъ Спартой недовольно?

Менелай.

Я взялъ ее какъ плѣнницу, изъ Трои.

Пелей.

Неправду говоришь. Мой внукъ [54]) Неоптолемъ
Подъ Троей получилъ ее, какъ даръ почетный
За подвиги.

Менелай.

Не общее ль у насъ
Имѣнье съ нимъ? Одни и тѣ жъ имѣемъ
Права.

Пелей.

Чтобъ убивать?

Менелай.

Но знай, что никогда
Не вырвешь ты ее изъ рукъ моихъ.

Пелей.

Такъ, скиптромъ
Я голову тебѣ окровеню!

Менелай.

Коснись.
Осмѣлься подойти: тогда меня узнаешь.

Пелей.

О ты ль говоришь такъ, ты злѣйшій изъ людей,
Ты, поколѣнье злыхъ? [55]) Какое мнѣнье мужи
Имѣютъ о тебѣ, который допустилъ,
Чтобы Фригіянинъ [56]) укралъ твою супругу [57])
Изъ дому твоего, когда ты бросилъ домъ [58])
Незапертымъ, рабами нехранимымъ,
Какъ будто бы имѣлъ ты скромную жену,
Какъ будто не была она всѣхъ вѣроломнѣй?
Но можетъ ли Спартанка честной быть,
Хотя бъ она того и пожелала?
Обычью слѣдуя, бѣгутъ изъ дому вонъ
Спартанки юныя, едва прикрывши бёдра
Короткимъ пеплумомъ, чтобъ вмѣстѣ съ молодежью
И бѣгу и борьбѣ на волѣ предаваться,
И бѣгу и борьбѣ, которыхъ не терплю [59]).

Поэтому должно ли удивляться.
Что честныхъ женъ у васъ, Спартанцы, нѣтъ?
Но кстати бы спросить о томъ Елену,
Что, брачное твое покинувъ ложе,
Безстыдная, съ мужчиной молодымъ
Вѣжала за̀ море. Вотъ былъ достойный поводъ
Тебѣ собрать войска, вести на Иліонъ!
Не возбуждать войну тебѣ бы должно было:
Когда узналъ ее, съ презрѣньемъ долженъ былъ
Отвергнуть ты ее, любовнику оставить,
И даже заплатить, чтобъ никогда потомъ
Она въ твой домъ не смѣла возвращаться.
Къ несчастью не пришла тебѣ такая мысль.
Но много душъ ты погубилъ прекрасныхъ;
У дряхлыхъ матерей похитилъ ты дѣтей,
У стариковъ отцевъ ихъ храбрыхъ сыновей.
Одинъ изъ тѣхъ отцевъ — я самъ отецъ несчастный:
Кровь сына моего я вижу на тебѣ.
Одинъ, не только живъ, но даже и не раненъ,
Вернулся ты съ войны, и свой красивый мечъ
Съ собой назадъ принесъ, не обнажая даже.
О, сколько разъ я сыну моему,
Совѣтовалъ съ тобою не родниться,
И племя женщины порочной не вводить
Въ свой домъ: ибо оно окажется порочнымъ.
Женихъ, кто бъ ни былъ ты, послушайся меня:
Женись, но только лишь на дочери, рожденной
Отъ честной матери.
Еще кромѣ того
Накинулся на брата своего,
Безсмысленно ему повелѣвая
Родную дочь убить [60]). Боялся ты
Не возвратить себѣ дурной супруги!
А вотъ когда ты Троей овладѣлъ,
Когда жена въ твои попала руки,
Убить ее никакъ не захотѣлъ;
Но только лишь ты грудь ея узрѣлъ,
Отбросивъ мечь, ты принялъ поцѣлуи,
Ласкалъ ее измѣнницу-собаку [61]),

Кипридой побѣжденъ, о жалкій рабъ страстей!
Теперь еще ты въ домъ моихъ дѣтей явился;
Когда ихъ нѣтъ въ дому, ты женщинѣ грозишь,
Ты подлымъ образомъ убить ее велишь
И мальчика ея, который васъ заставитъ
Заплакать и тебя, а также дочь твою,
Хотя бъ онъ былъ и трижды незаконнымъ.
Но часто хлѣбъ, растущій на сухой
Землѣ, бывалъ гораздо изобильнѣй,
Чѣмъ на землѣ удобренной, и часто
Побочные бывали превосходнѣй
Законныхъ. Дочь свою ты уводи.
И бѣдняка какъ тестемъ, такъ и другомъ,
Но честнаго имѣть гораздо лучше,
Чѣмъ богача порочнаго. Но ты —
Ничтоженъ ты: тебя я презираю.

Хоръ.

Отъ незначительной причины возникаетъ
Великій часто споръ; но мудрый остороженъ:
Съ друзьями никогда онъ ссоры не начнетъ.

Менелай.

Зачѣмъ же говорить о старцахъ столь премудрыхъ,
Да и о тѣхъ, что мудрыми казались,
И мнѣнія которыхъ уважались?
Зачѣмъ? когда Пелей, сынъ знатнаго отца,
Мой близкій родственникъ, сказать себѣ позволилъ
Постыдныя слова для самого себя,
Для насъ позорныя! Зачѣмъ? — для чужестранки,
Которую ты долженъ былъ изгнать
За Нилъ рѣку, за Фазисъ [62]); постоянно
Ты самъ меня къ тому былъ долженъ убѣждать.
Она изъ Азіи, заваленной тѣлами
Погибшихъ Эллиновъ отъ копій и мечей [63])—
Кровь сына твоего не видишь ты на ней!
Парисъ, который былъ убійцею Ахилла,
Былъ братомъ Гектора, а Гекторъ — мужъ ея.
Однако съ ней живешь подъ кровлею одною,
Ты позволяешь ей быть за столомъ съ тобою,
Ты позволяешь ей въ твоемъ дому родить!...

О, ненавистное, о вражье поколѣнье!
Когда же о тебѣ и о себѣ самомъ
Заботясь, я хочу покончить уже съ нею,
Изъ рукъ моихъ ее желаешь вырвать ты!
Однако далѣе — и этого не стыдно
Коснуться — именно, что если дочь моя
Бездѣтной, какъ теперь, останется, а эта
Въ твоемъ дому дѣтей успѣетъ народить,
Ужель посадишь ихъ на тронѣ Фтіотиды?
Ужели варварамъ надъ Греками царить!
Еще ль безуменъ? Не я ли ненавижу
Несправедливаго? Одинъ ли ты уменъ?
Но разсуди о томъ: что еслибъ выдалъ за мужъ
Ты дочь свою, и еслибы она
Подобныя терпѣла оскорбленья,
Сидѣлъ бы да молчалъ? Не думаю. И ты,
За чужестранку ты словами оскорбляешь!
Своихъ друзей и близкихъ по родству!
У мужа и жены одно и то же право:
У ней, когда ее жестоко оскорбилъ
Супругъ, а у него, когда въ дому имѣетъ
Безстыдную жену. Но постоять съумѣетъ
За самого себя, увѣренъ въ силѣ рукъ.
Кто жь защититъ ее? — Отецъ ея и другъ.
И такъ не должно ли къ своимъ прійдти на помощь?
Ты старъ, Пелей, ты старъ: вѣдь говоря о томъ,
Что я водилъ войска, ты мнѣ же помогаешь
Гораздо болѣе, чѣмъ если бъ ты молчалъ [64]).
А что касается Елены, то богами
Ей было суждено несчастья претерпѣть;
И это самое не помогло ль Элладѣ?
Безъ опыта въ бояхъ, не вѣдая войны
До самой той поры, успѣли превратиться
Въ храбрѣйшихъ воиновъ Эллады сей сыны:
На опытѣ всему мы можемъ научиться.
А если я моей супруги не убилъ,
Когда передо мной она предстала снова,
То, разумѣется, разумно поступилъ.
И не желалъ бы я назвать братоубійцей

Тебя, Пелей, но ты братоубійцей былъ [65]).
И такъ какъ человѣкъ къ тебѣ расположенный,
Не гнѣваясь, тебѣ о томъ я говорилъ.
Сердитъ ты и болтливъ; но я предпочитаю
Предусмотрительность, болтать же не желаю.

Хоръ.

Пустыя рѣчи вамъ не лучше-ль прекратить?
Не то окажется, что оба вы неправы.

Пелей.

Къ несчастью въ Греціи обычай предурной! [66])
Лишь только воины трофеи воздвигаютъ.
Надъ трупами враговъ, какъ-бы не замѣчаютъ
Побѣдъ ихъ, ни трудовъ, и вотъ, гордясь собой,
Одинъ изъ тысячей, работавшій въ сраженьи
Не болѣ одного, но бывшій во главѣ,
Одинъ беретъ себѣ побѣды честь и славу.
И властью гордые, но сами по себѣ
Ничтожные, ведутъ себя надменно
Съ народомъ; между тѣмъ въ средѣ его
Найдутся многіе разумнѣй безконечно;
Но дерзости у нихъ и властолюбья нѣтъ—
Вотъ такъ и ты и братъ твой возгордились,
Что Трою взяли вы, войска водили тамъ;
Высоки стали вы, а между тѣмъ трудились
Другіе на войнѣ [67]), и гибли изъ за васъ.
Я докажу тебѣ, что злѣйшій врагъ Пелея
Ты самъ, а не Парисъ, когда ты съ глазъ моихъ,
И вмѣстѣ съ дочерью, сейчасъ же не исчезнешь!
А то, смотри, мой внукъ, схвативъ за волоса,
Поволочётъ её, бездѣтную, изъ дому,
Ее, которая не хочетъ дозволять
Другимъ имѣть дѣтей, сама ихъ не имѣя!
Но если же она несчастна оттого,
Что нѣтъ у ней дѣтей, то справедливо ль будетъ
Поэтому, чтобъ мы лишилися дѣтей?

(Стражѣ)

Прочь отъ нея, рабы! Я посмотрѣть желалъ бы,
Чтобъ кто-нибудь изъ васъ освободить её

Мнѣ помѣшалъ. Но встань. Дрожащими руками
Готовъ распутать я прекрѣпкіе узлы.
Но посмотри-жь ты, извергъ, изувѣчилъ
Ей руки нѣжныя. Ты думалъ, что вязалъ
Быка, иль льва? Иль ты еще боялся,
Что схватитъ мечъ она и въ бѣгство обратитъ
Тебя?.. Ко мнѣ, сюда, ко мнѣ поближе, отрокъ,
И узы матери со мною вмѣстѣ ты
Распутывай: вскормлю тебя во Фтіи —
И будешь ты врагомъ великимъ имъ,
Спартанцамъ. О, когда-бъ они военной славой
Не отличалися, то знайте, что ни въ чемъ
Другомъ они уже не могутъ отличаться.

Хоръ.

Сердиты старики; ихъ гнѣвъ неудержимъ.

Менелай.

До чрезвычайности ты склоненъ къ оскорбленьямъ.
Желанью вопреки я Фтію посѣтилъ:
Но недостойнаго не сдѣлаю, конечно,
И недостойнаго никакъ не потерплю.
Домой!—мнѣ некогда—отъ Спарты недалеко
Есть городъ [68])—Прежде онъ вражды къ намъ не питалъ,
Теперь же противъ насъ враждебно поступаетъ;
Съ войсками я иду, чтобъ наказать его,
Завоевать его. Когда же я успѣю
Исполнить то, о чемъ задумалъ я,
Сюда я возвращусь. Тогда ужь лично съ зятемъ
Моимъ я объяснюсь, услышу отъ него,
Что думаетъ о томъ. И если же накажетъ
Её Неоптолемъ, и если будетъ онъ
Ко мнѣ расположенъ по прежнему, то также
И я къ нему пребуду благосклоннымъ;
Разгнѣванный, онъ гнѣвъ мой испытаетъ,
И поступлю я съ нимъ такъ точно, какъ и онъ
Со мной поступитъ самъ. Твои же оскорбленья
Легко переношу; вѣдь ты похожъ на тѣнь;
Не властенъ ты ни въ чемъ; лишь говорить ты можешь.

(Уходитъ; за нимъ стража).

Пелей.

Иди впередъ, дитя—ты подъ моей рукой —
И ты, о бѣдная. Идите же со мной.
Подобно кораблю, избѣгнувъ страшной бури.
У насъ ты наконецъ нашла себѣ пріютъ.

Андромаха.

О старецъ, пусть даруютъ боги благо
Семьѣ твоей и самому тебѣ:
Избавилъ ты отъ лютой смерти сына,
И спасъ меня! Но остороженъ будь,
Чтобы они, въ засадѣ притаившись [69]),
Когда пойдемъ, не бросились на насъ
И силою меня не увели бы;
Вѣдь знаютъ, что ты старъ, а я слаба,
А сынъ еще дитя. Смотри, чтобъ не попались
Мы въ руки имъ опять, избавившись бѣды.

Пелей.

Не говори рѣчей мнѣ женскихъ, боязливыхъ.
Иди. Кто тронетъ васъ? Кто смѣетъ тронуть васъ,
Со стономъ тотъ умретъ: и всадниковъ толпою,
И пѣхотинцами повелѣваемъ мы,
По милости боговъ. Еще мы тверды тѣломъ;
Не столь же стары мы, какъ кажется тебѣ.
Положимъ, что я старъ; но на такого мужа
Довольно мнѣ взглянуть, чтобы торжествовать
Надъ нимъ. Но и старикъ, когда онъ добръ душою,
То многихъ молодыхъ бываетъ лучше онъ.
А трусъ—чтожъ въ томъ, что силой одаренъ?

(уводитъ Андромаху и ея сына)

Хоръ.

Желали бъ мы иль лучше не родиться,
Иль къ знатной ужь семьѣ принадлежать;
Могуществомъ не дурно заручиться:
Ибо когда придется испытать
Жизнь трудную кому-нибудь изъ знати,
О помощи молить не будетъ знать;
Сама себя съумѣетъ показать.

И ей, прославленной стоустою молвою,
И слава, и почетъ назначены судьбою;
И времени никакъ слѣда мужей
Великихъ не стереть: ихъ подвиги блестятъ
И послѣ смерти ихъ, потомству говорятъ.

—

И лучше не одерживать побѣды,
Чѣмъ одержать, чтобы потомъ вредить,
И пользуяся властью ненавистной,
Нарушивъ долгъ, несправедливымъ быть.
Хотя сперва побѣда та пріятна,
Со временемъ завянетъ, заклеймитъ
Позоромъ всю семью, куда принадлежитъ
Поправшій правду. Но, конечно, благодатна
Такая жизнь, которую хвалю,
Которой слѣдую, когда не поступаетъ
Несправедливо власть. Такую жизнь люблю:
Семья и общество тогда лишь процвѣтаютъ.

—

Эака сынъ [70]), о старецъ,—нѣтъ сомнѣнья,—
Твое копье прославило тебя:
Съ Лапитами ты побѣдилъ въ сраженьи
Центавровъ рать. Межъ Симплегадскихъ скалъ
Ты бурныя моря въ походѣ знаменитомъ
На Арго-кораблѣ переплывалъ;
Когда же Геркулесъ вокругъ стѣнъ Иліона—
Зевеса славный сынъ—Троянцевъ побивалъ,
Труды его ты вмѣстѣ раздѣлялъ;
И вмѣстѣ съ нимъ ты славою покрылся;
Потомъ сюда, въ Европу возвратился.

—

Кормилица Герміоны.

О милыя! несчастій цѣлый рядъ
Намъ въ этотъ день готовится. О, знайте,
Что госпожа моя, которую зовемъ
Мы Герміоною, покинута отцемъ,
Смущенная сознаньемъ преступленья,
Такъ какъ она рѣшалась умертвить
И Андромаху и ея малютку,

Желаетъ умереть сама, страшась супруга,
Что за дѣла ея онъ выгонитъ её
Изъ дома вонъ безчестно, или смертью
Казнитъ её за то, что умертвить
Рѣшалась тѣхъ, кого не должно было.
И вотъ рабы съ трудомъ её спасаютъ
Готовую повѣситься, и мечъ
Изъ рукъ ея поспѣшно вырываютъ:
И до того она теперь печальна,
И сознаетъ вину свою она!
Что до меня, изъ силъ я выбиваюсь,
Мѣшая ей повѣситься; вы также
Войдите во дворецъ—спасите жизнь ея!
Вѣдь новыхъ-то друзей послушаютъ, пожалуй,
Скорѣй, чѣмъ тѣхъ, съ которыми живутъ.

Хоръ.

Но во дворцѣ, мы слышимъ, раздается
Прислуги крикъ. Вотъ, кажется, сама—
Несчастная—намъ показать желаетъ
Сколь больно ей оплакивать свое
Ужасное намѣренье. Изъ дому
Бѣжитъ она, минуя рукъ прислуги,
Бѣжитъ она, желая умереть.

Гермiона.

О горе мнѣ!
Себѣ я вырву волоса, ногтями
Себѣ лице готова растерзать!

Кормилица.

Зачѣмъ, дитя? Ужель обезобразишь
Ты самое себя?

Гермiона.

Ахъ! прочь съ косы моей...
Лети по воздуху покровъ мой легкотканный!

Кормилица.

Прикрой же грудь одеждою скорѣй,
Прикрой её.

Гермiона.

Зачѣмъ же непремѣнно,

Зачѣмъ мнѣ грудь мою подъ пеплумомъ скрывать?
Не явны ли мои предъ мужемъ преступленья?

КОРМИЛИЦА.

Не потому ль печалишься, что ты
Замыслила убить соперницу?

ГЕРМІОНА.

Ужасно!
Предметомъ ужаса я стану для людей:
Меня терзаетъ мысль о вражьемъ покушеньи!

КОРМИЛИЦА.

Супругъ проститъ тебѣ за это преступленье.

ГЕРМІОНА.

Зачѣмъ ты у меня исторгла мечъ изъ рукъ?
О, милая, отдай его мнѣ—ахъ! отдай же
Имъ я убью себя. Зачѣмъ мѣшаешь мнѣ?

КОРМИЛИЦА.

Но если я тебя, безумную, покину
Безъ помощи, и ты погибнешь..,

ГЕРМІОНА.

О судьба!
Но гдѣ же мнѣ найдти то огненное пламя,
Мнѣ милое? Желала бы истлѣть!
Желала бъ я со скалъ стремглавъ летѣть,
Низвергнуться желала бъ въ бездну моря,
Быть брошенной въ лѣсахъ, ростущихъ по горамъ,
И мертвою сойдти къ подземнымъ божествамъ!

КОРМИЛИЦА.

Къ чему терзать себя? Вѣдь посланныя свыше
Несчастья не щадятъ изъ смертныхъ никого.

ГЕРМІОНА.

Покинулъ ты меня, отецъ, какъ бы на брегѣ,
Покинулъ ты корабль безъ веселъ, безъ руля.
Меня погубишь ты, погубишь ты меня:
Съ супругомъ мнѣ не жить... Нѣтъ болѣе сомнѣнья!
Какого жь божества теперь изображенье
Молящей мнѣ обнять? Иль, какъ раба,
Передъ рабой [72]) я брошусь на колѣна?
О если бы на крыльяхъ птицы мнѣ
Лазуревыхъ покинуть Фтіотиду!

О еслибъ я была тѣмъ самымъ кораблемъ,
Что первый миновалъ лазуревыя скалы! [73])

Кормилица.

Когда Троянку ты задумала сгубить,
Чрезмѣрности въ страстяхъ твоихъ я не хвалила,
Теперь опять тебя я не могу хвалить
За твой чрезмѣрный страхъ [74]). Но я уже рѣшила,
Что никогда супругъ тебя не броситъ,
Послушавшись внушеній чужестранки.
Вѣдь ты не плѣнница изъ Трои, не рабыня,
Царица ты, дочь славнаго отца;
Взята ты къ намъ съ большимъ приданнымъ вмѣстѣ
Изъ города счастливаго безмѣрно.
Отецъ же твой предать тебя не можетъ—
Не бойся же, дитя—онъ даже не допуститъ,
Чтобъ выгнали тебя. Войди же во дворецъ,
Не выходи сюда, дитя, изъ опасенья,
Чтобы не потерпѣть какого оскорбленья.

Хоръ.

Смотрите, прямо къ намъ, поспѣшно къ намъ идетъ—
Судя по внѣшности—какой-то чужеземецъ.

Орестъ.

О женщины, скажите мнѣ, не этоль
Неоптолема домъ и царскіе чертоги?

Хоръ.

Ты угадалъ; но самъ ты кто такой?

Орестъ.

Агамемнона я и Клитемнестры племя,
По имени Орестъ. Ко храму я стремлюсь,
Къ оракулу Додонскаго Зевеса [75]).
А такъ какъ я пришелъ во Фтіотиду,
То кстати мнѣ узнать, жива ли, счастлива ль
Родная мнѣ Спартанка Герміона:
Хотя её судьба далеко занесла,
Она по-прежнему намъ все-таки мила.

Герміона.

Какъ морякамъ во время страшной бури
Отраденъ портъ, завидѣнный вблизи,
Вотъ такъ и ты, о сынъ Агамемнона!..

У ногъ твоихъ!.. О, сжалься надо мной:
Ты зришь меня, гонимую судьбой.
О, сжалься надо мной! Тебя я умоляю.
И если нѣтъ въ рукахъ молитвенныхъ вѣтвей [76]),
Колѣна я твои руками обнимаю.

Орестъ.

Иль ошибаюсь я? Иль вижу предъ собой
Я Менелая дочь, царицу Фтіотиды?

Герміона.

Дѣйствительно, она сама передъ тобой,
Единственная дочь Елены-Тиндариды.
Узнай же все.

Орестъ.

О Фебъ, помощникъ намъ [77]),
Избавь её отъ бѣдъ! Но въ чемъ же дѣло?
Иль изъ боговъ, иль кто-нибудь изъ смертныхъ
Преслѣдуетъ тебя?

Герміона.

Виною бѣдъ моихъ
И я сама, и мой супругъ, и боги:
И гибель мнѣ грозитъ со всѣхъ сторонъ.

Орестъ.

Для женщины, пока еще бездѣтной,
Какое-жь бѣдствіе суровѣй можетъ быть,
Какъ не въ любви, жестоко оскорбленной?

Герміона.

Больна я отъ того. Какъ не желала я...
Но ты склонилъ меня искусно на признанье.

Орестъ.

Не любитъ ли другую твой супругъ?

Герміона.

Онъ любитъ плѣнницу, которая когда-то
Супругой Гектора была.

Орестъ.

Не хорошо
Имѣть двухъ женъ.

Герміона.

Но это справедливо—
И за себя желала я отмстить.

Орестъ.

Какъ женщина, старалась изловить
Ты женщину?

Герміона.

Её, ея ублюдка
Придумала, велѣла умертвить.

Орестъ.

И такъ, убила ихъ? иль случай ихъ избавилъ
Отъ рукъ твоихъ?

Герміона.

Ихъ спасъ старикъ Пелей,
Заботяся о нихъ.

Орестъ.

Скажи мнѣ, у тебя
Былъ кто-нибудь въ убійствѣ соучастникъ?

Герміона.

То—мой отецъ. Изъ Спарты прибылъ онъ
Для этого.

Орестъ.

Однако побѣжденъ
Рукою старика?

Герміона.

Къ стыду, конечно.
Потомъ ушелъ; меня покинулъ онъ.

Орестъ.

Все понялъ я; боишься ты супруга
За дерзкій замыселъ.

Герміона.

Да, это точно такъ.
Погубитъ онъ меня; я это заслужила.
Что уже говорить!.. Но я прошу тебя,—
Защитника родныхъ Зевеса призывая,—
Изъ этой стороны въ далекія края,
Иль въ домъ родителя ты отведи меня:
Вотъ такъ и кажется, чертоги эти гонятъ
Меня отсюда вонъ, какъ будто говорятъ;

А Фтійская земля жестоко ненавидитъ.
Что если мой супругъ, оставивъ Феба храмъ,
Гораздо прежде, чѣмъ спасти меня успѣешь,
Воротится сюда: онъ умертвитъ меня
За гнусныя дѣла, иль буду я рабыней,
Его наложницы, которой я сама,
Еще недавно такъ повелѣвала.
„Но какъ ошиблась ты?" мнѣ скажетъ кто-нибудь—
Совѣты женщинъ злыхъ меня совсѣмъ сгубили;
Внушенья ихъ мой духъ воспламенили.
Вотъ ихъ слова: „еще-ль позволишь ты,
„Чтобъ плѣнница негодная, рабыня
„Съ твоимъ супругомъ ложе раздѣляла?
„Клянуся Герою [78],) когда бы у меня
„Такая женщина въ моемъ дому жила,
„Сіяньемъ дня не долго-бъ наслаждалась!"
И рѣчи тѣхъ сиренъ выслушивала я,
Пронырливыхъ, лукавыхъ говоруней,
И заблудилась я до глупости. Къ чему
Я безпокоилась такъ много о супругѣ,
Когда желанія мои онъ исполнялъ?
Богатствами великими владѣла,
Царицею была въ чертогахъ этихъ я.
Кто знаетъ, можетъ быть, на свѣтъ произвела бы
Законныхъ сыновей; она же родила
Полурабовъ, ублюдковъ незаконныхъ.
Но никогда,—готова повторять,—
Но никогда не долженъ позволять
Разумный мужъ, чтобъ женщины входили
Къ его супругѣ въ домъ; онѣ причина бѣдъ.
Одна подкуплена, супругу развращаетъ;
Другая же, сама развратная, желаетъ
Чтобы и та была развратна вмѣстѣ съ ней.
И многія изъ нихъ такъ поступаютъ
По легкомыслію [79]). Поэтому раздоръ
Является въ семьѣ. Оберегайте
Отъ нихъ всѣ входы въ домъ, а двери на-запоръ [80]).
Хорошаго отъ нихъ не ожидайте;
Напротивъ, много бѣдъ онѣ внесутъ въ вашъ домъ.

Хоръ.

На свой же полъ жестоко нападаешь.
Прощаемъ мы тебѣ. Но женскіе пороки
Намъ, женщинамъ, не лучше-ль покрывать?

Орестъ.

Былъ мудрый человѣкъ, который указалъ намъ
Самимъ выслушивать сужденія людей
Изъ собственныхъ ихъ устъ. Вотъ изъ твоихъ рѣчей
О смутѣ въ сей семьѣ узнавъ, о вашей ссорѣ
Съ вдовою Гектора, сейчасъ я наблюдалъ,
И, слушая тебя, всё время выжидалъ,
Останешься ли здѣсь, иль въ страхѣ отъ рабыни
Изъ этого дворца желала бы уйдти.
Пришелъ же не затѣмъ, чтобы твоимъ велѣньямъ
Повиноваться мнѣ, но если-жь убѣжденье
Ты выскажешь свое покинуть этотъ домъ—
Какъ ты и сдѣлала—тогда уже, конечно,
Я уведу тебя изъ этого дворца.
По правдѣ же была и прежде ты моею;
А если съ этимъ ты живешь, то виноватъ
Отецъ твой Менелай, не твердый въ данномъ словѣ,
Который, прежде чѣмъ на Иліонъ напалъ,
Далъ въ жены мнѣ тебя, а послѣ обѣщалъ
Тебя отдать тому, который обладаетъ
Тобой теперь, какъ мужъ, когда-бъ завоевалъ
Съ нимъ вмѣстѣ Иліонъ. Когда же сынъ Ахилла
На родину пришелъ, конечно, извинялъ
Я твоему отцу, просилъ Неоптолема
Тогда жь оставить мысль жениться на тебѣ;
Я говорилъ ему о бѣдственной судьбѣ
Моей, что могъ бы я найдти себѣ супругу
Въ семьѣ столь близкой мнѣ,—въ другой же не легко
Найдти себѣ жену изгнаннику, который
Отечества бѣжитъ.—На это отвѣчалъ
Онъ оскорбленьями; меня онъ называлъ
Убійцей матери, богинь кровавыхъ видомъ
Для отомщенья мнѣ тогда онъ призывалъ.
А я униженный, въ сознаньи преступленья,
Страдалъ, да, я страдалъ; его же оскорбленья

Отъ горя перенесъ, ему не отвѣчалъ...
Жениться на тебѣ возможности лишенный,
Ушелъ съ досадою. Теперь же, такъ какъ ты
Сама несчастную судьбу претерпѣваешь,
И, впавшая въ бѣду, что дѣлать, ты не знаешь,
Иди со мной: тебя отцу я передамъ.
Вѣдь силу дивную имѣютъ узы крови [81])
И что же можетъ быть въ бѣдахъ полезнѣй намъ?
И такъ, что можетъ быть?.. Не дружба ли роднаго? [82])

Герміона.

О бракѣ же моемъ, конечно, мой отецъ
Ужъ позаботится; не мнѣ рѣшать объ этомъ.
Но уводи меня отсюда поскорѣй;
Не то застанетъ насъ супругъ мой, возвращаясь...
А то преслѣдовать насъ вздумаетъ Пелей
На скакунахъ, узнавъ, что домъ я оставляю.

Орестъ.

О томъ спокойна будь: не страшенъ намъ старикъ.
Неоптолема же нисколько ты не бойся:
Меня онъ оскорбилъ, за то—не безпокойся—
Смертельную ему готовлю западню;
Погибнетъ... но пока я втайнѣ сохраню
Намѣренье мое. Когда жь свершится дѣло,
Провѣдаетъ о немъ Дельфійская скала [83]).
Когда жь мои друзья, извѣстные оружьемъ,
Мнѣ клятвы данныя исполнятъ на землѣ
Пиѳійской, то тогда и матереубійца
Укажетъ, что ему жениться былъ не слѣдъ
На той, которая была моей невѣстой.
И на бѣду себѣ онъ мщенья за отца
Когда-то требовалъ отъ царственнаго Феба:
Раскаяньемъ потомъ себѣ онъ не помогъ,
И наказать его теперь рѣшился богъ.
Мной обвиняемый, погибнетъ онъ отъ бога;
Узнаетъ, сколь сильна моя вражда къ нему.
Вѣдь богъ враговъ своихъ жестоко истребляетъ,
И возноситься имъ душой не позволяетъ.

(Уходитъ съ Герміоной)

Хоръ.

О Фебъ-Аполлонъ, ты, который стѣнами
Укрѣпилъ Иліонъ на холму,
И ты, богъ морей, ты, что правишь конями
Надъ пучиной морской, почему,
Эніалію, богу войны, позволяя,
Чтобъ, труды вашихъ рукъ [84]) истребляя,
Ихъ безславьемъ покрылъ, почему
Вы предали Трою ему?

—

Вы же множество коней
Въ колесницы запрягали;
Вы же множество людей
Въ бой смертельный посылали.
О! не вы ль ихъ жизнь пожали
Неувѣнчанныхъ бойцевъ
Симоентскихъ [85]) береговъ?

—

Сила рока истребила
Племя царственное Ила: [86])
Отошло оно въ Аидъ.
И огонь ужь не горитъ
Въ Иліонѣ предъ богами,
Не вздымается клубами
Пламя жертвы, не дымитъ.

—

Также жертвой преступленья
Палъ Атридъ отъ рукъ жены, [87]).
А ее во искупленье
Злаго дѣла умертвили
Тѣ, кто ею рождены [88]).
Онъ, дитя Агамемнона,
Если мать онъ покаралъ,
Бога, бога повелѣнье,—
Свой родной Аргосъ покинувъ,—
Въ оправданье представлялъ! [89])
Онъ, убійца, онъ въ святыню,
Во храмъ Феба проникалъ!

Какъ ты это допускалъ,
Фебъ? О, какъ тому мнѣ вѣрить?

—

И въ станѣ у Эллиновъ жены рыдали
О несчастныхъ своихъ сыновьяхъ,
И многія жены свой домъ покидали,
Заботясь о новыхъ мужьяхъ.
Не одной же тебѣ, Герміона, отъ бѣдъ
Суждено претерпѣть, не однимъ же друзьямъ: [90])
На Элладѣ народъ даже послѣ побѣдъ
Переноситъ бѣду. По Фригійскимъ полямъ
Плодоносньимъ полямъ бороздою прошла,
Будто молнья, бѣда роковая;
Отъ Фригіянъ въ Элладу она перешла,
Смерть Аидову въ ней разсѣвая.

Пелей [91]).

Вы, жены Фтіянки, отвѣтьте на мои
Вопросы; слышалъ я,—но вѣрно ль это,—будто
Дочь Менелаева исчезла изъ дворца.
И такъ, пришелъ сюда, нарочно я съ желаньемъ
Узнать, то правда ли: въ отсутствіе друзей, [92])
Вѣдь, должно же объ нихъ заботиться домашнимъ.

Хоръ (1-я изъ хора).

Пелей, то—вѣрный слухъ; не должно мнѣ скрывать
О томъ, что мнѣ самой и очень непріятно:
Царица скрылася, бѣжала изъ дворца.

Пелей.

Чего жь страшилася?.. Но ты не все сказала.

1-я изъ хора.

При мысли о своемъ супругѣ трепетала,
Что выгонитъ ее изъ дому.

Пелей.

Не за то ль,
Что покушалася на жизнь малютки? [93]).

1-я.

Правда—
И въ страхѣ дать отвѣтъ за плѣнницу жену.

Пелей.

Съ отцемъ, иль съ кѣмъ другимъ она отсюда скрылась?

1-я.

Агамемнона сынъ увелъ ее съ собой.

Пелей.

На что жь надѣется? Жениться онъ желаетъ?

1-я.

И внука твоего задумалъ онъ убить.

Пелей.

Коварнымъ образомъ, иль явно нападая?

1-я.

При помощи Дельфійцевъ умертвить
Задумалъ онъ его во храмѣ Аполлона!

Пелей.

О ужасъ! страшно мнѣ. Пусть кто-нибудь скорѣй,
Скорѣе поспѣшитъ ко храму Аполлона,
О происшедшемъ здѣсь увѣдомитъ друзей [94]),
И пусть предупредитъ онъ смерть Неоптолема.

Вѣстникъ.

О горе, горе мнѣ! Съ какою вѣстью я —
Несчастный — прихожу къ тебѣ, къ друзьямъ царя!

Пелей.

Пророческій мой духъ чего-то ожидаетъ.

Вѣстникъ.

Нѣтъ болѣ у тебя, нѣтъ внука, о Пелей:
Онъ палъ подъ тяжкими ударами мечей,
Убитъ Дельфійцами, Микенскимъ чужестранцемъ [95]).

Хоръ.

Ахъ, старецъ! Что съ тобой?
Ободрись.

Пелей.

Я погибъ — исчезъ и голосъ мой.
Не чувствую земли я подъ собой.

Вѣстникъ.

Но выслушай меня; и если хочешь мстить
Ты за своихъ друзей, ободрись же душою.

Пелей.

Ужасный рокъ, на склонѣ дней моихъ
Меня несчастнаго преслѣдуешь жестоко!
Но какъ погибъ единственный мой внукъ?
Желаю слышать я, хоть мнѣ и больно слышать.

Вѣстникъ.

Лишь только въ славную мы Фебову страну [96])
Пришли, во время трехъ блестящихъ переходовъ
Свѣтила дня ее осматривали мы.
И подозрительнымъ намъ крайне показалось:
На сходбища, въ кружки сбирался тамъ народъ.
Агамемнона-жъ сынъ, межъ тѣмъ пройдя весь городъ,
Рѣчами вражьими Дельфійцевъ подстрекалъ;
„Смотрите вы за тѣмъ, который посѣщаетъ
„Пещеры Фебовы; онѣ полны богатствъ [97]);
„Онъ здѣсь въ другой ужь разъ; по той же все причинѣ
„Явился онъ сюда—ограбить Феба храмъ“.
И вотъ по городу прошла молва дурная;
Тревога въ городѣ, и власти собрались;
А тѣ, которые сокровища хранили,
Во храмѣ Фебовомъ отрядъ расположили:
Вооруженными былъ полонъ перистиль [98]).
Мы, взявъ съ собой овецъ, лѣсистаго Парнасса
Питомицъ, ничего не вѣдая, что тамъ
Приозошло, съ мольбой спѣшили къ алтарямъ
Съ проксенами [99], съ толпой гадателей Пиѳійскихъ [100]).
И вотъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „чего же мы,
„Мы будемъ для тебя испрашивать у бога,
„О юноша? Зачѣмъ явился ты сюда“?
А онъ имъ отвѣчалъ: „За прежній грѣхъ желаю
„Я Феба умолять, и да проститъ онъ мнѣ
„За то, что отъ него потребовалъ я мщенья
„За смерть отца“. Тогда Ореста обвиненье
За правду приняли, подумали, солгалъ,
Подумали, пришелъ съ намѣреньемъ преступнымъ
Мой господинъ. А онъ уже идетъ въ притворъ [101]),
Чтобъ предъ оракуломъ взывать въ молитвахъ къ Фебу;
Заботится ему онъ жертвы сожигать.

Вблизи же тамъ стоялъ отрядъ вооруженный,
Съ мечами на-голо, въ лавровыхъ всѣ вѣнкахъ [102]).
И Клитемнестры сынъ былъ также между ними,
Строитель дѣлъ такихъ, придумавъ ихъ одинъ.
И такъ въ виду у всѣхъ молился господинъ мой,
Не думая о томъ, что ждетъ его. Но вдругъ
Вооруженные преострыми мечами
Бросаются толпой, чтобъ умертвить его.
На немъ же не было тогда вооруженья [103]).
Удары слѣдуютъ. Казалось нѣтъ спасенья!
Но ранъ смертельныхъ нѣтъ. Онъ пятится назадъ [104]),
Смотря въ глаза врагамъ; тутъ мечъ свой обнажаетъ [105]),
Висящее съ гвоздей по портику срываетъ
Вооруженье, и предъ самымъ алтаремъ
Свирѣпѣйшимъ на видъ тогда предсталъ бойцемъ.
И громкимъ голосомъ, къ Дельфійцамъ обращаясь,
Ихъ спрашивалъ: „зачѣмъ хотите умертвить
„Меня, вступавшаго на путь благочестивый?
„И отъ какихъ причинъ погибнуть долженъ я"?
Изъ многочисленныхъ враговъ никто ни слова
Ему не отвѣчалъ, но начали бросать
Въ него каменьями. Подъ ихъ же частымъ градомъ,
Вооруженьемъ [106]) онъ себя предохранялъ
Удары тяжкіе щитомъ предупреждалъ.
Напрасно было все. И цѣлой тучей стрѣлы
И копья, дротики, и камни, и пращи,
Смертельные къ нему летѣли прямо въ ноги.
И ты увидѣлъ бы тѣ дивные скачки [107]),
Когда Неоптолемъ старался стрѣлъ избѣгнуть.
Когда же окруживъ его со всѣхъ сторонъ,
И духу перевесть ему не позволяли,
Покинувши очагъ [108]), Троянскимъ вдругъ скачкомъ [109])
Стремится онъ на нихъ: они-жь, какъ голубицы,
Завидѣвъ ястреба, пустились всѣ бѣжать,
И падали отъ ранъ; своихъ они стѣснили,
И въ узкихъ выходахъ одни другихъ давили.
Тогда зловѣщій вопль наполнилъ домъ святой,
Отозвался въ скалахъ [110]). И какъ бы въ день счастливый
Стоялъ мой господинъ, оружіемъ блестя,

Пока не раздался ужасный, страшный голосъ,
Что изъ святилища средины выходилъ,
И войска снова въ бой тотчасъ не возвратилъ.
Тутъ падаетъ мечемъ преострымъ пораженный,
Ахилловъ сынъ отъ рукъ Дельфійца одного [111]).
Когда Неоптолемъ палъ на землю, то всякій
Его мечемъ кололъ, камнями побивалъ
Вблизи и издали. И тѣло изможжили
Прекрасное они, все ранами покрыли.
Когда у алтаря лежалъ ужь мертвый онъ,
Трупъ подняли его, выбрасываютъ вонъ
Изъ храма, жертвами обильнаго. Тотчасъ же
Взявъ на руки, къ тебѣ относимъ мы его,
Да оросишь его слезами, и рыдая
Почтишь ты внука прахъ, отдавъ послѣдній долгъ.
И вотъ какъ Аполлонъ, что для другихъ пророкъ,
Что почитается судьею справедливымъ,
Молящему его за прежній грѣхъ воздалъ;
Подобно смертному, никакъ не забывалъ
Старинной онъ вражды. Его ль считать намъ мудрымъ? [112])

(Вносятъ трупъ Неоптолема).

Хоръ.

Вотъ и царь ко дворцу принесенный,
Изъ Дельфійской земли возвращенный.
О несчастный, несчастный страдалецъ!
Но несчастливъ и ты, бѣдный старецъ!
Внука въ домъ свой опять принимаешь,
Принимаешь не такъ, какъ желаешь!
Самъ ты терпишь ударъ, поразившій его,
Ты судьбу его самъ раздѣляешь.

Пелей.

Вижу я... Горе мнѣ! горе какое
Въ домъ принимаю рукою моей!
Градъ Ѳессалійскій! О горе какое!
Племени нѣтъ у меня, ни дѣтей!
Горе! къ кому обратиться не знаю.
Кто же утѣшитъ меня?

(Склоняясь надъ трупомъ Неоптолема)

Внукъ мой усопшій! тебя обнимаю.
Милыя щеки, уста!
Милыя руки! о еслибъ судьба
Подъ Иліономъ сгубила тебя! [113])

Хоръ.

Умершій онъ тогда почтенъ бы былъ прилично;
Тогда-бъ и ты Пелей, и ты бъ счастливѣй былъ.

Пелей
(надъ трупомъ Неоптолема)

Прежде чѣмъ племя супруги твоей
Смертью сразило тебя и Ахилла [114]),
О, еслибъ молнья то племя сгубила!
Племени нѣтъ у меня, ни дѣтей!

—

Еслибы ты за стрѣлу роковую,
Что поразила отца твоего [115]),
Еслибъ ты Феба за кровь пролитую
Не укорялъ, не винилъ бы его!
Еслибы духомъ смирился предъ нимъ—
Смертный—предъ богомъ твоимъ!

Хоръ.

О, начнемъ же и мы
Похоронную пѣснь
По умершемъ своемъ властелинѣ.

Пелей.

О несчастный, увы!
На печальную пѣснь
Я—несчастный—отвѣчу слезами.

Хоръ.

Это богъ присудилъ,
Это богъ поразилъ
Насъ такою жестокой бѣдою.

Пелей.

Ты покинулъ свой домъ,
Ты покинулъ меня
Старика, сиротой оставляя.

Хоръ.

Умереть, умереть тебѣ, старецъ Пелей,
Должно было бы прежде дѣтей.

Пелей.

Вырву волосы я,
И рукою моей
Поражу я себя
Во главу. О земля,
О родная земля,
Отнялъ двухъ сыновей,
Отнялъ Фебъ у меня!

Хоръ.

Ты бѣду претерпѣлъ,
Предъ очами бѣду,
Бѣдный старецъ, узрѣлъ!
Что за жизнь тебѣ будетъ въ грядущемъ!

Пелей.

Безъ дѣтей сирота,
Я не вижу конца
Всѣмъ несчастьямъ моимъ.
Истощу бездну золъ предъ кончиной.

Хоръ.

Такъ, напрасно тебя
Сами боги, любя,
Осчастливили бракомъ съ богиней [116]).

Пелей.

Все исчезло теперь,
Все пропало теперь!
Я напрасно тѣмъ бракомъ гордился

Хоръ.

И тебѣ суждено въ опустѣломъ дому,
Бѣдный старецъ, бродить одному.

Пелей.

Болѣ нѣтъ у меня
Государства! О скиптръ!
Повергаю тебя.
Погибаю совсѣмъ.
О Нереева дочь,
Изъ уютныхъ пещеръ
Посмотри на меня!

Хоръ (каждая изъ хора).

Что за трепетъ вдругъ внезапный?
О, не близко ль божество?
Молодицы, посмотрите,
Созерцайте божество:

(всѣ вмѣстѣ).

Свѣтлый воздухъ проникая,
Появляется оно
Надъ полями Фтіотиды,
Тучной паствой для коней [117]).

Тетида.

Я ради давняго съ тобой, Пелей, союза,
Покинувъ домъ отца, явилася сюда.
Постигнутый бѣдой, не мучь себя чрезмѣрно;
Тебя прежде всего я убѣждаю въ томъ.
Я также и сама, которой бы не должно
Рождать на свѣтъ дѣтей, которыхъ бы пришлось
Оплакивать, сама я видѣла смерть сына,
Ахилла, перваго Эллады всей бойца.
Зачѣмъ я здѣсь, скажу, а ты меня прислушай.
Умершаго его обратно отнеси
Къ Дельфійцамъ, къ очагу Пиѳійскому, въ храмъ Феба,
И тамъ похорони; упрекомъ вѣчнымъ пусть
Дельфійскимъ жителямъ его могила будетъ [118]),
Его, убитаго Орестовой рукой.
А что касается до плѣнной Андромахи,
Ей должно перейдти въ Молосскую страну,
Законнымъ бракомъ тамъ съ Геленомъ сочетаться; [119])
За ней послѣдуетъ и сынъ ея Молоссъ,
Одинъ оставшійся изъ племени Эака:
И цѣлый рядъ царей родится отъ него,
Со славой правящихъ Молосскою страною [120]).
Погибнуть племени не должно твоему,
Ни моему, Пелей, ни Трои поколѣнью;
Забота же о ней принадлежитъ богамъ,
Хотя разрушило ее Паллады мщенье [121]).
А чтобы ты призналъ всю цѣну моего
Съ тобою брачнаго союза, я, богиня,

Притомъ дочь божества, избавлю я тебя
Страданій, что всегда присущи человѣку,
Безсмертнымъ сдѣлаю, нетлѣннымъ божествомъ.
Отнынѣ же со мной, въ Нереевыхъ чертогахъ,
Какъ богъ съ богинею, ты вмѣстѣ будешь жить;
Оттуда выходя, изъ нѣдра водъ, увидишь
Столь дорогаго намъ Ахилла, что живетъ
На Бѣломъ острову, въ заливѣ Черноморскомъ [122]),
Иди же въ божій градъ, иди же въ Дельфы ты,
Неся умершаго; и тамъ землѣ предавши,
Оттуда возвратись, и сядь въ уютный гротъ,
Тамъ, гдѣ Сепійскій мысъ скалистый. Дожидайся, [123])
Пока не выйду я къ тебѣ изъ нѣдра водъ,
Съ толпою Нереидъ, быть спутницей твоею:
Въ чертогъ Нереевъ мы тогда сойдемъ съ тобой.
А что назначено тебѣ самой судьбой,
Ты долженъ перенесть: то Зевсово рѣшенье.
О мертвыхъ не грусти: боговъ опредѣленье
Для всѣхъ людей одно—всѣмъ должно умереть.

Пелей.

О благородная, почтенная супруга,
Прими же отъ меня привѣтъ, Нерея дочь!
Самой тебя, дѣтей, достоинъ твой поступокъ.
Тобою убѣжденъ, я укрощу печаль.
И схоронивъ его, къ пещерамъ Пеліона
Направлю путь, туда, гдѣ нѣкогда твое,
Прекрасное твое руками принялъ тѣло.
И такъ не должно ли жениться лишь на той,
Что рождена была отъ крови благородной,
И дочерей своихъ за честныхъ выдавать,
Союза брачнаго съ безчестной не желать,
Хотя бы въ домъ она богатства приносила?
Не долгъ ли мудраго такъ въ жизни поступать?
Другимъ страшна боговъ карающая сила.

Хоръ.

Воля судебъ намъ въ различныхъ является
Образахъ; многія сверхъ ожиданія
Боги свершаютъ дѣла: не сбывается
То, чего ждемъ; но что богъ указалъ,

Часто съ людьми, какъ и нынѣ, случается,
То, чего даже никто и не ждалъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) «Өиванскій городъ»—Өивы Киликійскія, столица древнѣйшаго Киликійскаго царства въ малой Азіи. Андромаха была дочь Гетіона, послѣдняго царя Киликійскаго, о чемъ Гомеръ:

Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона.
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвѣ лѣсистаго Плака,
Въ Өивахъ Плакійскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣдно-доспѣшнымъ.
(Иліада. Пѣснь VI. 395—8. Перев. Гнѣдича).

[2]) Очагъ въ семейномъ быту древнихъ имѣлъ великое значеніе: очагъ былъ эмблемою семейнаго быта. Такимъ образомъ очагъ Пріама означаетъ пріамову семью. О пріамовомъ очагѣ, въ буквальномъ смыслѣ, говоритъ Виргилій (Verg. Aen. lib. II vv. 512 sqq.). О смерти Пріама отъ руки Неоптолема тотъ же Виргилій (Aen. lib. II 550 sqq.).

[3]) Гекторъ убитъ Ахилломъ (Hom. Il. XXII).

[4]) Астіанаксъ, сынъ Гектора и Андромахи (Hom. Il.. VI).

[5]) Сравн. Eurip. Troades.

[6]) «Островитянину». Неоптолемъ, сынъ Ахилла и Деидаміи, дочери Скиросскаго царя Ликомеда, родился на островѣ Скиросѣ.

[7]) Фтія и Фарсалъ—города въ южной Өессаліи.

[8]) Тетида—одна изъ Нереидъ (дочерей Нерея, морскаго бога), морская богиня; она была выдана замужъ за Пелея, царя Фтіотиды, въ Өессаліи. Сравн. Catul. Epithalam. Pelei et Thetidos. Отъ брака Пелея и Тетиды родился Ахиллъ, отецъ Неоптолема.

[9]) Сынъ Андромахи и Неоптолема—Молоссъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи.

[10]) Герміона, дочь Менелая и Елены. Сравн. Eurip Orest. vv. 1653—5.

[11]) Но убійцей Ахилла былъ самъ Аполлонъ, направившій стрѣлу Париса въ пятку Ахилла.

[12]) Сравн. прим. 28, 35, 79.

[13]) Царица—Герміона.

[14]) Сравн. Soph. Oed. rex 1525—30. Подобная же мысль у Овидія.

Scilicet ultima semper
Expectanda dies homini, dicique beatus
Ante obitum nemo supremaque funera debet.
(Ovid. Metam. III, 135 sqq.)

[15]) «Превысокій»—относится къ высокимъ стѣнамъ Иліона.

[16]) «Тысячекорабельный Арей». Арей—богъ войны. Греки отправились подъ стѣны Трои, по свидѣтельству большей части греческихъ писателей, на тысячѣ корабляхъ. Такъ Гомеръ насчитываетъ 1186; Өукидидъ (I. 10)—1200; Эсхилъ

въ «Агамемнонѣ» v. 45—«χιλιοναύταν». У Еврипида Androm. v. 106 «ὁ χιλιόναυς Ἄρης»—«тысячекорабельный Арей».

[17]) И Гомеръ говоритъ, что Ахиллъ, убивъ Гектора, привязалъ его къ колесницѣ:

Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ; по землѣ растрепавшись,
Черныя кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Вьется, прекрасная прежде;

(Иліада перев. Гнѣдича. XXII. 400 sqq).

Но у Гомера Ахиллъ не волочетъ трупа Гектора вокругъ стѣнъ Трои, а привязавъ его къ колесницѣ, ѣдетъ отъ стѣнъ Трои къ морю—

Безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ.

(Иліада перев. Гнѣдича XXII. v. 464 sq.).

Виргилій въ Энеидѣ слѣдуетъ Эврипиду:
Ter circum Iliacos raptaverat Hectora muros.

(Aen. lib. I. 483)

[18]) Внука Зевса—Герміона, дочь Елены; Елена же была дочерью Зевса и Леды.

[19]) Намёкъ на Медею, которая славилась въ древности, какъ чародѣйка, волшебница, составлявшая различныя зелья. (Сравн. Ovid. Metam. lib. VII).

[20]) οὐδὲ χρυσοῖ (Androm. v. 169) — сравн. Eur. Troad. v. 994 sq. φρυγῶν πόλιν χρυσῷ ῥέουσαν—городъ Фригійцевъ, преизобилующій золотомъ. И Виргилій, говоря о разрушеніи дворца Пріама, прибавляетъ:

Barbarico postes auro spoliisque superbi Procubuere.

(Aen. lib. II 504 sq.)

[21]) Въ этомъ мѣстѣ Эврипидъ намекаетъ на нравы Персовъ, какъ и Эсхилъ (Eum. 186—190).

[22]) «Скиросъ»—родина Неоптолема. Сравн. прим. 6.

[23]) «Киприда»—Афродита, названная по острову Кипру, гдѣ въ древности находился ея храмъ.

[24]) Елена, мать Герміоны, по свидѣтельству древнихъ писателей, имѣла многихъ мужей. Она была женою Тезея, Менелая, Париса, Деифоба и проч.

[25]) Въ подлинникѣ (Androm. v. 237):
ὁ νοῦς ὁ σός μοι μὴ ξυνοικοίη, γύναι—пусть твой умъ не живетъ во мнѣ, о женщина!—Аристофанъ въ «лягушкахъ» пародируетъ этотъ стихъ Эврипида, именно, гдѣ Вакхъ отвѣчаетъ Геркулесу (Aristoph. Ran. v. 105), такимъ образомъ:
μὴ τὸν ἐμὸν οἴκει νοῦν, т. е. не поселись (на жительство) въ моемъ умѣ.

[26]) У древнихъ считалось величайшимъ преступленьемъ убивать тѣхъ, которые укрывались въ убѣжищѣ (какъ здѣсь укрывается Андромаха въ храмѣ Тетиды), но не считалось преступленіемъ, если предавали огню мѣсто убѣжища, вмѣстѣ съ искавшими его. Сравн. Eurip. Herc. fur. v. 243. Senec. Herc. fur. 506. Plauti Rud. III. 4.56. Mostell. V. 1.65. Turnebi Advers. IX. 12.

[27]) По свидѣтельству схоліаста пьедесталы статуй прикрѣпляли къ полу цементомъ изъ расплавленнаго свинца. Turnebus Advers. IX. 14: «Vitruvius:

ansis ferreis et plumbo frontes vinctae sunt».• И далѣе: «de illo plumbo scripsit Euripides»·

[28]) Вся эта тирада одно изъ тѣхъ мѣстъ трагедій Эврипида, на которыя указывали, какъ на доказательство такъ называемой «ненависти Эврипида къ женскому полу». Послѣдній стихъ этой тирады пародируетъ Аристофанъ (Aristoph. Thesmophor. v. 787).

[29]) Сынъ Зевса и Майи—Гермій, римскій Меркурій.

[30]) Идейскія долины въ Троадѣ; называются по горѣ Идѣ въ окрестностяхъ Трои.

[31]) Три богини: Гера (Юнона), Паллада Аѳина (Минерва) и Афродита (Венера), спорившія между собою о красотѣ и посланныя Зевсомъ къ Парису, сыну Пріама и Гекубы, который тогда пасъ стада въ долинахъ горы Иды; и тотъ долженъ былъ разрѣшить ихъ споръ.

[32]) «Молодаго пастуха»—Париса.

[33]) «Пріамиду»—сыну Пріама, Парису.

[34]) «Лучше-бъ взоры отвратила его мать»—мать Париса—Гекуба. Она, узнавъ о будущей роковой судьбѣ своего сына, именно то, что онъ, когда выростетъ, будетъ виновникомъ гибели своего отечества, Иліона, все-таки, какъ мать, пощадила его жизнь, не смотря на требованья окружающихъ умертвить его, и отослала къ пастухамъ горы Иды, пасшимъ стада въ окрестностяхъ Иліона. Эврипидъ предполагаетъ, что если бы Гекуба не пощадила своего младенца, то убила бы его, непремѣнно бросивъ его отъ себя назадъ чрезъ голову (ὑπὲρ κεφαλὰν ἔβαλεν) и отвративъ взоры, по существовавшему въ древности суевѣрному обычаю поступать такимъ образомъ съ очистительными жертвами. И Виргилій:

> Fer cineres, Amarylli, foras, rivoque fluenti
> Transque caput iace; nec respexeris. (Ecl. VIII. 192)
> Сравн. также Aesch. Choëph. v. 96:—ἀστρόφοισιν ὄμμασιν;

[35]) Касандра, дочь Пріама и Гекубы, получивъ пророческій даръ отъ Аполлона (о чемъ говоритъ сама въ «Агамемнонѣ» Эсхила v. 1202), настаивала умертвить Париса, но никто не вѣрилъ ей (о чемъ—Aesch. Agam. v. 1212). И у Эврипида Касандра просила и молила умертвить Париса, но напрасно.

[36]) Лавръ, превращенная нимфа Дафне (Ovid. Metam. I. vv. 452—567), былъ посвященъ Аполлону. По этому Касандра у Эврипида пророчествуетъ, ставъ у лавра. Виргилій также говоритъ объ этомъ лаврѣ, находившемся во дворцѣ Пріама:

> Aedibus id mediis nudoque sub aetheris axe,
> Ingens ara fuit iuxtaque veterrima laurus.
> Incumbens arae, atque umbra completa Penates.
> (Aen. lib. II 512 sqq.)

[37]) Хоръ обращается къ Андромахѣ.

[38]) Сравн. прим. 28.

[39]) «Царемъ»—Неоптолемомъ, царемъ Фтіотиды.

[40]) Сравн. прим. 17.

[41]) Хотя Неоптолемъ не былъ убійцею Гектора, но однако былъ сынъ Ахилла, убійцы Гектора. Въ сильномъ порывѣ горести, вспоминая о Гекторѣ,

Андромаха была бы даже права, еслибы считала все племя и всѣхъ родныхъ Ахилла расою убійцъ.

[42]) Текстъ: ὀφθαλμὸς βίου (v. 406)—«глазъ жизни», ея отрада, единственное ея утѣшеніе. Сынъ ея такъ дорогъ, милъ ей, такъ она дорожитъ имъ, боится потерять его, какъ дорожитъ всякій живой человѣкъ глазомъ, зрѣніемъ.

[43]) Евротъ, рѣка въ Лаконіи. Живущіе у Еврота, разумѣется, Лакедемоняне, Спартанцы.

[44]) Трагедія Эврипида «Андромаха», какъ уже сказано въ предисловіи, дана была въ 423 году до Р. Х. (Олимп. 89, годъ 2-й), стало быть, въ самый разгаръ Пелопоннезской войны. Поэтому-то она и имѣетъ политическій оттѣнокъ. Дѣйствующія лица трагедіи—Спартанцы, именно Менелай и дочь его Герміона, а также и родственникъ ихъ Орестъ, сынъ Агамемнона, не только не могли возбуждать сочувствія въ зрителяхъ Аоинскаго театра 423 г., но совершенно напротивъ того, какъ представители спартанской націи, должны были возбуждать негодованіе за свои несправедливые поступки, попытки на преступленіе. Такъ Менелай и Герміона рѣшаютъ умертвить Андромаху и ея сына; и вотъ Менелай велитъ связать руки несчастной матери и вести ее на казнь, обманомъ выманивъ ее изъ убѣжища въ храмѣ Нереиды. И совершенно естественно восклицаніе Андромахи:

О! ты обманулъ меня!

Это вопль львицы, у которой отнимаютъ послѣдняго оставшагося въ живыхъ львенка. Далѣе Андромаха на наглое слово Менелая говоритъ:

Ужель у васъ живущихъ у Еврота (то-есть Спартанцевъ)
Вся правда въ томъ?

то-есть во лжи; и наконецъ въ сильной рѣчи несчастная мать порицаетъ вмѣстѣ съ Менелаемъ всѣхъ Спартанцевъ.

[45]) Текстъ: τί δ'οὐκ ἐν ὑμῖν ἐστιν; οὐ πλεῖστοι φόνοι; (v. 450). Эти слова, по мнѣнію нѣкоторыхъ, относятся къ избіенію Платейцевъ Лакедемонянами, что произошло въ 5-й годъ Пелопонезской войны (Thucyd. lib. III. 68). По этому мнѣнію противорѣчитъ выраженіе ἐν ὑμῖν, которое указываетъ именно на то, что Спартанцы свирѣпствовали въ своей собственной землѣ, а не въ Беотіи. Поэтому и переводимъ этотъ стихъ: «но что же между вами? Гдѣ болѣе убійствъ?», — слѣдуя предположенію Пфлука, который относитъ выраженіе φόνοι къ избіенію рабовъ-Гелотовъ. (Сравн. Thucyd. I. 128 и IV. 80). Это избіеніе рабовъ часто повторялось на спартанской землѣ; эта, такъ называемая, охота на рабовъ относилась даже къ Спартанскимъ государственнымъ учрежденіямъ. Поводы къ подобному учрежденію были слѣдующіе: вопервыхъ, чтобы не слишкомъ размножались Гелоты, что, въ случаѣ возстанія съ ихъ стороны, казалось весьма опаснымъ для владѣющихъ землею Лакедемонянъ: вовторыхъ, чтобы спартанское юношество постоянно упражнялось въ войнѣ. Такимъ образомъ Спартанцы еще съ юности пріучались быть до звѣрства жестокими съ рабами, избивая ихъ тысячами (Thucyd. IV. 80). Такимъ Спартанцемъ долженъ быть и Эврипидовъ Спартанецъ Менелай, столь жестоко поступающій съ рабынею Андромахою. Не такъ обращались съ военноплѣнными и рабами Аѳиняне, современники Эврипида.

[46]) Подобное же порицаніе и у Аристофана (Pac. 624).

[47]) Текстъ: λέγοντες ἄλλα μὲν γλώσσῃ, φρονοῦντες δ'ἄλλ'.
(v. 451 sq.). И Геродотъ о Лакедемонянахъ: ἐπιστάμενοι τὰ Λακεδαιμονίων φρονήματα ὡς ἄλλα φρονεόντων και ἄλλα λεγόντων (Herodot. IX. 54).

[48]) Мѣсто это направлено противъ многоженства народовъ варварскихъ, какъ напр. Персовъ, Ѳракійцевъ и друг., и вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ на двоеженство Неоптолема, послужившее къ непримиримой враждѣ между Герміоной и Андромахой.

[49]) Намекъ на управлявшихъ тогда (въ 423 г.) Аѳинами Клеона и Никія, принадлежавшихъ къ различнымъ партіямъ; Никій настаивалъ заключить миръ съ Спартанцами, Клеонъ побуждалъ Аѳинянъ продолжать войну. Отсюда происходили волненія въ аѳинскомъ народѣ.

[50]) Текстъ: ὦ χθονὸς Φθίας κράντορες (v. 507 sq.), то-есть, жители Фтіи, владѣльцы Фтійской земли.

[51]) Сынъ Пріама—Гекторъ.

[52]) «Сына», то-есть Неоптолема, сына Ахилла, собственно внука Пелея; но Пелей зоветъ же его сыномъ, потому что онъ замѣнилъ ему сына, Ахилла. Въ другомъ мѣстѣ трагедіи Пелей называетъ Неоптолема сыномъ сына παῖς παιδός (v. 585).

[53]) Относится къ обычаю древнихъ Грековъ.

[54]) Текстъ: παῖς παιδός. Сравн. примѣч. 52.

[55]) «Поколѣніе злыхъ». Менелай—внукъ Пелопса, который низвергнулъ въ море Миртила; Менелай — сынъ Атрея, который умертвилъ дѣтей своего роднаго брата Тіэста.

[56]) Фригіянинъ—Парисъ.

[57]) Парисъ похитилъ Елену, что было причиною Троянской войны.

[58]) Текстъ: δώμαθ' ἑστίας λιπών. (v. 594). Очагъ, находившійся внутри дома, подобно алтарю въ храмѣ, считался святынею. (Сравн. прим. 2). Пелей обвиняетъ Менелая за то, что онъ не хранилъ своего домашняго очага не хранилъ чести своей семьи.

[59]) О гимнастическихъ упражненіяхъ спартанскихъ дѣвицъ сравн. Аристофана (Lysistr. v. 81), или Овидія:

More tuæ gentis, nitida dum nuda palaestra
Ludis, ut es nudis femina mixta viris.
(Ovid. Heroid. Epist. Paridis ad Helenam)

Еще Propert. III. 13. И Eurip. Hec. 886, 933 — μονόπεπλος — въ одинъ только пеплумъ одѣтая, однимъ только пеплумомъ прикрытая. Спартанцы и Спартанки довольствовались очень легкою и весьма короткою одеждою. Мужской нарядъ назывался гиматіонъ, женскій пеплумъ (πέπλος, πέπλον). Цицеронъ, порицая женщинъ не римскаго и не греческаго происхожденія, хвалитъ обычай гимнастическихъ упражненій Спартанокъ:

«Nihil horum simile est apud Lacaenas virgines, quibus magis palaestra, Eurotas, sol, pulvis, labor, militia studio est quam fertilitas barbara».
(Cic. Tusc. Quaest. 2. 15). Но Эврипидъ, говоря устами Пелея, порицаетъ нравы Спартанокъ, судя по Еленѣ.

[60]) О томъ, что Менелай убѣждалъ брата своего Агамемнона пожертво-

вать своей дочерью Ифигеніею, принести ее въ жертву богинѣ Артемидѣ. Ср. Eurip. Iphig. in Aul. Объ Ифигеніи сравн. также Aesch. Agam. Soph. Electra. Verg. Aen. lib. II.

[61]) Текстъ: προδότιν κύνα. Выраженіе сильное, вѣрное, бьющее прямо въ цѣль.

[62]) «За Нилъ рѣку, за Фазисъ»—стало быть, въ мѣста самыя далекія отъ Эллинскаго міра, на край свѣта.

[63]) Во время осады Трои.

[64]) Въ этомъ мѣстѣ и дальше рѣчь Менелая исполнена софизмовъ, игры словъ. Подобными софизмами отличались ораторы времени Эврипида. Игра словъ заключается въ выраженіяхъ: ἐμοῖς ἐπωφελεῖν (v. 678), ἐμ' ὠφελοῖς (v, 680), ὠφέλησεν (v. 682).

[65]) Теламонъ и Пелей, сыновья Эака, будучи еще дѣтьми, играя, убили своего сводного брата, Фока. Сравн. Paus. Corinth. c. 29. Apollod. 3. 11.

[66]) Какъ современники Эврипида, въ особенности Аѳиняне, такъ въ позднѣйшее время и не Аѳиняне знали наизусть цѣлыя тирады изъ трагедій Эврипида. Плутархъ въ жизнеописаніи Никія говоритъ, что нѣкоторые изъ Аѳинянъ, взятые въ плѣнъ Сиракузянами (по окончаніи несчастнаго похода Аѳинянъ въ Сицилію) и посланные уже на работы въ каменоломни, спаслись именно чрезъ Эврипида. И вотъ какимъ образомъ Сицилійцы греческаго происхожденія восхищались произведеніями этого писателя, и, услышавъ, что плѣнные Аѳиняне рецитировали наизусть мѣста изъ Эврипида, тотчасъ же освобождали ихъ. Въ позднѣйшее время одинъ изъ полководцевъ Александра Великаго, именно Клитъ, спасшій жизнь Александра въ сраженіи при Граникѣ, тоже зналъ наизусть нѣкоторые мѣста изъ Эврипидовыхъ трагедій, или по крайней мѣрѣ это мѣсто изъ «Андромахи»:

οἴμοι, καθ' Ἑλλάδ' ὡς κακῶς νομίζεται и т. д.

(v. 694 sqq.), съ которымъ онъ обратился, во время пиршества, къ царю Македонскому. На этотъ разъ Эврипидъ погубилъ человѣка. Извѣстно, что Клитъ былъ умерщвленъ Александромъ Македонскимъ. (Plutarch Alex. c. 51. Quint. Curt. lib. VIII).

[67]) Косвенный намекъ на Клеона, который овладѣлъ островомъ Сфактеріей, воспользовавшись трудами Демосѳена, и потомъ гордился своею побѣдою.

[68]) Французскій филологъ XVII столѣтія Самуилъ Пети (Miscell. III, 16 p. 168) думаетъ, что городъ, на который намекаетъ Менелай, именно Аргосъ. Но его предположеніе имѣетъ уже потому шаткое основаніе, что если взглянуть на карту древней Греціи, то окажется, что Аргосъ находится не то, чтобы на значительномъ разстояніи, а только не близко же отъ Спарты. Кромѣ того, Ѳукидидъ, въ 5 кн. гл. 29, говоритъ, что Аргосъ былъ «вѣчно непріязненъ Лакедемонянамъ — Λακεδαιμονίοις ἀεὶ διάφορον, — что противорѣчитъ словамъ Менелая у Эврипида: ἣ πρὸ τοῦ μὲν ἦν φίλη; въ 5-й же книгѣ, 44 гл. Ѳукидидъ называетъ Аргосъ городомъ «искони дружественнымъ» — φίλίαν ἀπὸ τοῦ παλαιοῦ — но только не съ Спартанцами, а съ Аѳинянами. Стало быть, «городъ» Менелая вовсе не Аргосъ, указываемый Пети. Это—какой-то воображаемый Менелаемъ городъ, Менелай и не называетъ его по имени по-

тому что его па самомъ дѣлѣ не существовало. Видно изъ повторенія τις, τις, что Менелай хотѣлъ сначала придумать названіе такого города, но тотчасъ же раздумалъ, сообразивъ, что это нисколько не важно въ его положеніи, былъ бы только предлогъ удалиться, чуя приближеніе Неоптолема, который вправѣ былъ наказать его за звѣрское обращеніе съ Андромахою. Поэтому Менелаю некогда, поэтому онъ долженъ спѣшить къ какому-то городу, до сей поры дружественному, а теперь оказавшемуся враждебнымъ; онъ долженъ наказать этотъ городъ, какъ нѣкогда наказалъ Трою. »Съ войсками иду на него, чтобъ завоевать его», говоритъ Менелай, находя удобный случай похвастаться небывалою въ немъ отвагою. Потомъ, увлекшись хвастовствомъ, прибавляетъ, что онъ объяснится съ своимъ зятемъ, Неоптолемомъ, что Неоптолемъ даже испытаетъ на себѣ его гнѣвъ. Грозя Неоптолему заочно, въ присутствіи слабаго старца Пелея, тѣмъ болѣе Менелай высказываетъ свое малодушіе. Таковъ долженъ быть взглядъ на характеръ Эврипидова Менелая въ «Андромахѣ».

[69]) «Въ засадѣ притаившись»—дѣло опять идетъ о нравахъ Спартанцевъ. Сравн. выраженіе δόλια βουλευτήρια (v. 446).

[70]) «Эака сынъ»—Пелей. Вся эта заключительная часть хора (эподъ) воспѣваетъ подвиги Пелея, побѣдившаго Центавровъ, участвовавшаго въ походѣ Аргонавтовъ и наконецъ, вмѣстѣ съ Геркулесомъ, побивавшаго Троянцевъ подъ самыми стѣнами Иліона.

[71]) Симплегады, двѣ скалы, между которыми проѣхалъ миѳическій корабль Арго, находились по Гомеру въ проливѣ Сицилійскомъ (Hom Odyss. XII, 61, XXIII 327), по другимъ при входѣ въ Черное море.

[72]) То-есть Андромахой.

[73]) Дѣло идетъ о Симплегадахъ, лазуревыхъ скалахъ, воспѣтыхъ въ эподѣ предшествующаго хора.

[74]) По этимъ словамъ кормилицы Герміона, оказывается дочерью, достойною своего отца Менелая.

[75]) Додона—городъ въ Эпирѣ съ храмомъ Зевса, при которомъ былъ оракулъ.

[76]) Молитвенныя вѣтви—вѣтви маслины, обвитыя шерстью. Ихъ держали въ рукахъ носящіе. Сравн. Aesch. Eumen., гдѣ говоритъ Пиѳія объ Орестѣ vv. 43 sqq.

[77]) Текстъ: ὦ Φοῖβ' ἀκέστορ. Аполлонъ назывался еще ἀποτρόπαιος, ἀλεξίκακος, котораго призывали для отвращенія какого нибудь несчастія, подобно тому, какъ Римляне говорили: «dii, avertite omen!»

[78]) Текстъ: μὰ τὴν ἄνασσαν, клянусь царицею (v. 935). Греки, обращаясь къ богамъ, говорили: ἄνακτες, къ богинямъ: ἄνασσαι, какъ напримѣръ Орестъ у Эсхила; ἄναξ' Ἄπολλον (Eum. v. 85), ἄνασσ' Ἀθάνα (Ibid. v. 447), или Электра у Софокла тоже: ἄναξ Ἄπολλον (Soph. Electra v. 1376). И Орестъ у Еврипида о Фебѣ: ἄνακτα Φοῖβον Andr. v. 103). Поэтому подъ выраженіемъ μὰ τὴν ἄνασσαν должно разумѣть не царицу, но богиню. Кромѣ того въ древности мущины клялись Зевсомъ (Римляне—Юпитеромъ, также Геркулесомъ—mehercle, hercle, Касторомъ — Castor, Поллуксомъ — edepol.), женщины Герою (Римлянки—Юноною), дѣвицы—Артемидою (Римлянки — Діаною). Герміонѣ говорила приводимыя ею слова, вѣроятно, не дѣвица, а женщина. Слѣдовательно

эта женщина должна была клясться Герою, или какъ въ текстѣ: царицею, называя Геру царицею, подобно тому какъ у Эсхила, Софокла и Эврипида Аполлонъ называется царемъ, или какъ у Эсхила Аѳина—Паллада называется царицею.

[79]) Это мѣсто принадлежитъ къ обыкновеннымъ нападкамъ Эврипида на женщинъ. (Сравн. прим. 12, 28, 38).

[80]) Eurip. Andr. v. 951 sq. Сравн. Aristoph. Thesmoph. v. 415.

[81]) «Силу дивную имѣютъ узы крови» (Eurip. Andr. v. 986)—τὸ συγγενὲς γάρ δεινόν; и у Эсхила мысль: τὸ συγγενές τοι δεινόν (Aesch. Prom. v. 39). Орестъ разумѣетъ здѣсь не Менелая, но самого себя, такъ какъ онъ былъ близкій родственникъ Герміоны, происходящій изъ одного съ нею дома Атрея

Атрей

Агамемнонъ — Менелай

Орестъ — Герміона.

[83]) Рѣчь идетъ, быть можетъ, о скалахъ, окружающихъ городъ Дельфы, гдѣ находился храмъ Феба-Аполлона, съ его знаменитѣйшимъ въ древности оракуломъ. (Сравн. прим. 110), но скорѣе выраженіе Δελφὶς πέτρα v. 999) относится къ положенію города на высокой крутой горѣ.

[84]) Относится къ миѳу о томъ, что Аполлонъ и Посейдонъ соорудили стѣны Трои (Apollod. II, 5. 9).

[85]) Симоисъ—рѣка въ Троадѣ, вмѣстѣ съ другими рѣками, Ксанѳомъ и Скамандромъ, воспѣтая Гомеромъ. Mela 1. 18. 28. Tum sinus alter, Ἀχαιῶν λιμήν, non longe ab Ilio littora incurvat, urbe bello excidioque clarissima. Hic Sigeum fuit oppidum; hic Achivorum fuit bellantium statio. Huc ab Idaeo demissus Scamander exit et Simois fama quam natura maiora flumina.

[86]) Илъ — древнѣйшій царь Троады; отъ него получилъ свое названіе Иліонъ.

[87]) Атридъ—Агамемнонъ, убитый Клитемнестрой.

[88]) Клитемнестру умертвилъ Орестъ.

[89]) Сравн. Aesch. Eum.

[90]) Текстъ: φίλοισι—друзьямъ Герміоны, то-есть, роднымъ ея, Атридамъ. Агамемнонъ убитъ своею супругою, Клитемнестрою; Клитемнестра убита своимъ сыномъ, Орестомъ.

[91]) Зрители трагедіи только что видѣли Ореста, уходящаго съ Герміоною, которая, по извѣстной уже причинѣ, рѣшилась покинуть Фтіотиду. Затѣмъ поетъ хоръ и пропѣвъ свою пѣснь, разговариваетъ съ Пелеемъ, что составитъ нѣсколько минутъ, и вдругъ является вѣстникъ съ совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ, именно о насильственной смерти Неоптолема, убитаго въ Дельфахъ. И кто же былъ въ числѣ убійцъ?—Орестъ, только что покинувшій Фтіотиду и очутившійся, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, уже въ Дельфахъ, между тѣмъ какъ отъ Фтіотиды до Дельфъ значительное разстояніе, которое рѣшительно невозможно пройдти въ нѣсколько минутъ! Кромѣ того еще необходимо было нѣсколько дней вѣстнику, который приноситъ изъ Дельфъ во Фтіотиду тѣло Неоптолема. А сколько еще прошло времени, пока Орестъ побуждалъ Дельфійцевъ противъ Неоптолема съ цѣлью погубить его (разсказъ вѣст-

ника). И такъ, необходимо предположить, что со времени бѣгства Герміоны до выхода Пелея прошло нѣсколько дней. Можетъ быть этотъ интервалъ раздѣляетъ два акта трагедіи: хоромъ оканчивается 4-й актъ, 5-й же актъ начинается съ выходомъ Пелея, желающаго узнать, дѣйствительно ли Герміона покинула Фтіотиду. Но въ такомъ случаѣ окажется, что Эврипидъ, допустившій такой интервалъ, не слѣдовалъ правилу о трехъ единствахъ; въ такомъ случаѣ въ «Андромахѣ» не соблюдено единства времени. И такъ, не лучше ли смотрѣть на сцены, слѣдующія за выходомъ Пелея (его разговоръ съ хоромъ, разсказъ вѣстника, плачъ пó Неоптолемѣ и явленіе божества), какъ на эпилогъ? Но здѣсь, съ послѣдними звуками пѣсни хора, стало быть, и оканчивается трагедія? Зачѣмъ же она продолжается? Уже это самое продолженіе доказываетъ, что съ выходомъ Пелея начинается не эпилогъ, а 5-й актъ трагедіи, въ которомъ именно и распутывается узелъ интриги, задуманный авторомъ, впрочемъ не слѣдовавшимъ правилу о трехъ единствахъ. И не во всѣхъ же греческихъ трагедіяхъ соблюдено это правило. Такъ напримѣръ у Эсхила въ его «Евменидахъ» не соблюдено и другое единство, единство мѣста: дѣйствіе происходитъ сначала въ Дельфахъ, потомъ въ Аѳинахъ.

[92]) Такъ какъ друзья Герміоны — ея родные, Атриды, такъ и друзья Пелея Пелиды, изъ которыхъ былъ внукъ его Неоптолемъ. На него-то и намекаетъ Пелей.

[93]) Именно потому и страшилась Герміона гнѣва Неоптолема, что покушалась на жизнь Молосса.

[94]) Сравн: прим. 92.

[95]) То-есть Орестомъ.

[96]) «Фебова страна»—Фокида, гдѣ находился храмъ Феба, въ Дельфахъ.

[97]) Пещеры при храмѣ Феба были переполнены богатствами, составившимися вѣками, отъ обильныхъ приношеній толпы посѣтителей храма, которые стекались туда со всѣхъ сторонъ съ цѣлью узнать о будущей судьбѣ.

[98]) «Перистиль — портикъ, крытая галлерея съ колоннадою (рядомъ колоннъ), внутри зданія, дома или храма. (См. Dictionnaire des antiquités Romaines et Grècques, par Ant. Rich. Paris 1859, стр. 474. Peristylium (περιστύλιον). Стало быть, по Эврипиду, въ храмѣ Дельфійскомъ существовалъ перистиль. Вооруженные, поставленные внутри храма, по перистилю, были сообщники Ореста.

[99]) «Проксены» состояли при храмѣ Аполлона Дельфійскаго, обязанные заботиться объ чужестранцахъ, прибывшихъ въ Дельфы для посѣщенія храма.

[100]) «Пиѳійскихъ» или Дельфійскихъ. И Аполлонъ назывался и Дельфійскимъ, и Пиѳійскимъ.

[101]) Греческіе храмы состояли изъ трехъ частей: первая—пронаосъ (преддверье), вторая—наосъ (святилище) и третья—адитонъ (святая святыхъ). Снаружи храмы были украшаемы портикомъ, колоннадою (τὰ προπύλαια). Такимъ образомъ былъ построенъ и Дельфійскій храмъ. Неоптолемъ прошелъ уже наружный портикъ храма, потомъ вступаетъ въ пронаосъ (πρόναος)— преддверье храма, или притворъ, гдѣ стоялъ алтарь, на которомъ онъ долженъ принести жертву Фебу.

[102]) Лавръ былъ посвященъ Аполлону-Фебу (Сравн. прим. 86). Дельфійцы,

сообщники Ореста, сговорившіеся умертвить Неоптолема, какъ бы принося его въ жертву Фебу, увѣнчали себя лавровыми вѣнками. Какъ во время жертвоприношеній Вакху древніе увѣнчивались вѣнками изъ плюща; если приносили жертвы Геркулесу, имѣли на головѣ вѣнки изъ тополя; такъ, принося жертвы Аполлону, увѣнчивались лавромъ. Поэтому и у Овидія Metam. lib. VI vv. 159 sqq. Манто, дочь Тирезія повелѣваетъ Ѳивянкамъ:

ite frequentes,
Et date Latonae Latonigenisque duobus (т. е. Аполлону и Діанѣ)
Cum prece tura pia, lauroque innectite crinem.

[103]) На Неоптолемѣ не было вооруженія, доспѣховъ, т. е. ни брони, ни шлема; щита у него въ рукахъ, разумѣется, тоже не было, потому что онъ приносилъ жертву Фебу.

[104]) Въ подлинникѣ: χωρεῖ δὲ πρύμναν (v. 1121)—спѣшитъ на корму корабля. У Ѳукидида подобное же выраженіе: πρύμναν ἐκρούοντο Thucyd. I, 50). Πρύμναν κρούεσθαι даетъ понятіе о корабляхъ отступающихъ, подобно тому какъ выраженіе χωρεῖ δὲ πρύμναν означаетъ отступленіе Неоптолема. Поэтому: «онъ пятится назадъ» и обнажаетъ мечъ.

[105]) Греки постоянно были вооружены мечемъ.

[106]) Вооруженіемъ (τεύχη, arma), которое онъ сорвалъ съ гвоздей по портику.

[107]) «Скачки»—текстъ: Πυῤῥίχας (v. 1136)—называется по имени дѣлавшаго ихъ Пирра, Неоптолема.

[108]) «Покинувши очагъ», покинувъ жертвенный очагъ, алтарь, на которомъ ему помѣшали приносить жертву, или покинувъ позицію, которую онъ занималъ, отражая удары своихъ враговъ.

[109]) «Троянскимъ скачкомъ». Такое движеніе заключаетъ въ себѣ быстроту, неотразимость нападенія; такимъ движеніемъ Неоптолемъ напоминаетъ отца своего Ахилла подъ стѣнами Трои у Гомера.

[110]) Относится къ географическому положенію Дельфъ въ гористой мѣстности; вплоть у самаго города возвышались скалы.

[111]) Этого Дельфійца звали Махайреемъ — Μαχαιρέα φασὶν αὐτὸν καλεῖσθαι (слова Еврипидова схоліаста). Сравн. Strabo IX. 3, vol. 2 p. 281, ed Tauchn. Онъ (Махайрей) былъ жрецомъ Аполлона (Eurip. Orestes. 1649. Pausan. X. 24 Strabo. ibid. и друг.). Страбонъ говоритъ, что въ священной рощѣ, при храмѣ Дельфійскаго Аполлона, показывали могилу Неоптолема).

[112]) Кернеръ сомнѣвается въ подлинности двухъ послѣднихъ стиховъ, сказанныхъ вѣстникомъ, и предполагаетъ, что эти два стиха прибавлены уже впослѣдствіи какимъ-нибудь христіаниномъ, переписчикомъ твореній Эврипида. Но не будетъ нисколько удивительно, если допустить, что эти строки принадлежатъ язычнику, греческому драматургу: въ его трагедіяхъ встрѣчаются весьма смѣлыя, исполненныя скептицизма, выходки противъ божествъ, такъ напр. въ Troades v. 886:

Ζεὺς εἴτ' ἀνάγκη φύσεος εἴτε νοῦς βροτῶν.

И современники Еврипида не только упрекали его въ безбожіи, но даже открыто возставали противъ его скептическихъ воззрѣній на божество. Такъ,

на представленіи трагедіи Эврипида «Меланиппы», лишь только актеръ проговорилъ: «Зевсъ!.. но кто бы ни былъ тотъ, кто носитъ это имя, потому что я не знаю, какъ тебя назвать иначе»,—въ толпѣ, наполнявшей театръ, прошелъ глухой ропотъ; толпа была оскорблена кощунствомъ Эврипида и заставила его отказаться отъ своихъ словъ.

[113]) Тогда бы Неоптолемъ палъ славною смертью на полѣ битвы, а не отъ рукъ убійцъ. Подобную же мысль высказываетъ Орестъ объ Агамемнонѣ въ Хоэфорахъ Эсхила (vv. 345 sqq.), и Электра у Софокла (Soph. Electra, vv. 94 sq).

[114]) Племя, изъ котораго происходила Герміона,—Атриды. Ихъ-то Пелей и считаетъ виновниками смерти своего сына Ахилла, потому что они возбудили Троянскую войну, во время которой палъ Ахиллъ, и внука Неоптолема, потому что онъ былъ убитъ Дельфійцами, побужденными къ тому Орестомъ, изъ того же дома Атридовъ.

[115]) Стрѣлу, причинившую смерть Ахиллу, пустилъ Парисъ, но направилъ ее Фебъ-Аполлонъ (сравн. прим. 11).

[116]) О свадьбѣ Пелея и Тетиды Catul. Epithalam. Pelei et Thetidos.— Eurip. Iphig. in Aul. 1036—79. Это воспоминанье хора о свадьбѣ Пелея и Тетиды какъ бы предупреждало зрителей трагедіи о скоромъ появленіи предъ ними божества Тетиды, или такъ называемаго deus ex machina этой трагедіи.

[117]) Ѳессалія славилась конями. Фтіотида—часть Ѳессаліи.

[118]) О томъ, что могилу Неоптолема показывали въ Дельфахъ Ср. прим. 112.

[119]) О томъ же сравн. Verg. Aen. lib. III, 294 sqq. Виргилій слѣдовалъ Эврипиду. О Геленѣ, сынѣ Пріама, также Tzetz. ad Lycophr. 911.

[120]) Плутархъ говоритъ, что Неоптолемъ, сынъ Ахилла, завоевалъ страну Молоссцевъ и основалъ тамъ царство, и что отъ него народился длинный рядъ царей, названныхъ Пирридами; ибо въ дѣтствѣ своемъ Неоптолемъ назывался Пирромъ. Пирръ, царь Эпирскій, гордился тѣмъ, что происходитъ отъ Ахилла.

[121]) Паллада была въ числѣ божествъ, непріязненныхъ Троѣ за то, что Парисъ, рѣшая споръ о красотѣ, предпочелъ ей Афродиту (Киприду. Сравн. прим. 31).

[122]) Текстъ: Λευκὴν κατ' ἀκτὴν (v. 1263). 'Ακτὴν вм. νῆσον, какъ часть вм. цѣлаго. Стало быть, не на «Бѣломъ берегу», что слѣдуетъ по буквальному переводу, но на «Бѣломъ острову». И Помпоній Мела II, 7, 10: «Paucae (insulae) et in Ponto: Leuce, Borysthenis ostio obiecta, parva admodum, et, quia ibi Achilles situs est, Achillea cognomine». И такъ, въ числѣ немногихъ островковъ на Черномъ морѣ, по словамъ Мелы, былъ Leuce, Бѣлый (островъ), противъ устья Борисфена (или Днѣпра, стало быть, въ днѣпровскомъ лиманѣ).

[123]) Σηπιάδος (v. 1267)—Сепійскій мысъ (въ Ѳессаліи) упоминается и Помпоніемъ Мелою (II. 3. 17), и Геродотомъ (VII. 191), и Страбономъ (IX. 5) и другими. Кромѣ того, Геродотъ, разсказавъ о бурѣ, отъ которой пострадалъ флотъ Ксеркса близъ Сепійскаго мыса, прибавляетъ при этомъ, что вся прибрежная страна, гдѣ находится Сепійскій мысъ, была посвящена Тетидѣ и прочимъ Нереидамъ. Стало быть, по мысли Эврипида, Пелей долженъ былъ переселяться въ жилище Нереидъ только съ этого мѣста, посвященнаго Нереидамъ.

Н. Когеловъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

весности; г) разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

В РУССКОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ВѢСТНИКѢ примут участіе своими трудами слѣдующіе русскіе ученые: Ф. И. Буслаев, И. А, Бодуэн де Куртенэ, Я. К. Грот, Л. Н. Майков, В. В. Макушев, О. Ф. Миллер, И. С. Некрасов, А. А. Потебня. И. И. Срезневскій, А. И. Смирнов. Из заграничных славянских ученых обѣщали редакціи свое соучастіе гг. Гейтлер, профессор Загребскаго университета, и Крек, профессор Градецкаго университета. Приведенныя здѣсь имена могут служить достаточным ручательством за достоинство научнаго отдѣла журнала. Что касается педагогическаго отдѣла, то редакція разчитывает, что гг. преподаватели русскаго языка и словесности в интересах дѣла, которому служат они, примут в этом отдѣлѣ своими трудами дѣятельное соучастіе.

К директорам и инспекторам народных училищ, сельским священникам, учителям сельских школ и всѣм тѣм лицам, которыя находятся в частом соприкосновеніи с народом, редакція обращается с покорнѣйшею просьбою сообщать ей данныя, характеризующія народный язык, быт и поэзію. Произведенія народной поэзіи (пѣсни, былины, сказки, заговоры и пр.) должны быт записываемы с возможно точным сохраненіем особенностей народнаго говора. Даже ничтожнѣйшія по содержанію пѣсня или сказка, записанныя при соблюденіи этого условія, будут приняты редакціей с благодарностью.

Подписная цѣна в год: семь рублей съ пересылкой.

Лиц, желающих подписаться на РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИК, покорнѣйше просят адресовать свои требованія в гор. Варшаву, в Императорскій Варшавскій Университет на имя профессора Митрофана Алексѣевича Колосова.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТИ ВЫПУСКАХЪ,

издаваемый

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

И. Н. Березинымъ.

Выпускъ XVI, тетрадь 1.

Цѣна за полное изданіе 60 руб. Можно подписываться съ разсрочкою уплаты, по соглашенію съ издателемъ Офицерская, 60).

Печатается и выйдетъ въ январѣ выпускъ XII, тетрадь 3 (Ф, Х, Ц, Ч).

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Общество Любителей Древней Письменности имѣетъ цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью, безъ исправленій.

Памятники, изданіе которыхъ входитъ въ кругъ занятій Общества, по своему содержанію образуютъ семь отдѣловъ:

1) Рукописи Св. Писанія съ лицевыми изображеніями и безъ оныхъ, но лишь въ точныхъ снимкахъ; отдѣльныя житія святыхъ, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія,
2) Учебники стараго времени, какъ-то: букварн, грамматики, цифирное искусство и проч.; теоретическія статьи по разнымъ наукамъ и художествамъ; трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.
3) Рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городовъ и монастырей, хожденія и путешествія, древніе карты, планы и рисунки.
4) Историческія сочиненія и переводы, лѣтописи съ лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцовъ и т. д.
5) Рукописи, содержащія въ себѣ произведенія словесности, не исключая и народной, какъ-то: повѣсти, легенды, сборники пѣсенъ и басенъ, драматическія произведенія и т. п.
6) Кромѣ рукописей съ лицевыми изображеніями по предъидущимъ отдѣламъ, вообще рукописи съ лицевыми изображеніями, но предназначаемыя для точнаго и роскошнаго ихъ воспроизведенія.
7) Отдѣльные листы, воспроизводимые посредствомъ свѣтописи или гравированія, по всѣмъ вышеупомянутымъ отдѣламъ.

Изданія за 1877 годъ.

I. Краткое описаніе двадесятъ монастырей, обрѣтающіяся во Святой горѣ Аѳонской.
II. Собраніе гравированныхъ изображеній иконъ Божіей Матери съ сказаніями о нихъ.

III. Челобитная дьяка ямскаго приказа Всполохова.
IV. Житіе Алексѣя митрополита.
V. Римскія дѣянія, 1-й выпускъ: предисловіе и текстъ.
VI. Мудрость четвертая: Мусика.
VII. Новгородскія грамоты.
VIII. Азбука гражданская съ нравоученіями, правлена рукою Петра Великаго.
IX. Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи въ Емесѣ.
X. Слова Іоанна Златоустаго на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи и о добрыхъ и злыхъ женахъ.
XI. Службы Іоанну Предтечи.
XII. Слово на Благовѣщеніе Іоанна Дамаскина.
XIII. Синодикъ Дѣдовской пустыни Тотемскаго уѣзда.
XIV. Азбука Словенскаго языка.
XV. Сборникъ съ лицевыми изображеніями и съ крюковыми помѣтами «На рѣкахъ Вавилонскихъ».
XVI. Описаніе Антіоха Великаго о звѣрехъ нарицаемыхъ Стефанита да Ихнилата, 1-й выпускъ: введеніе и текстъ.

Изданія за 1878 годъ.

XVII. Засѣданіе въ книжной палатѣ 18-го Февраля 1627 года по поводу исправленій катихизиса Лаврентія Зизанія.
XVIII. Философія Христофоровича.
XIX. Сказаніе о иконѣ Божіей Матери, писанной св. Лукою.
XX. Риторическая рука Стефана Яворскаго.
XXI. Житіе Іоанна Богослова по рукописи XV вѣка съ греческимъ текстомъ по рукописи 1022 г.
XXII. Отдѣльные листы, содержащіе: факсимиле гравированныхъ и рукописныхъ рамокъ изъ древнихъ рукописей; изображеніе суда царя Соломона; преподобнаго Евфимія; знамя гетмана Сапѣги и сказаніе о морѣ и раѣ.
XXIII. Житіе Іоанна Богослова съ лицевыми изображеніями XVII вѣка.
XXIV. Чинъ постриженія и погребенія иноковъ: факсимиле пергаминной рукописи XIII вѣка.
XXV. Законъ Винодольскій 1288 г. и острова Крка (Veglia) 1388, пергаминныя рукописи, писанныя хорватскою глаголицей.
XXVI. Хронографъ Георгія Амартола.
XXVII. Сказаніе Антіоха Великаго о звѣрехъ нарицаемыхъ Стефанита да Ихнилата, 2-й и послѣдній выпускъ: текстъ и примѣчанія.
XXVIII. Житіе Николая Чудотворца, съ лицевыми изображеніями.
XXIX. Повѣсть о семи мудрецахъ.
XXX. Сказаніе о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери.
XXXI. Описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ.
XXXII. Синодикъ Холмогорскій.
XXXIII. Римскія дѣянія, 2-й и послѣдній выпускъ: текстъ и указатель.

Изданія на 1879 годъ.

XXXIV. Житіе Матвѣя Прозорливаго, съ лицевыми изображеніями.
XXXV. Стефанитъ и Ихнилатъ, по рукописи Румянцевскаго музея, съ признаками сербскаго происхожденія, XV в.
XXXVI. Житіе Дмитрія царевича съ лицевыми изображеніями.
XXXVII. Житіе Василія и Өеодора съ лицевыми изображеніями.
XXXVIII. Шемякинъ судъ, факсимиле текста и 12 гравюръ.
XXXIX. Житіе Нифонта съ лицевыми изображеніями.
XXXL. Факсимиле отрывка изъ Супрасльской мартовской Четьи-Минеи.
XLI. Житіе Варлаама Хутынскаго, въ двухъ редакціяхъ.
XLII. Исторія о Мелюзинѣ королевнѣ и о чудныхъ ея дѣтяхъ и о городѣ Лозанѣ.
XLIII. Ариөметика.
XLIV. Уставъ княжества Полійскаго. Писанъ босанскою кириллицей.
XLV. Слово о явленіи иконы Өеодоровскія.
XLVI. Житіе преподобнаго Филиппа Ирапскаго, составленное Германомъ.
XLVII. Житіе и завѣщаніе патріарха Іоакима.
Магакатьяна и Чандаррадьота. Переводъ тибетской редакціи «О снахъ царя Индѣйскаго».

Отъ имени Общества, на средства Т. С. Морозова, издается «Изборникъ Святослава» (рукопись XI вѣка, 1073 года, на пергаминѣ, въ большой листъ 532 страницы, хранящаяся въ Московской синодальной библіотекѣ).

Сверхъ того, Общество издаетъ отчетъ съ приложеніями, въ которыхъ помѣщаются: описаніе рукописей по всѣмъ отдѣламъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, протоколы и годовые отчеты комитета Общества, варіанты, поясненія, исправленія и указатели къ изданіямъ, напечатаннымъ Обществомъ въ теченіе года, а также библіографическія свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ старинныхъ текстовъ у насъ и на западѣ.

Эти приложенія къ изданіямъ Общества, составляющія отчетный отдѣлъ, подъ именемъ «Памятниковъ древней письменности», на основаніи постановленія общаго собранія 10-го ноября 1877 года, издаются въ числѣ 600 экземпляровъ.

Подписная цѣна за *годовой* экземпляръ изданій общества 200 р.; библіотекамъ же высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній предоставляется пріобрѣтать, не болѣе какъ по одному экземпляру для каждой библіотеки, съ платою по 30 р. въ годъ.

Въ число изданій за 1878 годъ за вышеозначенный взносъ входятъ:

«Отчетъ о дѣятельности Общества за 1877 годъ», съ 16-ю приложеніями и 5-ю фотолитографическими факсимиле.

«Протоколъ годоваго собранія 25-го апрѣля 1878 г.» съ 3-мя приложеніями.

«Жизнь и Труды П. М. Строева» сост. Н. П. Барсуковъ.

Памятники Древней Письменности (докладъ Комитета 16-го декабря 1878 г., съ 11-ю приложеніями и 5-ью литографическими факсимиле).

Подписка, а равно и заявленія по дѣламъ Общества, принимаются по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, домъ графа Шереметева.

Иногородные, непосредственно обращающіеся въ Общество по вышеозначенному адресу, за пересылку не платятъ.

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга поступили въ продажу слѣдующія изданія общества любителей древней письменности:

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ,

съ 5-ю литографированными факсимиле.

СОДЕРЖАНІЕ: Архивъ славянской филологіи, князя *П. П. Вяземскаго*.— Біографія Юрія Крижанича *П. О. Морозова*.—Историческія свидѣтельства о славянской народной поэзіи, его же.—О литературной исторіи «Физіолога» князя *П. П. Вяземскаго*.—Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка, *Ѳ. И. Булгакова*.—Сказаніе о страстяхъ Господнихъ, его же.—Историческое развитіе русскаго искусства.—Литература средневѣковыхъ романскихъ текстовъ за 1875—76 годъ.—Палеографическое собраніе князя П. А. Путятина, *А. П. Виноградова*.— Фотографическіе снимки со старинныхъ вещей Ипатьевскаго монастыря. Цѣна 4 р.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЗА 1877 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: Описаніе 16-ти изданій общества; 5 литографическихъ факсимиле; статьи князя *П. П. Вяземскаго*: «О значеніи русскихъ лицевыхъ изображеній» и «О древней музыкѣ», съ приложеніемъ проекта Бортнянскаго о введеніи въ Россіи крюковаго пѣнія. Цѣна 3 р.

Стефанитъ и Ихнилатъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Ѳ. И. Булгакова*. Цѣна 5 р.

Жизнь и труды П. М. Строева. *Н. Барсукова*. Цѣна 5 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

періодической литературы, учебныхъ пособій и книгъ по педагогикѣ и училищевѣдѣнію

ВЪ 1879 ГОДУ.

(VI-й ГОДЪ).

«Педагогическій Музей», въ предѣлахъ своей прежней программы, преслѣдуя задачи независимой педагогической критики, съ наступающаго года озаботится развитіемъ отдѣловъ журнала на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

Въ отдѣлѣ руководящихъ статей редакція, исходя изъ указаній практики нашего образованія, постарается своевременно отзываться на всѣ вопросы, выдвигаемые жизнью нашей школы; по мѣрѣ возможности обобщать жизненныя явленія нашего воспитанія, и заявляя о требованіяхъ учебновоспитательнаго дѣла въ Россіи, указывать на средства къ ихъ удовлетворенію.

Необходимое дополненіе того же отдѣла составитъ критика наиболѣе крупныхъ явленій русской и иностранной педагогической литературы, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ практическимъ нуждамъ отечественнаго образованія. Такимъ образомъ редакція намѣрена соединить литературную разработку школьныхъ вопросовъ съ требованіями нашей учебной практики, совершенно оставляя въ сторонѣ абстрактныя начала, какой бы широтой и законченностью ни отличались они.

Выдвигая же на первый планъ факты, касающіеся нуждъ школы и ея дѣятелей, редакція, глубоко убѣжденная, что только въ этихъ фактахъ можно искать указаній на тѣ реальные идеалы, которые предписываются дѣйствительною жизнью, а не навязываются школѣ извнѣ, считаетъ себя обязанною расширить отдѣлъ хроники и потому, независимо отъ привлеченныхъ уже къ этому отдѣлу постоянныхъ силъ, она обращается ко всѣмъ сочувствующимъ Педагогическому Музею, ко всѣмъ близко стоящимъ къ дѣлу образованія въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества съ просьбой доставлять заявленія о нуждахъ мѣстной школы, въ какихъ скромныхъ размѣрахъ ни представлялись бы послѣднія. На ряду съ фактами изъ жизни провинціальной школы редакція не оставитъ безъ вниманія и дѣятельность разнаго рода обществъ, не исключая и ученыхъ, на сколько, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія о нихъ дадутъ возможность судить объ уровнѣ научнаго развитія предметовъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1879 году въ Пед. Музеѣ будетъ помѣщенъ рядъ статей **о педагогическомъ отдѣлѣ парижской выставки**.

Въ **Библіографическомъ** отдѣлѣ Пед. Музей будетъ слѣдить непрерывно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ за всѣми явленіями нашей и иностранной педагогической литературы. Для обезпеченія же своевременности отчетовъ объ иностранныхъ сочиненіяхъ, получаемыхъ въ Россіи, редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстнѣйшими въ Петербургѣ книгопродавческими фирмами. Такимъ образомъ читателямъ Пед. Музея будетъ дана возможность постоянно быть au courant всѣхъ новостей по вопросамъ образованія.

Въ связи съ библіографическимъ отдѣломъ, который предназначается служить для справокъ по преимуществу, получатъ развитіе и **Приложенія**, въ составъ которыхъ входятъ законченные обзоры учебниковъ за извѣстный періодъ времени, исторія разнаго рода школьныхъ вопросовъ въ связи съ ихъ литературою, систематическіе каталоги по педагогикѣ и учебнымъ предметамъ, каталоги дѣтскихъ книгъ и т. п.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ доставки и пересылки . . .	5 р. 50 к.
» полгода » » » . . .	3 » 50 »
» годъ съ доставкой и пересылкой . . .	6 » — »
» полгода » » . . .	4 » — »

Допускается разсрочка для годовыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. въ концѣ марта и 2 р. 1-го іюля. Народные учители и школы пользуются уступкой на оба означенные срока въ размѣрѣ 1 рубля.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Невскій, д. 60), а равно и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, столичныхъ и иногороднихъ.

Желающіе пріобрѣсти полные экземпляры Педагогическаго Музея за прежніе годы обращаются исключительно въ редакцію (С.-Петербургъ, Фурштадтская д. 42). Пониженная цѣна за 1876 годъ 2 р. безъ пересылки; за 1877 и 1878 г. по 5 р. каждый. Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній всѣ три года 10 руб. съ пересылкой и доставкой.

Издатель П. Офросимовъ.

1-го ЯНВАРЯ вышла и разослана подписчикамъ I-я, ЯНВАРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержаніе: I. **Крестьяне при Екатеринѣ II**, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія.—II. Воспоминанія **Л. И. Рикордъ:** Поѣздка и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1817 г., прогулка по мертвому киту и проч.—III. **Очерки, разказы и воспоминанія Э. И. Стогова:** Ссыльно-каторжные.—Бѣглые поселыцики.—Палачи и разбойники въ Сибири.—Памятный день въ Иркутскѣ въ 1832 г. и проч.—IV. **Воспоминанія о заселеніи Амура въ 1857 г.** Сообщ. М. И. Венюковъ.—V. **А. Ө. Мерзляковъ**, 1778—1830 гг., профессоръ, поэтъ и писатель. Біографическо-критическій очеркъ. — VI. **Хлопицкій при Гроховѣ** въ 1831 г.—VII. **Разказы, анекдоты, письма:** Поклоны митрополиту, 1782 г.—Екатерина II и принцъ Орлеанскій.—Пасторъ Зейдеръ и начальникъ тайной экспедиціи Макаровъ въ 1800 г.—Сибирь и ея нужды въ 1801 г.—Чудачества Пензенскаго епископа въ 1830-хъ гг. Иринея.—Исторія Россіи, разказанная Персіяниномъ.—Письмо А. М. Загряжскаго.—Письмо Квитки къ поэту Шевченку и проч.—VIII. Библіографическій листокъ, профессора В. С. Иконникова.

При этой книгѣ приложенъ портретъ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго **Иннокентія** († 1857 г.), гравюра академика Л. А. Сѣрякова.

ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ" (десятый годъ) изд. **1879** г. принимается: въ Петербургѣ, у **Мамонтова**, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у **Мамонтова**, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1879 г. *непремѣнно* при каждой книгѣ) восемь руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами. Цѣна за каждый годъ 8 руб. съ пересылкой.

М. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ **Е. Өеоктистовъ.**

(Вышла 1-го января.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

9. (13-го ноября 1878 года). **О правахъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о опредѣленіи правъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о опредѣленіи правъ по чинопроизводству помощниковъ классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ, и соглашаясь съ заключеніемъ его, управлявшаго министерствомъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія постановить, что помощники классныхъ наставниковъ озна-

ченныхъ училищъ пользуются, въ отношеніи чинопроизводства правами, предоставленными § 125 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года Устава гимназій и прогимназій помощникамъ классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (29-го ноября 1878 года). **Объ учрежденіи стипендіи при Орловской гимназіи.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго предсѣдателемъ Орловскаго окружнаго суда директору Орловской гимназіи капитала въ 1,700 руб., заключающагося въ облигаціяхъ 1-го и 2-го восточнаго займа и 34 руб. 86 коп. наличными деньгами, и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи одной степендіи, въ ознаменованіе десятилѣтняго существованія новыхъ судебныхъ учрежденій въ Орловскомъ округѣ, съ наименованіемъ оной: „стипендія имени Орловскаго окружнаго суда", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить" жертвователей.

11. (29-го ноября 1878 года). **Объ учрежденіи стипендіи при Полтавской гимназіи.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго директору Полтавской гимназіи учителемъ названной гимназіи Николаемъ Изволенскимъ капитала въ 650 руб., заключающагося въ 3-хъ государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ 4-го выпуска по 100 р. каждый, 3-хъ 5% облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года по 100 р. каждая и одной 5% облигаціи того же займа въ 50 р., пріобрѣтенныхъ имъ на деньги, пожертвованныя служащими и учащимися въ Полтавской гимназіи и частными лицами гор. Полтавы, и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія умершаго законоучителя Полтавской гимназіи, протоіерея Думитрашко", при чемъ Его Императорскому Величеству блаугодно было повелѣть „благодарить" жертвователей.

12. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на принятіе представленнаго директору Елабужскаго реальнаго училища Елабужскимъ городскимъ обществомъ капитала, заключающагося въ двухъ 5% облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, по 1000 р. каждая, пріобрѣтенныхъ на собранныя по подпискѣ деньги, и на учрежденіе на проценты съ онаго одной стипендіи при названномъ реальномъ училищѣ, съ наименованіемъ оной „стипендія Андрея Дмитріевича Кусакина“, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть „благодарить“ жертвователей.

13. (29-го ноября 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Черниговской женской гимназіи.

Предсѣдатель попечительнаго совѣта Черниговской женской гимназіи представилъ начальству Кіевскаго учебнаго округа копію съ духовнаго завѣщанія умершей дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника, дѣвицы Надежды Дмитріевны Мизко, засвидѣтельствованнаго въ 1866 г. въ Екатеринославской палатѣ гражданскаго суда, 14-мъ пунктомъ каковаго завѣщанія она, между прочимъ, назначила въ пользу Черниговской женской гимназіи три тысячи руб. вѣчнаго капитала, съ тѣмъ, чтобы на проценты его воспитывались дѣти беднѣйшихъ ея родственницъ. Капиталъ этотъ вмѣстѣ съ 700 руб. наросшихъ на него процентовъ, заключается въ государственныхъ билетахъ, находится въ настоящее время на храненіи въ Кіевской конторѣ государственнаго банка и состоитъ въ вѣдѣніи Черниговской женской гимназіи; вслѣдствіе чего начальство Кіевскаго учебнаго округа ходатайствовало объ учрежденіи, согласно волѣ завѣщательницы, при Черниговской женской гимназіи двухъ стипендій имени Н. Д. Мизко, на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала, въ количествѣ 3,700 руб.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ стипендій.

14. (8-го ноября 1878 года). Объ освобожденіи лицъ, занимающихъ нѣкоторыя должности по Академіи Наукъ и под-

вѣдомственнымъ ей ученымъ учрежденіямъ, отъ призыва въ войска и въ государственное ополченіе.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 7-го октября за № 10720 (по деп.), о внесеніи нѣкоторыхъ должностей по Императорской Академіи Наукъ и подвѣдомственнымъ ей учрежденіямъ въ списокъ должностей, исполненіе коихъ освобождаетъ отъ призыва въ войска изъ запаса и отъ службы въ ополченіи.

По разсмотрѣніи этого дѣла, комитетъ, въ виду изъявленнаго по оному согласія военнаго министра, полагалъ: въ дополненіе къ Высочайше утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ 18-го апрѣля 1877 года списку должностямъ по государственной и общественной службѣ, исполненіе коихъ освобождаетъ отъ призыва въ войска и въ государственное ополченіе, постановить, что отъ таковаго призыва освобождаются лица, занимающія должности письмоводителей канцеляріи конференціи и препараторовъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, письмоводителя главной физической обсерваторіи, физиковъ и адъюнктовъ отдѣленія морской метеорологіи и телеграфныхъ сообщеній о погодѣ, завѣдывающаго обсерваторіею, наблюдателей и механика магнитной и метеорологической обсерваторіи гор. Павловска.

Государь Императоръ положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

15. (28-го ноября 1878 года). О преобразованіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразо-

ваніи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, министра, мнѣніемъ положилъ:

I. Разрѣшить церковному совѣту евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, съ 1878—1879 учебнаго года, преобразовать содержимое на средства названной церкви училище на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Означенное училище, находясь подъ главнымъ управленіемъ церковнаго совѣта Св. Петра и Павла, состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Московскаго учебнаго округа. Оно раздѣляется на три отдѣленія: а) начальную школу, б) реальное училище съ коммерческимъ отдѣленіемъ и в) гимназію. Относительно устройства учебной и воспитательной частей училище руководствуется Высочайше утвержденными 30-го іюля 1871 г. и 15-го мая 1872 г. уставами гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, при чемъ въ отношеніи начальной школы и гимназическаго отдѣленія соблюдаются правила, предписанныя для гимназій и прогимназій, а относительно реальнаго отдѣленія — правила устава реальныхъ училищъ, съ нижеслѣдующими изъятіями:

2) Начальная школа училища, соотвѣтствующая приготовительному классу правительственныхъ гимназій и прогимназій, раздѣляется на три годичные курса и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: одного—для дѣтей, говорящихъ по русски, а другаго — для говорящихъ по нѣмецки. Въ первый курсъ принимаются дѣти, не умѣющія читать и писать. Къ предметамъ, преподаваемымъ въ приготовительномъ классѣ гимназій, въ начальной школѣ прибавляется нѣмецкій языкъ.

3) Преподаваніе въ реальномъ отдѣленіи всеобщей исторіи и географіи, ариѳметики, письмоводства и книговодства и нѣмецкаго языка, а въ гимназіи древнихъ и нѣмецкаго языковъ, всеобщей исторіи и географіи во всѣхъ классахъ и ариѳметики въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, допускается на нѣмецкомъ языкѣ.

4) Ближайшее завѣдываніе училищемъ принадлежитъ училищному совѣту, который составляютъ: президентъ церковнаго совѣта, старшій пасторъ, второй проповѣдникъ, два члена церковнаго совѣта по его избранію, одинъ членъ, избираемый общимъ собраніемъ прихожанъ церкви на три года, директоръ и инспекторъ училища.

5) Училищный совѣтъ разсматриваетъ постановленія педагогическаго совѣта, принимаетъ и провѣряетъ представляемые директоромъ отчеты о состояніи училища по учебной и воспитательной части, из-

бираетъ, по предложеніямъ директора, преподавателей, воспитателей и прочихъ служащихъ въ училищѣ лицъ, разрѣшаетъ служащимъ отпуски въ предѣлахъ предоставленной директорамъ правительственныхъ гимназій и реальныхъ училищъ власти, представляетъ къ увольненію отъ должности служащихъ, освобождаетъ недостаточныхъ и заслуживающихъ поощренія учениковъ отъ платы за ученіе и выдаетъ стипендіи.

6) Директоръ и инспекторъ училища избираются по предложенію училищнаго совѣта въ общемъ засѣданіи церковнаго совѣта съ училищнымъ. Объ утвержденіи въ должности директора училища церковный совѣтъ представляетъ, чрезъ попечителя Московскаго учебнаго округа, министру народнаго просвѣщенія. Инспекторъ и прочія должностныя лица училища, въ числѣ, не превышающемъ положеннаго уставами и штатами гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ округа.

II. Предоставить служащимъ въ училищѣ Св. Петра и Павла всѣ служебныя права, дарованныя Высочайше утвержденными уставами 30-го іюля 1871 и 15-го мая 1872 годовъ служащимъ въ правительственныхъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, кромѣ правъ на производство изъ казны третнаго не въ зачетъ жалованья при опредѣленіи на службу, а также на единовременныя пособія и пенсіи за службу въ училищѣ, съ примѣненіемъ при семъ къ служащимъ въ начальной школѣ и гимназическомъ отдѣленіи училища постановленій устава гимназій и прогимназій, а къ служащимъ въ реальномъ отдѣленіи — постановленій устава реальныхъ училищъ.

III. Распространить на учениковъ, обучающихся въ реальномъ и гимназическомъ отдѣленіяхъ училища Св. Петра и Павла, права, коими пользуются ученики соотвѣтствующихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить на сихъ основаніяхъ положеніе объ училищѣ Св. Петра и Павла въ Москвѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

16. (29-го ноября 1878 года). **Объ учрежденіи стипендій при Устюжской женской прогимназіи и при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ.**

Устюжскій І-й гильдіи купецъ, В. И. Костровъ, представивъ Во-

логодскому губернатору 2,000 руб. билетами перваго восточнаго займа, ходатайствовалъ объ учрежденіи, на причитающіеся съ этихъ денегъ проценты, въ количествѣ 100 рублей ежегодно, четырехъ стипендій его имени: двухъ — при Устюжской женской прогимназіи и двухъ — при тамошнемъ уѣздномъ (имѣющемъ преобразоваться въ городское) училищѣ, съ тѣмъ, чтобы право выбора стипендіатовъ и стипендіатокъ изъ сиротъ или дѣтей бѣдныхъ родителей гор. Устюга было предоставлено жертвователю пожизненно, а послѣ его смерти, Устюжскому уѣздному училищному совѣту, по соглашенію его съ мѣстнымъ городскимъ головою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на приведеніе сего ходатайства въ исполненіе: при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: благодарить жертвователя.

17. 12-го декабря 1878 года). **О раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, порознь на то и другое.**

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, порознь на то и другое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о раздѣленіи назначенныхъ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ общихъ окладовъ на наемъ квартиры и на канцелярскія издержки, порознь на то и другое, мнѣніемъ положилъ:

1) Назначенные директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, а также въ губерніяхъ Оренбургской, Архангельской, Астраханской и трехъ Прибалтійскихъ оклады, изъ суммъ государственнаго казначейства на наемъ квартиры и канцелярскія издержки, первымъ по 800 руб. а

послѣднимъ по 600 руб. въ годъ, раздѣлить въ слѣдующей пропорціи: директорамъ по 500 руб. на наемъ квартиры и по 300 руб. на канцелярскія издержки, а инспекторамъ по 400 руб. на наемъ квартиры и по 200 руб. на канцелярскія издержки; инспектору Забайкальской области, Восточной Сибири, получающему на то и другое по 500 руб. въ годъ, опредѣлить: по 300 руб. на наемъ квартиры и по 200 руб. на канцелярскія издержки; и

2) Вышеприведенное распредѣленіе инспекторскихъ окладовъ, получаемыхъ изъ суммъ государственнаго казначейства, распространить и на инспекторовъ народныхъ училищъ, назначаемыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 22-го ноября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, съ содержаніемъ отъ земства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

29-го ноября 1878 года (№ 12). Производится, за отличіе: преподаватель нѣмецкаго языка С.-Петербургской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ Эдуардъ Бушъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 26-го ноября 1878 года (Высоч. пов. 11-го ноября 1878 г.).

Назначается: попечитель Кавказскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Невѣровъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 17-го октября 1878 года (Высоч. пов. 17-го октября 1878 г.).

Утверждается: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Бунге — ректоромъ сего университета, съ 22-го сентября 1878 года по 31-е октября 1880 года, съ оставленіемъ въ должности управляющаго Кіевскою конторою государственнаго банка.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: магистру Императорскаго Дерптскаго университета Гебгардту — на шесть мѣсяцевъ.

Кандидату Императорскаго С.-Петербургскаго университета Позднѣеву — на восемь мѣсяцевъ.

Доктору медицины Императорскаго Московскаго университета Татаринову — на одинъ годъ.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Вейраухъ—на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го января 1879 года.

Продолжается срокъ отпуска: въ Россіи: ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, статскому совѣтнику Умову—на четыре мѣсяца, по болѣзни (Высоч. пов. 28-го октября 1878 г.).

За границу: старшему учителю лицея Цесаревича Николая, Лавровскому — на три мѣсяца.

Почетному смотрителю Кишиневскаго перваго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю Дубецкому — на четыре мѣсяца.

Увольняется, согласно прошенію: ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ Матвѣевъ — отъ должности ректора, съ 22-го сентября 1878 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5) (11-го ноября 1878 г.). Правила о преміяхъ за лучшія учебныя пособія по древнимъ языкамъ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 4-й день ноября сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе для преподавателей гимназій и прогимназій Одесскаго учебнаго округа двухъ ежегодныхъ премій, по 500 рублей каждая, за лучшія учебныя пособія по древнимъ языкамъ, съ отнесеніемъ потребнаго на учрежденіе этихъ премій расхода, въ количествѣ одной тысячи рублей въ годъ, на спеціальныя средства гимназій и прогимназій Одесскаго учебнаго округа.

11-го того же ноября, его сіятельствомъ г. министромъ утверждены слѣдующія правила объ означенныхъ преміяхъ:

§ 1. Съ цѣлію обогащенія русской учебной литературы пособіями по древнимъ классическимъ языкамъ, въ Одесскомъ учебномъ округѣ назначаются для учителей гимназій и прогимназій сего округа двѣ

ежегодныя преміи, по 500 р. каждая, за лучшія сочиненія, удовлетворяющія нижеизложеннымъ условіямъ.

Примѣчаніе. Преміи, не израсходованныя въ томъ году, на который онѣ назначены, остаются въ распоряженіи попечителя округа, для увеличенія размѣра или количества премій слѣдующаго года.

§ 2. Для соисканія преміи, могутъ быть представляемы работы двоякаго рода: а) комментаріи на древнихъ авторовъ, приспособленные къ потребностямъ русскихъ учениковъ, и б) возможно лучшіе близкіе, точные и изящные переводы съ русскаго языка на древніе языки.

Примѣчаніе. Представляемыя для соисканія премій работы должны представлять что либо цѣлое: комментарій цѣлаго сочиненія, отдѣльной книги, отдѣльной пѣсни поэта, словомъ, такой комментарій, который былъ бы полезенъ учащимся для обстоятельнаго ознакомленія не съ отрывкомъ только изъ какого-либо писателя, но доставилъ бы возможность обстоятельно ознакомиться съ какимъ-либо цѣлымъ сочиненіемъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе округленной частью его. Для переводовъ съ русскаго на древніе языки должны быть избираемы образцовыя русскія сочиненія или отдѣльныя части такихъ сочиненій, имѣющія также характеръ болѣе или менѣе законченнаго произведенія. Переводы эти должны быть снабжены обстоятельными сравнительными объясненіями особенностей синтаксическихъ и стилистическихъ языковъ русскаго и древняго.

§ 3. Къ соисканію премій принимаются сочиненія, не опубликованныя въ печати.

§ 4. Сочиненія представляются авторами въ С.-Петербургское ототдѣленіе общества классической филологіи и педагогики, въ пакетахъ, съ обозначеніемъ имени автора и адреса его на самой рукописи.

Примѣчаніе. Рукопись, оставленная умершимъ авторомъ, можетъ быть представлена для соисканія преміи вдовой или наслѣдниками покойнаго.

§ 5. Рукопись должна быть переписана четко, съ непрерывной нумераціей страницъ манускрипта.

§ 6. Срокомъ для представленія рукописей назначается 1-е февраля каждаго года, время же отъ 1-го февраля по сентябрь мѣсяцъ назначается для ихъ разсмотрѣнія.

§ 7. О каждой рукописи, поступившей въ общество классической филологіи и педагогики, предсѣдатель его сообщаетъ собранію обще-

ства въ ближайшемъ засѣданіи и собраніе распоряжается о передачѣ поступившей рукописи особой коммиссіи, избираемой для сего изъ наличныхъ членовъ собранія и состоящей, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ лицъ, для разсмотрѣнія и представленія о рукописи письменнаго отзыва.

§ 8. Письменные отзывы, о которыхъ сказано въ предыдущемъ параграфѣ, должны быть представлены и заслушаны въ одно изъ засѣданій общества въ сентябрѣ слѣдующаго учебнаго года.

§ 9. По заслушаніи отзывовъ о каждой рукописи, собраніе общества постановляетъ, которое изъ представленныхъ сочиненій удостоить преміи.

§ 10. О сочиненіяхъ, удостоенныхъ преміи, общество классической филологіи и педагогики, доводитъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій, съ препровожденіемъ къ попечителю и самихъ рукописей, удостоенныхъ преміи.

Примѣчаніе. Рукописи сочиненій, не удостоенныхъ преміи, возвращаются ихъ авторамъ, по востребованію лично или довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, подъ росписку получателя.

§ 11. По полученіи увѣдомленія отъ общества о сочиненіяхъ, удостоенныхъ преміи, попечитель распоряжается о выдачѣ суммы присужденной преміи автору, или, за его смертью, вдовѣ, а если и таковой нѣтъ, то наслѣдникамъ покойнаго.

§ 12. Сочиненіе, удостоенное преміи, можетъ быть издано отъ имени и на счетъ учебнаго округа въ пользу автора или же автору можетъ быть выдано пособіе не свыше суммы расходовъ на печатаніе сочиненія въ количествѣ 1,200 экземпляровъ: то и другое по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

6. (9-го декабря 1878 г.). Циркулярное предложеніе г.г. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ пріема воспитанниковъ семинарій въ высшія учебныя заведенія.

Въ § 138 Высочайше утвержденнаго отъ 14-го мая 1867 г. устава православныхъ духовныхъ семинарій сказано: для обозначенія успѣховъ, равно какъ и поведенія учениковъ, употребляются слѣдующія баллы: 5—отлично, 4—очень хорошо, 3—хорошо, 2—посредственно, 1—слабо.

Между тѣмъ, нѣкоторыя правленія духовныхъ семинарій уклоняются отъ исполненія сего законоположенія и нерѣдко выставляютъ

въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ бывшихъ воспитанниковъ такія отмѣтки (напр. отлично—хорошо и проч.), которыя не соотвѣтствуютъ установленнымъ для сего термина цифрамъ. Кромѣ сего нѣкоторыя правленія семинарій въ выдаваемыхъ воспитанникамъ аттестатахъ вовсе не выставляютъ отмѣтокъ противъ нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ, по греческому, латинскому, французскому и русскому языкамъ; за симъ однѣ семинаріи означаютъ въ аттестатахъ, что воспитанникъ поступилъ въ семинарію въ такомъ-то году, но не сказано откуда, другія же прямо указываютъ, что поступилъ въ семинарію изъ такого-то духовнаго училища, тогда какъ это указаніе, въ виду запрещенія принимать въ высшія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія тѣхъ изъ воспитанниковъ, кои перешли въ семинарію изъ старшихъ классовъ гимназій, ставитъ начальство высшихъ учебныхъ заведеній въ затруднительное положеніе при пріемѣ прошеній отъ семинаристовъ.

Такъ какъ для принятія прошеній отъ воспитанниковъ семинарій о зачисленіи ихъ студентами университетовъ, историко-филологическихъ институтовъ и Демидовскаго юридическаго лицея необходимо, чтобы въ аттестатахъ или свидѣтельствахъ ихъ были обозначены: во 1-хъ, свѣдѣнія о томъ, что они поступили въ семинарію въ такомъ-то году, изъ такого-то духовнаго училища или изъ такого-то класса гимназіи и во 2-хъ, чтобы поведеніе и успѣхи въ наукахъ, противъ каждаго предмета, отмѣчались установленными для сего цифрами (прописью), а противъ тѣхъ предметовъ, коимъ воспитанники не обучались была бы отмѣтка „не обучался", покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальникамъ высшихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа къ исполненію и руководству, на будущее время, чтобы отъ воспитанниковъ семинарій при неточномъ обозначеніи или совершенномъ отсутствіи въ ихъ аттестатахъ тѣхъ или другихъ свѣдѣній, не были бы принимаемы прошенія о зачисленіи ихъ студентами означенныхъ учебныхъ заведеній.

7. (16-го декабря 1878 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи свѣдѣній о вѣроисповѣданіи и народности начальствующихъ учебными заведеніями лицъ.**

Въ представляемыхъ въ министерство народнаго просвѣщенія отчетахъ объ осмотрѣ директорами народныхъ училищъ учебныхъ заведеній всякаго рода весьма часто не достаетъ свѣдѣній о вѣроиспо-

вѣданіи и народности начальствующихъ тѣми заведеніями и учащихъ въ нихъ лицъ, — а равно о томъ, имѣютъ ли послѣднія установленныя для полученія должностей учительскія званія и состоятъ-ли на государственной службѣ, или преподаютъ изъ платы по найму.

Признавая необходимымъ, чтобы въ отчеты по осмотру названныхъ учебныхъ заведеній включались и объясненныя свѣдѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать соотвѣтственныя сему распоряженія по ввѣренному вамъ учебному округу.

8. (13-го января 1879 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ увеличеніи выдачи пособій бѣднымъ ученикамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.**

Въ представляемыхъ начальствами учебныхъ округовъ отчетахъ о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ причинъ, объясняющихъ пропуски учениками уроковъ и проистекающую чрезъ это малоуспѣшность ихъ, всего чаще встрѣчается указаніе на недостаточное матеріальное положеніе учащихся, отвлекающее силы ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей. При этомъ замѣчено также, что случаи пропусковъ учениками классовъ и неприготовленія уроковъ по причинѣ бѣдности становятся особенно часты за послѣдніе годы. Такое явленіе, очевидно, составляетъ слѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее время и между ними преимущественно дѣтей такихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ менѣе состоятельнымъ въ имущественномъ отношеніи классамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что наблюденіе учебнаго начальства за правильнымъ посѣщеніемъ учениками уроковъ не будетъ достигать ожидаемыхъ результатовъ, пока не будутъ приняты мѣры противъ причины, обусловливающей эти пропуски, — бѣдности учащихся. Принятіе же такихъ мѣръ представляется въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимымъ, что бѣдность въ средѣ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обнаруживается въ столь значительныхъ размѣрахъ, что такого рода случаи, какъ напримѣръ непосѣщеніе уроковъ за неимѣніемъ теплой или даже просто приличной форменной одежды, неприготовленіе уроковъ за неимѣніемъ свѣчъ, оставленіе учебнаго заведенія за невозможностью внести установленную плату за обученіе и тому подобные составляютъ чуть ли не обычныя явленія въ жизни почти каждаго заведенія.

Для лицъ, имѣвшихъ ближе ознакомиться съ законоположеніями о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могло пройдти незамѣченнымъ, что правительство, открывшее свободный доступъ въ сіи заведенія всѣмъ желающимъ, безъ различія званія и состоянія, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно стремилось и къ изысканію способовъ къ облегченію бѣднымъ учащимся прохожденія курса. Съ этою цѣлью въ разное время установлены слѣдующія мѣры.

1) Въ имѣющихся при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ пансіонахъ учреждены, на счетъ государственнаго казначейства, стипендіи Высочайшаго имени и казенныя въ размѣрѣ, достаточномъ для обезпеченія всѣхъ потребностей стипендіатовъ.

2) На основаніи дѣйствующихъ уставовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, бѣдные ученики, достойные по успѣхамъ и поведенію, освобождаются отъ платы за ученіе, съ тѣмъ однакожъ, что размѣръ освобождаемыхъ отъ платы не долженъ превышать 10% общаго числа учащихся.

3) Тѣми-же Уставами предоставлено: педагогическимъ совѣтамъ выдавать бѣднымъ ученикамъ, отличающимся успѣхами и поведеніемъ, единовременныя денежныя вспоможенія и ежегодныя стипендіи изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Такія выдачи по нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ достигаютъ до 500 руб. и болѣе.

Сверхъ сего разрѣшается недостаточнымъ ученикамъ старшихъ классовъ, отличающимся хорошими успѣхами и поведеніемъ, давать уроки за плату малоуспѣвающимъ ученикамъ, а также наблюдать, въ качествѣ дежурныхъ учениковъ, за ученическими квартирами, съ правомъ безплатнаго помѣщенія въ оныхъ на полномъ содержаніи или же съ освобожденіемъ отъ части платы, смотря по величинѣ и средствамъ квартиры.

и 5) По уставу реальныхъ училищъ, при сихъ учебныхъ заведеніяхъ учрѣждаются попечительства, на обязанность коихъ также возложено, между прочимъ, заботиться о пособіи успѣвающимъ ученикамъ.

Безъ сомнѣнія, эти мѣры доставляютъ значительную помощь нуждающимся ученикамъ; однакожъ однѣ онѣ оказались недостаточными, такъ какъ въ педагогическіе совѣты поступаетъ такое число прошеній объ освобожденіи отъ платы за ученіе и о выдачѣ пособій, что нѣтъ никакой возможности удовлетворить ихъ средствами сихъ заведеній. Правда, пособія бѣднымъ ученикамъ изъ спеціальныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ,

могли бы быть увеличены, но во всякомъ случаѣ, при изложенныхъ условіяхъ, нельзя уже ограничиться одною этою мѣрою и необходимо озаботиться пріисканіемъ другихъ способовъ къ облегченію положенія бѣдныхъ учащихся, въ числѣ каковыхъ наиболѣе дѣйствительнымъ представляется привлеченіе къ настоящему дѣлу частной благотворительности, что было-бы и вполнѣ справедливо, такъ какъ въ дѣлѣ этомъ по преимуществу заинтересовано само же общество.

Вашему превосходительству извѣстно, что по почину педагогическихъ совѣтовъ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ учреждены при сихъ заведеніяхъ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся. Число такихъ обществъ въ настоящее время достигаетъ до 20. Общества эти имѣютъ весьма простую организацію и состоятъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ, изъ коихъ первые дѣлаютъ единовременные болѣе или менѣе значительные взносы (приблизительно 50 руб.), а послѣдніе вносятъ ежегодно по 3—5 рублей. Часть такихъ взносовъ отдѣляется на образованіе запаснаго капитала, а остальное употребляется въ выдачу бѣднымъ ученикамъ на пріобрѣтеніе одежды, пищи, учебныхъ пособій, въ уплату за квартиру, за обученіе и т. п. Нѣкоторые изъ помянутыхъ обществъ успѣли уже образовать запасные капиталы около 8 тысячъ и выдаютъ бѣднымъ ученикамъ въ пособіе до 1 тысячи рублей въ годъ.

Имѣя въ виду, что означенныя общества существуютъ весьма короткое время, такъ что старѣйшее изъ нихъ учреждено не болѣе 5 лѣтъ назадъ, нельзя не считать достигнутыхъ ими результатовъ въ дѣлѣ благотворительности весьма значительными. Посему представляется полезнымъ и желательнымъ, чтобы дѣятельность помянутыхъ обществъ развивалась болѣе и болѣе на пользу воспитывающагося юношества и чтобы по примѣру ихъ учреждались подобныя имъ общества и при остальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ число бѣдныхъ учениковъ значительно.

Въ виду этого я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ и директорамъ и инспекторамъ прогимназій: 1) въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ по состоянію спеціальныхъ средствъ окажется возможнымъ, увеличить выдачи пособій бѣднымъ ученикамъ изъ сего источника и 2) озаботиться учрежденіемъ при ввѣреныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ обществъ вспомоществованія бѣднымъ учащимся, а гдѣ таковыя уже существуютъ, — дальнѣйшимъ устройствомъ и

развитіемъ дѣятельности сихъ обществъ, привлекая къ участію въ оныхъ своимъ авторитетомъ и вліяніемъ между родителями и родственниками воспитывающагося юношества тѣхъ изъ нихъ, которые обладаютъ достаточными средствами, а также вообще лицъ сочувствующихъ успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія. При этомъ ваше превосходительство не оставите обратить вниманіе начальствъ помянутыхъ учебныхъ заведеній, что успѣшное развитіе названныхъ обществъ при сихъ заведеніяхъ будетъ всецѣло зависѣть отъ той энергіи и отеческой попечительности, съ которыми они отнесутся къ настоящему дѣлу и что энергичное участіе ихъ къ облегченію матеріальнаго существованія нуждающихся учениковъ требуется отъ нихъ не только въ качествѣ начальниковъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеній, но и составляетъ высокій долгъ христіанскаго милосердія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Сост. А. Кирпичниковъ. Изд. 2. С.-Петербургъ 1879 г. Цѣна 75 коп."—одобрить, какъ учебное руководство при прохожденіи теоріи словесности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ этотъ предметъ преподается.

—Книги: 1) „Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій и прогимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латинскому языку. Составилъ Н. Базъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 85 коп. и 2) Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зюпфе, Гааке и др. для упражненій въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій, съ ссылками на грамматики Ходобая, Кесслера, Зейферта и стилистическими примѣчаніями. Сост. Н. Базъ С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 85 коп.—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по латинскому языку, первую изъ назначенныхъ книгъ—для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, а послѣднюю для среднихъ и высшихъ классовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.

—Брошюры подъ заглавіями: 1) „Что такое натуральная и прививная оспа? Подарокъ крестьянскимъ дѣтямъ отъ учителя за грамоту. Соч. Мих. Мих. Первушина. С.-Петербургъ 1872. Цѣна 10 к. 2) Какъ прививать оспу. Опытъ практическаго пособія для желающихъ заниматься оспопрививаніемъ. Сост. оспопрививатель Первушинъ. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 15 коп."—одобрить для библіотекъ городскихъ и сельскихъ низшихъ училищъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) „Генетическое изложеніе фонетики и морфологіи латинскаго языка. Съ краткимъ обозрѣніемъ осскаго и умбрійскаго языковъ. Пособіе для преподаванія латинскаго языка въ высшихъ классахъ гимназій. Сост. И. В. Нетушилль, преподаватель древнихъ языковъ въ Харьковской 3 гимназіи и латинскаго языка въ Маріинской женской гимназіи. Харьковъ 1878 г. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. II) Etude philologique de la langue française ou grammaire comparée et basée sur le latin par I. Bastin. Seconde partie (Syntaxe) St.-Pétersbourg, 1879"—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства, и, какъ учебное пособіе, для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта. С.-Петербургъ 1877 г. Выпускъ 7. 1) Воздушныя теченія (вѣтра) на картѣ всѣхъ частей свѣта. 2) Карта сѣверной Америки"—допустить въ фундаментальныя библіотеки гимназій, прогимназій и учительскихъ институтовъ.

— Книги подъ заглавіями: 1) Грамматика древняго церковнославянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Сост. для среднихъ учебныхъ заведеній П. Смирновскимъ. Изд. 2, исправленное. С.-Петербургъ 1877 г. Цѣна 60 коп.—одобрить какъ учебное пособіе для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. 2) Фр. Шниссъ. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ преподаватель Московской 6 гимназіи Н. Баталинъ. Выпускъ 1 (съ 44 нѣмецкаго изданія). Для 1 класса гимназій. Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по латинскому языку для 1 класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Ежемѣсячное изданіе: „Хозяйственный Строитель, выходящее

подъ редакціею П. Мижуева. 12 №№ за 1878 г. Цѣна 12 р. рекомендовать для пріобрѣтенія въ основныя и ученическія библіотеки реальныхъ училищъ и, гдѣ позволятъ средства, для выдачи въ награду ученикамъ, обнаружившимъ, при хорошихъ успѣхахъ по другимъ предметамъ курса, особую склонность къ строительному искусству.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день октября сего года Высочайше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Бѣлоцерковскаго реальнаго училища—портрета покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Владислава Ксаверьевича Браницкаго и Ялтинской Александровской мужской прогимназіи—портретовъ: г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, въ 4-й день истекшаго ноября, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Сумской гимназіи портрета г. министра народнаго просвѣщенія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, согласно представленію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа и на основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го октября 1875 г. мнѣнія государственнаго совѣта, предложеніемъ отъ 23-го декабря 1878 г. за № 13688, разрѣшилъ учредить въ Казанскомъ университетѣ три должности сверхштатныхъ ассистентовъ: при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники и при гигіеническомъ и геологическомъ кабинетахъ, съ производствомъ опредѣляемымъ на эти должности лицамъ содержанія по первымъ двумъ—по восьмисотъ рублей въ годъ и по послѣдней—въ количествѣ шестисотъ рублей въ годъ изъ остатковъ отъ суммы, ассигнуемой на содержаніе личнаго состава Казанскаго университета.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 4-го истекшаго ноября, разрѣшилъ открыть при II классѣ Динабургскаго реальнаго училища параллельное отдѣленіе, съ назначеніемъ платы за ученіе въ семъ отдѣленіи по шестидесяти руб. въ годъ съ каж-

даго ученика и съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію онаго на спеціальныя средства названнаго училища.

— Его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія, 9-го сего декабря, разрѣшилъ открыть при II классѣ Екатеринбургскаго реальнаго училища параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сей параллели расхода на общіе остатки отъ содержанія названнаго училища.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ возвысить, начиная съ 1-го января будущаго 1879 г.; плату за ученіе въ Бѣлоцерковскомъ реальномъ училищѣ съ 30 на сорокъ руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, 8-го сего декабря, разрѣшилъ ввести въ Саратовскомъ реальномъ училищѣ преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія, съ платою законоучителю по сту руб. въ годъ изъ спеціальныхъ средствъ названнаго училища, съ тѣмъ однакожь, чтобы число уроковъ по сему предмету было не менѣе двухъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія, 9-го сего декабря, утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Екатеринбургской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ этой гимназіи, съ 1-го января 1879 года, съ учениковъ приготовительнаго класса по 25 р., а съ учениковъ параллельныхъ классовъ по 35 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— 16-го истекшаго октября состоялось открытіе VIII дополнительнаго педагогическаго класса при Рыбинской Маріинской женской гимназіи.

— 25-го ноября 1878 г. открыто въ г. Зміевѣ, Харьковской губерніи, двухклассное городское по положенію 31-го мая 1872 г. училище, на первый разъ въ составѣ одного класса, въ который принято 22 ученика.

ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1878 г., въ официальномъ отдѣлѣ, одобрена книга, Русская Христоматія, для 3 и 4 класса, составленная Аркадіемъ Соснецкимъ, преподавателемъ Московскаго Николаевскаго института; слѣдуетъ читать: „Сосницкимъ".

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ И ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ [1].

II.

d) Святый Георгій и Горъ.

Въ 1876 году въ сентябрьской и декабрьской книжкахъ Revue archéologique появилось небольшое изслѣдованіе Клермонъ-Ганно, указывающее на совершенно новое основаніе для легенды св. Георгія. Клермонъ-Ганно могъ располагать довольно значительными средствами, которыя успѣла собрать западная наука для исторіи легенды; его авторитетъ въ области малоазіатской старины стоитъ выше всякаго сомнѣнія; онъ идетъ самымъ здравымъ, самымъ современнымъ научнымъ путемъ, отъ памятника къ выводу; поэтому его взглядъ заслуживаетъ внимательнаго обсужденія.

Въ изслѣдованіи Клермонъ-Ганно видны не только достоинства, но и недостатки современной археологической школы: онъ исходитъ изъ вѣскаго и несомнѣннаго факта, болѣе вѣскаго, нежели прошедшее черезъ сотни невѣжественныхъ рукъ плохо понятое извѣстіе писателя, — болѣе вѣскаго, нежели выраженіе религіознаго экстаза автора гимна (къ фразѣ котораго, фразѣ, иногда не осмысленной, съ языка сорвавшейся, изслѣдователи приступаютъ съ математическимъ масштабомъ),—болѣе достовѣрнаго, нежели сотни „ослоенныхъ" всѣми способами преданій, повѣрій, сказаній, растяжимостью которыхъ слишкомъ безцеремонно пользуются ученые; онъ, говорю я, исходитъ съ несомнѣннаго факта—египетскаго памятника, сходство ко-

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Ж. М. Н. Пр.* за январь 1879 года.

тораго съ коннымъ изображеніемъ Георгія, такъ сказать, руками осязаемо, объединяетъ христіанскаго святаго съ египетскимъ богомъ, объединяетъ не для этого случая, а вообще, и принимается за перетряхиваніе измочаленныхъ извѣстій о Георгіи, не отступая ни на шагъ отъ теоріи, не оглядываясь по сторонамъ; вѣдь онъ основывается на достовѣрномъ фактѣ.

Въ Луврскомъ музеѣ Клермонъ-Ганно нашелъ ажурный барельефъ, изображающій борьбу Гора съ Сетомъ или Тифономъ; Тифонъ изображенъ въ видѣ крокодила, что̀ встрѣчается не рѣдко; но Горъ (что̀ его именно имѣлъ въ виду художникъ, показываетъ голова копчика) изображенъ верхомъ на лошади, что̀ весьма удивительно, такъ какъ лошадь не играетъ никакой роли въ египетской миѳологіи; тѣмъ не менѣе авторъ вполнѣ удовлетворительно объясняетъ это извѣстнымъ трактатомъ Плутарха объ Озирисѣ и Изидѣ, какъ позднѣйшее явленіе. Барельефъ принадлежитъ къ III, можетъ быть, даже къ IV в. по Р. Х. Сходство его съ обыкновенными изображеніями Георгія несомнѣнно; есть ли это Горъ, уподобленный св. Георгію, или св. Георгій, уподобленный Гору,—авторъ не берется рѣшить. На счетъ изображеній Георгія съ змѣемъ авторъ, кажется мнѣ, въ странномъ заблужденіи: онъ говоритъ, что изображенія Георгія съ дракономъ восходятъ ко временамъ Константина. Откуда онъ это знаетъ? Изъ того, что Константинъ велѣлъ себя изобразить поражающимъ дракона. Но что̀ жь изъ этого слѣдуетъ? При чемъ тутъ Георгій? Мѣдный всадникъ попираетъ змѣя; но развѣ онъ Георгій?

Вся легенда о Георгіи, говоритъ Клермонъ-Ганно,—разыгрывается въ трехугольникѣ, основаніемъ котораго служитъ Средиземное море на сѣверъ и на югъ отъ Яффы; центръ его культа—Лидда (Діосполисъ), гдѣ предполагались его мощи. По старому преданію, приписываемому древними комментаторами самому Магомету, Іисусъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ—на конѣ и съ копьемъ въ рукахъ, убьетъ антихриста (Dadjdjâl) „на воротахъ Лидды“ или „на воротахъ храма въ Лиддѣ“. Это преданіе основано несомнѣнно на изображеніи Лиддскаго Георгія, въ которомъ была представлена его битва со змѣемъ; это подтверждается и другимъ текстомъ того же преданія, по которому „Іисусъ убьетъ кабана на воротахъ Іерусалима“, а исторически извѣстно существованіе барельефа съ изображеніемъ кабана X легіона, вдѣланнаго въ ворота Эліи Капитолинской. А что̀ такое самъ Dadjdjâl? Лексиконы до сихъ поръ объясняли это слово непосредственно изъ арабскаго корня, переводили словомъ „обманщикъ“ и считали ско-

рѣе за эпитетъ антихриста, нежели за его имя; Клермонъ-Ганно строитъ такую цѣпь фонетическихъ измѣненій: Dadjdjâl — Dadjâl — Dagâl — Dagân — Dagon. Такимъ образомъ арабскій антихристъ оказывается рыбообразнымъ богомъ Дагономъ, которому поклонялись Филистимляне въ Ездодѣ (Аздудъ, на югъ отъ Яффы), и котораго уже прежде сближали съ египетскимъ Сетомъ. Воспоминаніе о Дагонѣ не истребилось въ мѣстѣ его почитанія: арабскіе географы говорятъ о воротахъ Даджуна (Dadjoûn) въ Лиддѣ, и авторъ въ 1874 г. нашелъ недалеко отъ Лидды деревню съ этимъ именемъ; а на сѣверъ отъ Даджуна существуетъ деревня Beth Dadjan, по мнѣнію автора, перенесенная изъ Даджуна. Сличеніе Даджала съ Сетомъ авторъ подтверждаетъ указаніемъ на то, что Даджалъ называется сыномъ Saïd'а или Sayyad'а, имя котораго напоминаетъ финикійскаго бога Седа или Сида, а Седъ или Сидъ сохранился въ названіи деревни Saïdoun и въ имени женскаго бѣса Saïdâné.

Клермонъ-Ганно, высказывая эти интересныя соображенія, не указываетъ ни на источники, ни на пособія. Не-спеціалисту приходится вѣрить ему на слово.

Битва Персея съ дракономъ, продолжаетъ онъ,—локализированная близъ Яффы, восточнаго происхожденія, такъ какъ имена дѣйствующихъ лицъ удобно объясняются съ востока; Кефей легко сближается съ еврейскимъ: kêpha; Белосъ ясно говоритъ самъ за себя; Персей есть герой Аргосскій, а Аргосъ сынъ Агенора, который, какъ отецъ Феникса, Киликса и Кадма, представляетъ собою элементъ финикійскій; кромѣ того, самъ Кефей, отецъ Андромеды, называется иногда сыномъ Агенора. Между предками Персея фигурируютъ Belos и Aigyptos, связывающіе его одновременно и съ Финикіей, и съ Египтомъ. Персей соотвѣтствуетъ финикійскому богу Reseph (= пламя), сдѣлавшемуся намъ извѣстнымъ по кипрскимъ надписямъ и сближенному съ греческимъ героемъ уже самымъ именемъ (черезъ перестановку согласныхъ) [1]). Вотъ доказательства:

Резефъ, какъ это доказываютъ египетскіе памятники, имѣетъ при себѣ женское божество—Anat; это Anat—Anaitis переводится на греческій обыкновенно Артемидой; а Артемида есть женское божество, соотвѣтствующее Аполлону; слѣдовательно, Resêph=Аполлону.

---

[1]) Авторъ основываетъ возможность отожествленія на аналогіи: финикійская Anat (Anaïtes) отожествлялась на томъ же основаніи (?) съ Аѳиной.

Другое болѣе сильное доказательство: Аполлонъ имѣетъ эпитетъ Amyklaios, а Резефъ Кипрскій носитъ названіе Mikel или Mekil.

Третье доказательство, превращающее, по словамъ автора, догадку въ неопровержимый фактъ таково: современное имя города Арзуфа (Arsouf) стоитъ въ несомнѣнной связи съ именемъ бога Резефа (первоначальная форма имени города Resouph), а Греки назвали этотъ городъ Аполлоніей.

Что касается до тожества Персея и Аполлона, его и доказывать излишне. И такъ, Резефъ = Аполлону, а Аполлонъ = Персею, слѣдовательно, Резефъ = Персею. Съ другой стороны, египетскій городъ Едфу (Edfou), центръ поклоненія Гору, также назывался Аполлонополисъ. Отсюда Горъ = Аполлону = Резефу=Персею. Это сближеніе подтверждается тѣмъ, что Геродотъ говоритъ о какомъ-то Персеѣ, котораго почитали въ Египтѣ, и что Плутархъ говоритъ объ участіи въ миѳѣ Изиды Диктиса (Δίκτυς), какъ извѣстно, играющаго очень важную роль въ миѳѣ о Персеѣ.

Еще подтвержденія: Резефъ (Решпу) египеткихъ памятниковъ вооруженъ копьемъ, колчаномъ и сѣкирой; соотвѣтствующая ему богиня Анатъ вооружена на азіатскихъ памятникахъ кривою саблею. Резефъ такимъ образомъ соединяетъ копье Гора, лукъ Аполлона и саблю Персея. Крылья Персея и его эпитеты, указывающіе на его способность летать, сближаютъ его съ Горомъ—ястребомъ; Персею помогаютъ Меркурій и Минерва; имъ соотвѣтствуютъ въ миѳѣ Озириса Thoth и Изида. Миѳъ относился первоначально только къ Гору; можетъ быть, на египетской же почвѣ онъ былъ перенесенъ на Резефа финикійскаго. Чудовище, которое убиваетъ въ Яффѣ Персей, называется то драконъ, то Ketos. Драконъ есть, можетъ быть, ничто иное, какъ Dagon, но вотъ что во всякомъ случаѣ несомнѣнно: въ Яффѣ обожали рыбообразную богиню Деркето или Keto; она есть женское божество, отвѣчающее Дагону, то-есть, Dadjdjâl'y. Персей черезъ Резефа сближается съ пламенемъ, и дѣйствительно, у Павзанія Дамасскаго мы находимъ такую легенду: Персей царствовалъ надъ Персіей; узнавъ, что Іонійцы, потомки Аргосцевъ, поселились въ Сиріи, онъ отправляется къ нимъ; рѣка Драконъ (Оронтъ) заградила ему путь; но по молитвѣ его и народа съ неба сходитъ огонь и унимаетъ разливъ; часть этого небеснаго огня сохранена, и съ этихъ поръ Персы начинаютъ поклоняться огню. Битва Резефа и Дагона происходитъ въ Яффѣ, на полпути между городами Арзуфомъ и Эс-

дудомъ; въ послѣднемъ городѣ намъ по Библіи извѣстна битва, происшедшая между Іеговой и Дагономъ.

Есть одно обстоятельство, рѣзко отдѣляющее Персея отъ Георгія: Персей сражается съ дракономъ пѣшкомъ; за то тѣмъ ближе къ Георгію другая разновидность того же типа — Беллерофонъ, всегда изображаемый верхомъ и часто съ нимбомъ на головѣ [1]).

Впрочемъ, гдѣ сближеніе не удается на почвѣ археологіи, тамъ изслѣдователю открыта лингвистика: Персей, переписанный по семитически, долженъ дать форму Paras, что значитъ и всадникъ, и лошадь. Къ тому же у мусульманъ есть миѳическая личность Али (которому существуетъ спеціальное святилище именно въ Резефовомъ городѣ Арзуфѣ); этотъ Али отвѣчаетъ обще-семитическому богу El, смѣшивается у мусульманъ съ Elie и Георгіемъ; этому Али приписываетъ одна бедуинская легенда, записанная авторомъ, крылатаго коня Маимуна, арабскаго Пегаса.

Новая компликація — земледѣльческая: Дагонъ по еврейски значитъ рожь и рыба. Этому отвѣчаютъ (?) слѣдующія сказанія: Персей часто являлся Египтянамъ, и такое явленіе предсказывало имъ хорошій урожай. Санхоніатонъ объясняетъ Дагона посредствомъ эпитета Σιτών, а Σιτώ есть прозваніе Деметры; того же Дагона онъ приравниваетъ къ Зевсу Arotrios'у или Georgos'у, приписываетъ ему изобрѣтеніе ржи и телѣги, а этого Зевса-земледѣльца обожали, по видимому, въ Лиддѣ-Діосполисѣ, такъ какъ на монетахъ этого города его голова является рядомъ съ головою Цереры.

Имя Георгія говоритъ само за себя; къ тому же одна изъ его казней упоминаетъ жернова. Арабское имя Георгія Khidr значитъ зеленый, и по сказанію, земля покрывается зеленью вездѣ, гдѣ онъ проходитъ или садится. „Наконецъ—и я приписываю этому указанію очень большую важность — одинъ старый мусульманско-арабскій географъ Moqaddesy, родившійся въ Палестинѣ, говоритъ, что въ ихъ

---

[1]) Удивляюсь, какъ по поводу Беллерофона и Пегаса авторъ не привлекъ къ дѣлу Издубара, освобождающаго дѣву отъ морскаго чудовища, и его крылатаго быка. На этомъ пути ученый оріенталистъ могъ бы пріидти къ болѣе плодотворнымъ результатамъ. Впрочемъ и этотъ путь не безъ опасностей: на сколько обще подобное представленіе, показываетъ рисунокъ, доставленный изъ Америки Ал. Гумбольдтомъ и изображающій «eine weibliche Figur im Moment der Gefahr von einem *Seeungeheuer* verschlungen zu werden (*Creuzer*, Deutsche Schriften, II, 2, 303).

странѣ посѣвъ начинался съ великаго лиддскаго праздника, то-есть, со дня св. Георгія, который неизмѣнно праздновался 23-го апрѣля".

Нерѣдки въ миѳологіяхъ случаи, что два божества враждующія — одно благодѣтельное, другое враждебное, замѣняютъ другъ друга. Клермонъ-Ганно находитъ подобное же явленіе и въ миѳѣ, который породилъ культъ Георгія: Мусульманскій Khidhr одновременно совмѣщаетъ въ себѣ и Георгія-Гора, и его врага Тифона; онъ не только сухопутное, но и морское божество, близкое къ Главку. Главкъ, какъ извѣстно, морское божество; его эпитеты πόντιος и θαλάσσιος; къ нему взываютъ моряки во время бури; онъ ежегодно объѣзжаетъ моря и предсказываетъ будущее; онъ безсмертенъ и по нѣкоторымъ сказаніямъ мучится отъ своего безсмертія [1]). Другой Главкъ, какъ отецъ Беллерофонта, конное божество, и его эпитетъ ταράξιππος; золотой щитъ Гомеровскаго Главка спасаетъ Діомеда въ его битвѣ съ дракономъ; сходное съ Главкомъ по роду дѣятельности божество — Протей носитъ прямо эпитетъ Αἰγύπτιος.

Кидра и Главка сближаетъ, вопервыхъ, имя [2]). Мусульмане, образовавшіе одну фигуру изъ Khidhr-Elias, говорятъ, что второго слѣдуетъ призывать на землѣ, а перваго на морѣ. Кидръ вѣчно обѣгаетъ моря, Эліасъ—землю, они сходятся одинъ разъ въ году; они защитники путешественниковъ. Кидръ отыскиваетъ утопленниковъ и хоронитъ ихъ. Знаніемъ своимъ онъ далеко превосходитъ Моисея. Главкъ— старецъ и негодуетъ на свою старость. Кидръ, когда къ нему приходитъ Моисей,—юноша, но съ длинною сѣдою бородой. Кидръ пріобрѣлъ безсмертіе, съѣвъ плодъ древа жизни или выпивъ изъ источника живой воды. Такимъ образомъ Кидръ, по словамъ автора, какъ божество морское (см. разказъ о рыбѣ, которая вела къ нему Моисея), съ одной стороны, соотвѣтствуетъ Дагону, а слѣдовательно, и Тифону, съ другой—св. Георгію, а слѣдовательно, и Гору [3]). Черезъ Главка Кидра можно отнести и къ числу небесныхъ божествъ. Главкъ по Аристотелю жилъ на Делосѣ; его пророческая сила оказывается больше Аполлоновой, и онъ признается учителемъ Аполлона въ предсказаніи; Кидра съ небомъ сближаетъ одно изъ названій неба: Khadhra—зеленая.

---

[1]) *Ersch* и *Gruber*, s. v.

[2]) γλαυκός—свѣтлый, свѣтлосиній, голубой.

[3]) При этомъ случаѣ авторъ дѣлаетъ попытку объяснить имя Khidhr'а изъ греческаго языка (?!) черезъ ὕδωρ и ὕδρα, но впрочемъ не крѣпко стоитъ за нее.

Клермонъ-Ганно такъ резюмируетъ свое изслѣдованіе. Онъ пытался выяснить:

1) Тожество Персея и Резефа и ихъ родство съ Горомъ.

2) Тожество Андромеды и Анаты.

3) Начало города Арсуфа.

4) Воспоминаніе о Дагонѣ въ мусульманскомъ Даджалѣ.

5) Начало апокрифической легенды о св. Георгіи.

6) Сложный характеръ баснословнаго Кидра, его тожество съ Главкомъ и съ древнимъ финикійскимъ морскимъ божествомъ.

Авторъ самъ признаетъ, что многія изъ его сближеній покажутся черезчуръ смѣлыми, но не надо забывать, говоритъ онъ,—что въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительность часто оставляетъ за собою смѣлыя и невѣроятныя теоріи. Онъ ссылается на примѣръ арійскихъ миѳологовъ, которые находятъ въ своей области еще болѣе странныя метаморфозы и смѣшенія.

Признаюсь, и этотъ примѣръ, и это общее разсужденіе представляетъ мало утѣшительнаго. Всѣмъ извѣстно, что арійствующіе натурмиѳологи проявили поразительную, ни передъ чѣмъ не останавливающуюся смѣлость мысли и находили такія странныя комликаціи, при которыхъ измышленія книжника, искаженное античное или церковное литературное преданіе оказывались благоуханнымъ миѳомъ арійской прародины; но едва ли эта смѣлость принесла большую пользу положительному знанію. Во всякомъ случаѣ тѣ несомнѣнные, всѣми признанные результаты, которые добыли натурмиѳологи, слишкомъ незначительны сравнительно съ затраченною массой эрудиціи и таланта, и виновата въ этомъ въ значительной степени излишняя смѣлость, страсть къ нагроможденію конъектуръ и ничего не дающихъ сличеній. Конечно, не было недостатка и въ другихъ причинахъ, между прочимъ—и въ свойствѣ извѣстной части матеріала, подлежавшаго истолкованію натурмиѳологовъ; сказки, пѣсни, повѣрья, обряды—матеріалъ живой; а наши науки, увы! привыкли имѣть дѣло съ мертвою буквой, съ потерявшими смыслъ обломками. Старые тексты и обломки бѣдны и неясны; за то они не подавляютъ изслѣдователя непривычными формами, богатымъ содержаніемъ; привычною рукою, по избитымъ топикамъ: quis, quid, ubi, онъ дополняетъ и изъясняетъ ихъ, добиваясь не verum, но verisimillimum; путь медленный, за то вѣрный. По этой же причинѣ можемъ ожидать и отъ семитологовъ меньше смѣлости и конъектуръ, но больше фактовъ и дѣла. Въ народныхъ вѣрованіяхъ дѣйствительность невѣроятна, невѣ-

роятнѣе теоріи, но дѣйствительность одна, а теорій можетъ быть много. Ясно, что если нѣсколько изслѣдователей, руководствуясь принципомъ Клермона-Ганно, постараются составить нѣсколько смѣлыхъ теорій, можетъ быть, ни одна изъ нихъ не будетъ отвѣчать дѣйствительности, и наука обогатится только безполезными, другъ друга отрицающими конъектурами.

Перехожу къ разбору положеній автора: какія изъ его конъектуръ могутъ быть признаны за вѣроятныя и могутъ найдти новыя подтвержденія? Какія слѣдуетъ признать не обоснованными и даже противорѣчащими истинѣ?

Мѣстомъ дѣйствія легенды о Георгіи Клермонъ-Ганно считаетъ Финикійское прибрежье. Достаточно ли для этого данныхъ? Исторія о битвѣ съ дракономъ, на которой вертится все изслѣдованіе Клермона-Ганно въ славянскихъ (а слѣдовательно, и въ греческихъ) текстахъ пріурочивается къ городамъ Лаосіи, Нагаву, Гевалу, въ латинскихъ — къ Silene; все это мѣста не приморскія, такъ какъ драконъ выходитъ изъ озера. Позднѣйшія сказанія, дѣйствительно, пріурочиваютъ битву Георгія съ змѣемъ къ берегу Средиземнаго моря, о которомъ идетъ рѣчь [1]), но это, по видимому, надо объяснить преданіемъ о Персеѣ, упорно державшимся въ этомъ мѣстѣ [2]). Еслибы мы имѣли основаніе считать битву Георгія съ змѣемъ за основу сказанія, мы признали бы его христіанизированнымъ Персеемъ и смѣло пріурочили бы его къ этой мѣстности; но о змѣѣ мы получаемъ только позднія извѣстія, а Персида и Моссулъ, гдѣ является Георгій апокрифа и мусульманскихъ сказаній, противорѣчатъ географіи Клермона-Ганно. Отсутствіе раннихъ изображеній Георгія, поражающаго змѣя, также мѣшаетъ намъ признать внушающей довѣріе конъектуру о происхожденіи лиддскаго hadith'а о битвѣ Исы съ Антихристомъ; можетъ быть, это и такъ, но доказательствъ мы не имѣемъ и бродимъ въ circulo vicioso: hadith объясняется изображеніемъ, а существованіе изображенія основывается только на hadith'ѣ. Не вѣроятнѣе ли предположить существованіе въ

[1]) Напримѣръ, Мандевиль: Scelta di curiosità и пр. CXIII: Di quivi si va a Baruth dove S. Georgio ucise il dragone, стр. 152. Ср. *Sepp*, Jerusalem etc. Schaffhausen, 1863, II, 349 и др.

[2]) Св. Іеронимъ, Comm. in Ionam I, 3, еще видѣлъ у Яффы скалу, къ которой, говорятъ, была привязана Андромеда, а Мандевиль (l. c., 40) такъ же видѣлъ желѣзныя цѣпи, которыми былъ прикованъ великанъ Andromades (sic).

Лиддѣ такого изображенія, гдѣ побѣдителемъ врага рода человѣческаго былъ самъ Иса? [1]).

Не-оріенталистъ не въ состояніи опредѣлить, насколько вѣроятенъ переходъ Дагона въ Даджала; впрочемъ, нашей легенды Даджалъ прямо и не касается; тѣмъ не менѣе, старанія Клермона-Ганно сблизить эти два слова даютъ драгоцѣнный фактъ для объясненія имени мучителя Дадіана. Любопытно, что авторъ повидимому и не подозрѣвалъ существованія такого имени въ легендѣ; слѣдовательно, его никакъ нельзя заподозрить въ натяжкѣ; Клермонъ-Ганно, не зная того, оказалъ услугу пренебреженной имъ легендѣ, и легенда, съ своей стороны, не остается у него въ долгу: пріуроченный къ Персіи Дадіанъ оказываетъ поддержку мусульманскому антихристу Даджалу, который долженъ происходить изъ Персія.

Восточный элементъ [2]) въ миѳѣ Персея до насъ не касается; не касается до насъ непосредственно и финикійскій Резефъ, но нельзя не замѣтить, что доказательства его тожества съ Персеемъ въ высшей степени слабы. Не знаю, что̀ по финикійски значило Mikel или Mekîl, но во всякомъ случаѣ эпитетъ Ἀμύκλαῖος, происходящій отъ имени города Амиклеи, не можетъ объяснить намъ Резефа. Основываться на классическомъ переводѣ варварскихъ боговъ, значитъ — на пескѣ строить свое зданіе. Давно уже извѣстно, какими случайными чисто внѣшними признаками руководствовались переводчики: еслибы мы не знали величественной фигуры Одина-Водана по туземнымъ памятникамъ, какое понятіе далъ бы намъ о немъ Меркурій Тацита? Аполлинополисомъ могли быть окрещены города, служившіе центромъ поклоненія весьма разнообразнымъ божествамъ.

Обращаюсь къ египетскому Гору, какъ къ центральному пункту изслѣдованія. Клермонъ-Ганно принадлежитъ къ числу тѣхъ сличителей, которые не любятъ вполнѣ высказывать, что̀ хотятъ они сказать своими сличеніями, однако онъ довольно ясно выражаетъ мысль, что мѣсто рожденія всѣхъ битвъ съ чудовищами—Египетъ, и что̀ прототипъ всѣхъ побѣдителей — Горъ.

Подлинные и сравнительно древніе тексты и изображенія Египта подтверждаютъ свидѣтельство Плутарха о Горѣ, побѣдителѣ Тифона

---

[1]) По Sepp'у l. c., I, 24 битва будетъ происходить не на воротахъ, а *vor dem Thore*, am Quecksilberbrunnen.

[2]) Онъ замѣченъ еще много ранѣе Клермона Ганно; см. *Preller*, 3-е изд. Griech. Myth., II, 593.

(Wilkinson: Manners and costoms of the anc. Egyptians, II ser., I, 34, 395, 378; II, 36, 206, 208); онъ часто изображается убивающимъ змѣя, иногда и человѣка; позднѣе же въ эпоху Птоломеевъ битва Ра и его сына Гора съ ихъ врагомъ Toth изображается въ совершенно прозаическихъ чертахъ, какъ битва двухъ войскъ [1]). Горъ въ несомнѣнной связи съ солнцемъ [2]); но нѣтъ никакого основанія разграничивать по всему Египту копчика солнца отъ крокодила, такъ какъ Савакъ, крокодилоголовое божество, почитавшееся въ Ѳиваидѣ, изображалъ солнце, и въ Омбосѣ въ одномъ и томъ же храмѣ находятся копчикоголовый Ароэрисъ и крокодилоголовый Савакъ. Вилькинсонъ (II, 2, 208) считаетъ невѣроятнымъ разказъ Эліана о томъ, что коптиты распинали копчика, такъ какъ солнце почиталось и коптитами. Различаютъ двухъ Горовъ, старшаго Har-uer (Aruĕris), и Har-pe-chrati (Гарпократа) — Гора ребенка [3]). „Защитникомъ отца“ называется именно младшій Горъ (Wilk. II, 395).

Что̀ же общаго между Горомъ и Персеемъ? Битва съ змѣемъ, имѣющая общее натурмиѳологическое или еще болѣе общее нравственное значеніе дорого доставшейся побѣды добра надъ зломъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, и Аполлонъ, и Беллерофонъ, и св. Георгій, и императоръ Константинъ въ изображеніи, о которомъ говоритъ Евсевій, дѣйствуютъ одинаково, но развѣ возможно относить къ одному источнику всѣ подобныя изображенія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ ни одной общей черты, нѣтъ даже дѣвицы, за которую бьются Персей, Георгій и Константинъ?

Перехожу къ одному изъ интереснѣйшихъ пунктовъ изслѣдованія мусульманскому Хызру или Кидру [4]).

Извѣстно, что до Магомета въ Аравіи было много христіанъ, особенно еретиковъ, которые скрывались туда во время гоненій; из-

---

[1]) *Revue politique et littéraire* 1872 г., 465, ст. *Масперо*.

[2]) Wilk. II, 400, солнце и луна—его глаза.

[3]) *Parthey*: Plut. Ueber Isis und Osiris, Berl. 1850.

[4]) Другія формы его имени: Kheder, Kheder (*D'Osson*, Tableau general de l'empire Ottoman T. I, 1788, стр. 187). Слившись съ Ильею, его имя даетъ форму Khidrellez. По словамъ Hammer'a Theol. Stud. u. Krit. 1831. 830, *Chedhreli* есть собственно названіе праздника 24-го апрѣля; въ Памятникахъ народнаго быта Болгаръ *Каравелова*, 109, одинъ св. Георгій называется Едрелесъ. Арабскіе словари сближаютъ его съ небомъ. Сказанія о немъ см. *Rosenöl* и др., *Hammer*, Geschichte der schönen Redkünste Persiens, Wien 1818, стр. 19—20.

вѣстно, что даже нѣкоторые царьки Аравіи принимали христіанство [1]); извѣстно, наконецъ, что, завоевавъ Сирію, мусульмане столкнулись съ христіанскою культурой, и секты у нихъ возникаютъ именно подъ вліяніемъ христіанъ, которые даже въ Дамаскѣ пользовались равноправностью [2]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мусульмане очень рано получаютъ отъ христіанъ легенду о Георгіи, имя котораго въ арабской транскрипціи естественно получило форму Джерджиса.

Мы видѣли (см. гл. I), какимъ перемѣнамъ подвергся апокрифъ въ устной передачѣ мусульманскаго востока. Во всѣхъ приведенныхъ тамъ случаяхъ мы находимъ то же христіанское имя и ту же легенду. Джерджисъ вездѣ великомученикъ Георгій христіанской церкви.

Существенно отличенъ отъ него Хызръ мусульманскихъ сказаній; имя его единогласно объясняютъ прилагательнымъ зеленый или причастіемъ зеленящій (der allbegrünende: Hammer, Gesch. d. Redkünste и пр., l. c.). Онъ—геній весны, одѣвающій деревья зеленью, безсмертный защитникъ насчастныхъ, совѣтникъ князей, мститель за неправду, путеводитель по пустынѣ и вѣчно юный стражъ источника жизни; у Персовъ Kedar переводитъ въ день суда праведныхъ черезъ мостъ Чинавадъ (у мусульманъ Ssirat: Hammer, Teol. Stud. 830). Нѣкоторые считаютъ его Ильею, другіе — Енохомъ (поводъ къ сближенію, очевидно, даетъ безсмертіе), иные—племянникомъ Авраама (? Herbelot s. v.), но чаще — самостоятельнымъ лицемъ. Онъ, подобно Вѣчному Жиду, бродитъ, какъ живое свидѣтельство тлѣнности и измѣняемости всего земнаго; видитъ онъ обширный городъ и спрашиваетъ: „Давно ли онъ стоитъ здѣсь?“ „Онъ вѣчно былъ здѣсь“, отвѣчаютъ ему жители. Черезъ пятьсотъ лѣтъ онъ снова приходитъ на то же мѣсто; смотритъ: нѣтъ города, и люди собираютъ траву. „Давно ли погибъ стоявшій тутъ городъ?“ спрашиваетъ Хызръ. „Здѣсь никогда не было ничего кромѣ степи“, получаетъ онъ въ отвѣтъ [3]).

---

[1]) См., напримѣръ, царствованіе Номана у *Caussin de Perceval* Essai sur l'histoire des Arabes, 1847 г., т. II. Тамъ же свидѣтельство о существованіи многихъ христіанскихъ епископовъ во внутренней Аравіи.

[2]) См. *Alfr. Kremer*, Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams. Leipzig, 1873.

[3]) Разказъ этотъ обработанъ Рюккертомъ по Kazwini, см. Die Quelle von Rückerts Parabel Chidher“ v. *R. Boxberger* (*Arch. f. Literaturgeschichte*, V, 2, 274. Предположеніе о его буддійскомъ происхожденіи не подтверждено достаточно.

Онъ воскрешаетъ почти истлѣвшаго осла одного благочестиваго человѣка, который усумнился въ возможности воскресенія мертвеца, и увѣряютъ, что текстъ Корана, говорящій о воскресеніи, основанъ именно на этомъ сказаніи (Rosenöl, 120). Всего подробнѣе извѣстна его встрѣча съ Моисеемъ, который въ обществѣ Іисуса Навина отправляется къ Хызру за наукою. Путешествуя вмѣстѣ съ Моисеемъ, онъ доказываетъ ему преимущество сверхъ естественнаго знанія надъ человѣческимъ, постигающимъ только видимое и настоящее [1]. Онъ является къ Соломону и дополняетъ его мудрость доказательствомъ необходимости зла; онъ направлялъ своими совѣтами Александра Македонскаго, и къ нему же пришелъ Александръ за водой безсмертія, но не получилъ ее, потому что слишкомъ жадно схватился за чашу и пролилъ воду [2].

Изъ послѣдняго факта ясно видно, что Хызръ-фигура сложная: въ немъ ясно отдѣляются по крайней мѣрѣ двѣ личности: стражъ земнаго рая, источника безсмертія, и безсмертный странствующій мудрецъ. Какъ мудрецъ и покровитель странниковъ, Хызръ — старикъ съ посохомъ; какъ хранитель источника, онъ — цвѣтущій юноша; связью служитъ безсмертіе. По существу, съ Георгіемъ ни та, ни другая фигуры не имѣютъ почти ничего общаго; что же ихъ сближаетъ [3]?

Зеленый юноша, охраняющій воду безсмертія, оживляющій мертвыхъ животныхъ и омертвѣлыя растенія — богъ весны, и праздникъ ему былъ, конечно, весенній. Георгій легенды оживляетъ вола, заставляетъ пустить ростки сухое дерево, и праздникъ ему совершается 23-го или 24-го апрѣля; болѣе, чѣмъ достаточно основаній для объединенія [4].

---

[1] Этотъ разказъ уже находится въ Коранѣ XVIII, 51 и слѣд.; онъ стоитъ въ несомнѣнной литературной связи съ извѣстною русскою легендой объ ангелѣ.

[2] Другіе говорятъ, что это былъ не Александръ, а другой болѣе древній владыка земли.

[3] *Kleuker* въ Anhang zum Zeudavesta, Leipz. 1781, т. I, стр. 261, 278 и слѣд., говоритъ о нѣсколькихъ кедарахъ, какъ о стремленіяхъ души: *двухъ кедарахъ* при жизни и двухъ кедарахъ, какъ *вожакахъ* послѣ смерти черезъ моетъ Чинавадъ.

[4] Перекрещиваніе христіанскихъ святыхъ странными именами — явленіе не безпримѣрное: D'Ohsson (l. c., стр. 184) говоритъ, что 26-го октября Турки празднуютъ св. Димитрію, «que l'on appelle Cassim». Сближеніе Георгія съ Хызромъ и именно съ Хызромъ, уже слившимся съ Ильею, — явленіе отнюдь не новое. Іоаннъ Кантакузенъ въ XIV в. писалъ: Γεώργιος δς καὶ παρ'αὐτῶν τῶν Μουσουλμάνων τιμᾶται, ονομάζεται δὲ παρ' αὐτῶν: Χετὴρ 'Ηλίαζ..

Что касается до этой двойственности Хызра (которая нашла себѣ удачное выраженіе въ слитномъ имени Кедрелеса) и до отожествленія юноши Георгія съ старикомъ, мы найдемъ то же самое и на Руси: въ народныхъ миѳическихъ представленіяхъ одинаково часто встрѣчается и распаденіе одной фигуры на нѣсколько именъ, и экономничанье, сливающее вмѣстѣ фигуры, связанныя чертами даже не первостепенными.

Не заключить ли, что легенда о Георгіи обязана своимъ происхожденіемъ миѳу древне-аравійскаго Хызра, въ которомъ мы находимъ всѣ ея существенныя черты: оживленіе животныхъ и растеній, безсмертіе, враждебныя отношенія къ царямъ [1])?

Еслибъ у насъ были въ рукахъ фактическія доказательства древности миѳа, мы не усумнились бы въ этомъ; но про доисламитскаго Хызра мы ничего не знаемъ [2]), и литературныя соображенія заставляютъ скорѣй приписать въ нѣкоторыхъ сходныхъ пунктахъ оригинальность Георгію и подражательность Хызру: въ Хызрѣ очевиденъ позднѣйшій, философскій элементъ; эпизодъ объ оживленіи осла мотивированъ плохо и плохо связанъ съ ни на что не нужнымъ пятисотлѣтнимъ сномъ.

Клермонъ-Ганно сближаетъ Хызра съ Главкомъ; дѣйствительно, сходство бросается въ глаза: они оба больше люди, чѣмъ боги, что, впрочемъ, объясняется позднѣйшими эвгемеристическими стремленіями; затѣмъ ихъ сближаетъ вѣчное странствованіе, знаніе будущаго и значеніе имени. Клермонъ-Ганно могъ бы обратить вниманіе еще

---

[1]) Хызръ былъ казненъ однимъ шахомъ (слѣд. царемъ *Персіи*) и ушелъ отъ него, неся свою голову въ рукахъ, *Rosenöl*, l. c., *Migne*, Patr. t. CLIV, стр. 512—513).

[2]) *Hammer* (Theol. Stud., 1831, II, 831) склоняется къ тому мнѣнію, что это фигура парсійская, выродившаяся изъ Митры, и что арабская форма есть осмысленіе персидской *Kedar*. Весьма вѣроятно; по крайней мѣрѣ профессоръ Крель, внимательнѣе другихъ изслѣдовавшій въ послѣднее время доисламитскую религію Арабовъ, не нашелъ тамъ слѣдовъ Хызра. Но тогда остается открытымъ вопросъ о персидскомъ Кедарѣ. Кажется, въ позднѣйшее время функціи персидскаго Кедара перешли на другую миѳическую фигуру, Сама, безсмертнаго мудреца (см. *Spiegel*, Eran. Alterth., II, 557, 560. и DMG. 9, III, 251). Онъ же, замѣнивъ Митру, явится въ концѣ міра спеціальнымъ врагомъ Дахаки. Что касается до связи Хызра съ Митрою, на нее указалъ еще *Seil*, Mithrageheim. стр. 547, который склоненъ переводить знаменитую надпись: *Nama Sabasio* — Lob dem Grünen.

на одно обстоятельство: Главкъ про себя разказываетъ [1]), что онъ наловилъ рыбы и положилъ около себя; вдругъ она коснулась какой-то чудесной травы и прыгнула въ море; Главкъ съѣлъ той же травы, прыгнулъ въ море и превратился въ морское божество. Въ Табари разказывается, какъ Моисей и Іисусъ Навинъ нашли Хызра: они взяли съ собою для пропитанія сухую рыбу, и дойдя до мѣста, гдѣ живетъ Хызръ, положили рыбу на камень; вдругъ на нее попала капля изъ источника, она ожила и прыгнула въ море.

Послѣднимъ разказомъ Клермонъ-Ганно воспользовался только для того, чтобъ изъ сухой рыбы вывести заключеніе о связи Хызра съ моремъ, но эпизодъ о Главкѣ онъ оставилъ безъ вниманія; между тѣмъ именно въ этомъ пунктѣ видна несомнѣнная родственная связь этихъ двухъ фигуръ. Выше было указано, что къ Хызру за водой безсмертія является Александръ; къ тому же Александру у Псевдокалисѳена, а чрезъ него и въ болгарскихъ сказаніяхъ пріурочивается иной разказъ о добываніи воды безсмертія, несомнѣнно обязанный своимъ происхожденіемъ исторіи Главка: его роль играетъ сестра, дочь или поваръ Александра, и въ болгарскомъ сказаніи на классическій миѳъ возлагается обязанность объяснить происхожденіе славянской миѳологической фигуры— самовилы (см. Arch. Ягича, I, 3, стр. 608 статья пр. Веселовскаго). Но въ функціяхъ Главка и Хызра сходство не такъ велико какъ думаетъ Клермонъ-Ганно: Главкъ — исключительно морское божество, и Клермонъ-Ганно на стр. 391 увѣряетъ, что Хызръ помогаетъ путешественникамъ на морѣ, а Илья на землѣ. Рейно (l. c., 170) увѣряетъ, что Хызръ охраняетъ странниковъ на сухомъ пути, а Илья на морѣ, и приводитъ разказъ о томъ, какъ Хызръ велъ Евреевъ черезъ пустыню [2]). Кто изъ двоихъ правъ — мы судить не можемъ; весьма вѣроятно, что оба извѣстія справедливы; во всякомъ случаѣ говорить о спеціально морскомъ Хызрѣ мы не имѣемъ основанія.

Но мнѣ не совсѣмъ понятно, что̀ именно хочетъ сказать Клермонъ-Ганно своимъ сличеніемъ Хызра съ Главкомъ? Подробный разборъ этого вопроса можетъ быть очень плодотворенъ для рѣшенія вопроса объ источникахъ Псевдокаллисѳена или мусульманскихъ легендъ; но

---

[1]) Ov. Met. XIII, 915 и др.

[2]) Въ вышеуказанномъ эпизодѣ Александріи Хызру-путеводителю не соотвѣтствуетъ ли старикъ, дающій мудрый совѣтъ, какъ пробраться черезъ пустыню?

что̀ могутъ дать эти сличенія для уясненія генезиса фигуры Георгія, еще не слитаго съ Хызромъ? Вѣроятно, Клермонъ-Ганно полагаетъ, что и Главкъ, и Хызръ суть отзвукъ той же фигуры Гора-Резефа-Персея; но здѣсь ни въ Главкѣ, ни въ Хызрѣ нѣтъ и той единственной черты, которой авторъ Гора связываетъ со всѣми драконоубійцами; Главкъ, со щитомъ котораго Діомедъ боролся противъ дракона,—очевидная натяжка.

Остается разсмотрѣть еще одну „миѳическую" фигуру — Али. Для Клермона-Гано вполнѣ достаточно крылатаго коня Али, чтобы отожествить его съ Персеемъ, а слѣдовательно, и со всѣми драконобойцами; мы имѣемъ возможность указать на самую битву Али съ змѣемъ. Извѣстный оріенталистъ Лерхъ по книгѣ Джемса Эббота (James Abbot: Narrative of a journey from Herat to Khiva и пр. 1856, I, 229—239; по 1-му изд. 239 и слѣд.) излагаетъ [1]) два преданія о битвѣ съ змѣемъ. Второе изъ нихъ, кандагарское, разказываетъ, какъ обреченную на съѣденіе змѣю дѣвицу явился спасать Али—мечъ вѣры; онъ увѣщеваетъ ее надѣяться на небесную помощь, ѣдетъ противъ дракона и убиваетъ его. Разлагающійся трупъ дракона производитъ язву; Али берется удалить ея причину съ тѣмъ условіемъ, чтобы жители обратились къ истинному Богу; тѣ обѣщаютъ; тогда онъ запретилъ кому бы то ни было приближаться къ этому мѣсту и по его молитвѣ все, что было въ этомъ районѣ (въ томъ числѣ и старуха, нарушившая приказаніе святаго), обращено въ камень. Разказчикъ говоритъ, что̀ онъ самъ видѣлъ эти камни.

Преданіе это стоитъ, по видимому, въ генетической связи съ Георгіемъ. Случаи, гдѣ битва со змѣемъ за дѣвицу не кончается свадьбой, и гдѣ герой требуетъ перемѣны религіи, очень рѣдки и принадлежатъ исключительно къ области легенды. Сказаніе о язвѣ отъ трупа дракона пріурочивается въ устныхъ, пріурочивалось, вѣроятно, и въ письменныхъ редакціяхъ къ битвѣ Георгія [2]); даже окаменѣлая старуха находитъ себѣ параллель въ тѣхъ дѣвицахъ и женахъ, которыхъ окаменилъ Георгій по извѣстному указанію Ѳ. И. Буслаева [3]).

Связь ясна, но каковъ порядокъ генезиса? Али—прежде всего лице

---

[1]) *Orient und Occident* I, 751 и слѣд.

[2]) На островѣ Закинѳѣ 30 января совершается Георгію особенная служба въ благодарность за избавленіе отъ заразы (архим. *Сергій*, Мѣсяц. II, 115).

[3]) Син. Цвѣтн. 1665 г. см. Рѣчь о народн. поэзіи, стр. 11. Впрочемъ эта черта, можетъ быть, совпала по внѣшней причинѣ—странно расположеннымъ камнямъ

историческое; только впослѣдствіи, по мѣрѣ удаленія его въ глубь вѣковъ, фигура его пріобрѣтаетъ новыя черты, божественныя. Георгій былъ извѣстенъ Арабамъ, надо думать, еще до рожденія Али и рано долженъ былъ явиться драконоубійцей; фигура его вполнѣ закончена. Перенесеніе сказанія съ Али на Георгія невозможно предположить, а обратно сказаніе могло перейдти очень удобно, въ виду между прочимъ того закона, въ силу котораго фигуры народныхъ вѣрованій требуютъ постоянно подновленія; Джерджисъ теперь забытъ; интересная легенда, разказанная христіаниномъ мусульманину, переносится послѣднимъ на симпатичнаго ему мусульманскаго героя.

Рѣшительно не понимаю, почему Клермонъ-Ганно приписываетъ особенную важность тому обстоятельству, что по Мокадесси посѣвъ начинался 23-го апрѣля. Извѣстно, что не только въ странахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, но и въ странахъ чисто мусульманскихъ, день Георгія пользовался особеннымъ почетомъ и къ нему пріурочивался, смотря по климатическимъ условіямъ, выгонъ скота, посѣвы, отплытіе кораблей въ море [1]).

Не считаю нужнымъ разбирать другія еще менѣе прочныя сближенія Клермона-Ганно не потому, чтобъ они противорѣчили возможной истинѣ, но потому, что они не доказаны. Найдутся новыя основанія, связывающія болѣе прочно ту или другую пару фактовъ, пока еще слабо соприкасающихся краями, часто черезъ посредство третьяго, тогда—иное дѣло; но пока это праздная забава ученаго наѣздничества.

И такъ, изъ шести тезисовъ Клермона-Ганно (за иные онъ и самъ не крѣпко стоитъ; такъ развивая тезисъ о тожествѣ Анаты и Андромеды, онъ называетъ его explication purement conjectural) приходится ограничиться однимъ Дагономъ, который въ семитическихъ единобожныхъ странахъ, подвергшихся культурѣ Евреевъ, получилъ нарицательное значеніе существа враждебнаго свѣтлому началу и въ мусульманскомъ сказаніи удачно слился съ нарицательнымъ именемъ обманщика.

Въ январьской книжкѣ Revue Archéologique за 1877 г. появилась третья статья Клермона-Ганно. Авторъ все еще, по видимому, не познакомился ни съ древнѣйшею легендой о Георгіи, ни съ труда

---

[1]) См., напримѣръ, Le Calendrier de Cordova de l'année 961 par *Dozi*. Leyden 1873, стр. 47, подъ 24-го апрѣля. *Hammer*, Th. Schr., говоритъ, что до сихъ поръ въ этотъ день султанъ переѣзжаетъ въ лѣтнюю резиденцію.

ми Гутшмида; потому и приводимыя имъ новыя данныя имѣютъ для опредѣленія происхожденія легенды весьма сомнительную цѣнность. Онъ нашелъ въ Британскомъ музеѣ статуэтку копчикоголоваго Гора въ костюмѣ римскаго воина, что подтверждаетъ его толкованіе Луврскаго памятника. Далѣе онъ приводитъ нѣсколько преимущественно лингвистическихъ данныхъ для объясненія Хызра.

Въ области колѣна Ефремова есть мѣстечко Baal-Hasor; Hasor имѣетъ тотъ же корень, что и Хызръ. Іосифъ Флавій называетъ его Βελσεφω; также называется и одно приморское мѣстечко въ Египтѣ, гдѣ останавливались Евреи; у 70 толковниковъ оно называется Βεελσεπφών, то-есть, Baal-Sephon; и такъ, Hasor = Хызръ=Sephon = Typhon; слѣдовательно, Хызръ есть Тифонъ.

Далѣе, авторъ цитируетъ одинъ отрывокъ изъ космогоніи секты Ператовъ, „ученіе которыхъ представляетъ странную смѣсь христіанства съ семитическимъ язычествомъ", сохранившійся въ Философуменахъ. Первая космическая сила Θάλασσα — море, изъ котораго незнаніе сдѣлало Крона, а по образцу послѣдняго образовались Кефей, Прометей и Япетъ. Вторая сила есть та, которая владѣетъ моремъ; она, обоюдополая, называется Χορζάρ [1]) и имѣетъ „тифонскую дочь (θυγάθηρ τυφωνική), вѣрную охранительницу разнообразныхъ водъ; невѣжество сдѣлало изъ нея Посейдона, по образцу котораго образовались Главкъ, Меликертъ, Іэ и Неброэ (?). Χορζάρ есть Хызръ и вмѣстѣ съ тѣмъ Хризоръ Санхоніатона и Хризаоръ, мечъ Персея, родившійся отъ Посейдона; Главкъ и Мелькартъ тотъ же Хызръ [2]).

Авторъ тѣхъ же Philosophumena упоминаетъ о такомъ толкованіи миѳа Персеева: Кефей—Адамъ, Кассіопе—Ева; Андромеда—душа, а спаситель ея Персей—Слово, крылатый сынъ Зевса; въ Апокалипсисѣ всадникъ на бѣломъ конѣ есть тоже λόγος τοῦ θεοῦ, а этотъ всадникъ сближается съ Резефомъ окружающимъ его пламенемъ, съ Горомъ же—діадемами и мечемъ, исходящимъ изъ устъ—клювомъ коп-

[1]) Лишнее ρ авторъ думаетъ объяснить ошибкой переписчика или вліяніемъ парсійскаго Haurvatat Khordad.

[2]) Трудно что-либо обосновать на такой запутанной, и вѣроятно, испорченной переписчиками Космогоніи: первая δύναμις—θάλασσα, вторая δύναμις та, которой поручено θάλασσα; что-нибудь не такъ. Элементъ эллинизма здѣсь несравненно сильнѣе семитическаго; если здѣсь и играютъ роль семитическія божества, то только прошедшія черезъ руки Грековъ. Можетъ быть, первое θάλασσα объясняется чѣмъ нибудь подобнымъ θάλασσα Берова, которое, какъ теперь оказывается, служило замѣной хаоса; см. Baudissin, 260.

чика [1]). Всадникъ носитъ имена: вѣрный и правдивый, и будетъ судить онъ по справедливости [2]). У Санхоніатона поминается финикійское божество Συδύκ, переводимое по гречески δίκαιος и тожественное съ еврейскимъ Садокомъ справедливымъ; у Сюдюка есть братъ Misôr отецъ Діоскуровъ, Кабировъ — Корибантовъ, изобрѣтателей мореплаванія, и отецъ Асклепія, восьмого изъ Кабировъ, финикійскаго Эхмуна, котораго родилъ онъ отъ Титаниды или Артемиды; это родство сближаетъ Сюдюка съ Зевсомъ и съ Аполлономъ. И такъ, Мессія Апокалипсиса есть Финикійскій Сюдюкъ! Трудно привести другой столь же рѣзкій случай, гдѣ остроуміе и ученость на столько запутывали бы истину, стремясь отыскать ее.

Арабскій географъ Moqadessy упоминаетъ гору Siddîqa, между Тиромъ и Сидономъ, близъ Ливана; тамъ находится гробница Сиддика и мечеть; по легендѣ „собака, преслѣдующая краснаго звѣря, останавливается, достигши этого святилища". По словамъ Эліана, святилище Кипрскаго Аполлона, то-есть, финикійскаго Резера, пользовалось тою же привиллегіей (только оно одно?) Другой арабскій географъ, Якутъ, точнѣе опредѣляетъ мѣстоположеніе могилы Сиддика, помѣщая ее въ палестинскую [3]) деревню Каджара, гдѣ также находится пещера 80-ти мучениковъ. Почему именно восьмидесяти? Потому, что Кабировъ вмѣстѣ съ Асклепіемъ было восемь [4]); финикійскій Асклепій Эхмунъ есть богъ Восемь. И такъ, Сюдюкъ Санхоніатона вмѣстѣ съ Вѣрнымъ всадникомъ Апокалипсиса принадлежатъ къ обширной фамиліи Резефовъ. Весьма возможно, что оріенталисты воспользуются нѣкоторыми изъ этихъ остроумныхъ сближеній, но для исторіи легенды о св. Георгіи, очевидно, они безполезны.

Клермонъ-Ганно, какъ мы видѣли выше, не обращаетъ вниманія на легенду и разсуждаетъ о Георгіи только какъ о змѣеборцѣ. Ясно, что то или другое рѣшеніе вопроса о первичности легенды или чуда и о степени древности послѣдняго отнюдь не безразлично для изслѣдованія основы легенды. Мы видѣли въ первой главѣ, что легенда является въ литературныхъ обработкахъ сперва безъ прибавленія и сливается съ чудомъ о змѣи впослѣдствіи, но можетъ быть, чудо по-

[1]) Не естественнѣй ли мечъ объяснять силою божественнаго Слова?

[2]) Какъ же еще судить Мессіи? Напрасно авторъ такъ упираетъ на прозвище (καλούμενος); кто не укажетъ на десятки параллелей?

[3]) Авторъ въ скобкахъ прибавляетъ знаменательное sic: онъ не желаетъ разставаться съ Финикіей.

[4]) Thamânіu авторъ объясняетъ какъ pluriel de huit.

явилось отдѣльно отъ легенды одновременно съ нею или даже раньше ея, и Георгій, извѣстный только какъ змѣеборецъ, потребовалъ себѣ житія, достаточно объясняющаго его славу?

Битва Георгія съ змѣемъ.

Всѣ блестящія, захватывающія массу фактовъ теоріи приносятъ на первыхъ пòрахъ наукѣ столько же вреда, сколько и пользы. Увлекая своею логичностью и способностью дать объясненіе собраннымъ, но не осмысленнымъ фактамъ, онѣ заставляютъ своихъ сторонниковъ закрывать глаза на возможность другихъ объясненій, лишаютъ ихъ критики и строго индуктивную науку превращаютъ въ свободное творчество. Когда крайнія увлеченія дискредитируютъ теорію, легко можетъ оказаться, что люди, незнакомые съ нею, были ближе къ истинѣ, нежели ея жаркіе сторонники.

Въ главѣ о драконахъ устарѣлой книги Сальверта: Des sciences occultes (1843, 2-me ed. Paris) больше правды, нежели въ цѣлой книгѣ Шварца: Ursprung der Mythologie, посвященной главнымъ образомъ дракону и змѣямъ, хотя Шварцъ располагаетъ несравненно большимъ количествомъ фактовъ. Шварцъ говоритъ: „Вездѣ, гдѣ мы въ индоевропейскихъ миѳологіяхъ находимъ змѣй или драконовъ, мы очевидно имѣемъ дѣло съ спустившимися на землю небесными змѣями и драконами“ (стр. 26). Немного далѣе онъ распространяетъ то же положеніе и на всѣ не арійскіе народы, если только въ ихъ вѣрованіяхъ змѣя играла какую нибудь роль [1]). Чтò же такое эта небесная змѣя? По Шварцу это — главнымъ образомъ молнія, со свистомъ поражающая человѣка и звѣря, иногда туча, заволакивающая небо и временно поглощающая его красоту; по другимъ, змѣя можетъ изображать змѣевидныя колонны дождя. Во всякомъ случаѣ она имѣетъ отношеніе къ грозѣ и дождю. Вотъ почему битва съ дракономъ почти всегда происходитъ у воды; часто поводомъ къ битвѣ служитъ то обстоятельство, что драконъ залегаетъ воду, иногда на мѣстѣ боя [2]) является изъ-подъ земли источникъ. По другой родственной натурмиѳологической теоріи всѣ миѳологическіе драконы

---

[1]) Также съ буревыми змѣями отожествляетъ всѣхъ змѣй семитическихъ миѳологій Гольдціеръ: Der Mythus bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwickelung. Leipz. 1876.

[2]) Ведійскую форму миѳа см. *M. Bréal*, Mélanges de Mythologie Paris, 1878, стр. 96 и слѣд.

и змѣи, побѣждаемые героями, представляютъ собою мракъ, зиму или засуху, смотря по климатическимъ условіямъ, а герои-змѣебойцы—противоположное имъ свѣтлое начало.

Не трудно собрать по всѣмъ арійскимъ сказаніямъ группу фактовъ, связанныхъ внѣшнимъ образомъ; не трудно подвести подъ нихъ миѳологическую экзегезу грозовую или солярную, откидывая детали, къ ней не подходящія,—вѣдь не могъ же начальный миѳъ оставаться безъ постороннихъ примѣсей впродолженіе тысячелѣтій — и путемъ корнесловія, сравненія и общихъ, по видимому, вѣрныхъ принциповъ добывая подробности, къ ней подходящія; но будетъ ли это наука? Изъ того обстоятельства, что миѳологъ ставитъ на одну доску ведійскій стихъ, эпизодъ изъ трагедіи Эсхила, заимствованную изъ книги сказку, мѣстное преданіе, обязанное своимъ существованіемъ частному случаю, лѣтописный разказъ, пѣсню, возникшую подъ вліяніемъ христіанской молитвы, слѣдуетъ ли, что все это факты одной формаціи, что всѣ они даютъ вѣрныя свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ арійцевъ? Даже въ Греціи мы не знаемъ, гдѣ кончается миѳологія и начинаются исторія и поэзія; съ новыми народами еще хуже: старыя племенныя вѣрованія подверглись самой разнообразной переработкѣ: на нихъ вліяли миѳы и обряды многихъ вымершихъ цивилизацій, пережитые факты, перечтенныя книги, и наконецъ, христіанство, окончательно переплавившее и ассимилировавшее себѣ все старое и туземное; съ какою осторожностью нужно дѣйствовать чтобы въ этой амальгамѣ добраться до начальнаго представленія!

Во всѣхъ разнообразныхъ и разноцѣнныхъ народныхъ и литературныхъ, арійскихъ и не арійскихъ, языческихъ и христіанскихъ сказаніяхъ о битвахъ съ драконами и исполинскими змѣями усматривается одно широкораспространенное в ѣ р о в а н і е—что существовали когда-то на земной поверхности чудовищныя змѣи. Это вѣрованіе основывается на фактѣ, на воспоминаніи о вымершихъ видахъ животныхъ, остатки которыхъ потомъ встрѣчались въ окаменѣлостяхъ [1]). Вымершее окружается религіознымъ почтеніемъ, которое долгое время выражается въ поклоненіи и дракону и убійцѣ дракона. Существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ сильныхъ и опасныхъ для людей земноводныхъ въ родѣ крокодиловъ способствовало живучести этого

---

[1]) *Риттеръ* и *Вахтеръ* въ Энциклопедіи *Эрша* и *Грубера*, s. v. Drache, говорятъ о существованіи громадныхъ змѣй даже въ средніе вѣка, даже въ Германіи.

воспоминанія. Уподобленіе тучи такому дракону, змѣевидной молніи или изливающейся рѣки обыкновенной змѣѣ—такія естественныя уподобленія, что они могли возникнуть независимо у сотни племенъ и могли вновь возникать ежедневно у каждаго человѣка, который, вышедъ изъ состоянія невнимательнаго ко всему отдаленному младенчества, сталъ наблюдать небесныя явленія.

Воспоминаніе о подвигѣ родоваго героя, о его побѣдѣ надъ страшнымъ племеннымъ врагомъ, человѣкомъ или звѣремъ и битва небеснаго героя съ тучею, благодатная влага которой окропляетъ землю, или съ зимою, сковавшею землю, могли сообщать другъ другу черты украшающія, также независимо въ разныхъ племенахъ [1]).

Теорія атавизма, объясняющая поклоненіе змѣямъ ихъ привычкой посѣщать жилища человѣка, привычкой, которая вмѣстѣ съ змѣиною хитростью заставляла ихъ преимущественно считать за оживщихъ предковъ [2]), опять-таки объясняетъ повсемѣстность поклоненія безъ единства происхожденія или заимствованія. Эти общія представленія, существующія потенціально во всякомъ населенномъ уголкѣ земнаго шара,—только канва, на которой исторія вышивала самыя причудливыя, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ доступныя критическому анализу фигуры.

Натурмиѳологи сильно опираются на то обстоятельство, что битва съ змѣемъ въ народныхъ сказаніяхъ почти всегда локализируется у воды [3]), что́ вполнѣ сходится съ разнообразными миѳологическими и символическими представленіями отъ скандинавскаго змѣя, облегающаго землю, до влажной субстанціи офитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вліяло вышеупомянутое уподобленіе дракону тучи, моря, пожирающаго солнце, и змѣевиднаго ручья, но ча-

---

[1]) Мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей народности, которые признаютъ, что первобытный человѣкъ больше интересовался тѣмъ, что вокругъ него, чѣмъ теоріями грома и молніи, и небесную битву съ змѣемъ ведутъ отъ земной, а не на оборотъ.

[2]) Ср. сказанія о душахъ, выходящихъ во время сна именно въ видѣ змѣй. Ср. также Serv. Aen. V, 95: nullus enim locus sine genio est qui per anguem plerumque ostenditur (*Nork*, l. c., Schlange).

[3]) Замѣняющіе драконовъ оборотни и полулюди у воды похищаютъ женщинъ или пытаются ихъ изнасиловать, ср. Нессъ, драконъ въ Дигенисѣ и пр. Это черта бытовая—умыкиванье дѣвицы у воды. При смѣшеніи антроморфическаго и зооморфическаго представленія происходитъ любопытная путаница: залійская змѣя оборотень (см. Сб. свѣд. о Кавк. горц., XI, Преданія Осетинъ, 56) ѣстъ людей и насилуетъ женщинъ.

ще дѣйствуютъ другія причины: воспоминанія о громадныхъ водяныхъ змѣяхъ, земноводныя привычки крокодиловъ и другихъ гадовъ, необходимость воды при населеніи, за которое приходится вести борьбу съ дикими аборигенами, и разнообразнѣйшія литературныя преданія и символическія изображенія. Да и самое уподобленіе моря змѣѣ возникало не безъ вліянія воспоминанія о морскихъ змѣяхъ [1]).

Локализація битвы съ дракономъ не разработанная въ подробное сказаніе, часто является слѣдствіемъ монументальнаго памятника или подобнаго внѣшняго факта; напримѣръ, въ западной Европѣ къ ней часто подаетъ поводъ старинное изображеніе прямой смыслъ котораго забытъ,—голова крокодила, чудовищная кость, хранимая въ церкви, геральдическій знакъ, икона или воспоминаніе о дѣйствительной битвѣ съ опаснымъ врагомъ [2]).

Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старою семито-арійскою фигурой дракона-змѣя и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ діавола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ [3]).

---

[1]) На сколько зоологическое представленіе играло здѣсь роль, можно между прочимъ видѣть изъ того обстоятельства, что драконъ, удерживающій воду, замѣняется теперь въ сказкахъ жабой, лягушкой (напримѣръ, въ чешской о дѣдѣ Всевѣдѣ): второй разказъ Siddhi-kûr, не останавливаясь передъ нелѣпостью, замѣняетъ драконовъ, требующихъ себѣ на пожраніе живыхъ людей, чудовищными лягушками (*Rom.*, № 19, 366). Изъ сказаній дѣло переходитъ въ вѣрованія: засуху Сербы приписываютъ змѣѣ, ищутъ ее и убиваютъ (*Гласн. серб. друштв.*, V, 95).

[2]) Сальвертъ, l. c., приводитъ такой случай: фонтанъ съ изображеніемъ дракона, построенный Алексѣемъ Комненомъ, рождаетъ сказаніе о битвѣ Алексѣя съ дракономъ. *Бессарабск. Обл. Вѣд.* 1861 г. № 2, разказываютъ, что нѣкій Стефанъ Вода побѣдилъ дракона въ трехдневной битвѣ; записавшій преданіе весьма вѣроподобно объясняетъ дѣло битвою князя Стефана съ Турками въ 1474 г.

[3]) Исторію древнехристіанскаго дракона можно прослѣдить очень далеко, до самаго Вавилона. Извѣстенъ апокрифъ, повѣствующій о побѣдѣ Даніила надъ Вавилонскимъ дракономъ (на счетъ этого апокрифа слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ разказовъ о погубленіи дракона бросаемой ему въ пасть массой, напримѣръ, Рагнара, Лодброка, и иранское сказаніе, приведенное въ Orient u Occ. I. 561 и 757, можетъ быть, нашего Кожемяку и Крака); вѣра въ этого дракона, прошедшая черезъ извѣстное сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, (См. о немъ *Arch. f. sl. Philologie*, II, 1 и 1, ст. пр. *Веселовскаго*) держится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ (quand les serpents ont sept ans, au dire d'une superstition de la Sologne, il leur poussent des ailes et ils s'envolent à Babylone. См. Meury, l. c., 142 по мемуарамъ кельтской миѳологіи). Откуда возникало это распространенное

Іезуитъ Кайе [1]) подъ рубрикой „Dragon“ собралъ всѣ извѣстные ему случаи, гдѣ святые западной церкви по легендѣ или по изображенію входятъ въ столкновеніе съ драконами. Изъ этого сопоставленія, вопервыхъ, оказывается, что весьма много случаевъ, когда самыя фантастичныя легенды ничего не говорятъ о драконѣ, а онъ является на иконахъ, попираемый или пронзаемый святымъ (св. Лонгинъ, св. Кирьякъ, св. Гоаръ VI в.; см. Acta SS., іюль, II, 329 и др.). Что касается значенія дракона, его можно подвести подъ нѣсколько рубрикъ: онъ ясно изображаетъ язычество, побѣжденное проповѣдниками христіанства: такъ апостолъ Филиппъ изгоняетъ дракона изъ-подъ Марсова алтаря; св. Флорентъ и Виндеміалій убиваютъ крестнымъ знаменемъ дракона, котораго обожали въ этой странѣ; св. Юліанъ Киликійскій освобождаетъ страну отъ дракона, который поселился въ развалинахъ Юпитерова храма. То же значеніе, но уже не выступающее съ такою разительною ясностью имѣетъ онъ на изображеніяхъ папы Сильвестра (гдѣ онъ можетъ означать и ересь аріанства), въ разказѣ Созомена о св. Донатѣ, въ изображеніяхъ свв. Климента, Романа Руанскаго, Вигора, Аманда, Фронта, Гаугерика, Лупа, Лауда, Германа Шотландскаго, Овена, Юста, епископа Валтерры, священника Климента, Германа Авкирскаго (можетъ быть, здѣсь драконъ также означаетъ ересь, такъ какъ святой ѣздилъ въ Великобританію для пренія съ пелагіанами), Юліана Манскаго, Беата; надо замѣтить, что все это епископы первыхъ временъ христіанства; ихъ борьба съ язычествомъ большею частію можетъ быть подтверждена документально. То же зна-

представленіе? По словамъ спеціалистовъ, его пустили въ ходъ александрійскіе Евреи; но съ чего имъ пришло на мысль приписывать Вавилонянамъ этотъ культъ? Напрасно Баудиссинъ (Stud. z. Semit. Relig. 1876 стр. 261 и слѣд.) старается доказать, что поклоненіе змѣямъ въ Вавилонѣ—дѣйствительный фактъ; всеобщій и преимущественный культъ дракона въ Вавилонѣ—фактъ не возможный; болѣе вѣроятнымъ поводомъ къ такой локализаціи его представляется *астрономическій* драконъ, можетъ быть, не безъ вліянія ассирійскаго военнаго знамени съ изображеніемъ дракона. Сальвертъ очень остроумно и вѣроподобно объясняетъ именно астрономическимъ представленіемъ драгоцѣнные камни, добываемые изъ головы убитыхъ змѣй или приносимые ими въ даръ. Хотя уже въ книгѣ Бытія змѣй-драконъ представляетъ враждебное начало, и у Исаіи (XXVII, I и др.) Jahve побѣждаетъ его въ страшной надземной борьбѣ, представителемъ зла par excellence онъ дѣлается только съ тѣхъ поръ, когда въ философской религіи Заратуштры злое начало рѣзко отдѣляется отъ добраго; тамъ Ангромайньюсъ и его слуги принимаютъ форму змѣй, и истребленіе змѣй въ извѣстное время года становится необходимымъ очистительнымъ обрядомъ.

[1]) Caractéristique des saints dans l'art populaire. T. I, Paris, 1867.

ченіе имѣютъ Тараска, отъ которой Маргарита, сестра Лазаря, освободила Провансъ, и драконъ св. Викторіи, въ пещерѣ котораго она устроила монастырь. Всѣ эти святые, лишенные оружія по самому своему званію, или прогоняютъ дракона, или убиваютъ крестомъ и словомъ, или ведутъ его связаннымъ своею столой. Напротивъ того, Лонгинъ, Өедоръ Стратилатъ, Өедоръ Тиронъ, Викторъ Кельнскій, подобно Георгію изображаемые, убиваютъ дракона оружіемъ. Бываетъ и путаница: Кресценцій Урбинскій на монетахъ то въ одеждѣ воина убиваетъ дракона, то въ одеждѣ діакона попираетъ его ногами. Св. Маргарита Антіохійская изображается выходящею съ крестомъ въ рукахъ изъ спины дракона, то-есть, изъ нѣдръ язычества [1]). На изображеніяхъ, также какъ и въ легендахъ, драконъ часто замѣняется змѣею; число змѣй можетъ увеличиваться при томъ же самомъ значеніи; такъ евангелистъ Матөѣй изгоняетъ двухъ змѣй; Пирминъ, проповѣдывавшій христіанство на Рейнѣ, изображается обращающимъ въ бѣгство цѣлое стадо змѣй и т. д.

Когда интересъ борьбы съ язычествомъ уступилъ мѣсто борьбѣ съ еретиками, драконъ естественно получилъ значеніе ереси: такъ Гипатій, епископъ Гангрскій, осудившій Арія и погибшій отъ рукъ новаціанъ, по легендѣ извлекъ дракона съ царскаго сокровища (истинной церкви), давъ ему въ зубы свою палку, и бросилъ его въ огонь. Св. Меркуріалій, изгнавшій аріанъ изъ своего округа, по легендѣ притащилъ дракона къ пропасти. Драконъ такого рода появляется до самаго конца среднихъ вѣковъ: мы видимъ его на изображеніяхъ Елизаветы v. Schoenau, бенедиктинской аббатисы († 1165 г.), которая обличала средневѣковыхъ дуалистовъ; императоръ Сигизмундъ послѣ пораженія гусситовъ установилъ праздникъ низвергнутаго дракона [2]). Даже отмѣну Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV какой-то ультрамонтанскій живописецъ изобразилъ въ видѣ побѣды Людовика надъ змѣемъ. Драконъ, какъ язычество или какъ діаволъ, не дозволяетъ людямъ получить новую жизнь въ крещеніи и сдѣлаться сопричастниками источника истины; вотъ почему иногда, можетъ быть, не безъ вліянія народныхъ представленій, изображенія и легенды заставляютъ его не допускать людей къ водѣ. Такого дракона, возбраняющаго воду, убилъ крестомъ Никарій, по преданію первый епи-

---

[1]) Какъ ни странно понимать изображеніе буквально, однако же существовала такая легенда; но даже Яковъ de Voragine нашелъ ее нелѣпою.

[2]) *Salverte*, l. c., 1487.

скопъ Руанскій, св. Нарциссъ, апостолъ Винделикій и др. [1]). Какъ и въ сказкахъ, мотивъ этотъ въ легендахъ иногда затемняется: драконъ не возбраняетъ воду, но погибаетъ у воды; это извѣстно относительно драконовъ свв. Сира, Павакія, Доминиціана. Битва съ дракономъ удобно локализируется именно у того источника или той рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа [2]).

Драконъ изображаетъ діавола въ различныхъ сферахъ его дѣятельности: онъ—діаволъ, явившійся смущать святаго на изображеніи св. Северина; онъ бѣсъ, изгоняемый святымъ изъ бѣсноватаго на изображеніи св. Киріака; онъ изображаетъ болѣе духовную сторону злаго принципа, являясь въ житіи Марселя на могилѣ женщины дурнаго поведенія, на изображеніяхъ Родрига de Vaozella (здѣсь драконъ есть магія, которою занимался святой до своего обращенія). Несомнѣнно такое же нравственное значеніе имѣетъ драконъ, заступающій путь св. Сервулу, который идетъ на добровольное мученичество; побѣду надъ страстями означаетъ, вѣроятно, и драконъ на изображеніяхъ св. Венеры.

Драконъ изображаетъ бѣдствія, насылаемыя на христіанъ попущеніемъ Божіимъ; святой избавитель изображается побѣждающимъ дракона; такой смыслъ имѣетъ драконъ на изображеніи папы Льва IV, избавившаго городъ отъ Сарацинъ, въ легендѣ о св. Гиларіонѣ, который спасъ молитвою Далмацію отъ наводненія.

Изрѣдка драконъ является по тожеству имени; по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить дракона въ легендѣ о Георгіи Сардинскомъ.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ драконъ изображенія предшествуетъ дракону легенды. Таковъ ли порядокъ генезиса и у дракона св. Георгія? Рѣшеніе этого вопроса очень важно: если сказаніе о битвѣ съ змѣемъ предшествовало изображеніямъ, это важный аргументъ въ пользу того, что битва съ змѣемъ есть зерно, изъ котораго развилась легенда; тогда мученіе окажется литературною при-

---

[1]) Любопытна порча этого мотива въ одномъ устномъ сказаніи: залійская змѣя у Осетинъ (см. выше) не даетъ воды, чтобъ обмыть новорожденнаго младенца.

[2]) Ср. любопытное именно для версіи Георгія толкованіе въ бесѣдѣ трехъ святителей (*Тихонр.*, 436): «Что есть, еже видѣхъ жену, сѣдящу на морѣ, и змія, лежаща при ногу ея? Толк. Море есть весь міръ; жена же именуется церковь, а змія діаволъ; егда хотяща вѣрные людіе спастись, приходяще къ церкви, а діаволъ возбраняше имъ".

бавкой; мнѣніе о христіанизированіи Персеева миѳа подъ новымъ именемъ получитъ почти силу достовѣрности, и изысканія Клермона Ганно получатъ въ нашихъ глазахъ совершенно иную окраску. Если изображенія предшествуютъ сказанію, тогда первенство принадлежитъ легендѣ о мученіи, а чудо о зміи отнюдь не объяснитъ намъ популярности Георгія.

Доселѣ извѣстные факты подтверждаютъ второе предположеніе: въ палимпсестѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дракона; Адаманнъ ничего о немъ не знаетъ, хотя Аркульфъ могъ слышать о немъ чуть не на мѣстѣ битвы; не только мусульманскіе и славяногреческіе, но даже и ранніе западные тексты, ничего о ней не знаютъ; въ славянскихъ текстахъ (кромѣ тѣхъ, которые идутъ съ запада) и въ духовныхъ стихахъ она до послѣдняго времени отдѣлена отъ мученія. Мы видѣли уже, какіе драгоцѣнные факты для исторіи Георгія доставляетъ намъ Кавказъ: онъ же даетъ намъ факты и для доказательства первичности легенды передъ чудомъ: во многихъ Сванетскихъ церквахъ Георгій изображается поражающимъ не змѣя, а человѣка или вѣнценосца, ближайшее значеніе котораго иногда указывается надписью: это царь, мучившій Георгія. (См. Зап. Кавк. отд. Геогр. Общ., VI, 69, 71, 96, 101, 111; X, 393, 428). И такъ, было время, когда даже живопись не знала чуда, а придерживалась буквально легенды. Наконецъ къ тому же ведутъ и многочисленныя аналогіи въ огромномъ числѣ случаевъ; за близкимъ къ исторической правдѣ житіемъ является изображеніе съ дракономъ, а за нимъ фантастическая легенда.

Генезисъ явленій предшествующихъ повторяется въ явленіяхъ послѣдующихъ: какъ, напримѣръ, у Ауэрберга [1]) храмъ Георгія и его изображеніе на бѣломъ конѣ родили сказаніе о его дѣятельности именно въ этомъ мѣстѣ, такъ восточныя изображенія Георгія рано порождали и тамъ мѣстныя легенды.

И такъ, чудо возникло подъ вліяніемъ изображенія, имѣвшаго символическій смыслъ и только на позднѣйшую локализацію нѣкоторыхъ версій у Бейрута и на ихъ литературную обработку (см. Уваровскую редакцію) имѣло вліяніе сказаніе о Персеѣ. Имя царя Селевка выхвачено изъ исторіи (Sevius—испорченный Селевкъ); имя еп. Але-

---

[1]) См. *Schöppner*, Sagenbuch der bayer. Land. Münch. 1874. I, № 36. Подобнымъ же образомъ чудо о змія пріурочено къ Georgwasen въ Баварія (*Panzer*, Bayerisch. Sagen, I, 77).

ксандра, можетъ быть, возникло подъ вліяніемъ царицы Александры. Лаосія есть испорченная Лаодикея ad Lycum, называвшаяся Діосполисомъ (Dictr. de Bouillet); она явилась здѣсь по связи Георгія съ Діосполисомъ. Такъ какъ литературную обработку легенда получила не на мѣстѣ дѣйствія, намъ нѣтъ надобности отыскивать въ дѣйствительности озера, изъ котораго исходилъ драконъ. Гевалъ нѣкоторыхъ редакцій есть, безъ сомнѣнія, Gebal или Gabala, городъ, стоявшій близъ Лаодикеи на сирійскомъ прибрежьѣ. Нагавъ произошелъ изъ Гевала по ошибкѣ писца; западная Силене, можетъ быть, явилась подъ вліяніемъ Селевка; изрѣдка встрѣчающаяся Лаодамія могла явиться подъ вліяніемъ названія города Лаодикеи, Марія—подъ вліяніемъ Маріи Магдалины [1]).

Какое же символическое значеніе имѣлъ драконъ на изображеніяхъ Георгія? Объясненіе болландистовъ, что женщина въ царскомъ одѣяніи—царица Александра, а драконъ — язычество, отъ котораго освободилъ ее Георгій, до нахожденія новыхъ фактовъ, ему противорѣчащихъ или указывающихъ на другое, болѣе вѣроятное толкованіе, можетъ быть легко допущено.

Необыкновенное сходство изображеній Константина (по Евсевію) съ извѣстными намъ изображеніями Георгія можетъ повести къ такому предположенію: обожаніе императоровъ пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобъ исчезнуть сразу послѣ объявленія христіанства господствующей религіей [2]). Изображенія Константина-драконоубійцы должны были быть сильно распространены, и народъ, несомнѣнно воздавалъ имъ божескія почести. Не постаралось ли духовенство положить предѣлъ соблазну, подставивъ вмѣсто Константина имя святаго, уже популярнаго въ Сиріи?

Любопытно противорѣчіе между всѣми книжными редакціями чуда Георгія и почти всѣми его изображеніями: по легендѣ Георгій не убиваетъ дракона, а дѣйствуетъ духовнымъ оружіемъ; по изображенію онъ поражаетъ змѣя копьемъ или мечемъ; строгая тенденція

[1]) Многія изъ этихъ объясненій собственныхъ именъ довольно гадательны и предлагаются только въ ожиданіи лучшихъ. Впрочемъ положительныхъ данныхъ мы можемъ никогда не добиться, такъ какъ имѣемъ дѣло не съ народною редакціей, развивающеюся по извѣстнымъ законамъ, а съ произволомъ книжниковъ, которые фантастическими собственными именами стремятся придать легендѣ достовѣрность.

[2]) Изъ исторіи Іоанна Златоуста мы знаемъ, какъ нечестиво праздновали Константинопольцы передъ статуей Евдоксіи.

легенды указываетъ на ея книжность и сравнительно позднее происхожденіе.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю не лишнимъ свести то положительное или вѣроподобное, что добыто для уясненія основы легенды и начала культа Георгія, и присоединить къ этому нѣсколько новыхъ соображеній.

Имя Георгія, одного изъ сирійскихъ, судя по первымъ и знаменитѣйшимъ впослѣдствіи храмамъ, мучениковъ не Діоклетіанова, а вѣроятно—болѣе ранняго гоненія, принадлежитъ исторіи; по неизвѣстнымъ намъ причинамъ [1]) онъ выдвинулся изъ ряда другихъ сомучениковъ и во времена синкретизма привлекъ на себя часть культа персоримскаго Митры. Это обстоятельство было причиною дальнѣйшаго распространенія его славы и дало направленіе не только развитію его культа, но и литературной обработкѣ легенды. Пріуроченный къ годовому весеннему празднику, извѣстному по всей Римской имперіи, Георгій сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ святыхъ и въ сознаніи полуязыческаго народа принялъ на себя аттрибуты нѣсколькихъ солнечныхъ божествъ. Черезъ тотъ же годовой праздникъ сталъ онъ въ связь съ быкомъ и съ плодоносными растеніями, и такъ сказать, настоятельно требовалъ себѣ легенды, въ которой играли бы роль оба факта.

По той же Малой Азіи, которая въ это время безспорно составляла цивилизованнѣйшую провинцію и была громаднымъ складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ моно - и политеистическихъ, полуфилософскихъ и еретическихъ системъ и представленій, во второй половинѣ IV вѣка распространилось извѣстіе о насильственной смерти епископа Александріи Георгія. Горячіе защитники Никейскаго символа были обрадованы его смертію; опечаленные аріане спѣшили провозгласить его мученикомъ и негодовали на радость православныхъ. Но между этими двумя крайностями была и середина: мало посвященная въ тонкости гомоусіи, болѣе чѣмъ полуязыческая масса, не знавшая въ подробности, какую роль въ христіанской церкви играли Георгій и Аѳанасій Александрійскіе, и только по слухамъ знавшая о борьбѣ Георгія съ Аѳанасіемъ, о смерти Георгія отъ язычниковъ и о сожженіи его трупа. Черезъ нѣсколько лѣтъ тѣ единицы этой массы, которыя не забыли убитаго епископа, естественно отожествили его съ славнымъ

[1]) Можетъ быть, подъ вліяніемъ эпитета «побѣдоносный», которымъ владѣетъ Георгій уже на храмѣ въ Эдрѣ.

и побѣдоносным мученикомъ Георгіемъ, и немногіе факты, извѣстные имъ изъ біографіи перваго, естественно, должны были войдти въ легенду послѣдняго. Эту легенду составилъ одинъ изъ представителей такой мало развитой массы на той же удобренной обломками всѣхъ возможныхъ религіозныхъ представленій почвѣ, въ концѣ IV или въ V вѣкѣ.

Мы не можемъ пока съ большею точностью и достовѣрностью опредѣлить мѣсто, время [1]) и языкъ легенды; не можемъ даже сказать, явилась ли она сразу законченнымъ цѣлымъ или тамъ-же на мѣстѣ прошла нѣсколько передѣлокъ; за то мы съ значительною вѣроятностью можемъ указать составныя части пралегенды въ томъ видѣ, въ какомъ она въ концѣ V вѣка уже пользовалась популярностью и вызывала противъ себя запрещенія.

Перечисляя ихъ, мы, вопервыхъ, должны принять въ разчетъ общій шаблонъ житій мучениковъ, изъ котораго, какъ изъ установленной обычаемъ формы творчества, не могъ, да и не желалъ выбиться авторъ, и вовторыхъ имѣть въ виду тотъ общій историческій законъ, по которому одна причина не исключаетъ другой, могущей вести къ сходному результату, а напротивъ, усиливаетъ и дополняетъ ее.

Въ основѣ всего лежатъ факты: имя славнаго мученика, мѣсто жительства автора и гоненія на христіанъ въ Персіи. Но имя персидскаго гонителя, можетъ быть, совсѣмъ неизвѣстное автору, было замѣнено другимъ полунарицательнымъ именемъ, болѣе извѣстнымъ на финикійскомъ прибрежьѣ, куда автора тянуло смутное представленіе о происхожденіи, мѣстѣ жизни или о мощахъ и храмѣ святаго (а можетъ быть, Мелитина есть позднѣйшая вставка; въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого повода удалять автора съ той же береговой полосы),—именемъ Дагона-Дадіана.

---

[1]) На основаніи общей и естественной тенденціи составителей легендъ пріурочивать ихъ дѣйствіе къ своей родинѣ, можно думать, что авторъ происходилъ изъ города Мелитины; Діосполисъ редакціи С кажется, позднѣйшій варіантъ, стремившійся объединить мѣсто рожденія святаго съ мѣстомъ нахожденія его славнѣйшаго храма. Впрочемъ обѣ мѣстности въ одинаковой степени могли явиться только у переписчиковъ. Ближайшимъ показателемъ времени можетъ служить такой фактъ: въ царствованіе Эздегерда I (400—421 гг.) въ Персіи было гоненіе на христіанъ. Его обстоятельства—кротость и вѣротерпимость государя, выведеннаго изъ терпѣнія притязательностью епископа Сузскаго, радикально противоположны легендѣ; но извѣстно, что ненависть сторонниковъ извѣстной политической или религіозной партіи съ особенною силою возбуждаютъ именно тѣ государи, которые не всегда были, но сдѣлались гонителями.

1) Изъ распространенности культа Георгія подъ вліяніемъ общей схемы житій выводится необходимость обставить мученіе его многими чудесами, массой обращеній и подвергнуть мучителя казни.

2) Изъ народнаго отожествленія Георгія съ Митрой и другими солнечными божествами авторъ заимствуетъ фигуру Георгія — юнаго воина, и его чудодѣйственную силу, проявляемую въ трехъ параллельныхъ чудесахъ, совершаемыхъ святымъ съ цѣлію обращенія мучителя и окружающихъ: оживленіе мертвыхъ деревьевъ, мертваго вола и мертвецовъ. Вліяніе библейскаго разказа о вдовѣ Иліи заставляетъ автора удвоить воскресеніе, но для разнообразія воскресеніе сына вдовицы онъ замѣняетъ изцѣленіемъ.

3) Факты третьяго рода даны автору его смутными свѣдѣніями о Георгіи Александрійскомъ сюда: относятся имена Аѳанасія и Александры, смерть Георгія въ чужомъ царствѣ, вдали отъ родины, пріуроченіе Георгія къ Каппадокіи, и можетъ быть, раздача бѣднымъ денегъ, предназначенныхъ для другой цѣли.

4) Разбирая мнѣніе Бэринъ-Гуда, я потому оставилъ въ сторонѣ его сличеніе легенды съ Плутарховымъ пересказомъ миѳа Озириса (De Iside capp. 13—19), что между ними дѣйствительно есть разительныя совпаденія. У Тифона 72 помощника, какъ у Дадіана 72 подначальные царя; Озириса, какъ и Георгія, заливаютъ въ гробу растопленнымъ свинцомъ; тѣло его разрубаетъ Тифонъ на части и куски разбрасываетъ повсюду; точно также поступаетъ Дадіанъ съ тѣломъ Георгія; въ миѳѣ также является чудесно растущее дерево; жена Тифона, какъ и царица Александра, измѣняетъ своему супругу въ пользу свѣтлаго начала. Озирисъ научаетъ людей земледѣлію и изображается, по словамъ Вилькинсона (l. c., II, I, 34 и слѣд.), чаще всего зеленымъ. Масперо [1]) признаетъ легенду Озириса еще не выяснившеюся; онъ естественно не довѣряетъ Плутарху. Но для насъ важна легенда не въ первоначальномъ, видѣ, а въ томъ, въ какомъ ее знали внѣ Египта въ позднѣйшее время; для этой же цѣли Плутархъ — лучшій источникъ, нежели египетскіе памятники. Сходныхъ пунктовъ вполнѣ достаточно для того, чтобы признать вліяніе грекоегипетскаго миѳа на легенду, но ихъ слишкомъ мало для того, чтобы всю легенду признать пересказомъ миѳа.

5) По изслѣдованію Джемса Дарместетера (o. c., 190 и слѣд.), Заратуштра есть ничто иное, какъ грозовое божество, поражающее

---

[1]) Hist. ancienne des peuples de l'Orient. Paris, 1875, 38.

демона тучи; историческимъ лицомъ онъ пересталъ быть еще въ прошедшемъ столѣтіи. Пусть такъ: пусть Зороастръ — проповѣдникъ истинной религіи есть выраженіе эвгемеристическаго стремленія; во всякомъ случаѣ это эвгемеризмъ очень старой формаціи, временъ Зендавесты, и во времена Сассанидовъ излагали его біографію, не думая видѣть въ немъ бога [1]), а только проповѣдника и чудотворца. Эта біографія, кажется, была не безызвѣстна слагателю легенды о Георгіи и дала ему нѣсколько фактовъ. Въ главномъ источникѣ біографіи Зороастра Zerdusht nâmeh чудесное сосредоточено около момента рожденія героя, тогда какъ въ легендѣ о Георгіѣ чудеса сосредоточены при мученіи; но это можетъ быть естественнымъ приспособленіемъ миѳа (въ широкомъ значеніи этого слова) къ исторической вѣроятности. Мать Зороастра передъ рожденіемъ его видитъ вѣщій сонъ, предсказывающій будущую славу ея сына [2]). Главный врагъ пророка-царь Dûrançarûn, колдунъ и начальникъ демоновъ; по позднѣйшимъ источникамъ съ нимъ за одно и отецъ Зороастра (ср. ред. С.). Царь хочетъ убить младенца, но рука его мгновенно сохнетъ (ср. умягченіе копья); онъ велитъ бросить его въ пламя, но мальчикъ не чувствуетъ жару, и мать находитъ его невредимымъ; быкъ и лошадь, посредствомъ которыхъ хотятъ погубить Зороастра, спасаютъ ему жизнь; когда ребенка хотятъ уморить голодомъ, съ неба спускаются коровы, которыя питаютъ героя своимъ молокомъ (небесная пища Георгія); когда онъ достигъ семилѣтняго возраста, волшебники напрасно пытаются отравить его (ср. Аѳанасія); его преніе съ Ариманомъ, напрасныя попытки послѣдняго соблазнить его обѣщаніемъ земныхъ благъ (Darmesteter, 197) и бѣгство злыхъ духовъ носятъ слишкомъ общій характеръ, чтобы на нихъ можно было основать что-нибудь; за то во второй половинѣ жизни Зороастра, когда онъ является ко двору Гуштаспы, есть черты спеціальнаго сходства: обвиненный врагами въ волшебствѣ, Зороастръ посаженъ царемъ въ темницу. За заключеніе угодника царь

---

[1]) По *Шпигелю*, Eran. Alterth., I, 689, легенда о Зороастрѣ сложилась послѣ Александра Македонскаго; по *Дарместетеру* 191: la légende de Zoroastre telle que la fournit le Zerdousht Nâmeh était arretée bien avant les Sassanides.

[2]) Не знаю, пытались ли сравнивать содержаніе этого довольно обычнаго въ иранскихъ сказаніяхъ сна съ видѣніемъ Данта: свѣтлая гора, являющаяся среди мрака, три враждебныя чудовища: волкъ, левъ и пантера, и юноша со свиткомъ въ рукахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ литературной связи (ср. *Spiegel*, l. c., 688); иной вопросъ—пути заимствованія.

наказанъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: его любимая лошадь оказалась безъ ногъ, которыя вросли въ ея тѣло. Только по молитвѣ праведника скрывшіяся ноги снова появляются на свѣтъ.

Въ этомъ чудѣ можно видѣть не первообразъ, но измѣненіе первообраза быка Гликерія или Схоластики [1], который въ христіанской легендѣ оказался разбитымъ на два эпизода: сухія сѣдалища царя, пускающія ростки по молитвѣ Георгія. составляютъ, можетъ быть, перенесеніе того же мотива въ царство растительное. Впрочемъ въ одномъ изъ позднихъ пересказовъ Зороастровой легенды (Spiegel, l., с. 703) является и чудесно растущее дерево, кипарисъ, посаженный Гуштаспомъ и въ короткое время достигающій необыкновенной величины. Жена царя и въ Зендавестѣ, и во всѣхъ позднѣйшихъ пересказахъ оказывается на сторонѣ проповѣдника.

Сводъ сказаній о Зороастрѣ, сдѣланный Шпигелемъ, вовсе не есть ученая фикція: очень сходная и вполнѣ законченная легенда жила въ устахъ огнепоклонниковъ еще въ концѣ XVII вѣка, какъ это видно изъ путешествія Таверные [2]). Эта устная редакція любопытна во двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, къ исторіи Зороастра оказываются примѣшанными нѣкоторыя библейскія легенды, ходящія между мусульманами: передъ рожденіемъ Зороастра царь, предупрежденный астрологами, велитъ избивать всѣхъ беременныхъ женщинъ; въ наказаніе за гоненіе праведника нападаютъ на царство ядовитыя мухи, одна изъ которыхъ заползаетъ царю въ ухо и тѣмъ причиняетъ страданія, а потомъ и смерть,—сказаніе, пріурочиваемое обыкновенно къ Нимвроду [3]); вовторыхъ, въ ней является неизвѣстная въ другихъ редакціяхъ подробность, имѣющая параллель въ легендѣ о Георгіи: въ видѣ испытанія царь приказываетъ Зороастру броситься въ растопленное серебро (=конобь Георгія), откуда онъ, разумѣется, выходитъ невредимымъ.

Можетъ быть, не лишне упомянуть о любопытномъ и раннемъ,

---

[1]) Быкъ, по видимому, умѣстнѣе лошади въ легендѣ Зороастра, на котораго, какъ указалъ уже профессоръ Кернъ (*Spiegel*, l. c., 708), перенесено многое съ Митры.

[2]) Les six voyages en Turquie, en Perse et aux Indes. Paris, 1676 I, 480 и слѣд.

[3]) Мимоходомъ замѣчу: курьезная исторія этой мухи Нимврода, производящей нестерпимую головную боль, не есть ли отраженіе историческаго факта — вѣчныхъ головныхъ болей ненавистнаго востоку Издегерда I Грѣшника или Злаго?

но очевидно испорченномъ христіанами варіантѣ легенды Зороастра, по которому онъ сожженъ (впрочемъ не царемъ, а демономъ, ему служившимъ) и обращенъ въ пепелъ, сдѣлавшійся потомъ предметомъ поклоненія Персовъ [1]).

6) За исключеніемъ этого варіанта, Зороастръ вездѣ достигаетъ своей цѣли и обращаетъ въ истинную вѣру царя, при которомъ дѣйствуетъ. Это существенно отличаетъ его отъ Георгія, гибнущаго отъ рукъ невѣрныхъ. Въ этомъ отношеніи послѣдній несравненно ближе къ другой позднѣйшей полубаснословной фигурѣ, унаслѣдовавшей нѣкоторыя существенныя черты Зороастровой легенды; разумѣю Манеса. Миѳологизированный Манесъ, какъ извѣстно, явился посредникомъ (μεσίτης) между солнцемъ и луной и земными частями свѣта [2]) и такимъ образомъ замѣнилъ собою Митру. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ нѣкоторыя темныя свѣдѣнія о легендѣ Манеса только со стороны враговъ его ученія или людей, равнодушныхъ къ нему, и въ этихъ жалкихъ остаткахъ нельзя указать ничего существенно сходнаго съ изслѣдуемою легендой. Въ самомъ же апокрифѣ Георгія манихейство не сказалось ничѣмъ, если только въ дупликатѣ эпизода о прозябаніи растеній не видѣть отраженія манихейской вѣры въ душу растеній [3]).

Едва ли нужно говорить, что вліяніе Зороастровой, а тѣмъ болѣе предполагаемой Манесовой легенды на Георгія я отнюдь не считаю доказаннымъ и смотрю на свои догадки, какъ на вопросительные знаки, которые, можетъ быть, побудятъ оріенталистовъ обратить вниманіе на небезынтересную задачу.

Выше было указано, какимъ образомъ подъ вліяніемъ изображеній возникло представленіе объ убитомъ Георгіемъ драконѣ, получившее литературную обработку и пріуроченное къ финикійскому прибрежью— подъ вліяніемъ воспоминаній о Персеѣ и Андромедѣ; теперь укажу на фактъ того же разряда.

Извѣстна близкая связь Персея съ Беллерофономъ; породнившись съ однимъ изъ нихъ, Георгій естественно недалекъ и отъ другаго; если съ Персеемъ сближаетъ его освобожденная имъ царевна, конь его есть прямой наслѣдникъ Пегаса. Пегасъ, какъ извѣстно, стоитъ въ

[1]) Recognitiones Clement. *Darmesteter*, 211.

[2]) См. *Spiegel*, o. c., II, 195 и слѣд.; *Geyler*: System des Manicheismus etc. Jena, 1875, стр. 17.

[3]) *Geyler*, l. c., 17.

непосредственной связи съ источниками: у Гезіода онъ родился у источниковъ Океана; по другому преданію, онъ питается источниками; наконецъ, онъ копытомъ своимъ выбиваетъ источникъ [1]). На островѣ Амурго есть монастырь, гдѣ передъ храмомъ св. Георгія показываютъ какой-то мраморный бассейнъ, который то мгновенно наполняется, то высыхаетъ [2]). Вопросъ о связи бассейна съ Георгіемъ разъясняетъ лучше апокрифа и чуда о зміи одно сванетское преданіе, записанное г. Стояновымъ [3]). На Сванетовъ, жившихъ по близости храма Георгія, напали Осетины; одна Сванетка обратилась съ молитвой къ Георгію; онъ выскочилъ изъ церкви на конѣ, пробивъ для этого отверзтіе (доселѣ показываемое), и перебилъ Осетинъ. Его конь умиралъ отъ жажды; желая напоить его, св. Георгій ударилъ кинжаломъ по камню, и изъ него брызнулъ источникъ, существующій и до сихъ поръ [4]).

Оставляя въ сторонѣ миѳологическое толкованіе связи солнечныхъ коней съ ударными (громовыми) источниками, я вывожу отсюда только то вѣроятное заключеніе, что въ данномъ случаѣ на Георгія перенесена черта классической миѳологіи, и именно съ Беллерофонта. Беллерофонта съ Георгіемъ еще разительнѣе сближаетъ другой фактъ. Мы видѣли, какъ часто къ чуду о зміи присоединяется другое чудо Георгія: о щитѣ, чудеснымъ образомъ, безъ закрѣпы помѣщенномъ имъ на верху храма, Мартинъ Гербертъ въ Glossaria Theotisca, прибавленномъ къ его путешествію по Германіи, Италіи и Франціи [5]), перечисляя чудеса свѣта, говоритъ: Quartum miraculum est simulacrum Bellerophontis ferreum cum arcu suo in Smirna civitate in aere suspensum nulla re innixum, sed hoc lapidis magnetis, qui habetur in arcu assumptione mirabiliter trahitur et mensura aequiparata consistit [6]).

Другіе несомнѣнно существовавшіе монументальные памятники и

[1]) *Preller*, Gr. Myth., 3-е изд., II, 179. Павзаній (2, 3, 5) говоритъ, по видимому, о Беллерофонтѣ же, сидящемъ на Пегасѣ, изъ копыта котораго брызжетъ вода. Ср. Bellerophon v. *Herm. Fischer*, Gryph. 1851, II, 2.

[2]) *Hyppolyt Helyot's*: Ausführlich. Gesch. aller Kloster etc., 1753, стр. 244.

[3]) *Записки Кавк. отд. Геогр. Общ.*, X: Путешествіе по Сванетіи, стр. 381—2.

[4]) То же сказаніе пріурочивается и къ другой церкви, ibid., стр. 440.

[5]) Iter Allemannicum etc. Typis San. Blasianis. 1765, стр. 90.

[6]) Ср. Seel, die Mithrageheimnisse, стр. 500: «Ueber dem Haupte des Serapis war ein aus sehr dünnem Eisenbleche gemachtes *Bild der Sonne*, welches ganz frei in der Luft schwebte und von einem verborgenen Magnetsteine in die Höhe gezogen wurde».

разказы о чудесахъ сближаютъ Георгія съ другимъ символомъ солнца—колонною [1]. Болландисты въ главѣ „alia miracula vetustiora" передаютъ по греческой рукописи чудо, встрѣчающееся очень часто въ приложеніяхъ къ краткимъ русскимъ житіямъ Георгія, чудо о томъ, какъ Георгій невидимо переправилъ въ свой храмъ колонну, пожертвованную ему бѣдною вдовицей; Адаманнъ, пересказывая чудо Георгія о лошади, ему обѣщанной, говоритъ, что обѣтъ былъ принесенъ передъ колонною, на которой былъ образъ Георгія. Эпифаній Агіополита въ своемъ описаніи Сиріи говоритъ, что въ храмѣ Георгія въ Діосполѣ хранится чудотворное колесо, на которомъ его мучили, и колонна, къ которой его привязывали во время бичеванія (легенда не знаетъ этой черты, но знаетъ partem columne, Gall. 51, наложенную на него въ темницѣ). Адаманнъ разказываетъ про ту же колонну въ той же церкви: язычникъ ударилъ въ нее копьемъ; копье прошло сквозь мраморную колонну, а лошадь язычника пала мертвою; падая съ нея, язычникъ хотѣлъ удержаться за колонну, на которой отпечатались его пальцы. Нѣтъ сомнѣнія, что полное собраніе чудесъ св. Георгія, по возможности въ начальныхъ редакціяхъ, доставило бы много интересныхъ данныхъ какъ для исторіи его фигуры, такъ и для характеристики его миѳическихъ предковъ; но покамѣстъ мы не имѣемъ ничего подобнаго.

III.

Законъ постояннаго роста общества, непрестаннаго его измѣненія находитъ свое полнѣйшее примѣненіе и въ исторіи вѣрованій каждаго отдѣльнаго народа; какіе бы близкіе по времени моменты мы ни взяли, непремѣнно окажется, что и въ этотъ короткій промежутокъ уже произошли измѣненія. Но этотъ прогрессивный законъ ограничивается столь же общимъ—консервативнымъ: ни одно старое вѣрованіе не пропадаетъ безслѣдно, и каждый послѣдующій моментъ основывается на предшествующихъ. Новое религіозное воззрѣніе, принесенное извнѣ, приспособляется къ старому, видоизмѣняется подъ его вліяніемъ и въ формѣ, и въ содержаніи. Искусственными средствами можно заглушить старое, но только на время и въ ограниченныхъ предѣлахъ; старина оживетъ, ассимилируясь новому и

[1] Ср. *Raoul Rochette*, Mémoires d'archeologie comparée въ *Mem. de l'Ac. des Inscriptions*, XVII, 1848, стр. 47.

ассимилируя его въ свою очередь, и сила оживанія окажется прямо пропорціальною силѣ давленія.

Двовѣріе вновь христіанизированныхъ народовъ Европы—общее мѣсто; но терминъ этотъ употребляютъ, кажется, черезъ-чуръ свободно; его безразлично примѣняютъ къ такому состоянію народа, когда онъ, исповѣдуя христіанство, не хочетъ разстаться съ невѣрными остатками своихъ старыхъ языческихъ воззрѣній, точно прошедшее можетъ исчезнуть безъ остатка! Но большая разница между двоевѣріемъ, или точнѣе, многовѣріемъ нѣмецкой мѣщанки, въ вѣрованіяхъ которой остроумный изслѣдователь отдѣлитъ слой національнаго язычества отъ литературнаго преданія и нити послѣдняго прослѣдитъ черезъ сонники и гадательныя книжки, черезъ Римъ и Малую Азію до самой Халдеи, и двоевѣріемъ того Славянскаго князя, который наивно увѣрялъ духовника, упрекавшаго его за приношеніе жертвъ идоламъ, что у него достанетъ средствъ на жертвы и старымъ, и новымъ богамъ [1]).

Періодъ этого чистаго двоевѣрія представляетъ для изслѣдователя особенно сильный интересъ; какъ ни былъ бы онъ коротокъ, здѣсь на границѣ стараго съ новымъ это старое выдѣляется съ особенною рѣзкостью, столь необходимою для полнаго его уясненія. Но проповѣдники отнюдь не желаютъ потакать такому двоевѣрію: убѣдившись въ невозможности передѣлать людей, заставить ихъ забыть старое, они начинаютъ приспособлять къ нему новое, въ чемъ имъ дѣятельно помогаетъ самый инстинктъ народа.

Боги язычества существуютъ не по случаю, не по прихоти жрецовъ, но въ силу необходимости. Они должны существовать, потому что должны нести извѣстныя функціи. Жизнь народа послѣ принятія христіанства не можетъ измѣниться до того, чтобъ эти функціи исчезли; онѣ должны продолжать свою жизнь, но перенесенныя на другія имена.

Громъ гремѣлъ надъ язычникомъ Скандинавомъ и требовалъ себѣ объясненія: его объяснили битвой Тора съ великанами. Громъ гремитъ надъ христіаниномъ и также требуетъ объясненія.

Земледѣлецъ-язычникъ нуждался въ спеціальномъ покровителѣ своего труда; въ такомъ же положеніи былъ и новообращенный, немного поумнѣвшій отъ мало понятнаго ему обряда. Если язычество

---

[1]) Thietm. Mers. VIII, ed. *Maderi* 234: cum ab antistite suo ob hoc accusaretur, divitem se et ad haec facienda satis affirmavit.

выработало извѣстный, строгоопредѣленный и необходимый въ домашнемъ обиходѣ типъ и сложило про него миѳы, этотъ типъ и эти миѳы не могутъ погибнуть сразу; они должны быть пріурочены и приспособлены къ новымъ именамъ.

Разнообразныя средства приспособленія указаны еще Я. Гриммомъ въ его „Миѳологіи“; изъ собраннаго имъ матеріала между прочимъ выяснилось, что второстепенныя лица христіанскаго Олимпа—святые гораздо удобнѣе воспринимаютъ на себя свѣтлые аттрибуты и сказанія, оставшіеся не пріуроченными послѣ того, какъ боги спускаются по волѣ проповѣдниковъ въ разрядъ злыхъ духовъ. Сперва ихъ связываетъ съ старыми богами какая-нибудь одна, иногда случайная неважная черта, которая при всей своей незначительности облегчаетъ имъ доступъ къ сердцу новообращенныхъ [1]); освоившись въ новой средѣ, они привлекаютъ на себя все больше и больше старыхъ сказаній, которыя, какъ и все на свѣтѣ, не остаются въ покоѣ, а видоизмѣняются, переплетаются съ церковно-литературными и художественными преданіями, теряютъ старыя черты и пріобрѣтаютъ новыя. По прошествіи вѣковъ сложная по происхожденію фигура такого популярнаго святаго представляется иногда на столько плотною, что только послѣ немалаго труда и не безъ споровъ можно опредѣлить составныя ея части и ихъ исторію.

Чтобы при подобномъ изслѣдованіи не впасть въ ошибку, надо прежде всего смотрѣть на эту фигуру, какъ на нѣчто совершенно особое, не принадлежащее ни къ одному изъ тѣхъ двухъ міровоззрѣній, которыя произвели ее на свѣтъ, какъ на нѣчто, созданное при иныхъ, болѣе сложныхъ условіяхъ, нежели слагалась фигура языческаго бога или святаго христіанской церкви; кто посмотритъ на предметъ изслѣдованія только какъ на искаженіе типа христіанскаго святаго или какъ на бога, заимствовавшаго отъ новой религіи одно имя, впадетъ въ односторонность и не дойдетъ до общеобязательныхъ выводовъ. Не всякій святой въ одинаковой степени способенъ популяризироваться и принять на себя черты сданныхъ въ архивъ боговъ; для этого необходимы нѣкоторыя внѣшнія условія: вопервыхъ, офиціальный широкій культъ святаго (часто зависящій въ свою очередь отъ сліянія его съ языческими вѣрованіями первохристіанскаго народа), вовторыхъ, спеціальныя черты въ его легендѣ,

[1]) Бернонъ, Шверинскій епископъ въ концѣ XII в., заставилъ Славянъ «pro Genedracto (? вар. Gudracco) Godehardum venerari».

чудесахъ, изображеніяхъ, и втретьихъ, какъ увидимъ ниже, весьма видную роль играетъ время его празднованія.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ великомученикъ Георгій, юный воинъ, побѣдитель змѣя, находится въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одной нѣмецкой географіи Бехштейнъ указываетъ 190 городовъ, селъ, мѣстечекъ и мызъ, получившихъ отъ него свое имя [1]).

Не смотря на массу собраннаго въ послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ матеріала, его никакъ нельзя считать достаточнымъ для составленія полнаго обзора исторіи культа Георгія во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Въ виду этого, а также въ виду сравнительной молодости русской цивилизаціи, дозволившей народу сохранить въ большей свѣжести двоевѣрное представленіе святаго, я рѣшилъ ограничить себя одною Россіей, или точнѣе, однимъ славянскимъ элементомъ ея; къ другимъ народностямъ я буду обращаться только для указанія параллелей и разъясненій.

Офиціальныхъ поводовъ для большаго, сравнительно съ другими сходными лицами, распространенія по всему лицу земли Русской культа великомученика Георгія было болѣе, чѣмъ достаточно. Россія приняла христіанство именно въ то время, когда этотъ святой прочно укрѣпился въ Греціи [2]), и число храмовъ, ему посвященныхъ, росло съ каждымъ днемъ; церкви ему строились и въ новообращенныхъ Славянскихъ земляхъ [3]).

На Руси первый вполнѣ христіанскій князь былъ Ярославъ-Георгій, очень уважавшій своего патрона. Годомъ заложенія имъ церкви св. Софіи, въ которой уже былъ придѣлъ Георгію, одни считаютъ 1017, другіе 1037. Въ 1030 г. онъ пошелъ на Чудь, „побѣди я и постави градъ Юрьевъ", который послѣ 1072 г. сдѣлался епархіальнымъ городомъ, и въ которомъ по преданію имъ же основана церковь св. Георгія [4]). Въ 1037 г. по Лаврентьевскому списку онъ вмѣстѣ съ митрополичьею церковью св. Софіи заложилъ и монастырь св. Георгія, который былъ отстроенъ, какъ полагаютъ, въ 1052 г. [5]); въ 1063 г. въ

[1]) *Ludw. Bechstein*, Mythe, Sage, Märe u. Fabel. Leipz. 1854, III, 151,

[2]) Припомнимъ, что гимны въ честь его стали слагаться именно въ VIII—IX вѣкахъ.

[3]) См. грамоту Терпиміра Хорватскаго отъ 852 г. *Гильфердинга*, Соч., I, 44.

[4]) См. О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I, акад. *Куника*, С.-Пб. 1860, стр. 109; ср. *Русск. бесѣда* 1856 г. I, 81.

[5]) Церковь возобновлена Елисаветою въ 1744 г.

немъ погребаютъ Судислава, брата Ярославова. Особенно распространено было почитаніе Георгія въ Новгородской области. О Ладожской церкви говорено было выше. Въ 1119 г. по 1-ой Новгородской лѣтописи, „заложи Кирьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь каменну, монастырь св. Георгія“ за три версты отъ Новгорода [1]). Черезъ 14 лѣтъ ему же построена церковь на Знаменской улицѣ. Въ извѣстной Мстиславовой грамотѣ поминается село св. Георгія (см. 1-ую Новг. лѣт. 6740 г.), Подъ 6811 (1303 г.). 1-ая Новгородская лѣтопись говоритъ, что въ Новгородѣ срубили церкви, и изъ нихъ двѣ въ честь св. Георгія. Въ 6864 г. „поставиша Лубянци церковь камену святого Георгія на томъ же мѣстѣ, идѣже бѣ прежде деревянная“, и т. д.

Извѣстно, на сколько способствовалъ славѣ своего патрона Юрій Долгорукій, строившій храмы и посады въ честь его на земляхъ полудикаго сѣвера. Со времени Димитрія Донскаго Георгій становится патрономъ усиливающейся Москвы [2]), и хотя этотъ „ѣздецъ въ коронѣ“, по словамъ пословъ русскихъ, и не былъ Георгій, а царь [3]), народъ въ гербѣ Московскомъ несомнѣнно видѣлъ св. Георгія, а съ XVIII в. такое его значеніе признано и офиціально.

Хотя извѣстная книга Ратмина о русскихъ монастыряхъ (1852 г.), конечно, не можетъ претендовать на полноту даже относительно монастырей, нынѣ существующихъ, тѣмъ не менѣе и изъ нея мы можемъ добыть массу указаній: въ Таврической губерніи находятся два монастыря св. Георгія, во Владимірѣ одинъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ, близъ Новгорода одинъ, основанъ въ 1446 г., въ Москвѣ одинъ, основанъ въ 1550 г., въ Кіевской губерніи два, основанные въ XVIII в., въ Черниговѣ одинъ, основанъ въ 1654 г.; въ Калужской губерніи одинъ, основанъ въ 1681 г. въ Юрьевѣ Польскомъ одинъ, основанъ въ 1152 г. и т. д.

Если присоединимъ къ этому болѣе внутреннія основанія, заключающіяся въ имени, легендѣ, изображеніи и времени празднованія, станетъ ясно, что побѣдоносецъ Георгій долженъ былъ сдѣлаться важною фигурой христіанской легенды, долженъ былъ замѣнить одну изъ важнѣйшихъ фигуръ дохристіанской миѳологіи. Кого замѣнилъ онъ? Для кого необходимо требовалась такая замѣна?

---

[1]) Но преданіе, по словамъ гр. *М. Толстаго* (Святыни древн. Новгорода, М. 1862, стр. 161 и слѣд.) возводитъ его основаніе ко времени Ярослава, а стоящая тамъ икона Георгія признается вывезенною изъ Корсуня.

[2]) См. *Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн.* Т. XIII. 110 и сл.

[3]) См. *Ласкіеръ*, Русская Геральдика, стр. 128 и слѣд.

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ не предположеніемъ, вмѣсто котораго другой можетъ сейчасъ же подставить иное, столь же мало обоснованное, надо имѣть больше свѣдѣній о вѣрованіяхъ нашихъ языческихъ предковъ, нежели мы имѣть можемъ.

Что мы знаемъ о нашей миѳологіи? Кромѣ трехъ-четырехъ именъ, ничего положительнаго. Дж. С. Милль сравниваетъ силлогизмъ съ тѣмъ барономъ, который хотѣлъ спасти отъ потопленія себя и лошадь, поднимая себя къ верху за косу и цѣпляясь ногами за бока лошади; съ большимъ основаніемъ можно сравнить съ положеніемъ барона положеніе изслѣдователя русской миѳологіи; за недостаткомъ древнихъ свидѣтельствъ онъ долженъ подниматься на хитрости: отъ факта современной народной жизни, отъ обряда, повѣрья, пѣсни Руси христіанской онъ дѣлаетъ отвлеченіе къ языческому прошлому и добытою такимъ образомъ догадкой объясняетъ языческій элементъ обряда, повѣрья, пѣсни.

Наши древнія свидѣтельства, даже свидѣтельства Лаврентьевскаго списка лѣтописи, не даютъ намъ почти ничего пригоднаго: можно ли основать что-нибудь на показаніи волхвовъ бѣлозерскихъ, въ уста которыхъ наивный лѣтописецъ влагаетъ признаніе (см. подъ 1071 г.), что они поклоняются антихристу и аггеламъ его и сектантское дуалистическое сказаніе о сотвореніи человѣка Богомъ и діаволомъ? Съ какимъ же послѣ этого довѣріемъ можно относиться къ безымяннымъ памятникамъ апокрифической литературы? Русскіе миѳологи, не очень разборчивые по части матеріала для созданія боговъ русскихъ, забрали—было въ свою власть и императора Трояна, котораго наивные списатели ставили рядомъ съ Перуномъ и Хорсомъ [1]); миѳологовъ должно было бы остановить то обстоятельство, что наравнѣ съ нимъ поминается и Дій-Зевесъ, въ той же формѣ являющійся въ переводныхъ съ греческаго проповѣдяхъ [2]); но въ ихъ энергичныхъ рукахъ и Дій обратился въ „одно изъ именъ Бѣлбога" [3]).

При солидномъ основаніи древнѣйшихъ памятниковъ можно было бы что-нибудь извлечь и изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, но безъ первыхъ Усляды, Дашубы и Саботы Густинской лѣтописи еще болѣе сгущаютъ туманъ.

---

[1]) См., напримѣръ, Откровеніе св. Апостолъ *Литон. Русск. Литер.*, V, 5.

[2]) См. Погод. сб. № 808, XV в.; слово Аркадія Кипрскаго: «идѣже *Дієва* гордыня» и т. д.

[3]) Статья г. *Кеашнина-Самарина* въ *Бесѣдѣ* 1872 г., I, 231.

Не много даютъ и нынѣ живущіе въ устахъ народа сказанія и обряды. Только крайне увлекающійся своею идеей изслѣдователь можетъ видѣть въ смоленскомъ преданіи о созданіи міра богомъ и чертомъ [1]) борьбу Перуна съ Чернобогомъ [2]) или грозовую борьбу [3]); всякій не подкупленный умъ увидитъ въ этомъ опять-таки то же литературное сектантское преданіе, повторяющееся въ Малороссіи дословно сходно съ своими литературными источниками [4]). Обряды, напрашивающіеся на миѳическое толкованіе, отличаются крайнею неопредѣленностью и подвижностью [5]).

Обряды плохо связаны съ преданіями; мы не находимъ объясненія въ послѣднихъ тамъ, гдѣ, по видимому, были бы въ полномъ правѣ ожидать ихъ: гдѣ больше остатковъ язычества, нежели въ праздникѣ Ивана Купалы? А между тѣмъ о немъ нѣтъ ни одной эпической пѣсни, и личность его остается, по видимому, совершенно темной въ глазахъ самого народа.

Изслѣдователи этихъ жалкихъ свидѣтельствъ и остатковъ дохристіанской старины—въ большинствѣ случаевъ люди съ горячею любовью къ дѣлу, съ пылкою фантазіей, но именно въ силу увлеченія предметомъ способные къ поразительно ненаучнымъ натяжкамъ. Они не жалуются на недостатокъ матеріала: тотъ, кто Несторово сказаніе о бѣсѣ, кидающемъ лѣпки въ монаха, обращаетъ въ стародавній миѳъ осенней бури (sic!) [6]), кто производитъ ладонь отъ богини Лады, Мурашекъ отъ Мораны, всегда найдетъ достаточно

---

[1]) Памятн. кн. Смол. губ. 1859 г., стр. 124 и слѣд.

[2]) Статья г. *Кеашнина-Самарина* въ *Бесѣдѣ* 1872 г. 4, 225; *Аѳанасьевъ*, Поэтич. Воззрѣнія, II, 604.

[3]) *Аѳанасьевъ*, П. В., II, 464.

[4]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-зап. край, I, 142, и слѣд.; ср. ibid., 35; ср. *Порфирьева*, Апокрифы, 129. Нѣтъ ничего удивительнаго, что это литературное преданіе такъ сильно распространено въ народѣ: вопросъ о началѣ міра не приходитъ людямъ непосредственнымъ: существующее они признаютъ вѣчно существовавшимъ; тѣмъ легче усвоиваются преданія, разъясняющія это дѣло; весьма возможно, что между литовскимъ сказаніемъ о происхожденіи людей изъ камней (см. Черты изъ жизни Литовскаго народа 1854. Вильно, стр. 77) и греческимъ сказаніемъ о Девкаліонѣ окажется посредствующая связь.

[5]) Много примѣровъ найдемъ ниже; теперь же укажу на одинъ: *завязываніе бороды* святому — очевидно, языческій обрядъ; но къ кому его пріурочить? Въ Курской и Воронежской губерніяхъ бороду завязываютъ Ильѣ (*Аѳанасьевъ* П. В., I, 474), въ Переславлѣ Залѣсскомъ— святому Николѣ (ibid., 475).

[6]) *Инокъ* — молнія, монахъ, уходящій спать, — природа, погружаемая въ осенній сонъ, и т. д.; см. *Аѳанасьева*, П. В., II, 420 — 21.

данныхъ, чтобы сочинить нашу миѳологію, но это не будетъ наука. Что же касается до подлинныхъ именъ божествъ, сохраненныхъ въ лѣтописи они, такъ и остаются именами: миѳологи только дѣлаютъ видъ, что имѣютъ ясное представленіе о божествахъ, ихъ носившихъ, на самомъ же дѣлѣ они принимаютъ за фактъ свои фантазіи [1]).

Болѣе осторожные изъ миѳологовъ стремятся обосновать свои выводы на незыблемой почвѣ древнихъ историческихъ памятниковъ, повѣствующихъ намъ о богахъ, храмахъ и религіозныхъ обрядахъ Славянъ Прибалтійскихъ; по видимому, чего бы лучше? Наши предки не успѣли развить системы своего Олимпа, не успѣли построить своимъ богамъ храмовъ; христіанство захватило ихъ миѳологію въ эмбріональномъ состояніи и подавило ее. Ихъ прибалтійскіе со-

---

[1]) Любопытный примѣръ (ab uno disce omnes) могу привести изъ литературы предмета моего изслѣдованія. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* за 1872 г. въ № 68 и 70 г. *Ив. К—скій* помѣстилъ Этнографическую замѣтку о св. Егорьѣ, а въ 1874 г. *Е. В. Барсовъ* помѣстилъ статью о Юрьевомъ днѣ въ *Изв. Имп. Общ. Люб. Естеств.* Общ. Люб. Естеств., т. XIII, стр. 110 и слѣд. Оба изслѣдователя идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ отъ культа къ выясненію типа и сходятся иногда дословно, но дойдя до имени божества, замѣненнаго Егорьемъ, вдругъ расходятся въ разныя стороны. Г. К — скій говоритъ о Егорьѣ: «Вотъ какъ, напримѣръ, народное представленіе описываетъ его образъ: Молодой Егорій свѣтлохрабрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ. И во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды перехожія» и т. д. Здѣсь видится языческое изображеніе *Хорса*». Г. Барсовъ говоритъ: «Вотъ какъ, напримѣръ, рисуется его ликъ въ народныхъ разсказахъ: «молодой Егорій — свѣтлохрабрый; по локоть руки въ красномъ золотѣ; по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ; и во лбу солнце, и въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды перехожія». Въ этомъ изображеніи нельзя не узнать древнерусскаго языческаго божества—и при этомъ божества свѣтлаго, каковъ былъ *Перунъ*». Что г. К—скій знаетъ объ изображеніи Хорса? Почему г. Барсову болѣе понравился Перунъ, чѣмъ Хорсъ, —не дѣло ученой критики. Вина такой ненаучной смѣлости миѳологовъ лежитъ никакъ не въ людяхъ, а въ предметѣ и въ особыхъ условіяхъ, которыми онъ былъ обставленъ съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; и для иностранныхъ миѳологовъ церковная легенда, риторическая фигура, историческое воспоминаніе — матеріалъ для натурмиѳологическихъ обобщеній; вотъ одинъ примѣръ изъ тысячи, касающійся также нашей темы. Гауптъ (*Lausits. Mag.* 1860 г. стр. 175) говоритъ, что миѳологическое золото всегда въ связи съ дракономъ. «Nun wird es auch klar, продолжаетъ онъ дальше, — warum *in der Legende* der Heilige Georg für seinen Ritterdienst kein Gold nehmen (хорошъ былъ бы святой, совершающій подвиги за золото!) und der Gürtel Königstochter, der den Drachen fesseln sollte, kein goldener sein dürfte» (фактически не вѣрно).

племенники были цивилизованнѣе, приняли христіанство гораздо позднѣе, и нагрянувшее къ нимъ одновременно съ ихъ политическимъ порабощеніемъ латинское духовенство не пренебрегало ихъ уже развитымъ язычествомъ, съ которымъ ему приходилось вести ожесточенную борьбу; у Дитмара, Гельмгольда, Саксона, Адама Бременскаго мы находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ, которыя только стоитъ подвергнуть исторической и филологической критикѣ, и—славянская миѳологія готова. Но вотъ оборотная сторона медали.

Вопервыхъ свѣдѣнія эти настолько разнорѣчивы и подъ часъ нелѣпы, что лучшіе критическіе пріемы оказываются безсильны: Что̀ это за Чернобогъ, котораго Славяне sua lingua называютъ діаволомъ? Что̀ это за гостепріимный богъ Радегастъ, который у Дитмара оказывается городомъ? Что̀ можно сдѣлать съ свидѣтельствомъ жизнеописателя Оттона, который увѣряетъ, что въ славянскомъ Юлинѣ поклонялись идолу Юлія Цезаря?

Вовторыхъ оказывается, что тѣ бѣдныя свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о религіи нашихъ предковъ, не сходятся, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, со свидѣтельствами лѣтописцевъ о Славянахъ Прибалтійскихъ. Послѣдніе въ своихъ вѣрованіяхъ такъ далеко ушли впередъ отъ Славянъ южныхъ, что едва замѣтна слабая связь между ними: гдѣ у Славянъ Балтійскихъ Перунъ, гдѣ Хорсъ, гдѣ Волосъ? Какъ не похоже на то, что̀ мы знаемъ о Славянахъ юговосточныхъ, это высокое почитаніе жречества, аксесуары развитаго язычества, гаданія, эти символическія изображенія и обряды? Весьма возможно, что впослѣдствіи откроется культурное вліяніе другой цивилизаціи на Славянъ Прибалтійскихъ, и мысль Гануша, можетъ быть, окажется не такъ дика.

Короче сказать, до открытія новыхъ фактовъ трудно составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе о вѣрованіяхъ нашихъ языческихъ предковъ, и уяснить себѣ смыслъ двоевѣрной фигуры, идя этимъ путемъ — отъ языческихъ представленій, невозможно. Возможенъ только одинъ путь обратный, да и по немъ должно идти съ величайшею осторожностью и не присвоивать миѳологіи того, что̀ принадлежитъ церковному или литературному преданію.

Для изслѣдованія типа двоевѣрной фигуры Егорья Храбраго мы имѣемъ матеріалъ двухъ родовъ: вопервыхъ обряды, сопровождающіе его праздникъ 23-го апрѣля, и какъ мы ниже увидимъ, примыкающія сюда пословицы, поговорки, загадки, примѣты и заговоры, и вовторыхъ ду-

ховные стихи о немъ; среднее мѣсто между тѣмъ и другимъ занимаютъ разнородныя легенды.

Юрьевъ день.

Литература этого предмета даже и въ Россіи довольно обширна. Не говоря уже про такія общія сочиненія, какъ „Русскіе простонародные праздники“ Снегирева, „Бытъ Русскаго народа“ Терещенки, „Поэтическія воззрѣнія“ Аѳанасьева, Церковно-народный мѣсяцесловъ Калинскаго и про множество мелкихъ замѣтокъ, разбросанныхъ по разнымъ этнографическимъ сборникамъ, по многочисленнымъ изданіямъ Географическаго общества и памятнымъ книжкамъ различныхъ губерній есть нѣсколько статей, спеціально посвященныхъ собиранію обрядовъ, сопровождающихъ празднованіе Юрьева дня.

Всѣ показанія сводятся, вопервыхъ, къ тому, что этотъ день—чрезвычайно важенъ въ жизни крестьянина, безусловно по всей Великороссіи: это—первый день выгона скота въ поле. Г. Барсовъ, близко знакомый именно съ тою областью русской, которая больше другихъ удержала остатковъ старины, говоритъ, что при этомъ первомъ выгонѣ пастухъ на одну сторону отъ скотины кладетъ ключъ, по другую замокъ и по спинѣ скотины водитъ какимъ-нибудь желѣзнымъ орудіемъ [1]). Онъ обходитъ скотъ съ иконой въ рукахъ, при чемъ имѣетъ при себѣ такъ-называемый „Божественный обходъ“. напримѣръ: „Пошли, всемогущій Боже, св. великомученика Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копьемъ на сохраненіе счетнаго моего скота“, далѣе слѣдуетъ перечисленіе опасностей; онѣ суть: звѣри, сглазъ, колдуны, чернецы и пр.

У Пинежанъ (Арх. губ.) [2]) относительно этого дня существуютъ такія повѣрья: „на Егорья заря съ зарей сходятся“; „если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ“; если въ ночь на Егорьевъ день—заморозокъ, то будетъ еще 40 утреннихъ морозовъ; на Егорьевой недѣлѣ птицы исполняютъ зарокъ любви; чтобы скотъ не пострадалъ отъ медвѣдя, нужно сходить ночью на Егорьевъ день на паству и прокричать какъ можно сильнѣе.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ на Егорьевъ день дѣ-

---

[1]) *Изв. Общ. Люб. Естествозн.*, XIII, 110 и слѣд.

[2]) *Труды Этнограф. Отд. Общ. Люб. Естествозн.*, V, I, стр. 173, 178, 179, 180, 189.

лаютъ завѣтъ: „Егорей-свѣтъ храбрый! дай росу тихую, да смирную и сохрани мою скотинку нынѣшнимъ лѣтомъ; а я завичаю тебѣ въ день Ильи свѣта—преподобнаго барана или корову или лошадь". Въ этотъ же день дѣтей заставляютъ купаться въ лужахъ и котловинахъ [1]).

Въ Лужскомъ уѣздѣ [2]) въ Егорьевъ день послѣ обѣда хозяинъ три раза обходитъ свой скотъ, держа въ рукахъ образъ, яйцо и топоръ; яйцо зарываетъ въ навозъ, а топоръ—подъ порогъ и гонитъ скотину священной вербой. На пастбищѣ пастухъ обходитъ три раза стадо съ образами, потомъ перекидываетъ съ одной стороны яйцо, съ другой—топоръ; яйцо и топоръ зарываются на полѣ, а вербы кидаются въ воду; если есть порохъ, стрѣляютъ на воздухъ. Въ этотъ же день пекутъ особый каравай подъ названіемъ моленикъ, который жертвуютъ пастуху, а онъ крохи этого священнаго хлѣба отдаетъ скоту.

Въ Ярославской губерніи [3]) пастуха окачиваютъ водою, чтобъ онъ не дремалъ все лѣто; тамъ же въ ходу повѣрье, что Юрьева роса помогаетъ отъ сглаза и отъ семи недуговъ.

Въ Орловской губерніи [4]) въ этотъ день годовалымъ жеребятамъ отрѣзаютъ хвостъ и гриву и пускаютъ ихъ на волю до свѣта.

Въ Смоленской губерніи [5]) до 23-го апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ; въ этотъ день скотъ прежде всего пускаютъ въ поля, засѣянныя озимью. Скотъ въ полѣ обходятъ съ тремя яйцами. Пастухи заклинаютъ волковъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: „Глухой, глухой, ци слышишь? Не слышу. Когда бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слыхалъ нашего скота. Хромой, хромой, ци дойдешь? Не дойду. Когда бъ далъ Богъ, не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой! слѣпой! ци видзишь! Не вижу. Дай Богъ, чтобъ волкъ не видзѣлъ нашего скота". Въ этотъ же день сѣютъ разсаду.

Въ Тульской губерніи въ этотъ день служатъ молебны на колодцахъ, окропляютъ скотъ св. водой и выгоняютъ его освященною вербою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день справляется Красная

---

1) *Барсовъ*, l. c.

2) *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, IV, 275.

3) *Этногр. Сб.*, I, 167.

4) *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, II, 43.

5) Памятная книжка Смол. губ. 1859 г., стр. 141 и слѣд.

Горка [1]). Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздѣ въ этотъ день окликаютъ Егорья, напримѣръ, такою пѣснью:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій преподобный,
Ты паси нашу скотинку и пр.

Въ этотъ день играетъ солнце.

Въ Муромскомъ уѣздѣ въ Юрьевъ день молятъ объ урожаѣ [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ: „Какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь гладка и сыта". Яйцомъ же обносятъ пастбище для защиты отъ волковъ [3]).

Въ Малороссіи [4]) наканунѣ Юрьева дня празднуется „Ляля" или Красная Горка, при чемъ одна изъ дѣвушекъ представляетъ Лялю. 23-го апрѣля совершается крестный ходъ на жита, гдѣ послѣ хода устраивается пиръ, въ которомъ видную роль играютъ крашеныя яйца; по окончаніи пира тамъ же на житахъ зарываютъ остатки „свячоного" и качаются (катаются?), чтобы быть здоровыми съ Юрьевой росы. На эту росу скотъ выгоняютъ до свѣта, такъ какъ Юрій (въ волынской пѣсни Урай) отпираетъ въ этотъ день небо и выпускаетъ росу. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи именно въ этотъ день не выпускаютъ скота, а кормятъ дома, потому что въ этотъ день „св. Юрій звіря пасе".

Въ Черниговской губерніи, освятивъ воду, идутъ съ церковною процессіей на поле, ставятъ столъ, покрываютъ его бѣлымъ покровомъ, кладутъ на него хлѣбъ-соль и ставятъ храмовую икону св. Георгія. Послѣ обѣда снова съ закусками выходятъ на поля [5]).

На югѣ Россіи невозможно продержать скотъ дома всю весну, но до Егорья онъ ходитъ бéзбашъ (безъ пастуха), и имъ умышленно обиваютъ жита, чтобы они лучше росли въ новыя стрѣлки; съ этого же дня скотъ не пускаютъ и на сѣнокосъ [6]). Соловьи, хотя приле-

---

[1]) *Снегиревъ*, I, 179.
[2]) *Терещенко*, Бытъ Р. народа, VI, 31.
[3]) *Аѳанасьевъ*, П. В. I, 538.
[4]) Труды этнограѳ. стат. эксп. въ юго-зап. краѣ, III, 29 и слѣд.
[5]) *Этн. Сб.*, I, 167.
[6]) *Русск. Бесѣда* 1856 г., № 3, смѣсь, 79.

таютъ съ вырая раньше, но только съ этого дня начинаютъ пѣть, какъ слѣдуетъ. Въ сказаніяхъ Малоруссовъ Юрій получаетъ значеніе спеціальнаго ихъ покровителя [1]), въ противуположность Николаю, покровителю Москалей, а также и спеціальнаго покровителя крестьянъ, враждебнаго панамъ [2]).

Особенно много обрядовъ и пѣсенъ связано съ Юрьевымъ днемъ въ Бѣлоруссіи и Западномъ краѣ

Тамъ въ этотъ день пастухи изъ приношеній варятъ яичницу въ особенной торжественной обстановкѣ: потомъ главный пастухъ беретъ горшокъ съ яичницей на голову; меньшой пастухъ—головню горящую, средній—горсть соли. Процессія двигается въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ пастухъ съ кнутомъ, приводящій стадо въ порядокъ, потомъ головня, соль, главный пастухъ съ яичницей, остальные съ другими священными предметами (съ водой, пучками свѣжей травы, вѣтвей и т. д.). Такая процессія три раза обходитъ все стадо. Затѣмъ стадникъ произноситъ молитву, всѣ оборачиваются въ поле и кричатъ: „ту его!“ Потомъ стадникъ говоритъ: „соль жну въ очи“, при чемъ пастушекъ бросаетъ соль въ поле; „голывня жну у зубы“, при чемъ туда же кидаютъ и головню [3]).

По другимъ свѣдѣніямъ, въ Бѣлоруссіи въ этотъ день не только пастухи на поляхъ, но и всѣ хозяева по домамъ ѣдятъ яичницу [4]).

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи уже наканунѣ Юрьева дня привѣтствуютъ весну пѣснями. Въ Юрьевъ день всѣ держатъ строжайшій постъ за скотину, нивы обходятъ съ пирогами, водкою, селедкою, мужчины обтыкаютъ нивы косточками, сбереженными отъ пасхальнаго стола. Дѣвки поютъ Юрья:

Юрій вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое [5]) и т. д.

---

[1]) *Драгомановъ*, Малор. преданія, 1876, стр. 194.
[2]) Ibid., 140.
[3]) *Шейнъ*, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 407.
[4]) *Этн. Сб.*, VI, 233.
[5]) *Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. этногр.*, V, стр. 21.; ср. ibid., 80; ср. *Шейна*, о. с., № 142.

или:

Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ камень копыцикомъ,
У томъ камни ядзерка нѣтъ,
У нашихъ дзѣцюковъ правдыньки нѣтъ.
Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ камень копыцикомъ,
У томъ камни ядзерко есть,
У нашихъ дзѣвочекъ правда есть [1]).

Бѣлоруссы же называютъ Юрья водоносомъ и въ этотъ день совершаютъ ходъ на воду [2]); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ тотъ же день поминаютъ мертвыхъ. Лошадей выводятъ на ночь, при чемъ хозяинъ беретъ столько яицъ, сколько у него лошадей, кладетъ подъ порогъ хлѣва и говоритъ: „Пришла Юрьевая роса, ня дамъ вамъ овса". Передавая лошадей ночлежнику, онъ награждаетъ его (Минск. губ.). Въ Гродненской губерніи хозяинъ обходитъ съ короваемъ поля и сравниваетъ съ его высотою высоту ржи, потомъ коровай этотъ съѣдаетъ семья, какъ освященный хлѣбъ, на тощакъ. Въ другихъ мѣстахъ коровай качаютъ (катаютъ?) по нивѣ (этотъ коровай потомъ хлопцы выкупаютъ у дѣвицъ) и порошкомъ изъ „свячоной" говядины посыпаютъ то мѣсто, гдѣ ростетъ осока [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ день варятъ овсяный кисель; связь Егорья съ овсомъ объясняетъ сказаніе о томъ, какъ Егорій опоздалъ на раздѣленіе травъ, и какъ ему достался осотъ, а черту овесъ, но Егорій испугалъ черта, и тотъ забылъ названіе сво-

---

Святы Юри, боски ключникъ,
Да идзи у поле, да у чистоя,
Одомкни землю, пусци росу.
Пусци росу на гэту вясну,
Да й мокраю, да й цепляю.

Ср. также ibid., № 143, и *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 83.

Св. Юрій Божій посолъ,
Божій посолъ, до Бога пошовъ,
А узявъ ключи золоценькіе,
Отомкнувъ землю сырюценькую,
Пусцивъ расу цеплюсенькую
На бѣлый цвѣтъ и на увесь свѣтъ.

[1]) *Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 81.
[2]) *Вил. Вѣстн.* 1872 г., № 68.
[3]) *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1873 г., IV: Бытъ западно-русскаго селянина, стр. 115 и слѣд.

его растенія; Егорій же подсказалъ ему осотъ, а себѣ присвоилъ овесъ [1]). Въ иныхъ мѣстахъ въ Юрьевъ день дѣвицы молятся Юрью о дарованіи жениховъ [2]).

Обряды празднованія Юрьева дня у южныхъ Славянъ отличаются большею архаичностью.

Въ Болгаріи до этого дня никто не ѣстъ баранины, а 23-го апрѣля выбираютъ красиваго ягненка, преимущественно бѣлаго съ черными глазами; на ѐго рожкахъ зажигаютъ свѣчку. Домохозяинъ, прочитавъ тропарь св. Георгію, поднимаетъ ножъ со словами: „Св. Герги, на ти ѣгне" и рѣжетъ ягненка; а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ ладономъ и мажутъ медомъ губы ягненка; кровью его лѣчатъ разныя болѣзни. У Болгаръ Пиротскаго округа на Джурджевъ день барашка рѣжутъ въ полѣ и съѣдаютъ на горѣ. Дѣвушки валяются по травѣ, чтобы не болѣли кости, собираютъ травы, чтобы на ихъ отварѣ мѣшать хлѣбы, вѣшаются на вѣсахъ, качаются на качеляхъ и купаются [3]). Оставшіяся отъ пира косточки ягненка зарываются въ землю [4]). По Чолакову [5]), наканунѣ Юрьева дня дѣвушки совершаютъ заклятія, чтобъ увеличить красоту свою; въ Панагюрищѣ парни и дѣвушки до восхода солнца водятъ хороводы, и послѣднія набираютъ воды, чтобы замѣсить на ней св. хлѣбъ. Въ другихъ мѣстахъ старухи собираютъ на рѣкѣ плавающія вѣтви и изъ нихъ разводятъ особый святой огонь, который поливаютъ молокомъ. Въ этотъ же день домохозяева сводятъ свои счеты, козлятъ отлучаютъ отъ матокъ и козъ въ первый разъ выгоняютъ съ зимовища. По словамъ М. С. Дринова [6]), наканунѣ этого дня плетутъ вѣнки св. Георгію: тогда же пекутъ святые хлѣбы, которые раздаются бѣднымъ. На зарѣ самаго Юрьева дня совершаютъ жертвенный пиръ на хлѣбныхъ поляхъ. Кровью убитаго барашка намазываютъ лица присутствующихъ малютокъ, изжареннаго же ягненка святятъ въ церкви. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дневній

---

[1]) *Вил. Вѣст.* 1872 г., № 12: статья г. *Крачковскаго*. Разсказъ о борьбѣ съ чертомъ за овесъ перенесенъ на Егорья съ Петра и Павла. См. Труды этногр. экспед. въ юго-з. кр. I, 81.

[2]) *Калинскій*, стр. 133.

[3]) *Каравеловъ*, Памятники народнаго быта Болгаръ, 1861 г., стр. 21 и 260 и слѣд.

[4]) *Терещенко*, VI, 28.

[5]) Българскій народенъ сборн. Болгр. 1872, стр. 35, 56, 103—4, 110.

[6]) См. ст. г. *Ефименка* о Ярилѣ *Зап. Геогр. общ.* по отд. этногр., II, 102 и слѣд.

ной пиръ тоже совершается не въ деревнѣ, а въ рощахъ, гдѣ потомъ и водятъ хороводы. Изъ пѣсни, г. Дриновымъ же приведенной, видно, что Георгій именно въ этотъ день объѣзжаетъ на своемъ конѣ всѣ нивы. По пѣснѣ, приводимой г. Каравеловымъ, Георгій въ этотъ день убиваетъ трехъголовую змѣю (землю), изъ крови которой происходитъ все изобиліе.

Въ Сербіи Георгію также приносится въ жертву ягненокъ; домохозяева пригоняютъ къ церкви всѣхъ ягнятъ, прилѣпивъ къ ихъ рогамъ восковыя свѣчи; послѣ обѣдни свѣчи эти зажигаются; священникъ благословляетъ стадо, произноситъ молитву и въ даръ за нее собираетъ шкурки зарѣзанныхъ ягнятъ и часть ихъ мяса. Въ этотъ же день всѣ купаются до восхода солнца.

Въ Карпатахъ (также какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи) въ замѣнъ барана поселяне приготовляютъ въ этотъ день пирогъ въ видѣ барана, и его разрѣзаетъ главный пастухъ [1]). Карпаторуссы выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу потому, что послѣ этого вѣдьмы не будутъ вредить ему [2]); но если вѣдьма собереть эту росу, она именно ею можетъ погубить скотъ.

Въ Буковинѣ наканунѣ 23-го апрѣля вечеромъ копаютъ дернъ и кладутъ по два куска при воротахъ и колодцѣ; на зданіяхъ дѣлаютъ кресты дегтемъ, а дверь, за которою находится корова, закладываютъ боронами: въ эту ночь вѣдьмы пользуются особенною свободой и могутъ обобрать у коровъ молоко. Еще въ защиту противъ нихъ употребляютъ тернъ и макъ; послѣднимъ посыпаютъ дворъ. Въ эту же ночь вѣдьма раздвояетъ каждому пѣтуху по два пера на хвостѣ. Въ самый же Юрьевъ день скотъ стараются выгнать еще до свѣта, „чтобы напоить его Юрьевою манной“ [3]).

Гуцулы и Подгоряне въ ночь на Юрья зажигаютъ костры, палятъ „Юрика“. Эта ночь считается страшнóю, такъ какъ вѣдьмы получаютъ полную свободу [4]); но за то съ слѣдующаго дня прекращается власть вѣдьмъ надъ скотиной [5]).

Въ приморскихъ славянскихъ земляхъ только съ этого дня выходятъ въ первый разъ въ море [6]).

---

1) *Аѳанасьевъ*, П. В., II, 255.
2) *Терещенко*, VI, 28.
3) *Зап. Юго-зап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 356, 357, 384.
4) *Ефименко*, l. c., 100—101.
5) *Снегиревъ*, Праздники, I, 144.
6) Ibid., III, 65 и слѣд.

У Словенцевъ думаютъ, что только наканунѣ Юрьева дня можно добыть косточку зеленой лягушки, которая будетъ возбуждать всеобщую любовь къ ея обладателю. Если поймать въ этотъ день мотылька и носить его постоянно при себѣ, будешь счастливъ въ торговлѣ. Вываривъ въ молокѣ бѣлую змѣю и выпивъ это молоко, можно добыть себѣ необыкновенную силу; черезъ ту же змѣю добывается неразмѣнная монета и получается способность понимать языкъ животныхъ. Въ самый праздникъ Юрья (24-го апрѣля) выгоняютъ въ первый разъ стада и заговариваютъ ихъ на замкѣ, который кладутъ подъ порогъ [1]). По Мангарту [2]), въ тотъ же день Словенцы ходятъ съ деревомъ (Maibaum), украшеннымъ платками и лентами, съ музыкой и пѣснями. Главная особа въ процессіи—Zélene Yuri, парень, покрытый съ головы до ногъ зеленью; потомъ его замѣняютъ куклой, которую и бросаютъ въ воду (въ иныхъ мѣстахъ самого парня), чтобы было больше дождей. Выгоняя скотъ въ поле, въ пѣснѣ угрожаютъ бросить Юрія въ воду, если онъ не убережетъ его.

Далматинскіе Славяне въ этотъ день, по свидѣтельству Фарлати [3]), осматривали и межевали поля свои и молили объ урожаѣ.

Чехи прославляютъ Юрья за то, что онъ отмыкаетъ землю для травы (aby tráva rostla [4]). У нихъ, какъ и у Словенцевъ, это день колдовства: тогда убиваютъ змѣю и содранную съ нея шкуру носятъ на шеѣ отъ лихорадки; кто отрѣжетъ въ Юрьевъ день змѣѣ языкъ и будетъ носить его на себѣ, тотъ будетъ непобѣдимъ въ рѣчахъ [5]). По моравскому повѣрью (Beneš Method Kulda, Moravské národni pohadky etc. 1874, стр. 304), увидишь змѣю въ этотъ день—змѣи всегда будутъ убѣгать передъ тобою. Родственныя повѣрья находимъ мы и у Нѣмцевъ (откуда они, вѣроятно, и перешли къ западнымъ Славянамъ). По Вутке [6]), 23-го апрѣля нельзя пить изъ колодцевъ, такъ какъ въ этотъ день земля выпускаетъ свой ядъ, который потомъ переходитъ на жабъ и змѣй, до тѣхъ поръ не ядовитыхъ. Вырѣзанный въ этотъ день языкъ змѣи даетъ необыкновенную силу. Если кто въ

---

[1]) Sbornik Slovenských národnich piesni и пр. vyd. Matica Slovenská Sv. I Ve Viedni, 1870, стр. 193 и слѣд.

[2]) *Mannhardt*: Der Baumkultus I, 1875 г., стр. 313.

[3]) Illiricum sacrum I, 689.

[4]) *Аѳанасьевъ*, П. В., I, 705.

[5]) Ibid. II, 564.

[6]) *Wuttke*, Volksaberglaube, 2-е изд., стр. 82, 110, 342, 422 и др.

этотъ день палкой убьетъ змѣю, то съ этою палкой онъ будетъ непобѣдимъ. Въ этотъ же день дѣлаютъ любовныя заклинанія.

23-го апрѣля и на западѣ праздникъ пастуховъ и скота: въ этотъ день срѣзаютъ траву, солятъ ее святою солью и даютъ скоту [1]); вокругъ церкви обводятъ лошадей, чтобъ онѣ были здоровы [2]).

Въ Тиролѣ 24-го апрѣля составляется полушутовская процессія, въ которой несутъ разные атрибуты пастушескаго и земледѣльческаго быта; по дорогѣ ея участниковъ одѣляютъ провизіей [3]).

Въ Валахіи въ этотъ день считаютъ скотъ и передаютъ его пастухамъ [4]). Тамъ же, равно какъ и въ Седмиградіи, ночь наканунѣ Юрьева дня — праздникъ вѣдьмъ; чтобы защитить отъ нихъ свой скотъ, хозяева бодрствуютъ и обкладываютъ хлѣва дерномъ; мальчики всю ночь дудятъ [5]).

Въ Литвѣ [6]) въ этотъ день не сучатъ нитокъ, иначе волки цѣлый годъ будутъ бродить около дома, и не скачутъ на доскахъ, чтобы колосья не припали къ землѣ.

Пословицы, загадки и народныя примѣты указываютъ на связь Егорья съ пастушествомъ и земледѣліемъ: „Якъ піде дощъ на Юрья, та буде хлебъ і в дурня" [7]); „На Юрья дождь—скоту легкій годъ", „на Юрья крупа—урожай на гречу"; на Юрья дождь—гречи не родъ" (Бѣлоруссія); „до св. Юрья кормъ есть и у дурня"; „на Егорья роса—будутъ добрыя проса" (Орл. губ.) [8]); „какъ Егорьевъ день въ исходѣ (то-есть, луннаго теченія), пускай коня на волѣ: какъ Егорьевъ день въ молоду, держи коня въ поводу [9])"; „на Егорья морозъ, такъ будетъ и подъ кустомъ овесъ [10])"; „кали на Ягорья марозъ тады и на гары вырасциць авесъ [11])"; „Юрьева раса, нѣ треба каніомъ ауса"

---

[1]) *Panser*, Bayer. Sagen II, 1, 77.

[2]) *Wuttke*, l. c., 422: то же *Mannhardt*, l. c., 404.

[3]) *Ign.- Zingerle*, Sitte, Bräuche u. Meinungen des Tirolenvolkes, 1871, 2-е изд., стр. 144.

[4]) *Schott*, Walach. Märch. 1845, стр. 299.

[5]) *Wilh. Schmidt*, Das Jahr u. seine Tage in Meinungen u. Bräuche der Romänen Siebenbürgens. 1866, стр. 9—11.

[6]) Черты изъ жизни Литовск. народа, 1854, 94.

[7]) *Зап. Юю-Зап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 96.

[8]) *Даль*, Пословицы, s. v.

[9]) *Этногр. Сб.*, I, 167.

[10]) Ibid. II, 60.

[11]) Ibid. III, 237.

(Бѣлоруссія) [1]); „Егорій лѣнивая сошка" или „съ Егорья лѣнивая соха выѣзжаетъ [2])"; „догадуй скотину до Юрья, та и вилы закинь [3])"; „на Егорья брось жердку, обростетъ за ночь"; „сытъ, какъ Юрьева гора" (Нерехта); „на Юра схования въ жито кура"; „св. Юрій по полю ходить, хлібъ-жито робить [4])". Въ однихъ мѣстахъ Егорій является съ водой, въ другихъ—съ тепломъ, съ кормомъ и пр. [5]). Нѣкоторыя поговорки опредѣляютъ календарное положеніе Юрьева дня сравнительно съ Николинымъ днемъ или съ Юрьемъ осеннимъ [6]): „Юрій везетъ корму въ торокахъ, а Никола возомъ"; „Егорій съ корнемъ, Никола съ кормомъ"; „Егорій (осенн.) съ мостомъ, Никола (зимн.) съ гвоздемъ"; „Егорій съ лѣтомъ, Никола съ кормомъ"; „Егорій съ водой, Никола съ травой"; „Юрьемъ починаютъ, Юрьемъ и кончаютъ" (крестьянскія работы); „на Руси два Егорья: одинъ холодный, другой голодный". У южныхъ Славянъ роль осенняго Егорья играетъ Дмитрій Солунскій, являющійся такимъ образомъ товарищемъ покровителю земледѣлія и истребителю всего враждебнаго, нечистаго и злаго [7]). Иногда и на Руси его день сопоставляется съ Юрьевымъ, напримѣръ: „коли Дмитровъ день не въ снѣгу, и Егорьевъ будетъ не въ снѣгу" [8]).

Въ загадкахъ птичка, прилетающая на Юрьевъ день—соха; Егорій съ копьемъ—стогъ сѣна [9]).

Въ одной бѣлорусской пѣснѣ [10]):

Св. Егорья коровъ пасецъ!
Пасецъ, пасецъ, ды зыпасывыниць
Зъ борзымъ хортомъ, зъ вострымъ жезломъ
Отъ того гада бягучыга,
Отъ той вѣдьмы-чародѣйницы.

---

[1]) Ibid. III, 237.

[2]) *Нижегород. Сб.*, III, 224.

[3]) *Ефименко*, 99.

[4]) Труды этн. эксп. въ З.-р. кр., III, 31.

[5]) *Снегиревъ*, III, 65.

[6]) 26-го ноября, заимствованъ изъ Византіи (см. *Барсовъ* въ *Изв. Общ. Люб. Естеств.*); на Руси пріуроченъ къ освященію Кіевскаго храма; въ прологахъ сюда пріурочивается иногда чудо о построеніи этого храма.

[7]) *Каравеловъ*, Памятн. нар. быта Болг., стр. 211 и 260.

[8]) *Этн. Сб.*, I, 167.

[9]) См. *Худяковъ*, Великорусск. загадки, № 1423 и 1434.

[10]) *Шейнъ*, № 138.

На поѣздѣ Божьей матери онъ „на козлахъ сядзиць" (Шеинъ, № 141), когда Илья стоитъ на запяткахъ, Микола же посреди экипажа; въ № 144 Юрій вмѣстѣ съ Николаемъ идетъ въ поле „жита глядзѣць". Въ № 147 онъ одинъ можетъ отправиться за недостающимъ святымъ, такъ какъ онъ одинъ „коня маеть". Въ № 150 онъ засѣваетъ въ полѣ горохъ. Пѣсня, воспѣвающая пробужденіе природы весною (№ 176), имѣетъ припѣвомъ: „Юрья! Юрья!"

Въ буковинской рожественской пѣснѣ [1]) Никола, Юрій и Господь являются какъ три „вивчарика" прославляемаго пана Ивана; у Николая труба роговая, у Юрья мѣдная, а у Господа золотая:

Як затрубивъ св. Никола,
Всі се горы забіліли;
Як затрубивъ св. Юрій,
Всі ліса си *зазеленіли;*
Як затрубив св. Господь,
Пішли голоса по-під небеса.

Въ заговорахъ Егорій вмѣстѣ съ Царицей (то-есть, Богородицей), Миколой и Господомъ ограждаетъ скотъ тыномъ [2]), вмѣстѣ съ Зосимой и Савватіемъ покровительствуетъ пчеловодству [3]), охраняетъ на пути отъ татя, при чемъ является, на бѣломъ конѣ и съ копьемъ [4]); въ томъ же видѣ онъ является помощникомъ на охотѣ (Майковъ, 124—125); при этомъ его замѣняетъ какой-то бѣлъ мужъ Жубрило, Михаилъ Архангелъ и др. (стр. 128); вмѣстѣ съ Михаиломъ и другими святыми онъ охраняетъ скотъ „Власьевъ родъ" (стр. 114); Михаилъ Архангелъ и Егорій „съ тугими стрѣлами, съ вострыми кнутами" дѣйствуютъ въ заговорѣ противъ ногтевой болѣзни (стр. 76). Георгій Храбрый, Христовъ страстотерпецъ, помѣщенный въ зеленомъ саду на восточной сторонѣ, ограждаетъ растенія отъ червей (стр. 80); онъ же излѣчиваетъ своими стрѣлами отъ болѣзни, являясь въ видѣ бѣлаго человѣка въ бѣломъ платьѣ, на бѣломъ конѣ, на синемъ морѣ въ сообществѣ двухъ стрѣльцовъ Симеона и Герасима (стр. 86). Въ другомъ заговорѣ противъ болѣзней онъ сходитъ съ небесъ по золотой лѣстницѣ, сноситъ 300 луковъ златополосныхъ, 300 стрѣлъ златоперыхъ и 300 тетивъ златополосныхъ (ibid.). Въ заклятіи противъ бѣльма Егорій ѣдетъ по желѣз-

---

[1]) *Зап. Югозап. Отд. Геогр. Общ.*, II, 374.
[2]) *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, IV, 275.
[3]) *Ниж. Сб.*, V, 259 и слѣд.
[4]) *Л. Майковъ*, Великорусскія заклинанія, стр. 104.

ному мосту (вар.: по лѣсу) въ сопровожденіи 3-хъ хортовъ или псовъ: сѣраго (вар.: червоннаго), бѣлаго и чернаго [1]). Въ другомъ заклятіи противъ бѣльма [2]) онъ ѣдетъ на вороныхъ конахъ, на четырехъ колесахъ. На югѣ его часто призываютъ въ заклинаніяхъ отъ вредныхъ змѣй [3]). Заклинаясь отъ волковъ, въ Малороссіи берутъ палочку, однимъ концомъ упираются въ затылокъ, а другимъ въ стѣну или дерево и говорятъ: „Молюся Богу, Матери Божой, всѣмъ святымъ его, св. Георгію, хортовъ припинающому, якъ имъ сучкамъ не развиватися, такъ и хортамъ (въ смыслѣ волковъ) моей скотины не чопати [4])". Къ Георгію же обращается одинъ заговоръ, употребляющійся, по всей, вѣроятности для смягченія сердца начальниковъ: „О св. Георгіе, умягчивый семь царей, какъ овче, а меня раба Божія, якоже льва свирѣпа (?) во имя Отца" и пр. [5]).

Въ одномъ болгарскомъ заговорѣ св. Герги, сидя на горѣ, посредствомъ мѣдной свирѣли собираетъ къ себѣ всѣхъ дикихъ звѣрей, идетъ къ 300 ковачамъ, исковываетъ 300 ключей, „та заключилъ всичка дивина: съ уста да не ядоатъ, съ носъ да не думоатъ" и т. д. [6]).

И въ поговоркахъ, и въ сказаніяхъ Егорій пасетъ звѣрей, особенно волковъ и распредѣляетъ имъ пищу [7]); въ сказаніяхъ проводится одна изъ двухъ тенденцій: или Юрій, отдавая волку овцу, имѣетъ въ виду пользу человѣка [8]), или назначенная волкамъ пища непремѣнно имъ достанется, хотя бы совершенно непонятнымъ для людей образомъ [9]). При исполненіи обязанности змѣинаго пастыря Егорій

---

[1]) *Майковъ*, стр. 39; ср. *Чтенія* 1874 г., I, Малорусск. заклинанія, 29; тоже заклятіе употребляется и противъ червей см. ibid. № 58.

[2]) *Чтенія*, l. c., № 428.

[3]) *Аѳанасьевъ*, П. В., I, 420; *Чтенія*, l. c., № 54. Вѣроятно, вмѣсто него властителемъ гадовъ въ одномъ малорусскомъ заклинаніи (*Драгомановъ*, Малоросс. пред., стр. 30) является Еруславъ Лазаревичъ.

[4]) *Ефименко*, 100.

[5]) Изъ раскольничьей рукописи *Щаповъ*: Ист. Очерки народн. міросозерцанія *Ж. М. Н. Пр.* 1863, стр. 57.

[6]) *Чолаковъ*, стр. 15.

[7]) *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, III, 31.

[8]) Отъ хищныхъ волковъ недалекъ переходъ къ людямъ-хищникамъ; въ легендѣ *Аѳанасьева* (№ 12) Егорій даетъ средство жить *Цыгану*, котораго въ вар. замѣняетъ вороватый мужикъ Нестерка.

[9]) Ibid. 91 и 93; Труды этн. эксп. I, 52; ср. *Аѳанасьевъ*, Легенды 201.

является иногда бородатымъ старикомъ [1]); съ нимъ раздѣляетъ эту обязанность св. Власій и его замѣняетъ въ этомъ случаѣ иногда св. Николай [2]). Вмѣстѣ съ Ильею и Михаиломъ Егорій колеблетъ скалы, отчего и происходитъ громъ (Углицкій уѣздъ); для той же цѣли онъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ выкатываетъ тяжелое орудіе и заряжаетъ его каменною массой [3]).

Народный культъ святаго обусловливается главнымъ образомъ или письменнымъ преданіемъ, какъ признаннымъ церковью, такъ и апокрифическимъ, или художественнымъ преданіемъ, которое такъ или иначе связано съ литературнымъ, или временемъ празднованія, или наконецъ—именемъ. Въ отношеніи народнаго культа Георгія дѣйствуютъ всѣ эти четыре мотива, какъ это часто случается; но первое мѣсто между ними на мой взглядъ занимаетъ время празднованія.

Конецъ апрѣля и начало мая во всемъ умѣренномъ поясѣ есть настоящій праздникъ природы, когда доброе начало окончательно беретъ верхъ надъ началомъ, враждебнымъ человѣку. Высокочтимый святой, изображавшійся вооруженнымъ побѣдителемъ змѣя, стянулъ къ 23-му апрѣля массу обрядовъ, изстари сопровождавшихъ празднованіе окончательной побѣды весны. Литературное преданіе, то-есть, житіе и чудеса, бывшее отчасти въ зависимости отъ того же времени празднованія, съ своей стороны не осталось безъ вліянія на силу и формы культа: воскресенье мертвецовъ, оживленіе быка, разказъ о пустившихъ ростки столбѣ и сѣдалищахъ, оживленіе цѣлаго стада быковъ, спасеніе царевны и царства, все это—такіе эпизоды, которые должны были способствовать сложенію типа Георгія, именно въ видѣ покровителя растеній и домашняго скота.

Посредствующее звено между легендой, извѣстною все же немногимъ, и народнымъ культомъ составляютъ церковныя пѣсни и поученія, долженствовавшія разъяснять народу смыслъ празднества. Хотя какъ тѣ, такъ и другія, представляютъ по большей части буквальный, иногда безсмысленный переводъ съ греческаго, все же частое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ должно было произвести свое дѣйствіе; гимны и поученія на день святаго Георгія закрѣпляли его связь съ весною, съ работами крестьянина и его главнымъ богатствомъ — скотомъ [4]).

---

[1]) Труды этн. эксп., I, 171.

[2]) Ibid., I, 223.

[3]) Ibid., I, 19 и 21.

[4]) Въ гимнахъ и словахъ особенно часто встрѣчается толкованіе имени

Первый выгонъ скота въ поле — важный актъ въ крестьянской жизни; онъ долженъ былъ пріурочиться къ извѣстному дню и популярному святому; этотъ день сталъ большимъ праздникомъ и въ то же время днемъ страшнымъ, когда человѣкъ, рискуя всѣмъ своимъ достояніемъ, долженъ былъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы рискъ разрѣшился въ его пользу. Отсюда масса разнообразныхъ заклинаній.

Топоръ, борона имѣютъ значеніе только какъ желѣзо, какъ продуктъ желѣзнаго вѣка, защищающій человѣка или его имущество отъ враждебныхъ силъ [1]). Ключъ и замокъ имѣютъ тотъ же смыслъ, но въ то же время замкнутый замокъ долженъ замыкать уста дикимъ звѣрямъ, а ключъ есть символъ того ключа, которымъ Егорій отмыкаетъ росу или землю [2]). Верба на мой взглядъ въ данномъ случаѣ

Георгія въ примѣненіи къ характеристикѣ его дѣятельности: онъ «отъ дьявольскія лести оледенѣвшую землю добрѣ дѣлалъ», «терненное служеніе идольское искорененивъ, православную вѣру яко лоза насадилъ» (Минея служ. XVI в. I, F. 157); «воздѣлавъ прилежно сѣмя божественныхъ заповѣдей, расточилъ... богатства» (печатн. Минея). Также часто говорится о его борьбѣ съ *демонами*, съ которыми отождествляется его мучитель, имъ побѣжденный; напримѣръ «днесь мученикъ съ діаволомъ сплетеся мужески, ко ополченію устремився, на землю храборски того низверже и всю его супостатную силу бѣжати сотвори (изъ сб. XVI в. Публ. Библ. I, Q., 323); нерѣдко упоминается благочестивая продерзость, проявленная имъ противъ невѣрныхъ князей (см. канонъ Филоѳея Константинопольскаго) и чудотворная сила Георгія («струи исцѣленій подаеши къ тебѣ притекающимъ, Георгіе», изъ печатн. Минеи). Византійскіе ораторы, какъ извѣстно, любили риторическіе параллелизмы и обращались охотно къ жизни природы; здѣсь это было особенно удобно, и сколько мнѣ извѣстно, ни одно «слово» о Георгіѣ не пренебрегаетъ случаемъ восхвалить весну — время его празднованія; то же находимъ и въ гимнахъ („днесь бо весна разумная возсія намъ подающи цвѣты словесные" и пр. ср. искусственный стихъ у *Безсон*. № 181). Оригинальную параллель проводитъ одинъ ораторъ между картиною весенней природы и муками Георгія: не такъ, говоритъ онъ, земля испещрена цвѣтами, какъ тѣло мученика ранами; не такъ стремительно источники текутъ, какъ кровь его и пр. Въ словѣ Аркадія Кипрскаго (Публ. Библ. Погод. № 808, л. 32) св. Георгій называется *путникамъ—наставникъ*, плавающимъ—кормчій, сирымъ—предстатель.... *иже въ пустыняхъ скитающихся пастырь*». Отъ послѣдняго эпитета очень недалеко до Егорья-пастыря волковъ.

[1]) См. *Тейлоръ*, Первобытн. культура, I, 131.

[2]) Это—реторическій мифъ; въ такомъ же смыслѣ рыболовы молятъ въ заговорахъ св. ангеловъ отомкнуть золотыми ключами синее море (*Аѳанасьевъ*, П. В. II, 411); Иванъ Креститель замыкаетъ въ заговорѣ кровь ключемъ Божіимъ (ibid. 406) и т. д. Кромѣ того, ключъ въ большей степени, нежели простой ку-

не имѣетъ никакого отношенія къ молніи (Аѳанасьевъ, П. В. II, 387), но фигурируетъ, какъ освященный церковью прутъ. Яйцо, какъ символъ неба и земли, какъ символъ солнца и начала жизни [1]), къ тому же освященною церковью, есть могучее средство противъ грома, пожара и пр. [2]), но въ данномъ случаѣ, кромѣ того, его прикосновеніе должно уподобить ему скотъ по гладкости и круглости. Яичницей угощаютъ пастуховъ, какъ кушаньемъ священнымъ уже по самому матеріалу; освященный хлѣбъ—моленникъ связанъ съ жертвоприношеніемъ, которое у Болгаръ сохранилось въ довольно первобытномъ видѣ; пирогъ въ видѣ барана и восковыя изображенія животныхъ есть любопытныя переходныя ступени отъ древняго закланія животнаго. Соль и головня, по видимому, суть только символы непріятностей, которыя защитники стада желали бы причинить исконному врагу. Чудотворная роса, катанье по мокрой травѣ, купанье, обмыванье пастуховъ связаны, съ одной стороны, съ ключами Юрія, съ другой—съ крестнымъ ходомъ на воду. Вѣра въ особую силу природы, проявляющуюся именно въ этотъ день празднованія окончательной побѣды, дала возможность соединить пастушескій праздникъ съ земледѣльческимъ; угощеніе на нивахъ, зарываніе косточекъ „свячоного"— тоже остатки жертвоприношеній. Лошади имѣютъ и свой особый весенній праздникъ (Николинъ день; для пастбища „въ ночномъ" конецъ апрѣля въ средней Россіи—слишкомъ ранній срокъ), но такъ сказать, прикомандированы къ Юрьеву дню, судя по пѣснямъ не безъ вліянія литературнаго, или по крайней мѣрѣ, иконописнаго преданія; въ бѣлорусской же пѣснѣ Юрій играетъ роль кучера, находится впереди Николы, за которымъ слѣдуетъ Илья, только по времени своего

сокъ желѣза, — символъ высшей культуры и потому имѣетъ силу разрушать чары. Ключи были у Озириса и у Митры, но не думаю, чтобы ключи Егорья слѣдовало вести такъ далеко; ближе къ дѣлу церковно-художественное преданіе объ апостолѣ Петрѣ, ключникѣ рая (въ Воронежской губерніи плеяды называются *Петровы ключи*, *Аѳанасьевъ*, П. В., II, 404). Какъ тѣсно соединяется народное представленіе съ церковнымъ преданіемъ, показываетъ одна бѣлорусская юрьевская пѣсня, въ которой мать приглашаетъ Юрія отдать ключи *Петру*.

Землю отомкнути
Траву выпустити,
Скотъ накормити (*Бесѣда* 1872 г., IV, 262 и слѣд.).

[1]) *Bachofen*, Versuch über die Graebersymbolik der Alten. Basel, 1851, стр. 13, въ Вакховыхъ мистеріяхъ яйцо—Sinnbild des allgebährenden u. Alles in sich enthaltenden Wesens.

[2]) *Аѳанасьевъ*, П. В. I, 537; *Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр.*, II, 7.

праздника. По времени посѣва овса и по связи съ лошадьми Егорій замѣняетъ Петра и Павла въ спорѣ съ чертомъ за овесъ; предположить образную замѣну неудобно, такъ какъ въ подобныхъ легендахъ рядомъ съ Богомъ Христомъ всегда являются апостолы.

Опасности, которымъ подвергается скотъ на поляхъ, сосредоточиваясь на этомъ днѣ, заставляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ именно въ этотъ день удерживать скотъ дома; но чаще эти опасности переносятся на ночь передъ Юрьевымъ днемъ, когда вѣдьмамъ дается полная свобода, вслѣдствіе чего люди должны принимать мѣры: закрещивать хлѣвы и бодрствовать при кострахъ: огонь и дернъ съ молодою весенней травой — символы побѣды свѣта надъ тьмою и лѣта надъ зимою. Ночь или весь канунъ Юрьева дня по той же причинѣ удобны и для всякаго волшебства, въ обрядахъ котораго видную роль играютъ змѣи, отчасти подъ вліяніемъ побѣжденнаго Георгіемъ дракона-змія; подъ тѣмъ же вліяніемъ и по связи съ вѣдьмами змѣи и всѣ ядовитые гады въ эту ночь выпускаютъ ядъ свой въ воду.

Многія примѣты, указываемыя пословицами и поговорками, объясняются весьма несущественными причинами: риѳмою (роса: проса), фигурой языка (крупа — греча), наблюденіемъ (жердка за ночь обростетъ), расчетомъ (поздняя весна — хорошее лѣто).

Въ заговорахъ, какъ обыкновенно, силенъ элементъ произвола и литературно-художественное вліяніе; отъ иконописи идетъ бѣлый цвѣтъ коня Георгія, близкая связь съ змѣями (а черезъ нихъ съ червями), связь съ Михаиломъ Архангеломъ; а Щаповскій заговоръ прямо указываетъ на апокрифическое житіе и именно въ редакціи, близкой къ Хлудовской. Заговоры присоединяютъ Юрія къ другимъ святымъ (напримѣръ, къ Зосиму и Савватію), не имѣя на то никакого основанія, кромѣ его популярности. Заговоръ, помѣщенный въ сборникѣ г. Майкова на стр. 80, довольно отдѣланный со стороны формы, невольно напоминаетъ мусульманскаго Хызра; но зеленый садъ Егорья могъ явиться подъ вліяніемъ времени празднованія и ассимилироваться съ раемъ, разумѣется, помѣщаемымъ на востокѣ.

Покровительство стадамъ ведетъ Егорья прямо къ начальству надъ волками и другими дикими звѣрями; но его заботливость о нихъ даже въ ущербъ интересамъ человѣка имѣетъ, по видимому, нѣсколько иную причину: представленіе дикихъ звѣрей домашними животными миѳической фигуры владыки лѣсовъ и представленіе именно волковъ собаками божественнаго воеводы—обычное представленіе; переходъ

спеціальнаго врага волковъ въ ихъ покровителя и хозяина не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго; этою ассоціаціей по противоположности, въ связи съ естественнымъ стремленіемъ окружать всякую божественную фигуру необычными аксесуарами, можно объяснить повсемѣстную связь свѣтовыхъ божествъ съ волками [1]); объясненіе Гана кровожадностью солнца [2]) представляется мнѣ слишкомъ искусственнымъ. Сливаясь черезъ волковъ съ Полисуномъ, Егорій иногда измѣняетъ и свой юношескій обликъ.

Праздникъ весны можетъ двигаться и взадъ, и впередъ, и потому многіе обряды и повѣрья, соединенные съ Юрьевымъ днемъ, могутъ пріурочиваться и къ другимъ христіанскимъ праздникамъ.

Уже спеціально Юрьевская пѣсня взываетъ къ Макарью, подъ которымъ надо, по видимому, разумѣть мученика Макарія, митрополита Кіевскаго, убитаго въ 1497 г., (ему празднуютъ 1-го мая). Огни наканунѣ праздника умѣстнѣй подъ Свѣтлое Воскресенье и подъ Ивановъ день; съ Иванова дня они переходятъ на канунъ Петрова дня. Тому же Воскресенью и Иванову дню чаще, нежели Юрьеву, приписывается игра солнца. Къ Воскресенью же пріуроченъ въ Малороссіи жареный барашекъ; въ этотъ день распѣваются волочебниками Юрьевскія пѣсни. Поклоненіе Лялѣ въ иныхъ мѣстахъ переносится на Троицу [3]). Заклинанія и встрѣча весны производятся и 1-го марта [4]). Ключникомъ, отпирающимъ землю, называется и евангелистъ Маркъ (25-го апрѣля); свойства Юрьевской росы раздѣляетъ

---

[1]) Аполлонъ въ то же время Λύκειος и Λυκόκτονος; по тому же закону, проявляющемуся въ другой области, хортъ — собака получила значеніе волка. Оттого же волкъ, созданный чертомъ (по албанскимъ и эстонскимъ преданіямъ *Аѳанасьевъ*, П. В., I, 731), употребляется Богомъ, какъ его охотничья собака (*Grimm*, Mythol., 634), мало того: волки оказываются врагами чертей и ѣдятъ ихъ (Труды этн. эксп., I, 51).

[2]) *Hahn*: Sagwissensch. Studien, Jena, 1876, стр. 445.

[3]) *Ляля*, какъ существо женское и очерченное крайне неопредѣленно, не передала Егорью ничего, слѣдовательно, до насъ непосредственно не касается; но чрезвычайно любопытно было бы собрать для ея опредѣленія побольше данныхъ и по возможности рѣшить вопросъ: есть ли это миѳологическая древняя фигура или произведеніе новѣйшей символики. Фантазеръ миѳологъ Древлянскій въ *Прибавленіяхъ къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1846 г. называетъ и описываетъ соотвѣтствующія ей фигуры для другихъ временъ года: *Жыцень* (осень), *Зюзя* (зима), *Цеця* (лѣто). Не знаю, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ такія фигуры въ представленіи Бѣлоруссовъ; если существуютъ, онѣ очевидно произведенія новѣйшаго времени.

[4]) *Аѳанасьевъ*, П. В., III, гл. XXVIII.

Крещенская вода и Купальская роса; кромѣ того, представленія объ отмыканіи земли и чудесныхъ свойствахъ воды иногда являются не христіанизованными и пріурочиваются не къ извѣстному дню, а къ первому дождю или первой грозѣ: въ Литвѣ до сихъ поръ есть повѣрье, что трава не ростетъ до первой грозы [1]); Русскіе спѣшатъ умываться при первомъ ударѣ; дѣвицы умываются первымъ дождемъ или водою съ серебра и золота.

Связь Егорья съ громомъ и молніей, очевидно, не ископная, но легко понятная; какъ время празднованія, близкое къ первой грозѣ, такъ и художественное преданіе представляютъ для нея достаточно основаній.

Можно ли на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ сказать, какое языческое божество замѣнилъ собою Георгій? Г. Ефименко [2]) именно на основаніи данныхъ праздника доказываетъ, что Георгій замѣнилъ языческаго бога Ярилу. Не считаю нужнымъ повторять его доводовъ, такъ какъ статья его еще у всѣхъ въ памяти и помѣщена въ изданіи всѣмъ доступномъ; но позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

О изображеніи Ярилы въ видѣ молодаго человѣка и о праздновапіи ему въ концѣ апрѣля (27-го числа, г. Ефименко въ скобкахъ ставитъ 23-го), г. Ефименко узнаетъ только изъ статьи г. Древлянскаго (Прибавленія къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1846). Я едва ли приму на себя большую отвѣтственность, если скажу, что факты, приводимые въ этой статьѣ, не заслуживаютъ довѣрія.

Ходъ мыслей ея автора весьма странный: онъ на первыхъ же порахъ заявляетъ, что народныя вѣрованія въ настоящемъ видѣ своемъ могли сохраниться только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ (стр. 4). Ему кажется, что онъ знаетъ „истыя“ вѣрованія древнихъ Русскихъ Славянъ, и онъ желаетъ сличить съ ними преданія бѣлорусцевъ о различныхъ божествахъ. Такихъ божествъ авторъ знаетъ не мало: баганъ (вѣр. бог — анъ), бѣлунъ съ сумою денегъ на носу; Вавкалака, по догадкѣ автора тоже самое, что Ликаонъ,Ваструха, по увѣренію автора, то же, что Астрея — богиня правды и цѣломудрія; весь культъ Ваструхи ограничивается одною поговоркой — „бачишь якъ бы Ваструха“, то-есть, по объясненію

---

[1]) *Моск. Унив. Изв.* 1871 г., № 9 стр. 457.

[2]) *Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр.*, II, 79 и слѣд.

Древлянскаго," видишь какъ будто цѣломудренная, справедливая"; „Дзѣва, Дзѣдка—что-то похожее на Дажбога", Зорка, Каляда [1]), Купала, Ладо, Леліо, Пагода, Перунъ, Расамаха („какой-то грозный духъ, не то ли же, что у Славянъ Чернобогъ"?!), Чуръ-богъ, Яга-баба, Цмокъ и многіе другіе; между прочимъ и Ярило. Про послѣдняго Древлянскій говоритъ: „онъ — молодъ, красивъ, разъѣзжаетъ на бѣломъ конѣ; на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ держитъ онъ человѣческую голову, а въ лѣвой маленькій снопикъ ржаныхъ колосьевъ: ноги у него босыя". Немного ниже говоритъ онъ, что дѣвицу, избранную Ярилой, одѣваютъ точно также, какъ они представляютъ Ярилу, и сажаютъ на бѣлаго коня. Какъ точно также? Ужели ей даютъ въ руки человѣческую голову?

Можно ли основывать выводы на показаніяхъ такого собирателя народныхъ преданій, претворяющаго россомаху въ Чернобога? А между тѣмъ все, что говоритъ г. Ефименко о весеннемъ праздникѣ Ярилы въ началѣ весны, о праздникѣ возрожденія Ярилы, какъ его называетъ г. Ефименко, основано на словахъ Древлянскаго; по указаніямъ другихъ, праздникъ носитъ шутовской, фаллическій характеръ, и герой его не имѣетъ ничего общаго съ Егорьемъ.

Другое основаніе сближенія — лингвистическое: имя Юрья по мнѣнію г. Ефименка въ связи съ корнемъ яр, отъ котораго происходитъ и Ярило [2]). Но не говоря уже про общую слабость всѣхъ чисто корневыхъ сближеній, въ данномъ случаѣ это орудіе обоюдоострое: Юрій есть фонетически законное упрощеніе формы Гюргій, въ какой имя Георгія встрѣчается часто въ лѣтописяхъ. Изъ его имени подъ вліяніемъ корня яр—ярый не могло ли возникнуть имя символической фигуры, удержавшей отъ своего первообраза бѣлаго коня?

---

[1]) Не удивительно, что миѳологъ 40-хъ годовъ признаетъ Каляду — «божествомъ радости и веселья»; но удивительно, что и въ наше время находятся люди, заставляющіе Славянъ боготворить Календы, тогда какъ именно на этомъ примѣрѣ всего яснѣе можно видѣть, какъ опасно иногда довѣрять поговоркамъ, и пѣснямъ, какъ легко поэтическое олицетвореніе принять за остатокъ глубокой чуть не арійской древности.

[2]) Отъ того же корня г. Ефименко выводитъ названіе другаго «божества»— Ирья или *Вырья*, то-есть, стороны вѣчной весны, куда отлетаютъ на зиму птицы Ирій и Вырій, какъ уже указалъ проф. Котляревскій (О погреб. и пр., 198) только иныя лингвистическія формы слова *рай*, происхожденіе котораго, если не ошибаюсь, остается неизвѣстнымъ.

Третье основаніе для сближенія Егорья и Ярилы г. Ефименко находитъ въ связи того и другаго съ лошадью-символомъ солнца. Но самъ авторъ долженъ признать (стр. 97), что 23-го апрѣля конскимъ праздникомъ оказывается въ очень не многихъ мѣстахъ, и что лошадиный праздникъ почти повсемѣстно пріурочивается къ 18-му августа, къ Фролу и Лавру. Егорій, дѣйствительно, всегда изображается всадникомъ, но это вліяніе церковнаго преданія; что же касается до отожествленія Егорья съ конемъ (стр. 90), то оно существуетъ только въ воображеніи автора; въ пѣсни Юрья не приложеніе къ коникъ, а род. принадлежности. Связь Ярилы съ конемъ тоже довольно слаба; изъ массы мѣстныхъ обрядовъ только въ двухъ случаяхъ провождаемая весна изображается въ видѣ лошади (стр. 86 и 87), да и въ нихъ лошадь „съ грубыми атрибутами" явилась, можетъ быть, подъ вліяніемъ фаллическаго культа.

И такъ, Ярило, на мой взглядъ, не можетъ удовлетворительно объяснить Егорья; Перунъ—г. К-скаго и Дажбогъ г. Барсова рѣшительно ни на чемъ не основаны [1]).

Карлъ Гауптъ [2]) безъ всякихъ колебаній и оговорокъ высказываетъ убѣжденіе, что св. Георгій есть никто иное, какъ христіанизованный Святовитъ (Swantewit—heil. Licht, какъ говоритъ онъ). Онъ приводитъ для этого два основанія: вопервыхъ драконъ, по его мнѣнію, „есть ничто иное, какъ маска Чернобога", и Лужичане до сихъ поръ вмѣсто Чернобога или (?) черта употребляютъ слова trach, strach (?) или drak. Вовторыхъ, въ Прагѣ на Градчинѣ „на мѣстѣ древняго храма Свантевита поставили не только соборъ св. Вита, но и церковь въ честь св. Георга".

Основанія очень слабы. Спеціальный врагъ Чернобога—Бѣлбогъ, который если и составлялъ когда-нибудь одно цѣлое съ Святовитомъ, то скоро отдѣлился отъ него, и тогда Святовитъ получилъ спеціальное значеніе грозоваго божества (Аѳанасьевъ, П. В., I, 95 и др.); фигура четырехголоваго, бородатаго Святовита не имѣетъ съ Георгіемъ ничего общаго, а его осенній послѣжатвенный праздникъ далекъ отъ 23-го апрѣля. Отожествленіе дракона съ чертомъ весьма понятно и истекаетъ главнымъ образомъ изъ церковнаго преданія, но я позволяю себѣ усумниться въ томъ, чтобы современные Лужичане знали

[1]) Но еслибы пришлось выбирать между Перуномъ и Дажбогомъ, разумѣется преимущество надо отдать послѣднему.

[2]) *Neues Laus. Magasin* 1860, стр. 159 и слѣд.

Чернобога. Относительно храма въ Прагѣ самъ Гауптъ долженъ сознаться, что на смѣну Святовиту явился св. Витъ. Главный же доводъ, по моему мнѣнію, положительно уничтожающій значеніе конъектуры Гаупта для уясненія Георгія, тотъ, что юго-восточные Славяне, у которыхъ Георгій особенно ународился, совсѣмъ не знали Святовита.

Въ замѣнъ этихъ плохо обоснованныхъ или вполнѣ произвольныхъ конъектуръ я не могу представить ничего положительнаго и предлагаю до времени довольствоваться слишкомъ общимъ, безъимяннымъ выводомъ: [1]) св. Георгій, быстро популяризировавшійся на Руси [2]), благодаря условіямъ, указаннымъ въ началѣ главы, сталъ богомъ весны, покровителемъ земледѣлія, и особенно скотоводства, и при этомъ притянулъ къ себѣ черты, вѣроятно, нѣсколькихъ свѣтлыхъ и благодѣтельныхъ человѣчеству божествъ, которыхъ мы точнѣе опредѣлить не въ состояніи.

Почти навѣрно можно сказать, что Егорьевъ день—праздникъ солнечный; потому и начало празднованія предшествуетъ выходу солнца, и потому немногіе остатки миѳовъ про солнце пріурочиваются къ Юрьеву дню [3]). Отъ солнца Егорій получаетъ значеніе судьбы, раздавателя счастія (см. Аѳанасьевъ, П. В., I, 67), и солнце же закрѣпило его связь съ волками. Какъ по тожеству съ солнцемъ, такъ и по связи съ скотоводствомъ, Егорій совершенно соотвѣтствуетъ литов-

---

[1]) Такъ какъ нѣмецкая миѳологія представляетъ несравненно болѣе достовѣрныхъ фактовъ и несравненно лучше разработана, нѣмецкіе миѳологи въ состояніи указать и назвать ту миѳологическую фигуру, поклоненіе которой *отчасти* замѣнилось культомъ Георгія: это—Одинъ, помощникъ и предводитель въ сраженіи, воинъ, сидящій на бѣломъ конѣ и сопровождаемый волками, дающій кольчугу побѣды, которой въ эпосѣ соотвѣтствуетъ St. Iörgenhemd (ср. I. *Wolf*: Beiträge 1, 54; II, 100 и др.). Но и отъ нѣмецкихъ ученыхъ въ подобныхъ случаяхъ нельзя требовать большой точности и строгости: вопервыхъ древній богъ передавалъ свои черты не одному христіанскому святому, а многимъ: того же Одина видятъ и въ св. Мартинѣ (*Wolf*, ibid. 39), и въ арх. Михаилѣ (ibid 32), и вовторыхъ, въ томъ же Георгіѣ видятъ отраженіе Тира, Zio, нѣмецкаго бога войны (см. *Rupp*: Aus der Vorzeit Reutlingens, 2 Ausg., стр. 44 и слѣд. Ср. *Volf* 1, 131).

[2]) Уже Софійская лѣтопись подъ 1471 г. называетъ его не по книжному, а по народному *Егорьемъ Храбрымъ*.

[3]) *Крекъ* (Einleitung etc., стр. 325 и слѣд.) приводитъ болгарскую и словенско-кроатскую пѣсню о сватовствѣ бога солнца за Гроздинку (Насту у Кроатовъ); богъ солнца спускаетъ за невѣстой колыбель именно въ Юрьевъ день.

скому Гонниклинису или Гониглису [1]), въ честь котораго поютъ такую пѣсню:

Гонниклинисъ божекъ,
Паси мою корову,
Паси мою телку.
Не пускай вора волка.
Пасу, пасу овцу;
Тебя, волкъ, не боюсь,
Ибо солнцевласый (saulinejis)
Богъ тебя не пуститъ.
Ладо, ладо солнце,
Дай ему щелчекъ по головѣ [2]).

---

[1]) Если только собиратели вѣрно поняли и записали пѣсню. См. Черты изъ ист. и жизни лит. народа стр. 130. и у *Нарбута*, I, 303—4.

[2]) Этого Гониглиса г. Ефименко, по примѣру другихъ, объединяетъ не только съ Егорьемъ и Ярилой, но и съ *Геннилемъ* языческихъ Сорабовъ, и *въ изложеніи г. Ефименки* дѣло очень похоже на правду. Привожу его слова, какъ примѣръ того, на сколько въ современной миѳологической наукѣ принимаетъ участіе *творчество*. Г. Ефименко говоритъ: «У древнихъ Сорабовъ, по свидѣтельству Дитмара, *весною*, *при выгонѣ скота въ первый разъ на подножный кормъ* существовалъ такой обычай: по цѣлому селенію отъ двора до двора носили палку, имѣвшую рукоятку въ видѣ руки, держащей желѣзный *шаръ*. Обносившій ее вмѣстѣ съ пастухомъ вступалъ въ избу и вскрикивалъ: Генниль, бди! *Всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ*». Не ясенъ ли отсюда выводъ, что Егорій только замѣна Генниля, что Егорьевъ день есть Генниленъ день, что изслѣдователи должны сосредоточить всѣ свои усилія на точнѣйшемъ опредѣленіи этого Генниля? Г. Ефименко не ссылается въ данномъ случаѣ на источникъ, на самого Дитмара, а только на пособія: *Лелевеля*: Polska wieków średnich. Poznań. 1855, I, стр. 417, и *Н. И. Костомарова*: Слав. миѳологія, стр. 77. У Лелевеля въ указанномъ мѣстѣ мы читаемъ: «U Sorabów gdzieś w bliskości Silivelum (Selben blisko Delitsch) obnoszono po wsiach od chaty do chaty na kiju rękę trzymającą *kolo* (не шаръ) żelazne, obnoszący ją wraz z pastuchą wsi, wchodząc do chaty, wykrzykiwał: strzeż, Hennil, strzeż! Vigila, Hennil, vigila! (gonil? od pogonu) co miało zabezpieczać zabierających się do posiłku (Ditmar VIII, 4). Wprowadzać wykrzyk ten w rząd jestestw wyżej wymienionych zdaje sie byłoby zbyteczne». Такимъ образомъ Лелевель ничего не говоритъ ни о времени, когда совершалось обнесеніе палки, ни о волкахъ, будто бы отгоняемыхъ ею. Напротивъ того, изъ его словъ ясно видно, что палка охраняла не стадо, а пирующихъ. Г. Костомаровъ, l. c., ближе къ г. Ефименкѣ: «Дитмаръ говоритъ, что у Славянъ *весною* былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку, держащую желѣзный *шаръ*. Пастухъ кричалъ: Гонило, стереги! и всѣ думали, что *эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ*. См. Ditm. Chr. Dzieje Nar. lit. I, 303» (на стр. 303 у Нарбута ничего нѣтъ о Геннилѣ, а на 110, безъ ссылки на Дитмара, пересказываются, кажется, его слова,

IV.

Другой рядъ данныхъ для опредѣленія двоевѣрной фигуры Егорія представляютъ духовные стихи, воспѣвающіе его подвиги.

Эти стихи рѣзко распадаются на двѣ группы; стихи первой и большей группы воспѣваютъ мученіе Егорія, его освобожденіе и подвиги; стихи второй и меньшей группы излагаютъ только его чудо о зміи и о дѣвицѣ. Сперва займемся первою группой.

Къ ней относятся 22 стиха, собранные изъ устъ пѣвцевъ: 2 помѣщены у Варенцова (стр. 95 и 100), 16 у Безсонова (№№ 98, 99, 100, 101 (ср. Варенцовъ, стр. 100), 102, 103, 104, 106, 107 (ср. Варенцовъ, стр. 95), 108, 110 (безъ конца), 111, 112, 113 (безъ конца), 114 (безъ конца), 115), у Сахарова одинъ, подвергшійся, по видимому, тенденціозной передѣлкѣ и урѣзкамъ, у Якушкина 2 (№№ 15 и 16), въ Олон. Губ. Вѣд. одинъ 1867 № 13 (безъ конца); у Аѳанасьева въ Легендахъ стр. 132 напечатанъ прозаическій пересказъ и одинъ стихъ (ср. Безсонова № 108) Отличія этихъ стиховъ довольно крупны; но въ то же время всѣ они сводятся къ одной поэтической схемѣ, которой мы напрасно стали бы искать въ книжномъ источникѣ. Что̀ изъ этого слѣдуетъ? Очевидно, всѣ нынѣ распѣваемые стихи вышли изъ одного древняго стиха, который подъ вліяніемъ времени и возобновляемаго литературнаго преданія принялъ довольно разнообразныя формы. Итакъ, это не самостоятельные стихи, а варіанты одного стиха.

но съ крайне фантастическими добавленіями). Итакъ, г. Ефименко отъ себя прибавилъ точнѣйшее указаніе времени: *при первомъ выгонѣ скота на подножный кормъ*, прибавилъ, очевидно, потому, что думалъ о Юрьевомъ днѣ; въ остальномъ же онъ слѣдовалъ г. Костомарову. Теперь спрашивается: кто же вѣрнѣе передалъ слова источника: Лелевель или г. Костомаровъ? У Дитмара (Thitmari Chron. Pertz VII, стр. 858; VII, 50) читаемъ: «Audivi de quodam baculo, in cujus sumitate manus erat unum in se ferreum tenens *circulum*, quod cum pastore illius villae, in quo is fuerat, per omnes domos has singulariter ductus in primo introitu a *portitore suo* (очевидно = pastore) sic salutaretur: vigila, Hennil, vigila! sic enim rustica vocabatur lingua, et epulantes ibi delicate de ejusdem se tueri custodia stulti autumabant, ignorantes illud Daviticum: simulacra gentium etc. Итакъ, Лелевель только перевелъ Дитмара, хотя и не совсѣмъ вѣрно, а г. Костомаровъ прибавилъ отъ себя указаніе на весну, на отношеніе Геннила къ стадамъ и волкамъ. Такимъ образомъ въ новѣйшее время создаются *миѳы*!

Чтобы съ возможно большею степенью вѣроятности опредѣлить содержаніе этого начальнаго стиха, мы должны выдѣлить изъ варіантовъ тѣ черты, которыя встрѣчаются въ большей части ихъ, и необходимость которыхъ обусловливается полнотой содержанія стиха. Они суть слѣдующіе:

1) Опредѣленіе времени событія; годъ опредѣляется такимъ образомъ: въ 6-мъ году 7-й тысячи (№ 99 и др.), въ 7-мъ году 8-й тысячи (№ 100 и др.), въ 6-мъ году 8-й тысячи. Нѣтъ надобности говорить, что ни одна изъ этихъ датъ не имѣетъ отношенія къ житію Георгія, такъ какъ самая ранняя изъ нихъ на 200 лѣтъ позже Діоклетіанова гоненія; тѣмъ не менѣе указаніе датъ можно смѣло отнести къ начальному стиху: этотъ пріемъ совершенно чуждъ пѣвцамъ.

2) Вездѣ [1]), гдѣ только упоминается отецъ Егорія, онъ называется Ѳедоромъ, въ 4-хъ варіантахъ (Безс. №№ 98, 99, 103, 106) даютъ ему ближайшее опредѣленіе, называя его Ѳедоромъ Стратилатомъ (Стратилаторомъ, Стрепелатымъ). Такое единогласіе слѣдуетъ тоже отнести на счетъ начальнаго стиха, авторъ котораго пожелалъ поставить въ генетическую связь двухъ извѣстныхъ ему змѣеубійцъ. Вѣроятнѣе предположить, что въ этомъ начальномъ стихѣ Ѳедоръ имѣлъ при себѣ ближайшее опредѣленіе Стратилатора, которое было исковеркано или выброшено пѣвцами.

3) Давъ Егорію неизвѣстнаго намъ по его житію отца, стихъ далъ ему и мать: Софію Премудрую, то-есть, Софію Премудрость Божію, которой предоставлена довольно видная роль: ее встрѣчаетъ Егорій по выходѣ изъ рва и у ней беретъ благословеніе отмстить мучителю; въ нѣкоторыхъ варіантахъ она же указываетъ ему, какъ добыть оружіе.

4) У Егорія оказываются сестры [2]), которыя, убоявшись смерти, покинули вѣру христіанскую.

5) Мѣсто рожденія Егорія и названіе страны, откуда явился врагъ-мучитель, равно какъ и другія географическія указанія, если не об-

---

[1]) Исключеніе составляетъ *Безс.* № 115, гдѣ отецъ Егорія называется Анохріемъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Гонорія въ стихѣ объ Алексѣѣ или Эноха страшнаго суда.

[2]) Сестеръ нѣтъ въ 107 и у *Якушк.*, XVII; въ послѣднемъ случаѣ пѣвецъ, очевидно, забылъ о нихъ, такъ какъ въ началѣ стиха поминаетъ трехъ отроковъ (то-есть, трехъ дѣтей). У *Якушкина* XV ихъ замѣняютъ двѣ русскія поляночки.

ходятся молчаніемъ, сильно разнообразятся по варіантамъ [1]). Однако все это разнообразіе сводится главнымъ образомъ или къ Іерусалиму или къ Чернигову. Пріуроченіе къ Іерусалиму очень понятно и должно быть отнесено на счетъ автора стиха: святой является сыномъ царя святаго города; кромѣ того, авторъ изъ литературнаго житія могъ почерпнуть смутное представленіе о святой землѣ, какъ о мѣстѣ мученія Георгія. Откуда же взялся такъ часто упоминаемый Черниговъ? Я объясняю это себѣ такимъ образомъ:

Авторъ стиха немного ниже заставляетъ Егорія выходить на святую Русь. Самостоятельный пѣвецъ-передѣлыватель, не знавшій житія, стремился сгладить это противорѣчіе и переноситъ на Русь и самое мученіе. Мѣстомъ рожденія Егорія онъ избралъ Черниговъ, а не другой городъ, думаю, подъ вліяніемъ смутнаго воспоминанія о Михаилѣ Черниговскомъ и его бояринѣ Өеодорѣ (ср. отца Егорія), замученныхъ Татарами.

6) Изъ 20 варіантовъ въ 11 встрѣчается описаніе наружности Егорія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,

---

[1]) № 98: туча, освобождающая Егорія, поднимается изъ за города Іерусалима; № 99: Богородица является отъ Кіева, а мать Егорій находитъ въ Черниградѣ, сестеръ посылаетъ въ Іордонь рѣку, а Демьянище живетъ въ Кіевѣ; № 100: Богородица является отъ Кіева, Демьянище живетъ тамъ же; № 101: Егорій родится въ Іерусалимѣ, сестры его купаются въ Іорданѣ; № 102: Егорій находитъ мать въ Іерусалимѣ, сестеръ посылаетъ въ Іордань; № 103: Егорій живетъ, въ Іерусалимѣ, тамъ же находитъ и мать свою; сестры купаются въ Іорданѣ; герой проѣзжаетъ въ Кіевъ черезъ ворота Херсонскія; № 104: Егорій родится въ Черниговѣ и тамъ же находитъ свою мать; сестеръ посылаетъ онъ въ Іерусалимъ, на Іордань; птицу встрѣчаетъ на вратахъ Сибирскихъ; № 106: Богородица является изъ Чернигова; тамъ же Георгій находитъ мать; сестеръ посылаетъ въ Іорданъ; Демьянъ и Себрицкія ворота находятся въ Кіевѣ. № 107 не даетъ никакихъ географическихъ указаній; № 108: Егорій родится въ Іерусалимѣ; его освобождаютъ вѣтры, поднявшіеся съ Руси, мать онъ находитъ въ Іерусалимѣ; сестеръ посылаетъ въ Іордань; № 110 не даетъ указаній; № 111: Егорій и Демьянище живутъ въ Виөлеемѣ (Хлеемѣ); сестеръ Егорій посылаетъ на Іордань; №№ 112, 113 и 114 не даютъ указаній; № 115: Егорій находитъ мать въ Черниговѣ; Демьянище живетъ въ землѣ Латынской; Вар. стр. 95: Егорій родится въ Черниговѣ; стр. 100: Егорій родится въ Іерусалимѣ, сестеръ посылаетъ въ Іордань; Дектіанище царствуетъ въ Вавилонѣ; *Якушкинъ*, № XV: Егорій родится въ Черниговѣ; № XVI: туча выходитъ изъ города Іерусалима; сестеръ Егорій посылаетъ на Кіянъ-море; № XVII: Диклитіанище поднимается изъ города Китаева; Егорій отправляется въ Іерусалимъ градъ.

По локоть руки въ красномъ золотѣ
Голова его вся жемчужная.

Вмѣсто послѣдняго стиха болѣе подробныя указанія:

Во лбу то солнце, въ тылу то мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія (*Вар.* 95).

Съ одинаковымъ удобствомъ это обычное описаніе красоты можно отнести на счетъ автора стиха и на счетъ пѣвцовъ; источникомъ его въ одинаковой мѣрѣ могли служить и иконопись, и поэтическія чисто-народныя представленія [1]).

7) Демьянище (осмысленный и передѣланный для укладыванія въ стихъ Діоклетіанище) нападаетъ на царство отца Егорія, самого царя убиваетъ, а дѣтей его беретъ съ собою. Гибель отца Егорія сохранилась въ меньшей части варіантовъ [2]), но нѣтъ основанія думать, чтобъ она была прибавлена пѣвцами, которые могли знать только подвигъ Θеодора; напротивъ того, болѣе книжный авторъ стиха долженъ былъ знать мученіе Θеодора.

8) Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе мукъ Егорія, которое довольно значительно разнится по варіантамъ. Въ самыхъ краткихъ число мукъ, если исключить заключеніе въ погребъ или яму, ограничивается тремя:—топоры, пилы и смола; въ другихъ (Безс., № 104, Вар., стр. 100) прибавляются сапоги, гвозди, по которымъ водятъ Егорія, колесо, которымъ его вертятъ и которое въ заключеніе ломается въ щепы, и вода, куда бросаютъ Егорія. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (Безс., 107, 115) заранѣе указывается число мукъ 12; однако пѣвецъ не въ состояніи перечислить ихъ.

9) Во всѣхъ безъ исключенія варіантахъ мучитель, видя недѣйствительность своихъ мѣръ противъ Егорья, велитъ посадить его въ погребъ и засыпать пескомъ, послѣ чего онъ высказываетъ увѣренность, что Егорью уже „не бывать на святую Руси". Время, которое Егорій проводитъ подъ землею, или не опредѣляется вовсе, или опредѣляется тремя или 33 годами; три года—цыфра начальнаго стиха, происходящая отъ трехдневнаго пребыванія во рву.

10) Освобожденный высшею волей (очень часто Богородицей) изъ

---

[1]) Стихи *Якушкина* XVI, и *Безсонова* № 104, въ которыхъ у Егорія „волосы какъ ковыль трава", очевидно, заимствовали эту черту изъ второй половины стиха, гдѣ описывается не красота, а безобразіе сестеръ Егорія.

[2]) *Безсоновъ*, №№ 101, 107, 114; *Вар.* 95; *Якушкинъ*, XV—XVII, Легенда *Аѳ.*

рва [1]), Егорій отправляется къ себѣ на родину, тамъ все разорено и опустошено; только стоитъ соборный храмъ, гдѣ молится мать его Софія. Принявъ отъ нея благословеніе, Егорій отправляется мстить мучителю и убійцѣ отца; по дорогѣ онъ долженъ преодолѣть препятствія. Вотъ они по варіантамъ. Горы: Безсоновъ, №№ 98, 99, 100, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 110, 111, 115; Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, стр. 95, 100. Лѣса: Безсоновъ, №№ 99, 100, 101, 103, 104, 106, 108, 110, 111, 115. Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, стр. 95, 100. Рѣка или рѣки: Безсоновъ, №№ 101, 107 (р. огненная); 115; Якушкинъ, XV; Варенцовъ, стр. 95 (рѣка огненная). Волки или звѣри: Безсоновъ, №№ 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 111, 115; Якушкинъ, XVI, XVII; Варенцовъ, стр. 100. Стадо змѣиное: Безсоновъ, №№ 98, 99 (?), 108, 111 (?), 115; Варенцовъ, 100. Змѣя: Безсоновъ, №№ 99, 100, 106; Якушкинъ, XV, XVII; Варенцовъ, 95. Птица: Безсоновъ, №№ 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107 (птицы клевучія), 108; Якушкинъ, XV, XVI; Варенцовъ, 95.

Изъ этого видно, что наибольшую степень вѣроятности принадлежности къ начальному стиху имѣютъ горы толкучія; ихъ нѣтъ только въ двухъ варіантахъ, которые другими пунктами выдаютъ дѣятельную руку грамотника, не заботившагося о сохраненіи традиціи. Такъ у Безс. въ № 101 мучитель сажаетъ Өедора въ столпъ, а у Якушк. XVII поминается Давыдовъ домъ и волковъ посылаетъ Диклитіанище. Изъ пятнадцати случаевъ въ десяти Егорій дѣйствуетъ на горы обѣщаніемъ построить на нихъ церковь соборную, изъ пяти остальныхъ въ трехъ онъ увѣщеваетъ ихъ не вѣровать врагу. Этому обстоятельству нельзя не придавать значенія: оно показываетъ, что авторъ начальнаго стиха понималъ Егорія исключительно какъ лице христіанское. Почти также часто (12 разъ) встрѣчаются и лѣса, которыми Егорій въ 8 варіантахъ обѣщаетъ воспользоваться для построенія церкви; въ виду параллелизма надо предполагать, что въ другихъ варіантахъ это обѣщаніе выпало. Волки или дикіе звѣри также принадлежатъ, по всей вѣроятности, начальному стиху; ихъ разгоняетъ Егорій своимъ могучимъ словомъ. Одинъ змѣй, съ которымъ пришлось биться Егорію, или стадо змѣиное, пасомое его сестрами, было въ начальномъ стихѣ? Вѣроятнѣе послѣднее, такъ какъ упо-

---

[1]) Нѣкоторые вар. (№№ 112, 113 и 114) заканчиваютъ стихъ этимъ освобожденіемъ.

добленіе мучителя змѣю слѣдуетъ считать не за поэтическое украшеніе, а за отраженіе церковнаго преданія; битва же съ змѣемъ, помѣщаемая здѣсь, явилась бы ненужнымъ дупликатомъ. Рѣки или рѣка огненная встрѣчаются въ такомъ незначительномъ числѣ варіантовъ, что отнести ихъ къ числу препятствій начальнаго стиха, нѣтъ основанія.

Въ семи варіантахъ на воротахъ Себринскихъ [1]) передъ дворцомъ мучителя сидитъ Нога птица (Астрахтирь и пр.) и держитъ въ когтяхъ осетра-рыбу (Сетру, Шатры).

Въ № 99 Егорій говоритъ ей:

Полети ты, птица, во сине море,
Дѣтей води на каменяхъ.

Въ № 100 къ этому прибавляется:

Будешь сыта безъ эстаго.

Въ № 101 нѣтъ рыбы, и Егорій приказываетъ Стратимъ-птицѣ ѣсть и дѣтей водить на Океанъ-морѣ; въ № 103 онъ говоритъ птицѣ:

Пей ты, ѣшь изъ синя моря,
Богу молись за сине море.

У Варенцова стр. 95 Егорій говоритъ безъимянной птицѣ:

Ты хватай поганыхъ Татаровей.

У Якушкина № XVI:

На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Въ носѣ держитъ Севру рыбу.
Когда Севра рыба поворотится,
Всѣ синія моря восколыхнутся.

Егорій говоритъ:

Ходи же ты, рыба, по синемъ морѣ;
Ходи же ты, птица, крутымъ берегомъ.
Питайся же, птица, бѣлой рыбицей.

При сличеніи всѣхъ этихъ варіантовъ съ извѣстнымъ мѣстомъ Голубиной книги [2]) становится очевиднымъ, что образъ этотъ въ стихѣ

---

[1]) Варіанты: Себрицкихъ, Симбирскихъ, Херсонскихъ, Кесарейскихъ.

[2]) *Бессоновъ*, II, 369, сводный текстъ:

Астрафиль птица—всѣмъ птицамъ мать;
Что живетъ та птица на синемъ морѣ,
И живетъ на бѣломъ камени;
Она пьетъ и ѣстъ на синемъ морѣ,
Она плодъ плодитъ на синемъ морѣ
И Богу молится за сине море.

о Егорьѣ возникъ подъ вліяніемъ Голубиной книги; точнѣе сказать, это интерполяція стиха о Егоріи посредствомъ Голубиной книги. Рѣзко отличающійся варіантъ Якушкина № XVI, гдѣ главный интересъ сосредоточивается на рыбѣ, взятъ изъ другаго мѣста того же стиха [1]).

Когда китъ-рыба потронется,
Все сине море восколыхнется.

Названіе птицы Ногою объясняется, какъ извѣстно, южнославянскимъ названіемъ страуса; форма: Черногаръ или Черногонъ, можетъ быть, явилась подъ вліяніемъ Чернигова.

И такъ, это интерполяція одного изъ пѣвцовъ, но интерполяція не безсмысленная. Внесшій этотъ украшающій эпизодъ имѣлъ опредѣленное воззрѣніе, которое Ѳ. И. Буслаевъ уже давно опредѣлилъ какъ воззрѣніе художественное: ему предносилось какое-то украшеніе романскаго стиля. Точнѣе опредѣлить источникъ я, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается до имени рыбы, то общій принципъ критики заставляетъ непонятное пѣвцу названіе считать болѣе близкимъ къ подлинному: Шатры яснѣе отражаетъ какое-то мнѣ непонятное имя рыбы, чѣмъ осетръ.

Птицы клевучія—нагайщины и тѣ варіанты, гдѣ птица является безъ рыбы и безъ имени, представляютъ ослабленіе и измѣненіе той же интерполяціи.

11) За исключеніемъ весьма немногихъ варіантовъ, Егорій по дорогѣ къ мучителю встрѣчаетъ своихъ сестеръ, увезенныхъ Демьянищемъ въ его землю. Онѣ оказываются чужды Егорію и христіанству, но внѣшнее выраженіе степени ихъ отчужденности различно: въ нѣкоторыхъ варіантахъ (Безс., 104 и 108) онѣ „набрались духу нечистаго"; чаще же онѣ обросли „еловой корой" и волоса ихъ „какъ ковыль трава", или онѣ обросли шерстью (Як. XVI); въ немногихъ варіантахъ онѣ вполнѣ измѣнились и шипятъ на Егорія, являясь такимъ образомъ въ числѣ препятствій, преграждающихъ ему путь; вездѣ онѣ пасутъ стадо змѣиное или звѣриное; только въ № 101 онѣ выходятъ изъ палатъ царя въ платьѣ латынскомъ; въ этомъ варіантѣ ихъ исторія разказана и въ другихъ отношеніяхъ иначе: Егорій встрѣчается съ ними, уже убивъ царя.

12) Стихъ во всѣхъ полныхъ варіантахъ оканчивается казнью му-

---

[1]) См. ibid., стр. 368.

чителя, которая изображается въ довольно разнообразныхъ чертахъ. У Безс., въ №№ 98, 99, 100, 104, 106, 111, 115, Як. XVI, мучитель, застигнутый Егоріемъ, умоляетъ его даровать ему жизнь хоть на время и обѣщаетъ увѣровать. Егорій, забывъ христіанскій принципъ всепрощенія, не соглашается на отсрочку. У Вар. стр. 100 мучитель отожествляется съ змѣемъ, и Егорій ни въ какіе съ нимъ переговоры не входитъ. У Як. XVI:

Возговоритъ Егорій царю Диклитіанищу:
«Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую?
Ты состроишь ли въ своемъ градѣ три церкви соборныя?
Діоклитіанище царь нашему богу не вѣровалъ.»

Выше было замѣчено, что этотъ варіантъ принадлежитъ какому-то книжнику, который иногда самостоятельно возвращалъ стихъ къ его литературному источнику.

У Безс. въ №№ 98, 108, 101 и Вар. стр. 110, Егорій убиваетъ мучителя стрѣлой, въ №№ 99 и 104—палицей, которой онъ предварительно разрушаетъ царскія палаты, въ № 102 и Як. XVII — мечемъ, въ № 107 онъ вѣшаетъ его живаго и всякій день велитъ вытягивать изъ него по жилочкѣ. Это большое разнообразіе, по видимому, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ближайшихъ указаній въ начальномъ стихѣ.

Потопъ отъ крови змѣя я не могу отнести къ числу чертъ первоначальнаго стиха уже по одному тому, что онъ встрѣчается только въ трехъ варіантахъ: Безс. № 108, Вар. стр. 100, и Безс. № 101, да и то въ послѣднемъ случаѣ онъ поставленъ не тамъ, гдѣ въ двухъ первыхъ: не послѣ окончательной побѣды, а послѣ того, какъ Егорій изрубилъ змѣиное стадо. Потопъ заимствованъ, по видимому, изъ стиха о Ѳеодорѣ, гдѣ черта эта можетъ быть объяснена литературнымъ источникомъ (см. Ж. М. Н. Пр., 1877, октябрь, стр. 145) и встрѣчается во всѣхъ варіантахъ (въ вар. къ № 125 Безс. даже въ дублетѣ) [1]).

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, (П. В., II, 521 ср. 565) перечисляетъ случаи, гдѣ змѣиная кровь укрѣпляетъ героя или губитъ его. Смыслъ гибели героя тотъ, что «богъ громовникъ самъ уничтожается съ окончаніемъ грозы». Къ Ѳедору Тирону или къ варіанту стиха о Егоріи, конечно, такое толкованіе не приложимо, но въ этомъ съ точки зрѣнія поэтической вѣроятности нелѣпомъ эпизодѣ нельзя не видѣть воспоминанія о какомъ-то космогоническомъ преданіи, которое сказалось и въ потопѣ отъ крови Имира, и можетъ быть, въ потопѣ отъ крови Вейнемейнена. Есть небезъинтересное и нашему сюжету родственное указаніе, проводя-

Такимъ образомъ, руководствуясь чисто внѣшними данными—счетомъ варіантовъ [1]), мы можемъ представить такой скелетъ начальнаго стиха:

1) Опредѣленіе времени и мѣста событія; родъ Егорія (красота его).

2) Нападеніе Демьянища; смерть отца Егорія и похищеніе его сестеръ.

3) Муки Егорія: топоры, пилы (колесо), смола.

4) Егорій посаженъ въ погребъ.

5) Освобожденіе Егорія.

6) Свиданіе Егорія съ матерью.

7) Препятствія, встрѣченныя Егоріемъ на пути: горы, лѣса, волки, змѣи.

8) Птица на воротахъ.

9) Свиданіе Егорія съ сестрами и обращеніе ихъ.

10) Казнь мучителя.

Стихъ этотъ въ своей долговременной устной жизни подвергался многимъ передѣлкамъ и испытывалъ вліянія другихъ стиховъ, былинъ и сказаній.

Выше было показано, какая важная черта заимствована нѣкоторыми варіантами изъ стиха о Ѳедорѣ Тиронѣ. У Везс. № 104 заимствовалъ изъ стиха о Кирикѣ чуждое всѣмъ другимъ варіантамъ указаніе на возрастъ Егорія:

Онъ беретъ Егорья всего трехъ годковъ.

Вар. стр. 100 изъ того же стиха о Кирикѣ заимствовалъ рѣчь мучителя и отвѣтъ мученика:

Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру,
Поклоняйся, Георгій моимъ идоламъ,

щее, кажется, мостъ между разливомъ воды послѣ смерти дракона и потопомъ отъ его крови. Павзаній (IV, 35, 9), говоря о разныхъ цвѣтныхъ источникахъ, упоминаетъ *красный отъ крови* источникъ около Іоппе, гдѣ Персей послѣ битвы съ змѣемъ обмывалъ кровь. Не имѣя возможности указать такую книжную редакцію чуда о змѣѣ, гдѣ встрѣчалось бы отраженіе этой подробности, я не могу добыть изъ этого свидѣтельства ничего положительнаго, но убѣжденъ, что оно очень пригодится будущимъ изслѣдователямъ. Что касается до способа спастись отъ потопа, легко указать его литературный источникъ въ Апокалипсисѣ XII, 15; подражаніе этому см. *Дебольскій*, Дни богослуженія. Изд. V, I, 191.

[1]) Извѣстно, какъ эти внѣшнія данныя не тверды, особенно при отсутствіи возможности судить о степени древности варіантовъ, но все же они прочнѣе всякихъ субъективныхъ догадокъ и мечтаній.

Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
Дамъ тебѣ злата-серебра и пр.

Ср. съ Вар., стр. 79 и 80 [1]).

Бѣлый оселъ роднитъ № 108 Безс. съ стихомъ о Димитріи Солунскомъ. Богатырскій конь и оружіе, добываемое Егоріемъ по указанію матери,—черта, заимствованная изъ былинъ. У Вар. стр. 100 битва Георгія съ Дектіанищемъ есть непосредственное отраженіе битвы Ильи съ Соловьемъ. Въ томъ же варіантѣ отечество змѣеобразнаго Дектіана — Вавилонъ, по видимому, подъ вліяніемъ сказанія о Вавилонскомъ царствѣ.

Между варіантами легко различить такіе, которые находятся въ генетической связи между собою; такъ № 99 Безс. особенно близокъ къ 102 и 103; № 100—къ 104 и 106. Трава, произрастающая подъ котломъ, сближаетъ Безс. №№ 107, 114 и Вар. стр. 95 [2]); по началу близки Безс. № 104 и Як XVI.

Отъ первоначальнаго стиха сильно отклонились Сахаровскій варіантъ (см. у Безсонова № 119, о немъ ниже) и 2 варіанта, приведенные въ легендахъ Аѳанасьева. Прозаическая легенда [3]) основана на стихѣ, какъ это видно изъ сохранившагося мѣстами размѣра, но произволъ разкащика пріурочилъ стихъ къ другимъ именамъ и мѣстностямъ.

Слѣдующій за прозаическою легендой варіантъ—поздняя и довольно свободная передѣлка какого-нибудь грамотника, который хотѣлъ исправить стихъ, превращая его мѣстами въ риѳмованный (отборну : соборну, молилась : катилась).

Содержаніе первой половины стиха — муки Георгія; не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что источникъ ихъ — книжная легенда; вопросъ можетъ касаться только редакціи. Имя мучителя указываетъ на редакцію А, но вопервыхъ, въ этой редакціи есть такія черты, которыми поэтъ, стремящійся изукрасить свои сюжеты, долженъ былъ воспользоваться (Аѳанасій, воскресеніе мертвеца); вовторыхъ, изъ мукъ стиха въ А встрѣчаются только колесо и сапоги,

---

1) Слѣдуетъ замѣтить, что эти оба стихи записаны въ одной мѣстности, и можетъ быть, отъ одного лица.

2) Это апокрифическая подробность, встрѣчающаяся въ мусульманскихъ легендахъ. См. у *Вейля* мученіе Авраама.

3) *Аѳ.* Легенды, 132 и слѣд.

то-есть, именно тѣ муки, которыя встрѣчаются въ немногихъ варіантахъ. Всего ближе муки стиха къ редакціи С; мукѣ топорами можетъ соотвѣтствовать: „повелѣ въврещи и въ окринъ мѣдянъ и рублемъ мѣдяным бити по главѣ". Въ текстѣ „коло распадеся"; въ стихѣ

Колесо въ щепу все приломалося.

Мученію пилами соотвѣтствуетъ: „повелѣ царь претрети и пилою; пилѣ же отупѣвшей и слугамъ изнемогшимъ" и пр. Кипѣнію въ смолѣ соотвѣтствуетъ: „повелѣ мучитель разварити лой и пеколъ и жупелъ и смолу".

У.Безс. № 104, Як. XVI хотя мучитель отлично знаетъ, откуда онъ похитилъ Егорія, онъ спрашиваетъ его:

Какого ты рода, какого племени?
Али барскаго, княжьянскаго?

на что Егорій отвѣчаетъ:

Я того роду христіанскаго.

Этотъ нелѣпый эпизодъ объясняется литературнымъ источникомъ: въ С (Тих. 103) Дадьянъ спрашиваетъ Георгія: „которыя еси вѣры или которыя земли или како ти имя"? На это Георгій отвѣчаетъ: „первое имя христіянинъ". Замѣна Дадьяна Діоклетіаномъ удобно объясняется тѣми сводными редакціями, которыя такою же замѣной старались сдѣлать житіе каноническимъ. Впрочемъ, ниже мы увидимъ въ стихѣ черту, встрѣчающуюся въ А и не встрѣтающуюся въ С; это, вмѣстѣ съ отсутствіемъ Александры, заставляетъ насъ думать, что поэтъ не имѣлъ передъ собою одного житія опредѣленнаго типа, а составлялъ стихъ по памяти.

Что касается до второй половины стиха и заключенія Егорія въ погребъ, связывающаго обѣ половины, существуютъ два невполнѣ исключающія другъ друга толкованія: миѳическое (О. Ѳ. Миллеръ и Аѳанасьевъ) и историко-аллегорическое (гг. Щаповъ и Порфирьевъ). Первое видитъ въ Егорьѣ древняго бога солнца [1]) и въ то же время деміурга. Это солнце, рождающееся въ златосребряной одеждѣ, по-

---

[1]) Съ этимъ близко и мнѣніе *Крека* (Einl. 232), который, раздѣляя всѣ русскія сказки на три категоріи, относитъ стихъ о Егоріи къ третьей, гдѣ свѣтовыя явленія представлены вполнѣ антропоморфизированными, но допускаетъ, что черты этого цикла переплетены здѣсь съ христіанскими воззрѣніями. *Щепкинъ*, Русск. народн., стр. 100—102, погребъ Егорья приравниваетъ къ пещерѣ, гдѣ свѣтовые герои убиваютъ змѣевъ, а вѣтеръ, его освобождающій, сравниваетъ съ орломъ, выносящимъ героя изъ подземнаго царства стр. 95.

падаетъ временно со всѣмъ своимъ родомъ во власть представителя тьмы и холода; освободившись отъ дѣйствія весеннихъ вѣтровъ, свѣтлый богъ вступаетъ на опустошенную холодомъ землю и начинаетъ актъ творенія. Препятствія, встрѣчающіяся ему на пути, — всѣ миѳическаго характера: движущіяся горы — крылатыя горы Индры [1]), то-есть, тучи; то же значеніе имѣютъ и лѣса, и волки, и змѣи. Вѣщее слово бога приводитъ въ порядокъ хаосъ поднебесья и земной поверхности; онъ освобождаетъ сестеръ своихъ отъ зимней коры [2]) и посылаетъ ихъ въ Іордань, то-есть, въ дождевой потокъ. Его побѣда надъ мучителемъ есть окончательная побѣда свѣтлаго начала надъ темнымъ.

По другому воззрѣнію, Георгій есть „настоящій типъ духовныхъ богатырей", распространявшихъ вѣру мирнымъ путемъ. Не міръ творитъ онъ, а обращаетъ въ христіанство и цивилизуетъ Русскую землю. По Руси ни пройдти, ни проѣхать отъ горъ и лѣсовъ; среди этой-то дичи Егорій прокладываетъ дороги и строитъ храмы, центры будущихъ городовъ. Онъ—типъ князя устроителя земли Русской, и по указанію г. Щапова [3]), можетъ быть, фигура его отражаетъ именно Юрія Долгорукаго, цивилизатора Сѣвера [4]).

Натурмиѳологическая экзегеза многимъ не внушаетъ довѣрія именно благодаря тому обстоятельству, что слишкомъ удобно прилагается ко всякому эпическому матеріалу. Предметъ эпоса—всегда борьба, а во всякой борьбѣ — двѣ стороны: симпатичная автору и антипатичная, иначе—добрая и злая; для миѳолога одна изъ нихъ свѣтъ, другая мракъ, или одна — лѣто, а другая зима; а въ подробностяхъ борьбы онъ всегда найдетъ двѣ-три черты, которымъ сумѣетъ придать спе-

---

1) Тоже *А. А. Потебня*, въ *Чтеніяхъ* 1865 г., IV, 269.

2) *Ае.*, П. В. II, 623, сравниваетъ съ ними невѣсту Святогора и Брунгильду.

3) *Ж. М. Н. Пр.* 1863 г., стр. 27.

4) Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ теорій стоятъ два предположенія, брошенныя мимоходомъ двумя историками: Д. И. Иловайскій (Розысканія, стр. 309) популярность св. Георгія на Руси и форму его имени *Егоръ* объясняетъ вліяніемъ славы Игоря, а профессоръ Аристовъ, соглашаясь съ этимъ (ibid. 431), въ связь съ Игоремъ ставитъ Святогора. По его мнѣнію, «прибавка слова *святъ* къ имени Игоря получилась подъ вліяніемъ христіанства и примѣшавшагося представленія о св. Георгіи». Но *Егоръ* есть сокращеніе формы *Егорій*, которая произошла черезъ перестановку изъ *Георій* (ср. у *Тих.* Памятн. 100 и слѣд.), *Георій*, а въ былинѣ о Святогорѣ трудно усмотрѣть какъ отраженіе исторической личности Игоря, такъ и житія св. Георгія.

ціальное толкованіе. Въ силу этой-то эластичности миѳологическаго толкованія, имъ можно пользоваться только въ крайнемъ случаѣ, когда другой способъ не приложимъ, и когда въ разбираемомъ сказаніи есть такія черты, которыя обязательно требуютъ именно миѳологическаго объясненія. Въ стихѣ о Егоріи такою чертой считаютъ описаніе его наружности; самый стихъ, думаютъ миѳологи, указываетъ на солярное значеніе Егорія, помѣщая солнце на лбу его. Дѣйствительно ли такъ важна эта черта? Какъ извѣстно, это есть стереотипная черта сказочныхъ красавцевъ; намъ скажутъ: сказки съ такими героями — ничто иное, какъ варіанты солнечнаго миѳа. Можетъ быть, но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ сказкой, а съ стихомъ, явившимся на свѣтъ въ эпоху христіанскую; тогда миѳическій смыслъ этой черты былъ уже давно забытъ, и какъ Осетинъ, говорящій про отличный мечъ, что на одной его сторонѣ сіяетъ солнце, а на другой луна [1]), не придаетъ этому мечу значенія бога солнца, а только желаетъ выразить его блескъ, также и слагатель стиха о Егоріи не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ красоты героя и свѣтлости его лика, и на иконахъ окруженнаго сіяніемъ. Прославляя хозяйку, въ Греціи поютъ: tu te mets le soleil au visage, la lune sur la poitrine [2]). Ужели слагатель этой пѣсни или пѣвцы отожествляютъ хозяйку съ Геліосомъ [3])?

Другую спеціально миѳическую черту видятъ въ заключеніи Егорія въ погребъ, изъ котораго онъ выходитъ въ новомъ блескѣ. О. Ѳ. Миллеръ говоритъ: „Плѣнъ Егорья у Діоклетіана въ подвалахъ глубокихъ долженъ оказаться миѳическимъ плѣномъ яснаго солнышка" [4]). Такое толкованіе могло бы считаться умѣстнымъ, еслибы плѣнъ Егорія продолжался семь-восемь зимнихъ мѣсяцевъ, и еслибы не было ничего подобнаго въ литературномъ источникѣ. На мой взглядъ, это — распространеніе эпизода житія Георгія ред. А. о томъ, какъ Діоклетіанъ сажаетъ его въ ровъ варный, съ негашеною известью и черезъ три дня посылаетъ собрать его кости. Увѣренность Демьянища

[1]) *Сб. свѣд. о кавк. горцахъ*, IX, 12.

[2]) *Fauriel*, II, 251. Ibid. 379: приглашеніе одѣться получше пѣвецъ выражаетъ такъ: fais de ton visage le soleil, de ton sein la lune.

[3]) Ср. въ былинахъ, какъ искусственныя солнце и луна лучшее украшеніе чертоговъ, такъ у Дюка *на шляпѣ*:

Спереду выведено красно солнышко,
И сзаду выведенъ свѣтелъ мѣсяцъ.

Рыбн. I, 290.

[4]) Ист. Обозр., 2-е изд., стр. 316.

въ томъ, что не бывать Егорію на Святой Руси, соотвѣтствуетъ той увѣренности, съ которою Діоклетіанъ посылаетъ слугъ собрать кости мученика, чтобы не дать христіанамъ возможности отнестись къ нимъ съ благоговѣніемъ. Принявъ „ровъ варный" за обыкновенный ровъ, поэтъ естественно долженъ былъ усилить разобщеніе Егорія съ поверхностью земли и продолжить его пребываніе въ немъ, чтобы спасеніе Егорія представлялось чудеснымъ.

Далѣе, и миѳологическая, и историческая экзекеза одинаково могутъ опираться на то обстоятельство, что вся вторая половина стиха не имѣетъ ничего общаго съ житіемъ, и слѣдовательно, требуетъ иного объясненія, кромѣ литературнаго. Это справедливо, но только отчасти.

Чтò составитель стиха зналъ о Георгіи? Одно ли мученіе его, при которомъ порокъ оставался торжествующимъ? Нѣтъ, кромѣ того онъ видѣлъ его икону, гдѣ онъ побѣждалъ змѣя не кротостью, а оружіемъ, и спасалъ отъ него какую-то жѣнщину (самаго чуда о змѣѣ, послужившаго источникомъ второго стиха, онъ, по видимому, не зналъ). Кромѣ того, церковныя пѣсни, да и самое прозваніе побѣдоносца вели его къ тому, чтобы закончить стихъ не гибелью, а побѣдою героя. Объединеніе Діоклетіана гонителя и поражаемаго Егорьемъ змѣя [1])— фактъ не только естественный, но и необходимый; въ этомъ пѣвецъ былъ связанъ преданіемъ, но отъ него зависѣло помѣстить побѣду надъ змѣемъ Демьянищемъ немедленно послѣ освобожденія или удлинить промежутокъ, наполнивъ его новыми подвигами. Какъ человѣкъ со вкусомъ, онъ предпочелъ послѣднее: онъ не ограничилъ дѣятельности своего героя однимъ мщеніемъ злодѣю, но возложилъ на него и другія высшія задачи. Каковъ общій смыслъ этихъ задачъ? Толкователи обѣихъ партій, предоставляя Егорію дѣятельность деміурга или насадителя христіанской цивилизаціи, упускаютъ изъ виду самый текстъ стиха; они видятъ изначальный хаосъ и созданіе тамъ, гдѣ стихъ указываетъ только временное запустѣніе и в о с с о з д а н і е. Выходя изъ погреба, Егорій видитъ, что

Все разорено да разломано.

Въ варіантахъ, точнѣе опредѣляющихъ мѣсто рожденія Егорія,

Ерусалимъ городъ пустъ-пустехонекъ,
Вырубили его и выжегли.

---

[1]) Въ Сванетскихъ церквахъ встрѣчаются старыя иконы Георгія, побѣждающаго *человѣка*, иногда съ именемъ мучителя.

Даже толкучимъ горамъ говоритъ Егорій:
Станьте вы, горы, по старому.

Время дѣятельности князей устроителей—Ярослава — Георгія и Юрія Долгорукаго заслонилось впослѣдствіи трагическимъ событіемъ, отразившимся во всей живой русской поэзіи — погромомъ татарскимъ, послѣ котораго земля Русская, дѣйствительно, имѣла такой видъ, какъ изображаетъ стихъ. Мучитель—Діоклетіанъ и „татарскій державецъ" естественно слились въ одну фигуру, а въ прозаическомъ пересказѣ онъ даже носитъ имя Врагима Касимовскаго [1]).

Миѳологи считаютъ своею безспорною собственностью основное препятствіе — горы толкучія, и въ этомъ они до извѣстной степени правы. Горы толкучія встрѣчаются безпрестанно въ сказкахъ, и очень часто въ такой обстановкѣ, которая указываетъ на ихъ несомнѣнно облачное значеніе. Двѣ бьющіяся скалы являются изрѣдка въ сказкахъ о путешествіи къ солнцу или дѣду Всевѣду; такъ, въ славянской сказкѣ онѣ спрашиваютъ, когда перестанутъ онѣ биться и отбрасывать искры [2]). Александръ Македонскій, по болгарскому преданію (Миладин. 526), ходилъ добывать безсмертную воду, сокрытую между „две планини, кои сѣ отвораха и сѣ затвораха". Измѣнница-сестра посылаетъ героя за лѣкарствомъ на мельницу, ворота которой захлопнулись и удержали его охоту; а по варіанту, прежде мельницы онъ долженъ идти къ двумъ горамъ, которыя стоятъ вплотную; только разъ въ сутки онѣ расходятся съ громомъ и молніей, а чрезъ двѣ-три минуты опять сходятся; въ нихъ вода живущая и цѣлющая [3]). По новогреческой сказкѣ (Hahn, II, 195) вода жизни находится въ горѣ, которая открывается и закрывается быстро, какъ молнія. Еще яснѣе такое значеніе толкучихъ горъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя предполагать ни заимствованія, ни древнеарійскаго сходства преданія: Мексиканцы [4]) вручали мертвецу извѣстную бумагу и говорили ему: ты пройдешь между сшибающихся горъ; далѣе поѣдешь по дорогѣ, гдѣ залегли крокодилы и другія животныя.

---

[1]) Представленіе земли Русской опустошенною змѣемъ могло между прочимъ закрѣпиться иконописью: на образахъ Георгія-змѣеборца около мѣста битвы часто изображаются разбросанныя кости—остатки жертвъ змѣю. См. *Тромонина*: Очерки съ лучшихъ произведеній и пр., стр. 235 и слѣд.; *Снегирева*: Памятники Моск. Древн. стр. 17.

[2]) *А. А. Потебня* въ *Трудахъ Моск. Арх. Общ.*, I, 2, 195.

[3]) *Аѳ.* П. В. II, 351.

[4]) *Спенсеръ*. Основ. соціологіи, I, 140.

И такъ, о первоначальномъ значеніи горъ толкучихъ не можетъ быть спора; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы авторъ стиха, обдѣлывавшій житіе Георгія во вкусѣ героическаго эпоса, понималъ подъ горами облака; какой смыслъ имѣло бы въ такомъ случаѣ обѣщаніе Егорія построить на этихъ горахъ церковь?

Лѣса дремучіе явились въ параллель горамъ толкучимъ; это—дублетъ, принадлежащій впрочемъ не амплификатору, а автору.

Волки или звѣри и стадо змѣиное, какъ препятствія на пути героя объясняются, по моему мнѣнію, тѣмъ представленіемъ, которое составилъ себѣ о Георгіѣ народъ подъ вліяніемъ его апрѣльскаго праздника.

Когда Дюкъ Степановичъ собирается ѣхать въ Кіевъ, мать пытается удержать его, указывая ему на неодолимыя препятствія:

Первая застава—горы толкучія,
Вторая застава—птицы клевучія,
Третья застава—змѣй Горынище о двѣнадцати хоботахъ (*Рыбн.* I, 296 [1]).

Дюкъ избѣгаетъ всѣхъ этихъ опасностей, благодаря быстротѣ своего коня [2]). Въ другихъ варіантахъ препятствія видоизмѣняются; у Гильф. стр. 521 первая застава—змѣи поклевучія, вторая—звѣри поѣдучіе, третья—горушки толкучія; у Рыбн. II, 135, первая застава звѣриная, вторая—змѣиная, а третья—12-ти богатырей [3]). Рыбн. III, 151 представляетъ въ этомъ случаѣ сводный текстъ; тамъ четыре заставы: Горынь змѣя, лютый звѣрь, стадо черныхъ вороновъ и Илья Муромецъ. Очевидно, что въ этой части былины о Дюкѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя редакціями; въ одной Дюку предстоитъ имѣть дѣло съ горами, птицами и змѣемъ, въ другой—съ звѣрями, змѣями и богатырями. Первая редакція, по видимому, первоначальная, вторая принадлежитъ пѣвцу, на котораго повліяли: 1) терминъ заставы, представляемой обыкновенно, въ видѣ заставы богатырской, и 2) стихъ о Егоріѣ введшій сюда заставу звѣриную—волчью. Каково отношеніе первой редакціи къ стиху о Егоріѣ? Они, очевидно, въ литературномъ родствѣ, но не въ непосредственномъ. Былина не можетъ быть оригиналомъ: въ ней это незначительный, легко выпадающій и неудачно

[1]) Ср. тѣ же препятствія у *Гильферд.* стр. 78, 776, 818, 1071, 1105.

[2]) Иногда пѣвецъ забываетъ сказать о томъ, какимъ способомъ Дюкъ преодолѣваетъ препятствія, *Гильф.* 1071 на оборотъ: онъ забываетъ предупредить Дюка; ibid. 1105: предупрежденіе въ дублетѣ отъ каликъ и отъ матери.

[3]) Тоже ibid. 130 и III, 166 (Дюкъ избиваетъ звѣрей стрѣлой) и *Гильф.* 628.

обставленный эпизодъ; что за бѣда угрожаетъ богатырю отъ грачевъ стаи,

По русски сказать: да черныхъ вороновъ?

Былина не могла пользоваться стихомъ, такъ какъ въ послѣднемъ этихъ препятствій больше, и кромѣ одного варіанта, въ немъ являются не птицы, а одна птица въ эффектной обстановкѣ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ двумя пересказами литературнаго преданія. Что это за преданіе? Какова его исторія? Былина или стихъ ближе къ нему? Все это вопросы, на которые я отвѣчать не могу; но считаю не лишнимъ замѣтить, что въ препятствіяхъ, предстоящихъ Дюку, нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ Симплегадами, Стимфалидами и дракономъ Аргонавтовъ.

Бродячія скалы, какъ извѣстно, упоминаются въ XII пѣсни Одиссеи, гдѣ Цирцея, какъ мать Дюка, предупреждаетъ героя объ опасности, также указывая ему двѣ дороги. Но въ этомъ мѣстѣ Одиссеи сильнѣйшая путаница: предупредивъ о двухъ путяхъ, изъ которыхъ самъ Одиссей долженъ выбрать лучшій, Цирцея потомъ описываетъ только одинъ: сшибающихся скалъ Одиссей на дорогѣ не встрѣчаетъ. Если найдутся источники Дюка, не помогутъ ли они разобраться въ этой путаницѣ?

Мать Георгія, въ житіи или вовсе остающаяся безъ имени, или носящая другое имя, въ стихѣ называется Софіею-Премудростью. Источникъ ея имени уже давно указанъ (П. А. Безсоновымъ и О. Ѳ. Миллеромъ. См. Обзоръ, 318) въ художественномъ преданіи. Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софіи Премудрости Божіей, и что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ—св. Георгія [1]). То же самое находимъ мы и на Руси [2]).

По изслѣдованію Максимовича [3]), раньше большаго Кіевософійскаго собора въ Кіевѣ были двѣ церкви во имя св. Софіи, и первая была еще при княгинѣ Ольгѣ; о церкви св. Софіи въ Кіевѣ упоминаетъ Дитмаръ по поводу похода Болеслава [4]); она сгорѣла въ 1017 году [5]), а въ слѣдующемъ 1018 г. Ярославъ построилъ въ замѣнъ ея

[1]) *Texier*, L'architecture byzantine Londr. 1864, 154 и слѣд.

[2]) См. ibid., 119 и слѣд.

[3]) Сочин. II, 137.

[4]) Ист. *Иловайскаго*, 106.

[5]) *Труды Кіевскаго археологическаго съѣзда*, ст. *Лебединцева*, стр. 54.

деревянный храмъ. Годъ заложенія Кіевософійскаго собора относятъ приблизительно къ 1020 году, но Ипатьевская лѣтопись прямо говоритъ, что въ 1037 г. Ярославъ „заложи церковь святыя Софья, премудрости Божія... по семь святаго Георгія монастырь и святыя Орины". Эта церковь считалась матерью всѣхъ церквей русскихъ, а со св. Георгіемъ была связана вдвойнѣ: вопервыхъ, въ ней самой былъ придѣлъ св. Георгія, а вовторыхъ, настолованіе хиротонисанныхъ въ ней епископовъ происходило именно въ храмѣ св. Георгія (такъ какъ посторонній не могъ всходить на каѳедру мѣстнаго епископа). Въ ней погребено тѣло князя Ярослава, его сына Всеволода и внука Владиміра Мономаха. Ей спѣшатъ поклониться пріѣзжающіе князья; опустошеніе и оскверненіе ея, бывшее слѣдствіемъ татарскаго погрома, не могло не поразить благочестивыхъ, и въ стихѣ безъ натяжки мы можемъ усмотрѣть отраженіе этого факта.

Въ первой главѣ нашего изслѣдованія мы видѣли, что эѳіопское житіе, происшедшее изъ сирогреческаго, знаетъ сестеръ Георгія; родственная ему редакція могла ходить и по Руси и ссудить этою подробностью автора стиха; но считать такое предположеніе необходимымъ—нѣтъ основанія: достаточно было явиться Софіи, чтобы вызвать къ жизни ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь [1]). Но откуда авторъ стиха взялъ ихъ податливость мучителю [2])? Житіе святыхъ сестеръ, разумѣется, безусловно противорѣчитъ этому. За неимѣніемъ литературнаго источника мы можемъ удовлетвориться такимъ объясненіемъ: поэтъ, объединивъ гоненіе Діоклетіана съ погромомъ татарскимъ, вспомнилъ и о томъ ужаснѣйшемъ съ нравственной точки зрѣнія бѣдствіи земли Русской, что люди русской крови поневолѣ татарились и въ глазахъ православнаго христіанина теряли человѣческій образъ до такой степени, что очистить ихъ вполнѣ могли только родъ вторичнаго крещенія и тяжелый подвигъ паломничества въ Святую землю. Кромѣ

[1]) Въ томъ же Кіевософійскомъ соборѣ изображеніе жены и дѣтей Ярослава передѣлано въ изображеніе Вѣры, Надежды и Любви съ матерью. См. *Труды кіевскаго съѣзда*, ст. *Павлова*, 283—287.

[2]) Миѳологи сопоставляютъ съ этимъ *миѳическую* (по моему мнѣнію, скорѣе *эпическую*) измѣну жены, матери, сестры героя, добровольно вступающихъ въ связь съ врагомъ его. Но о такой сознательной измѣнѣ стихъ ничего не знаетъ: сестры Егорья взяты силою, и роль при мучителѣ имъ досталась не блестящая: онѣ пасутъ стада его. Сущность не въ томъ, что онѣ шипятъ на Егорія—шипѣнье онѣ заимствовали отъ пасомыхъ ими змѣй,—а въ томъ, что онѣ одичали и лишились человѣческаго образа.

того, твердость великомученика рѣзче выдѣлялась при указаніи на слабость его ближнихъ, и свѣтлость лица всепретерпѣвшаго мученика прекрасно оттѣняется полузвѣринымъ видомъ неудержавшихся въ вѣрѣ.

Казнь Діоклетіана требовалась поэтическимъ правосудіемъ и основывалась на художественномъ преданіи. Литературное преданіе—ред. В—могло имѣть вліяніе только между прочимъ.

Считаю не лишнимъ свести вкратцѣ свои выводы о происхожденіи большаго Егорьевскаго стиха.

Авторъ стиха имѣлъ цѣлію прославить не языческаго деміурга, не солнце красное, не князя-устроителя, а только христіанскаго святаго, популярнаго на Руси, благодаря примѣру Грековъ и весеннему дню своего чествованія. Объ этомъ церковномъ Георгіѣ авторъ имѣлъ два несходныя представленія: онъ зналъ его по житію какъ мученика и на иконахъ видалъ его въ образѣ коннаго воина, побѣдителя змѣя, часто вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Стратилатомъ. Какъ слить эти два представленія? Онъ слагаетъ стихъ изъ двухъ половинъ: первая вкратцѣ излагаетъ мученіе по памяти на основаніи одной изъ краткихъ и смѣшанныхъ редакцій, при чемъ излагаемыя событія получаютъ чуждую литературному источнику окраску набѣга на православную землю иновѣрнаго царя. Во второй половинѣ авторъ былъ несравненно болѣе предоставленъ самому себѣ; изъ художественнаго преданія онъ могъ заимствовать только основной фактъ, а изъ церковныхъ пѣсенъ—неясные намеки, что герой „томителя врага побѣдивъ низложи", „разсыпалъ идольскія службы", что онъ былъ „хранитель церкви", „плѣнныхъ свободитель." Поэтъ былъ не бездарный виршеслагатель въ родѣ автора Georgslied, а человѣкъ со вкусомъ, съ поэтическою фантазіей, испытывавшій острое чувство боли при воспоминаніи, повидимому, довольно свѣжемъ, о погромѣ Русской земли невѣрными. Но при всемъ этомъ онъ человѣкъ не книжный. Не имѣя въ виду одного изъ князей Русскихъ, онъ тѣмъ не менѣе обрусилъ Георгія, до извѣстной степени отожествилъ его съ разсадниками христіанскаго просвѣщенія на Руси и перенесъ на него свой идеалъ мстителя за землю русскую.

Все это объясненіе—вздоръ въ глазахъ тѣхъ, кто древнѣйшимъ, начальнымъ стихомъ признаетъ Сахаровскій варіантъ [1]), гдѣ нѣтъ ни слова о мукахъ Егорья и нѣтъ Діоклетіана, гдѣ только изла-

[1]) *О. Ѳ. Миллеръ*, Обзоръ, стр. 317.

гаются подвиги Егорья. По ихъ мнѣнію, въ этомъ стихѣ имя Егорья подставлено въ замѣнъ какого-то деміурга языческаго и только въ позднѣйшихъ варіантахъ вызвало вставку о мученіи Егорія. Но Сахаровскій варіантъ, какъ замѣтилъ и г. Безсоновъ, только „любопытный образчикъ передѣлки". Кто виновникъ ея: пѣвецъ или собиратель? Я безъ колебанія отношу варіантъ на счетъ послѣдняго; за это говоритъ весь тонъ стиха, масса внесенныхъ изъ былинъ выраженій, эпитетъ Русской земли — свѣтло русская — фальсификаторъ считалъ неудобнымъ назвать святою землю еще не крещеную,—безсмысленный безъ первой части эпизодъ о дѣвахъ, а главное—отсутствіе параллелей: какъ это могло случиться, что сколько потомъ ни собирали варіантовъ, всѣ они ударяютъ особенно на первую часть, опуская иногда непонятную вторую [1]), и только Сахарову случилось найдти такого пѣвца, который сохранилъ отъ древнѣйшей эпохи начальный типъ стиха?

Противъ древности Сахаровскаго варіанта (а слѣдовательно, и миѳологическаго объясненія) и аналогія съ западною поэзіей: тамъ представленіе Георгія мученика предшествуетъ представленію Георгія богатыря и героя; на западѣ первое представленіе выразилось въ цѣломъ рядѣ стиховъ, близко слѣдующихъ за текстомъ легенды; были ли у насъ такіе стихи, мы не знаемъ, но мы смѣло можемъ утверждать, что князья и города, строившіе въ X—XII вѣкахъ церкви Георгію, представляли его не деміургомъ, а святымъ мученикомъ. Какъ у насъ, такъ и на западѣ, въ то время, какъ другіе святые, находившіеся не въ столь благопріятныхъ условіяхъ, закрѣпились въ этомъ чисто-христіанскомъ представленіи, св. Георгій сталъ героемъ національнымъ, и въ глазахъ неграмотныхъ, двоевѣрныхъ людей—богомъ. Какъ Рейнботъ фонъ-Дорнъ, положивъ въ основу своей поэмы литературное преданіе, перенесъ на Георгія и его братьевъ длинный рядъ подвиговъ совершенно чуждаго легендѣ характера и поставилъ его въ связь съ національнымъ и заноснымъ

[1]) См. *Безсоновъ*, №№ 112, 113 и 114. Я колебался нѣкоторое время, не признать ли эти варіанты за вѣрное воспроизведеніе начальнаго стиха, который впослѣдствіи былъ распространенъ присоединеніемъ второй части. При такомъ объясненіи параллель съ западною литературой была бы сильнѣе и представлялась бы возможность точнѣе опредѣлить время происхожденія нынѣ распѣваемаго стиха (первая половина—до Татаръ, вторая—вскорѣ послѣ нихъ). Но противъ такого объясненія: вопервыхъ, число варіантовъ, вовторыхъ, недостатокъ законченности №№ 113 и 114 и явный недостатокъ памяти у пѣвца № 112.

эпосами, такъ и нашъ поэтъ, пересказавъ, какъ помнилъ, мученіе Георгія, заставилъ его странствовать по Русской землѣ въ полномъ вооруженіи богатыря и совершать подвиги богатырскіе. Разница въ послѣдующей судьбѣ поэмъ: Рейнботъ грамотникъ, поэтъ для высшаго сословія, и его поэма получаетъ доступъ въ Пассіонали; нашъ былъ не грамотенъ, и его произведенію суждено было скрываться въ неизвѣстности, пока не извлекли его на свѣтъ Божій любители „старины и народности".

Теорія литературнаго заимствованія тогда только имѣетъ доказательную силу, когда, указывая сходство между отдаленнымъ и близкимъ, древнимъ и новымъ, въ то же время указываетъ и пути перехода; но если и нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, не безполезно указать на разительное сходство, хотя только въ видѣ вопроса, на пользу будущаго: въ данный моментъ и одному работнику пути не извѣстны, но они могутъ уясниться, особенно если есть основаніе уяснить ихъ. Такой вопросительный знакъ считаю не безполезнымъ поставить по поводу сходства второй половины Егорьевскаго стиха съ нѣсколькими эпизодами персидскаго эпоса въ позднѣйшемъ пересказѣ.

Основной врагъ Ормузда и его сторонниковъ, только отчасти замѣненный Ариманомъ, есть змѣй Dahâk, соотвѣтствующій Вритрѣ Вѣдъ. Въ арійскій періодъ онъ—облачный змѣй [1]), въ Авестѣ трехголовый змѣй: но у Фирдуси его миѳическое значеніе забыто, и онъ только царь съ двумя змѣями на плечахъ. Его отечество въ Авестѣ— то Вавилонъ, то Іерусалимъ, у Фирдуси — только Вавилонъ; Авеста знаетъ его борьбу съ Іемомъ; Фирдуси разказываетъ, что онъ распилилъ побѣжденнаго врага на двое. Мстителемъ за родныхъ является Феридунъ; онъ чародѣйствомъ проникаетъ въ Вавилонъ, избавившись отъ смерти, которой угрожала ему скала, сдвинутая братьями. Подходя къ городу, онъ видитъ „талисманъ" [2]), приготовленный Зохакомъ, голова котораго поднималась до неба; Феридунъ сбросилъ его сверху внизъ (=Стратимъ птица). Изъ гарема Захака онъ освободилъ двухъ сестеръ Іема:

„Il ordonna d'abord de laver leurs corps [3]), puis il se mit à purger leurs âmes de leurs ténebres. Il leur montra la voie du très saint juge du monde et les purifia de leur souillures, car elles avaient été

---

[1]) *Spiegel*, Eran. Alterthumsk. I, 530 и слѣд.

[2]) Collection orientale: Le livre des rois trad. par *Jules Mohl* I, стр. 99.

[3]) Вы купайтеся во Іордань-рѣкѣ.

élevées par les idolatres et elles avaient l'esprit troublé [1]), comme des gens ivres de vin".

Препятствія, встрѣчаемыя Егорьемъ на пути, точнѣе выражены въ описаніи подвиговъ другаго героя, унаслѣдовавшаго роль Феридуна. Молодой Исфендіаръ [2]), сынъ Гуштаспа, отправляется по приказанію отца освобождать двухъ принцессъ, похищенныхъ Туранцами, своихъ родныхъ сестеръ. Ему говорятъ, что къ желѣзному замку ведутъ три дороги; онъ избираетъ кратчайшую, но исполненную опасностей. Тамъ ему встрѣчаются; два волка съ рогами, левъ и львица, драконъ, отъ крови и яда котораго онъ падаетъ безъ чувствъ, прекрасная волшебница; Птица Семургъ хочетъ со своими птенцами преградить ему путь; онъ ранитъ ее колесницей съ мечами, вслѣдствіе чего вся долина покрывается ея кровью и перьями; кромѣ того, ему мѣшаютъ проѣхать страшный снѣгъ, болотистыя дороги и потоки; проникши въ замокъ Туранскаго царя, онъ находитъ, что сестры его принуждены заниматься черными работами. Герой въ заключеніе убиваетъ врага своего рода.

Любопытно, что разказъ Книги царей (я считаю это за одинъ разказъ, но варьируемый) [3]) совпадаетъ съ стихомъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ житіе Георгія отказывается служить намъ.

Егорій и Лизавета прекрасная.

Стиховъ этого содержанія значительно менѣе, нежели стиховъ, излагающихъ мученіе Георгія. У г. Безсонова помѣщено всего пять варіантовъ, одинъ напечатанъ въ Запискахъ Географическаго Общества по Отд. Этнографіи, II, 70 и слѣд., и въ тѣхъ же Запискахъ (V, 119—120) помѣщена бѣлорусская редакція, самою формой своею обличающая происхожденіе изъ рукъ книжника, а по содержанію довольно свободно относящаяся къ книжной легендѣ, и наконецъ, одинъ варіантъ напечатанъ въ Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ № 13. Всѣ пять безсоновскихъ стиховъ, олонецкій варіантъ и варіантъ Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., II, 70, стоятъ въ тѣснѣйшей генетической связи: они не только произошли изъ одной книжной редакціи, но и представляютъ

[1]) Набралися вы духу нечистаго, духу нечистаго бусурманскаго.

[2]) См. *Spiegel*, l. c., 716; *Mohl*, l. c., IV, 489 и слѣд.

[3]) *Шпигель*, l. c., во всей исторіи Исфендіара видитъ «Etwas gemachtes»; все это составлено изъ моментовъ «die wir schon kennen».

собою варіанты одного стиха, сложеннаго однимъ лицемъ; бѣлорусская редакція стоитъ особнякомъ. Эти варіанты даютъ намъ возможность опредѣлить до мелочей содержаніе начальнаго стиха, а слѣдовательно, приблизительно и содержаніе той книжной редакціи, изъ которой авторъ заимствовалъ его содержаніе.

Въ шести варіантахъ въ видѣ предисловія говорится о казни Содома и Гоморры, и царство, гдѣ происходитъ дѣло, называется Рахлейскимъ, Рахрынскимъ, Рохлинскимъ, Арахмельскимъ, Арапинскимъ (№ 107, какъ осмысленіе Рахлейскаго). Рахлейское царство, какъ уже доказано Ор. Ѳ. Миллеромъ, произошло изъ Гераклеи, играющей роль въ подобномъ же чудѣ Ѳедора Стратилата. Только въ № 120 является странный Антоній градъ, можетъ быть, объясняемый св. Антоніемъ, котораго пѣвцамъ стиха напоминала змѣя печерская. Очевидно, авторъ стиха имѣлъ передъ собою варіантъ чуда, близкій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ рукописи Погод. № 808 л. 19, и притомъ такой варіантъ, гдѣ въ параллель змѣю Георгія упоминалось и подвигѣ Ѳедора Стратилата.

Царь въ шести варіантахъ называется Агапій или близко къ тому: Агафинъ, Огапитъ, Агапитъ; въ № 120 — Агей (сокращено изъ Агапія [1]) Евсеичъ (по видимому, подъ вліяніемъ Давида Іессеевича). Происхожденіе имени Агапій, — конечно, греческое; но откуда оно заимствовано и такъ ли онъ назывался въ оригиналѣ, не берусь сказать. Дочь въ шести варіантахъ называется Елизаветой или близко къ тому: Алисафой, Алексафіей, Лисафетой, Елисафіей. Только въ № 117, подъ вліяніемъ стиха о мученіи Георгія, она названа Софіей [2]). Имя Елизаветы, не встрѣчающееся ни въ одной книжной редакціи, всякій, не задумываясь, отнесъ бы на счетъ слагателя, еслибы не существовало извѣстной иконы XIII в., гдѣ царевна названа Елисава; источникъ иконы, разумѣется, книжная легенда. Причина появленія имени Елизаветы уже указана: ей празднуютъ 24-го апрѣля, и о ней говорится: „бысть же чудесъ дѣлательница: змія лютого молитвою умер-

---

[1]) Можетъ быть, подъ вліяніемъ царя Агея Римскихъ Дѣяній, который «пострада гордости ради».

[2]) Это не единственный примѣръ заимствованія изъ большаго стиха: томъ же № 117 и въ олонецкомъ варіантѣ изъ него взято хронологическое указаніе, а въ варіантѣ къ № 120 по *Безсонову* обращеніе къ змѣю таково:

Ты будь, змѣя, и кроткá и смирна,
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное;
Олексафіено благословенное.

тви" (Рыбн. II, XCVIII) [1]). Въ стихѣ, какъ и въ его книжномъ источникѣ, царица не имѣла имени; встрѣчающееся въ одномъ № 120 имя Аксиньи есть первое попавшееся пѣвцу имя изъ употребительныхъ.

Книжная редакція, служившая источникомъ слагателю, не въ однихъ собственныхъ именахъ отклонялась отъ всѣхъ трехъ, мнѣ встрѣчавшихся. Во всѣхъ семи варіантахъ на царскую семью падаетъ жребій, котораго нѣтъ ни въ редакціи до смерти, ни въ редакціи послѣ смерти. Объяснить его произволомъ слагателя нельзя уже по одному тому, что онъ встрѣчается въ Золотой легендѣ и почти во всѣхъ западныхъ пересказахъ. Очевидно жребій принадлежитъ общему источнику Якова и той книжной редакціи, изъ которой вышелъ Георгій съ Елизаветой. Во всѣхъ семи варіантахъ жребій падаетъ на царя, а царица даетъ мужу совѣтъ обманомъ отправить иновѣрную дочь къ змѣю; такимъ образомъ въ противоположность той горести, которую испытываютъ родители въ западныхъ редакціяхъ и въ славянской „прежде мученія", здѣсь они съ радостью готовы освободиться отъ героини. Нѣтъ сомнѣнія, что такая постановка семейныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ находится уже въ начальномъ стихѣ, но есть ли это выдумка слагателя, или онъ нашелъ ее въ своемъ источникѣ? Достовѣрности въ подобныхъ вопросахъ нельзя получить, но вѣроятнѣе, что въ книгѣ этого не было. A priori всякаго книжнаго редактора надо считать болѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ и болѣе проникнутымъ принципами христіанской морали; а съ другой стороны, всякаго слагателя стиха надо считать болѣе знакомымъ съ народною моралью и съ поэтическими типами. Царь легенды, исполняя волю языческихъ боговъ, послѣ долгой борьбы съ горестью жертвуетъ змѣю свою дочь. Нежданное спасеніе этой дочери доставляетъ ему великую радость и предрасполагаетъ его къ принятію христіанства. Царь стиха не имѣетъ основанія радоваться, когда къ нему возвращается нелюбимая дочь; слагатель сознаетъ это и обращаетъ его въ христіанство угрозою. Страхъ передъ сильнѣйшимъ и житейскія выгоды могли на самомъ дѣлѣ служить мотивами для принятія христіанства, но авторъ легенды имѣетъ дѣло не съ исторіей, а съ идеалами.

Болѣе грубая среда рисуетъ свои идеалы и положительные, и отрицательные болѣе густыми красками, и чѣмъ хуже выйдетъ невѣрный царь Аганитъ, чѣмъ ближе подойдетъ онъ къ черночерному типу зла, тѣмъ лучше. Болѣе дальновидный авторъ легенды готовитъ

---

[1]) На сходномъ основаніи на западѣ часто является Маргарита.

себѣ изъ него царя равноапостольнаго и не будетъ чернить его безъ нужды.

Слагатель стиха выдвигаетъ на видный планъ царицу, влагая ей въ уста хитрый совѣтъ; онъ вѣренъ общему пріему народной поэзіи, которая всѣ злостныя хитрости и противъ дѣтей [1]), и противъ общихъ враговъ, приписываетъ женщинамъ. Играй эта царица роль и въ легендѣ, редакторъ счелъ бы нужнымъ снабдить ее собственнымъ именемъ, и это имя удержалось бы въ нѣсколькихъ варіантахъ.

Источникъ стиха, какъ мы видѣли, сходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ источникомъ всѣхъ западныхъ редакцій, и еслибы черта, нами разбираемая, была въ той греческой легендѣ, которая распространилась на западѣ, мы нашли бы ее и въ пересказахъ.

И такъ, семейную вражду надо отнести на счетъ слагателя стиха; однако нельзя думать, что произволъ его могъ идти очень далеко, и еслибъ оригиналомъ ему служила та редакція „прежде мученія", гдѣ царь предлагаетъ половину царства и жалостно причитываетъ надъ дочерью, слагатель едва ли дозволилъ бы себѣ представить дѣло совершенно въ иномъ свѣтѣ. Подъ руками у него, очевидно, была редакція, еще не столь развитая, которая, подобно редакціи „по смерти", умалчивала о чувствахъ отца. Съ редакціей „по смерти" стихъ сближаетъ и то обстоятельство, что въ № 120 и варіантѣ къ нему дѣвица молится Георгію, и Георгій велитъ построить въ свое имя церковь.

Обманное сватовство: „ты въ которую вѣру вѣруешь" принадлежитъ къ числу такихъ деталей, которыя въ прозѣ не мыслимы, а въ поэзіи очень эффектны. Рѣзкій переходъ отъ ожидаемыхъ радостей брака къ горькой дѣйствительности долженъ былъ привлечь поэта, а толчекъ могло ему дать лирическое отступленіе книжной легенды или приводимая въ легендѣ заплачка царевны [2]), гдѣ сопоставляется смерть съ бракомъ и лютый змѣй съ любезнымъ женихомъ.

Черная повозка, черное платье и дѣтина „опальный" опять-таки— деталь поэтическая, и именно того слоя поэзіи, гдѣ всѣ образы стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ содержаніемъ.

Въ книжныхъ редакціяхъ Георгій не силой, а словомъ побѣждаетъ змѣя; въ редакціи народной, болѣе пластической, мы должны бы ожидать битвы, которая, за немногими исключеніями, всегда изображается

---

[1]) Подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, дѣтей замѣняютъ пасынки и падчерицы.

[2]) Встрѣчается очень часто.

и на иконахъ; но изъ семи варіантовъ въ трехъ (№ 117, 119 и вар. Георг. Общ.) дѣло обходится безъ битвы; выпасть ей—основанія не было; ясно, что въ трехъ редакціяхъ она появилась вслѣдствіе влеченія къ пластичности [1]); авторъ начальнаго стиха остался вѣренъ книжному оригиналу.

Изъ него же взялъ онъ и поясъ, на которомъ царевна ведетъ змѣя; изъ него же и страшное явленіе змѣя изъ моря. Послѣднее обстоятельство указываетъ на Уваровскую редакцію; съ нею оригиналъ стиха сближается и другимъ образомъ: мы видѣли, что эта редакція, подобно западнымъ, стремится осмыслить человѣческія жертвы змѣю недостаткомъ скота; №№ 118, 119 и олонецкая редакція упоминаютъ о кормленіи змѣя скотомъ и лошадьми. Вѣроятно, эта черта выпала въ другихъ вслѣдствіе стремленія ассимилировать пѣсню народнымъ сказаніямъ о битвѣ съ змѣемъ.

Литературный источникъ стиха былъ изъ короткихъ и не заключалъ въ себѣ никакихъ подробностей о пребываніи Георгія въ спасенномъ имъ городѣ, такъ какъ всѣ варіанты согласно говорятъ, что царевна одна приводитъ змѣя въ городъ, а избавитель ея исчезаетъ немедленно послѣ подвига. Любопытно окончаніе варіанта № 118:

Змѣя разсыпалась на мелки пески,
На гаденыши, на червеныши.

Эта черта, очевидно, не принадлежала ни оригиналу, ни стиху, а явилась въ одномъ изъ варіантовъ подъ вліяніемъ во многихъ видахъ ходящаго космогоническаго преданія о происхожденіи гадовъ и другой нечести. Въ томъ видѣ, что отъ трупа змѣя начинается язва, мы встрѣчали его уже въ разказѣ о битвѣ Али съ дракономъ; нѣтъ необходимости во всѣхъ случаяхъ отыскивать для такого зарожденія гадовъ общій литературный источникъ или общее миѳическое представленіе [2]); гдѣ существуетъ сказаніе о громадномъ драконѣ или змѣѣ, котораго убилъ герой, тамъ естественно возникаетъ вопросъ и о томъ, что сдѣлалось съ его трупомъ; опытъ говоритъ, что въ разлагающихся трупахъ заводятся вредныя животныя; гады, выползающіе изъ трупа дракона, представляютъ какъ бы его

---

[1]) Вар. № 118 составляетъ переходъ: въ немъ есть и битва, и заклинаніе.

[2]) Хотя и не трудно его выдумать съ точки зрѣнія грозовой теоріи: драконъ—темная туча, поражаемый молніей—копьемъ героя, изливаетъ на землю массу змѣевидныхъ дождевыхъ колоннъ; или потеоріи солнечной: побѣжденная зима мститъ побѣдителю, высылая изъ нѣдръ земли массу вредныхъ животныхъ.

дѣтьми, и гдѣ битву съ дракономъ относятъ ко временамъ отдаленнымъ, до устроенія настоящаго порядка вещей, естественно космогоническое представленіе такого рода. А гдѣ сказаніе стремится не къ разрѣшенію космогоническихъ вопросовъ, а къ большей законченности, тамъ оно разъясняетъ, какъ народъ былъ избавленъ отъ этого бѣдствія [1]).

Въ южной Руси сказаніе о появленіи гадовъ встрѣчается не въ одномъ Кожемякѣ; гады выползаютъ изъ труна лопнувшаго змѣя, на которомъ пахали то Кузьма и Демьянъ [2]), то Борисъ и Глѣбъ [3]); преданіе о змѣиной бороздѣ, какъ извѣстно, пріурочивается къ Троянову валу. Эти южно-русскія сказанія должны стоять въ литературной связи, а Трояновъ валъ есть не только мѣсто пріуроченія, но вѣроятно, и мотивъ для сказанія о змѣиной бороздѣ.

Остается разобрать еще одну немаловажную черту, встрѣчающуюся во всѣхъ семи варіантахъ, и очевидно, принадлежащую къ начальному стиху, но не встрѣчающуюся ни въ одной книжной редакціи: разумѣю сонъ Георгія и пробуждающія его слезы царевны.

Чтобъ оцѣнить ея значеніе, необходимо обратиться къ родственнымъ нашему стиху пѣснямъ болгарскимъ, сербскимъ и греческимъ. По малой распространенности сборника Миладиневцевъ считаю не лишнимъ привести болгарскія пѣсни въ извлеченіи. № 38: „Убей Богъ короля отъ Трояна! Онъ собралъ всѣхъ троянскихъ христіанъ. Слышите-ль, троянскіе горожане! Разорите единаго Бога и напишите бога серебрянаго". Горожане исполнили его приказъ, и всѣ тридцать-три ключа, бывшіе въ городѣ, потекли серебромъ и золотомъ. Пить нечего; только подъ городомъ находился одинъ глубокій колодезь съ студеной водой, но тамъ находится стихійная змѣя, которую каждый день должны снабжать живою пищей: „туда отправляются троянскіе христіане покупать воду на серебро и на жженое золото". Король отъ Трояна одѣлъ свою милую дочь младшую Марію, наполнилъ ея пазуху серебромъ и золотомъ, далъ ей въ руки серебряный кувшинъ и послалъ ее къ источнику. На дорогѣ ей встрѣчается св. Георгій, обѣщаетъ ей помочь и до прихода змѣи ложится отдыхать на колѣняхъ царевны. Змѣя изъ озера радуется: „До сихъ поръ я получала

---

[1]) Ср. эстонскую сказку (№ 18), гдѣ лава отъ труна дракона служитъ мотивомъ для дальнѣйшаго разсказа.

[2]) См. Труды этнограф. въ зап.-рус. кр. экспед. I, 210.

[3]) *Бессарабск. Обл. Вѣд.* 1861, № 2.

по одному таину [1]), а нынѣ цѣлыхъ три". Дѣвица не смѣетъ разбудить Георгія, но плачетъ, и слезы ея обжигаютъ его лицо. Георгій, увидѣвъ змѣю, испугался, но Господь, сошедшій съ неба, ободрилъ его и велѣлъ ему бросить змѣѣ стрѣлу между черныхъ очей. Поразивъ змѣю, Георгій обвязываетъ ее шелковымъ поясомъ и влечетъ за своимъ конемъ. Притащивъ змѣю въ городъ, онъ черезъ Марію вызываетъ ея отца, короля Латина; тотъ предлагаетъ ему свою дочь въ замужество, но Георгій отвѣчаетъ: „Я не какой-нибудь богатырь, я самъ ангелъ Божій святой Георгій". Онъ велитъ Латину возстановить христіанство, иначе грозитъ выпустить на горожанъ змѣю. Латинъ исполняетъ его велѣніе, и всѣ тридцать-три ключа потекли студеною водой.

Въ № 31 начало то же, только число ключей—семьдесятъ. Какъ бы сжалившись надъ гражданами, лишенными воды, Господь далъ имъ одинъ источникъ, но около него находится ламія, требующая себѣ въ пищу по дѣвицѣ. На четвертый годъ отправляется за водою (sic) царская дочь, и ждетъ у озера, чтобъ ее поглотила ламія. Когда является Георгій, она жалуется ему на отца:

Онъ іе кадаръ, брате,
И сосъ пари друга да купе,
Таинъ да си пущи, и зорбалокъ да чинитъ,
Таинъ да не даде;
А ела нели не вѣрува
Вистински Господа,
Яге си вѣровамъ Iисуса Христоса
Мене таинъ ме пущи
На сура та Ламіа,
Мене да ме г ѫлне, таинъ ке ѣ бидамъ,
Вода да налеатъ Троински христяни.

Георгій также ложится отдыхать и также проситъ дѣвицу: „Ти да ме поищимъ во глава та моя". Поразивъ ламію копьемъ въ горло, онъ велитъ царевнѣ обвязать ее и вести въ городъ. Царь встрѣчаетъ его не съ радостью, но обвиняетъ его въ волшебствѣ; Георгій ударяетъ ламію ногою въ первый разъ, и она изрыгаетъ 360 дѣвицъ, пожранныхъ въ послѣдній годъ; онѣ всѣ живы; послѣ второго удара она изрыгаетъ 360 дѣвицъ отчасти живыхъ, отчасти мертвыхъ; послѣ третьяго 360 дѣвицъ перваго года, онѣ всѣ мертвы. Георгій грозитъ царю пустить ламію: голодная она поглотитъ весь городъ. Когда царь покорился, Георгій,

[1]) Порція.

убилъ ламію, ударилъ потомъ копьемъ въ землю и снова во всѣхъ 70 ключахъ потекла вода [1]).

Легко видѣть, что обѣ пѣсни—варіанты одного стиха, вышедшаго изъ книжной редакціи, подобно русскому, но свободнѣе къ ней отнесшемуся, нежели русскій. Прежде всего останавливаетъ вниманіе имя Трояна: М. С. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, стр. 77) уже высказалъ вполнѣ основательное мнѣніе, что въ Троянѣ сказокъ, Хожденія и Слова о Полку Игоревѣ слѣдуетъ видѣть лицо историческое—Римскаго императора Трояна; думаю, что и въ приведенныхъ стихахъ Латинъ, царь Троянскій, есть тотъ же Троянъ, царь Латинскій; перестановку легко объяснить стремленіемъ пріурочить битву со змѣемъ къ городу Трояну.

Исторія о ключахъ, протекшихъ серебромъ и золотомъ, есть воспоминаніе классическаго миѳа о царѣ Мидасѣ [2]), съ котораго въ извѣстной сказкѣ перенесенъ на Трояна разказъ о звѣриныхъ ушахъ [3]).

Что книжнымъ источникомъ болгарскаго стиха служила редакція родственная съ редакціей „прежде мученія", доказывается также книжнымъ именемъ царевны (Марія), явленіемъ Георгія въ городъ, отсутствіемъ жребія и безучастностью царицы.

Это различіе книжныхъ источниковъ дѣлаетъ тѣмъ поучительнѣе тѣ пункты, гдѣ русскій стихъ сходится съ болгарскимъ, отличаясь въ одинаковой съ нимъ степени отъ всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ редакцій. Если въ болгарскихъ стихахъ нѣтъ злостнаго обмана царевны, то нѣтъ и горести отца, а въ № 31 царевна прямо указываетъ на свое иновѣріе и на злобу отца. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же стремленіемъ очернить черное и обѣлить бѣлое.

Изъ естественнаго стремленія къ пластичности въ обоихъ болгарскихъ варіантахъ Георгій бьется съ змѣемъ (№ 31 съ ламіей) оружіемъ; различіе оружія указываетъ, по видимому, на то, что въ начальномъ болгарскомъ стихѣ боя не было.

---

[1]) Эта вторая редакція породила пѣсню, напечатанную въ томъ же сборникѣ, стр. 8—9, гдѣ Георгія замѣнилъ Марко-Кралевичъ; что эта пѣсня не самостоятельна, указываютъ 70 колодцевъ, запираемыхъ самовилой и отпираемыхъ героемъ.

[2]) Золотой источникъ, превращающійся по молитвѣ въ обыкновенный, напоминаетъ разсказъ псевдо-Плутарха (см. *Pauly* Realenc., s. v.)

[3]) См. то же сказаніе въ монгольской Siddhi Kur. № 22.

Въ № 38 змѣй, увидавъ при дѣвицѣ Георгія, радуется тому, что на этотъ разъ ему достанется тройная порція. Изъ семи русскихъ варіантовъ въ двухъ (№ 117 и вар. Георг. Общ.) змѣй говоритъ то же самое. Возможна ли такая рѣчь змѣя въ какомъ-нибудь книжномъ оригиналѣ? Очевидно, нѣтъ. Кромѣ того, еслибы была такая черта, какое основаніе ей выпасть? Какъ объяснить дословное сходство нѣкоторыхъ русскихъ редакцій съ болгарскою, и что еще затруднительнѣе, съ нѣкоторыми сказками о битвѣ съ дракономъ, гдѣ послѣдній при видѣ защитника дѣвицы, выражаетъ радость, что ему достанется двѣ головы вмѣсто одной [1])? Миѳологическое объясненіе здѣсь, конечно, неумѣстно; думаю, что за невозможностью доказать литературную связь, можно удовольствоваться поэтическою логикой. Пѣвецъ или разказчикъ знаетъ печальную судьбу, угрожающую змѣю, и стремится сколько возможно эффектнѣе изложить дѣло; эффектны всѣ рѣзкія переходы къ противоположному, и между прочимъ, переходъ отъ полнѣйшей самоувѣренности змѣя и даже радости по поводу двойной, тройной добычи къ позорному смиренію или гибели; а этого эффекта можно достигнуть, вложивъ въ уста змѣю вышеприведенное замѣчаніе.

Въ № 31 конецъ существенно отличается отъ № 38 и всѣхъ русскихъ стиховъ: ламія изрыгаетъ всѣхъ поглощенныхъ ею дѣвицъ, на половину живыми, на половину мертвыми. Откуда это? Не изъ книжной же редакціи чуда о зміи?

Наиболѣе вѣроятная, на мой взглядъ, причина такой приставки — литературное преданіе житія Георгія, именно въ редакціи В. Тамъ Георгій оживляетъ толпу язычниковъ: мужей, женъ и дѣтей и силою посмертнаго крещенія переводитъ ихъ изъ ада въ рай. Мы видѣли въ первой главѣ, что эта редакція давала сюжеты для живописи на западѣ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что то же было и на юго-востокѣ Европы. Въ какой иной формѣ искусство могло выразить этотъ важный моментъ житія, какъ не въ формѣ дракона—ада, изрыгающаго толпу нагихъ людей? Изображенія изъ житія большею частію помѣщаютъ вокругъ главной фигуры Георгія, побѣждающаго змѣя. Видя гдѣ-нибудь съ боку отъ большаго дракона дракона меньшаго, изрыгающаго человѣческія фигуры, малограмотный зритель долженъ былъ счесть это иллюстраціей къ чуду, а чудо онъ слыхалъ и знаетъ (или по крайней мѣрѣ предполагаетъ), что царевна была отдана на съѣденіе послѣ другихъ; какъ ему объяснить этихъ изрыгаемыхъ тѣмъ-же дракономъ, какъ

[1]) См. напр. *Hahn*, I, 308, № 70; *Gonzenbach*, Sic. März. № 40.

не возвращенными къ жизни дѣвицами? Невозможность факта, конечно, не остановитъ пѣвца-слагателя, такъ какъ невозможности для него нѣтъ; онъ стоитъ на той ступени, когда реальная вѣроятность ничего не значитъ въ сравненіи съ стремленіемъ къ эпической законченности, къ безусловному возстановленію всего добраго и къ исправленію всего злаго.

Въ обоихъ варіантахъ болгарскаго стиха залеганіе дракономъ воды, упоминаемое въ началѣ и явившееся, по видимому, не безъ вліянія народныхъ представленій [1]), тѣсно связано съ заключеніемъ стиха, гдѣ ключи, текшіе серебромъ, снова потекли водой, а это заключеніе объясняется книжнымъ источникомъ стиха, гдѣ въ редакціи „прежде мученія" истекаетъ изъ земли водный источникъ для крещенія новообращенныхъ. Съ этою именно редакціей связываетъ болгарскій стихъ и имя царевны—Марія.

Съ болгарскимъ стихомъ въ несомнѣнной литературной связи стоитъ и сербская пѣсня, напечатанная въ сборникѣ Петрановича (у Биограду, 1867) подъ № 1. Битва Георгія съ змѣемъ привязана въ ней къ другому, довольно извѣстному мотиву: дѣленію міра между святыми. Городъ Троянъ съ невѣрными жителями достается Божіей матери; послѣ напрасныхъ стараній обратить Троянцевъ къ истинному Богу другими способами, она посылаетъ на нихъ дракона, который поселяется въ образовавшемся ad hoc озерѣ; на ночь ѣстъ драконъ по дѣвушкѣ, а утромъ по молодцу. Такъ проходитъ семь лѣтъ, и очередь доходитъ наконецъ до дочери Троянской королевы. Три дня оплакивала королева свою дочь, потомъ уснула; во снѣ явился ей человѣкъ, велѣлъ дочери умыться водой изъ озера, и обернувшись къ солнцу, помолиться не серебряному, а истинному Богу. Дѣвушка поступила согласно небесному велѣнію; у озера увидала она неизвѣстнаго юношу на бѣломъ конѣ; онъ спрашиваетъ ее, зачѣмъ она находится здѣсь. Царевна объяснила ему всю правду (она мисли, он за то не знаде). Юноша

---

[1]) Во множествѣ случаевъ, особенно въ южно-славянскихъ сказкахъ, дѣвица или юноша, выдаваемые дракону, ясно представляются платой за воду. По одному варіанту малорусской сказки, у криницы залегаютъ 12 змѣевъ, и чтобы получить воды, надо давать имъ по 12 человѣкъ (*Кулишъ*, II, 53—4); по другому варіанту у колодца одинъ 12-главый змѣй; ему даютъ по одному человѣку. По одной сказкѣ *Гана*, (II, 49) 12-главому змѣю даютъ за воду въ недѣлю по одной дѣвушкѣ; по другой (I, 308), змѣй позволяетъ только одинъ разъ въ годъ брать воду и за это требуетъ по дѣвушкѣ. Разумѣется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ воспоминаніями о человѣческихъ жертвахъ.

сходитъ съ коня и кладетъ голову на колѣни дѣвушки: „Поишти ме у перчину млада“. Не смотря на предостереженіе дѣвицы, юноша заснулъ. Когда показалась змѣя, онъ проснулся самъ, вскочилъ на коня и пронзилъ змѣю. Освободивъ дѣвушку, онъ входитъ въ городъ и говоритъ Троянцамъ (здѣсь въ первый разъ пѣвецъ называетъ его св. Георгіемъ), чтобъ они оставили идолопоклонство и пороки, а то онъ выпуститъ на нихъ змѣю; онъ входитъ въ языческій храмъ и истребляетъ идоловъ. Заручившись согласіемъ народа принять христіанство, онъ закрестилъ озеро, и оно исчезло, какъ будто никогда и не бывало, змѣю убилъ и возвратился въ небесное царство.

Имя города Трояна заставляетъ производить сербскую пѣсню отъ болгарской, но не отъ той болгарской, которую мы знаемъ, а отъ ея прототипа, гдѣ исторія Георгія не успѣла еще слиться съ исторіей Мидаса-Трояна. Сонное видѣніе царицы, появленіе и исчезновеніе озера— самостоятельныя прибавки; истребленіе идола есть, по видимому, отзвукъ житія Георгія; плачъ матери рѣзко отличаетъ сербскую пѣсню отъ болгарскаго № 31.

Наши соображенія подтверждаютъ двѣ очень интересныя ново-греческія пѣсни, переводъ которыхъ обязательно сообщилъ мнѣ проф. Г. С. Дестунисъ [1]). Болѣе пространная изъ нихъ напечатана въ сборникѣ Яннараки: Ἄσματα Κρητικά. Leipz. 1876, подъ № 1:

„Святой Гіорги, господинъ ты мой, прекрасный всадникъ, опоясанный мечемъ, вооруженный золотымъ копьемъ, желаю помянуть твои милости и твою славу за то большое, городское чудовище, что ты убилъ. Было у городскаго колодца одно чудовище, которое каждое утро и каждый вечеръ кормилось людьми. Если не понесутъ ему людей на ужинъ, оно не пропуститъ къ ключу ни капли воды. Метали жребій,—кому выпадетъ,—чтобы повелъ дитятко свое этому льву въ гостинецъ. И выпалъ жеребій царевнѣ, а была она, распрекрасная, одна дочь у царя. А отецъ-то ея, какъ услыхалъ о томъ, не по нутру пришлось. Разбитыми ножонками добрелъ до милой доченьки своей. А тамъ мечи на-голо, да ножи завостренные. „Не шлешь своего дитятка, такъ по крайности пошлемъ самого“. „Возьмите вы мое дитятко, сдѣлайте невѣстой и отведите ко льву на ужинъ, въ гостинецъ“. Вошли и наряжали ее съ утра до вечера, одѣвали все въ зо-

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ принести ему за это мою искреннѣйшую благодарность, которую, я убѣжденъ, раздѣлятъ со мною и читатели: пѣсня на критскомъ нарѣчіи не нашла себѣ переводчика даже въ Лейпцигѣ.

лото, все въ жемчугъ. И вотъ солнце обратила она въ лицо свое, море—въ украшенія, песокъ — въ жемчугъ. И когда сводили ее къ большой пристани, вышла ея матушка и громко завопила: „Лучше мнѣ не кормить было тебя молокомъ изъ грудей моихъ [1]) и не носить было съ болью въ утробѣ своей, чѣмъ завопить такъ громко". Тутъ вышелъ и отецъ ея съ золотымъ вѣнцомъ и оперся головою на дверной косякъ: „Лучше мнѣ горемычному никогда не видать было тебя, чѣмъ держать горящую свѣченьку, что у меня погасла". И народъ послѣдовалъ за нею и пошли къ ключу: а бѣдняжка невѣста воротиться не надѣялась. И дрожала всѣмъ тѣломъ и стройнымъ станомъ своимъ, что вотъ чудовище съѣстъ ее, этакую красавицу. Какъ по той же по улицѣ проходилъ святой Гіорги. „Чего ты ищешь здѣсь, дѣвушка, что сидишь въ чащѣ?" „Отойди, молодецъ, отойди ты, уйди отъ меня, чтобы чудовище не съѣло и тебя, также какъ и мою милость". „Ты не бойся чудовища, потому что я его убью, а пусти меня заснуть на твоихъ колѣнахъ". Наклонился къ ея колѣнамъ, чтобы поискала у него въ головѣ, а изъ очей ея текло, какъ изъ мутнаго ключа. Когда услышала дѣвушка шумъ, что вотъ бѣжитъ ее удушить, отъ страху крикнула она: „Святой мой Гіорги!" А святой, какъ услыхалъ ее, бѣжитъ спасти ее, избавить отъ того дикаго чудовища. „Дѣвушка, гдѣ узнала ты о моемъ имени? Какъ извѣстенъ тебѣ святой?" Въ ту пору, какъ я искала у тебя въ головѣ, прилетѣлъ голубь и держалъ золотой крестъ въ правой ногѣ [2]); на верхушкѣ креста золотаго написано: „святой Гіорги, кто любитъ его милость, тотъ никогда не скончается". Всталъ на востокъ и перекрестился; разъ ударилъ его копьемъ и прокололъ ему шею, въ другой разъ угодилъ ему въ ротъ, и тотъ палъ наземь и бился на пескѣ. Вынимаетъ святой Гіорги золотую цѣпь, вяжетъ его за шею: то-то радость настала во всей вселенной.— Отнынѣ и впредь всегда живи безъ болзни; изъ тѣхъ дикихъ чудовищъ ни одного ты не бойся. За руку ее хватаетъ, на коня сажаетъ, къ царю пріѣзжаетъ и съ нимъ толкуетъ:—„На тебѣ, царь, дѣтище твое, возьми дочь свою; и изъ глубины сердца дай ей свое благословеніе". „Здравствуй, всадникъ мой, скажи мнѣ имя свое, чтобъ я сдѣлалъ твоей милости царскій подарокъ". „Гіоргомъ Воиномъ зовутъ меня, изъ Скарпаѳіи; коли желаешь сдѣлать подарокъ, построй церковь:

---

[1]) «Это перевожу по догадкѣ», слова Г. С. Дестуниса.

[2]) Въ текстѣ: въ правой рукѣ.

и слѣва, и справа напиши ты всадника, чтобы кланялись христіане, и ты, и кто бы ни вошелъ".

Другая пѣсня безъ начала напечатана въ Νεοελληνικά ἀνάλεκτα (Τόμος Α' φυλλαδ. Β 1870) подъ № 21.

„Метали жеребій,—кому выпадетъ, чтобъ отдалъ дитятко свое чудовищу въ гостинецъ. И выпалъ жребій царевнѣ, чтобы чудовище съѣло ее, маленькую дѣвушку. А царь, какъ услыхалъ о томъ, молвилъ таково слово:—„Все имѣніе мое возьмите, а дитятко мое пустите". А народъ, когда услыхалъ о томъ, идетъ къ царю:—„Либо выдай свою дочку, либо выдадимъ самого". „Нарядите вы мое дитятко, сдѣлайте ее невѣстой, чтобы пошла провести ночь съ дикимъ чудовищемъ" [1]). И провожали ее, пока дошла до ключа. Не надѣялася, бѣдняжка, воротиться назадъ. Какъ появился передъ нею верхомъ святой Гіорги, завопила тутъ дѣвушка громкимъ голосомъ: — „Уйди, чужестранецъ, чтобы не съѣло и тебя это дикое чудовище, которое съѣстъ и меня". Святой Гіорги пожелалъ ее спасти, избавить отъ ея горькой смерти. Захватилъ копье и убилъ имъ чудовище; а дѣвушка отъ страха закричала:—„Святой Гіорги!" А онъ за волосы ее схватилъ [2]) и на копя посадилъ, поѣхалъ и привезъ ее въ отцовскій дворецъ".

Критская пѣсня передаетъ тотъ же сюжетъ, что болгарскіе, сербскій и русскіе стихи, позволяя себѣ только одну крупную добавку: эпизодъ о небесномъ голубѣ. Въ другихъ подробностяхъ она сходится то съ русскимъ (на царевну падаетъ жребій), то съ болгарскимъ (драконъ залегаетъ ключъ); но ближе ихъ обоихъ подходитъ къ литературному источнику, такъ какъ не жалѣетъ красокъ на изображеніе горести отца.

Вторая пѣсня еще ближе къ легендѣ: въ ней нѣтъ эпизода о снѣ героя передъ битвой. Весьма важный общій вопросъ о силѣ литературнаго преданія въ такъ называемой народной поэзіи сводится въ данномъ случаѣ къ маловажному, по видимому, вопросу о томъ, какая изъ двухъ греческихъ пѣсенъ древнѣе? Иначе: прибавленъ ли эпизодъ о снѣ Георгія въ первой пѣснѣ, или онъ выпалъ во второй? Если эпизодъ этотъ принадлежитъ старинной греческой поэмѣ, трудно удержаться отъ искушенія усмотрѣть въ этой поэмѣ источникъ стараго болгарскаго стиха,

---

[1]) Вар.: «Нарядите дитятко мое въ дорогіе камни, во все дорогое, въ золото и въ жемчугъ».

[2]) «Харонъ хватаетъ свою добычу за волосы, а здѣсь такой образъ—неумѣстное подражаніе». Прим. Г. С. Дестуниса.

который въ свою очередь послужилъ источникомъ сербскаго и русскаго. Въ такомъ случаѣ нашъ стихъ со всѣми своими сказочными подробностями окажется переводомъ съ болгарскаго. Тогда можно дойдти и до крайнихъ предѣловъ смѣлости: усмотрѣвъ разительное сходство Егорьевскаго стиха съ сказками о битвѣ съ дракономъ, гдѣ герой тоже засыпаетъ передъ битвою, зная источникъ стиха и не довѣряя миѳологическому объясненію этого эпизода въ сказкахъ, можно рѣшить, что сказка въ данномъ случаѣ черпала свое содержаніе изъ греческой поэмы, сочиненной какимъ-то грамотникомъ.

Но факты, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, противорѣчатъ исходному предположенію. Вопервыхъ, въ критской пѣснѣ Георгій бѣжитъ къ царевнѣ, у которой онъ спалъ на колѣняхъ: очевидная нелѣпость, объясняющаяся только тѣмъ, что сонъ героя вставленъ позднѣе. Вовторыхъ греческая пѣсня вмѣстѣ съ болгарскою и сербскою заимствовала свое содержаніе изъ иной редакціи книжной, чѣмъ русскій стихъ: въ русскомъ стихѣ Егорій не показывается въ городъ; въ греческой онъ ведетъ переговоры съ отцемъ царевны, велитъ построить въ свою честь церковь. Втретьихъ, при такомъ порядкѣ генезиса греческая пѣсня должна бы быть ближе всѣхъ къ книжному источнику, а русскій стихъ — быть вполнѣ свободнымъ отъ вліянія книжности; а между тѣмъ въ послѣднемъ мы находимъ указанія на Содомъ и Гоморру, Гераклею, Ѳеодора и прочія подробности, которыхъ не знаетъ греческій стихъ, и которыя легко указать или предположить въ книжной редакціи [1]) Вчетвертыхъ, наконецъ, наше смѣлое предположеніе о происхожденіи эпизода русскихъ (пожалуй еще и греческихъ и албанскихъ) сказокъ не объяснило бы намъ безусловно сходнаго эпизода въ сказкахъ нѣмецкихъ, сицилійскихъ и пр.

И такъ, остается ограничиться скромнымъ выводомъ: варіантъ греческой пѣсни, напечатанный въ Analecta, ближе къ оригиналу; въ критскій варіантъ изъ народной сказки по сходству темы внесенъ пѣвцемъ эпизодъ о снѣ героя; такой же точно эпизодъ, но съ большею законченностью изъ однороднаго источника усвоенъ авторомъ русскаго стиха, который и въ другихъ частяхъ отнесся свободнѣе къ своему книжному оригиналу. Литературная связь болгарскаго стиха

[1]) Само собою разумѣется, я не думаю, что всѣ греческія пѣсни на эту тему ограничиваются двумя приведенными варіантами; завтра могутъ найдти новую пѣсню, которая будетъ заключать и Содомъ съ Гоморрою и пр. Тогда положеніе вопроса совсѣмъ измѣнится.

съ греческимъ не можетъ быть ни доказана, ни отвергнута; признать таковую между стихами болгарскимъ и русскимъ мѣшаютъ уже указанныя отличія ихъ книжныхъ источниковъ. И такъ, покамѣсть приходится остановиться на томъ, что не Иванъ-царевичъ заимствовалъ свой сонъ отъ Георгія, а Георгій отъ Ивана-царевича [1]).

Такимъ образомъ опасный вопросъ о развительномъ сходствѣ сказокъ, центромъ которыхъ служитъ борьба съ змѣемъ [2]), оказывается въ сторонѣ отъ Георгія, и я имѣю право объѣхать этотъ подводный камень, но считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній вопрошающаго характера.

Обыкновенно для объясненія съ той или другой точки зрѣнія группы явленій изъ области народныхъ сказаній обращаютъ особенное вниманіе на сходство послѣднихъ; думаю, что иногда не худо обратиться къ несходному, къ отклоненіямъ, посредствомъ которыхъ сказаніе изъ одной группы переходитъ въ другую, и эпическій пріемъ видоизмѣняется до неузнаваемости.

Въ большей части сказаній о битвѣ съ дракономъ или замѣняющими его тролемъ, лукавымъ, великаномъ, сонъ героя или исканье въ головѣ его составляетъ видный эпизодъ, но обстановка сна и способы пробужденія—очень разнообразны: герой засыпаетъ на колѣняхъ у красавицы въ жилищѣ дракона [3]); герой засыпаетъ отъ утомленія на полѣ битвы [4]) и этимъ сномъ пользуется лжегерой, чтобъ убить его

---

[1]) Этотъ выводъ не лишаетъ права видѣть на отдѣльныхъ членахъ обширной семьи сказокъ о битвѣ съ дракономъ слѣды литературнаго вліянія. Считаю не лишнимъ привести нѣсколько *возможныхъ* случаевъ. Одинъ плохой русскій варіантъ сказки о двухъ Иванахъ (*Ав.*, II, 21) изображаетъ змѣя посланника *морскаго царя* (ср. Уваровскую редакцію). Верниславское сказаніе (*Отеч. Зап.* 1852 г., *Аванасьевъ*, ст. 2-я, стр. 109) приписываетъ освободителю царевны *бѣлаго коня* (ср. изображенія Георгія). По закону стремленія къ эпической законченности битва съ змѣемъ всегда кончается бракомъ; но новогреческая сказка (*Hahn*, I, 308), во всѣхъ подробностяхъ очень близкая къ болгарскому стиху о Георгіѣ заставляетъ героя отказаться отъ освобожденной красавицы: онъ проклятъ Нереидой и обращенъ въ женщину. Не есть ли это самовольное толкованіе цѣломудрія героя?

[2]) Уже: о братьяхъ близнецахъ. См. *Grimm*, 60 и 85; *Köhler* въ *Jahrb. f. engl. u. rom. Lit.* VII, 133; *Hahn*, I, 22; *Рижскій Вѣстн.* 1874, № 242 и слѣд. и проч.

[3]) *Hahn*, Griech und alban. Märchen, № 64.

[4]) *Ав.*, Сказки, изд. 2-е, № 67 и др. *Schleicher*, Lit Märchen, стр. 4 и 58, *Grimm*, März. № 60 и др. Соединеніе обоихъ пріемовъ *Ав.*

и присвоить себѣ награду. Герой иногда гибнетъ именно потому, что драконъ находитъ его спящимъ (Ортнитъ). Если сонъ предшествуетъ битвѣ съ дракономъ, она сопровождается или замѣняется исканьемъ въ головѣ [1]) которое въ болѣе деликатныхъ новыхъ пересказахъ замѣняется приведеніемъ волосъ въ порядокъ [2]).

Съ точки зрѣнія натурмиѳологической (въ данномъ случаѣ—спеціально метеорологической) теоріи сонъ героя передъ битвою есть зимній сонъ природы передъ весеннею битвою съ мракомъ и холодомъ; очевидно, что съ той же точки зрѣнія сонъ послѣ битвы есть осенній сонъ, которымъ пользуется врагъ свѣта и тепла, лжегерой.

Вотъ первое само собою напрашивающееся возраженіе противъ всеобъединяющей теоріи: одна и та же зима изображается въ томъ же миѳѣ въ видѣ страшнаго дракона и комическаго водовоза, замарашки, трусливаго генерала или барина. Гдѣ тутъ глубокая мудрость миѳа, продолжившая на тысячелѣтія его жизнь?

Но сонъ передъ боемъ встрѣчается не въ одной битвѣ съ дракономъ: герой сказки или былины, отправляясь биться съ своимъ соперникомъ по силѣ, или находитъ его спящимъ, или самъ засыпаетъ, доѣхавъ до мѣста; въ тѣхъ же чертахъ изображаются и неожиданныя встрѣчи. Ужели и здѣсь весенній или осенній сонъ природы? А между тѣмъ здѣсь нельзя не видѣть единства пріема.

Героя будитъ очень часто слеза женщины, которой угрожаетъ опасность отъ дракона или его замѣстителя. Миѳологи видятъ въ этой слезѣ весенній дождь, пробуждающій силу земли [3]). Но надо обратить вниманіе на тѣ многочисленные случаи, гдѣ пробужденіе этимъ средствомъ является мотивированнымъ. Богатырь обладаетъ всѣми богатырскими свойствами, между прочимъ, и богатырскимъ сномъ; поэтому, ложась спать, онъ приказываетъ будить себя ударомъ дубины [4]), колоть шиломъ въ ухо [5]) и т. д. Женщина изъ любви не рѣшается прибѣгнуть къ такому сильному средству и достигаетъ той же цѣли своею горячею слезой. Иногда слеза является, какъ послѣднее и болѣе дѣйствительное средство послѣ того, какъ всѣ другія

---

[1]) *Hagn*, № 70; *Oberleitner*, стр. 64, 82, 110 и пр.

[2]) *Schott*, № 10.

[3]) Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ представителей школы Шеппингъ приравниваетъ ее живой и мертвой водѣ, напитку Ильи, водѣ колдуновъ и разбойниковъ и т. д. Ср. *Аѳ.*, П. В., I, 603.

[4]) *Аѳанасьевъ*, Сказки, II, № 27.

[5]) Сборн. свѣд. о кавк. горц., II, стр. 30.

были перепробованы: женщина изъ всѣхъ силъ тормошитъ героя: тотъ ничего не слышитъ; тогда она начинаетъ плакать, и герой пробуждается. Особенно это ясно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ къ спящему заколдованнымъ сномъ является его настоящая возлюбленная, хотя тамъ это средство и не вполнѣ достигаетъ цѣли; толчковъ и уколовъ герой совсѣмъ не чувствуетъ, а плачъ слышитъ, хотя и не можетъ проснуться.

Очевидно, что единое миѳологическое толкованіе—натяжка; очевидно, что нѣтъ возможности для всѣхъ подобныхъ случаевъ найдти общій литературный источникъ; здѣсь вполнѣ достаточно толкованія морально поэтическаго: женская слеза сильнѣе кулака и палки дѣйствуетъ на богатыря, недоступнаго физическимъ страданіямъ, но мягкаго сердцемъ.

Подобное толкованіе возможно и для сна героя. Сонъ есть естественное состояніе одинокаго богатыря, когда ему нечего дѣлать (какъ пиръ—естественное занятіе общества богатырей); сонъ передъ битвой—естественное средство подкрѣпить свои силы; сонъ послѣ утомительной битвы—единственное средство возобновить ихъ. Исканье въ головѣ, какъ извѣстно, любимое народное средство возбудить укрѣпляющій сонъ. Скажутъ: неестественъ сонъ передъ опасною битвой, но герой народной сказки потому и герой, что онъ неестественно силенъ и храбръ; засыпая въ виду близкой опасности, онъ доказываетъ, какъ презираетъ онъ своего врага, а низость врага, нападающаго во время сна [1]), тѣмъ рельефнѣе представляется слушателямъ.

Подобныя толкованія не считаются научными, особенно когда они не подтверждены фактами изъ области сказаній не индоевропейскихъ народовъ [2]). Они дѣйствительно неумѣстны тамъ, гдѣ можно добиться литературной связи; но для отысканія ея или даже для окончательнаго рѣшенія вопроса о необходимости литературной связи между сказками нужно и болѣе матеріала, нежели доселѣ собрано, и выработанный методъ сортировки матеріала. А послѣдній еще въ туманѣ будущаго. Сказанія, генетическая связь которыхъ есть величина искомая, можно сличать или по основной темѣ, или по составляю-

---

[1]) Самъ герой не нападаетъ на спящаго, даже на востокѣ. Викрамадитія (Арджи Борджи, нѣм. переводъ, стр. 93) не нападаетъ на царя Шимнусовъ, потому что тотъ спитъ пьяный.

[2]) Извѣстно, какъ мало собрано въ этой области, и какъ трудно довѣрять и этому малому.

щимъ сказаніе моментамъ; единство темы всегда есть извѣстное данное; рядъ сходныхъ моментовъ и при различіи темы можетъ указывать на генетическую связь. Вотъ уже двѣ точки зрѣнія, двѣ системы сличенія, которыя по большей части смѣшиваются. Но при различіи темы и при недостаткѣ сходныхъ моментовъ одна черта, собственное имя, мелкая, но спеціальная подробность, форма выраженія можетъ возбудить вопросъ о связи.

Что же выходитъ? Съ одной стороны, изъ фактовъ извѣстно, что сказанія, несомнѣнно относящіяся къ одной личности или исходящія изъ одного источника, варьируютъ, напримѣръ, и типъ побѣжденнаго врага, и способъ побѣды; съ другой стороны, постепенно расширяя предѣлы сличенія, изслѣдователь доходитъ до основной темы борьбы свѣтлаго начала съ темнымъ, подъ которую подходитъ все, что изобрѣтено воображеніемъ человѣческимъ. Особенно опасно основываться на единствѣ неспеціально выраженной темы и на немногихъ моментахъ. Рѣшилъ, напримѣръ, заранѣе Мангартъ [1]), что всѣ разказы о борьбѣ съ чудовищемъ при помощи чудеснаго меча и о снѣ послѣ битвы входятъ въ одну группу, суть варіанты одного разказа, и возстановляетъ по этимъ disjecta membra древнѣйшую формулу разказа—Пелеиду, такъ какъ и про Пелея разказывается нѣчто подобное. Но возможно ли думать, чтобы греческій миѳъ, не сохранившійся литературнымъ путемъ, выжилъ въ устной передачѣ столько столѣтій? Кто повѣрилъ въ его Пелеиду? Вмѣсто подобныхъ конъектуръ лучше до времени довольствоваться скромными не научными толкованіями.

Бѣлорусская редакція [2]) нашего стиха стоитъ совершенно особнякомъ отъ варіантовъ русскаго стиха о Егоріѣ и Елизаветѣ. Не смотря на забвеніе именъ, на замѣну царя паномъ, стихъ ближе къ книжному, нежели прототипъ остальныхъ варіантовъ [3]). Источникъ его, по видимому—чудо „послѣ смерти“.

---

[1]) Wald-und Feldculte, II, 52 и слѣд.

[2]) *Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.*, V, 119—120.

[3]) Книжность часто является характернымъ признакомъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. См. ibid. 123.

А. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

I.

Утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ Новгородѣ. (X—XII в.).

Господствовавшее въ древней Руси язычество далеко не отличалось такимъ сильнымъ развитіемъ, какое замѣчается у многихъ другихъ историческихъ народовъ. Оно только еще вступило въ періодъ антропоморфизма и выражало это вступленіе размѣщеніемъ человѣкообразныхъ идоловъ въ важнѣйшихъ религіозныхъ центрахъ. А при слабомъ развитіи антропоморфизма не могло быть ни храмовъ, которые служили бы покровомъ для языческой святыни, ни—что̀ еще важнѣе,—самостоятельнаго жреческаго званія, не могло быть, слѣдовательно, класса лицъ, въ прямомъ интересѣ котораго было бы всѣми силами поддерживать старый, наслѣдованный отъ предковъ порядокъ вещей. Самое большее, что̀ можно было тогда встрѣтить, это — волхвовъ, которые, конечно, тоже должны быть отнесены къ числу представителей старой религіи, но только совершенно въ иномъ, нежели жрецы, смыслѣ. Различіе между жрецами и волхвами видно ужь изъ того, что въ языческія времена они нерѣдко одновременно существовали другъ подлѣ друга; сущность же различія заключается въ томъ, что, противоположно жрецамъ, волхвы не имѣли назначенія отправлять службы въ честь того или другаго божества и потому не могутъ считаться особенными, самостоятельными органами древняго

богослуженія. Они были только исполнителями тѣхъ дѣйствій языческаго культа, которыя были доступны не каждому, которыя, какъ напримѣръ, предсказываніе и толкованіе знаменій, требовали особеннаго дарованія. Это были люди, которые умѣли не только узнавать волю боговъ, но и управлять ею, которые въ случаѣ надобности могли перехитрить боговъ или даже употребить противъ нихъ силу. Какъ представители языческой религіи, волхвы, конечно, не могли относиться равнодушно къ религіознымъ нововведеніямъ и не отказывались по временамъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ послѣднихъ. Но серьезное значеніе эта враждебность не могла получить уже по той причинѣ, что между волхвами не было никакой организаціи: это были отдѣльныя единицы, не связанныя между собою никакими узами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, было бы странно ожидать, чтобъ язычество явило собою на Руси примѣръ дѣятельнаго сопротивленія при встрѣчѣ съ христіанствомъ. И дѣйствительно, наблюдая процессъ начальнаго водворенія христіанства на Руси, мы нигдѣ не видимъ язычества въ дѣятельной борьбѣ съ новымъ вѣроученіемъ. Напротивъ того, какъ бы сознавая свою слабость, язычество вездѣ безъ боя очищало для христіанства поле дѣйствія. Не только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему древнерусскихъ земляхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ христіанство получало господство безъ всякихъ столкновеній съ народною массой. Это общее замѣчаніе примѣняется вполнѣ и къ Великому Новгороду. Правда, многіе ученые, въ томъ числѣ гг. Соловьевъ и Костомаровъ, не только говорятъ о противодѣйствіи новгородскаго язычества водворенію христіанства, не только считаютъ себя въ правѣ передавать всѣ подробности происходившей между ними борьбы, но и вообще склонны смотрѣть на утвержденіе христіанства въ Новгородѣ, какъ на дѣло проповѣдниковъ особеннаго рода, какъ на подвигъ Владиміровыхъ полковъ [1]). Однако данныя, на которыхъ они основываютъ свои заключенія, являются слишкомъ шаткими и неубѣдительными, и не могутъ заставить насъ усомниться въ мирномъ распространеніи христіанства и въ Новгородѣ. Якимовская лѣтопись, откуда почерпаются свѣдѣнія о сопротивленіи язычества въ Новгородѣ, отличается такимъ мутнымъ характеромъ, что было бы уже давно пора совсѣмъ исключить ее

---

[1]) Исторія Россіи, I, 186—187; Сѣверно-русскіе народоправства, I, 37.

изъ числа источниковъ по новгородской исторіи [1]). А за устраненіемъ Якимовской лѣтописи, у насъ для составленія понятія объ отношеніи язычества къ христіанству въ Новгородѣ имѣется всего только одинъ мѣстный новгородскій миѳъ, представляющій не историческую, а только образную картину паденія новгородскаго язычества. Но вопреки увѣренію г. Костомарова, даже и этотъ миѳическій источникъ ничего не говоритъ въ пользу дѣятельнаго сопротивленія язычества въ Новгородѣ [2]). Лѣтописное извѣстіе о крещеніи народа въ Кіевѣ сообщаетъ намъ, что жители города по крайней мѣрѣ выражали плачемъ свое пассивное сопротивленіе поруганію Перуна. Ничего подобнаго въ Новгородѣ мы не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, новгородскій божокъ выказываетъ въ преданіи болѣе энергіи, чѣмъ кіевскій. Когда Перунъ, повязанный веревками, былъ съ пинками и ударами палокъ влекомъ со своего мѣста на Перыни къ Волхову, то бѣсъ, вошедшій въ него, кричалъ: „О, горе мнѣ, ахъ, попался я въ руки немилостивыхъ людей!“ Плывя затѣмъ подъ Волховскимъ мостомъ, Перунъ бросилъ на него свою палицу; какъ бы завѣщая тѣмъ Новгородцамъ усобицы на этомъ самомъ мосту въ наказаніе за ихъ отступленіе отъ старой религіи. Но что̀ въ миѳѣ самое главное,— отношеніе новгородскаго населенія къ низвергнутому идолу, оно вездѣ является крайне враждебнымъ. Въ особенности ясно эта враждебность видна изъ послѣдняго разказа о судьбѣ Перуна: когда именно несчастный божокъ попробовалъ было пристать къ берегу у Пидьбы (рѣки, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны ниже Новгорода), то Пидьблянинъ, пришедшій на рѣку съ цѣлью вести на лодкѣ въ городъ горшки, увидѣвъ его, оттолкнулъ шестомъ и сказалъ: „Довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, плыви теперь прочь“ [3]).

---

[1]) Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода см. въ приложеніи I-мъ.

[2]) Сѣверно-русск. народопр. II, 261.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 207, 988 г.: «И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ поволещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху и́ по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достахся немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не перенятн его. И иде Пьдблянинъ рано на рѣку, хотя горшицы вести

Но хотя язычество въ древней Руси и не имѣло вообще дѣятельной силы для борьбы съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе успѣхъ, сопровождавшій утвержденіе послѣдняго, былъ въ разныхъ краяхъ Россіи далеко не одинаковъ. На югѣ Россіи, и въ особенности въ Кіевѣ, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство совершилось сравнительно не только легко, но и довольно основательно. Такой оборотъ дѣлъ былъ обусловленъ тамъ значительною предварительною подготовкой, бывшею слѣдствіемъ близкаго сосѣдства и частныхъ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Греками. Благодаря этому обстоятельству, еще задолго до своего офиціальнаго признанія господствующею религіей, христіанство имѣло въ Кіевѣ не только своихъ приверженцевъ, но и свои храмы. Въ другихъ условіяхъ находился Великій Новгородъ. Отдаленный большимъ пространствомъ отъ центра христіанской жизни и даже отъ Кіева, онъ тѣмъ самымъ былъ лишенъ подготовительнаго вліянія, которое впослѣдствіи облегчило бы окончательное утвержденіе въ немъ христіанства. Христіанство было тамъ явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ офиціальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны, но извѣстной намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало [1]). А какъ явленіе новое, не подготовленное свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, христіанство долгое время не могло быть въ Новгородѣ ни достаточно прочнымъ, ни достаточно глубокимъ. Оно не могло быть достаточно прочнымъ потому, что при свѣжести языческихъ преданій новообращенные христіане легко поддавались вліянію ревнителей старины и начинали колебаться въ привязанности къ новой вѣрѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ появленіе волхва, начавшаго возвѣщать о скоромъ наступленіи времени, когда послѣдуетъ премѣненіе странъ, и когда Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, и Русская — на мѣсто Греческой, не сопровождалось никакими смятеніями: волхва слушали только простые люди, а вѣрные смѣялись и говорили: „Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ" [2]). Напротивъ того, въ Новгородѣ когда въ княженіе Глѣба

въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: Перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови»...

[1]) Разборъ мнѣній о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ см. въ приложеніи II-мъ.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 170, 1071 г.

явился волхвъ, и превознося собственное невѣдѣніе и способность творить чудеса, сталъ хулить христіанскую вѣру, то встрѣтилъ общее сочувствіе. Около Новгородскаго - епископа Θеодора, вышедшаго въ церковномъ облаченіи увѣщевать отпавшихъ, собрались только князь Глѣбъ да его дружина; вся же остальная масса новгородскаго народонаселенія пристала не колеблясь къ волхву. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, грозившемъ Новгородскому владыкѣ серьезною опасностью, только рѣшительность князя Глѣба спасла, по разказу лѣтописца, дѣло христіанства: спрятаннымъ на случай топоромъ Глѣбъ разсѣкъ волхва, собиравшагося сотворить великія чудеса, перейдти на глазахъ у всѣхъ рѣку Волховъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшее развитіе мятежа [1]). Въ ближайшихъ однако къ центру церковной жизни мѣстностяхъ, то-есть, въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, христіанское усиліе мало по малу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе массы народа и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе торжествовало надъ язычествомъ. Какую перемѣну въ понятіяхъ Новгородцевъ должны мы предположить, если сопоставимъ съ разказомъ о князѣ Глѣбѣ поступокъ Новгородцевъ съ волхвами въ 1227 году: волхвъ при Глѣбѣ чуть не совратилъ въ язычество всю массу новгородскаго населенія, а въ 1227 году мы не только не слышимъ ни о какихъ успѣхахъ волхвовъ между жителями вольнаго города, но и читаемъ извѣстіе, что Новгородцы сжигаютъ на Ярославовомъ дворѣ четырехъ кудесниковъ почти не безъ всякаго изслѣдованія дѣла: разница огромная [2])!

Но, если внѣшнее торжество надъ язычествомъ доставалось уже не безъ особеннаго труда, то еще труднѣе было восторжествовать надъ нимъ внутренне, истребить въ умахъ новообращенныхъ христіанъ всѣ остатки прежней религіи. Неудивительно поэтому, что

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 175—176, 1071 г.: «Сице бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ, глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, (и) многы прельсти, мало не всего града, глаголашетъ бо, яко проведе вся и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашетъ бо: яко пренду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста, рекъ: «иже хощеть вѣру яти волхву, то да идетъ зань; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 42, 1227: «съжгоша вълхвы 4, творяхуть ѐ потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворѣ».

подъ внѣшнимъ христіанскимъ покровомъ еще долго скрывался густой слой языческихъ вѣрованій, и что вслѣдствіе того новообращенные долгое время казались какъ бы двоевѣрными. На верху, въ общественной жизни, несомнѣнно преобладало христіанство; но въ частномъ быту, гдѣ въ древности сосредоточивалось храненіе языческаго культа, и гдѣ каждый родоначальникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ, язычество долго сохраняло еще значительную силу. Такъ общественные языческіе идолы были ниспровергнуты, и князь не приносилъ имъ уже болѣе жертвы; но въ тиши домашней жизни ничто не препятствовало обращаться съ чествованіемъ не къ христіанской святынѣ, а къ жившимъ въ народной памяти домашнимъ языческимъ божкамъ, Роду и Роженицамъ, и приносить имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медъ [1]). Старые языческіе обряды были подвергнуты преслѣдованію въ публичной сферѣ, но они продолжали жить въ частномъ быту и даже вкрадывались въ обрядовую сторону христіанской церкви. Въ язычествѣ, напримѣръ, существовалъ обычай хоронить мертвыхъ не иначе, какъ съ извѣстными вещами, пригодными для умершихъ въ ихъ загробной жизни; новообращенные перенесли этотъ обычай и на христіанское погребеніе и стали класть съ умершими иконы. Церковная власть, правда, не считала этого явленія предосудительнымъ и не требовала обратнаго изъятія иконъ изъ могилъ; тѣмъ не менѣе простые толки о степени законности существованія такого обыкновенія показываютъ, что для христіанской церкви это былъ совершенно чуждый обычай [2]). Значеніе волхвовъ, конечно, было сильно поколеблено съ общественной жизни; но въ частномъ быту религіозное чувство имѣло полный просторъ и побуждало, напримѣръ, матерей приносить своихъ больныхъ дѣтей не къ христіанскимъ священникамъ для молитвы, а къ блюстителямъ старой религіи, къ волхвамъ [3]). Вообще, послѣдніе и при господствѣ новой религіи умѣли сохранить за собою значительную долю вліянія. Быть можетъ, на развитіе въ Новгородской жизни волхвованія не осталось безъ вліянія присутствіе въ Новгородской землѣ массы финскаго населенія, кото-

[1]) *Калайдовичъ*, Пам. XII в., стр. 179: Аже сѐ роду и рожаницѣ краютъ хлѣбы и сиры и медъ. Вороните велми: нѣгдѣ, рече, молвить(ся?): горе пьющимъ рожаницѣ».

[2]) Тамъ же, стр. 184: «Икону погребли бяху съ мертвецемь святаго Михаила, и не повелѣ възгребати: крестьянъ, рече, есть».

[3]) Тамъ же, стр. 202: «А еже дѣтій дѣля жены творять что-любо; а еже възбалять, или къ вълхвамъ несуть, а не къ попови на молитву?»

рое какъ вообще славилось своими волхвами и вѣдунами, такъ въ частности пользовалось этою славой и у Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, указывающій на склонность Новгородцевъ обращаться къ чудскимъ кудесникамъ съ цѣлію узнать непостижимое [1]). Какъ бы то ни было, только волшебство въ его разныхъ видахъ пользовалось въ Новгородѣ большимъ распространеніемъ. Басни, примолвленья, пользованье узлами и приворотными травами и вареньями, ворожень е и т. д. [2]) могутъ служить примѣрами господствовавшихъ въ Новгородѣ въ теченіе всей его исторіи суевѣрій.

Еще болѣе, чѣмъ въ собственно религіозной жизни, сила язычества поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ тѣхъ именно, которыя вообще стоятъ въ тѣсной связи съ религіей. Къ числу такихъ областей нужно отнести жизнь семейную и народныя увеселенія. Какъ извѣстно, въ періодъ язычества существовали двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ лежало одинаково начало взаимнаго согласія (mutuus consensus) вступающихъ въ бракъ: формами этими были веденіе и умычка, различавшіяся тѣмъ, что въ первомъ случаѣ бракъ совершался съ согласія родителей, а во второмъ — совершенно не требовалось послѣдняго. Умычка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на умычку на игрищахъ между селами, предполагавшую по крайней мѣрѣ согласіе жениха и невѣсты на бракъ, и на умычку у воды, представлявшую не что иное, какъ простое похищеніе женъ. Съ водвореніемъ христіанства, принявшаго семейный бытъ подъ свое особенное попеченіе, всѣ эти формы брака должны были уступить свое мѣсто церковному благословенію. Но церковное вѣнчаніе водворялось однако съ трудомъ. Въ обществѣ, кажется, господствовало убѣжденіе или предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна только для князей и знатныхъ людей. Что же касается до массы простаго народа, то полагалось, что при вступленіи въ бракъ она можетъ довольствоваться простыми, наслѣдованными отъ старины формами, минуя совершенно священническое благословеніе на глазахъ у всѣхъ въ церкви. Какъ бы то ни было, но мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Новгородѣ подобное заключеніе брака веденіемъ и умычкой. На первое указываетъ заключеніе брака

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 174, 1071 г.: «приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него»...

[2]) А. А. Э., I, 462 № 369, 1410 г.: «Такожъ учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелія, ни вороженья... См. также П. С. Р. Л., IV, 279, 1505.

„именемъ и плесканіемъ“, то-есть, домашнимъ торжествомъ, на которомъ оглашались новобрачные и были привѣтствуемы окружающими плесканіемъ, то-есть, по всей вѣроятности, хлопаніемъ въ ладоши [1]). Что же касается умычки, то есть извѣстіе, что въ новгородскихъ предѣлахъ еще въ XIII столѣтіи существовалъ обычай видѣть невѣстъ къ водѣ и возбуждалъ противъ себя громкія порицанія со стороны церковной власти, очевидно, какъ противъ формы брака, несогласной съ обычаями христіанской церкви [2]). Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ язычествѣ имѣло мѣсто многоженство. И вотъ, не смотря на водвореніе христіанства, мы видимъ, что церковныя правила по отношенію къ супружескому союзу соблюдаются очень слабо, и что семейная жизнь Новгородцевъ иногда мало отличается отъ временъ язычества. Въ Новгородѣ нерѣдки были случаи, что міряне не только вступали въ четвертый бракъ, но и разводились съ женами, бросали своихъ и брали чужихъ и даже къ вящему соблазну возвращались къ многоженству, имѣли одновременно по двѣ жены [3]). Распущенность новгородской семейной жизни была вообще такъ сильна, что проникла даже въ жизнь новгородскаго духовенства и повела, какъ увидимъ впослѣдствіи, къ возникновенію вопроса о вдовствующихъ священникахъ.

Не менѣе ярко продолжали жить языческія преданія и въ народныхъ увеселеніяхъ, которыя, служа остатками языческихъ религіозныхъ торжествъ, необходимо сохраняли на себѣ многіе слѣды своего древняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что обличенія духовныхъ пастырей очень часто преслѣдовали въ народныхъ увеселеніяхъ и такія черты, которыя не имѣли никакой связи съ языче-

---

[1]) *Русск. Достоп.*, I, 101—102, конца XII в.: «Яко же еси реклъ, оже не бываютъ на простыхъ людехъ благословѣние вѣнчания, но бояре токмо и князи вѣнчаються; простымъ же людемъ яко именѣмь и плесканиемь разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простии закони простьцемъ и невѣжамъ си творять совокупление. Иже кромѣ божествьныя церкви кромѣ благословления творяще свадбу, тайно поиманне наречеть, иже тако поимаютъ, якоже блудныимъ опитемьи даютъ».

[2]) *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, XIII в.: «и се слышахомъ: въ предѣлѣхъ Новгородскихъ невѣсты водитъ къ водѣ; и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ».

[3]) *Русск. Достоп.*, I, 94, конца XII в.: «И іже поимаються без благословения сьчтаніе и жены отмѣтаються и своя жены пущаютъ и прилѣпляються инѣмъ?» Тамъ же, I, 91: «Тоже створи (то-есть, лиши причащенія), иже бес труда и бе-страха и бе-срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея»...

ствомъ и вообще носили совершенно невинный характеръ. Достаточно указать на то, что обличители постоянно нападали на безыскусственную музыку, бубны, сопѣли, гуденіе струнное, на всякія пляски со свистаніемъ, кличемъ и воплемъ и на распѣванье „скверныхъ бѣсовскихъ пѣсенъ". Быть можетъ, побужденіемъ къ порицанію въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что при нерѣдкомъ совпаденіи народныхъ увеселеній съ христіанскими праздниками, всѣ эти забавы находились въ противорѣчіи съ тѣмъ образомъ поведенія, какой приписывался на это время христіанскою церковью. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно также и то, что народныя увеселенія представляли для обличителей не мало и дѣйствительно языческой пищи. Прежде всего, достаточный поводъ къ преслѣдованію подавала пастырямъ уже та масса языческихъ суевѣрій, которая по старинѣ связывались съ этими увеселеніями, а именно—исканіе травъ и кореньевъ, которые должны были служить приворотными средствами въ разныхъ житейскихъ случаяхъ [1]). Но еще болѣе негодованіе пастырей вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ народнымъ торжествамъ примѣшивались старинные обычаи, рѣзко расходившіеся съ началами христіанской церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ народныхъ увеселеній Новгородской земли нельзя не узнать подобія, или по крайней мѣрѣ, слѣдствія умычки на игрищахъ между селами, господствовавшей въ древнѣйшее время. Владимірскій соборъ 1274 года, уподобляя игрища, которыя имѣли мѣсто въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи въ ночь съ субботы на воскресенье, греческому Діонисіеву празднику, говоритъ, что на нихъ мужчины и женщины, собравшись вмѣстѣ, ристали и ржали, какъ кони, и дѣлали скверну [2]). Въ чемъ состояла эта скверна, поясняетъ отчасти празднество, происходившее во Псковѣ еще въ XVI столѣтіи въ ночь на день св. Іоанна Предтечи. Пѣсни и пляски, которыми открывалось тамъ игрище, кончались дѣйствіями, въ которыхъ порицатели видѣли паденіе му-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 279, 1505: „еще прежде того великаго праздника, исходятъ огавницы мужіе и жены, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищущи смертныя травы и привѣ то чрева... Туже и дѣвія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творятъ дѣйствомъ діяволимъ въ день Предетечевъ, съ приговоры сотонинскими».

[2]) *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, 1274 г.: „Се слышахомъ: въ суботу вечеръ собираются мужи и жены вкупѣ и іграютъ безстудно и скверну дѣютъ. внощъ святаго воскресенія. яко діонисовъ праздникъ празднуютъ нечестивии еллини вкупѣ, мужи и жены, яко и кони вискаютъ и ржутъ и скверну дѣютъ".

жей и отроковъ, оскверненіе замужнихъ женщинъ и растлѣніе дѣвицъ [1]). Наравнѣ съ игрищами, служившими остатками языческихъ праздниковъ, церковные пастыри находили основаніе возставать и противъ другихъ языческихъ новгородскихъ обычаевъ, въ особенности же противъ обычая „бить бочки". Г. Костомаровъ полагаетъ, что подъ этими словами разумѣется народная игра попадать въ бочки, употребительная у Хорутанъ и до сихъ поръ [2]). Почтенный изслѣдователь новгородской старины однако ошибается. Подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовленія прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро именно при приготовленіи пива, меду и квасу дѣло доходило до извѣстнаго, важнаго въ производствѣ термина, какъ напримѣръ, до сливанія, то окружавшіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ и божка кваса. Противъ этого-то величанія пьянства и возставали духовные пастыри, и сколько мы знаемъ, не совсѣмъ безуспѣшно. По крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1358 году Новгородцы постановили рѣшеніе не бить далѣе бочекъ [3]). Поводомъ къ такому стремленію послужило, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ порицаніе противъ этого обычая со стороны представителей церкви. Но уничтоженный въ самомъ Новгородѣ, обычай этотъ продолжалъ жить, вѣроятно, въ его областяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Русской земли еще въ XVI столѣтіи и былъ причиною новыхъ обличеній со стороны церкви [4]).

Слабость сознанія началъ христіанской религіи препятствовала Новгородцамъ быть ревностными распространителями христіанства въ областяхъ, подчиненныхъ ихъ вліянію. Но за то, въ сравненіи съ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 279, 1505 г.: «ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, такоже есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе».

[2]) Сѣверно-русск. Народопр., II, 161.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 63, 1358 г.: „Того же лѣта цѣловаша бочекъ не бити". Ср. Никон., лѣтоп. III, 211.

[4]) Стоглавъ, гл. 93, стр. 397: „и надъ дельями сирѣчь надъ бочками и корчагами квасъ призывающе и грохочюще". Тамъ же, стр. 399: „егда же вино топчютъ или егда вино въ сосуды преливаютъ или иное кое питіе сливаютъ. гласованіе и вопль велій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести. еллинскаго бога Диониса пьянству учителя призываютъ. и гласящи великимъ гласомъ квасъ призываютъ и вкусъ услаждаютъ и пьянство величаютъ".

своими ближайшими сосѣдями и соперниками по дѣлу распространенія христіанства, Нѣмцами и Шведами, они отличались другимъ важнымъ качествомъ. По словамъ самого нѣмецкаго лѣтописца, дѣло обращенія въ христіанство язычниковъ Ливоніи было слѣдствіемъ безчисленныхъ войнъ, религіозное просвѣщеніе слѣдовало тамъ не иначе какъ по пятамъ за оружіемъ, главнымъ двигателемъ былъ „страхъ Божій", то-есть, опасеніе язычниковъ за сохраненіе своего существованія [1]). Напротивъ того, по отзыву того же лѣтописца, Русскіе князья заботились главнымъ образомъ о простомъ подчиненіи сосѣдей своей власти, о полученіи съ нихъ дани, ни мало не хлопоча о насильственномъ принужденіи ихъ къ принятію христіанской вѣры [2]). Этимъ качествомъ, порицаемымъ въ Русскихъ князьяхъ нѣмецкимъ лѣтописцемъ, были одарены щедро и Новгородцы. Между тѣмъ какъ Шведы, недовольные своею просвѣтительною дѣятельностью между язычниками, предпринимали подъ руководствомъ Магнуса крестовый походъ противъ самаго Великаго Новгорода,—въ то время Новгородцы умѣли жить мирно съ латинскою вѣрою даже въ своихъ собственныхъ стѣнахъ. Не только иновѣрцы пользовались въ вольномъ городѣ безпрепятственно правомъ свободнаго богослуженія, но и сами Новгородцы обращались иногда къ нимъ за исполненіемъ церковныхъ требъ: матери, напримѣръ, носили своихъ дѣтей крестить вмѣсто православнаго къ варяжскому, то-есть, къ римско-католическому священнику [3]). Только впослѣдствіи, какъ показываетъ легенда о построеніи варяжской божницы, возникло мнѣніе, порицавшее Новгородцевъ за допущеніе свободы вѣроисповѣданія для римскихъ католиковъ; но это фактическое мнѣніе было слишкомъ безсильно, чтобы поколебать уже прочно установившуюся въ жизни терпимость къ иновѣрцамъ [4]). Точно такая же снисходительность управляла дѣйствіями Новгородцевъ и въ отношеніяхъ ихъ къ религіи подчинен-

---

[1]) Script. Rer. Livon., I, 94, 1205. Тамъ же I, 106, 1206: «Et merito post bella doctrina sequitur theologica, cum eodem tempore, post bella omnia praedicta, conversa et baptizata sit tota Livonia. Nam post discessum regis Ruthenorum cum exercitu suo, invasit timor dei Livones per universam Livoniam».

[2]) Script. Rer. Livon., I, 166, 1212 г.: «Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcunque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subiicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare».

[3]) *Калайдовичъ*, Памятн. XII в.: «А оже се носили къ варяжескому попу дѣти на молитву?»

[4]) Пам. Ст. Рус. Лит., I, 251—252.

ныхъ имъ язычниковъ. Какъ ни важно было обращеніе послѣднихъ въ христіанскую вѣру для прочнѣйшаго утвержденія надъ ними власти Великаго Новгорода, мы не встрѣчаемъ однако въ послѣднемъ почти никакого вмѣшательства ни правительства, ни церковной власти въ дѣло распространенія христіанства. Единственнымъ примѣромъ вмѣшательства могло бы служить крещеніе Корѣлы, совершенное въ 1227 году Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ [1]). Но и здѣсь фактъ вмѣшательства былъ обусловленъ не столько собственными побужденіями Новгородцевъ, сколько давленіемъ извнѣ. Пользуясь крещеніемъ финскихъ народцевъ, какъ средствомъ къ подчиненію ихъ своей власти, Шведы старались поэтому распространить крещеніе огнемъ и мечемъ и на подвластныхъ Великому Новгороду Финновъ, въ томъ числѣ и на Корѣлу, въ надеждѣ тѣмъ легче исторгнуть ее изъ-подъ власти послѣдняго. Естественно поэтому, что и Новгородцы, для предупрежденія враждебнаго движенія, должны были прибѣгнуть къ тому же средству утвержденія своего владычества надъ подчиненными, то-есть, къ крещенію и дѣйствительно воспользовались имъ не безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ въ послѣдующее время остался безъ подражаній. Даже дальнѣйшее обращеніе Корѣлъ шло совершенно естественнымъ путемъ, совершалось единственно усиліями Соловецкихъ подвижниковъ [2]).

Благодаря религіозной терпимости, которою характеризовалась новгородская жизнь, обращеніе въ христіанство населенія Новгородскихъ областей представляло, въ сравненіи съ обращеніемъ самихъ Новгородцевъ, еще болѣе медленный историческій процессъ, не завершившійся даже во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Можно даже сказать, что это было не столько распространеніе, сколько естественный, совершенно самородный ростъ христіанства, такъ какъ главную роль при этомъ играли не

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 427, 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крести множество Корѣлъ, мало не всѣ люди». П. С. Р. Л., III, 79, 1339 г.: «А сихъ (Новгородскихъ Корѣлъ) не выдадимъ, крещены суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталося, а то вси понроша словомъ Божіимъ».

[2]) Архим. *Досиѳея* Описан. Солов. мон., I, 53. Сборникъ грам. Солов. мон., № 5: «Се азъ Ѳедоръ Ивановъ, воевода Каянскія рати, и подвойскіе Олореей и Ѳедоръ, и Новгородцы, и дѣти Корѣльскія, Вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Каянская, что ходили есьмя на Ію рѣку, за обиду дѣтей Корѣльскихъ, и на войнѣ своей дали есьмя колоколъ св. Спасу на Соловки».

столько сознательныя стремленія Новгородцевъ, сколько безсознательные факторы въ родѣ возростанія сношеній Новгорода съ окрестнымъ населеніемъ и расширенія новгородской колонизаціи въ области, населенныя не славянскими племенами. Эти факторы опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ и самое направленіе распространенія христіанства. Тѣ Новгородскія области, въ которыхъ колонизаціонное движеніе шло особенно сильно, были вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе и прочнѣе другихъ обращаемы и въ христіанство. Къ числу такихъ областей нужно отнести сѣверо-восточную Новгородскую окраину, такъ какъ туда не только направлялась преимущественно новгородская колонизація, но и не встрѣчала тамъ никакихъ препятствій и даже была поддерживаема одновременною колонизаціей изъ другихъ земель древней Руси. Вслѣдствіе незамѣтности процесса колонизаціи, невозможно опредѣлить всѣ моменты постепеннаго обращенія въ христіанство сѣверо-восточнаго края; но изъ юридическихъ актовъ XIV столѣтія не трудно усмотрѣть, что въ это время Двинская земля носила уже несомнѣнный христіанскій характеръ [1]). Христіанство если и оставалось въ этотъ вѣкъ чуждымъ какой-либо изъ сѣверо-восточныхъ областей, такъ это развѣ только Югрѣ, да и то потому, что Югра была не столько новгородскимъ владѣніемъ, сколько самостоятельною землей, обязанною Новгороду только данью. Въ менѣе счастливыхъ условіяхъ находилась западная новгородская окраина, такъ какъ тутъ колонизація не только была значительно слабѣе, но и встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны Германскаго племени. Въ ближайшихъ земляхъ однако и здѣсь замѣчаются ясные слѣды постепеннаго распространенія христіанства. Такъ извѣстно, что Псковичи еще въ началѣ XIII столѣтія обратили въ христіанство Эстовъ изъ окрестностней Толовы [2]) Положимъ, что Псковичамъ не удалось не только удержать Эстовъ въ греческой вѣрѣ, но даже и сохранить за собою обладаніе ихъ землею; угнетаемые съ запада

---

[1]) А. Ю., 145, 1452 г.: «Се дасть посадникъ В. Новгорода Василей Степановичь въ домъ св. Іоанна Богослова, во общей монастырь, на Пѣнешку».. Тамъ же, стр. 431, XV в.: «А что отцына моя на Кокшенгѣ, у св. Ѳедора, по церьковной сторонѣ».. Тамъ же, стр. 473, XV в.: «Се азъ... игуменъ Василій далъ есмъ въ домъ св. Николи въ Чюхченему» (на Двинѣ). Но были мѣстности, которыя до конца новгородской самобытности оставались въ язычествѣ. Такъ въ А. А., 8, I, 72, № 93, 1471 г., читаемъ: «И на Суру на поганую».

[2]) Script. Rer. Livon., I, 118, 1208 г.: «Nam Ruthani (de Plescekowe) eorum tempore venerunt baptizantes Lettigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios».

крестившими огнемъ и мечемъ Нѣмцами и не поддерживаемые должнымъ образомъ Новгородцами, Эсты принуждены были перейдти въ католичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признать владычество Нѣмцевъ [1]). Но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ несомнѣнно показываетъ, что религіозная проповѣдь достигла въ XIII столѣтіи уже самыхъ крайнихъ пунктовъ Новгородскихъ владѣній на западѣ. Но чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться отсюда къ сѣверу, тѣмъ распространеніе христіанства будетъ представляться слабѣе. Правда, въ Корѣлѣ собственно, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, христіанство утвердилось, какъ мы уже показали, въ 1227 году. Но въ Ижорѣ, другой вѣтви племени Корѣлы, жившей нѣсколько южнѣе первой, оно начало появляться только около половины XIII столѣтія. Такъ лѣтопись сообщаетъ намъ, что хотя въ 1240 году одинъ изъ старѣйшинъ Ижорской земли былъ уже христіаниномъ, но тѣмъ не менѣе родъ его еще пребывалъ во мракѣ язычества [2]); что же касается до остальныхъ мѣстностей западной окраины, лежавшихъ къ сѣверу отъ Ижоры и Корѣлы, то тамъ слабости колонизаціи соотвѣтствовало почти полное отсутствіе христіанства. Такъ извѣстно, что къ числу новгородскихъ владѣній относились области, прилегавшія съ запада и съ сѣвера къ Бѣлому морю, но благодаря слабымъ сношеніямъ ихъ съ Новгородомъ, мы не видимъ тамъ христіанства во все время самобытнаго существованія Новгорода. Лопь, финскій народецъ, занимавшій западные берега Бѣлаго моря (новгородское владѣніе Тре) была, напримѣръ, крещена только въ XVI вѣкѣ Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ [3]).

Подобно тому какъ въ самомъ Новгородѣ христіанство долгое время оставалось чисто внѣшнимъ, такъ точно, и притомъ еще въ

---

[1]) Script. Rer. Livon.. I, 1214 г.: «Et venerunt ad eum ibidem filii Tholibaldi de Tholova... tradentes se in potestatem episcopi, promittentes, se fidem Christianam a Ruthenis susceptam in Latinorum consuetudinem commutari... Et recepit eas episcopus cum gaudio, remittens cum eis sacerdotem suum... Ср. такъ же, I, 202, 1216 г.

[2]) П. С. Р. Л., V, 178, 1240: «Бѣ нѣкто мужь старѣйшина въ земли Ижерьской,именемъ Пелгусій... и въспріятъ святое крещеніе и живяше посредѣ рода своего погана суща»...

[3]) П. С. Р. Л., VI, 282, 1526 г.: «И государь князь великій велѣлъ послати... архіеп. Макарію изъ Новагорода отъ соборныя церкви священника и діякона; и они ѣхавше... многихъ Лопляпъ («съ моря окіяна, изъ Кандолашской губы, усть Невы рѣки, изъ дикой Лопи») крестиша». Подобнымъ образомъ, какъ показываетъ П. С. Р. Л., VI, 289, были крещены въ 1532 г. Лопляне «съ Мурманскаго берега, съ Колы рѣки, съ Тутоломи»...

гораздо большей степени внѣшнимъ характеромъ христіанство отличалось и въ Новгородскихъ областяхъ. Причина такой разницы заключалась не столько въ религіозныхъ, сколько въ національныхъ условіяхъ. Религіозное развитіе Финскаго племени, населявшаго въ значительной долѣ Новгородскія области, было само по себѣ слишкомъ слабо, чтобъ одно могло долго оспаривать у христіанства владычество надъ умами: у Финновъ, также какъ и у Русскихъ Славянъ, не было ни храмовъ, ни жрецовъ. Но слабость религіознаго развитія возмѣщалась отчасти въ финскихъ областяхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что христіанству приходилось бороться тутъ не только съ древними вѣрованіями, но и съ національнымъ самосохраненіемъ. Принятіе христіанскаго вѣроисповѣданія съ его славянскимъ богослужебнымъ языкомъ было для Финновъ равнозначительно съ потерею національнаго существованія, а потому самому и противодѣйствію, которое они оказывали религіозному перевороту, необходимо должно было стать если не гораздо сильнѣе, то во всякомъ случаѣ гораздо упорнѣе. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ въ собственно новгородскихъ владѣніяхъ глохли мало по малу всякіе слѣды язычества, въ тоже время въ финскихъ областяхъ дѣло христіанства какъ бы совсѣмъ не подвигалось впередъ. Тамъ скорѣе замѣчается противоположное движеніе. По мѣрѣ теченія именно исторической жизни впередъ, христіанство у Финновъ все болѣе и болѣе слабѣло, такъ что къ концу независимаго существованія Новгорода въ нѣкоторыхъ финскихъ областяхъ оно было почти совершенно забыто. Такое явленіе обнаруживается въ началѣ XVI столѣтія въ сѣверныхъ частяхъ Вотской пятины, населенной Ижорой, а также въ Корѣлѣ и смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. Населеніе этихъ областей уже давно было ознакомлено съ истинами христіанскаго ученія, но какъ довѣдался въ 1534 году митрополитъ Макарій, съ теченіемъ времени совсѣмъ перестало держаться ихъ и если не дошло до яснаго разрыва съ христіанствомъ, то только въ томъ, вѣроятно, расчетѣ, чтобы внѣшнимъ признаніемъ послѣдняго пріобрѣсти себѣ полнѣйшее право игнорировать его внутренне. Какъ бы то ни было, только возвращеніе Финновъ этихъ краевъ къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ несомнѣнно. Къ началу XVI вѣка жители указанной мѣстности успѣли уже перезабыть всѣ христіанскіе церковные обряды. Они бросили соблюдать посты, перестали возить мертвыхъ для погребенія къ церквамъ на погосты и носить новорожденныхъ для крещенія по христіанскимъ священникамъ. Вмѣсто того, Финны стали на сторонѣ погребать мертвыхъ

въ селахъ по курганамъ и коломищамъ, а при рожденіяхъ обращались къ своимъ языческимъ руководителямъ, арбуямъ, которые давали новорожденнымъ младенцамъ имена отъ себя, и только затѣмъ уже дѣло доходило до православныхъ священниковъ. Далѣе больше, мы снова видимъ ихъ поклоняющимися языческимъ божествамъ, небеснымъ святиламъ, солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, естественнымъ предметамъ, какъ-то: камнямъ, горамъ, источникамъ, рѣкамъ и озерамъ, и приносящими имъ въ жертву разныхъ животныхъ, воловъ, овецъ и птицъ [1]).

Существуетъ мнѣніе, что христіанство обязано своимъ начальнымъ насажденіемъ на Руси не только Грекамъ, но въ значительной долѣ и болгарскому духовенству. Мнѣніе это основывается на сказаніи Якимовской лѣтописи, сообщающемъ, что не только изъ Болгаріи были присланы въ Русь священники, способные учить народъ новой вѣрѣ на понятномъ ему языкѣ, но что и первые епископы и даже самъ митрополитъ Михаилъ были Болгары и даны Болгарскимъ царемъ Симеономъ. Но это сказаніе есть ни болѣе ни менѣе, какъ ученая догадка, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она такъ полюбилась новѣйшимъ ученымъ, старающимся принимать историческій фактъ не такъ, какъ онъ есть, а съ разнаго рода поясняющими обстоятельствами, которыя облегчили бы для насъ пониманіе дѣла. Мы не имѣемъ надобности разбирать эту догадку вообще; но въ частности, въ отношеніи Великаго Новгорода, должны объявить ее лишенною всякаго основанія. Первоначальное новгородское духо-

---

[1]) Доп. къ А. И., I, 27—28, № 28, 1534 г.: «Здѣсь мнѣ сказывали, что деи въ вашихъ мѣстахъ (П. С. Р. Л., V. 73: «въ Чюди и въ Ижерѣ... и по всему поморію Варяжскаго моря... и во всей Корѣльской земли... и до Лексы рѣки до Лопи до Дикіе») многіе христіане съ женами и съ дѣтьми своими заблудили отъ истинныя христіанскія православныя вѣры... а молятца деи по скверным своимъ молбищомъ древесомъ и каменью, по дѣйству діаволю; и среди деи и пятка и святыхъ постовъ не чтятъ и не хронятъ... и жертву деи и питья жрутъ и піютъ мерскимъ бѣсомъ, и призываютъ деи на тѣ свои скверныя молбища злодѣевыхъ отступникъ арбуевъ Чюдцкыхъ, и мертвыхъ деи своихъ они кладутъ въ селѣхъ по кургановъ и по коломищемъ съ тѣми жъ арбуи, а къ церквамъ деи на погосты своихъ умершихъ онѣ не возатъ съхраняти; также деи у нихъ у которые жены дѣтя родитца, и они деи напередъ къ тѣмъ своимъ родилницамъ призываютъ тѣхъ же скверныхъ арбуевъ и тѣ деи арбуи младенцемъ ихъ имена нарицаютъ своиски, а васъ деи, игуменовъ и священниковъ, онѣ къ тѣмъ своимъ младенцемъ призываютъ послѣ»... См. еще П. С. Р. Л., V, 73, 1534 г. и VI, 296, 1535 г.

венство должно быть считаемо несомнѣнно греческимъ. Первый по преданію Новгородскій епископъ, Іоакимъ, носилъ прозваніе Корсунянина, а это, очевидно, указываетъ не на Болгаръ, а на Грековъ. То же должно замѣтить и объ одномъ изъ послѣдующихъ епископовъ, объ извѣстномъ Нифонтѣ. Греческое происхожденіе Нифонта свидѣтельствуется двумя обстоятельствами. Прежде всего, въ спорѣ съ Кіевскимъ митрополитомъ, Нифонтъ, какъ увидимъ позднѣе, твердо поддерживалъ права Константинопольскаго патріарха. Для опредѣленія происхожденія Нифонта фактъ этотъ весьма важенъ, но къ сожалѣнію, подверженъ нѣкоторому недоразумѣнію: противъ него можно именно возразить, что Нифонтъ, и не будучи Грекомъ, могъ имѣть греческія убѣжденія. Къ счастію, мы имѣемъ другія данныя, которыя показываютъ, какъ слѣдуетъ рѣшить это недоразумѣніе. Когда Нифонтъ оставилъ Новгородскую каѳедру и направился на югъ, то нѣкоторые Новгородцы говорили, что владыка пошелъ въ Царьградъ, ограбивъ св. Софію. Слова эти несомнѣнно показываютъ, что Новгородцы считали Нифонта Грекомъ: иначе они не приписали бы ему намѣренія идти предъ смертью въ Царьградъ [1]). Затѣмъ, еслибы первоначальное новгородское духовенство происходило хотя отчасти изъ Болгаръ, то можно было бы ожидать, что память о немъ выскажется въ позднѣйшее время въ какомъ-либо предпочтеніи болгарскаго духовенства, какъ высшаго, новгородскому туземному. Съ подобнымъ предпочтеніемъ чужаго духовенства мы дѣйствительно встрѣчаемся въ новгородской исторіи, только это предпочтеніе касалось не болгарскаго, а греческаго духовенства. Послѣ утвержденія христіанства, въ Великомъ Новгородѣ именно довольно долго еще существовала партія, которая при замѣщеніи церковныхъ должностей обыкновенно выставляла кандидатовъ изъ Грековъ, обходя членовъ мѣстнаго духовенства. Въ особенности это явленіе замѣчается, когда рѣчь заходила о выборѣ Новгородскаго владыки или Юрьевскаго архимандрита. Сколько мы знаемъ, этой партіи ни разу не удалось провести своего кандидата Гречина на владычное мѣсто въ Новгородѣ; но благодаря ея стараніямъ, одинъ Грекъ все-таки попалъ въ новгородскіе архимандриты [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: „преставися архепискупъ Ниѳонтъ... шьлъ бяше Кыеву противу митрополита, иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Соѳію пошьлъ Царюграду“...

[2]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: „Новогородцы... гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митроѳана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина и бысть ра-

Согласно съ іерархическимъ положеніемъ новгородской христіанской общины, высшее духовенство въ Новгородѣ и въ послѣдующее за крещеніемъ время оставалось если и не непремѣнно греческимъ, то во всякомъ случаѣ пришлымъ. Нельзя того же сказать о низшемъ духовенствѣ. При расширеніи христіанскаго ученія и при увеличеніи потребности въ церковнослужителяхъ, тутъ безъ пособія своихъ мѣстныхъ силъ обойдтись было невозможно. Не трудно догадаться, какимъ обрэзомъ долженъ былъ послѣдовать въ ряды духовенства этотъ приливъ мѣстныхъ силъ. Если князь бралъ отдѣльныхъ индивидовъ для составленія своей дружины и цѣлыя семьи для заселенія вновь построенныхъ городовъ, то отчего было ему не взять людей для удовлетворенія новой общественной потребности, для созданія класса служителей церкви? Но допуская возможность выдѣленія изъ общества людей для удовлетворенія новой религіозной потребности, мы не хотимъ этимъ сказать, что затрудненія при созданіи класса священнослужителей тѣмъ и исчерпывались. Всѣ другія званія того времени не требовали никакого спеціальнаго приготовленія, были легко доступны всѣмъ и каждому. Но этого никакъ нельзя сказать объ обязанностяхъ церковныхъ: исполненіе ихъ не только требовало особеннаго приготовленія, но и было обусловлено знаніемъ грамотности. Естественно поэтому ожидать, что взятые въ обществѣ для приготовленія къ духовному званію люди будутъ отданы предварительно въ обученіе. Дѣйствительно, подобная мѣра и была принята въ Великомъ Новгородѣ Ярославомъ Мудрымъ. Въ пріѣздъ свой въ Новгородъ въ 1030 году онъ взялъ изъ мѣстнаго населенія, частію изъ дѣтей священниковъ, прибывшихъ въ Новгородъ, вѣроятно, еще во время крещенія, частію же изъ среды самихъ Новгородцевъ (отъ старостъ) триста человѣкъ и отдалъ ихъ въ обученіе [1]). Цѣль обученія, какъ мы уже сказали, состояла въ приготовленіи къ священническому званію: этимъ объясняются какъ органы обученія, такъ и

спря въ нихъ"... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: „и рекоша нѣкоторіи князю: есть чьрньць дьяконъ у св. Георгія, именьмъ Спиридонъ, достоинъ есть того; а иніи Осаѳа епископа Володимерьскаго Велыньскаго, а друзіи Грьцина. кого дасть митрополитъ, тотъ намъ отецъ». Тамъ же, III, 42, 1226 г.: „преже своего преставленія, Саватіи (Юрьевскій архимандритъ)... запроша братьѣ своей и всѣхъ Новгородьць: изберѣте себѣ игумена; они же рекоша: въведѣте Грьцина попа св. Константину и Елены".

[1]) П. С. Р. Л., V, 136, 1030: „иде великій князь Ярославъ на Чюдъ и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ; и пріиде къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей учити книгамъ".

самые предметы его. Если князь отдавалъ въ древности людей, предназначенныхъ для занятія духовныхъ мѣстъ, кому-либо въ обученіе, то этими лицами скорѣе всего могли быть сами члены духовнаго званія, священники и причетники. Такъ догадывался уже Татищевъ, и догадка его находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и въ послѣдующее время не только приготовленіе къ духовному званію, но и вообще распространеніе образованія совершалось при помощи лицъ церковныхъ причтовъ, которые, конечно, не слѣдовали никакой однообразной системѣ, а учили какъ каждое знало и умѣло [1]). Что касается до предметовъ обученія, то они состояли не въ чемъ иномъ. какъ въ грамотности и умѣньи отправлять богослуженіе. Для усвоенія ихъ юноши, конечно, одно время должны были учиться, а другое—присутствовать при совершеніи церковныхъ дѣйствій. О послѣднемъ источники прямо не говорятъ, но такой порядокъ естественно возникалъ изъ самой сущности дѣла и подкрѣпляется данными о характерѣ ученія. Извѣстіе о распоряженіи Ярослава опредѣляетъ предметъ обученія словами „книжное ученіе": а подъ этими словами по тому времени нельзя подразумѣвать лично другаго, кромѣ изученія Священнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ настоящее время подъ словомъ книга и разумѣется всякая книга, а подъ словами книжное ученіе — всякое научное обученіе, тѣмъ не менѣе слово книга въ старину имѣло болѣе тѣсный смыслъ, употреблялось, подобно слову Библія—вмѣсто Священнаго Писанія, какъ книги по преимуществу. По крайней мѣрѣ у лѣтописца, въ которомъ и заключается въ этомъ случаѣ вся сила, въ примѣрахъ подобнаго употребленія слова книга нѣтъ недостатка [2]). Такъ при изображеніи обращенія въ христіанство Моравіи лѣтописецъ постоянно употребляетъ слово книга въ указанномъ смыслѣ: „И послѣте", говоритъ онъ, напримѣръ, ны учители, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ"; или: „преложиста псалтирь и охтаикъ и прочая книги"; или наконецъ: „Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло и преложи вся книги исполнь" и. т. п. [3]).

Отношенія, въ которыхъ стоялъ Великій Новгородъ къ Кіеву,

[1]) Россійская Исторія, II, 75—76: „и тако Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священниковъ со причетники въ наученіе книжное".

[2]) *Neumann*, Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorp. 1830, S. 89—103. Разборъ противоположныхъ взглядовъ на мѣру Ярослава будетъ представленъ нами ниже, въ приложеніи III-мъ.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 25, 26, 27, 898 г.

какъ къ разсаднику христіанства по всей Руси, опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и его іерархическое положеніе въ восточной церкви. Подобно тому какъ Русская земля, принявшая крещеніе изъ Византіи, образовала изъ себя несамостоятельную церковь, а только одну изъ митрополій Константинопольскаго патріархата, такъ точно и Великій Новгородъ, получившій христіанство изъ Кіева, чрезъ то самое вошелъ въ число простыхъ епархій, находившихся въ зависимости отъ Кіевскаго митрополита. Главныя условія этой зависимости заключались, съ одной стороны, въ принятіи изъ Кіева церковныхъ властей, а съ другой въ сосредоточеніи верховнаго управленія по дѣламъ Новгородской епархіи въ Кіевѣ, въ рукахъ тамошняго митрополита, носившаго многознаменательный титулъ русскаго первопрестольника и намѣстника Константинопольскаго патріарха. Въ настоящее время врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ фактѣ, что подобно тому, какъ Кіевъ посылалъ въ Новгородъ свѣтскихъ правителей, такъ точно оттуда шли въ Новгородъ и церковныя власти, что Новгородскіе епископы были простыми подручными кіевскаго митрополита. По крайней мѣрѣ лѣтопись представляетъ важныя свидѣтельства, что двое изъ первыхъ Новгородскихъ владыкъ, и притомъ самые извѣстные, Лука Жидята и Нифонтъ, были несомнѣнно присланы изъ Кіева [1]). Сомнѣваться можно только развѣ въ томъ, что вполнѣ ли безусловно Кіевскіе митропотиты пользовались своимъ правомъ поставлять владыкъ въ Новгородъ, что не проявлялось ли со стороны Новгородцевъ уже въ это начальное время нѣкоторое стремленіе къ церковной самостоятельности. Г. Костомаровъ считалъ себя въ правѣ видѣть подобное проявленіе стремленій къ самобытности въ назначеніи Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ себѣ преемника въ епископскомъ званіи въ особѣ нѣкоего Ефрема. Но уже самъ г. Костомаровъ сознается, что въ случаяхъ подобныхъ назначеній уважалось не столько желаніе тѣхъ, кому завѣщалось (то-есть, Новгородцевъ), сколько воля самого завѣщателя [2]). Главное однако, что нужно имѣть при этомъ примѣрѣ въ виду, это то, что Ефремъ совсѣмъ не былъ Новгородскимъ владыкою. Онъ только

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 147, 1036 г.: «иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту»; П. С. Р. Л., III, 6, 1130 г.: «поставиша архіепископа Нифонта... и приде къ Новугороду».

[2]) Сѣверно-русск. народопр., II, 265.

управлялъ Новгородскою епархіей и былъ наставникомъ новообращенной паствы въ періодъ времени отъ смерти епископа Іоакима (1030 г.) до прибытія новаго владыки Луки Жидяты (1036 г.), самъ же никогда не былъ посвящаемъ въ епископы и потому никакъ не можетъ быть приводимъ, какъ доказательство существованія въ Новгородѣ стремленій къ церковной самобытности уже въ первоначальное время [1]).

Еще менѣе можно сомнѣваться въ правѣ Кіевскаго митрополита на верховный надзоръ надъ дѣлами Новгородской епархіи, тѣмъ болѣе, что во все послѣдующее время новгородской жизни, даже въ періодъ ея наибольшей самостоятельности, это право на надзоръ никогда вполнѣ не забывалось. Надзоръ Кіевскаго митрополита надъ дѣлами Новгородской епархіи выражался въ двухъ формахъ. Съ одной стороны, Кіевскій митрополитъ, какъ верховный глава всей Русской церкви, могъ въ числѣ прочихъ епархій посѣщать и Новгородскую, чтобъ имѣть возможность убѣдиться лично въ степени ея благосостоянія. И, хотя въ виду того обстоятельства, что Новгородская святительская каѳедра была замѣщена обыкновенно его же собственнымъ довѣреннымъ лицомъ, митрополитъ и могъ пользоваться своимъ правомъ посѣщенія очень рѣдко; тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что онъ не прибѣгалъ къ нему никогда [2]). Съ другой стороны, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо церковныхъ надобностей, митрополитъ могъ призывать Новгородскихъ епископовъ къ себѣ въ Кіевъ, и сколько мы знаемъ, пользовался этимъ правомъ, сравнительно съ первымъ, гораздо чаще. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно не мало случаевъ пребыванія въ Кіевѣ Новгородскихъ владыкъ, которые могутъ быть удовлетворительно объяснены не иначе, какъ призваніемъ со стороны митрополита. Такъ, владыка Новгородскій Стефанъ былъ, какъ извѣстно, удавленъ въ Кіевѣ въ 1068 году своими собствен-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 179; тамъ же, III, 210, 1030 г.: «и бѣ въ его (Іоакима) мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, «понеже Руская земля вновѣ крестися», чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли бъ; сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися».

[2]) П. С. Р. Л., III, 6, 1134 г.: «Я иде Исаія игуменъ съ ломъ Кыеву; приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ Новугороду... и пустиша митрополита Кыеву... а на Суждаль идуце не пустиша его, а онъ мълвяше имъ: не ходите, мене Богъ послушаеть».

ными холопами; епископъ Германъ умеръ тамъ же въ 1036 году [1]). Въ большей части случаевъ пребыванія Новгородскихъ владыкъ въ Кіевѣ цѣлью призванія служила, по всей вѣроятности, потребность въ соглашеніи на счетъ административныхъ мѣръ, въ которыхъ нуждалась Русская церковь. Но нерѣдко однако Новгородскіе владыки призывались въ Кіевъ и для суда, и здѣсь-то первопрестольники Русской церкви давали знать Великому Новгороду все значеніе своей власти. Такъ уже одинъ изъ первыхъ Новгородскихъ епископовъ, извѣстный своимъ поученіемъ Лука Жидята, былъ призванъ въ 1055 году въ Кіевъ вслѣдствіе доноса холопа Дудики, судимъ тамъ митрополитомъ Ефремомъ, осужденъ на заключеніе и только по прошествіи трехъ лѣтъ отпущенъ въ Новгородъ, гдѣ и поспѣшилъ жестоко расправиться съ своимъ доносчикомъ [2]). Одинаковую участь съ Лукой Жидятой испыталъ и другой Новгородскій епископъ, извѣстный уже намъ Нифонтъ. И ему пришлось, какъ увидимъ впослѣдствіи, узнать силу пастырской власти Кіевскаго митрополита и поплатиться продолжительнымъ заключеніемъ въ Кіевѣ за свою попытку противодѣйствія главѣ Русской церкви.

Кругъ вѣдомства, которымъ подъ надзоромъ Кіевскаго митрополита пользовался Новгородскій епископъ, отличался тѣми же особенностями, которыя вообще были свойственны церковной власти на Руси, какъ результатъ взаимодѣйствія византійской жизни и русской. Принесенная вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи, церковь Русская естественно должна принять Византію же въ образецъ при опредѣленіи своей внутренней сферы дѣйствія. Но такъ какъ, съ другой стороны, положеніе Византіи существенно отличалось отъ положенія, въ которомъ находилась Россія при началѣ своего историческаго поприща, то понятно, что церковь никакъ не могла остаться на Руси вполнѣ вѣрною своему византійскому образцу. Въ Византіи существовала уже издавна вполнѣ организованная гражданская власть, которая зорко слѣдила за всѣмъ, что касалось ея интересовъ, и между прочимъ, полагала предѣлъ и всякому чрезмѣрному вторженію церкви

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 179, 1061 г.: «Поставленъ бысть епископъ Новуграду Стефанъ, и въ Кіевѣ свои холопи удавиша его; бысть во епископіи 8 лѣтъ»; тамъ же, III, 179, 1078 г.: «Поставленъ бысть епископъ Германъ и преставися въ Кіевѣ».

[2]) П. С. Р., Л., III, 122, 1055 г.: «Клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики и изиде изъ Новагорода и иде къ Кіеву; и осуди митрополитъ Ефремъ и пребысть тамо три лѣта. Тамъ же, III, 122, 1058 г.

въ гражданскую область. Совсѣмъ другое мы видимъ въ древней Руси. Здѣсь гражданская (княжеская) власть отличалась крайнею слабостью и далеко не сознавала еще всѣхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Вслѣдствіе того нѣтъ ничего удивительнаго, что при опредѣленія сферы своей власти, церковь на Руси нарушала нерѣдко границу, отдѣляющую церковную область отъ государственной, предъявляла притязанія на такія отрасли, которыя составляютъ необходимую принадлежность гражданскаго вѣдомства, и успѣвала добиться признанія ихъ за собою если и не сразу, то по крайней мѣрѣ постепенно. Такое вторженіе церкви въ гражданскую область замѣчается на Руси какъ при опредѣленіи круга дѣлъ, такъ и круга лицъ, подвѣдомственныхъ церковной власти. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ опоры въ каноническомъ правѣ могла претендовать на предоставленіе въ ея вѣдѣніе преступленій противъ христіанскаго ученія, какъ-то: отправленія языческихъ обрядовъ, волхвованія и еретичества, а также преступленій противъ святости и ненарушимости храмовъ, какъ напримѣръ, святотатства и ограбленія мертвыхъ, равно какъ и нарушеній чистоты нравовъ, какъ напримѣръ, вступленія въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и похищенія женъ. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ правѣ постановленій, касавшихся семейнаго и наслѣдственнаго права, въ родѣ нарушенія святости власти родительской, тяжбы между мужемъ и женой объ имѣніи и споровъ между дѣтьми и братьями умершаго о наслѣдствѣ. Всѣ эти дѣла присвоивались церковью на Руси отнюдь не въ силу каноническаго права, а единственно вслѣдствіе слабости княжеской власти [1]). То же должно быть сказано и о кругѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ канонискаго основанія могла претендовать на подчиненіе себѣ лицъ духовнаго званія и богоугодныхъ заведеній. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ законодательствѣ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ церковь на Руси считала подлежащими своей власти.

---

[1]) *Макарій*, Ист. Русск. Ц., II, 381—382: «А се суды церковныя (говоритъ церковный уставъ Новгородскаго князя Всеволода): роспуски, смильное, заставаніе, умычка, пошибальное, промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ; въ племени или въ сватовствѣ поймутся, повторы, чародѣяніе, волхованіе, вѣдство, зелейничество, зубоѣжа; уреканія три — блядиею, зеліи, еретичествомъ; отецъ или мати біетъ сынъ или дощч, или сноха свекровь; братія или дѣти тяжутся о задницѣ; церковная татьба... или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи, или у воды»...

Паломникъ, сторонникъ, свѣщегасъ, вдовица, пущенникъ, задушный человѣкъ, слѣпецъ, хромецъ, въ ней подлежали въ Византіи не церковной власти, а мірской [1]).

Если въ іерархическомъ отношеніи Новгородская епархія зависѣла отъ Кіевскаго митрополита, то въ матеріальной части она находилась въ подобной же зависимости отъ Кіевскаго великаго князя, открывавшей послѣднему значительный просторъ на ходъ новгородскихъ церковныхъ дѣлъ. Своимъ водвореніемъ въ Новгородѣ христіанство еще болѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, было обязано почину князей, а потому естественно, что по крайней мѣрѣ въ первое время на нихъ же должна была пасть и забота о содержаніи новгородскаго духовенства. Такая обязанность была тѣмъ осуществимѣе, что церквей въ первоначальное время было еще слишкомъ мало, и что, слѣдовательно, заботиться приходилось главнымъ образомъ о доставленіи доходовъ епископской каѳедрѣ. А на этотъ предметъ было достаточно частію тѣхъ пошлинъ, которыя по характеру времени шли въ пользу владыкъ съ церковнаго управленія и суда, частію же десятины, которая, по примѣру Кіева, была введена и въ Новгородѣ. Происхожденіе церковной десятины на Руси неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, она представляла собою явленіе, совершенно отличное отъ того, что̀ разумѣлось подъ десятиной въ западной церкви. Противоположно западу, десятина обозначала на Руси не десятую часть доходовъ, которые получало отъ своихъ занятій русское народонаселеніе, а только десятую часть доходовъ, которые шли въ пользу князя, какъ принадлежность его званія. Но даже и въ этой формѣ отдѣленіе десятины въ пользу церкви не совершалось само собою, а обусловливалось еще предварительно соглашеніемъ между княземъ и духовенствомъ. Въ особенности требовалъ соглашенія размѣръ десятины. Правда, духовенство склонно было смотрѣть на десятину, какъ на десятую часть всѣхъ княжескихъ доходовъ, и сообразно съ этимъ формулировало свои притязанія. Такъ какъ именно княжескіе доходы въ древней Руси состояли частію въ даняхъ, собираемыхъ съ жителей подвѣдомственныхъ имъ областей, частію же въ пошлинахъ, торговыхъ и судеб-

[1]) *Макарій*, Ист. Русск. Ц., II, 382—383: «А се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ клыросѣ: попадья, чернецъ, черница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ... монастыреве, больницы, гостинницы страннопріимницы»....

ныхъ или штрафахъ за разныя преступленія, то и стремленія духовенства клонились къ полученію отъ князя десятины со всѣхъ трехъ источниковъ его дохода, или иначе десятины отъ дани, десятины отъ варъ и продажъ (десятой вѣкши) и десятины отъ торгу (десятой недѣли) [1]). Дѣйствительность однако, особенно въ началѣ, мало соотвѣтствовала этимъ притязаніямъ. Князья совсѣмъ не такъ легко разставались съ своими доходами, какъ было желательно духовенству, и не только ограничивали размѣръ десятины однимъ какимъ-либо отдѣломъ своихъ доходовъ, но даже и въ этомъ отдѣлѣ исключали въ свою пользу извѣстныя статьи. Такъ, въ Смоленскѣ, который даже могъ похвастать щедростью своего десятиннаго устава, изъ десятины не только были исключены совсѣмъ судебныя пошлины, но даже и между данями была статья (полюдье), съ которой церкви не предоставлено было права брать десятину [2]). Въ сравненіи съ Смоленскомъ Великій Новгородъ представляетъ совершенно противоположное явленіе. Сколько можно судить по собственнымъ новгородскимъ уставамъ о церковной десятинѣ, тамъ размѣръ десятинѣ ограниченъ былъ вначалѣ всего одною десятою частью отъ ежегодной суммы судебныхъ штрафовъ, а о десятинѣ отъ даней и торгу совсѣмъ не было даже и помину [3]).

Церковная десятина, какъ она была установлена первоначально въ Новгородѣ, весьма мало соотвѣтствовала желаніямъ Новгородскихъ

---

[1]) Доп. къ А. И., LXI, стр. 1: «Создахъ (говоритъ — по словамъ церковнаго устава — Владиміръ Святой) церковь св. Богородица десятиньную и дахъ ей десятину по всей земли Русьской ис княженія въ сборную церковь, отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а не торгоу десятую недѣлю, а из домовъ на вся лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита»...

[2]) Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «И се даю св. Богородица и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сладитъ истыхъ купъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья»... Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ основнымъ положеніемъ находится слѣдующее мѣсто того же устава (стр. 6): «На Путтинѣ присно платятъ 4 гривны, Бѣница 2 гривны, корчмити 4½ гривны, Дѣдича и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того св. Богородици и епископу 3 гривны безъ семи ногатъ». Но противорѣчіе это только кажущееся. Со всѣхъ указанныхъ мѣстностей княжескихъ доходовъ сходилось 32½ гривны; десятины съ нихъ слѣдовало бы 3¼ гривны; а между тѣмъ десятина означена 3 гривнами безъ 7 почать: ясно, слѣдовательно, что вира тутъ исключена изъ счисленія.

[3]) *Макарія*, Ист. Рус. Ц., VI, 383: «а съ суди давати девять частей князю, а десятую (гласитъ уставъ Всеволода) св. Софѣи за княжу душу».

владыкъ, ихъ идеалу настоящей десятины. Она не только не отличалась надлежащею полнотой, не заключала въ себѣ десятины отъ княжескихъ даней, но и не чужда была нѣкотораго колебанія. Княжескіе доходы, съ которыхъ получалась десятина на Руси, представляли вообще не постоянную, а крайне перемѣнную величину. При всякомъ измѣненіи въ численности народонаселенія и въ количествѣ преступленій, необходимо измѣнялась и цифра княжескихъ доходовъ. А такъ какъ десятина понималась въ древности дѣйствительно, какъ десятая часть княжескихъ доходовъ, то колебаніе распространялось и на нее, вслѣдствіе чего возникала необходимость производить ежегодно новое отчисленіе [1]). Но постоянное повтореніе процесса отчисленія уже само по себѣ не могло не быть обременительнымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Къ тому же при всякомъ невыгодномъ для себя оборотѣ дѣлъ, при всякомъ сокращеніи десятины или обманѣ въ расчетахъ на ея увеличеніе, владѣтели могли приписывать неблагопріятный результатъ не случайнымъ условіямъ, а намѣренному неблаговоленію князей. Но какъ бы ни мало отвѣчала десятина въ Новгородѣ желаніямъ тамошняго духовенства, объ измѣненіяхъ въ ней не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока назначеніе ея зависѣло отъ Кіева. Совсѣмъ иной видъ получило дѣло, коль скоро, съ увеличеніемъ самобытности Новгорода, новгородскіе правители изъ кіевскихъ послушниковъ сдѣлались мѣстными князьями. Мѣстные князья уже по самому своему характеру должны были гораздо ближе принимать къ сердцу интересы новгородскаго духовенства. Но къ этому присоединилось еще одно случайное обстоятельство, которое не мало подвинуло вопросъ о десятинѣ къ рѣшенію въ желательномъ для Новгородскихъ владыкъ смыслѣ. Одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ Новгородскихъ князей, Святославъ, вопреки запрещенію владыки Нифонта, сочетался въ Новгородѣ при помощи своего домашняго клира какимъ-то незаконнымъ бракомъ и тѣмъ подалъ владыкѣ основательный поводъ къ недовольству [2]). Нужно было какъ-либо поправить дѣло, смягчить неудовольство владыки, а для этой цѣли измѣреніе десятины въ выгоднѣйшемъ для церкви смыслѣ представляло самое вѣрное средство. Святославъ такъ и сдѣлалъ. По соглашенію съ Нифонтомъ, онъ далъ Новгородской церкви въ 1137 году новый

[1]) Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «а въ тѣхъ погостехъ», говоритъ Смоленскій уставъ,—«а нѣкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудетъ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 7, 1136 г.

уставъ о десятинѣ. По этому уставу десятина отъ виръ и продажъ была замѣнена опредѣленною ежегодною суммой въ пользу владыки, совершенно независимою отъ измѣнчивой цифры судебныхъ княжескихъ доходовъ. Сумму эту составляли сто гривенъ кунъ, которыя было предоставлено получать владыкѣ изъ денегъ, шедшихъ въ руки князя изъ Онѣги [1]); въ случаѣ недостачи послѣднихъ, владыка могъ требовать восполненія изъ княжеской казны. Но кромѣ этой замѣны, являвшейся только средствомъ облегченія выдачи десятины, уставъ Святослава вводилъ въ доходы владыки и совершенно новую статью. Статьей этою была десятина изъ даней, которыя шли въ княжескую казну изъ Онѣги. Уставъ Святослава опредѣлилъ именно, сколько каждая изъ сѣверныхъ Новгородскихъ мѣстностей, платившихъ дань князю, должна была ежегодно среднимъ числомъ отдѣлять деньгами или естественными произведеніями и десятину Новгородскому владыкѣ [2]). Послѣдующіе же классы распространили пожалованіе Святослава и на другіе края Новгородской земли, которые платили дань князю, а именно на Обонѣжье и на Бѣжецкій рядъ [3]).

Складывая въ одно цѣлое оба вида владычной десятины, Карамзинъ пришелъ къ убѣжденію, что общая цифра выдачи изъ доходовъ въ Новгородѣ простиралась до 250 гривенъ кунъ [4]). Но этотъ результатъ, долго повторявшійся въ нашихъ историческихъ трудахъ, одобряется однако не всѣми позднѣйшими историками. Г. Прилежаевъ,

---

[1]) *Русск. Достоп.*, I, 83, 1137 г.: «А здѣ в Новѣгородѣ что есть десятина, от даний, обрѣтохъ уряжено преже мене бывъшими князи, толико от виръ и продажь десятины зьрѣлъ, олико дьнии въ руцѣ княжии въ клѣть его. Нужа же бише пискупу, нужа же князю въ томь, въ десятои части Божии. Того дѣля уставилъ есмь святой Софьи, ать емлеть пискупъ, за десятину от виръ и продажь 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не будеть полна ста у Домажирича, а осмь десять выдасть, а дополнокъ възметь 20 гривенъ у князя исъ клѣти».

[2]) *Рус. Достоп.*, I, 83—84, 1137 г.: «Урядилъ есмь азъ святѣй Софии и написалъ Никола князь Новгородьскыи Святославъ: во Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ 2 сорочка, на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочька, на Ивани погостѣ с даромъ 3 сорочькы... у Еми скора, а на мори отъ Чрена и отъ Салгы по пузу, у Тудора сорочекъ».

[3]) *Русск. Достоп.*, I, 84: «Асе Об-Онѣзьскыи рядъ: во Олонци 3 гривны»... Тамъ же, I, 85: «А се Бѣжичьскыи рядъ: въ Бѣжичихъ 6 гривенъ»... Разборъ противоположныхъ воззрѣній на первоначальное сличеніе и послѣдующія измѣненія новгородской десятины см. въ приложеніи IV.

[4]) Ист. Гос. Росс., II, прим. 267.

одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о новгородской церковной десятинѣ, находитъ, напримѣръ, цифру Карамзина слишкомъ низкою. Но основанія, которыми онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе, не довольно убѣдительны. Г. Прилежаевъ полагаетъ именно, что Святославовъ уставъ не можетъ дать намъ настоящаго понятія о полной суммѣ доходовъ Новгородскаго владыки, такъ какъ онъ дошелъ до насъ безъ конца [1]). Почтенный изслѣдователь однако ошибается. Уставъ Святослава дошелъ до насъ не только въ полномъ видѣ, но, какъ мы уже замѣтили выше, и съ прибавленіями, занесенными въ него, очевидно, въ послѣдующее время, а въ такомъ случаѣ объ отсутствіи конца устава и вытекающей отсюда низкости цифры Карамзина не можетъ быть и рѣчи [2]). Да и дѣйствительно, цифра, добытая Карамзинымъ, если и возбуждаетъ какое-либо сомнѣніе, то скорѣе всего своею излишнею высотою. Вмѣсто 250 гривенъ кунъ, принимаемыхъ Карамзинымъ, на долю Нижегородскаго владыки по уставу Святослава и его прибавленіямъ врядъ ли приходилось больше 200 гривенъ. Прежде всего, цифра, принятая Карамзинымъ, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ только круглая цифра, превышающая, даже по собственному разчету исторіографа, настоящую цифру владычныхъ доходовъ почти на цѣлыхъ 30 гривенъ. Въ самомъ дѣлѣ, по уставу Святослава и его прибавленіямъ, кромѣ 100 гривенъ кунъ, замѣнившихъ десятину отъ виръ и продажъ, въ пользу владыки вмѣстѣ со священникомъ шло гривнами кунъ 51 гривна слишкомъ, а сорочками — $43^1/_2$ сорочки, всего, слѣдовательно, 151 гривна кунъ и $43^1/_2$ сорочки. Далѣе. Разумѣя подъ сорочками вмѣстѣ съ Карамзинымъ сорочки кунъ и полагая гривну кунъ, опять-таки по системѣ Карамзина, въ 25 кунъ, мы получимъ, что $43^1/_2$ сорочки образуютъ $69^3/_5$ гривны кунъ, слѣдовательно, всего вмѣстѣ съ предыдущимъ 220 гривенъ кунъ или на 30 гривенъ меньше итога, принятаго Карамзинымъ. Производя это разчисленіе, мы, какъ уже замѣчено раньше, держались вездѣ системы Карамзина; но нужно принять во вниманіе, что и система эта не совершенно точна. Карамзинъ подъ сорочками разумѣлъ сорочки кунъ, а въ дѣйствительности сорочками считалась бѣлка. Къ сожалѣнію,

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* за іюль 1875, стр. 100—101.

[2]) *Рус. Достоп.*, I, 84: «Ожели кто въ которое время а то рюшить или отиметь, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ... а будеть Богу противенъ и святѣй Софии». Очевидно, слова эти должны быть понимаемы, какъ заключеніе устава Святослава: все остальное, слѣдовательно, есть не что иное, какъ позднѣйшія прибавленія.

отношеніе сорочки бѣлки къ гривнѣ кунъ до сихъ поръ точно не извѣстно. Можно только думать, что сорочекъ бѣлки былъ именно не болѣе гривны кунъ, а въ такомъ случаѣ 43½ сорочка будутъ составлять никакъ не болѣе 43½ гривенъ кунъ [1]). Слѣдовательно, общая сумма владычнихъ доходовъ въ Новгородѣ никакъ не могла превосходить 194½ гривенъ кунъ, а съ прибавленіемъ поборовъ естественными произведеніями, очень незначительныхъ, — не могла превысить 200 гривенъ.

Въ этой первоначальной формѣ Новгородская церковь продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока въ политической жизни Великаго Новгорода не обнаруживалось никакихъ стремленій къ самобытности. Но какъ скоро новгородскій гражданскій строй сталъ мало по малу принимать самостоятельный характеръ, тотчасъ же и въ церкви замѣчается соотвѣтственное движеніе. По тѣсной связи въ древнее время церковной жизни съ гражданскою, успѣхи, достигнутые Новгородцами въ политической области, необходимо побуждали ихъ стремиться и къ самостоятельности церковной, къ возвышенію Новгорода и въ разрядѣ простыхъ епархій на степень мѣстной церкви, глава которой занималъ бы относительно Кіева возможно независимое положеніе. А такъ какъ къ этой конечной цѣли вели, съ одной стороны, возвышеніе сана Новгородскаго владыки, а съ другой—измѣненіе въ способѣ его назначенія, то понятно, что обѣ эти послѣднія задачи и становятся двигающими вопросами начальной новгородской церковной исторіи. Казалось, что благопріятному разрѣшенію ихъ вполнѣ соотвѣтствовали и самыя обстоятельства времени. Около половины XII вѣка въ самой Русской митрополіи обнаружились подобныя же стремленія къ независимости отъ Константинопольскаго патріарха и выразились въ избраніи новаго митрополита Климента соборомъ Русскихъ епископовъ. Но не смотря на всю благопріятность минуты, Новгородскій владыка Нифонтъ не умѣлъ извлечь изъ нея никакой пользы для Новгорода. Какъ Грекъ по происхожденію, онъ считалъ своею первою обязанностью защищать права Константинопольскаго патріарха на назначеніе Русскихъ митрополитовъ и потому вмѣсто пріобрѣтенія отъ новаго митрополита льготъ для Новгорода, онъ затѣялъ только съ Климентомъ безполезный споръ о законности его избра-

[1]) Нѣкоторое понятіе объ отношеніи сорочки къ гривнѣ кунъ можно получить изъ сопоставленія *Калайдовича*, Памятн. XII в., съ А. Юрид., стр. 432—433, № 409, III.

нія [1]). Правда, Бѣляевъ сообщаетъ, что отрицая законность избранія Кіевскаго митрополита, Нифонтъ якобы имѣлъ въ виду особенный планъ поднятія Новгородской епархіи, составленный имъ съ согласія Ростовскаго епископа Нестора и состоявшій въ томъ, что Ростовскій владыка долженъ былъ искать въ Константинополѣ отдѣльной митрополіи для Ростова, а Нифонтъ за участіе въ дѣлѣ и признаніе въ Несторѣ будущаго митрополита, уже заранѣе награждался званіемъ архіепископа [2]). Въ доказательство своего мнѣнія Бѣляевъ приводитъ надпись, встрѣчающуюся на древнемъ антиминсѣ, найденномъ въ одной изъ Новгородскихъ церквей, и гласящую, что антиминсъ священъ въ 1149 году архіепископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ по повелѣнію Ростовскаго епископа Нестора [3]). Но намъ это доказательство кажется крайне неубѣдительнымъ. Съ одной стороны, мы ничего не знаемъ о предполагаемыхъ стремленіяхъ Нестора къ возведенію Ростова на степень митрополіи; по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ объ этомъ Ростовскомъ владыкѣ мы должны скорѣе считать такія стремленія совсѣмъ невѣроятными [4]). Съ другой, и самая надпись можетъ быть объяснена гораздо проще. Повелѣніе освятить антиминсъ могло быть дано Новгородскому владыкѣ Ростовскимъ и не въ качествѣ старшаго, какъ полагаетъ Бѣляевъ, а просто на просто въ качествѣ жертвователя антиминса. Что же касается титула архіепископа, усвоеннаго попечителемъ Нифонту, то если только это не есть позднѣйшая ошибка, онъ могъ быть употребленъ и изъ подобострастія. Какъ-то бы ни было, только образъ дѣйствія Новгородскаго владыки, во всякомъ случаѣ мало сообразный съ обстоятельствами времени, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и Нифонту

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 241, 1147 г.: «Постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича... И снидошась Черниговьскии епископъ Оноөрии, Бѣлогородскиц еп. Феодоръ, Переяславьский епископъ Еуөимии, Гюргийскии епископъ Демьянъ, Володимерьскии Өедоръ. Новгородьскии Ниөонтъ, Смоленьскии Мануилъ рекоша: «не есть того в законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставитъ патріархѣ митрополита». Приводя это мѣсто, мы для ясности позволили себѣ употребить собственную пунктуацію.

[2]) Разк. изъ Русск. Ист., II, 115—116.

[3]) *Купріяновъ*, Прогулка по Новгороду, 1862, стр. 88—89: «Древнѣйшій изъ нихъ (антиминсовъ, найденныхъ въ Никольской церкви) относится къ половинѣ XII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующую уставную надпись: «жьртвьникъ св. мученика Георгия священъ отъ Ниөонта архіепискоупа Новгородьскаго повелѣніемъ епискоупа Ростовъскаго Нестора».

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 329, 1150 г., и 334, 1164 г.

вмѣсто достиженія архіепископскаго сана пришлось только, за свое противодѣйствіе митрополиту, выдержать продолжительное заключеніе въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, пока Суздальскій князь Юрій, благопріятствовавшій Нифонту и не жаловавшій Климента, утвердясь въ Кіевѣ, не освободилъ узника [1]).

Неудача, сопровождавшая попытку противодѣйствія Нифонта главѣ Русской церкви, ни въ какомъ случаѣ не могла служить пророчествомъ, что и дальнѣйшія стремленія Новгородцевъ останутся также безъ всякаго успѣха. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, слишкомъ благопріятною для осуществленія мѣстныхъ стремленій, чтобъ они прошли безслѣдно и въ новгородской церковной исторіи. Въ это время первопрестольники Русскіе уже не могли расчитывать на безусловное поддержаніе стараго порядка въ строѣ церкви; напротивъ того, повсемѣстное паденіе значенія Кіева научило ихъ быть снисходительнѣе по крайней мѣрѣ къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, которыя не ставили своею цѣлію нарушеніе церковнаго единства. А такимъ именно характеромъ и отличались тогдашнія стремленія Великаго Новгорода. Новгородцы совсѣмъ не имѣли въ виду вполнѣ разрывать церковную связь съ Кіевомъ; они хотѣли только посредствомъ устраненія митрополита отъ назначенія своего владыки придать послѣднему бо́льшую независимость и сдѣлать его изъ пришельцевъ однимъ изъ первыхъ граждань Великаго Новгорода. Не удивительно поэтому, что Новгородцы не встрѣтили со стороны Кіева никакого противодѣйствія, когда, воспользовавшись вакантностью митрополичьей каѳедры, сами назначили себѣ въ 1156 году новаго владыку и чрезъ два года послали его въ Кіевъ на посвященіе: новый митрополитъ Кіевскій Константинъ посвятилъ присланнаго ими кандидата въ епископы безъ всякаго со своей стороны прекословія [2]). Образъ дѣйствія, сопровождавшій назначеніе Аркадія, сталъ съ тѣхъ поръ нормою для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ случаевъ; но тѣмъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 10, 1149 г.: «иде архіепископъ новгородьскыи Ниѳонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ»... Тамъ же, III, 11, 1150 г.: «приде архепископъ Ниѳонтъ изъ Кыева, пущенъ Гюргемъ ,князенъ»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: «събрася весь градъ, людьи, изволиша собѣ епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадія; и шьдъше весь народъ, пояша и́ изъ манастыря отъ святыя Богородиця... и въведоша и́ поручивъше епископью въ дворѣ святыя Софіѣ, дондеже придеть митрополитъ въ Русь». Тамъ же III, 12, 1158 г.: «Ходи Аркадъ Кыеву ставиться епископомъ, и поставленъ бысть отъ митрополита Константина»...

не менѣе Новгородцы не сразу избавились отъ всѣхъ остатковъ старины. Въ самомъ дѣлѣ, хотя съ этихъ поръ званіе Новгородскихъ владыкъ и стало удѣломъ обыкновенно самихъ же Новгородцевъ, тѣмъ не менѣе въ Великомъ Новгородѣ, какъ уже замѣчено раньше, довольно долгое время существовала партія, отдававшая вслѣдствіе исторической привычки предпочтеніе греческому духовенству и потому предлагавшая въ кандидаты на владычнюю каѳедру какого-либо Гречина [1]). Точно также, хотя съ этихъ поръ назначеніе Новгородскихъ владыкъ и стало внутреннимъ дѣломъ Великаго Новгорода, тѣмъ не менѣе, при возникновеніи разногласія, очень часто являлась тамъ партія, предлагавшая передать споръ на рѣшеніе митрополита, говоря, что „каго намъ дастъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ", и временами успѣвала даже настоять на своемъ: это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда къ внутреннему разногласію присоединялось еще церковное затрудненіе, когда кандидатами на каѳедру являлись лица, уже раньше посвященныя въ епископы и управлявшія прежде Новгородскою церковью [2]). Наконецъ, хотя съ паденіемъ правъ Кіевскаго митрополита и для великаго князя былъ закрытъ путь къ вмѣшательству въ дѣла Новгородской церкви,—тѣмъ не менѣе раздѣленіе Новгорода на партіи еще оставляло и ему нѣкоторую возможность вліянія на замѣщеніе владычней каѳедры. Конечно, князь не могъ уже посылать въ Новгородъ владыкъ изъ среды собственнаго духовенства; но опираясь на партію своихъ новгородскихъ благопріятелей, онъ успѣвалъ временами дать торжество въ Новгородѣ тому изъ кандидатовъ на владычнюю каѳедру, который хотя и не имѣлъ за собою большинства населенія, но за то былъ желателенъ князю. Нѣтъ сомнѣнія, подобные случаи были не часты и сопровождались для владыки обыкновенно нѣкоторою непрочностью его положенія; но все же, какъ показываетъ примѣръ Митрофана, получившаго этимъ путемъ Новгородскую каѳедру въ 1199 году, далеко не невозможны [3]).

---

[1]) Доказательства существованія такого предпочтенія уже приведены раньше.

[2]) П. С. Р. Л., III, 38, 1219 г.: «князь и Новгородьци рекоша Митрофану и Онтону: идита къ митрополиту, да кого намъ прислетъ, то нашь владыка». Тамъ же, III, 45, 1229.

[3]) П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «а въ Новъгородъ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ Новгородъци, и въведе (Всеволодъ III) въ епискупію Митрофана, мужа Богомъ избърана». Тамъ же, III, 31, 1211 г.: «злодѣи испьрва не

Кромѣ пріобрѣтенія нѣкоторой независимости отъ Кіева, Новгородской церкви во второй половинѣ XII столѣтія удалось усвоить себѣ и сравнительно большій блескъ и значеніе. Съ одной стороны, санъ архіепископа, ставшій уже рано одною изъ ея завѣтныхъ цѣлей, въ это время какъ бы самъ собою достался въ руки Новгородскаго владыки и далъ ему возможность занять между русскими іерархами почетное мѣсто тотчасъ послѣ главы Русской церкви. Митрополиту, нашедшему возможность отказаться отъ всякаго вліянія на назначеніе Новгородскихъ владыкъ, нечего уже было затрудняться пожалованіемъ имъ архіепископскаго сана, и потому новгородское посольство, отправленное съ этою цѣлію въ 1165 году въ Кіевъ, встрѣтило тамъ самый благосклонный пріемъ [1]). Весьма возможно, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ сана Новгородскаго владыки, исходатайствованнымъ въ Кіевѣ въ 1166 году, былъ возвышенъ въ это время и санъ настоятеля Юрьевскаго монастыря. Юрьевскій игуменъ Діонисій стоялъ на челѣ посольства, хлопотавшаго въ Кіевѣ о дарованіи архіепископскаго званія Новгородскому владыкѣ: естественно поэтому ожидать, что послѣдній не оставитъ безъ вознагражденія успѣшные труды своего подчиненнаго. И дѣйствительно, есть извѣстіе, что Діонисій былъ поставленъ въ это время владыкой Іоанномъ въ Юрьевскіе архимандриты [2]). Съ другой стороны, рядомъ съ іерархическимъ возвышеніемъ поднялось и внутреннее значеніе Новгородскаго владыки. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, памятною въ новгородской исторіи. Это было время самой опасной борьбы Великаго Новгорода за свою самобытность, время нашествія на Новгородъ страшной рати, собранной Андреемъ Суздальскимъ въ союзѣ чуть не со всѣми Русскими князьями. И въ этой-то важной для Новгородцевъ борьбѣ владыка Іоаннъ стоялъ явно на сторонѣ своихъ согражданъ, явился такъ сказать, духовнымъ защитникомъ мѣстной новгородской самобытности. Оттого личность его сдѣлалась эпическою, дошла до насъ въ лучахъ поэтической прелести. Благодаря духовной силѣ его молитвы, совершилось извѣстное чудо Знаменской Божіей

хотя добра, зависть вложи людьмъ на архіепископу Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша й въ Торопьць».

[1]) П. С. Р. Л., III, 13, 1165 г.: «ходи игуменъ Діонисіи съ любовью въ Русь и повелѣно бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомъ». Ср. съ этимъ баснословіе, сообщаемое Татищевымъ въ Росс. Ист., III, 145, 6663 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 180, вар.: «а Юрьевскій игуменъ Діонисій поставленъ бысть во архимандриты Іоанномъ архіепископомъ».

Матери, обратившее оружіе Суздальцевъ противъ нихъ же самихъ и тѣмъ положившее конецъ всѣмъ ихъ замысламъ, — событіе, служившее въ дальнѣйшей новгородской исторіи живительнымъ воспоминаніемъ о древней славѣ, вѣковѣчнымъ свидѣтельствомъ небеснаго благоволенія къ Великому Новгороду. А такъ какъ совершенію этого чуда владыка Іоаннъ содѣйствовалъ не только въ качествѣ богоугоднаго человѣка, какимъ онъ былъ извѣстенъ въ Новгородѣ, но также и въ качествѣ главы церкви, то понятно, что слава Іоанна переносилась вмѣстѣ съ тѣмъ и на владычній санъ и такимъ образомъ положила одинъ изъ первыхъ камней въ основаніе того высокаго значенія, которымъ пользовался владыка въ послѣдующее время Новгородской жизни.

А. Никитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВѢЙШІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕ-ЧЕШСКАГО ЯЗЫКА [1]).

Критическія замѣтки о древнемъ и новомъ по исторіи славистики.

(ПАМЯТИ АББАТА ІОСИФА ДОБРОВСКАГО.)

IV.

Для полнаго ознакомленія съ значеніемъ труда г. Патеры о Mater Verborum, по видимому, было бы достаточно сослаться на Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ. Въ приложеніи къ XXXI-му тому Записокъ напечатана статья г. Патеры: „Чешскія глоссы въ Mater Verborum. Рукопись XIII в. въ Прагѣ", и при этой статьѣ тамъ же напечатаны „Дополнительныя Замѣчанія" И. И. Срезневскаго. При всей общедоступности изданій нашей Академіи, нельзя однако сказать, чтобы русское общество было теперь поставлено въ условія вполнѣ благопріятныя для правильной оцѣнки важнаго научнаго значенія новѣйшихъ чешскихъ изслѣдованій о Mater Verborum. Прежде всего изслѣдованіе г. Патеры напечатано въ Запискахъ Академіи довольно небрежно, съ опечатками и грубыми ошибками. Изъ Дополнительныхъ Замѣчаній И. И. Срезневскаго оказывается, напримѣръ, что г. Патера не зналъ, что 1) слово děver было въ древне-чешскомъ языкѣ, есть и въ новомъ, по крайней мѣрѣ въ словенскомъ (ссылки

[1]) *Продолженіе.* См. *Ж. М. Н. П.*, январь 1879 года. Считаемъ нужнымъ исправить ошибку, допущенную въ первой статьѣ. На стр. 141 невѣрно сказано, что Добровскій обвинялъ Ганку въ поддѣлкѣ пѣсни о королѣ Вячеславѣ; его обвиненія касались только Суда Любуши и пѣсни о Вышеградѣ.

на Словарь Палковича и Діалектологію и матеріалы Шемберы въ Čas. Mus. XXII); 2) слово hrad grando—удержалось въ словенскомъ, было и въ древне-чешскомъ; 3) hriesti sepelire было въ древне-чешскомъ; 4) chvor imbecillis было въ древне-чешскомъ. Изъ этихъ дополняющихъ трудъ г. Патеры замѣчаній иной читатель легко прійдетъ къ заключенію, что г. Патера въ чешскомъ языкѣ весьма недалекъ, а слѣдовательно, и строгій его приговоръ о поддѣльныхъ глоссахъ Mater Verborum не можетъ имѣть научнаго значенія. Далѣе, Дополнительныя Замѣчанія И. И. Срезневскаго, слѣдующія непосредственно за такимъ изданіемъ труда г. Патеры, стараются подорвать главные выводы его изслѣдованія и поселяютъ въ читателѣ убѣжденіе, что приписываемыя поддѣлки, если онѣ и были, скорѣе были сдѣланы еще въ средніе вѣка, что въ Чехіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія нужно было совершиться чуду, дабы такъ искусно поддѣлать эти глоссы. Но какъ чудесамъ въ области палеографіи никто не вѣритъ, то остается объяснять дѣло проще. Г. Патера, какъ новичекъ, желавшій отличиться, слишкомъ поторопился и наговорилъ крайностей. Надо ему еще поучиться и поработать, прежде чѣмъ обличать такихъ старыхъ и заслуженныхъ ученыхъ, каковъ, напримѣръ, В. В. Ганка. Такое мнѣніе о трудѣ г. Патеры дѣйствительно и сложилось уже у нѣкоторыхъ ученыхъ въ Петербургѣ [1]), неспеціалистовъ по славистикѣ, бѣгло прочитавшихъ приложенія къ XXXI-му тому Записокъ Академіи.

Я позволю себѣ вовсе не знать изданія труда г. Патеры въ Запискахъ Академіи. Оно исполнено ошибокъ, которыя г. Патера не могъ бы допустить, еслибы, напримѣръ, самъ держалъ корректуру. Смѣло можно сказать, что г. Патера, вслѣдствіе долголѣтнихъ и упорныхъ работъ, обладаетъ такими глубокими и обширными знаніями въ древне-чешскомъ языкѣ, что не только кто-либо изъ русскихъ славистовъ старыхъ и молодыхъ (изъ молодыхъ въ послѣднее время, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе занимались древне- и средне-чешскими рукописями гг. Кочубинскій и Анненковъ), но и немногіе чешскіе спеціалисты едва ли могутъ съ легкостью и удобствомъ дополнять и исправлять свѣдѣнія его въ древне-чешскомъ языкѣ. Имъ изготовлено къ изданію множество древнихъ чешскихъ памятниковъ съ палеографическими и филологическими комментаріями. Г. Патеру напрасно побивать ссыл-

---

[1]) См. также статью г. *Колосова* въ І-й книжкѣ *Русскаго Филол. Вѣстника*, издаваемаго съ 1879 года въ Варшавѣ, о Дополн. Замѣчаніяхъ г. *Срезневскаго*.

ками на словарь Палковича и Юнгманна или на Ганковскія Starobyla skladanie. Имъ самимъ собрано изъ древнихъ и средневѣковыхъ чешскихъ памятниковъ большое количество данныхъ, обогащающихъ и дополняющихъ чешскій словарь. Я уже не говорю о томъ, что г. Патера прошелъ настоящую филологическую школу, знакомъ хорошо съ сравнительнымъ языкознаніемъ, занимался санскритомъ, древне-готскимъ и литовскимъ языками и постоянно слѣдитъ за всѣмъ, что выходитъ новаго въ области славистики. Ошибки же, допущенныя г. Патерою въ его рукописи, присланной въ Петербургъ, объясняются очень просто извѣстною разсѣянностью, забывчивостью и поспѣшностью, благодаря которымъ каждый изъ работающихъ невольно дозволяетъ себѣ ошибки, если не успѣетъ внимательно перечесть свою рукопись. Каждый знаетъ, что и послѣ такого чтенія сколько еще всегда требуется поправокъ и измѣненій въ корректурѣ. Конечно, было бы лучше или послать корректуру статьи г. Патеры въ Прагу, или прямо въ его текстѣ исправить нѣкоторыя его ошибки (напримѣръ, о словѣ деверь и проч.).

Наконецъ, изслѣдованіе г. Патеры, при всей его важности, неполно и недостаточно безъ статьи г. Баума. Она по истинѣ составляетъ дополненіе, и въ высшей степени цѣнное, къ труду г. Патеры. Академія Наукъ оказала бы большую услугу русскому читающему міру, еслибы въ дополненіе къ статьѣ г. Патеры напечатала переводъ или подробное извлеченіе этой статьи г. Баума. Кажется, и самъ И. И. Срезневскій не познакомился съ нею, когда писалъ свою статью въ ослабленіе важности и вѣрности обличенія подлоговъ въ Mater Verborum. Еслибъ И. И. Срезневскій читалъ эту статью, то онъ, конечно, никогда не написалъ бы слѣдующихъ строкъ: „Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ и изъ всего другого (?), видно, что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы, не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владѣлъ навыкомъ древняго правописанія, и притомъ не навыкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. (?), и долго послѣ рукопись Mater Verborum, то-есть, не конца XI или начала XII вѣка, а болѣе поздняго"... (стр. 99). Въ статьѣ г. Баума и въ примѣчаніи къ ней г. Эмлера положительнѣйшимъ образомъ доказано, что годъ рукописи написанъ фальсификаторомъ, который именно имѣлъ въ виду 1202 г. и неумѣлымъ его обозначеніемъ только блистательно изобличилъ свой подлогъ.

Еслибъ И. И. Срезневскій, пиша свои замѣчанія на изслѣдованіе г. Патеры, былъ знакомъ съ статьею г. Баума, то онъ, конечно, никогда не написалъ бы и слѣдующихъ строкъ: „Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ не заподозрѣнныя, „написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говоритъ объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п. Нельзя не желать, чтобы такое предположеніе было обставлено неопровержимыми доказательствами. Съ нимъ (съ этимъ предположеніемъ?) соединяется, кажется, очень естественно другое предположеніе: если поддѣльщикъ взялъ на себя трудъ надѣлать глоссъ въ рукописи Mater Verborum, то едва ли могъ удержаться отъ вожделѣнія надѣлать разныхъ приписокъ и въ другихъ рукописяхъ, — и потому слѣдуетъ разсмотрѣть рукописи Чешскаго музея, ища въ нихъ такихъ же поддѣлокъ. Если ихъ нигдѣ не окажется, то убудетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ новой поддѣлки. Тѣмъ внимательнѣе надо будетъ добиваться другихъ доказательствъ. До тѣхъ же поръ, пока ихъ на лицо нѣтъ, позволительнымъ считаю вопросъ" и проч. (стр. 150—151).

Какъ не грустно, а намъ прійдется еще обратиться къ разбору этого мѣста. Здѣсь же замѣтимъ, что оно также изобличаетъ незнакомство И. И. Срезневскаго со статьею г. Баума, которая именно и представляетъ эти требуемыя нашимъ академикомъ доказательства и разныхъ другихъ подлоговъ. Какъ будто впрочемъ въ чешской письменности ихъ и безъ того мало! И какъ будто для признанія подложности одного памятника, необходимо доказать подложность и другихъ памятниковъ, рядомъ съ нимъ хранящихся! Очевидно, тутъ была мысль о библіотекарѣ музея Ганкѣ: если онъ поддѣлалъ чешскія глоссы въ Mater Verborum, то отчего же бы ему не надѣлать было и другихъ подлоговъ? Въ этомъ смыслѣ, и именно только въ этомъ, и можно признать законность требованія г. Срезневскаго, но законность только логическую. На дѣлѣ же это требованіе значительно запоздало. Оно желало и просило подачи доказательствъ, когда онѣ уже были представлены.

Позволяю себѣ, въ виду важности дѣла, прежде всего изложить почти дословно содержаніе прекрасной статьи г. Баума.

„Писаніемъ и разрисовкою рукописей занимались монахи и послушники монастырскіе. Каллиграфія, какъ и всякое искусство въ

средніе вѣка, была на службѣ у церкви. Монастыри въ то время были по своей религіозной задачѣ и училищами, и средоточіями образованности. Не удивительно, что и въ нашей странѣ въ теченіе XII и XIII вв. было основано много монастырей, ибо сыновья нашей шляхты и богатѣйшаго мѣщанства, для полученія образованія, принуждены бывали посѣщать школы иностранныхъ монастырей, и дабы не отстать въ образованности отъ другихъ народовъ, предкамъ нашимъ пришлось завести подобныя учрежденія у себя въ Чехіи. Такъ, въ эти два вѣка были основаны монастыри доминикановъ, миноритовъ, храмовниковъ и пр. въ Прагѣ и внутри Чехіи — въ Хотѣшовѣ, Коуримѣ, Бенешовѣ, въ Высшемъ Бродѣ, въ Ждярѣ, въ Плзнѣ, Бехинѣ, Домажлицахъ, Осѣкѣ и Збраславѣ... Богато жалованные монастыри воздвигали великолѣпныя зданія, на ихъ имѣніяхъ выростали храмы за храмами, а шляхта слѣдовала примѣру церкви, строила и обогащала новые костелы въ своихъ земляхъ. Объ этой зодческой дѣятельности свидѣтельствуютъ понынѣ сохранившійся отъ XIII в. стиль множества нашихъ костеловъ, а также и письменные памятники этого столѣтія. Художественная дѣятельность не ограничивалась зодчествомъ; монастыри и храмы нуждались въ украшеніяхъ, литургическихъ книгахъ, ризахъ, иконахъ, сосудахъ и пр. Нужды эти удовлетворялись въ странѣ, или же необходимые предметы покупались за границею. Монахи были зодчими, каменотесами, столярами, рѣзчиками, живописцами, писцами, золотыхъ дѣлъ мастерами и т. д. Монахи же ткали и вышивали ризы и иные предметы церковные. Лѣтописецъ Ждярскій былъ сынъ каменотеса, самъ также былъ каменотесъ. Леогарда, служанка Сибиллы и Евфимія Бочковыхъ, умѣла вышивать церковныя ризы золотомъ, серебромъ и шелкомъ. Осѣцкій монахъ Рудгеръ списывалъ въ Ждярскомъ монастырѣ Библію для потребностей монастырскихъ. Деканъ Пражскаго костела Витъ былъ, можетъ быть, также зодчимъ или по крайности знатокомъ зодчества и любителемъ искусствъ. Онъ приказалъ построить и живописать монастырь канониковъ въ Кремлѣ Пражскомъ, былъ причиною, что высшій судья Чечь выстроилъ костелъ всѣхъ святыхъ (постройкою завѣдывалъ Витъ), писалъ самъ много рукописей, напримѣръ, Утренникъ (Matutinale) 1271 г. По его порученію написаны были миссалы, градуалы, антифонаріи, бревіаріи, псалтыри, канціоналы, коллектанси, баптистеріи, гомиліи и т. д. не только для Пражскаго, но и для другихъ костеловъ. О такихъ сохранившихся при костелахъ Пражскаго деканата книгахъ говорятъ намъ инвентари въ Libro visitationum съ 1379 г., гдѣ онѣ приво-

дятся, какъ книги старыя. Можетъ быть, между ними были книги и болѣе ранняго времени, чѣмъ жилъ деканъ Витъ. Когда была надобность, покупались книги и за границею. Въ 1292 г. аббаты Вальдзасскій, Сѣдлецкій и Збраславскій отправились къ назначенному собранію въ митропольномъ монастырѣ въ Ситô (Cîteaux); отъ короля Вячеслава они получили подарки для этого монастыря, а также и деньги на покупку необходимыхъ книгъ для монастыря Збраславскаго. Аббаты отправились въ Парижъ и тамъ накупили себѣ рукописей.

„Является вопросъ какъ возможно распознавать рукописи, писанныя и разрисованныя дома, отъ купленныхъ чужихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нелегокъ, и вотъ почему:

„Какъ уже сказано, переписка и разрисовка рукописей въ XIII в. была по преимуществу въ рукахъ монаховъ. Средневѣковая церковь не знала народности или языка въ смыслѣ XIX в. Единая латинская рѣчь была связью, объединявшею весь образованный міръ и уравнивавшею народныя различія, особенно въ древнѣйшее время. Образованный Французъ, Италіанецъ, Нѣмецъ, Славянинъ и т. д., говоря по латыни, легко обмѣнивались своими взглядами; христіанское ученіе было всюду одно и то же. Въ цѣломъ христіанскомъ (то-есть, западномъ) мірѣ монастыри руководствовались уставами одного митропольнаго монастыря; мѣстныя уклоненія отъ общихъ правилъ были незамѣтны. Главною основою каждаго устава было послушаніе своему аббату. Когда аббатъ приказывалъ монаху отправиться на чужбину, гдѣ въ то время заводился братскій монастырь, онъ долженъ былъ идти безъ прекословія; латинская рѣчь облегчала ему новую жизнь; духовенство и монахи были настоящими космополитами среднихъ вѣковъ. Въ италіанскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ монастыряхъ находимъ монаховъ самыхъ различныхъ народностей. Римъ и главнѣйше Парижъ были центрами всего ученаго міра, и наши лѣтописцы видимо указываютъ на Парижъ и Францію, какъ на источникъ образованности. Уже Козьма Пражскій въ концѣ своей лѣтописи говоритъ, что нынѣ юноши сидятъ во Франціи у полнаго стола госпожи философіи, чего онъ не сподобился. Безъ сомнѣнія, почти вся образованность и искусство средней Европы, а слѣдовательно, и Чехіи, идетъ изъ Франціи. Что въ нашихъ монастыряхъ были монахи различныхъ народностей, о томъ даетъ намъ знать лѣтописецъ монастыря Ждярскаго: въ монастырь вступили братья Вирикъ и Симонъ, и послушники Здиславъ и Одикъ изъ Помука, Генрихъ и Конрадъ

изъ Велеграда, Іоаннъ изъ Брабанта, Генрихъ изъ Франціи, Илія изъ Вальдзассъ, Саломонъ изъ Австріи, Рудгеръ изъ монастыря Осѣцкаго, Ольдрихъ и Петръ изъ Мейссена. Аббатъ былъ изъ Сѣдльца и т. д. О томъ же, какой они были народности, монахъ ждярскій забылъ упомянуть; онъ только называетъ монастыри тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пришли. Когда же монахъ или послушникъ, обученный каллиграфіи и живописи во Франціи и Италіи, переводился въ Чехію, то онъ и у насъ занимался, конечно, своимъ искусствомъ въ манерѣ уже имъ пріобрѣтенной; и слѣдовательно, его работы по существу не отличались отъ работъ италіанскихъ или французскихъ, хотя бы этотъ монахъ и былъ природнымъ Чехомъ. Чѣмъ старше рукопись, тѣмъ труднѣе замѣтить различія и распознать происхожденіе. Нѣкоторые знатоки пытались подмѣтить особенности въ технической отдѣлкѣ, но и тутъ пришлось разочароваться.

„Быть можетъ, возразятъ, что имя писца или живописца обозначенное въ рукописи — что̀ однако очень рѣдко бываетъ, — можетъ помочь опредѣленію происхожденія рукописи, но и здѣсь часто являются неодолимыя препятствія. Пока юноша посѣщалъ школы или имѣлъ только низшія степени, онъ еще сохранялъ свое домашнее, то-есть, свѣтское имя. Но какъ только онъ становился священникомъ или монахомъ, онъ очень часто оставлялъ свое прежнее и принималъ другое имя. Такъ находимъ нѣмецкія имена во Франціи и Италіи, и имена французскія и италіанскія въ Германіи. У Славянъ, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ каноникъ Вышеградскій, славянскія имена почитались за варварскія, то-есть, за поганыя или языческія, и латинская церковь старалась о преданіи ихъ забвенію. Св. Войтѣхъ оставилъ свое имя и принялъ имя Адальберта, Здикъ, сынъ Козьмы (Пражскаго), ставши епископомъ Оломуцкимъ, началъ называться Генрихомъ и т. д. Учившіеся въ иностранныхъ монастыряхъ Чехи принимали чужія имена, особенно нѣмецкія. И если такой монахъ писалъ, то онъ, конечно, подписывался своимъ нѣмецкимъ именемъ, хотя и былъ природнымъ Чехомъ, и даже можетъ быть, патріотомъ. Такимъ образомъ нельзя думать, когда писецъ или живописецъ называется Рудгеръ, Бруно, Гейнрихъ, Экгардъ и т. д., что онъ былъ непремѣнно Нѣмецъ. Иное дѣло впрочемъ, когда рукопись писалъ ученикъ, еще не измѣнившій своего имени и называвшійся, напримѣръ, Здиславомъ, Мирославомъ, Велиславомъ и т. д. Въ такихъ случаяхъ всякое сомнѣніе исчезаетъ, и работа является чешскою, хотя бы она и не отличалась отъ подобныхъ работъ иностранныхъ.

„Точно также ошибочно бы было по одной рукописи судить о состояніи искусства извѣстнаго времени или народа. Предположимъ, что нашлась бы рукопись, которая отличалась бы отъ современныхъ иностранныхъ своими особенностями, напримѣръ, особымъ совершенствомъ. По этой одной рукописи было бы непозволительно заключать, что вся эта страна и народъ достигли великаго калиграфическаго искусства. Еслибы нашлось много такихъ или подобныхъ рукописей, то такое заключеніе имѣло бы свое основаніе, но не иначе. Уклоненія, совершенство или несовершенство можно всегда въ отдѣльныхъ случаяхъ приписать личности писца или живописца, ибо рѣдко когда ученикъ бывалъ выше мастера.

„У насъ въ Чехіи сравненіе древнихъ письменныхъ и живописныхъ памятниковъ, за ихъ малочисленностью, дѣло весьма нелегкое, хотя нѣтъ сомнѣнія, въ средніе вѣка они были въ изобиліи. Гуситскія войны, затѣмъ война Тридцатилѣтняя и эпоха Іосифовская разнесли эти сокровища по всему міру (собственно по всей западной Европѣ и частью Россіи). Но сколько еще погибло отъ невѣжества! Для представленія полной картины калиграфіи и миніатюрнаго искусства въ Чехіи среднихъ вѣковъ, нужно было бы прежде осмотрѣть всѣ библіотеки и собранія въ Европѣ, а затѣмъ, что̀ нашлось бы нашего, описать и срисовать. Но и на родинѣ нашей осталось достаточно обломковъ, свидѣтельствующихъ, что мы не очень отставали отъ другихъ народовъ, и что по многимъ сторонамъ художества даже опередили иныхъ.

„Разумѣется, и у насъ, какъ и всюду, устраивались монастыри со своими школами и, слѣдуя своимъ учителямъ, ученики принимали личныя ихъ особенности въ письмѣ и живописи и старались усовершенствовать ихъ. Ученики эти вообще были уроженцами чешскими, и такимъ образомъ письмо и живопись пріобрѣли свой особый характеръ, который должно называть чешскимъ. Само собою первоначальныя работы были скорѣе ремесленныя, чѣмъ художественныя, только съ ознакомленіемъ лучшихъ образцовъ въ путешествіяхъ по Италіи, Франціи и т. д. стали пріобрѣтать дѣйствительно художественный, а позже и вполнѣ самостоятельный характеръ.

„Чѣмъ старше рукопись и живопись, тѣмъ труднѣе узнать ихъ происхожденіе, какъ я уже это замѣтилъ. Хочу здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ примѣрахъ, по которымъ можно судить о происхожденіи рукописей, не писанныхъ на чешскомъ языкѣ. Гдѣ присоединенъ календарь, надо искать праздниковъ святыхъ, особенно почитаемыхъ

въ нашей землѣ, напримѣръ, св. Вячеслава, Людмилы, Войтѣха, Прокопа, перенесеніе тѣла св. Вячеслава, перенесеніе тѣла св. Людмилы, и т. д. Если есть въ рукописи часы, надо смотрѣть, какъ они расположены, по какимъ днямъ и праздникамъ, что опять можетъ вести къ узнанію существованія чешской литургіи, а слѣдовательно, и происхожденія рукописи. Надо обращать вниманіе, нѣтъ ли въ латинской рѣчи чехизмовъ и нѣтъ ли мѣстъ выскобленныхъ, подчистокъ (rasury); часто находится пробѣлъ въ латинскомъ текстѣ, гдѣ первоначально былъ чехизмъ. Иногда бываютъ современныя приписки въ рукописи или данныя на доскѣ, объясняющія происхожденіе рукописи. Достойны вниманія и посвященія, иногда встрѣчающіяся. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ характеръ письма часто свидѣтельствуетъ объ ихъ происхожденіи.

„Нерѣдко замѣчается въ рукописяхъ, что надъ одною и тою же книгою работало двое, трое и болѣе писцовъ и живописцевъ. Это легко объяснить. Письмо и рисунки наиболѣе роскошныхъ и обширныхъ сочиненій требовали много времени; дабы ускорить работу, она раздѣлялась на двѣ и болѣе частей и отдавалась двумъ или болѣе писцамъ и живописцамъ. Дѣло было легкое при способѣ тогдашняго писанія по рубрикамъ. За это говоритъ то обстоятельство, что появляются повторенія, иногда только словъ, иногда же и цѣлыхъ предложеній въ началѣ письма второй руки, а на концѣ имѣются слѣды письма первой руки. Часто находимъ послѣдній столбецъ рукописи, не дописанный первою рукою до послѣдней рубрики (потому что писецъ писалъ размашистѣе, чѣмъ предполагалось, и мѣста ему не хватало), часто одинъ кончаетъ на половинѣ предложенія, а вторую его половину начинаетъ другой писецъ. Какъ было съ письмомъ, такъ и съ миніатюрами. И тутъ находимъ разнообразныя раздѣленія, потому что работа также раздѣлялась и различалась по умѣлости отдѣльныхъ рисовальщиковъ. Само собою понятно, что такія рукописи, при коихъ работало нѣсколько человѣкъ, обыкновенно изготовлялись гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ. При указанныхъ обстоятельствахъ также нелегко опредѣлять личности отдѣльныхъ писцовъ и живописцевъ. Такимъ образомъ смѣшны мнѣнія, какъ напримѣръ, о Велиславовой библіи, будто бы она не чешское произведеніе, а чешская только легенда о св. Вячеславѣ. Библія эта въ Чехіи написана для Чеховъ, и этого думаю достаточно. Оригиналъ ли это или копія, это уже все равно, но конечно, оригиналъ—легенда о св. Вячеславѣ, присоединенная къ Библіи и имѣющая тотъ же характеръ, какъ и все остальное, будь то удав-

шееся или менѣе совершенное. Едва ли бы иностранецъ присоединилъ къ Библіи легенду о св. Вячеславѣ. Былъ ли Велиславъ писцомъ или миніатюристомъ, или наконецъ, жертвователемъ, все это дѣло побочное, но имя Velislaus едва ли принадлежитъ чужеземцу. То же бы можно было сказать о роскошномъ памятникѣ „Liber viaticus", гдѣ въ концѣ находится грубая живопись. Есть въ концѣ св. Вячеславъ, довольно неудачно изображенный, но и въ наилучшей части рукописи встрѣчается также св. Вячеславъ; въ календарѣ съ самаго начала книги находятся чешскіе праздники, молитвы къ чешскимъ святымъ и т. д. Можемъ ли такимъ образомъ сомнѣваться, что и въ этой лучшей части рукописи мы имѣемъ также чешскую работу, чешское искусство? Никакъ! Въ концѣ рукописи работали писецъ и художникъ менѣе искусный и даровитый. Утверждать же, напримѣръ, что лучшій писецъ и живописецъ былъ иноземецъ или на оборотъ—неосновательно. Въ подобныхъ утвержденіяхъ обыкновенно скрывается народная зависть или ненависть второй половины XIX в., а никакъ не знаніе отношеній, въ какихъ находилось у насъ искусство въ средніе вѣка.

„Обратимся же къ рисункамъ рукописи Mater Verborum. Эти рисунки и самое письмо относятся приблизительно къ половинѣ XIII в. На стр. 457 находимъ правда то же обозначеніе года: А. MCII, что̀ объяснялось, какъ будто это имѣлъ быть 1202 г., но эта дата, какъ я уже указалъ девять лѣтъ тому назадъ, принадлежитъ къ тѣмъ патріотическимъ продѣлкамъ, которыя, быть можетъ, были и благонамѣренны, но все таки нечисты, и встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ музейной библіотеки (библія Яромирская, Concordantia discordantium canonum, Mariale Arnesti и Liber viaticus) [1]).

---

[1]) Я къ сожалѣнію поздно узналъ и еще позже успѣлъ, наконецъ, себѣ добыть *Repertorium für Kunstwissenschaft*. II B. 1 H. (Stuttgart, 1877), гдѣ помѣщена замѣчательная статья профессора Пражскаго университета Вольтманна «Zur Geschichte der böhmischen Miniaturmalerei. Aufdeckung von Fälschungen» (стр. 1—25). Изъ этой статьи, подписанной «Прага. 22-го октября 1876 г.», оказывается, что г. Вольтманъ самъ независимо отъ г. Баума пришелъ къ открытію подлога въ этихъ же рукописяхъ музея: «Bei dem Studium derselben kam ich zu meiner grössten Ueberraschung dem Sachverhalt auf die Spur. Ehe ich den Nachweis der Fälschung führe, will ich vor allem hervorheben, dass ich bei meinen Arbeiten von dem Herrn Bibliothekar u. den Beamten des böhmischen Museums zuvorkommende Förderung gefunden habe» (стр. 2). Въ Яромирской библіи, сверхъ именъ славянскихъ художниковъ фальсификаторъ написалъ и годъ, именно anno MCCLVIIIJ. Судя по всему, Яромирская библія принадлежитъ къ лучшимъ на-

Этому патріоту казалось, что письмо и чешскія глоссы не довольно представляютъ доказательствъ, что рисунки въ рукописи Mater Verborum — работа чешская, и потому онъ внесъ въ рукопись имена писца, рисовальщика и опредѣленный годъ. На стр. 457 находится иниціала P, въ ней нарисованы Мадонна съ Іисусомъ младенцемъ, Богородица держитъ бѣлый свитокъ, а на немъ красная надпись: Mater. IHV. XPI. Внизу находятся два монаха, также держащіе бѣлые свитки. Въ свиткѣ монаха по лѣвой сторонѣ написано: ORA.P.SCRE. Vacedo. Монахъ по правой рукѣ имѣетъ надпись въ свиткѣ ORA.P. ILLRE. MIROZLAO. A. MCII. Такимъ образомъ, писецъ назывался бы Вацерадъ, а рисовальщикъ Мирославъ, и конечно, то были бы заслуженные мужи, еслибы только исторія сохранила о нихъ какое-нибудь извѣстіе. Уже простымъ глазомъ можно замѣтить нѣкоторую шероховатость (rozvlnění), въ этихъ свиткахъ, а черезъ увеличи-

---

мятникамъ французской миніатюрной живописи начала XIV в. Замѣчательно, что извѣстный чешскій археологъ Воцель еще въ 1845 г. (Grundzüge der böhm. Alterthumskunde), говоря объ Яромирской (Брезницкой) библіи, пренебрегъ именами живописцевъ и годомъ и сказалъ про нее: «wahrscheinlich gegen das Ende d. XIII Ihrh. entstanden». Между тѣмъ, еще въ 1837 г. (въ статьѣ о древнѣйшей эпохѣ чешскаго искусства) Палацкій упоминалъ о Богушѣ Литомѣрицкомъ. Въ 1867 г. въ одномъ примѣчаніи къ статьѣ своей Ueber die Ornamentirung der Kirche am Karlshofe (*Mittheil. d. kk. Centralcommission*, XII, S. 168), говоря объ одной французской рукописи, видѣнной имъ въ Венеціи и другихъ, Воцель высказался еще яснѣе: «Die Miniaturen dieser Handschrift stimmen in den Motiven u. der technischen Behandlung der Ornamente mit jenen der Jaromirscher Bibel überein, die letztere rührt daher offenbar aus dem XIV, *nicht aber*, *wie man bisher behauptete*, *aus d. XIII Jhrh. her*, *u. ist wahrscheinlich ein ausländisches Werk*» (стр. 21). «Въ этихъ словахъ, справедливо замѣчаетъ г. Вольтманнъ,—содержится, правда между строкъ, но несомнѣнное, утвержденіе подлога». Имѣлъ же Воцель друзей между чешскими учеными и писателями. Имъ, безъ сомнѣнія, онъ говорилъ же о замѣченномъ имъ подлогѣ въ Яромирской библіи; тѣ въ свою очередь передавали объ этомъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ смѣло можно предполагать, что не немногіе уже знали объ этомъ. И все это молчало и скрывало. Вотъ одинъ изъ образчиковъ темныхъ сторонъ провинціализма и внутренней жизни малыхъ народностей, гдѣ деспотизмъ общественный, патріотическій давитъ часто мысль сильнѣе много внѣшняго деспотизма. Другаго чешскаго писателя, автора прекрасныхъ статей *Tagesbote aus Böhmen* 1858 г. (№№ 276, 286, 289, 292 и 299), совсѣмъ было загнали и заѣли за откровенное и искреннее слово. Его обвиняли чуть не въ измѣнѣ, его чурались, какъ зачумленнаго. Замѣчательно, что тотъ же Воцель указалъ на заимствованіе сочинителемъ «Ярослава» въ Краледворской рукописи одного мѣста о гаданіи Татаръ изъ чешскаго перевода Путешествія Марка Поло, о чемъ скажемъ впослѣдствіи.

тельное стекло узнаемъ грубую подчистку (rasuru), которая у свитка монаха по правой сторонѣ проходитъ за А, написаннаго подлѣ иниціалы. Очевидно, первоначальная надпись въ свиткахъ монаховъ выскоблена. Бѣлая краска, которою теперь наведены эти свитки, совершенно иная, чѣмъ въ остальныхъ миніатюрахъ. Наконецъ, свитки въ иниціалахъ на стр. 297, 336, 358 и 423, гдѣ находится тоже красное письмо, суть чистый пергаменъ безъ всякой бѣлой краски. Свитки съ черными надписями также бѣлыя (bile podloženy) и имѣютъ черныя контуры. Подчистка на стр. 457 видна также и противъ свѣта. Киноварь, которою сдѣланы надписи и контуры, также другая, чѣмъ въ остальныхъ миніатюрахъ. Она груба и безъ всякаго блеску, ибо безъ бѣлилъ. Приписки на поляхъ, если какія вообще есть, залѣплены. Исправитель надписи недостаточно осторожно обращался съ бѣлою краскою; несомнѣнно она недовольно покрывала, и потому онъ весьма значительно протянулъ старые черные абрисы руки монаха, стоящаго по правой сторонѣ. Дабы не дать замѣтить этого подновленія, было проведено еще бѣлою и красною краской и на другихъ свиткахъ. Неудивительно такимъ образомъ, что подновленіе на стр. 458 такъ долго не было замѣчаемо, и что наши и чужіе знатоки, особенно при бѣгломъ разсмотрѣніи рукописи, проглядѣли его.

„Если зашла уже рѣчь о такихъ исправленіяхъ, то упомянемъ еще и о другихъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ иныхъ вышеупомянутыхъ и хранящихся въ музейной библіотекѣ, рукописяхъ. Въ такъ называемой Яромирской библіи точно также обозначены годъ, писецъ и рисовальщикъ. Яромирская библія есть роскошная и драгоцѣнная рукопись французскаго происхожденія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ миніатюры и письмо. Она относится также къ XIII в. Эту рукопись присвоилъ намъ также какой-то патріотъ. На л. 298 изображенъ пророкъ Варухъ со свиткомъ въ рукѣ. На свиткѣ имѣется надпись: Sbigneus de Ratibor scripsi. Кто подумалъ бы, что пророкъ Варухъ—уроженецъ Ратиборскій.

„На л. 340 пророкъ Аггѣй тоже со свиткомъ, на которомъ надпись: Bohusse Lutomer pinxi, а подъ рисункомъ anno MCCLVIIII. Пророкъ Аггѣй былъ, пожалуй, изъ Литомѣрицъ. Такая наивность просто удивительна. У другихъ пророковъ, имѣющихъ также свитки по старому обычаю, стоятъ только точки вмѣсто надписей, и не обозначено, откуда они родомъ.

„Подобнымъ же образомъ поступилъ нашъ чудакъ и съ рукописью Concordantia discordantium canonum. Памятникъ это несомнѣнно италіанскій. На каждомъ свиткѣ написано: prossu prawo чернымъ

на бѣло. Отчего онъ не прописалъ намъ здѣсь писца и рисовальщика, пожалуй даже многихъ, какъ это сдѣлалъ онъ въ Liber viaticus, въ этомъ образцовомъ произведеніи чешской Каролинской школы? Тутъ ему надо было приписать только писца и художника. Liber viaticus сдѣлался галлереею средневѣковыхъ миніаторовъ.

„Просто не знаешь, что сказать о порчи такого памятника, чешскаго памятника, возвышающагося надъ прочими памятниками славной Каролинской эпохи, гордости старочешской живописи. Почти каждый свитокъ имѣлъ надпись; такъ напримѣръ, на л. 69: Neplacho a Stiborius; на л. 83 об.: Stilco; на л. 157: Iohannes. на л. 254 об. Sbisco de Trotina, а на л. 261 об. Petrus... и т. д.

„Я уже сказалъ, что свитки имѣли надписи; нынѣ же онѣ вновь выскоблены какимъ-то милосерднымъ Самаряниномъ, которому жалко стало такой порчѣ рукописи, но впрочемъ, на свѣтъ и противъ свѣта онѣ удобочитаемы [1]). Въ Liber viaticus находятся, какъ извѣстно, портреты, напримѣръ, Карла и Вячеслава IV; на л. 254 внизу направо находится портретъ старика съ довольно широкою бланкою въ рукѣ. И мнѣ сдается, портретъ принадлежитъ или писарю, или иллюминатору, надпись же выскоблена теперь до самаго пергамена.

„Наивность нашего любителя миніатюръ достигла въ Mariale Arnesti своего апогея. Этотъ памятникъ есть также безспорно произведеніе чешской Каролинской школы. Между разными миніатюрами находится здѣсь и Благовѣщеніе въ обыкновенномъ видѣ. Архангелъ Гавріилъ

---

[1]) Однако, странные, удивительные порядки существуютъ въ библіотекѣ Чешскаго музея. Одинъ патріотъ вписываетъ древнимъ почеркомъ въ драгоцѣнную древнюю рукопись имена вымышленныхъ миніаторовъ. Ну, случилось несчастіе, такъ сказать не уберeглись отъ домашняго вора. Другой патріотъ вмѣсто того, чтобъ описать эти подлоги и составить имъ актъ, протоколъ и напечатать его въ исправленіе старыхъ и предупрежденіе новыхъ ошибокъ ученыхъ, другой патріотъ вмѣсто всего этого выскабливаетъ потихоньку въ древнемъ памятникѣ всѣ эти новѣйшія приписки. Чего же смотритъ начальство библіотеки? Значитъ, почти на его глазахъ можно преспокойно въ древнихъ рукописяхъ выскабливать одно, вписывать другое и потомъ опять выскабливать первое. Положимъ, патріота-фальсификатора мы знаемъ, но кто же этотъ милосердный Самарянинъ, по тихоньку, украдкою выскабливающій и смывающій грѣхи своего предшественника въ порчѣ рукописей? Вольтманнъ высказалъ предположеніе, что самъ же фальсификаторъ уничтожилъ свои приписки (стр. 12). Съ этимъ нельзя согласиться и потому уже, что, кромѣ Пассавана, другія лица упоминали имена художниковъ Liber Viaticus и въ Германіи, и въ Чехіи, и въ Россіи (ст. *А. Попова*: O starob. č. malbě (*Čas. Č. Mus.* 1846, стр. 501—516 и 627 — 687) и ст. *Ваагена* (*Blätter f. lit. Unterh.* 1846, № 84).

держитъ свитокъ въ рукѣ, гдѣ вмѣсто Ave Maria gratia pl. написано: „hoc Sbissco de Trotina p.". Наконецъ, подчистка (разура) и новая надпись такъ жалко сдѣланы, что каждый съ перваго взгляда можетъ узнать подлогъ. Легко каждый можетъ замѣтить остатки первоначальной надписи между словомъ Sbissco и „de". На вопросъ, какую же цѣль имѣли эти наивные (?) подлоги, мы положительно отвѣчать не можемъ, но ограничимся здѣсь одною догадкою. Всѣ упомянутыя рукописи поступили въ музей тотчасъ по его основаніи, какъ пожертвованіе изъ библіотеки Брезницкой. Находились ли и тогда ужь эти подчистки и исправленія въ упомянутыхъ рукописяхъ, отвѣчать на это могли бы современники, но судя потому, что объ этихъ рукописяхъ было писано, я сомнѣваюсь, чтобъ изъ современниковъ кто-либо внимательно ихъ просматривалъ. Нельзя сказать, кто былъ этотъ фальсификаторъ; полагаю однако, что онъ былъ горячимъ и весьма наивнымъ патріотомъ, старавшимся пріискивать для рукописей имена писцовъ и художниковъ или приписывать извѣстнымъ именамъ работы неизвѣстныхъ писцевъ и рисовальщиковъ. Онъ, конечно, не думалъ, что окажетъ намъ, потомкамъ, дурную службу своею горячностью, очевидно расчитывая, что и будущія поколѣнія не распознаютъ его грубыхъ подлоговъ. Наконецъ, должно упомянуть, что уже много лѣтъ (již po více let) чиновники музейной библіотеки, когда кому представляли указанныя рукописи, всегда обращали ихъ вниманіе на эти поддѣлки".

Таково разсужденіе г. Баума. Мы еще обратимся къ вопросу о времени этихъ подлоговъ и о личности этого патріота-палеографа; здѣсь же не скроемъ только сожалѣнія и удивленія, что эти любопытныя данныя такъ поздно являются въ печати: г. Баумъ, какъ самъ утверждаетъ, открылъ подлогъ въ Mater Verborum еще въ 1868 или 1869 г. и указалъ на это, очевидно, служащимъ въ музеѣ; служащіе же въ музейной библіотекѣ, какъ онъ говоритъ, již povíce let всегда обращали вниманіе постороннихъ на эти поддѣлки. Печально однако то, что Чешскій народный музей, имѣющій свой литературный органъ, въ продолженіе девяти или многихъ лѣтъ не нашелъ возможнымъ и не счелъ нравственнымъ долгомъ обнародовать извѣстныя ему данныя объ этихъ подлогахъ. Такимъ образомъ, завѣдомо попускали держаться и развиваться лжи въ наукѣ. Напримѣръ, еще во второмъ изданіи V-го тома прекраснаго сочиненія д-ра Карла Шнаазе: Geschichte der bildenden Künste V. B. bearbeitet vom Verfasser unter Mithülfe v. Dr A. Woltmann. Düsseldorf, 1872, на стр. 492 въ примѣчаніи, приведенъ

подложный годъ Mater Verborum, на который уже указалъ г. Баумъ служащимъ въ музеѣ еще въ 1869 или 1868 г. Еслибъ у служащихъ въ музеѣ, и особенно у преемника Ганки, библіотекаря г. Вртятки, давно уже было заведено указывать посѣтителямъ эти подлоги, то трудно себѣ представить, чтобы слухи о нихъ не дошли до Шнаазе и Вольтмана. Значитъ, по крайней мѣрѣ въ 1871 г. извѣстія объ этихъ подлогахъ держали въ музеѣ больше подъ секретомъ. Вообще трудно пріискать извиненіе и оправданіе совершенному объ этомъ молчанію въ печати со стороны библіотекаря музея г. Вртятки. Не лежитъ ли на прямой обязанности начальства каждой библіотеки немедленно доводить путемъ печати до всеобщаго свѣдѣнія объ обнаруженныхъ подлогахъ и поддѣлкахъ въ ея рукописяхъ, особенно такихъ, которыя уже много разъ служили и постоянно служатъ предметомъ особеннаго вниманія разныхъ ученыхъ? Во всякомъ случаѣ, было бы гораздо полезнѣе и для музея, и для науки, еслибы г. Вртятко напечаталъ въ Музейникѣ все, что ему было извѣстно о подлогахъ и поддѣлкахъ въ разныхъ рукописяхъ музейной библіотеки, чѣмъ сочинять и помѣщать въ этомъ журналѣ статьи о Китаѣ и Монголахъ хана Кублая [1]). Г. Вртятко никогда къ знатокамъ Азіи не принадлежалъ, восточныхъ языковъ не вѣдаетъ, съ оріентальною наукою не знакомъ. Слѣдовательно, къ этимъ дилетантскимъ опытамъ можно было бы обратиться и послѣ, а прежде всего надо было обнародовать вышеуказанныя свѣдѣнія о подлогахъ. Далѣе, всѣ русскіе и прочіе славнсты, бывавшіе въ эти послѣдніе годы въ Прагѣ, надѣюсь, не опровергнутъ, а подтвердятъ мое личное наблюденіе, вторично мною сдѣланное на мѣстѣ еще нынѣшнею весною (1878 г.). Оно заключается въ томъ, что въ Прагѣ, въ музеѣ и вообще въ кругу ученыхъ и писателей почти господствуетъ и довольно открыто высказывается полное убѣжденіе, что указанные подлоги, подчистки и поддѣлки въ рукописяхъ принадлежатъ Ганкѣ, бывшему библіотекарю музея. Объ этомъ не я, конечно, одинъ слыхалъ собственными ушами и не разъ отъ самого библіотекаря музейной библіотеки г. Вртятки (я увѣренъ, что онъ это подтвердитъ). То же самое, если не ошибаюсь, думаетъ и г. Патера, авторъ прекраснаго изслѣдованія о подложныхъ чешскихъ глоссахъ Mater Verborum. Ниже я представлю нѣкоторыя данныя и соображенія, заставляющія меня считать именно Ганку, а никого иного авторомъ этихъ подложныхъ глоссъ. Я не

[1]) *Čas. Česk. Mus.* 1873. 1, III.

имѣю чести знать г. Баума, и не знаю, что̀ онъ думаетъ и говоритъ объ авторѣ этихъ подлоговъ, только смѣю полагать, что будь онъ убѣжденъ, что Ганка тутъ рѣшительно неповиненъ, онъ г. „Баумъ, безъ всякаго сомнѣнія, не преминулъ бы взять его подъ свою защиту. Если мы, наѣзжающіе по временамъ въ Прагу, могли убѣдиться, что въ библіотекѣ музея и въ кругу чешскихъ филологовъ и археологовъ господствуетъ такая увѣренность относительно Ганки, то Чеху г. Бауму это уже не могло оставаться безъизвѣстнымъ. Очень возможно, что онъ не имѣетъ такой полной увѣренности, какъ другіе, но судя по тому тону, съ которымъ онъ говоритъ о поддѣльщикѣ, можно съ вѣроятностью предполагать, что и самъ г. Баумъ разумѣетъ и подозрѣваетъ Ганку: náš podivin, horlivý ač velmi naivní vlastenec... Въ этомъ тонѣ вообще принято въ послѣднее время у Чеховъ говорить о Ганкѣ. Его обыкновенно представляютъ теперь, какъ человѣка очень благодушнаго, но крайне ограниченнаго и бездарнаго, который самъ не вѣдалъ что̀ творилъ.

Въ концѣ 1870 года г. Вртятко уже долженъ былъ знать объ упомянутыхъ подлогахъ, подчисткахъ и поддѣлкахъ въ Mater Verborum и другихъ рукописяхъ музея: г. Баумъ самъ говорилъ въ исходѣ 1876 г., что онъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ указалъ на поддѣлку года въ Mater Verborum, а вѣроятно и надписей о Вацерадѣ и Мирославѣ. И вотъ г. Вртятко напечаталъ въ Музейникѣ 1871 г. статьи въ защиту Суда Любуши, такъ называемой нынче Зеленогорской, и Краледворской рукописи. Здѣсь преемникъ Ганки, и кажется бывшій его подчиненный, всячески силится доказать—мы еще съ этими статьями будемъ имѣть дѣло,—что Ганка былъ бездарный стихоплетъ, дурной знатокъ старо- и ново-чешскаго языка и прежалкій палеографъ, или какъ Вртятко, вѣроятно, для пущей важности, выражается palaeognosta. Впрочемъ въ статьѣ „Hanka co palaeognosta" г. Вртятко не говоритъ ничего почти о Ганкѣ, за то достаточно распространяется о своихъ великихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ величайшемъ поэтическомъ памятникѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, какъ онъ умѣренно выражается о Краледворской рукописи: Já první obrátil sem zřetel k žlutým plámkám... Já první ukázal k utlým propíchnutím... Já první k velikému udivení osob, ježto rukopisy děnně se obirají, ukázal sem k drobounkým mikrografickým literkam v mistech, kam potom červené iniciálky vepsány byly. По русски это означаетъ: „Я первый обратилъ вниманіе на желтыя пятнышки... Я первый указалъ на нѣжные выпихи... Я первый, къ великому удивленію людей, ежедневно

занимающихся рукописями, указалъ на мелкія микрографическія буквы въ мѣстахъ, гдѣ потомъ были вписаны красныя иниціалы". Кто послѣ этого можетъ еще сомнѣваться въ великихъ ученыхъ познаніяхъ и въ палеографической наблюдательности г. Вртятки? Конечно, передъ тѣмъ онъ внимательно и долго разсматривалъ и хорошо изучилъ много рукописей въ музеѣ. Неужели при такой палеографической опытности и проницательности, онъ не замѣчалъ никакихъ подлоговъ и поддѣлокъ, часто видимыхъ простому, не вооруженному глазу? Хоть бы тутъ г. Вртяткѣ сказать по крайности о подлогахъ и поддѣлкахъ въ Mater Verborum, уже замѣченныхъ другими, напримѣръ, Баумомъ, еще года за два, за три до появленія статей: „Hanka a Rukopis Kralovédvorský". Нѣтъ, Вртятко тутъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ подлогахъ и упоминаетъ лишь о skutečných falsifikátech, о дѣйствительныхъ поддѣлкахъ, о Пѣсни о Вышеградѣ и Любовной пѣсни короля Вячеслава, но ни о чемъ больше.

Представимъ еще сдѣланное г. Баумомъ описаніе заглавнаго листа съ рисункомъ, изображающимъ А въ Mater Verborum. Выше были у насъ представлены его описанія, сдѣланныя И. И. Срезневскимъ и Ѳ. И. Буслаевымъ.

„Рисунокъ этотъ", говоритъ Баумъ,—„въ 0,37 метра выш. и 0,25 метр. ширины. Буква (А) окружена орнаментальными рамками въ 0,032 метр. въ ширину. Рамки эти обведены (съ внутренней и наружной стороны) золотыми блестящими полосками, которыя скрещиваются въ углахъ. Въ угольномъ скрещиваніи рамокъ имѣются розетки, сдѣланныя такимъ образомъ, что черная краска составляетъ поле, по которому выдается розетка, чистый пергаменъ, вытертый бѣлковиною. Нижняя рамка въ верхней части не имѣетъ золотой полоски. Боковыя рамки украшены романскимъ орнаментомъ зеленаго цвѣта и каждая по-своему. Тѣни древесныхъ листьевъ обозначены просто черными чертами, свѣтлая ихъ сторона—точками бѣлой краски. Орнаментъ въ лѣвой рамкѣ относительно стиля лучше выработанъ, чѣмъ въ рамкѣ на правой сторонѣ. Въ верхней рамкѣ нитеобразный орнаментъ выведенъ бѣлою краскою, напоминаетъ намъ украшенія меньшихъ иниціалъ въ той же рукописи. Въ нижней рамкѣ находятся бѣлыя и желтыя буквы ВВА (Abba). Желтая краска теперь потемнѣла. Стилизація этихъ буквъ та же, что въ Антифонаріи Сѣдлицкомъ. Между этими буквами есть нитеобразное украшеніе желтаго цвѣта. Главная буква А на золотомъ полѣ; поле обрѣзаетъ голубая лента; во многихъ мѣстахъ голубая краска стерлась, особенно налѣво отъ изображенія аббата, что очень жалко,

такъ какъ на этой лентѣ бѣлою краскою было написано имя аббата. Теперь можно только разобрать одну букву G и кусочки остальныхъ буквъ; но изъ нихъ нельзя возстановить первоначальной надписи. Вершина буквы А образована сплетеніемъ вѣтвей, изъ коихъ составлена эта буква. Контуры буквы черныя, а ея свѣтлая сторона — бѣлая. Вѣтви, изъ коихъ составлено А, различныхъ красокъ, оживлены древесными листьями и звѣрями (обезьяны, сова, львы и т. д.). Въ орнаментикѣ находимъ также скрипача и въ кругломъ медальонѣ грудной портретъ съ надписью Estas Siva.

„Воцель, Ганушъ и другіе знатоки пытались разъяснить символику этихъ звѣрей, скрипача и груднаго изображенія. Дѣло доходило даже до очень непріятныхъ споровъ. Мнѣ кажется, что въ этой мѣшанинѣ дѣйствительно нѣтъ никакой символики, что все это капризъ художника, который при этомъ не думалъ ни о христіанской, ни о языческой символикѣ, какъ и теперь, въ декоративной живописи, часто изображаютъ различныхъ звѣрей и чудовищъ, не думая ни мало ни о какой символикѣ. Я просмотрѣлъ довольно много разрисованныхъ рукописей, и признаюсь, рѣдко когда, даже при внимательномъ чтеніи текста, находилъ какую-либо символику въ декоративной живописи. Можетъ быть, иногда я и находилъ ее, потому что ея искалъ. Чаще всего такъ называемая символическая живопись находится внѣ всякой связи съ содержаніемъ текста, который она украшаетъ. Правда, имѣются цѣлыя сочиненія, посвященныя объясненію такихъ предполагаемыхъ символовъ, но мнѣ невольно при чтеніи ихъ припоминается пословица: что̀ поищешь, то и найдешь. Вѣрно, что въ древнѣйшемъ періодѣ декоративная живопись сюжетовъ христіанскихъ была символическая; вѣрно и то, что эта символика рано пропала, и позднѣйшіе рисовальщики, не понимая данныхъ формъ, употребляли ихъ безъ складу и ладу, смотря по личному вкусу и фантазіи. Любопытно было бы получить объясненіе живописныхъ околичностей въ такъ называемой Яромирской библіи или въ Liber viaticus въ музейной библіотекѣ, или каррикатуръ одного Бревіарія въ Пражской университетской библіотекѣ.

„Но послѣ этого отступленія воротимся къ описанію. Во главѣ письма изображенъ сидящій левъ [1]), ниже вѣнчаютъ сову сѣдая и гнѣдая обезьяны. Вправо лѣзетъ по орнаменту бѣловолосый мужчина

---

[1]) На рисункѣ, помѣщенномъ при *Изв. Археол. Общ.*, видна одна голова львиная. *В. Л.*

и держитъ человѣческую голову за волосы; изъ-за древесныхъ листьевъ выступаетъ звѣриная голова и помогаетъ этому истязанію. Кто не вспомнилъ бы при этомъ подобныхъ же иностранныхъ изображеніяхъ и объ очень ученомъ объясненіи ихъ по Физіологу. Середина буквы обозначена львами, сросшимися на задней части тѣла по образу узоровъ на средневѣковыхъ сицилійскихъ коврахъ [1]). Ниже сидитъ скрыпачъ на стулѣ, покрытомъ подушкою (а не на костельной крышѣ, какъ гдѣ-то написано), и играетъ на скрыпкѣ о трехъ струнахъ дугообразнымъ смычкомъ. Желтый кафтанъ музыканта переходитъ въ зеленоватый; тутъ опять приближеніе къ миніатюрамъ позднѣйшаго времени. Штаны скрыпача чернаго цвѣта. Углы золотаго поля надъ буквами заняты львами, другъ отъ друга отвернувшимися (головами обращены другъ къ другу). Нижнюю часть, то-есть, конецъ буквы, составляютъ драконы чудовища. Разъясненіе символики см. въ Mittheilungen d. k. k. Centralcommission f. Erforschung u. Erhaltung d. Baudenkm., вып. 5-й. Очень занимателенъ медальонъ съ надписью „Estas Siva". Въ немъ находится грудное изображеніе юноши, по другимъ женщины, держащаго въ правой рукѣ геральдическую лилію, въ лѣвой геральдическій трилиственникъ. Это изображеніе кругомъ обведено зеленою лентою, въ которой написано „Estas Siva". Почему думали, что изображеніе представляетъ женщину, мнѣ неясно. Волосы, которыя въ нашей рукописи въ другихъ миніатюрахъ у женскихъ фигуръ всегда бываютъ длинныя, на этомъ портретѣ Живы коротки, какъ во всѣхъ миніатюрахъ, представляющихъ мужчинъ. Въ нашей рукописи у Живы находимъ мужской вихоръ (Haarzopf), который по языческой символикѣ объяснялся за пламя, хотя на стр. 297 можно видѣть, какъ живописецъ представлялъ пламя (въ видѣ красныхъ языковъ). Не находимъ у Живы и грудей, сильно выдающихся, какъ всегда въ болѣе старой живописи обозначаются женщины. Повязка (páska), стягивающая волосы, типическая въ XIII в., встрѣчается одинаково у юношей и у дѣвицъ (см. библію Велиславову V) [2]). Я того мнѣнія, что полъ изображенія Живы долженъ быть еще доказанъ, прежде чѣмъ признавать въ изображеніи медальона: Dea frumenti Siva (sive) Ceres. Когда же полъ его будетъ доказанъ, тогда пусть опять оживаютъ ученые споры о Живѣ [3]). Для

---

[1]) Они не срослись, а сошлись спинами. *В. Л.*

[2]) На рисункѣ *Изв. Археол. Общ.* этой повязки не видно. *В. Л.*

[3]) Это напрасно. Но странно одно, и слѣдовало бы объяснить, почему у юноши обнажена грудь? *В. Л.*

живописи XIII в. замѣчательно изображеніе монаха на правой сторонѣ. Онъ держитъ свитокъ въ рукѣ, но надпись стерта до незамѣтныхъ остатковъ. Рисунокъ правиленъ, и вся фигура почтенная и достойная. Намъ кажется, что рисовальщикъ особое стараніе приложилъ въ этой миніатюрѣ.

„Сужденіе о нашей рукописи, какъ и объ ея миніатюрахъ, будетъ только тогда вполнѣ самостоятельно, когда всѣ извѣстныя рукописи Mater Verborum будутъ сравнены между собою. Только тогда можетъ открыться, какія имѣетъ особенности наша рукопись, и чѣмъ чешская „работа отличается отъ другихъ" [1]).

Въ заключеніе приведемъ замѣчаніе лучшаго въ настоящее время чешскаго палеографа г. Эмлера, одного изъ почтеннѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ современныхъ чешскихъ ученыхъ:

„Годъ въ рукописи написанъ такъ: MC̄II. Верхняя черта предназначалась для указанія удвоенія буквы С, такъ что читать слѣдовало бы MCCII. Такое объясненіе и такой способъ написанія свидѣтельствуетъ о великомъ незнаніи средневѣковыхъ сокращеній. Одинъ уже этотъ фактъ говоритъ о неправильности показанія года сравнительно съ характеромъ письма. Въ такую ошибку могъ впасть лишь тотъ, кто перенесъ на давнія времена нынѣшній способъ сокращенія *m* или *n* въ нѣмецкой скорописи. Особенно при числахъ въ средніе вѣка никогда не представляется ничего подобнаго. Редакція этого журнала готова давать по червонцу (?) за каждый приведенный изъ подлинныхъ средневѣковыхъ памятниковъ примѣръ подобнаго сокращенія чиселъ. Все это дѣло можетъ быть объяснено тѣмъ, что сочинитель надписи на свиткѣ не имѣлъ мѣста для втораго С, а такъ какъ онъ хорошо зналъ, что по письму рукопись должна относиться къ XIII в., то въ своемъ невѣдѣніи помогъ бѣдѣ тѣмъ, что прибѣгъ къ нынѣшнему, обычному въ нѣмецкой скорописи, способу удвоенія *m* и *n*".

V.

Г. Патера раздѣлилъ свое изданіе чешскихъ глоссъ Mater Verborum на двѣ части. Въ первой онъ помѣстилъ съ критическимъ вве-

[1]) Сверхъ указанной статьи проф. Вольтмана, см. его же Gesch. d. Malerei (2 и 3 Lief.) Leipzig, 1878. Между прочимъ онъ замѣчаетъ (S. 282): «Dass auch die böhmischen Glossen im Texte meist gefälscht sind, fallen die früheren Gründe für die Entstehung d. Codex in Böhmen fort». Выводъ поспѣшный: все же остается болѣе 300 (339) подлинныхъ, древнихъ чешскихъ глоссъ. *В. Л.*

деніемъ настоящія, подлинныя, древнія глоссы, во второй съ такимъ же введеніемъ глоссы поддѣланныя. Г. Патерѣ былъ сдѣланъ упрекъ, что его дѣленіе глоссъ слишкомъ субъективно, довольно произвольно и мало доказательно. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Участіе личнаго элемента въ такихъ работахъ совершенно устранить невозможно. Палеографія есть не только дисциплина, но и искусство. Есть много данныхъ, правилъ и пріемовъ, которыя свѣдущій и опытный наблюдатель можетъ передать своему ученику, но есть и много трудно опредѣляемыхъ, невыразимыхъ мелочей, которыя не передаются въ наставленіяхъ, а пріобрѣтаются при собственной работѣ, съ развитіемъ извѣстной сноровки, приходящей незамѣтно и постепенно. Наконецъ появляется извѣстное чутье и, если можно такъ выразиться, своего рода вдохновеніе, даръ отгадки. Палеографъ иногда отгадываетъ время диплома или его подложность почти мгновенно и внезапно, прежде чѣмъ онъ успѣлъ аналитически перебрать даже главнѣйшія данныя, свидѣтельствующія о вѣкѣ или подложности памятника. Выводы палеографическихъ, какъ и всякаго рода ученыхъ наблюденій, строго говоря, никогда не могутъ быть совершенно свободны отъ субъективнаго элемента, отъ личныхъ воззрѣній, ибо наблюдательность изслѣдователя есть часть его духа. При одинаково точныхъ методахъ и одинаковыхъ условіяхъ наблюдаемыхъ явленій результаты наблюденій всегда окажутся богаче и важнѣе у того изъ наблюдателей, кто добросовѣстнѣе и даровитѣе другихъ. Говорятъ: подавайте доказательства, а то теперь многое неубѣдительно; надо теперь ѣхать, говоритъ г. Ягичъ, самому въ Прагу и глядѣть въ Mater Verborum. Чтò же дѣлать, это болѣе или менѣе судьба всѣхъ наблюденій рѣдкихъ или объединенныхъ явленій. Всѣхъ доказательствъ, что А есть, а В происходитъ такъ, а не иначе, — передать цѣликомъ и живьемъ не возможно ни лингвисту, изслѣдующему малоизвѣстные нарѣчія и говоры, ни зоологу, наблюдателю жизни и обычаевъ птицъ, звѣрей, ни географу-путешественнику въ дальнихъ странахъ. Иное дѣло, когда въ опытѣ можно повторить явленіе. Во всякомъ случаѣ всякій ученый наблюдатель нуждается въ довѣріи. Отъ себя онъ долженъ требовать строгости и добросовѣстности, и тогда онъ вселяетъ къ себѣ довѣріе и имѣетъ право требовать его отъ другихъ.

Обращаясь къ труду г. Патеры, замѣчу, что въ бытность мою весною 1878 г. въ Прагѣ я разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ увеличительное стекло весьма большое количество подлинныхъ и поддѣльныхъ глоссъ, и признаюсь, получилъ полное внутреннее убѣжденіе, что представленныя

мнѣ г. Патерою доказательства или объясненія не обнаруживали ни малѣйшихъ натяжекъ, никакого желанія во что бы ни стало увеличить число поддѣльныхъ глоссъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти доказательства и объясненія г. Патеры часто бывали такъ мелочны и подробны, что не только относились къ общему характеру написанія какой-нибудь глоссы, но останавливались на отдѣльныхъ буквахъ, на отдѣльныхъ чертахъ нѣсколькихъ буквъ въ одной глоссѣ. Эти мелочи и подробности доказательствъ едва ли и могутъ быть всѣ цѣликомъ переданы въ печати. Конечно, можно было бы фотографировать всѣ эти поддѣльныя глоссы и каждую изъ нихъ подробно описать. Но чего бы это стоило, сколько денегъ и сколько времени? Впрочемъ, г. Ягичъ, вполнѣ признавая важное критическое значеніе общихъ замѣчаній г. Патеры, полагаетъ однако, что для изданія отдѣльныхъ глоссъ было бы лучше не избирать алфавитнаго порядка, а расположить глоссы по категоріямъ ихъ подозрительности, и наконецъ, нужно было бы подвергнуть эти поддѣльныя глоссы филологическому разбору (einer genauen sprachgeschichtlichen Analyse). Не отрицая пользы такого анализа и лишь нѣсколько сомнѣваясь въ пользѣ и удобствахъ особаго не алфавитнаго порядка для изданія подложныхъ глоссъ, я позволю себѣ впрочемъ относительно труда г. Патеры выразить одно лишь сожалѣніе, что онъ самъ умолчалъ и другіе чешскіе ученые ничего не сказали объ одномъ обстоятельствѣ, которое должно было бы служить весьма вѣскимъ подтвержденіемъ дѣйствительной подложности указанныхъ г. Патерою, какъ поддѣльныхъ, 800 слишкомъ глоссъ. Работа г. Патеры ведена было очень осмотрительно. Еще въ 1866 г. выписалъ онъ изъ Mater Verborum всѣ чешскія глоссы, и тогда еще убѣдился, что нѣкоторыя изъ нихъ подчищены и поддѣланы, другія же, то-есть, весьма и весьма многія, недавно вновь написаны. Обнародовать результаты своихъ наблюденій онъ медлилъ и сообщилъ ихъ только нѣкоторымъ своимъ друзьямъ. Между тѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ постоянно былъ занятъ разными палеографическими работами и пересмотрѣлъ за это время много древнихъ рукописей. Глазъ его изощрился, опытность пріобрѣтена большая, и вотъ въ 1876 г. г. Патера вновь занялся Mater Verborum, пересмотрѣлъ всѣ глоссы и пришелъ къ полному убѣжденію, что сдѣланныя имъ десять лѣтъ тому назадъ наблюденія были вѣрны. Объ этомъ сказалъ г. Патера въ одномъ изъ своихъ примѣчаній. Но вотъ о чемъ онъ умолчалъ къ великому сожалѣнію и къ немалому ущербу для своего труда. Г. Патера сообщилъ о своихъ результатахъ г. Эмлеру, отличному и опытному палеографу,

архиваріусу Пражскаго архива, издателю втораго тома Регестъ, многихъ важныхъ средневѣковыхъ латинскихъ памятниковъ по чешской исторіи, и г. Эмлеръ разсмотрѣлъ эти признанныя г. Патерою поддѣльными или новѣйшими чешскія глоссы Mater Verborum. Но сейчасъ ли было рѣшено напечатать это изслѣдованіе г. Патеры? Нѣтъ, собралось нѣсколько членовъ музея въ родѣ коммиссіи, тутъ были гг. Эмлеръ, многозаслуженный проф. Томекъ, тоже отличный знатокъ палеографіи, далѣе, весьма начитанный въ старо-чешской письменности, такъ называемый въ Прагѣ pan ministr (разъ какъ то недолго бывшій министромъ) г. Іосифъ Иречекъ, этотъ ангелъ-хранитель старо-Чеховъ, подражатель апостольской ревности св. Войтѣха у Славянъ Карпатскихъ и непостыдный оберегатель и поборникъ непорочнаго зачатія...[1]) Отрывковъ Евангелія отъ Іоанна, Суда Любуши и Краледворской рукописи; были тутъ, кажется, еще и другіе,—впрочемъ боюсь ошибиться. И вотъ всѣмъ этимъ лицамъ вмѣстѣ г. Патера развертывалъ страницы Mater Verborum, указывалъ поддѣльныя и подложныя глоссы и разъяснялъ причины, почему онъ не можетъ считать ихъ древними и настоящими. И только послѣ такой предварительной провѣрки, послѣ такой enquête, рѣшено было наконецъ напечатать въ Музейникѣ статьи г. Патеры. Что такое совѣщаніе дѣйствительно должно было происходить, это разумѣется само собою. Печатая въ Музейникѣ изслѣдованіе г. Патеры, музей взялъ, такъ сказать на свою отвѣтственность всѣ главнѣйшіе выводы г. Патеры и г. Баума. Такое совѣщаніе было необходимо и состоявшееся на немъ рѣшеніе — печатать изслѣдованія гг. Патеры и Баума—приноситъ честь этой коммисіи[2]). Но нельзя не

---

[1]) Для непосвященныхъ замѣчу, что г. Иречекъ былъ любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ извѣстнаго австрійскаго ультрамонтана Гельферта, игравшаго во времена Туновскаго конкордата большую роль въ Австріи по министерству народнаго просвѣщенія. Какъ Ministerial-Secretär, г. Иречекъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ извѣстной Римско-Вѣнско-Польской попыткѣ 1859—1860 г. ввести у Русскихъ въ Галиціи азбуку латинскую и уничтожить у нихъ русскую азбуку для цѣлей понятныхъ. См. Die Ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien, Lemberg. 1861. Позднѣйшее преданіе приписывало св. Войтѣху искорененіе славянскаго обряда и русской азбуки у сѣверо-западныхъ Славянъ.

[2]) Особенно если ея члены ничего не знали о приготовляемой г. Вольтманномъ статьѣ о подлогахъ, и если, слѣдовательно, надо приписать простой случайности совпаденіе времени напечатанія статей гг. Патеры и Баума въ 1-й книжкѣ *Музейника* за 1877 годъ со временемъ появленія статьи Вольтмана въ первой книжкѣ Шестакова *Repertorium* 1877. г.

пожалѣть, что эти почтенные члены музея не нашли удобнымъ или нужнымъ дать болѣе формальный и пожалуй торжественный характеръ своему совѣщанію и засѣданію. Это было бы, кажется, лучше для науки и для чести музея: вѣдь тутъ набѣдилъ бывшій музейный библіотекарь, который такъ долго, въ продолженіе не одного десятка лѣтъ, въ тиши и на досугѣ безъ всякаго зазрѣнія и удержу портилъ цѣлыя рукописи, сначала, можетъ быть, изъ любви къ отчизнѣ и народности, а потомъ уже просто, по страсти и привычкѣ, изъ любви къ искусству; избаловали его ужь очень и вскружили ему голову неслыханный успѣхъ и никогда, можетъ быть, нечаемая удача первыхъ молодыхъ опытовъ подлоговъ и поддѣлокъ. Отчего не составили формальнаго протокола почтенные чешскіе ученые о результатахъ своего совѣщанія относительно изслѣдованія г. Патеры? Я положительно не берусь отвѣчать на этотъ вопросъ. Но позволю себѣ высказать предположеніе, что однимъ изъ мотивовъ нерѣшимости ихъ выступить прямо и открыто въ такомъ дѣлѣ служитъ то обстоятельство, что чешскій патріотизмъ, чешское сознаніе хотя и не можетъ отказаться отъ массы фактовъ обличающихъ односторонность и ложь нѣкоторыхъ сторонъ недавней чешской дѣятельности, но не имѣетъ смѣлости, мужества и достаточно мысленной свободы, чтобы прямо назвать вещь своимъ именемъ, осудить въ себѣ и вырвать изъ себя ложь съ корнемъ, отказаться отъ нѣкоторыхъ прежнихъ излюбленныхъ мыслей и пріемовъ и вступить на новый, нѣсколько иной путь развитія. Такое офиціальное и торжественное заявленіе со стороны главныхъ членовъ музея объ открытыхъ уже и еще быть можетъ имѣющихся, музею вѣдомыхъ, а ученому міру еще неизвѣстныхъ, подлогахъ и поддѣлкахъ, подчисткахъ и приписках въ рукописяхъ музея и всякаго рода ихъ порчи и искаженіяхъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Отъ этого требованія, отъ исполненія этого долга нельзя устраниться. Рано или поздно прійдется же выступить съ такимъ заявленіемъ. Его не могутъ не желать не только всѣ слависты, но и всѣ европейскіе ученые разнообразныхъ спеціальностей. Потребность въ такомъ заявленіи всего болѣе должны чувствовать само чешское ученое общество и правленіе музея, наконецъ все чешское земство и чешскій народъ, справедливо глядящій на музей, всѣ его коллекціи и библіотеку, какъ на свое великое достояніе и дорогое сокровище. Все это очень хорошо должны понимать почтенные чешскіе ученые. Но они, по всей вѣроятности, не рѣшаются и медлятъ, потому что такое ихъ заявленіе бу-

детъ заключать въ себѣ строгое осужденіе всѣхъ прежнихъ правленій музея и главныхъ его членовъ, такъ долго попускавшихъ баловать Ганкѣ, такъ равнодушно сквозь пальцы глядѣвшихъ на его палеографическія шалости, ученыя проказы и безчинства: вѣдь когда еще Добровскій сталъ уличать его въ подлогахъ, значитъ, считалъ его способнымъ на это и къ этому, а конечно, всегда осторожный Добровскій съ своимъ тонкимъ проницательнымъ умомъ зналъ Ганку хорошо и видѣлъ его насквозь. Но этого мало: такое торжественное заявленіе заключало бы въ себѣ осужденіе всѣхъ этихъ театральныхъ, дѣланныхъ и шумныхъ демонстрацій, яко бы проявленій народнаго энтузіазма и народной воли, которыя двадцать лѣтъ назадъ устраивались, напримѣръ, въ честь Ганки и Краледворской рукописи послѣ извѣстнаго процесса съ Tagesbote, или на похоронахъ Ганки съ 30-ти-тысячною процессіей. Наконецъ, изъ такого заявленія не могутъ не выйдти весьма непріятныя заключенія о многихъ будто бы поразительныхъ и неопровержимыхъ новѣйшихъ доводахъ въ пользу яко бы невозможности допустить подложность такъ называемыхъ Зеленогорской и Краледворской рукописей. Но объ этомъ послѣ, а теперь ознакомимся съ общими критическими замѣчаніями г. Патеры о чешскихъ глоссахъ Mater Verborum сначала настоящихъ и древнихъ, а потомъ новыхъ и подложныхъ.

VI.

Древне-чешскія глоссы, говоритъ г. Патера,—трояваго рода:

1) Глоссы въ самомъ текстѣ, то-есть, въ строкѣ, прекрасно писанныя большою минускулою, какъ и весь текстъ. Таких немного, всего 12. Перечисливъ ихъ, г. Патера прибавляетъ, что остальныя чешскія глоссы въ текстѣ принадлежатъ къ подложнымъ.

2) Глоссы междустрочныя, написанныя вскорѣ по окончаніи рукописи, какъ свидѣтельствуютъ чернила, но уже другимъ писцомъ вѣроятно—тѣмъ монахомъ, который исправлялъ ошибки и дополнялъ пропуски. Эти глоссы жирнаго и не столь красиваго письма, какъ первыя. Ихъ всего 42.

3) Прочія настоящія глоссы, то-есть, значительное большинство (285) писаны красивымъ мелкимъ, обличающимъ искуснаго писца письмомъ, также вскорѣ по написаніи рукописи. По письму онѣ очень похожи на латинскія приписки на поляхъ, сдѣланныя писцомъ для рубрикатора съ тою цѣлью, чтобъ онъ, проведши иниціалы, вписалъ ихъ

красками. Писецъ этихъ глоссъ зналъ хорошо и по нѣмецки, ибо большая часть нѣмецкихъ междустрочныхъ глоссъ писана его же рукой.

Затѣмъ г. Патера останавливается на правописаніи этихъ глоссъ, но этого мы коснемся ниже, а теперь перейдемъ къ общимъ критическимъ его замѣчаніямъ о глоссахъ подложныхъ и новыхъ.

„Хотя", говоритъ онъ,—„съ точки зрѣнія филологической и миѳологической есть важныя данныя, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ подлинности многихъ чешскихъ глоссъ въ Mater Verborum, однако палеографическая сторона имѣетъ въ этомъ отношеніи наиболѣе рѣшающій голосъ. Хотя мы вполнѣ сознаемъ трудность рѣшать вопросъ о подлинности или подложности исключительно съ точки зрѣнія палеографической, но долголѣтними работами надъ рукописями и въ этомъ отношеніи можно достичь опредѣленныхъ результатовъ. Глазъ, постояннымъ и продолжительнымъ чтеніемъ пріученный къ древнему письму, видитъ тотчасъ нѣкоторую неровность письма при поддѣланныхъ и новонаписанныхъ глоссахъ. Поддѣланныя глоссы фальсификаторъ смастерилъ по большей части изъ словъ латинскихъ. У нихъ замѣчаемъ подчистки (rasury), по обыкновенно небрежныя, такъ что при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи можно различить слѣды и остатки ихъ первоначальныхъ буквъ. Чернила нововписанныхъ буквъ значительно разнятся отъ первоначальнаго письма, а буквы обыкновенно несоразмѣрно вмѣщены въ промежутокъ, получившійся отъ подчистки. Письмо при нововписанныхъ глоссахъ не одинаковое, часто писецъ забывался и смѣшивалъ въ одной глоссѣ буквы различныхъ временъ. Рука много разъ какъ бы тряслась, поэтому почеркъ не твердый и не ровный. Многія буквы часто ему не удавались, особенно c, r и s (r снабжалъ онъ какою-то запятою, с горбомъ, а s обыкновенно писалъ округленнѣе). Чернила у нихъ разныя, иногда очень черныя, иногда сильно смѣшанныя съ красною краскою. Многія глоссы написаны какою-то смѣсью красокъ, которая, если поглядѣть на нее со стороны, лоснится и густо и сильно нанесена на пергаменъ. Если же внимательно посмотрѣть черезъ хорошее увеличительное стекло на такія глоссы, то найдемъ чернила или мазь очень жидкими.

„На многихъ мѣстахъ замѣтны подчистки (rasury), и видно, что тутъ поддѣльщикъ вписывалъ чешскую глоссу; но какъ она ему не удалась, то онъ самъ признавалъ за благо выскоблить ее, и затѣмъ писалъ ее вновь или подъ тѣмъ же словомъ, надъ которымъ ему глосса не удалась, или на другомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ. Въ объ-

ясненіе перваго случая приведемъ въ примѣръ глоссу: mėna, втораго —глоссу: chramy. Всѣ глоссы, находящіяся въ нашей рукописи подъ словами латинскими, рѣшительно всѣ вновь написаны. На многихъ страницахъ, гдѣ поддѣлыщикъ приписалъ много глоссъ, и если тамъ ужь была древняя чешская или латинская и нѣмецкая глосса, онъ вновь или частью, или цѣликомъ обводилъ ее своими чернилами, или смачивалъ глоссу, дабы его поддѣлки не очень отличались отъ глоссъ настоящихъ. Изъ такихъ чешскихъ древнихъ глоссъ приведемъ, напримѣръ. blizkota, deska, dirne, hreben kokotoui, hruda, iuh, crabosca, kilavec, krepelice, matki, podvoy, prezada, vratce. Изъ латинскихъ глоссъ укажемъ: heretici, fecitraga, ceruum, fingitur и т. д.; изъ нѣмецкихъ: farn, melcvaz, merisnekko, suht, drischil, у слова slaven вновь написано l надъ словомъ и т. д. Отъ этого происходитъ, что самая глосса, можетъ быть—и первоначально древняя, глядитъ недавнонаписанною, ибо была вновь совершенно обведена черниломъ.

„Изъ вновь написанныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ глоссъ приведемъ: anseres, vinschafa, basa, drischin и т. д. Многія недавно написанныя глоссы писаны неровно и переходятъ черты, между которыми находится текстъ, чего не замѣчаешь при подлинныхъ глоссахъ. На страницахъ, гдѣ много находится древнихъ глоссъ, поддѣлыщикъ рѣдко когда отваживался вписывать свою глоссу, напр. стр. 137, 139, 177, 178, 252 и т. д. Многія глоссы написаны очень искусно и только чернила выдаютъ ихъ, за то многія—очень дурно и неудачно. Вообще видно, что недавно вписанныя глоссы не были написаны заразъ, а въ промежуткахъ, быть можетъ, нѣсколькихъ лѣтъ, то съ большею, то съ меньшею ловкостью. Поддѣланныя глоссы въ текстѣ, числомъ девятнадцать, суть слѣдующія: blažu, cebole, dennice, hoste, iun, němec, okurka, pastýr, plst, rak, svatovit, srbi, svėt, vaha, varle, vėnec, vlhvice, živa, между строками поддѣлано только слово kramar“.

Затѣмъ г. Патера объясняетъ порядокъ, которому онъ слѣдовалъ въ изданіи глоссъ подложныхъ. Онъ выбралъ, какъ мы уже видѣли, порядокъ алфавитный и затѣмъ пользовался старопечатнымъ изданіемъ Mater Verborum для возстановленія подскобленныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ глоссъ, изъ коихъ были поддѣланы чешскія. Въ заключеніе г. Патера говоритъ, что поддѣлыщикъ бралъ слова и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, когда ему не помогалъ старый и новый чешскій языкъ.

Таковы замѣчанія г. Патеры. Знаменитый нашъ маститый славистъ И. И. Срезневскій, самъ усердно занимающійся палеографіей

около двадцати лѣтъ, произнесъ свое сужденіе о палеографическомъ изслѣдованіи г. Патеры. Въ своихъ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ къ его труду, на стр. 151, И. И. Срезневскій говоритъ: „Нельзя не быть признательнымъ А. О. Патерѣ за его превосходное изслѣдованіе". Это сказано почти въ самомъ концѣ статьи; а въ началѣ ея достопочтенный профессоръ и академикъ говоритъ: „Mater Verborum представляетъ собою новое доказательство необходимости самаго внимательнаго палеографическаго разбора всякаго сколько-нибудь важнаго памятника, прежде чѣмъ его начнутъ употреблять въ дѣло при рѣшеніи или разъясненіи научныхъ задачъ" (стр. 82). Нѣсколько далѣе онъ замѣчаетъ: „Изданіе чешскихъ глоссъ, выбранныхъ мною самимъ (Шафарикомъ и Палацкимъ), независимо отъ прежняго изданія Ганки, не могло не утвердить за этими глоссами безусловнаго уваженія и довѣренности. Того, что голословно же, безъ всякихъ доказательствъ говорили о древности чешскихъ глоссъ въ Mater Verborum всѣ, которые ими занимались, никто не замѣчалъ. Можно сказать даже болѣе: считалось совершенно достаточнымъ простое довѣріе къ нимъ, какъ къ несомнѣннымъ. Такъ было до сихъ поръ. Такъ уже не можетъ остаться послѣ того, какъ внимательный и подробный переборъ этихъ глоссъ, сдѣланный А. О. Патерою, станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія. Будь исполненъ такой трудъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, и ни одинъ изъ писателей, пользовавшихся чешскими глоссами въ Mater Verborum, ни самъ бы не впалъ, ни другихъ бы не ввелъ въ тѣ жалкія ошибки, которыми не только наполнились многія и многія замѣчательныя произведенія ума и знанія, но овладѣло уже и научное преданіе, перешедшее изъ ученыхъ книгъ въ учебники, въ училища, въ общечитаемыя книги, книжки и листки, всюду, гдѣ не доискиваются прямыхъ источниковъ, питающихъ преданія" (стр. 83).

Съ величайшею радостью и удовольствіемъ приводимъ эти слова одного изъ старѣйшихъ въ настоящее время славистовъ: Миклошичъ родился въ одинъ годъ—1812—съ И. И. Срезневскимъ. Онѣ какъ нельзя лучше подтверждаютъ наши замѣчанія о томъ, что критика до послѣдняго времени была еще слабо развита въ славистикѣ, и что изслѣдованія гг. Патеры и Баума о Mater Verborum съ своими откровеніями представляютъ дѣйствительно капитальное явленіе въ наукѣ.

VII.

Намъ слѣдовало бы теперь остановиться на нѣкоторыхъ подложныхъ глоссахъ, которыя сами по себѣ очень поучительны, даютъ важныя указанія для объясненія другихъ чешскихъ подложныхъ памятниковъ, для исторіи разныхъ ученыхъ мнѣній и толкованій въ нашей наукѣ, наконецъ—для опредѣленія личности поддѣльщика чешскихъ глоссъ. Но мы, къ сожалѣнію, не можемъ тотчасъ же приступить къ этой работѣ, а должны еще остановиться на Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ г. Срезневскаго. Въ нихъ между извѣстнымъ намъ началомъ (стр. 82—83) и приведеннымъ нами замѣчаніемъ въ концѣ (стр. 151), на семидесяти почти страницахъ, говорится нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что̀ было приведено нами изъ начала и конца.

Всѣ эти безъ мала семьдесять страницъ заняты особымъ разсужденіемъ, которое рѣшительно противорѣчитъ и идетъ въ полный разрѣзъ съ выводами гг. Патеры и Баума. Это разсужденіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой нашъ академикъ разсматриваетъ правописаніе объявленныхъ г. Патерою подложными, глоссъ, а также и всѣ попадающіяся въ нихъ формы склоненія и спряженія,—во второй части обсуждаетъ вопросъ о знаніяхъ, выказанныхъ предполагаемымъ фальсификаторомъ, „въ выборѣ словъ, которыми онъ переводилъ слова латинскія“, и въ третьей части занимается обзоромъ миѳологическихъ словъ и понятій въ выданныхъ г. Патерою за подложныя и новыя чешскихъ глоссахъ Mater Verborum. Въ первой части нашъ академикъ приходитъ къ заключенію, что поддѣльщикъ былъ особенно хорошо приготовленъ, „не только знаніемъ того, что̀ могло быть особенно занимательнымъ для изслѣдователей, но и знаніемъ особенностей древняго чешскаго языка и правописанія и умѣньемъ пользоваться своими знаніями, которое должно было быть подкрѣпляемо увѣренностью въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII вѣка (какъ въ то время полагали). Кто же могъ быть знатокомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы?.. Когда жилъ и работалъ этотъ замѣчательный поддѣльщикъ, когда, слѣдовательно, была возможность сдѣлаться такимъ знатокомъ древностей быта и языка?“ (стр. 88). Въ немъ было „чутье удивительное“ (стр. 93).

Наконецъ, приведя немногіе встрѣчающіеся примѣры формъ склоненія и спряженія, нашъ академикъ говоритъ: „Всего этого вмѣстѣ

очень немного; но и въ этомъ немногомъ видно знаніе древняго чешскаго языка, мѣшавшее поддѣльщику дѣлать ошибки — даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда древніе памятники, которые могли быть у него подъ руками, не давали ему никакихъ указаній, какъ видно изъ вышеприведенныхъ наблюденій Добровскаго и Ганки. Позволяю себѣ думать, что для полнаго избѣжанія ошибокъ поддѣльщику мало было знать древній чешскій языкъ болѣе, чѣмъ могли знать его тѣ, у которыхъ подъ руками были тогда доступные памятники, но и вообще древній складъ славянскаго языка. Кто бы ни былъ поддѣльщикъ, а онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка, какимъ былъ, напримѣръ, Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его" (стр. 102).

Что же вытекаетъ изъ этихъ словъ нашего маститаго академика? Это выводъ изъ разсмотрѣнія его всѣхъ 800 слишкомъ подложныхъ глоссъ относительно правописанія и знанія вообще склада древне-чешскаго и древне-славянскаго языка. Не могу понять, зачѣмъ тутъ понадобился послѣдній. Излишекъ доводовъ всегда вредитъ убѣждающимъ ораторамъ. До 1827 г. (это послѣдній срокъ поддѣлокъ и подлоговъ въ Mater Verborum) въ Прагѣ и вообще въ Чехіи не было рѣшительно ни одного человѣка, который не только въ знаніи древне-славянскаго, но и древне-чешскаго языка не то что превосходилъ бы Добровскаго, но и сколько-нибудь могъ равняться съ нимъ. Уже не говоримъ объ истинно-ученой подготовкѣ Добровскаго, его образованности и его геніальности. Всѣ тогдашніе старшіе и младшіе Чехи,—выключаемъ Палацкаго, собственно Мораванина и пріѣхавшаго въ Прагу поздно (1823 г.) и Словака Шафарика, еще позже переселившагося въ Чехію (1833 г),— были или люди заслуженные, но довольно посредственныхъ дарованій или люди горячіе, способные (но не геніальные) и трудолюбивые, но все почти дилеттанты и научнымъ образомъ къ избранной ими дѣятельности вообще мало приготовленные по части наукъ нравственныхъ. Всѣ эти похвалы и одобренія, расточаемыя поддѣльщику, однозначительны, строго говоря, съ полнымъ отрицаніемъ дѣйствительности поддѣлокъ и подлоговъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ всѣ, рѣшительно всѣ выданныя г. Патерою за подложныя, глоссы, И. И. Срезневскій въ заключеніе высказываетъ такія замѣчанія, которыя каждаго читателя, умѣющаго связывать понятія и дѣлать правильныя заключенія, непремѣнно приводятъ къ такой дилеммѣ: Или фальсификаторъ былъ такой великій знатокъ и талантъ, какого въ Чехіи во времена Добровскаго (до 1827 г.) не было и быть не могло; слѣдовательно, совершилось нѣкое чудо, по-

жалуй въ родѣ того, что незримая рука жителя иного міра подскоблила латинскія и нѣмецкія глоссы Mater Verborum, передѣлала ихъ въ чешскія и вписала новыя, иногда довольно искусно, а иногда и очень грубо, какъ свидѣтельствуетъ и превосходное изслѣдованіе г. Патеры. Или же никакого чуда не было, а слѣдовательно, не было и подлоговъ и поддѣлокъ. Правда, были поддѣльныя глоссы: „Нѣкоторыя сдѣланы изъ словъ, прежде написанныхъ, подчисткою, передѣлкою буквъ, припискою новыхъ буквъ и т. п. Это дознано наблюденіями и должно быть признаваемо вѣрнымъ" (стр. 150). Къ этому г. Срезневскій прибавляетъ: „Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ не заподозрѣнныя, написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говоритъ объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернилъ и т. д." (стр. 150). Нашъ палеографъ произнесъ тутъ строгое осужденіе и порицаніе палеографической работѣ г. Патеры. Вслѣдствіе „подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п.", г. Патера составилъ предположеніе, съ которымъ не усумнился явиться въ ученый міръ доказывать, что 800 слишкомъ глоссъ въ Mater Verborum подложны.

Недоумѣваемъ, какъ все это согласить съ замѣчаніями того же ученаго авторитета, что работа г. Патеры есть „превосходное изслѣдованіе", „что его внимательный и подробный переборъ глоссъ... станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія", что „будь исполненъ такой трудъ (то-есть, Патеры) за пятьдесятъ лѣтъ", не было бы де и тѣхъ жалкихъ ошибокъ.

Но какія же это ошибки, и еще жалкія, если значительнѣйшая часть этихъ глоссъ неподложна и не можетъ быть подложна? Быть можетъ, возразятъ мнѣ, что нашъ академикъ ставитъ собственно въ заслугу г. Патерѣ то, что онъ указалъ на подчистки и поддѣлки? Но честь перваго ихъ указанія принадлежитъ не г. Патерѣ, а Ганушу [1]). Чтò же тогда останется за г. Патерою, можно ли называть его изслѣдованіе превосходнымъ и приписывать ему такую важность, когда въ немъ такъ легкомысленно, вслѣдствіе одного „подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п." (вѣдь у каждаго

---

1) *Sitzungsberichte d. königl. böhm. Gesellsch. d. Wissensch. in Prag.* Jhrg. 1865, Ss. 84 ff..

писца свой почеркъ, могутъ у разныхъ писцовъ быть и разныя чернила),—объявлена подложными цѣлая масса глоссъ, которая, по тщательномъ, надо думать, разборѣ правописанія и языка не обнаруживаетъ такой подложности. Превосходно изслѣдованіе г. Патеры, но неподложны и глоссы.

But Brutus says: he was ambitious,
And Brutus in an honourable man.

Невольно припоминается рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря. Дѣйствительно, пріемы, употребляемые въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ, совершенно ораторскіе. Разсматриваемыя съ этой стороны, онѣ представляютъ собою замѣчательное литературное произведеніе, настоящій памятникъ ораторскаго искусства. Тономъ, пріемами, оборотами, эффектами и преувеличеніями это разсужденіе нашего почтеннаго академика — sit venia verbo — очень напоминаетъ блестящую адвокатскую рѣчь. Тутъ есть приступъ, гдѣ сначала сказано нѣсколько теплыхъ словъ въ похвалу палеографіи и работы г. Патеры, затѣмъ идетъ самая рѣчь, это настоящая oratio pro Venceslao Hanka и отчасти pro domo sua,—то-есть, въ защиту и оправданіе ученыхъ, впадавшихъ въ нѣкоторыя ошибки, только потому, что фальсификаторъ былъ такъ великъ. Наконецъ, слѣдуетъ заключеніе: здѣсь выражено много горячихъ словъ въ доказательство, что подлоги не доказаны, и что ихъ вѣрнѣе вовсе не было, затѣмъ прибавлено, что если новыя изслѣдованія (опять, можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ?) докажутъ неопровержимо, что поддѣлки дѣйствительно были, и г. Патера былъ правъ, то все еще остается вопросъ: „Не списаны ли они съ какого-нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника,—такъ что вписывавшій ихъ только переписывалъ, и если мудрствовалъ лукаво, то только въ подчисткахъ и въ подправкахъ?" Какъ будто это предполагаемое, впрочемъ вовсе тутъ не имѣвшее мѣста, вписываніе изъ одной рукописи въ другую, древнюю, почеркомъ древнимъ, не есть то же лукавство? Наконецъ, послѣ новой похвалы вскользь г. Патерѣ, идетъ финалъ, имѣющій окончательно растрогать слушателей, привести всѣхъ въ умиленіе, и возбудить въ нихъ потребность полнаго всепрощенія фальсификатору и даже чувства уваженія къ его самобытнымъ силамъ, „не подчинявшимся современнымъ увлеченіямъ". Вотъ этотъ финалъ: „Если же онѣ (объявленныя г. Патерою подложными чешскія глоссы) окажутся сочиненными недавно, то-есть, не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется не менѣе — если даже не болѣе — важное обстоятельство:

ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самаго Добровскаго. Нисколько не унижая достоинства и заслугъ знаменитаго слависта, всюду и всѣми одинаково чтимыхъ(?), надобно будетъ помнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія такія же силы, хотя и не такъ счастливо направленныя (—это про подлоги и подчистки, указанныя гг. Патерою и Баумомъ—), но не могшія оставаться безъ всякаго добраго вліянія на другихъ дѣятелей, силы болѣе или менѣе самобытныя, не подчинявшіяся современнымъ увлеченіямъ, могшія оцѣнять ихъ по достоинству строгою критикою ума и знанія, богатыя знаніемъ и того, что̀ всякому другому оставалось недоступнымъ".

Мнѣ въ высшей степени грустно, но я долженъ откровенно сказать, что нельзя не считать крайне вреднымъ для развитія науки введеніе въ ученыя изслѣдованія пріемовъ и эффектовъ ораторскихъ. Языкъ и способъ изложенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ долженъ быть прямой и строгій. Въ суровой простотѣ и ясности истинныхъ научныхъ изслѣдованій особенно великихъ мастеровъ есть своя прелесть и изящество. Факты приводятся точные, провѣренные; ими доказывается или изъ нихъ выводится не болѣе и не менѣе того, что̀ слѣдуетъ; одинъ выводъ связывается съ другимъ, третьимъ, безъ всякихъ натяжекъ и насилій; затѣмъ, быть можетъ, высказываются догадки, предположенія, гипотезы, часто потомъ не оправдываемыя, но всегда небезполезныя, если придуманы способнымъ знатокомъ и высказаны прямо, безъ утаекъ, съ рѣшимостью не отступать и не отрекаться отъ своихъ мнѣній, пока ихъ неосновательность не обнаружится, и съ готовностью откровенно и искренне сознаться въ своихъ ошибкахъ, если онѣ окажутся. Наука живетъ и развивается только въ свободѣ и требуетъ себѣ языка свободнаго, и слѣдовательно, искренняго. Мысль должна не скрываться, прятаться по угламъ и убѣгать въ потемки, а напротивъ стремиться къ простотѣ, ясности и свѣту; ученое же изслѣдованіе, громоздящее примѣры надъ примѣрами, доводы надъ доводами, быть можетъ эффектные, но не доказанные, носитъ въ самомъ себѣ и наказаніе. Вопросы, сами по себѣ несложные, запутываются и усложняются, доказательства, небрежно приводимыя, порождаютъ новыя ошибки, ложныя заключенія, и вообще является путаница и хаосъ.

Признаюсь откровенно, мы такъ привыкли къ строгому анализу въ послѣднихъ палеографическихъ трудахъ нашего маститаго наставника, что никогда не ожидали встрѣтиться съ такимъ его разсужденіемъ, которое невольно приводитъ въ смущеніе. Тутъ часто рѣшительно недоумѣваешь, на чемъ остановиться, какъ объяснить себѣ разныя невѣрности и неточности, поспѣшные выводы и не вытекающія изъ дѣла заключенія. Быть можетъ, это произошло отъ того, что въ палеографическихъ трудахъ И. И. Срезневскій является преемникомъ и строгимъ продолжателемъ Востокова, а въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ о Mater Verborum снова выступилъ увлекающійся славистъ Харьковскаго періода съ прежнею живостью, энергіей и талантомъ, но и съ прежними недостатками.

Позволяю себѣ остановиться на нѣсколькихъ частностяхъ. Въ первой части, въ числѣ немногихъ примѣровъ формъ спряженія, имѣющихъ доказать неподложность глоссъ, приведено между прочимъ и слово blażu. А эта глосса явилась такимъ образомъ, какъ видно изъ сравненія рукописи Mater Verborum съ старопечатнымъ экземпляромъ: въ первоначальномъ текстѣ было beatum reddo. Поддѣльщикъ оставилъ b (въ beatum), изъ e сдѣлалъ l, изъ t—s и надъ u выскоблилъ поперечную черточку (знакъ сокращенія m). Явилось blasu-blażu.—Это же blasu приведено въ числѣ примѣровъ употребленія s вм. ж. (с. 97).

Положимъ, все это приведено, какъ примѣры отличнаго знанія поддѣльщикомъ древне-чешскаго языка, но затѣмъ изъ этихъ же, а не иныхъ примѣровъ выводится яко бы древность и неподдѣльность этихъ подложныхъ и новыхъ глоссъ. Въ числѣ такихъ же примѣровъ употребленія s вм. c, приведена глосса hoste, а она явилась очень просто; въ подлинникѣ было: hospitales hostes perduelles. Поддѣльщикъ выскоблилъ s, и вышло славянское hoste [1]). Въ примѣръ употребленія k вмѣсто k приведена глосса kramar. Въ подлинникѣ было kramer. Поддѣльщикъ выскоблилъ e и написалъ вм. него: a. Въ примѣръ употребленія y вм. ы (y) приведены всего два примѣра: pastyr, sytiwrat. Слово pastyr поддѣланное: въ подлинникѣ было pastor; фальсификаторъ выскоблилъ o и написалъ y. Значитъ, глосса pastyr несомнѣнно подложная. Если поддѣльщикъ могъ употребить y въ глоссѣ pastyr, то и правописаніе глоссы sytiwrat (палеографически при-

---

[1]) Глосса hoste приведена и въ примѣрахъ склоненія (стр. 101).

знанной за новѣйшую) не можетъ служить доказательствомъ ея древности.

За исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, отмѣченныхъ И. И. Срезневскимъ, то-есть, употребленія hc вм. c (lovehc), cz вм. č (ч), y=ы, правописаніе подложныхъ глоссъ находитъ себѣ оправданіе въ правописаніи подлинныхъ древнихъ глоссъ. Только нѣкоторыхъ способовъ написанія, употребительныхъ сверхъ того въ древнихъ подлинныхъ глоссахъ, не находится вовсе въ глоссахъ новѣйшихъ или подложныхъ. (Дополн. Зам. стр. 98). И. И. Срезневскій заключаетъ: „Чутье удивительное. Онъ могъ принять въ руководство для надежнаго управленія своимъ чутьемъ только одно средство: изучить правописаніе тѣхъ чешскихъ глоссъ въ Mater Verborum, которыя были въ рукописи прежде, чѣмъ онъ принялся за свое дѣло; но этихъ глоссъ было очень немного (всего однако 339), не говоря уже о томъ, что немалаго труда должно было стоить—отыскать ихъ въ огромной рукописи (?). Къ тому же и ихъ онъ не держался исключительно: кое-чѣмъ не пользуясь, онъ употреблялъ и такіе пріемы правописанія, которымъ образца не было въ тѣхъ глоссахъ“ (стр. 93).

Неужели такимъ образомъ доказано какое-то удивительное чутье? Если человѣкъ рѣшился поддѣлывать и вписывать свои глоссы, дабы выдать ихъ за древнія, то конечно, онъ не побоялся бы труда перелистовать внимательно всю рукопись и выписать себѣ всѣ настоящія древнія глоссы. Онъ ихъ исключительно не держался, то-есть, кое въ чемъ ими не пользовался, а слѣдовалъ въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ весьма немногихъ, иному способу правописанія, на который имѣлись у него образцы не только въ другихъ рукописныхъ памятникахъ, но и въ изданіяхъ Томсы, Добровскаго (Geschichte der böhmischen Sprache), Ганки (Starobyla Skladanie). Разумѣю весьма замѣчательную для своего времени книгу: Tomsa, Fr. Ueber die Veränderungen der čechischen Sprache, nebst einer čechischen Chrestomathie seit d. dreizehnten Jhrh. bis jetzt. Prag. 1805. Изъ этой книги еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія можно было довольно близко и основательно ознакомиться съ чешскимъ правописаніемъ XIII — XIV в. и тѣмъ болѣе послѣдующихъ столѣтій. Въ прекрасномъ для своего времени введеніи (стр. 9—62) толково и дѣльно разсматриваются измѣненія въ теченіе времени чешскаго языка—въ письменахъ, буквахъ (die Veränderungen... in den Buchstaben). Тутъ почтенный авторъ прибѣгаетъ, и большею частью удачно, къ сравненію чешскаго языка съ другими славянскими, именно съ русскимъ и церковно-

славянскимъ, для котораго впрочемъ онъ пользуется изданіемъ Новаго Завѣта 1771 г. Во второй главѣ разсматриваются перемѣны языка въ словахъ, въ третьей—въ грамматическихъ формахъ и въ синтаксисѣ (тутъ отмѣчено и двойств. число глаголовъ на wa, wě); въ четвертой изложены измѣненія чешскаго языка въ правописаніи. Послѣ введенія идетъ христоматія, въ которой всѣ образцы изданы буква въ букву. Первый образецъ—отрывокъ листка Псалмовъ, хранившагося у Длабача въ Страховѣ (XIII в.); второй—сатира о швецахъ и прочихъ ремесленникахъ, полученная отъ Добровскаго, XIV в.; третій—небольшой отрывокъ Officium о Св. Духѣ, отъ Длабача; четвертый—большой отрывокъ изъ Ѳомы Штитнаго (стр. 85—104) и проч.

Я позволилъ себя остановиться на этомъ весьма почтенномъ и замѣчательномъ для своего времени изданіи, дабы показать, какъ неосновательно и напрасно преувеличивать, съ одной стороны, незнакомство всѣхъ Чеховъ первой четверти нынѣшняго столѣтія съ древне-чешскимъ языкомъ, а съ другой—также неумѣренно возвеличивать и превозносить заслуги и познанія Ганки, ставя его даже рядомъ съ Добровскимъ. Такъ И. И. Срезневскій говоритъ про введеніе Ганки въ Starobyla Skladanie: „Ганка пользовался въ немъ тѣмъ, что было подъ рукою и у Добровскаго, и кое чѣмъ съ большимъ вниманіемъ" (стр. 90). Что это не такъ, и что все это освѣщено невѣрно, я не стану распространяться, а позволю себѣ только сослаться на переписку Ганки и Добровскаго, не такъ давно изданную въ Музейникѣ. Желая такъ сказать убить двухъ зайцевъ разомъ, говорятъ на двое, или до подложныя глоссы не подложны, а настоящія и древнія, или если уже подложны, то поддѣльщикъ былъ глубокимъ знатокомъ не только древне-чешскаго, но и древне-славянскаго (церковнаго) языка. „Онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка, какимъ былъ, напримѣръ, Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его" (стр. 102). Все это производитъ въ высшей степени грустное впечатлѣніе. Положимъ, что заподозрѣнныя глоссы обличаютъ въ писавшемъ ихъ такія удивительныя знанія въ древне-славянскомъ, то-есть, церковномъ языкѣ. Что же говоритъ это обстоятельство хотя сколько-нибудь въ пользу ихъ древности и неподложности? Неизвѣстный авторъ чешской Александрıды, Ѳома Штитный, великій Я. Гусъ были превосходными знатоками чешскаго языка своего времени. Намъ извѣстны ихъ настоящія, неподложныя сочиненія. Обнаружено ли въ нихъ хотя какое-нибудь знаніе древняго церков-

но-славянскаго языка? Ни мало. Совершенно естественное, неизбѣжное и необходимое незнакомство древне-чешскаго образованнаго писателя съ языкомъ древне-славянскимъ составляетъ такое постороннее обстоятельство, котораго вовсе и не слѣдуетъ касаться при разсмотрѣніи вопроса о подлинности или подложности того или другаго древне-чешскаго памятника. Еслибы напротивъ въ какомъ-нибудь древне-чешскомъ памятникѣ дѣйствительно обнаружились такія необыкновенныя знанія въ древне-славянскомъ языкѣ, что слѣдовало бы признать автора превосходнымъ знатокомъ древняго славянскаго языка такимъ, какимъ былъ, напримѣръ Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его,—еслибъ это было такъ, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалось бы самое неопровержимое доказательство подложности даннаго памятника. Въ заключенія, гдѣ, какъ мы ужь видѣли, такъ сказать допускается уже подложность чешскихъ глоссъ Mater Verborum, сказано, что изъ этого вскроется — „ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго“ (стр. 151).

Эти строки, писанныя въ 1878 г. однимъ изъ старѣйшихъ славистовъ, могутъ служить вѣрнымъ указателемъ того уровня, на которомъ еще стоитъ славистика, особенно русская. Какъ не пожелать изданія полнаго собранія мелкихъ сочиненій Добровскаго и всей его обширной переписки. Тогда намъ предстала бы во всей античной простотѣ и ясности эта истинно геніальная голова. Долго перебирая кучу примѣровъ, ни въ чемъ не убѣждающихъ ни въ подлинности подложныхъ глоссъ, ни въ величіи ума и глубинѣ знаній Ганки (ибо, по-моему и какъ покажу ниже, фальсификаторомъ былъ онъ), я долго искалъ примѣровъ, имѣющихъ доказать въ авторѣ подложныхъ глоссъ такія удивительныя знанія въ древнемъ славянскомъ языкѣ, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти доказательства ни въ чемъ иномъ не могутъ заключаться, какъ въ глоссахъ, которыя такъ толкуетъ Ганка въ своемъ изданіи 1833 г.: „dle analogie, mati, dci, třeba skloňowati i sesti, sestře, neti netře aneb neteře; na zpusob staroslowanského luby, kterêž i zde přicházj, též wěty wětwe, kony konwe, koty kotwe, kry krwe a t. d. (есть еще croki, zvekri), gečmi, kami, kori, gečmene, kamene, kořene a t. d. (Zbjrka стр. VI—VII). И. И. Срезневскій, приведя эти глоссы, прибавляетъ: „Это тѣмъ болѣе замѣ-

чательно, что въ подлинныхъ глоссахъ видимъ окончаніе ev (mirkev: мръкъвь) и en (kamen, kremen)" (стр. 101). Прибавимъ, все это еще тѣмъ замѣчательно, что не только въ древнихъ чешскихъ глоссахъ, но и въ другихъ чешскихъ памятникахъ, этихъ словъ не встрѣчается. Для составленія этихъ словъ не требовалось ни геніальности, ни знаній,—достаточно было знать граматику Добровскаго, а у Ганки была копія съ подлинной рукописи Institutiones еще за нѣсколько лѣтъ до выхода ея въ печати (съ 1817 г.). Слово sesti, какъ вѣрно замѣтилъ г. Ягичъ [1]), невѣроятное и невозможное. Поддѣльщикъ не понялъ значенія звука т въ словѣ сестра. Передъ фальсификаторомъ было слѣдующее мѣсто въ Institutiones Добровскаго: „Сестра, чрезъ прибавленіе ра отъ сест;... срв. нѣм. Schwester, шв. syster и лат. soror"... (русск. пер., I, стр. 190, t. I, гл. I, § 7).

Приведя особые способы написанія (ц, ч, ы) въ подложныхъ глоссахъ, которые не встрѣчаются въ глоссахъ древнихъ, И. И. Срезневскій прибавляетъ: „Все это однако не нововведеніе, а нерѣдко встрѣчается въ памятникахъ не только конца XIII в. и болѣе позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣлывателю, но и въ древнѣйшихъ, одновременныхъ съ Mater Verborum и болѣе раннихъ" (стр. 97). Можно подумать, что этихъ „древнѣйшихъ, одновременныхъ и болѣе раннихъ" памятниковъ поддѣльщикъ 1818—1827 г. не могъ знать. Но этого не сказано, да и сказать было нельзя, ибо всѣ почти памятники чешскаго языка XI—XII в., извѣстные теперь, были извѣстны и въ 1818 -- 1826 г. Да и во всякомъ случаѣ, если почтенный академикъ самъ признаетъ, что эти черты правописанія „встрѣчаются въ памятникахъ конца XIII в. и болѣе позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣлывателю", то нельзя уже изъ этихъ особенностей правописанія выводить что̀-либо въ пользу подлинности подложныхъ глоссъ или какихъ-то чрезвычайныхъ знаній, удивительнаго чутья и великихъ способностей фальсификатора.

---

[1]) Только г. Ягичъ просмотрѣлъ замѣчанія Баума и Эмлера о подложности года MCII и говоритъ: «Man muss dabei nicht vergessen, dass zu Hanka's Zeiten geglaubt wurde, der Codex der M. V. rühre aus dem Anfang d. XII Ihrh. her, was um so eher den Fälscher veranlassen konnte, einige recht alt aussehende Glossen zu machen. (*Arch*. f. Slav. Phil. B. III. H. I, S. 122). Дѣло въ томъ, что Ганка молчалъ, не возражалъ, когда другіе относили рукопись Mater Verborum къ 1102 г., а самъ онъ въ своемъ изданіи ограничился только приведеніемъ надписи съ годомъ съ черточкою на верху, при чемъ арабскими цифрами не привелъ года, какъ онъ приводитъ, напримѣръ, говоря о рукописи Богемарія (Zbjrka, стр. X). Въ статьѣ 1827 г. Ганка впрочемъ привелъ годъ MCII безъ черты надъ C.

Въ числѣ доказательствъ удивительнаго чутья фальсификатора, а не то и подлинности подложныхъ глоссъ, не разъ въ первой части Дополнительныхъ Замѣчаній указывается на то обстоятельство, что Mater. Verborum „значительно долго считалась памятникомъ начала XII в. (1102 г.), а не начала XIII в. (1202 г.), какъ открылось послѣ. Поддѣльщикъ долженъ бы былъ, слѣдовательно, держаться тѣхъ данныхъ, которыя были на виду о языкѣ и правописаніи объ XI, много что о XII в.; но онъ ихъ не строго держался, а напротивъ отъ кое-какихъ положительно удалился"... Приведены примѣры (h вм. g, ch вм. x, и только разъ h вм. ch, ни разу rs или rz, перегласовка a въ e послѣ мягкихъ). „Чутье удивительное!" (стр. 93).

Поддѣльщикъ былъ де необыкновенно приготовленъ знаніемъ того и другаго, умѣньемъ пользоваться своими знаніями, и это умѣнье должно было быть подкрѣпляемо увѣренностью въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII в. (какъ въ то время полагали,—только, прибавимъ, не самъ фальсификаторъ, не нуждавшійся поэтому и въ такой увѣренности о началѣ XII в.). „Кто же могъ быть знатокомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы въ Mater Verborum?" (с. 88).

Кажется, безъ увѣренности въ достаточность силъ своихъ никто не приступаетъ къ подлогамъ. Для такого дѣла во всякомъ случаѣ требуются большая храбрость, и что называется — свобода ума отъ разныхъ предразсудковъ.

„Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ изъ всего другаго (жаль, что не сказано опредѣлительнѣе, въ чемъ все это другое заключается)—видно, что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владѣлъ навыкомъ древняго правописанія, и притомъ не навыкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. (но кто же до 1827 г. говорилъ и писалъ о глоссахъ Mater Verborum?) и долго послѣ рукопись Mater Verborum, то-есть, не конца XI или начала XII в., а болѣе поздняго, когда уже писали h вм. g и e вм. a въ мягкихъ слогахъ [1]) (стр. 99).

[1]) Употребленіе h вм. g въ подложныхъ, по Патерѣ, глоссахъ, не можетъ совсѣмъ быть приводимо въ доказательство подлинности. Изъ глоссы *waha* lanx, statera, видно, что въ подлинникѣ было waga, g частью выскоблено и вписано h. Патера прибавляетъ, что h соединено здѣсь съ слѣдующею буквою сверху, чего не могло бы быть, еслибъ это h не было поддѣлано. Мудрости большой

Еслибъ И. И. Срезневскій былъ знакомъ съ статьею г. Ваума и примѣчаніемъ г. Эмлера въ Музейникѣ, вышедшемъ въ началѣ 1877 г. (а Дополнительныя Замѣчанія вышли весною 1878 г., если не позже), то безъ сомнѣнія, онъ не возвращался бы такъ часто къ этому доводу, который впрочемъ и безъ того не доказываетъ ничего рѣшительнаго противъ подложности или въ пользу особенныхъ знаній поддѣльщика. Какъ отъ XIII в. дошло болѣе памятниковъ, чѣмъ отъ XII в., то и овладѣть „навыкомъ правописанія" XIII в., было легче, чѣмъ навыкомъ XII в.

Вторая часть Дополнительныхъ Замѣчаній направлена не столько въ прославленіе предполагаемаго фальсификатора, сколько въ оправданіе ученыхъ, которые въ своихъ работахъ надъ Mater Verborum впали въ разныя жалкія ошибки.

„Въ выборѣ словъ, которыми онъ переводилъ слова латинскія, его (поддѣльщика) руководило не простодушное самомнѣніе, а именно знаніе, покойное, вѣрное самому себѣ и времени, котораго отголоскомъ должно было быть все имъ припоминаемое. Этимъ знаніемъ только и можно было вовлечь въ довѣренность такихъ знатоковъ, какимъ пришлось потомъ работать надъ Mater Verborum. Увѣренный въ этомъ, считаю не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ словахъ, обращавшихъ или теперь обратившихъ на себя вниманіе" (стр. 102).

Затѣмъ нашъ почтенный академикъ останавливается на 67 глоссахъ (подложныхъ по мнѣнію г. Патеры). Слова děver, hrad (grando), hriesti, chvorý, эти четыре слова, какъ оказывается, встрѣчаются въ старыхъ памятникахъ чешскихъ, изданныхъ между прочимъ Ганкою въ Star. Skl. и Zbjrka Slovn. Значитъ, безъ всякаго затрудненія онѣ могли быть приписаны въ Mater Verborum въ новѣйшее время, особенно Ганкою. Про слово snaha И. И. Срезневскій говоритъ, что по чешски оно значитъ то же, что̀ русское сноха. Но въ Mater Verborum snaha стоитъ при лат. pronuba, что̀ значитъ сваха, сватья, а „чешское svatka отъ svat значитъ то же, что̀ сноха". Слѣдовательно, прибавимъ, и слово snaha могло быть приписано въ новѣйшее время, и даже это вѣроятнѣе, потому что въ древнемъ чешскомъ snaha, конечно, тверже сохраняла

поддѣльщику не требовалось, чтобъ употреблять въ рукописи XIII в. h вм. g. «Vor dem 13-ten Ihrh. kommt in Urkunden noch kein h für g, d. i. man schrieb Dragomir, Praga, nicht Drahomir, Praha». (Dobrovsky, Gesch. d. böhm. Spr. Prag. 1818. S. 38). Да и въ подлинныхъ глоссахъ нигдѣ не употреблено g вм. h, а большею частью ch и два раза h.

свое общеславянское значеніе, чѣмъ теперь. Остальныя 62 слова по большей части объясняются нашимъ академикомъ такимъ образомъ: приводятся слова чешскія близкія или производныя, а иногда и инославянскія, и затѣмъ говорится: эта глосса, правда, не отыскана въ древнихъ памятникахъ, но она могла быть въ древне-чешскомъ языкѣ. Напримѣръ:

„bezslavie ignominia. Слово slava и другія того же корня принадлежатъ чешскому языку также, какъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Словъ, образованныхъ съ помощью предлога *bes*=безъ, также множество. Теперь слово bezlaví вообще не употребительно; но ручаться, что его никогда не было также нельзя, какъ ручаться, что и теперь никто изъ Чехо-Славянъ его не употребляетъ и употребить не можетъ".

По признакамъ палеографическимъ, эта глосса оказывается недавно приписанною. Изъ замѣчанія академика слѣдуетъ, что новѣйшій фальсификаторъ легко могъ употребить это слово.

„Bledý delirus, bledí peligni, stulti. Корень этого слова", говоритъ И. И. Срезневскій,—„bled. блѧд... Прилаг. bledý могло быть образовано также, какъ образовалось bĺědý, rudý".

Полагаю, что и это слово могло быть образовано новѣйшимъ фальсификаторомъ. Онъ видѣлъ въ Inst. Добровскаго въ ч. I, гл. I, § 7, при корняхъ III-го года разр.: „блѧдь λῆρος (deliramentum)", а въ Mater Verborum глоссу delirus. Съ палеографической точки зрѣнія глосса bledý признана новѣйшею.

Про слово borec г. Патера замѣтилъ, что эта глосса взята съ русскаго, въ чешскомъ же этого слова нѣтъ. И. И. Срезневскій приводитъ слова bořiti se, bořitel и bořič, и замѣчаетъ, что сл. borec образовалось какъ слова honec, lovec. Въ этомъ же родѣ пройдены въ Дополн. Замѣч. слова bračka, cědu, čerep, čeridlo, dětel, děvosnub, drebne, hrez, chlast, knižný, komonnici starosta, ložesny, lukavá,—при словѣ majčenie priapismus поставленъ впрочемъ вопросительный знакъ,—maturěju, mračice, mrščiny, murin, nečestie, něha, nora, oboz, odr и т. д. (см. стр. 103—110).

Въ заключеніе своихъ замѣчаній И. И. Срезневскій говоритъ: „Кто бы ни былъ составитель глоссъ, оказывающихся поддѣльными, онъ составлялъ ихъ не зря, не съ надеждою, что его незнаніе и легкомысліе никогда не обнаружатся, а вооруженный полнымъ знаніемъ и чутьемъ своего родного языка, не могшими его допустить до ошибокъ, легко подмѣчаемыхъ". Далѣе употребляется ораторскій

пріемъ, то-есть, представляется, что могъ бы говорить поддѣльщикъ, обвиняемый въ поддѣлкѣ, наконецъ снова произносится похвальное слово поддѣльщику: „Такой поддѣльщикъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что онъ трудился не для одного часа, не для прельщенія людей малознающихъ, а для долгаго будущаго и для работы судей опасныхъ силою знанія и критическаго размышленія" (стр. 111). Здѣсь, по видимому, поддѣлка признается вполнѣ. „Не будь сдѣлано, что сдѣлано А. О. Патерою, не было бы и теперь возможности отстраняться отъ данныхъ, даваемыхъ этими глоссами. Именно потому и не было возможности ими не пользоваться, что ничто въ нихъ не навлекало тѣни подозрѣнія" (стр. 111—112).

Но далеко не всѣ подложныя глоссы были разсмотрѣны И. И. Срезневскимъ, и между ними, какъ увидимъ, найдется нѣсколько словъ, которыя таки довольно занимали ученыхъ, но силы критическаго ихъ размышленія проявить не заставили.

Въ третьей части Дополнительныхъ Замѣчаній, гдѣ разсматривается миѳологическая сторона подложныхъ глоссъ Mater Verborum, особенно кажется много употреблено усилій со стороны нашего знаменитаго академика, чтобы, съ одной стороны, представить какъ бы невозможность подлога, а съ другой — выставить поддѣльщика въ самомъ, такъ сказать, лучшемъ видѣ со стороны учености и дарованій. „Помочь себѣ онъ могъ, даже долженъ былъ своимъ воображеніемъ, но не теряя изъ виду, или лучше сказать, внимательно всматриваясь въ тѣ данныя, которыя были у людей ученыхъ, занимавшихся славянскою миѳологіей, и въ тѣ выводы, къ которымъ они пришли, разработывая эти данныя, оцѣняя ихъ строго-критически, чтобы какъ-нибудь не впасть въ какую-нибудь непоправимую ошибку" (стр. 112).

Затѣмъ перечисляются различныя изданія латино-нѣмецкихъ, латино-славянскихъ, чешскихъ и польскихъ лѣтописцевъ. Здѣсь высыпана масса цифръ и именъ... Но все это кажется недостаточнымъ. Поддѣльщику невозможнымъ казалось не заглянуть въ хронику Ботона, хроники прусскія, въ Мѣховиту, въ сочиненія Гваньини, Странскаго, Стредовскаго. Затѣмъ И. И. Срезневскій излагаетъ вкратцѣ содержаніе диссертацій двухъ извѣстныхъ ученыхъ Сербо-Лужичанъ XVII—XVIII в. Френцелей и приводитъ разныхъ славянскихъ боговъ, въ прежнее бытіе коихъ они вѣрили, затѣмъ останавливается на сочиненіи Маша: Die gottesdienstlichen Alterthümer d. Obotriten aus d. Tempel in Retra, Berlin. 1771. При этомъ въ числѣ ученыхъ, поль-

зовавшихся Машемъ и не отвергавшихъ подлинности его древностей, упомянуть и Добровскій. Далѣе г. Срезневскій останавливается на рецензіи Добровскаго на книжку Кайсарова (Versuch einer slaw. Mythologie in alphab. Ordnung. 1804), указываетъ на труды по славянской миѳологіи митрополита Сестренцевича-Богуша (1812), Карамзина (1816), Раковецкаго (1820), Нарушевича (1824) и Ант. Юнгманна (1832).

„Чѣмъ бы меньше было у него (фальсификатора) пособій, тѣмъ бы онъ больше могъ бояться надѣлать промаховъ; а чѣмъ больше, тѣмъ бы болѣе онъ могъ растеряться въ разнообразіи данныхъ и ихъ объясненій. Не могли не явиться ему вопросы: употреблять ли въ дѣло прусскія божества, отмѣченныя Гарнкнохомъ и принятыя многими и многими въ число славянскихъ? Какъ быть съ ретрскими идолами, будто бы стоявшими вмѣстѣ съ Радегастомъ? Чтò дѣлать съ моравскими божествами Отредовскаго и съ чешскими Странскаго, или съ тѣми особенными, о которыхъ говоритъ Гаекъ въ своей хроникѣ чешской? Чтò дѣлать съ показаніями польскихъ хроникъ и русскихъ толкователей? Какой смыслъ дать тѣмъ, которыя объяснены были различно? Каждый невѣрный отвѣтъ долженъ былъ повести къ болѣе или менѣе рѣзкой ошибкѣ, которую могутъ сначала не замѣтить и даже довольно долго не замѣчать, и которая все-таки должна наконецъ вскрыться? Какъ стать выше возможности ошибаться? Отвернуться отъ всего, чтò даетъ наука, тоже нельзя: черезъ это можно впасть въ ошибку еще легче. И всетаки заподозрѣнныя глоссы Mater Verborum показываютъ, что чародѣй смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ миѳологовъ его времени. Нѣтъ въ этихъ глоссахъ ни слѣда ретрскихъ сокровищъ, ни прусскихъ и литовскихъ, ни русскихъ боговъ, ни многихъ изъ чешскихъ, замѣченныхъ Странскимъ и другими. И есть то, чтò въ поддѣльщикѣ предполагаетъ не только художественное умѣнье выдѣлять достойное вѣры, но и знаніе времени, подъ которое надо было поддѣлываться, знаніе пріемовъ, употреблявшихся глоссаторами среднихъ вѣковъ, пріемовъ и теперь еще не вполнѣ объясненныхъ" (стр. 125—126).

Къ крайнему нашему сожалѣнію, и здѣсь заключенія не совсѣмъ согласны съ приводимыми фактами, а нѣкоторые факты или данныя, служащія важными доказательствами, представлены невѣрно и ложно освѣщены.

На стр. 124 И. И. Срезневскій говоритъ, что „Раковецкій ограничилъ списокъ боговъ очень немногими именами. Обозначены у него

только Перунъ, Перкунъ, Бѣлый богъ и Черный богъ, Святовидъ, Радегастъ, Прове, Ладо, Ко-Лядо, Купало и только. Трудъ Раковецкаго внушалъ къ себѣ уваженіе; но такая умѣренность едва ли кому могла понравиться" [1]). Съ послѣднимъ замѣчаніемъ относительно умѣренности Раковецкаго спорить не будемъ. Это дѣло личнаго вкуса. Позднѣйшимъ русскимъ миѳологамъ она не нравилась, и не только списокъ боговъ, но и богинь, у нихъ умножался до 1857 г. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что у нашего фальсификатора гораздо болѣе славянскихъ именъ божествъ, чѣмъ у Раковецкаго. У него встрѣчаются: Бѣлбогъ, Велесъ, Лада, Морана, Перунъ, Прія, Радигостъ, Жива, Святовитъ, Бѣсы, Дясы, Моруси, Прѣшера, Дѣвана, Лѣтница, Лютица, Сытивратъ, Триглавъ, Хлипа и проч.

Но достопочтенный академикъ разбиваетъ эти миѳологическія глоссы, впрочемъ, совершенно произвольно, на свои особыя категоріи или отдѣленія. Первыя девять (Бѣлбогъ, Велесъ и пр.) онъ отчисляетъ въ одну группу—это единичные боги славянскаго язычества. Второе отдѣленіе составляютъ миѳическія существа, живущія или жившія въ славянскомъ суевѣріи (бѣсы, влъкодлаци, Дяси, Моруси, Прѣшера, Сани, Скрети, Шетъци). Въ третьей категоріи авторъ заподозрѣнныхъ глоссъ выступаетъ, „какъ совершенно свободный осмыслитель языческихъ представленій древняго міра". Сюда, по мнѣнію академика, относятся Божѧ—genius, deus, врагъ — diabolus, Дѣвана, Кридлатець (pegasus), лихоплѧсы — syrenae, Лѣтница — Latona, Лютица— Furia, Porvata-Proserpina, Своба — Feronia, Свѣтлоноша — Lucifer, Свѣтлуша—Lucina, Свѧтицѧ — Eumenidae, deae, sanctae, Страчець— Picus, Сытивратъ — Saturnus, Триглавъ — Triceps, Хлипа—Salacia, Uzpesi-triptes.

Затѣмъ г. Срезневскій спрашиваетъ: „Куда отнести названія Kirt (Radihost wnukk Kirtow) и Jassni Jesen Jsis, не знаю" [2]) (стр. 148).

---

[1]) О миѳологіи Раковецкаго см. замѣчанія Добровскаго (*Wien. Jahrb*. 1824. B. 27. Ss. 90—91). Какимъ изслѣдователемъ представлялся Раковецкій Добровскому, видно изъ его словъ о второй половинѣ 2-й части сочиненія Раковецкаго: Prawda Ruska (ib. S. 99). И. И. Срезневскій не обратилъ вниманія на II ч. книги Раковецкаго, стр. 164 и сл., гдѣ объясняется миѳологическое значеніе *аллегорическихъ* именъ Леха, Крака, Любуши, Премысла...

[2]) Очевидно, И. И. Срезневскій отказывается отъ своего прежняго положенія: «Вацерадовъ Кьртъ (Kirt) есть тотъ же Хорсъ»... что доказывается и хорутанскою пословицею, гдѣ *Krtovo* или *Krtova* dežda (должно быть deželja) означаетъ небо или рай... Приводятся еще и слѣдующія поговорки: Ne vsi gremo v

Постороннему тутъ пособить трудно. Впрочемъ кажется, послѣдовательность требовала бы причислить эти двѣ глоссы къ третьей категоріи, такъ какъ сюда отнесены всѣ подозрительныя божества, и здѣсь знаменитый творецъ глоссъ является совершенно свободнымъ осмыслителемъ языческихъ представленій древняго міра. Kirt долженствовалъ, вѣроятно, представить древнѣйшую форму нашего черта, и ему кажется, по праву принадлежало бы мѣсто рядомъ съ діаволомъ (wrah), котораго нашъ осмыслитель съ свойственною ему свободою помѣстилъ въ сонмъ языческихъ боговъ древняго міра. Противъ отчисленія къ третьему отдѣленію Kirta могутъ, пожалуй, возразить, что онъ былъ дѣдомъ Радигоста, а Радигостъ былъ богъ славянскій и обитаетъ въ первомъ отдѣленіи (категоріи). Но этимъ, кажется, стѣсняться нечего: Дѣвана-dèvana letnicina i perunova dci—уже отдѣлена отъ своего отца и преспокойно пребываетъ вмѣстѣ съ матерью въ классическомъ мірѣ, въ третьемъ отдѣленіи. Куда причислить yassni, yesen Isis lingua egiptiorum terra dicitur? Видя и здѣсь совершенную свободу осмысленія языческихъ представленій древняго міра, нахожу полезнымъ отнести и эту нелѣпую глоссу къ третьей категоріи.

Я позволилъ себѣ остановиться на этихъ категоріяхъ потому, что дѣло это новое [1]). Мы видѣли, что самъ почтенный академикъ не признавалъ ихъ, когда въ своемъ Изслѣдованіи объ языческомъ

Kertovo, marsikteri v cèrtovo (не всѣ идемъ въ рай, иные и къ черту) или vsi gremo v kertovo (всѣ умремъ). Позволяю себѣ думать, что тутъ kertovo есть производное отъ kèrt, что̀ у Словинцевъ означаетъ *крота*, и именемъ kertovo называется *подземное*, и что тутъ не при чемъ ни рай, ни солнечный богъ Хорсъ, а разумѣются кротъ и его норы. Достопочтенный чешскій писатель Эрбенъ пытался построить чуть не всю Славянскую миѳологію на этомъ выдуманномъ Ганкою *Крътѣ*, дѣдѣ Радигостовѣ. Съ обычнымъ своимъ благочестіемъ воспользовался этими припоминаніями и домыслами трудолюбивый, но не критическій, Аѳанасьевъ въ своемъ трехтомномъ сочиненіи. Ср. *Ж. М. Н. П.* 1846 г., ч. LI, стр. 50: «Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ», ст. *И. И. Срезневскаго.* Гильфердингъ отожествлялъ *кръта* (собственно *кръса*, *кръса*) съ *хръсомъ*. Но кажется ближайшее родство *хръса* съ слов. с-т-рах- (только не Краледв. рукоп.). Въ одномъ *словѣ* удержалось второе *с*, а въ другомъ первое *с*.

[1]) Кажется, на это дѣленіе имѣло вліяніе примѣчаніе Гильфердинга (694) въ Исторіи Балт. Славянъ (Сочин. IV, 179 сл.). Этимъ же замѣчаніемъ, только въ другомъ отношеніи, обильно воспользовался Іос. Иречекъ (*Čas. Česk. Mus.* 1863, 3).

богослуженіи древнихъ Славянъ, въ введеніи (на стр. 6) Дѣвану, Лѣтницу, Ладу, Лютицу, Хлину причисляль къ богинямъ славянскимъ.

Во всякомъ случаѣ авторъ подложныхъ миѳологическихъ глоссъ былъ „чародѣй", который смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ миѳологовъ его времени. Онъ является осторожнѣе самаго умѣреннаго изъ нихъ Раковецкаго.

На этихъ категоріяхъ и этомъ выводѣ построенъ уже другой, и даже двоякій: Или это не былъ поддѣльщикъ, а былъ настоящій средневѣковый глоссаторъ, и слѣдовательно, это глоссы не поддѣльныя и подложныя, а настоящія и древнія. Или, если это была поддѣлка, то за то ужь такой первый сортъ, что неизбѣжно слѣдуетъ признать, „что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго" (стр. 151).

Съ неосторожностью добродушнаго миѳолога Добровскаго, такъ далеко превзойденнаго В. В. Ганкою (кто же былъ этотъ чародѣй какъ не онъ?) мы познакомимся послѣ, а теперь замѣтимъ, что первая наша категорія, говоря на двое, служитъ у насъ въ одномъ отношеніи сильнымъ доказательствомъ подлинности и древности миѳологическихъ глоссъ, а въ другомъ отношеніи (если первое не удается) свидѣтельствуетъ о томъ, что новооткрытое свѣтило науки славянской „по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ древности (чешской и славянской) зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго".

Къ первой категоріи у насъ отнесены Belboh, veless, lada, morana, perun, priye, radihost, wnukk kirtow (одинъ внукъ безъ дѣдушки, который отправился къ классикамъ, узнавъ, конечно, не безъ удивленія, о пребываніи въ ихъ средѣ діавола (wraha), suatouytt, и наша старая знакомая Жива.

Въ своихъ примѣчаніяхъ на миѳологическія глоссы (по г. Патерѣ новѣйшія или подложныя) И. И. Срезневскій говоритъ о Живѣ:

„Ceres fruges, frumentum, vel dea frumenti sina; diva dea sina; estas sina: одно изъ немногихъ названій божествъ, которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ. Найденное прежде всего въ хроникѣ Гельмольда, а потомъ отмѣченное и въ другихъ памятникахъ, оно было понимаемо, а потому и читаемо различно: даже (?)

чешскіе ученые читали слово siva, sieva и какъ živa, živena и какъ siva, и какъ siba" (стр. 132).

По видимому, изъ этого должно слѣдовать, что глосса эта можетъ быть признана древнею, настоящею. Это одно изъ названій божествъ, „которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ". Сначала оно было найдено у Гельмольда, а потомъ отмѣчено и въ другихъ памятникахъ. Здѣсь хотя и не прибавлено древнихъ, но судя по предыдущему, это само собою подразумѣвается. Но богиня Siua (dea Polaborum Гельмольда) встрѣчается еще въ недревней и малодостовѣрной (относительно древности) Саксонской или Вотоновской хроникѣ (XV в.). Здѣсь подъ 1134 г. помѣщено совершенно вымышленное извѣстіе объ этой богинѣ, при чемъ приложено и столь же достовѣрное ея изображеніе. Хроника была напечатана впервые въ 1489 г. Chronicon Bothonis picturatum, переиздана у Лейбница (Scr. rer. Brunsv. III). Издатель Гельмольда, Вангертъ приложилъ въ объясненіе мѣста Гельмольда о Siwa это изображеніе въ своемъ изданіи 1659 г. Съ этихъ поръ Сива или Жива или Дѣва и получила право гражданства въ писаніяхъ такихъ ученыхъ вралей XVII и XVIII в., какъ напримѣръ, знаменитаго моравскаго Гайка, католическаго священника Стредовскаго (Sacra Moraviae historia. 1710). Такимъ образомъ если не причислять лѣтопись Длугоша, который говоритъ о Żywie deus vitae, къ древнимъ памятникамъ не чешскимъ, и не признавать снова подлинности хроники Прокопа, то кромѣ хроники Гельмольда, ни одного древняго, не чешскаго, памятника съ упоминаніемъ Сивы или Живы и пр. не окажется. Замѣчаніе: „извѣстны и по древнимъ памятникамъ не чешскимъ" можетъ заставить подумать, что и въ древнихъ чешскихъ памятникахъ встрѣчается эта злополучная богиня. Но кромѣ Mater Verborum, она нигдѣ не упоминается. Тутъ она встрѣчается на первомъ листѣ, въ надписи на медальонѣ, гдѣ скорѣе изображенъ молодой человѣкъ или юноша, чѣмъ женщина, и затѣмъ въ глоссахъ два раза. Въ одномъ мѣстѣ тутъ siua сдѣлано изъ слова aiunt, sed hoc pagani aiunt: a частью выскоблено и изъ него сдѣлано s, знакъ сокращенія n выскобленъ, изъ t сдѣлано a. Въ другомъ мѣстѣ дѣло было проще. Въ подлинникѣ было: Diva dea siue imperatrix. Чародѣю уже нетрудно было изловчиться и сдѣлать изъ лат. частицы siue славянскую богиню siua.

Въ своемъ примѣчаніи къ миѳологической глоссѣ: Ares bellum suatouyt И. И. Срезневскій говоритъ: „Свидѣтельства разныхъ сказаній XII в. достаточно доказываютъ, что язычники Славяне и тогда, и раньше обожали Святовида. Глосса только показываетъ, что глосса-

торъ понималъ языческое значеніе Святовида иначе, чѣмъ бы можно было ожидать отъ принимавшихся во вниманіе сказаній Гельмольда и Саксона Грамматика и отъ узнавшаго всѣ послѣдовавшія толкованія ученыхъ миѳологовъ".[1]) (стр. 130).

И такъ, эта глосса заключаетъ въ себѣ внутреннія доказательства своей древности и неподложности! Святовитъ попадается въ трехъ мѣстахъ. Въ двухъ г. Патера считаетъ эти слова, по палеографическимъ признакамъ, совсѣмъ недавно написанными, новѣйшими глоссами, а въ третьемъ мѣстѣ въ подлинникѣ стояло Ares bellum nuncupatur. Кое-что выскоблено, изъ nun сдѣлано suat, изъ cupatur — ouytt. Еслибы первыя двѣ глоссы были древнія, подлинныя, то чародѣю не было никакой нужды скоблить nuncupatur и выдѣлывать изъ него svatouytt. По латыни въ этихъ двухъ случаяхъ просто сказано: Mavors, mavortem poete dicunt martem. Фальсификаторъ могъ и дѣйствительно иногда вновь вписывалъ чешскія глоссы, уже имѣвшіяся въ подлинникѣ, но онъ подчищалъ и поддѣлывалъ изъ глоссъ латинскихъ или нѣмецкихъ только новыя, особыя слова.

При глоссѣ vilchvice нашъ академикъ замѣчаетъ: „Въ древнихъ старославянскихъ памятникахъ, какъ отмѣтилъ уже только Востоковъ въ своемъ словарѣ, встрѣчается слово влъхва; возможны и слова влъхвець и влъхвица. Первое изъ этихъ двухъ словъ есть въ не заподозрѣнныхъ глоссахъ Mater Verborum vilchvec vlichuec; также естественно можно было ожидать vilchvice" (стр. 144). Но нельзя же не заподозрить слова vilchvice, когда въ подлинномъ текстѣ было vilcfulla. Vilc оставлено, а изъ fulla поддѣлано hvice.

При словѣ трѣба И. И. Срезневскій замѣчаетъ:— „sacrificium est victima et quecunque in ara concremantur seu proponuntur treba. Какъ мало знали Чехи о значеніи слова treba: трѣба, здѣсь опредѣленномъ, до сороковыхъ годовъ, можно удостовѣриться изъ словаря Юнгманна. Тогда еще не знали древнихъ церк. слав. памятниковъ, гдѣ слову этому дано именно это значеніе; а немногіе отмѣченные случаи его употребленія въ православныхъ церковныхъ книгахъ не обращали на себя вниманія"... (стр. 143).

---

[1]) Иначе ли? См. *Гебгарди* (S. 243): Man hielt diesen Götzen (Святовида) für einen *mächtigen Sieger* und Voraussehcr künftiger Zufälle. У *Раковецкаго* Prawda Ruska. 1820, I, 25, сказано про Святовида: «Bóstwo to uważanem było za *boga* słońca i *woyny*». Также понимается Святовидъ и въ романѣ Линды, друга Ганки (1818). Объ этомъ романѣ рѣчь впереди. Даже въ Абевегѣ *Чулкова* (1786) «Святовидъ—богъ солнца и войны».

Но еще въ Instit. Добровскаго (ч. I., гл. 1, § 7) слѣд. въ 1822 г. напечатано: „треба-жертва. Исх. 8,26 ѡгребатися отъ требъ идолскихъ. Дѣян. 15, 20. ἀπέχεσθαι ἀπὸ τῶν ἀλισγημάτων τῶν εἰδόλων [1]) и пр.

Что касается третьей категоріи миѳологическихъ, подложныхъ, по мнѣнію г. Патеры, глоссъ, нелишнимъ считаю замѣтить, что не во всѣхъ ихъ нашъ глоссаторъ является „совершенно свободнымъ осмыслителемъ языческихъ вѣрованій древняго міра". Такъ слово lutice furia встрѣчается въ этомъ смыслѣ у Далимила (XV), въ этомъ же смыслѣ отмѣчено и въ словарѣ Палковича 1818—1821 г. (litice furye), у Палковича же находятся слова swětice-sancta, třihlawy, třihlawec triceps, swětlonoš, e, m. dennice-Morgenstern, Lucifer. Глосса Kridlatec-pegasus, а у Палковича—křidlaty kůň pegasus, a křidlatec-geflügelte Schlange.

На вопросъ И. И. Срезневскаго, почему глоссаторъ, если то былъ новѣйшій фальсификаторъ, не воспользовался божествами Маша, богами прусскими и т. д., и на его же слова, что Добровскій не отвергалъ подлинности древностей Маша (стр. 117), съ уваженіемъ отнесся о книжкѣ Кайсарова, въ рецензіи на которую Добровскій показалъ себя такимъ добродушнымъ миѳологомъ (стр. 120, 121), на все это я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько скромныхъ замѣчаній.

Вопросъ, зачѣмъ фальсификаторъ не внесъ множества разныхъ боговъ славянскихъ и прусскихъ, напоминаетъ мнѣ другой вопросъ, сдѣланный въ видѣ возраженія въ Дополнительныхъ Замѣчаніяхъ. Брать слова изъ русскаго и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, „конечно, было такъ легко, что можно даже удивляться умѣренности поддѣльщика, ограничившагося только 70-ю словами, тогда какъ съ помощью словарей... онъ могъ бы выбрать не 70, а 700, если не 7000" (стр. 103).

На это можно замѣтить, что есть же всему мѣра. Да и фальсификаторъ не могъ же всѣ часы въ музеѣ посвящать подлогамъ и подчисткамъ. Онъ не былъ и такъ одностороненъ. Его вниманіе занимали, сверхъ Mater Verborum, и другія рукописи. Наконецъ, не явись профессоръ Граффъ въ музей въ 1827 г., кто знаетъ, сколько бы еще написалось новыхъ глоссъ? Человѣкъ, отдающійся подлогамъ изъ корысти ли или изъ ложной любви къ народности, а больше изъ любви

---

[1]) На замѣчаніе г. Срезневскаго о глоссѣ priye-affrodis grece, latine venus, (с. 131) скажемъ, что изъ нѣм. Фрея не трудно было сдѣлать *Прію* послѣ Дуриха (Bibl. slav., p. 130), который указывалъ, что нѣм. f соотвѣтствуютъ въ слав. яз. *п* и *б*.

къ искусству, во всякомъ случаѣ уже утратилъ внутреннее чувство правды. Его умъ и сердце не только преспокойно мирятся съ ложью въ другихъ, но и добровольно приняли ложь внутрь себя, дабы съ ея помощью обманывать ближнихъ, хотя бы и съ благою цѣлью. О добросовѣстномъ отношеніи къ факту и мысли, о чистой любви къ знанію и къ наукѣ у такого человѣка не можетъ быть и рѣчи. Но у него развивается своего рода критика, предусмотрительность и осторожность, такъ сказать, воровская, какъ бы спрятать концы, какъ бы его не поймали. На бѣду фальсификаторъ (1818—1827 гг.), жившій въ Прагѣ и работавшій надъ чешскими древними рукописями, не могъ не знать и не слыхать о Добровскомъ, не читать его сочиненій и не чувствовать строгости и проницательности его критическаго взгляда. Фальсификаторъ не могъ не соображаться съ воззрѣніями Добровскаго, котораго онъ не столько, конечно, цѣнилъ и уважалъ, сколько боялся, ибо тотъ всего легче могъ обнаружить его подлоги. Фальсификаторъ долженъ былъ считаться и съ мнѣніями тѣхъ ученыхъ, коихъ Добровскій наиболѣе уважалъ. Однимъ изъ такихъ былъ Фортунатъ Дурихъ. Этотъ достойный ученый въ замѣчательномъ для своего времени сочиненіи: Bibliotheca Slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis (Vindobonae. 1795, Vol. I.) очень воздержно воспользовался древнѣйшими извѣстіями, собственно только Прокопія и Константина Багрянороднаго (о Руссахъ) для третьей главы § 3: De Slavorum religione antiquiori et ritibus. Здѣсь Дурихъ говоритъ въ самомъ началѣ: „Qui de Slavorum notitiis rerum ad Deum pertinentium egerunt scriptores recentiores, hi passim antiquiora eorum scita cum recentioribus corruptelis et superstitionibus longe maioribus confuderunt, ut nec diversi temporis, neque locorum ratione habita, quidquam certae omnino fidei et cum antiquitatibus cohaerentis protulerint“ (p. 388).
Фальсификаторъ, конечно, съ удовольствіемъ воспользовался бы выдумками Маша, ибо для него это было все равно, но онъ, къ сожалѣнію, лучше своихъ апологетовъ зналъ послѣднее мнѣніе Добровскаго объ этихъ древностяхъ. Въ Slovanka, II, 1815, напечатанъ слѣдующій его отзывъ объ Оботритскихъ древностяхъ: „Uebrigens kann ich nicht bergen, dass man gleich bey der ersten Bekanntmachung dieser Alterthümer manche Zweifel gegen ihre Aechtheit äusserte. Auch mir kommt jetzt gar vieles bey diesem Schatze von Götzen und Geräthen sehr verdächtig vor, aber darüber abzusprechen darf ich nicht anmassen“ (S. 175). Ни съ какимъ особеннымъ уваженіемъ не относился Добровскій и къ книжкѣ Кайсарова. Онъ просто уважилъ его скромность и

въ самомъ началѣ своей рецензіи привелъ собственныя слова Кайсарова, который самъ прямо и откровенно назвалъ свою книжку компиляціей. Добровскому, какъ онъ выражается, понравилось свободное сужденіе Кайсарова о Поповѣ и Леклеркѣ. Затѣмъ Добровскій говоритъ: „Nichts bedarf einer kritischen Revision und Musterung im Gebiete der slavischen Alterthumskunde so sehr als die Mythologie. Doch diess war nicht der Zweck vorliegender Schrift". (Slavin. 1808. S. 402).

Гдѣ же тутъ уваженіе Добровскаго къ книжкѣ Кайсарова? Сильный ироніей, какъ всѣ критическіе умы, Добровскій бывалъ необычайно мягокъ и добръ, когда имѣлъ дѣло съ скромнымъ незнаніемъ, грозенъ и ѣдокъ, когда встрѣчался съ наглымъ невѣжествомъ и полузнаніемъ, напримѣръ, въ отвѣтѣ своемъ Свободѣ и другимъ о Судѣ Любуши. Во всей рецензіи Добровскаго на Кайсарова разлита эта мягкая иронія. Если можно его называть добродушнымъ, то только потому, что онъ всецѣло принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, которыя обладаютъ великимъ умомъ и сильнымъ дарованіемъ и лишены всякой хитрости и лукавства. Добровскій еще при жизни своей былъ опереженъ, какъ филологъ, собственно по части древнеславянскаго языка. Но какъ критикъ источниковъ и разныхъ болѣе или менѣе сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ древностей и исторіи, Добровскій стоитъ необыкновенно высоко и, можно сказать, настоящаго себѣ преемника въ славистикѣ не имѣлъ.

„Замѣчательно", говоритъ г. Срезневскій, — „что стараясь держаться древнѣйшихъ источниковъ вмѣстѣ съ народными преданіями, онъ не зналъ что̀ дѣлать съ указаніями древней русской лѣтописи, которую тогда единодушно считали Несторовою и не разъ задалъ вопросъ: да сказалъ ли это Несторъ? Не прибавка ли это переписчика? Не высказался онъ съ полною довѣренностью и къ такимъ лѣтописцамъ, каковы Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ; а темныя мѣста сказанія Дитмара оставилъ въ сторонѣ". (стр. 121).

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что вся статья Добровскаго занимаетъ въ книжкѣ маленькаго формата и весьма разгонистой печати не болѣе 15 страницъ. Если къ этому прибавить, что болѣе 11—12 страницъ заняты простою передачею содержанія книжки Кайсарова, то на собственныя замѣчанія Добровскаго прійдется не болѣе 3—4 страницъ, что̀ составитъ едва ли болѣе двухъ страницъ Записокъ Академіи. Гдѣ же тутъ было Добровскому объяснять темныя мѣста сказанія Дитмара? И это было бы вовсе не кстати по поводу Кайсарова.

Добровскій объяснялъ нѣкоторыя мѣста Дитмара, только индѣ. Приведя слова Кайсарова о представленіи Бѣлбога у Славянъ, Добровскій прибавилъ: «Hier möchte ich doch fragen, welches slawische Volk, wo u. wann hat ihn so vorgestellt? Gewiss rührt d. Wahn nur daher, dass man den slawischen Bjelbog mit Belzebub, dem Gott d. Fliegen, verglich. Künftigen Mythologen möchte ich auch rathen, nicht spätere Schriftsteller, sondern immer den ältesten Zeugen bey jedem Artikel anzuführen. Helmold wird zwar in der Einleitung genannt, aber aus ihm nie eine Stelle herausgehoben, Ditmar wird nicht ein mal genannt" (S. 404). И. И. Срезневскій говоритъ (стр. 120) про Кайсарова, что у него въ изобиліи явились русскія божества. Перечисливъ ихъ, при чемъ между прочимъ называетъ: Czudo morskoe, Detinec, Did, Woloty, Czar morskoy, нашъ академикъ прибавляетъ: „Сообщенныя Кайсаровымъ данныя объ этихъ новозаявленныхъ нѣмецкимъ ученымъ членахъ славяно-русскаго многобожія Добровскій принялъ къ свѣдѣнію, давъ даже отъ себя кое-какія добавочныя припоминанія" (стр. 121).

Къ сожалѣнію, я долженъ привести эти припоминанія добродушнаго миѳолога Добровскаго: «Bey czudo morskoje d. i. Meerwunder, sagt H. v. Kayssarow: nach aller Wahrscheinlichkeit kann man schliessen, dass sie etwas ähnliches mit den Tritonen hatten. Sie wurden sehr fürchterlich vorgestellt (doch nicht in Bildern?) und noch jetzt hat man ein russisches Sprichwort, welches das Schreckenbild dieser Gottheiten aufbehalten hat. In der Note wird aber nur die französische Uebersetzung von diesem Sprichworte aus Le Clerc angeführt (S. 404 — 405).... Den Jüngling Detinetz, wovon die Stadt gleiches Namens benannt worden sey, erklärt H. K. selbst für eine Fabel, u. strafft seinen Landsmann Popow deshalb, dass er keinen Gewährsmann dafür angeführt hat (S. 405). ...Die Didilia, poln. dzidzilia, die Gottheit der Ehen, ist nur aus Dlugozs bekannt. Und der russische Did, wovon H. K. zweifelhaft spricht, scheint eben nichts anders zu seyn" (S. 405 — 406).

Миѳологи недобродушные, какъ Добровскій, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой статейки, приводили Дидилію, какъ одну изъ несомнѣнныхъ богинь славянскихъ, и не смущались пользоваться, какъ важнымъ источникомъ грубѣйшею поддѣлкою, хроникою Паркоша.

«Die Woloty werden von einigen (von wem, wo, wann?) mit den Giganten verglichen, heisst es S. 117. In der slaw. Bibel aber wird gigas häufig durch ispolin übersetzt (S. 405 — 406). Der Name Zar (lies tsar) morskoj kommt oft in russ. Volkserzählungen vor. Wahr-

scheinlich waren ihm, meynt H. K., die Wunder d. Meeres untergeordnet» (S. 416).

Приведу еще два замѣчанія Добровскаго: «Von dem unerklärbaren korscha, aus Chors (mit der Ableitung von korczit', constringere, ist K. nicht zufrieden), heisst es endlich: also nichts entscheidendes dürfen wir darüber sagen. Sehr wohl. Popow machte den korscha zum Aesculap d. Slawen; Tatistschew verglich ihn mit dem Bachus. Blosse Vermuthungen! Aber warum untersucht man nicht, wer den Korscha zuerst genannt habe? (S. 408—9). Devana (Dzewanna) wurde von den Polen als Göttin d. Wälder u. der Jagd verehrt. Man dachte also an die Djana. Von den Gottheiten Semargh u. Simzerla weiss man noch weniger. Ich möchte aber wieder fragen, wer hat sie zuerst genannt» (S. 413).

Изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ Добровскаго видно, съ кѣмъ онъ имѣлъ въ свое время дѣло, какихъ авторовъ приходилось ему разбирать.

Вообще знаніе нами настоящаго значенія юсовъ и отсталость для нашего времени нѣкоторыхъ филологическихъ понятій Добровскаго еще не позволяютъ намъ такъ слегка и свысока относиться къ этому истинно геніальному ученому. Добровскій не имѣлъ просто физической возможности дойдти до выводовъ, къ которымъ пришелъ Востоковъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи. Не недостатокъ проницательности или научнаго метода, а неимѣніе подъ руками древнихъ славянскихъ рукописей было причиною, что Добровскій еще при жизни былъ опереженъ въ наукѣ, собственно въ области древне-славянскаго языка. Но надо помнить, занятія Добровскаго не ограничивались однимъ древнимъ славянскимъ языкомъ, его грамматикою, словаремъ и письменностью, хотя и тутъ сколько важнаго имъ сдѣлано (Кириллъ и Мефодій, глаголица, въ самой грамматикѣ). Сколько темныхъ угловъ въ славистикѣ было освѣщено Добровскимъ, какіе разнообразные вопросы науки славянской имъ были разъяснены, и затронуты, вопросы, на которыхъ мысль Востокова никогда не останавливалась и не бросила никакого свѣта. Говорю это не изъ желанія умалять великія заслуги Востокова, но съ намѣреніемъ лучше освѣтить колоссальную фигуру Добровскаго, которымъ съ 30-хъ, 40-хъ годовъ стали не въ мѣру пренебрегать и у насъ, и у Чеховъ, за непониманіе юсовъ съ одной стороны и за непризнаваніе разныхъ патріотическихъ подлоговъ съ другой. Мы признаемъ въ свою очередь одну дѣйствительно важную по своимъ послѣдствіямъ ошибку за Добровскимъ, которую попытаемся разъяснить, говоря о такъ-называемой Краледворской

рукописи, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ скрыть нашего удивленія и весьма тяжелыхъ и грустныхъ впечатлѣній, которыя произвела на насъ странная, причудливая попытка поставить несчастнаго фальсификатора чешскихъ глоссъ въ Mater Verborum выше Добровскаго и по знаніямъ, и по критикѣ. Благодаря тому обстоятельству, что въ нашей Академіи Наукъ такая обширная, разнообразная и важная для Россіи область вѣдѣнія, какъ славистика, имѣетъ въ средѣ своей только одного представителя [1],— за исключеніемъ членовъ-корреспондентовъ, которые при чтеніи записокъ академиковъ въ засѣданіяхъ не могутъ имѣть никакого голоса),—это не въ мѣру низкое мнѣніе о Добровскомъ и столь же высокое мнѣніе о Ганкѣ, ибо онъ, какъ увидимъ, и былъ фальсификаторъ, будетъ считаемо и у насъ въ Россіи, и за границею—у Славянъ и въ западной Европѣ,—не только за личное мнѣніе перваго и старѣйшаго русскаго слависта, но и за общее мнѣніе первостепеннаго русскаго ученаго учрежденія. Впрочемъ и это послѣднее обстоятельство не должно, кажется, имѣть вліянія на людей знающихъ и на развитіе славистики какъ въ Россіи, такъ и у Славянъ и въ западной Европѣ.

---

[1]) Почтеннѣйшіе знатоки своего дѣла А. Ѳ. Бычковъ, А. Н. Веселовскій, Я. К. Гротъ и М. И. Сухомлиновъ, многими своими трудами безспорно принесли пользу и славистикѣ, но не она вѣдь составляетъ главный и любимѣйшій предметъ ихъ занятій. Никогда они сами себя и не называютъ спеціалистами по славистикѣ. Было время, когда наша Академія Наукъ по крайней мѣрѣ помышляла о привлеченіи къ себѣ возможно большаго числа славистовъ; еще академикъ Беръ мѣтко указывалъ на необходимость энергическихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ. Такъ, намъ сдается, что было время, когда Академіи Наукъ было бы не трудно сдѣлать, чтобъ *Archiv* г. Ягича издавался не въ Берлинѣ и не по нѣмецки. Какой свѣжей и крупной силы совершенно напрасно лишена теперь Академія!

В. Ламанскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕИЗДАННЫЯ РѢЧИ И ПИСЬМА МИХАИЛА АКОМИНАТА. [1])

3. **Рѣчь къ претору Дмитрію Дрими**, προσφώνημα εἰς τὸν πραίτορα κῦρ Δημήτριον τὸν Δριμὺν ταῖς Ἀθήναις ἐπισταλέντα [2]). Начало: Τον Θησέα φασὶν ἐκεῖνον τὸν συνοικιστὴν τῶν ἐμῶν Ἀθηνῶν. „Сей городъ въ моемъ лицѣ привѣтствуетъ тебя, благородный мужъ Божій, сильный словомъ и дѣломъ, посылаемый сюда освободить его отъ лютыхъ страданій и укротить оружіемъ правды тѣхъ, которыхъ снѣдаетъ жало стяжанія, и которые, подобно Ефрему, сбросили съ себя ярмо справедливости. Въ древности это былъ счастливый городъ, обиловавшій всѣми благами, нынѣ же онъ устарѣлъ отъ времени и опустился до земли, хотя все же предлагаетъ съ готовностью нероскошную трапезу слова, и какъ можетъ, обнаруживаетъ знаки прежняго гостепріимства и любомудрія. Я не говорю, что онъ можетъ воздвигнуть мѣдный памятникъ или построить его изъ другаго вещества: уже давно время отсѣкло искусныя въ ваяніи руки, которыми увѣковѣчивалась память лучшихъ гражданъ. Онъ можетъ еще составлять похвальныя слова и украшать похвалами, хотя и не владѣетъ болѣе благороднымъ, мудрымъ языкомъ, способнымъ выразить въ дивномъ словѣ достойное удивленія [3]); скоро время отниметъ и это послѣд-

[1]) *Продолженіе*. См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1879 годъ.

[2]) Cod. Laur. Fol. 39.

[3]) Οὐ λέγω τὸ χαλκοῦν ἀνιστᾶν ἢ ἐξ ἑτέρας ὕλης δημιουργεῖν· πάλαι γὰρ ἀνδριαντοποιοὺς ἐξεκόπη χεῖρας τῷ χρόνῳ, δι' ὧν τοὺς ἀγαθοὺς περὶ αὐτὴν ἄνδρας ἐδεξιοῦτο, ἀλλὰ λόγους ἐξαίρειν καὶ τοῖς ἐπαίνοις κοσμεῖν. καίτοι οὐδὲ τὴν γλῶτταν ἐκείνην ἔτι τὴν εὐγενῆ τὴν σοφὴν εὐτυχεῖ, ἵνα λόγῳ θαυμάσῃ τὰ θαύματος ἄξια.

нее, какъ тотъ безстыдный Θракіецъ у дочери Пандіона. Несчастливъ и я, пастырь, который на великой пустынѣ когда-то пространнаго города пасу нынѣ совершенно жалкое и малое стадо, и подобно поднявшемуся на эту скалу, произнося рѣчи, говорю только для себя самого. Не имѣя похвалъ и ни одного яснаго отзвука на мою пастырскую рѣчь, я боюсь одичать, съ тѣхъ поръ, какъ живу въ мудрыхъ Аѳинахъ [1]). Почти же Аѳины, облобызай землю краснорѣчія, мудрый мужъ: только удержись отъ слезъ и не омрачай настоящаго торжества. Ибо я вижу, у тебя навертываются слезы при взглядѣ на Аѳины, такъ утратившія, не говорю прежній блескъ — давно уже нѣтъ его,—но и самый видъ, и строй, свойственный городамъ. Взгляни на стѣны, частію полуразвалившіяся, частію совсѣмъ разрушенныя, на эти дома, сравненные съ землой и покрытые растительностію, на этотъ какъ бы бѣшеный пиръ грабителей; посмотри на эту почти пустынную и необитаемую землю. Такъ время буйствуетъ съ варварствомъ Персовъ въ городѣ. И не трудись напрасно искать слѣдовъ Иліеи, Портика или Ликея: увидишь развѣ каменистый холмъ Ареопага, ничего священнаго, кромѣ обнаженнаго края скалы, распознаваемаго по священному имени, да развѣ случайно маленькій остатокъ изящной Стои, на которомъ пасутся овцы, и который грызетъ всепожирающее время. Музы и хариты, философія и софистика покинули Аттику, и ее унаслѣдовала крестьянская и варварская рѣчь [2]). Какъ будто пророчество о Ва-

---

[1]) ...ὡς ἀγροικισθῆναι κινδυνεύειν ἐξ οὗπερ τὰς σοφὰς παροικεῖν Ἀθήνας ἐλάχομεν.

[2]) Οὐδ' ἐρείπιον γοῦν Ἡλιαίας ἢ Περιπάτου ἢ Λυκείου εὕροις ἂν πλεῖστα καμών, μόνον ἂν ἴδοις πετραῖον Ἀρείου Πάγου γεώλοφον· οὐδὲν ὅ φασιν ἱερὸν, ὅτι μὴ στεφάνην πέτρας ψιλὴν καὶ μόνῳ τῷ σεμνῷ γνωριζομένην ὀνόματι, τυχὸν δέ τι καὶ τῆς ποικίλης Στοᾶς μικρὸν λείψανον, μηλόβοτον καὶ αὐτὸ καὶ τοῖς ὀδοῦσι τοῦ χρόνου τὰς πλίνθους παρατρωγόμενον. Οὕτω μοῦσαι μὲν καὶ χάριτες, αὐτὴ φιλοσοφία καὶ αὐτὴ σοφιστικὴ Ἀττικῆς ἐξαπέπτησαν. ἀγροικία δὲ βάρβαρος φωνὴ ταύτην κατεκληρώσαντο. Иліея — μέγιστον δικαστήριον τῶν Ἀθήνησιν, мѣсто, гдѣ совершается судъ въ Аѳинахъ; см. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, пятое изд., Heidelberg, 1875, ss. 515—517; the original and proper meaning of the word Ἡλίαια is, the public assembly; *Grote*, History of Greece, III, p. 128, nota, IV, p. 141 squ. Относительно словъ «ἢ Περιπάτου ἢ Λυκείου», которыя мы переводимъ портика (также аллеи) или ликея, считаемъ умѣстнымъ привести одно мѣсто изъ *Pauly*, Real-Encyclopädie: «Περιπατητικοὶ назывались послѣдователи Аристотелевой философіи не потому, что Аристотель ambulans disserebat, а потому что мѣсто его преподаванія было въ галлереѣ (in dem Säulengang) гимназіи, посвященной Аполлону Ликейскому; statt περιπατητικοὶ wird daher auch οἱ ἐκ oder ἀπὸ

вилонѣ сбылось надъ нами: пастыри не успокоятся въ немъ, почіютъ же дикіе звѣри и будутъ скакать привидѣнія, и населятъ его оноконтавры, и въ домахъ будутъ гнѣздиться змѣи [1]). Теперь, съ твоимъ прибытіемъ, мы надѣемся на возвратъ лучшихъ дней. Тебя, справедливѣйшаго изъ мужей и отличавшагося уже на судебномъ поприщѣ, божественный императоръ послалъ въ сіи отдаленнѣйшія страны, какъ строгаго судью и притана Θемиды, дабы ты однихъ оживилъ согрѣвающею справедливостію, другихъ же освободилъ отъ мрачной неправды. Нынѣ возвратилась въ города правда, давно улетѣвшая, нынѣ открываются въ Елладѣ суды (βήματα), вступаютъ въ силу законы, обижаемому дана защита, надъ обидчикомъ простирается карающій мечъ [2]).

Трудно было бы даже кратко упомянуть о дѣлахъ царя и воздать имъ приличную похвалу. Но если и невозможно разказать всего, чтò мы слышали и чтò повѣствовали намъ тѣ, которые возвѣщаютъ хвалы царя, то не отказываемся бросить бѣглый взглядъ на то, чтò мы сами знаемъ и чтò видѣли собственными глазами. И прежде всего, какъ въ смутную и тяжкую годину Ромейская имперія воззвала къ прежнему любимцу своему, великому Андронику, дабы онъ низвергъ уже напиравшую латинскую тираннію, и какъ полынь привившуюся къ юной отрасли царства, и освободилъ Константинополь отъ нелѣпыхъ и низкихъ любовниковъ, волновавшихъ имперію [3]). Онъ же воз-

---

τοῦ περιπάτου gesagt. *Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie, I, S. 167; Аристотель училъ въ Ликейской гимназіи (посвященной Аполлону Ликейскому), гуляя въ тѣнистыхъ аллеяхъ (περίπατοι) которой, онъ бесѣдовалъ о проблемахъ философскихъ въ тѣсномъ кругу учениковъ (περιπατοί). Ареопагъ, на каменистомъ холмѣ Марса,—аѳинскій сенатъ, мѣсто разбора дѣлъ по предумышленному убійству и пораненію, по поджогамъ и отравленію ядомъ. *Hermann*, 395—396, 618; *Grote*, III, 73, 122 и сл. Стоя изящная, собственно расписанная, галлерея, въ которой вывѣшивались новые законы для общаго свѣдѣнія.

[1]) Книга пророка Исаіи, XIII. 20—21.

[2]) Νῦν ἀνοίγονται βήματα καθ' Ἑλλάδα καὶ νόμοι παρρησιάζονται, καὶ τῷ μὲν ἀδικουμένῳ παρέστηκε ψῆφος ἐπίκουρος, τοῖς δ' ἀδικοῦσιν ἄμφηκες ξίφος ἐπανατείνεται.

[3]) Πλὴν εἰ καὶ ἄλλως οὐχ οἷόν τε πάντων διίξεσθαι ὁπόσα ἠκούσαμεν καὶ διηγήσαντο ἡμῖν οἱ τὰς αἰνέσεις τοῦ αὐτοκράτορος ἐπαγγέλλοντες, ἀλλ' οὖν ὅσα περ ἔγνωμεν αὐτοὶ καὶ ὀφθαλμοῖς ἰδόντες ἐξέστημεν, ἐπιτροχαστέον ὡς οἷόν τε καὶ πρό γε τῶν ἄλλων ὅπως ἡ τῶν ῥωμαίων ἀρχὴ πλημμελῶς καὶ τεταραγμένως ἐφέρετο. Καὶ παρὰ τοῦτο αὐτὴ μὲν ἀνεκαλεῖτο τὸν ἐρώμενον αὐτῆς πάλαι μέγαν Ἀνδρόνικον, ἐφ' ᾧ καταλῦσαι μὲν τὴν ὑφέρπουσαν ἤδη λατινικὴν τυραννίδα, καὶ τῷ τῆς βασιλείας ἐπαναφυομένην

радовался какъ исполинъ тещи путь свой. Не громадную пѣшую и конную силу велъ онъ, но вооруженный справедливостью шелъ налегкѣ въ любящій городъ. Самъ Иксіонъ легко былъ схваченъ и потерпѣлъ справедливое наказаніе за то, что несправедливо замышлялъ сорвать такой цвѣтокъ имперіи, иностранный же отрядъ, нанятый за громадныя суммы изъ разныхъ разбойническихъ племенъ, въ которомъ онъ думалъ имѣть несокрушимую броню тиранніи, разсѣялся по морю и исчезъ [1]). Какъ вода распустился въ морѣ этотъ остовъ тиранніи. Что мнѣ сказать о послѣдовавшемъ затѣмъ утрѣ, которое мы радостно встрѣтили, освобожденные отъ густой тьмы [2]), или о праздничномъ ликованіи города? Цареградъ открылъ всѣ ворота, въ которыя какъ рой пчелъ выбѣжали граждане, тріирами и лодками почти запруженъ былъ проливъ Пропонтиды. Тогда никто не имѣлъ другаго желанія, какъ увидѣть великаго Андроника, несущаго великія блага Римлянамъ: освобожденіе узниковъ, возвращеніе бѣжавшихъ, уничтоженіе тиранніи и укрѣпленіе власти. Этотъ царскій подвигъ остановилъ страшное волненіе столицы, или лучше сказать, прекратилъ колебаніе вселенной. Первое, чѣмъ онъ воздалъ столицѣ за ея чистую любовь, это было освобожденіе отъ тираннической и латинской наглости, и очищеніе царства отъ варварской примѣси [3]). Потомъ, подобно тому многоблуждавшему и хитроумному герою, онъ прогоняетъ тѣхъ, которые съ дѣтскою навязчивостью домогались имперіи, Богомъ ему предопредѣленной и волновали Римскую монархію, разрывая ее въ поликиранію [4]). Увы, какой потопъ угрожалъ царственному городу, или лучше—стоящему надъ нимъ міру всему, пока этотъ искусный кормчій не взялся за руль управленія! Какая же те-

---

μοσχεύματι ὡς μίλαξ περιπλεκομένην, κατὰ τὴν τῆς προφητείας εἰκόνα, ἀπαλλάξαι τε τὴν Κωνσταντινούπολιν ἀτόπων καὶ ἀγεννῶν ἐραστῶν ἄνω κάτω κυκώντων τὰ Ῥωμαίων πράγματα.

[1]) Подъ Иксіономъ разумѣется Алексѣй Протосевастъ. Τὸ δὲ περὶ ἐκεῖνον ξενικὸν οὓς ἄλλον ἐξ ἄλλου ληστηρίου πολλοῖς θησαυροῖς μισθωσάμενος, ἀδαμαντίνην ὡς ἐδόκει τῆς τυραννίδος φρουρὰν συνεστήσατο, εἰς θάλασσαν διεῤῥόη ἀθρόον καὶ ᾤχετο σκεδασθέν.

[2]) ἣν εἴδομεν ἄσμενοι τῆς ἐπικειμένης ὁμίχλης ἀπαλλαγέντες.

[3]) Καὶ τοῦτο πρῶτον τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων τῶν περὶ αὐτῶν ἀκαθέκτων ἐρώτων ἀντέδωκεν ἀπαλλαγῆναι τυραννικῆς καὶ λατινικῆς παροινίας καὶ καθαρὰν καθαρῶς βασιλεύειν ἐπιμιξίας βαρβαρικῆς.

[4]) ...ἐκποδὼν ποιῆται τοὺς ὅσοι τὴν θεόθεν ἀφωρισμένην αὐτῷ καὶ προηρμοσμένην βασιλείαν μειρακιωδῶς και μοχθηρῶς ἐμνηστεύοντο καὶ συνετάραττον τὴν ῥωμαϊκὴν μοναρχίαν εἰς πολυκοιρανίην καταμερίζοντες.

перь тишина улыбается всему и приготовляетъ помазанному царю елей радости [1]): всякая война прекратилась, погасли смуты, которыя столько же страшнѣе войны, сколько война ужаснѣе мира. Вслѣдствіе того окрестные враги простираютъ въ страхѣ руки, и забывъ оружіе, принимаютъ покорный видъ; послы, приходящіе съ разныхъ сторонъ, вплетаютъ въ царскій вѣнецъ побѣдныя украшенія. Не дѣвушки только въ пѣсняхъ и хорахъ припѣваютъ великому Андронику миріады, но на всѣхъ устахъ лежитъ это прославляемое имя". Далѣе, коснувшись раздоровъ, бывшихъ между Андроникомъ и императоромъ Мануиломъ, Михаилъ продолжаетъ о странствованіяхъ перваго: „Обозрѣвъ почти всю поднебесную, исходилъ и жилъ со всѣми народами, предъ которыми какъ сосудъ избранія апостольски разносилъ имя Христово. О, какъ своенравна судьба: ради добродѣтели отчужденный отъ своихъ, за добродѣтель онъ былъ принятъ чужими. Залетѣлъ высоко парящій орелъ въ самую Палестину, возбудивъ громкое карканье всеязычныхъ вороновъ. Тогда нѣкоторые варвары дѣлаютъ нападеніе на святой городъ, который, по случаю появленія непріятелей въ другомъ мѣстѣ, оставался бы безъ защиты и охраны, и если бы сей, равносильный многимъ династамъ, находясь тамъ, не отразилъ нападеніе [2]). Удивлялись Германцы, защитники гроба Господня, прославленной храбрости императора и воинственнымъ дѣламъ; они признали его непобѣдимымъ и несравненнымъ въ военной тактикѣ и предсказали ему обладаніе Ромейскимъ царствомъ [3]). Таковая власть не могла остаться неизвѣстною и другимъ народамъ: что̀ разносила молва, то должны были увидѣть потомъ собственными глазами. Но не дремала и зависть, ее тревожили и мучили палестинскіе подвиги, почему отправлены были граматы, начертанныя ядомъ клеветы и подписанныя кровью. Онъ уходитъ и отсюда, путешествуетъ изъ народа въ народъ и изъ одного царства въ другую землю, и что̀ всего уди-

---

[1]) οἵα δὲ ἄρτι γαλήνη διαγελᾷ τῷ παντὶ καὶ συναγάλλεσθαι παρασκεύαζει τῷ βασιλεῖ κεχρισμένῳ τὸ τῆς ἀγαλλιάσεως ἔλαιον.

[2]) Ἐπτερύξατο μὲν γὰρ ὁ ὑψιπέτης οὗτος ἀετὸς μέχρι εἰς Παλαιστίνην αὐτὴν τοὺς παγγλωσσίας ἐάσας κόρακας κρώζειν ἀπέραντα.... Βάρβαροι δέ τινες κατὰ τῆς ἁγίας ἐπιστρατεύουσι πόλεως, κἂν ὑπὸ τοῖς πολεμίοις ἡ κλίνη τοῦ ἀλιθηνοῦ Σολομῶντος ἐγένετο, ἐφ ἧς ἀναπεσὼν ὡς λέων κεκοίμητο, ἐρήμη γὰρ τῶν κυκλούντων αὐτὴν δυνατῶν καὶ φυλασσόντων τηνικαῦτα κατελέλειπτο, ὡς τοῖς πολεμίοις ἐπεξιόντων ἑτέρωθι, εἰ μὴ οὗτος ὁ πολλῶν δυνατῶν ἰσοστάσιος, τῷ τότε παρὼν τὴν ἐπέλευσιν ἀπεώσατο.

[3]) ἐθαύμασαν... Γερμανοὶ... καὶ τῆς τῶν ῥωμαίον ἀρχῆς κληροῦχον ἔσεσθαι προηγόρευσαν.

вительнѣе—не какъ скромный чужестранецъ обращался онъ къ различнымъ владѣтелямъ, но какъ стоящій во главѣ народовъ, съ властію монарха надъ подвластными ему сатрапами, въ сопровожденіи свиты изъ сорока домочадцевъ. Среди народовъ онъ былъ какъ левъ между домашними животными и какъ скименъ въ стадѣ овецъ. Ему нечего было усвоить отъ автохтоновъ, города которыхъ посѣтилъ онъ; но они получили отъ него много выгодъ, какъ отъ участника въ ихъ совѣтѣ, какъ отъ союзника и помощника. Поучиться законамъ тактики у такого прекраснаго руководителя не считали ниже своего достоинства и сами храбрые Иверійцы. Ибо не было случая, гдѣ онъ не снискалъ бы къ себѣ любви и великаго удивленія, и гдѣ его доблесть не оказала бы вліянія, такъ что его всюду сопровождали величайшій почетъ и честь и участіе во власти. Когда надлежало ему уходить, онъ едва освобождался изъ объятій, которыми старались задержать у себя такое совершенство и не позволить ему идти въ другое мѣсто. Такъ онъ умѣлъ поработить иноземцевъ не оружіемъ, но одною только добродѣтелью, о которой могли бы засвидѣтельствовать и самые варвары, непріязненные и враждебные по природѣ, но не предубѣжденные завистью глашатаи истины [1]). Вслѣдствіе того Господь возвысилъ его и поставилъ господиномъ не надъ нами только Римлянами, но думаю, и надъ тѣми, у кого онъ былъ, и землю которыхъ попиралъ своими ногами; онъ уже унаслѣдовалъ Римской державѣ всѣ тѣ земли, которыя исходилъ взадъ и впередъ. Такъ Римляне будутъ пить изъ Тигра и Евфрата, пронесутся по Месопотаміи и прорвутъ Каспійскіе ворота [2]). Уже царь открылъ и прошелъ черезъ нихъ. Еще же удивительнѣе то, что сдѣлалъ намъ Соломонъ относительно трона: онъ удостоилъ священное сословіе сосѣданія и участія въ высочайшей чести [3]). Царская справедливость не только возвышала тронъ патріарха, но подняла этимъ и весь подчиненный ему святой родъ. Она судитъ уничиженныхъ, спасаетъ бѣдныхъ и унижаетъ клеветниковъ. Отъ мудрой внимательности царя не укрылось, чѣмъ болѣютъ римскіе города, или лучше, отчего большая часть ихъ уже погибла и въ конецъ исчезла. То ненасытные сборщики

---

[1]) ...ἧς (то-есть, ἀρετῆς) ἔδει γενέσθαι καὶ τοὺς βαρβάρους μάρτυρας, ἀπαραγράπτους μὲν ἅτε δὴ πολεμίους φύσει, κηρύξοντας δὲ τ᾽ ἀληθὲς ὡς μὴ προληφθέντας φθόνῳ.

[2]) καὶ πίονται μὲν Ῥωμαῖοι Εὐφράτου καὶ Τίγριδος, καθιππάσονται δὲ τῆς μέσης τῶν ποταμῶν καὶ τῶν Κασπίων πυλῶν διελάσουσι.

[3]) ἱερωσύνην πάρεδρον προσλαμβάνει καὶ μερίτιν ποιεῖται τῆς ἀνωτάτω τιμῆς.

податей разорили все, то горсть богачей, напавъ на оставшееся послѣ нихъ, поглотила достояніе Рима [1]). Въ предупрежденіе чего, на каждый округъ поставленъ судья, дабы онъ раскаленнымъ желѣзомъ справедливости пресѣкалъ заразу любостяжанія". Между злоупотребленіями предыдущей эпохи Михаилъ указываетъ между прочимъ: „Умираетъ кто, оставивъ жену и дѣтей, сирыя дѣти и вдова и у справедливѣйшихъ преторовъ находили не много утѣшенія. У нихъ отнимали состояніе, такъ что они не имѣли даже мѣста присѣсть къ родному трупу и оплакать его; ихъ подвергали допросамъ и истязаніямъ изъ-за передачи имѣнія и какъ бы понуждали прекратить свое земное существованіе. Смерть одного члена становилась пагубною и разорительною всему роду [2]). Нынѣ умираютъ спокойно, оставляя имущество законнымъ наслѣдникамъ, а жестокимъ сборщикамъ покидая лишь горькій плачъ. И самая преторская власть, распространившаяся на Элладу и Пелопоннисъ, угрожала уничтожить остающіеся слѣды городовъ и какъ бы исхитить изъ памяти людей самое имя Эллады, еслибъ императоръ, нашъ новый Зоровавель, не очистилъ эту власть отъ покрывавшей ее ржавчины и не освободилъ ея отъ прежняго позора... Принявъ мѣры къ возстановленію справедливости, онъ приказалъ пополнить общественные продовольственные запасы [3]). Ввѣряетъ Θемиду мужу, извѣстному уже на судебномъ поприщѣ, прошедшему италіанскую науку [4]), собесѣднику Θемиды, лучшему политику, богатому всякими знаніями, который успѣлъ соединить съ ораторскими харитами и юридическое образованіе и способенъ написать новые законы, подобно тому сладостнѣйшему Тривуніану" [5]).

Прежде чѣмъ говорить о значеніи этой превосходной во всѣхъ от-

---

[1]) Καὶ ὡς τοῦτο μὲν ἡ φορολογικὴ ἀπληστία τὰ πάντα κατενεμήσατο, τοῦτο δὲ καὶ ἡ τῶν πλουτούντων ὀλιγαρχία τοῖς ἐκείνων ἐπεξῆλθεν ἐγκαταλείμμασιν ἐν βρώσει ἄρτου τὸ δημοτικώτερον κατεσθίουσα.

[2]) Κατέλυέ τις τὸν βίον ἐπὶ γυναικὶ καὶ παισί, καὶ παῖδες μὲν ὀρφανίας, γυνὴ δὲ χηρείας παραμύθιον εὕρισκον παρὰ τῶν δικαιοτάτων πραιτόρων τὴν τῶν προσόντων ἀφαίρεσιν καὶ τὸ μηδὲ χώραν ἔχειν παρακαθίσαι τῷ οἰκείῳ νεκρῷ καὶ προσκλαῦσαι, ἑλκομένους καὶ βασανιζομένους ἐπ' ἀποδόσει τῆς περιουσίας.... ὡς τὴν τελευτὴν τοῦ ἑνὸς παγγενῆ εἶναι φθορὰν καὶ πανέστιον.

[3]) ἀλλὰ καὶ δημοσίοις ἐθέσπισε σιτηρεσίοις ἐφοδιάζεσθαι.

[4]) πιστεύει ταύτην ἀνδρὶ οὐ σχεδίῳ τὰ δικαστικά, ἢ τῆς ἰταλικῆς ἐπιστήμης ἀμελετήτῳ....

[5]) Тривуніанъ — извѣстнѣйшій ученый юристъ Юстиніана I (526—565); подъ редакціей его изъ прежнихъ законовъ составленъ былъ Codex Justinianeus (529 г.), Digesta и Pandectae (533), вообще такъ называемый Corpus iuris.

ношеніяхъ рѣчи, считаемъ нужнымъ сообщить здѣсь письмо М. Акомината къ тому же самому вельможѣ. Дѣлаемъ такъ потому, что оно весьма близко подходитъ къ рѣчи по содержанію, и какъ единственное письмо во всемъ сборникѣ, адресованное къ Д. Дримн, должно служить комментаріемъ къ приведенной выше рѣчи М. Акомината [1]).

„Я не хотѣлъ было и теперь писать къ тебѣ, если бы меня не побудилъ къ тому мой братъ. Если захочешь узнать причину, вотъ она: ты былъ однажды въ нашей отдаленной странѣ, гдѣ царствуетъ зависть и гнѣвъ и всякія страсти, и далъ намъ вкусить отъ добрыхъ законовъ и справедливости. Побывъ немного времени, ты удалился. Императоръ поручилъ тебѣ еще разъ исправить Элладу законами и судебными учрежденіями [2]), ты же не соблаговолилъ пожаловать къ намъ во второй разъ, пожалѣвъ для насъ, жаждущихъ справедливости и законнаго суда, роскошнаго пира твоей Ѳемиды. Я никакъ не могу простить тебѣ этой несправедливости, какъ не извиню хорошаго кормчаго, не захотѣвшаго взять руль во время бури. Поэтому я и удерживался отъ переписки съ тобой. Но затѣмъ я знаю, какъ трудно съ тобою спорить, и что ты не задумаешься привести тысячу оправданій. Пріятнѣе и выгоднѣе жить подъ безоблачнымъ небомъ Константинополя въ сообществѣ доброй жены и милыхъ дѣтей. Принявъ на себя во второй разъ управленіе Элладой, ты не только долженъ былъ бы лишить себя этихъ благъ, но и подвергнуться другимъ безчисленнымъ неудобствамъ: разумѣю дальнюю и утомительную дорогу, назойливость безпокойныхъ мужей, которые ссылаются на свою автономію чуть не съ деревянныхъ столбовъ Солона и объявляютъ притязаніе на всевозможныя изъятія, и которые издаютъ свои законоположенія, подрывающія силу судейскихъ опредѣленій, такъ что изъ положенія является отрицаніе, какъ говорятъ философы [3]). Какъ ораторъ, я пожалуй не нашелъ бы ничего сказать на

---

[1]) Cod. Laur. Fol. 71. Τῷ Πρωτασηκρήτῃ Δημητρίῳ τῷ Δριμύ.

[2]) πάλιν ἐνεχείριζέ σοι βασιλεὺς ὁ θειότατος τὴν 'Ελλάδα νόμοις ἰθύνειν καὶ βήμασι...

[3]) Καὶ ὡς οὐ μόνον τούτων ἔμελλες στέρεσθαι τὴν ἀρχὴν τῆς Ἑλλάδος ἀναζωσμένος δεύτερον, ἀλλὰ καὶ μυρίαις δυσχερείας ἐμπίπτειν· ὁδοιπορίᾳ φημὶ μακρᾷ, τῇ ἐξ ὁδοιπορίας ταλαιπωρίᾳ καὶ κακοηθείᾳ ἀνδρῶν μοχθηρῶν καὶ τὴν αὐτονομίαν προβαλλομένων, ὡς ἀπὸ τῶν ἀξόνων τοῦ Σόλωνος καὶ τὸ ἐπ' αὐτοῖς ἀνεύθυνον ἀεὶ καὶ ταῖς δικαστικαῖς ψήφοις ἀντινομοθετούντων καὶ ἀντικειμένων, ὡς ἂν τεκεῖσθαι φασὶ τῇ καταφάσει τὴν ἀπόφασιν οἱ φιλόσοφοι. Недостаточно было бы привести это прекрасное мѣсто: оно заслуживаетъ обширнаго коментарія. Сознавая это, авторъ боится

это, но какъ епископъ, имѣю возразить многое. Каждому нужно сдѣлать свое дѣло, всякій долженъ приращать ввѣренный ему отъ Бога талантъ. Чѣмъ можешь ты оправдаться, что свой даръ судіи не порадѣлъ пріумножить такъ, чтобъ украсить законами и правдой Өессалію, Элладу и Пелопоннисъ? Блаженны тѣ мужи, которые хотя и жили въ превратной вѣрѣ, но ревностно состязались въ прекрасныхъ и доблестныхъ дѣлахъ [1]). Они смѣло пускались моремъ въ дальнія страны и предпринимали продолжительныя путешествія, чтобъ имѣть случай провести строй въ жизнь человѣческую. Одинъ ввелъ подать на островахъ и прозывался справедливымъ, другой устроилъ города законами, а иной отправлялся въ Сицилію и неоднократно держалъ путь черезъ Харивду, чтобъ ослабить грубую тираннію своимъ философскимъ ученіемъ.... [2]).

„А вы, изнѣженные христіане Константинополя, не хотите выйдти изъ-за стѣнъ и воротъ, лѣнитесь взглянуть въ сосѣдніе и ближайшіе города, чтобы дать имъ воспользоваться черезъ васъ добрымъ устройствомъ. Высылая же одного за другимъ сборщиковъ податей, которые, какъ зубы звѣрей, пожираютъ послѣдніе пожитки, сами проводите спокойную жизнь въ своихъ помѣстьяхъ.... а города опустошаетъ порча и язва вымогателей податей [3])! Какое вамъ дѣло до Македоніи, Өракіи и Өессаліи? Для васъ воздѣлываются пшеничныя поля, не

сказать слишкомъ мало въ подстрочномъ примѣчаніи и откладываетъ коментарій до другаго случая. Къ объясненію выраженія τῶν ἀξόνων τοῦ Σόλωνος приведемъ слова Германа (*Hermann*, Lehrbuch der Griechisch. Staatsalterthüm., S. 402): «Солонъ приступилъ къ разрѣшенію задачи Дракона посредствомъ письменныхъ опредѣленій (которыя писались на деревянныхъ, гладко обтесанныхъ, четыреугольныхъ столбикахъ или небольшихъ колоннахъ, называемыхъ Κύρβεις, или также Ἄξονες, потому что они посредствомъ приспособленныхъ сверху и снизу стержней могли быть поворачиваемы и оттого удобнѣе со всѣхъ сторонъ читаемы...), чтобы дать для судебной практики основы, общія для всѣхъ и независимыя отъ личнаго произвола».

[1]) ὦ μακαρίων ἐκείνων ἀνδρῶν· οὐ γὰρ ὀνειδίζω τῆς ἐνδιαστρόφου θρησκείας, μακαρίζω δὲ ὅτι καὶ τοιαῦτα θρησκεύοντες ὅμως τοῦ καλοῦ καὶ τῆς ἀρετῆς ἀντεποιοῦντο προθύμως.

[2]) Καὶ ὁ μὲν φόρους ταῖς νήσοις ἁρμόσας ὠνομάζετο δίκαιος, ὁ δὲ νόμοις τὰς πόλεις ἐρρύθμιζεν, ὁ δέ τις ἐπὶ Σικελίαν ἀπέπλει καὶ πολλάκις τὴν ὅλην ἀνεμέτρησε Χάρυβδιν, ὡς φιλοσοφίᾳ χαλάσῃ τυραννίδος ὠμότητα.

[3]) μόνους δὲ φορολόγους καὶ θηρίων ὀδόντας στέλλετε, ἄλλους ἐπ' ἄλλοις καλαμωμένους τὰ τῶν πόλεων ἐγκαταλείμματα, αὐτοὶ δὲ μένετε κατὰ χώραν ἡσυχίαν ἄγοντες, εἴ τις νόμων ἐπιστήμην πλουτεῖ, εἴ τις δικαστικὴν ἐπισκήσατο, εἴ τις δικαιοσύνην ἀσπάζεται...,. ἐξερημοῦσι δὲ τὰς πόλεις οἱ φθόροι καὶ λοιμοὶ πράκτορες.

для васъ ли готовится евбейское и птелеатское, хіосское и родосское вино? Не вамъ ли ткутъ туники ѳиванскіе и коринѳскіе пальцы, не сливаются ли всѣ рѣки золота въ царственный городъ, какъ въ море? Зачѣмъ же вамъ ходить на чужбину и мѣнять привычную жизнь на другую, неизвѣстную, когда, не подвергшись ни дождю, ни солнцу и спокойно сидя дома, вы наслаждаетесь всевозможными благами... Или думаете безбѣдно и до конца проводить счастливую жизнь, когда страдаютъ подчиненные столицѣ города извнѣ отъ морскихъ разбойниковъ, внутри отъ разнообразной неправды? Но я выступилъ изъ обычныхъ границъ письма, ибо отъ сильнаго желанія побесѣдовать съ тобою растянулъ его сверхъ мѣры. Или лучше, забывъ, что веду заочную бесѣду, пустился въ болтовню, умѣстную при личномъ разговорѣ. О, еслибъ удалось и въ самомъ дѣлѣ свидѣться намъ и насладиться пріятною бесѣдой!"

Первая часть рѣчи къ Д. Дрими рисуетъ картину бѣдственнаго положенія Аѳинъ. Какъ мы говорили выше, это самый благодарный мотивъ, съ разнообразными измѣненіями повторяющійся почти во всѣхъ произведеніяхъ М. Акомината. Когда получится возможность разсмотрѣть варіаціи, много новыхъ и неожиданныхъ фактовъ представится нашему наблюденію. Вторая, несравненно бо́льшая и любопытнѣйшая часть посвящена похваламъ императору Андронику. Особый интересъ этой части заключается въ томъ, что она есть единственное произведеніе изо всей дошедшей до насъ литературы того времени, которое знакомитъ насъ не съ Андроникомъ—тираномъ, а съ Андроникомъ — устроителемъ имперіи. Хвалебная литература кратковременнаго царствованія Андроника или истреблена, или утрачена [1]), и только счастливая случайность сохранила въ большомъ кодексѣ приведенную выше рѣчь. Время назначенія претора Дрими въ Элладу опредѣляется концемъ 1183 и началомъ 1184 года. Ораторъ называетъ Андроника уже помазаннымъ царемъ, слѣдовательно, рѣчь должна быть произнесена послѣ того, какъ онъ, умертвивъ императора Алексѣя въ октябрѣ 1183 г., сдѣлался единовластнымъ го-

[1]) Существованіе хвалебныхъ произведеній въ честь императора Андроника подтверждается приведеннымъ выше мѣстомъ нашего писателя: πλὴν εἰ καὶ ἄλλως οὐχ' οἷού τε πάντων διϊξεσθαι ὁπόσα ἠκούσαμεν καὶ διηγήσαντο ἡμῖν οἱ τὰς αἰνέσεις τοῦ αὐτοκράτορος ἐπαγγέλλοντες. Поиски въ заграничныхъ библіотекахъ могутъ сопровождаться и въ этомъ отношеніи кое-какими находками. Такъ, намъ удалось видѣть въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Бодлея (Cod. Barocc. 216) отрывокъ изъ произведенія неизвѣстнаго оратора, трактующій объ Андроникѣ Комнинѣ.

сударемъ. Можно также утверждать, что она не могла быть произнесена и въ 1185 г., ибо въ послѣднемъ случаѣ оратору нельзя было не коснуться сицилійскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, по всѣмъ внутреннимъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ помѣтить эту рѣчь 1184 годомъ. Въ послѣдующемъ году назначенъ былъ въ Элладу пропреторъ, что вызвало М. Акомината на энергическія представленія своимъ друзьямъ въ Константинополѣ въ томъ смыслѣ, что это измѣненіе весьма не желательно, и что полезно, напротивъ, руководиться прежнимъ обычаемъ, то-есть, періодически назначать претора (письмо къ логоѳету Дмитрію Торнику) [1]). Этою рѣчью подтверждается до полной несомнѣнности, что М. Акоминатъ былъ очевидцемъ первыхъ дѣйствій Андроника въ Константинополѣ, и что его свидѣтельство, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ силу перваго авторитета въ вопросѣ обсужденія внутренней политики императора. Спѣшимъ сейчасъ же, на случай весьма вѣроятнаго возраженія, что похвальная рѣчь по самому роду своему не можетъ имѣть значеніе авторитетнаго источника, замѣтить слѣдующее: изъ настоящаго состоянія науки о Византіи XII вѣка слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что, за исключеніемъ немногихъ документовъ, похвальныя рѣчи и письма были первымъ, если не единственнымъ, матеріаломъ сохранившихся историческихъ сочиненій [2]). Сообщенія М. Акомината объ Андроникѣ — такого впрочемъ свойства, что не требуется много усилій оправдать ихъ.

Ужь императоръ Мануилъ подъ конецъ жизни, частію вслѣдствіе собственныхъ политическихъ соображеній, частію уступая общественному мнѣнію, искалъ средствъ развязаться съ традиціонною политикой дѣда и отца по отношенію къ западу. Національная партія въ Константинополѣ считала въ своихъ рядахъ многихъ лицъ изъ придворной аристократіи. Когда Алексѣй протосевастъ, опираясь на расположеніе императрицы Маріи (она была латинскаго происхожденія), опекунши надъ Алексѣемъ II, захватилъ всю власть въ свои руки, вожди національной партіи, поддерживаемые духовенствомъ и наро-

---

[1]) Cod. Laur. Fol. 52 οὐ μεγάλα τινὰ καὶ ἐπιζήμια τῷ δημοσίῳ αἰτούμεθα, ἀλλὰ πρῶτον μὲν μὴ στέλλεσθαι εἰς 'Αθήνας ἀντιπραίτορα, αὐτὸν δὲ τὸν πραίτορα κατὰ περιόδους ἐπιδημεῖν καὶ ὁσάκις δεήσειε.

[2]) Мысль, уже съ полною основательностію высказанная разъ авторомъ Русско-Византійскихъ Отрывковъ, *В. Г. Васильевскимъ* (изъ исторіи Византіи въ XII в. въ *Славянскомъ Сборникѣ*, II, стр. 265), какъ поучительно впрочемъ и цѣнно и многое другое, что онъ вычитываетъ у Византійцевъ тамъ, гдѣ другіе примѣчали весьма мало.

домъ, завязали съ нимъ упорную борьбу. Андроникъ воспользовался раздоромъ партій и выступилъ какъ защитникъ законнаго наслѣдника престола противъ протосеваста Алексѣя, едва ли не завѣдомо ложно обвиненнаго въ покушеніи на царскую власть, равно какъ носителемъ весьма популярныхъ политическихъ и экономическихъ преобразованій. Именно, онъ разослалъ агентовъ, которые сулили народу близкое освобожденіе отъ стѣснительныхъ для туземной производительности и торговли привиллегій въ пользу иностранцевъ и обѣщали экономическія реформы. Въ этихъ планахъ и обѣщаніяхъ нужно искать причину популярности Андроника, такъ какъ онъ дѣйствительно „не съ бранною силою" подошелъ къ Константинополю. Первыя дѣйствія Андроника какъ нельзя болѣе удовлетворяли общимъ желаніямъ: онъ возвратилъ господство національной партіи устраненіемъ отъ дѣлъ Алексѣя Протосеваста и изгнаніемъ Латинянъ; „освободилъ имперію отъ тираннической латинской наглости и очистилъ царство отъ варварской примѣси". Дальнѣйшія слова М. Акомината настолько драгоцѣнны для разгадки проблематическаго характера Андроника, что ихъ смѣло можно поставить эпиграфомъ въ монографіи объ этомъ императорѣ: „потомъ онъ изгоняетъ тѣхъ, которые съ дѣтскою навязчивостью домогались Ромейской имперіи и разрывали ее въ поликиранію" (многовластіе). Андронику пришлось вести упорную, ожесточенную борьбу съ тою партіей, за которою была вся сила и популярность, и на которую сначала онъ опирался. Не совсѣмъ ясно еще для насъ, какъ объяснить дѣйствительно ужасныя жестокости Андроника по отношенію къ боярамъ; но не рѣшаемся также говорить о звѣрскихъ инстинктахъ, кровожадности и тому подобныхъ качествахъ, которыми объясняется систематическое преслѣдованіе Андроникомъ родовитаго дворянства. Нужно внимательнѣе присмотрѣться къ тѣмъ планамъ, предположеніямъ и попыткамъ реформъ, которые занимали Андроника, и осуществить которые онъ не имѣлъ времени. Наши матеріалы въ этомъ отношеніи все же еще недостаточны, хотя и даютъ поводъ къ нѣкоторымъ запросамъ и ожиданіямъ [1]).

---

[1]) Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Димитрію Торнику весьма важно въ этомъ отношеніи (Cod. Laur. Fol. 49): εἰ δὲ τὴν γενομένην ἐπὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κῦρ 'Αλεξίου ἐκκοπὴν λέγοις, πρῶτα μὲν οὐχ ἡμεῖς μόνοι ἀλλ' καὶ Κόρινθος ἀπήλαυσαν ἐκκοπῆς παρὰ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως. Εἶτα εἰ μὴ καταστρωθῆναι γένηται ὁρισμὸς τὸ παρὰ τοῦ μακαρίτου Προσούχ γενόμενον κατάστιχον, οὐδ' ἐκ τῆς ἐκκοπῆς ταύτης ὠφελοῦνται οἱ μᾶλλον ἐλέους δεόμενοι. Ἡ γὰρ τοῦ Χούμνου οἰκονομ.. τοῖς

Даже та часть рѣчи, которая, по видимому, всего болѣе богата картинами и образами, то-есть, повѣствованіе о приключеніяхъ Андроника на востокѣ, и она построена на дѣйствительныхъ фактахъ и отношеніяхъ. И прежде всего нужно замѣтить, что натянутыя отношенія между императоромъ Мануиломъ и Андроникомъ обусловливались не столько личными качествами, сколько родовыми счетами. Императоръ Іоаннъ Комнинъ назначилъ своимъ преемникомъ Мануила помимо старшаго его брата Исаака, который, равно и его дѣти, Іоаннъ и Андроникъ, не могли питать пріязни къ Мануилу и не всегда сдерживали свое неудовольствіе на распоряженіе императора Іоанна. Вслѣдствіе того, императоръ Мануилъ былъ склоненъ подозрѣвать въ Андроникѣ врага, и весьма вѣроятно, давалъ больше вѣры доносамъ и клеветамъ, чѣмъ сколько требовала деликатность положенія. Андроникъ и Мануилъ не уживались вмѣстѣ въ Константинополѣ, и послѣдній если не получалъ административнаго поста въ провинціи, или если не содержался подъ стражей, охотно удалялся за границу [1]).

Такъ, въ 1164 году онъ жилъ при дворѣ Галицкаго князя Ярослава Владиміровича, чтò отмѣчено и въ русской лѣтописи [2]): „Прибѣжа изъ Царя города братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прія и́ Ярославъ съ великою любовью; и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшеніе; потомъ же присла царь два митрополита, вабя и́ къ собѣ; Ярославъ же пусти къ нему съ великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму и мужа своя передняя“ [3]). Какъ пребываніе Андроника въ Россіи въ 1164 г. есть дѣйствительно историческій фактъ, такъ и приключенія его въ Палестинѣ, въ Грузіи и другихъ странахъ не вымышлены нашимъ ораторомъ, но подтверждаются мѣстными хрониками, не говоря уже

δυναμένοις ταύτην ἀπέδοτο. Ἀλλὰ καὶ ὅστις ἂν πράκτωρ ταύτην ἐμπιστευθῇ τὸ αὐτὸ ποιήσει· καταστρωθήτω τοίνυν δι' ὁρισμοῦ τὸ τοῦ Προσούχ.

[1]) Nicetas, Thesaurus, cod. Roe № 22, Fol. 416 (въ библіотекѣ Бодлея, въ Оксфордѣ): οὗτος γὰρ τοῦ βασιλέως Μανουὴλ ἐξάδελφος ὢν ὑπώπτευέ τε ἐξ ἐκείνου χείρωσιν καὶ κάκωσιν, ἣν καὶ πέπονθε πολλάκις διὰ χρονίων καθείρξεων καὶ οὐχ ἧττον ὑπεβλέπετο παρ' ἐκείνου διὰ τὸ φίλαρχον τοῦ τρόπου καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον.

[2]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, II. 6673 годъ.

[3]) Ср. Cinn. 232, 4; Nicet. 168. 17, 172. 18 οὕτω δὲ πρὸς τὸν ἑαυτοῦ πόθον ὅλον ἐκεῖνον Ἀνδρόνικος ἀνηρτήσατο, ὡς καὶ συνθηρεύειν καὶ συνθωκεύειν ἐκείνῳ, ὁμέστιός τε εἶναι καὶ σύσσιτος.

о византійскихъ [1]). Лучшимъ комментаріемъ къ тому мѣсту рѣчи, гдѣ говорится о пребываніи Андроника въ Палестинѣ, служитъ Вильгельмъ Тирскій [2]), который между событіями 1167 — 1168 гг. сообщаетъ слѣдующее: „Въ это время Андроникъ, одинъ знатный и могущественный Грекъ, родственникъ императора Константинопольскаго, пришедшій изъ Киликіи, съ значительною военною силой, когда король еще занятъ былъ дѣлами въ Египтѣ, жилъ у насъ до самаго возвращенія короля, и его пребываніе было для насъ утѣшительно. Король, тотчасъ по возвращеніи, наградилъ его городомъ Беритомъ. Пригласивъ сюда подъ предлогомъ осмотра города Ѳеодору, коварно, говорятъ, увлекъ ее и увелъ съ собою въ непріятельскую землю, сначала въ Дамаскъ, потомъ въ Персію, пользуясь благорасположеніемъ Нуреддина". Причина, заставившая Андроника скрыться изъ Палестины и искать безопасности во владѣніяхъ калифа, весьма ясно указана Никитой [3]).

„Такъ Римляне будутъ пить изъ Тигра и Евфрата, пронесутся по Месопотаміи и прорвутъ Каспійскія ворота. Уже царь открылъ и прошелъ черезъ нихъ". Одно мѣсто грузинской лѣтописи чрезвычайно удачно дополняетъ эти слова рѣчи М. Акомината..." въ Георгіѣ, помазанникѣ Божіемъ (Каспій, Б. Дорна, С.-Пб. 1875 г., стр. 389), проявлялся очевидно потомокъ Давида и Соломона; какъ Соломону, всѣ цари земные повиновались ему и повергали дары къ стопамъ его. И дѣйствительно, однажды прибылъ къ нему Андроникъ Комнинъ, сынъ брата отца Мануила Великаго, владыки всего запада и императора Греческаго, съ своею супругой, лицо которой сіяло красотой, со своими сыновьями и сыномъ своей сестры. Воздавъ Богу должную благодарность, Гіоргій сдѣлалъ ему почетный пріемъ, какъ подобало его высокому роду, отвелъ ему достаточное число городовъ и крѣпостей и назначилъ ему мѣстопребываніе, по сосѣдству съ своею собственною резиденціей, насупротивъ Агсартана, сына сестры своего родного отца, царя Мовакана и Ширвана и приморской страны отъ Дербенда до Хилкала.... Однажды этотъ ширваншахъ, обезпокоенный дербентскими Хозарами, прибѣгнулъ къ царю, который, собравъ

---

[1]) Подробныя извѣстія у Nicet. 182, 184—185. Cinn. 250—251. Нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній посвящено этому вопросу академикомъ *А. А. Куникомъ* въ статьѣ: Основаніе Трапезунтской имперіи (*Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ*, II, стр. 715 и др.).

[2]) Книга XX, гл. 2.

[3]) Nicet. 184, 15.

войско съ обѣихъ сторонъ Лихской горы и взявъ съ собою Андроника, брата Греческаго императора, дошелъ до воротъ Дербентскихъ, разорилъ страны Мускурскую и Шарабамскую и взялъ городъ Шабуранъ, у воротъ котораго, въ глазахъ царя и всего войска, Андроникъ ознаменовалъ себя великими подвигами".

Ἱερασύνην πάρεδρον προσλαμβάνει καί μερίτιν ποιεῖται τῆς ἀνωτάτω τιμῆς. Это мѣсто, по нашему мнѣнію, только частію объясняется параллельнымъ свидѣтельствомъ Н. Акомината [1]). Андроникъ, принявъ царскую власть, оказался клятвопреступникомъ въ глазахъ церкви и народа. Еще при Мануилѣ онъ далъ торжественную присягу, что отказывается отъ притязаній на тронъ. Патріархъ Θеодосій, ближайшій душеприкащикъ царя Мануила, не соглашавшійся разрѣшить Андроника отъ присяги, былъ лишенъ сана. Избранный на его мѣсто Василій Каматиръ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ логоθетомъ того же имени, былъ не такъ чувствителенъ къ вопросамъ чести и достоинства, какъ Θеодосій, и согласился торжественнымъ церковнымъ актомъ освятить совершившійся фактъ. Въ награду за это духовенство получило нѣкоторыя существенныя политическія права, между которыми право патріарха и епископовъ на кресло возлѣ императорскаго трона есть лишь внѣшній знакъ мало разъясненныхъ преимуществъ. Едва ли съ этимъ не соединялось дарованіе духовенству права участвовать въ судѣ рядомъ съ свѣтскими чиновниками, то-есть, ставить свои стулья въ провинціальныхъ судебныхъ учрежденіяхъ (βῆμα). Вообще, конецъ рѣчи М. Акомината, не вполнѣ нами списанной, заслуживаетъ полнаго вниманія. Здѣсь нужно искать разгадки реформъ, которыя были задуманы Андроникомъ и возбудили противъ него бурю негодованія и вражды среди помѣстнаго дворянства Византіи. Нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ богословскаго сочиненія Н. Акомината, еще не вполнѣ изданнаго, убѣждаютъ насъ, что со вступленіемъ Андроника на престолъ, византійскій клиръ дѣйствительно обнаружилъ такія притязанія, на которыя онъ не осмѣливался при Мануилѣ [2]).

---

[1]) Nicet. 357, 358.

[2]) Nicet., Thesaurus τομ. 27 (cod. Roe 22, Fol. 416) ἤρξατο παρὰ πολλῶν ὑπολαλεῖσθαι καὶ κατασείεσθαι τὸ περὶ τῆς τοῦ θεανθρώπου φωνῆς δόγματος (какъ понимать слова: Отецъ мой болій мене есть). Ὤιοντο οἱ τὸ δόγμα τοῦτο διακωδωνίζοντες καὶ τὴν στήλην καταστρέψαι πειρώμενοι, ἥτις ἐν τῷ μεγίστῳ τέμενει ἀνάκειται, ῥᾳδίως Ἀνδρόνικον ὑπαγαγέσθαι τῷ σφετέρῳ βουλήματι ἐκ μακροῦ φιλαπεχθοῦντα τοῦτον τῷ βασιλεῖ Μανουὴλ ἐπιστάμενοι καὶ ταῖς ἐκείνου δύσνουν ἐνορῶντα πράξεσιν.

4. **Рѣчь къ шурину императора и логоѳету Василію Каматиру.** Προσφώνημα εἰς τὸν γυναικάδελφον τοῦ βασιλέως (καὶ λογοθετην Barocc) κῦρ Βασίλειον τὸν Καματηρόν [1]). Начавъ съ подвиговъ Иракла, ораторъ переходитъ къ похваламъ дѣятельности В. Каматира, который то по дипломатическимъ порученіямъ переплывалъ Адріатику и приставалъ къ сицилійской Харивдѣ, то велъ дѣло съ династами и тиранами, страшнѣйшими всякаго звѣря и угрожавшими царству какъ многоглавая гидра [2]). „Исполняя разные подвиги въ разныхъ мѣстахъ, напослѣдокъ ты не отказался отъ порученія посѣтить и эту даль, эту вторую преисподнюю. Ты явился къ намъ, какъ Солонъ съ сисахѳіей. Всѣ здѣсь присутствующіе со слезами касаются твоихъ ногъ, умоляя за сіе общее отечество, которое не менѣе приличествуетъ и тебѣ, какъ отечество мудрости. Оно находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что почитаемое за одно славное имя, въ остальномъ представляетъ лишь трупъ нѣкогда большаго города. И эти останки не щадитъ зависть, губящая все прекрасное; приморское положеніе области подвергаетъ ее набѣгамъ пиратовъ [3]). Чтò говорить уже о селеніяхъ на берегу моря, когда грабители злодѣйствуютъ и внутри страны, и у самыхъ горъ. Гдѣ только берегъ образуетъ мысъ, отсюда нападаютъ на несчастную страну многочисленныя шайки грабителей, которые свирѣпствуютъ безпощаднѣе всѣхъ Лонгобардовъ [4]). Этотъ пограбитъ и бѣжитъ,—отъ губительнаго, какъ пожаръ все опустошающаго, набѣга тѣхъ ничто не можетъ уберечься. Подъ маской преторской власти онъ стрижетъ всю Элладу. Не будучи въ состояніи грабить Віотію, такъ какъ многолюдная Кадмея легко принимаетъ недоступный видъ, высылая какъ бы изъ священной засады мужествомъ дышащее войско, онъ пытается внести опустошеніе въ Евбею [5]). Не остановила бы его деревянная стѣна, которую перепры-

---

[1]) Cod. Laur. 93, Barocc. 165. Начало: Τὸν μεγαλουργόν Ἡρακλῆν.

[2]) ...καὶ νῦν μὲν ἐπὶ πρεσβείᾳ τὸν Ἀδρίαν διαπειρούμενος καὶ πρὸς τὴν Σικελικὴν παραβαλλόμενος Χάρυβδιν· νῦν δὲ ὡς ἄλλαις ὕδραις πολυκεφάλοις βασιλειῶσι δυνάσταις καὶ τυράννοις παντὸς θηρίου προσβάλλειν δεινοτέροις ἀντιπαρατάττόμενος.

[3]) ἀλλὰ κύκλῳ μέν διὰ τὸ τῆς χώρας σχεδὸν ἀμφίρρυτον τὰ ἐπιθαλαττίδια πάντα πειραταὶ ληίζονται.

[4]) Τί λέγω τὰ ἐπὶ θαλάττῃ κωμύδρια· ἤδη καὶ μεσόγειαν αὐτὴν κακουργοῦσι, καὶ πᾶσαν ἀκρώρειαν. Ὅπῃ δὲ τάχα καὶ χερροννησιάζουσιν αὐτῇ τὰ τῆς θέσεως. πάλιν ἐκεῖθεν ἐπιστρατεύουσι τῇ θλήμονι ἐπηρεστῶν ἔθνη μύρια καὶ λογγιβάρδων ἁπάντων πειρατικώτατα.

[5]) ὁ ὑπὸ προσωπείῳ πραιτωρείας ἀρχῆς πᾶσαν Ἑλλάδα καλαμώμενος· ὃς Βοιωτίαν μὲν οὐχ οἷος τέ ἐστι κατευωχεῖσθαι ὅσον ἐφίεται, ἄλλων τε πολλῶν ἕνεκα καὶ οἷς τὸ

гнуть также легко, какъ мигнуть глазомъ; но шумящій у Авлиды заливъ ему недоступенъ, какъ и море по ту сторону Гадиры. Итакъ, оставляя въ сторонѣ Ѳивы и Авлиды, подобно тому какъ бурный потокъ пробѣгаетъ мимо утесовъ, онъ и пригрѣтые имъ разбойники со всею яростію устремляются на однѣ бѣдныя Аѳины, лишенныя всякой обороны [1]). Аѳины — теперь уже мертвецъ, и самое имя исчезло бы изъ памяти людей, еслибъ его не удерживали эти упорнѣйшіе и могущественнѣйшіе, чѣмъ зависть и время, предметы: Акрополь и Ареопагъ, Имиттъ и Пирей и другіе недвижимые натуральные памятники [2]). Когда же вздохнуть, встать и оправиться Аѳинамъ, какъ не теперь, когда Римская имперія вручена свыше гуманнѣйшему изъ всѣхъ императоровъ. И онъ уже распорядился осмотрѣть нашъ пропадающій городъ и принять мѣры къ его возстановленію [3]). Мы привѣтствуемъ тебя какъ третьяго, послѣ Ѳемистокла и Конона, возстановителя Аѳинъ.

„Дарій и Киръ не наложили руки на городъ, время же и зависть опустошили его съ бóльшимъ варварствомъ, чѣмъ Навуходоносоръ. Но Дарій и Киръ не любезнѣе Богу благочестиваго Алексѣя, и Зоровавель не мудрѣе тебя по замысламъ, чтобъ и тебѣ въ награду за мудрость не предоставлена была честь возстановленія Аѳинъ. Состоя въ свойствѣ съ царемъ, обладая даромъ великой мудрости, ты скажешь только слово, и Аѳины скорѣе воспрянутъ отъ твоихъ звуковъ, чѣмъ прежніе Ѳивы отъ ударовъ Амфіона, такъ какъ императоръ больше поддается на твои слова, чѣмъ Александръ увлекался игрой Тимоѳея. Онъ возставилъ уже павшую имперію и отразилъ обиду (позоръ) разгульно пирующихъ на ней псевдо-Алексѣевъ, которые, подобно Спартамъ, стремительно бросаясь, то тамъ, то здѣсь попирали

πολυανδρούμενον τῆς Καδμείας ῥαδίως παρατραχύνεται καὶ μᾶλλον εἰ παρὰ τῶν Βοιωταρχούντων πρὸς κατέντευξιν ἐκκυμαίνοιτο, ὡς παρὰ τοῦ ἱεροῦ ποτὲ λεγομένου λόχου τὸ κατ' αὐτοὺς ἐς ἀνδρείαν ἐπεῤῥώννυντο στράτευμα, Εὐβοίας δὲ καὶ αὐτῆς βούλεται μὲν κατεμφορεῖσθαι.

[1]) αὐτὸς τε καὶ οἱ παρ' αὐτοῦ ἐνισχυόμενοι ἐπηρεασταί, ὥσπερ ἄρα καὶ τὰς ὑπερανεστηκυίας πέτρας οἱ χείμαρροι παρατρέχουσι ἐπὶ μόνας τὰς ἀθλίας 'Αθήνας παντὶ θυμῷ ῥέουσιν, ἀπείργοντος οὐδενὸς ἐρύματος.

[2]) εἰ μὴ συνεῖχε τοῦτο (sic) τὰ καρτερώτατα καὶ φθόνου καὶ χρόνου καθυπέρτερα· 'Ακρόπολις αὕτη, καὶ Πάγος ἐκεῖνος 'Αρεῖος, 'Υμηττός τε καὶ Πειραιεὺς καὶ εἴ τι που ἄλλο φύσεως ἔργον ἀκίνητον.

[3]) Βασιλέως δὲ οὐκ ἀκοὴ μόνον καὶ ὀφθαλμὸς καὶ γλῶττα, ἀλλὰ καὶ νοῦς ἀτεχνῶς, ὃς μᾶλλον ὁρᾷ καὶ μᾶλλον ἀκούει τὸν ἀφανισμὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἐπισκέψαι πόλεως καὶ οἷός τε εἶ τὰ εἰς ἀνοικισμὸν αὐτῆς διοικήσασθαι.

выставленное на соблазнъ для многихъ имя царя Алексѣя, или лучше, подобно миѳическому кимейскому ослу снимали съ него львиную кожу и приводили въ смущеніе неразумныхъ [1]. Между членами династій Комниновъ первый и великій Алексѣй есть ея виновникъ, второй Алексѣй — законный преемникъ великаго Мануила, за этими двумя возсіялъ сей третій величайшій Алексѣй, соименный и родственный, какъ истинная защита и помощь противъ дерзкихъ псевдо-Алексѣевъ. Ибо всѣ тѣ, которые осмѣливались самонадѣянно рыкать, оказались просто ослами, тщетно носившими, какъ львиную кожу, царское имя. Достоинъ удивленія и тотъ императоръ, который, отсѣкая голову болтунамъ, заставилъ забыть не только рыканіе, но и самою толщину [2]; гораздо же удивительнѣе тотъ, который, вынося безразсудство другихъ безчисленныхъ явныхъ возстаній и открытыхъ козней, ограничился въ наказаніи за такое сумасбродство простымъ заключеніемъ. Въ какой же мѣрѣ поразительно даже не заключить въ оковы бунтовщика, облекшагося въ царскую порфиру, котораго всѣ приговорили къ смертной казни? Отрада Комниновъ и всѣхъ царей, Іоаннъ, смягченіе казней уже не тебѣ только свойственной подвигъ! Уже не будетъ какъ бы отличительнымъ признакомъ твоего царства запрещеніе разсѣкать на части тѣло осужденныхъ преступниковъ [3]. Вотъ и великій Алексѣй, преемникъ власти, явился подражателемъ и твоей филантропіи. Такой мягкой и доброй власти не было ни до тебя, ни послѣ тебя до сего времени, нынѣ же она ожила и встала, живая и видимая. Есть ли кто, лишенный зрѣнія или потерпѣвшій другой родъ увѣчья, чье имущество конфисковано, кто лишенъ отечества и изгнанъ на чужбину, какая женщина, потерявъ сына или мужа по гнѣву царя, носитъ черное покрывало? Уже ли же только Аѳины будутъ обойдены всеобщимъ благомъ? Аѳины! Не этотъ

---

[1]) Ὃς ὅλην τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν ἤδη πίπτουσαν ἔστησεν καὶ τῶν ἐπ' αὐτῇ κωμαζόντων Ψευδοαλεξίων τὴν ὕβριν ἀνέστειλεν· οἳ κατὰ τοὺς Σπαρτοὺς ἀναθρώσκοντες, ἄλλος ἀλλαχοῦ ἐπωχοῦντο τῷ τοῦ κατειργασμένου βασιλέως Ἀλεξίου ἐπὶ φενάκῃ τῶν πολλῶν ὀνόματι, μᾶλλον δὲ ὡς μυθευομένος Κυμαῖος ὄνος τὴν λεοντὴν τούτῳ προὐβάλλοντο καὶ παρεῖχον τοῖς ἀγροικοτέροις πράγματα. Спарты—вооруженные воины, выросшіе изъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ,—*Grote*, I, p. 258—259.

[2]) Θαυμαστὸς μὲν οὖν ὁ αὐτοκτάτωρ καὶ οἷς κόπτων ῥοπάλοις τῶν οὕτω ληρούντων τὰς κεφαλὰς, ἔπεισε λαθέσθαι μὴ τοῦ βρυχηθμοῦ μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ ἤδη τοῦ ὀγκηθμοῦ.

[3]) οὐκέτι τῆς σῆς ἀρχῆς ὥσπερ τι παράσημον νομισθήσεται τὸ μηδένα τῶν ὑποδίκων ὁραθῆναι παρ' ἔνια τῶν μελῶν τοῦ σώματος.

ли городъ, первый и одинъ между другими, возымѣлъ мысль и воздвигъ сей жертвенникъ [1],—и онъ лишенъ будетъ того блага, которымъ дѣлился со многими? Нѣтъ, не вѣрю: это не согласно съ твоею мудростію и благочестіемъ, которыя побудили тебя подъять сіе длинное и утомительное путешествіе. Взирая на твои общественныя дѣла и на свойствò съ царемъ, я питаю надежду, что ты употребишь всѣ средства, дабы Аѳины не распахивались плугомъ какъ поле, отчего уже начали терпѣть разбросанныя здѣсь развалины бѣжавшихъ поселенцевъ, и чтобъ аѳинскій храмъ не считался болѣе мѣстомъ состязанія. Ибо не малый вредъ и позоръ для имперіи вычеркнуть Аѳины изъ цикла Эллинскихъ городовъ [2]).

Уже не малое время всѣмъ извѣстна твоя доблесть: Богу ты отдаешь Божіе и кесарю кесарево. Посему ты благородно выдержалъ и эпоху Андроника. Съ одной стороны, признавая всю силу за изреченіемъ: отдай Господу клятву твою, ты неизмѣнно сохранилъ священную вѣрность законному преемству царства; съ другой же, пользуясь довѣріемъ обоихъ, не соблюлъ вѣрности и выступилъ противникомъ безбожнаго тирана [3]). Почему Андроникъ дерзнулъ не прежде обнаружить свой тиранническій замыселъ, какъ устранивъ тебя, великій оплотъ царства? Зная очень хорошо, что ему не похитить любезную власть у всевидящаго стража и не пересилить мужественнаго Сампсона, многомощнаго и кудряваго противника, онъ нападаетъ на тебя перваго, и тебя перваго, око и красу имперіи, устраняетъ отъ власти, и скорѣе наводитъ мракъ на Римскую имперію, погасивъ въ тебѣ ея свѣточъ, чѣмъ ослѣпляетъ тебя лишеніемъ тѣлеснаго свѣта. Но оставался ли спокойнымъ этотъ жестокій мужъ послѣ того, какъ онъ ослѣпилъ и обезсилилъ имперію, скрылся ли онъ отъ тебя изувѣченнаго? Нѣтъ, тиранъ не избавился отъ страха передъ тобою и чуть не умеръ изъ боязни, чтобъ одинъ твой умный ударъ не разру-

---

[1]) Ἀθῆναι; αἱ τοιοῦτον βωμὸν πρῶται καὶ μόναι τῶν ἄλλων πόλεων ἐνθυμηθεῖσαι καὶ ἱδρυσάμεναι...

[2]) ὡς μήτε Ἀθήνας ὡς ἀγρὸν ἀροτριωθῆναι, ὅπερ καὶ πάσχειν ἤρξαντο σπειρόμεναι τὰ τῆς δυστυχῶς ἀποικιζομένων ἐνθένδε φυγάδων οἰκόπεδα, μήτε τὸν ἐν αὐταῖς θεῖον οἶκον ὡς ἄλσος λογισθῆναι δρόμου... ὁράσεις γὰρ τοῦτο εὖ οἶδα.... οὐ γὰρ φαύλη ζημία καὶ ὕβρις τῆς Ῥωμαικῆς ἀρχῆς Ἀθήνας διαγραφῆναι τοῦ κύκλου τῶν Ἑλλήνων πόλεων.

[3]) ...τούταις τὰς ἐνόρκους πίστεις τῇ γνησίᾳ διαδοχῇ τῆς βασιλείας ἐμπέδους ἐτήρησας· οἷς δὲ πιστὸς ἀμφοῖν εἶναι πεπίστευσαι, τούτοις ἀντίζους ἀθέῳ τυραννίδι καὶ ἄπιστος ἔδοξας.

шилъ разнообразіе его козней, и чтобъ ему не потерять тираннію, прежде чѣмъ овладѣлъ ею, и не поплатиться диплоидой позора за беззаконное покушеніе на порфиру. И такъ, страшный этотъ человѣкъ рѣшился сослать тебя на поселеніе (удалить за границу). Для чего назначенъ былъ не тотъ или другой островъ, не отдаленная какая-либо страна, но негостепріимная Тавроскиѳія и область, ближайшая къ океаническому острову Ѳулѣ съ разлитымъ тамъ киммерійскимъ мракомъ [1]). Ибо, какъ и по законамъ природы, противоположные элементы людямъ отдаляются одинъ отъ другаго, такъ и онъ отослалъ свой антитетъ (своего противника) въ возможно дальнюю страну, дабы ты не видѣлъ и не слышалъ о его дерзкихъ и преступныхъ дѣяніяхъ. Но то, чѣмъ онъ думалъ поразить тебя какъ наказаніемъ, послужило тебѣ наоборотъ въ удовольствіе. Ибо пріятнѣе проводилъ ты время въ скиѳской пустынѣ, чѣмъ въ отечествѣ, страдавшемъ подъ суровою тиранніей. Какъ, примѣняя напѣвы твоей мудрой рѣчи, на мѣсто автономнаго звѣрства Иперборееевъ поселялъ ты тамъ добрый порядокъ? Какъ варварскій слухъ постепенно смягчался подъ мѣрными ударами твоихъ рѣчей? Или какъ многихъ амаксовіевъ ты въ болѣзняхъ родилъ во Христа своимъ благочестивымъ ученіемъ, и напоивъ апостольскимъ молокомъ Павла, отвелъ отъ конедоенія и млекояденія [2]). Такъ-то, благородный, ты великодушно переносилъ изгнаніе. Когда же миновала непогода тиранніи, и занялась чистая заря законной политіи, кого другаго, какъ не тебя, прежде всего вспомнилъ и возжелалъ императорскій дворъ, или кому первому ускорилъ возвращеніе посылкой корабля, быстраго какъ крыло или мысль [3]). Ибо не находили болѣе никого, способнаго возстановить имперію и прекратить смуту и придать прежній строй и видъ тому, что̀ было испорчено тиранніей. Какъ историческій Зоровавель возвратилъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ плѣнный Сіонъ, такъ и ты

---

[1]) Ἔγνω δεῖν ὁ δεινὸς ἐκεῖνος ἀνὴρ.. ὑπερόριον ἐκτοπίσαι σε. οὐ παρὰ τήνδε τὴν νῆσον, ἢ τήνδε τὴν ἐσχατιὰν, ἀλλ' ἐπὶ τὴν ἄξενον Ταυροσκυθίαν καὶ τῆς ὠκεανίτιδος νήσου τῆς Θούλης ἄγγιστα καὶ τὸν αὐτοῦ που κεχυμένον σκότον Κιμμέριον.

[2]) Ἥδιον γὰρ διῆγες ἐπ' ἐρημίας Σκυθικῆς ἢ ἐπὶ τῆς ἐνεγκαμένης οὕτω τυραννουμένης ὠμότατα· ἔνθα ποία μὲν ὑπερβορέων αὐτόνομος θηριωδία οὐ πρὸς εὐνομίαν ἐτιθασσεύθη σοι φαρμακευομένη τοῖς τῆς σοφῆς γλώττης ἐπάσμασιν; ποία δὲ βάρβαρος οὐκ εἵλκετο ἀκοὴ τῶν σῶν λόγων ῥυθμιζομένη τοῖς κρούσμασιν; ἢ που καὶ πολλοὺς τῶν ἀμαξοβίων δι' εὐσεβοῦς διδασκαλίας ὠδινήσας κατὰ Χριστὸν ἐγέννησας καὶ τὸ ἀποστολικὸν γάλα Παύλου ποτίσας, τοῦ ἱππομολογεῖν ἔτι γαλοφαγεῖν ἔπαυσας.

[3]) ..ἢ τίνι πρώτῳ τὴν κάθοδον ἐπέσπευσε διὰ ναυστολήσεως ὀξείας ὡσεὶ πτερὸν ἢ νόημα;

возстановилъ и изъяснилъ низверженные и пренебреженные государственные законы и древнія общественныя учрежденія [1]), за что̀ и прежніе, и нынѣшніе цари тебѣ платятъ признательностію. Ибо какъ философъ Анаксагоръ поставилъ умъ надо всѣмъ, изъ чего познается сущность вещей [2]), такъ и тебя, бывшаго душой сената, блаженнѣйшій императоръ Мануилъ поставилъ во главѣ управленія своей обширной имперіи, дабы обсудить и лучше направить все царское устроеніе. Въ качествѣ начальника совѣта ты давалъ вѣсъ чужому полезному мнѣнію; въ великихъ же и затруднительныхъ вопросахъ твое мнѣніе было принимаемо какъ бы отъ нѣкоего божественнаго треножника [3]). Послы, отовсюду приходившіе, дрожали передъ представленіемъ къ тебѣ больше, чѣмъ передъ царскою аудіенціей, хорошо зная, съ какимъ острымъ умомъ, проникающимъ и угадывающимъ самыя ихъ мысли, прійдется имъ имѣть дѣло, съ какимъ непобѣдимымъ языкомъ предстоитъ имъ вступить въ состязаніе. Ибо ни символическая краткость Скиѳа не укроется отъ хладнокровнаго взгляда мудраго царя, какъ говоритъ о Даріи Геродотъ, ни притворство Армянина, какъ бы онъ ни былъ способенъ скрывать свое коварное злонравіе [4]). Не открывалъ ли ты и не выводилъ ли на свѣтъ замыслы, сотканые ими на родинѣ и скрываемые въ тайникѣ души? Ты изучилъ, какъ никто другой, какъ слѣдуетъ держать себя съ Иверійцемъ, какъ съ Персомъ, какъ съ Измаилитомъ, короче говоря, какъ нужно трактовать о дѣлахъ съ каждымъ посломъ всѣхъ націй. И высокомѣр-

---

[1]) οὕτω καὶ αὐτὸς θεσμοὺς πολιτευμάτων καὶ λόγους διοικήσεων ἀρχικῶν καταῤῥυέντας καὶ παρεφθαρμένους ἐπεσκεύασω καὶ διεσάφησας, ἐξ ἐκείνου γοῦν μᾶλλον δὲ καὶ πολλῶν πρότερον καὶ ἐς δεῦρο βασιλεῖς μὲν ἤμειψαν.

[2]) ὡς γὰρ ὁ μετεωρολόγος Ἀναξαγόρας νοῦν ἐπέστησε τῷ παντὶ δι' οὗ τὰ πάνθ' ὁμοῦ κατ' ἐκεῖνον ὄντα χρήματα διακρίνεται.... По ученію Анаксагора (род. около 500 г. до Р. Х.), первоначально было безпорядочное смѣшеніе частицъ: всѣ вещи были вмѣстѣ (подъ частицами онъ разумѣетъ неограниченное множество квалитативно опредѣленной первичной матеріи, названной имъ сѣменами вещей). Но божественный духъ, который есть тончайшій изъ всѣхъ вещей, простой, несмѣшанный и безстрашный Разумъ (νοῦς), творчески присоединился и образовалъ изъ Хаоса Міръ». См. *Ueberweg*, Grundriss der Gesch. der Philosophie, пятое изданіе, Berlin, 1876, I, s. 75.

[3]) ..ἐπέστησε... ἄρχοντα μὲν βουλευμάτων, ἐπισφραγίζοντά δε καὶ εἴ τις παρελθὼν δοκεῖ τι συνοῖσον ὑποτίθεσθαι. Περὶ δὲ πρακτέων μεγαλοπραγμόνων ἄντικρυς ἀπὸ στέρνου θεσπιωδοῦντος ὅσα καὶ μαντικοῦ τινος τρίποδος.

[4]) Οὔτε γὰρ Σκύθης συμβολικως βραχυλογῶν τοῦ σοφοῦ βασιλέως διαφυγγάνοι τὴν ἀγχίνοιαν, ὡς τοῦ Δαρείου παρ' Ἡροδότῳ ποτε· οὐθ' ὁ κρυψίνους Ἀρμένιος οἷος τέ ἐστι ἐπικρύπτειν τὴν ἐπίκλοπον ἑαυτοῦ κακοήθειαν.

ныхъ Аламановъ, и съ колесницъ сражающихся Германцевъ ты съ такимъ искусствомъ обличаешь въ несносномъ хвастовствѣ и непомѣрномъ корыстолюбіи, что они, покидая тщетную кичливость, человѣчнѣе и благоразумнѣе возвращаются домой" [1]).

Рѣчь къ В. Каматиру имѣетъ въ виду событія, относящіяся къ царствованію Алексѣя III Комнина-Ангела (1195—1203 гг.). Родъ Каматировъ пользовался при этомъ императорѣ особеннымъ почетомъ и вліяніемъ, такъ какъ супруга императора Алексѣя, царица Евфросинія, происходила изъ этого рода. Мы знаемъ патріарха Василія Каматира, заступившаго мѣсто Θеодосія и лишеннаго сана Исаакомъ Ангеломъ въ 1186 г.,—патріарха Іоанна Каматира, управлявшаго Константинопольскою церковью съ 1198 по 1204 годъ и умершаго въ Дидимотикѣ, по завоеваніи Латинянами Цареграда. Третій Каматиръ оставался въ свѣтскомъ званіи и былъ, какъ видно изъ рѣчи М. Акомината, могущественнымъ лицомъ при Алексѣѣ Ангелѣ. Логоѳетъ В. Каматиръ приходился роднымъ братомъ царицѣ [2]); въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ ней былъ патріархъ, сказать трудно; въ Thesaurus Никиты Акомината, томъ 27, говорится о патріархѣ І. Каматирѣ: ὁ δέ γε πατριάρχης τῇ τῆς βασιλίδος Εὐφροσύνης συγγενείᾳ κυδρούμενος.—Объясненіе довольно темныхъ намековъ на дипломатическую дѣятельность логоѳета В. Каматира мы начнемъ съ опредѣленія даты этой рѣчи.

Къ сожалѣнію, рѣчь представляетъ мало признаковъ, по которымъ можно было бы пріурочить ея происхожденіе къ опредѣленному времени. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, вопервыхъ, что В. Каматиръ пользовался тогда, по видимому, безспорнымъ вліяніемъ на императора; вовторыхъ, при всемъ желаніи сказать что-нибудь похвальное объ Алексѣѣ, М. Акоминатъ не нашелъ другаго подвига, кромѣ отраженія позора разгульно пирующихъ псевдо-Алексѣевъ, то-есть, побѣды надъ самозванцами; втретьихъ—запрещеніе членовредительныхъ наказаній. Скудную почву для ораторской музы представляла обстановка, въ которой произнесена рѣчь. Разсматривая же событія времени императора Алексѣя III, мы не находимъ, чтобъ его царствованіе было бѣдно внѣшними фактами, при всей ничтожности его личныхъ талан-

1) Ὥς γε καὶ τοὺς ὑπεροφρυάζοντας Ἀλαμανοὺς καὶ τοὺς ἁγερώχους Γερμανοὺς... οὕτω κατασπᾶν οἶδας ἐμβριθεστέραις μεγαληγορίαις καὶ ὑπερφρονεστέρῳ λήμματι, ὡς τοῦ παμφολυγγώδους καὶ διακένου φυσήματος ἀποπίπτοντες ἀνθρώπινα τοῦ λοιποῦ καὶ διανοεῖσθαι καὶ φθεγγεσθαι καὶ σωφρονοῦντας οἴκαδε φέρεσθαι.

2) Nicet. 641, 5.

товъ и предпріимчивости. Достаточно указать на борьбу съ Болгарами, которая продолжалась при немъ не менѣе упорно, чѣмъ началась при его предшественникѣ. Что касается временщиковъ, сильныхъ не расположеніемъ, впрочемъ, императора, а супруги его, царицы Евфросиніи, въ этомъ отношеніи господство В. Каматира не было всегда прочно, но подвергалось сильнымъ колебаніямъ. Болѣе его счастливымъ временщикомъ былъ Константинъ Месопотамитъ, котораго звѣзда взошла около 1199 года. Новое свѣтило должно было омрачить блескъ перваго, почему началась упорная борьба придворныхъ партій, которая окончилась неблагопріятно для В. Каматира [1]). Уже это обстоятельство служитъ для насъ достаточнымъ основаніемъ относить рѣчь М. Акомината къ первымъ тремъ годамъ царствованія Алексѣя III, между 1195 — 1198 г. Борьба съ самозванцами, принимавшими имя Алексѣя, составляетъ дѣйствительно весьма рѣзкую черту того же времени. Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы доказали, что возмущеніе I. Толстаго случилось въ 1198 г.; въ рѣчи Михаила толщина самозванца также послужила оратору мотивомъ для образованія одной фигуры: ἔπεισε λαθέσθαι μὴ τοῦ βρυχηθμοῦ μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτοῦ ἤδη τοῦ ὀγκηθμοῦ.

Такимъ образомъ, относя происхожденіе рѣчи къ 1198 году, мы получаемъ возможность найдти въ другихъ источникахъ объясненіе дипломатической дѣятельности В. Каматира, которая имѣла мѣсто въ первые три года царствованія Алексѣя III. Въ началѣ и въ концѣ рѣчи указываются народы, съ которыми велъ онъ переговоры: Сицилійцы, Германцы и Армяне. Благодаря нашему писателю, мы знаемъ теперь, кто стоялъ во главѣ византійской администраціи, рѣшавшей въ это время дѣйствительно весьма сложныя дипломатическія задачи, о чемъ сообщаетъ намъ историкъ Никита [3]). Не названный въ рѣчи пиратъ, опустошавшій Аттику и другія приморскія византійскія области, хорошо извѣстенъ также по исторіи Никиты Акомината [4]).

---

[1]) Nicet. 641, 4, 13. οἱ δ' ἐξ αἵματος τῆς δεσποίνας.... προσίασι βασιλεῖ πρὸς τὰ ἑσπέρια μέρη ἀπαίροντι и далѣе.

[2]) Византійскій писатель Никита Акоминатъ, стр. 196—197.

[3]) Nicet. 627, 20, 631 и др.

[4]) Ibid., p. 636. Для характеристики положенія весьма любопытенъ документъ отъ 1165 г., сообщаемый Тринкерой (*Trinchera*, Syllogus graecarum membranarum, p. 219). Содержаніе акта заключается въ томъ, что одинъ настоятель монастыря хлопочетъ, чтобы съ него сложили подати за тѣхъ, жившихъ на монастырской землѣ, поселянъ, которыхъ ἓν χερῶν ἀφίλον αὐτῶν οἱ κώμητες τῶν γαλαίων Μοιλήτου δια τὸ ποιεῖσε νάπτας, ὡς ἔχωντες τὴν εἰσχὺν τῶν πλωείμων....

Рѣчь къ В. Каматиру имѣетъ для насъ особенный интересъ по упоминанію въ ней о Тавроскиѳіи, подъ которою разумѣется Русь. Черноморскіе берега были мѣстомъ изгнанія не одного В. Каматира; у Н. Акомината находимъ извѣстіе, что туда же были сосланы Андроникомъ и нѣкоторыя другія лица [1]); и вообще выраженія τῇ ὑπερορίᾳ καταδυκάσαι едва ли не обозначаетъ у Византійцевъ ссылку на сѣверные берега Чернаго моря. Существованіе торговыхъ сношеній Руси съ Византіей подтверждается въ одномъ изъ писемъ М. Акомината къ императору Ѳ. Ласкарю [2]). На такія же отношенія указывается въ весьма любопытномъ и въ другихъ отношеніяхъ разказѣ Евстаѳія Солунскаго о томъ, какъ однажды Мануилъ Комнинъ задумалъ ночью праздновать брачный пиръ, и какъ слуги его затруднялись отыскать потребные для того съѣстные припасы во дворцѣ. Дѣло было во Влахернскомъ дворцѣ, неподалеку отъ котораго находился монастырь Продрома, что̀ на скалѣ. Мануилъ сказалъ своимъ слугамъ: „Все нужное найдете на скалѣ". И дѣйствительно, въ кладовыхъ монастыря нашлось все необходимое для пиршества, принесена была и соленая икра [3]).

Въ небогатомъ запасѣ фактовъ сношеній Византіи съ сѣверными черноморскими берегами имѣетъ значеніе письмо къ Константину Пигониту, который, какъ кажется, былъ сборщикомъ податей въ одной изъ сосѣднихъ съ Русью областей [4]). „Ты увлекся собираніемъ податей, и твоя корреспонденція оказывается въ стѣснительномъ положеніи", шутливо замѣчаетъ Михаилъ о продолжительномъ молчаніи Пигонита [5]).

---

[1]) Nicet. 384, 14.

[2]) Cod. Laur. Fol. 163—κα'μοὶ γοῦν τὴν λεγομένην θηριακὴν ἀποστείλας, ζωώσεις με κινδυνεύοντα. Εἰ δὲ καὶ λαγῶν λευκὸν, ὁποίους ἡ Ρωσία κατάγει εἰς τὴν μεγαλόπολιν σὺν τῇ θηριακῇ ἐπιστείλεις μοι, ταύτην γὰρ λέγουσιν οἱ ἰατροὶ διαφερόντως θερμαίνειν, μέγα ἂν βοήθημα ἐπαρήξῃς μοι.

[3]) De emendanda vita monachica, c. 66 (*Tafel*, Eustathii Opuscula, 1832, p. 280): οὐκ ἐνέλιπον δὲ οὐδὲ ὠὰ ἰχθύων τεταριχευμένα· γένος αὐτὰ ἑκάτερον, ὅσα τε εἰς δυάδα πλακώδη παράκεινται παραυγάζοντα εἰς ὑπέρυθρον, καὶ ὅσα ἐπὶ ἀρρίχων μέλανα κέχυνται σωρηδόν. ὧν χορηγὸς ἐκ τῶν βορείων πρὸς ἄλλοις τόποις καὶ ὁ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐκβάλλων Τάναϊς.

[4]) Cod. Laur. Fol. 2, Barocc. 107.

[5]) Приводимъ мѣсто: καὶ μᾶλλον γε νῦν ὅτε τοῖς ὑπερβορέοις ἀνδράσι καὶ ἀνεράστοις ἀγχιθυρεῖς καὶ τῶν πάλαι κακοξείνων ποντικῶν ἐπιχωριάζεις τοῖς κλίμασιν, ἢ τάχα σιδηρεῶσι τῶν Χαλύβων ἐγγειτονῶν οὐκ ἀγανοῖς ἔτι βέλεσι Χαλυβδικῷ δὲ μᾶλλον κνώδοντι τὴν σὴν ὁπλίσας ἔρωτα. Θράττει με καὶ τὸ τῆς Ταυροσκυθίας ἀντίπορθμον,

Къ Василію Каматиру имѣется еще два письма между сочиненіями М. Акомината. Одно вводитъ насъ въ событія и отношенія имперіи Θ. Ласкаря и относится приблизительно къ 1208 году, другое написано вскорѣ послѣ несчастія, постигшаго В. Каматира, имѣетъ характеръ утѣшительнаго посланія и должно быть отнесено къ началу царствованія Исаака Ангела, то-есть, къ концу 1185 или къ началу 1186 г. [1]). Оно надписано: Логоѳету Василію Каматиру. „Я не знаю, всечестнѣйшая глава, какъ мнѣ быть съ настоящимъ письмомъ, ибо я борюсь съ двумя чувствами: съ горемъ и радостью. Когда поразмыслю о томъ, какое око царства вырвалъ тотъ преступный мужъ, и какой локонъ обрѣзалъ у благородной Ромейской имперіи, лишивъ ее черезъ то силы, какъ тѣ, которые наложили руку на великаго Сампсона,—я наполняюсь слезами и весь отдаюсь печали; но удерживаюсь отъ скорби и успокоиваюсь отъ слезъ, представляя себѣ скорую благость Божію, какъ въ утѣшеніе печальныхъ она возвратила тебя изъ бѣдственной ссылки. Если насиліемъ и поврежденъ у тебя внѣшній и тлѣнный человѣкъ, то сохранился здравъ и невредимъ внутренній, созданный по образу Божію. По существу есть одинъ только грѣхъ—зло; болѣзнь же, бѣдность и увѣчье еще не большое зло. Можетъ быть, ты будешь благословлять того жесточайшаго за то, что черезъ него принялъ отеческое вразумленіе“.

5. **Рѣчь къ великому дукѣ Стрифну.** Προσφώνημα εἰς τὸν μέγαν δούκαν τὸν Στρυφνόν. Cod. Barocc. Fol. 167; Lavr. 98. Начало: Ἔδει μὲν διαμεμενηκέναι Ἀθήνας μέχρι καὶ ἐς δεῦρο. Въ Оксфордскомъ спискѣ эта рѣчь не имѣетъ оглавленія и соединена съ другимъ трактатомъ.

„Достоинъ всѣхъ почестей, какими древніе украшали своихъ героевъ, тотъ, кого боговидный императоръ, много пекущійся о нашихъ дѣлахъ, посылаетъ въ сію страну. Ты являешься, какъ второй великій Ираклъ, съ тѣмъ, чтобъ освободить Элладу и Пелопоннисъ отъ пресмыкающихся, которые гнѣздятся въ недоступныхъ мѣстахъ и наносятъ вредъ [2]), или какъ второй Аристидъ, устроитель городовъ. Поелику же всесокрушающее время съ яростію мидійскаго войска ринулось на благосостояніе этого города, и свирѣпствуя съ варвар-

---

μὴ τὸ τῆς ξενοκτονίας κακὸν ἐκεῖθεν διαβῇ καὶ πρός σε, ἐπεὶ ῥαδίως ὁρῶ σε τὰ τῶν ἀνθρώπων ἔθη μεταλαμβάνοντα παρ' οἷς ἂν συνοικεῖν σοι προσγένηται.

[1]) Первое—cod. Laur., f. 139, Barocc. 163; второе cod. Laur., Fol. 51.

[2]) ὃς παρὰ τοῦ θεοειδοῦς ἡμῶν αὐτοκράτορος... κατεπέμφθης δεῦρο ἄλλος μὲν μεγαλουργὸς Ἡρακλῆς ἑρπετῶν τοῖς ἐρυμνοῖς ἐμπεφωλευκότων καὶ κακουργούντων ἀπαλλάξων Ἑλλάδα καὶ τὴν τοῦ Πέλοπος.

ствомъ безстыднаго Ѳракійца, вырвало у него и языкъ, какъ у извѣстной дѣвицы, то ужели же Аѳины встрѣтятъ тебя молчаніемъ и не увѣнчаютъ обычнымъ въ ихъ преданіяхъ словеснымъ вѣнкомъ, и не сдѣлаютъ почетныхъ провозглашеній и не введутъ въ свои таинства, какъ Діоскуровъ или какъ Иракла [1])? Нѣтъ, не сдѣлаютъ Аѳины такой неправды, хотя и совсѣмъ пресѣклась туземная рѣчь и восхваляющая доблести пѣсня [2]), и хотя вмѣстѣ съ лишеніемъ человѣческихъ благъ Аѳины утратили издавна унаслѣдованные ими Божьи дары: слово, благочестіе, божественныя дѣйствія, чудо, добродѣтель обоготворяющее. И такъ, вступи, честнѣйшая и божественная глава, во храмъ Богоматери. Нынѣшнія Аѳины привѣтствуютъ твое благочестіе сими священными предметами (указываетъ на предметы, особенно чтимые въ аѳинскомъ храмѣ), одними ими онѣ еще богаты. Какъ же жалки во всемъ другомъ, объ этомъ вопіютъ камни не только старыхъ разрушенныхъ стѣнъ, но и разбросанныхъ вездѣ развалинъ. Въ древности былъ обычай награждать пословъ вѣнкомъ: я сплету тебѣ такой вѣнокъ. Это не будетъ вѣнокъ изъ масличнаго дерева, или изъ сосны, изъ золота или драгоцѣнныхъ камней, но изъ того многоцѣннаго металла, который добывается въ Аѳинахъ [3]). Ты знаешь, что Аѳины — разсадникъ краснорѣчія, и что всякій мудрецъ, гдѣ бы онъ ни родился и ни воспитался, возводитъ къ Аѳинамъ источникъ своей мудрости, хотя бы и не владѣлъ чистою аттическою рѣчью. И такъ, хотя бы и въ другихъ мѣстахъ ты чтимъ былъ рѣчами, здѣсь сплетенный и предложенный тебѣ вѣнокъ будетъ настоящимъ вѣнкомъ. Если благословеніе слова возложено на тебя въ Аѳинахъ іереемъ и старцемъ, управляющимъ Аѳинскою каѳедрой, это уже соломоновское, чисто и вполнѣ туземное и истинно аттическое дѣло.

„Не излишне будетъ сказать, что ты, неразлучный съ царемъ, такъ удалился отъ него и сошелъ въ нашу пропасть. Это достойно великаго удивленія, хотя и согласно съ царскимъ всеустроеніемъ. Ибо, когда само великое солнце Ромейской имперіи возрадовалось тещи въ европейскіе климаты, чтобы начавшуюся тамъ зиму восстанія или

[1]) ἆρα σιωπῇ τὸν τηλικοῦτον σε παραπέμψουσιν Ἀθῆναι καὶ οὐχ ὡς πάτριον αὐταῖς τῷ παρὰ τῶν λόγων στέμματα στεφανώσουσιν; οὐδ' ἐπικηρύζουσί σοι τὰ τῶν ὀνομάτων σεμνότατα, οὐδ' εἰσποιήσονται καὶ μυήσουσιν ὡς Διοσκόρους ὡς Ἡρακλῆν;

[2]) Μὴ τοσοῦτον κακοπραγήσαιεν Ἀθῆναι, ὡς ἐκκεκόφθαι παράπαν τοὐπιχώριον φθέγμα καὶ ὑμνῳδὸν ἀρετῆς.

[3]) τοιοῦτος δὲ νῦν καὶ αὐτὸς ἐγὼ σοὶ διαπλέξω τὸν στέφανον.... ἀλλ' ἀπὸ τοῦ μεταλλευθέντος Ἀθήνῃσι πολυτιμήτου χρήματος.

бунта перемѣнить въ весеннее равноденствіе [1]), остальные свои лучи оно разбросало по другимъ частямъ, самый же чистый и самый горячій пукъ разлило по Элладѣ и Пелопоннису, дабы разогнать мрачныя облака раздоровъ и волненій и установить ясность мирной тишины. Нужно ли кому указывать на твои совершенства, свѣтлѣйшій лучъ и свѣточъ самодержца! Императоръ почтилъ тебя полнымъ довѣріемъ, поставилъ первымъ надо всѣми другими довѣренными лицами и удѣлилъ тебѣ часть царской власти". Дѣлая характеристику лучшаго государственнаго человѣка, ораторъ говоритъ въ заключеніе о Стрифнѣ: „Эти качества, по моему мнѣнію, и дали Стрифну славное прозваніе, слово, которое означаетъ не хитраго и многорѣчиваго, а остроумнаго, подобно какъ солью приправляющаго рѣчь и пресѣкающаго пустословіе скорѣе, чѣмъ говорятъ это о Фокіонѣ, котораго Демосѳенъ называлъ бритвой за его рѣчи [2]). И супругу получилъ онъ отъ Бога такую, которая заслужила удивленіе Соломона. Ибо и она восходитъ съ прекрасною луной-царицей, какъ онъ блеститъ между лучами великаго солнца и царя. Сестра-царица заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца-императора, и сія, принимая отъ нея блескъ свѣта, является какъ бы другою луной, второю за первою, сестрой и равною по свѣту, какъ происходящая изъ того же самаго акрополя царскаго рода и красоты. Такъ что нашъ низкій земной міръ, освѣщаемый этимъ антисолнцемъ и этою антилуной, является вторымъ небомъ высшей политіи, а первые свѣточи царства воспринимаютъ на себя и отражаютъ ихъ блескъ. Свѣтъ царя отражается въ близкомъ родственникѣ, свѣтъ царицы—въ сестрѣ. Ибо та, какъ отличная хозяйка, занимаясь и вязаніемъ шерсти, въ присутствіи мужа не предается праздности и находящагося въ отлучкѣ поддерживаетъ въ увѣренности [3]), эта же, не останавливаясь и передъ трудами, свойственными мужу, вмѣстѣ съ нимъ путешествуетъ въ чужія земли, мужественно со-

---

[1]) Ἐπεὶ γὰρ αὐτὸς ὁ μέγας τῆς Ῥωμαικῆς ἀρχῆς ἥλιος ἠγαλλιάσατο δραμεῖν ἐπὶ τὰ τῆς Εὐρόπης κλίματα τὸν αὐτοῦ που συνιστάμενον τῆς ἐπαναστάσεως εἴτ' οὖν ἀποστάσεως χειμῶνα πρὸς ἐαρινὴν μετασκεύασων ἰσημερίαν...

[2]) ἅπερ οἶμαι καὶ τὸν Στρυφνὸν φερωνύμως ἐπίκλησιν προσκεκλήρωται, φθέγμα δὲ οἷον αὖ τῷ αἱμύλῳ καὶ πολυρρήμονι ἐξυδαρούμενον· τῷ δ' εἰς νοῦν βαπτομένῳ ὅσα καὶ ἅλα τί κατα στύφόν τι ἀρτιόμενον καὶ τὰς ἀπεραντολογίας ὑποτεμνόμενον θᾶττον ἢ φασι τὸν Φωκίονα τὸν καὶ διὰ τοῦτ' αὐτὸ παρὰ τοῦ Δημοσθένους κοπίδα τῶν αὐτοῦ λόγων ἐπονομαζόμενον.

[3]) Ἐκείνη μέν γαρ ὡς οἰκουρὸς ἀγαθὴ θαυμάζεται ἐπὶ τὸν ἄτρακτον ἐρείδουσα τοὺς πήχεις. καὶ περὶ τὴν ταλασίαν πονουμένη, καὶ τ' ἀνδρὶ παρόντι μὲν ἀσχολίαν περιποιουμένη δὲ διδοῦσα θαρσεῖν.

вершаетъ длинный и тяжкій путь и весело сопутствуетъ ему въ походахъ. Женщины нашего времени не считаютъ похвальнымъ подобно древнимъ выходить на войну и носить доспѣхи. Онѣ сидятъ дома и занимаются хозяйствомъ. Жена Стрифна, подражая царицѣ Еленѣ, совершаетъ благочестивое путешествіе изъ Константинополя въ Аѳины, пролетѣвъ находящіяся между этими мѣстами разстоянія—моря и горныя тропинки, подкрѣпляемая любовію по Богѣ". Стрифнъ прибылъ въ Грецію ранѣе и заболѣлъ. Узнавъ объ этомъ, его жена поспѣшила къ нему на свиданіе, Стрифнъ же скоро выздоровѣлъ. Это обстоятельство дало оратору богатое содержаніе для риторической трескотни. Послѣ сего слѣдуетъ вновь обращеніе къ самому Стрифну: „Божественный императоръ, какъ бы подѣлившись съ тобою имперіей, поручаетъ твоему управленію міръ отъ Ѳракіи до границъ Пелопонниса и посылаетъ тебя, какъ утѣшителя смутъ, возсоединителя того, что̀ разрѣшилось на составныя части, чтобы ты ослабѣвшее закрѣпилъ и натянутое ослабилъ и перепутанному указалъ свое мѣсто.

„Кто не слыхалъ о сынѣ цесаревны Алексѣѣ, о сынѣ той просвѣщенной и мудрой царицы? Что̀ же сдѣлало столь почтеннымъ это имя? Онъ каралъ злоупотребленія, такъ что за вымогательства надъ бѣдняками наносилъ позорные удары людямъ, облеченнымъ въ высшія достоинства. Я затруднился бы разказать по порядку о золотыхъ дняхъ управленія этого мужа, какъ погибъ отъ недостатка наживы рой второстепенныхъ чиновниковъ, который жнетъ, гдѣ не сѣялъ, и собираетъ, гдѣ не расточалъ, или лучше, который расчищаетъ пожатое и собранное, какъ не засѣянное и вспаханное, и пожираетъ жалкихъ поселянъ; какъ за исключеніемъ немногихъ, которые служили ему за опредѣленное жалованье и подвергались отвѣтственности, еслибы даже только коснулись чужой собственности, всѣ остальные поставлены были въ положеніе волковъ, тщетно раскрывающихъ пасть; какъ они, томясь голодомъ, стали добывать себѣ средства пропитанія то земледѣліемъ, то ремеслами. Самъ же великій мужъ напрягалъ свои силы въ борьбѣ со звѣрями, то-есть, съ эгоистами и сикофантами, которые пытались помѣшать справедливости и строгой законности его. Этого человѣка всѣ знаютъ. Кто же не назоветъ его: сынъ цесаревны, справедливый, преторъ!.."

Къ опредѣленію даты этой рѣчи можетъ служить указаніе въ ней на походъ императора Алексѣя III въ европейскіе климаты, „чтобы начавшуюся тамъ зиму возстанія или бунта перемѣнить въ весеннее равноденствіе". Посѣщеніе Стрифномъ Аѳинъ совпадаетъ съ этимъ по-

ходомъ. Хронологически эта рѣчь слѣдуетъ за предыдущею, сказанною къ В. Каматиру. Господство двухъ названныхъ временщиковъ раздѣляетъ нѣкоторый періодъ могущества Константина Месопотамита. Михаилъ Стрифнъ, великій дука византійскаго флота, былъ виновникомъ паденія временщика К. Месопотамита, который ввелъ въ практику странное притязаніе—въ одно и то же время быть епископомъ въ Солуни и полномочнымъ министромъ при дворѣ [1]). Время господства Стрифна, человѣка въ высшей степени корыстолюбиваго, было періодомъ полнаго упадка морской силы Грековъ: великій дука, женатый на сестрѣ императрицы Евфросиніи, распродалъ византійскія суда и поручилъ пиратамъ оберегать греческія приморскія области [2]). Михаилу Акоминату приходилось собственно откупаться деньгами отъ такого посѣтителя, и расточаемыя въ рѣчи похвалы—ничто иное какъ утонченная вѣжливость. Когда Стрифнъ возвратился въ Константинополь, архіепископъ Аѳинскій послалъ вслѣдъ за нимъ своего грамматика, чтобы переговорить съ полномочнымъ вельможей, во сколько онъ оцѣнитъ свое расположеніе къ Аѳинамъ: περὶ ὧν κατὰ μέρος ἐντιμότατος ἀπαγγελεῖ γραμματικὸς, καὶ ἡμεῖς ἕτοιμοι ἀντιοφέρειν τὰς τοιαύτας ἀντιδόσεις τῇ αὐθεντείᾳ σου,—такъ успокоиваетъ Стрифну М. Акоминатъ въ письмѣ, которое мы передадимъ ниже. Что касается до точнаго указанія времени, на которое падаетъ путешествіе Стрифна, то мы сошлемся въ этомъ отношеніи на сдѣланное нами ранѣе изслѣдованіе о событіяхъ, соприкасающихся съ походомъ Алексѣя Ангела на западъ [3]). По нашему мнѣнію, рѣчь нужно помѣтить 1201 годомъ.

Въ заключеніе приведемъ вышеуказанное письмо къ Стрифну [4]):

„Твоя всечестная милость знаетъ, что нашъ аѳинскій округъ неплодороденъ, не богатъ пастбищами и не производитъ шелковыхъ тканей. Не обладая и никакими другими жизненными благами, онъ обилуетъ одними морскими разбойниками. Послѣдніе не ограничиваются хищничествомъ береговыхъ мѣстъ, но заходятъ внутрь страны, такъ что и самое море, изъ котораго прежде Аѳиняне извлекали нѣкоторую выгоду, нынѣ обратилось имъ въ гибель. Я помню, ты сказалъ во время пребыванія здѣсь, что Аѳины походятъ на царственный городъ, и что какъ Византія посредствомъ фрахтовыхъ судовъ пользуется всевозмож-

---

1) Nicet. 651, 8.

2) Nicet. 716, 11.

3) Византійскій писатель Н. Акоминатъ, стр. 204—205.

4) Cod. Laurent. Fol. 86.

ными благами, такъ и многонаселенныя будто бы Аѳины процвѣтаютъ отъ продажи судовъ (торговыми судами) [1]). Ибо городъ не пользуется никакимъ другимъ благомъ, какъ морскимъ мѣстоположеніемъ, которое, вмѣстѣ съ выгодами, получаемыми отъ моря, даетъ ему и хорошее физическое положеніе. Сей-то городъ, выгоды котораго такъ справедливо подмѣтила твоя наблюдательность, сокрушаютъ и на перерывъ стараются опустошить многія бѣдствія: зависть нѣкоторыхъ здѣшнихъ доносщиковъ (злодѣевъ), злоба сосѣдей, набѣгъ пиратовъ, ненасытность разорителей. Видя несчастную страну, объятую такими и подобными несчастіями и не имѣя, чѣмъ помочь ей, я въ отчаяніи прибѣгаю подъ твою защиту. Останови стремящіяся на насъ со всѣхъ сторонъ бѣдствія. Объ этомъ передастъ тебѣ достойнѣйшій грамматикъ, и мы готовы вознаградить твою милость за благораспоряженіе".

---

[1]) καὶ μέμνημαί σου εἰπόντος ὅτε δεῦρο ἐπιδεδήμηκας ὡς ἐοίκασιν Ἀθῆναι τῇ νῦν βασιλευούσῃ τῶν πόλεων καὶ ὡς ἐκείνη διὰ τῶν φορταγωγῶν πλοίων πάντα καρπίζεται τὰ ἀγαθὰ οὕτω καὶ Ἀθῆναι τῇ παρὰ τῶν πλοίων ἐμπορείᾳ ἐνευθηνοῦντα πολυανδρούμεναι ὥς φασιν.

Ѳ. Успенскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Мнѣніе преосвященнаго Порфирія о кириллицѣ и глаголицѣ.

Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты архимандрита, нынѣ епископа, *Порфирія Успенскаго* въ 1846 году. Кіевъ. 1877.

Еще въ 1847 году въ 55-й части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ напечатанъ почтеннымъ авторомъ настоящаго сочиненія „Каталогъ разныхъ актовъ, хранящихся въ монастыряхъ, скитахъ и келліяхъ св. горы Аѳонской", богатый многими драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя всякій давно желалъ видѣть обнародованными въ полномъ изданіи. Къ сожалѣнію, многое изъ желаемаго еще не выполнено, и какъ кажется, не такъ-то скоро будетъ выполнено. У почтеннаго автора накопилась такая масса матеріала, съ которою нельзя скоро справиться. Къ тому же онъ, какъ видно изъ изданныхъ имъ уже сочиненій: 1) Первое и второе путешествіе на Синай, 2) Путешествіе по Египту, 3) Египетъ и Синай въ картинахъ и друг.—рѣшился передать все имъ найденное и видѣнное во всей полнотѣ, не опуская даже самыхъ мелочныхъ подробностей. Такого же рода и предлежащее настоящему разсмотрѣнію сочиненіе его; оно представляетъ много интереснаго и важнаго и въ то же время кое-что малозначительное.

Авторъ принялъ методъ хронологическій: отмѣчаетъ, когда, гдѣ былъ, что̀ видѣлъ и нашелъ. Описывая мѣстности, чрезъ которыя проѣзжалъ, преосвященный Порфирій нерѣдко дѣлаетъ историческій

очеркъ извѣстнаго города или области, подчасъ довольно богатый свѣдѣніями; онъ сообщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія въ хронологическомъ порядкѣ; очень часто приводитъ переводъ грузинскихъ надписей, находимыхъ въ извѣстной мѣстности, грамотъ; свидѣтельства этихъ источниковъ онъ сопоставляетъ съ свидѣтельствомъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ, дѣлаетъ свои выводы и соображенія, важныя и уясняющія исторію какъ Византійской имперіи, такъ и сосѣднихъ Славянскихъ народовъ; сообщаетъ свѣдѣнія о построеніи и возобновленіи разныхъ монастырей и храмовъ. Разсмотрѣніе одного экземпляра Новаго Завѣта въ библіотекѣ монастыря Руссико дало автору возможность сдѣлать замѣтку о преемственныхъ изданіяхъ Н. Завѣта въ египетской Александріи, именно: первое изданіе полнаго Апостола съ Апокалипсисомъ было сдѣлано Дидимомъ въ 396 г., а второе — Евѳаліемъ въ 462 г.; четыре же Евангелія изданы были тамошнимъ монахомъ Козьмою Индоплавателемъ около 540 г. (ч. I, отд. I, стр. 114 — 115). Сообщаются также подробныя описанія разной старинной церковной утвари, хранящейся въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, авторъ описываетъ лица, съ которыми ему приходилось встрѣчаться во время путешествія, и сообщаетъ иногда о ихъ литературныхъ трудахъ (см. ч. I, отд. I, стр. 59). Не въ этомъ, впрочемъ, главное достоинство сочиненія, а въ тѣхъ новыхъ, до того времени неизвѣстныхъ свѣдѣніяхъ, которыя были собраны авторомъ съ великимъ самопожертвованіемъ.

Въ этомъ же своемъ сочиненіи авторъ помѣстилъ нѣсколько отрывковъ и изъ славянскихъ рукописей: въ I-й части I-го отдѣла находятся отрывки изъ Номоканона и Патерика, подаренныхъ автору настоятелемъ Филофеевскаго монастыря; правописаніе въ нихъ юсовое: употребляются большой и малый юсы, но нѣтъ іотированныхъ юсовъ, а малый юсъ замѣняется простымъ *я* (см. ч. I, отд. I, стр. 326—332); въ части II-й, отд. II, приведенъ отрывокъ (на двухъ страницахъ) изъ апостола Ресавскаго перевода (стр. 17—18), по рукописи 1638 г., и при этомъ сообщаются свѣдѣнія о значеніи Ресавы; сообщается содержаніе найденныхъ авторомъ 14-ти словъ Григорія Цамблака (ч. I, отд. III, стр. 23 — 64); подробно передается содержаніе житія св. Панкратія, ученика св. апостола Петра, епископа Тавроменійскаго, которое у насъ на Руси читалось до 1143 года; при этомъ авторъ обслѣдуетъ это житіе въ отношеніяхъ историческомъ, этнографическомъ и филологическомъ (ч. II, отд. I, стр. 39—98). Довольно внимательно останавливается авторъ на Мирославовомъ Евангеліи (ч. II,

отд I). Но самая важная находка—это: глаголическая подпись попа Георгія на письменномъ удостовѣреніи одного солунскаго дѣла, отъ 982 г.; ее авторъ сдѣлалъ еще въ 1846 году; въ настоящемъ же сочиненіи онъ, на основаніи ея, въ связи съ другими соображеніями призналъ несомнѣнными слѣдующіе факты: „α) Глаголическое письмо было извѣстно въ X вѣкѣ Болгарамъ, поселеннымъ около Аѳонской крѣпости Іериссо. β) Ихъ священникъ по глаголически написалъ свое имя и нарицаніе, попъ, и слово, знакъ на судебномъ актѣ. Стало быть: оное письмо видали и признавали судьи. γ) Всѣ буквы въ прописи этого священника—такія же, какими писались и богослужебныя книги. Значитъ: богослуженіе онъ совершалъ по книгамъ глаголическимъ. δ) Ежели въ 982 году ему было только 30 лѣтъ отъ роду, (ранѣе онъ не могъ быть рукоположенъ по соборному правилу), то онъ обучался глаголической грамотѣ въ 962 или 960 году. Стало быть: сія грамота употреблялась у Болгаръ ранѣе сего послѣдняго года. ε) Такъ какъ Іериссовскіе Болгары заняли участки земли, издавна принадлежавшіе обители Іоанна Колову, основанной въ царствованіе Василія Македонскаго около 870 г.; значитъ, они поселились въ нихъ недавно—я полагаю—въ 960 г., когда царь Романъ, вмѣсто занятой имъ земли, подарилъ помянутой обители 40 поселянъ. Тогда пришелъ съ ними священникъ и принесъ глаголическія письмена. ζ) Откуда бы ни пришли въ Іериссо эти Болгаре, но оказывается, что глаголическая грамота въ X в. была уже не новость въ Болгаріи“ (ч. I, отд. II, стр. 315—316).

Не мало въ концѣ новыхъ свѣдѣній изъ исторіи литературы византійской и классической. Такъ, въ ч. I, отд. II, сообщено содержаніе одного греческаго сборника, содержащаго въ себѣ, между прочимъ, одну греческую хронику, составленную или продолженную лицемъ, жившимъ въ 1521 году и въ ближайшихъ слѣдующихъ годахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ лѣтописи: „въ 7029 (= 1521 г.) умеръ Селимъ, и султаномъ сталъ нынѣшній Сулейманъ“ (срв. ч. I, отд. II, стр. 211); авторъ сдѣлалъ русскій переводъ этой хроники. Въ ч. II, отд. I, сообщается свѣдѣніе о многихъ другихъ памятникахъ византійской словесности и о Сивиллиныхъ книгахъ, также о произведеніяхъ духовнаго содержанія, о богослужебныхъ книгахъ на греческомъ языкѣ; кромѣ того, авторъ касается греческаго пѣнія, объясняетъ пѣвческіе знаки на греческихъ профитологахъ и Евангеліахъ рукописныхъ (срв. ч. II, отд. I, стр. 365—383)—трудъ совершенно новый не только въ русской, но и въ европейской ли-

тературѣ, - и затѣмъ дѣлаетъ перечень ирмологійныхъ пѣснотворцевъ, сообщая при этомъ кое-какія біографическія свѣдѣнія о нихъ; опредѣляетъ вѣкъ появленія извѣстныхъ ирмологійныхъ пѣсней (ib., 383—469). Эта часть отличается особеннымъ богатствомъ матеріала. Отъ вниманія тщательнаго наблюдателя не ускользнуло и нынѣшнее пѣніе у Грековъ; онъ иногда переводитъ его на ноты (ч. I, отд. I, стр. 72). Сообщаетъ также авторъ кое-что и по части церковнаго законовѣдѣнія и дѣлопроизводства (стр. 469—491, гдѣ между прочимъ представлены образцы слога царскаго и патріаршьяго), исторіи греческаго искусства (ч. I, отд. I), греческой медицины и языковѣдѣнія (ib.).

Въ упомянутомъ уже греческомъ сборникѣ почтенный авторъ нашелъ неизвѣстныя до него стихотворенія Θеокрита: 1) Девятизвуковая свирѣль, 2) Крылышко, 3) Сѣкира, 4) Жертвенникъ и яйцо; эти стихотворенія изданы цѣликомъ, съ русскимъ переводомъ и факсимиле (ч. I, отд. II, стр. 222—226).

Въ трудѣ преосв. Порфирія не мало можно найдти данныхъ для исторіи проживавшихъ на Аѳонѣ русскихъ иноковъ, начиная съ перваго Антонія Печерскаго (ч. I, отд. I, стр. 75). Автору удалось найдти въ Хиландарскомъ монастырѣ и пріобрѣсть въ полную собственность рукопись „Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андрѣевичу" (ч. II, отд. I, стр. 130).

Разнообразіе собраннаго преосвященнымъ Порфиріемъ матеріала лишило его, по видимому, возможности всегда съ надлежащею критическою оцѣнкой отнестись къ извѣстнымъ памятникамъ. Мы имѣемъ въ виду его выводъ о значеніи Солунской легенды о Кириллѣ (Слово Кирилла Славенца солунскаго філософа бугарскога); онъ признаетъ вполнѣ исторически вѣрнымъ этотъ памятникъ и категорически заявляетъ, что „мы рѣшительно должны считать первымъ нововводителемъ у Славянъ такъ называемой кириллицы,—Кирилла Каппадоко-Солунскаго, жившаго во второй половинѣ седьмаго вѣка (какъ это видно изъ того, что онъ жилъ у Солунскаго митрополита Іоанна, который есть тотъ самый Солунскій митрополитъ, который въ 680 году присутствовалъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ), а не того Кирилла, который училъ Славянъ Мораво-Паннонскихъ въ IX столѣтіи" (см. ч. I, отд. I, стр. 105 — 106; см. также монографію преосвященнаго Порфирія въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, 1877 г., октябрь: „О св. Кириллѣ просвѣтителѣ Славянъ Моравскихъ"). Счи-

таемъ нужнымъ нѣсколько подольше остановиться на этомъ мнѣніи почтеннаго автора.

По изслѣдованію А. А. Куника о Солунской легендѣ (выводы коего приведены г. Бильбасовымъ (Кириллъ и Меѳодій) и г. Вороновымъ (Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія въ Труд. Кіевск. Акад. за 1877 г.), значеніе этого памятника выясняется тремя упомянутыми въ ней историческими данными: 1) опредѣленіемъ времени занятія епископскаго престола митрополитомъ Іоанномъ, 2) хронологическимъ опредѣленіемъ похода (852 года) Болгарскаго великаго хана Бориса и другихъ Болгарскихъ князей къ Солуни, и 3) Брегальницею, какъ мѣстомъ первой славянской проповѣди св. Кирилла. Съ появленія изслѣдованія почтеннаго академика источникъ этотъ получилъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ ряду другихъ источниковъ: ему уважаемый академикъ далъ предпочтеніе предъ пространнымъ Паннонскимъ житіемъ. Но новѣйшее изслѣдованіе по исторіи св. славянскихъ первоучителей: „Источники для изученія исторіи св. первоучителей", принадлежащее, г. Воронову, пришло къ совершенно противоположному выводу. Г. Вороновъ указалъ, что слова Комбефиза: „Fuit deinde archiepiscopus Thessalonicensis", прибавленныя въ концѣ слѣдующаго свидѣтельства, приведеннаго Лекіеномъ въ Oriens Christianus: „Iannem sive Ioannem, qui ante Methodium haereticus patriarcha sederat, omnes catholici scriptores necromantiae insimulant. Nec Leontis Sapientis alio forte spectant oracula quae extant, ac quae narrantur illius portento similia. Erat ille Ioannis nepos, cujus institur potuit secretiori doctrina, ipsique magistro in ea praecellere", не относятся къ патріарху Іоанну, а къ родственнику его философу Льву, который былъ дѣйствительно поставленъ Солунскимъ митрополитомъ въ 839 году, какъ видно изъ Византійской хронографіи Муральта [1]). Затѣмъ г. Вороновъ показалъ, что и другіе вывода А. А. Куника мало убѣдительны и представляютъ лишь предположеніе, требующее доказательствъ: что вся Солунская легенда есть произведеніе тенденціозное, составленное съ цѣлью пріурочить миссію св. Константина исключительно къ Болгаріи, безъ малѣйшаго намека на миссію у Хозаръ и Моравaнъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній г. Вороновъ пришелъ къ тому заключенію что Солунская легенда можетъ

[1]) Essai de Chronographie Byzant., 421; см. изслѣдованіе: *Воронова*: Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія (*Труды Кіевск. Духовн. Акад.* 1877 г. стр. 444.

занять въ ряду однородныхъ источниковъ по исторіи славянскихъ апостоловъ развѣ послѣднее, но никакъ не первое мѣсто. Послѣ этого ясно, что нельзя совершенно полагаться на такой источникъ. Но сверхъ того, нельзя не обратить вниманія на разницу въ мнѣніяхъ А. А. Куника и преосвященнаго Порфирія о времени жизни Солунскаго митрополита Іоанна, на основаніи помянутаго источника: первый относитъ его къ IX вѣку, а второй къ VII. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Воронова, и потому не соглашаемся съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ преосвященнаго Порфирія. Придавъ столь важное значеніе Солунской легендѣ и пріурочивъ ее къ VII вѣку, преосвященный Порфирій долженъ былъ, по естественному порядку вещей, стать въ противорѣчіе съ установившимся мнѣніемъ и прійдти къ невѣрнымъ выводамъ относительно дѣятельности св. Кирилла, просвѣтителя Славянъ: онъ полагаетъ, что „этотъ Кириллъ—IX вѣка — не изобрѣлъ письменъ для Мораво-Паннонскихъ Славянъ, а сложилъ тѣ русскія письмена, которыя онъ изучилъ въ Херсонесѣ, и которыя нашъ авторъ считаетъ глаголическими [1]); „въ 867 году Константинъ", говоритъ авторъ,—„отправился въ Моравію и у тамошнихъ Славянъ-христіанъ, молившихся на непонятномъ имъ языкѣ латинскомъ и употреблявшихъ латинскія буквы, учредилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, принесши имъ готовую глаголитскую азбуку, которую видѣлъ въ Херсонесѣ" (Путеш., ч. II, отд. I, стр. 115); этими письменами онъ „началъ писать имъ богослужебное Евангеліе... А сотрудники его заготовили нѣсколько славяно-россо-глаголитскихъ азбукъ и краткихъ граматикъ" (ib., стр. 118). На этомъ преосвященный Порфирій не остановился, а пошелъ еще дальше. Поставивъ вопросъ: какой чинъ— латино-римскій, или православно-греческій, преподалъ св. Константинъ (Кириллъ) Мораво-Паннонскимъ Славянамъ, — онъ отвѣчаетъ такъ: „Константинъ философъ, не возлюбившій учителя своего Фотія, когда онъ сталъ вселенскимъ патріархомъ на мѣсто Игнатія, принесшій св. мощи Климента въ Римъ, а не въ Константинополь, омонашившійся въ Римѣ, и слѣдовательно, имѣвшій глубокое, быть можетъ, даже фамильное уваженіе къ престолу Римскаго епископа (если предки его во дни Константина Великаго переселились въ Солунь изъ Рима), Константинъ этотъ не хотѣлъ, чтобы Римскій папа объявилъ его

---

[1]) Того же мнѣнія былъ покойный профессоръ *В. И. Григоровичъ* (срв. его Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка. Казань. 1852)

отщепенцомъ, еретикомъ, но вмѣстѣ зналъ и то, что во дни его Римъ и Константинополь не чуждались другъ друга по причинѣ разностей церковнаго чина у нихъ, и потому пошелъ среднимъ путемъ, то-есть, ввелъ въ Моравіи церковный чинъ богослуженія греко-православный, но съ внесеніемъ въ него нѣкоторыхъ дополненій, особенно въ славу первоверховнаго апостола Петра, основателя Римской церкви". Въ подтвержденіе этого своего мнѣнія авторъ приводитъ отрывокъ изъ очень стараго глаголическаго литургарія, именно—молитву входную „егда хотяще въ церковь вънити", въ коей, въ отличіе отъ употребительной въ православной церкви входной молитвы, есть слѣдующая вставка: „Вѣдѣ г҃ї връховьнѣаго ап҃ла твоего Петра прослъзивъшася горьцѣ. на прѣдании твоемь. имы покаани... и тѣмъ приятъ ключа х҃р... твоего" [1]). Авторъ вполнѣ убѣжденъ, что св. Кириллъ вносилъ въ чинъ славянскаго богослуженія латинскія добавленія, но онъ не представилъ вполнѣ на то убѣдительныхъ основаній: изъ того, что „нѣкоторые ученики св. Кирилла посвящены были въ санъ діаконскій и іерейскій двумя латинскими епископами, во время его посѣщенія Рима въ 872 году" (ib.), нельзя еще дѣлать выводы слѣдующаго рода: „что учитель Моравскихъ Славянъ подчинялъ ихъ Римскому папѣ, а не Константино-польскому патріарху, и слѣдовательно, вносилъ въ чинъ славянскаго богослуженія молитвословія латинскія" (ib.). Авторъ еще не доказалъ, что служащій подтвержденіемъ этого его мнѣнія „глаголическій литургарій" принадлежитъ св. Кириллу. По точкамъ, поставленнымъ почти послѣ каждаго слова, онъ заключаетъ, что этотъ памятникъ „писанъ былъ по крайней мѣрѣ во второй половинѣ X вѣка, если не въ первой", и дальше продолжаетъ: „слѣдовательно, спустя менѣе ста лѣтъ по смерти Константина философа, когда и у греческихъ краснописцевъ была старая привычка ставить точки послѣ каждаго слова для болѣе вразумительнаго чтенія". Мы признаемъ вполнѣ вѣрнымъ мнѣніе почтеннаго автора о вѣкѣ этой рукописи. Принять его слѣдуетъ потому, вопервыхъ, что оно принадлежитъ палеографу, собравшему великое множество образчиковъ многовѣковаго письма греческаго и славянскаго съ годами (слова автора, ib. стр. 120), и вовторыхъ, потому, что срав-

[1]) Дѣлаемъ эту выписку по изданію уважаемаго нашего академика И. И. Срезневскаго въ «Обозрѣніи глаголич. памятниковъ» (см. *Извѣстія Имп. Археол. Общ.*, вып. IV, стр. 492): въ выдержкѣ же у преосвящ. Порфирія есть нѣкоторыя отклоненія въ правописаніи.

неніе правописанія этого памятника съ правописаніемъ другаго глаголическаго памятника сборника поученій графа Клоца (Glagolita Clozianus), относимаго всѣми учеными (начиная съ перваго—Копитара) къ XI вѣку, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что первый старше втораго [1]). Въ синайскомъ служебникѣ (то-есть, помянутомъ литургаріѣ) нѣтъ того крайняго смѣшенія твердыхъ и мягкихъ слоговъ, какое замѣчается въ Glagolita Clozianus: если встрѣчаются рѣдкіе случаи смѣшенія ъ и ь, напримѣръ, ь вм. ъ въ окончаніи творит. пад. ед. ч.: дхомь, стымь, твоимь и т. п., или ъ вм. ь: съвръшение вм. съврьщение, връховѣнѣаго вм. врьховѣнѣаго, или въ такихъ словахъ, которыя по коренному свойству славянскаго языка должны быть мягкими (съ ж, ч, ш): „слоужъбѫ (нѣсколько разъ),—то нѣтъ ни одного случая смѣшенія ѫ съ ѭ (если не считать слова блѫдьницѭ, которое, быть можетъ, предполагаетъ именит. пад. съ мягкимъ окончаніемъ) и ы съ ꙑ. Но еще нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать его св. Кириллу, если только мы вѣрно поняли слѣдующія слова нашего автора: „Достаточна эта выписка изъ глаголитской литургіи (то-есть, „Вѣдѣ господи“ и пр., см. выше) для подтвержденія выше сказаннаго мнѣнія моего о томъ, что Константинъ Философъ, какъ умный человѣкъ, внесъ въ греко-славянскую литургію кое-что изъ молитвослововъ латинскихъ, дабы ладить съ Римскими папами“ (ч. II, отд. I, стр. 120). Но если мы и не такъ, какъ слѣдуетъ, поняли, то тѣмъ лучше для нашего возраженія: изъ того, что въ какомъ-нибудь глаголическомъ служебникѣ мы встрѣтили слѣды латинскаго вліянія въ видѣ вставки извѣстнаго выраженія, еще не слѣдуетъ, чтобъ эта вставка была сдѣлана славянскимъ первоучителемъ; самъ авторъ, соображая палеографическія данныя, не считаетъ этотъ служебникъ современнымъ св. Кириллу, относитъ къ X вѣку, и при всемъ томъ—считаетъ св. Кирилла виновникомъ этой вставки и другихъ, конечно, еще неизвѣстныхъ. Затѣмъ, такъ какъ авторъ, вопреки ясному свидѣтельству Паннонскаго житія: „сложи (Константинъ философъ) письмена и нача бесѣду писати евангельскую“, предназначенную для Морованъ, что было тотчасъ послѣ предложенія Византійскаго императора предпринять миссію въ Мораву, до отъѣзда въ Мораву [2]) (но на какомъ языкѣ?), держится того мнѣнія, что св.

[1]) И. И. Срезневскій относитъ синайскій служебникъ къ XI вѣку (до 1100 года) (срв. Древніе памятники юго-западныхъ Славянъ, стр, 40).

[2]) Срв. *И. И. Срезневскаго*, Древ. памятники языка юго-западн. Славянъ, стр. 5.

Кириллъ не проповѣдывалъ Болгарамъ, а только Мораво-Паннонскимъ Славянамъ, для которыхъ онъ составилъ богослужебныя книги глаголицею,—то само собою вытекаетъ, что въ найденномъ имъ глаголическомъ служебникѣ можно видѣть памятникъ исчезнувшаго паннонскаго нарѣчія [1]), наслѣдниками коего чешскій ученый П. I. Шафарикъ считалъ нынѣшнія нарѣчія—хорватское и словенское. Извѣстно,что Шафарикъ, желая оправдать свое мнѣніе о глаголицѣ, какъ изобрѣтеніи св. Кирилла, допустилъ предположеніе, что находящіяся въ глагольскихъ памятникахъ слова и формы, принадлежащія нарѣчіямъ западнымъ—хорватскому и словенскому, находились также и въ изчезнувшемъ паннонскомъ нарѣчіи. Это предположеніе было необходимо для той цѣли, чтобъ устранить ту несообразность, что св. Кириллъ, никогда не проповѣдывавъ у Хорватовъ и Словенцевъ, могъ заимствовать у нихъ слова, занесенныя въ его богослужебныя книги, писанныя глаголицею. Но такое предположеніе, конечно, нелѣпо: ничего не зная о паннонскомъ нарѣчіи, невозможно приписывать ему гипотетически тѣ или другія слова. Если же преосвященный Порфирій раздѣляетъ приведенное сейчасъ мнѣніе Шафарика объ исчезнувшемъ паннонскомъ нарѣчіи, то значитъ, онъ склоненъ синайскій отрывокъ глаголическаго литургарія относить къ памятникамъ исчезнувшаго паннонскаго нарѣчія. Но гдѣ же доказательства тому? Ихъ нѣтъ, а потому нельзя принять и самое мнѣніе. Скорѣе можно было бы принять, что синайскій служебникъ принадлежитъ къ хорватскому римско-католическому отдѣлу глаголической письменности и занесенъ въ Болгарію латинскою пропагандою. Въ пользу мнѣнія о хорватскомъ происхожденіи этого памятника говорятъ, какъ присутствіе въ немъ (какъ и въ другихъ глагольскихъ памятникахъ: сборникъ Клоца, Четвероевангеліе В. И. Григоровича и др.) начертанія буквы ђ (евђстѣхъ) [2]), не встрѣчаемаго въ чисто болгарскихъ памятникахъ, такъ и вышеупомянутая вставка объ апостолѣ Петрѣ, какъ намѣстникѣ Іисуса Христа, возможная никакъ не раньше X вѣка.

Находясь подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія, что у Болгаръ до проповѣди св. Кирилла и Меѳодія была въ употребленіи кириллица, составленная Кирилломъ Каппадоко-Солунскимъ въ VII вѣкѣ по об-

[1]) Впрочемъ мы сомнѣваемся, чтобы нашъ авторъ былъ такого мнѣнія.

[2]) *И. И. Срезневскій*, Обозрѣніе глагол. памятниковъ въ *Изв. Археол. Общ.*, вып. IV, 1863 г. стр. 493—494.

разцу греческой, авторъ въ юсахъ видитъ остатки этой греческой кириллицы [1]), забывая, что въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ юсовъ...

Довольно страннымъ представляется слѣдующее заявленіе нашего автора: „Одно прелюбопытное сказаніе, которое составляетъ часть сказанія о мученіи св. великомученика Никиты (приведено авторомъ во II-ой ч., отд. 1, стр. 128—130), докажетъ намъ, что Славянамъ въ Сербіи еще въ 1336 году извѣстенъ былъ переводъ Св. Писанія на языкъ готскій" (стр. 128). Въ какомъ смыслѣ понимаетъ авторъ, что этотъ готскій переводъ Св. Писанія былъ извѣстенъ Сербамъ? Изъ приведеннаго имъ сказанія видно только то одно, что составитель сказанія о мученіи св. Никиты, родомъ Готъ, ученикъ перваго Готскаго епископа Θеофила, современникъ Θеофилова преемника Ульфилы. Очевидно, это сказаніе о мученіи св. Никиты довольно рано распространилось между южно-славянскими книжниками. Нашему автору удалось найдти его въ одномъ сербскомъ спискѣ житій; ему при этомъ слѣдовало бы задать себѣ вопросъ, какимъ образомъ это сказаніе могло попасть въ сербскую рукопись, писанную 6844 (=1336 г.) нѣкимъ Θеодуломъ, (красивымъ сербскимъ полууставомъ), но не утверждать, что „готскій переводъ Св. Писанія былъ извѣстенъ Сербамъ".

По исторіи южныхъ Славянъ въ разсматриваемомъ сочиненіи находится немного данныхъ, и притомъ есть въ сообщеніяхъ автора нѣкоторыя невѣрности. Такъ онъ невѣрно называетъ Сербскаго короля Степана Первовѣнчаннаго „слѣпорожденнымъ"; между тѣмъ въ житіи сего короля ясно говорится, что онъ былъ лишенъ зрѣнія по наущенію своей мачихи, византійской царевны; въ выраженіи же самого Степана Дечанскаго (въ одномъ его хрисовулѣ, найденномъ почтеннымъ авторомъ): „слѣпорожденному мнѣ прозрѣніе даруй" (ч. II, отд. I, стр. 133) можно видѣть смиреніе короля и нежеланіе его открыто объявлять виновниковъ своей слѣпоты—отца и мачиху. Невѣрно также авторъ полагаетъ время правленія Степана Дечанскаго съ 1321 по 1336 г. (ч. II, отд. I, стр. 133), когда уже вполнѣ доказано, что онъ умеръ 1331 г., и въ тотъ же (1331) годъ вступилъ на престолъ его сынъ Степанъ Душанъ. Не точенъ авторъ, говоря, что царь Урошъ V, сынъ царя Душана, былъ лишенъ пре-

[1]) Путеш., ч. II, отд. I, стр. 138. По всего замѣчательнѣе правописаніе болгарскаго акта (даннаго Константиномъ Асѣнемъ, XIII вѣка), непещренное юсами (тамъ же).

стола въ 1367 году (ibid.), давая тѣмъ поводъ полагать, что послѣ своего низверженія съ престола Урошъ продолжалъ еще жить: это невѣрно, ибо краль Вукашинъ убилъ Уроша V, царя Сербовъ, сидѣвшаго на престолѣ, но не имѣвшаго дѣйствительной власти, а правившаго номинально.

Не смотря однако на указанные недостатки, справедливость требуетъ замѣтить, что достоинства сочиненія преосв. Порфирія далеко превышаютъ ихъ, и что вообще это трудъ очень важный и полезный, дѣлающій большую честь русской наукѣ.

Вл. Качановскій.

Земљиште радње Немањине. Историjско-географиjска студиjа *Стоjана Новаковића*. У Београду. 1877.

Изслѣдованія по сербской исторической географіи уже были начаты почтеннымъ сербскимъ ученымъ Даничичемъ. Его „Рјечник из књижевних старина српских“ представляетъ матеріалъ для изслѣдованій въ этой области, хотя впрочемъ далеко недостаточный; въ него вошло, по мѣрѣ возможности, все по этому предмету изъ письменныхъ источниковъ. Но кромѣ этихъ данныхъ, необходимо еще имѣть въ виду и названія мѣстностей, сохранившіяся донынѣ изъ отдаленной старины. Г. Новаковичъ принялъ въ разчетъ оба эти источника; онъ остановилъ свое вниманіе на періодѣ образованія Сербскаго государства при Степанѣ Немани. Указавъ на связь исторіи съ географіей, авторъ приступаетъ къ опредѣленію границъ удѣловъ Немани и его братьевъ—Завида, Срацимира и Первослава, полученныхъ ими по смерти ихъ отца. Свѣдѣній объ удѣлѣ Немани больше, сравнительно со свѣдѣніями объ удѣлахъ его братьевъ, и потому почтенному ученому удалось высказаться нѣсколько опредѣленнѣе объ удѣлѣ перваго. Именно, удѣлъ Немани занималъ пространство „отъ Звѣчанскаго предѣла по западнымъ притокамъ рѣки Ибра, кромѣ Рашки, по р. Моравѣ; затѣмъ отъ Сталача граница шла на Расину подлѣ Мойсиня, затѣмъ къ Ястребцу — къ тому мѣсту, гдѣ раздѣляются воды рѣкъ Моравы и Топлицы, затѣмъ на Прокупле; отсюда граница шла по горному хребту, раздѣляющему съ юга вòды р. Топлицы, и пересѣкая верхнюю долину р. Лаба, направлялась къ р. Ситницѣ по вершинамъ,

которыя дѣлятъ вóды рѣкъ Ибра, Ситницы и Бѣлаго Дрина". Главные оборонительные пункты составляли на сѣверѣ — Сталачъ, на югѣ — Звѣчанъ, и на востокѣ Прокупле (стр. 16). По высказаннымъ затѣмъ предположеніямъ объ удѣлахъ братьевъ Немани нельзя ясно представить, какъ велики были ихъ удѣлы, сравнительно съ удѣломъ Немани, были ли они равны, или напротивъ, удѣлы старшаго Завида и другихъ по старшинству были больше удѣла самаго меньшóго (Немани). Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, но отвѣчать на него не возможно по недостатку данныхъ. Не смотря на то, почтенный авторъ рѣшился высказаться опредѣленно о пространствѣ всѣхъ четырехъ удѣловъ. Упомянувъ о занятіи Степаномъ Неманей удѣловъ своихъ братьевъ, почтенный авторъ счелъ нужнымъ опредѣлить границы всего новаго владѣнія Немани. По его мнѣнію, „граница шла отъ окрестностей Пантина повыше Звѣчана на западъ по хребту горъ, раздѣляющему воды рѣкъ Ибра и Бѣлаго Дрина, затѣмъ по хребту между рѣками Лимомъ, Тарой и Пивой и вдали Скадрскаго озера, затѣмъ по возвышенностямъ нынѣшней Герцеговины, поближе рѣкъ Пивы и Дрины, выше Прача къ Вышеграду; затѣмъ по правому берегу р. Дрины граница шла ниже Баиной башты, заходя къ Повлену, и затѣмъ между равнинами рѣкъ Колубары, Лиги, Ясеницы, Лепеницы, Каленичской рѣки и Моравы къ Столачу на этой послѣдней рѣкѣ; отсюда мимо Мойсиня къ Ястребцу, къ Прокуплю, затѣмъ по хребту горъ, отдѣляющему вóды Топлицы, чрезъ долину р. Лаба, по утесамъ области рѣкъ Ибра и Ситницы къ Звѣчану".

Понятно, что приведенныя границы не могутъ быть вполнѣ точными, а лишь приблизительными.

Опредѣливъ съ болѣе или менѣе вѣроятною точностью границы владѣнія Степана Немани, почтенный ученый разсматриваетъ свидѣтельства самого Немани въ его дарственной грамотѣ Хиландарскому монастырю и его біографовъ-сыновей, св. Саввы I и Степана Первовѣнчаннаго, въ составленныхъ ими житіяхъ своего отца о приращеніяхъ этой наслѣдственной державы путемъ завоеваній. Авторъ съ замѣчательною точностью собралъ свѣдѣнія объ упомянутыхъ въ этихъ источникахъ мѣстностяхъ изъ грамотъ позднѣйшаго времени и описаній путешественниковъ нынѣшняго столѣтія—Ами-Буе, Гана, Иречка, Гильфердинга, Милоевича, Ястребова и друг., и на основаніи ихъ постарался указать, на сколько это было возможно, мѣстоположеніе каждаго изъ нихъ. Внимательное отношеніе автора къ по-

ставленной задачѣ дало ему возможность указать причину нѣкоторго различія въ показаніяхъ трехъ поименованныхъ источниковъ. Такъ, самъ Неманя въ хиландарскомъ хрисовулѣ говоритъ меньше св. Саввы I, а этотъ послѣдній меньше Степана Первовѣнчаннаго (стр. 70). Въ этомъ различіи авторъ справедливо усматриваетъ разновременность появленія самихъ памятниковъ. Что касается хиландарскаго хрисовула Немани, то это было ясно безъ всякихъ другихъ доказательствъ: онъ данъ при жизни самого Немани, то-есть, явился раньше житій, составленныхъ его сыновьями уже, конечно, по его смерти. Дѣло другое — по отношенію обоихъ житій. До сего времени не было извѣстно, какое житіе появилось раньше; въ настоящее же время, послѣ изслѣдованія г. Новаковича, ясно видно, что Степанъ Первовѣнчанный писалъ позднѣе св. Саввы. Степанъ Первовѣнчанный внесъ въ свой трудъ разказъ о такихъ событіяхъ изъ исторіи расширенія владѣній Немани, которыя произошли уже по смерти сего послѣдняго, именно послѣ 1212 года; въ послѣдней главѣ своего труда онъ повѣствуетъ о томъ, какъ Угорскій король Андрей II и Византійскій императоръ поднялись походомъ на Сербію, какъ съ Угорскимъ королемъ былъ заключенъ миръ въ Равномъ, вслѣдствіе чего силы Византійскаго императора были уменьшены, и Сербіи удалось возвратить всѣ тѣ владѣнія, какія ей принадлежали въ 1184 году, при Степанѣ Немани. Степанъ Первовѣнчанный возвратилъ Сербіи то, что̀ уже было занято его отцомъ; изъ смиренія, какъ мѣтко замѣчаетъ нашъ авторъ, онъ не приписалъ себѣ того, что̀ уже было сдѣлано его отцомъ, но утеряно, а имъ только возвращено (стр. 74). Но Степанъ Первовѣнчанный, допустивъ такую, скажемъ, неточность, не могъ скрыть достовѣрнаго факта, который въ свою очередь даетъ ключь къ рѣшенію вопроса о времени появленія его труда.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что не все изложенное авторомъ въ разсматриваемомъ изслѣдованіи можетъ и должно быть принято безъ всякаго сомнѣнія; впрочемъ, это нерѣдко заявляетъ и самъ авторъ. Многое еще должно подвергнуться провѣркѣ. Въ настоящее время мы указываемъ на то, что не слѣдуетъ соглашаться (стр. 11) съ слѣдующимъ объясненіемъ г. Павловича, почему въ сербской лѣтописи говорится, что Степанъ Неманя вторично крестился (по православному обряду) на 30-мъ году своей жизни, когда св. Савва относитъ это крещеніе къ младенческому возрасту Немани (изнесеноу содштоу младѣньцоу томоу). Намъ кажется неубѣдительнымъ объ-

ясненіе г. Павловича, что сербскіе лѣтописцы приняли тридцатилѣтній возрастъ для вторичнаго крещенія Немани потому, что и Іисусъ Христосъ крестился у Іоанна Крестителя на томъ же году своей земной жизни [1]). Намъ кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сербскій лѣтописецъ XV—XVI в., повѣствуя объ этомъ событіи, въ состояніи былъ сдѣлать одно добавленіе къ свидѣтельству біографовъ: это—обозначеніе по имени Рашскаго епископа (Леонтія), крестившаго Неманю. Слѣдуетъ допустить, что у составителя Карловицкой лѣтописи былъ источникъ новый, кормѣ житій, составленныхъ Саввой и Степаномъ Первовѣнчаннымъ. Но мы, однако, вовсе не намѣрены оспаривать достовѣрность свидѣтельства Саввы относительно обозначенія возраста, въ который Неманя былъ вторично крещенъ. По нашему мнѣнію, все различіе будетъ устранено (при чемъ нисколько не пострадаетъ историческая критика) предположеніемъ, что составитель лѣтописи (или позднѣйшій переписчикъ) по ошибкѣ принялъ л за д. Такъ мы объясняемъ себѣ слѣдующее мѣсто лѣтописи: „и тоу (въ Росѣ) пріемлетъ (Неманя) светое крьещеніе, роукою всеѡсвещеннаго епископа рашкога Леѡнтія, вьзрастомь сн. л. лѣтъ" (Карл. лѣт. Рат., стр. 58) вмѣсто: д лѣтнь.

Съ географическимъ изслѣдованіемъ у почтеннаго автора само собою соединяется изслѣдованіе чисто-историческое, такъ что его трудъ представляетъ въ то же время довольно удачный, хотя не вполнѣ исчерпывающій предметъ очеркъ исторіи Сербіи въ эпоху Немани. Но нужно помнить, что авторъ не задавался цѣлью написать обстоятельную исторію. Вообще, монографія г. Новаковича представляетъ хорошій вкладъ въ науку.

[1]) Домаћи извори. Житиѥ... стр. 1, прим. 1-е.

В. Качановскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1878 ГОДЪ [1].

Истекающій годъ останется въ нашей лѣтописи печально памятнымъ по многочисленности утратъ, постигшихъ Академію.

Въ числѣ нашихъ почетныхъ членовъ не стало князя С. И. Давыдова, бывшаго долгое время нашимъ вице-президентомъ, и С. А. Гедеонова, съ успѣхомъ посвящавшаго русской исторіи и литературѣ немногіе часы досуга, которые оставляли ему лежавшія на немъ важныя служебныя обязанности.

Изъ списка отечественныхъ членовъ-кореспондентовъ мы съ прискорбіемъ должны были вычеркнуть служившія его украшеніемъ имена, дорогія для русской науки и просвѣщенія: сошли въ могилу Осипъ Михайловичъ Ковалевскій, старѣйшій изъ русскихъ оріенталистовъ, и Николай Владиміровичъ Ханыковъ, соединявшій въ себѣ съ обширными энциклопедическими познаніями рѣдкую любовь къ кабинетной дѣятельности, плодомъ которой былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій; Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ, неутомимый дѣятель на

[1]) Составленъ и читанъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1878 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

поприщѣ отечественной археологіи, отличный знатокъ русскихъ лѣтописей и издатель Историческихъ свѣдѣній о знаменитой Екатерининской коммисіи уложенія; наконецъ, Юлій Андреевичъ Гагеймейстеръ, котораго многочисленные труды по статистикѣ и финансамъ Россіи останутся на всегда образцами для работъ подобнаго рода.

Изъ знаменитыхъ ученыхъ, принадлежавшихъ къ нашей средѣ въ качествѣ иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ, скончались: плодовитый математикъ Бьенеме, членъ Французскаго института; знаменитый физикъ Реньо, членъ того же института; Фрисъ, отличный шведскій ботаникъ, оказавшій наукѣ незабвенную услугу разработкою флоры Скандинавскаго сѣвера; Клодъ-Бернаръ, одинъ изъ первоклассныхъ физіологовъ нынѣшняго столѣтія, котораго остроумные труды составляли эпоху въ развитіи нашихъ познаній о главнѣйшихъ отправленіяхъ человѣческаго тѣла, и въ особенности, о пищевареніи и функціяхъ печени; Бруно Гильдебрандтъ, профессоръ Іенскаго университета, основатель и директоръ статистическаго бюро Тюрингіи, стяжавшій своими работами по статистикѣ и политической экономіи почетное мѣсто среди ученыхъ, оказавшихъ наиболѣе услугъ этимъ двумъ отраслямъ знанія; Руле, профессоръ въ Гентѣ, прославившійся сочиненіями по классической археологіи, и въ особенности, объясненіемъ изображеній на античныхъ вазахъ; Р. Герхеръ, членъ Берлинской академіи наукъ, много способствовавшій возстановленію правильнаго текста греческихъ прозаиковъ; Лерсъ, кенигсберскій профессоръ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ по вопросамъ о греческой грамматикѣ; Торнбергъ, въ Лундѣ, ученикъ знаменитаго Сильвестра де Саси, считавшійся по праву однимъ изъ основательнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ оріенталистовъ въ Европѣ; наконецъ, Гарсенъ де-Тасси, знаменитый профессоръ языка и литературы Индустана въ Парижской школѣ живыхъ восточныхъ языковъ.

Какъ ни горестно было для насъ исчезновеніе этихъ свѣтилъ науки, смерть которыхъ была утратой и для всего ученаго міра, еще больнѣе отозвалась въ сердцѣ каждаго изъ насъ потеря, постигшая Академію въ самой ближайшей ея средѣ. Намъ, болѣе или менѣе стоящимъ уже близко отъ предѣла человѣческой жизни, пришлось 7-го іюля сего года проводить въ могилу академика Е. И. Золотарева, которому его годы и цвѣтущее здоровье давали право надѣяться пережить всѣхъ насъ.

Не смотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже проявить столь блестящій талантъ, что мы съ полнымъ основаніемъ смотрѣли на

него, какъ на будущую славу русской науки и нашей Академіи. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было исполниться: роковой случай нежданно положилъ конецъ едва разцвѣтшей жизни и оставилъ въ нашей средѣ пробѣлъ, который не легко будетъ заполнить.

Егоръ Ивановичъ Золотаревъ родился въ 1847 г., въ Петербургѣ, и здѣсь же получилъ образованіе, сначала въ 5-й гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1867 г. со степенью кандидата. Рѣдкія математическія способности, выказанныя имъ еще на студенческой скамьѣ и развившіяся подъ вліяніемъ отличныхъ геометровъ, руководствомъ которыхъ онъ имѣлъ счастіе пользоваться, доставили ему уже весьма рано ученую зрѣлость, впервые выразившуюся въ его диссертаціи объ одномъ вопросѣ о наименьшихъ величинахъ. Это сочиненіе, заключающее въ себѣ полное рѣшеніе такихъ задачъ, которыя, по своей трудности, были оставлены безъ рѣшенія болѣе опытными математиками, доставило Золотареву каѳедру приватъ-доцента въ здѣшнемъ университетѣ. Всего черезъ годъ послѣ того, Егоръ Ивановичъ уже является публично защищающимъ важное въ своемъ родѣ разсужденіе объ одномъ неопредѣленномъ уравненіи третьей степени и получаетъ за него званіе магистра. Наконецъ, высшую ученую степень, доктора математики, и вслѣдъ затѣмъ званіе экстраординарнаго профессора, онъ по праву пріобрѣлъ не менѣе замѣчательнымъ сочиненіемъ о теоріи цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ и объ ихъ приложеніи къ интегральному исчисленію. Когда, въ концѣ апрѣля 1876 г., внезапная смерть вырвала изъ среды нашей такого высокодаровитаго и дѣятельнаго представителя математическихъ наукъ, какимъ былъ О. И. Сомовъ, Академія, желая вознаградить хотя бы только въ нѣкоторой степени, эту невозмѣстимую утрату и съ этою цѣлью обозрѣвая семью русскихъ математиковъ, остановила свое вниманіе на Золотаревѣ, какъ на такомъ ученомъ, котораго напечатанные имъ труды указывали, какъ на наиболѣе достойнаго быть преемникомъ Сомова. Егоръ Ивановичъ былъ принятъ въ Академію со званіемъ адъюнкта въ концѣ 1876 года. Плодовитость бываетъ почти всегдашнею спутницею истиннаго таланта: не успѣлъ Золотаревъ вступить въ Академію, какъ онъ уже представилъ ей, одинъ за другимъ, два важные мемуара; въ первомъ изъ нихъ онъ далъ полную теорію комплексныхъ чиселъ, которыя уже были предметомъ его докторской диссертаціи, а во второмъ, „О приложеніи элиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ наиболѣе или наименѣе отклоняющихся отъ нуля“, имъ дано рѣшеніе нѣскольких задачъ, составляющихъ новое

приложеніе элиптическихъ функцій къ алгебрѣ. Кромѣ этихъ трудовъ, онъ успѣлъ въ теченіе своей недолгой жизни напечатать нѣсколько замѣчательныхъ статей въ спеціальныхъ математическихъ сборникахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Безусловная преданность Золотарева наукѣ, его рѣдкая неутомимость въ трудѣ, разнообразіе усвоенныхъ имъ знаній, его проницательный взглядъ и быстрая сообразительность въ труднѣйшихъ вопросахъ математическаго анализа, все это позволяло ожидать отъ нашего сочлена еще болѣе блестящихъ и цѣнныхъ трудовъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ уже ознаменовалъ свою дѣятельность; все предвѣщало ему будущность мощнаго двигателя любимой имъ науки. Судьбѣ угодно было разрушить эти ожиданія. На близкую и полную замѣну Золотарева едва ли мы можемъ расчитывать, потому что подобные ему, истинные избранники науки представляютъ явленіе крайне рѣдкое. Во всякомъ случаѣ, если Академія со временемъ и посчастливится при выборѣ преемника Золотареву, тѣмъ не менѣе въ исторіи нашего учрежденія навсегда сохранится воспоминаніе о немъ, какъ о свѣтломъ метеорѣ, блеснувшемъ на горизонтѣ науки.

Кабинетные труды ученыхъ, доведенные до болѣе или менѣе законченныхъ выводовъ, были предметомъ чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ.

По математикѣ, академикъ П. Л. Чебышевъ, продолжая свои изслѣдованія, которыя уже и прежде привели его къ весьма важнымъ результатамъ, читалъ намъ записку о паралелограмахъ, состоящихъ изъ трехъ элементовъ и симетрическихъ относительно одной оси. Здѣсь онъ предложилъ формулы для опредѣленія простѣйшихъ составчатыхъ системъ, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ возможно большею точностью.

Членъ-кореспондентъ Миндингъ сообщилъ намъ двѣ статьи, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ любопытное приложеніе исчисленія конечныхъ разностей къ суммованію ряда особаго вида, а другая служитъ весьма важнымъ дополненіемъ къ прежнимъ изслѣдованіямъ заслуженнаго геометра о кривыхъ наименьшаго периметра на кривыхъ поверхностяхъ.

По астрономіи чтеніями, занимавшими наши засѣданія, служили преимущественно труды Пулковской обсерваторіи.

Появленіе въ свѣтъ IX тома Пулковскихъ наблюденій, содержащаго въ себѣ 40-лѣтнія микрометрическія измѣренія, произведенныя академикомъ О. В. Струве надъ двойными звѣздами Дерптскаго и Пулковскаго каталоговъ, несомнѣнно имѣетъ высокое значеніе для

изслѣдованій объ относительныхъ движеніяхъ въ звѣздныхъ системахъ. Эти наблюденія, важныя по своей многочисленности и точности, имѣютъ для науки еще большую цѣну вслѣдствіе того, что они, за весь весьма продолжительный періодъ наблюденій, произведены однимъ и тѣмъ же лицомъ, при помощи одного и того же инструмента и съ примѣненіемъ одинаковаго способа. Благодаря этому обстоятельству, г. Струве получилъ возможность придать своимъ выводамъ высокую степень точности, освободивъ ихъ отъ личныхъ и систематическихъ погрѣшностей, свойственныхъ этого рода наблюденіямъ. Эти изслѣдованія подробно изложены въ введеніи къ IX тому Пулковскихъ наблюденій. Къ нимъ присоединены тщательно выведенныя постоянныя разности между рядами измѣреній другихъ извѣстнѣйшихъ наблюдателей, позволяющія привести всѣ эти измѣренія къ одной и той же нормальной системѣ.

Прохожденіе Меркурія 6-го мая (24-го апрѣля) было наблюдаемо въ Пулковѣ четырнадцатью трубами различной силы; эти наблюденія доказали тотъ важный фактъ, что планета Меркурій не имѣетъ такой густой атмосферы, какую замѣтили астрономы на Венерѣ, при ея прохожденіи. Какъ о любопытномъ фактѣ упомянемъ, что адъюнктъ-астроному Пулковской обсерваторіи Гассельбергу удалось видѣть, помощью спектроскопа, за двѣ минуты до прикосновенія краевъ Меркурія и Солнца, дискъ планеты, проектированный на солнечномъ вѣнцѣ.

Ученому міру уже извѣстны остроумныя изслѣдованія г. фонъ-Астена о движеніи кометы Энке и о возникшей по ея поводу гипотезѣ относительно противодѣйствующей среды. Въ настоящемъ году наши Мемуары украсились новымъ трудомъ г. фонъ-Астена, въ которомъ онъ распространилъ свои изслѣдованія на всѣ появленія кометы съ 1819 по 1875 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ эфемериду этой кометы для ея появленія въ нынѣшнемъ году; точность его вычисленій уже подтвердилась многочисленными наблюденіями, произведенными на южномъ полушаріи. Къ сожалѣнію, самому автору, не суждено было дождаться этого блестящаго подтвержденія его теоріи безвременная смерть прекратила столь полезную для науки дѣятельность даровитаго астронома.

Безъ преувеличенія можно сказать, что наши познанія о сущности кометъ вообще находятся въ состояніи младенчества; едва лишь начинаютъ зарождаться нѣкоторыя опредѣленныя понятія о силахъ, дѣйствующихъ въ этихъ свѣтилахъ и производящихъ столь разнообраз-

ныя и величественныя явленія. Лишь послѣднія десятилѣтія показали путь, на которомъ мы можемъ надѣяться достичь до болѣе вѣрнаго представленія о кометахъ. Въ этомъ отношеніи составляетъ эпоху извѣстная теорія Бесселя объ образованіи кометныхъ хвостовъ, вызванная появленіемъ Галеевой кометы въ 1835 году. Дальнѣйшему развитію этой теоріи содѣйствовалъ нашъ членъ-кореспондентъ Бредихинъ. Произведенныя имъ въ настоящемъ году изслѣдованія по этой части привели его къ заключенію, что существуетъ три типа кометныхъ хвостовъ, опредѣляемые отношеніемъ притяженія солнца къ его отталкивательной силѣ, дѣйствующей въ близкомъ разстояніи на частицы кометъ и находящейся въ зависимости отъ свойствъ этихъ частицъ. Должно надѣяться, что спектральный анализъ дастъ въ непродолжительномъ времени дальнѣйшее подтвержденіе этимъ предположеніямъ.

Вообще отъ спектральнаго анализа можно ожидать весьма важныхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ отраслей астрономіи. Однако, въ примѣненіи къ небеснымъ тѣламъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, онъ стоитъ еще на шаткихъ основаніяхъ, которыя необходимо упрочить, прежде чѣмъ выводить изъ спектральныхъ наблюденій надъ свѣтилами заключенія съ такою точностью, какою отличаются другія астрономическія изслѣдованія. Къ этой цѣли главнымъ образомъ направлена дѣятельность астрофизической лабораторіи Пулкова. Сюда, между прочимъ, относятся два сочиненія г. Гассельберга, изъ которыхъ одно посвящено приведенію спектральныхъ наблюденій Кирхгофа въ длины волнъ, а другое имѣетъ своимъ предметомъ точное описаніе и измѣреніе спектровъ поглощенія паровъ азотноватой кислоты и брома. Въ послѣднемъ трудѣ автору удалось доказать неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто перемѣщеніе линій спектра находится въ зависимости отъ плотности газа.

Спектральный анализъ, вѣроятно, разъяснитъ также и многое относительно физическихъ свойствъ такихъ звѣздъ, яркость которыхъ періодически измѣняется. Такъ какъ подобныя звѣзды отличаются по большей части красноватымъ цвѣтомъ, то астрономы обращаютъ теперь особенное вниманіе на красныя звѣзды, первый каталогъ которыхъ, составленный г. Шьелерупомъ, появился лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Къ числу 280 звѣздъ, указанныхъ г. Шьелерупомъ, въ недавнее время прибавилось еще 42 звѣзды, открытыя г. Линдема-

номъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Пулковскія фотометрическія наблюденія позволяютъ уже подозрѣвать измѣненіе яркости.

Въ заключеніе обзора астрономическихъ трудовъ, упомянемъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ академикомъ А. Н. Савичемъ надъ противостояніями планетъ и надъ прохожденіемъ Меркурія. Сверхъ того, нашъ сочленъ читалъ намъ любопытную записку о гнутіи ножекъ штативовъ въ оборотномъ маятникѣ Репсольда и о зависящей отъ того поправкѣ въ выводѣ длины простаго маятника.

Связь, существующая между астрономіей и геологіей, всего поразительнѣе выступаетъ въ наблюденіяхъ колебаній, замѣчаемыхъ на чувствительныхъ уровняхъ астрономическихъ инструментовъ при землетрясеніяхъ даже въ отдаленныхъ странахъ. Перечень явленій этого рода обогатился новымъ, весьма любопытномъ фактомъ. Одинъ изъ Пулковскихъ астрономовъ, г. Нюренъ, 9-го мая 1877 г. замѣтилъ довольно значительное безпокойство на уровнѣ пассажнаго инструмента, установленнаго въ первомъ вертикалѣ, а чрезъ нѣсколько дней телеграмы принесли извѣстіе о случившемся въ ночь того же числа землетрясеніи, жертвою котораго сдѣлался городъ Иквикву въ Перу. По вычисленію оказалось, что колебаніе уровня въ Пулковѣ произошло лишь часомъ позднѣе главныхъ ударовъ землетрясенія, изъ чего должно заключить, что дрожаніе почвы у насъ не составляло продолженія колебанія земной коры, распространившагося къ намъ изъ Америки, но что оба феномена были отдѣльными проявленіями одной и той же силы, дѣйствовавшей внутри земнаго шара.

Для насъ, обитателей земной поверхности, особый интересъ представляютъ явленія, происходящія въ слоѣ земли, непосредственно находящемся подъ нашими ногами, и въ особенности явленія, зависящія отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на нашу планету. Хотя геотермическія изслѣдованія издавна занимали физиковъ, однако въ этой области остается еще много неразъясненныхъ вопросовъ. Поэтому академикъ Г. И. Вильдъ счелъ полезнымъ подвергнуть подробному изслѣдованію ряды весьма точныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ температурою земли въ Петербургѣ и въ Нукусѣ, на Аму-Дарьѣ.

Для нефизиковъ можетъ показаться поразительнымъ, что до сихъ поръ въ наукѣ оставался не рѣшеннымъ съ необходимою точностью вопросъ о томъ, что собственно должно разумѣть подъ температурою воздуха. Между тѣмъ этотъ вопросъ представляется основнымъ для метеорологіи. Это побудило г. Вильда заняться изслѣдованіемъ по этому предмету, и плодомъ его трудовъ была читанная намъ записка,

въ которой нашъ сочленъ изложилъ строгій методъ, употребленный имъ для рѣшенія означенной задачи, и практическое приложеніе этого метода къ такой установкѣ термометра, при которой онъ показывалъ бы истинную температуру воздуха, не измѣненную вліяніемъ лучеиспусканія. Въ запискѣ подробно описаны наблюденія, произведенныя г. Вильдомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на открытомъ воздухѣ и въ комнатѣ надъ показаніями термометра, заключеннаго въ жестяной будочкѣ такого устройства, которое позволяетъ опредѣлять истинную температуру воздуха съ точностью до 0,1 градуса. Снарядъ подобнаго устройства уже четыре года какъ введенъ на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ, и такимъ образомъ уже принесъ свою пользу для оцѣнки точности нашихъ наблюденій при прежнемъ способѣ выставки термометровъ. Для достиженія большей точности при опредѣленіи атмосфернаго давленія въ различныхъ мѣстахъ, г. Вильдъ предложилъ весьма существенныя улучшенія въ устройствѣ сифоннаго барометра, съ тѣмъ, чтобъ онъ служилъ для точнаго сравненія между собою, такъ называемыхъ нормальныхъ или первоклассныхъ барометровъ отдаленныхъ одна отъ другой станцій. Этотъ повѣрочный барометръ имѣетъ еще и то преимущество, что въ путешествіи можетъ быть удобно разбираемъ, безъ измѣненія величины поправки его показаній. Наконецъ, для усовершенствованія методовъ наблюденій земнаго магнетизма имѣетъ значеніе записка г. Вильда объ опредѣленіи абсолютнаго наклоненія помощью индукціоннаго инклинатора.

Послѣ того, какъ главная физическая обсерваторія, вслѣдствіе своего преобразованія въ 1872 г., получила больше средствъ къ дѣятельности, одною изъ важнѣйшихъ задачъ ея стала основательная обработка всего богатаго матеріала ежечасныхъ наблюденій надъ явленіями метеорологическими и земнаго магнетизма, производимыми въ Россіи въ такомъ значительномъ числѣ пунктовъ, какимъ не можетъ похвалиться ни одна страна. Такимъ образомъ въ предшествовавшихъ годахъ, нашъ Метеорологическій сборникъ представилъ на своихъ страницахъ полную обработку всѣхъ ежечасныхъ наблюденій надъ температурой и влажностью воздуха въ Россійской имперіи и такую же обработку наблюденій магнитнаго склоненія на главныхъ станціяхъ. Въ настоящемъ году оконченъ г. Рыкачевымъ обширный трудъ, имѣющій своимъ предметомъ ежечасныя измѣненія давленія воздуха въ Россіи. Желая достигнуть болѣе общихъ и прочныхъ результатовъ, авторъ распространилъ свои изысканія, сверхъ 11-ти русскихъ

станцій, еще на 24 иностранныхъ. При помощи богатаго, критически очищеннаго митеріала, онъ получилъ возможность характеризовать лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ сдѣлано, суточный ходъ атмосфернаго давленія и яснѣе высказать зависимость этого хода отъ географическаго положенія мѣста и отъ времени года. Какъ на весьма важный результатъ такого изслѣдованія, можно указать на то, что для объясненія причины суточныхъ колебаній барометра, г. Рыкачевымъ предложена теорія, болѣе простая и правдоподобная, чѣмъ та, которая, будучи предложена Дове почти полвѣка тому назадъ, до сихъ поръ господствовала въ наукѣ.

Кромѣ означенныхъ статей, въ нашихъ изданіяхъ напечатаны по части физики и метеорологіи: 1) разсужденіе члена-кореспондента Академіи Р. Ленца о гальваническомъ сопротивленіи водныхъ растворовъ солей, калія, натрія и аммонія, 2) записка г. Рыкачева о распредѣленіи вѣтровъ на Балтійскомъ морѣ, 3) статья г. Дорандта о показаніяхъ анемометра, 4) записка г. Гельмана о сравненіи нормальныхъ барометровъ Петербурга, Дерпта, Гельсингфорса, Стокгольма и Упсалы, и 5) сдѣланный г. Штеллингомъ сводъ фотометрическихъ наблюденій надъ силою дневнаго свѣта въ Петербургѣ.

По отдѣлу химіи, профессоръ Н. А. Меншуткинъ сообщилъ намъ результаты дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій о вліяніи изомеріи алкоголей и кислотъ на образованіе сложныхъ эфировъ. Сверхъ того, помѣщены въ нашемъ Бюллетенѣ слѣдующія работы постороннихъ лицъ: 1) г-жи Лермонтовой—о дѣйствіи іодистаго третичнаго бутила на изобутиленъ въ присутствіи металлическихъ окисей, 2) г. Павлова—о тетрамэтиленѣ и его производныхъ и о химическомъ строеніи пинакона, и 3) г. Явейна—о гексиленахъ, получаемыхъ изъ третичныхъ гексильнихъ спиртовъ и объ ихъ уплотненіи.

Весьма цѣннымъ вкладомъ для геологіи Россіи является начало обширнаго труда академика Шмидта о трилобитахъ силурійской формаціи на восточномъ прибрежьи Балтійскаго моря, изученіемъ которыхъ онъ занимается уже болѣе двадцати лѣтъ. О русскихъ трилобитахъ было до сего времени писано не мало гг. Фольбортомъ, Эйхвальдомъ, Куторгой и другими. Но всѣ эти ученые имѣли въ своихъ рукахъ только отдѣльныя коллекціи и не могли пользоваться достаточно-богатымъ матеріаломъ. Поэтому результаты, къ которымъ они приходили, были весьма различны между собою, такъ что до сихъ поръ трудно сдѣлать вѣрное сравненіе трилобитовъ русской силурійской почвы съ силурійскими же трилобитами другихъ странъ, обра-

ботанными гораздо полнѣе, на основаніи болѣе богатыхъ матеріаловъ. Обстоятельства поставили г. Шмидта въ весьма счастливое положеніе, давъ ему возможность пользоваться всѣми матеріалами, собранными въ разное время о нашей силурійской формаціи и хранящимися въ разныхъ музеяхъ Петербурга, Дерпта и Ревеля. Кромѣ того, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ шведскими учеными, онъ получаетъ отъ нихъ матеріалъ, необходимый для сравненій нашихъ трилобитовъ съ силурійскими окаменѣлостями Швеціи. Вся монографія г. Шмидта будетъ содержать въ себѣ описаніе около 140 трилобитовъ, найденныхъ въ силурійской почвѣ Петербургской и Эстляндской губерній. Первый ея выпускъ, уже поступившій въ печать, заключаетъ въ себѣ описаніе групы Phacopidae, въ числѣ 20 видовъ вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ геологическаго строенія силурійской системы въ названныхъ двухъ губерніяхъ.

По части палеонтологіи, отмѣтимъ еще записку, въ которой профессоръ В. Меллеръ представилъ разборъ коллекцій, привезенныхъ г. Данилевскимъ съ р. Манычъ, и пришелъ къ заключенію, что новѣйшія геологическія отложенія въ долинѣ этой рѣки относятся къ Каспійскому, а не къ Азовскому морю, какъ предполагалось прежде.

Отечественная флора получила существеное приращеніе въ монографіи г. Гоби о водоросляхъ Бѣлаго моря. Воспользовавшись богатымъ матеріаломъ, накопившимся въ музеяхъ Академіи со времени путешествій Бэра, Миддендорфа и другихъ ученыхъ, авторъ подробно описалъ всѣ свойственные этому морю виды водорослей и чрезъ то далъ прочное основаніе для характеристики растительности въ этомъ отдаленномъ бассейнѣ. Теперь стало ясно, что бѣломорская флора состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ представителей западно-европейскихъ морей, или точнѣе, Атлантическаго океана, и изъ водорослей Сѣвернаго Ледовитаго моря, при чемъ, по числу видовъ, первые составляютъ большинство; тѣмъ не менѣе характеръ флоры опредѣляется вторыми, такъ какъ они, сравнительно съ первыми, имѣютъ здѣсь большее распространеніе.

По физіологіи растеній, профессоръ А. С. Фаминцынъ посвятилъ теоріи зародышевыхъ пластовъ любопытное изслѣдованіе, въ которомъ, при помощи препаратовъ, приготовленныхъ имъ по способу Нестермейера, онъ убѣдился, что въ зародышѣ нѣкоторыхъ растеній образованіе тканей въ сѣмядоляхъ слѣдуетъ тому же правилу, какъ и въ корешкѣ — выводъ, при настоящемъ положеніи растительной

эмбріологіи, чрезвычайно важный и гораздо болѣе правдоподобный, чѣмъ тотъ, который существовалъ до сихъ поръ въ наукѣ.

Здѣсь же мы должны упомянуть о сравнительно-гистіологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ г. Клинге надъ корнями злаковъ и ситовниковыхъ.

Нашъ маститый зоологъ, академикъ Ө. Ө. Брандтъ, какъ извѣстно, посвятилъ уже много лѣтъ изученію главныхъ представителей фавны, современной началу потретичнаго періода въ Европѣ и Азіи, а слѣдовательно, и Россіи. Недавнія, чрезвычайно замѣчательныя пріобрѣтенія по этой части, обогатившія нашъ зоологическій музей, доставили г. Брандту возможность издать существенныя дополненія къ его обширной, напечатанной въ 1877 году монографіи о семействѣ носороговъ, какъ живущихъ, такъ и вымершихъ.

Но съ особымъ вниманіемъ будетъ встрѣченъ въ ученомъ мірѣ другой трудъ г. Брандта, имѣющій своимъ предметомъ также гигантское, давно вымершее животное, извѣстное подъ именемъ эласмотерія. Извѣстные до сихъ поръ остатки этого животнаго, обитавшаго нѣкогда отъ Рейна до Киргизскихъ степей, состояли лишь изъ нѣсколькихъ зубовъ и обломковъ челюсти и черепа; основываясь на нихъ, г. Брандтъ, въ свое время, опредѣлилъ для эласмотерія мѣсто въ зоологической системѣ, причисливъ его къ семейству носороговъ, но какъ форму, по строенію зубовъ напоминающую лошадь. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ въ настоящее время блестящее подтвержденіе въ полномъ черепѣ означеннаго животнаго, найденномъ на Волгѣ, близъ Сарепты. Основываясь на этой находкѣ, г. Брандтъ дополнилъ наши познанія объ эласмотеріѣ, показавъ, что при общемъ сродствѣ своемъ съ носорогами, онъ наиболѣе близокъ къ тѣмъ ихъ видамъ, которые отличаются костяною носовою перегородкой, и что по нѣкоторымъ признакамъ, общимъ съ лошадьми, его слѣдуетъ считать особымъ подсемействомъ въ группѣ носороговъ. Свои соображенія объ этомъ г. Брандтъ изложилъ въ подробномъ мемуарѣ, въ которомъ, сверхъ того, собралъ факты, доказывающіе, что эласмотерій существовалъ одновременно съ упомянутыми носорогами, бизономъ, гигантскимъ оленемъ, а вѣроятно, и съ человѣкомъ.

Нашъ знаменитый русскій ихтіологъ, членъ-кореспондентъ К. Ө. Кесслеръ, подѣлился съ нами новѣйшими своими изслѣдованіями, предметомъ для которыхъ послужили ему драгоцѣнныя колекціи рыбъ, привезенныя изъ Средней Азіи послѣдними путешественниками въ этомъ краѣ.

Классъ морскихъ губокъ, любопытный для зоологовъ по разнообразію и непостоянству формъ, остановилъ на себѣ вниманіе г. Мережковскаго, который, проведя лѣтніе мѣсяцы 1876 и 1877 гг. на Соловецкихъ островахъ съ спеціальною цѣлью изученія губокъ Бѣлаго моря, сообщилъ намъ выводы изъ своихъ наблюденій какъ относительно встрѣчающихся тамъ породъ этихъ животныхъ, такъ и въ отношеніи ихъ анатомическихъ и физіологическихъ особенностей.

Сокровища, собранныя въ нашемъ зоологическомъ музеѣ, послужили г. Бетхеру основою для монографіи, содержащей въ себѣ обзоръ встрѣчающихся въ Россіи представителей богатаго по формамъ и труднаго для обработки рода сухопутныхъ улитокъ Clausilia.

Въ заключеніе перечня чтеній въ засѣданіяхъ физико-математическаго отдѣленія Академіи укажемъ на сочиненіе академика Ф. В. Овсянникова объ анатомическомъ строеніи большихъ полушарій мозга и мозжечка у дельфина и у другихъ позвоночныхъ животныхъ, и на три записки нашего неутомимо дѣятельнаго члена корреспондента, доктора г. Грубера, служащія продолженіемъ его изслѣдованій о варіаціяхъ разныхъ мускуловъ и костей у человѣка.

Въ области занятій нашего историко-филологическаго отдѣленія изученіе Востока продолжало занимать важное мѣсто.

Академикъ Б. А. Дорнъ посвятилъ особый мемуаръ знаменитымъ надписямъ на древней башнѣ въ Радеканѣ, мазандеранскомъ селеніи, лежащемъ на пути отъ Гезскаго берега къ Шахруду, воспользовавшись при этомъ пріобрѣтенными для нашего азіятскаго музея снимками. По мнѣнію оріенталистовъ, изданіе этихъ двуязычныхъ надписей принесетъ немалую пользу для изученія пеглевійскаго языка.

Предметомъ другаго труда г. Дорна было семнанское нарѣчіе, весьма древняя, почти вымершая, но оставшаяся внѣ вліянія новоперсидскаго языка, отрасль иранскаго корня. Въ настоящее время это нарѣчіе существуетъ, въ видѣ живаго языка, только въ городкѣ Семнанѣ и въ окружающихъ его селеніяхъ, по дорогѣ къ Тегерану. Семнанское нарѣчіе, подобно нарѣчіямъ мазандеранскому, гиланскому, татскому и талышинскому, тѣмъ примѣчательнѣе, что въ немъ сохранились слова и формы, уже не употребительныя въ новоперсидскомъ языкѣ, а потому оно полезно при изученіи иранскихъ языковъ и нарѣчій.

Предметомъ занятій академика М. И. Броссе были двѣ армянскія редакціи любопытнаго какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, сказанія о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Академикъ А. А. Шифнеръ, продолжая свои развѣдки по части буддизма, напечаталъ собраніе изрѣченій, составленное знаменитымъ буддійскимъ ученымъ Васубанду, снабдивъ ихъ съ своей стороны объяснительными примѣчаніями.

Въ области лингвистики, изслѣдованіе разныхъ отраслей финской семьи языковъ составляетъ задачу жизни нашего маститаго сочлена, академика Ф. И. Видемана. Въ настоящемъ году онъ представилъ намъ, въ видѣ оконченной работы, словарь зырянскаго языка, обнимающій собою не только этотъ языкъ, но и относящійся къ нему, какъ его нарѣчіе, пермяцкій языкъ, а въ особомъ приложеніи — отстоящій отъ него нѣсколько далѣе вотяцкій языкъ. Такимъ образомъ въ словарѣ г. Видемана содержится весь лексикальный составъ цѣлой біармской или пермской группы финской семьи.

По части исторіи, членъ-кореспондентъ академіи Цахаріе фонъ-Лингенталь украсилъ наши изданія новымъ своимъ трудомъ о сборникахъ каноническаго права изъ временъ упадка Византійской имперіи и турецкаго владычества. Это сочиненіе ученаго византиста, конечно, будетъ встрѣчено съ признательностью славянскими и въ особенности русскими канонистами, какъ извѣстно, обращающими теперь свое особенное вниманіе на источники и руководства, составленные греческими духовными лицами въ означенный періодъ времени и отчасти переведенные въ послѣднія столѣтія на церковно-славянскій языкъ.

Представитель въ нашей средѣ классической филологіи, академикъ А. К. Наукъ сосредоточивалъ свои труды на критикѣ Гомера и Софокла и по поводу изданныхъ г. Кинкелемъ отрывковъ изъ твореній греческихъ эпиковъ, сообщилъ въ нашемъ Бюлетенѣ рядъ дополненій и поправокъ къ тексту этихъ поэтовъ.

Наконецъ, замѣчательные памятники древне-классическаго искусства, извлеченіе которыхъ изъ мрака вѣковыхъ могилъ составляетъ неотъемлемую заслугу Императорской археологической коммисіи, доставили нашему сочлену Л. Э. Стефани поводъ обогатить новыми изслѣдованіями нѣкоторые еще недостаточно разъясненные вопросы науки о древностяхъ. Въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ году отчетѣ коммисіи за 1875 г. онъ подробно описалъ многіе любопытные предметы, найденные въ 1874 году при раскопкахъ въ южной Россіи, и при этомъ случаѣ сообщилъ ученое изслѣдованіе объ одной мраморной головѣ, относимой нашимъ сочленомъ къ числу прелестнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ произведеній греческаго ваянія, уцѣлѣв-

шихъ до нашего времени. Это голова Зевса, относящаяся ко II вѣку по Р. Х. и служащая нынѣ украшеніемъ Императорскаго эрмитажа. Г. Стефани доказываетъ, что тѣ представленія, которыя были до сихъ поръ въ ходу о Зевсѣ Фидія, недостойны великаго художника и составились лишь на основаніи такихъ воспроизведеній, въ которыхъ мысль Фидія была затемнѣна и искажена, тогда какъ хранящаяся въ эрмитажѣ мраморная голова совершенно соотвѣтствуетъ изображенію, находящемуся на одной современной Фидію монетѣ, воспроизводящей во всемъ существенномъ созданный художникомъ типъ олимпійскаго Зевса. Изъ этого нашъ археологъ заключилъ что въ этомъ мраморѣ мы имѣемъ воспроизведеніе того же оригинала, который послужилъ основаніемъ и монеты, и такимъ образомъ мы получаемъ возможность составить себѣ самое точное и полное понятіе объ одномъ изъ величайшихъ твореній древняго искусства.

Независимо отъ чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ, академики посвящали не мало времени разсмотрѣнію и оцѣнкѣ сочиненій присылаемыхъ для соисканія разныхъ премій. Изъ такихъ наградъ въ настоящемъ году мы имѣли удовольствіе наконецъ присудить премію по конкурсу, остававшемуся цѣлыхъ двадцать лѣтъ открытымъ, за составленіе біографіи одного изъ сподвижниковъ великой Екатерины, канцлера князя А. А. Безбородка. Эта награда, которая, вмѣстѣ съ накопившимися на первоначальный капиталъ процентами, составляетъ около 10,000 руб., досталась начальнику архива св. синода Николаю Ивановичу Григоровичу, многолѣтній трудъ котораго, находящійся теперь въ печати, составитъ важное пріобрѣтеніе для исторіи Екатерининской эпохи.

Уваровскія награды, имѣющія цѣлью поощрять русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторіей, присуждены авторамъ пяти сочиненій, проливающихъ свѣтъ на многія стороны отечественной древности. На оборотъ, двѣ другія преміи, бывшія въ нынѣшнемъ году въ распоряженіи Академіи, а именно Ломоносовская—за труды и открытія въ области химіи, физики и минералогіи, и премія Буняковскаго—за сочиненія математическія, остались никому не присужденными по неимѣнію конкурентовъ. Наконецъ, число премій, раздаваемыхъ Академіей по различнымъ частямъ знанія, увеличилось въ настоящемъ году чрезъ учрежденіе еще одной, новой преміи, которая будетъ носить названіе преміи академика Гельмерсена и служить наградою за сочиненія по геологическимъ наукамъ.

Въ числѣ учрежденій, состоящихъ при Академіи, музеи содер-

жать въ себѣ разнообразныя и богатыя коллекціи, представляющія неисчерпаемый матеріалъ для ученыхъ работъ и служащія, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ нагляднаго поученія для многочисленныхъ посѣтителей. Постоянно обращая заботы свои на пополненіе этихъ драгоцѣнныхъ собраній и на поддержаніе ихъ въ уровнѣ требованій двигающейся впередъ науки, Академія въ нынѣшнемъ году нашла возможнымъ приступить къ мѣрамъ для удовлетворенія давно ощущавшейся потребности преобразовать свой этнографическій музей.

Извѣстно, что въ послѣднія десятилѣтія изъ всѣхъ наукъ наиболѣе прочихъ расширились въ своемъ объемѣ антропологія и въ связи съ нею этнологія и этнографія. Когда были найдены несомнѣнныя доказательства одновременнаго существованія человѣка со многими, нынѣ уже вымершими животными, когда сохранившіеся въ пластахъ земли остатки дали возможность прослѣдить существованіе человѣка съ отдаленныхъ временъ,—кругозоръ антропологіи необъятно расширился, и повсюду было приступлено къ собиранію и изученію слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для объясненія этихъ остатковъ, потребовалось болѣе подробное изученіе нынѣшнихъ племенъ и народовъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Словомъ, одновременно съ антропологіей, оживились этнологія и этнографія. Во всѣхъ странахъ Европы, а равно и въ Америкѣ, были основаны обширные музеи, куда стекались отовсюду драгоцѣнные антропологическіе и этнографическіе матеріалы; вездѣ образовались ученыя общества, возникли изданія, спеціально посвященныя названнымъ наукамъ, и въ короткое время образовалась по нимъ богатая литература. Даже въ такой странѣ, какъ Данія, нашлись средства для созданія особаго музея антропологіи, ставшаго нынѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ центровъ для ея разработки.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на Россію, на пространство, ею занимаемое, на разнообразіе и многочисленность племенъ, ее населяющихъ, то нельзя не признать, что она представляетъ крайне обширное поле для антропологическихъ изслѣдованій. Судя по нѣсколькимъ случайнымъ находкамъ и по результатамъ немногочисленныхъ раскопокъ, можно утверждать, что въ дилувіальныхъ пластахъ, въ особенности по берегамъ нашихъ многочисленныхъ рѣкъ и озеръ, кроется несмѣтное множество слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка, и именно изъ древнѣйшаго, такъ называемаго каменнаго вѣка. О существованіи у насъ такихъ же памятниковъ бронзоваго

вѣка, находимыхъ въ могилахъ и курганахъ, уже давно извѣстно изъ свидѣтельствъ какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ путешественниковъ по Россіи. Что касается до этнографіи, то для нея Россія представляетъ не менѣе благодарную почву. Стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ племенахъ Кавказа, Средней Азіи, Сибири и Амурскаго края, изъ которыхъ каждое составляетъ еще задачу, любопытную для этнографа. Отсюда видно, до какой степени велика у насъ потребность въ такомъ музеѣ, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ матеріалы для ближайшаго изученія нашего отечества со стороны антропологіи и этнографіи, и который, по важности своей задачи и по полнотѣ своихъ коллекцій, занялъ бы по означеннымъ наукамъ такое же первенствующее и центральное мѣсто, какое нашъ зоологическій музей занимаетъ по другой отрасли знанія.

Хотя при Академіи существуетъ этнографическій музей, однако онъ, возникнувъ въ давнее время, подъ вліяніемъ взглядовъ тогдашней науки, и располагая недостаточными средствами для своего пополненія, въ настоящее время очутился въ положеніи, въ которомъ онъ не можетъ соотвѣтствовать вышеначертанной программѣ. Тѣмъ не менѣе въ его составъ входятъ многія очень цѣнныя и любопытныя коллекціи. Признавая, что большая часть этихъ коллекцій, а также нѣкоторые предметы нашего анатомическаго музея, могутъ быть употреблены съ пользою въ этомъ случаѣ, Академія положила вмѣсто нынѣшнихъ двухъ музеевъ, анатомическаго и этнографическаго, учредить одинъ музей—по антропологіи и этнографіи, преимущественно Россіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ, наравнѣ съ прочими академическими музеями, былъ открытъ для посѣщенія публики.

Конечно, при тѣхъ размѣрахъ, какіе новый музей будетъ имѣть на первое время, и въ особенности при тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ теперь Академія для этого дѣла, новый музей будетъ еще далеко не вполнѣ соотвѣтствовать обширности и значенію своей задачи. Но самая важность предпріятія и польза его для русской науки внушаютъ намъ надежду, что дѣло это не останется безъ поддержки со стороны общества и правительства.

Изъ прочихъ нашихъ музеевъ, особое развитіе въ нынѣшнемъ году выпало на долю зоологическаго. Весьма существенная часть его, остеологическое собраніе, получила расширеніе своего помѣщенія присоединеніемъ къ нему двухъ обширныхъ и свѣтлыхъ залъ, вслѣдствіе чего во всемъ этомъ отдѣлѣ, благодаря неутомимымъ трудамъ нашего сочлена А. А. Штрауха, единственное въ своемъ родѣ собраніе ске-

летовъ и костей размѣщено теперь въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и съ бо́льшимъ удобствомъ для обозрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая случайность доставила этому отдѣлу неоцѣнимыя пріобрѣтенія. Позволю себѣ упомянуть о двухъ изъ нихъ, такъ какъ они, по своей важности, могутъ считаться событіями въ кругу зоологовъ.

Извѣстно, какую до сего времени рѣдкость составляли имѣющіеся въ нашемъ музеѣ остатки морской коровы, открытой въ прошломъ столѣтіи академикомъ Стеллеромъ въ Беринговомъ морѣ и вскорѣ послѣ того окончательно изчезнувшей. Благодаря г. Филиппеусу, мы пріобрѣли еще значительное число череповъ и различныхъ костей Ритины, такъ что теперь ни одинъ музей въ мірѣ не обладаетъ такою богатою коллекціей остатковъ этого интереснаго китообразнаго животнаго.

Второе пріобрѣтеніе имѣетъ еще большую важность. Сарептскій житель г. Кноблохъ принесъ Академіи въ даръ найденный на Волгѣ полный черепъ эласмотерія, гигантскаго носорогообразнаго животнаго, которое до сихъ поръ было извѣстно въ ученомъ мірѣ только по нѣсколькимъ обломкамъ костей. Важность этого пожертвованія увеличивается превосходно-сохранившимся состояніемъ черепа, и навѣрное, любой изъ бо́льшихъ иностранныхъ естественно-историческихъ музеевъ, какъ напримѣръ, Британскій или Соединенныхъ Штатовъ, сочли бы за счастіе пріобрѣсти его даже за весьма высокую цѣну. Это обстоятельство было вполнѣ извѣстно г. Кноблоху, и тѣмъ не менѣе, онъ предоставилъ Академіи свою находку совершенно безвозмездно. Надо желать, чтобы почаще встрѣчалось такое безкорыстное отношеніе къ интересамъ науки и академическихъ музеевъ. Много важныхъ, драгоцѣнныхъ остатковъ вымершихъ животныхъ таится еще въ пластахъ, изъ которыхъ слагаются обширныя степныя пространства южной Россіи; нѣкоторые изъ подобныхъ остатковъ, отъ времени до времени, случайно, безъ всякихъ раскопокъ, появляются на свѣтъ дневной, но пропадаютъ для науки единственно потому, что на мѣстѣ не оказывается лицъ, способныхъ оцѣнить ихъ значеніе. Грустно подумать, что и черепъ эласмотерія, не попадись онъ въ руки такого патріота и ревнителя науки, какъ г. Кноблохъ, легко могъ бы подвергнуться такой же участи или переселиться со дна Волги въ одинъ изъ иностранныхъ музеевъ.

По отдѣлу современной фауны, мы не можемъ умолчать о коллекціи, которою Николай Михаиловичъ Пржевальскій обогатилъ нашъ зоологическій музей. Эта коллекція, состоящая изъ млекопитающихъ,

птицъ и рыбъ, есть плодъ путешествія, совершеннаго имъ съ такимъ самопожертвованіемъ по малоизвѣданнымъ и дикимъ странамъ Восточнаго Туркестана, окрестностей озера Лобъ-Нора и западной Джунгаріи. Вмѣстѣ съ коллекціей, привезенною г. Пржевальскимъ изъ прежней его экспедиціи и пожалованной Академіи Государемъ Императоромъ, настоящее приношеніе почтеннаго путешественника образуетъ въ нашемъ музеѣ обширный и крайне любопытный матеріалъ для изученія фауны наименѣе изслѣдованныхъ частей центральной Азіи, и навсегда останется свидѣтельствомъ о благородной преданности г. Пржевальскаго интересамъ науки.

ОТЧЕТЪ ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1878 ГОДЪ [1]).

Отдѣленіе русскаго языка и словесности остается вѣрнымъ той цѣли, которая поставлена при самомъ его учрежденіи. Въ учредительномъ актѣ сказано, что въ кругъ занятій втораго отдѣленія Академіи Наукъ входятъ: изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, изученіе славянскихъ нарѣчій, славяно-русская филологія вообще, и въ особенности, исторія русской словесности; сверхъ того, отдѣленію не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Въ истекшемъ году члены втораго отдѣленія Академіи Наукъ занимались изслѣдованіями различныхъ вопросовъ, относящихся къ области отечественной словесности и исторіи, русской и славянской филологіи и сравнительнаго изученія литературы.

Ординарный академикъ, высокопреосвященный Макарій, архіепископъ Литовскій, напечаталъ въ этомъ году девятый томъ своего замѣчательнаго труда — „Исторіи Русской церкви", заключающій въ себѣ исторію Западно-Русской или Литовской митрополіи до конца XVI столѣтія. Ученый авторъ изображаетъ въ новомъ свѣтѣ многія лица и событія, и исправляетъ значительныя погрѣшности, допущенныя, намѣренно и ненамѣренно, іезуитскими и уніатскими писателями, а потомъ повторявшіяся и у насъ. Главными матеріалами почтенному

---

[1]) Составленъ и читанъ въ торжественномъ годичномъ собраніи Академіи, 29-го декабря 1878 г. академикомъ М. И. Сухомлиновымъ.

историку служили акты, изданные въ десяти томахъ виленскаго Археографическаго сборника, и драгоцѣнныя рукописи уніатскаго митрополитальнаго архива, хранящагося при святѣйшемъ синодѣ.—Въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ помѣщены нѣсколько словъ и рѣчей высокопреосвященнаго Макарія, въ томъ числѣ: рѣчь при встрѣчѣ въ Вильнѣ, 29-го августа, лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, и слово въ день пятидесятилѣтняго юбилея Литовской духовной семинаріи.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій издалъ въ свѣтъ изслѣдованіе свое о чешскихъ глоссахъ въ Mater Verborum — памятникѣ, заключающемъ въ себѣ, въ краткомъ и сжатомъ видѣ, весь кругъ средневѣковой образованности. Изслѣдованіе академика Срезневскаго проливаетъ новый свѣтъ на состояніе образованности въ родственной намъ Чехіи въ тѣ недавнія времена, къ которымъ относятъ предлагаемую поддѣлку глоссъ. Если глоссы, говоритъ академикъ Срезневскій,—скажутся сочиненными недавно, то-есть, не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется важное обстоятельство: ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ такой ученый знатокъ древности чешской и вообще славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго. Надобно будетъ помнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія такія же силы, хотя и не такъ счастливо направленныя, силы болѣе или менѣе самобытныя, не подчинявшіяся современнымъ увлеченіямъ, могшія оцѣнить ихъ по достоинству строгою критикой ума и знанія.—Въ собраніяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности академикомъ Срезневскимъ предложенъ былъ, подъ скромнымъ именемъ записокъ, докладовъ, и т. п., цѣлый рядъ изслѣдованій, имѣющихъ высокую научную цѣну и важность. Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) о древнихъ кормчихъ книгахъ; 2) объ археологическомъ изученіи памятниковъ древне-русской словесности; 3) о книгѣ С. А. Гедеонова: „Варяги и Русь"; 4) по поводу присланнаго изъ Загреба образцоваго листа хорватскаго словаря, издаваемаго Юго-славянскою академіей подъ редакціею Даничича, и т. д. Чтенія И. И. Срезневскаго, изданныя подъ названіемъ: „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи", заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ труженикахъ науки. Славянская филологія введена у насъ въ универси-

тетское преподаваніе четырьмя замѣчательными учеными; три изъ нихъ сейчасъ названы, четвертый — И. И. Срезневскій. Понятно, сколько живаго интереса заключается въ воспоминаніяхъ почтеннаго слависта о его достойныхъ сподвижникахъ въ изученіи славянства. Такимъ же живымъ интересомъ отличаются воспоминанія И. И. Срезневскаго о Г. Ѳ. Квиткѣ, писателѣ, извѣстномъ подъ именемъ Основьяненка. Воспоминанія свои И. И. Срезневскій, близко знавшій покойнаго писателя, читалъ въ отдѣленіи по тому поводу, что 18-го ноября этого года исполнилось сто лѣтъ со времени рожденія Г. Ѳ. Квитки.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ и окончилъ, по порученію Русскаго историческаго общества, печатаніе писемъ Екатерины II къ Гримму съ своими пояснительными примѣчаніями и издалъ ихъ въ началѣ минувшей осени, приложивъ подробный указатель и съ предисловіемъ, въ которомъ сообщены свѣдѣнія о жизни Гримма и о ходѣ сношеній его съ императрицею. По этому же предмету была напечатана въ Русскомъ Архивѣ статья его: „Гриммъ и г-жа д'Эпинэ", въ которой объяснено значеніе этой писательницы, такъ часто упоминаемой въ письмахъ государыни. Эта обширная и единственная въ своемъ родѣ переписка Екатерины II-й, составившая объемистый (XXIII) томъ Сборника историческаго общества, должна быть признана новымъ весьма важнымъ и богатымъ источникомъ для исторіи не только Россіи, но и другихъ государствъ за вторую половину прошлаго столѣтія, не говоря уже о ея значеніи для біографіи и характеристики геніальной монархини. Поэтому неудивительно, что письма Екатерины къ Гримму уже обратили на себя вниманіе любителей исторической литературы въ западной Европѣ, и вѣроятно вскорѣ появятся на иностранныхъ языкахъ статьи, посвященныя разсмотрѣнію этой переписки. Между тѣмъ, и самъ издатель приступилъ къ составленію на русскомъ языкѣ систематическаго обзора содержанія этихъ писемъ, и относящійся къ нимъ трудъ его уже печатается въ Запискахъ академіи. Въ тѣсной связи съ этимъ трудомъ находится рѣчь, написанная академикомъ Гротомъ для произнесенія въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря.— Въ истекающемъ году приведена къ окончанію біографія Державина, имѣющая составить послѣдній (VIII) томъ сочиненій этого писателя, издаваемыхъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Въ настоящее время отпечатано болѣе двадцати листовъ біографіи, то-есть, около половины всего приготовленнаго имъ тома. — Академикомъ Гротомъ со-

ставленъ также разборъ труда Николая Ивановича Григоровича: „Віографія князя Алекс. А. Безбородка". Разсмотрѣніе этого труда, представленнаго на премію, учрежденную при Академіи Наукъ, поручено было особой коммисіи изъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности и академика А. А. Куника. Коммисія, найдя сочиненіе г. Григоровича вполнѣ соотвѣтствующимъ тѣмъ условіямъ, которыя постановлены учредителемъ преміи, опредѣлила представить общему собранію Академіи Наукъ о присужденіи означенной преміи г. Григоровичу. Отчетъ коммисіи, составленный академикомъ Гротомъ, прочитанъ имъ въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6-го апрѣля этого года.—Въ истекающемъ году академикъ Я. К. Гротъ не оставлялъ и филологическихъ своихъ изслѣдованій о русскомъ языкѣ. Филологическія розысканія Я. К. Грота сдѣлались настольною книгой у всѣхъ, занимающихся отечественнымъ языкомъ. Приготовляя матеріалы для начатой имъ грамматики, онъ написалъ слѣдующія статьи, отчасти читанныя имъ въ засѣданіи отдѣленія: 1) „Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка". Статья эта написана по поводу труда профессора А. С. Будиловича: „Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія". Она помѣщена, съ нѣкоторыми сокращеніями, и въ издаваемомъ въ Берлинѣ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Ягичемъ Archiv für slavische Philologie. 2) Объ упоминаемыхъ не разъ въ древнихъ памятникахъ русской письменности „шпильманахъ" или „шпиляхъ" и о родствѣ этого названія съ позднѣйшимъ словомъ „шпынь". 3) Разборѣ брошюры Англичанина Кіири, появившейся и въ нѣмецкомъ переводѣ, о новыхъ основаніяхъ лексикографіи. Какъ эта статья, такъ и предыдущая, должны появиться въ первомъ выпускѣ новаго журнала, предпринятаго въ Варшавѣ профессоромъ Колосовымъ подъ заглавіемъ Филологическій Вѣстникъ. 4) Разборъ одной главы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошича касательно именнаго склоненія. Эти критическія замѣчанія будутъ напечатаны въ Филологическихъ Запискахъ, издаваемыхъ въ Воронежѣ г. Хованскимъ. Наконецъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ въ отдѣленіи оцѣнку литературнаго значенія покойнаго князя П. А. Вяземскаго, напечатанную въ видѣ некролога его въ двухъ еженедѣльныхъ газетахъ.

Ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ, по порученію Академіи Наукъ, продолжалъ печатаніе Матеріаловъ для библіологическаго словаря П. М. Строева и окончилъ печатаніе тома Новгородскихъ лѣтописей, въ который вошли такъ названныя вторая и третья Новго-

родскія лѣтописи. Въ этомъ новомъ изданіи, предпринятомъ по порученію археографической коммиссіи, текстъ является въ болѣе точномъ видѣ и исправлены нѣкоторыя хронологическія данныя.—Тотъ же академикъ издалъ въ свѣтъ первый выпускъ составляемаго имъ „Описанія славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библіотеки". Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ подробно изложено содержаніе описанныхъ сборниковъ и приведены наиболѣе характеристичныя выдержки почти изъ каждой статьи, входящей въ составъ сборниковъ. Приступивъ къ печатанію каталога русскихъ и славянскихъ рукописей публичной библіотеки, А. Ѳ. Бычковъ—говоря его словами—рѣшилъ прежде всего издать описаніе „сборниковъ, имѣющихъ большихъ значеніе какъ по разнообразію входящихъ въ нихъ составъ статей и по значительному количеству новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній, въ нихъ заключающихся, такъ и для исторіи умственнаго движенія въ нашемъ отечествѣ. По этимъ сборникамъ, если только они составлены съ опредѣленною цѣлью или однимъ лицомъ, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени знакомиться съ разными вопросами, занимавшими книжныхъ людей въ ту или другую эпоху".

Ординарный академикъ С. М. Соловьевъ издалъ въ этомъ году XVIII томъ своего знаменитаго труда Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій читалъ въ собраніяхъ отдѣленія изслѣдованія свои: 1) О снахъ Шахаиши, съ критическимъ разборомъ различныхъ списковъ и редакцій этого памятника. 2) О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. Отдѣленіе опредѣлило: напечатать эти изслѣдованія въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ отдѣленія.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе дѣятельности II-го отдѣленія Академіи Наукъ, позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Многія изъ предпріятій, счастливо задуманныхъ, никогда бы не осуществились, или по крайней мѣрѣ, не достигли бы желаемой полноты и обработки, еслибъ авторы должны были работать въ одиночку, внѣ общенія съ людьми науки, работающими въ той же отрасли знанія. При этомъ нельзя не указать на изданіе сочиненій Державина, предпринятое акад. Гротомъ. Первый томъ этого изданія вышелъ въ 1864 году; послѣдній томъ представленъ въ отдѣленіе въ нынѣшнемъ году въ рукописи, и по всей вѣроятности, выйдетъ въ свѣтъ въ наступающемъ году. Ученый издатель еще въ свои молодые годы изучалъ Державина, привлекаемый

особенно историческимъ значеніемъ поэта. Сознаніе этого значенія для знакомства съ тогдашнею общественною жизнію, съ русскимъ восемнадцатымъ вѣкомъ росло все сильнѣе и сильнѣе, изученіе становилось все шире и глубже; но въ литературѣ являлись только коекакіе слѣды долгой критической работы надъ избраннымъ писателемъ. Только со вступленіемъ нашего ученаго въ Академію Наукъ открылась для него возможность осуществить во всей полнотѣ свою задачу, и при содѣйствіи отдѣленія русскаго языка и словесности появился трудъ, имѣющій такое важное значеніе въ исторіи русской литературы.

Книгами и статьями, ежегодно появляющимися въ печати, не исчерпывается дѣятельность членевъ втораго отдѣленія. Есть труды, требующіе для своей обработки чрезвычайно долгаго времени, нѣсколькихъ десятилѣтій, и служащіе краеугольными камнями науки. Таковъ трудъ старѣйшаго изъ членовъ отдѣленія, академика И. И. Срезневскаго—Словарь древняго русскаго языка. Словарь этотъ еще не появился въ печати, а уже началъ оказывать свое вліяніе на научныя работы; благодаря готовности автора помогать труженикамъ науки, нѣкоторые изъ ученыхъ пользовались и пользуются рукописнымъ словаремъ И. И. Срезневскаго. Отдѣленіе неоднократно выражало почтенному автору свое убѣжденіе въ необходимости скорѣйшаго появленія въ свѣтъ этого капитальнаго труда: оно повторяетъ свое убѣжденіе во всеуслышаніе въ полной увѣренности, что голосъ отдѣленія будетъ въ настоящемъ случаѣ и голосомъ всего просвѣщеннаго общества, то-есть, всѣхъ тѣхъ, кто искренно сочувствуетъ движенію русской науки.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности пріобрѣло въ истекшемъ году новую живую силу въ лицѣ достойнаго представителя каѳедры исторіи всеобщей литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ, профессора А. Н. Веселовскаго. Дѣятельное участіе его въ трудахъ отдѣленія тѣмъ важнѣе, что для объясненія многихъ и многихъ запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ въ исторіи русской словесности необходимо полное и всестороннее знакомство съ литературами иностранными, съ цѣлымъ кругомъ идей и сказаній, переходившихъ отъ одного народа къ другому. Еще будучи студентомъ Московскаго университета, А. Н. Веселовскій съ особенною любовью занимался русскою словесностью, въ преподаваніе которой профессоръ Буслаевъ вносилъ значительную долю сравненія съ литературами и искусствомъ запада. По выходѣ изъ университета А. Н. Веселовскій думалъ обра-

титься къ спеціальному изученію славянства подъ руководствомъ профессора Бодянскаго. Но съ одной стороны, нѣкоторыя побочныя обстоятельства, съ другой — открывшаяся возможность побывать заграницею—въ Италіи, Испаніи, Франціи, отвлекли А. Н. Веселовскаго отъ славянства и опредѣлили его спеціальность. Литературную дѣятельность свою онъ началъ весьма рано и трудами своими успѣлъ пріобрѣсти себѣ почетную извѣстность и въ русской, и въ италіанской литературѣ. Многія изъ его изслѣдованій имѣютъ прямое отношеніе къ памятникамъ русской литературы, которые авторъ постоянно имѣетъ въ виду, и при тщательной разработкѣ подробностей, и при общихъ выводахъ и соображеніяхъ. Такимъ образомъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло полное основаніе для выбора А. Н. Веселовскаго, какъ и онъ, въ свою очередь, имѣлъ неоспоримое право на это избраніе.

Число членовъ-кореспондентовъ отдѣленія русскаго языка и словесности увеличилось новыми избраніями, происходившими въ концѣ этого года: имена избранныхъ будутъ провозглашены въ настоящемъ собраніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣленіе понесло и потери. Въ октябрѣ этого года скончался членъ-кореспондентъ Академіи Наукъ Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ, сынъ бывшаго члена Россійской академіи, внукъ русскаго законовѣда, писавшаго болѣе ста лѣтъ тому назадъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи. Д. В. Полѣновъ пріобрѣлъ почетную извѣстность въ нашей литературѣ своими научными трудами, каковы: Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей, и другіе. Послѣднимъ трудомъ его было изданіе драгоцѣнныхъ матеріаловъ для внутренней исторіи Россіи восемнадцатаго столѣтія, вышедшихъ въ свѣтъ въ трехъ томахъ подъ названіемъ: Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

10-го ноября этого года скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, ординарный академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Въ теченіе семидесяти лѣтъ трудился онъ на литературномъ поприщѣ и трудами своими пріобрѣлъ неотъемлемое право на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Нѣсколько поколѣній прошло передъ его глазами, и онъ не оставался безучастнымъ зрителемъ смѣны поколѣній, отзываясь съ необыкновенною живостью на всѣ крупные и жгучіе вопросы, возникавшіе какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Многое пере-

жилъ, передумалъ и перечувствовалъ Вяземскій на своемъ долгомъ литературномъ вѣку, Постараемся собрать хотя нѣсколько чертъ изъ этого многаго и представимъ ихъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ.

Князь П. А. Вяземскій родился 12-го іюля 1792 года, въ Москвѣ. Воспитывался онъ частію въ Москвѣ, подъ руководствомъ профессоровъ тамошняго университета, частію въ Петербургѣ, въ іезуитскомъ пансіонѣ. Образованіе свое Вяземскій довершилъ въ домѣ своего отца, въ обществѣ такихъ представителей нашей литературы, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій.

По складу своего ума, по кореннымъ особенностямъ своей природы Вяземскій былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ; „русскій ключъ пробивался въ немъ изъ-подъ французской насыпи". Къ чисто русской основѣ весьма рано присоединилось и французское вліяніе. Вяземскій говорилъ, что умъ его воспитанъ во французской школѣ; но сочувствіе свое къ Франціи и ея литературѣ онъ объяснялъ не одною случайностью своего воспитанія и житейской обстановки, а причинами болѣе глубокими, чертами болѣе существенными, сближающими русскихъ людей съ французскими. По замѣчанію Вяземскаго, „мы въ Французѣ сочувствуемъ не Латинцу, а Галлу. Галльскій умъ, съ своею веселостью самородною, съ своею насмѣшливостью, быстрымъ уразумѣніемъ, имѣетъ много общаго съ русскимъ умомъ. Никто изъ образованныхъ народовъ европейскихъ не понимаетъ французской остроты, французской шутки, какъ мы понимаемъ ихъ на лету. Риваролъ говорилъ, что Нѣмцы складываются (se cotisent), чтобы понять французскую шутку. Французскій театръ—нашъ театръ. Французъ общежителенъ, уживчивъ, и съ нимъ легко уживаться, онъ не злопамятенъ, но и не предусмотрителенъ; поговорка „день мой—вѣкъ мой" могла бы родиться на французской почвѣ, какъ родилась на нашей, и т. д.

Вяземскій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ латинскій, и былъ знакомъ съ литературами: нѣмецкою, англійскою, италіанскою и римскою.

Пятнадцати лѣтъ отъ роду Вяземскій поступилъ на службу, опредѣленъ юнкеромъ въ межевую канцелярію. Находясь при главномъ директорѣ межевой канцеляріи Обрѣзковѣ, во время пребыванія его по дѣламъ службы въ губерніяхъ Пермской, Казанской, Нижегородской и Владимірской, онъ весьма дѣятельно исполнялъ возложенную на него обязанность. Въ 1822 году Вяземскій вступилъ въ ополченіе, въ „московскую военную силу", и принималъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, въ которомъ убиты подъ нимъ двѣ лошади. По окончаніи

войны онъ снова числился при межевой канцеляріи до самаго переселенія своего въ Варшаву, гдѣ состоялъ при Новосильцовѣ.

Живя въ Варшавѣ и вращаясь въ польскомъ литературномъ кругу, Вяземскій хорошо ознакомился съ польскимъ языкомъ и словесностью, и плодомъ этого знакомства былъ переводъ на русскій языкъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. Переводчикъ въ трудѣ своемъ руководствовался не столько художественными, сколько филологическими соображеніями, желалъ наглядно показать кровное родство языковъ русскаго и польскаго, и проложить путь къ сближенію двухъ родственныхъ литературъ. По выходѣ изъ канцеляріи Новосильцова и послѣ долгаго, почти десятилѣтняго промежутка, Вяземскій снова появляется на служебномъ поприщѣ, именно въ министерствѣ финансовъ. Есть основаніе предполагать, что онъ опредѣленъ въ вѣдомство Канкрина отчасти съ тою же цѣлью, съ какою назначенъ былъ и въ канцелярію Новосильцова. Въ Варшавѣ онъ занимался переводомъ оффиціальныхъ бумагъ съ французскаго языка на русскій; въ министерствѣ финансовъ онъ долженъ былъ на первыхъ порахъ очищать дѣловыя бумаги отъ германизмовъ. Министръ финансовъ графъ Канкринъ, говорившій порусски и неправильно, и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, имѣлъ слабость считать себя превосходнымъ стилистомъ и съ наивною самоувѣренностью утверждалъ, что никто лучше его не умѣетъ писать порусски, и что языкъ и слогъ Карамзина несвойственны духу Русскаго народа. Вслѣдствіе того Канкрину было не по сердцу назначеніе Вяземскаго, русскаго писателя, очевидно для редакціи бумагъ: онъ видѣлъ въ этомъ назначеніи живой укоръ и явный знакъ неодобренія слога дѣловыхъ бумагъ, выходящихъ изъ канцеляріи министерства. Въ министерствѣ финансовъ Вяземскій послѣдовательно занималъ мѣста чиновника особыхъ порученій, члена общаго присутствія департамента внѣшней торговли, управляющаго заемнымъ банкомъ и члена совѣта министерства. Но служба по вѣдомству финансовъ была вовсе не въ духѣ Вяземскаго, отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости не питавшаго расположенія къ вычисленіямъ, счетамъ и цифрамъ. Онъ самъ сознается, что если при немъ не было обмолвки въ итогахъ ни по департаменту, ни по заемному банку, то единственно потому, что Богъ спасаетъ невинность.

Въ іюнѣ 1855 года князь Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ ходатайствовалъ о назначеніи князя Вяземскаго товарищемъ министра, „зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣжденный въ его высокихъ душев-

ныхъ достоинствахъ и основательномъ просвѣщеніи". Князь Вяземскій оставался въ должности своей до марта 1858 года, до назначенія министромъ Е. П. Ковалевскаго.

2-го сентября 1839 года въ собраніи Россійской академіи князь Вяземскій единогласно избранъ въ дѣйствительные члены академіи. Академическимъ уставомъ назначенъ былъ трехмѣсячный срокъ для полученія голосовъ отъ отсутствующихъ членовъ. По миновеніи срока и по полученіи голосовъ, 2-го декабря 1839 года состоялось окончательное, также единогласное избраніе князя Вяземскаго въ члены Россійской академіи.

Россійская академія доживала тогда свои послѣдніе дни, и не смотря на то, что въ составѣ ея были такія свѣтила литературнаго міра, какъ Жуковскій, Крыловъ и Вяземскій, въ академической средѣ не замѣчалось живаго сочувствія къ литературѣ и ея движенію. Главныя усилія академиковъ, вторившихъ своему маститому президенту А. С. Шишкову, направлены были на корнесловіе и на очищеніе русскаго языка и слога отъ чужеземной примѣси. О литературныхъ понятіяхъ, господствовавшихъ тогда въ Россійской академіи, можно судить по высказанному въ ней взгляду на различіе между писателемъ и академикомъ. Оно состояло, по мнѣнію членовъ академіи, въ слѣдующемъ: Писатель употребляетъ иногда слова въ превратномъ смыслѣ, безъ дальнѣйшаго о томъ размышленія: академикъ возстаетъ противъ употребленія словъ, не соотвѣтствующихъ своему коренному значенію. Писатели любятъ вносить въ языкъ чужеземныя слова, и вмѣсто: природа, престолъ, звѣздословіе, чинъ, тискарня, обзоръ, отвѣсъ, и проч., говорятъ, натура, тронъ, астрономія, рангъ, типографія, горизонтъ, перпендикуляръ, и проч. Академики противятся употребленію подобныхъ словъ, видя въ немъ господство безразсуднаго навыка надъ разсуждающимъ умомъ. Писатель для выраженія своихъ мыслей придумываетъ, изобрѣтаетъ новыя слова, иногда хорошо, но чаще худо; академикъ смотритъ, нужны ли они, и не забыты ли старыя. Писатель горячъ; академикъ хладнокровенъ. Академикъ въ академіи хозяинъ; писатель — гость.

Послѣднее Вяземскій исполнилъ въ точности: онъ является въ Россійскую академію только гостемъ, и то чрезвычайно рѣдкимъ. Подсмѣиваясь надъ своимъ знаменитымъ сочленомъ по академіи, Вяземскій разказываетъ, что на предложеніе чаще собираться для совѣщаній, Крыловъ отвѣчалъ: „Разумѣется, кромѣ почтовыхъ дней", забывъ, что онъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, гдѣ почта от-

ходитъ каждый день. Князь Вяземскій хотя и твердо помнилъ это, рѣшился, кажется, посѣщать академію также, кромѣ почтовыхъ дней. Онъ былъ только въ двухъ-трехъ собраніяхъ, и именно тогда, когда бывалъ и Жуковскій.

Съ преобразованіемъ Россійской академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Вяземскій назначенъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Новымъ уставомъ полагалось въ отдѣленіи шестнадцать ординарныхъ академиковъ; въ число ихъ, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, вошли: Жуковскій, Крыловъ, митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ, Каченовскій, Арсеньевъ, Плетневъ, Погодинъ и другіе ученые и писатели. Князь Вяземскій, будучи отвлекаемъ служебными обязанностями, и часто и на долго уѣзжая заграницу, не могъ принимать постояннаго участія въ академическихъ трудахъ и собраніахъ; но онъ не разрывалъ своихъ связей съ Академіей, сообщая ей свои произведенія, которыя были и останутся навсегда прекраснымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Литературная дѣятельность составляла истинное призваніе Вяземскаго. Самая продолжительность ея есть уже фактъ, и весьма рѣдкій, и весьма краснорѣчивый. Свидѣтели первыхъ шаговъ князя Вяземскаго на литературномъ поприщѣ давно уже сошли въ могилу или заживо похоронены представителями позднѣйшихъ поколѣній. Въ замѣчательномъ обзорѣ русскихъ писателей, вышедшемъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся сверстниковъ Вяземскаго былъ помѣщенъ въ числѣ умершихъ. Черезъ нѣсколько времени по выходѣ книги авторъ обзора получилъ отъ покойнаго писателя изъявленіе признательности за сочувственный отзывъ. Невольная ошибка произошла оттого, что маститый писатель давно не подавалъ о себѣ вѣсти въ литературѣ. Такая ошибка была бы невозможна въ отношеніи къ Вяземскому. Не смотря на то, что сверстники его давно уже покончили свои счеты и съ литературою, и съ жизнью, несмотря на чувство своего одиночества въ литературѣ, Вяземскій не переставалъ заявлять о своемъ существованіи, и въ словахъ его было столько жизни и силы, что какъ-то не вѣрилось, что они идутъ отъ человѣка, родившагося еще во времена Екатерины.

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности князя Вяземскаго никакъ нельзя упустить изъ виду, что онъ былъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній и направленій, и потому въ каждомъ изъ нихъ естественно и невольно искалъ связи и сходства съ тѣмъ, что ему предшествовало. Многія изъ явленій, слывшихъ и новыми, и небывалыми, не

имѣли яркой новизны для набюдателя, умудреннаго опытомъ, напоминая собою многое изъ того, что̀ и родилось, и умерло на его глазахъ.

Крайности сходятся, говоритъ пословица; они сходились и въ дѣйствіи на умъ нашего писателя, вызывая его на борьбу съ тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ уклоненіе отъ истины и отъ вѣрнаго пониманія жизни и литературы. Вяземскій, жившій и дѣйствовавшій въ девятнадцатомъ столѣтіи, одинаково порицалъ и наклонность пятиться назадъ въ восемнадцатое столѣтіе, и стремленіе перескочить, очертя голову, въ двадцатое или даже въ тридцатое столѣтіе. Въ молодости своей Вяземскому приходилось считаться съ литературными старовѣрами, которые удивлялись смѣлости писать трагедіи послѣ Сумарокова и называли святотатствомъ рѣшимость Карамзина писать исторію послѣ Елагина. Въ старости Вяземскій былъ свидѣтелемъ, отнюдь не равнодушнымъ и не безмолвнымъ, рѣзкихъ порицаній и обвиненія въ отсталости, направленныхъ противъ Пушкина и противъ современныхъ намъ писателей. Современникъ и отчасти предшественникъ Пушкина, Вяземскій не могъ безусловно подчиняться подобнымъ приговорамъ. Требовать отъ него такой покорности значило бы лишать его дорогой для каждаго писателя свободы мысли и слова.

Дѣятельность князя Вяземскаго, какъ писателя, весьма разнообразна. Отъ него остались и въ печати, и въ рукописяхъ множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій, большое количество записокъ и замѣтокъ, любопытныхъ и важныхъ по своему содержанію, и т. д. На всемъ, что̀ выходило изъ-подъ пера князя Вяземскаго, лежитъ печать таланта; во всемъ виденъ слѣдъ живаго и свѣтлаго ума. Не даромъ Вяземскій такъ безпощадно преслѣдовалъ своею сатирою глупость и пошлость: природа дала ему на это полное право.

Не воображеніе, не чувство, а „умъ, острый и проницательный, есть собственность князя Вяземскаго", говорила критика болѣе полувѣка тому назадъ. То же самое должно сказать и теперь. Онъ былъ поэтомъ-мыслителемъ по преимуществу. Мысль его работала неутомимо до самой поздней поры его жизни, обращаясь съ особенною любовью къ вопросамъ общественнымъ и литературнымъ. Тѣ и другіе составляли въ его понятіи одно̀ нераздѣльное цѣлое. Онъ не могъ себѣ представить литературы, вполнѣ отрѣшенной отъ жизни и отъ общества. „Исторія литературы народа", говоритъ онъ,—„должна быть вмѣстѣ исторіей его общежитія. Если на литературѣ, разсма-

триваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самые предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литературы, то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества".

Замѣчательнѣйшіе изъ писателей нашихъ восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій нашли въ князѣ Вяземскомъ добросовѣстнаго и просвѣщеннаго критика. Въ монографіяхъ своихъ онъ разбиралъ болѣе или менѣе подробно, произведенія Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и другихъ писателей. Обширное изслѣдованіе его о Фонъ-Визинѣ, оконченное въ 1830 году и напечатанное въ 1848 году, до сихъ поръ сохраняетъ высокое значеніе въ ряду трудовъ по исторіи русской литерртуры. При оцѣнкѣ заслугъ русскихъ писателей Вяземскій постоянно обращаетъ вниманіе на связь разбираемыхъ писателей съ ихъ предшественниками, на отношеніе къ иностраннымъ образцамъ и на историческія и бытовыя условія, неизбѣжно отражающіеся въ произведеніяхъ литературы; въ монографіи объ Озеровѣ разсматриваетъ предшествовавшее Озерову состояніе русской драмы, опредѣляетъ значеніе Сумарокова и Княжнина; при разборѣ комедіи Фонъ-Визина подробно останавливается на предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ явленіяхъ нашей драматической литературы, говоритъ о комедіяхъ Екатерины II, княгини Дашковой, о „Горѣ отъ ума" Грибоѣдова и т. п. При указаніи свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ трагедіяхъ Озерова, заимствованныхъ изъ древняго міра, Вяземскій основываетъ свои выводы на сравненіи трагедій русскаго поэта съ произведеніями Софокла и съ французскими передѣлками и подражаніями; въ превосходномъ трудѣ о Фонъ-Визинѣ приводитъ весьма любопытныя данныя, доказывающія, что многія и яркія черты въ заграничныхъ письмахъ Фонъ-Визина принадлежатъ не личной наблюдательности нашего путешественника, а заимствованы имъ изъ сочиненія Дюкло: Considérations sur les moeurs de ce siècle.

Рисуя картину общественной и литературной жизни Фонъ-Визина, князь Вяземскій знакомитъ читателей съ выдающимися людьми тогдашней эпохи, говоритъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ, объ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ, маршалѣ или предводителѣ коммисіи, созванной для составленія проекта новаго уложенія, и о многихъ другихъ лицахъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Фонъ-Визинымъ. Къ изслѣ-

дованію своему Вяземскій приложилъ весьма любопытные и цѣнные матеріалы, тщательно имъ собранные: письма разныхъ лицъ къ Фонъ-Визину, свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Альфіери и Дидро, и т. д. Объясненія смысла и духа литературныхъ произведеній Вяземскій ищетъ въ условіяхъ общественной жизни. Отличительныя черты нашей лирики восемнадцатаго столѣтія онъ ставитъ въ прямую связь съ ходомъ историческихъ событій и съ преобладавшимъ тогда настроеніемъ общества. Разгадка безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій заключается, по мнѣнію князя Вяземскаго, въ томъ, что „у насъ почти нѣтъ общественной жизни: мы или домосѣды или, дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы мало доступны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой—изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй—потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію правительствующаго сената, нежели комедіи. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: всѣ какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Въ людяхъ—что Иванъ, что Петръ; во времени—что сегодня, что завтра. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не нравственная и нервическая необходимость привести языкъ въ движеніе, какъ во Франціи; не добродушное товарищество Нѣмцевъ, собирающихся кое-о чемъ помолчать, но по крайней мѣрѣ на людяхъ: нѣтъ, у насъ красугольный камень, связь и ключъ общества—карты. Онѣ за зеленымъ сукномъ, уравниваютъ званія, возрасты, полы, глупость и умъ, образованность и невѣжество, честность и корыстолюбіе. Одно условіе, одно отличіе—курсъ игры, кто по чемъ и кто во что играетъ: по этому сходятся и не разстаются. Батюшковъ говорилъ, что для представленія комедіи въ русскихъ нравахъ должно поставить на сценѣ столько ломберныхъ столовъ, сколько умѣститься можетъ. Запри нынѣ театры у насъ, запрети драматическія представленія и сочиненія, какъ пуритане запрещали ихъ въ Англіи, и мѣра сія не будетъ общественнымъ лишеніемъ; сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничтожь Александровскую мануфактуру картъ, запрети всѣ игры, запри въ столицѣ англійскіе клубы,—и новыя пещеры, новыя ѳиваиды населятся добровольными изгнанниками“...

Сознавая живую связь литературы съ окружающею ея средою, Вяземскій въ статьяхъ своихъ историко-литературнаго содержанія отмѣчалъ наиболѣе яркія черты, рисующія отношеніе писателя къ обществу и къ понятіямъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи. Опредѣляя литературное значеніе писателей, онъ не забывалъ и за-

слугъ ихъ передъ обществомъ, въ оцѣнкѣ которыхъ видѣнъ его собственный благородный образъ мыслей, дѣлающій честь и писателю, и человѣку. Въ критической статьѣ о Дмитріевѣ князь Вяземскій открыто и смѣло выражаетъ свой взглядъ на крѣпостное право, говоря, что въ управленіе Дмитріева министерствомъ юстиціи послѣдовалъ замѣчательный по государственной важности указъ, запрещавшій личнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ и дворовыхъ людей: въ этомъ распоряженіи люди благомыслящіе съ радостью увидѣли „отсѣченіе одной изъ отраслей бѣдственнаго злоупотребленія и надежду на совершенное искорененіе зла". Замѣтимъ, что это писано не послѣ 19-го февраля 1861 года, а почти за сорокъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ.

Блестящему таланту князя Вяземскаго открывалось обширное поле въ журналистикѣ. Онъ участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, и самъ, вмѣстѣ съ Полевымъ, издавалъ Московскій Телеграфъ, появленіе котораго было рѣшено въ кабинетѣ князя Вяземскаго, въ бесѣдѣ хозяина съ графомъ Віельгорскимъ и съ Полевымъ. Многія книжки Телеграфа были на половину написаны самимъ Вяземскимъ или состояли изъ доставленныхъ имъ матеріаловъ. „Журнальная дѣятельность была по мнѣ", говоритъ Вяземскій,—„все подстрекало, подбивало меня; я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами; журнальный сыщикъ все ловилъ на лету".

До глубокой старости сохранилъ Вяземскій привычку задѣвать своихъ противниковъ, горячо спорить съ ними и преслѣдовать ихъ своею мѣткою сатирою. Вотъ его собственное свидѣтельство:

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ,—
«Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
«Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.
«Ты только имъ къ возстанью служишь;
«Пожалуй, ранишь кой-кого:
«Что жь? Одного обезоружишь,
«А сотня встанетъ за него».
Совѣтъ разуменъ былъ. Но къ горю,
Не вразумилъ меня совѣтъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ.
Сѣдинамъ въ бороду, на встрѣчу,
Знать за всегда и бѣсъ въ ребро:

Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачешется перо.

Зорко слѣдя за явленіями общественной жизни и литературы, Вяземскій отзывался на нихъ своимъ смѣлымъ и искреннимъ словомъ, и не боясь ни гнета, ни опалы ни сверху, ни снизу, открыто высказывалъ свои убѣжденія и называлъ вещи ихъ настоящими именами.

Въ природѣ Вяземскаго было стремленіе къ самостоятельности и свободѣ въ убѣжденіяхъ и въ сочувствіяхъ; онъ не подчинялся всецѣло авторитетамъ даже общепризнаннымъ, которымъ и самъ онъ придавалъ высокое значеніе; съ другой стороны, онъ не позволялъ себѣ бездоказательно и повально осуждать явленія, которымъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ. Скептическій складъ его ума удерживалъ его отъ увлеченій какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Своею живою и мѣткою сатирой Вяземскій задѣвалъ представителей и старыхъ, и новыхъ поколѣній, не щадя и сильныхъ міра, какъ литературнаго, такъ и общественнаго. „Не слѣдуетъ злоупотреблять ни мыслью, ни словомъ", говорилъ онъ—„прекрасная мысль и прекрасный образъ могутъ неузнаваемо измѣниться и опошлиться отъ неумѣлаго, съ ними обращенія". Въ доказательство приводимъ слово „прогрессъ", расточавшееся въ недавнее время съ необычайною щедростью:

Глаза туманитъ отъ печати
И закружится голова,
Когда и кстати, и не кстати
Все тѣ же прыгаютъ слова.
Хоть, напримѣръ: *прогрессъ*. Кто споритъ?
Есть въ этомъ словѣ смыслъ и вѣсъ;
Но ужь когда затараторитъ
Журнальный клиръ: прогрессъ, прогрессъ!
Я радъ надѣть зипунъ, онучи,
Бѣжать назадъ за триста лѣтъ,
Бѣжать готовъ я въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ о прогрессѣ рѣчи нѣтъ.

Рядомъ съ этою насмѣшкою надъ новыми литераторами находится, въ томъ же стихотвореніи и выходка противъ Ломоносова. Ода Ломоносова на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы начинается такимъ образомъ:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Вяземскій говоритъ по этому поводу:

Я, старожилъ былаго вѣка,
Нерѣдко старца стихъ твержу,
Но, каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на *зарю* его гляжу.
Заря багряною рукою
Напоминаетъ прачку мнѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной волнѣ.

Какъ слова и образы, такъ и обычаи и понятія, могутъ измѣняться до невѣроятной степени. То, что когда-то имѣло высокое значеніе въ общественной жизни, можетъ потерять всякій смыслъ и обратиться въ пустую и праздную забаву. Торжественное и ужасное можетъ со временемъ сдѣлаться и смѣшнымъ, и пошлымъ. Вглядываясь въ животрепещущія событія дня, Вяземскій говоритъ: „Съ нѣкотораго времени идетъ у насъ непомѣрный расходъ на юбилеи, телеграммы, адресы и револьверы. Въ старое время юбилей праздновался рѣдко, въ память великихъ событій. У насъ юбилеи празднуются едва ли не безъ году въ недѣлю, съ тостами, рѣчами и неминуемыми телеграммами куда-нибудь и кому-нибудь. Обѣдъ не въ обѣдъ, если не дать себѣ удовольствія пустить вдоль по проволокѣ извѣстіе, что мы, дескать, обѣдаемъ. Въ старину каждый имѣлъ табакерку въ карманѣ, частью для собственнаго употребленія, частью и на показъ; теперь подчуютъ сосѣда уже не щепоткою табаку, а щепоткою пороха при нѣсколькихъ пуляхъ изъ револьвера“ и т. д.

Относясь недовѣрчиво къ ходачимъ взглядамъ и къ быстрымъ и диктаторскимъ рѣшеніямъ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросовъ, Вяземскій порицалъ крайнія мнѣнія, изъ какого бы лагеря они ни выходили. И крайній радикализмъ, и крайній консерватизмъ одинаково вызывали его насмѣшку: и въ томъ, и въ другомъ онъ видѣлъ не живую жизнь, а неудачную пересадку на нашу почву того, что вычитано изъ иностранныхъ книжекъ. Какъ слабый отголосокъ броженія, происходившаго за тридевять земель, появлялись и у насъ охотники прослыть во что бы то ни стало за **красныхъ**:

Начнутъ они пыхтѣть и надуваться
И горло драть, подсаживая грудь,
Чтобъ покраснѣть, чтобъ *красными* казаться,
Чтобъ, наконецъ, казаться чѣмъ-нибудь.

Съ другой стороны, поэтъ мастерски изображаетъ ложный страхъ играющихъ роль консерваторовъ, которые едва заслышатъ, что въ

Парижѣ идетъ дождь, сейчасъ же совѣтуютъ распускать у насъ зонтики:

Огонь ли дальній домъ затронетъ,
У нихъ ужь дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.

Въ то время, когда жгучимъ вопросомъ въ литературѣ нашей былъ вопросъ объ искусствѣ для искусства и о тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, Вяземскій сохранялъ свою обычную сдержанность и свободу мысли, и потому подвергся нареканію изъ двухъ противоположныхъ лагерей. Въ ту пору трудно было и молодому писателю поладить съ крайностями, и не жертвуя своими убѣжденіями, найдти пріютъ и сочувствіе въ томъ или другомъ литературномъ органѣ. Одинъ изъ современныхъ намъ писателей весьма живо и остроумно изобразилъ безвыходное положеніе своего юнаго собрата, который понесъ свое произведеніе въ одну редакцію: „Прочли, сказали: это поэзія, чистая поэзія, въ наше время порядочные люди такимъ вздоромъ не занимаются; понесъ въ другую редакцію,—прочли, нашли, что въ стихахъ его все какія-то модныя тенденціи, все какая-то скорбь гражданская, и ни на каплю поэзіи, ни на грошъ искусства". Подобно этому злосчастному новичку въ литературѣ, и нашъ маститый писатель очутился между двухъ огней. Сознавая свое положеніе, онъ изобразилъ его слѣдующими чертами:

Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
Для молодыхъ я слишкомъ старъ:
Одни въ вину мнѣ ставятъ холодъ,
Другіе—неумѣстный жаръ.
Кому кажусь въ оттѣнкѣ аломъ,
Кому же выжившимъ изъ лѣтъ,
И въ тупоумьи запоздаломъ
Не знающимъ, гдѣ тьма, гдѣ свѣтъ.
Идешь ли среднею дорогой,
Тебѣ со всѣми врозь идти,
Ни добрымъ словомъ, ни подмогой
Никто не встрѣтитъ на пути...

Но доброе, безпристрастное слово ожидаетъ князя Вяземскаго на страницахъ правдивой и безпристрастной исторіи русской литературы. Тѣмъ болѣе имѣетъ онъ право на сочувствіе потомства, что самъ, въ свою очередь, умѣлъ поминать добрымъ, правдивымъ словомъ своихъ предшественниковъ.

Завѣтнымъ убѣжденіемъ Вяземскаго была необходимость преданія, преемственнаго перехода свѣта истины отъ поколѣнія къ поколѣнію. Его поражало отсутствіе преданія, разрывъ съ прошедшимъ, замѣчаемый и въ литературѣ, и въ нашемъ частномъ и общественномъ воспитаніи. Въ училищахъ нашихъ, говоритъ онъ,—ведутъ счетъ стариннымъ писателямъ только для порядка, словно Ассирійскимъ царямъ. А между тѣмъ преданіе, въ смыслѣ изученія и разумѣнія прошлаго, имѣетъ великую просвѣтительную силу. Оно указываетъ пытливому уму надежный путь къ открытію истины и удерживаетъ отъ смѣшнаго и жалкаго самообольщенія. Противникамъ этой истины онъ возражаетъ со всѣмъ жаромъ человѣка убѣжденнаго: „Ниспровергая, ломая все прошедшее, вы хотите выдавать себя за передовую дружину умственнаго движенія, а на дѣлѣ вы отсталые. Вы настоящіе гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свѣтъ, разлившійся изъ одного нетлѣннаго свѣтильника:

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.
Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Вяземскій горячо вѣрилъ въ преемство добра, въ живую и разумную связь лучшихъ преданій стараго и прошлаго съ лучшими надеждами и стремленіями новаго и молодаго. По его глубокому убѣжденію, люди, работающіе для общаго блага, къ какому бы поколѣнію они не принадлежали, составляютъ одну семью; они служатъ одной великой цѣли; трудъ ихъ одинаково святъ, и различіе только во времени, когда труженики принялись за свою работу. Обращаясь къ молодому поколѣнію, онъ говоритъ:

Успѣхамъ вашимъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать,
Но въ пѣсняхъ торжества—и дѣдамъ
Не грѣхъ помяномъ честь отдать...
Хозяинъ мудрый вертограда
Распредѣлилъ часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда—
Кто раньше иль позднѣй прійдетъ.
Несите вы свою заботу;

Одно различье между насъ;
Мы утромъ вышли на работу,
А вы въ одиннадцатый часъ.
Да, плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни носѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!

Въ теченіе всей литературной дѣятельности Вяземскій оставался вѣренъ глубокому и непоколебимому убѣжденію, что истинное призваніе писателя — быть защитникомъ правъ разума и ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія. Писатель, говорилъ онъ,—долженъ дорожить своею независимостью и служить одной истинѣ, а не лицамъ; онъ долженъ быть двигателемъ образованности, провозвѣстникомъ истины и вожатаемъ общественнаго мнѣнія: „Отъ писателя, дѣйствующаго на общее мнѣніе, требуется и постоянное исповѣданіе одного мнѣнія. Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуетъ и тепломъ и холодомъ, или еще болѣе врачу, который призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ".

Руководимый уваженіемъ къ званію писателя, какъ просвѣтителя общества, Вяземскій осуждалъ тенденціи басенъ Крылова: „Огородникъ и философъ" и „Сочинитель и разбойникъ". Въ баснѣ: „Огородникъ и философъ" Вяземскій не могъ простить Крылову выходки его противъ людей науки, которые читаютъ, выписываютъ, справляются и роются въ книгахъ. О баснѣ: „Сочинитель и разбойникъ" Вяземскій замѣчаетъ: „Признаюсь, по моимъ понятіямъ какъ-то неловко и неблаговидно сочинителю выводить рядомъ на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще съ тѣмъ, чтобъ отдать преимущество разбойнику предъ сочинителемъ. Найдутся и безъ поэта люди, которые охотно выведутъ такое заключеніе и подпишутъ подобный приговоръ. Намъ, людямъ пера, не подобаетъ мирволить и потакать такимъ безпощаднымъ осужденіямъ".

Писатель долженъ дорожить своею независимостью, не уклоняясь отъ своего прямаго назначенія и отнюдь не принимая на себя роли цензора. Можно быть увѣреннымъ, прибавляетъ Вяземскій, — что

„бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ позволеннаго". Эта оговорка подсказана самою жизнью, близкимъ знакомствомъ съ цензурными нравами и обычаями. Еще въ молодости своей Вяземскій испыталъ на себѣ предупредительное вниманіе цензуры. Благодаря цензору Красовскому, поддержанному цензурнымъ комитетомъ in corpore, запрещена статья Вяземскаго самаго невиннаго содержанія. Написанная въ 1822 году, она впервые появилась въ печати только въ 1878 году, то-есть, черезъ пятьдесятъ-шесть лѣтъ послѣ написанія. Причиною задержки послужило употребленіе такихъ безобидныхъ выраженій, какъ задѣваетъ, апатія общественнаго мнѣнія, полемическая тактика, и т. п. Слово: задѣваетъ цензура предложила замѣнить словомъ: упрекаетъ, какъ болѣе деликатнымъ. Цензура находила также, что публика можетъ оскорбиться названіемъ ея общественнаго мнѣнія апатіей. Въ выраженіи: полемическая тактика цензурный комитетъ открылъ затаенное кощунство на томъ основаніи, что прилагательное женскаго рода: полемическая прикладывается обыкновенно къ богословію обличительному или состязательному, и т. п. Вяземскій протестовалъ противъ подобнаго нарушенія авторскихъ правъ. Онъ выступилъ какъ лицо потерпѣвшее: на его сторонѣ были и цвѣтъ тогдашней литературы, и общественное мнѣніе; противную сторону представлялъ цензоръ Красовскій, увѣковѣчившій себя своими цензурными подвигами.

Но прошло много и много времени, прошло болѣе полустолѣтія; обстоятельства рѣзко измѣнились. Князь Вяземскій поставленъ во главѣ цензурнаго вѣдомства, и имѣлъ полную возможность, если бы только пожелалъ, вмѣсто оборонительной начать войну наступательную, устремлять свои громы на литературу. По сложности обязанностей, лежавшихъ на министрѣ народнаго просвѣщенія, главное завѣдываніе всѣми цензурными дѣлами и наблюденіе за цензурными учрежденіями возложено на князя Вяземскаго, какъ на товарища министра. Положеніе его въ литературѣ было на ту пору самое неутѣшительное; представители литературы показывали ему холодность, весьма тяжелую и для его выносливой натуры; противъ него образовался тотъ заговоръ молчанія, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Не было недостатка и въ разныхъ постороннихъ вліяніяхъ, крайне враждебныхъ литературѣ, обвиняемой во всевозможныхъ посягательствахъ и вредныхъ замыслахъ и стремленіяхъ.

Чѣмъ же отвѣтилъ Вяземскій на всѣ эти постороннія вліянія?

Чѣмъ отплатилъ онъ за недоброжелательство и вражду къ нему, за несочувственные отзывы и оскорбительные для него толки? Отвѣтилъ тѣмъ, что снялъ печать молчанія, наложенную на многихъ писателей. Отплатилъ тѣмъ, что горячо отстаивалъ права своихъ литературныхъ противниковъ и доказывалъ неосновательность возводимыхъ на нихъ обвиненій.

Извѣстно, что вслѣдствіе ловкой мистификаціи со стороны нашихъ иноземныхъ друзей, самою опасною партіей общественною и литературною считались у насъ такъ называемые славянофилы; прозвище славянофилъ служило несомнѣннымъ признакомъ политической неблагонадежности. Каждая статья, можно сказать, каждая строка, написанная славянофиломъ, подлежала самой строгой, усиленной цензурѣ; объ основаніи литературнаго органа съ славянофильскимъ направленіемъ нельзя было и думать. При всемъ уваженіи Вяземскаго къ умственному и нравственному достоинству вождей славянофильства, для снятія опалы съ славянофиловъ требовался значительный запасъ гражданскаго мужества. И Вяземскій обладалъ этимъ мужествомъ; онъ принялъ участіе въ дѣлѣ славянофиловъ, хотя во многомъ имъ и не сочувствовалъ, и опальнымъ писателямъ развязаны были руки. Въ апологіи своей князь Вяземскій говоритъ: „Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „Надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ". Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію. Нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе, пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги имя русское и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной, исторической и государственной жизни. Намъ нечего опасаться злоупотребленій нашей литературы. Скорѣе слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ заперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается" и т. д.

Обвиненія не ограничивались какою-либо партіей: они падали съ большею или меньшею силою на всю литературу; въ оживленіи ея, въ ея сочувствіи къ движенію общественной жизни видѣли зловѣщіе признаки. Состояніе умовъ было напряженное; мнѣнія скре-

щивались, слѣды недавняго прошлаго были еще черезчуръ ярки, а новыя силы неудержимо стремились къ дѣятельности. Призванный, въ качествѣ государственнаго человѣка, высказать свой взглядъ на состояніе современной литературы, князь Вяземскій писалъ слѣдующее: „Общественные вопросы возбуждаютъ пытливость современной литературы и подвергаются ея изслѣдованіямъ. Литература наша, и особенно журналы, дѣятельно принялись въ послѣднее время за обличеніе злоупотребленій, укоренившихся въ нижнихъ слояхъ нашей администраціи. Отъ этихъ тысячи разказовъ, тысячу разъ повторяемыхъ, общество наше ничего новаго не узнаетъ. Зло не въ томъ, что̀ разказывается, а въ томъ, что̀ дѣлается. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что̀ за человѣкъ становой приставъ. Нѣтъ сомнѣнія, что внутри Россіи журнальныя нескромности не имѣютъ никакого вреднаго дѣйствія и не производятъ соблазна. Но въ высшемъ обществѣ, и то въ весьма ограниченномъ кругу тѣхъ, которые изрѣдка и случайно читаютъ по русски, русская грамота, мало имъ знакомая, имѣетъ въ глазахъ ихъ особенную важность. Имъ какъ-то дико и страшно видѣть мысль, облеченную въ русскія буквы. Имъ кажется, что русская азбука совсѣмъ не на то составлена, чтобы служить проводникомъ и выраженіемъ русскаго ума... У насъ въ литературѣ могутъ быть единомышленники, партіи, но злоумышленниковъ нѣтъ. Можно сказать положительно, что современная наша литература не заслуживаетъ, чтобы заподозрили ея политическія и нравственныя убѣжденія. Никому не уступлю въ любви къ отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу, что не вижу ни малѣйшей опасности, угрожающей со стороны литературы. Напротивъ, думаю, что для общей пользы не должно усыплять ее“.

Вотъ какимъ благороднымъ языкомъ говорилъ кн. Вяземскій въ защиту литературы и ея представителей. Слова Вяземскаго, по всей справедливости, могутъ быть названы дѣлами его. Въ нихъ выражаются тѣ начала, которыми онъ руководствовался въ своей общественной и государственной дѣятельности. Къ чести нашего писателя должно замѣтить, что начала эти вполнѣ совпадаютъ съ основными убѣжденіями, проникающими его литературные труды и придающими имъ особенную цѣну. Въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, съ кѣмъ бы ни сталкивала его судьба, онъ не переставалъ быть писателемъ, не отрекался отъ своего званія и отъ братскаго чувства къ людямъ пера, призваннымъ трудиться для умственнаго, нрав-

ственнаго и общественнаго блага. Мысль о высокомъ призваніи писателей онъ высказывалъ и въ обществѣ Пушкина и Жуковскаго, и въ обществѣ Фарнгагена и Гумбольдта, и въ бесѣдахъ съ молодымъ поколѣніемъ, и въ состязаніяхъ съ людьми, предубѣжденными противъ литературы.

Много разъ, въ теченіе своей долгой жизни, Вяземскій отвлекаемъ былъ отъ занятій литературныхъ, но никогда не измѣнялъ своей любви къ литературѣ и своимъ понятіямъ о нравственныхъ обязанностяхъ ея представителей. Его честное перо не писало доносовъ на просвѣщеніе; въ каждомъ честномъ писателѣ онъ привѣтствовалъ друга и брата, идущаго къ одной и той же цѣли

...сподвижника высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РОЗЫСКАНІЯ ВЪ ИТАЛІАНСКИХЪ АРХИВАХЪ И БИБЛІОТЕКАХЪ [1]).

Въ Сіенѣ я пробылъ съ 19-го іюля по 10-е августа новаго стиля. Церковные архивы—архіепископскій и соборнаго капитула, не представляютъ ничего интереснаго для того, кто занимается первою половиной среднихъ вѣковъ: документы перваго восходятъ только до XIV вѣка, втораго до XI [2]). Притомъ, доступъ къ нимъ чрезвычайно затрудненъ, и я не пытался въ нихъ проникнуть, а посвятилъ свое время занятіямъ въ государственномъ архивѣ.

Сіенскій archivio di stato имѣлъ для меня особенный интересъ благодаря тому, что въ немъ находится собраніе грамотъ монастыря S. Salvadore di M. Amiato, около Кіузи. 205 изъ этихъ грамотъ [3]) относятся къ періоду до 1000 года и распредѣляются слѣдующимъ образомъ по столѣтіямъ: сорокъ-семь—VIII вѣка (начиная съ 736 г.); сто-двадцать-три — IX в., и тридцать-пять—X в. Императорскихъ и королевскихъ привиллегій, которыя я обходилъ, потому что онѣ всѣ уже изданы и будутъ изданы во второй разъ въ Monumenta Germaniae, сравнительно немного—тринадцать, за то купчихъ—шестьдесятъ-четыре, дарственныхъ записей — двадцать-четыре, размѣнныхъ ак-

[1]) Извлечено изъ втораго отчета кандидата Императорскаго Московскаго университета Павла Виноградова о поѣздкѣ за границу лѣтомъ 1878 года; извлеченіе изъ перваго отчета см. въ декабрьской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* за 1878 годъ.

[2]) *Cappelletti*, Chiese d'Italia, Diocesi di Siena.

[3]) Я не считаю нѣсколькихъ экземпляровъ какого-либо документа за отдѣльныя грамоты.

товъ — пять, восемьдесять-три арендные (либеллярные) договора, четыре судебныя рѣшенія, четыре грамоты въ подтвержденіе прежде составленныхъ договоровъ и семь документовъ смѣшаннаго содержанія. Грамоты до 814 г. вошли въ изданіе Брунетти [1]); изъ прочихъ нѣкоторыя напечатаны у Муратори [2]), Учелли [3]), Пиццетти [4]), Делла Рена и Камичи [5]), въ послѣднее время—у Фиккера [6]) и Ливерани [7]). Я не буду возвращаться къ характеристикѣ всѣхъ этихъ трудовъ, а замѣчу только относительно послѣдняго, что монсиньоръ Ливерани, извѣстный своей рѣзкостью и строгостью по отношенію къ другимъ и неумѣреннымъ уваженіемъ къ своей собственной особѣ, издалъ приводимыя имъ грамоты небрежно и неправильно. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, но можетъ быть, нелишне будетъ указать, какъ на образчикъ его работы, на грамоту S. Salvadore 950 г. settembre [8]), въ которой онъ даже произвольно вставляетъ слова. Такимъ образомъ, во многихъ случахъ нѣтъ возможности полагаться на изданія, даже когда они существуютъ, но большинство интересныхъ аміатинскихъ грамотъ не изданы вовсе. На мою долю досталось такихъ совершенно не изданныхъ документовъ болѣе ста— не опредѣляю цифру точнѣе, потому что относительно нѣкоторыхъ еще долженъ сдѣлать дополнительныя справки, и вообще при разрозненности и малоизвѣстности италіанскихъ сочиненій XVII и XVIII вв., заключающихъ въ себѣ грамоты, весьма трудно дѣлать совершенно опредѣленныя заключенія, когда дѣло идетъ о частныхъ договорахъ IX и X вѣковъ.

Эти частные договоры, имѣющіе первостепенную важность въ своей совокупности для экономической и юридической исторіи, въ то же время не даютъ повода выдѣлять тотъ или другой документъ изъ общей массы. Поэтому я не могу входить здѣсь въ разборъ ихъ содержанія, которымъ должна будетъ заняться моя диссертація [9]).

---

[1]) Codice diplomatico toscano.

[2]) Antiquitates italicae.

[3]) Italia Sacra.

[4]) Antichità toscane.

[5]) Serie degli antichi duchi e marchesi di Toscana.

[6]) Forschungen zur italienischen Reichs- und Rechtsgeschichte, IV Band.

[7]) Le Catacombe e le antichità christiane di Chiusi. Il ducato Langobardo di Chiusi.

[8]) Ducato di Chiusi, 268.

[9]) Точно также не представляютъ особенныхъ признаковъ и прочіе доку-

За то въ архивѣ соборнаго капитула города Ареццо, въ которомъ я работалъ съ 10-го по 18-е августа, одна изъ группъ, находящихся тамъ документовъ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Я разумѣю грамоты, относящіяся до знаменитаго и нескончаемаго спора между епископами Сіены и Ареццо о границахъ ихъ епархій. Самаго краткаго очерка хода этого спора достаточно, чтобы показать, что тутъ дѣло идетъ не только о мелкихъ фактахъ, интересныхъ лишь для Тосканцевъ или вообще Италіанцевъ, но что съ этимъ процессомъ переплетаются и интереснѣйшіе общіе вопросы. Споръ возникъ, если можно такъ выразиться, на почвѣ такого общаго вопроса именно, — относительно реорганизаціи католической церкви у Лангобардовъ послѣ принятія католичества ихъ королями.

Сіенская епархія пострадала въ эпоху преобладанія аріанства гораздо болѣе, чѣмъ сосѣднія епархіи. Преемственность епископовъ совершенно прекратилась [1]), и сіенскіе католики обращались въ случаяхъ необходимости къ сосѣднимъ епископамъ Кіузи, Ареццо и Разелле [2]). Послѣ Ротари начинается возрожденіе католической церкви въ Сіенской области, главными признаками чего является дѣятельность по возобновленію разрушенныхъ церквей и постройка новыхъ, съ одной стороны, возстановленіе епископской линіи, и власти—съ другой. Разрозненные члены Сіенской епархіи снова сростаются въ одно тѣло; затрудненія являются только на востокѣ, Аретинскіе епископы не соглашаются уступить свои пасторскія права въ восточныхъ приходахъ Сіенской области, утверждая, что эти права возникли не послѣ лангобардскаго завоеванія, а при римскомъ владычествѣ, при самомъ учрежденіи епархій [3]). Начинается ожесточенная борьба, въ которой замѣшаны не одни епископы, но и сіенскій гастальдъ, видимо не желающій, чтобы въ границахъ его области распоряжался, хотя бы въ духовномъ отношеніи, чужой епископъ. Вмѣшательство областныхъ властей придаетъ борьбѣ особенно насильственный характеръ: гастальдъ Гауебертъ пользуется своею судною властью, чтобы притѣснять людей Аретинскаго епископа, проживавшаго въ одномъ изъ спор-

---

менты, которыми я пользовался въ Сіенскомъ архивѣ: три грамоты, переписанныя въ Caleffo Vecchio, пять—собранія покойнаго графа Сципіона Бики Боргези, три—монастыря св. Евгенія, два—св. Августина въ Сіенѣ, наконецъ двѣ—гор. Массы; изъ послѣднихъ грамота 756 г. подложная.

[1]) *Troya*, Codice diplomatico langobardo, документъ за № 400.

[2]) *Troya*, № 406, показанія 14-е, 23-е и др.

[3]) *Troya*, №№ 400, 408.

ныхъ приходовъ; Аретинцы убиваютъ Гауеберта [1]). Вообще, стороны не останавливаются ни передъ какимъ средствомъ для одержанія побѣды. Чтобы добиться благопріятныхъ показаній передъ судомъ, сіенскіе гастальды застращиваютъ свидѣтелей [2]); Сіенскій епископъ, желая чѣмъ-нибудь заявить свое право на приходъ, является туда ночью, ставитъ тамъ священника и освящаетъ алтарь [3]). Дѣло обсуждается самыми разнообразными трибуналами: сохранились рѣшенія королевскаго посланца, коммиссіи четырехъ епископовъ, короля. Есть даже слѣды, что уже въ самомъ началѣ этимъ дѣломъ заинтересовался Римскій папа [4]).

Признаюсь, я не могу сказать когда кончилась тяжба: слѣдя за нею по рукописной описи документовъ капитула Ареццо, составленной каноникомъ Джаннерини, я находилъ относящіеся сюда рѣшенія папъ и императоровъ въ IX, X, XI, XII и XIII вѣкахъ. Такъ какъ для меня процессъ имѣлъ главнымъ образомъ значеніе потому, что онъ проливаетъ свѣтъ на судоустройство, церковную организацію, администрацію и нравы лангобардской эпохи, то я и ограничился подробнымъ изученіемъ документовъ этой эпохи. Оказалось, что, не смотря на весь интересъ этихъ документовъ, они изданы вообще весьма дурно, а нѣкоторые, правда немногіе, но за то особенно важные, совсѣмъ не изданы [5]). Подробное изслѣдованіе по этому поводу я отправляю на дняхъ въ одинъ изъ италіанскихъ журналовъ, а здѣсь сообщаю только общее описаніе.

№№ 2—5 грамотъ capitolo d'Arezzo заключаютъ въ себѣ копіи различныхъ актовъ процесса относящихся къ времени Лангобардскаго королевства. Копіи сняты, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ [6]), однимъ лицомъ, какъ видно изъ однаго не изданнаго отрывка—нота-

---

[1]) *Troya*, № 389.

[2]) *Troya*, № 406, показанія 44-е, 73-е и др.

[3]) *Troya*, показанія 43-е и др.

[4]) *Troya*, № 408.

Muratori, Antiquitates, VI, 389, e.

[5]) Видѣли документы и печатали прямо съ нихъ только Бурали (Vescovi d'Arezzo, 1638 г.), Гранди (Epistola de Pandectis Pisanis, 1727 г.) и Муратори (Antiquitates, VI fol. Annali подъ 792 годомъ). Впослѣдствіи тексты, данные такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII, только перепечатывались. Я ссылаюсь на Codice diplomatico Тройи не потому, чтобъ онъ давалъ лучшій или самостоятельный текстъ, а потому что въ немъ сведены всѣ документы.

[6]) Напримѣръ, такъ называемаго Libello contra il vescovo di Siena, *Troya*, № 660 въ началѣ рукописи № 3.

ріусомъ Аретинской церкви Гецо, подъ личнымъ наблюденіемъ примицерія соборнаго капитула Герарда, въ тридцатыхъ годахъ XI вѣка [1]). Изданные до сихъ поръ документы распредѣляются такимъ образомъ по рукописямъ: рѣшеніе палатнаго пера Амвросія [2])—№ 3; декретъ короля Ліутпранда, подтверждающій рѣшеніе Амвросія [3]), — № 8; допросъ свидѣтелей королевскимъ нотаріусомъ Гунтерамомъ [4]) — № 2; рѣшеніе четырехъ епископовъ [5]) — № 3; декретъ Ліутпранда въ подтвержденіе этого рѣшенія [6]) — № 3 и отчасти [7]) — № 4; булла папы Стефана [8]) — № 3 и № 5.

Я нарочно не упомянулъ между изданными разказа примицерія Герарда въ формѣ лѣтописнаго повѣствованія, который занимаетъ значительную часть рукописи подъ № 3. Муратори напечаталъ только отрывокъ изъ этого повѣствованія [9]).

Совершенно не изданы слѣдующія части все того же сборника документовъ подъ № 3: заголовокъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о способѣ составленія сборника: первая часть — договоръ между епископами Мавромъ Сіенскимъ и Сервандомъ Аретинскимъ, и каталогъ Аретинскихъ епископовъ [10]). Особенно интересенъ второй изъ упомянутыхъ документовъ, относящійся къ первому столкновенію между сосѣдами епископами, ко времени Мавра, перваго въ новой линіи Сіенскихъ епископовъ. Одно только обстоятельство можетъ объяснить полное забвеніе, которому подвергся этотъ актъ, не уступающій по возмож-

---

[1]) Доказательства будутъ приведены мною въ моей италіанской статьѣ.

[2]) *Troya*, № 400.

[3]) *Troya*, № 405.

[4]) *Troya*, № 406.

[5]) *Troya*, № 407.

[6]) *Troya*, № 408.

[7]) Лѣвая половина рукописи оторвана.

[8]) *Troya*, № 661, уже упомянутый разъ Libello contra il vescova di Siena, пришитый къ рукописи № 3, относится не къ 752 году, какъ полагаютъ Тройя и Муратори, а къ XI вѣку. См. *Bethmann Holweg*, Germanisch-römisches Civilprocess, IV томъ, экскурсъ о дѣлѣ между епископами Сіены и Ареццо.

[9]) Annali подъ 712; *Troya*, № 389.

[10]) Епископъ Мавръ подписался подъ постановленіями Латеранскаго собора 649 года (*Mansi*, Conciliorum amplissima Collectio X, 868). Преемникъ Серванда, Кипріанъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти подписывается съ другими епископами подъ письмомъ папы Агаѳона Константину Августу (*Mansi*, XI, 286 и сл.). Между этими годами, приблизительно около 660 г., мы должны помѣстить нашъ документъ.

ности ни одному изъ остальныхъ, уже напечатанныхъ. Переписчикъ XI вѣка не въ состояніи былъ прочесть оригиналъ, написанный въ половинѣ VII вѣка, и потому пропускалъ, какъ самъ оговариваетъ, цѣлыя слова и фразы. Поэтому для насъ сохранился только фрагментъ, которымъ Мураторн пренебрегъ, вѣроятно, только за эту фрагментарность. Смысла все-таки можно доискаться почти вездѣ безъ особеннаго затрудненія. Какъ я уже сказалъ, епископы Мавръ и Сервандъ, вмѣсто того, чтобъ идти судиться передъ королемъ или другими какими-либо свѣтскими судьями, рѣшили покончить дѣло миромъ и выдали другъ другу обязательства, въ которыхъ были опредѣлены способы разрѣшенія спора относительно пяти-шести пограничныхъ приходовъ [1]). Обыкновенно такимъ способомъ долженъ быть розыскъ па мѣстѣ, произведенный въ присутствіи обѣихъ сторонъ. Сохранившійся въ Ареццо документъ есть обязательство, выданное Сіенскимъ епископомъ Мавромъ. Относительно подлинности документа не можетъ быть никакого сомнѣнія: впрочемъ, сообщеніе какъ текста, такъ и критическій разборъ этихъ документовъ, я долженъ отложить до спеціально посвященной имъ статьи.

Кромѣ только что упомянутыхъ рукописей, я нашелъ въ архивѣ соборнаго капитула много другихъ грамотъ, однородныхъ съ сіенскими и флорентинскими и весьма важныхъ для моей работы.

Документы, происходящіе изъ самаго capitolo d'Arezzo, очень извѣстны въ наукѣ, потому что представляютъ полный рядъ императорскихъ и королевскихъ привилегій; частныхъ договоровъ немного, и потому я занимался главнымъ образомъ грамотами бенедиктинскаго монастыря свв. Флоры и Луциллы, перешедшими въ архивы соборнаго капитула послѣ упраздненія монастыря въ концѣ прошлаго вѣка. „Provenienza" свв. Флоры и Луциллы, остававшаяся до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи, содержитъ въ себѣ для исторіи IX и X вѣка двѣ купчія, шестнадцать дарственныхъ актовъ, восемь арендныхъ условій, одно судебное рѣшеніе и четыре грамоты въ подтвержденіе прежнихъ договоровъ.

Изслѣдованіе документовъ соборнаго капитула составляло главную мою задачу въ Ареццо; кромѣ того, я осмотрѣлъ грамоты, принадлежавшія извѣстному тосканскому юристу Франческо Реди. Онѣ находятся теперь въ владѣніи семейства Таванти. Для меня эти документы оказались неинтересными, такъ какъ онѣ относятся почти всѣ

---

[1]) Впослѣдствіи дѣло идетъ о 18 — 20 приходахъ.

къ сравнительно позднимъ эпохамъ: одна привиллегія Оттона III отъ 1001 года [1]), затѣмъ дарственный актъ въ пользу Волатерранскаго епископства отъ 1007 года, двѣ грамоты XII вѣка, остальные—около 50, большею частью XIV и XV вѣковъ.

Изъ Ареццо я выѣхалъ въ Римъ, гдѣ пробылъ дня два, и затѣмъ отправился въ Монтекассино. Мнѣ было извѣстно, что въ знаменитомъ бенедиктинскомъ монастырѣ сохранился не только богатѣйшій запасъ рукописей отцовъ церкви, древнихъ писателей и средневѣковыхъ лѣтописцевъ, но также множество грамотъ, особенно интересныхъ для исторіи южныхъ лонгобардскихъ герцогствъ—Беневента, Капуи и Салерно. Судя по тому, что̀ сообщено въ „Исторіи Монтекассино" аббата Тости, и особенно въ незамѣнимыхъ пока сочиненіяхъ P. Gattola [2]), можно было надѣяться найдти тамъ такой же драгоцѣнный матеріалъ, какой открытъ намъ классическимъ изданіемъ бенедиктинцевъ S. Trinita della Cava около Неаполя [3]). Матеріалъ дѣйствительно казался громаднымъ и весьма интереснымъ, но мнѣ лично не удалось имъ воспользоваться, какъ я желалъ бы, потому что надъ нимъ уже работаетъ неутомимая монастырская братія, приготовляющая подъ руководствомъ аббата Тости изданіе своего Codex diplomaticus. Бенедиктинская ученость и трудолюбіе, очевидно, также мало потерпѣли отъ измѣнившихся условій, какъ и бенедиктинское гостепріимство; но самая колоссальность ученыхъ работъ, задуманныхъ и начатыхъ въ монастырѣ [4]), внушаетъ мысль, что онѣ долго еще не прійдутъ къ концу, и поэтому для постороннихъ ученыхъ изысканій слѣдовало бы пошире открывать дверь въ монастырскій архивъ. За неимѣніемъ подлинныхъ грамотъ, я занялся большимъ сводомъ Петра Діакона, составленнымъ около 1137 года. Петръ Діаконъ расчитывалъ списать по извѣстнымъ рубрикамъ всѣ грамоты своего монастыря, но ему

---

[1]) Издана Della Rena e Camici, Serie dei duchi toscani, I, 48.

[2]) Historia abbatiae Cassinensis; Accessiones ad historiam abbatiae Cassinensis. Montecassino, 1733.

[3]) Codex diplomaticus Cavensis, пока три тома.

[4]) Въ настоящее время работаютъ надъ монументальнымъ изданіемъ Bibliotheca Cassinensis, заключающей въ себѣ подробное описаніе Монтекассинскихъ рукописей съ выдержками изъ наиболѣе интересныхъ (вышло три тома); надъ Palaeografia Cassinensis, заключающей исторію письменности въ Монтекассино, съ роскошными образцами орнаментаціи буквъ; надъ Codex diplomaticus, задуманнымъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; сверхъ того, имѣется въ виду изданіе по исторіи миніатюры и т. д.

удалось привести въ исполненіе только начало своего предпріятія. Regestum Petri Diaconi содержитъ въ себѣ болѣе 600 привиллегій папъ, императоровъ, королей, герцоговъ и т. д. Очень многіе изъ этихъ документовъ уже изданы Гаттола. Я провѣрялъ его текстъ и сдѣлалъ выписки изъ неизданныхъ грамотъ.

Изъ Монтекассино я отправился въ двадцатыхъ числахъ августа въ Беневентъ, расчитывая найдти тамъ какіе-нибудь слѣды исторіи Беневентскаго герцогства. Тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, какая великая разница между южною Италіей и сѣверною по отношенію къ сохраненію документовъ. Изъ беневентскихъ архивовъ многое было передано въ Ватиканъ во время владычества папъ надъ Беневентомъ. Когда послѣ 1860 года новое италіанское правительство упразднило монашескія корпораціи, большая часть документовъ была передана въ управленіе королевскихъ доменовъ, гдѣ ими никто не занимался, и гдѣ они, кажется, безвозвратно погибли. Меньшая часть осталась въ различныхъ церквахъ и монастыряхъ. Хотя депутаціи для изученія отечественной исторіи существуютъ и дѣйствуютъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ, тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ—можетъ быть, потому, что началась позднѣе—гораздо менѣе плодотворна. Изъ документовъ знаменитаго монастыря св. Софіи in Ponticello, напримѣръ, который пользовался особенными милостями Беневентскихъ герцоговъ, остались въ Беневентѣ только позднѣйшіе; они въ тридцати-двухъ томахъ или связкахъ валяются въ сиротскомъ заведеніи — orfantrofio di S. Philippo, чиновники котораго менѣе всего имѣютъ время на архивные труды. Въ этихъ тридцати-двухъ связкахъ сохранились случайно три грамоты X вѣка. Всего болѣе матеріала осталось въ архивѣ соборнаго капитула, гдѣ я и занимался до конца августа. Неизданныхъ грамотъ IX и X вѣковъ нашлось пятнадцать: это большею частью дарственныя записи и привиллегіи Лонгобардскихъ герцоговъ.

Въ Беневентѣ я кончилъ свои занятія по италіанскимъ источникамъ; хотя въ Неаполѣ я былъ въ архивѣ, но не нашелъ тамъ никакихъ лонгобардскихъ документовъ, кромѣ тѣхъ, которые уже помѣщены въ изданіи Regii Neapolitani Archivii Monumenta. Начало сентября я употребилъ на путешествіе изъ Неаполя черезъ Генную въ Миланъ, Мюнхенъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ я пробылъ дней десять, до возвращенія въ Россію, и занимался въ королевской библіотекѣ нѣмецкою литературой по отдѣльнымъ сторонамъ своего вопроса.

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что въ Италіи я пользовался вездѣ самымъ радушнымъ пріемомъ и самымъ доброжелатель-

нымъ содѣйствіемъ со стороны ученыхъ начальниковъ архивовъ и библіотекъ. Безъ этой помощи иностранцу было бы часто совершено невозможно оріентироваться какъ слѣдуетъ, и не теряя времени на лишніе розыски, находить прямо необходимое. Предоставляя себѣ въ своемъ сочиненіи высказать мою признательность за оказанныя мнѣ гостепріимство и помощь, упомяну уже здѣсь, что я особенно обязанъ во Флоренціи профессорамъ Паоли и Мальфатти, въ Римѣ — барону Подеста, Иньяціо Джоржи и Энрико Мольтени, въ Сіенѣ— Лучано Банки и Алессандро Лизини, въ Ареццо—канонику Пачи. въ Монтекассино — аббату Тости, и въ Беневентѣ — архидіакону графу Капассо.

Павелъ Виноградовъ.

Москва, 30-го октября 1878 г.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ [1]).

Въ истекшемъ году былъ я командированъ совмѣстно съ К. К. Сентъ-Илеромъ для устройства на Парижской выставкѣ спеціальнаго отдѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія. Послѣ устройства этого отдѣла, занятія мои состояли въ объясненіяхъ и отвѣтахъ на вопросы, вызываемые выставленными предметами. Для этой цѣли были мною назначены особые часы, въ теченіе которыхъ я безотлучно находился при отдѣлѣ. Число посѣтителей-спеціалистовъ было весьма значительно, такъ что неоднократно вынужденъ былъ я назначать дополнительные часы, дабы имѣть возможность удовлетворять любознательности иностранцевъ. Весь сентябрь былъ почти исключительно посвященъ французскимъ народнымъ учителямъ, командированнымъ правительствомъ для ознакомленія съ выставкою.

Эти посѣщенія можно отнести къ характеристическимъ чертамъ Парижской выставки; вслѣдствіе того позволю себѣ упомянуть о нихъ подробнѣе. Французское министерство народнаго просвѣщенія, испросивъ для означенныхъ поѣздокъ особый кредитъ, предписало попечителямъ (recteurs d'académies) предоставить народнымъ учителямъ право избирать изъ среды своей тѣхъ лицъ, которыя должны будутъ принять участіе въ поѣздкѣ, при чемъ министерство, соображаясь съ количествомъ начальныхъ училищъ, находящихся въ округѣ, указало лишь общее число представителей округа, имѣющихъ право воспользоваться правительственною субсидіей. Общее число командирован-

---

[1]) Въ январьской книжкѣ нашего журнала за текущій годъ напечатанъ отчетъ г. Сентъ-Илера о командировкѣ его на Парижскую выставку. Теперь печатаемъ такой же отчетъ князя Кантакузина. *Ред.*

ныхъ таким образомъ на выставку учителей доходило до 1500. Они были раздѣлены на нѣсколько группъ, человѣкъ по 300; при чемъ каждая группа, снабженная даровыми желѣзнодорожными билетами, прибывала въ Парижъ въ предварительно назначенный день. На станціяхъ ихъ встрѣчали особо уполномоченныя лица, преимущественно изъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ, которымъ поручено было размѣщать ихъ по гимназіямъ (lycées et collèges), дортуары коихъ были свободны вслѣдствіе наступившихъ вакацій, наблюдать за тѣмъ, чтобы они пользовались возможными удобствами, и наконецъ сопровождать ихъ на выставку и руководить ими при посѣщеніи педагогическихъ отдѣловъ. Каждая группа учителей оставалась въ Парижѣ цѣлую недѣлю, и всѣ дни и часы были распредѣлены такимъ образомъ, чтобы дать ей возможность ознакомиться, кромѣ самой выставки, еще и съ главными достопримѣчательностями города и даже съ театромъ, такъ какъ въ Théâtre Français были даваемы для нихъ спеціальныя, даровыя представленія, составленныя изъ лучшихъ произведеній классическаго репертуара. Кромѣ того для каждой группы, въ большой Сорбонской залѣ читались по утрамъ особыя лекціи лучшими педагогами Парижа, въ томъ числѣ столь авторитетными лицами какъ напр. Бюиссономъ (Buisson), главнымъ инспекторомъ начальнаго образованія, извѣстнымъ своимъ образцовымъ отчетомъ объ элементарномъ образованіи въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ. Лекціи эти имѣли цѣлью ознакомить слушателей съ новѣйшими успѣхами педагогіи и съ новыми болѣе усовершенствованными методами по элементарному преподаванію французскаго языка, географіи, исторіи и пр. По возвращеніи домой, каждый изъ учителей долженъ былъ представить отчетъ о своей поѣздкѣ, съ указаніемъ на тѣ предметы, которые обратили особое его вниманіе. Извлеченія изъ этихъ отчетовъ французское министерство предполагаетъ напечатать; такое изданіе несомнѣнно представитъ значительный интересъ и будетъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для правильной оцѣнки уровня умственнаго и педагогическаго развитія сословія французскихъ начальныхъ учителей, т. е. одного изъ важнѣйшихъ элементовъ для правильнаго развитія народнаго образованія. Съ значительнымъ большинствомъ учителей я имѣлъ случай вести довольно продолжительныя бесѣды; почти всѣ они производили самое пріятное впечатлѣніе своею любознательностію, основательностью и мѣткостью предлагаемыхъ вопросовъ и, насколько я могъ судить, преданностью своему дѣлу. Въ русскомъ отдѣлѣ вниманіе ихъ было особенно при-

влечено инородческими училищами, значительнымъ ихъ числомъ и полною вѣротерпимостью правительства по отношенію къ нимъ. Вопросъ объ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ для инородцевъ, не смотря на всю его важность для Алжира и для прочнаго водворенія въ этомъ краѣ французскаго вліянія, еще весьма мало разработанъ во Франціи и немногія сравнительно учебныя заведенія, предназначаемыя для Арабовъ и Кабиловъ едва ли, по отзывамъ столь компетентныхъ лицъ, какъ напр. попечитель Алжирскаго учебнаго округа, удовлетворяютъ своему назначенію. Совершенно новымъ фактомъ являлось также существованіе при нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ особыхъ ночлежныхъ домовъ или пріютовъ для учениковъ изъ отдаленныхъ деревень, польза и часто даже необходимость коихъ вытекаетъ изъ мѣстныхъ нашихъ условій, столь мало сходныхъ съ общими условіями французскихъ департаментовъ. Вообще французскіе учители старались вникать во всѣ подробности русской школьной организаціи, изучали и переписывали учебныя программы и нерѣдко копировали нѣкоторые изъ выставленныхъ плановъ начальныхъ училищъ.

Помимо начальнаго образованія, вниманіе спеціалистовъ особенно часто было обращаемо на организацію у насъ средняго женскаго образованія. Если исключить нѣкоторыя женскія училища при монастыряхъ, то можно сказать, что эта важная отрасль народнаго образованія почти не существуетъ во Франціи; даже вопросъ о ея необходимости недавно только нашелъ ревностныхъ защитниковъ среди компетентныхъ и вліятельныхъ дѣятелей страны. Всеобщее удивленіе было возбуждено работами, дѣйствительно въ высшей степени замѣчательными, частной классической гимназіи г-жи Фишеръ въ Москвѣ; только нѣкоторыя и то весьма немногія заведенія Сѣв. Американскихъ Штатовъ могли по достигнутымъ результатамъ выдержать съ нею сравненіе.

Письменныя работы экзаменовъ зрѣлости, выставленныя въ довольно значительномъ числѣ изъ разныхъ нашихъ мужскихъ гимназій по латинскому, греческому языкамъ и математикѣ заслужили полное одобреніе жюри, при чемъ въ нихъ особенно поражали тщательныя и безупречныя поправки преподавателей. Означенныя работы, выставленныя въ подлинникахъ, нѣкоторыя даже съ присоединеніемъ черновыхъ и протоколовъ, имѣли то огромное преимущество передъ ученическими работами нѣкоторыхъ другихъ странъ, что носили на себѣ явный отпечатокъ подлинности.

Относительно успѣховъ рисованія въ училищахъ, мнѣнія спеціалистовъ не были такъ рѣшительно благопріятны, какъ относительно предыдущихъ отраслей. Признавая нѣкоторые изъ достигнутыхъ результатовъ весьма почтенными, какъ напримѣръ, работы учениковъ Лодзинскаго ремесленнаго училища и Варшавскаго рисовальнаго класса, многіе указывали, повидимому справедливо, на недостатокъ строго выработаннаго метода преподаванія, на отсутствіе строгой послѣдовательности при выборѣ моделей, на нѣкоторую даже склонность придерживаться рутиннаго способа почти исключительно пользоваться литографированными образцами, пренебрегая рельефами (гипсами и проволочными фигурами). Отсюда вытекаетъ значительная неравномѣрность въ достигнутыхъ результатахъ, при чемъ работы даже весьма удовлетворительныя носятъ отпечатокъ случайности, а не результата строго выработанной и точно примѣненной системы. Ярко выдающимся исключеніемъ служили работы І-го С.-Петербургскаго реальнаго училища, самостоятельный методъ рисованія котораго заслужилъ всеобщее одобреніе по вѣрности основныхъ его принциповъ и по строгой послѣдовательности пріемовъ. Одесское реальное училище тоже слѣдуетъ отнести къ исключеніямъ, такъ какъ въ работахъ его учениковъ замѣтна была строгая послѣдовательность и прочно установившійся взглядъ учителя на способъ преподаванія предмета.

На основаніи предписанія главнаго коммиссара барона Нолькена, 4 ноября н. ст. я приступилъ къ укладкѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые подлежали возврату въ министерство, а все остальное, въ томъ числѣ и предметы, принадлежавшіе нѣкоторымъ частнымъ экспонентамъ, участвовавшимъ въ нашемъ отдѣлѣ и выразившимъ на то согласіе, передалъ французскому министерству народнаго просвѣщенія для предполагаемаго въ Парижѣ центральнаго педагогическаго музея.

Относительно второй части нашего порученія, то-есть, изученія педагогическихъ отдѣловъ иностранныхъ государствъ, то, по богатству выставленнаго матеріала, оказалось почти невозможнымъ каждому изъ насъ ознакомиться со всѣми подробностями оныхъ. Вслѣдствіе сего, по обоюдному соглашенію, каждый изъ насъ выбралъ ту изъ отраслей, которая болѣе всего соотвѣтствовала его постояннымъ занятіямъ, не упуская впрочемъ изъ вида, по мѣрѣ возможности, и остальныя. Такимъ образомъ г. Сентъ-Илеръ посвятилъ все свободное время на изученіе чисто педагогической части (учебныя пособія, руко-

водства, школьная мебель и проч.) преимущественно по отношенію къ начальному образованію, а равно и къ заведеніямъ, предназначаемымъ для подготовленія учителей и учительницъ, а я съ своей стороны обращалъ главное вниманіе на учебную статистику и администрацію.

Позволяю себѣ представить здѣсь общій очеркъ наиболѣе характеристическихъ особенностей педагогическихъ отдѣловъ, представленныхъ на выставку иностранными государствами.

Педагогическія выставки отличались крайнею неравномѣрностію: нѣкоторыя государства, какъ напримѣръ, Франція и Бельгія, представили весьма полныя и, вообще говоря, систематическія коллекціи, другія же, въ томъ числѣ Англія, удовольствовались самыми незначительными присылками, не дававшими возможности составить себѣ какое-либо понятіе о состояніи въ нихъ народнаго образованія. Такая неравномѣрность имѣла то неудобство, что препятствовала сравненію результатовъ, достигнутыхъ въ разныхъ странахъ, а вслѣдствіе этого не позволяла судить объ относительныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ системъ или методовъ. Отсутствіе Германіи, отказавшейся принять участіе въ выставкѣ, было особенно ощутительно въ учебномъ отдѣлѣ, оставляя весьма важный пробѣлъ для составленія общей картины успѣховъ и усовершенствованій новѣйшей педагогіи.

По объему своему французскій отдѣлъ занималъ самое видное мѣсто; представленный матеріалъ можно даже смѣло назвать черезъ чуръ обильнымъ, такъ какъ въ немъ встрѣчалось много излишнихъ повтореній, особенно между ученическими работами начальныхъ школъ, и много совершенно безполезнаго, даже недостойнаго серьезнаго вниманія, между частными экспонентами.

Весь педагогическій отдѣлъ состоялъ изъ 7 залъ и длинной галлереи, исключительно посвященной ученическимъ работамъ элементарныхъ школъ мужскихъ и женскихъ и работамъ по рисованію и скульптурѣ ремесленныхъ училищъ. Французское министерство занимало, собственно говоря, двѣ весьма обширныя залы. Первая посвящена была ученымъ экспедиціямъ и результатамъ оныхъ. Этотъ отдѣлъ можно считать самымъ замѣчательнымъ и безспорно наиболѣе полнымъ и законченнымъ. Каждому изслѣдователю предоставлено было особое мѣсто для установки важнѣйшихъ предметовъ, добытыхъ имъ во время своихъ путешествій, съ приложеніемъ плановъ, чертежей и печатныхъ матеріаловъ. По добытымъ результатамъ, какъ на самые выдающіеся можно указать на экспедицію Винера (Wiener)

въ Южную Америку, на нивеллировку низменности, расположенной между Алжиромъ и Тунисомъ (такъ называемыхъ Шотавъ) въ связи съ проектомъ внутренняго Африканскаго моря, капитана Рудера (Roudaire) и ученыя изслѣдованія надъ Камбоджскими древностями. Выставку собственно учебную, занимавшую вторую залу и продольную галлерею, нельзя назвать вполнѣ удовлетворительною по недостатку общей системы и значительнымъ пробѣламъ. Весьма полно представлено было только начальное образованіе; число ученическихъ работъ было даже, какъ я замѣтилъ, слишкомъ значительно. За то по среднему образованію не было выставлено ровно никакихъ матеріаловъ; посѣтителю невозможно было составить себѣ понятія ни о состояніи учебныхъ заведеній, ни о методахъ преподаванія, ни даже о расположеніи и внутреннемъ устройствѣ лицеевъ и коллегій, хотя подробное знакомство съ ними было бы во всѣхъ отношеніяхъ крайне полезно. Министерство сочло достаточнымъ удовольствоваться выставкой большой библіотеки, въ числѣ около 10 т. томовъ, состоявшей изъ сочиненій, изданныхъ въ послѣднее десятилѣтіе преподавателями правительственныхъ заведеній, и работами, преимущественно по естественнымъ наукамъ, нѣкоторыхъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Остальныя залы предоставлены были частнымъ учебнымъ заведеніямъ и педагогамъ. Недостаточная строгость выбора привела къ тому, что этотъ отдѣлъ отличался крайнею пестротою и смѣшеніемъ весьма почтенныхъ результатовъ и методовъ съ другими, не заслуживающими никакого вниманія. Самое видное мѣсто принадлежало несомнѣнно техническимъ и ремесленнымъ училищамъ, а между послѣдними—заведеніямъ, предназначеннымъ для дѣвочекъ. Результаты ихъ можно назвать поразительными по замѣчательной отдѣлкѣ выставленныхъ предметовъ, по разнообразію изучаемыхъ ремеслъ, а главное, по вниманію, обращенному на развитіе вкуса учениковъ и ученицъ. Слѣдствіемъ такого стремленія являются усиленныя занятія по рисованію, съ примѣненіемъ его къ практическимъ цѣлямъ. Тѣмъ же самымъ объясняется и значительное число выставленныхъ учебныхъ пособій по этому предмету и даже цѣлыхъ самостоятельныхъ методовъ его преподаванія. Между частными экспонентами также замѣтно было, какъ и у правительства, стремленіе обращать особенное вниманіе на начальное образованіе; большинство выставленныхъ предметовъ относилось именно къ этой отрасли педагогіи. Особенно новыхъ пріемовъ или даже учебныхъ пособій трудно было найдти; въ большинствѣ случаевъ приходилось видѣть только усо-

вершенствованія прежде существовавшаго или упроченіе и удешевленіе такихъ предметовъ, которые при несомнѣнной ихъ пользѣ были недоступны большинству заведеній. Сюда относятся главнымъ образомъ учебники, карты, физическіе инструменты и школьные музеи. При возростающемъ значеніи нагляднаго преподаванія въ элементарныхъ школахъ такіе музеи становятся весьма важнымъ пособіемъ, особенно когда сами ученики принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ составленіи. Странно было незначительное число выставленной школьной мебели; экспонентовъ было менѣе десяти и среди представленныхъ ими образцовъ только одинъ столъ системы Кардо (Cardo) являлся дѣйствительно новостью, остроумно соединяя необходимое отрицательное разстояніе между сидѣньемъ и столомъ, съ доставленіемъ ученику возможности легко вставать и перемѣнять положеніе. Школьныхъ зданій, возведенныхъ въ дѣйствительныхъ размѣрахъ, встрѣчалось только одно, построенное архитекторомъ Ферраномъ. Этотъ проектъ привлекалъ общее вниманіе и возбуждалъ довольно оживленныя пренія; потому считаю не лишнимъ упомянуть о немъ подробнѣе. Онъ былъ вызванъ новымъ закономъ, ассигнующимъ подъ различными условіями 120 м. фр. на улучшеніе существующихъ и постройку новыхъ начальныхъ училищъ. Зданіе имѣло цѣлью доказать возможность постройки раціонально-устроеннаго училища при незначительной, по мѣстнымъ понятіямъ, затратѣ денегъ. Съ этой цѣлью школа, раздѣленная по общепринятой нынѣ во Франціи системѣ на два совершенно самостоятельные отдѣла, одно для мальчиковъ, а другое для дѣвочекъ, соединена съ мэри и заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, квартиры преподавателя и преподавательницы. Сама постройка состоитъ изъ желѣзнаго остова, обложеннаго снаружи и внутри кирпичемъ, такимъ образомъ, чтобы оставлять вездѣ среди стѣны пустое пространство (matelas d'air), служащее предохраненіемъ отъ перемѣнъ внѣшней температуры. Означенная школа дѣйствительно представляла многія хорошія стороны: удобное расположеніе комнатъ, значительный объемъ классовъ, остроумно придуманную для нихъ форму, способствующую легкой перемѣнѣ комнатнаго воздуха, и правильное расположеніе освѣщенія. Къ недостаткамъ слѣдуетъ отнести отсутствіе въ зданіи отхожихъ мѣстъ, предполагаемыхъ отдѣльно во дворѣ, и неудачный и весьма сомнительный принципъ устройства вентиляціи, не смотря на вниманіе, обращенное авторомъ на эту столь важную сторону дѣла. По смѣтамъ архитектора стоимость подобнаго зданія не должна превышать 25,000 франковъ.

При сравненіи съ цѣнностью роскошныхъ зданій, занимаемыхъ начальными училищами въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, судя по крайней мѣрѣ по выставленнымъ чертежамъ и моделямъ, такую цифру дѣйствительно слѣдуетъ считать относительно умѣренною. Само собою понятно, что выставленный проектъ, возможный и даже отчасти полезный для Франціи, не говоря уже о цѣнѣ его, никакъ не можетъ быть примѣненъ у насъ. Опытъ показалъ всѣ неудобства, вытекающія изъ соединенія въ одномъ помѣщеніи школы и волостнаго правленія, соотвѣтствующаго отчасти французской мэри; самый способъ постройки (соединеніе желѣза и кирпича) едва ли возможенъ у насъ, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ мѣстностей; наконецъ размѣры оконъ и система отопленія никакъ не соотвѣтствуютъ нашимъ климатическимъ условіямъ. Муниципальный совѣтъ Парижа явился въ качествѣ частнаго экспонента и помѣстилъ свою педагогическую выставку въ особомъ, весьма обширномъ павильонѣ, въ которомъ были сосредоточены и прочія отрасли городскаго хозяйства. Эта отдѣльная учебная выставка особенно отличалась превосходно исполненными моделями школьныхъ зданій, вновь воздвигаемыхъ въ различныхъ кварталахъ города и дѣйствительно заслуживающихъ полнаго одобренія, какъ я могъ убѣдиться при личномъ посѣщеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Любопытна была также модель центральнаго склада учебныхъ пособій (magasin scolaire), снабжающаго всѣми нужными учебными предметами отдѣльныя муниципальныя школы. Изъ ученическихъ работъ были представлены почти исключительно образцы по рисованію и по разнымъ техническимъ отраслямъ. Затѣмъ слѣдуетъ указать на частное среднее учебное заведеніе Ecole Monge, содержимое акціонернымъ обществомъ, училище братства Frères des écoles chrétiennes, о которомъ я буду имѣть случай упомянуть впослѣдствіи, высшее инженерное и технологическое училище, Ecole centrale и издательскія фирмы Гашетъ и К-ія (Hachette et C-ie), Делагравъ (Delagrave) и Деладенъ (Delalain), представившія весьма замѣчательныя собранія руководствъ, географическихъ картъ и учебныхъ пособій для нагляднаго обученія.

Бельгійская выставка, немного менѣе обширная, имѣла то значительное преимущество передъ французской, что составлена была весьма тщательно и не представляла никакихъ пробѣловъ. Ее также можно дѣлить на двѣ части: отдѣлъ правительственный и отдѣлъ, посвященный частнымъ экспонентамъ. Въ первомъ, наиболѣе обширномъ, можно было найдти всѣ необходимые матеріалы для изученія отдѣльныхъ от-

раслей народнаго образованія, высшаго, средняго и элементарнаго. По высшему, кромѣ уставовъ, статистическихъ данныхъ и отчетовъ, были представлены также важнѣйшіе труды профессоровъ. По среднему образованію особенно обращали на себя вниманіе ученическія работы athénées royaux; къ сожалѣнію, они не были представлены въ подлинныхъ тетрадяхъ, а только въ видѣ отдѣльныхъ работъ, заданныхъ ученикамъ едва ли не спеціально для выставки. Невольно рождалась мысль, что для этой цѣли избраны были въ каждомъ заведеніи наилучшіе ученики. Несмотря на это, работы были крайне любопытны, такъ какъ онѣ обнимали всѣ классы и относились къ весьма значительному числу предметовъ: математикѣ, латинскому, греческому, французскому, фламандскому языкамъ и проч. Полнотою этихъ собраній я воспользовался для того, чтобы переписать цѣлый послѣдовательный рядъ ученическихъ работъ по латинскому языку. Такъ какъ г. Сентъ-Илеръ и я, не будучи спеціалистами по древнимъ языкамъ, не могли составить себѣ правильнаго мнѣнія о способахъ преподаванія этихъ предметовъ, то я полагалъ не безполезнымъ представить на обсужденіе лицъ компетентныхъ нѣкоторую часть сыраго матеріала, по крайней мѣрѣ по латинскому языку, по которому, вѣроятно, возможно будетъ придти къ какимъ-либо выводамъ относительно употребляемыхъ въ Бельгіи методовъ и результатовъ, достигаемыхъ такимъ путемъ. Выставка по начальному образованію отличалась весьма хорошимъ выборомъ ученическихъ работъ, въ томъ числѣ и изъ заведеній, предназначенныхъ для приготовленія будущихъ преподавателей, но главнымъ образомъ богатствомъ статистическихъ данныхъ, изложенныхъ въ прекрасныхъ графическихъ таблицахъ, привлекавшихъ общее вниманіе. Между частными экспонентами первое мѣсто принадлежало безспорно братству Frères des écoles chrétiennes имѣющему въ Бельгіи значительное число начальныхъ школъ. Братство это, основанное Лассалемъ (Lassale) въ прошломъ вѣкѣ, состоитъ изъ лицъ, принявшихъ монашескій обѣтъ и посвятившихъ себя исключительно элементарному обученію юношества. Начавъ свою дѣятельность въ весьма скромныхъ размѣрахъ, братство достигло главнаго своего развитія въ нынѣшнемъ столѣтіи и заслуги, которыя оно оказывало и оказываетъ донынѣ, не могутъ быть достаточно оцѣнены. Училища его разсѣяны въ большинствѣ городовъ Франціи и Бельгіи, въ Алжирѣ, Сѣверной Америкѣ, Кохинхинѣ, на островѣ Мадагаскарѣ и даже, въ послѣднее время, въ Испаніи. Такой повсемѣстный успѣхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того обстоятельства,

что никто не слѣдитъ болѣе зорко за успѣхами педагогіи и не стремится столь упорно къ улучшенію и усовершенствованію методовъ преподаванія. Нельзя не пожалѣть, что французское и бельгійское правительства относятся къ нему, если не враждебно, то по крайней мѣрѣ не дружелюбно, и не вполнѣ, повидимому, сознаютъ всю важность его для быстраго распространенія образованія въ бѣднѣйшихъ слояхъ населенія. Высшее начальство ордена, находящееся въ Парижѣ, обратило серьезное вниманіе на выставку и на обильный педагогическій матеріалъ, выставленный нѣкоторыми государствами; не довольствуясь представленіемъ весьма тщательно составленныхъ коллекцій собственнаго своего преподаванія, размѣщенныхъ во французскомъ и бельгійскомъ отдѣлахъ, оно распорядилось отправить значительное число своихъ представителей для разработки и изученія отдѣльныхъ вопросовъ, для оцѣнки всѣхъ педагогическихъ нововведеній, встрѣчающихся у иностранцевъ, и наконецъ для пріобрѣтенія для педагогическаго музея, устраиваемаго при центральномъ его домѣ, учебныхъ пособій, могущихъ имѣть значеніе въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ для младшихъ братьевъ, приготовляющихся къ учительской дѣятельности. Но не довольствуясь удачнымъ примѣненіемъ иностранныхъ методовъ, для оцѣнки которыхъ собирались особыя коммиссіи, братство представило на обсужденіе публики нѣсколько весьма почтенныхъ трудовъ своихъ сочленовъ. Между ними слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на методъ преподаванія географіи брата Алексѣя, бывшаго преподавателя въ Бельгіи, а нынѣ переведеннаго въ Парижъ, и на полный курсъ рисованія брата Викториса, съ продолженіями брата Вернара; эта послѣдняя коллекція выставлена была во французскомъ отдѣлѣ.

Въ Австрійскомъ отдѣлѣ главное вниманіе спеціалистовъ и публики вообще было обращено на школы министерства финансовъ (Kunstgewerbsechulen). Училища эти, предназначенныя къ примѣненію искусства къ ремесламъ, судя по выставленнымъ работамъ, дѣйствительно могутъ считаться однимъ изъ капитальныхъ явленій выставки. Представленные ученическіе труды были самаго разнообразнаго рода, начиная съ мебели, каменной и металлической посуды и кончая рисунками. Всѣ предметы отличались въ высшей степени тщательною отдѣлкой, а главное—правильностью рисунка и прекраснымъ выборомъ стиля и орнаментовъ, заимствованныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ эпохи нѣмецкаго Renaissance. Всѣ упомянутыя работы

свидѣтельствуютъ о значительныхъ усиліяхъ Австріи поддерживать, на ряду съ высокою техникой, правильный взглядъ на стилистику и развивать основательное изученіе рисованія,—условія, безъ которыхъ въ нынѣшнее время нѣтъ возможности соперничать съ другими государствами во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ проявляется хотя бы отдаленная связь съ искусствомъ. Практическая польза, принесенная этими, столь недавно основанными учебными заведеніями и дѣятельностью Вѣнскаго Oesterreichisches Museum, была ясно замѣтна въ нѣкоторыхъ отрасляхъ австрійской промышленности, какъ напримѣръ во всѣхъ произведеніяхъ изъ кованнаго желѣза, кожи и стекла. Быстрыя усовершенствованія, достигнутыя въ послѣдніе годы этими отраслями производства, доказываютъ какъ необходимы усилія правительства для развитія художественной стороны промышленности, и въ то же время указываютъ на то, что значительныя матеріальныя жертвы, приносимыя съ этою цѣлью, вознаграждаются весьма скоро улучшеніемъ производства и, вслѣдствіе сего, увеличеніемъ сбыта. Успѣхи Австріи на этомъ поприщѣ столь очевидны, что вселяютъ даже Французамъ справедливыя опасенія относительно будущаго. Кромѣ Kunstgewerbeschulen, въ австрійскомъ отдѣлѣ обращалъ также вниманіе цѣлый рядъ ученыхъ работъ, представленныхъ агрономическими опытными станціями, учебники по рисованію, изданные министерствомъ народнаго просвѣщенія, а между частными экспонентами превосходныя стѣнныя таблицы Форстера и Ленуара (Forster и Lenoir) по технологіи.

Интереснымъ явленіемъ была выставка японскаго министерства народнаго просвѣщенія. Понимая всю важность установленія на прочныхъ и правильныхъ основахъ народнаго образованія для водворенія въ краѣ европейской цивилизаціи, японское правительство не пожалѣло значительныхъ жертвъ для достиженія этой цѣли. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ образована была цѣлая школьная администрація съ особымъ министромъ во главѣ и цѣлая послѣдовательная система учебныхъ заведеній, начиная съ университета въ Такіо и кончая начальными училищами, причемъ было обращено должное вниманіе на образованіе дѣвочекъ и учреждена для нихъ особая учительская семинарія. Устройство учебныхъ курсовъ, программы и пособія представляютъ смѣсь заимствованій изъ различныхъ странъ, причемъ особенно замѣтно вліяніе педагогическихъ пріемовъ, употребляемыхъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Са-

мая выставка состояла изъ собранія учебныхъ пособій, изготовляемыхъ весьма тщательно по иностраннымъ образцамъ въ особой для сего учрежденной мастерской, изъ нормальной зоологической коллекціи для среднихъ учебныхъ заведеній, школьной мебели, моделей и фотографій учебныхъ заведеній, собранія программъ (на французскомъ языкѣ), учебниковъ и наконецъ ученическихъ работъ. Эти послѣднія къ сожалѣнію были недоступны незнакомымъ съ японскимъ языкомъ, но между ними обращали на себя вниманіе работы по рисованію. Въ нихъ были замѣтны какъ бы два направленія, весьма ясно другъ отъ друга отличающіяся: подражапія иностраннымъ образцамъ и упражненія по пріемамъ туземнаго искусства. Работы, относящіяся къ первой категоріи, нельзя назвать удовлетворительными, работы же второй отличались замѣчательною бойкостью исполненія и вѣрнымъ иногда до крайности подражаніемъ природѣ, отличительными чертами, какъ извѣстно, японской живописи. Любопытны были также тетради учениковъ школы иностранныхъ языковъ съ сочиненіями на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и даже на русскомъ языкѣ. Это послѣднее, о русско-турецкой войнѣ, довольно незначительное по содержанію своему, отличалось замѣчательною стилистической правильностью и почти полнымъ отсутствіемъ орфографическихъ ошибокъ; подобное относительное совершенство невольно даже наводило на сомнѣнія въ полной самостоятельности ученическаго труда, особенно по сравненію съ работами на остальныхъ европейскихъ языкахъ, которыя по употребленнымъ оборотамъ рѣчи и по встрѣчающимся погрѣшностямъ носили болѣе ясные признаки подлинности.

Выставка Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отличалась, главнымъ образомъ, богатствомъ ученическихъ работъ въ томъ числѣ и многихъ женскихъ школъ, къ которымъ впрочемъ можно отнести такой же упрекъ, какой былъ выраженъ мною относительно Бельгійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Не смотря на это, подробное ихъ изученіе представляло много интереснаго, особенно по отношенію къ начальному образованію и по господствующему стремленію вызывать, на сколько возможно, самостоятельный трудъ ребенка, даже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Своеобразная классификація американскихъ учебныхъ заведеній, не соотвѣтствующая общепринятому въ Европѣ дѣленію ихъ на высшія, среднія и низшія, значительно затрудняла, на первыхъ порахъ, всѣхъ посѣтителей, желавшихъ ближе

познакомиться съ этимъ отдѣломъ; къ сожалѣнію, объяснительная записка, столь необходимая даже для спеціалиста, появилась передъ самымъ концомъ выставки, да и то на англійскомъ языкѣ, недоступномъ большинству Французовъ, интересующихся учебнымъ дѣломъ. Эти, такъ сказать, внѣшнія причины, помѣшали успѣху американскаго отдѣла и не дали возможности публикѣ вообще достаточно оцѣнить всѣ достоинства педагогическаго матеріала, представленнаго на выставку. Дѣйствительный недостатокъ этого отдѣла заключался въ неравномѣрности участія отдѣльныхъ штатовъ; большинство выставленныхъ предметовъ принадлежало восточнымъ штатамъ, остальные же представлены были весьма слабо, а многіе совершенно не приняли никакого участія въ выставкѣ. Такіе весьма важные пробѣлы произошли отъ полной автономіи въ учебномъ дѣлѣ каждаго мѣстнаго училищнаго совѣта (board of education) и отсутствія какого либо центральнаго правительственнаго учрежденія, объединяющаго и дающаго общее направленіе дѣлу народнаго образованія. Существующій съ 1867 года въ Вашингтонѣ при департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, національный учебный бюро (National bureau of Education) не можетъ считаться такого рода учрежденіемъ, такъ какъ онъ предназначенъ исключительно собирать и обнародовать статистическія данныя о состояніи народнаго образованія въ республикѣ.

Педагогическія выставки прочихъ государствъ представляли мало замѣчательнаго и, въ большинствѣ случаевъ, по самому объему своему не соотвѣтствовали успѣхамъ, достигнутымъ правительствами и частными лицами. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ выставкамъ Швейцаріи и Англіи. Первая, болѣе значительная, отличалась неполнотою и отрывочностью,—явленіе тѣмъ болѣе прискорбное, что народное образованіе въ Швейцаріи могло бы представить много поучительнаго. Выставка Англіи едва существовала; ни одно учебное заведеніе, исключая школы, существующей при Кенсингтонскомъ музеѣ, не приняло участія въ выставкѣ, да и эта послѣдняя, не смотря на совершенство представленныхъ работъ, являлась въ столь ограниченномъ объемѣ, что не могла дать правильнаго понятія объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, столь сильно повліявшемъ на распространеніе искусства въ Англіи. Нѣсколько издательскихъ фирмъ, выставившихъ учебныя книги, два или три фабриканта школьной мебели и физическихъ инструментовъ и весьма отчетливый планъ Лондона, съ обозначеніемъ на немъ всѣхъ существующихъ начальныхъ училищъ, составляли весь педагогическій отдѣлъ этой страны.

Такая бѣдность англійской выставки была тѣмъ болѣе поразительна, что одна изъ англійскихъ колоній, именно Канадская провинція Онтаріо, представила весьма полное и удовлетворительное собраніе учебниковъ, учебныхъ пособій по наглядному обученію, физическихъ инструментовъ и моделей школьныхъ зданій, отличавшихся значительною роскошью и отдѣлкой; ученическихъ же работъ было весьма мало и онѣ не представляли собою систематическаго цѣлаго, могущаго дать понятіе объ общемъ ходѣ преподаванія и о достоинствахъ употребляемыхъ методовъ.

Одна изъ отличительныхъ особенностей Парижской выставки, по отношенію къ учебному дѣлу, заключалась въ стремленіи почти всѣхъ государствъ не довольствоваться одними учебными выставками, но дополнять ихъ печатными сочиненіями, изданными съ спеціальною цѣлью пополнить все то, что не могло быть представлено и дать такимъ образомъ возможность посѣтителю составить себѣ общее понятіе о состояніи и успѣхахъ народнаго образованія. Стремленіе это проявилось впервые въ Вѣнѣ на выставкѣ 1873 г., замѣтно было также и въ Филадельфіи, но никогда не получало такого сильнаго развитія, какъ въ Парижѣ. Подобнаго рода изданія служатъ въ высшей степени драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія статистики и учебной администраціи, такъ какъ они отличаются большею частью основательностью и богатствомъ передаваемыхъ фактовъ, иногда впервые появляющихся въ печати. Перечислить всѣ такого рода изданія не представляется здѣсь возможнымъ, но я не могу не упомянуть о превосходномъ сборникѣ статистическихъ данныхъ, касающихся училищъ Парижа, составленномъ г. Греаромъ, о статистикѣ средняго образованія во Франціи, изданной министерствомъ, и о многочисленныхъ изданіяхъ австрійскихъ и американскихъ. Здѣсь опять я долженъ упомянуть объ отсутствіи подобныхъ англійскихъ работъ, появленіе коихъ могло бы, хотя отчасти, пополнить тотъ важный пробѣлъ, о которомъ я упомянулъ выше. Изученіе всѣхъ сочиненій такого рода составляло одно изъ главныхъ моихъ занятій.

По окончательной организаціи нашего отдѣла и напечатаніи спеціальнаго къ оному каталога, оказался остатокъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на покрытіе расходовъ по выставкѣ. На эти деньги пріобрѣтены были для министерства народнаго просвѣщенія учебныя пособія и прочіе предметы, представляющіе интересъ или по новости своей или по пригодности ихъ для русскихъ учебныхъ заведеній.

Выборъ предметовъ и оцѣнка ихъ достоинствъ были исполнены г. Сентъ-Илеромъ, единственно компетентнымъ судьею, какъ по званію члена жюри, такъ и по предварительнымъ научнымъ занятіямъ и по долголѣтней практикѣ. Я имѣлъ случай замѣтить, что большинство выставленныхъ учебныхъ предметовъ, особенно во французскомъ отдѣлѣ, имѣвшемъ самое значительное число экспонентовъ, относилось къ начальному образованію; такое обстоятельство, въ связи съ ограниченностью находящейся въ нашемъ распоряженіи суммы, заставило г. Сентъ-Илера при выборѣ предметовъ останавливаться главнымъ образомъ на такихъ, примѣненіе которыхъ могло бы быть по возможности разностороннее и относилось бы къ преподаванію не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою понятно, что незначительность свободнаго денежнаго остатка дѣлала совершенно невозможнымъ всякое пріобрѣтеніе, относящееся къ предметамъ, входящимъ въ составъ курса высшихъ учебныхъ заведеній. Изъ числа пріобрѣтеній, какъ на болѣе выдающіяся, можно указать на слѣдующія: упомянутыя уже мною полныя системы по преподаванію рисованія и географіи, изобрѣтенныя членами братства „Frères des écoles chrétiennes", Алексѣемъ и Викторисомъ, которыя вѣроятно будутъ не безполезны для русскихъ педагоговъ. Указанная система географіи дополнена упрощеннымъ карманнымъ съемочнымъ инструментомъ президента Парижскаго топографическаго общества Геннекена (Hennequin), дающимъ возможность воспроизводить даже въ начальныхъ училищахъ окружающую мѣстность въ видѣ гипсометрическаго рельефа. Гимнастическіе аппараты Ліонскаго преподавателя Гимара (Guimard): они приспособлены для всякихъ учебныхъ заведеній, не только мужскихъ, но и женскихъ, и вполнѣ замѣняютъ, при незначительной сравнительно затратѣ и безъ всякаго ущерба для преподаванія, извѣстные приборы Паза (Paz), цѣною своею не всегда доступные для среднихъ учебныхъ заведеній; изобрѣтенія г. Гимара удостоены были серебряной медали. Новый волшебный фонарь, изготовляемый по указаніямъ извѣстнаго Дюма (Dumas) издательскою фирмою Делагравъ: онъ представляетъ то важное преимущество передъ другими системами, что своеобразное устройство его допускаетъ употребленіе всѣхъ возможныхъ рисунковъ и фотографій на бумагѣ, картонѣ и пр. и даже выпуклыхъ тѣлъ. Пріобрѣтеніе школьныхъ столовъ представляло, по мнѣнію нашему, многія неудобства, а потому мы сочли достаточнымъ удовольствоваться покупкою двухъ моделей—

французскаго стола Кардо (Cardo), получившаго золотую медаль, и англійскаго стола системы Мосса (Moss), изготовляемаго Гаммеромъ (Hammer) въ Лондонѣ, которому присуждена была серебряная медаль. Модели эти совершенно достаточны для демонстрацій при уро-какхъ педагогіи въ учительскихъ семинаріяхъ или институтахъ и въ то же время имѣютъ то значительное преимущество, что занимаютъ мало мѣста въ педагогическихъ музеяхъ. Изъ географическихъ картъ исключая тѣ, которыя составляютъ принадлежность системы брата Алексѣя, пріобрѣтена только новая карта Европы, изданная домомъ Гашетъ и К⁰ и отличающаяся замѣчательною отдѣлкой. Изъ стѣнныхъ картинъ для наглядпаго обученія мы удовольствовались упомянутымъ мною изданіемъ Форстера и Ленуара и историческими картинами Лангл'я (Langl), такъ какъ австрійское правительство, между прочимъ, передало намъ безвозмездно нѣкоторыя изданія этого рода. Не лишнимъ считаю также упомянуть о весьма остроумно придуманномъ способѣ сохранять въ порядкѣ карточки, на коихъ заносится въ библіотекахъ систематическій каталогъ. Изобрѣтатель ихъ г. Бонанжъ (Bonange), состоя самъ при одной изъ публичныхъ библіотекъ Парижа, имѣлъ случай убѣдиться во всѣхъ неудобствахъ существовавшихъ до нынѣ системъ, не допускающихъ легкаго переставленія отдѣльныхъ фишекъ, или же представляющихъ опасность трудно поправимыхъ впослѣдствіи перестановокъ и смѣшеній при пользованіи каталогомъ. Выставленная система, повидимому, устраняетъ всѣ эти неудобства и даетъ возможность предоставить публикѣ пользованіе такого рода каталогами, что̀ до настоящаго времени разрѣшалось только спеціалистамъ. Система эта примѣнена въ значительныхъ размѣрахъ въ библіотекахъ французскихъ министерствъ военнаго и морскаго и одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія. Пріобрѣтенный нами экземпляръ, весьма скромныхъ размѣровъ, пригоденъ для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и долженъ главнымъ образомъ служить, по нашему мнѣнію, лишь образцомъ для основательнаго испытанія его практичности. Къ числу пріобрѣтеній слѣдуетъ также отнести не большую коллекцію земледѣльческихъ продуктовъ различныхъ странъ, предназначаемую для музея земледѣльческаго института въ Новой Александріи, а также нѣкоторые образчики шерсти изъ Австраліи и южной Америки, частью для того же заведенія, частью для ветеринарныхъ институтовъ. Благодаря любезности и предупредительности иностранныхъ коммисаровъ, между ко-

торыми слѣдуетъ особенно упомянуть о коммисарахъ италіанскомъ, голландскомъ и японскомъ, мнѣ удалось воспользоваться, хотя отчасти, драгоцѣннымъ случаемъ снабдить единственное высшее земледѣльческое учебное заведеніе вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ многочисленныхъ образчиковъ сырыхъ продуктовъ, выставленныхъ въ Парижѣ, большинство коихъ поступило въ богатое собраніе, существующее при агрономическомъ институтѣ въ Гриньонѣ (Grignon).

Князь М. Кантакузинъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Одноклассныя народныя и приходскія училища Каневскаго, Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, Кіевской губерніи, въ періодъ съ 10-го по 30-е мая 1878 года.

Продолжаемъ обзоръ состоянія училищъ Каневскаго уѣзда.

Исайковское одноклассное народное училище. Находится въ селѣ Исайкахъ, имѣющемъ дѣтей: мужскаго пола—1,130, женскаго—1,180, всего—2,310. Учащихся въ училищѣ по журналу числилось—71, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—24, въ средней—21, въ младшей—26; на лицо же при осмотрѣ [1]) состояло—24, въ старшей группѣ—19, въ младшей—5; всѣ учащіеся—православнаго исповѣданія, крестьянскаго сословія; они достаточно снабжены книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—священникъ, окончившій курсъ семинаріи, отличный преподаватель и весьма усердный къ точному исполненію своихъ обязанностей; прочіе предметы—учитель, окончившій курсъ въ педагогической школѣ, бывшей при Кіевской 1-й гимназіи, опытный и усердно преданный своему дѣлу преподаватель, возбуждающій учащихся къ трудолюбію собственнымъ примѣромъ. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—150 руб., отъ мѣстнаго общества—290 руб., всего—440 руб. Изъ этой суммы расходуется: законоучителю—50 руб., учителю—250 руб., на

[1]) 10-го и 11-го мая.

отопленіе, освѣщеніе, прислугу, ремонтъ и страхованіе дома—140 руб. Въ библіотекѣ училища имѣлось: книгъ—169 названій, 627 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—189; книгъ и пособій достаточно какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Помѣщеніе училища весьма удовлетворительно: классная комната имѣетъ 8,820 куб. фут., три комнаты квартиры учителя—по 2,304 куб. фут. каждая. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: 19 учениковъ старшей группы, окончившіе курсъ, подвергались во временной испытательной коммисіи, въ присутствіи сельскихъ властей и родителей учащихся, экзамену для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. По выбору инспектора народныхъ училищъ назначена была статья для диктовки, которую и продиктовалъ учитель; за диктовкой слѣдовала, для письменнаго рѣшенія, ариѳметическая задача, указанная инспекторомъ, которая также продиктована была учителемъ; тетради письменныхъ работъ учащихся были представлены на разсмотрѣніе испытательнаго комитета. Эти работы оказались вполнѣ удовлетворительными: въ продиктованномъ отрывкѣ у каждаго ученика не было ни одной грубой ошибки, не только искаженія словъ, и даже бо̀льшая часть изъ экаменовавшихся сами поставили, довольно правильно, главнѣйшіе знаки препинанія: письменная задача была подробно изложена во всѣхъ частяхъ ея. По закону Божіему учащіеся знали гораздо больше требуемаго программою: они не только подробно разсказывали о событіяхъ, упоминаемыхъ въ Священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, но даже отвѣчали весьма удовлетворительно о чудесахъ и притчахъ Христовыхъ и изъясняли смыслъ послѣднихъ. О догматахъ, излагаемыхъ въ православномъ катихизисѣ, отвѣчали съ надлежащею отчетливостію и полнотою. По русскому языку учащіеся читали довольно бѣгло указанныя статьи изъ „Книги для Чтенія". Водовозова, и основательно разсказывали читанное, свободно читали на славянскомъ языкѣ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ" и переводили читанные отрывки на русскій языкъ, объясняя значеніе каждаго непонятнаго слова подходящимъ русскимъ словомъ. Рукопись, напечатанную даже мелкимъ шрифтомъ, читали безъ затрудненія. Умственныя задачи, относящіяся ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ чиселъ и взятыя изъ практической жизни, рѣшали бѣгло и правильно. Въ заключеніе экзамена, учащіеся, по предложенію инспектора народныхъ училищъ, пропѣли весьма стройно: „Тебѣ поемъ", „Отче нашъ" и „Слава въ вышнихъ Богу". Коммисія признала изъ 19-ти экзаменованныхъ 16 уче-

никовъ, окончившихъ курсъ, достойными получить свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности.

Медвинское одноклассное училище, открытое въ октябрѣ 1876 года въ селѣ Медвинѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,970 и женскаго — 3,150, всего — 6,120; училище это содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по спискамъ—61, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—20, въ средней—18, въ младшей—23; на лицо же при осмотрѣ [1]) оказалось—12 учениковъ старшей группы, оканчивавшихъ курсъ, изъ которыхъ 11 явились на экзаменъ для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; всѣ учащіеся—православнаго вѣроисповѣданія, по сословіямъ: духовнаго—1, мѣщанскаго—3, крестьянъ—57. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, занимавшій прежде учительскую должность въ Уманскомъ, а также учительскую и инспекторскую должности въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи,—весьма способный преподаватель пользующійся расположеніемъ къ себѣ мѣстныхъ жителей. На содержаніе училища ассигнуется: отъ казны—150 руб., отъ общества—190 р., всего—340 руб. Изъ этой суммы производится: законоучителю—60 руб. и учителю—280 руб.; отопленіе, освѣщеніе, прислуга, ремонтъ дома и страхованіе его отнесены на счетъ общества. Въ библіотекѣ училища имѣлось книгъ—76 названій, 373 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій—43. За краткостію времени библіотека, при скудности училищныхъ средствъ, не имѣла еще возможности обзавестись многими книгами, необходимыми для преподавателей и учащихся; эти послѣдніе, впрочемъ, достаточно снабжены книгами и учебными пособіями, частію (дѣти достаточныхъ родителей)—на свои средства, частію (дѣти бѣдныхъ родителей)—на счетъ училища. Помѣщеніе училища вполнѣ удобно и соотвѣтствуетъ своему назначенію: классная комната имѣетъ 9,963 кубич. фут., библіотека — 1,440, двѣ комнаты квартиры учителя—по 2,720 каждая, кухня—2,317, однѣ сѣни—1,404, другія—943, кладовая—997 кубич. фут. Въ испытательной при училищѣ коммисіи подвергались испытанію, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и почетнѣйшихъ жителей села Медвина, 11 учениковъ старшей группы,

[1]) 12-го мая.

оканчивавшихъ курсъ; изъ нихъ по письменнымъ работамъ и по устнымъ отвѣтамъ по закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ удостоены свидѣтельствъ 7 учениковъ; остальные 4 ученика въ письмѣ подъ диктовку надѣлали не мало грубыхъ ошибокъ, и потому не были допущены къ дальнѣйшему устному испытанію. Причиною недостаточнаго успѣха этихъ послѣднихъ было краткое пребываніе ихъ въ училищѣ, около двухъ лѣтъ, недостаточное для подготовленія въ правильномъ письмѣ подъ диктовку, тогда какъ остальные 7 учениковъ поступили изъ бывшей въ селѣ Медвинѣ церковно-приходской школы, умѣя уже читать по-славянски и по-русски, слѣдовательно могли въ теченіе двухъ лѣтъ достаточно подготовиться къ испытанію. Учащіеся оказали хорошіе успѣхи въ церковномъ пѣніи, такъ что изъ нихъ составился хоръ, поющій въ воскресные и праздничные дни попремѣнно то въ одной, то въ другой церкви села Медвина. Дѣти занимались комнатною гимнастикою, ремеслами же не занимались.

Стеблевское одноклассное училище. Училище это, находящееся въ мѣстечкѣ Стеблевкѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—1,589 и женскаго—1,750, всего—3,339, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—86, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—17, въ средней—30 и въ младшей—39; въ дѣйствительности же при осмотрѣ училища, 13-го мая, оказалось на лицо—22, изъ нихъ старшей группы—8, средней—14. Учащіеся всѣ—православнаго исповѣданія; по сословіямъ: духовнаго званія—1, остальные 85—крестьянскаго. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель начитанный, способный и вполнѣ преданный исполненію своихъ обязанностей; прочихъ предметовъ—учитель, обучавшійся въ Кіевской семинаріи, имѣющій свидѣтельство на званіе учителя,—преподаватель, пріобрѣвшій своею опытностію и трудолюбіемъ искреннее сочувствіе и уваженіе къ себѣ всего населенія мѣстечка Стеблева. Училище получаетъ на свое содержаніе: отъ казны—150 руб., отъ общества—190 руб., всего—340 руб., изъ которыхъ назначается: законоучителю—50 руб., учителю—200 руб., на наемъ служителя, отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ и на учебныя пособія—90 руб. Въ библіотекѣ училища имѣется: книгъ—148 названій, другихъ учебныхъ пособій—176. Она удовлетворяетъ нуждамъ преподавателей, а равно учащихся и молодыхъ людей, окончившихъ курсъ училища, желающихъ совершен-

ствовать пріобрѣтенныя ими познанія путемъ чтенія полезныхъ книгъ, которыя выдаются имъ безпрепятственно училищемъ. Училище помѣщается въ общественномъ домѣ, вмѣстѣ съ сельскою управою, имѣя отдѣльный входъ. Помѣщеніе это не вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ училища, въ особенности же стѣснительна квартира. Класная комната имѣетъ 5,824 куб. фут., квартира учителя — 1,207, кухня при этой квартирѣ—1,207 куб. фут. Въ испытательной коммисіи при Стеблевскомъ училищѣ 13-го мая, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ, свободныхъ отъ занятій родителей учащихся, подвергались экзамену 8 учениковъ, окончившихъ курсъ, для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и всѣ они выдержали экзаменъ по закону Божію и русскому языку вполнѣ удовлетворительно, по ариѳметикѣ и письму—удовлетворительно; независимо отъ сего, сверхъ требованій программы, они довольно подробно отвѣчали по священной исторіи и православному катихизису, и кромѣ толковаго и довольно бѣглаго чтенія учебниковъ Водовозова, Паульсона и книги „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“, свободно читали книги на славянскомъ языкѣ Часославъ и Псалтирь, объясняя многіе непонятныя слова славянскаго текста словами русскими. По окончаніи испытанія, всѣ 8 учениковъ удостоены искомаго ими свидѣтельства. Гимнастикой и ремеслами учащіеся не занимались.

Черкасскаго уѣзда.

Городищенское одноклассное приходское училище князей Воронцовыхъ, съ женскимъ отдѣленіемъ. Училище это находится въ мѣстечкѣ Городище, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—3,990 и женскаго—4,765, всего—8,765, и содержится на счетъ суммы, отпускаемой ежегодно экономіей князей Воронцовыхъ. Учащихся по журналу числилось—74, въ томъ числѣ: а) въ мужскомъ отдѣленіи—55, изъ нихъ въ старшей группѣ—17, въ средней—17, въ младшей—21; б) въ женскомъ отдѣленіи—19, изъ нихъ въ старшей группѣ—4, въ средней—4, въ младшей—11. При осмотрѣ училища, 15-го мая, на лицо находилось—59, въ томъ числѣ: а) въ мужскомъ отдѣленіи—40, изъ нихъ въ старшей группѣ—12, въ средней—13, въ младшей 15; б) въ женскомъ—19, именно: въ старшей группѣ—4, въ средней—4, въ младшей—11. Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: мальчиковъ духовнаго званія—1, купеческаго—1, мѣ-

щанскаго—1, крестьянскаго—65; дѣвочекъ: потомственныхъ дворянъ —1, духовнаго званія—3, купеческаго—2, мѣщанскаго—6, крестьянскаго—62. Преподаваніемъ занимались: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи,—преподаватель, отлично знающій свой предметъ и умѣющій заинтересовать дѣтей своимъ разказомъ; по прочимъ предметамъ: въ мужскомъ отдѣленіи —учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, заслужившій уваженіе общества своимъ трудолюбіемъ; въ женскомъ отдѣленіи—учительница, окончившая курсъ въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. На содержаніе училища отпускается изъ экономіи князей Воронцовыхъ 1,665 руб., изъ которыхъ производится: законоучителю—300 руб., учителю—600 руб., учительницѣ —480 руб., на отопленіе, освященіе, ремонтъ и прислугу—285 руб. Въ библіотекѣ училища состояло: книгъ—122 названія 516 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—121 нумеръ. Вообще библіотека снабжена всѣми необходимыми пособіями и книгами; о пополненіи же дѣтской библіотеки книгами религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія главнымъ управленіемъ имѣній князей Воронцовыхъ сдѣлано распоряженіе. Учащіеся также снабжены въ достаточномъ количествѣ всѣми необходимыми учебными пособіями и книгами. Училище помѣщается удовлетворительно въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ экономіи князей Воронцовыхъ: 1-я комната, занимаемая низшею и среднею группами мужскаго отдѣленія, имѣетъ 2,774 куб. фут.; 2-я, занимаемая старшею группою того же отдѣленія—1,820 кубич. фут.; 3-я, занимаемая женскимъ отдѣленіемъ—2,430, 4-я и 5-я комнаты, квартира учителя,—по 2,350, кухня—1,594 кубич. фут. При домѣ находится дворъ, весьма удобный для прогулки учащихся въ промежутки между уроками, на дворѣ—сарай, погребъ и другія необходимыя хозяйственныя холодныя службы, за домомъ—садъ и огородъ; усадьба занимаетъ не менѣе десятины. Въ испытательной временной коммисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и управляющаго имѣніемъ князей Воронцовыхъ, 12 учениковъ старшей группы, оканчивавшіе курсъ, подвергались экзамену; изъ нихъ 9 выдержали оный удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, преимущественно по закону Божію, почему и признаны достойными свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности. Бывшіе на лицо учащіеся средней и младшей группъ отвѣчали удовлетворительно по всѣмъ предметамъ. Успѣхи учениц҃ъ женскаго отдѣленія оказались: старшей группы: по закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ и

чистописанію—удовлетворительными, по рукодѣлію—хорошими; средней группы: по закону Божію—хорошими, по русскому языку и ариеметики—порядочными, по рукодѣлію—хорошими; младшей группы—удовлетворительными, преимущественно по чтенію книги „Родное Слово" (1-й годъ) Ушинскаго. Учащіеся обоихъ половъ занимаются церковнымъ пѣніемъ съ отличнымъ успѣхомъ и, подъ руководствомъ своего учителя, въ воскресные и праздничные дни поютъ въ церкви. Гимнастика и ремесла въ училищѣ не преподаются.

Городищенское одноклассное народное училище. Находится въ мѣстечкѣ Городище, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—49, въ томъ числѣ въ старшей группѣ—13, въ средней—19, въ младшей—17: при осмотрѣ же училища 16-го мая было на лицо—21: старшей группы—7, средней -8, младшей—6. Всѣ учащіеся вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: мѣщанскаго—1, крестьянскаго—48. Преподаваніемъ занимались: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и владѣющій даромъ слова при передачѣ своего предмета учащимся; прочихъ предметовъ —учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, преподающій свои предметы съ полнымъ стараніемъ. Училище получаетъ на свое содержаніе: отъ казны—200 руб., отъ общества—270 руб., всего—470 руб., которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—50 руб., учителю—300 руб., на отопленіе—60 руб., на служителя—60 руб.; освѣщеніе, ремонтъ и застрахованіе дома общество приняло на свои средства. Въ библіотекѣ общества значилось: книгъ—53 названій 158 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—181 экземпляръ. Учащіеся снабжены необходимыми пособіями и книгами. Помѣщеніе училища вполнѣ удовлетворительно: классная комната для мальчиковъ имѣетъ—5,795 кубич. фут., такая же комната для дѣвочекъ—4,265, 1-я комната квартиры учителя—1,056, 2-я комната той же квартиры—1,186, кухня при учительской квартирѣ—532 кубич. фут. Во временной при училищѣ испытательной коммисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ родителей учащихся, произведенъ былъ экзаменъ семи ученикамъ старшей группы, оканчивавшимъ курсъ, изъ которыхъ выдержали оное удовлетворительно по всѣмъ предметамъ 6 учениковъ. Бывшіе на лицо учащіеся средней и младшей группъ, за немногими исключеніями, отвѣчали порядочно по всѣмъ предметамъ въ предѣлахъ программы, установленной для учащихся этихъ группъ. Ученики

пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія по голосу, подъ руководствомъ учителя. Гимнастикою и ремеслами учащіеся не занимались.

Смѣлянское одноклассное народное училище. Находится въ мѣстечкѣ Смѣлѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—3,460, женскаго—3,595, всего—7,055, и содержится всецѣло на счетъ общества. Учащихся состояло по журналу—73, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—12, изъ нихъ 3 дѣвочки; въ средней—31, изъ нихъ 5 дѣвочекъ, и въ младшей—30, изъ коихъ 6 дѣвочекъ. На лицо, при осмотрѣ 17-го мая, находилось—60: въ старшей группѣ—10, изъ нихъ 3 дѣвочки; въ средней—24, между ними 4 дѣвочки, въ младшей—26, въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ. Учащихся было вѣроисповѣданія православнаго—58, римско-католическаго—2, іудейскаго—1; по сословіямъ: личныхъ дворянъ—1, духовнаго званія—4, мѣщанъ—16, крестьянъ—52. Преподаваніемъ въ училищѣ занимались: закона Божія—мѣстный протоіерей и благочинный, преподаватель усердный и знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и пріобрѣвшій званіе учителя городскаго приходскаго училища, опытный и примѣрный преподаватель, пользующійся сочувствіемъ и уваженіемъ не только всего крестьянскаго общества, но и жителей м. Смѣлы другихъ сословій. На содержаніе училища мѣстное общество ассигнуетъ: жалованья законоучителю—120 руб., учителю—400 руб., на наемъ служителя—96 руб., на учебныя пособія—30 руб., на страхованіе дома—16 руб. 92 коп., всего—662 руб. 92 коп.; сверхъ того производитъ расходъ на отопленіе и освѣщеніе. Въ библіотекѣ училища имѣется: книгъ 81 названіе 279 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—146; вообще она достаточно снабжена какъ для преподавателей, такъ и для учащихся. Помѣщеніе училища, состоящаго изъ четырехъ комнатъ и кухни, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію: 1-я классная комната имѣетъ 5,236 кубич. фут., 2-я такая же комната—1,980, двѣ комнаты учительской квартиры—по 2,233 каждая, кухня—1,573 кубич. фут. Во временной испытательной коммисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались экзамену изъ оканчивавшихъ курсъ 8 учениковъ старшей группы—для полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и двѣ ученицы 1 й же группы—для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса; изъ нихъ выдержали экзаменъ удовлетворительно—6 учениковъ и 2 ученицы, получившіе вслѣдствіе сего искомыя свидѣтельства. Бывшіе на лицо учащіеся

средней и младшей группъ отвѣчали, въ предѣлахъ программы, удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, преимущественно же по чтенію и письму на русскомъ языкѣ и сверхъ того оказали хорошіе успѣхи въ церковномъ пѣніи: составленный изъ нихъ хоръ поетъ въ мѣстной церкви, настоятелемъ которой состоитъ законоучитель училища. Гимнастикой и ремеслами учащіеся не занимаются. Смѣлянское училище пользуется сочувствіемъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій, что доказывается многочисленностію учащихся, для бо́льшаго числа которыхъ въ помѣщеніи училища не имѣется свободнаго мѣста.

Бѣлозерскія одноклассныя народныя училищѣ, мужское и женское. Училища эти находятся въ мѣстечкѣ Бѣлозерьѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,792 и женскаго—2,918, всего—5,710, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся значилось по спискамъ: въ мужскомъ училищѣ — 42, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—10, въ средней—9 и въ младшей—23; въ женскомъ—21: въ старшей группѣ—5, въ средней — 6, въ младшей—10; при осмотрѣ училища 18-го мая состояло на лицо: въ мужскомъ училищѣ — 22, изъ нихъ старшей группы — 5, средней — 5, младшей—11; въ женскомъ — 16: старшей группы — 5, средней—6, младшей — 5. По вѣроисповѣданіямъ учащихся: православнаго — 55 (мальчиковъ—39, дѣвочекъ—16), іудейскаго—8 (мальчиковъ—3, дѣвочекъ—5); по сословіямъ: духовнаго званія—6 (мальчиковъ—4, дѣвочекъ 2), мѣщанъ—8 (мальчиковъ—3, дѣвочекъ—5), крестьянъ—49 (мальчиковъ—35, дѣвочекъ—14). Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія въ обоихъ отдѣленіяхъ и прочихъ предметовъ въ мужскомъ училищѣ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и дѣятельный, преподаваніемъ предметовъ въ женскомъ училищѣ — учительница, окончившая курсъ въ двухклассномъ женскомъ городскомъ училищѣ и пріобрѣвшая званіе учительницы начальнаго народнаго училища,— обладаетъ педагогическими способностями и за свои нравственныя качества пользуется уваженіемъ общества. Отпускаемая обществомъ на содержаніе училища сумма употребляется: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю и учительницѣ—по 150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—42 руб., на учебныя пособія—26 руб. Въ училищной биліотекѣ имѣется: книгъ—126 названій 721 экземпляръ, другихъ учебныхъ пособій — 106 нумеровъ; вообще биліотека имѣетъ все необходимое для преподавателей и для учащихся. Училища помѣщаются въ одномъ домѣ, но въ особыхъ

комнатахъ съ отдѣльными входами. Помѣщеніе это не вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ училища, такъ какъ не имѣетъ квартиръ для учителя и учительницы, которые вслѣдствіе сего живутъ въ нанимаемыхъ для нихъ мѣстными жителями частныхъ домахъ. Училищныя комнаты имѣютъ слѣдующее пространство: 1-я комнта мужскаго училища — 5,984 кубич. фут., 2-я — 3,537, комната женскаго училища—4,573 кубич. фут. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: въ испытательной временной коммисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и сельскихъ властей, оканчивавшіе курсъ ученики старшей группы подвергались экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; по разсмотрѣніи письменныхъ работъ, трое изъ нихъ допущены были къ устному испытанію. Познанія ихъ въ законѣ Божіемъ оказались хорошими: они знали молитвы съ объясненіемъ, разказывали подробно о главнѣйшихъ событіяхъ ветхаго и новаго завѣта, отвѣчали отчетливо о символѣ вѣры, молитвѣ Господней и десяти заповѣдяхъ. По русскому языку обратилъ на себя особое вниманіе ученикъ еврей, который хорошо и свободно читалъ на церковно-славянскомъ языкѣ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ", переводя прочитанное на русскій языкъ, и Псалтирь не хуже хорошо читающаго русскаго; всѣ же они читали книги для чтенія Водовозова и Паульсона, а равно и рукопись съ надлежащею остановкою на знакахъ препинанія и разказывали прочитанное своими словами по русски, не примѣшивая мѣстныхъ малороссійскихъ выраженій; рѣшали несложныя умственныя задачи на всѣ четыре дѣйствія цѣлыхъ чиселъ и дѣлали вычисленія на счетахъ, относящіяся къ сложенію и вычитанію тѣхъ же чиселъ. Въ виду оказанныхъ успѣховъ, всѣ трое удостоены коммисіею искомаго свидѣтельства. Бывшіе на лицо ученики средней и младшей группъ отвѣчали по всѣмъ предметамъ удовлетворительно. Успѣхи учеництъ старшей группы найдены: по закону Божію, чтенію славянскому и русскому, письму подъ диктовку—хорошими, по ариѳметикѣ—достаточными; учениць средней и младшей группъ по всѣмъ предметамъ — удовлетворительными. Особенные же успѣхи оказали дѣвочки старшихъ двухъ группъ въ рукодѣліи: онѣ шили бѣлье, скроенное учительницею, вязали тамбуромъ скатерти, салфетки, вышивали цвѣты на рубашкахъ, а дѣвочки младшей группы рубили платки, салфетки и т. п. Такими успѣхами учащіяся обязаны особенному усердію и знанію дѣла учительницы, которая

пріохотила ихъ къ училищу такъ, что онѣ съ удовольствіемъ посѣщаютъ его.

Лесковскія мужское и женскія одноклассныя училища, находятся въ селѣ Лескахъ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—2,792 и женскаго — 2,918, всего — 5,710, содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ количествѣ 503 руб. въ годъ. Учащихся считалось по журналу: въ мужскомъ училищѣ—56, изъ которыхъ въ старшей группѣ — 15, въ средней — 20, въ младшей—21; въ женскомъ—12, именно: въ старшей группѣ—2, въ средней—4, въ младшей — 6. При осмотрѣ училища 19-го мая на лицо оказалось: въ мужскомъ училищѣ — 24, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—7, въ средней—8, въ младшей—9; въ женскомъ—всѣ были на лицо. Учащіеся, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, вѣроисповѣданія православнаго, по сословіямъ же: мальчики—всѣ крестьянскаго, изъ дѣвочекъ одна—духовнаго, остальныя—крестьянскаго. Всѣ они снабжены необходимыми учебными пособіями и книгами. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ училищахъ — мѣстный священникъ и благочинный, окончившій курсъ въ духовной семинаріи со степенью студента, опытный и способный преподаватель, весьма преданный интересамъ училища; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя народнаго учителя, опытный и весьма трудолюбивый; въ женскомъ училищѣ—учительница, окончившая курсъ въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія и пріобрѣвшая званіе учительницы начальнаго народнаго училища, пользующаяся уваженіемъ мѣстнаго населенія за свои нравственныя качества. Преподающіе получаютъ жалованье: законоучитель — 100 руб., учитель и учительница—по 150 руб. въ годъ. Библіотека училища, снабженная всѣмъ необходимымъ какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, имѣетъ: книгъ—92 названія 618 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—89. Помѣщеніе училища вообще удовлетворительно: комната для мальчиковъ имѣетъ—8,624 куб. фут., комната для дѣвочекъ—3,586, двѣ комнаты для учителя—каждая по 1,807, кухня для него—1,447 куб. фут.; для помѣщенія учительницы выстроенъ отдѣльный домъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, кухни, кладовой и сѣней; на училищной усадьбѣ разводится фруктовый садъ, въ которомъ учащіеся мужскаго училища занимаются посадкой деревьевъ и уходомъ за вновь посаженными деревьями и кустарниками. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: семь оканчивавшихъ курсъ учениковъ старшей

группы подвергались въ испытательной коммисіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ 6 выдержали экзаменъ удовлетворительно по всѣмъ предметамъ, и потому удостоены искомаго свидѣтельства. Изъ учащихся, находившихся на лицо, ученики средней и младшей группъ оказали достаточные успѣхи по всѣмъ предметамъ, преимущественно по закону Божію. Ученицы старшей группъ знали весьма удовлетворительно главныя молитвы, символъ вѣры, заповѣди Божіи и главнѣйшія событія священной исторіи; читали хорошо, на церковнославянскомъ языкѣ, Часословъ, Псалтирь и чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ, а на русскомъ языкѣ—книгу Ушинскаго „Родное Слово" (годъ 2-й), писали довольно порядочно, рѣшали несложныя задачи, умственныя и письменныя, на всѣ четыре дѣйствія простыхъ чиселъ; ученицы средней и младшей группъ оказали успѣхи по всѣмъ предметамъ удовлетворительные; ученицы всѣхъ группъ обнаружили успѣхи по рукодѣлію, судя по ихъ малому возрасту, достаточные; по церковному пѣнію учащіеся обоихъ училищъ, подъ руководствомъ учителя, достигли хорошихъ результатовъ, и потому въ воскресные и праздничные дни поютъ въ церкви на заутрени и обѣднѣ. Вообще мѣстные жители довольны успѣхами учащихся и въ лицѣ волостнаго старшины оказываютъ полное содѣйствіе училищу въ матеріальномъ отношеніи, на сколько позволяютъ ихъ средства.

Чигиринскаго уѣзда.

Шабельницкія одноклассныя, мужское и женское, народныя училища. Училища эти находятся въ селѣ Шабельникахъ, имѣющемъ жителей 2,720, въ томъ числѣ: мужскаго пола 1,330, женскаго—1,390, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ количествѣ 498 руб. Учащихся считалось по журналу: въ мужскомъ училищѣ—58, изъ которыхъ въ старшей группѣ—8, въ средней—22, въ младшей — 28; въ женскомъ — 11, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—4; при осмотрѣ же училища 20-го мая находилось на лицо: въ мужскомъ училищѣ—26, изъ нихъ: въ старшей группѣ—4, въ средней—9, въ младшей—13; въ женскомъ—11, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—2, въ средней—4, въ младшей—5. По вѣроисповѣданію: въ мужскомъ училищѣ всѣ учащіеся—православные; въ женскомъ: православнаго исповѣда-

нія—10, іудейскаго—1, по сословіямъ: въ мужскомъ училищѣ: духовнаго—3, мѣщанскаго — 1, крестьянскаго — 54; въ женскомъ: духовнаго—2, мѣщанскаго—1, крестьянскаго—8. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ училищахъ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, обучавшійся въ духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе учителя, преподаватель усердный и знающій свое дѣло; въ женскомъ—исправляющая должность учительницы, обучавшаяся въ женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, преподавательница, вполнѣ преданная своему дѣлу и заслужившая вниманіе мѣстнаго населенія своими нравственными качествами. Изъ ассигнуемой на содержаніе училищъ суммы расходуется: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю и учительницѣ—по 150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—29 руб., на учебныя пособія—39 руб. Библіотека училищъ, имѣя все необходимое для преподавателей, содержитъ въ себѣ: книгъ—105 названій 981 экземляръ, другихъ учебныхъ пособій — 171 нумеръ. Помѣщеніе училищъ вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ ихъ: комната для мальчиковъ имѣетъ 6,820 куб. фут., двѣ комнаты квартиры учителя—2,057 куб. фут. каждая, кладовая при этой квартирѣ—539, комната для дѣвочекъ — 3,773, первая комната квартиры учительницы—2,156, вторая—1,078, кухня—957 кубич. фут. Познанія учащихся оказались слѣдующія: четыре ученика старшей группы, оканчивавшіе курсъ, подвергались испытанію на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности и выдержавъ оное удовлетворительно, удостоены искомаго свидѣтельства. Изъ бывшихъ на лицо при осмотрѣ училища ученики средней и младшей группъ отвѣчали: по закону Божію—хорошо, по русскому языку и ариѳметикѣ—порядочно; ученицы старшей группы знали удовлетворительно главныя молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей и главнѣйшія событія изъ священной исторіи, успѣхи ихъ по русскому языку и ариѳметикѣ оказались достаточными; ученицы средней группы отвѣчали по закону Божію то же, что̀ и ученицы старшей группы, но безъ объясненій и не такъ подробно, какъ послѣднія; читали „Родное Слово“ (годъ 2-й) и разказывали читанное своими словами связно; рѣшали небольшія письменныя и умственныя задачи, въ предѣлахъ 100, на сложеніе, вычитаніе и умноженіе простыхъ чиселъ; ученицы младшей группы знали главнѣйшія молитвы и начали читать по-русски, занимаясь въ то же время и письмомъ; по рукодѣліямъ, ученицы стар-

шей группы умѣли сшивать скроенныя части рубахи и вышивать цвѣтными нитками на полотенцахъ; ученицы средней группы принимали участіе въ занятіяхъ съ ученицами старшей группы, а ученицы низшей группы пріучались подрубать куски холста или салфетки.

Крыловскія, мужское и женское, одноклассныя народныя училища, находятся въ мѣстечкѣ Крыловѣ, имѣющемъ жителей—2,005, въ томъ числѣ мужскаго пола—990, женскаго—1,015, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ количествѣ 502 руб. Учащихся считалось по списку: въ мужскомъ училищѣ — 32, изъ нихъ въ старшей группѣ — 7, въ средней — 11, въ младшей—15; въ женскомъ училищѣ—12: въ старшей группѣ—3, въ средней — 6, въ младшей — 3. При осмотрѣ училища 22-го мая на лицо находилось: мальчиковъ—21, изъ которыхъ въ старшей группѣ—6, въ средней — 5, въ младшей — 10; дѣвочекъ — 9: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—2. По вѣроисповѣданіямъ: православнаго—28 мальчиковъ, 6 дѣвочекъ, іудейскаго — 3 мальчика, 5 дѣвочекъ, раскольниковъ — 1 мальчикъ; по сословіямъ: купеческаго—1 мальчикъ, мѣщанскаго—4 мальчика, 5 дѣвочекъ, крестьянскаго — 27 мальчиковъ 6 дѣвочекъ. Преподаваніемъ занимались: закона Божія въ обоихъ училищахъ — мѣстный благочинный священникъ, окончившій курсъ духовной семинаріи со степенью студента, преподаватель во всѣхъ отношеніяхъ отличный, привлекающій вниманіе учащихся своею оживленною бесѣдою; другихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ — учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, съ особеннымъ усердіемъ ведущій дѣло обученія грамотѣ и пользующійся уваженіемъ всего населенія м. Крылова за свои педагогическія и нравственныя качества; въ женскомъ училищѣ—учительница, окончившая курсъ въ духовномъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы,—преподавательница способная и трудолюбивая. Изъ ассигнуемой обществомъ на содержаніе училищъ суммы расходуется: на жалованье законоучителю—100 руб., учителю—190 руб., учительницѣ—150 руб., на наемъ служителя—30 руб., на отопленіе и освѣщеніе—42 руб., на учебныя пособія—30 руб. Библіотека училища, располагая всѣмъ необходимымъ для уясненія преподавателями своихъ предметовъ, заключаетъ въ себѣ: книгъ — 198 названій 845 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—128 нумеровъ. Помѣщеніе училища вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ его: классная комната для мальчиковъ имѣетъ 6,468 кубич. фут., комната для дѣвочекъ — 3,201, первая комната учителя—1,628, вторая—1,259, комната учи-

тельницы—1,628, кладовая—363, комната для библіотеки—715 кубич. фут. Познанія учащихся выразились слѣдующимъ образомъ: оканчивавшіе курсъ ученики старшей группы подвергались во временной испытательной коммиссіи, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и 5 изъ нихъ, отвѣты коихъ, письменные и устные, преимущественно по закону Божію, найдены вполнѣ удовлетворительными, удостоены искомаго свидѣтельства; бывшіе на лицо ученики средней и младшей группъ оказали по всѣмъ предметамъ достаточные успѣхи; ученицы старшей группы по закону Божію обнаружили отличные успѣхи, по русскому языку (чтенію по славянски и по-русски, съ разказомъ своими словами читаннаго, и письму)—довольно хорошіе, по ариѳметикѣ—достаточные; успѣхи ученицъ средней и младшей группъ по закону Божію, русскому языку и ариѳметикѣ найдены достаточными; успѣхи ученицъ всѣхъ группъ по рукодѣлію оказались довольно хорошими. Учащіеся съ лучшими голосами, составляющіе хоръ, поютъ въ воскресные, праздничные и торжественные дни при божественной литургіи. Гимнастика въ училищахъ не преподается.

Субботовскія, мужское и женское, одноклассныя народныя училища. Училища эти находятся въ селѣ Субботовѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—1,240, женскаго—1,270, всего 2,510, и содержатся на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ количествѣ 500 руб. Учащихся въ училищахъ состояло по журналу: въ мужскомъ училищѣ—42, изъ которыхъ въ старшей группѣ—4, въ средней—14, въ младшей—24; въ женскомъ—21, изъ нихъ: въ старшей группѣ—3, въ средней—2, въ младшей—15; на лицо при осмотрѣ 23-го мая находилось: мальчиковъ—21, изъ которыхъ въ старшей группѣ—4, въ средней—7, въ младшей—10; дѣвочекъ—14, изъ нихъ: въ старшей группѣ—3, въ средней—4, въ младшей—7; всѣ учащіеся мужскаго и женскаго пола—православнаго исповѣданія и крестьянскаго сословія. Преподаваніемъ занимались: закона Божія въ обоихъ училищахъ—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи,—преподаватель недавно поступившій на должность, но уже ознакомившійся съ своими обязанностями и вполнѣ понимающій свое дѣло; прочихъ предметовъ: въ мужскомъ училищѣ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи, усердный и трудолюбивый преподаватель; въ женскомъ—учительница, окончившая курсъ въ двухклассномъ женскомъ городскомъ училищѣ и пріобрѣвшая званіе учительницы на-

чальнаго училища, — преподавательница, отличающаяся усердіемъ къ исполненію своихъ обязанностей и занимающаяся успѣшно образованіемъ дѣтей. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель — 100 руб., учитель и учительница—по 150 руб. въ годъ. Въ библіотекѣ училища находится: книгъ — 100 названій 768 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—293 нумера. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и по распоряженію начальства учебнаго округа, училищемъ пріобрѣтено книгъ и брошюръ для народнаго чтенія—86 названій 224 экземпляра. Библіотека имѣетъ все необходимое для преподавателей и пополняется ежегодно новыми книгами и учебными пособіями, высылаемыми изъ редакціи Кіевскаго народнаго календаря, на 20 руб., назначенныхъ на этотъ предметъ. Училища помѣщаются въ двухъ домахъ: мужское—въ общественномъ домѣ, не вполнѣ удобномъ; классная комната имѣетъ 2,740 кубич. фут.; для женскаго нанимается обществомъ особый домъ, классная комната котораго заключаетъ въ себѣ 2,740 куб. фут. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: оканчивавшіе курсъ ученики старшей группы подвергались, во временномъ испытательномъ комитетѣ, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ и сельскихъ властей, экзамену на право полученія свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ три выдержали испытаніе удовлетворительно и пріобрѣли право на искомое свидѣтельство; наличные ученики средней и младшей группъ отвѣчали по закону Божію весьма удовлетворительно, по другимъ предметамъ — удовлетворительно; ученицы старшей группы очень хорошо знали главныя молитвы, символъ вѣры и десять заповѣдей, съ объясненіемъ; удовлетворительно отвѣчали о важнѣйшихъ событіяхъ ветхаго и новаго завѣта, вычисляли важнѣйшіе праздники въ году и указывали на обстоятельства въ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, въ честь которыхъ они установлены, или же въ честь Пресвятой Богородицы и угодниковъ Божіихъ; читали чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ на славянскомъ языкѣ и Псалтыри довольно свободно, на русскомъ языкѣ—книгу „Родное Слово" Ушинскаго (2-й годъ) и разказывали читанное своими словами довольно связно и языкомъ, очищеннымъ отъ выраженій мѣстныхъ малороссійскаго языка, смѣшаннаго съ польскимъ; писали по одной линейкѣ довольно хорошо и рѣшали умственныя и письменныя задачи, въ предѣлахъ 100, на первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Ученицы средней группы отвѣчали: по закону Божію — удовлетворительно, по русскому языку и ариѳме-

тикѣ—вполнѣ удовлетворительно; писали порядочно. Ученицы низшей группы знали молитвы: Отче нашъ, Царю небесный, Богородице Дѣво радуйся и Достойно есть; читали свободно Родное Слово (годъ первый), писали по двумъ линейкамъ крупными буквами; по ариѳметикѣ умѣли правильно рѣшать задачи на сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ. По рукодѣлію дѣвочки всѣхъ группъ достигли очень хорошихъ успѣховъ: ученицы старшей и средней группъ шили прочно и красиво рубахи, скроенныя учительницею, и вышивали цвѣты на полотенцахъ и рукавахъ рубахъ; ученицы младшей группы — рубахи, полотенца, платки, скатерти. Учащіеся обоихъ половъ, подъ руководствомъ учителя и учительницы, пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. Гимнастикою дѣти не занимаются.

Каменское съ женскимъ отдѣленіемъ приходское училище находится въ мѣстечкѣ Каменкѣ, имѣющемъ жителей 4,099, въ томъ числѣ мужскаго пола — 1,954, женскаго — 2,245. Оба отдѣленія содержатся на счетъ учредителей ихъ, Н. В. и А. И. Давыдовыхъ, которые даютъ для училищъ и для преподающихъ хорошее помѣщеніе, съ отопленіемъ и прислугою. Учащихся считалось по журналу: въ мужскомъ отдѣленіи—33, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—9, въ средней—18, въ младшей—6; въ женскомъ отдѣленіи—13: въ старшей группѣ—2, въ средней—3, въ младшей — 8. При осмотрѣ училища 24-го мая состояло на лицо: въ мужскомъ отдѣленіи—32, изъ нихъ: въ старшей группѣ—9, въ средней — 18, въ младшей—5; въ женскомъ — 13. Всѣ учащіеся въ обоихъ отдѣленіяхъ — вѣроисповѣданія православнаго; по сословіямъ: личныхъ дворянъ—1, духовнаго званія—1, крестьянскаго сословія—44. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія въ обоихъ отдѣленіяхъ и другихъ предметовъ въ мужскомъ отдѣленіи — учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель способный и дѣятельный; въ женскомъ отдѣленіи всѣмъ предметамъ кромѣ закона Божія: — учительница, окончившая курсъ Николаевскаго сиротскаго института при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Преподающіе получаютъ жалованье: законоучитель—500 руб., учительница—300 руб. На наемъ дома для мужскаго отдѣленія отпускается 100 руб., на наемъ служителя при отдѣленіи— 18 руб., на учебныя пособія — 39 руб., на отопленіе — 30 руб.; женское отдѣленіе помѣщается въ собственномъ домѣ учредительницы, которая сверхъ того отпускаетъ на учебныя пособія для отдѣленія по 9 руб. 20 коп. Помѣщенія обоихъ отдѣленій вполнѣ удовлетворительны: классная комната для мальчиковъ имѣетъ 4,187 кубич.

фут.; двѣ комнаты учителя — каждая по 1,372, кухня при квартирѣ учителя — 1,280, классная комната для дѣвочекъ — 2,858, прихожая — 975, двѣ комнаты учительницы—каждая по 1,325 кубич. фут. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ: ученики старшей группы, въ присутствіи гг. Давыдовыхъ и инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной коммиссіи экзамену на пріобрѣтеніе права льготы 4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и 7 изъ нихъ, выдержавшіе экзаменъ удовлетворительно, удостоены искомаго права. Ученики средней группы отвѣчали удовлетворительно по всѣмъ предметамъ програмы, преимущественно же оказали хорошіе успѣхи въ письмѣ правильнымъ и красивымъ почеркомъ. Ученики младшей группы, судя по недавнему поступленію въ училище, также достаточно успѣли въ пройденномъ: они знали главнѣйшія молитвы, читали по „Родному Слову" (годъ 1-й) всякую данную статью, умѣли считать до 100 и изображать число цифрами, списывали съ книги крупными буквами. Сверхъ того ученики всѣхъ группъ, подъ руководствомъ учителя, пѣли цѣлымъ классомъ довольно стройно молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, а также „Царю Небесный" и „Отче нашъ". Гимнастика въ училищѣ не преподается, но со стороны владѣльцевъ имѣнія сдѣлано уже распоряженіе о постановкѣ на училищномъ дворѣ нѣкоторыхъ гимнастическихъ снарядовъ. Ученицы старшей группы оказали успѣхи: по закону Божію—отличные, по русскому языку, ариѳметикѣ, русской географіи и рукодѣлію—хорошіе, почему и удостоены свидѣтельствъ объ окончаніи курса. Ученицы средней группы знали вполнѣ удовлетворительно главныя молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей и важнѣйшія событія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, правильно и довольно бѣгло читали книгу „Родное Слово" (годъ 2-й); разказывали читанное своими словами; писали съ прописей и съ книги по одной линейкѣ буквами довольно красивыми; рѣшали несложныя задачи, умственныя и письменныя, относящіяся къ сложенію, вычитанію и умноженію простыхъ чиселъ въ предѣлахъ 100. Ученицы младшей группы знали главныя молитвы; читали, хотя медленно, книгу „Родное Слово" (годъ 1-й); умѣли писать крупными буквами данныя слова и небольшія предложенія; считали числа до 50 и изображали ихъ цифрами. По рукодѣлію каждая группа имѣла свой особенный успѣхъ: дѣвочки старшей группы красиво и прочно шили рубахи и платья, выкроенныя учительницею; дѣвочки средней группы вязали тамбуромъ скатерти и вышивали узоры на рубахахъ; дѣвочки младшей группы умѣли ру-

бить платки, скатерти, салфетки и вязать чулокъ. Сверхъ того ученицы, подъ руководствомъ учительницы, довольно стройно пѣли молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія.

Ставидменское одноклассное народное училище находится въ мѣстечкѣ Ставидмѣ, имѣющемъ жителей—1,227, въ томъ числѣ мужскаго пола—597, женскаго — 630, и содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны въ количествѣ 206 руб. Учащихся считалось по журналу: въ старшей группѣ—4, въ средней—26, въ младшей—16, всего—46; на лицо при осмотрѣ училища 26-го мая находилось—22, именно: въ старшей группѣ—4, въ средней—12, въ младшей—6; всѣ учащіеся—православнаго вѣроисповѣданія; по сословіямъ: потомственныхъ дворянъ—2, духовнаго званія—1, мѣщанъ—2, крестьянъ—41. Всѣ учащіеся снабжены книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ въ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ полнымъ усердіемъ; прочихъ предметовъ — учитель, имѣющій свидѣтельство на званіе учителя городскаго приходскаго училища, опытный и трудолюбивый преподаватель. На содержаніе училища отпускается: изъ казны—206 руб., отъ общества—60 руб. Изъ этихъ денегъ расходуется: на жалованье законоучителю—50 р., учителю—150 руб., на учебныя пособія—6 руб., на содержаніе училищнаго дома—60 руб. Библіотека училища, располагая всѣмъ необходимымъ какъ для преподавателей, такъ и для учащихся, заключаетъ въ себѣ: книгъ—51 названіе 252 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій — 146 нумеровъ. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и распоряженію начальства учебнаго округа, училище пріобрѣло книгъ и брошюръ для народнаго чтенія религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія—89 названій 226 экземпляровъ на 27 р. 87 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ потребностямъ его: классная комната имѣетъ 4,116 кубич. фут., одна комната квартиры учителя—2,744, другая — 813, кухня и кладовая—по 1626 кубич. фут. По настоянію инспектора народныхъ училищъ, училищная усадьба обнесена рѣшеткой, которая была уничтожена по небрежности сельскихъ властей, объ исправленіи же сарая и устройствѣ погреба сообщено мѣстному мировому посреднику. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшей группы, оканчивавшіе курсъ, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, сельскихъ властей и нѣкоторыхъ избранныхъ крестьянъ подвергались, во временной испытательной коммиссіи, экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу

4-го разряда по отбыванію воинской повинности, и удостоились искомаго свидѣтельства. Изъ числа наличныхъ учениковъ средней группы бóльшая часть по закону Божію знали главныя молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей съ достаточнымъ объясненіемъ, важнѣйшія событія священной исторіи ветхаго завѣта; читали съ достаточною бѣглостію въ разныхъ мѣстахъ книги „Родное Слово“ (годъ 2-й) и разказывали читанное своими словами; писали съ прописей по двумъ линейкамъ довольно красивымъ почеркомъ, и рѣшали умственныя и письменныя задачи на сложеніе, вычитаніе и умноженіе, въ предѣлахъ 100 и болѣе. Наличные 6 учениковъ младшей группы умѣли объяснить положеніе на себѣ крестнаго знаменія, знали главнѣйшія молитвы; читали, хотя медленно, но правильно въ разныхъ мѣстахъ книги „Родное Слово“ (годъ 1-й); въ состояніи были написать не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя фразы; считали отъ 1 до 75, умѣя изображать числа цифрами. При училищѣ состоитъ классъ для взрослыхъ, которыхъ считалось по журналу — 35; но лѣтомъ занятій въ этомъ классѣ не бываетъ, такъ какъ учащіеся въ ономъ отлучаются изъ дому по разнымъ мѣстамъ для полевыхъ работъ. Несмотря на свое крайне стѣснительное положеніе, Ставидменское училище, благодаря усердію своихъ преподавателей, приноситъ существенную пользу мѣстному населенію.

Златопольское приходское училище находится въ мѣстечкѣ Златополѣ, имѣющемъ жителей: мужскаго пола—4,620 и женскаго—4,940, всего—9560, и содержится на счетъ казны въ количествѣ 314 руб. Учащихся считалось по журналу—17, изъ нихъ въ старшей группѣ—5, въ средней—7, въ младшей—5; на лицо при осмотрѣ училища 27-го мая оказалось—8, именно: въ старшей группѣ—5, въ средней—3, изъ числа учащихся вѣроисповѣданія православнаго—12, римско-католическаго—1, іудейскаго—4; по сословіямъ: духовнаго званія—2, мѣщанъ—11, крестьянъ—4. Всѣ они снабжены необходимыми книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ въ училищѣ занимается: закона Божія—мѣстный священникъ окончившій курсъ въ духовной семинаріи, преподаватель преданный, интересамъ училища, усердный и знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—имѣющій званіе учителя сельскаго начальнаго училища; онъ, послѣ сдѣланныхъ ему замѣчаній, усилилъ свое усердіе къ обученію дѣтей. Отпускаемая на училище сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на жалованье законоучителю—65 руб., учителю—149 руб., на содержаніе дома—100 руб. Въ библіотекѣ училища находится: книгъ—121

названіе, 275 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—26 нумеровъ. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и распоряженію начальства учебнаго округа училище пріобрѣло для народнаго чтенія книгъ и брошюръ 89 названій, 228 экземпляровъ, на 28 руб. 19 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ потребностямъ, хотя и требуетъ нѣкоторыхъ перестроекъ и исправленій: классная комната имѣетъ 3,658 куб. фут., 1-я комната учителя—2,285, 2-я—1,680, 3-я—1,296, 4-я—2,430, 5-я—1,296, кухня—990 куб. фут. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики старшей группы, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной коммиссіи экзамену на полученіе свидѣтельства на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ трое написали по диктовкѣ безъ грубыхъ ошибокъ, безъ искаженія и безъ пропуска словъ; письменныя задачи, относящіяся ко всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ простыхъ чиселъ, рѣшали удовлетворительно; знали главнѣйшія молитвы, символъ вѣры, 10 заповѣдей и важнѣйшія событія ветхаго и новаго завѣта; читали порядочно „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“ на славянскомъ языкѣ и объясняли встрѣчавшіяся при чтеніи непонятныя слова славянскія однозначущими русскими; читали книгу для чтенія Водовозова, останавливаясь на знакахъ препинанія и разказывая содержаніе прочитаннаго собственными словами; подобнымъ же образомъ читали и написанное крупными, средними и мелкими буквами; немногосложныя задачи умственно и на классной доскѣ рѣшали безошибочно, въ виду таковыхъ успѣховъ означенные три ученика удостоены полученія искомаго ими свидѣтельства. Бывшіе на лицо три ученика средней группы знали главнѣйшія молитвы, но безъ объясненій, читали книгу „Родное Слово“ (годъ 2-й) довольно порядочно, писали по двумъ линейкамъ съ прописей крупными буквами, рѣшали легкаго содержанія задачи, относящіяся къ сложенію и вычитанію простыхъ чиселъ. Церковнымъ пѣніемъ и гимнастикою учащіеся не занимаются.

Лебединское одноклассное народное училище. Училище это находится въ селѣ Лебединѣ, въ которомъ жителей мужскаго пола—1,780 и женскаго—1,860, всего—3,640, и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся считалось по журналу—44, въ томъ числѣ: въ старшей группѣ—15, въ средней—13, въ младшей—16 мальчиковъ; при осмотрѣ же училища 29-го мая на лицо находилось—16, изъ нихъ высшей группы—14, низшей—2; всѣ учащіеся православнаго исповѣданія и крестьянскаго сословія, и снаб-

жены необходимыми книгами и учебными пособіями. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный благочинный священникъ, окончившій курсъ наукъ въ духовной семинаріи,—преподаватель трудолюбивый и хорошо знающій свое дѣло; прочихъ предметовъ—учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи юго-западнаго края,—преподаватель отлично-усердный и весьма трудолюбивый. На содержаніе училища отпускается: отъ казны—206 руб., отъ общества—324 руб. 15 коп., всего—530 руб. 15 коп.; изъ этой суммы расходуется: на жалованье законоучителю—50 руб., учителю—350 руб., на отопленіе, освѣщеніе и прислугу—124 руб. 15 коп., на учебныя пособія—6 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется: книгъ—69 названій, 232 экземпляра, другихъ учебныхъ пособій—75. По ходатайству инспектора народныхъ училищъ и по распоряженію начальства учебнаго округа для училища пріобрѣтено книгъ для народнаго чтенія—94 названія, 231 экземпляръ на 28 руб. 90 коп. Помѣщеніе училища удовлетворяетъ его потребностямъ: классныя комнаты заключаютъ въ себѣ по 3,724 куб. фут. каждая, кухня—2,310 куб. фут.; домъ ремонтируется обществомъ исправно. Учащіеся обнаружили слѣдующія познанія: ученики старшей группы, числомъ — 14, въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, подвергались во временной испытательной коммиссіи экзамену для полученія свидѣтельствъ на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ 13 выдержали экзаменъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительно, а потому и удостоены искомаго свидѣтельства. Наличные два ученика младшей группы знали главнѣйшія молитвы и символъ вѣры; читали хотя медленно, „Родное Слово" (годъ 1-й) и объясняли значеніе словъ, встрѣчавшихся при чтеніи; писали, хотя некрасиво, данныя слова; считали числа до 50-ти и умѣли изображать ихъ цифрами. Церковное пѣніе преподается по слуху, и учащіеся, подъ руководствомъ учителя, пѣли хоромъ молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія. Гимнастика въ этомъ училищѣ не преподается.

Сельскія одноклассныя народныя училища 4-го раіона Волынской губерніи (уѣзды Владиміръ-Волынскій, Луцкій и Ковельскій) въ первой половинѣ 1878 года.

Коршовское училище въ селѣ Коршовѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ октябрѣ 1875 года, содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—40 мальчиковъ, въ томъ числѣ:

въ старшемъ отдѣленіи—5, въ среднемъ—20, въ младшемъ—15. Познанія ихъ при осмотрѣ оказались слѣдующія: ученики старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ весьма хорошо; успѣхи учениковъ средняго отдѣленія не менѣе удовлетворительны: многіе изъ нихъ хорошо произносятъ молитвы и заповѣди и понимаютъ ихъ содержаніе; весьма порядочно разказывали событія изъ ветхозавѣтной исторіи; читаютъ толково и довольно бѣгло; пишутъ на тетрадяхъ недурно; рѣшаютъ умственно ариѳметическія задачи въ предѣлахъ 60-ти довольно бойко; въ младшемъ отдѣленіи нѣкоторые знаютъ главнѣйшія молитвы; большинство читаетъ по книгѣ „Родное Слово“ (годъ 1-й) довольно хорошо; умѣютъ считать въ предѣлахъ перваго десятка. Учителемъ состоитъ окончившій курсъ духовной семинаріи, онъ же преподаетъ и законъ Божій—преподаватель усердный и вполнѣ добросовѣстный; жалованья получаетъ 200 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 50 руб. за преподаваніе закона Божія. Библіотека училищная, имѣющая книгъ—211 названій, весьма небогата книгами для чтенія, но въ необходимыхъ руководствахъ и учебныхъ пособіяхъ не терпитъ недостатка. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, весьма приличномъ и удобномъ.

Несвичское фундушевое приходское училище въ селѣ Несвичѣ Луцкаго уѣзда, основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1834 году; содержится на счетъ фундушей съ пособіемъ изъ средствъ казны. Учащихся считалось по журналу—44 мальчиковъ; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—10, въ среднемъ—12, въ младшемъ—22; на лицо при осмотрѣ состояло—39. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшаго отдѣленія отвѣчали изъ закона Божія удовлетворительно; въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ успѣхи весьма хороши; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ и пишутъ большею частію хорошо, рѣшаютъ ариѳметическія задачи въ предѣлахъ 80-ти довольне скоро и основательно; успѣхи по закону Божію не вполнѣ удовлетворительны: дѣти сбивчиво разказываютъ событія изъ священной исторіи и плохо объясняютъ содержаніе выученныхъ молитвъ и заповѣдей; въ младшемъ отдѣленіи большинство учениковъ читаютъ и пишутъ; занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 12-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, весьма почтенный и уважаемый, но по преклонности лѣтъ и слабому здоровью не могущій вести свои занятія какъ бы слѣдовало; прочихъ предметовъ—учитель, выбывшій изъ 6-го класса основнаго отдѣленія реальнаго училища и пріобрѣвшій званіе учителя,—хорошій преподаватель

по своимъ способностямъ и усердію къ занятіямъ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. Училищная библіотека состоитъ изъ 456 книгъ и 63 учебныхъ пособій. Помѣщеніе училища довольно хорошее и удобное.

Губинское училище, въ селѣ Губинѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1875 году, содержится на счетъ общества, съ пособіемъ отъ казны. Обучающихся въ немъ по журналу считалось—30, въ томъ числѣ въ старшей группѣ—5, въ средней—13, въ младшей—12; на лицо при осмотрѣ училища оказалось—23 мальчика. Познанія учащихся оказались въ слѣдующемъ видѣ: ученики старшаго отдѣленія знали главныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но мало понимаютъ ихъ содержаніе; событія изъ священной исторіи разказываютъ незавидно; читаютъ осмысленно, но недостаточно бѣгло; пишутъ съ ошибками; изъ ариѳметики съ трудомъ рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ первой сотни; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ порядочно и могутъ передавать содержаніе прочитаннаго; въ счетѣ дошли до 40; мальчики младшаго отдѣленія выучили три молитвы: Отче нашъ, Царю небесный и Богородица Дѣва; читаютъ большею частію недурно; умѣютъ считать въ предѣлахъ 10-ти. Малоуспѣшность занятій учителя была поставлена ему на видъ. Преподаватели получаютъ жалованья, учитель—250 руб.: въ томъ числѣ отъ казны—150 руб., отъ общества—100 руб., законоучитель—50 руб. Училищная библіотека состоитъ изъ 226 книгъ и 41 учебнаго пособія. Помѣщеніе училища довольно удобно и содержится въ исправности.

Скурчанское училище, въ селѣ Скурчѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ сентябрѣ 1875 года, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—30; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—8, въ среднемъ—12, въ младшемъ—10. Познанія ихъ слѣдующія: пять учениковъ старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ очень хорошо, три—удовлетворительно; успѣхи учениковъ средняго отдѣленія не менѣе удовлетворительны: дѣти хорошо произносятъ молитвы и объясняютъ ихъ своими словами; разказываютъ ветхозавѣтныя событія довольно хорошо; читаютъ толково и съ достаточною бѣглостію; рѣшаютъ ариѳметическія задачи въ предѣлахъ до 70-ти; въ младшемъ отдѣленіи нѣкоторые мальчики читаютъ довольно хорошо; счисленіемъ занимаются въ предѣлахъ 12-ти. Какъ законоучитель, мѣстный священникъ, такъ и учитель, имѣющій установленное на это званіе свидѣтельство, съ большимъ стараніемъ относятся къ своему дѣлу: учитель, притомъ, отличается тактомъ и

умѣніемъ расположить къ себѣ учащихся, не пропуская уроковъ безъ уважительной причины. Преподаватели получають содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—200 руб. въ годъ. Училище не терпитъ недостатка въ необходимыхъ учебныхъ книгахъ и пособіяхъ, но собственно книгъ для чтенія и для самообразованія учителя въ училищной библіотеки очень немного. Домъ училища довольно хорошъ и содержится въ порядкѣ.

Оконское училище, въ селѣ Оконскѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1871 году, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—38, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—10, въ среднемъ—13, въ младшемъ—15. Познанія учащихся выразились въ слѣдующемъ: ученики старшаго и средняго отдѣленій оказали наилучшіе успѣхи въ законѣ Божіемъ; тѣмъ не менѣе и по другимъ предметамъ обученіе идетъ вообще удовлетворительно: читаютъ въ старшемъ отдѣленіи съ достаточною бѣглостью и толково разказываютъ содержаніе прочитаннаго; пишутъ подъ диктовку довольно красиво и безъ грубыхъ ошибокъ; знаютъ четыре первыя ариѳметическія дѣйствія и рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія съ простыми и именованными числами; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ хотя не бѣгло, но довольно правильно и съ пониманіемъ содержанія прочитаннаго; пишутъ порядочно; умѣютъ дѣлать сложеніе, вычитаніе и умноженіе; ученики младшаго отдѣленія изучили главнѣйшія молитвы; нѣкоторые читаютъ довольно хорошо; знакомы со счетомъ въ предѣлахъ 10-ти. Преподаваніемъ въ этомъ училищѣ всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и закона Божія, занимается учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи со званіемъ студента. Онъ получаетъ жалованья 200 руб., изъ коихъ 50 руб. за преподаваніе закона Божія. Училищная библіотека имѣетъ книгъ—450 названій. Училище помѣщается въ собственномъ небольшомъ домѣ, который содержится въ исправности, но помѣщеніе вообще тѣсновато.

Городковское училище находится въ селѣ Городкѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1873 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Училище это, благодаря отличному усердію и заботливости преподавателей, находится во всѣхъ отношеніяхъ въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ. Учащихся въ немъ—56, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—15, въ среднемъ—22, въ младшемъ—19. Успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ хороши: въ старшемъ отдѣленіи ученики выучили осмысленно молитвы, символъ вѣры и заповѣди, и толково передаютъ событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго

завѣта, имѣютъ понятіе о таинствахъ и богослуженіи; въ среднемъ отдѣленіи хорошо объясняли молитву Господню и заповѣди, а также значеніе важнѣйшихъ праздниковъ; знаютъ почти всю ветхозавѣтную исторію; читаютъ ученики старшаго отдѣленія отчетливо, большею частію бѣгло и весьма правильно; такое же чтеніе большей части учениковъ и средняго отдѣленія; пишутъ въ обоихъ отдѣленіяхъ нѣкоторые хорошо, другіе порядочно; изъ ариѳметики ученики старшаго отдѣленія рѣшаютъ, въ большинствѣ, очень хорошо задачи на первыя четыре дѣйствія съ именованными числами, а также довольно легко рѣшаютъ умственно задачи на эти дѣйствія съ простыми числами; въ среднемъ отдѣленіи многіе изъ учащихся знаютъ первыя три дѣйствія, не затрудняясь въ примѣненіи подлежащихъ дѣйствій къ рѣшенію задачи; изъ младшихъ учениковъ нѣкоторые изучили главныя молитвы, весьма хорошо читаютъ, умѣютъ считать въ предѣлахъ 14-ти. Кромѣ того, дѣти хорошо обучены учителемъ нотному пѣнію церковному. Преподаватели получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. въ годъ. Въ училищвой библіотекѣ имѣется книгъ—440 названій. Помѣщеніе училища, по обширности дома и его удобствамъ,одно изъ лучшихъ въ районѣ.

Велицкое училище, находящееся въ селѣ Велицкѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ по списку значилось—60, на лицо же при осмотрѣ находилось—49; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—13, въ среднемъ—19, въ младшемъ—17. Познанія учащихся оказались слѣдующія: ученики старшаго отдѣленія знаютъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но не всѣ хорошо объясняютъ ихъ содержаніе; событія изъ священной исторіи новаго завѣта передаютъ довольно хорошо; читаютъ вообще удовлетворительно, пишутъ подъ диктовку довольно красиво и правильно только семь мальчиковъ; изъ ариѳметики знаютъ всѣ четыре дѣйствія и нѣкоторые рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія довольно легко. Въ среднемъ отдѣленіи многіе изъ мальчиковъ читаютъ довольно хорошо и со смысломъ; пишутъ порядочно; знаютъ молитвы и заповѣди; изъ священной исторіи прошли ветхозавѣтныя событія до избранія Саула на царство; считаютъ и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 70-ти. Младшіе ученики выучили двѣ молитвы: Отче нашъ и Богородице Дѣво; читаютъ нѣкоторые порядочно, со счетомъ ознакомлены мало. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, прочихъ предметовъ—учитель, окончившій четыре класса Житомирской гимназіи

и пріобрѣвшій званіе сельскаго учителя,—преподаватель очень усердный и могущій при усердіи дѣлать значительные успѣхи. Училищная библіотека имѣетъ книгъ—769 названій. Помѣщается училище въ собственномъ домѣ, просторномъ и удобномъ. При училищѣ имѣется особое помѣщеніе для учениковъ, приходящихъ изъ другихъ селъ.

Голобское фундушевое приходское училище находится въ селѣ Голобахъ, Ковельскаго уѣзда, основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1834 году и содержится на счетъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся имѣется — 45, въ томъ числѣ одна дѣвочка; изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи — 10, въ среднемъ — 19 мальчиковъ и одна дѣвочка, въ младшемъ—15. Преподаваніемъ занимались: закона Божія — мѣстный священникъ, старый годами и слабый здоровьемъ, подавшій уже прошеніе объ отставкѣ; прочихъ предметовъ—учитель, получившій образованіе въ Холмской (въ Царствѣ Польскомъ) учительской семинаріи, — преподаватель знающій свое дѣло и ему преданный. Обученіе чтенію, письму и ариѳметикѣ идетъ очень хорошо и вполнѣ успѣшно; успѣхи же въ законѣ Божіемъ весьма неудовлетворительны, и еслибы не усердіе учителя, который занимался этимъ предметомъ со старшими учениками, то едва-ли бы кто изъ нихъ могъ выдержать установленное испытаніе на полученіе свидѣтельства, дающаго право на сокращеніе военной службы по 4-му разряду; благодаря же его усердію, шесть мальчиковъ отвѣчали очень удовлетворительно и получили свидѣтельства объ окончаніи курса училища. Преподаватели получаютъ содержанія: учитель — 270 руб., именно 150 руб. отъ казны, остальные 120 руб.—отъ общества; законоучитель—50 руб. Въ училищной библіотеки имѣется книгъ—360 названій, при достаточномъ количествѣ учебныхъ пособій. Помѣщеніе училища удобно, но домъ уже довольно ветхій, и ведутся переговоры съ обществомъ о постройкѣ новаго дома.

Любитовское училище, находящееся въ селѣ Любитовѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ ноябрѣ 1876 года и содержится на средства общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ по списку—53, на лицо же находится — 45, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи — 6, въ среднемъ — 18, въ младшемъ — 21. Успѣхи учениковъ, судя по недавнему открытію училища, нельзя не назвать удовлетворительными: четыре мальчика старшаго отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ очень хорошо и могутъ получить свидѣтельство на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ большею частію довольно хорошо и разказываютъ

прочитанное; знаютъ молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; пишутъ на тетрадяхъ порядочно; считаютъ въ предѣлахъ 40; изъ учениковъ младшаго отдѣленія многіе умѣютъ читать и ознакомлены со счетомъ въ предѣлахъ 10-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, относящійся къ своимъ занятіямъ съ усердіемъ; прочихъ предметовъ — учительница, окончившая курсъ въ Подольской гимназіи, занимающаяся очень ревностно и съ тактомъ ведущая свое дѣло. Преподающіе получаютъ жалованья: священникъ — 90 руб., учительница — 300 руб. Училище не имѣетъ недостатка въ самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ, но библіотека его еще очень бѣдна: всего находится въ ней: книгъ—169 названій, другихъ пособій—60 нумеровъ. Помѣщается училище въ собственномъ, довольно удобномъ домѣ.

Дубовское училище, находящееся въ деревнѣ Дубовѣ, Ковельскаго уѣзда, преобразовано въ 1876 году изъ бывшей сельской волостной школы и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ—44, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленія—10, въ среднемъ—15, въ младшемъ — 19. Познанія учащихся обнаружились въ слѣдующемъ: старшіе ученики знаютъ главныя молитвы, заповѣди и символъ вѣры, и объясняютъ ихъ своими словами; довольно хорошо передаютъ событія изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта; читаютъ вообще удовлетворительно и толково, пишутъ довольно правильно; рѣшаютъ задачи на всѣ четыре дѣйствія и знаютъ единицы различныхъ мѣръ; ученики средняго отдѣленія знаютъ молитвы и заповѣди и разказываютъ ветхозавѣтныя событія; читаютъ и пишутъ на тетрадяхъ довольно хорошо; въ счетѣ дошли до 70-ти; изъ младшихъ учениковъ многіе читаютъ и умѣютъ считать въ предѣлахъ перваго десятка. Преподаваніемъ закона Божія и прочихъ предметовъ занимается учитель, окончившій курсъ духовной семинаріи, — преподаватель способный и добросовѣстный, благодаря чему ученики достигаютъ весьма хорошихъ успѣховъ; онъ получаетъ содержанія — 400 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 100 руб. за преподаваніе закона Божія. Училищная библіотека имѣетъ книгъ — 442 названія. Помѣщеніе училища весьма удовлетворительно.

Турійское училище находится въ мѣстечкѣ Турійскѣ, Ковельскаго уѣзда, открыто въ 1872 году, преобразовано въ одноклассное народное министерства народнаго просвѣщенія въ 1876 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—49 мальчиковъ; изъ нихъ: въ старшемъ отдѣленіи—

12, въ среднемъ—20; въ младшемъ—17. Успѣхи учениковъ старшаго отдѣленія по всѣмъ предметамъ очень хороши: каждый изъ нихъ къ предстоявшимъ годичнымъ испытаніямъ подготовленъ былъ къ полученію свидѣтельства объ окончаніи курса училища; въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ успѣхи также весьма удовлетворительны. Училище это, съ самаго начала существованія своего, имѣло дѣльнаго учителя и отличалось успѣхами учениковъ. Нынѣшній учитель, воспитанникъ учительской семинаріи, состоя на должности съ сентября 1877 года, хотя еще не успѣлъ особенно заявить своей дѣятельности, но вполнѣ поддерживаетъ своими занятіями прежнюю репутацію училища. Законоучителемъ состоитъ мѣстный священникъ, принадлежащій къ лучшимъ преподавателямъ по своему усердію и умѣнью излагать предметъ. Преподающіе получаютъ содержанія: законоучитель—100 руб., учитель — 300 руб. Училище снабжено учебными пособіями и книгами въ достаточномъ количествѣ: въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ — 395 названій. Помѣщеніе училища очень приличное и удобное; при училищѣ имѣется общая квартира для приходящихъ учениковъ изъ другихъ селъ.

Садовское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ находится въ селѣ Садовѣ, Луцкаго уѣзда, основано въ 1847 году принято въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія въ 1867 г. и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся по журналу значилось — 29; на лицо же, при осмотрѣ, оказалось—20 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи — 5, въ среднемъ — 8, въ младшемъ — 7. Успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ оказались неудовлетворительны: изъ учениковъ старшаго отдѣленія едва одинъ можетъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса училища; мальчики средняго отдѣленія читаютъ хотя порядочно, но разказываютъ прочитанное плохо; умѣютъ считать и рѣшать задачи въ предѣлахъ только 30-ти; знаютъ молитвы и заповѣди, но безъ пониманія ихъ содержанія; изъ священной исторіи разказываютъ событія сбивчиво, и то при помощи вопросовъ въ младшемъ отдѣленіи читаютъ незавидно, со счетомъ почти не ознакомлены. Такое неутѣшительное явленіе объясняется тѣмъ, что учитель, студентъ духовной семинаріи, какъ оказалось, получаетъ священническое мѣсто, что, очевидно, произвело въ немъ отсутствіе того усердія, съ какимъ онъ велъ свои занятія въ этомъ училищѣ въ первые два года, а законоучитель, мѣстный священникъ, до 1878 года не получалъ никакого вознагражденія за свой трудъ по учи-

лищу, и только въ этомъ году мѣстное крестьянское общество назначило ему жалованье по 50 руб. въ годъ. Учитель получаетъ содержанія 100 руб., при квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ — 679 названій. Помѣщается училище въ собственномъ, новоотстроенномъ домѣ, очень хорошемъ и удобномъ.

Свинюхское приходское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Училище это находится въ селѣ Свинюхахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, существуетъ съ 1847 года и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учениковъ имѣлось—44, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи—6, въ среднемъ—18, въ младшемъ—20. Успѣхи ученія, съ назначеніемъ новаго учителя вмѣсто удаленнаго отъ должности, оказываются несравненно лучше, и можно надѣяться въ недалекомъ будущемъ на совершенно удовлетворительное состояніе училища во всѣхъ его частяхъ. Въ старшемъ отдѣленіи три ученика по успѣхамъ могутъ легко выдержать установленное испытаніе на полученіе льготнаго свидѣтельства по отбыванію воинской повинности; большая часть мальчиковъ средняго отдѣленія читаютъ весьма порядочно и осмысленно, хорошо произносятъ главныя молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; разказываютъ нѣкоторыя событія священной исторіи весьма хорошо; счисленіемъ занимаются въ предѣлахъ 48; въ младшемъ отдѣленіи читаютъ немногіе, большинство еще учится чтенію. Учащіеся обучаются церковному пѣнію, которымъ съ успѣхомъ занимается учитель, такъ что дѣти довольно стройно пѣли главнѣйшія молитвы. Законоучитель, мѣстный священникъ, хотя и не получаетъ за труды по училищу никакого вознагражденія, тѣмъ не менѣе сочувственно относится къ училищу и съ усердіемъ исполняетъ свою должность; учитель получаетъ жалованья по 150 руб. въ годъ. Училищная библіотека имѣетъ книгъ — 524 названія. Училище помѣщается въ новомъ, недавно отстроенномъ крестьянскимъ обществомъ домѣ, довольно хорошемъ и удобномъ.

Локачское приходское фундушевое училище находится въ мѣстечкѣ Локачахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда; основано въ 1803 году, вновь открыто въ 1835 году и содержится изъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся обоего пола—40, въ томъ числѣ: въ старшемъ отдѣленіи—5 мальчиковъ и 1 дѣвочка, въ среднемъ—13 мальчиковъ и 3 дѣвочки, въ младшемъ—14 мальчиковъ и 4 дѣвочки. Познанія учащихся оказались слѣдующія: учащіеся старшаго и сред-

няго отдѣленій отвѣчали по всѣмъ предметамъ довольно удовлетворительно, и особенно хорошо объясняли исторію важнѣйшихъ праздниковъ; въ младшемъ отдѣленіи не всѣ умѣютъ читать, а считаютъ въ предѣлахъ 12-ти; нѣкоторые занимаются еще составленіемъ словъ изъ подвижныхъ буквъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія— мѣстный священникъ, весьма успѣшно; прочихъ предметовъ учитель, окончившій курсъ въ бывшей Винницкой гимназіи,—старательный и добросовѣстный преподаватель, но имѣющій мало способности вести дѣло оживленно и держать классъ въ порядкѣ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель — 50 руб, учитель — 150 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ — 329 названій. Училище помѣщается въ старомъ экономическомъ домѣ, но общество крестьянъ цѣлой волости приняло на себя постройку новаго дома, который уже отстроенъ за исключеніемъ внутреннихъ работъ, по окончаніи коихъ училище будетъ переведено въ этотъ домъ, вполнѣ приличный, просторный и удобный.

Павловичское приходское училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ, находящееся въ селѣ Павловичахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, открыто въ 1845 году и содержится на счетъ особаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Учащихся въ немъ по списку значилось — 23, на лицо же при осмотрѣ находилось — 19 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—3, въ среднемъ—7, въ младшемъ—9. Они оказали слѣдующія познанія: мальчики старшаго отдѣленія довольно хорошо объясняли молитвы и символъ вѣры и разказывали событія новозавѣтной исторіи; читаютъ и пишутъ подъ диктовку удовлетворительно; знаютъ первыя четыре ариѳметическія дѣйствія съ простыми и именованными числами, но умственно рѣшаютъ задачи вяло; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ порядочно и осмысленно, знаютъ главныя молитвы и заповѣди и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 36-ти; дѣти младшаго отдѣленія читаютъ посредственно; въ счетѣ дошли до 10-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, не получающій за свои труды по училищу никакого вознагражденія; прочихъ предметовъ — изъ неокончившихъ курса духовной семинаріи и пріобрѣвшій званіе сельскаго учителя,—довольно способный, но мало усердный преподаватель; жалованья получетъ 150 руб. въ годъ. Училищная библіотека заключаетъ въ себѣ книгъ — 689 названій. Помѣщается училище въ собственномъ домѣ, весьма холодномъ зимою, вслѣдствіе дурной его

отстройки и несодержанія въ исправности; приняты мѣры къ побужденію общества о приведеніи дома въ надлежащій порядокъ.

Микуличское училище, находящееся въ селѣ Микуличахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, открыто въ 1871 году, и содержится на собственныя срества общества крестьянъ. Обучающихся въ немъ—34 мальчика, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—7, въ среднемъ—14 и въ младшемъ—13. Успѣхи ихъ по всѣмъ предметамъ вообще удовлетворительны: 5 учениковъ старшаго отдѣленія въ состояніи были въ томъ же году выдержать установленное испытаніе на право льготы по военной службѣ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, который, при усердіи къ должности, при простотѣ и доступности изложенія дѣтямъ своего предмета, постоянно достигаетъ хорошихъ результатовъ въ преподаваніи; чтенія, письма и ариѳметики — учитель окончившій курсъ въ двухклассномъ городскомъ училищѣ и пріобрѣвшій званіе учителя сельскаго начальнаго училища, преподаватель обладающій въ значительной степени педагогическими способностями и отличающійся усердіемъ и стремленіемъ въ дѣлѣ, которому онъ себя посвятилъ. Преподающіе получаютъ жалованья: законоучитель—50 руб., учитель — 150 руб. въ годъ. Училищная библіотека состоитъ изъ 246 книгъ. Помѣщеніе училища удобно и содержится въ порядкѣ.

Селецкое фундушевое приходское училище, въ селѣ Сельцахъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда. Училище это основано въ 1808 году, вновь открыто въ 1835 году и содержится изъ фундушей съ пособіемъ отъ казны. Учащихся въ немъ — 22 мальчика: въ старшемъ отдѣленіи—5, въ среднемъ—9, въ младшемъ—8. Успѣхи учениковъ оказались слѣдующіе: три ученика старшаго отдѣленія успѣли очень хорошо по всѣмъ предметамъ, остальные два нѣсколько слабы по ариѳметикѣ и не вполнѣ удовлетворительно отвѣчали изъ закона Божія; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ и пишутъ большею частію хорошо, считаютъ и рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 80-ти довольно бойко; знаютъ молитвы и заповѣди и могутъ объяснять ихъ своими словами; разказываютъ событія изъ священной исторіи ветхаго завѣта порядочно; дѣти младшаго отдѣленія умѣютъ читать, со счетомъ ознакомлены въ предѣлахъ 15-ти. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія — мѣстный священникъ, получающій жалованья 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель изъ окончившихъ курсъ въ бывшихъ Кіевскихъ педагогическихъ курсахъ, — преподаватель, ведущій свое дѣло очень толково и пользующійся хорошей репутаціей въ

нравственномъ отношеніи; жалованья получаетъ 150 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—625 названій. Помѣщается училище, временно, въ весьма плохомъ экономическомъ домѣ; постройка новаго дома затянулась, вслѣдствіе перехода села Селецъ къ другому помѣщику, съ которымъ однако сдѣлано сношеніе о постройкѣ дома для училища, на основаніи фундушевой записи, и есть надежда на благопріятный результатъ дѣла, возникшаго по сему предмету.

Устилугское приходское фундушевое училище, находится въ мѣстечкѣ Устилугѣ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, открыто въ 1857 г., содержится на счетъ фундушей. Учащихся по списку значилось—38, на лицо же при осмотрѣ училища 1-го апрѣля оказалось — 33, изъ нихъ старшаго отдѣленія—6, средняго—10, маладшаго — 17. Ученіе идетъ вообще довольно удовлетворительно; лучшіе успѣхи ученики оказываютъ по русскому языку и ариѳметикѣ. Ученики старшаго отдѣленія знаютъ молитвы, символъ вѣры и заповѣди, но мало понимаютъ ихъ содержаніе; изъ священной исторіи нѣкоторые разказывали событія порядочно; читаютъ довольно хорошо и со смысломъ; пишутъ недурно и довольно правильно; знаютъ всѣ четыре ариѳметическія дѣйствія и рѣшаютъ задачи на эти дѣйствія довольно легко; въ среднемъ и младшемъ отдѣленіяхъ чтеніе вообще удовлетворительно; изъ ариѳметики рѣшаютъ задачи: въ среднемъ отдѣленіи—въ предѣлахъ 80-ти, въ младшемъ — изучаютъ число 13 по методикѣ Евтушевскаго. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, не отличающійся своимъ преподаваніемъ; прочихъ предметовъ — учитель, вышедшій изъ 5-го класса гимназіи и пріобрѣвшій званіе учителя; состоя на должности уже нѣсколько лѣтъ, онъ занимается съ постояннымъ усердіемъ. Преподаватели получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—150 руб. въ годъ. Училищная библіотека содержитъ книгъ—605 названій. Помѣщеніе училища весьма приличное и удобное.

Жидичинское училище, находящееся въ селѣ Жидичинѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ мѣстнаго общества съ пособіемъ отъ казны по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. Учащихся значилось по журналу—57, въ томъ числѣ—2 дѣвочки; на лицо, при осмотрѣ училища 5-го апрѣля, оказалось—44 мальчика и обѣ дѣвочки. Успѣхи учащихся слѣдующіе: старшаго отдѣленія, въ коемъ 8 мальчиковъ и двѣ дѣвочки — по закону Божію весьма порядочные; читаютъ и пишутъ подъ диктовку довольно

[illegible]

удовлетворительно; знають четыре ариөметическія дѣйствія съ простыми и именованными числами, за исключеніемъ дѣвочекъ, которыя умѣютъ дѣлать только сложеніе и вычитаніе; въ среднемъ отдѣленіи, въ коемъ на лицо было 20 мальчиковъ, читаютъ большею частію довольно хорошо, пишутъ по тетрадямъ порядочно, знаютъ и молитвы и заповѣди и разказываютъ нѣкоторыя ветхозавѣтныя событія весьма удовлетворительно; изъ ариөметики рѣшаютъ задачи въ предѣлахъ 70-ти; въ младшемъ отдѣленіи, состоящемъ изъ наличныхъ 16-ти учениковъ, большинство ихъ читаютъ неудовлетворительно; въ счетѣ дошли до 10-ти. Учащіеся обучаются нотному церковному пѣнію и оказываютъ успѣхи весьма удовлетворительные. Преподаваніемъ въ этомъ училищѣ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ съ вознагражденіемъ по 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель, получившій образованіе въ духовномъ уѣздномъ училищѣ и пріобрѣвшій званіе сельскаго учителя,—преподаватель довольно способный и могущій вести дѣло съ хорошимъ успѣхомъ при усердіи; жалованья получаетъ—300 руб., поровну отъ казны и отъ общества. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—475 названій. Помѣщается училище въ собственномъ домѣ, довольно хорошемъ и удобномъ.

Рожищское училище, въ мѣстечкѣ Рожищахъ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1872 году, и содрежится отъ общества съ пособіемъ изъ казны. Учащихся въ этомъ училищѣ—37, въ числѣ которыхъ—7 дѣвочекъ: въ старшемъ отдѣленіи—6 учениковъ, въ среднемъ—11 мальчиковъ и 3 дѣвочки, въ младшемъ—13 мальчиковъ и 4 дѣвочки. Законъ Божій преподается съ успѣхомъ мало удовлетворительнымъ, что происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что законоучитель не обращаетъ вниманія на сознательное усвоеніе учениками преподаваемаго и довольствуется механизмомъ изученія дѣтьми молитвъ, вѣроученія и событій изъ священной исторіи. Успѣхи по прочимъ предметамъ слѣдующіе: ученики старшаго отдѣленія читаютъ довольно хорошо, пишутъ порядочно; изъ ариөметики только четверо знали первыя четыре дѣйствія и рѣшали задачи на эти дѣйствія удовлетворительно ; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ довольно бѣгло и передаютъ содержаніе прочитаннаго; занимаются счисленіемъ въ предѣлахъ 50-ти; изъ учащихся въ младшемъ отдѣленіи не всѣ умѣютъ читать; нѣкоторые еще не учатся чтенію по руководству барона Корфа; многіе хорошо ознакомлены со счетомъ въ предѣлахъ перваго десятка Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, съ жалованьемъ по 50 руб. въ годъ, прочихъ предметовъ—учитель

изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи,— преподаватель, исполняющій свою обязанность добросовѣстно и пріобрѣвшій училищу въ теченіе года состоянія по должности, довѣріе, коимъ оно не пользовалось при бывшемъ преподавателѣ; жалованья получаетъ 300 руб., поровну отъ общества и отъ казны. Училищная библіотека состоитъ изъ 257 названій книгъ и 56 учебныхъ пособій. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ, довольно хорошемъ и содержащемся исправно, но, по невмѣстительности классной комнаты, мало удобномъ.

Навозское училище въ селѣ Навозѣ, Луцкаго уѣзда, открытое въ 1872 году, содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся значилось по журналу—37 мальчиковъ, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи—14, въ среднемъ—13, въ младшемъ—10; на лицо, при осмотрѣ училища 7-го апрѣля, состояло—33 ученика. Успѣхи учениковъ во всѣхъ отдѣленіяхъ по всѣмъ предметамъ можно назвать вполнѣ удовлетворительными: изъ числа учениковъ старшаго отдѣленія только трое не вполнѣ удовлетворительно отвѣчали по ариѳметикѣ и дѣлали довольно ошибокъ въ письмѣ подъ диктовку; остальные всѣ могли получить свидѣтельства объ окончаніи ими курса училища; въ среднемъ отдѣленіи обращено вниманіе учителя на невыразительность чтенія нѣкоторыхъ учениковъ и на недостаточную бѣглость въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ; дѣти младшаго возраста изучили твердо главныя молитвы; читаютъ весьма хорошо по книгѣ „Родное Слово" (годъ 1-й); пишутъ многосложныя слова довольно правильно; въ счетѣ дошли до 23-хъ. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, по усердію и изложенію дѣтямъ своего предмета принадлежащій къ достойнѣйшимъ преподавателямъ; жалованья получаетъ 50 руб. въ годъ; прочихъ предметовъ—учитель изъ не окончившихъ курсъ духовной семинаріи и пріобрѣвшій учительское званіе,—преподаватель, отличающійся примѣрнымъ трудолюбіемъ и самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своей обязанности; получаетъ жалованья—290 руб., въ томъ числѣ: отъ казны—150 руб. и отъ общества—140 руб. Въ училищной библіотекѣ имѣется книгъ—399 названій. Помѣщеніе училища весьма хорошее и удобное.

Романовское училище, находящееся въ селѣ Романовѣ, Луцкаго уѣзда, открыто въ 1871 году и содержится на счетъ общества съ пособіемъ отъ казны. Учащихся значилось по списку—45 мальчиковъ, изъ нихъ въ старшемъ отдѣленіи — 7, въ среднемъ — 13, въ младшемъ—25; на лицо же при осмотрѣ училища оказалось—32 ученика. Успѣхи учащихся по закону Божію весьма удовлетворительны; по

прочимъ же предметамъ успѣхи оказались весьма слабы: изъ старшаго отдѣленія только два мальчика въ состояніи выдержать установленное испытаніе на право сокращенія военной службы; въ среднемъ отдѣленіи читаютъ большею частію механически, безъ понимапія смысла прочитаннаго; изъ ариѳметики могутъ рѣшать задачи только въ предѣлахъ 30-ти; въ младшемъ отдѣленіи умѣютъ читать немногіе, большинство дѣтей занимается составленіемъ словъ, а нѣкоторые еще изучаютъ звуки. Преподаваніемъ занимаются: закона Божія—мѣстный священникъ, очень ревностно относящійся къ своему дѣлу и отличающійся притомъ хорошимъ преподаваніемъ; прочихъ предметовъ — пріобрѣвшій званіе учителя, которому поставлена на видъ небрежность его занятій. Преподающіе получаютъ содержанія: законоучитель—50 руб., учитель—270 руб. въ годъ. Училищная библіотека имѣетъ: книгъ—254 названія и 52 учебныя пособія. Училище помѣщается въ собственномъ домѣ просторно и удобно.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Официальный нашъ журналъ продолжаетъ печатать весьма важные документы, относящіеся къ реформамъ, предпринятымъ нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я привелъ нѣсколько свѣдѣній изъ обнародованной недавно статистики среднеучебныхъ заведеній; а теперь порехожу къ статистикѣ высшихъ училищъ. Отчетъ о нихъ, представленный г. Барду президенту республики, занимаетъ не менѣе 80-ти колоннъ официальнаго журнала; послѣдній такой же отчетъ (впрочемъ, не только послѣдній, но и единственный) появился въ 1868 году; теперешній гораздо полнѣе. Оставляя въ сторонѣ разныя мелкія подробности, не могущія интересоватъ вашихъ читателей, буду говорить лишь о самой сущности дѣла, какъ оно изложено министромъ. Прежде всего касается онъ вопроса объ учрежденіи университетовъ. Вамъ извѣстно, что наши факультеты—за исключеніемъ немногихъ городовъ, какъ напримѣръ Парижа, Нанси, Монпелье—совершенно отчуждены одинъ отъ другаго. Подъ именемъ „университета“ (université de France) подразумѣваютъ у насъ совокупность всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, а потому упомянутое слово вовсе не имѣетъ во Франціи такого значенія какъ въ Германіи и Россіи. Нерѣдко возникали требованія, чтобы правительство вмѣсто теперешнихъ разрозненныхъ факультетовъ учредило настоящіе университеты, числомъ отъ 8-ми до 10-ти. Г. Барду одобряетъ эту мысль, но съ оговорками; онъ находитъ, напримѣръ, неудобнымъ, чтобъ города, которые до сихъ поръ имѣли факультеты, и даже тратили не малыя суммы на

ихъ содержаніе, вдругъ лишились бы ихъ; кромѣ того, если бы и возникли университеты, онъ не допускаетъ, чтобъ они могли существовать безъ тѣсной связи между собой и чтобы каждому изъ нихъ была предоставлена полная автономія. „Конечно, говорится въ отчетѣ, они пользовались бы достаточно широкими правами относительно распредѣленія занятій и руководства студентами, дабы могло установиться между ними благотворное соревнованіе, но при этомъ никогда не слѣдовало бы упускать изъ виду, что всѣ они составляютъ единое цѣлое, части коего находятся въ тѣсной зависимости одна отъ другой, что они должны быть подчинены общему уставу, за примѣненіемъ коего наблюдалъ бы особый центральный комитетъ". Вообще министръ полагаетъ, что какъ скоро возникло бы у насъ нѣсколько университетовъ, то слѣдовало бы тотчасъ же учредить центральный комитетъ, „подъ предсѣдательствомъ министра и организованный такимъ образомъ, чтобы онъ обладалъ всѣми условіями для надзора за нашими высшими учебными заведеніями; необходимо, чтобы совѣтъ этотъ, непричастный духу партіи, независимый отъ мѣстныхъ вліяній проникнутый уваженіемъ къ преданіямъ, но не вдающійся въ рутину, могъ подавать вполнѣ компетентное мнѣніе о всемъ, что касается внутренней жизни университетовъ, чтобы — однимъ словомъ — представлялъ онъ надежныя гарантіи для правительства, для профессоровъ въ исполненіи ими своихъ обязанностей и для студентовъ во всемъ, что необходимо для успѣшнаго хода ихъ занятій". По вопросу о замѣщеніи каѳедръ, министръ полагаетъ, что было бы лучше если бы профессоры избирались совмѣстно университетомъ и центральнымъ комитетомъ, о которомъ упомянуто сейчасъ.

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ число каѳедръ въ факультетахъ увеличилось 175, число дополнительныхъ курсовъ 42. Новыя каѳедры возникали преимущественно въ факультетахъ юридическомъ, естественныхъ наукъ и медицинскомъ; въ словесныхъ факультетахъ прибавилось лишь 10 каѳедръ, изъ коихъ наиболѣе важны каѳедры средневѣковой литературы и христіанской археологіи учрежденныя въ Ліонѣ. Что касается такъ называемыхъ „конференцій", то тутъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ словесныхъ факультетовъ: такъ, напримѣръ, конференціи по латинской филологіи были установлены въ Э (Aix), Парижѣ, Бордо, Монпелье; по философіи—въ Бордо, Нанси, Тулузѣ; по греческой филологіи и литературѣ сѣверныхъ народовъ въ Нанси, Парижѣ и Пуатье, по санскриту въ Парижѣ и т. д. Въ настоящее время правительство продолжаетъ увеличивать число каѳедръ: въ Парижѣ учреждена ка-

ѳедра исторіи среднихъ вѣковъ для г. Фюстеля-Куланжа, а въ Ліонѣ санскритскаго языка, преподаваніе коего возложено на г. Реньо, автора весьма почтенныхъ изслѣдованій объ индійской философіи. Въ своемъ отчетѣ г. Барду энергически настаиваетъ на томъ, чтобы такъ называемыя конференціи сохраняли чисто педагогическій характеръ, чтобъ онѣ не служили поводомъ блистать краснорѣчіемъ, как это нерѣдко происходитъ у насъ во Франціи. „Генералъ-инспекторъ, ректоры и деканы, говоритъ министръ, должны наблюдать за тѣмъ, чтобы конференціи ни въ какомъ случаѣ не превращались въ публичныя чтенія. Приглашая новыхъ преподавателей правительство вовсе не смотрѣло на нихъ какъ на лицъ, могущихъ замѣнять профессоровъ; оно имѣло лишь въ виду ввести въ курсы такіе отдѣлы науки, которыхъ не заключалось въ нихъ, и усилить занятія молодежи посредствомъ практическихъ упражненій. Конференціи совершенно уклонились бы отъ своей задачи, еслибы лица, которымъ онѣ поручены, стали читать лекціи точно такъ же какъ читаютъ ихъ профессоры; въ такомъ случаѣ ничего не измѣнилось бы; по прежнему было бы у насъ слишкомъ много слушателей и слишкомъ мало настоящихъ студентовъ".

Въ настоящее время существуетъ 300 стипендій для кандидатовъ на степень лиценціатовъ и докторовъ по факультетамъ медицинскимъ, естественныхъ наукъ и словеснымъ и такъ какъ распредѣлены онѣ между 39 различными заведеніями, то въ каждомъ изъ этихъ заведеній находится отъ 7-ми до 8-ми молодыхъ людей, получающихъ стипендіи. Министръ находитъ это число недостаточнымъ. Что касается до университетскихъ (или вѣрнѣе факультетскихъ) библіотекъ, то онѣ только организуются и долгое время существовали лишь на бумагѣ; не слѣдуетъ однако забывать, что у насъ въ провинціяхъ находятся во многихъ городахъ муниципальныя библіотеки, весьма обширныя и пригодныя даже для профессоровъ.

Значительную важность представляетъ вопросъ о продолжительности курсовъ и числѣ лекцій. Еще г. Дюрюи въ своемъ отчетѣ за 1868 годъ замѣтилъ, что въ Германіи даже пользующіеся огромною извѣстностью профессоры читаютъ по 8—10 часовъ въ недѣлю, тогда какъ во Франціи бо́льшая часть профессоровъ довольствуется двумя недѣльными лекціями: происходитъ это опять таки отъ того, что нѣмецкіе преподаватели имѣютъ въ виду студентовъ, а наши—публику. Занятія начинаются у насъ очень поздно — въ ноябрѣ или декабрѣ съ перерывами по случаю праздниковъ. По разчету, сдѣланному въ

отчетѣ министра, профессоръ читаетъ не болѣе 40 лекцій въ годъ. Г. Барду говоритъ, что изготовляемый имъ законъ положитъ конецъ теперешнему порядку вещей, при которомъ преподаваніе предназначается столько же для публики, сколько для студентовъ, которые нуждаются въ серьезныхъ занятіяхъ и вынуждены платить деньги за расходы по экзамену и за дипломъ; необходимо, чтобы открытіе факультетскихъ лекцій совпадало съ началомъ ученья въ лицеяхъ и въ Парижской главной нормальной школѣ; необходимо, чтобы никакой курсъ не прекращался иначе какъ по уважительнымъ причинамъ съ разрѣшенія министра; необходимо, наконецъ, устроить экзамены, назначаемые обыкновенно въ апрѣлѣ, іюлѣ и ноябрѣ, такимъ образомъ, чтобы они не причиняли ущерба преподаванію. Большая часть стипендіатовъ состоятъ репетиторами въ лицеяхъ и добиваются степени лиценціатовъ съ цѣлью сдѣлаться преподавателями въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ; стипендіи назначаются имъ на опредѣленный срокъ; слѣдуетъ поэтому заботиться, чтобы пожертвованія казны не пропадали даромъ, то-есть, чтобы перерывы въ лекціяхъ не служили поощреніемъ распущенности и лѣни.

Затѣмъ—вопросъ объ экзаменахъ. Въ настоящее время возраженія обращены преимущественно противъ экзамена на степень licence des lettres: эта степень есть нѣчто среднее между степенями баккалавра и доктора. По мнѣнію многихъ программа для нея слишкомъ ограничена и слишкомъ исключительна; она оставляетъ въ сторонѣ философію, исторію, географію и понуждаетъ кандидатовъ, избирающихъ различныя спеціальности, заниматься одними и тѣми же предметами. Весьма разумное исключеніе допущено лишь въ пользу физико-математическихъ наукъ, ибо съ давнихъ поръ существуетъ у насъ три рода лиценціатства: наукъ математическихъ, наукъ физическихъ и наукъ естественныхъ; г. Барду намѣренъ расширить это правило. Кромѣ того онъ задумалъ важное измѣненіе относительно дипломовъ. Въ теперешнемъ дипломѣ говорится просто, что получившій его удостоенъ такой-то ученой степени безъ обозначенія отмѣтокъ за устные или письменные его отвѣты или того, какъ онъ защищалъ свою докторскую диссертацію. Словомъ, дипломы констатируютъ только фактъ и не даютъ возможности судить объ относительномъ достоинствѣ лицъ, обладающихъ ими, которыя такимъ образомъ всѣ уравнены между собой. Всякіе другіе дипломы, кромѣ ученыхъ, имѣютъ совершенно иное значеніе; они указываютъ, въ чемъ обнаружились сильныя и слабыя стороны кандидата на испытаніяхъ и иногда

указанія эти бываютъ даже достаточно подробны. „Подобный обычай, говоритъ г. Варду, кажется мнѣ гораздо предпочтительнѣе того, который существуетъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія".

Далѣе содержатся въ отчетѣ замѣчанія о необходимости установить болѣе правильныя и постоянныя отношенія между различными факультетами; исполнить это не трудно въ тѣхъ городахъ, гдѣ уже существуетъ нѣсколько факультетовъ, но другое дѣло факультеты, находящіеся на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Г. Варду не поясняетъ какимъ образомъ думаетъ онъ выполнить свой планъ. Къ отчету приложены мнѣнія, изложенныя совѣтами факультетовъ, о реформахъ, въ которыхъ нуждается высшее преподаваніе; изъ нихъ видно между прочимъ, что факультеты, которымъ угрожаетъ конкурренція со стороны могущихъ возникнуть большихъ университетовъ, ревностно отстаиваютъ самый принципъ своего существованія; вообще изъ всѣхъ факультетовъ только три (а именно въ Э, Бордо и Пуатье) высказались въ пользу того, чтобы возникли у насъ обширные научные центры; всѣмъ остальнымъ подобная реформа далеко не улыбается. Впрочемъ въ Реннѣ (3 факультета), Канѣ (2 факультета), Монпелье (4) и Нанси (4) подобныхъ опасеній не обнаруживается, конечно потому, что если бы возникли у насъ университеты по образцу германскихъ, то не были бы обойдены ими упомянутые города.

Кромѣ изложеннаго выше, отчетъ г. Борду содержитъ много статистическихъ свѣдѣній, дающихъ понятіе о матеріальномъ положеніи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Прежде всего укажу на цифры, по которымъ можно судить какъ отразилась на правительственныхъ факультетахъ конкурренція со стороны факультетовъ, учрежденныхъ католическимъ духовенствомъ. Любопытно что съ 1867 до 1876 г. на факультетахъ медицинскихъ число слушателей увеличилось 1,150-ю, но на факультетахъ юридическихъ и словесныхъ оно уменьшилось на 940. Конечно, причины подобнаго уменьшенія различны: вопервыхъ не слѣдуетъ забывать, что вслѣдствіе послѣдней войны отъ Франціи отошла часть ея территоріи, вовторыхъ стѣсненныя обстоятельства, на которыя не перестаютъ жаловаться у насъ, заставляютъ многихъ отказываться отъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій; но не подлежитъ сомнѣнію, что и конкурренція со стороны католическихъ факультетовъ играетъ тутъ не маловажную роль. Конечно, медицинскій факультетъ, учрежденный духовенствомъ въ Лиллѣ, въ теченіе долгаго времени не будетъ въ состояніи соперничать съ правитель-

ственными медицинскими факультетами; онъ нуждается въ такихъ приспособленіяхъ, какихъ нельзя создать вдругъ; но что касается факультетовъ словесныхъ и юридическихъ, то гораздо легче обзавести ихъ всѣмъ необходимымъ. До сихъ поръ у насъ не было точныхъ статистическихъ свѣдѣній относительно католическихъ факультетовъ; только теперь появляются они наконецъ въ отчетѣ министра. Изъ нихъ видно между прочимъ, что число слушателей въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Факультеты юридическіе:

	187⁵/₆	187⁶/₇	187⁷/₈
Анжерскій	192	316	168
Лилльскій	191	239	209
Ліонскій	244	448	424
Парижскій	504	761	1,041
Тулузскій	—	—	208
	1,131	1,764	2,350

Факультетъ медицинскій и фармацевтическій:

Лилльскій	—	21	359

Факультеты естественныхъ наукъ:

Анжерскій	—	—	16
Лилльскій	—	7	18
Ліонскій	—	—	8
Парижскій	6	32	28
	6	39	70

Факультеты словесные:

Анжерскій	—	24	16
Лилльскій	—	33	48
Ліонскій	—	—	88
Парижскій	36	41	37
	36	98	189

Въ отчетѣ г. Варду находимъ мы также статистическія свѣдѣнія о результатахъ выпускныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ правительственныхъ фокультетахъ отъ 1867 до 1876 г. Число баккалав-

ровъ по отдѣленію словесныхъ наукъ съ каждымъ годомъ постоянно возростало; что касается лиценціатовъ и докторовъ по тому же отдѣленію, то тутъ не обнаруживается равномѣрной прогрессіи. Лиценціатовъ было менѣе всего въ 1867 году, а именно 101, и наиболѣе въ 1872—154; докторовъ было наименѣе въ 1867 году—всего только 5, и наиболѣе въ 1874—15. Замѣтимъ кстати, что въ теченіе десяти лѣтъ (1868—1878) бюджетъ правительственныхъ факультетовъ возросъ съ 3.935,521 фр. до 9,245,336, слѣдовательно увеличился болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ.

Отъ факультетовъ обратимся къ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Парижская нормальная школа, долженствующая снабжать лицеи преподавателями, находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи, такъ что относительно ея не требовалось никакихъ преобразованій; библіотека Сорбонны, такъ называемая университетская библіотека, получила приращеніе въ 60,000 томовъ; для археологической школы въ Аѳинахъ построено особое зданіе и ассигнована ей значительная сумма для предпринимаемыхъ ею раскопокъ и другихъ работъ, а также для издаваемаго ею биллютеня; археологическая школа въ Римѣ получила возможность назначать стипендіи своимъ воспитанникамъ, которые изучаютъ въ Италіи исторію искусства; въ Collége de France учреждено съ 1867 года семь новыхъ каѳедръ: исторіи экономическихъ ученій, новѣйшей философіи, ассирійской филологіи и археологіи, литературы юго-западныхъ европейскихъ народовъ, общей анатоміи, греческой эпиграфики, эстетики. Въ Музеѣ естественной исторіи возникла вторая каѳедра ботаники, а въ библіотекѣ его прибавилось 30,000 томовъ; въ Школѣ восточныхъ нарѣчій учреждены двѣ новыя каѳедры, одна—предназначенная спеціально для лицъ, которыя должны отправиться на службу въ Кохинхину, другая—русскаго языка, благодаря коей мы надѣемся, что и французскіе ученые будутъ въ состояніи знакомиться съ превосходными трудами вашихъ оріенталистовъ; библіотека этой школы, заключавшая десять лѣтъ тому назадъ не болѣе 800 томовъ, возросла теперь до 11,000 томовъ; содержаніе профессоровъ Школы восточныхъ нарѣчій, точно также какъ и профессоровъ Школы для разбора хартій, увеличено на цѣлую треть; обсерваторія физической астрономіи учреждена въ Медонѣ близъ Парижа; значительно расширены размѣры обсерваторіи Тулузской; наконецъ отдѣленія обсерваторіи основаны въ Клермонѣ, Безансонѣ, Бордо и Ліонѣ.

Изъ всего этого видно, что по различнымъ отраслямъ народнаго

просвѣщенія сдѣланъ у насъ важный шагъ впередъ, и люди компетентные относятся къ этому весьма сочувственно. Не такъ давно въ Revue des deux mondes появилась статья г. Мишеля Бреаля, который выставилъ на видъ все, что было сдѣлано хорошаго правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что многое предстоитъ еще сдѣлать, и прежде всего установить связь между отдѣльными частями высшаго преподаванія. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, не можетъ не удивлять, напримѣръ, слѣдующая аномалія: преподаваніе новаго греческаго языка въ Школѣ высшихъ нарѣчій приноситъ пользу кому угодно, только не воспитанникамъ нормальной школы, которыхъ предназначено командировать съ ученою цѣлью въ Аѳины; иныя лекціи существуютъ какъ бы исключительно для иностранцевъ; такъ въ Collége de France и въ Сорбоннѣ каждый профессоръ выдаетъ ежегодно свидѣтельства иностранцамъ въ томъ, что они слушали его курсъ, но Французы не предъявляютъ вовсе подобныхъ просьбъ; свидѣтельства такого рода совершенно безполезны для нихъ, а потому очень естественно что и курсамъ, которые читаются въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ, они не придаютъ большаго значенія“.

Недавно Школа высшихъ наукъ праздновала юбилей своего десятилѣтняго существованія и по этому случаю издала сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ ея профессорами (Mélanges publiés par la section historique et philologique de l'école des hautes études pour le 10-ème anniversaire de sa fondation). Сборникъ посвященъ г. Дюрюи, учредителю школы; изъ особаго уваженія къ его собственнымъ трудамъ, онъ посвященъ почти исключительно римской исторіи и археологіи.—Вотъ содержаніе этой книги: „Лигуры и первое появленіе кельтическихъ племенъ въ южной Галліи и въ Испаніи“ г. Альфреда Мори, „Анналы Эннія“ г. Луи Гаве, „Живопись на египетскихъ гробницахъ и палестинскія мозаики“ г. Масперо, „Tabellarii“ г. Ѳ. Дежардена, „Изслѣдованіе объ аналогіи“ г. М. Бреаля, „Легенды о Траянѣ“ г. Гастона Пари, „Латинскія надписи, сохранившіяся въ Ирландіи“ г. Гедоза, „Объ одной латинской надписи въ Бейрутѣ“ г. Ренье и т. д. Томъ напечатанъ весьма изящно и къ нѣкоторымъ его статьямъ приложены карты и планы; въ предисловіи къ нему находится обзоръ дѣятельности школы за истекшее десятилѣтіе, изъ котораго видно между

прочимъ, что число лекцій, читаемыхъ въ этомъ учебномъ заведеніи, простирается еженедѣльно до 58, что школою завѣдуетъ г. Леонъ Ренье, а при немъ состоитъ совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ нынѣ гг. Дефремери, Альфредъ Мори, Ваддингтонъ и Бреаль. „Воспитанники должны оставаться въ школѣ три года; диссертаціи — на основаніи коихъ выдаются дипломы, не представляющіе имъ никакихъ правъ, но тѣмъ не менѣе цѣнимые очень высоко—представляются по правиламъ подъ конецъ упомянутаго срока; впрочемъ воспитанники не ограничиваются трехлѣтіемъ, а большею частью продолжаютъ свои занятія гораздо долѣе; вообще они не охотно покидаютъ школу, въ которой такъ сильно возбуждается ихъ дѣятельность, въ которой пользуются они совѣтами опытныхъ руководителей и труды ихъ подвергаются внимательной и строгой оцѣнкѣ. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей переносятъ большія лишенія и вслѣдствіе того въ послѣднее время сочтено было возможнымъ оказывать имъ помощь. Муниципальный совѣтъ Парижа понялъ, что дѣлая столь много для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, онъ долженъ заботиться и о процвѣтаніи высшихъ училищъ; съ этою цѣлью установилъ онъ, между прочимъ, нѣсколько стипендій для воспитанниковъ Школы высшихъ наукъ, которая сожалѣетъ однако, что пожертвованія эти не вполнѣ удовлетворяютъ ея нуждамъ, и еще болѣе сожалѣетъ о томъ, что дѣятельность ея не была оцѣнена надлежащимъ образомъ. До сихъ поръ не отведено еще ей опредѣленнаго мѣста въ общемъ строѣ высшаго преподаванія; на нее продолжаютъ смотрѣть какъ на курьозъ и вслѣдствіе такого печальнаго положенія дѣлъ она не могла достигнуть вполнѣ того развитія, къ которому способна. Если по прежнему будутъ держать ее въ сторонѣ, то разумѣется это не отзовется благопріятно на ея устройствѣ и на ея успѣхахъ“.

Конечно—продолжаемъ говорить словами предисловія — эта опасность можетъ угрожать лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Школа обладаетъ прочными залогами своего существованія: не пользуясь никакими привиллегіями, не давая никакихъ правъ своимъ воспитанникамъ, она съумѣла—достоинствомъ своего преподаванія и несомнѣнною пользою преслѣдуемыхъ ею цѣлей—привлечь къ себѣ значительное число молодыхъ людей, между которыми не мало даже иностранцевъ. Если еще не осуществились всѣ надежды, которыя были возлагаемы на нее при ея учрежденіи, то винить въ этомъ нужно внѣшнія обстоятельства.

Кромѣ упомянутаго мною сборника, Школа высшихъ наукъ издала

еще томъ своихъ изслѣдованій. Въ немъ помѣщена первая часть обширнаго труда г. Абеля Бергеня (Bergaigne) о ведической религіи на основаніи гимновъ Ригъ-веды. Все изслѣдованіе займетъ три тома. Ученый авторъ поставилъ себѣ задачею анализировать всѣ религіозныя вѣрованія, заключающіяся въ Ригъ-ведѣ: говорить о достигнутыхъ имъ результатахъ можно будетъ конечно лишь послѣ того какъ онъ окончитъ свой трудъ. Замѣчу кстати, что одинъ изъ учениковъ г. Бергеня печатаетъ также въ изданіяхъ Школы высшихъ наукъ любопытные матеріалы, относящіеся къ исторіи древне-индійской философіи.

Послѣдняя книжка Revue celtique за истекшій годъ отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Прежде всего останавливаетъ вниманіе статья генерала Крели о предполагаемыхъ галльскихъ именахъ, которыя авторъ усмотрѣлъ въ разныхъ надписяхъ; затѣмъ слѣдуетъ изслѣдованіе г. Бартелеми—о глиняной посудѣ галло-римскаго происхожденія, филологическія изысканія г. Арбуа Жюбенвиля, замѣтки о театрѣ въ Бретани и т. д. Одинъ изъ сотрудниковъ упомянутаго изданія г. Сове напечаталъ недавно книгу, которая не можетъ конечно не заинтересовать всѣхъ, занимающихся народною литературой. Озаглавлена она: „Lavaronkoz à Vreiz-jzel, proverbes et dictons de la Basse-Bretagne“. Авторъ, живущій недалеко отъ Бреста, изучалъ десять лѣтъ сряду бытъ рыбаковъ и этимъ людямъ обязанъ собранными имъ пословицами и поговорками. До сихъ поръ никто почти въ Бретани не обращалъ вниманія на этотъ матеріалъ, столь важный съ точки зрѣнія популярной психологіи; кое-что было сдѣлано впрочемъ лѣтъ двадцать тому назадъ поэтомъ Бризё и напечатано въ полномъ собраніи его сочиненій; онъ собралъ около 200 пословицъ и поговорокъ, а у г. Сове ихъ болѣе 1000; подведены онѣ подъ слѣдующія рубрики: трудъ; семейная мораль; матеріальныя нужды и пища; любовь и женщины; воспитаніе; домашній календарь; занятія и ремесла; вѣрованія, суевѣрія и заклинанія; географическія поговорки. Ко всѣмъ этимъ мѣстнымъ пословицамъ приложенъ французскій переводъ и комментарій.

Изданіе нашихъ классическихъ авторовъ, „Les grands écrivains de la France“, выходящее подъ редакціей г. Адольфа Ренье, обогатилось недавно послѣднимъ томомъ Лабрюйера. Два первые тома были напечатаны въ 1875 году; къ появившемуся теперь, весьма важному въ лексикографическомъ и историческомъ отношеніи, приложено предисловіе г. Ренье, библіографическія замѣтки о сочиненіяхъ Лабрюйера

и о переводахъ на иностранные языки его знаменитыхъ „Caractères“, о сочиненіяхъ, вызванныхъ ими, о языкѣ Лабрюйера, его граматикѣ и орѳографіи; все это занимаетъ не менѣе 380 страницъ. Подобный же трудъ былъ предпринятъ для Мольера, Корнеля, Расина, г-жи Севинье и лишь когда будутъ находиться на лицо всѣ эти изслѣдованія о нашихъ великихъ писателяхъ, явится возможность составить окончательно историческій словарь французскаго языка. Въ той же коллекціи „Grands écrivains de la France“ появился въ послѣднее время четвертый томъ Мольера; изданіе прежнихъ томовъ принадлежало г. Депуа, весьма почтенному ученому, слишкомъ преждевременно похищенному смертью; трудъ его продолжаетъ г. Поль Менаръ, издавшій Расина. Въ четвертомъ томѣ Мольера, о которомъ я упомянулъ, помѣщены Mariage forcé, Princesse d'Elide и Тартюфъ.

Въ 1874 году Академія надписей и изящной словесности предложила темою на конкурсъ исторію мусульманскихъ богословскихъ и философскихъ школъ при Абассидахъ. Одинъ изъ нашихъ оріенталистовъ, г. Густавъ Дюга̀, профессоръ мусульманскаго законовѣдѣнія въ Школѣ восточныхъ нарѣчій, написалъ по этому поводу изслѣдованіе (Histoire des philosophes et des théologiens musulmans), которое упрекаютъ въ томъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оно не достаточно полно. Самъ авторъ говоритъ, что это не болѣе какъ опытъ, не имѣющій претензіи исчерпать предметъ съ надлежащею глубиной.

Между сочиненіями педагогическаго содержанія нельзя не упомянуть объ учебникѣ древней исторіи восточныхъ народовъ, изданной г. Ванъ-ден-Бергомъ (Petite histoire des peuples de l'Orient, par Van den Berg). Съ замѣчательною ясностью резюмированы въ этой книгѣ результаты новѣйшихъ открытій по египтологіи и ассиріологіи. Результаты эти уже были популяризованы у насъ гг. Ленорманомъ и Масперо (книга послѣдняго изъ нихъ была переведена и на нѣмецкій языкъ); г. Ванъ-денъ-Бергъ, въ свою очередь, резюмировалъ ихъ не болѣе чѣмъ на 200 страницахъ, содержащихъ исторію Египта, Ассиріи, Вавилоніи, Мидіи, Персіи и Финикіи. Авторъ указываетъ на источники, а также описываетъ памятники со словъ различныхъ путешественниковъ; въ книгѣ находятся карты и около 20 гравюръ весьма отчетливо сдѣланныхъ, кромѣ того образцы письма гіероглифнаго, клинообразнаго и финикійскаго. Вообще г. Ванъ-денъ-Бергъ какъ нельзя лучше выполнилъ свою задачу и нельзя не пожелать, чтобы выходило поболѣе учебниковъ такого рода.

А вотъ еще книга, относящаяся также къ разряду педагогиче-

скихъ—„Voyage aux sept merveilles du monde“ г. Луціана Оже (Lucien Augé). Авторъ переносится попеременно въ Родосъ, Галикарнассъ, Эфесъ, Олимпію, Александрію, Египетъ и въ мѣстность, гдѣ находился древній Вавилонъ, отыскивая тамъ слѣды памятниковъ, возбуждавшихъ удивленіе древнихъ; онъ сообщаетъ преданія, сохранившіяся о нихъ отъ древности и среднихъ вѣковъ; искусный художникъ украсилъ его книгу рисунками, изображающими различныя зданія по указаніямъ новѣйшей археологіи. Для молодежи это очень интересное и полезное чтеніе.

Въ заключеніе упомяну о двухъ книгахъ, посвященныхъ Россіи. Одна изъ нихъ „Основы русскаго гражданскаго права“ (Eléments de droit civil russe) составлена профессоромъ Лозаннской академіи г. Леромъ, который выучился по русски и обращался за свѣдѣніями къ различнымъ должностнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Другая книга „Моряки въ XV и XVI вѣкахъ“ (Les marins du XV et XVI siècles), въ двухъ томахъ, вышла изъ подъ пера одного изъ извѣстныхъ нашихъ адмираловъ, члена Академіи наукъ, г. Жюрьена де-ла-Гравьера. Во второмъ томѣ этого сочиненія говорится много о сношеніяхъ съ Московскимъ государствомъ и объ англійскихъ негоціантахъ въ Россіи, а также о посольствѣ Дженкинсона къ Ивану Грозному. Г. Жюрьенъ де-ла-Гравьеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, которые умѣютъ заинтересовать читателя.

Смерть похитила у насъ въ послѣднее время двухъ писателей— dr. Гёфера и г. Ипполита Люка. Докторъ Гёферъ, нѣмецъ по происхожденію, извѣстенъ тѣмъ, что редижировалъ „Nouvelle biographie générale“, изданную Фирменомъ Дидо, кромѣ того переводами изъ Аристотеля и Діодора Сицилійскаго; въ коллекціи руководствъ г. Дюрюи напечаталъ онъ нѣсколько томовъ исторіи ботаники, физики, зоологіи, астрономіи и математики: уже изъ этого видно какимъ обширнымъ образованіемъ отличался онъ. Г. Ипполитъ Люка былъ собственно романистъ и драматическій писатель, но я упомянулъ о немъ потому, что ему принадлежитъ „Исторія французскаго театра“ въ трехъ томахъ, не лишенная достоинствъ.

Л. Л-ръ.

ОБЪ ОСНОВАХЪ КРИТИКИ ВЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ГОРАЦІЯ.

Такъ какъ Лейпцигскій книгопродавецъ В. Г. Тейбнеръ просилъ меня вновь издать стихотворенія Горація въ „Bibliotheca stereotypa Teubneriana“, то я съ удовольствіемъ принялся за эту работу, которая теперь окончена мною. Новое изданіе выйдетъ въ теченіе будущаго года. Читателямъ этого журнала, можетъ быть, будетъ не безъ интереса услышать нѣсколько словъ о немъ, потому что старое изданіе много употребляется и въ Россіи, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, преподаватели которыхъ не желаютъ, чтобы ученики во время уроковъ пользовались изданіями съ примѣчаніями.

Такъ какъ изданія, которыя являются въ „Bibliotheca stereotypa Teubneriana“ должны быть какъ можно болѣе дешевыми, то я считалъ нужнымъ не увеличивать объема новаго изданія, и поэтому сократилъ „libellus de metris Horatianis“ который считаю излишнимъ послѣ изданія книжки „Summarium rei metricae poetarum Latinorum“. Сократилъ я и „index grammaticus et metricus“, изъ котораго исключено мною все, что касается орѳографіи, гораздо подробнѣе обработанной мною въ „Summarium ortographiae et prosodiae Latinae“. Вмѣсто того, согласно желанію многихъ преподавателей, будетъ прибавленъ реальный index такой же, какой находится въ „editio stereotypa“ Ѳеодора Шмидта.

Что касается до самаго текста, я не считалъ удобнымъ значительнѣе измѣнить его противъ прежняго, потому что многіе преподаватели въ гимназіяхъ очень консервативны относительно критики Горація и даже обвиняли меня въ томъ, что я слишкомъ много измѣнилъ

въ прежнемъ изданіи. Профессоры университетовъ, какъ извѣстно, держатся самыхъ разногласныхъ мнѣній о нынѣшнемъ состояніи текста римскаго поэта, объ интерполяціяхъ и испорченныхъ мѣстахъ.—Несмотря на то я припомнилъ слова Сенеки „est et mihi censendi ius", и чтобы дать читателямъ возможность легче ознакомиться съ моимъ личнымъ мнѣніемъ о текстѣ Горація, я распространилъ „Prolegomena", которыя теперь почти исключительно посвящены критическимъ и экзегетическимъ вопросамъ.

Здѣсь не мѣсто касаться спеціальныхъ вопросовъ, относящихся къ критикѣ Горація, ибо, по моему мнѣнію, въ немъ такъ много затрудненій и испорченыхъ мѣстъ, что преодолѣть всѣ невозможно ни одному человѣку, ни даже вѣку.

Поэтому я намѣренъ здѣсь говорить только объ основахъ критики Горація, о рукописяхъ его и другихъ критическихъ пособіяхъ.

Рукописей Горація сохранилось около двухъ сотъ пятидесяти или можетъ быть и больше. Даже въ маленькихъ библіотекахъ нерѣдко находятся рукописи нашего поэта, и сравнительно древнія. Правда, самыя древнія изъ нихъ, на сколько извѣстно, не старѣе десятаго или девятаго столѣтія. Даже „codires Blandinii", какъ свидѣтельствуетъ Cruquius, писаны были въ девятомъ столѣтіи. Надо полагать, что во времена Меровинговъ существовало очень мало рукописей Горація, но со временъ Карла Великаго чаще списывали его стихотворенія, особенно во Франціи, которой мы обязаны удивительнымъ множествомъ отличныхъ рукописей латинскихъ авторовъ. Несмотря на то, надо замѣтить, что вообще въ теченіе среднихъ вѣковъ Горація читали гораздо менѣе чѣмъ Виргилія или Овидія.

Многія рукописи содержатъ только часть стихотвореній Горація. Въ остальныхъ „ars poctica", или какъ она правильнѣе называется „epistula ad Pisones", помѣщена не въ концѣ стихотвореній, но большею частью послѣ одъ или, рѣже, послѣ эподовъ и „carmen saeculare" или послѣ сатиръ. Изъ этого можно заключить, что въ „codex archetypus" нашихъ рукописей послѣдняя часть была оторвана и впослѣдствіи переписчики представили ее, какъ имъ было угодно.

Лучшія изъ всѣхъ рукописей Горація, какъ согласны самые остроумные критики, напр. Бентли, Мейнеке, Лахманнъ, были четыре „codices Blandinii" изъ монастыря св. Петра въ городѣ Гентѣ, которыми особенно пользовался въ 16-мъ столѣтіи профессоръ университета въ Бригге Jacobus Cruquius. Изъ нихъ важнѣйшій былъ такъ называемый „Blandinius antiquissimus", которому и Cruquius и остальные ученые

приписывали особенный авторитетъ. Къ сожалѣнію, въ августѣ 1566-го г. эта библіотека, какъ говоритъ Cruquius (въ прим. къ sat. I, 1 pg. 308 ed. a. 1611) „a barbaris nec umquam satis execrandis εἰχονοχλάσταις prorsus lacerata, distracta, deperdita exusta est (см. Strabo de Bello Belgico ed. Lugd. Batav. a. 1643 pg. 245), и послѣ того „codices Blandinii" пропали безъ слѣда. Поэтому объ ихъ варіантахъ почти ничего неизвѣстно, кромѣ тѣхъ, съ которыми насъ ознакомилъ Cruquius. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ нѣкоторые ученые говорили, что Cruquius былъ обманщикомъ или, по крайней мѣрѣ, пользовался своими рукописями съ крайнею небрежностью. Однако это не только не вѣрно, но даже и невѣроятно. См. отличную статейку Карла Цангемейстера въ „Rheinisches Museum" XIX pg. 321 sqq.—Надо только имѣть въ виду, что ни Cruquius, ни другіе ученые 16-го столѣтія при сравненіи рукописей не соблюдали той акуратности, которая теперь требуется въ подобномъ трудѣ. Во всякомъ случаѣ мы должны съ осторожностью пользоваться его критическими замѣчаніями. Особенно онъ, кажется, не всегда различалъ первую и вторую руку своихъ рукописей такъ акуратно, какъ слѣдуетъ.

Впрочемъ гораздо бо́льшая часть варіантовъ, которые сообщилъ Cruquius, находится въ другихъ хорошихъ рукописяхъ. Даже знаменитое чтеніе „Blandinii antiquissimi" sat. I, 6, 126: fugio campum lusumque trigonem вмѣсто нелѣпой вульгаты „fugio rabiosi tempora signi" найдено гораздо позднѣе смерти Cruquii въ codex secundus Gothanus", который переписанъ не съ Blandinius antiquissimus, но съ общаго съ нимъ источника. Тѣмъ менѣе можно полагать, что Cruquius извлекъ варіанты своихъ рукописей слишкомъ легкомысленно или даже недобросовѣстно.

Что касается остальныхъ рукописей, то самыя лучшія изъ нихъ, по моему мнѣнію, Bernensis antiquissimus, одинъ Monacensis, нѣкоторые Parisini и три codices Bentleii. О нихъ подробнѣе говорено мною въ prooemium новаго изданія. Тамъ же сказано, насколько я считалъ удобнымъ пользоваться остальными рукописями Горація. Критики прошлаго вѣка, даже Бентли, не пользовались варіантами рукописей Горація ни довольно акуратно, ни послѣдовательно. Поэтому они нерѣдко предпочитали по произволу чтенія позднѣйшихъ рукописей чтеніямъ самыхъ древнихъ или больше имѣли въ виду число рукописей, чѣмъ авторитетъ ихъ. Такіе примѣры отсутствія критики и въ нашемъ столѣтіи далеко не рѣдки, какъ это видно изъ изданія Кирхнера.

Послѣ того какъ Мадвигъ, Лахманъ и другіе ученые указали на то, что критики должны меньше имѣть въ виду число рукописей, чѣмъ ихъ вѣкъ и, главное, ихъ достоинство, и что возможно и даже необходимо классифицировать рукописи и различать лучшія изъ нихъ отъ худшихъ, авторитетныя или мало интерполированныя отъ интерполированныхъ и неавторитетныхъ, однимъ словомъ, что надо рукописи не считать, но взвѣшивать, Келлеръ въ Германіи попробовалъ классифицировать и рукописи Горація. Келлеръ и Гольдеръ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ сравнили больше рукописей Горація, чѣмъ какой-либо другой ученый, за исключеніемъ Кирхнера, и насколько видно, довольно тщательно. Къ сожалѣнію, и здѣсь надо припомнить древнюю пословицу „πολυμαθία νόον οὐ διδάσκει".

Келлеръ прежде (въ „Rheinisches Museum" XIX, pg. 220 sqq.) раздѣлилъ рукописи Горація на три класса, хотя онъ самъ прибавилъ (pg. 225), что можетъ быть лучше говорить о классахъ варіантовъ, чѣмъ о классахъ рукописей. — Странно, что выдуманная имъ классификація заслужила одобреніе покойнаго Тюбингенскаго профессора Тейфеля (см. Истор. римской литературы стр. 505, 6 3-го издан.); впрочемъ хорошее сочиненіе Тейфеля, Исторія римской литературы, оставляетъ желать многаго касательно римскихъ поэтовъ, и въ особенности Горація.

Впрочемъ, безполезно опровергать мнѣніе Келлера, такъ какъ онъ самъ теперь въ „Rheinisches Museum", XXXIII, 127, признаетъ, что можно вмѣсто трехъ классовъ рукописей признать только два. Чтобы показать, какіе блестящіе результаты произошли изъ многолѣтняго труда Келлера и Гольдера, я долженъ прибавить, что Келлеръ самъ считаетъ теперь невозможнымъ опредѣлить чтеніе до-монашескихъ (какъ онъ выражается) рукописей Горація. Любопытнѣе всего конецъ его статьи, который лучше привести по нѣмецки, чтобы не полагали, что это злая шутка съ моей стороны. Вотъ ipsissima verba: „Bei unparteiischer Erwägung der einzelnen Lesarten wird sich dann (именно, въ дальнѣйшемъ будущемъ, послѣ сравненія остальныхъ древнѣйшихъ рукописей Горація) ergeben, dass unser früherer Grundsatz auch heute noch richtig ist, dass nämlich in der Regel die I und III Klasse zusammen gegen die II, die II und III zusammen gegen die I und auch, trotz mancher Ausnahmen die I und II zusammen gegen die III Recht haben". То есть, Келлеръ, наконецъ убѣдился въ томъ, въ чемъ были убѣждены критики всѣхъ вѣковъ и народовъ, даже не сравнивая ни одной рукописи Горація, именно въ томъ, что при сом-

нительныхъ мѣстахъ поэта правильное чтеніе обыкновенно находится въ большинствѣ, а не въ меньшинствѣ лучшихъ рукописей! Вотъ результатъ почти двадцатилѣтняго труда. „Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus".

По моему мнѣнію, совсѣмъ нельзя классифицировать рукописи Горація, потому что составлять классы рукописей возможно только въ томъ случаѣ, если есть признаки ясные, надежные и, главное, постоянные, которыми отличаются чтенія лучшихъ рукописей отъ чтеній худшихъ. А такихъ признаковъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописяхъ Горація. Вообще сравнительно очень мало важныхъ варіантовъ въ испорченныхъ или трудныхъ мѣстахъ Горація, какъ видно изъ таблицы важнѣйшихъ разночтеній одъ и эподовъ, которую составилъ Келлеръ въ „Rheinisches Museum" XXXIII, pg. 122, 3. Мѣста, гдѣ мы имѣемъ основаніе подозрѣвать интерполяціи, встрѣчаются во всѣхъ рукописяхъ кромѣ sat. I, 10, 1—8; epist. I, 18, 91. Тѣмъ чаще находятся ничтожныя различія текста, то есть, варіанты происшедшіе по случаю плохаго чтенія или раздѣленія буквъ или слоговъ и, главное, того же или подобнаго значенія слова, равно годныя и соотвѣтствующія размѣру, напримѣръ, et—ac, mors—nox, discretas—discriptas, propinquos—amicos, pone—fige, tenes—regis, vidit—venit, dux—rex, sol—lux, arvis—agris, imbutum—infectum, doloribus—laboribus (см. таблицу, составленную Келлеромъ). Такіе варіанты находятся безразлично въ новыхъ рукописяхъ Горація, и ни въ одной такъ постоянно или такъ рѣдко, чтобы по этому признаку можно было классифицировать.

Теперь прощаясь съ мнѣніемъ Келлера о классахъ рукописей Горація, позволяю себѣ представить свое мнѣніе объ основахъ критики стихотвореній Горація.

Какъ извѣстно, много рукописей латинскихъ авторовъ исправлено въ послѣднемъ вѣкѣ Римской Имперіи болѣе или менѣе способными учеными, принадлежавшими отчасти къ высшему сословію римскаго общества. Такимъ же образомъ и оды и эподы Горація исправлены; именно послѣ эподовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ находится слѣдующая приписка:

Q. Horatii Flacci epodon explicit. Vettius Agorius Basilius Mavortius, vir clarissimus et inlustris, excomite domestico, exconsule ordinario legi et ut potui emendavi conferente mihi magistro Felice oratore urbis Romae.

Маворцій, бывшій консуломъ въ 527 г., и Феликсъ были, вѣроят-

но, Африканцы. Исправлены ими, кажется, стихотворенія Горація въ Константинополѣ. Тамъ читалъ Маворцій оды и эподы въ присутствіи Феликса оратора, который сравнилъ варіянты своего экземпляра съ чтеніями рукописи Маворція (именно это-то и значитъ conferente mihi magistro Felice).

Намъ совсѣмъ неизвѣстно, чего касался этотъ пересмотръ текста, ибо рукописи, въ которыхъ находятся вышеупомянутыя приписки, совсѣмъ не согласны между собою, и бо̀льшая и важнѣйшая часть ихъ чтеній встрѣчается тоже въ другихъ рукописяхъ. Только нельзя сомнѣваться въ томъ, что трудъ Маворція и Феликса былъ весьма незначителенъ или, скорѣе, ничтоженъ. Обращая вниманіе на то, что важныхъ варіянтовъ такъ мало въ рукописяхъ Горація, особенно въ его одахъ и эподахъ, и что ни одного изъ нихъ нельзя съ очевидностью приписать Маворцію, мы должны признать, что Маворцій не умѣлъ исправить ни одного испорченнаго мѣста Горація.

Касаясь теперь подробнѣе порчи текста Горація, я оставляю безъ вниманія незначительныя описки, происшедшія вслѣдствіе измѣненія или пропуска буквъ или слоговъ. Такихъ ошибокъ въ рукописяхъ Горація столько же, сколько встрѣчается въ рукописяхъ всѣхъ древнихъ авторовъ.

Какъ я сказалъ выше, во время Меровинговъ существовало очень мало рукописей Горація. Только съ царствованія Карла Великаго начали чаще переписывать его сочиненія. Поэтому не удивительно, что даже въ самыхъ древнихъ рукописяхъ такъ мало важныхъ варіянтовъ. Испорченныя мѣста и пропуски въ нихъ или оставлены въ прежнемъ видѣ или интерполированы такъ наивно, что нельзя соблазниться такого рода исправленіями. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ мѣстѣ carm. III, 24, 3, 4:

caementis licet occupes
tyrrenum omne tuis et mare publicum,

чтобы исправить испорченное чтеніе, во многихъ рукописяхъ поставлено „mare Ponticum“ или „mare Apulicum“. „Ponticum“ просто нелѣпо; „Apulicum“ не говорится по латыни. Кромѣ того первый слогъ въ „Apulus“ „Apulia“ всегда долгъ. Надо писать съ Лахманомъ:

caementis licet occupes
terrenum omne tuis et mare publicum.

Такъ въ посланіяхъ II, 2, 199, неполный стихъ:

pauperies immunda procul absit: ego utrum,

въ большей части рукописей дополненъ такъ:

pauperies immunda domus procul или procul domus absit. ego utrum.

Такимъ же образомъ состоялось уже въ древности, кажется, „foedissimum emblema", какъ говоритъ Мейнеке, sat. I, 6, 125, 6:

ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum
admonuit, fugio rabiosi tempora signi,

вмѣсто вѣрнаго чтенія, которое находится въ „Blandinius antiquissimus":

fugio campum lusunque trigonem.

Иногда стихотворенія Горація интерполированы и по метрическимъ соображеніямъ, но очень нелѣпо. См. Перлкампа, ad epod. 2, 23.

Нерѣдко превратное припоминаніе другихъ мѣстъ Горація давало поводъ къ интерполяціи. Такъ варіянты „vatis Horati" и „sub trabe cypria", которые встрѣчаются въ одахъ II, 6, 24; IV, 1, 20, заимствованы изъ одъ IV, 6, 44; I, 13.

Иногда и христіанскія вѣрованія вліяли при перепискѣ стиховъ Горація. Такъ, напримѣръ, какъ уже замѣтилъ Бентли, находящееся во многихъ рукописяхъ чтеніе carm. III, 18, 11, 12:

festus in pratis vacat otioso
cum bove pardus,
inter audaces lupus errat agnos,

вмѣсто „pagus", обязано существованіемъ своимъ пророку Исаіѣ, у котораго читается гл. XI ст. 6: „habitabit lupus cum agno et pardus cum haedo accubabit".

Но всего чаще встрѣчаются въ рукописяхъ Горація такія измѣненія, которыми совсѣмъ не искажается мысль поэта, именно на мѣсто вѣрнаго чтенія поставлены другія того же или подобнаго значенія слова. Такого рода измѣненія находятся уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ латинскихъ авторовъ. Правда, они такъ естественны, что нельзя этому удивляться. Такихъ же интерполяцій довольно много въ рукописяхъ Каролингскаго вѣка; въ теченіе времени число ихъ постоянно увеличивается, особенно съ одиннадцатаго столѣтія.

Преимущественно тѣ авторы, которыхъ читали въ монашескихъ

школахъ, были попорчены такимъ образомъ. И преподаватели и ученики считали такія интерполяціи не поддѣлками, но полезными стилистическими упражненіями. Критика Овидіевыхъ Превращеній такъ трудна именно потому что въ средніе вѣка произведеніе это гораздо больше читалось, чѣмъ другія классическія стихотворенія, и древнѣйшія рукописи его не старше одиннадцатаго вѣка.

Текстъ Горація, къ счастію, совсѣмъ не такъ сильно интерполированъ; большая часть измѣненій ограничивается отдѣльными словами. А такія интерполяціи встрѣчаются въ самыхъ древнихъ и авторитетныхъ рукописяхъ, даже въ „codices Blandinii".

Не легка задача критика при такого рода варіянтахъ. Кто осмѣлится, напримѣръ, рѣшить, писалъ ли Горацій въ эподахъ: 17, 64 „novis ut usque suppetas laboribus" или „doloribus", писалъ ли онъ въ одахъ: III, 5, 51 „dimovit obstantes propinquos" или „amicos", слѣдуетъ ли читать въ одахъ: II, 13, 23 „sedesque discriptas piorum" или „discretas", III, 26, 9 „o quae beatam diva tenes Cyprum" или „regis", и т. п.

Правда, часто видно, что то или другое чтеніе менѣе соотвѣтствуетъ привычкѣ поэта, что имъ замѣнено болѣе рѣдкое или менѣе понятное слово, или, что оно невозможно по другимъ причинамъ, какъ напримѣръ, нельзя читать въ одахъ: IV, 5, 37 „rex bone" вмѣсто „dux", потому что Августъ никогда не назывался „rex" современниками. Но если такихъ признаковъ нѣтъ, мы должны согласовать текстъ Горація съ большинствомъ лучшихъ рукописей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда очевидно, что болѣе авторитетно меньшинство. А такіе случаи совсѣмъ не рѣдки.

Немного помогаютъ критикѣ Горація и древніе схоліасты, Порфиріонъ и такъ называемый Акронъ. Пользуясь ихъ коментаріями ученые успѣли исправить нѣкоторыя мѣста, чтеніе коихъ испорчено во всѣхъ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе текстъ, которымъ пользовались схоліасты, почти тотъ же самый, который находится въ нашихъ рукописяхъ.

Ссылки древнихъ граматиковъ или другихъ авторовъ, которые не рѣдко приводятъ Горація, еще менѣе помогаютъ въ неясныхъ или ошибочныхъ мѣстахъ его текста. Большая часть варіантовъ, которые встрѣчаются у нихъ, обязана своимъ существованіемъ слабости памяти или легкомыслію. Рѣдки случаи, въ которыхъ можно ими пользоваться для исправленія текста, какъ напримѣръ, въ одахъ:

I, 13, 2; cp. ad Pis. 101. Можно сказать, что около конца перваго столѣтія по Р. Х. такъ называемая вульгата Горація очень мало отличалась отъ состоянія текста, который встрѣчается въ нашихъ древнѣйшихъ и лучшихъ рукописяхъ. Изъ выше сказаннаго видно, что критика Горація очень трудна. Варіанты нашихъ рукописей мало способствують исправленію испорченныхъ мѣстъ, и часто даже мѣшаютъ критику.

Такъ какъ во времена Квинтиліана текстъ Горація былъ почти тождественъ съ тѣмъ, который существовалъ въ эпоху Карла Великаго, то критики Горація принуждены выбирать одно изъ двухъ: надо полагать, или, что сильно испорченныхъ или интерполированныхъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ въ стихотвореніяхъ Горація, потому что они по всей вѣроятности уже встрѣчались въ „scriptura vulgata" въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х., или что такая порча и интерполяція вкралась въ текстъ Горація въ теченіе первыхъ шестидесяти или семидесяти лѣтъ послѣ его смерти.

Если допустить это, то надо полагать, что текстъ испорченъ или интерполированъ не по невниманію или легкомыслію переписчиковъ (едва ли это могло случиться въ такой короткій промежутокъ), но по произволу граматиковъ и риторовъ, въ школахъ которыхъ много читались стихотворенія какъ Виргилія, такъ и Горація.

Таково мое мнѣніе, выраженное мною уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ; съ нимъ согласны даже тѣ ученые, которые совсѣмъ отрицаютъ существованіе въ стихотвореніяхъ Горація сильной порчи и интерполяцій. Способствуетъ моему предположенію и то, что уже критикъ Пробъ во время Клавдія или Нерона нашелъ порчу и интерполяціи у Горація, и что подобнымъ же образомъ испорчены и интерполированы были и стихотворенія Виргилія не много спустя послѣ кончины автора.

Таково состояніе основъ критики Горація. Нельзя не согласиться, что оно не весьма удовлетворительно. Поэтому, стараясь возстановить подлинный текстъ Горація, мы никогда не должны забывать правило величайшаго изъ критиковъ этого поэта, Ричарда Бентли, что „ratio centum codicibus potior".

Въ prolegomena къ новому изданію, которыя, какъ сказано выше, почти исключительно посвящены критическимъ или екзегетическимъ вопросамъ, я припомнилъ стихъ Овидія „medio tutissimus ibis". Я равно не согласенъ съ ультраконсерватизмомъ Орелли, Кир-

хнера, Тейфеля, Фрицше, Келлера и Гольдера и съ скептицизмомъ Перлкампа, Группе, Рибекка, Лерса, произволъ которыхъ недавно строго, но справедливо осужденъ Мадвигомъ (см. advers. crit. II, 50 sqq.). Но упрекая Перлкампа въ субъективизмѣ и гиперкритикѣ, мы не должны забывать, что онъ оказалъ великія услуги критикѣ Горація своею ученостью и остроуміемъ. Правда, онъ самъ едва ли успѣлъ исправить много испорченныхъ мѣстъ поэта; но онъ удачно опровергнулъ множество ошибочныхъ, но всѣми принятыхъ толкованій темныхъ и трудныхъ мѣстъ. Вѣдь primus ad verum inveniendum gradus est falsa cognoscere.

Л. Миллеръ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОДНОГО МѢСТА ВЪ ПЕРВОЙ РѢЧИ ИСЕЯ (§ 33).

По смерти Клеонима, не оставившаго родныхъ дѣтей, завязалось дѣло объ его наслѣдствѣ. Его родные племянники—сироты, изъ которыхъ одинъ произнесъ въ судѣ рѣчь, сочиненную ораторомъ Исеемъ и дошедшую до насъ (I), ссылаются на близкое родство свое съ покойнымъ, на расположеніе его къ нимъ, по крайней мѣрѣ подъ конецъ его жизни, и съ тѣмъ вмѣстѣ оспариваютъ законною силою составленное имъ завѣщаніе, на основаніи котораго прочіе, болѣе дальніе родственники изъявляютъ въ судѣ же свои притязанія на наслѣдство. По словамъ оратора, Клеонимъ составилъ это завѣщаніе, когда, поссорившись съ опекуномъ своихъ племянниковъ, Диніемъ, онъ не хотѣлъ знать и ихъ, между тѣмъ какъ съ остальными родственниками былъ тогда въ хорошихъ отношеніяхъ. Но затѣмъ, по смерти Динія, Клеонимъ принялъ племянниковъ въ свой домъ, воспитывалъ ихъ у себя, заботился о сохранности ихъ имущества, которое старались отнять у нихъ кредиторы, однимъ словомъ, онъ относился къ нимъ такъ, что они имѣли полное право считать себя его будущими наслѣдниками. Вслѣдствіе того, Клеонимъ, впавъ въ свою послѣднюю болѣзнь, желалъ отмѣнить завѣщаніе или замѣнить его другимъ въ пользу пріемышей своихъ—племянниковъ, но не успѣлъ исполнить свое намѣреніе, скончавшись скоропостижно.

Изложивъ главное содержаніе рѣчи, надѣюсь, что понятенъ будетъ и общій смыслъ разбираемаго нами отрывка, § 33;

Οἴεσθε οὖν, ὦ ἄνδρες, τὸν οὑτωσὶ πρὸς ἑκατέρους ἡμᾶς (читай: ἡμῶν)

διακείμενον, ἡμῖν μὲν οἷς οἰκειότατα ἐχρῆτο, οὕτω ποιεῖν ὥστε μηδὲ λόγον ὑπολείψειν, τούτοις δὲ ὧν τισὶ καὶ διάφορος ἦν, σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν βεβαιώσειν τὴν οὐσίαν;

Спрашивается, можно ли понять этотъ періодъ такъ, какъ понималъ его издатель и переводчикъ оратора на нѣмецкій языкъ, Шёманнъ? По мнѣнію Шёманна, въ этихъ словахъ ораторъ высказываетъ мысль, что никакъ не можетъ допустить предположенія, будто покойный былъ намѣренъ укрѣпить все имущество за дальними родственниками, а ближайшихъ родственниковъ племянниковъ лишить даже всякой надежды на оное (то-есть, по его мнѣнію ,μηδὲ λόγον ὑπολιπεῖν значитъ jede Hoffnung abschneiden). Такое пониманіе мѣста однако никакъ и ничѣмъ не оправдывается; μηδὲ λόγον τινὶ ὑπολιπεῖν никакъ не можетъ означать этого; употребленіе такого оборота въ такомъ смыслѣ не оправдывается и Θук. VIII, 2: μάλιστα δὲ οἱ τῶν 'Αθηναίων ὑπήκοοι ἑτοῖμοι ἦσαν καὶ παρὰ δύναμιν αὐτῶν ἀφίστασθαι διὰ τὸ ὀργῶντες κρίνειν τὰ πράγματα καὶ μηδὲ ὑπολείπειν λόγον αὐτοῖς, ὡς τό γ' ἐπιὸν θέρος οἷοί τ' ἔσονται περιγενέσθαι. Это мѣсто значитъ: „подчиненныя Аѳинянамъ государства не хотѣли оставить имъ ни малѣйшей возможности, никакого повода (предполагать и) говорить, будто они съумѣютъ справиться съ затруднительнымъ своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе наступающаго лѣта". Съ такимъ пониманіемъ мѣста согласны и издатели, которые съ мѣстомъ Θукидида сближаютъ и другія мѣста, а именно: Антифонта 3, 13, 4; Андокида 3, 18 (у котораго впрочемъ не λόγον, а πρόφασιν ὑπολείπειν, въ томъ же однако смыслѣ); Исократа 4, 146. Но это значеніе словъ никакъ не идетъ къ разбираемому мѣсту Исея, отя однако сравниваютъ его съ Θук. VIII, 2, 8 К. В. Крюгеръ во второмъ изданіи Θукидида и И. Классенъ въ оконченномъ въ нынѣшнемъ году изданіи этого историка. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ мѣстахъ Θукидида, Антифонта, Андокида, и Исократа оборотъ μηδὲ λόγον (πρόφασιν) ὑπολιπεῖν выясняется изъ связи рѣчи; въ нашемъ же мѣстѣ, напротивъ, онъ оставался бы теменъ даже при иномъ, болѣе выгодномъ для этой цѣли строѣ періода, даже еслибы у Исея читалось: τούτους μὲν... σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν, βεβαιώσει τὴν οὐσίαν, ἡμῖν δὲ... ποιεῖν ὥστε μηδὲ λόγον ὑπολείψειν. Что же могло бы значить здѣсь λόγος? рѣчь? или возможность сказать? Это все-таки оставалось бы темно. Мысль, предполагаемая Шёманномъ, могла бы быть изложена вполнѣ ясно только при помощи оборотовъ, употребленныхъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Θук. 2, 89, 8: καταλῦσαι Πελοποννησίων τὴν ἐλπίδα

τοῦ ναυτικοῦ; Xenoph. hist. gr. 2, 3, 34: πάντων καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τῶν ἔξω ὁποτέμοι ἂν τὰς ἐλπίδας; cf. Polyb. 5, 107. Polyb. 23, 2 (22, 2 Hultsch): ἀποκοπεισῶν τῶν ἐλπίδων τοῖς καινοτομεῖν ἐπιβαλλομένοις. Далѣе μηδὲ λόγον ὑπολιπεῖν нельзя оправдать въ нашемъ мѣстѣ, потому что какъ ἡμῖν μὲν противополагается въ соотвѣтствующей части періода τούτοις δὲ, такъ и μηδὲ λόγον ὑπολείψειν—словамъ ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν, и слѣдовательно какъ ὑπολείψειν соотвѣтствуетъ слову βεβαιώσει, такъ и λόγον словамъ ἅπασαν τὴν οὐσίαν. Нечего удивляться тому, что я отыскиваю здѣсь соотвѣтствія частей предложенія, не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ; не напрасно Исей былъ современникомъ Исократа. Стремленіе оратора къ равномѣрности періодовъ и къ соотвѣтствію отдѣльныхъ частей ихъ обнаруживается между прочимъ изъ 2, 26: καὶ οὐκ αἰσχύνεται μὲν αὐτῷ τὸν νόμον τὸν περὶ τῆς ποιήσεως ποιῶν κύριον, τῷ δὲ ἀδελφῷ τὸν αὐτὸν τοῦτον ζητῶν ἄκυρον ποιῆσαι. Тутъ двѣ части (κῶλα) періода соотвѣтствуютъ другъ другу не только вообще, но и въ частностяхъ; такъ αὐτῷ соотвѣтствуетъ τῷ δὲ ἀδελφῷ, ποιῶν соотвѣтствуетъ ζητῶν ποιῆσαι, а κύριον—ἄκυρον.

И такъ нельзя допустить не только прежнее толкованіе нашего мѣста, но и никакое другое; остается лишь считать мѣсто испорченнымъ и порчу искать въ томъ, что слово λόγον замѣнило другое слово, прямо противоположное словамъ ἅπασαν τὴν οὐσίαν. Какое же слово вытѣснено словомъ λόγον? Это опредѣлится точнѣе, если намъ удастся вопервыхъ опредѣлить происхожденіе порчи текста и вовторыхъ выяснить себѣ, чего требуетъ здѣсь смыслъ рѣчи.

Что касается перваго вопроса, то ясно, что слово, употребленное авторомъ, замѣнено не такимъ, которое не давало бы никакого смысла и выражало бы чистую чепуху, что свойственно одному роду порчи текста, состоящему въ невѣрномъ прочтеніи, а затѣмъ и письмѣ слова, то-есть въ замѣнѣ какихъ нибудь буквъ другими, или въ непониманіи писцомъ употребленной въ оригиналѣ, съ котораго онъ списывалъ, аббревіатуры, или въ невѣрномъ соединеніи буквъ или слоговъ и подобныхъ ошибкахъ. Тутъ же напротивъ порча текста привела къ чтенію не вообще безтолковому, а къ такому, которое только по смыслу рѣчи въ нашемъ мѣстѣ не годится. Слѣдовательно здѣсь порча произошла отъ парафразиса, хотя можетъ быть и парафразиса въ самомъ обширномъ смыслѣ [1]).

---

[1]) Heimsoeth, Fr., Kritische Studien zu den Tragikern, Bonn, 1865 г., особ. стр. 17 слѣд.

Далѣе, вовторыхъ, что другое можно прямо противополагать второй части (κῶλον) конца періода, а именно словамъ: ἅπασαν τὴν οὐσίαν, какъ не: ничего, ни малѣйшей части имущества? Это подтверждается и другими мѣстами рѣчи, гдѣ та же самая мысль повторяется только другими словами. Ср. § 34: Ἀλλ' ἔγωγε, εἰ κατηγορεῖν ἐβούλοντο τῶν διαθηκῶν ἢ τοῦ τελευτηκότος, οὐκ οἶδ' ὅτι ἄλλ' πρὸς ὑμᾶς εἶπον, οἵ γε τὰς διαθήκας μὲν ἀποφαίνουσιν οὔτ' ὀρθῶς ἐχούσας οὔτ' ἀρεσκούσας τῷ διαθεμένῳ, τοῦ δὲ τοσαύτην μανίαν κατηγοροῦσιν, ὥστε φασὶν αὐτὸν περὶ πλείονος ποιεῖσθαι τοὺς αὐτῷ διαφερομένους ἢ τοὺς οἰκείως χρωμένους καὶ οἷς μὲν ζῶν οὐδὲ διελέγετο, ἅπασαν δοῦναι τὴν οὐσίαν, τοὺς δ' οἰκειότατα κεχρημένους οὐδὲ πολλοστοῦ μέρους ἀξιῶσαι. Тутъ прямо противоположны мысли: 1) тѣмъ, съ которыми онъ даже не пускался въ разговоры, онъ будто-бы отказалъ все свое имущество и 2) а тѣхъ, которые были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ, онъ будто-бы не удостоилъ ни малѣйшей части его. И § 48: καὶ νῦν μὲν ἐβούλετο ἡμᾶς μηδὲν τῶν αὐτοῦ λαβεῖν, σφίσι δ'αὐτοῖς βεβαιῶσαι τὴν δωρεάν. Они утверждаютъ, будто онъ не желалъ, чтобы мы получили что-нибудь изъ его состоянія, а за ними желалъ скрѣпить этотъ даръ (свое состояніе). Ср. также § 29 καὶ τίς ἂν πιστεύσειεν... ἐκεῖνον... μηδὲν τῶν αὐτοῦ ἡμῖν δοῦναι.

И Енике (Ed. Jenicke, Observationes in Isaeum. Lips. 1838 p. 9) видѣлъ, что наше мѣсто нельзя понимать, и потому совѣтуетъ замѣнить слово λόγον другимъ: ὀλίγον (μηδὲ λόγον — μηδ' ὀλίγον), ссылаясь на то обстоятельство, что λόγος и ὀλίγος иногда въ рукописяхъ смѣшиваются. Правда и μηδ' ὀλίγον употребляется въ греч. языкѣ, ср. Лук. Тимонъ 55: ὀλίγον τοῦ μυττωτοῦ καταλιπεῖν или Лук. περὶ τῶν ἐπὶ μισθῷ συνόντων 27: τὴν τύχην οὐδὲ ὀλίγα ἐπιψεκάσασαν. И такъ слѣдовало бы намъ по неволѣ удовольствоваться этимъ исправленіемъ текста, если бы дѣйствительно не было выраженія еще болѣе подходящаго къ нашему мѣсту, а именно выраженія самой малой, самой ничтожной цѣнности; а это именно означаетъ οὐδὲ (или μηδὲ) ὀβολός въ смыслѣ: ни копѣйки.

Итакъ я предлагаю читать: ἡμῖν μὲν μηδὲ ὀβολὸν ὑπολείψειν, τούτοις δὲ... ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν [1]).

[1]) Скрывшееся отъ вниманія г. Люгебиля обстоятельство, что сообщаемая имъ конъектура уже сдѣлана Кобетомъ (ср. Mnemosyne n. s. vol. V p. 391), не можемъ не придать еще болѣе правдоподобія предлагаемой имъ эмендаціи.
Ред.

Выраженіе οὐδὲ ὀβολός у Аѳинянъ, а также вѣроятно и у остальныхъ Эллиновъ значило: ничего, ни малѣйшей цѣнности, даже въ то время, когда ὀβολός нисколько не былъ самой мелкой монетой, а были уже въ ходу и подраздѣленія обола, какъ-то ἡμιωβόλιον, τριτημόριον и τεταρτημόριον (то-есть, 1/2, 2/3 и 1/4 обола [1]); такимъ же образомъ и Французы прежде говорили pas un liard, а нынѣ говорятъ: pas un sou, хотя sou далеко не самая мелкая французская монета; также и Нѣмцы говорятъ: keinen Pfennig или keinen Heller, а Русскіе: ни гроша, ни копѣйки. Ср. Плутарх. Жизнь Лик. XVII: κινδυνεύει δὲ καὶ τὸ πάμπαν ἀρχαῖον οὕτως ἔχειν, ὀβελίσκοις χρωμένων νομίσμασιν σιδηροῖς, ἐνίων δὲ χαλκοῖς, ἀφ' ὧν παραλείπει πλῆθος ἔτι καὶ νῦν κερμάτων ὀβολοὺς καλεῖσθαι. То-есть, вѣроятно и весьма древнія (скорѣе: самыя древнія) монеты были похожи (на лаконскія, тяжелыя и притомъ низкой цѣны монеты); такъ какъ одни въ качествѣ монетъ (вѣрнѣе было бы сказать не νομίσμασι, а ἀντὶ νομισμάτων, вмѣсто монетъ, ср. Theod. Mommsen, Geschichte des röm. Münzwesens стр. IX сл. и Hultsch, Griech. u röm. Metrologie стр. 106 и 126) употребляли желѣзные, а другіе — мѣдные слитки; оттого-то и понынѣ остается обычай массу мелкихъ монетъ называть оболами (или однимъ именемъ оболовъ). Аристофанъ въ Облакахъ, въ сценѣ, гдѣ Стрепсіадъ уговариваетъ своего сына Фидиппида отправиться къ Сократу учиться праведной и неправедной рѣчи, ст. 116 слл., между прочимъ говоритъ: ἢν οὖν μάθῃς μοι τὸν ἄδικον τοῦτον λόγον, ἃ νῦν ὀφείλω διὰ σέ, τούτων τῶν χρεῶν, οὐκ ἂν ἀποδοίην οὐδ' ἂν ὀβολὸν οὐδενί, то-есть, если ты выучишься этой неправедной рѣчи, то изъ всѣхъ долговъ, что я сдѣлалъ тебя ради, я никому не отдамъ ни копѣйки. Аристоф. Всадн. 1250: οὐκ ἂν ἀποδοίην οὐδ' ἂν ὀβολὸν οὐδενί, ὅστις καλέσειε κάρδοπον τὴν καρδόπην. Тимонъ 20: ἐγώ γέ τοι πολλοὺς ἂν εἰπεῖν ἔχοιμι χθὲς μὲν οὐδὲ ὀβολὸν ὥστε πρίασθαι βρόχον ἐσχηκότας, je puis nommer beaucoup de personnes qui n'aient pas eu hier le sou etc. Ср. въ Paroemiogr. Graeci II Apostol. Cotn. XIII, 5 b. Тамъ же, Лук. Тимонъ 24: οὐ γὰρ ἂν Ἀριστείδην καταλιπὼν Ἱππονίκῳ καὶ Καλλίᾳ προσήκειν καὶ πολλοῖς ἄλλοις Ἀθηναίοις οὐδὲ ὀβολοῦ ἀξίοις, не стоившимъ ни копѣйки; этому обороту тамъ же § 25 противополагается: ὅσους ἂν οἴηται τοῦ πλουτεῖν ἀξίους (cf. § 33: γενναῖον ἄνδρα καὶ πολλοῦ ἄξιον) совершенно такъ, какъ въ нашемъ мѣстѣ противополагаются: намъ не оставитъ ни копѣйки, а за ними укрѣпитъ все свое состояніе (οὐδὲ

[1]) Poll. 9, 64 sqq.

ὀβολὸν καταλιπεῖν — ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν). Тамъ же 174: μηδὲ ὀβολὸν αὑτῶν ἀνείς, не предоставивъ себѣ ни копѣйки. Разгов. умершихъ 22, 1: Ἔστι δέ τις ὀβολὸν μὴ ἔχων, y-a-t-il quelqu'un qui n'aie pas le sou. Лук. Catapl. s. tyrann. 1. ἡμεῖς οὐδὲ ὀβολὸν ἐμπεπωλήκαμεν; у насъ ни на копѣйку выгоды нѣтъ. Лук. О пѣтухѣ или сновид. 14: οὗτος τῶν μὲν οὐδὲ ὀβολὸν ἔδωκε τῷ Σίμωνι. Anecdota graeca Boissonadii II стр. 468: Ὁ αὐτὸς (scil. Διογένης) ἐρωτηθείς, τί αὐτῷ περιεγένετο ἐκ φιλοσοφίας, εἶπε· Τὸ πλουτεῖν μηδὲ ὀβολὸν ἔχοντα. Когда Діогена спросили, какую выгоду доставила ему философія, то онъ отвѣтилъ: ту, что я богатъ, хотя у меня нѣтъ ни копѣйки. Не знаю относится ли къ монетамъ стихъ Присціана, de ponderibus 40 (см. Metrol. Graecorum et Romanorum reliquiae ed. Fr. Hultsch, II, стр. 88 слѣд.) nam nihil his (Athenis=Atheniensibus) obolove minus majusve talento. Правда, самимъ авторомъ это отнесено къ вѣсамъ, ср. ст. 39: quod (talentum) summum doctis perhibetur pondus Athenis. Но спрашивается, какъ онъ могъ сказать, что нѣтъ у Аѳинянъ вѣса меньше обола? онъ самъ же упоминаетъ semiobolus v. 8, и ср. Hultsch, Metrol. d. Gr. u. Röm. стр. 116. Но хотя и есть монеты меньше обола, однако онъ могъ выразиться такъ на счетъ ихъ, основываясь на приведенной нами поговоркѣ аѳинской: οὐδ' ὀβολός (—όν). Оставивъ это однако сомнительнымъ, спросимъ себя наконецъ, какъ въ разбираемомъ нами мѣстѣ рѣчи Исея изъ ὀβολόν могло произойти λόγον? Такъ какъ мы уже видѣли раньше, что это не могло произойти лишь вслѣдствіе невѣрнаго прочтенія слова ὀβολός, то должно, мнѣ кажется, полагать, что въ древней рукописи, отъ которой происходятъ посредственно всѣ до насъ дошедшія рукописи, первыя буквы, слова ὀβολός стерлись или, по какой нибудь другой причинѣ, не могли быть прочтены; а можно было прочесть только ολον или λον (ΟΛΟΝ, ΛΟΝ). Тогда писецъ, стараясь исправить мѣсто, вмѣсто этого написалъ λόγον, что вмѣстѣ съ ὑπολείψειν можетъ быть употребляемо и быть понятно, хотя и не въ нашемъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ ΛΟΝ или ΟΛΟΝ не составляетъ никакого греч. слова. Вотъ такую то поправку я и назвалъ выше парафразисомъ въ обширномъ смыслѣ.

По этому поводу укажу еще на три ошибки въ текстѣ той же рѣчи Исея, которыя удержались еще въ изданіи Шейбе и которыя слѣдуетъ исправить одинаковымъ образомъ.

§ 1: ἐκεῖνος γὰρ ζῶν μὲν ἡμῖν κατέλιπε τὴν οὐσίαν, ἀποθανὼν δὲ...., гдѣ вмѣсто κατέλιπε читай κατέλειπε.

§ 3. οὗτοι μὲν διαθήκαις ἰσχυριζόμενοι τοιαύταις, ἃς ἐκεῖνος διέθετο μὲν

οὐχ ἡμῖν ἀγανακτῶν, ἀλλ'....., ἔλυσε δὲ πρὸ θανάτου πέμψας Ποσείδιππον ἐπὶ τὴν ἀρχήν. читай ἔλυε; а также исправь и

§ 43. πρὸς δὲ τούτοις ἐνθυμήθητε ὅτι αὐτὰς ἔλυσε μὲν εὖ φρονῶν, διέθετο δ' ὀργισθεὶς καὶ οὐκ ὀρθῶς βουλευόμενος.

Нечего объяснять, что во всѣхъ трехъ случаяхъ необходимо употребленіе прошедшаго времени вида продолжительнаго (такъ назыв. imperfectum), а не вида мгновеннаго (такъ называемаго аориста), такъ какъ дѣло идетъ о намѣреніи отказать племянникамъ имущество, о намѣреніи отмѣнить сдѣланное уже раньше завѣщаніе. Не смотря на то, не только Шеманнъ и Р. Кюнеръ (Ausführl. Grammatik der Gr. Sprache, II, § 386, 12) защищаютъ преданіе текста въ качествѣ аориста conatus rei faciendae sine effectu, но и Шейбе не рѣшился замѣнить эти аористы имперфектами. Въ это заблужденіе ввелъ ихъ поблекшій нынѣ авторитетъ Годфрида Германна, основывавшаго свою теорію объ аористѣ conatus sine effectu на мѣстахъ, гдѣ аористомъ выражено утвержденіе факта, на дѣлѣ вовсе (еще) не совершенномъ, какъ то Eurip. Ion 1291, 1500 или Soph. Ai. 1227! Кюнера впрочемъ нельзя не порицать и за то, что онъ какъ здѣсь, такъ и во многихъ мѣстахъ своей обширной греч. граматики, чтобы доказать вѣрность своего замѣчанія относительно какого-либо граматическаго явленія, въ доказательство приводитъ то такія мѣста прозаиковъ, вѣрность чтенія которыхъ весьма сомнительна (такъ тысячи разъ въ спискахъ читаемъ ἔλιπε, гдѣ слѣдуетъ ожидать ἔλειπε и на оборотъ, того же нельзя не сказать и объ ΕΛΥΕ и ΕΛΥΣΕ), то такіе стихи поэтовъ, въ коихъ размѣръ допускаетъ не только какую-нибудь одну опредѣленную форму слова, но также различныя другія. Это одно изъ доказательствъ совершеннаго недостатка критики въ означенномъ сочиненіи Кюнера.

К. Люгебиль.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Археологической коммиссіи за 1875 г. Атласъ, VII таблицъ. С.-Петербургъ. 1878 г.

Въ недавно вышедшемъ томѣ отчетовъ археологической коммиссіи г. Стефани помѣстилъ рядъ важныхъ памятниковъ и изслѣдованій. Позволяемъ себѣ указать лишь на самыя существенныя стороны этого изданія, дабы обратить вниманіе на богатое его содержаніе и тѣхъ лицъ, которые не занимаются археологическими изслѣдованіями.

Въ курганахъ южной Россіи, раскопанныхъ въ послѣднее время преимущественно въ окрестностяхъ Керчи и на полуостровѣ Тамани, сохранились неповрежденными роскошно украшенные саркофаги, въ коихъ на головѣ скелета нашлось нѣсколько золотыхъ вѣнковъ. Изъ нихъ шесть изображены на стр. 16—24, и тутъ же находится описаніе другихъ, вполнѣ сохранившихся вѣнковъ, которые входятъ въ составъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа. Нѣкоторые изъ вѣнковъ замѣчательны тѣмъ, что у нихъ по срединѣ находится προμετωπίδιον (Boeckh, Staatshaushaltung, Th. II, p. 321) съ изображеніемъ то бога солнца, то головы Горгоны, или же отпечатка монеты съ ликомъ того или другаго правителя. Мѣткое описаніе этихъ вѣнковъ находимъ мы въ словахъ Светонія (Domit. 4): „certamini praesedit ...capite gestans coronam auream cum effigie Iovis ac Iunonis Minervaeque, assidentibusque Diali sacerdote et collegio Flavialium pari habitu, nisi quod illorum coronis inerat et ipsius imago".

Изданіе одного изображенія на вазѣ (Stephani, Vasensammlung der Kais. Eremitage № 1603) побуждаетъ къ основательному изслѣдованію роскошнаго одѣянія киеародовъ, о которомъ упоминается и у древнихъ писаталей (напр. Ovid. Fast. II, 105. Apul. Flor. II, 15. Lu-

cian adv. indoct. 8). Обращаясь потомъ къ изслѣдованію статуи Аполлона, изваянной Скопасомъ и поставленной Августомъ въ храмѣ Палатинскомъ въ память побѣды при Акціумѣ, г. Стефани перечисляетъ всѣ тѣ монеты, на которыхъ изображена эта знаменитая статуя. Надписи: Apollini Actio, Act., Apollini Augusto, Apollini Palatino несомнѣнно доказываютъ, что большинство этихъ монетъ изображаютъ одно и то же произведеніе искусства. Тѣмъ не менѣе Аполлонъ изображенъ то быстро стремящимся впередъ, то спокойно стоящимъ съ палочкой для игры на струнахъ, или съ жертвенною чашей въ правой рукѣ.

Что оригиналъ статуи Аполлона изображаетъ этого бога облаченнымъ въ длинное одѣяніе и играющимъ на струнахъ, а не дѣлающимъ возліяніе, это ясно видно изъ словъ Проперція (II, 23,15): „Pythius in longa carmina veste sonat", подтвержденіемъ коихъ служатъ изображенія на вазахъ и Аполлонова статуя въ Ватиканѣ. Что же касается монетъ, то г. Стефани доказалъ на убѣдительномъ примѣрѣ, что чеканщики, желая изобразить какое либо произведеніе искусства, даже въ томъ случаѣ, когда оригиналъ былъ у нихъ на глазахъ, не работали съ совѣстливою точностью копировальщиковъ, но въ снимкахъ своихъ придерживались лишь основной мысли оригинала, предаваясь въ воспроизведеніи его самымъ безграничнымъ порывамъ собственнаго воображенія. Вслѣдствіе этого нельзя по однимъ изображеніямъ на монетахъ составить себѣ правильнаго понятія о самой статуѣ, если не будетъ на лице другихъ болѣе вѣскихъ доказательствъ.

Главное изслѣдованіе въ изданіи г. Стефани (стр. 161—198) поучительно не только по строгому способу изложенія, но и самымъ содержаніемъ своимъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ любителей классической древности.

Колоссальная статуя Зевса изъ золота и слоновой кости работы Фидія въ храмѣ Олимпіи считалась въ искусствѣ Грековъ лучшимъ и благороднѣйшимъ олицетвореніемъ величія высшаго божества. Статуя эта, воплощавшая свѣтлое и достойное понятіе о божествѣ, была предметомъ столь усерднаго поклоненія, что составилось повѣрье о невозможности умереть блаженнымъ, не увидавъ Фидіева Зевса. Впечатлѣніе, производимое этою статуею, было до того обаятельно, что даже одинъ изъ римскихъ полководцевъ позднѣйшаго времени почувствовалъ при видѣ ея благоговѣйный трепетъ. Такъ говоритъ Ливій объ Эмиліи Павлѣ (XLV, 28): „Iovem velut praesentem intuens motus animo est".

Это всеобщее поклоненіе, вдохновлявшее многихъ писателей, ясно указываетъ на то, что и художники раздѣляли его и потому, при изваяніи головы Зевса, старались, болѣе или менѣе удачно, подражать разъ на всегда созданному типу великаго мастера. Поэтому мы тогда только можемъ себѣ составить приблизительно вѣрное понятіе о статуѣ Зевса, если съумѣемъ исключить изъ сохранившихся до нашего времени копій все, что внесено самими художниками чужаго въ идеалъ Фидія, смотря по степени развитія вкуса и способностямъ каждаго изъ нихъ.

Сохранился разказъ неоднократно повторявшійся, будто Фидій, при изваяніи своего Зевса, былъ вдохновленъ стихами Гомера, въ коихъ воспѣвается этотъ богъ. Страбонъ пишетъ (VIII, стр, 354): ἀπομνημονεύουσι δὲ τοῦ Φειδίου, διότι πρὸς τὸν Πάναινον εἶπε πυνθανόμενον πρὸς τί παράδειγμα μέλλοι ποιήσειν τὴν εἰκόνα τοῦ Διός, ὅτι πρὸς τὴν Ὁμήρου δι' ἐπῶν ἐκτεθεῖσαν τούτων·

ἦν καὶ κυανέῃσιν ἐπ' ὀφρύσι νεῦσε Κρονίων·
ἀμβρόσιαι δ' ἄρα χαῖται ἐπερρώσαναο ἄνακτος
κρατὸς ἀπ' ἀθανάτοιο· μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὄλυμπον.

Это описаніе, быть можетъ, и вымышленное, приводитъ къ слѣдующему заключенію: во первыхъ, голова божества была покрыта густыми волосами, развѣвавшимися на подобіе волнъ, и во вторыхъ брови рѣзко выступали, что, казалось, должно было изображать благосклонное киваніе головы (ἐπινεύειν). Слѣдовательно въ каждой копіи головы Зевса, въ которой мы захотѣли бы найти подобіе Фидіева творенія, мы должны прежде всего искать изображеніе этихъ двухъ характеристическихъ чертъ.

Эти двѣ освбенности встрѣчаются въ извѣстной громадной статуѣ Зевса, пейденной близъ города Отриколи, нынѣ хранящейся въ Ватиканѣ, Поэтому нѣкоторые археологи, напримѣръ, Эмилій Браунъ (Kunstmythologie, S. 7), придавали ей чрезмѣрно большое значеніе и считали ее болѣе всѣхъ другихъ копій подходящею къ оригиналу. Браунъ (Künstlergeschichte I, 201) даже называетъ ее хорошей копіей великаго произведенія. Но при этомъ совсѣмъ упускалось изъ виду, что это произведеніе римское и въ немъ главныя черты оригинала слишкомъ преувеличены, а потому и искажены. Макробій (Saturn. V, 13,23) впадаетъ въ ту же ошибку, говоря по поводу вышеприведеннаго разказа Страбона: Phidias rcspondit... de superciliis et crinibus totum se Iovis voltum collegisse. На головѣ Зевса изъ Отриколи, вмѣсто человѣческихъ волосъ, дикая, надъ лбомъ взъерошенная львиная грива,

а вмѣсто выдающихся бровей—къ верху съуживающійся лобъ съ четырьмя выпуклостями. Такое подобіе животнаго было совершенно чуждо произведенію Фидія и выработалось постепенно вслѣдствіе упадка вкуса. Поэтому мы должны совершенно уничтожить въ своемъ воображеніи представленіе о Зевсѣ Отриколи, если хотимъ имѣть настоящее понятіе объ оригиналѣ.

Недавно Овербекъ нашелъ совершенно иной способъ, чтобы прійдти къ вѣрному понятію о Зевсѣ Фидія. Онъ полагаетъ, что открылъ точный снимокъ этого великаго произведенія на одной бронзовой монетѣ временъ Адріана. На ней голова Зевса изображена съ гладкими волосами, падающими на плечи, съ узкою густою бородою и съ совершенно отвѣснымъ профилемъ. Все изображеніе не оставляетъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ проявлялось то стремленіе подражать старинѣ, которому Адріанъ такъ покровительствовалъ и въ литературѣ (Ciceroni Catonem, Vergilio Ennium, Sallustio Caelium praetulit. Spartian. Hadr. 16). Вѣроятно, по случаю пребыванія императора въ Олимпіи, какой нибудь художникъ вырѣзалъ это клеймо, съ сознательнымъ намѣреніемъ, какъ будто облагородить стиль Фидія. Но скульптуры въ Пареенонѣ, оживленность которыхъ совершенно чужда всякой неокругленности и строгости въ параллеляхъ, дѣлаютъ невозможнымъ приписывать Фидію подобное произведеніе, которымъ никогда не восхищались бы Греки четвертаго вѣка.

Послѣ того, что г. Стефани такимъ образомъ считаетъ попытки возсоздать произведеніе Фидія неудавшимися, онъ самъ указываетъ путь къ достиженію цѣли. Фридлендеръ познакомилъ насъ въ мѣсячныхъ отчетахъ Берлинской академіи наукъ (1874 г. стр. 500) съ двумя серебряными монетами V вѣка, чеканенными въ Элидѣ, изъ которыхъ болѣе древняя вѣроятно появилась не задолго до Фидія, когда еще не было подорвано вліяніе старой школы, отличавшейся строгостью очертаній. Другая монета съ надписью FALEION изображаетъ благообразную голову Зевса, съ волнистыми волосами, покрытую вѣнкомъ. Брови сильно очерчены, но безъ преувеличенія, подобно упомянутымъ римскимъ подражаніямъ. И такъ мы можемъ въ этомъ маленькомъ произведенія искуства видѣть копію съ знаменитаго оригинала, вѣрную въ главныхъ чертахъ, потому что она появилась въ Элидѣ, во времена Фидія, имѣетъ необходимые характеристическіе признаки и наконецъ совершенно соотвѣтствуетъ стилю Фидія, на сколько мы его знаемъ.

Но эта монета вслѣдствіе миніатюрности изображенія можетъ дать только очень неопредѣленное представленіе о великолѣпіи уничтоженнаго произведенія искусства. Тутъ какъ нельзя болѣе кстати является счастливое открытіе прозорливаго ученаго. Между сокровищами Эрмитажа находится мраморная голова Зевса (Guédéonoff. Sculpture ant. de l'Eremitage № 194), которая привезена вмѣстѣ съ коллекціей Брауна (Lyde Brown). Она появилась во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., на что указываетъ обозначеніе зрачковъ. Въ ней ничего нѣтъ общаго съ извѣстнымъ типомъ римскаго Юпитера, но на ней отразились: изящная красота и благородное достоинство; въ ея очертаніяхъ полная оживленность соединена съ выраженіемъ силы, величія и тихой кротости. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою не работу римскаго издѣлія, а копію съ греческаго оригинала временъ высшаго процвѣтанія искуства, вышедшую изъ опытныхъ рукъ.

Хотя благородная простота и неподражаемая тонкость величайшаго греческаго ваятеля не переданы вполнѣ точно, но въ обработкѣ головы еще довольно изящества и красоты, чтобы при видѣ этой копіи восхищаться оригиналомъ.

Что этотъ образецъ дѣйствительно былъ подраженіемъ Зевсу Фидія видно изъ многихъ обстоятельствъ. Голова украшена вѣнкомъ изъ оливковыхъ листьевъ какъ у Зевса Олимпійскаго (Paus. V, II, I, στέφανος δὲ ἐπίκειταί οἱ τῇ κεφαλῇ μεμιμημένος ἐλαίας κλῶνας· ἐν μὲν δὴ τῇ δεξιᾷ φέρει Νίκην ἐξ ἐλέφαντος καὶ ταύτην καὶ χρυσοῦ) и, какъ у него, слегка обращена вправо къ богинѣ побѣды, стоящей на десницѣ. Далѣе мраморная голова согласуется съ вышеприведенными словами Гомера: волнистые волосы густо падаютъ съ широкаго, благороднаго лба и брови рѣзко, но не безмѣрно, выдаются.

Наконецъ сходство въ обработкѣ волосъ и бороды, въ очертаніи лба и губъ съ головой, изображенной на монетѣ, о которой сообщалъ Фридлендеръ, неоспоримо. И потому мы не задумываемся считать открытіе г. Стефани очень счастливымъ и согласны съ нимъ, что въ этой чудесной мраморной головѣ можно найти отблескъ творенія Фидія и восхищаться имъ. Превосходная свѣтопись (Атласъ, табель VI) въ натуральную величину даетъ читателю вѣрное понятіе о достопримѣчательной головѣ, прекрасной по своему отношенію къ погибшему образцовому произведенію Фидія.

Э. Шульце.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Общество Любителей Древней Письменности имѣетъ цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи и перепечатывать книги, сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью, безъ исправленій.

Памятники, изданіе которыхъ входитъ въ кругъ занятій Общества по своему содержанію образуютъ семь отдѣловъ:

1) Рукописи Св. Писанія съ лицевыми изображеніями и безъ оныхъ, но лишь въ точныхъ снимкахъ; отдѣльныя житія святыхъ, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія,
2) Учебники стараго времени, какъ-то: букварн, грамматики, цифирное искусство и проч.; теоретическія статьи по разнымъ наукамъ и художествамъ; трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.
3) Рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городовъ и монастырей, хожденія и путешествія, древніе карты, планы и рисунки.
4) Историческія сочиненія и переводы, лѣтописи съ лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцевъ и т. д.
5) Рукописи, содержащія въ себѣ произведенія словесности, не исключая и народной, какъ-то: повѣсти, легенды, сборники пѣсенъ и басенъ, драматическія произведенія и т. п.
6) Кромѣ рукописей съ лицевыми изображеніями по предыдущимъ отдѣламъ, вообще рукописи съ лицевыми изображеніями, но предназначаемыя для точнаго и роскошнаго ихъ воспроизведенія.
7) Отдѣльные листы, воспроизводимые посредствомъ свѣтописи или гравированія, по всѣмъ вышеупомянутымъ отдѣламъ.

Изданія за 1877 годъ.

I. Краткое описаніе двадесятъ монастырей, обрѣтающіяся во Святой горѣ Аѳонской.

II. Собраніе гравированныхъ изображеній иконъ Божіей Матери съ сказаніями о нихъ.

III. Челобитная дьяка ямскаго приказа Всполохова.
IV. Житіе Алексѣя митрополита.
V. Римскія дѣянія, 1-й выпускъ: предисловіе и текстъ.
VI. Мудрость четвертая: Мусика.
VII. Новгородскія грамоты.
VIII. Азбука гражданская съ нравоученіями, правлена рукою Петра Великаго.
IX. Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи въ Емесѣ.
X. Слова Іоанна Златоустаго на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи и о добрыхъ и злыхъ женахъ.
XI. Службы Іоанну Предтечи.
XII. Слово на Благовѣщеніе Іоанна Дамаскина.
XIII. Синодикъ Дѣдовской пустыни Тотемскаго уѣзда.
XIV. Азбука Словенскаго языка.
XV. Сборникъ съ лицевыми изображеніями и съ крюковыми помѣтами «На рѣкахъ Вавилонскихъ».
XVI. Описаніе Антіоха Великаго о звѣрехъ нарицаемыхъ Стефанита да Ихнилата, 1-й выпускъ: введеніе и текстъ.

Изданія за 1878 годъ.

XVII. Засѣданіе въ книжной палатѣ 18-го Февраля 1627 года по поводу исправленій катихизиса Лаврентія Зизанія.
XVIII. Философія Христофоровича.
XIX. Сказаніе о иконѣ Божіей Матери, писанной св. Лукою.
XX. Риторическая рука Стефана Яворскаго.
XXI. Житіе Іоанна Богослова по рукописи XV вѣка съ греческимъ текстомъ по рукописи 1022 г.
XXII. Отдѣльные листы, содержащіе: факсимиле гравированныхъ и рукописныхъ рамокъ изъ древнихъ рукописей; изображеніе суда царя Соломона; преподобнаго Евфимія; знамя гетмана Сапѣги и сказанія о морѣ и раѣ.
XXIII. Житіе Іоанна Богослова съ лицевыми изображеніями XVII вѣка.
XXIV. Чинъ постриженія и погребенія иноковъ: факсимиле пергаминной рукописи XIII вѣка.
XXV. Законъ Винодольскій 1288 г. и острова Крка (Veglia) 1388, пергаминныя рукописи, писанныя хорватскою глаголицей.
XXVI. Хронографъ Георгія Амартола.
XXVII. Сказаніе Антіоха Великаго о звѣрехъ нарицаемыхъ Стефанита да Ихнилата, 2-й и послѣдній выпускъ: текстъ и примѣчанія.
XXVIII. Житіе Николая Чудотворца, съ лицевыми изображеніями.
XXIX. Повѣсть о семи мудрецахъ.
XXX. Сказаніе о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери.
XXXI. Описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ.
XXXII. Синодикъ Холмогорскій.
XXXIII. Римскія дѣянія, 2-й и послѣдній выпускъ: текстъ и указатель.

Изданія на 1879 годъ.

XXXIV. Житіе Матвѣя Прозорливаго, съ лицевыми изображеніями.
XXXV. Стефанитъ и Ихнилатъ, по рукописи Румянцевскаго музея, съ признаками сербскаго происхожденія, XV в.
XXXVI. Житіе Дмитрія царевича съ лицевыми изображеніями.
XXXVII. Житіе Василія и Өеодора съ лицевыми изображеніями.
XXXVIII. Шемякинъ судъ, факсимиле текста и 12 гравюръ.
XXXIX. Житіе Нифонта съ лицевыми изображеніями.
XXXL. Факсимиле отрывка изъ Супрасльской мартовской Четьи-Минеи.
XLI. Житіе Варлаама Хутынскаго, въ двухъ редакціяхъ.
XLII. Исторія о Мелюзинѣ королевнѣ и о чудныхъ ея дѣтяхъ и о городѣ Лозанѣ.
XLIII. Ариөметика.
XLIV. Уставъ княжества Полійскаго. Писанъ босанскою кириллицей.
XLV. Слово о явленіи иконы Өеодоровскія.
XLVI. Житіе преподобнаго Филиппа Ирапскаго, составленное Германомъ.
XLVII. Житіе и завѣщаніе патріарха Іоакима.
Магакатьяяна и Чандапрадьота. Переводъ тибетской редакціи «О снахъ царя Индѣйскаго».

Отъ имени Общества, на средства Т. С. Морозова, издается «Изборникъ Святослава» (рукопись XI вѣка, 1073 года, на пергаминѣ, въ большой листъ 532 страницы, хранящаяся въ Московской синодальной библіотекѣ).

Сверхъ того, Общество издаетъ отчетъ съ приложеніями, въ которыхъ помѣщаются: описаніе рукописей по всѣмъ отдѣламъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ, протоколы и годовые отчеты комитета Общества, варіанты, поясненія, исправленія и указатели къ изданіямъ, напечатаннымъ Обществомъ въ теченіе года, а также библіографическія свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ старинныхъ текстовъ у насъ и на западѣ.

Эти приложенія къ изданіямъ Общества, составляющія отчетный отдѣлъ, подъ именемъ «Памятниковъ древней письменности», на основаніи постановленія общаго собранія 10-го ноября 1877 года, издаются въ числѣ 600 экземпляровъ.

Подписная цѣна за *годовой* экземпляръ изданій общества 200 р.; библіотекамъ же высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній предоставляется пріобрѣтать, не болѣе какъ по одному экземпляру для каждой библіотеки, съ платою по 80 р. въ годъ.

Въ число изданій за 1878 годъ за вышеозначенный взносъ входятъ:

«Отчетъ о дѣятельности Общества за 1877 годъ», съ 16-ю приложеніями и 5-ю фотолитографическими факсимиле.

«Протоколъ годоваго собранія 25-го апрѣля 1878 г.» съ 3-мя приложеніями.
«Жизнь и Труды П. М. Строева» сост. Н. П. Барсуковъ.
Памятники Древней Письменности (докладъ Комитета 16-го декабря 1878 г., съ 11-ю приложеніями и 5-ю литографическими факсимиле).

Подписка, а равно и заявленія по дѣламъ Общества, принимаются по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, домъ графа Шереметева.

Иногородные, непосредственно обращающіеся въ Общество по вышеозначенному адресу, за пересылку не платятъ.

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга поступили въ продажу слѣдующія изданія общества любителей древней письменности:

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ,

съ 5-ю литографированными факсимиле.

СОДЕРЖАНIЕ: **Архивъ славянской филологіи, князя *П. П. Вяземскаго*.— Біографія Юрія Крижанича *П. О. Морозова*.—Историческія свидѣтельства о славянской народной поэзіи, его же.—О литературной исторіи «Физіолога». князя *П. П. Вяземскаго*.—Сборникъ повѣстей скорописи XVII вѣка, *Ѳ. И. Булгакова*.—Сказаніе о страстяхъ Господнихъ, его же.—Историческое развитіе русскаго искусства.—Литература средневѣковыхъ романскихъ текстовъ за 1875—76 годъ.—Палеографическое собраніе князя П. А. Путятина, *А. Н Виноградова*. — Фотографическіе снимки со старинныхъ вещей Ипатьевскаго монастыря. Цѣна 4 р.**

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЗА 1877 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНIЕ: **Описаніе 16-ти изданій общества; 5 литографическихъ факсимиле; статьи князя *П. П. Вяземскаго*: «О значеніи русскихъ лицевыхъ изображеній» и «О древней музыкѣ», съ приложеніемъ проекта Бортнянскаго о введеніи въ Россіи крюковаго пѣнія. Цѣна 3 р.**

Стефанитъ и Ихнилатъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Ѳ. П. Булгакова*. Цѣна 5 р.

Жизнь и труды П. М. Строева. *Н. Барсукова*. Цѣна 5 руб.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разослана подписчикамъ II-я, ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Крестьяне при Екатеринѣ II. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія.—II. Польское возстаніе въ 1863—1864 гг. Записки Н. В. Берга: выходъ повстанцевъ изъ Варшавы. — Ночь на 12-е января: нападенія на русскихъ въ различныхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Царства.—Солдатскій спектакль въ Ендржеевѣ.—Занятіе гор. Бялы.—Похожденія различныхъ бандъ и ихъ довудцевъ. — Крашевскій.—Бѣлые присоединяются къ возстанію.—Лангевичъ.—Русскіе плѣнники въ его лагерѣ. — Пустовойтова и проч.—III. Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура въ 1857—1858 гг. (окончаніе).—IV. Первый кадетскій корпусъ въ 1813—1825 гг. —V. Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ, 1850—1858 гг. Сообщ. А. Д. Галаховъ.—VI. Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г. — VII. Русскіе люди и дѣла въ 1850—1851 гг., изъ дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе.—VIII. Дневникъ А. И. Храповицкаго, инспектора репертуара россійской труппы, 1829—1839 гг.—IX. Къ исторіи тюремъ и каторги въ Россіи.—X. Библіографическій листокъ.

При этой книгѣ приложенъ портретъ статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго († 1877 г.), рисовалъ К. О. Брожъ. Гравировалъ въ Ниццѣ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ (десятый годъ) изд. 1879 г. принимается: въ Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1879 г. *непремѣнно* при каждой книгѣ) восемь руб. съ пересылкой.

Можно получить: «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 г. (съ десятью гравированными на мѣди и на деревѣ портретами) и 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами. Цѣна за каждый годъ восемь руб. съ пересылкой.

М. Семевскій.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія. СТРАН

Высочайшіе приказы.

Министерскія распоряженія.

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994